

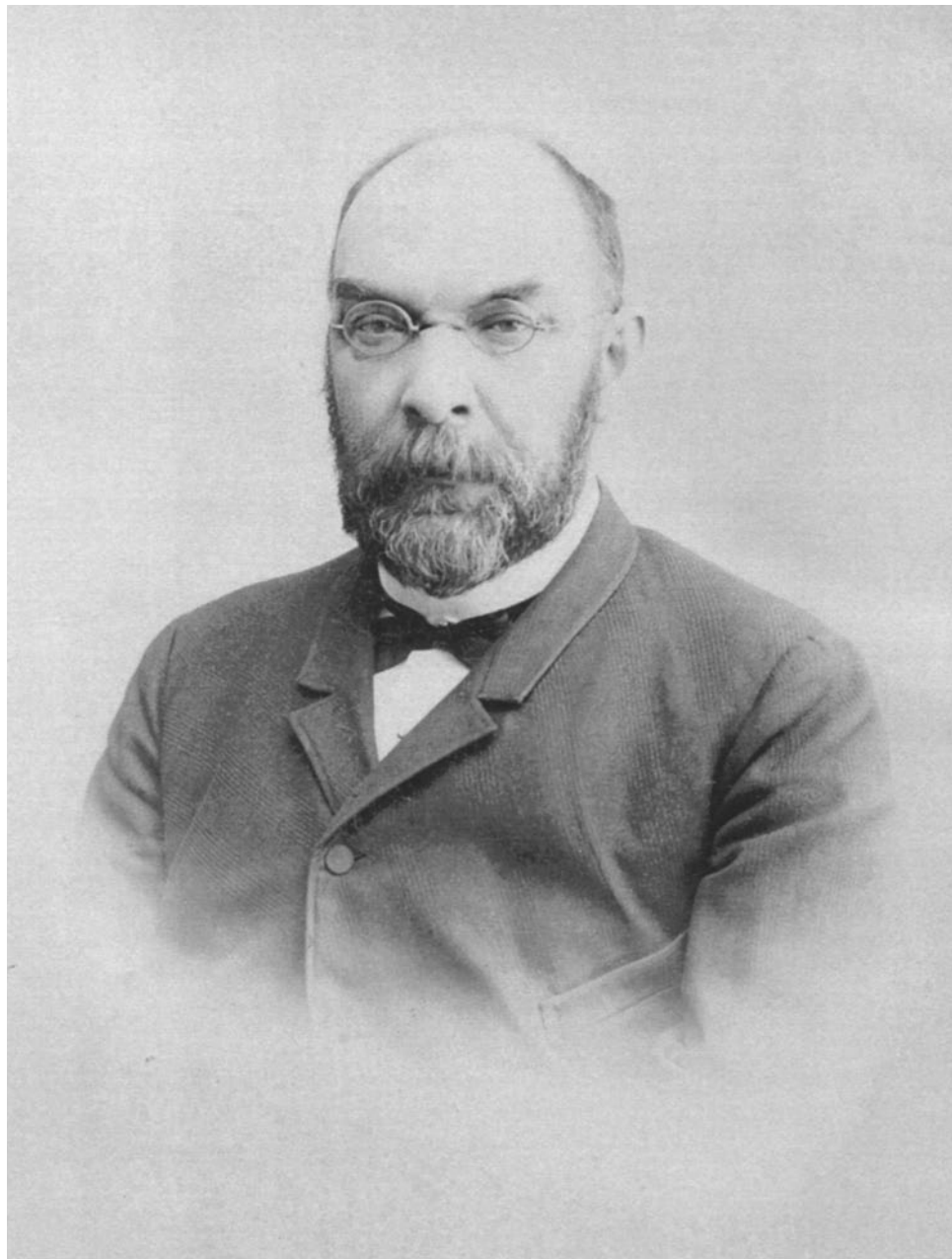

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VI
Книга 2

С. В. СМОЛЕНСКИЙ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Д. В. АЛЛЕМАНОВ, Ю. К. АРНОЛЬД,
С. С. ВОЛКОВА, Н. И. КОМПАНЕЙСКИЙ,
В. М. МЕТАЛЛОВ,
А. В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
Д. В. РАЗУМОВСКИЙ, Л. А. САККЕТТИ,
В. В. СТАСОВ, С. И. ТАНЕЕВ,
Н. Ф. ФИНДЕЙЗЕН, П. И. ЧАЙКОВСКИЙ,
А. Г. ЧЕСНОКОВ, П. Г. ЧЕСНОКОВ
И ДРУГИЕ

С. В. Смоленский. Фото П. Барбашова. Москва. 1901

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VI

Книга 2

С. В. СМОЛЕНСКИЙ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Переписка с С. С. Волковой, Д. В. Разумовским,
А. В. Преображенским, В. М. Металловым,
С. И. Танеевым, П. И. и М. И. Чайковскими

Письма к С. В. Смоленскому разных лиц

Подготовка текста, вступительные статьи, комментарии

М. П. Рахманова

Научный консультант

А. А. Наумов

Москва
2010

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VI. С. В. Смоленский и его корреспонденты: Переписка с С. С. Волковой, Д. В. Разумовским, А. В. Преображенским, В. М. Металловым, С. И. Танеевым, П. И. и М. И. Чайковскими. Письма к С. В. Смоленскому разных лиц. Кн. 2 / Гос. ин-т искусствознания; Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой; Научный консультант А. А. Наумов. — М.: Знак, 2010. — 888 с., ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 978-5-9551-0401-0

В шестом томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» публикуется переписка С. В. Смоленского: в первой книге — с графом С. Д. Шереметевым и К. П. Победоносцевым; во второй книге — с С. С. Волковой и представителями художественного, музыкального и церковно-певческого мира.

Историко-культурная ценность переписки Смоленского исключительно велика, и круг его корреспондентов максимально широк: от мальчиков-учеников до высших лиц государства; столь же разнообразны темы, затрагиваемые в переписке с разными лицами.

Если в первой книге тома корреспонденты Смоленского представлены фигурами крупных общественных деятелей, то во второй книге — фигурами музыкальных (преимущественно церковно-музыкальных) деятелей. Первый раздел содержит переписку с С. С. Волковой, далее следует пять двухсторонних переписок: с Д. В. Разумовским, П. И. и М. И. Чайковскими, С. И. Танеевым, А. В. Преображенским, В. М. Металловым; в заключительном разделе представлена обширная (более двух десятков адресатов) подборка писем к Смоленскому разных лиц (духовные лица, деятели русского искусства, ученые, композиторы, ученики).

Совокупность текстов, представленных в двух книгах VI тома серии, создаст у читателя представление не только о богатстве личности Смоленского, не только об удивительном многообразии его научной и практической деятельности, но и о том подчас определяющем влиянии, какое оказывал он и на судьбы людей, и на судьбы идей, носителями которых были люди, встреченные им на жизненном пути.

БК 85.318

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ. Том VI

С. В. СМОЛЕНСКИЙ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Переписка с С. С. Волковой, Д. В. Разумовским, А. В. Преображенским, В. М. Металловым, С. И. Танеевым, П. И. и М. И. Чайковскими. Письма к С. В. Смоленскому разных лиц

Книга 2

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова. Оператор Е. Зуева. Оригинал-макет подготовлен А. Вигилянской

Подписано в печать 12.02.2010. Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Mysl.

Усл. печ. л. 71,595. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435. Тел.: 951-27-39.

E-mail: Lrcphouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оглавление

Вступительная статья	7
----------------------------	---

Переписка с С. С. Волковой

«Что за чудная, что за добрая и умная девушка!»	13
Переписка	31
Приложения:	
1. С. С. Волкова. О древнерусских церковных напевах и о значении их для будущности русского музыкального искусства. . .	349
2. С. С. Волкова. Предисловие к Воспоминаниям С. В. Смоленского .	360
3. Письмо А. И. Смоленской к С. С. Волковой	372

Переписка с Д. В. Разумовским

Отец Димитрий Разумовский: священник и ученый	377
Переписка	393

Переписка с А. В. Преображенским

Вступительная статья	447
Переписка	455

Переписка с В. М. Metalловым

Вступительная статья	549
Переписка	553

Переписка с С. И. Танеевым

Вступительная статья	609
Переписка	615

Переписка с П. И. и М. И. Чайковскими

Вступительная статья	669
Переписка	673

Письма к С. В. Смоленскому разных лиц

Письмо митрополита Михаила Сербского	685
Письмо епископа Александра (Светлакова)	687
Письма епископа Илариона (Юшенова)	689
Письмо епископа Никанора (Каменского)	693
Письма священника М. И. Щетнева	695
Письма Ю. К. Арнольда	697
Письма Н. И. Компанейского	703
Письма Уильяма Джона Биркбека	729
Письма Д. В. Аллеманова	735
Письмо В. М. Васнецова	767
Письмо В. В. Стасова	769
Письмо С. Н. Кругликова	771
Письма Л. А. Саккетти	773
Письма Н. Ф. Финдейзена	781
Письма Н. С. Кленовского	795
Письмо Е. Э. Линевой	799
Письма В. И. Ребикова	801
Письма С. В. Панченко	811
Письма П. Г. Чеснокова	815
Письма А. Г. Чеснокова	829
Письма П. Н. Толстякова	839
Именной указатель	851

Вступительная статья

Во вступлении к публикации Воспоминаний Смоленского (РДМ. Т. IV) уже была дана краткая характеристика его огромного эпистолярного наследия: упомянуты основные хранилища (РГИА и РГБ, а также РГАЛИ, РГАДА, РНБ, Дом-музей П. И. Чайковского в Клину, ОПИ ГИМ, ГЦММК имени М. И. Глинки и проч.), названы основные документы.

Шестой том серии (в двух книгах) целиком посвящен переписке Смоленского. Как упоминалось в предисловии к первой книге тома, главными в его наследии можно считать три очень большие по объему переписки — с С. А. Рачинским, С. Д. Шереметевым, С. С. Волковой. Переписка с Шереметевым публикуется в первой книге вместе с исключительно важной по смыслу, хотя и относительно небольшой перепиской с К. П. Победоносцевым; подготовка переписки с Рачинским также входит в планы серии РДМ.

Если в первой книге тома корреспонденты Смоленского представлены фигурами крупных общественных деятелей, то во второй книге — фигурами музыкальных (преимущественно церковно-музыкальных) деятелей. Первый раздел содержит переписку с С. С. Волковой (о которой уже шла речь во вступлении к тому в целом и которой посвящается нижеследующая отдельная статья), далее следует пять двухсторонних переписок: с Д. В. Разумовским, А. В. Преображенским, В. М. Металловым, С. И. Танеевым, П. И. и М. И. Чайковскими; в заключительном разделе представлена обширная (более двух десятков адресатов) подборка писем к Смоленскому разных лиц.

Состав книги требует некоторых комментариев.

Двухсторонних переписок в наследии Смоленского сохранилось не так уж много: кроме названных выше, упоминания заслуживает, несомненно, переписка с издателем «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзенем. Она не включена в данный том, во-первых, ввиду очень большого объема текстов, а во-вторых и в-главных, потому что ныне ведется планомерная публикация документов Финдейзена (подготовка к печати осуществляется музыковедом М. Л. Космовской), и в частности письма Финдейзена к Смоленскому и ответные письма приводятся в примечаниях к изданию Дневников Финдейзена (в самих Дневниках довольно подробно освещается то, о чем идет речь в этой переписке); все же несколько писем Финдейзена приводится, для полноты картины, в разделе «Письма к С. В. Смоленскому разных лиц».

Включенные в том двухсторонние переписки содержат, за небольшим исключением, никогда не публиковавшиеся материалы. Исключение составляют письма П. И. Чайковского, напечатанные в Полном собрании сочинений композитора, но при этом письма Смоленского к Чайковскому, а также к его брату Модесту Ильичу до сих пор оставались неопубликованными. Переписка Смоленского с

С. И. Танеевым впервые увидела свет в альманахе Музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки «Новое о Танееве» (М., 2006), в настоящее издание включены пропущенные при первой публикации документы и дополнены комментарии. Каждой из пяти переписок сопутствует вступительная статья, в которой освещается история отношений Смоленского с данным корреспондентом.

Гораздо более трудной оказалась проблема отбора документов для раздела «Письма к С. В. Смоленскому разных лиц»: самый простой подсчет таковых лиц дает цифру, далеко переходящую за сотню. При этом речь идет не о частной, семейной переписке, а именно о переписке деловой либо дружеской, но имеющей непосредственное отношение к деятельности Смоленского.

Адресатов, представленных в подборке, можно условно разделить на несколько «категорий-рубрик».

Во-первых, *духовные лица*: эта рубрика представлена именами митрополита Сербского Михаила и трех русских епископов — Александра (Светлакова), Никанора (Каменского) и Илариона (Юшенова). Напоминаем, что письмо еще одного епископа — Сергия (Страгородского), в будущем патриарха — находится в комментариях к переписке Смоленского с Шереметевым в первой книге. К этой рубрике примыкают письма единоверческого священника Михаила Щетнева, одного из справщиков синодальных книг на квадратной ноте.

Далее в подборку включены письма крупных *деятелей русского искусства* — В. В. Стасова и В. М. Васнецова.

Самые обширные разделы в эпистолярном наследии Смоленского составляет переписка с *композиторами* и с *учениками*, причем рубрики эти — «пересекающиеся». Среди композиторов, с которыми переписывался Смоленский, представлены самые крупные имена: П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, С. И. Танеев и далее — идя по алфавиту — А. С. Аренский, С. Н. Василенко, А. Т. Гречанинов, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. С. Кленовский, А. Н. Корещенко, С. М. Ляпунов и другие, а среди собственно церковных авторов — Д. В. Аллеманов, Г. Я. Извеков, А. Д. Кастальский, Н. И. Компанейский, А. В. Никольский, С. В. Панченко, Д. М. Яичков и другие. Восемь писем Рахманинова давно опубликованы в собрании его писем; единственное краткое письмо Римского-Корсакова впервые увидело свет совсем недавно¹; письма Кастальского полностью напечатаны в посвященном ему V томе РДМ (вместе с некоторыми сохранившимися письмами Смоленского в комментариях); многочисленные письма Гречанинова к Смоленскому (к сожалению, письма Смоленского к этому адресату не разысканы) будут опубликованы в собрании архивных материалов композитора, которое ныне готовится в стенах Музея музыкальной культуры.

¹ См.: Н. А. Римский-Корсаков в Капелле: письма композитора к С. В. Смоленскому и С. Д. Шереметеву // Римский-Корсаков. Сб. статей / Петербургский музыкальный архив. Вып. 7. СПб., 2008. С. 276—284. Публикация М. П. Рахмановой.

В данный раздел вошли *избранные письма* нескольких композиторов — Аллеманова, Кленовского, Компанейского, Панченко, Ребикова; критерием отбора при этом служила содержательность корреспонденции.

Среди множества писем учеников к Смоленскому для публикации выбраны письма любимых его воспитанников, замечательных музыкантов и композиторов — Павла и Александра Чесноковых и Павла Толстякова, причем именно «ученические» письма, относящиеся к эпохе их вхождения в жизнь, их становления как самостоятельных деятелей.

Важную рубрику среди корреспондентов Смоленского составляют *ученые*, чья деятельность была так или иначе связана с проблематикой церковного пения: Ю. К. Арнольд, И. В. Биркбек, С. Н. Кругликов, Е. Э. Линева, Л. А. Саккетти. Этим перечнем, разумеется, не исчерпывается переписка с данным кругом лиц; в числе имен ученых можно назвать, например, С. К. Булича, И. И. Вознесенского, А. Н. Карасева, С. Г. Рыбакова, А. Д. Рязжского, Ж. Тибо, О. фон Риземана. Однако напоминаем, что в разделе двухсторонних переписок представлены трое крупнейших исследователей — Разумовский, Преображенский, Металлов.

В разделе «Письма к С. В. Смоленскому разных лиц» особую трудность составляла неравномерность разных групп писем: кто-то представлен одним-двумя посланиями, а кто-то большими собраниями документов. Здесь приходилось опять же исходить из смыслового фактора: например, письма Аллеманова, очень интересные по содержанию и замечательные по литературному стилю, вообще не известны, и потому имело смысл дать пространную их подборку; то же самое можно сказать и о письмах Компанейского, которые хотя и публиковались (к другим лицам), но далеко не достаточно. В комментариях в ряде случаев приводятся, хотя бы фрагментарно, сохранившиеся письма Смоленского к данному адресату.

Поскольку столь широкий и разнообразный круг адресатов невозможно охарактеризовать во вступлении к разделу, сведения о том или ином лице и его отношениях со Смоленским помещаются здесь после каждой группы писем.

Надеемся, что совокупность текстов, представленных в двух книгах VI тома серии, создаст у читателя представление не только о богатстве личности Смоленского, не только об удивительном многообразии его научной и практической деятельности, но и о том подчас определяющем влиянии, какое оказывал он и на судьбы людей, и на судьбы идей, носителями которых были люди, встреченные им на жизненном пути. По-видимому, перед нами отличный материал для размышлений на тему «роль личности в истории» (в данном случае — истории русского церковного пения), на тему «что может один человек», если он талантлив, убежден в правоте своего дела и не щадит себя в служении этому делу. Подобная убежденность имеет и оборотную сторону: Смоленский, в пылу своего труда, бывает резок и несправедлив в суждениях о людях и явлениях (в некоторых случаях это приходилось отмечать в комментариях), но, кажется, ныне не представляет особого труда и понять, и извинить его промахи.

Переписка с С. С. Волковой

«Что за чудная, что за добрая и умная девушка!»

Переписка с Софьей Сергеевной Волковой — третья по величине из сохранившихся в наследии Смоленского, она уступает в этом смысле лишь переписке с С. А. Рачинским и с С. Д. Шереметевым. Волкова сохранила почти все адресованные ей письма Степана Васильевича, как сохранила и завещанную ей лично (а на самом деле подаренную еще при жизни автора) полную рукопись Воспоминаний.

Письма Смоленского к Волковой — не только ценнейший исторический и биографический источник. Это, по-видимому, самая «личная» из переписок Степана Васильевича, в ней он чаще, чем в каких-либо иных документах, говорит о своих чувствах и переживаниях. Рачинского Смоленский воспринимал как горячо почитаемого учителя, своего ровесника графа Шереметева — как собеседника по вопросам идеологическим и историческим и в некоторой мере как человека «власть имеющего». Волкова же была значительно младше Смоленского; она была, судя по письмам, женщиной обаятельной по уму, по сердечной чуткости (и по внешности тоже), наконец, она имела серьезное музыкальное образование и продолжала горячо интересоваться музыкой, духовной и светской; в области же церковного пения она могла ощущать себя ученицей Смоленского. Знакомство их состоялось еще в 1890-х, а с начала 1900-х Волкова становится для Степана Васильевича вполне доверенным лицом. В период до 1907 они достаточно часто встречались лично: зимы семья Волковых проводила в Петербурге, иногда Смоленский посещал Волковых в их подмосковном имении Спасское; позже, после смерти матери Софьи Сергеевны, эти встречи становятся более редкими, как менее интенсивной — хотя и не менее теплой — становится переписка: Смоленский был слишком погружен в дела Регентского училища, Софья Сергеевна сначала тяжело болела, потом бывала в Петербурге лишь краткими наездами.

Читая письма Смоленского к Волковой и ее ответные послания, сразу же задаешься вопросом: кем была эта женщина — ведь имя ее сохранилось в истории только благодаря ее отношениям со Смоленским и всего одной сравнительно небольшой статье по музыкальной медиэвистике (см. в Приложении к разделу).

Ко времени их знакомства семья Волковых состояла из трех человек: матери Марии Владимировны, урожденной княжны Львовой (1833—1907), и двух сестер — старшей Марии Сергеевны (1862—1938) и младшей Софьи Сергеевны (1865—1932); их отец, Сергей Сергеевич Волков, скончался в 1882, когда Софье было 17 лет. К моменту женитьбы на М. В. Львовой в 1861 он был предво-

дителем дворянства Клинского уезда, гласным московского земства первого созыва. Хотя фамилия «Волков» звучит не громко, Сергей Сергеевич тоже принадлежал к родовитому дворянству: его дядей был граф Матвей Юрьевич Виельгорский. В статье Смоленского «80 и 60 лет назад», опубликованной в «Русской музыкальной газете» в 1900 и написанной по материалам архива внука Виельгорского — М. А. Веневитинова, С. С. Волков, а также его сестра Е. С. Волкова и другие представители этой семьи упоминаются в перечне участников (певцов, оркестрантов и хористов) аристократических любительских концертов в пользу Патриотического общества в Петербурге в 1838 и 1840, наряду с такими известными деятелями, как М. И. Глинка, В. Ф. Одоевский, Н. М. Потулов (а также многочисленными Львовыми и матерью графа С. Д. Шереметева Анной Сергеевной).

И Смоленский, и Волкова рассказали о своей первой встрече.
Из Воспоминаний Смоленского:

В эту же зиму я... познакомился с одним из очаровательнейших людей — Михаилом Алексеевичем Веневитиновым, допустившим меня к своей библиотеке, где я в два-три приема написал статейку «80 и 60 лет назад». Но я знал Михаила Алексеевича только несколько недель... Нельзя считать за общение наше дальнейшее знакомство, так как больной Михаил Алексеевич был уже получеловек, без языка... В окружавших его родных, до того времени мне совершенно незнакомых, пришлось мне принять участие хотя бы моим сердечным соболезнованием.

Ужасы конца 1900 года в семье Коссииковских сблизили меня с Софьей Сергеевной Волковой, особенно после того, когда я увидал, как умиленно она причастилась в церкви Румянцевского музея, где за несколько дней перед тем были два гроба трагически умерших матери и сына Коссииковских¹. С прелестной семьей Волковых (мать и две дочери) я познакомился давно, но как-то не близко. Теперь, с моим переездом в Санкт-Петербург и после кончины С. А. Рачинского, это знакомство стало теснее. Софья Сергеевна была первая, которой осенью 1900 года я открыл, после уговора с Анютой, мое решение уйти из Синодального училища. Этот тяжелый для меня разговор происходил в библиотеке рукописей. Я помню, что я едва удержался от слез, вдруг представив себе время, как я больше не буду работать в этой библиотеке. Сочувствие Софьи Сергеевны моей горести приблизило меня к ней еще более².

Смоленский говорит не «познакомился», а «сблизился» с Волковой. Знакомство же их относится к значительно более раннему времени, о чем рассказывала Софья Сергеевна:

¹ О печальных событиях в семье сестры М. А. Веневитинова см. в комментариях к письмам.

² РДМ. Т. IV. С. 370.

Моя первая встреча со Смоленским относится ко времени начала расцвета Синодального хора. Но еще до этой встречи имя его было для меня связано с дорогими впечатлениями по церковному пению, однако не столичными, а самыми скромными и захолустными. Имя Смоленского стало мне известно через его цифирную методу. М. А. Веневитинов, директор Румянцевского музея, троюродный брат мой (его дед, граф М. Ю. Виельгорский, и моя бабушка по отцу были брат с сестрой), всячески поощрял мои занятия музыкой и присоветовал мне познакомиться с цифирным изданием Смоленского³. Я приобрела эту книгу, содержащую и всенощную и литургию, и вскоре имела случай убедиться на собственном опыте, на деле в ее полезности. В 1890 и 1891 годах у нас в имении проводили лето детские колонии, то есть мальчиков шестнадцать из московских городских училищ, с двумя учителями. Почти у всех были голоса и слух и большая охота петь, и мы затеяли составить хор для пения в церкви. <...> Только благодаря цифирной методе (нотации) оказалось возможным быстро научить детей нотной грамоте и разучить такие сложные песнопения, как, например, задостойник Турчанинова на Преображение. <...> Я была признательна Смоленскому за его цифирное издание; имя его осталось для меня связанным с этими первыми попытками составить хор (С. 364—365 настоящего тома).

И далее, о встрече и последующем сближении со Степаном Васильевичем:

В эти годы мы зимовали в Петрограде и лишь проездом бывали в Москве. Вспомнив восторженные отзывы одной приятельницы о всенощных, бывших в зале Синодального училища, я воспользовалась одним таким проездом, чтобы зайти в училище и справиться, дозволяют ли присутствие посторонних на этих всенощных. Смоленский вышел в переднюю, и достаточно было назвать любимого им С. А. Рачинского (Рачинский был товарищем по университету брата моей матери, князя В. В. Львова; последний рано умер, но Рачинский сохранил приятельские отношения с родными своего друга), чтобы при этой первой встрече сразу завязалась живая беседа. Оказалось, что всенощных в ту осень не было, но Смоленский пожелал продолжить краткую беседу, коснувшуюся общих добрых знакомых и общих музыкальных интересов. Он побывал у нас в гостинице, где познакомился с моей матерью и сестрой. Велика была моя радость, когда он допустил меня на спевку хора. <...> Сношения мои со Смоленским перешли из чисто музыкальной области на более личные. В конце 1900 года он сам переживал много трудного. Он был удален от должности и принужден покинуть любимое им дело, притом не только Синодальное училище и Синодальный хор, но и находящуюся при училище драгоценнейшую для него библиотеку церковно-певческих рукописей, единственную в России. Об этой грозящей беде он сообщил мне, весь потрясенный, сидя в этой самой библиотеке (С. 365—366 настоящего тома).

---

³ Имеется в виду «Курс хорового церковного пения», созданный Смоленским в рамках его деятельности в Казанской учительской семинарии и впоследствии много раз переиздававшийся.

Софья Сергеевна упоминает о своем родстве по отцу (Виельгорские, Веневитиновы), интересны и ее родственные связи по материнской линии. Здесь в биографии Смоленского снова появляются Львовы — как известно, своим первым настоящим учителем музыки Степан Васильевич считал жившего в Казани Леонида Федоровича Львова, брата директора Придворной капеллы А. Ф. Львова. Но в данном случае речь идет уже о другом, княжеском роде (хотя оба рода Львовых имели общий корень).

Мать Софьи Сергеевны Мария Владимировна Львова происходила из семьи, к которой принадлежало немало выдающихся деятелей, в частности главы Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов. Он приходился Софье Сергеевне двоюродным дядей, хотя по возрасту они скорее могут рассматриваться как двоюродные брат и сестра (1861 и 1865 годы рождения). В своих воспоминаниях Г. Е. Львов пишет о родне:

Первыми, кто расширил нашу тесную жизнь семьи, были, конечно, родственники: семья дяди Федора Алексеевича Мосолова, брата матери, и семья тетки княгини Софьи Алексеевны Львовой, жены покойного старшего брата отца, Владимира. Две семьи совершенно различные по составу и по культуре. <...>

Семья тети Софьи Алексеевны состояла из шести дочерей. При ней жили (речь идет о 1870-х годах, когда семья автора мемуаров на некоторое время переехала в Москву. — М. Р.) — Саша, Анна и Елизавета, и еще жили в Москве три замужние дочери — Софья Оленина, Екатерина Гагарина и только что вернувшаяся из Англии Марья Волкова. Дядя Владимир умер за много лет до того, как семья переехала в Москву. Они много лет безвыездно жили в подмосковной, в селе Спасском, около станции Подсолнечной по Николаевской железной дороге. Оттуда и повышли замуж три старшие сестры.

Дядя Владимир (дед Софьи Сергеевны. — М. Р.) был передовой по своему времени человек. Он служил цензором и был удален со службы за пропуск в печать «Записок охотника» Тургенева, которые считались революционными. И сам он был литератором, новатором в специальной детской и народной литературе. Его перу принадлежат «Серый армяк» и «Сережа найденыш» — рассказы для детей, пользовавшиеся большой известностью, и «Дядя Наум», книжка для народного чтения.

Алексей Толстой, Жемчужниковы были родственниками тети Софьи Алексеевны и часто бывали в Спасском. Тургенев тоже бывал в доме, младшая дочь, Елизавета, с его одобрения напечатала в «Вестнике Европы» повесть «Малиновка». Граф Л. Н. Толстой ухаживал за третьей сестрой, Александрой, и сделал ей предложение. Вообще вся семья была приобщена к литературному миру и к культурной среде⁴.

Прервем цитату, чтобы прокомментировать некоторые факты.

⁴ Львов Г. Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С. 123, 127.

Так, упомянутая Елизавета Владимировна Львова (тетка Софьи Сергеевны), кроме повести, опубликовала также и воспоминания, в которых рассказала о своем детстве в Спасском и о встречах с Алексеем Константиновичем Толстым, который доводился ей дядей (а Софье Сергеевне — двоюродным дедом): их матери, урожденные Перовские, Анна и Софья, были родными сестрами (возможно, Софья Сергеевна была названа в честь бабушки с материнской стороны). Воспоминания Е. В. Львовой о детстве⁵ написаны в беллетризованной форме очень талантливым пером, их стиль, который можно описать как напряженно аналитический, сосредоточенный на потаенной внутренней жизни ребенка, живо напоминает «Детство» А. Н. Толстого, который, как уже упоминалось, делал предложение старшей сестре Елизаветы (возможно, Александра Владимировна Львова послужила и одним из прообразов Кити Щербацкой в «Анне Карениной»).

Из воспоминаний ясно, что семья жила очень и очень скромно, имение находилось в сильно запущенном состоянии (именно так отозвался о Спасском и Смоленский, впервые попав в него). По свидетельству мемуаристки, ее рано умерший отец был человек, «замечательный своими душевными качествами и обширным образованием», человек «слишком идеальных воззрений», которому не везло по службе. Оставшись вдовой, Софья Алексеевна Львова с шестью дочерьми (ее единственный сын умер ранее, чем ее муж) сначала жила в подмосковном Покровском, затем в Спасском и усердно занималась их воспитанием, причем подраставшие старшие сестры учили младших. Так, с Елизаветой занималась обычно Мария, мать Софьи Сергеевны. Вся семья была глубоко религиозной, часто посещала старинную церковь Спасского (где впоследствии венчались родители Софьи Сергеевны), была близка с ее клиром. В воспоминаниях Елизаветы Владимировны ощущается то восторженное преклонение перед сокровищами народной души, которое и подвигло на служение народу друга ее брата — Сергея Рачинского.

Воспоминания Е. В. Львовой о встречах с А. К. Толстым относятся к первой половине 1860-х, когда она сама была подростком, жила с матерью за границей и часто видела своего дядю-поэта, даже служила ему иногда переписчицей⁶. Это тоже талантливо написанный текст, который портит лишь остро недоброжелательное отношение мемуаристки к жене Толстого Софье Андреевне (вероятно, отблеск каких-то семейных отношений и разговоров, воспринятый юной девушкой). Судьба Елизаветы Владимировны Волковой сложилась неудачно. Г. Е. Львов пишет:

⁵ Львова Е. В., княжна. Давно минувшее. Отрывки из воспоминаний детства // Русский вестник, 1901, № 10—11.

⁶ Матвеева Е. (кн. Львова). Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом // Исторический вестник, 1916. Т. СХLIII. С. 162 и далее.

Она имела несчастье влюбиться в кучера Ивана, уехала с ним на Юг, жила долго в Одессе, потом в Киеве. Хотела жить независимо и самостоятельно литературным трудом, писала, но неудачно, затевала коммерческие предприятия, хозяйство и садоводство и прогорала. Сестрам приходилось постоянно выручать ее и оплачивать ее долги. Они мучились за нее и много лет скрывали ее положение. Она всех их пережила...⁷

Продолжим цитирование воспоминаний Львова о родственниках:

...Особенно любимой всеми была сестра Маша (то есть мать Софьи Сергеевны. — *М. Р.*). Она вышла замуж за старика С. С. Волкова (разумеется, старика по понятиям XIX века: он был старше жены на два десятка лет. — *М. Р.*), и говорили, что это была с ее стороны жертва для семьи, которая жила очень бедно, а браком этим она облегчала положение семьи. Волковы жили в Англии, где воспитывали своих двух дочерей Марусю и Соню. Из Англии они вернулись в Москву как раз в год нашего переезда в нее (в 1871 году. — *М. Р.*). Маруся и Соня были с нами (то есть с мемуаристом и его братом Сергеем. — *М. Р.*) одного возраста, но мы были — деревенщина, а они девицы высокого английского стиля. Они жили богато, мы бедно, они вращались, что называется, в высшем обществе, мы нет. Мы сошлись с ними гораздо позднее, когда эти различия с возрастом потеряли значение.

Сестра Маша была замечательной доброты и очень ласкова до нас. Семья Сони Олениной была ближе к нам, она состояла из сына и двух дочерей, одних лет с нами. <...> Семья княгини Гагариной Екатерины Владимировны стояла как-то отдельно от всех, и мы с ними мало видались⁸.

Одна из упомянутых сестер Олениных, Александра, впоследствии фрейлина, неоднократно будет появляться на страницах переписки Софьи Сергеевны со Смоленским, как будут там появляться и имена братьев Львовых. Продолжая же тему родственных связей Львовых с А. К. Толстым, можно заметить, что сохранилось четыре письма поэта к кузине Марии Владимировне, из которых очевидно, во-первых, что Толстой считал свою родственницу человеком, с которым можно обсуждать важные общественные темы (его письмо от 8 декабря 1870 посвящено адресу Московской городской думы, направленному императору), а во-вторых, что кузине Марии, матери Софьи Сергеевны, посвящено одно из самых проникновенных стихотворений Толстого, впоследствии горячо любимое русскими символистами, — «Ты помнишь ли, Мария...». Старинный дом, по которому путешествует молодая пара в этом стихотворении, — это усадебный дом Спасского. Публикатор писем Толстого приводит три строфы, опущенные при издании стихотворения. Они посвящены портретной галерее Спасского, предкам поэта и героини стихов:

⁷ Львов Г. Е. Цит. соч. С. 129.

⁸ Там же. С. 128.

Вельмож суровых много
И много важных дам
На нас смотрели строго
И чопорно из рам.

Служившие когда-то
Бояре при царях
С осанкой бородатой
Иль в белых париках.

Именьем щедро розным
Даримые двором
Иль павшие под грозным
Курляндским топором...⁹

В год создания стихотворения кузине Марии было 15 лет... А в начале марта 1907 Смоленский напишет проникновенные слова о только что скончавшейся Марии Владимировне Волковой:

Покойная принадлежала именно к «высшему» обществу — к тому самому, в котором когда-то, под главенством известной Эдиты Федоровны Раден, сходились И. С. Тургенев, И. С. Аксаков, родня покойной: граф Алексей Константинович Толстой, Жемчужниковы, Соллогубы, Гагарины, М. А. Веневитинов и проч. Муж покойной, С. С. Волков, был выдающийся скрипач, друг и коллега известного Вьетана. Поэтому музыка унаследована С. С. Волковой — отличною музыкантшею. Покойная очень любила видеть вокруг себя много гостей, ныне состоящих уже из внуков ее бывших подруг. Я очень любил и высоко уважал новопреставленную (Дневник 7, л. 4).

О своей многочисленной родне Софья Сергеевна Волкова неоднократно упоминает на страницах писем. Так, в 1900, по прочтении упомянутой выше статьи Смоленского «80 и 60 лет назад» она пишет:

В ней я встретила два раза имя отца. В числе исполнителей на концертах в Дворянском Собрании, и в хоре, и в оркестре, и среди певиц имя моей тети (сестры отца), к которой я этим летом ездила в Италию. Ей 85 лет, но память ее свежа. Она одна теперь могла бы своими рассказами дополнить многое. Михаил Алексеевич [Веневитинов] болен, Марья Алексеевны [Коссииковской] не стало. Как я теперь жалею, что не прочла этой брошюры еще при жизни ее! Графа Матвея Юрьевича, известного в семье под именем «Дяди», моя тетя особенно любила. Мой отец приезжал в имение,

⁹ Дунаева Е. Н. Письма А. К. Толстого к М. В. Волковой // Литературное наследство. Т. 87. М., 1977. С. 611—613.

где мы теперь находимся [в Кандиевку], впервые именно с «Дядей». Этот общий дядя — общее предание для Косиковских, Веневитиновых, Сабуровых, Гагариных, для третьего уже поколения (С. 39 настоящего тома).

Можно добавить, что Софья Сергеевна была и родственницей графу С. Д. Шереметеву: его прабабка по матери — урожденная княжна Анна Семеновна Львова¹⁰.

О жизни Софьи Сергеевны в период от возвращения ее семьи в Россию из Англии и до конца 1890-х сведений мало. В ее фонде в РГАЛИ сохранился, в числе прочего, черновик ее письма к гофмейстеру двора А. С. Танееву (январь 1907) по поводу учреждения премии имени Глинки в Москве, как пишет Волкова, «для поощрения живой связи русского народного искусства с творчеством научно-художественным», в частности, для поощрения «разработки церковных напевов и творчества в их духе». В этом письме говорится:

Впрочем, к этой стороне вопроса [то есть церковному пению] отношусь с особой любовью. Князь Владимир Федорович Одоевский был родственником и приятелем моего дедушки [В. В. Львова], а Дмитрия Васильевича Разумовского я знала моим духовником и законоучителем; «Всенощную» Чайковского получила из его рук¹¹.

Ясно, что в 1880—1890-е, как и позже, Волкова усердно занималась музыкой и особенно интересовалась церковным пением. Семья жила зимой преимущественно в Петербурге, летом в имениях своих и родственников — упомянутой выше Кандиевке (тогда Пензенской губернии, ныне Тамбовской области), а также в Спасском Клинского уезда и расположенном недалеко от него Высоком. Ездил Софья Сергеевна и в другие усадьбы родственников и друзей; в Спасском постоянно гостили члены семьи, друзья, а также знакомые музыканты, музицировавшие с хозяйками (в их числе А. Н. Корещенко и Ю. Э. Конюс). В имениях были школы, рукодельные мастерские, церковные хоры, и Софья Сергеевна живо интересовалась их деятельностью и принимала в ней участие. Она сама, как и ее сестра и мать, много и серьезно читала на разных языках, в том числе по истории, философии, богословию, искусствознанию. Кроме свидетельств в письмах Софьи Сергеевны, сохранилось, к примеру, три письма Марии Владимировны Волковой к С. Д. Шереметеву, где она благодарит за присылку ей новых книг, изданных графом, в том числе «Татевского сборника», составленного по материалам семейного архива Рачинских, а также просит вернуть ей издания этнографа С. Г. Рыбакова, связанные с фольклором Поволжья¹².

¹⁰ Род князей Львовых — один из самых знатных в России: Львовы были рюриковичами, имевшими среди своих предков нескольких святых князей.

¹¹ РГАЛИ, ф. 723, № 45.

¹² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, ч. 1, № 301.

Дополнительное представление об интересах Волковой могут дать, кроме писем Смоленского и ее собственных, также адресованные ей письма С. А. Рачинского, сохранившиеся за период с 1893 по 1898. В письмах Смоленского и ответах на них Софьи Сергеевны в 1890-е речь идет в основном об исполнении Синодальным хором старинной западноевропейской музыки, причем Волкова — в ту пору молодая светская дама — трактуется Степаном Васильевичем как знаток, который может указать хору пьесы для разучивания и для которого хор может специально спеть нечто «с листа». О занятиях старинной музыкой говорят некоторые материалы архива Волковой, в которых упоминается множество книг разных европейских авторов, и параллели между русской и западной духовной музыкой, к которым Волкова постоянно прибегает и в письмах, и в единственной своей опубликованной статье. В адресованных ей письмах Рачинского имя Смоленского упоминается нередко (см. выборку из этих писем в Приложении к разделу переписки с К. П. Победоносцевым в первой книге данного тома), и именно с Софьей Сергеевной Рачинский делится тревогами и опасениями по поводу столкновений Смоленского, тогда директора Синодального училища, с его непосредственным начальством (естественно, что Рачинский, «поставивший» Степана Васильевича на это место, чувствовал ответственность за своего протеже), а также недоумениями в связи с направлением творческих работ учеников Смоленского: судя по письмам, Рачинский направлял Софье Сергеевне «для консультации» новые хоровые партитуры, которые посылал ему Смоленский. Тон писем Рачинского — весьма откровенный, что свидетельствует о его полном доверии к уму и образованности адресата. Из этих посланий явствует также, что Волкова по мере возможности в течение всех 1890-х следила за деятельностью Синодального хора и посещала его концерты.

Образованность Софьи Сергеевны вместе с «генетической культурностью», природным литературным даром и развитой критической способностью в полной мере проявляется в ее письмах к Смоленскому, который очень прислушивался к замечаниям Волковой, в том числе к «редакторским» замечаниям в связи с его собственными текстами, будь то Воспоминания, статьи или служебные документы по Придворной капелле. В последнем случае, конечно, имела также значение принадлежность к определенному общественному слою: в кругу общения Волковой присутствовало немало людей из придворных сфер (прежде всего ее двоюродные или троюродные сестры-фрейлины), и она, не являясь сама приближенной ко двору, была отлично осведомлена о тамошних нравах и обычаях. Но и в других случаях она выступает как отличный критик: так, в сущности, все ее замечания и пожелания к тексту Воспоминаний Смоленского, которые Степан Васильевич посылал ей по мере изготовления, можно признать совершенно справедливыми, и остается только пожалеть, что Смоленский, практически полностью согласившийся с критикой, не все успел дополнить или поправить. Ее собственная статья, написанная «по следам» раз-

говоров со Смоленским, представляет собой весьма стройный и содержательный текст. Она без сомнения могла бы стать отличной сотрудницей ученого, если бы обстоятельства сложились иначе. Хотелось бы привести характеристику Софьи Сергеевны из Дневника Смоленского (запись от ноября 1902):

Что за чудная, что за добрая и умная девушка! Как странно, что такая умная, такая даровитая и сердечная, да притом еще из хорошей, богатой семьи, не нашла себе вовремя мужа. Теперь ей уже 37 лет. <...> Мы оживленно спорили о несогласиях наших во взглядах на социальные неурядицы нашего времени, намеченные мною в предисловии «Воспоминаний». <...> Мой пылкий оппонент говорит мне (и справедливо!), что я совсем не знаю деревни и подлинной народной жизни... (Дневник 3, л. 69—70).

Похвалы уму, такту и музыкальности Волковой можно во множестве встретить на страницах писем и дневниковых записей Смоленского.

После кончины долго и тяжело болевшей матери Софья Сергеевна некоторое время жила в санатории под Ригой, а также у своей подруги инокини Татьяны, казначеи Рижского Троице-Сергиева женского монастыря (с ней был знаком Смоленский, передающий ей в письмах приветы и «метания», то есть поклоны «в землю»).

Этот монастырь имел своеобразную историю. Он был основан фрейлиной Марией Николаевной Мансуровой (урожденной княжной Долгоруковой) и ее дочерью Екатериной (в монашестве Сергией) и Наталией (в монашестве Иоанной) Мансуровыми, сначала открывшими в Риге приют для девочек и богадельню для престарелых. 1892 — дата учреждения молитвенно-трудовой общины; потом учредительницы приняли постриг и взяли на себя обязательства по управлению общинной деятельностью. В 1902 общину преобразовали в Троице-Сергиев общежительный женский монастырь с игуменией Сергией во главе. Монастырь строился и процветал до Первой мировой войны¹³, затем был эвакуирован, но впоследствии возвращен и существует в наши дни. Вообще это был период, когда в России одна за одной появлялись обители, преимущественно женские, основанные представительницами дворянского сословия. Особенно умножилось их число после основания великой княгиней Елизаветой Федоровной Марфо-Мариинской обители в Москве, но были и более ранние примеры — наряду с рижской обителью можно вспомнить раньше созданную общину игумении Магдалины (М. В. Орловой-Давыдовой) в Серпуховском уезде; имя матери Магдалины тоже встречается в переписке Смоленского и Волковой. В таких общинах, как правило, быт складывался иначе, чем в старых монастырях, в частности,

¹³ См.: Монахиня Амвросия (Оберучева). История одной старушки... Свято-Троице-Серфимо-Дивеевский монастырь. М., б/д [2001]. С. 383. О дальнейшей судьбе основательниц монастыря см. в кн.: Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 211 и др.

большое внимание уделялось, с одной стороны, социальному служению, а с другой, углубленной духовной жизни. Одно из писем Смоленского к Волковой содержит, как нам кажется, предположение, что Софья Сергеевна тоже может принять постриг. Вероятно, этого не произошло, хотя с точностью тут трудно что-либо утверждать.

Во всяком случае очевидно, что после кончины Смоленского, в 1910-х, Софья Сергеевна жила обычно в Москве, а летом, по-видимому, преимущественно в Высоком. Сохранилось несколько ее писем к Г. П. Георгиевскому, историку, сотруднику Румянцевского музея, секретарю Комитета попечительства о русской иконописи, а также письма ее и Марии Сергеевны к В. С. Бутурлиной¹⁴. В письме (точнее, записке на визитке) от сентября 1912, адресованном Георгиевскому, речь идет о рукописи какого-то принадлежавшего Софье Сергеевне, но хранившегося в Румянцевском музее сборника кантов: Волкова просит передать ее в Петербург А. В. Преображенскому. В письмах к Бутурлиной М. С. Волковой в 1913 и 1914 рассказывается о жизни в Москве (на Пречистенке) и Высоком, а также о поездке сестры, то есть Софьи Сергеевны, в имение Кандиевку, где проводился ремонт церкви. Из двух писем самой Софьи Сергеевны к Бутурлиной особенно интересно письмо от 14 августа (год не указан), обильно иллюстрированное фотографиями автора (этим делом Волкова увлекалась давно, о чем говорится и в ее письмах к Смоленскому): на них — пейзажи Высокого, Спасского, Сенежского озера, а также вид Спасской церкви.

Кроме этого, сохранились адресованные Волковой письма А. В. Преображенского и А. И. Смоленской. С Антонином Викторовичем (три письма, 1910—1919) обсуждается судьба наследия Смоленского и главным образом его Воспоминаний (см. об этом вступительную статью к IV тому РДМ). Единственное письмо Анны Ильиничны от 29 ноября 1911 (публикуется в Приложении к разделу) тоже связано с наследием Смоленского, точнее — с проведением заседания его памяти Обществом «Музыкально-теоретическая библиотека»: по-видимому, Софья Сергеевна принимала участие в организации концерта, который следовал за несколькими докладами о деятельности Степана Васильевича, и наверняка присутствовала на вечере 11 декабря — в ее архиве сохранилась программка.

Описанный в цитированных выше воспоминаниях Волковой эпизод с обучением детского хора церковному пению по «цифирной методе», по всей вероятности, был первым регентским опытом Софьи Сергеевны. Наверняка удачное начало имело продолжение: она вполне могла управлять любительскими хорами в имениях, где жила летом, куда приезжала к родственникам и друзьям. Возможно, нечто подобное имело место и в рижской обители: по крайней мере, по просьбе своих монашествующих подруг она обращалась к Смоленскому в случаях недостатка каких-либо песнопений в версиях, удовлетворительных для женского

¹⁴ ОР РГБ, ф. 217, карт. 9, № 101 и ОПИ ГИМ, ф. 275, оп. 1, № 3.

монастырского хора. В архиве Волковой сохранилась одна печатная афиша публичного концерта хора под ее управлением: дата не указана, но поскольку в афише упоминается Университет Шанявского, открытый в 1908, то концерт состоялся позже этой даты, а то, что сбор от него предназначался для детских колоний (то есть для беспризорных детей), свидетельствует о том, что он состоялся после 1917; указание на «старый стиль» и день недели позволяет датировать концерт 1918-м. Приводим полностью эту афишу, свидетельствующую, помимо прочего, о высоком вкусе регента в церковно-певческой литературе.

В воскресенье в 3 ч. дня 20 мая (ст. ст.)

В пользу детских колоний

В актовом зале Коммерческого института (Стремянный пер., 28 у Серпуховской площади)

I.

Лекция

С световыми картинками лектора при Шанявском Университете

Б. Н. Эдинг

Мировые достижения русской иконописи и русского церковного зодчества (Киев, Суздаль, Новгород, Ростов, Москва; древние монастыри Севера России; сельские храмы)

II.

Духовный концерт

Хор под управлением С. С. Волковой

Вступительное слово о церковно-певческом творчестве в странах римско-католических, лютеранских и восточно-православных

(Наши напевы знаменные, киевские, греческие и болгарские)

1. Ирмосы Христос рождается. Феофановские
2. Херувимская. Старо-Симоновская
3. Догматик 7-го гласа б[ольшого] знаменного роспева в переложении П. Чеснокова
4. Свете тихий. Киевского роспева — переложение Придворной Капеллы
5. Плотию уснув. Болгарского роспева в переложении Компанейского
6. Стихиры Пасхи. Переложение Дм. Яичкова
7. Задостойник на Успение. Переложение Турчанинова
8. Достойно есть. Афонское. Переложение Яичкова
9. Свят, свят, свят. Обиходное. Переложение С. В. Смоленского
10. Ирмосы воскресны 8-ми гласов (по одной песни из каждого гласа). Переложение Смоленского

Билеты от 1 руб. до 6 руб. продаются: в швейцарской Коммерческого Института, у Мюра и Мерилиза, писчебумажный отдел, Петровка, д. 2 и в день лекции при входе в зал¹⁵.

Дальнейшие, после 1917, действия Софьи Сергеевны по сохранению наследия Смоленского описаны во вступительной статье к IV тому серии: она пыталась опубликовать доверенные ей Степаном Васильевичем Воспоминания, но обязательно полностью, а не в конъюнктурно избранных отрывках, а также некоторые письма либо выдержки из них в виде комментариев и дополнений к Воспоминаниям. Волкова, несомненно, начала работу над текстами: с части писем (сравнительно небольшой) были сняты копии, рукописные и машинописные (судя по орфографии, некоторые копии снимались еще до 1917 года, хотя возможно, что в них просто сохранена старая орфография), другие письма были ею намечены к переписке; в некоторых копиях и оригиналах рукой Волковой были вписаны — изредка — уточнения имен и проставлены купюры (фрагменты, касающиеся личных дел ее самой и членов ее семьи, а также лиц, которые могли находиться в живых). Она начала составлять также перечень имен, встречающихся в Воспоминаниях (только фамилии, без комментариев), и писать к ним предисловие, которое должно было следовать после вступительного материала историка А. И. Яковлева, знавшего Смоленского. Предисловие сохранилось, но осталось незавершенным (см. Приложение к разделу).

По разным причинам ни один проект публикации материалов Смоленского не был осуществлен. В письме к Н. Ф. Финдейзену от мая 1928 Волкова немного рассказывает о себе: за последние 13 лет, то есть с 1915, она не была в Ленинграде и не видела возможности съездить туда, чтобы переговорить с Финдейзенем об архиве Смоленского; средства на жизнь она добывала «уроками и переводами». По-видимому, тем же занималась и ее сестра Мария Сергеевна: имеется письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу от 7 июля 1932, где речь идет о каком-то переводе на английский язык, который Мария Сергеевна должна была выполнить по поручению Бонч-Бруевича¹⁶. Некоторое время Софья Сергеевна жила около станции Подсолнечная, то есть, вероятно, в Спасском; затем основной ее адрес — московский.

Архив Волковой, хранящийся в РГАЛИ, свидетельствует, что и в трудные годы она продолжала интересоваться церковным пением и певческой археологи-

¹⁵ РГАЛИ, ф. 723, оп. 1, № 6. Представлены печатные экземпляры, а также черновой автограф афиши с указанием тональностей произведений и первых слов ирмосов. На обороте автографа афиши имеется набросок программы еще одного вечера с лекцией Б. Н. Эдинга на ту же тему и с музыкальной программой, состоящей из духовных произведений Форе, Адана и романса Рахманинова «Христос воскрес» в исполнении В. Н. Преображенского.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 369, карт. 251, № 37.

ей¹⁷. Так, имеется письмо к ней Я. А. Богатенко от 20 июля 1929: старообрядец, крупнейший знаток древнего пения благодарит Волкову за возвращение его рукописи «Наблюдения по крюковой мелодике»¹⁸. Имеется также записка Софьи Сергеевны о судьбе рукописного собрания Синодального училища и работ Смоленского (без даты): она отложилась в архиве вместе с пропуском на ее имя в Исторический музей. Этот краткий документ представляет интерес.

В Отделе хранения рукописей при Историческом музее находилось: внесенные в каталог (перевезенные из Синодального училища и собранные С. В. Смоленским) около 1388 №№.

Из них описаны — 1033, не описаны — 355.

Сверх того есть еще не разобранные. <...>

По-видимому, 9 томов тематических каталогов, о которых Смоленский упоминает в письмах, не были сданы в Исторический музей. Они, верно, находились у него и сданы им в Публичную библиотеку в Ленинграде или Антонину Викторовичу Преображенскому на Мойку¹⁹.

Какие-то штрихи к портрету Волковой в ее поздние годы могут дать другие разрозненные архивные бумаги. Например, ее запись 1928 года по поводу заполнения какой-то анкеты:

В Анкете от 12—14 мая 1928, представленной на Театр. Площадь № 7, есть параграф 14: «Отдельно указать неизданные рукописные работы научного характера». Я, грешным делом, написала: «имеются неизданные рукописные работы о научно-художественном разборе крюковых напевов, по новейшим ученым трудам, иностранным и русским, палеологическим — о невмах и в особенности о музыкальных формах, ритмах и общем построении древних напевов, крюками записанных». (Уф!)²⁰

Понятно, что подобные анкеты заполнялись и «представлялись» в то время с целью обеспечить себе хоть какое-то положение, хоть минимальную социальную защиту. Но ясно, с каким чувством Софья Сергеевна написала в анкете не то чтобы неправду, но и не совсем правду: всякого рода выписки и конспекты на обозначенные темы в ее архиве немало, причем, судя по указанным в них источникам, они относятся как к периоду до 1928, так и к последующим годам,

¹⁷ Волкова в 1917 числилась среди сотрудников журнала «Мелос» (несомненно, в связи с предполагавшейся публикацией материалов Смоленского); с февраля 1919 ее имя фигурирует среди сотрудников МУЗО Наркомпроса (библиотечная секция, этнография), но что именно делала она там — неизвестно.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 723, № 53.

¹⁹ Там же, № 21, л. 48.

²⁰ Там же, № 32, л. 3 об.

но завершенных работ у нее все же нет, кроме той статьи, что была напечатана много лет назад в издании ОЛДП.

К 1926 относится архивный листок со стихами, и хочется предположить, что они написаны самой Софьей Сергеевной: иногда она отправляла Смоленскому послания в стихах, а на этом листке очевидны следы авторской работы над текстом. Быть может, настроение стихов, осеннее с беглым проблеском надежды, соответствовало душевному состоянию самой Софьи Сергеевны?

Белые равнины, сизые отливы,
Там, где так недавно созревали нивы,
Где еще недавно жаворонки пели,
Озимы вчера лишь ярко зеленели.
И земля и небо хмуры и тоскливы,
Все ли под снегами всходы наши живы?
Воды рек застыли и заледенели²¹.

Принадлежавшие Софье Сергеевне материалы Смоленского — рукопись Воспоминаний и письма — после ее кончины попали туда, где они сейчас находятся, то есть в Мемориальный музей-квартиру Н. С. Голованова (Воспоминания) и в РГАЛИ, где находятся также другие материалы Волковой — ее черновики, заметки и адресованные ей письма разных лиц. В государственный архив отдала бумаги Софьи Сергеевны в 1938 пережившая ее на шесть лет сестра. Продолжавшаяся до конца дней забота Волковой об архиве Смоленского очевидна: как писала она Финдейзену за четыре года до кончины,

мне совестно думать, что могу умереть, не подготовив к печати всего того, что в них [в данном контексте — в Воспоминаниях, но могли иметься в виду и письма. — М. Р.] содержится ценного, по палеографии, по певческим формам и по многим высказанным живым и оригинальным суждениям и мыслям²².

Не вина Софьи Сергеевны, что довести до конца свой труд ей не удалось.

В заключение хочется упомянуть о судьбах двух женщин, связанных разными узами с С. С. Волковой.

Одна из них упоминается в письмах — это мать Татьяна, которой передает приветы и «метания» Смоленский. На сайте новомучеников Свято-Тихоновского богословского университета появились недавно дополнительные сведения о ней:

²¹ Там же, № 21, л. 25.

²² РДМ. Т. IV. С. 49.

Амбразанцева Татьяна Алексеевна

Год рождения — 1865

Место рождения — Сызрань

Монахиня, из дворян, отец в чине капитана

Служение:

Рига, Рижский Троице-Сергиев монастырь

Монахиня

Должность — регент, иконописец

Год начала служения — 1899

Московская обл., с. Пушкино, Никольская церковь

Монахиня

Год окончания служения — 1931, март

Аресты

Московская обл., с. Пушкино

Год ареста — 1931

День ареста — 9

Месяц ареста — март

Осуждения

Тройка при ПП ОГПУ СССР по Московской обл.

Обвинение при осуждении — «антисоветская агитация»

Статья обвинения — ст. 58—10 УК РСФСР

Приговор — 5 лет ИТЛ

Виновной себя не признала, держалась крепко Православной веры и надеялась на возрождение Русской Православной Церкви. На единственном допросе сказала: «Я верю в Бога и всегда шла и буду идти против тех, кто мешает идти по Божьей воле, кто хочет порушить православную веру. Я должна идти по повелению Иисуса Христа, который велел терпеть всякие невзгоды и молиться за всех беззаконников. Я очень сожалею, что многие священники публично отказываются от священнослужения, таким я не прощаю». Дальнейшая судьба неизвестна.

Реабилитация

16 марта 1990

Другую женщину, дочь многократно упоминающегося в переписке князя Сергея Евгеньевича Львова, Софья Сергеевна Волкова видела маленькой девочкой и потом молодой девушкой: это родившаяся в 1894 княжна Елена Сергеевна Львова. Елена Сергеевна уехала после 1917 во Францию (вместе со своим дядей В. Е. Львовым; семья ее отца осталась в России и почти вся погибла), прожила там долгую жизнь (умерла в 1971) и стала выдающимся иконописцем, одним из ведущих деятелей известного общества «Икона», его вице-председателем. Среди основных работ княжны Львовой — иконостас Сергиевского подворья в Париже (совместно с Д. С. Стеллецким), иконы для храмов в Медоне, в Хель-

синки, во многих других православных храмах европейских городов, в том числе в Брюсселе и Льеже.

В воспоминаниях о ней говорится, в частности:

Княжна обладала не только большим даром иконописца, но и морально традиционным иконописным свойством, а именно скромностью и стремлением к безымянности, как это подобает в русском иконном искусстве, и никогда не пыталась рисовать или писать что-либо иное, чем икона, как полагалось в древние времена изографу, дабы не профанировать святое искусство²³.

Лицо княжны Елены Львовой на опубликованной фотографии поразительно похоже на лицо Софьи Сергеевны Волковой на тех немногих ее фотографиях, которые дошли до нас.

Марина Рахманова

---

²³ Общество «Икона» в Париже. В двух томах / Автор-сост. Г. И. Вздорнов и др. М., 2002. Т. 1. С. 259.

Смоленский — Волковой

Москва, 18 [мая 1895], четверг

Многоуважаемая Софья Сергеевна.

И я очень благодарю Вас за внимание к Синодальному училищу и за то снисхождение, с которым Вы изволили отнестись к его начинающимся еще успехам. Училище еще настолько молодо и мало установлено, что приходится радоваться нынешним успехам только тем, кто видел его назад тому 5—6 лет. Меня бесконечно радует лишь то, что училище, очевидно, крепнет и стоит ныне на верной дороге, а о старом его прошлом остались лишь очень малые воспоминания. То, что Вы видели, имеет отличную цену только сейчас, так как через 2—3 года то же самое будет уделом учеников средней успешности, а через несколько лет сделается уделом только плохих учеников. Так по крайней мере сужу по постепенному развитию успехов в последние годы и по удаче всех начинаний, вводимых постепенно и настойчиво¹.

Мне хочется дать Вам возможность послушать Синодальный хор, который поет для музыкантов целый репертуар от Палестрины и Аллегри до Баха и Бетховена². Иногда этот хор поет очень хорошо, даже и безукоризненно. Если бы в сентябре или октябре Вы предупредили бы меня недели за две до Вашего посещения, то я мог бы приготовить для Вас в хоре что-либо действительно интересное. В таком предварительном от Вас известии я желал бы видеть несколько заглавий. Так как Синодальный хор поет все с листа, без каких бы ни было затруднений, то единственным препятствием к исполнению Вашего желания может оказаться случайная невозможность достать надобные ноты.

Я хочу таким приглашением Вас с княжнами³ особо подчеркнуть то удовольствие, с каким я и г. Орлов встретим вновь Вас и Ваших подруг предстоящую осень.

Готовый к услугам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 141—141 об.

1. С приходом Смоленского в 1889 на место директора Синодального училища и хора неизменно изменилось лицо этих заведений. Преобразования коснулись всех сторон жизни училища и хора. При Смоленском они получили новый устав и штат, ставшие основным документом, по которому училище и хор развивались с 1897 по 1918. Тогда же был определен круг предметов и разработаны программы по всем предметам; заметно изменился состав преподавателей и служащих.

2. В домашних закрытых концертах, предназначенных для определенного круга высокопоставленных лиц, музыкантов, людей, близких училищу и хору, исполнялись не только традиционные песнопения (в частности, новые сочинения и переложения композиторов круга Синодального хора), но и сочинения западноевропейских композиторов эпохи Возрож-

дения и отдельные сочинения классиков (Бах, Моцарт, Бетховен, Шуман). Один из таких концертов описывается в воспоминаниях самой Волковой (см. в Приложении к разделу).

Западноевропейская программа Синодального хора в этот период намечена в письме Смоленского к Танееву от 4 июня 1894:

В будущий сезон 1894—95 г. в Синодальном училище предположено дать 6 строжайше классических хоровых концертов для избранной публики. Цель этих концертов прежде всего установлена в усовершенствовании Синодального хора и в ознакомлении наших учеников с наилучшими сочинениями а cappella.

В числе намеченных мною номеров программы, между прочими малыми, значатся: «Messa di papa Marcello II» и «Stabat» 8-голосный Палестрины, «Покаянные псалмы» (2 или 3) Лассо, 2 номера «Crucifixus» Лотти, «Latatus sum» Скарлатти, «Ламентации» Аллегри, «Credo» 8-голосное Херубини, Johannes Passion Шютца.

(РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 1)

Почти вся эта программа была выполнена.

3. *Примечание С. С. Волковой:* с княжнами В. Н. и Н. Н. Мещерскими.

Наталья Николаевна, в замужестве графиня Игнатьева, упоминается в дальнейшей переписке.

Смоленский — Волковой

Москва, 8 [ноября 1895]¹

Многоуважаемая Софья Сергеевна.

Очень благодарю Вас за прекрасную книжку Тибо², которую наскоро успел уже пробежать. Мне отрадно будет соединить с этим прекрасным сочинением самую симпатичную память о Вас.

Очень тронут и тем, что исполнение мессы Палестрины понравилось Вам³. Теперь мы уже выучили Stabat Mater Жоскина де Пре и начинаем штудировать Мессу «Primi toni» Палестрины, совершенно отличающуюся от «Maccelli» во всем, начиная от приемов исполнения. Рад был бы увидеть Вас и в этом нашем домашнем концерте, но ведь не звать же на него из С.-Петербурга в Москву?⁴

Мы принимаем в Синодальное училище мальчиков от 9 лет до 10, в крайнем случае, то есть ввиду выдающихся способностей или голоса — до 11 лет. Конечно, sine qua pop [непременное условие] — хороший голос и слух, ибо что может быть ужаснее профессионального бездарного музыканта? Умение читать и писать без грубых ошибок, легкий счет и знание главнейших молитв обязательно требуются. Обыкновенно к нам поступают мальчики, уже пробывшие в школе один год. Лучшие из них принимаются на имеющиеся свободными (немногие) казенные вакансии, остальные же с платою по 135 р. в год за полное

во всем содержание от училища. Словия не различаются, но православное исповедание необходимо. Занятия у нас продолжаются, как везде, с сентября по июнь, но хоровое пение не прерывается в течение года¹. Приемные экзамены 10, 11 и 12 августа. Мы, впрочем, всегда просим заблаговременно привести к нам мальчика, чтобы поглядеть его отдельно и внимательнее, что очень трудно в сутолоке приемных экзаменов августа.

Если Вы лично не можете увериться в доброкачественности голосов и способностей у Ваших кандидатов, то нельзя то поручить кому-либо из умеющих разобраться в этом деле? Нельзя ли привести мальчиков к нам?

Будьте здоровы.

Совершенно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 140

1. *Примечание С. С. Волковой*: Первое письмо от Ст. Вас. Смоленского.

Как видно, Волкова ошиблась: это письмо не первое, а второе в их переписке.

2. *Притиска Волковой*: «Über Reinheit der Tonkunst» («За чистоту музыкального искусства»).

Имеется в виду работа немецкого ученого А. Ф. Тибо, изданная впервые в Гейдельберге в 1825 и неоднократно переиздававшаяся, но не переведенная на русский.

3. В сентябре-октябре 1895 Синодальный хор несколько раз исполнял в домашних концертах Мессу папы Марчелло Палестрины (см. также в переписке с Победоносцевым).

4. В эти годы холодные месяцы семья Волковых проводила в Петербурге.

5. Под хоровым пением подразумевается пение Синодального хора в Большом Успенском соборе. Вопросы Волковой связаны с ее желанием поместить в училище одного знакомого ей мальчика (см. в дальнейшей переписке и в воспоминаниях в Приложении к разделу).

Волкова — Смоленскому

Ст. Башмаково Сызранско-Вяземской ж. д., село Кандиевка¹,

15 октября 1897

Многоуважаемый Степан Васильевич,

позвольте еще раз поблагодарить Вас и высказать сожаление, что не удалось мне, еще раз перед отъездом из Москвы, послушать те светлые мелодии, отголосок которых так радостно звучит в памяти в сопрановом ключе: *соль-ля-фа-ми*. Такой простой мотив, а что за мелодичные, звучные сплетения! Месса Josquin des Prés показала мне полной солнца и мира и более родной, нежели более суровая музыка Lassus'a и даже Палестрины². Как бы мне хотелось, на обратном пути через Москву, снова насладиться живительным пением Синодального хора. Мы думаем пробыть здесь, D. V. [с Божией помощью], до середины

ноября. А потом, если позволите, я опять попрошу Вас поднять для меня лампу Алладина, чтобы проникнуть в мир звуков!³

От души благодарная Вам С. Волкова.

РГИА, ф. 11119, № 128, л. 1

1. Кандеевка, Кандиевка (исконное Кандевка) — большое, в полторы тысячи жителей, село в южной части Пензенской губернии, в Керенском уезде, где находилась усадьба Волковых (бывшее владельческое село, принадлежавшее отцу Софьи Сергеевны — Сергею Сергеевичу Волкову). Усадьба была расположена в полуверсте от села, в самом селе находились церковь и школа. С этим селом связано событие времен крестьянской реформы: из-за неправильно понятого манифеста 19 февраля 1861 вспыхнули крестьянские волнения в трех соседних уездах Пензенской губернии — Керенском, Чембарском и Моршанском. Заключительный акт трагедии произошел в Кандевке 16 апреля 1861, когда многотысячная толпа крестьян противостояла регулярным войскам. См.: Худеков С. Н. Бунт в Кандевке в 1861 году // Исторический вестник, 1861, т. 6, № 12. С. 773—793.

2. Волкова говорит о не посещенном ею домашнем концерте или спевке к нему Синодального хора; судя по переписке Смоленского с Танеевым, эта спевка могла состояться 10 октября.

3. Видимо, речь идет о встречах-беседах со Смоленским в помещении хранилища певческих рукописей на первом этаже Синодального училища за рабочим столом с лампой.

Волкова — Смоленскому

[Москва], 14 декабря [1897]

Многоуважаемый Степан Васильевич, тщетно попыталась я поклониться Вам из гостиницы «Дрезден» по телефону! Мы здесь до вторника. Разве нет у Вас телефона?

Эту записку посылаю Вам с одним крестьянином из нашей деревни, только что зашедшим ко мне. Он — певчий, но по болезни легких петь больше не в состоянии — он теперь совсем без заработка, кроме случайной переписки нот. Он отлично пишет их (у меня есть с собой образец). Как была бы я рада, если бы и у Вас нашлась бы для него работа! Он и латинскими буквами хорошо пишет. Но боюсь, что у Вас столько копиистов, что исполнение моих мечтаний маловероятно!

На всякий случай прилагаю последнее его письмо, для примера его почерка. Он, Михаил Вихров¹, человек трезвый и старательный. Простите, что так неожиданно для самой себя беспокою Вас! Будьте здоровы.

С. Волкова.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 151—152

1. Среди воспитанников Синодального училища в последующий период (1908—1914) встречается имя Василия Михайловича Вихрева — быть может, сына протеже Волковой.

Волкова — Смоленскому

Высокое¹. Подсолнечная ст. Николаевской ж. д.,
8 августа 1898

Многоуважаемый Степан Васильевич,

позвольте мне представить вам подателя сего письма — Николая Городецкого, того самого мальчугана, о котором я раньше говорила Вам. Ему 9½ лет. Мне очень за него хотелось, чтобы он поступил к Вам, так как он еще младенцем особенно любил музыку, и я уверена, что ему у Вас должно быть хорошо².

Теперь, с утверждением нового устава, и родители его возымели горячее желание поместить его в Синодальное училище. К сожалению, их желание осуществимо только, если окажется возможным принять мальчика на казеннокоштную вакансию. Сообщу Вам — по секрету, — что отец Коли, священник Иван Ефимович Городецкий, весьма добрый и любимый прихожанами человек, так подвержен общей многим русским слабости, что о воспитании детей заботиться не может. Все заботы лежат на матери ребенка, достойной и жалкой женщине. Не знаю, удалось ли ей достаточно подготовить своего мальчика; зимой он ходил в школу. Вы, кажется, помните Сергея Ефимовича Городецкого? Николай племянник его, но смело утверждаю, что у него больше слуха, чем у его дяди! Голосок, кажется, тоже есть. Жалею, что не удалось показать Вам наше Высокое, которое в это прекрасное лето особенно приветливо цветет.

Мы все, слава Богу, здоровы; думаем быть проездом в Москве около 1 октября, а может быть, съездим дня на два теперь, во время предстоящих торжеств³. Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы! Простите, что беспокою Вас столь пространном письмом.

С. Волкова.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 3—4

1. Высокое (Высоково) — селцо Спас-Нудольской волости Клинского уезда Московской губернии, в 28 верстах от уездного города и 15 верстах от станции Подсолнечная. Принадлежало деду Волковой — Сергею Аполлоновичу Волкову. Помимо усадьбы здесь находилось 10 крестьянских дворов.

2. Николай Городецкий происходил из духовного звания, его дед диакон Евфимий Никитин, отец священник Иван Евфимьевич, дяди Василий Евфимьевич и Сергей Евфимьевич — все воспитанники Вифанской духовной семинарии — жили в селе Спасском на Нудоли Клинского уезда; дед и отец служили в Преображенской церкви села Спасского. В августе 1898 Николая приняли в Синодальное училище, однако проучившись несколько

лет, Городецкий оставил училище, потом был восстановлен и в 1906 смог окончить только певческое отделение. Далее учился в Московской духовной семинарии.

3. Имеется в виду закладка памятника императору Александру II в Кремле в присутствии императора; на этих торжествах очень успешно выступил Синодальный хор. См. об этом также в Приложении к переписке с Победоносцевым.

Волкова — Смоленскому

Кандиевка, 25 ноября 1898

Многуважаемый Степан Васильевич,

пишу Вам на радостях, сейчас только узнав об окончательном водворении Коли Городецкого в Синодальном училище. Мать его пишет мне радостное и благодарное письмо. Спасибо Вам большое.

Мы зажились «в стену», как говорят здешние степняки. Прежде 12 декабря не собираемся выехать. По вечерам занимаемся музыкой. Читаю Сокальского и радуюсь новым горизонтам, которые он открывает¹.

Все еще поминаю впечатление, произведенное на меня сочинением Кастальского, которое хотелось бы еще и прослушать и просмотреть².

До свидания; еще раз благодарю Вас.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 5—6

1. Речь идет о главной работе П. П. Сокальского, опубликованной посмертно в 1888: «Русская народная музыка, великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонической музыки».

2. Весной или осенью 1898 Волкова могла слышать икос «Сам Един еси бессмертный» Кастальского, впервые исполненный 15 марта под управлением В. С. Орлова (именно об этом сочинении идет речь в других ее письмах; см. также ее предисловие к Воспоминаниям Смоленского в Приложении к разделу).

Волкова — Смоленскому

Москва, Мансуровский пер., д. Глинского,
14 октября [1900]

Многуважаемый Степан Васильевич, вот что я Вам скажу: мы все рады были бы Вас видеть. Не зайдете ли к нам, то есть ко мне и к Коссиковским? К Михаилу Алексеевичу можно и не заходить. Все были тронуты Вашим добрым участием. Не думайте, что Вам здесь будет тяжело: здесь скорбь не та, как у «не имеющих упования». Поговорим и о h moll'ной мессе [Баха], которую Михаил Алексеевич очень любил, так как я часто играю ему некоторые места из нее. Благодарю Вас¹.

Вчера сестра пишет мне, что очень, очень благодарна Вам за то, что Вы взяли узнать о Новом Завете для слепых, но просит Вас не беспокоиться, так как слепой, для которого она желала приобрести это, — умер. Бедный мальчик, я за него радуюсь.

Мы пьем чай днем в 4 часа, вечером в 9½, в 10 часов. Но сегодня и завтра думаю не выходить из дома совсем, так как немного простужена и боюсь рисковать вернуться в степь с бронхитом. Итак, во всякое время была бы рада Вас видеть. Уехать собираемся 18-го. До скорого, надеюсь, свидания. Храни Вас Господь, добрый Степан Васильевич.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 143—144

1. О родственниках Волковых Веневитиновых и Коссиковских см. во вступлении к разделу, в дальнейших письмах, а также в предисловии к Воспоминаниям Смоленского в Приложении к разделу. М. А. Веневитинов в это время был парализован.

Волкова — Смоленскому

Кандиевка, 15 ноября 1900

Многоуважаемый Степан Васильевич,

кажется, я перед Вами виновата. Давно собираюсь сказать Вам, что новая учительница благополучно водворена у нас с 1 ноября и что, думаю, ход дел был устроен Вашим добрым участием¹. И вот только спустя две недели говорю Вам это!

Письмецо Ваше я получила и благодарю. Спрашиваю себя — удастся ли услышать h moll Messe?²

Отъезд свой мы отложили до декабря. Надеемся быть в Москве около 8 — 10-го.

Я рада этим дням в тиши деревни, тем более, что начало пребывания здесь, по возвращении моем, было несколько тревожно: на деревне два пожара за одну неделю и храмовый праздник с непомерным употреблением вина и грустными сего последствиями...

Коссиковские еще не вернулись в Москву: у старшей дочери Аполлинии Владимировны была корь, заболела она почти тотчас по приезде в деревню. Поэтому они тоже до декабря выехать не собираются³.

Оленины писали, что Вы направили к ним студента⁴: уладилось ли с ним дело, не знаю, но во всяком случае очень благодарю Вас.

Единственная гостья, бывшая у нас за это время, княгиня Алекс[андра] Александровна Голицына, просила передать Вам от нее поклон. Моя мать и сестра шлют Вам привет. Очень хотелось бы знать, как Вы за это времяживаете? Сергею Александровичу, увы! я еще не собралась написать⁵.

Будьте здоровы, добрый Степан Васильевич, не унывайте.

С. Волкова.

На следующем симфоническом играет Вера Маурина⁶; очень интересуюсь тем, будет ли игра ее иметь успех.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 7—8

1. Видимо, Смоленский помогал в поисках учительницы для школы в Кандиевке или для школы рукоделия, открытой княжной А. В. Львовой (теткой Волковой) в подмосковном селе Спасское-Телешово.

2. Волкова знала, что В. С. Орлов разучивает с Синодальным хором Высокую мессу Баха, а Смоленский готов ее показывать в домашних концертах. В последнем для Смоленского учебном году 1900/1901 таких концертов было несколько.

3. Волкова рассказывает о своих родственниках Косиковских — фрейлинах Аполлинару Владимировне и Александре Владимировне. Имя последней будет неоднократно встречаться в переписке. Что же касается Аполлинару Владимировны (умершей в феврале 1904), то позже ходили слухи о ее «романе» с младшим братом императора — великим князем Михаилом Александровичем.

4. Родственники Волковых Оленины, Александра Александровна и ее брат Владимир Александрович, искали учителя для малолетних детей последнего — Бориса и Дмитрия. Смоленский рекомендовал им старшего сына В. С. Орлова — 19-летнего студента юридического факультета Московского университета Василия Васильевича.

5. Выдержки из переписки Волковой с Рачинским см. в Приложении к разделу переписки с К. П. Победоносцевым. В архиве Волковой в РГАЛИ имеется 24 письма Рачинского за 1893—1898.

6. Пианистка В. И. Маурина (по мужу Пресс) после окончания Московской консерватории по классу П. А. Пабста в 1895 с большой серебряной медалью уехала в Германию, где совершенствовалась у Ф. Бузони. Много концертировала в России и за границей.

Волкова — Смоленскому

Кандиевка, 23 ноября 1900

Многоуважаемый Степан Васильевич,

мне очень за себя совестно. Кончая прошлый раз свое письмо, все старалась припомнить: о чем это я собиралась писать Вам? Да так и не вспомнила, что это было о брошюрке Вашей, об удовольствии, доставленном нам ею¹. Такая рассеянность и забывчивость непохвальны. Благодарю Вас за письмецо, написанное среди болезни. Как теперь здоровье Ваше? Отдохнули ли вы, невольно отложив на время хлопоты и постоянные труды, или еще более устали, борясь одновременно с заботами и немощью? Знаю по опыту, что инфлуэнца тем скучна, что долго по-

сле нее чувствуешь слабость, как бы не соразмерную с краткостью самой болезни. На то же самое жаловался Кирпичников², когда я видела его теперь в Москве.

Сообщенные Вами известия об удачной игре В. Мауриной очень меня порадовали³. Поговоримте о брошюрке Вашей. В ней я встретила два раза имя отца; в числе исполнителей на концертах в Дворянском Собрании, и в хоре, и в оркестре, и среди певиц имя моей тети (сестры отца), к которой я этим летом ездила в Италию⁴. Ей 85 лет, но память ее свежа. Она одна теперь могла бы своими рассказами дополнить многое. Михаил Алексеевич болен, Марьи Алексеевны не стало⁵. Как я теперь жалею, что не прочла этой брошюры еще при жизни ее! Графа Матвея Юрьевича, известного в семье под именем «Дяди», моя тетя особенно любила. Мой отец приезжал в имение, где мы теперь находимся, впервые именно с «Дядей». Этот общий дядя — общее предание для Косси-ковских, Веневитиновых, Сабуровых, Гагариных, для третьего уже поколения⁶. Мама также наслаждалась этим чтением, вспоминая многих, хоть понаслышке. Как прелестны заметки графини Л.К.В., которые я только отчасти знала, но в руках никогда не имела!⁷

Однако пора кончать. Кабы на Руси да почаще бы вспоминали да ценили что пр[ошедшего] былого «добродетель и похвала», да писали бы об этом, вместо газетной гнили! Будьте здоровы. Напишите хоть на открытом письме, поправились Вы?

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 9—10

1. В РМГ за 1900 (№ 15/16, 17) опубликована статья Смоленского «80 и 60 лет назад. Заметки по документам семейного архива М. А. Веневитинова».

2. Общий знакомый Волковой и Смоленского — хранитель отделения рукописей и старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музея, профессор всеобщей литературы Московского университета Александр Иванович Кирпичников.

3. В. И. Маурина участвовала в симфоническом концерте Московского отделения ИРМО и дала единственный сольный концерт 28 ноября.

4. Смоленский в статье приводит два длинных списка фамилий участников велико-светских концертов в начале 1840-х в Дворянском собрании Петербурга. В хоре и оркестре участвовал отец Софьи Сергеевны, в то время студент, среди солисток — сестра отца Елизавета Сергеевна Волкова.

5. Имеются в виду Михаил Алексеевич Веневитинов, разбитый параличом, но сохранявший за собой пост директора Румянцевского музея, и его сестра Мария Алексеевна, в замужестве Косси-ковская, скончавшаяся 26 сентября 1900.

6. Далее Волкова очерчивает круг родственников, имеющих непосредственную связь с родом графов Михаила и Матвея Виельгорских. Дочь Михаила Юрьевича Аполлинария Михайловна вышла замуж за Алексея Владимировича Веневитинова, их дочь Мария Алек-

сеевна — за Владимира Владимировича Коссиковского; вторая дочь Михаила Юрьевича Софья был замужем за графом Владимиром Александровичем Соллогубом, их дочь Елизавета Владимировна — за Андреем Александровичем Сабуровым; сестра Михаила и Матвея Юрьевичей Дарья вышла замуж за Сергея Аполлоновича Волкова, деда Софьи Сергеевны. Имение отца С. С. Волковой в Кандиевке находилось в соседстве с имением графов Виельгорских Троицкое в Керенском уезде Пензенской губернии.

7. В тексте статьи Смоленский приводит фрагмент Дневника за 1822—1823 Луизы Карловны, второй жены графа Михаила Юрьевича Виельгорского.

Волкова — Смоленскому

[Москва, 16 декабря 1900]

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Как Ваше здоровье? В последнем письме Вы говорили, что плохо поправляетесь после инфлуэнцы. То же скажу и о себе. Я съехала здесь с Косс[иковски]ми в доме Глинского третьего дня¹. Мать и сестра моя тоже в Москве, на Солянке, и уже здесь захворали!² Я в Николаевском институте видела билеты на вчерашнюю репетицию!³ Н moll'ная ли месса? Едва ли придется мне ее услышать... Сколько времени мы здесь пробудем, не знаю. Живу в Мансуровском. Напишите о своем здоровье.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 11

1. Дом потомственного почетного гражданина Б. В. Глинского (№ 6) в Мансуровском переулке.

2. Мать и сестра Волковой остановились на Солянке в квартире начальницы Николаевского института княжны А. В. Львовой (тетки Софьи Сергеевны).

3. Иногда на последние репетиции перед концертом Синодального хора администрация рассылала приглашения в некоторые учебные заведения. В данном случае имеется в виду концерт 17 декабря в зале Синодального училища по обычной программе.

Волкова — Смоленскому

[Москва?], 26 марта [1902]

Многоуважаемый Степан Васильевич, ноты Вам уже, верно, вернули после моего отъезда, но мне хочется и от себя еще раз поблагодарить Вас. Мы очень наслаждались, играя их. И за рекомендацию Орлова благодарю Вас! Оленины мне говорили, что дело с ним наладилось, и я порадовалась¹.

Итак, благодарю и еще благодарю и желаю Вам всего самого хорошего.
С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 134

1. См. комментарии к дальнейшим письмам Волковой.

Смоленский — Волковой

Петербург, 7 мая 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

К имеющимся у Вас моим сочинениям Вы снисходительно позволили мне дослать недостающее у Вас¹. Я посылаю при сем все остальные — главнейшие, если не по объему, то по содержанию, имевшие когда-то свое повременное значение. Прошу Вас вместе с сим принять и 2-е мое письмо к К[онстантину] Петровичу². Марии Сергеевне, с которой сегодня был разговор о пчелах, посылаю *очень* интересную книгу.

От всей души желаю Вам счастливого пути.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 144. На бланке управляющего Капеллой

1. О сочинениях Смоленского, имевшихся к этому времени, см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

2. См. письма к К. П. Победоносцеву от 4 и 5 мая 1902 по поводу похорон С. А. Рачинского.

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 мая 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Нервы ходят ужасно, даже и не помню со смерти моей матери, чтобы так часто и так легко лились мои слезы по малейшему поводу. В таком тяжелом состоянии духа пишу Вам первое письмо, благодаря Вас от всего моего растроганного Вашим вниманием бедного сердца. (Вот уже и слезинки в глазах!) Сегодня, в 9-й день по незабвенном Сергее Александровиче, я слушал литургию, и в ум неволью пришли воспоминания о тяжелых недавно бывших днях. Не успел оправиться хорошенько от панихидных впечатлений, как узнаю, что сегодня утром привезли обратно К. П. Победоносцева в совершенно удрученном состоянии духа, в совершенно расшатанном здоровье. Пробыл он, бедный, в Висбадене неделю и испытал на себе канонаду всяких издевательств письменных, всяких угроз, всяких обид от социалистов... Не выдержали нервы старика, а тут еще отлетела и непо-

рочная душа друга — Рачинского. Мне говорили, что К.П. чрезвычайно осунулся, сторбился, постоянно плачет и проникнут вообще припадком самой жуткой гражданской скорби. Вероятно, недолго наживет и этот, давно, еще с университетской скамьи высоко чтимый мною человек. И стар он, и разочарован в людях, и оскорблен, и болеет душою как русский и как глубоко верующий. А жалко очень — ведь это один из честнейших!¹ Наконец и о себе: благодарю Вас за все, чем Вы так трогательно поддерживали мою энергию в эту зиму. Совет Ваш о врагах я исполняю в точности, исполнил и сегодня. Ваших не видал и ничего не могу сообщить о них, но видел Елисавету Владимировну, сообщившую мне о кончине герцога Альтенбургского (мужа Елены Георг[иевны])². Нет времени писать еще, да на душе нет надобного покоя. Спасибо Вам, а о «сестре» — после.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 145

1. *Примечание Волковой в копии письма*: «Не дает верного представления о суждениях Смоленского о Победоносцеве».

Надо полагать, примечание Волковой появилось в то время, когда возник проект публикации Воспоминаний Смоленского и, возможно, фрагментов его переписки, то есть после 1917 (см. во вступлении к разделу). Безусловно, примечание носит отчасти «конъюнктурный» характер, хотя, действительно, только сочувствием отношение Смоленского к Победоносцеву не исчерпывается.

2. Смоленский упоминает Е. В. Сабурову, сообщившую ему о смерти принца Альберта Саксен-Альтенбургского, с 1891 мужа великой княгини Елены Георгиевны.

Смоленский — Волковой

Петербург, 21 мая 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Согласитесь, что, если бы шифр в начале этого письма был бы и началом известного стихотворения Гейне «*Leise zeiht durch mein Gemüt*», то этому шифру нельзя было бы отказать в оттенке некоторого нежного сентимента. Дело гораздо проще: не оказалось под рукой бумаги, а перед глазами оказался цветок. Отчего и его не пустить в дело? Отчего и не украсить простой лист, отрезанный от служебного бланка, чем-либо лучшим в сравнении с шифром Придворной капеллы? А затем, наконец, как ни мал, а чем плох этот весенний цветок? — да еще в письме к Вам? — о! я не укоряю себя в таком неожиданном шифре¹.

А все же, как ни хорошо первое весеннее тепло — жутко живется и нелегко на душе. Эти дни провел в сочинении отповеди на жалобу Ляпунова, весьма ловко вздумавшего свалить свои неисправности с больной головы на несколько здоровых зараз и не только не признать себя виноватым, но даже и принять поло-

жение атакующего и даже обиженного...² Скучно передавать Вам подробности последнего моего сочинения, но в главном сущность в следующих пунктах: 1) Ляпунов не сдает казенного имущества, уверяя, что я затягиваю прием; я отвечаю, что трудно заподозрить меня в желании продлить, хотя бы чем-либо приятным, мои дальнейшие сношения с таким человеком, которого я же удалил; 2) Ляпунов не сдает имущества, так как такая сдача невозможна по беспорядочности состояния его хозяйства, и 3) ничего не имею против выдачи в качестве «отступного» 3000 рублей, лишь бы вычеркнуть этого человека из числа бывших мне известными. Вся эта отповедь, в которой так много получено мною досадного и обидного, особенно же ни в чем не повинному Кленовскому, повергает меня в хандру. Еще хорошо, что меня уверили, что далее моей отписки дело не пойдет.

Зато я ликую по поводу начавшегося отъезда из Капеллы целого сонмища моих студентов, то есть кончивших курс и благовидно спущенных мною для очистки и упорядочения состава учащихся. Конечно, нельзя скрыть, что многие из этих выучившихся знают очень немногое из требуемого (от молодых людей), многие даже и толком не понимают азов в музыке, но я сделал всякие поправки, чтобы не заслужить нареканий и расстаться тихо-мирно. Зато я начинаю получать удовольствие вполне новое для меня в Петербурге.

Я страстно люблю детей, особенно доверчивых, умненьких и резвых. С каждым днем прибывают свежие личики, милые глазки, в которых так и читаются вся правда, или ясный, хитрый умишко, или доброта. Прошлогодние дети, которых я застал в Капелле, были так ужасны, так забиты, что все усилия заставить их поверить мне и встать под мою защиту были тщетны почти весь год; едва я отстоял вновь принятых прошлою осенью от всякого битья и издевательства 13—14-летних разбойников-солистов, и то удавалось только месяцами. Так сильны мерзкие обычаи низшей школы, росшей наравне со старой бурсой, со старыми уездными училищами, где дети имели таких лютых врагов, как учителя и старшие мальчики, где дети портились с нежного детства и узнавали очень многое лишнее.

Живо вспоминаю и свое детство и ужасные мои 7-й и 8-й годы в Казанской Kirchenschule³. Живо чувствую и ту семейную идиллию, которую наконец, на 4-й однако год, удалось мне установить в Синодальном училище. Теперь я, конечно, и старше и опытнее, чтобы скорее завести такую товарищескую семью и в Капелле среди новых детей. Вот почему так ликую я, провожая студентов и солистов, встречая вместо них прелестных, не оскорбленных еще детей.

Был я сегодня и у именинника — Константина Петровича, которого нашел еще более опустившимся и утомленным. Спасибо ему: он помог мне в несколько минут устроить дело с рукописями. Представьте, что Шир[инский]-Шихматов все-таки умудрился устроить штуку и здесь. Отказ мне в рукописях из Синодального училища повлек за собою и приказ Константина Петровича доставить их мне немедленно. С сентября или октября это «немедленно» тянулось под всякими предложениями. Вероятно, мой вид при недавнем нашем свидании был так

горестен, что К. П. вздумал меня утешить расспросами о новостях в моих занятиях. Удивленный, что рукописей еще не посылали, он что-то записал в книжку, и вот вчера получаю бумагу из Синода, что рукописи препровождены в «архив Синода», где я смогу ими пользоваться в такие-то часы и дни... Сегодня именинник, адресовав несколько комплиментов столь «немеющим перед законом», приказал отправить рукописи ко мне лично. Вот и опять моя жизнь станет веселее и содержательнее. Опять заведется область труда, где я так свободен, что счастье моей жизни, моя бесценная Анюта не может сунуться без понимания своего полного бессилия; тут и начальство мне не указ, что хочу — то и делаю, что ни придумаю — то и работаю — свобода полнейшая.

Ваза Вашего выбора оказалась после вымытия, украшения цветами, на солнечном свете так изящна, так красива, что жена влюбилась в нее и я порешил не отдавать ее Шереметевой⁴. Пусть хоть такой сувенир будет постоянно [напоминать] о Вашем внимании к бывшему у меня затруднению по части дамских подарков. Чтобы не забыть, прибавлю, что Шереметевой о вещах в Соляном городке сообщено. Чтобы не забыть, оговорюсь и так: поклоны мои и жены Вам и Вашей маме и сестре пишутся и в этом письме, будут писаться и впредь, если только по рассеянности моей не случится забыть. Будьте здоровы и веселы.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 146—147

1. Смоленский наклеил или вложил в письмо весенний цветок, который и вызвал у него в памяти стихотворение Гейне:

Leise zeiht durch mein Gemüt
 Liebliches Gelaute.
 Singe, kleines Frühlingslied,
 Sing hinaus ins Weite!

Fling hinaus, bis and das Haus,
 Wo die Blumen spriessen.
 When du andere Rose schaust,
 Sag, Ich lass Sie grüssen.

В переводе Александра Блока:

Тихо сердца глубины
 Звоны пронизали.
 Лейся, песенка весны,
 Разливайся дале.

Ты пролейся, где цветы
Расцветают томно.
Если розу встретишь ты —
Ей привет мой скромный.

2. Обо всех нюансах дела С. М. Ляпунова см. главу «Придворная певческая капелла» в Воспоминаниях Смоленского (РДМ. Т. IV).

3. О школе при лютеранской церкви в Казани см. также в Воспоминаниях (Т. IV. С. 61—63).

4. Ваза предназначалась, по-видимому, для М. Ф. Шереметевой, супруги Александра Дмитриевича.

Смоленский — Волковой

Петербург, 24 мая 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу Вам в состоянии самого невыразимого душевного страдания, с самой сущей горестью, посылая Вам этот листок, который вынужден был написать. Судьбе угодно было наказать меня к тому же только что бывшими беседами с невыразимо наглыми гг. Азеевым и Варгиным, доконавшим меня так сильно, что я даже заплакал от надобности выслушивать такие речи, от слабости своей воли, от той деликатности, по которой я не в силах дать людям резкий отпор¹.

Листки-копии прошу возвратить мне.

Прошение Ляпунова написано удивительно ловко, полно лжи в передергивании и полно злости между строк. Мой ответ, как видите, прямо жесток, прямо безжалостен и унизителен для Ляпунова, и меня мутит то, что это сделал я сам, я — который молится за того же Ляпунова и которому ничего не остается, кроме надобности выставить, наконец, этого человека в полный рост! Я поминаю на своей молитве всех их совершенно искренно, совершенно сердечно, и я же должен выносить щелчки, я же должен по службе давать сдачу, конечно бумажную. Вот и опять полны слез бедные глаза мои, опять защемило в груди. Простите меня в посвящении Вас в жалкий круг низостей Капеллы. Не вашей чистой душе пачкаться в этой грязи, но я врачую себя, выливаясь на бумаге, исцеляю от общения с другом кротким, и легче мне для дальнейшей борьбы.

Азеев сегодня подал мне прошение о пособии по случаю болезни его жены. Я ответил ему, что, во внимание к отношениям графа [А. Д.] Шереметева к бывшему делу об увольнении Азеева от службы, мне нельзя своею властью разрешить выдачу пособия, так как это будет обидною моею выходкою против Шереметева. Надобно было затем лично выслушать кому-либо, чтобы судить о качестве изысканных корректнейших дерзостей, упреков в жестокости, намеков на Императрицу Марию Федоровну и проч. Азеев сказал мне, что я обязан удо-

влетворить его просьбу, что незачем вводить в это дело 3-е лицо, что я действую пристрастно, угождая Шереметеву и удовлетворяя своей злобе, и проч. и проч.

Другое свидание было еще хуже. Я выхлопотал уволенному помощнику регента Варгину пособие в 1200 рублей. Он явился ко мне с претензией, отчего ему не дали «годовой оклад» жалованья, на который он «имеет право», затем он начал мне грозить судом за невыданное ему вознаграждение за уроки, которых он не давал однако после увольнения, но к которым он был приглашен на целый год. И опять те же виртуозные дерзости, тот же шантаж в глаза. И вся эта мучительная каторга в один день! О, как тяжело!

И удивительные эти люди, которых дерзость просто бездонна и безгранична. Откуда у них такое мастерство говорить дерзко, такое уменье передергивать данные, такое уменье лгать не краснея, такое уменье оскорблять людей тонко, без лишних слов, как бы ведя серьезную беседу? Обиднее всего то, что ждешь понимания моего к ним человеческого отношения, а встречается это Бог знает как!

Не осудите это письмо, прямо для Вас неприятное. Как бы я желал написать Вам несколько веселых и интересных писем. Ведь вероятно и у Вас на новоселье не особенно много развлечений и нет такого общения с людьми, как бывало здесь в Петербурге?²

Поклон моей жены Вам и Вашим.

Преданный Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 148—148 об. На бланке управляющего Капеллой

1. О перепетиях «сражений» Смоленского с сотрудниками Капеллы см. в указанной главе Воспоминаний, где приводятся и всякого рода официальные документы по этому делу.

2. Имеется в виду переезд Волковых на лето в подмосковную усадьбу, в этом году — в Спасское-Телешово.

Волкова — Смоленскому

Спасское¹, 26 мая 1902

Благодарю, благодарю. Завтра или во вторник надеюсь написать пространнее, а сегодня против ожидания не успела. Мы благодаря Бога устроились недурно. Весна все красит. До письменного свидания.

С. В.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 12. Открытка

1. Спасское (Спас-Телешово, Спасское-Телешово) — село в Клинском уезде Московской губернии, в 23 верстах от уездного города и в 2 верстах от станции Подсолнечная, при селе церковь, церковно-приходская школа и частная школа рукоделия. С 1807 село находилось во владении семьи князей Львовых. Здесь жили дед и бабушка Софьи Сергеевны — Владимир Владимирович и Софья Алексеевна (урожденная Перовская) Львовы, ее тетки Анна, Александра, Елизавета Владимировны Львовы; в Спасской церкви венчались ее родители в 1861.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 28 мая 1902

Многоуважаемый и добрый Степан Васильевич.

Написала Вам несколько слов не в конверте, а на открытой карточке потому, что боялась причинить вам неприятность и удивление, если бы Вы в конверте нашли письмо такого малого содержания.

Строчила я на прошлой неделе много, но не пером и чернилами, а разные занавески, чехлы и оборочки. Обойщик, вызванный из Москвы, оказался непривычным к ручной машине; девушка, приехавшая со мной из Петербурга, слегла в больницу; итак, вынеся швейную машину на балкон, среди моря зелени и пения кукушек, пришлось предаться усердному рукоделию. Вот способ дать улечься раздражению, вот для усталой головы отдых среди забот, какого нет у вас. Способ хороший и при раздражении гораздо более полезный, чем прежний мой обычай: проигрывание наименее знакомых фуг из Wohltemperiertes Klavier.

Для Вас чаю другого хорошего способа утишить душевные волнения и нервность: возвращения к любимым занятиям, к научным трудам. Искренне и несказанно радуюсь известию, что рукописи наконец в ваших руках. Слава Богу и спасибо Константину [Петровичу] ...¹

...сердечно страдая от нападений людей, чуждых для Вас вне службы. Случалось ли Вам выносить несправедливости от людей любимых, родных или друзей? Даже и от тех, про которых можно сказать «в доме Божиим ходихом единомышлением»? Тогда действительно подозрение в недоброжелательности является жестокой неожиданностью. Здесь же, во всех дерзостях, во всем отпоре и озлоблении ведь много такого, что не относится к Вам лично. По долгу службы и совести Вы явились обличителем многих неправых дел. На вас смотрят как на опасную щелочку, через которую проникает свет, и каждому, дела кого не терпят света, хочется зажать эту щелочку. При таком кризисе ни Вам желать добра, ни утешаться вашей доброжелательностью лагерю старой закваски не приходится. Не выходит ли это приставлением новой заплатки к ветхой одежде? Желая Вам поскорей удалить из среды работающих как можно больше из ветхой закваски, хотя бы и озолотить ее. Вот и приходится не жалеть казны; а людей,

во многом несчастных и озлобленных, надыхавшихся отравленным воздухом, — все-таки жалеть. Говорите Вы на разных языках: тут не столкнешься.

Мне кажется, что от переутомления Вы все это еще более к сердцу принимаете и не можете в часы отдыха стряхнуть впечатлений, отзвывающихся нравственным смрадом. И еще более пускают в вас лично ядовитых стрел, видя, какую вы подставляете готовую мишень. Это уже говорила вам Александра Александровна [Оленина].

Письмо ваше от 21 мая с весенним шифром очень меня порадовало. Стихотворения Гейне, признаться, не помню! Незабудок здесь много, нарциссов, ландышей и сирени. И при всем том приходится бороться с тоской по родным местам, даже и старая прислуга наша ходит понурая голову. Прошрое и прошрое лето не пришлось в июне быть в Высоком, и теперь хоть близко, да недосягаемо¹. Здесь нет открытого вида на сенокос, не слышно из дома пения жаворонка, не течет внизу сада река, и т. д., и т. д. Какую вазу Вы было выбрали? Были стеклянные, с перекрещенными трубочками, вроде следующей (*рисунки*). Таких можно было достать пару и прищелмлять меню между трубочек. Сдается мне, что у Анны Ильиничны теперь стоит изящная венецианская, а те, которые рекомендую для гр[афини] Шер[еметево]й, еще в магазине. Анне Ильиничне прошу передать от нас поклон.

Ноты Ваши здесь у меня, но еще не удалось узнать, ожидается ли Корещенко на дачу. Прочли ли Вы Oettingen'a (мою брошюру)?² Что о ней скажете? Видаете ли Богданова-Бельского? Странно мне, что я так и не видала его. Тоскует он, наверное, жестоко. Видели ли Вы статью Компанейского в Русской Музыкальной Газете 18—25 мая?³ Хотелось бы и мне познакомиться с Вашими стихирами, узнать их биографию, хотя многого не пойму, по невежеству, о фитах и проч. Напечатаны ли стихиры?⁴ За книжку об Эрарском спасибо⁵. Она мне много доставила удовольствия. Хотелось бы узнать побольше о его деле. Какого возраста были игравшие дети? Полагаю, были и совсем маленькие, игравшие на клавишах дудофонов и вальторнов одним пальчиком, — если верно понимаю суть оркестра. Книжку пересылаю Людмиле Ивановне [Шестаковой].

Кстати о детях: Вы мне напророчили приятных спутников, в вагоне оказался такой прелестный 3-летний «Котик», что при расставании с новым другом мне в утешение обещали прислать его портрет. С ним было очень весело. Именно «ясный, хитрый умишко», и притом доброта и редкая миловидность.

Вы спрашиваете, много ли у нас тут общения. Третьего дня обедал земский врач⁶, завтракал священник, после экзамены в школе у тети⁷. Вчера, проездом из Петербурга провели у нас несколько часов Сабуровы⁸. Елизавета Владимировна говорила мне, что телефонировала Вам «буду дома после 5-ти» и пожалела, вернувшись домой в 4½, что застала только Ваши карточки. Она Вам кланяется.

Это длинное письмо да послужит ответом на три Ваших. Копии посылаю в отдельном заказном конверте — еще раз благодарю Вас.

Вы спросите о моей матери и сестре: матери здесь, кажется, хорошо, сестра первые дни скучала, теперь, кажется, меньше. Храни Вас Господь.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 13—15 об.

1. Лето и осень 1902 Волковы провели не в своей усадьбе в Высоком, а в Спасском, владельцами которого являлись тетки Софьи Сергеевны.

2. Речь идет о работе немецкого музыкального теоретика Артура фон Эттингена (Oettingen Arthur Joachim von; 1836—1920) «Harmoniesystem in dualer Entwicklung: Studien zur Theorie der Musik». Dorpat - Leipzig, 1866.

3. В этом номере РМГ напечатана статья Н. И. Компанейского о знаменных стихирах Пасхи.

4. Стихиры Пасхи Смоленского были опубликованы только в 1905.

5. Имеется в виду отдельный оттиск статьи Смоленского об А. А. Эрарском и его детском оркестре, опубликованной в РМГ (1897, № 12).

6. Земский врач — Иван Иванович Орлов из больницы в деревне Солнечная гора.

7. Экзамены в школе рукоделия в Спасском-Телешове, существовавшей на средства княжны А. В. Львовой.

8. Имеются в виду Елизавета Владимировна Сабурова и ее дочь Александра Андреевна.

Смоленский — Волковой

Петергоф, Английский дворец, 29 мая 1902

О, каким свежим, хорошим теплом пахнуло на меня по получении Ваших первых строк! Знаете ли Вы, добрейшая Софья Сергеевна, как много значат иногда немногие строки! Знаете ли Вы, как радуюсь я, найдя в Вас все то, что я потерял в незабвенном и прекрасном моем друге Сергее Александровиче! Уговорился с Анютой, чтобы она не ревновала, так как и в прошлом и в настоящем Бог наградил нас таким чудным, невозмутимым счастьем, которое мы оба бережем, ценим и за которое только можем благодарить Бога, видя многое горькое на многих других. И она не ревнует, ценя всю чистейшую мою к Вам дружбу и Ваше редкое в наш век сердечное участие ко мне, так внезапно осиротевшем и так трогательно для нее воспрянувшем духом.

С нетерпением буду ждать Вашего подробного письма и отзыва о моих действиях относительно Ляпунова. С тех пор в суতোлке моей жизни произошло немало событий, имеющих хотя бы и интерес дня, но в цепи других имеющих и смысл, и относительное значение.

Государь был чрезвычайно милостив со мною и 25-го и 26-го за службами, и за последовавшими потом завтраками. Это внимание, конечно, сейчас же было замечено так называемыми «притворными» лицами, и потому и дела мои, как и Шереметева, вдруг начали налаживаться с заметным ускорением, чем тогда, когда эта скорость была нужна прежде и отсутствие скорости так угнетало меня. Через какие-нибудь полчаса у Шереметева была продолжительная беседа с министром Фредериксом, а у меня с заведующим двором Императрицы Марии Федоровны — кн. Шервашидзе¹. Беседы эти были так просты и предупредительны, так благоприятны, что вечером 25-го у Шереметева в Ульянке был собран семейный совет по поводу обсуждения плана действий, так как Шервашидзе уверил в надобности уговорить Императрицу дать аудиенцию Шереметеву или в эту пятницу, или в будущую среду. На общем совещании, согласно утренней беседе с мундирами в лентах и звездах, решили, что пришла пора покончить с историей Азеева, всем надоевшей, вредной и безнадежной к поправлению вследствие полной и злой бестактности Азеева, бунтующего малых и больших певчих ради своих упований на Императрицу. Как гора с плеч свалилась у всех, когда и графиня Мария Федоровна [Шереметева] (называемая в нашем кружке № 2-й, в отличие от № 1-го, то есть Императрицы) вполне присоединилась к нам и тем, так сказать, установила дислокацию действий и их надобный ансамбль. Поводом к такому решительному шагу послужила неожиданная выходка певчего Леплинского, успевшего промотать целое состояние и пропить последний ум и последнюю степень сдержанности. По поручению моему врач Капеллы (а о нем я, кажется, сообщал Вам, что он одним годом старше меня по Казанской гимназии, после чего мы, не выдавшиеся 36 лет, встретились уже почти стариками) уговаривал Леплинского бросить свои кутежи и вернуться к службе, а г. Леплинский, рассмеявшись в глаза, ответил: будет вам; вы забыли, что у нас есть Императрица Мария Федоровна!

Сегодня я пишу к Вам в особенном благодушии, так как мне удалось начать действительно доброе дело. Есть у нас певчий Соколов — бас, следовательно для усиления нижних нот выпивающий и оттого потерявший свою последнюю волю и умение владеть собою. Этот, в сущности очень добрый человек, совестливый и деликатный, в последнее время задурил так, что жена его потребовала отдельный вид на жительство, а при дележе имущества из какого-то пустяка произошла грубая сцена, кончившаяся вмешательством полиции и доведением всего до моего ведома. Сегодня Ваш корреспондент по этому случаю устроил нечто совершенно удивившее Соколова и своею неожиданностью, и вполне неслужебными объяснениями. Сегодня я, проходя в Английский дворец, увидел Соколова и пригласил его, трясущегося от страха и стыда, к себе вполне ласково и участливо. Начавшаяся наша беседа сначала сбила с толку Соколова совершенно и до такой степени, что ему показалось это начало какою-то ловушкой с моей стороны. Большие певчие Капеллы приучены давно трястись перед управляющими и по-

лучать от них выговоры, окрики, оскорбления и т. п. Мне было много хлопот, чтобы усадить Соколова со мною рядом на диван и добиться от него беседы как моего ближнего брата. Появившиеся внезапно у него судорожные движения в лице и затем крупные слезы показали, что человек понял сразу меру моей любви и сострадания к нему и надобность говорить со мною вполне откровенно и «по душам». Мы говорили о том, как мерзок нетрезвый человек и как живо должна чувствовать оскорбление в том жена такого человека, как часты бывали эти оскорбления, как много раз были извиняемы эти ужасы возвращения домой нетрезвого мужа и отца, пока, наконец, ради двух дочек, начинающих однако понимать многое, бедной жене пришлось забыть и бывшую любовь, и бывшее счастье, пришлось бросить мужа ради своих детей; на мое счастье Соколов, беседуя со мной, сразу обнаружил, что для храбрости, в ожидании бурных объяснений, он уже успел «хватить коньячку» и убедиться в совершенно неожиданной для него иной беседе со мною. Я уговорил Соколова поговорить на этой неделе, исповедаться и приобщиться, найти в себе силы, чтобы перед причастием помириться с женою, хотя бы и не приглашая ее вернуться в дом; затем я устроил моему больному душою и сердцем отпуск — радость его и сердечное ко мне чувство признательности стали прямо прелестны. На мой вопрос: не правда ли, что уже сейчас, когда вы только решили поговорить и примириться с женою, когда вы поняли всю радость возвращения к порядочности — на душе стало много легче, чем даже час назад? — я получил твердый ответ: «да, благодарю и обещаю». Я благословил его трижды всею любовью моею и всею верою моею в кроткую силу правды, и мы расстались. Он пошел домой, а я стал писать к Вам.

Я живу в Петергофе без моих несносных студентов, которых либо разослал по родительским домам, либо за окончанием курса, либо по всяким предлогам удалил из Капеллы. Вы не в состоянии представить себе общее удовольствие и общий подъем духа по поводу отсутствия этих молодцов. Теперь дело пойдет без тех упорнейших противодействий, которые так тормозили Капеллу в минувшую зиму и так отравляли и ожесточали меня. Бог даст, наладится теперь дело по-хорошему в скором времени. Только бы завести семью доверчивую между этими извержившимися и забитыми детьми, совершенно отвыкшими видеть в старших что-либо другое кроме недоброго.

Сегодня я имел преддверие двух свиданий, назначенных на завтра: с Елисаветой Петровной Калачевой и с княгиней Екатериной Имеретинской, имеющими до меня что-то вследствие моего письма к Победоносцеву о кончине Рачинского. Вероятно это отблеск моего Вам пожертвования?² Если так, то благодарю Вас. О Калачевой я слышал давно самые восторженные отзывы как о неподражаемой доброте и беззаветной, трудолюбивой, умной попечительнице; об Имеретинской — никакого представления, хотя и идет это свидание через Ел. Вл. Сабурову. Я вижу часто А. А. Оленину, но «извлечения» меня к ней, как было условлено, еще не последовало.

Вот — отписался и на душе легче.

Поклон мой и жены Вам и Вашим.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 149—150. На бланке управляющего Капеллой

1. О Шервашидзе см. комментарий к письму Смоленского к С. Д. Шереметеву от 15 сентября 1902.

2. Под «пожертвованием» понимаются письма Смоленского о Рачинском, отправленные в Петербург из Татевы и переданные затем не Победоносцеву, которому они адресованы (см. эти письма в разделе переписки с Победоносцевым), а дружественному «дамскому кружку», в который входили Е. П. Калачева — педагог, учредительница так называемого Народного детского сада на острове Голодай в Петербурге в 1897, и светлейшая княгиня Екатерина Александровна Имеретинская, попечительница яслей в отделе Общества попечительства о бедных и больных детях в Петербурге.

Смоленский — Волковой

Гатчина, 3 июня 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Я не умею писать такие милые письма, такие изящно-деловые, каким Вы наградили меня под № 1. Заранее извиняюсь перед Вами в плохом достоинстве моего слога на все будущее время и признаю себя совершенно побежденным Вами как авторшей. Неожиданно выходит, что, кроме сущей отрады для меня писать Вам и получать ответы, я получаю даже и литературное наслаждение. И ранее думалось мне по Вашим письмам и речам, что Вы отлично владеете пером, но, каюсь, не предполагал Вашего столь сильного мастерства.

Пишу из Гатчины после вполне бессонной ночи, так как вчера в обычные 11 часов вечера упивался крюками и разночернильными чертежами ритмических схем; вдруг во 2-м часу ночи требование в Гатчину на никогда не бывалую службу в Духов день... Совсем опешил Ваш почитатель, так как ради праздника распустил всех больших и малых по домам и в отпуски, а единственный способ попасть из Петергофа в Гатчину — поезд в 6.30 утра. Пришлось работать телефоном, телеграфом, вестовыми пешими и конными, волноваться, досадовать, тревожиться. Только очаровательнейшая красота сухого теплого утра, чудный цвет зелени и воды при косых лучах восходящего солнца немножко умиряли меня. Теперь, после приема всяких певцов на попутных вокзалах, мы все почти в сборе, петь обедню можно, — сам вздремнул между Питером и Гатчиной, отдохнул сколько удалось и уже телефонировал жене: «все хорошо». Вижу — ребяташки мои пьют кофе и похваляют, являющийся красный камзол сообщает,

что завтрак будет на чистом воздухе, вижу: имею свободных вполне неожиданных 40—45 минут. Что может быть прелестнее для меня, как не письмо к Вам?

За письмо Ваше — большое Вам спасибо, добрейшая Софья Сергеевна! А если будете строго, много-много строже журить меня — сумею отблагодарить Вас. Только прочтя Вашу критику моей отповеди по Ляпуновскому делу, я понял, как слабо мое писание с точки зрения развития логической мысли. Стыдно мне стало за себя, что увлекся, не рассудил азов и пустил бумагу по начальству (еще молчащему). Будь я поумнее да поосторожнее — не писал бы такую отповедь сгоряча, а прочитал бы хоть Аняте. Не сделал я этого, хотя она и знала, чту я пишу, — только оберегая ее нервы. После Ваших слов мне только смешно и жалко, что такой документ, может быть имеющий и некоторую будущность, писан мною так невыдержанно...

Весьма тронут Вашим запросом о моих пасхальных стихирах. Статью Компанейского читал и не нашел в ней многого. Вы знаете, что я не композитор, то есть лишен творческого дара. По этой причине я не печатаю свои музыкальные кропанья, да и техника моя после 20-летних занятий крюками так отстала, что нечего и людей смешить печатанием своих вдохновений. Но некоторые мои переложения все же мне удаются, как кажется. Сужу о них по тому, что, попадая в прошлые годы на общественный суд чрез пение чудного Синодального хора в Успенском соборе, они как-то сразу остаются безвыходно в репертуаре. Таковы мои аранжировки некоторых напевов «Господи воззвах», Ектении, «Буди имя Господне», две Херувимских, «Милость мира» ([на литургии] Вас[илия] Вел[икого]), «Хвалите имя Господне», стихиры Пасхи и проч. Сочинения мои — забавно плохи, сентиментальны, вычурны — даже глупы. На своем веку я помарал бумаги немало на всякое музыкальное воровство, ибо мне доставляло в прошлом это занятие какое-то озорное удовольствие. Стыдно и вспомнить про польки, кадрили из сонат Бетховена, вальсы на темы Реквиема Моцарта и т. п. глупости. Я, не танцовавший с 17—18 лет (ибо весьма эффектно полетел с ног среди зала Дворянского Собрания в Казани), всегда страстно любил танцы и оттого много лет был самым одушевленным тапером, особенно в области вальса и польки (кадриль и «лансье» я терпеть не мог, и их всегда играл вместо меня мой «Primo» в 4 руки — мой друг и товарищ Н. И. Соколов). Вот за этим-то занятием я и развил себе способность играть вальсы на темы из ноктюрнов Шопена, или фуг Баха, или квартетов Гайдна.

Ухожу к обедне. Говорят мне, после завтрака Императрица снимется со всеми в фот[ографической] группе — но побаиваюсь, глядя на тучки. Обедню пели очень хорошо. Весело пошли угождать бесу объедения, но последовало и наказание немедленное. Сначала капельки сверху, которых мы, конечно, не замечаем; потом капель среднего напряжения — а мы все ничего, шутим, разговариваем; потом капель в виде хорошего дождя — мы, по примеру высших,

накрываем головы салфетками, причем Ваш покорный слуга устроил нечто вроде монашеской женской ряски, — а все-таки бодримся; наконец кто-то сдался и укрылся под галерею из зелени, а дождь все крещендо; наконец славнейшие мира сего дали пример «аллегро удирато», а мы проявили способность к прыганию через лужи, причем особы прекрасного пола были изящны в подборании своих юбок, а мы проявили комическое дарование, вызвавшее общее веселье. Все это описываю Вам потому, что еще, за преждевременным окончанием нашего «фриштика», осталось почти полчаса до поезда. Не могу только не упомянуть, что толстяки со звездами были действительно забавны. Может, я был еще хуже их, но я не решился прыгать, а прямо и положительно шагнул в лужу.

Три дня я любовался милою Александрою Владимировною [Косиковскою]. А. В. поручила приписать Вам и Вашим ее поклон и привет. Ее стройная высокая фигура прелестна, а в коричневом одноцветном платье, да еще на солнечном свете — просто очаровательна.

Ведь вот грех какой болтать! Хотел Вам и о деле писать, а написал все пустяки. На душе у меня много легче, так как дело об удалении Азеева в виде прелиминарных разговоров с Императрицей покончено совершенно. Таким образом еще одной «великой реформой» больше в Капелле и одним сущим наинегодяем меньше.

Очень прошу Вас передать мой и жены моей поклон всем Вашим, а Вам прошу принять мой сугубый привет. Ваше прелестное письмо живо напомнило мне минуты моего очищения от ответов Рачинского. Но Вы изящнее его, деликатнее его, да и письмо Ваше — первое для меня сильное впечатление.

От всего сердца благодарю Вас, а писать еще некогда.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 151—152

Смоленский — Волковой

Петергоф, 12 июня 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Из Спасского молчат упорно. А из Петергофа пишут усердно. По поводу моей отповеди по Ляпуновскому делу загорелась целая история в виде назначения министром ревизионной комиссии для констатирования непорядков собственно в документальных частях ляпуновского хозяйства. С Азеевым дело также, по-видимому, кончается этими днями, так что верно определенное «время великих реформ» не только близится, но уже и переживается.

Работаю я весело, энергично, с утра до вечера, постоянно подбадривая моих сослуживцев. Два мои московские молодца работают превосходно, веселя мое старое учительское сердце¹.

Третий молодец, которого я думаю, но еще не решаюсь и, может быть, не надумаю взять в Капеллу, волею судеб теперь Ваш сосед. Он проводит лето в Подсолнечной и есть сын главного мастера Прохоровской фабрики, а зовут его Климов, Михаил Сергеевич [верно: Егорович]². Пишу Вам именно для того, чтобы просить Вас взглянуть на этого юношу. Он очень умен, знающ, вполне порядочен и серьезен. Я считаю его одним из очень хороших моих учеников, обладающих к музыке только, так сказать, умными способностями, а не дарованиями художественными, более учительскими, трудолюбивыми, а не исполнительскими. Вопросы о переселении Климова из Тамбова³ в Капеллу он и не подозревает, да и говорить ему не надо, а меня живо интересует, какое он произведет на Вас впечатление в объеме требований от ученика Синодального училища. Года два назад он порядочно играл на фортепиано и знал теорию очень толково. Теперь он написал курс методики.

Как Вы здравствуете? Как Вы порадовали меня Вашим письмом! Как здравствуют Ваши?

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 153. На бланке управляющего Капеллой

1. Первые двое из бывших учеников Смоленского, привлеченные им в Капеллу — «золотые» выпускники Синодального училища 1899 года А. Г. Чесноков и П. Н. Толстяков.
2. Из автобиографии М. Г. Климова:

Я родился 22 октября 1881 года в селе Завидово Московской губернии Клинского уезда. Отец мой из крестьян Тверской губернии, с 16-летнего возраста работал на фабриках. Последнее место его работы — фабрика Прохорова в селе Солнечной горы Московской области, где отец проработал с 1882 по 1909 год в должности ткацкого мастера, уволился по преклонному возрасту.

(РНБ, ф. 1127, № 2)

Сюда же летом приезжали к родителям братья Чесноковы, Павел и Александр, здесь, в Никольской церкви во второй половине 1880-х — начале 1890-х регентовал их отец Григорий Петрович Чесноков.

3. После окончания Синодального училища Климов уехал в Тамбов преподавателем церковного пения и скрипки местного епархиального училища.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 14 июня 1902

Добрый Степан Васильевич, из Спасского пишут и просят прощения. Чувствуя себя очень виноватой, свалю часть вины и на Вас. Вы меня захвалили, и мне стало неловко взяться за перо, точно сажусь за сочинение, а не за письменный обмен мыслей, живое общение. Теперь, по прошествии недели или более, это чувство несколько обошлось, и надеюсь, что Вы, не желая причинить мне неприятных ощущений, не возобновите его ни в каком случае!

Только что получила, сегодня, третье ваше письмо.

Как приступить к исполнению вашего желания насчет Климова — еще не придумала. На поддороге между нами и Солнечной живет Корещенко¹, но с ним еще не познакомилась. Впрочем, в настоящее время он уехал дней на пять. Радуюсь, что Вам работается бодро и весело. Тогда и дело спорится, и всем кругом работается веселее.

Рада буду услышать, что ревизионная комиссия окончена, и без неприятностей и придинок. Я боялась, что таковые могут возникнуть по поводу Вашей отповеди, где вначале могло показаться неясным, например, обвиняете ли вы Ляпунова в неведении и недосмотре в деле заклада виолончели или в соучастии. Говорю, конечно, о придирах со стороны недоброжелателей.

Мой отец положил себе за правило никогда не отправлять важных писем и деловых бумаг в день, когда писал их, считая необходимым перечесть их в то утро, которое «вечера мудренее». Думаю, что это правило полезно применять не только к письмам, но и к исполнению многих решений и словесных передач. Кстати о важных беседах, — возымела ли Ваша беседа с одним из ваших певчих то действие, на которое вы надеялись? Отговорел ли он, или опять, бедный, не выдержал?

Еще три вопроса хочется поставить вам: виделись ли Вы с Е. П. Калачевой, хорошо ли с ней поговорили? Не благодаря ли вам она нам прислала свой преинтересный отчет о Детском саде и приюте?² Не знаете ли Вы, где Богданов-Бельский?

Еще Вас не благодарила не только за все письма, за живое описание завтрака в Гатчине с милой весточкой об А. В. Косиковской, но и за присылку стихир. Они очень много доставили удовольствия не одной мне, но и маме. Проиграла я их внимательно и жалела, что не при Вас, что о многом не могу спросить Вас. Или, так и быть, возьму второй лист, и что можно, спрошу письменно.

Вот, например, на словах «Сей день» мне нравится в альтовом голосе оставленный *соля*, при котором на слове «день» получается септаккорд, и мне хочется знать, нарочно ли это, во избежание параллельных квинт? А на слове «приидите» меня смущают параллельные октавы в басу и дисканте, тем более,

что, казалось бы, так легко избежать их, дав дисканту *fe* вместо *си* на 2-м слоге. Или это было бы не в стиле? Есть еще несколько параллельных октав, смущающих меня, но большинство из них дублированные, как на стр. 4-й, «живаго с мертвыми» (бас и 2-е сопрано) и на стр. 5-й, в размере $4/2$, *ля* — *солъ* в басу и дисканте на слове «Пасха».

Октавные же переходы на первой странице, где минорное трезвучие 6-й ступени берется в положении октавы, сейчас после мажорного трезвучия 5-й ступени тоже в положении октавы, после слов «святая» и «непорочная», объясняется как бы органичным пунктом, то есть *fermato*, на этих словах, не правда ли?

Еще и многое другое, в области менее сухо-технической, интересовало бы меня, да спросить письменно не сумею.

Уж и так должна спешить, встречать на поезде сестру, возвращающуюся с поездки к друзьям. Мы зажили уютно, погода почти сплошь теплая и приятная. До письменного свидания. Привет Анне Ильиничне.

С. Волкова.

Мы подавали за Сергея Александровича в прошлое воскресенье, накануне 40-го дня.

Вопросы и замечания мои, пожалуйста, отнесите на счет моей неопытности в деле церковного пения и особенностей его голосоведения. А хотелось бы поближе присмотреться к ним!

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 16—19

1. Композитор А. Н. Корещенко, преподаватель фортепиано в Николаевском институте, отдыхал этим летом вблизи станции Подсолнечная. Вместе со своим другом М. А. Слоновым он ездил в июне в Харьковскую губернию.

2. Начиная с 1898 Е. П. Калачева выпускала отчеты о деятельности руководимого ею благотворительного учреждения. Волкова познакомилась с отчетом за 1900/1901.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 16 июня 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Благодарю Вас за письмо, только что мною полученное. Отвечаю Вам сейчас моим полным извинением и вместе и полным недоумением, так как решительно и добросовестно не могу припомнить, в чем бы я мог провиниться перед Вами. Несомненно однако, что вина моя имеется, так как за что же Вы прогневались на меня, да еще и так строго?

Отвечаю Вам и по пунктам. Певчий Соколов говел и вчера причастился, с женою трогательно помирился и теперь ходит в великом благодушии. Неделю с небольшим назад я встретил опять всю эту семью и полюбовался их общим

удовольствием. Говела и жена, и дети причастились. По грубости придворных певцов вздумали было поднять эту хорошую веру и любовь на смех, но и тут нашлись совестливые люди, вступившиеся за Соколова. Пока он вполне трезв и весел.

Относительно моих стихир скажу так: конечно, я настолько владею головами, чтобы не писать квинт и октав, но в то же время я очень ценю и люблю хоровую звучность и вполне допускаю удвоение голосов даже там, где это удвоение кажется параллельными октавами. Таковы именно все те случаи, которые Вы указали.

При - и - ди - те

как и

Сей день

написаны, конечно, умышленно, как и следующее:

с имитацией колокольному звону. Что касается квинт, то не скрою от Вас, что я очень люблю писать некоторые параллельные не только квинты, но и трезвучия, оправдывая себя тем, что большие и малые тоны, большие и малые полутоны совершенно не образуют (строго говоря) параллельных чистых квинт, которые действительно противны; с другой стороны я множество раз вдумывался в употребление квинты как рядовой 5-й ступени в наших мелодиях и пришел практически к мысли, что она, как доминанта, то есть как 5-я ступень, совершенно не имеет и не может иметь в наших народных мелодиях немецкого значения. Следовательно и в гармонии значение употребления квинты 2-голосной для

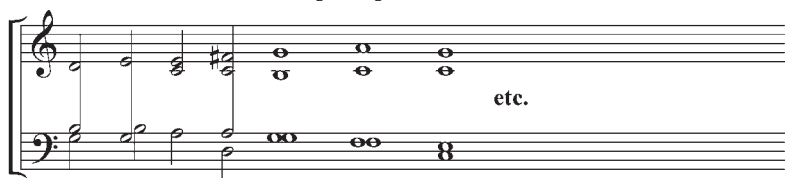
русского, не фортепьянного слуха может иметь гораздо более свободное применение. Например, я нахожу прекрасным

или

хотя иногда и я сам не позволю себе усладить слушателей такую неслыханную ересь и вольнодумством. Впрочем, за фортепиано мне легче будет как-нибудь потолковать об этом. Чем, например, плохо

При моем вечно бунтующем и ссорящемся характере я горой буду стоять и за это голосоведение и сочетание IV и V, в сущее недоумение многих. Я слышу это в природе, я чувствую это в крюках.

Сегодня почему-то не была у обедни Александра Александровна Оленина, хотя я ее видел третьего дня. Сегодня во 2-й раз пелась в Александрии обедня нового направления, так как я сам взялся, наконец, за Капеллу и торможу это сонное стариковское и ленивое царство. Зато сегодня Государь сказал мне: «сегодня пели особенно прелестно». Этого было достаточно, чтобы певчие выросли сразу и чтобы я теперь начал их тормозить с большею уверенностью и еще сильнее. Сегодня пели Херувимскую е moll из обедни Чайковского, «Тебе поем» Полуэктова, «Достойно есть» и «Милосердия двери» Кастальского — то есть на старый хлам, всем надоевший, прямо поставлен крест. Моей осторожности хватит выкуривать этот хлам понемногу и усиливать технику оттенков, крайне слабую еще в Капелле, страдающей какой-то грубой ругиной, полным отсутствием изящных хоровых приемов. Капелла решительно не умеет сделать на одну букву crescendo хотя бы в течение такта, а о diminuendo лучше и не заикаться — получается какой-то сдавливаемый звук,

хрипота, а не художественный нюанс, о *рр* — даже и не завожу речи — это дай Бог через полгода.

За Мишу Климова благодарю Вас очень. Я подожду Вашего позволения написать ему, и он придет к Вам.

Вашим поклон мой и жены. Вам мой — сугубый.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Р. С. Действительно стал много бодрее и энергичнее с началом Ляпуновской истории, пока не кончившейся, так как первое заседание ревизионной Комиссии будет во вторник 18 июня. Растрата около 6 тысяч рублей. Меня это дело не тревожит, так как улажу и тут без взыскания, а сбить спесь с себя-любивых и негодных людей надо прямо в интересах будущего; да и по сущей справедливости — зачем давать себя и своих в обиду от забывающихся лгунов и лентяев, хотя бы и с известными фамилиями? А вот развязка с Азеевым вскоре предстоящая так действительно радует мое сердце. Хотя и молюсь я за каждой службою, поминая Сергия, Евстафия, Василия и Константина¹, но уж и какой же бессовестный народ эти бывшие мои сослуживцы!

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 154—155. На бланке управляющего Капеллой

1. Имеются в виду Ляпунов, Азеев, Попков и Варгин — пока еще сослуживцы Смоленского.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 19 июня 1902

Добрый Степан Васильевич, а я в свою очередь спешу ответить Вам, чтобы Вы поскорее перечли мое последнее письмо и убедились, что я гневаться и не думала! На Вас? Да за что? И посмотрите, что вышло: Вы меня хвалили за красноречие, а последнее письмо мое оказалось столь неясным, что Вы там прочли чего там и нет, и быть не могло.

Спасибо Вам большое за подробный ответ о стихирах. Хотелось бы очень слышать их в хоровом исполнении, и не раз, а несколько раз. Пока мое впечатление все то же: мажорные и минорные трезвучия подряд мне нравятся. Последовательность квинт в них мне симпатична; «Приидите» — не удовлетворяет, может быть потому, что октавы приходятся на крайние голоса; «сей день» наоборот приятен, но ведь там в сущности нет перемены такой коренной, как от трезвучия 2-й к трезвучию 5-й ступени; я думаю, что: 1) всякое другое удвоение менее бы тревожило мой слух, *нежели удвоение вводного тона*, 2) *остановка* на септаккорде для моего слуха непривычна. Пожалуйста рассудите: одно ли

фортепиано причиной тому, то есть привычка к западным сочетаниям, или иной какой закон? Хотелось бы убедиться в последнем.

Что же касается ограниченности западной музыки, то я в ней вполне убеждена. Целый мир чувств, от скорбной суровости до радостного умиления, вся лестница от покаянной печали (великопостной) до примиренного, просветленного ликования (пасхального) оставлен ею почти непочатым краем. Особенно, кажется мне, чувства радостные и тихие, умиленные. Может быть исследования Ваши подберут ключ к сокровищам Восточной церкви в этих областях, к сознательному толкованию их.

Пишу эту импровизацию среди распоряжений о цветах и отрывалась 5—6 раз! Простите и не взывайте. Дом пришел в относительный порядок, теперь прибирается и сад. Гостей перебывало у нас несколько. Третьего дня приезжали мальчики Оленины с Вас. Вас. Орловым¹. Он с ними занимается добросовестно, и кажется, полюбил их. Думаю, что соединение это удачно, и благодарю вас. Есть здесь в Солнечной другой Орлов, Иван Иванович, наш старый приятель, земский врач, который лечил Эрарского² и очень желал бы прочесть Вашу брошюру. Но Людмила Ивановна мне ее не возвращала. Нет ли у Вас еще экземпляра? Я его дала бы Ивану Ивановичу на прочтение, а потом сохранила бы. Доктор Орлов знает Климова и хвалит его и его брата — фельдшера. Будьте здоровы. От души порадовалась, читая о Соколове.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 20—21 об.

1. Усадьба Олениных находилась в трех верстах от Спасского в сельце Богородское.

2. Летом 1895, когда болезнь Эрарского проявилась в резкой форме, удалось поселить его на даче в пяти верстах от станции Подсолнечная, где его и навещал врач И. И. Орлов.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 29 июня 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

За множеством всяких дел, всяких тревог, всяких новостей давно не писал Вам, хотя и удосужился услатить Вам брошюрку об Эрарском и оперу Ребикова¹. Упоминаю об этом только на случай, если та или другая не дошли до Вас. Мне было очень приятно навестить очаровательную музыкальную всеобщую бабушку, то есть Людмилу Ивановну [Шестакову], которая приняла меня так ласково, что даже было и стыдно. Правда, что я ей очень угодил, выхлопотав помещение в Придворный оркестр некоего Ефимова, кончившего в Капелле курс эту весною. Она почему-то принимала в нем участие, и я был рад сообщить ей в самый день устройства этого дела, что Ефимов («грубая скотина», по прозвищу своих

товарищей) в числе других принят в Придворный оркестр². По нежности вышеприведенной клички можно судить как о получившем, так и о давших ее. Что за среда жестокая, грубая и эгоистичная все эти господа — вспоминать жалко. На днях довели они меня, даже состоя в отпуске, до такого негодования, что я едва удержался, чтобы не уволить из Капеллы совсем трех из них — непомерно неблагоприятно воспитанных, не стыдящихся ни обмана, ни лжи, ни клеветы, ни пьянства, ни проч. Бог с ними, суще-несчастливыми юношами!

Немалое огорчение в моей жизни, полной немалых волнений за эти дни, составляет дело Азеева, отставка которого уже у министра и следовательно кончится этими днями. Если мои студенты хотя сколько-нибудь могут быть оправданы молодостью и полным отсутствием благовоспитанности, то ложь, интриги, хитрости и всякие каверзы Азеева, продающего все за рубли, внушили мне в последнее время самое горькое сожаление к этому вполне злому и недобросовестному человеку. За то судьба и избавила меня от надобности расквитываться с ним лично, так как какие-то добрые люди направили все это дело помимо меня, и я только издали наблюдаю за Kunststück'ами этого существа. Но и тут могу сказать: Бог с ним, было и прошло, надо забывать прошлое, да и сбылось Ваше «укрылбыхся» — просто великолепное по редкой грамматической форме.

Опера Ребикова, о которой я рассказывал Вам мои впечатления, когда я слушал ее исполнение автором у Саккетти, производит некоторыми местами на меня то же впечатление и в Klavierauszug'e. Конечно, я далек от оправдания многого умышленного озорства в области небрежения правилами гармонии и импрессионистского рисования взамен широких мелодий. Логика музыкального наслаждения и состоит в повторении впечатлений частных, комбинируемых в определенных следованиях, создающих формы, в развитии отдельных впечатлений по их частям и в сопоставлении больших целых частей. Ребиков злоупотребляет иллюстрированием мелочей, злоупотребляет насмешкою над голосоведением, но он несомненно талантлив, иногда глубоко искренен, глубоко чувствует и потому выразительно пишет несмотря на все чудачества. Я признаю в нем отличного гармониста, модулирующего иной раз прямо превосходно, необыкновенно смело, неожиданно и красиво. Танцы в «Елке» мне очень нравятся, некоторые страницы — прямо берут за сердце по своей трогательной выразительности.

Обратите внимание на фельетон Розанова о дорогом нам Сергее Александровиче³. Я, грешный человек, не люблю Розанова, но не могу не сознаться, что его некоторые мысли очень трезвы и умны, хотя в данном случае очень продиктованы самолюбивым умом, не могущим удержаться, чтобы не подчеркнуть бывшую размовку. В этой статье (23 июня, «Новое время», № 9451) Розанов пропечатал много выдержек из писем к нему Сергея Александровича, показавших мне лишь то, как правдиво и прямо относился покойный ко всем, так как в имеющихся у меня письмах чуть не буквально имеется то же самое. Но стр.

3-я, где находятся широкие обобщения (а до них я большой охотник в смысле определения значения явлений, роста идей), прямо хороша и воскресила в моей памяти одну из длинных и оживленных бесед в Татеве. Что за прелесть было это Татеево с Сергеем Александровичем!

Продолжаю это письмо по пунктам Вашего:

1) Вася Орлов всегда казался мне дельным, умным и работающим, но не добрым и очень самолюбивым и дающим себе очень большую цену. Не сомневаюсь, что он принесет Лениным отличную пользу, но едва ли полюбит их, да и они, пожалуй, полюбят его, хотя, легко может быть, скоро разлюбят.

2) Богданова-Бельского никак не могу увидеть за моими недосугами; даже не могу узнать, здесь ли он.

3) Ив. Ив. Орлова⁴ видел всего один раз, но и в это свидание, у болевшего Эрарского, он произвел на меня самое отрадное, самое благороднейшее, самое человеколюбивое, полное самых симпатичных черт впечатление врача — друга больных. Я припоминаю, как я получил совершенно отчаянное письмо Эрарского и немедленно полетел в Подсолнечную. Конечно, письмо было больное, и при предварительном разговоре по поводу письма и болезни Эрарского я переговорил с Орловым около получаса. Он был непокоен, так как только что сделал какую-то операцию, но я влюбился в него и с тех пор храню о нем самые светлые и благодарные воспоминания как об истинно культурном враче и добром человеке.

4) Е. П. Калачеву мне не удалось увидеть, хотя и нашлася у меня недели полторы-две назад минутка побывать к ней. Отчет о детском саде хорош очень, но местами в нем есть патока.

5) Вчера я видел Александру Владимировну, с которой ехал от Петергофа до Лигова, услышал от нее о бывшей болезни А. А. Олениной, вновь полюбовался ее стройной фигурой (и на этот раз ее костюм был однотонен, что мне особенно нравится), но толком не успел с ней перетолковать ни о чем, кроме констатирования всеобщего воровства в сфере придворных учреждений. С нами ехал какой-то гвардеец — управляющий каким-то двором, и я, мало годный для беседы с барышнями, уступил ему первое место в беседе с А. В. Жена кланяется. Прошу принять и мой привет Вам и Вашим.

Кастальский в Москве опять проснулся и начал писать. Кленовский здесь также пробуждается от долгой спячки. Я тормозу теперь Капеллу, знакомя ее с простыми для меня, но мудреными для нее «новостями» из 80-х годов Московского Синодального хора. Какая отсталость, какая рутина в Капелле! Я сказал Государю, что надо по крайней мере два года, чтобы поставить Капеллу на дорогу. Берет меня сомнение после одного прошедшего уже года, что едва ли через год мы встанем на здравомысленные и идущие прямо вперед рельсы. Уж очень ленивы у меня насчет всего того, что надобно сейчас, непосредственно, очень привычны к Бортнянскому и косо смотрят на все «новое», «ученое». Даже на такие невинные

мудрости, как три диеза или два бемоля, смотрят как на ненужную «теорию», без которой была знаменита Капелла, удивляла иностранцев и удостаивалась Высочайшей похвалы. «Кабы жалованья прибавили, — объяснил мне на днях один из заслуженных здесь, — согласны были бы и на теорию». Впрочем довольно на сегодня. Будьте здоровы и веселы, отдыхайте и укрепляйтесь нервами. Уж именно проговариваюсь на пословице «у кого что болит».

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Против моих окон завелись неистовые любители граммофона — вот горето! Ежедневно получаю порции Шаляпина, Вьялцевой и проч. Звуки пронизывают меня даже сквозь закрытые окна. Ведь нашелся, прости Господи, такой любительский кружок на мою долю!

Хотелось бы слышать добрые от Вас вести о здоровье почтеннейшей Марии Владимировны. Мой привет ей сугубый, как и Марии Сергеевне. Вам вместо привета — это письмо, в котором много приветов. Ревизия Ляпунова еще не кончена. Погода у нас неприветливая, петербургская.

Не могу не добавить и еще, что в эту неделю в Капеллу вступили два новых воспитателя нового типа, приведшие моих юных птенцов в полное недоумение разностью приемов в обращении с учениками. Прежние невоспитывавшие гувернеры были не более как аргусы, надзиратели, каратели, уловлявшие через пятое в десятое, не умевшие понять разницы между званием никому не надобного надзирателя и необходимого чуткого, отзывчивого воспитателя. Новый порядок был понят малышами как ухищренное вновь выдуманное воздействие, полное не участия, а только предательства и высокой пробы лукавства. Целые дни проходили в крайне осторожных со стороны 14—15-летних учеников, полных самого глубокого недоверия подходах к новым воспитателям, в выведывании от них предполагаемых затаенных их планов, в обсуждении миром их отношения к тому или другому коленцу, проделанному в виде пробы для руководства *ad futurum* [в будущем]. Юные хитрецы даже стравливали новых воспитателей как со старыми, так и между собою, даже и со мною. Они поспешили сообразить, что новые воспитатели займутся прежде всего вновь принятыми малышами и бывшим приготовительным классом, оставив наиболее активных в хоре как бы вне своих непосредственных воздействий. В таких волнениях прошла вся эта неделя. Я, конечно, только мотаю себе на ус всякие мелочи этого напряженного життя молодых политиков, видя все их хитрости и иногда дружный ансамбль. Ну, разве можно отрицать глубокий интерес такой недели?

С.

Сделаю и еще приписку. Третьего дня я похоронил в Пулкове моего младшего квартетного товарища — виолончелиста Александра Мариановича Ковальского⁵. Он сын знаменитого астронома — профессора в Казани. Семья эта была близка с нашею, и когда наш квартет, так называемые «старые воробьи», потерял виолончелиста Больтермана, Ковальский вступил в наш квартет. Ранее того

у меня был свой квартет «юных студентов», в котором Ковальского я школил две зимы. Теперь пришло мне время хоронить уже младших товарищей, так как все мои сверстники на 9/10 в могилах. Ковальский был лютеранин, но краткая, в течение одних суток, болезнь поставила его в общение с нашим священником, и он трогательно причастился и исповедался по нашему обряду. Я очень любил его. Этот человек, страстно увлекавшийся своею чудною наукою, был высоко честен, добр и трудолюбив; он искренно любил музыку и тонко понимал и чувствовал ее красоту; он был удивительный сын своей матери, отрекшийся ради нее от всего, кроме науки.

Я был два раза в Пулкове — на панихиде и на погребении. Для меня было трогательно слышать поучение пастора на текст «Небеса поведают славу Божию» и сопоставление того, что служение правде в связи с личными достоинствами дают то, горечь утраты которого так живо чувствуется всеми присутствующими. После окончания лютеранского обряда над незасыпанною могилою была наша православная панихида. Хорошо говорил надгробную речь ректор родного мне Казанского университета. Приятно мне было увидеть и многих земляков, ныне уже седых старцев, когда-то однако бойких моих камрадов. Но горе матери неопишимо! Эта бедная скорбная мать — когда-то красавица, отличная пьянистка, отличная певица, ныне почти слепая старушка, больная, осталась на свете одна с дочерью, также потерявшею все. Мне было трогательно видеть, как перед погребением обе они причастились по своему обряду и тем нашли мир в сердцах своих и мужество в присутствии при тяжелой разлуке. Трогательны были и проводы сослуживцев — пулковских астрономов. Они вынесли покойного в день кончины в главный зал обсерватории и *in corpore* [в полном составе] съехались все, даже издали, чтобы почтить своего товарища. Ораторские способности некоторых из них оказались совсем плохими, но чувствовалось, что жутко им в сердцах от такой неожиданной потери хорошего человека. Хорошо зато оказалось «свое» обсерваторское кладбище в Пулкове. На отдельном бугорке, на краю большой горы, открывается с этого кладбища чудный вид до самого Петербурга вдоль «меридианной аллеи» до Адмиралтейства у Зимнего дворца. На кладбище, правда, только и читаем «Hier ruht in Gott» [«Здесь покоится в Господе»], но зато и сколько почтенных имен, начиная от Струве⁶, задающего тон всему донныне.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 156—157 и 95 (постскриптум). На бланке управляющего Капеллой

1. Имеется в виду опера (музыкально-психологическая драма) В. И. Ребикова «Елка», сочиненная в 1900 (клавир издан Юргенсоном в 1902).

2. В составе Придворного оркестра недолго играл контрабасист С. С. Ефимов.

3. Эта статья В. В. Розанова о С. А. Рачинском вклеена в рукопись Воспоминаний Смоленского. В том же 1902 Розанов начал публикацию обращенных к нему писем Рачинского в журнале «Русский вестник»; в комментариях к ним, в частности, говорится:

Я не могу не считать счастливою стороной своей судьбы, опыта научения, что некогда знал человека, столь превосходившего меня образованием, сведениями, разнообразием, тихими талантами, годами... (цит. по: Стеклов М. Е. С.А. Рачинский — народный учитель. М., 2002. С. 99).

4. *Притиска С. С. Волковой*: «Скончался в июле 1917 г.».

5. Об А. М. Ковальском, старшем астрономе Пулковской обсерватории, и его родных тепло рассказывается в Воспоминаниях Смоленского.

6. Речь идет о В. Я. Струве, выдающемся астрономе и геодезисте, первом директоре Пулковской обсерватории (1839—1862).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 3 июля 1902

Многоуважаемый Степан Васильевич,

спасибо большое за все. Брошюрка об Эрарском в день получения была мной передана д-ру Орлову. «Елка» сразу меня особенно тронула, задела за живое. Не написала Вам тогда же, желая проверить свое впечатление, убедиться, задела ли она за сердце или, главное, за нервы. Отошлю Вам ее на днях. Сегодня ни писать, ни играть не успею. Еду в наше Высокое на сутки. У нас гостит сестра Ал. Ал. Олениной с мужем¹, и она захворала по приезду, теперь поправляется. Хотелось бы также показать «Елку» Корещенко. Играть с ним в 4 руки еще не удалось. За письмо, хорошее, очень благодарю. Описание Пулково преинтересно.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 22. Открытка

1. Речь идет о графине А. А. Барановой.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 5 июля 1902

Благодарю Вас, дражайшая Софья Сергеевна, за Ваше хоть и краткое письмо. Очень рад тому, что «Елка» Ребикова нашла в Вас сочувственный отклик. Между многими грубостями и чудачествами Ребикова мною чувствуется у него и талант и искренность. Сегодня, 5 июля, память по общему нашему милому другу, столь незабвенном Сергее Александровиче. Почти предугадываю, что сегодня

же Вы в Высоком молитесь при могиле Вашего папá и помянете вместе Рачинского¹. Я помянул его совершенно неожиданно для себя написанием статейки для Русской Музыкальной Газеты — моей «крестницы», так как в прошлом я настоял на продолжении издания этой начавшей хиреть газеты². Финдейзен прислал мне 29 июня письмо, полученную мною сейчас же после отправки моей Вам отписки. Я не могу себе объяснить, что такое случилось со мною. Я начал писать Финдейзену на открытом бланке ответ почему-то убористо особенно и кончил тем, что измельчил почерк еще более и исписал семь карточек, чуть не по 35—30 строк на каждой, и тут же, через какие-нибудь 1,5—2 часа послал печатать. Корректуру, конечно, пришлю Вам к сведению и на рецензию, как то в былое время делалось с адресом в Татеве, а не в Спасское. И, бывало, как отпоет меня в ответ дорогой мой Сергей Александрович!

И спасибо ему говорю до сих пор. При моей пылкости и способности минутно увлекаться (как то ни стыдно в мои годы) Рачинский не раз вразумлял мою прыть... Нисколько не устыжусь, если после Татева последуют укрощения из Спасского, после строгого мужского суда я услышу, ну хоть на первое время, женский, более мягкий суд, строгий, но не крутой.

Сегодня уже в 3-й раз Капелла пела под моим управлением с листа концерты Бортнянского. То есть проделываем то, что было вполне невозможно назад тому полгода. Курсы сольфеджио, бывшие для малолетних и больших певчих, начинают уже показывать меру своей полезности, как в области интонации, так и в скорости усвоения новых пьес. Каждый раз, с некоторыми повторениями, мы успеваем пропеть по 2 концерта и замечаем свои успехи с каждым часом, чем, признаться, все очень довольны и даже несколько удивлены.

Вы не написали мне про здоровье почтеннейшей Марии Владимировны, а меня это очень интересует. Примите привет мой и жены.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 158—159. На бланке управляющего Капеллой

1. Могила Сергея Сергеевича Волкова, скончавшегося 24 октября 1882, находилась в Новодевичьем монастыре в Москве.

2. Эта статья Смоленского перепечатана в приложении к Воспоминаниям (РДМ. Т. IV). Действительно, в тяжелый для Н. Ф. Финдейзена момент, когда тот уже решил оставить издание газеты, Смоленский написал Николаю Федоровичу большое письмо (12 декабря 1897), в котором всячески убеждал не бросать столь важное дело и обещал всестороннюю поддержку и помощь — свою и своих московских коллег. Смоленский сдержал обещание: он много печатался в РМГ и никогда не брал гонорара за свои работы.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 5 июля 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Не удивляйтесь тому, что я уже пишу Вам по 2 письма в день. Я в совершенном восторге — в таком восторге, что прямо прошу Вас выписать от Циммермана в Москве: Bökelmann: J. S. Bach. 1) 16 Fugen durch Farbendruck analytisch dargestellt von... etc. 2) 15 zweistimmigen Inventionen in mehrfarbiger Darstellung zur Selbstbelehrung erläutert etc. Ничего подобного, столь великолепного и в самой высочайшей степени интересного, еще не было до сих пор¹. Невольно припоминаю мое детство, когда я испортил оба своих экземпляра Баха, размалевывая конструкции фуг цветными чернилами и карандашами, постоянно путаясь, ошибаясь, чаще же всего становясь в полный тупик. И вдруг — такая невообразимая прелесть, такие откровения! Издатель употребляет красную, зеленую, фиолетовую, желтую и черную краски и кроме того разные шрифты $\uparrow$ $\bullet$ $\uparrow$ $\uparrow$ $\uparrow$ $\blacksquare$ $\uparrow$. Разными красками означаются *dux*, *comes*, 2, 3 темы, черною — интермедии, разными же шрифтами самые интересные комбинации контрапунктического сложения. Например, $\blacksquare$ — каноническая форма, $\uparrow$ — обращение, $\bullet$ — увеличение, $\uparrow$ — уменьшение и проч. Но что прямо восхитительно — это догадка Бёкельмана под предлогом 2-го фортепиано дать каждой фуге гармоническую ее схему, из которой я с великой для себя поучительностью прозрел многое множество нового для себя. Мой восторг был тем более велик, что я, столь любящий эти фуги, знающий их до последней ноты (конечно, не все одинаково), увидал в самых знакомых и любимых мною совсем новый свет... Впрочем, что я пишу Вам. Я лучше пошлю Вам одну тетрадь, но на самое короткое время, ибо рвет у меня их из рук Кленовский, а я не даю ему, упиваюсь сам. Возвратите, пожалуйста, мне тетрадку поскорее, по крайней мере в день получения Вами из Москвы нот. В инвенциях схемы в отдельных изложениях, что не так удобно, как в фугах.

Решительно некогда писать еще, как бы то ни хотелось.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

6-го утром. Урываю еще минутку. Издание Мельгунова, которое было так учительно когда-то², ничего не стоит перед Бёкельманом, дающим, как теперь я увидал, еще самые ценные примечания к фугам. Очевидно, что взялся за это дело превосходно образованный музыкант, с ясным умом, способный разобрататься в малейших частностях. Вчера просидел я целый вечер над этой посылаемой Вам тетрадью (совестно признаться, даже Вам послать — была минутка желания оставить ее на один день) — забыл все дела свои, бросив их ради нового света и спадения пелены с глаз. На утро, которое мудренее вечера, остался при прежней силе впечатления. Или еще я молод душою, или комбинации гени-

ального контрапункта восхищают меня, или эта небесная поэзия, соединенная с недостижимым мастерством, остроумием, изумительно прочувствованною музыкою, — но решительно не помню, чтобы лет 15—20 последних моей жизни я был в таком азарте и восхищении. Я понимаю Ваши слова, когда Вы писали мне, что Вы врачуете нервы, проигрывая несколько фуг Баха.

Вместе с этим письмом урву минутку написать милому С. И. Танееву.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 160—161. На бланке управляющего Капеллой

1. Идея Б. Бёкельмана была осуществлена в конце 1890-х в Лейпциге издательством Циммермана.

2. Имеется в виду нотный сборник 1885 года под названием «Десять фуг для фортепиано И. С. Баха в ритмической редакции Р. Вестфаля» с сопроводительной статьей «О ритмическом исполнении фуг Баха» Ю. Н. Мельгунова.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 12 июля 1902

Многоуважаемый и добрый Степан Васильевич.

Какой я должна Вам казаться неблагодарной — просто беда. «Елка», Бах, три письма... Бах в особенности, с которым Вам было нелегко расстаться и которого Вы вероятно только вчера получили обратно.

Простите. Благодарна Вам очень и очень. Баха я выписала от Циммермана, пожалуй, даже успела бы и получить, — да еще нет повестки. И не жалею. Со всем другое в голове, и если стала бы заниматься теперь увлекательным Бёкельманом, то от «колебаний» разнородных мыслей призошли бы, вероятно, совсем неожиданные «комбинационные звуки». Выписала же я его потому, что такую славную вещь приятно иметь под рукой, и может быть я все-таки полакомлюсь кой-какими в ней изюминками. К сожалению, я в контрапункте особенно невежественна. Курса не проходила, только немного заглядывала в приотворенную дверь. Баха играла не анализируя, упуская множество тонкостей, но любя, доверяя, чувствуя удовлетворение громадное — душевное, звуковое, эстетическое и математическое. Логика самая успокоительная, и вот почему особенно бы весело проиграть, проследить и гармоническую схему Бёкельмана, увидеть по ней, как эта логичность переводится (*sich übersetzt*) на более знакомый мне язык гармонии. Жаль по-моему, что схема напечатана отдельно, а не под строками, как 2-е фортепиано в новейших изданиях 4-ручных фортепианных пьес. Мелким шрифтом это бы несколько не мешало. Завидую тем, кто вполне может оценить фуги Баха, а следовательно, и это издание. Пополню ли когда-либо крупные пробелы своего музыкального образования? Боюсь — время упущено.

Что Вам сказать в извинение своего молчания. Мать часто прихварывает. Сестра Александры Александровны, гр[афиня] Баранова, приехав сюда, заболела инфлуэнцией и слегла на неделю. Третьего дня, проводив ее, я отвезла на почту обе нотные тетрадки. Уже не говоря об остальном, при нездоровье матери и частом недомогании сестры, одни мелкие, мирские заботы составили бы с занятиями контрапунктом оригинальные «комбинации».

Перечитываю «Теорию звука» Блацерны¹ и жду с большим интересом присылки вашей статьи. Жду непременно.

Мальчики Оленины опять на днях навестили нас. Они такие живые, сердечные и милые, что, право, их нельзя не полюбить — полюбил их и Василий Васильевич.

Посылаю Вам записанные карандашом впечатления о «Елке». Целиком вторично проиграть ее не успела, а просмотрела, кое-что повторила. Талант пресимпатичный, а направление неопределенное, мне кажется, есть недомыслие. В отношении употребления вычурностей мало разбора и слишком явное намерение *филаскарть* новые сочетания до баловства их; в отношении плана музыкальных впечатлений слишком мало выдержанного намерения. Пора кончать. Еще и еще благодарю. Спасибо.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 23—24 об.

1. Лекция профессора П. Блацерны «Теория звука в приложении к музыке» в переводе с итальянского В. А. Чечотта опубликована в Петербурге в 1878.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 17 июля 1902

Получив статью Вашу, добрый Степан Васильевич, тотчас с жадностью прочла ее! Она мне очень симпатична; видно, что она написана с горячей цельностью. С точки же зрения практической мне сразу представилось одно крупное возражение. Статья эта предполагает слишком большое знакомство читателей с деятельностью Рачинского. Не знаю, как Вам, а мне много приходилось видеть людей из самых разных кругов, никогда не встречавших или не помнящих имени его; еще же может быть более таких, кто и запомнив имя его или прочтя теперь какой-нибудь некролог его, — не могли бы указать ни на какие-либо плоды его деятельности, ни на книги и статьи его.

Поэтому в особенности, по прочтении статьи Вашей, я пожалела, что она не завершается некоторыми фактами, которые послужили бы дополнением к этому хорошему, живому предисловию.

Вот, например, *факт*, что Чайковский посвятил Сергею Александровичу D dur квартет. И я вам очень благодарна за сообщение его. Вы говорите о статье «Народное искусство и сельская школа», — но многие ли из читателей Р.М.Г. знают, что она составляет часть «Сельской школы» и что весь сборник можно приобрести за 75 коп.? Это, конечно, можно бы разве только в виде примечания поместить, — но ближе познакомить читателей Р.М.Г. с этой статьей следовало бы: она, в сущности, такая, что ее можно бы сейчас же целиком перепечатать на страницах этой газеты. Я ее сейчас перечла. И мне даже очень, очень захотелось увидеть ее напечатанной мелким шрифтом в Р.М.Г., в №, следующим за вашим предисловием, или нет — еще лучше — в одном №, причем Ваша статья несколько сократилась бы: вместо выписок из «Народного искусства и сельской школы» — было бы вкратце сказано, сколько лет С. А. преподавал в сельской школе, живя в ней, трудясь с ребятами с утра до вечера, и еще было бы сказано, из какой это книги и что в ней есть еще глава «Из записок сельского учителя», имеющая такую же живую связь с русской музыкой. И, хотя такая статья была бы тогда вчетверо длиннее, мне кажется, что появление ее в Р.М.Г. было бы понятнее¹.

Одним словом, Ваша статья способна (и во многих читателях) пробудить сочувствие к Рачинскому, и мне хотелось бы воспользоваться этим, чтобы приобщить русских молодых музыкантов к его мыслям. Многие факты и цифры мне неизвестны. Сколько пр[имерно] учеников С. А. продолжали образование, стали учителями, священниками, диаконами? А Богданов-Бельский — нельзя ли было бы его назвать на страницах газеты художественной? Многие, конечно, не подозревают, что он ученик Татевской школы. Мне очень нравится Ваш перечень корреспондентов С. А. Не могу сказать, чтобы письма о трезвости, которые я однако люблю, представлялись бы обыкновенно читающим их «стихотворениями в прозе».

Зачем Вы вставили слово «оценивая»? Разве не лучше без него?

Простите за нескладное письмо. Сегодня что-то плохо думается. А за присылку статьи — спасибо.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 25—26 об.

1. См. эту статью Рачинского с комментариями: РДМ. Т. III.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 22 июля 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Мне чувствуется, что у Вас сегодня семейный праздник, то есть день ангела Марии Владимировны и Марии Сергеевны. Если я ошибся, то впредь не

ошибусь, так как Вы поправите мою ошибку, а принять сердечные пожелания доброго здоровья и всякой радости — дело не лишнее, даже если и не в тот день они посылаются. Дело в качестве пожеланий.

Я давно не писал Вам за сутолокой моей жизни в Капелле, которую теперь усиленно толкаю на путь истинного знания и искусства. Делаю то лично, руководя спевками, заставляя петь с листа, показывая оттенки, добываясь выговора слов, раскрытия ртов и проч. Ужасно бестолкова Капелла по этой части! Знания ее певцов прямо жалки, но все же я радуюсь на Капеллу: уже совсем не те лица, не то поведение, не то отношение к делу, как прежде, даже как 2—3 месяца назад. То, что было совершенно невероятно, даже и не представлялось возможным в глазах самой Капеллы, — то теперь дело самое обыкновенное, то есть пение с листа. Я считаю самым дорогим в этом деле то, что Капелла наконец-то поняла и уверовала, что пение с листа возможно, что для того нужны знания и опытность и что моей неукротимой энергии очевидно хватит надолго впредь для ее основательной выучки. Недавно Капелла была ошеломлена сама собою, прочитав с листа три концерта Бортнянского, сначала сольмизируя, потом со словами и некоторыми оттенками. Эту штуку мы проделали в 28 минут и, проделав, разошлись под этим впечатлением глубоко довольные собою и очевидностью сделанного успеха. Назад тому месяц, при начале занятий мы долбили более получаса легкий концерт Бортнянского и так и не доехали до конца. В последние два месяца мы выучили штук 15 новых вещей, восторжествовали от всякого старья, а услышав одобрения свыше, и совсем одушевились. Так можно сказать теперь, что в Капелле огонек загорелся, остается только подтапливать его потихоньку, полегоньку, и воздвигнется хорошая свеча Божия чистого, русского воска.

Государь ко мне стал особенно милостив и почти после каждой службы беседует, живо интересуясь всякими новостями. Великая княжна Мария Александровна даже прислала гостинцев моим ребятишкам. Я просмотрел внимательно Ваши замечания о «Елке» и проиграл ее еще раз. Впечатления еще более сильные, — хотя чудачества Ребикова иной раз ставят меня в тупик в том смысле, что, задавая себе при данном месте его музыки вопрос: что же тут изящно или прочувствованно? — не нахожу ответа ни в своем уме, ни в сердце. Иной же раз упрямо-дикое письмо, намеренное пренебрежение правилами гармонии (все же выработанными практикою неглупых людей) кажется мне как бы и обидным за добрую старину. Иной же раз Ребиков скажет свою мысль так ясно, сильно и изящно, что те же квинты как будто именно тут и надобны, именно прекрасны.

А вот Бёкельман меня совершенно заполонил. Если над моим увлечением не подшутил один знакомец, сказавший об изданных цветным способом 16-ти будто бы тетрадах этого издания (которые, конечно, я себе выписал в тот же день), то я предчувствую, что вскоре буду наслаждаться Бахом и буду иметь удовольствие пересылать в Спасское одну тетрадь за другою. В этих посылках, хотя бы в уважение моего сильного внимания поклоннице Баха, я буду про-

сидеть делать всякие, какие придут на ум, отметки карандашом о том или другом впечатлении или соображении. Тогда я с сугубым интересом проштудирую того же Баха во 2-й и 3-й раз, пожалуй и более.

Благодарю Вас за замечания о моем письме про С. А. Рачинского в Русскую Музыкальную Газету. Вкратце они будут исполнены в PS к статье от редакции, так как Финдейзен наотрез отказал мне в переделке статьи, заявив: «она уже моя». «Оценивая», конечно, будет выпущено, — понять сам не могу, зачем я приставил такое неуместное словечко. Всю статью С. А. «Народное искусство и сельская школа» перепечатать в Русской Музыкальной Газете невозможно по цензурным правилам, охраняющим право литературной собственности — в данном случае Синода. Выдержки же, достаточно полные и интересные, будут сделаны со временем.

Нет времени писать еще. Будьте здоровы. Прошу принять и передать сердечный привет и жены моей Вашим именинницам, буде таковые сегодня у Вас имеются.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

23-го. Третьего дня и вчера была годовщина подачи прошения Императрице учениками Капеллы, их ликования по этому случаю и устройства публичного музыкального исполнения на балконе Английского дворца по поводу удачи в подаче прошения¹. Невольно сравниваю 21 и 22 июля 1901 и 1902 года по отношению к положению и состоянию дела и по отношению к самому себе. Какая разница! Как много было волнений в эти дни в прошлом году! Тяжела, очень тяжела была минувшая зима, зато теперь ожидаю я эту зиму уже совсем по-другому, с несравненно более легким сердцем, без тревог и с большею верою в будущее.

Я видел недавно Софью Вас. Чичерину, возвратившуюся из заграницы в добром здравье. У меня начинает, хотя еще туманно, проясняться мысль о возможности съездить в Москву на 15 августа, чтобы побывать в Успенском соборе за чудною всенощною и обеднею киевского роспева². На обратном пути, может быть, урвусь увидеть Вас от поезда до поезда в Спасском, если только будет удобно для Вас и Ваших позволить мне такое посещение, если я не стесню Вас на несколько часов. Вы не пишете мне о состоянии здоровья почтеннейшей Марии Владимировны, и меня смущает мысль, если в качестве гостя попаду не вовремя и неуместно.

Читаю сейчас с глубоким интересом перевод «Sartor resartus» (то есть «Портной-штопальщик») Том[аса] Карлейля³. Когда-то, еще студентом читал по-немецки (вот как на старости случается описываться!⁴) и не понял эту интересную, полную юмора книгу, трактовующую философию одежды. Теперь, конечно, книга эта уже очень стара, но сколько еще свежести, какая бездна остроумия и самых глубоких рассуждений о самых серьезных вещах, высшего

философского содержания. Книгу имею случайно и по очень оригинальному поводу. Впрочем, не все же писать Вам. Ведь у Вас и свои дела имеются.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 162—163. На бланке управляющего Капеллой

1. История с передачей императрице Марии Федоровне прошения старших учеников Капеллы об избавлении их от Смоленского описана в Воспоминаниях (Т. IV. С. 456—457).

2. В 1902 Смоленский на Успенскую всенощную в Москву не подал.

3. В 1902 впервые на русском языке вышел философско-публицистический роман английского писателя Томаса Карлейля «Sartor resartus. Жизнь и мнения профессора Тейфельсдрека» в переводе ученика Рачинского, а затем его помощника по народной школе — Н. М. Горбова (1859—1921).

4. Сначала в слове «немецкий» были неправильно поставлены *e* и *ять*.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 26 июля 1902

Добрый Степан Васильевич.

Мы очень рады вашему вчерашнему письму. Радостно слышать о Ваших успехах с Капеллой, и мы все желаем, чтобы через год она Вам принесла еще более утешений, — даст Бог.

Непреренно заезжайте к нам в августе. Не бойтесь, чтобы это могло быть стеснительно при мамином состоянии здоровья: мы с Вами стесняться не станем, и сестра и я преспокойно предоставим Вас книжке или прогулке по саду, если разговоры утомят мать или мы будем несвободны побывать с Вами. Здоровье мамы очень переменчиво. С 20-го по сегодня она чувствует себя лучше и 22-го могла быть у обедни. Это, действительно, день маминых именин, и мы благодарим Вас за доброе поздравление. Вы в прежнем письме спрашивали, вспоминала ли я Сергея Александровича 5-го, — но я думала, что он праздновал именины в сентябре? Думала я так потому, что трезвенники в сентябре давали обет.

Вчера у нас провел день А. Э. Дмитриев-Мамонов¹, и мы много говорили о Татеве. Говорили мы также, раньше, и с Григорием Петровичем Георгиевским², приезжавшим к нам на несколько часов.

Не правда ли, в числе выдержек из статьи С. А. в Р.М.Г. Вы поместите и то, как деревенские мальчики ценили Баха и Моцарта? Это так характерно. И повторилось бы, наверно, и в других губерниях.

Чеснокова — переложение Херувимской — я просмотрела, а проиграть гладко не сумела, даже и с помощью А. Э. Мамонова³. Ключи меня путают: какая была у меня к ним привычка, и ту я утратила. Вернуть ли вам этот листок на днях? А то я, пожалуй, спешу его себе карандашом на 2-х линейках. Думаю, что прекрасно должно звучать в хоровом исполнении. Прекрасно пом-

ню исполнение синодальными певчими (на спевке) пасхальных песнопений в пер[еложении] Чеснокова. Мне отменно понравилось; больше Кастаньского и даже больше пер[еложений] Гречанинова.

Вот бы мне хотелось услышать всенощную или обедню киевского роспева! Может быть, я и могла бы съездить к обедне. Когда она начинается? Есть поезд, который приходит в Москву в 9.35. В собор, следовательно, можно бы успеть к 10 часам. Поздно ли? В 3 ч. дня можно бы вернуться домой, в Спасское.

Мне пора кончать, но хочется поговорить о «Sartor resartus». У меня произошло обратное: теперь никак не соберусь перечесть его, а в 20 лет я упивалась им. Не столько поразили меня частности этой книги, как то, что она показалась мне толкованием на истину «Тя погибнут, Ты же пребываеши»⁴, — и глубокий символизм ее навсегда запал мне в душу. Может быть и потому, что в ту же зиму, в тихом Дрездене, я читала Книгу Иова. Книгу Карлейля мне подарили английские друзья.

До свидания.

С. Волкова.

Сегодня только получила повестку на ноты от Циммермана. Не забудьте захватить с собой очки.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 27—28 об.

1. Дмитриев-Мамонов Александр Эммануилович (1867—1933) — сын известного художника Э. Д. Дмитриева-Мамонова, племянник С. А. Рачинского.

2. Георгиевский Григорий Петрович (1866—1948) — археограф, библиограф, историк церкви; в то время помощник хранителя Отделения рукописей и старопечатных книг Румянцевского музея; состоял в переписке с Рачинским; сохранилось также несколько писем к нему Волковой.

3. Смоленский прислал Волковой Херувимскую Старо-Симоновскую в переложении Александра Чеснокова; Волкова приняла это переложение за сочинение П. Г. Чеснокова.

4. Цитата из Послания апостола Павла к евреям (1:11).

Смоленский — Волковой

Петергоф, 29 июля 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Появился у меня № Русской Музыкальной Газеты со статейкой о Сергее Александровиче [Рачинском] и исчез бесследно, так что, если Вы не получаете газету в Спасском — обождите. Финдейзен куда-то уехал и пишет мне издалика, что если он опоздал, то, пожалуй, и не будет отдельных оттисков, так как

типографский набор разбирается немедленно по отпечатании № газеты как надобный для другого дела.

Если же Вы получаете газету, то убедитесь сами, как я послушен и цену Ваши указания, дорожу ими. Краткость времени и дачное жительство мое и Финдейзена в разных сторонах от Петербурга не позволили мне сделать вторые указанные Вами вставки. На том не осудите, а за первые поправки сердечно благодарю Вас. Обратите внимание на заметку Финдейзена об отношениях Чайковского к Надежде (а не Наталии) Филаретовне фон Мекк¹. Ну, что за трогательнейшая прелесть, что за чистота и ясность! Я видал эту славную, деликатную, полную нежной души Надежду Филаретовну, и мне в общих чертах говорили о ее своеобразном и вполне высоком романе с Чайковским. Я усердно читаю каждый выпуск биографии, так как искренно любил Петра Ильича и всегда любовался им, радовался, что и мне перепала доля его внимания². Не знаю, были ли Вы знакомы с покойным? Во всяком случае Ваше паломничество в Клин, где свято хранится все на своем месте, будет не потерянное время, а из Спасского в 4—5 часов легко можно сделать эту поездку в оба конца. В Клину и партитура чудной 6-й симфонии в квартире Петра Ильича.

Я, должно быть, скоро перенесу что-нибудь очень тяжелое. Вот уже несколько дней работаю без усталости, вдруг задумав писать свои воспоминания: детства и юности. Предчувствия меня никогда не обманывали, а приступил я к своим «воспоминаниям» как-то сразу, неудержимо³. Я чувствую, что успею написать их до конца, но именно только успею. Или я умру, или заболю, или постигнет меня что-либо — не разберусь, но нет гнета душевного, а есть что-то толкающее к работе, заставляющее спешить всячески.

Предположенную поездку в Москву к Успеньеву дню придется отложить, так как 16 августа будет свадьба Елены Владимировны, а перед тем будем волноваться ожиданием либо 1-го сына, либо 5-й дочери⁴. Время после этого уйдет на начало учебного года, когда отлучиться вполне невозможно, а теперь, то есть неделею раньше, не успею собраться по множеству всяких дел и хлопот в Капелле. А жалко! Я так мечтал проехать Рыбинск — Нижний, Москву — Спасское.

Я ввел Вас в ошибку, не обратив внимания на то, что посланная Вам изящнейшая Херувимская (e moll) есть крещение не московского Паши Чеснокова, а его брата Саши, моего же птенца. Я считаю, что Саша много даровитее брата, да и удалось пришпилить его к Капелле. Конечно, листок этот пусть останется у Вас, хотя бы для возобновления наметки читать партитуру в ключах.

Очень мне обидно, что я же неосторожно лишил Вас наслаждения Бёкельманом. Я в свое время не утерпел и заказал себе экземпляр, а Вам забыл сообщить о том, чтобы Вы не торопились возвращением посылки. Вы в последнем письме пишете, что только получили повестку о прибытии нот. Какого удовольствия лишил я Вас! Простите! Я писал Вам после, что вышло будто бы 16 тетрадей издания Бёкельмана — это вышло недоразумение, так как есть из-

дание отдельно каждой из 16-ти фуг. Но я не отступаю от желания, чтобы Ваш экземпляр побывал у меня и я мог бы видеть Ваши карандашные замечания. Они живо интересуют меня как женские.

Могу Вам сообщить о Капелле вновь только хорошее. Дело теперь несомненно двинулось с места и пошло тихим, правильным ходом к успешной деятельности. Вчера похвалила нас даже и Императрица Мария Федоровна. А Государь не оставляет своим вниманием каждый раз, выражая свое полное удовольствие по поводу постоянных новостей и очевидного улучшения исполнения. Да и сама Капелла начала подниматься духом, уверовав, наконец, что к ним попал в управляющие человек им же благожелательный. Время всяких реформ в Капелле теперь действительно в полном разгаре, но уже нет у нас волнений, подозрений, слухов, догадок, а появился энергичный труд и спокойный, твердый ход вперед. Великое дело вычистка от Ляпунова, Азеева (все же поминаемых мною за каждую обедню) — Ревизионная комиссия открыла такую массу всякой грязи в ляпуновском хозяйстве, что теперь и сама в недоумении — поднимать гласный скандал или нет.

Очень я рад, что Sartor gesartus оказался Вашим давним знакомым — это очень интересная, хотя и староватая книга. Местами даже и болтливая, «что ныне несколько смешно». Теперь мне не до нее. Во время писанья этого письма отрывался в том моих «воспоминаний» и в письмо Финдейзена о фон Мекк. Найденный мною № Русской Музыкальной Газеты Вам посылаю.

Вам и Вашим шлется полный сердечности мой привет и жены моей.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 164—165. На бланке управляющего Капеллой

1. За время директорства Смоленского Чайковский несколько раз посетил Синодальное училище (см. об этом в Воспоминаниях Смоленского).

2. РМГ с № 26/27 начала публиковать этюд Н. Ф. Финдейзена «П. И. Чайковский в 1877—1884 годах», основанный на II томе из трехтомного труда М. И. Чайковского «Жизнь П. И. Чайковского».

3. Первая запись в рукописи Воспоминаний сделана 22 июля 1902.

4. Великая княжна Елена Владимировна выходила замуж за королевича греческого Николая Георгиевича. Ожидаемый пятый ребенок императорской четы родился через два года, слухи о прибавлении семейства на этот раз оказались ложными.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 1 августа 1902

Добрый Степан Васильевич, кажется, каждый параграф письма Вашего требует ответа. Отвечу по порядку. № Р.М.Г. я получила из редакции третьего

дня, не написала вам тотчас, предвидя сообщение от вас, каковое и получила вчера. Никак не ожидала такого скоропоспешного исполнения высказанных мною мыслей; если бы могла ожидать этого, то сосредоточила бы мысли по-серьезнее и непременно попросила бы вас упомянуть еще и об обществе трезвости и многочисленности *добросовестных* его членов¹. Увы! Такое упоминание слишком уместно на страницах *Русской* музыкальной газеты, и убеждение Рачинского, что юноши, не выучившись воздержанию, не выучились еще *ничему*, так как все их таланты и знания могут зря погибнуть, — убеждение это получает особый вес и смысл в приложении к русским художникам.

С Чайковским я никогда не встречалась, видала его лишь издали, на концертах. Поездку в Клин предпринять не приходится, хотя она для меня не была бы лишена интереса. Статьи Финдейзена читаю с большим удовольствием, однако не могу с Вами согласиться относительно писем Н. Ф. фон Мекк: полезна ли такая похвала в глаза, не только относительно художественного творчества — это дело другое, но относительно общечеловеческих поступков?! «Я от вас в восторге»: разве такая фраза не коробит? Такой фразы в письме *нет!* Это у меня осталось такое впечатление. Будь это высказано несколько иначе, например: «я сочувствую вашим поступкам», «я разделяю убеждения, которыми вы руководитесь», «я понимаю и ценю ваши побуждения», — впечатление было бы другое, а «я от вас в восторге» очень неприятно сводит дело от общности чувств и стремлений на почву личного поклонения и каждения. Я понимаю, что тут еще могло поддавать легкости речей желание как можно деликатнее обставить предлагаемую помощь, — но все-таки остаюсь при своем вкусе.

Итак, Вы пишете воспоминания детства и юности. Меня это радует. Хотелось бы прочесть их. Давайте фактов, фактов как можно больше, не пренебрегая мелочами, которые часто придают жизнь и яркость картине. Не пренебрегайте, прошу вас, и рамой: обстановкой и обычаями старины, особенностями местными и проч. Личные впечатления, интересные для пишущего, — факты для читателя, и в группировках фактов, в слоге личность пишущего достаточно высказывается, не так ли?

Вы говорите о предчувствии. Думаю, что всякое чувство, побуждающее нас на безотлагательную деятельность, не бесполезно. Мысль о смерти тоже к дурному нас не приведет. Это время думаю чаще не о своей смерти, а скорее о том, как надо дорожить всем близким и радостным, всем хорошим, что имеешь, — пока оно еще наше, пока оно не миновало. Ваше предчувствие, быть может, есть не что иное, как бессознательная наступающая потребность отдыха, во время которого всякое занятие, тем более авторское, было бы вам в тягость, и было бы любо или целебно только — лежать на траве и глядеть на небо или море. Такое чувство могло бы начаться, пожалуй, именно теперь, когда дело стало налаживаться, а долговременное напряжение ослабевается.

Сорадуюсь Вашим успехам. Похвала Императрицы Марии Федоровны в данном случае показатель многого. Благодарю еще раз за Херувимскую. Сегодня здесь храмовый праздник², мы пропели 1-й № Турчанинова.

Пожалуйста, не попрекайте себя насчет Бёкельмана — Вы меня этим конфузите. Я только вчера действительно вкусила его, а до того даже не открывала тетрадь, с самого получения ее! Мы втроем говели, не дожидаясь Успенского поста, так как моя мать чувствовала себя это время бодрее и могла бывать в храме. Слава Богу.

Мы ждем теперь разных гостей. Ю. Э. Конюс собирается со своей скрипкой. Очень жалею, что Вы теперь не свободны и не заедете в Спасское.

Хотелось мне также еще порасспросить Вас о крюках и ритмах. *Записано ли у Вас* то, что вы говорили весной сестре и мне об этом? О том, как Вам во сне ясно стало, что «ларчик просто открывается»? А ведь если не написано, то следовало бы записать, возможно сжато, но ничего важного не упуская.

Мне пора кончать. Еще раз благодарю Вас.

С. Волкова.

Р. S. Читали ли вы «Жизнь Шиллера» Карлейля?³ Это менее устарело и было бы по пониманию некоторым из ваших питомцев, особенно из прежних, уже возмужалых. Бодрящая книга.

Все забываю спросить, прочли ли Вы брошюру проф. Oettingen'a? Нашли ли в ней что-либо? Если она у Вас под рукой, то не потрудитесь ли мне ее вернуть, — я ведь в нее не заглядывала!

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 29—32

1. Об Обществе трезвости Рачинского см. в Воспоминаниях Смоленского.

2. 1 августа — престольный праздник в Спасской церкви. Храм, построенный в 1759, имел три придела: Всемиловитового Спаса, святителя Николая и Смоленской иконы Божией Матери. На литургии хор пел Херувимскую № 1 П. И. Турчанинова.

3. Волкова упоминает раннюю работу Т. Карлейля «The Life of Friedrich Schiller» (1825), никогда не переводившуюся на русский язык.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 5 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Спасибо Вам за письмо Ваше, на которое также отвечаю по пунктам.

1. Сегодня я уже на 86-й странице моих «воспоминаний», близко принимая к сердцу Ваш совет: «фактов, фактов больше, не стесняясь ни рамками, ни особенностями старины, ни местными нравами». Пишу скоро и оживленно,

не читая прежде написанного, но думая исправить и дополнить по местам, где что придется, в 1-м и 2-м прочтении. Завтра или сегодня кончу 1-ю главу, озаглавленную «Детство и школьные годы». Следующие главы носят в таких сюжетах: «Наша семья», «Университет», «Музыка в Казани», «Образование инородцев», «Знакомство со старообрядцами»¹, «Учительская деятельность», «Синодальное училище и хор», «Придворная капелла». Но я боюсь, что при моем возбуждении с 28 июля, усиливающимся с каждым днем, я, пожалуй, обращусь совсем в писателя и испишу много бумаги. Меня очень трогает Ваша готовность прочитать мои записки. Я с глубоким доверием предаю их Вам, но с условием дружески и строго, насколько хватит строгости, критиковать их с карандашом в руке. Я пишу в переплетенной тетрадке, имеющей до 300 страниц, и, следовательно, Вам придется еще подождать, пока эти страницы будут написаны и пока остывшие начальные страницы уже успеют подсохнуть и я поверю их похладнокровнее и побеспристрастнее. Теперь и я понял, какой интерес составляет письмо воспоминаний.

2. Вчера (это ответ на Ваши пожелания Капелле дальнейших успехов) пели прелестную Херувимскую *C dug* и «Верую» Чайковского. Я испытал чувство жестокой самообиды на то, что никак не могу толком вникнуть в суть вкусов и симпатий, равно и ожиданий от меня. Пели Херувимскую прямо превосходно, так как я работал над ней целую неделю, со здоровым, не мишурным, а серьезным исполнением — и она никому не понравилась; нагрешил я в «Верую», устроив несколько показных (и каюсь, но только Вам — очень дешевых) эффектов — и не только понравилось, но и прямо удивило всех достигнутое «совершенство», «необыкновенная тонкость и ум в толковании Чайковского»...

Государь горячо высказал мне свое «восхищение и удивление», которое «приходит к нему с каждой новой службой». Императрица Мария Федоровна после разных любезностей сказала: «это просто великолепно»... что в связи с упорством в деле увольнения Азеева представляется мне намеком на будущий успех у нее нового от меня молодого регента². Я действительно готовлю обедни в Александрии очень тщательно, и отделение Капеллы, поющее в этой церкви, стало петь много лучше, хотя я сам еще очень далек от восхищения и удивления. Но меня повергает в большое смущение то, что нравящееся мне, поставленное мною в качестве отдаленной будущей цели истинное церковное искусство, что хорошие сочинения вроде Херувимской Чайковского совершенно недоступны этому кругу моих слушателей, не трогают их сердца, не говорят их молитве (всегда усердной, между прочим). Я остановился и в Петербурге на испытанной мною дороге перевоспитания певцов и богомольцев с помощью медленного отбора и забвения всякого старья старотальянского упадочного стиля и с помощью медленного же введения новых слов, родных мелодий... Очень было бы мне обидно признаться, что мишурой можно взять больше. С другой стороны, ведь как же не побережь себя для будущего после столь жестокого и уже почти, пожалуй, конченного мною приговорительного

курса в Капелле? Конечно, я не пойду упрямо вперед, но и не хочется мне, чтобы мое «кроткое упрямство» было особенно мягким и бесхарактерным. Говорю это потому, что уже очень мало художественны эти *ppp*, принимаемые за отличное пение, и в этой показной технике нет ничего ни русского, ни церковного. Меня очень интересует, если в письмах к Вам об этой обедне 4 августа упомянут бывшие в Александрии А. А. Оленина и А. В. Коссииковская. Им также, кажется, очень понравилась эта обедня. Но мне всего интереснее Ваш суд. Вы знаете, как я ценю его и как я слушаюсь Вас, поэтому и жду я Вашего слова.

3. Брошюру Oettingen'a я прочитал давно и, конечно, виноват перед Вами в том, что не возвратил ее Вам. Она должна быть у меня в Петербурге, но что-то мне вспоминается, что я Вам уже говорил о ней, держа ее в руках. Не без умысла пишу о том, на случай, если я в самом деле возвратил ее Вам и она осталась на Надеждинской. Но дело не в том. Учение об образной гармонии давным-давно мне симпатично — уже лет 20, когда меня посвятил в него Юр. Карл. Арнольд и я проделал его элементарные теоремы по сборнику русских песен Мельгунова и проверил как обратные формы мажора и минора, так и употребление каденций с IV ступенью наравне с фригийской. Но дело в том, что у нас есть учебник гармонии Римского-Корсакова, в котором философские мечтания изложены самым прозаическим и твердым образом в виде последовательного курса новых таинств русской гармонии, столь уже употребительных в письме сочинений новой русской школы. Кроме гениально угаданных оборотов Глинки, как Лядов, Глазунов, Балакирев, Бородин и Римский-Корсаков, так и немалое количество молодых музыкантов употребляют ныне (может быть, и ощущую) немало обратных движений, немало народных оборотов в двухголосном сложении, целиком подходящих под тезисы Эттингена, только еще размышляющего философически. Но об этом до личных оживленных споров.

4. Схемы старых форм в наших стихирах, основную разгадку которых я действительно увидал во сне и, вскочив, записал тут же (в моем рабочем экземпляре это записано подробно), я в главном своем положении уже напечатал в статье о рукописях Синодального училища, где двумя чертежами объяснена стихира «Да воскреснет Бог»³. Но я не пришел еще в этой части к вполне законченному кругу мыслей, к разработанному ряду научных положений, хотя работаю вот уже более 20 лет без остановки, ломая голову над составлением всяких схем и бросая перо от неудач, но не зарекаясь на будущее. Для меня несомненно, что опять по какому-либо предлогу придет когда-нибудь в голову внезапная светлая и простая мысль в этой области, так как я уже проделал не одну сотню наблюдений. Как характерный образчик столь чутко угаданных Вами моих волнений — вырываю для Вас из моей рабочей тетради то, над чем я сидел уже недавно, испачкав немало бумаги и бросив работу. Это «Тебе Бога хвалим» греческого якобы роспева, существующее еще в крюковых рукописях и уцелевшее до сих пор в виде напева тропаря 3-го гласа:

Бился, бился я над этою несомненною формою нашего «рондо» — но Колумбово яйцо дается не скоро и угадывается не легко. Во всяком случае мои рабочие тетради целы для будущего работника, если я не увижу во сне или наяву в полной простоте и ясности решение этого мудрено-простого вопроса.

5. О биографии Шиллера, написанной Карлейлем — не имею никакого понятия, а придет вскоре друг-книгоед А. В. Преображенский из Москвы⁴ — достану.

6. Бёкельманом я продолжаю увлекаться, как юноша. Даже недавно пропустил несколько часов, в которые хотел писать юношеские воспоминания.

За Ваше письмо Вам спасибо. Вашим поклон мой. Увы, мои мечты вырваться отсюда в это воскресенье остались мечтами. А как хотелось, да и хочется мне повидать Вас и Ваших! Ведь уже скоро 3 месяца, как Вы уехали отсюда, да еще когда вернетесь!

Сердечно Вам преданный Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 166—167

1. Глава «Знакомство со старообрядцами» не вошла в основной текст Воспоминаний, но была опубликована в качестве приложения к их изданию в IV томе РДМ.

2. Два молодых помощника учителя пения Капеллы — П. Н. Толстяков и А. Г. Чесноков — до сего времени не участвовали в царских службах, им поручались службы с небольшой группой певчих в присутствии других особ императорского дома и в других церквях.

3. См. эту статью: РДМ. Т. II. Кн 1.

4. А. В. Преображенский в это время покидал Синодальное училище и переходил на службу в Капеллу.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 8—9 августа 1902

Посмотрите, добрый Степан Васильевич, как скоро я отвечаю Вам! И опять у меня к вам дело. Начну с него. Сейчас у нас тут гостит княжна Мария Евгеньевна Львова (сестра директора Училища Живописи и Ваяния). У нее есть еще брат, очень милый человек, живущий близ Перми¹. У него большая семья: жена, дельная, умная, четыре девочки, старшей 10 лет, и три мальчика, совсем маленьких. Для этих девочек он поручил сестре найти преподавателя «русских предметов», и мы с ней надумали, что он непременно должен быть музыкантом. Вследствие чего мы с ней сегодня утром отыскивали на Прохоровской фабрике Михаила Егоровича Климова, привели его с собой в Спасское и имели с ним

пространный разговор. Он ехать в Пермь не может, но назвал Ивана Петровича Соколова и так нам хвалил его, что явилось у нас большое желание познакомиться с ним наших пермских родных². Через кого же? Конечно через Вас. Из Казани в Пожву 1½ суток, не более, и теперь на пароходе это прелестная прогулка, а там на лошадях всего 6 верст. Адрес Соколова нам Михаил Егорович дать не мог, да и не решились бы мы действовать иначе, нежели через Вас. Может быть, Вы и другого кого знаете в указание подходящего. Условия такие: от 60—100 руб. на всем готовом, преподавание «русских предметов», если возможно, малость из естественных наук и начало пения, общего музыкального развития. Слуха, живости, восприимчивости у детей сколько угодно. Мать их музыкальна на редкость, но едва играет и сама бы не прочь поучиться. Сверх того, при заводе (громадном) есть 2-классное училище с большим хорошим хором, но регент, увы! пьющий, и вероятно с ним вскоре расстанутся, так что предвидится возможное соединение двух должностей. Учить бы пришлось только девочек, уже недурно пишущих, любящих историю и одаренных отличной памятью. Вообще милая семья. Дисциплины много, но и простоты. Служащие на заводе любят своего князя Сергея Евгеньевича, с ним ладить не трудно. Ну вот и все. Коли Иван Петрович Соколов не прочь, пусть хоть сам напишет. Адрес просто «Пермь. Пожевский завод»³. Может спросить подробнее об условиях, предложить туда съездить, или же может быть из Пожвы приедут в Казань переговорить.

Еще называл нам Михаил Егорович *Климина и Крылова*⁴. Что Вы про них скажете? Будьте так добры, и про них сообщите нам свое мнение. Есть еще Ваш питомец в Оренбурге — фамилию не запомнила, кажется, этот не подходящий.

Михаил Егорович Климов произвел на нас отрадное впечатление во всех отношениях. Я с ним проиграла в 4 руки две увертюры Вебера, и мы много поговорили. Написала бы Вам еще больше, но лучше приезжайте, поговорим обо всем, и Климова Вы сами повидаете. Шлет Вам поклон здешний псаломщик Соколов, и очень бы рад Вас видеть. Разве Вы не освободитесь после 16-го или даже в самый день? Ждем и Юлия Эдуардовича Конюса как раз 16-го. Он, бедный, что-то унывает, по крайней мере что касается музыки.

Хотелось мне ответить полным ответом на Ваш вопрос о «Верую» Чайковского. Начну с выписки из письма Ст. Вас. Смоленского, от 16 июня... Нет, пора на почту. До завтра! Простите, и до скорого свидания.

С. Волкова.

Продолжение

... Из письма Ст. Вас. Смоленского от 16 июня:

«Капелла решительно не умеет... дай Бог через полгода».

А в письме от 5 августа уже жалобы, что всех удовлетворяют *достигнутые* показательные оттенки, тонкие *ppp!* — Да хотя бы и показательные! Не жаловаться надо, а радоваться, что они достигнуты, да не после полугода, а после 6 недель. Я не только согласна с Вами, что такие эффекты не русские и не церковные, но, идя далее, и самого сочинения Чайковского не считаю церковным именно потому, что оно напрашивается на показательные оттенки и само по себе довольно показно. Но вкус ведь развивается лишь постепенно. Убедив своих слушателей, что Вы вполне способны удовлетворить их настоящим требованиям, Вы уже внушили им большее доверие к вашей оценке. Не удастся Вам обратить их в вашу веру круто; а дайте им сперва время бесповоротно убедиться, что Вы их понимаете, и всю любимую ими привычную старину и все, что им нравится в новейшем, можете передавать сверх ожидания их хорошо. Не спугните их сложными нововведениями, чтобы не упрочились они в неразумном отвращении от непонятного для них. Ведь если оно может стать им понятным, то лишь со временем. Достаточно ли проникаются певчие настроением того, что исполняют? Мне кажется, что только избыток чувств исполнителей передается неподготовленным слушателям, или точнее, в данном случае, только сила искренности в передаче слов и пения может настроить молитвенно при непривычных звукосочетаниях и простоте исполнения.

Тогда и самый звук голосов, весь *тембр* хора становится проникновеннее, как *туше* пианиста. И эта проникновенность наверное найдет себе отголосок в некоторых сердцах, хотя в придворных храмах многое идет с ней вразрез. Но вот того и в полгода не достигнуть, и тут затруднение, думается мне, более в певчих, чем в молящихся.

Страничку из тетради верну попозже. Все-таки — не вернуть ли Вам № Р.М.Г. с Вашей статьей, так как у меня останется мой экземпляр?

Про Oettingen'a тоже помню, что Вы его приносили, но по-моему Вы еще его тогда не прочитали, а потому снова унесли.

Вы пишете о своих воспоминаниях: «не стеснясь ни рамками, ни особенностями старины, ни местными нравами». Не пойму, в каком смысле «не стеснясь»? Я хотела сказать, что рамка и особенности нравов весьма драгоценны и не следует упускать их. Возьму для примера ваш разговор с Л. И. Шестаковой о суровых обычаях старины, когда вместо чая детям по утрам давали сухари на конопляном масле. Такая подробность характерна и запоминается.

В доказательство от противного возьму, например, сообщенную мне на словах, по возвращении из Татова, прекрасную подробность о похоронах Сергея Александровича, а именно, о накопившихся в ногах его медных копейках. Этого не было в письме Вашем, как не было и того, кто не знал (?) его, много ли трезвенников собралось ко дню погребения его, — подробности, которых я до сих пор к своему сожалению не знаю. Не потому ли и Анна Ильинична отсоветовала Вам послать это письмо, что в нем личные впечатления слишком

преобладали над фактами, тогда как Константину Петровичу [Победоносцеву], быть может, не терпелось узнать всевозможные подробности? Простите, что так упоминаю о письме столь близком и к тому же доставившем Елизавете Владимировне [Сабуровой] и мне столько отрады. Делаю это потому, что так хотелось бы, чтобы Ваше письмо к потомству было возможно содержательным, да и раз Вы просите о строгом суде, предпочитаю меры предупредительные.

Продолжаю 9 августа. Много ли у Вас перебывало таких, как М. Климов? Вот прошли сутки с наших первых о нем впечатлений, и они чрез то только закрепились. Найдите нам такого в Пожву, к Львовым! Он там не попортится! Вот Вам маленький показатель духа воспитания — разговор между 4-летней девочкой и ее тетей.

Зоя. Эти мужики нехорошие.

Тетя. Что это ты, Зоя? Чем же они нехорошие?

Зоя. Они пьют, а Бог не велел пить, — они Бога не слушаются!

Тетя. А ты, Зоенька, разве Бога всегда слушаешься?

Зоя. Я? Да, я всегда Бога слушаюсь; я всех люблю.

Так вот: надо такого, чтобы этот дух ценил и чтобы при детях вздора не говорил. Поэтому «студенты» несколько опасны, а то и студента хорошо бы. Музыка не была непременно условием, но музыкальная атмосфера так всех в доме радовала бы, так красила бы длинные зимние вечера и так много дала бы, чего не в силах дать никакая старательная преподавательница Ганона, с *un — et deux — z — et trois — ss*, — что мы своим замыслам очень обрадовались.

Само собой разумеется, что если кто согласится съездить в Пожву для переговоров, то расходы возьмут на себя Львовы. Может быть, Вам кто-нибудь известен в Москве? Тогда мы бы могли повидать его здесь же на месте. Опять беспокою вас просьбой! В. В. Орлов все еще у Олениных, пребыванием у которых пока очень доволен.

Пора кончать. М. Климов очень хорошо проиграл Херувимскую Чеснокова, и она мне понравилась. Третьего дня я проиграла 6-ю симфонию Чайковского в 4 руки с А. Н. Корещенко.

Наконец погода летняя! Всем радость!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 33—39 об.

1. Имеются в виду: двоюродная тетка Софьи Сергеевны — княжна Мария Евгеньевна Львова (1864—1936) и ее братья — князь Сергей Евгеньевич Львов (1858—1937), живший близ Перми, и Алексей Евгеньевич Львов (1850—1937), директор Московского Училища живописи, ваяния и зодчества; оба они — братья будущего главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова.

2. И. П. Соколов — выпускник Синодального училища (1895), регент и учитель пения в Царицынской женской гимназии.

3. Пожевский (Пошвинский) чугунолитейный и железоделательный завод в Пермской губернии, Соликамского уезда, в 90 верстах от уездного города.

4. Сергей Михайлович Клипин — выпуск 1901 года, Михаил Алексеевич Крылов — выпуск 1896 года.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 11 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Вот и я дождался от Вас двух писем разом. За великими недосугами пишу Вам сначала по делу Пермско-Львовскому, завтра особо напишу по музыкальной части, если только удастся вовремя отправить и это письмо.

Конечно, я сердечно рад угодить Вам и в Львовском деле, тем более что оно совпадает случайно с надобностью устроить вполне хорошего и, как кажется, подходящего или имеющего быть подходящим молодого человека. Выбор Миши Климова, указавшего на Ивана Петровича Соколова в Царицыне, я совершенно не одобряю, так как он только порядочно играет на фортепиано, отличный учитель музыки, но не более того, да кроме того и едва ли уедет из Царицына, где у него дела идут отлично в гимназии на казенной службе и при очень большом заработке.

Я вспомнил «утро вечера мудренее», и остановившись вчера на Михаиле Алексеевиче Костине¹ (ст. Бараново Московско-Ярославской ж. д.), утвердился на нем и сегодня. Чтобы, однако, дело это шло вполне с Вашего ведома, я прилагаю при этом мое письмо к нему и последнее его письмо ко мне. Если по прочтении этих документов Вы надумаете дослать мое письмо в Бараново и, может быть, припишете к нему что-либо по Вашему усмотрению, — то так и да будет, ибо нетрудно будет по недалности Бараново от Подсолнечной побывать Костину у Вас и лично переговорить обо всем, да и себя показать, да и Вас поглядеть.

Миша мой — малый даровитый, премилый, умненький и очень добрый. Конечно, он трезв, хороший опытный регент, *отлично* учился. Но в прошлом его, довольно самолюбивого по молодости лет, щелкнула судьба очень сильно у Великой Княгини Александры Петровны (инокини Анастасии) в Киеве, где сначала не поняли всей его детской чистоты и желания работать, а потом святые матери наши неудобным держать в монастыре близко к делу слишком молодого юношу лет в 18. Как я ни старался смягчить эту нелепую и глупую историю, построенную на возможности не вообще, а инокиням предлога для всяких о них неподобных речах, — пришлось уступить великой инокине и проглотить благочестиво обложенную и совершенно неожиданную глупейшую пилюлю. После этого я устроил Мишу в Бараново, где он нашел жену (премильную — ясную,

уменькую), но вскоре потерял директора фабрики, любителя пения. Новая администрация знаменитой мануфактуры — далеко не из любителей церковного пения, и потому мой Миша начал нить вот уже года два. Я полагаю, что если вступить в дело познергичнее, то и жена Миши может пригодиться в Пожве, так как она (не помню толком) не то фельдшерница, не то акушерка, не то имеет оба звания. На Урале, да еще на заводе, одним таким человеком больше — совсем не мешает, да и заработка дома может быть больше, а человек она дельный.

Конечно, Михаил Алексеевич совсем отстал от игры на фортепиано, но думаю, что ему легко будет вспомнить все при его талантности, а главное, при душевном покое, которого сейчас совсем нет. Он отлично учился у Эрарского, был лучшим у нас аккомпаниатором, но неимение инструмента лет 5 свело все на нет. Педагогический его опыт, как помню, был очень хорош, и его ученики очень выделялись. Может быть, первое впечатление у Вас выйдет и в пользу Костина. Ему уже 23—24 года, и это уже сложившийся человек. Конечно, «русские предметы» ему вполне по силам.

Дописываю после завтрака и, признаться, не особенно в духе, так как случилось именно то, о чем Вы мне писали, то есть об опасности произвести новостями отрицательное впечатление. Сегодня пели е moll'ную Херувимскую Архангельского, хотя и не Бог весть какую, но весьма приличную, исполненную же и совсем порядочно. Это сочинение «совсем не понравилось», а причастный стих Львова (по-моему решительно никуда не годный) — оказался «очень интересным и удивительно церковным». Сейчас под впечатлением такой разности во вкусах я сильно не в духе и потому опасаясь быть несправедливым, не сумея рассуждать спокойно и сдерживать свою на себя же досаду на свое же недомыслие. Последнее потребует от меня некоторых размышлений и осторожности, чтобы напрасно не трудиться над тем, что не будет делать приложения к сделанному, а только будет неудачною экспозициею моего выбора. Сколько могу думать сейчас, дело это будет очень трудным анализом тех отзывов, которые я уже слышал, и сопоставления их с условиями, при которых эти отзывы были даны. Но об этом после. Должно быть, я очень самолюбив, если такие вещи так волнуют.

В «воспоминаниях» сегодня пишу 121-ю страницу, быстро двигаясь вперед и позволяя себе немало отступлений частного характера, вроде «сухарей на конопляном масле». Кончена «Семья моего отца и ее друзья» и почти кончается «Университет». Энергия моя пока не слабеет.

Очень рад, даже более того, что Михаил Климов произвел на Вас хорошее впечатление. Я очень люблю его, он умен и работящ. Способен, но не талантлив, как мои два здешние молодца, из которых тот же А. Чесноков не далее как вчера угостил меня презадорным квартетом для 2-х скрипок, альты и виолончеля.

Ваше приглашение меня очень берedit, но как вырваться из здешней сутолки, когда после 16-го следует 18-е^е, а там какой-нибудь сюрприз и т. д. Я очень устал, давно не видал своих сестер, а думать об отлучке в учебное время и

в голову не придет³. Очень хочется и Вас видеть и Ваших. Если я скучал в Петербурге, иной раз не выдав Вас недели по 1,5—2, что же сказать о 3-х месяцах?

Вашим мой привет и поклон — Вам сугубо.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 168—169 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Костин Михаил Алексеевич — выпускник Синодального училища (1898).

2. 18 августа отмечалась годовщина битвы при Кульме (1812), закончившейся поражением французов; очевидно, в этот день полагалась какая-либо служба или молебен.

3. Под Москвой жили в это время две замужние сестры Смоленского — Мария Васильевна (в замужестве Гауэнштейн) и Ольга Васильевна (в замужестве Фролова).

Смоленский — Волковой

Петергоф, 12 августа 1902

Продолжение письма 11 августа

Резолюция Министра Двора на 1-м докладе ревизионной комиссии о состоянии нотного склада Капеллы:

Усматривая с несомненностью из результатов ревизии небрежное отношение г. Ляпунова к своим обязанностям, причинившее Министерству значительный материальный ущерб, только во внимание к прежним заслугам его по обучению воспитанников Капеллы музыке, разрешаю оставить настоящее дело без преследования по закону. Дальнейшее участие г. Ляпунова в сдаче музыкального имущества Капеллы нахожу бесцельным, если, впрочем, начальство Капеллы не встречает существенных затруднений к освобождению его от такового участия.

Итак, добрейшая Софья Сергеевна, вот 1-й финал Ляпуновской истории, за которым последует скоро и 2-й, то есть констатирование не менее беззастенчивого расхищения музыкальной ученической библиотеки и инструментов учениками Капеллы и недосмотра Ляпунова. Как и вообще полнейшей небрежности его и в этой половине дела, где в пачке с симфонией Чайковского лежит какая-нибудь «Лукреция Борджия», а вместо № 15 итальянской скрипки имеется № 15 скрипки от Циммермана в 15 рублей, а то так и совсем ничего. Я полагаю, что будет и 3-й финал вроде выдачи Ляпунову годового оклада жалованья — но это уже не касается Капеллы. Да и Бог с ним! Но поглядите сами, какова была самоуверенность Ляпунова, подавшего известную Вам жалобу, полную всяких инсинуаций!

После удаления его с Азеевым стало мне жить много легче, но еще большой вопрос, как мы разделаемся с Азеевым, совершенно не желающим покинуть

квартиру, пока мы не постараемся удовлетворить его вполне нелепые требования денежные, сверх выхлопотанной уже ему нелепой по величине пенсии. «Я не уеду с квартиры — попробуйте выселить меня», — заявил он. Извольте тут распевать с художественными оттенками, да думать, чтобы и выбор сочинений был удачен!

Но я все-таки выучил наизусть часть Вашего письма и послушаюсь Вас не только как дружески и сердечно сочувствующую моему положению (крайне трудному), но и как поставившую весь ход дела с удивительной ясностью положений. Я благодарю Вас от всей души за следующие слова: «Не удастся Вам обратить их “в свою веру” круто; дайте им сперва время бесповоротно убедиться, что Вы их понимаете и всю их любимую старину, а все, что им нравится в новейшем, Вы можете передавать сверх ожидания хорошо. Не спугните их спешными нововведениями, чтобы не упрочились они в неразумном отвращении от непонятого для них. Ведь если оно и может стать им понятным, то только со временем». Конечно, эти мысли приходили мне в голову поодиночке не раз, но я как-то не останавливался на них и не комбинируя их, разбрасывался в стороны. Ценю Ваши слова так же, как часто сам радуюсь, наставляя в качестве стороннего лица многих, не имеющих сил разобрать в подробностях своих дел, для меня же, беспристрастного и спокойного, сочувствующего — вполне ясных. И вот Вы увидите, в качестве гонорара почетного, какой вскоре я буду хороший и дальновидный Управляющий Капеллою!

«Воспоминания» свои я пишу в каждую свободную минуту и теперь сижу на 134-й странице неожиданно надуманной мною новой главы («В суде, 1872—1875 годы»), так как глава «Университет» уже кончена. Очень увлекательное занятие — писать воспоминания и вновь переживать хотя бы слабые чувства, волновавшие в далеком прошлом.

Анюта моя жестоко горюет от неудач в хлопотах по переводу брата в Петербург¹. Я получил вчера от А. Н. Нарышкиной письмо, где она дает дельные советы, но отдаляющие решение дела, а у нас чуть не считаются дни предстоящего прибытия в Петербург и потому всякая отсрочка в решении дела повергает в уныние, отзывающееся, конечно, и на мне. Я, признаться, много видал на своем веку любящих друг друга людей, но такого нежного чувства и такого страдальческого нетерпенья просто и не представлял себе. В Петербурге это состояние жены для меня прямо тяжело, так как все мои хлопоты лопаются как мыльные пузыри и разбиваются вдребезги о неприступность и бесстрастность сильных мира сего. Да и брат стонет в Москве! Удивительно, как иногда бывает трудно устроить именно данное дело. Попутно устраиваются чуть не десятки подобных дел, а этому не везет, и все тут! На мне же невольно отзываются мои хлопоты за других! Да уж и лето же удалось в этом году! — одна хандра и тоска — холод, серое небо, дожди, ветры — никакого тепла, даже и солнышко выглянет раз в неделю часа на 2—3!

Я буду очень рад узнать от Вас о дальнейшем ходе дела Костина, если придется Вам по мысли мои предположения. Он — человек толковый и в курс своих обязанностей может войти скоро и хорошо.

А вот Вы ни словечка не напишете про очаровательного Бёкельмана, а я все еще увлекаюсь им и учусь понемногу.

Привет мой Вам и Вашим.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Еще урываю минутку, чтобы поблагодарить Вас за милого ученика моего Мишу Климова и, если сочтете удобным, передать через Вас поклон и привет Арсению Николаевичу Корещенко, также моему «ученику», но, конечно, в $\frac{1}{10000}$ долю в сравнении с Климовым. Я очень любил сестру-страдалицу Арсения Николаевича, да и сам он милый человек, хотя его бывшие увлечения в прихотливой инструментовке мне всегда не нравились. Как он играет теперь на фортепиано? Лет 10 назад он играл прелестно: умно и очень бойко, деликатно и с хорошим тоном. Я уже очень давно не слышал его.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 170—171

1. Брат супруги Смоленского — Василий Ильич Альсон был служащим Московской конторы Государственного банка (с 1889); в конце концов с помощью разных протекций (в частности, А. Н. Нарышкиной) удалось устроить его перевод в Петербург.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 15 августа 1902

Через полчаса еду к Лениным, а до этого надо бы написать еще письма, кроме этого. Итак, добрый Степан Васильевич, сегодня только о неотложном. Спасибо, спасибо за оба письма Ваши (второе, с «резолуцией», получила сию минуту).

Костина ждем завтра, о чем и хотелось поскорей сообщить Вам, чтобы Вы могли следить за ходом дела. 13-го, по получении тройного послания Вашего — подумала и решила следующее: надо бы, чтобы Костин приехал сюда переговорить с сестрой кн. Сергея Евгеньевича, уезжающею 16-го вечером. Как «извлечь» его до тех пор: письмом не поспеть, депеша ничего не скажет. И вот опять мы с сестрой-тетушкой (двоюродной тетушкой, но она мне ровесница!) отправились на Прохоровскую фабрику, откуда через час после того Ваш милый Мих. Климов выехал в Бараново с Вашим письмом к Костину. Письмо Ваше, конечно, было уже закрыто по прочтении нами. Климову надо было спешить обратно ко всеобщей под Успение, так что он пробыл в Баранове всего три часа — от 2-х до 5-ти часов ночью!! Завтра он собирается привести нам Костина,

приезжающего утром. Сойдутся ли в условиях? Предвидеть нельзя до переписки с Пожвой.

Вы ничего не ответили о Клипине. Каков он? Климов про себя ответил, что он на частное место поступить не вправе, так как воспитывался на казенный счет. Неужели это так, даже если бы ему представилось очень хорошее место в Москве, освобождающее его притом от воинской повинности? И как бы Вы смотрели на то, если бы это место было только на одну треть музыкальное?

Пишу по соображениям еще не вполне назревшим. По какому ведомству он обязан служить еще четыре года: духовному или вообще казенному? Очень хотелось бы поскорее узнать Ваше мнение обо всем этом, а также, кто такой Клипин, сочувствуете ли Вы его недовольству настоящим своим положением и какого Вы мнения о нем, о человеке, педагоге, регенте?

Поклон Арсению Николаевичу передам. Игры его, к сожалению, *толком* еще не слыхала. Она мне прежде нравилась.

Почему бы Вам не приехать 19-го дня на два-три, — и то в деревне отдохнуть можно. Ведь Вы ею и не подышали в этом году. У нас теперь красные дни, но боимся, что вот-вот и опять пойдут дожди. Дорога самая удобная такая: до Клина курьерским, а там, через час, пассажирским в Солнечное, куда приезжаете часов в 9 утра.

Мамино здоровье — переменчиво, то радует, то волнует. Еще раз спасибо.
С. Волкова.

К Лениным не еду. Юлий Эдуардович Конюс уже приехал — со скрипкой.

Главное я и позабыла! Если дело с Костиным завтра станет налаживаться, то позволяете ли Вы нам отправить его к Вам письмо в Пожву, к князю Львову? Или копию с письма, так как, конечно, письмо в подлиннике мы рано или поздно желаем вернуть Вам.

Думаю, что если мы и подлинник пошлем в Пермь, то получим его обратно, — аккуратность князя Львова крайняя, — но только через несколько недель.

Как я жалею о неудаче с братом Анны Ильиничны — нет ничего томительней постоянной надежды, все обманутой, все далее отодвигающейся, — об этом писал еще Соломон царь. Слава Богу, что когда наконец надежды сбываются, прошлое томление забывается. Но пока — трудно Анне Ильиничне.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 17 августа 1902

Добрый Степан Васильевич,

уже по приложению к сему — письма Костина¹ Вы, верно, догадаетесь, что дело на этот раз не уладилось. Ему нет причины ехать в Пермскую даль, как ни тяжело ему на теперешнем месте. В августе, дней десять тому назад, у него родилась вторая дочь. Каково бы везти эту семью! Жена его, получая 50 рублей, занята своей службой всего четыре часа в день. Мне кажется, что поездка сюда могла быть ему приятным развлечением, так как он, по-видимому, рад повидаться с Климовым, а у нас было с ним и музыкальное общение, помимо делового разговора.

Мы же, скажу Вам откровенно, не жалеем, что он ехать не может. Он произвел на нас впечатление хорошего мальчика, но отнюдь для педагога не подходящего. Несмотря на Ваши увещания «держаться попроще», он напустил на себя развязность, особенно ярко выступавшую в сопоставлении со спокойным достоинством Климова, и его несомненная талантливость, с которой он не может справиться, волнует его, тревожит и, не находя развития или применения, коробит его и ежеминутно берedit его самолюбие. Я его уговорила сыграть нам свое переложение арии Stradella на великопостный прокимен — нам понравилось, и ария неузнаваема. Русские предметы он готов был повторять с помощью московских товарищей в течение месяца, но это было бы в случае предварительного соглашения с Пожвой. И он сам думает, что настолько все позабыл, в особенности арифметику, что и месяца для повторения не хватило бы.

Итак, дело разошлось само собой, без обиды кому-либо. А родственница моя, уезжая, поручила мне очень и очень благодарить Вас. Мы вчера провели с большим удовольствием часа два, посадив за фортепиано Ваших питомцев, дав проиграть им первое *allegro* из квартета Бетховена *F dur* по Вашим же нотам и затем составив квартет *a cappella* с ними. С каким удовольствием я пропела с ними трио «Да исправится» (и Бортнянского, и Глинки, и Турчанинова)! Мы просмотрели тоже Херувимскую № 3 Турчанинова по Вашей цифирной книге². Закончили мы хором Генделя из «*Judas Maccabeus*». За все это — большое Вам спасибо. Оба юноши не посрамили горячо любимой ими своей школы. Музыкальное развитие их твердо, и они росли в школе, как в здоровой большой семье. Жаль, что не приходится познакомиться с ними как с регентами.

18 августа. Вчера не кончила, а сегодня не успею до почты еще написать. Вы спрашиваете про Bökelmann'a; да ведь у нас все время гости! Нас бывает до 12-ти дам (считая с тремя девочками), правда, в двух домах, но свидания частые, а главное, все отъезды и приезды и «проводы» совсем не музыкальные, хотя по сложности и «*Stretto*», и многоголосные!

Еще раз благодарю.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 43—44

1. В подборке писем Волковой к Смоленскому письма Костина нет.
2. Имеется в виду «Курс хорового церковного пения» Смоленского, где использована цифровая нотация (подробнее см. в Приложении к переписке с К. П. Победоносцевым).

Смоленский — Волковой

Петергоф, 17 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Отвечаю Вам без промедления о Клипине, но прежде всего скажу, что, при всей твердости Вашего почерка, Вы написали фамилию его в предшествовавшем письме так неясно, что я не решился принять это написание за фамилию одного из лучших моих учеников. Только сейчас я понял и ту свою ошибку, по которой Вы назвали милого мне Сережу — Михаилом Евгеньевичем, как мне показалось с 1-го раза. Отчего же мне не воспользоваться теперь и тем, что Вы пишете, прилагая к Климову — для Сережи Клипина? Вы пишете: «Если бы ему представилось очень хорошее место *в Москве*, освобождающее его притом от воинской повинности», как бы я посмотрел на то, если бы это место было «только на $\frac{1}{3}$ музыкальное». «Пишу по соображениям еще не вполне назревшим». «Сочувствую ли я недовольству Клипина его настоящим положением и какого я мнения о нем как о человеке, педагоге и регенте».

Отвечаю так: Сережа Клипин, последнего уже моего выпуска из Синодального училища, мальчик лет 19—20, *вполне* безукоризненный в поведении, умный и очень серьезный, деловой, сосредоточенный, но несколько иногда вялый. Он безусловно добр, честен и прилежен, всегда был любим товарищами и особенно почитаем ими. Способности к музыке не ахти какие, но нельзя назвать бездарным, так как пел прекрасно всегда, учился так же прекрасно, но брал больше умом и рассудком. Регент он очень хороший, знающий и любящий дело. Помню, как однажды видел я ребят, очень удивившихся и даже неожиданно для меня засмеявшихся. Я спросил, что такое случилось? Мне ответили: «Клипин чего-то засмеялся... Он добрый, а никогда не смеется...»

Семья Клипина очень хорошая, строгая, вполне порядочная. Служба Клипина в Перервинском духовном училище, да еще в соседстве с монастырем, невыразимо мутит мою душу. Это — полная ошибка Ширинского-Шихматова, не разбирающего, кого куда надо приладить. Клипин тут в грязи, при дурно идущем деле, и вытащить его было бы сущим для него благодеянием, за которое бы он уцепился обеими руками. Понятно, что вопрос об обязательной службе, столь нарушаемой самим Ширинским-Шихматовым для учеников Синодального учи-

лица, совершенно легко может быть улажен при некотором моем давлении на Саблера, что я проделал уже 2 раза и имею в виду (хотя еще и не решил вполне) проделать по вопросу о Мише Климове в Капелле. Понятно и то, с каким глубоким чувством благодарности отнесется семья Сережи и он сам, когда вполне обдуманное Ваше дело может попасть в его руки¹. За этого юношу и я бы хлопотал сильно, если бы был в Москве. Впрочем, я и теперь этими строками хлопочу за него у Вас. Если это дело, Вами предположенное, можно было бы устроить, то, конечно, Миша Климов сумеет представить Вам Сережу даже и лично, а я лишь мысленно отсюда pošлю Вам меру моей сердечной благодарности.

О письме Костина ко мне, посланном к Вам в качестве свидетельства собственноручного о мере его грамотности и об обуревающих его тревогах, могу лишь сказать, что торопиться возвращением письма нет нужды. Мне было бы очень интересно узнать от Вас о впечатлении, произведенном на Вас Костиным лично и его поведением во время переговоров о месте в Пожве. Я давно не видал Мишу, если не считать кратковременного прошлогоднего свидания в 2—3 минуты. Ранее, учеником и по возвращении из Киева, он был мил и прост.

Вчера мы обвенчали свадьбу Елены Владимировны и Королевича. Видел я много архаического, много притворного, деланного, давно отжившего свое время и видимого теперь только на сценах. Сколько лжи, сколько стесняющих самое простое чувство церемоний! Я задумался над вопросом: кому и для чего все это надобно? Кем это все ценится? Что всем этим блеском и мишурою выражается? Не без удовольствия видел я однако восхитительную службу Янышева, просто и кротко читавшего молитвы, отдельные слова которых иногда достигали до на $\frac{1}{99}$ глухих богомольцев, иногда крестившихся. Но зато «высший свет», расши-тый всякими золотыми и серебряными галунами, украшенный всякими звездами и лентами, занимавшийся всякою болтовнею на всяких языках, менее же всего на нашем чудном русском языке, — этот высший свет вполне заслуженно был призываем к порядку гофмаршалами, стучавшими палкой об пол... И это в Храме Божиим! И это при совершении таинства! Случайно я выходил из церкви и увидел целый раут членов этого высшего общества, совсем и забывших о том, что они также приглашены на молитву. Тут был и хохот, и гулянье по залам, и деловые беседы стариков, и фабрикация всяких сношений, и смех с пустословием около нарумяненных дам, из которых две-три старых-престарых, в русских якобы кокошниках и с шлейфами на левой руке, показались мне прямо жалкими.

А между тем, как сильны эти люди, как многое зависит от них в России! Как ничтожна в них небольшая, даже микроскопическая доля русского! Как много между ними немца, иноверца и забывших все русских людей! Как раз в минуту таких моих горестных размышлений оказался у меня на глазах: обер-гофмаршал, генерал-адъютант, генерал-майор граф Бенкендорф, кавалер орденов (ведь ни одного русского слова!), стоявший с какой-то высокой золоченой палкой и болтавший не по-нашему с немцем из русских!

Впрочем, у меня нервы ходят. Вчера у меня появилась сердечно любимая гостья — тетя Екатерина Степановна Ильминская². В разговоре о том-другом, конечно и о Вас, она вспомнила, что года 2—3 назад она провела преинтересные 2—3 часа в Троицкой Лавре с барышней, назвавшейся Волковой и, как будто, Татьяною, собиравшеюся идти в монастырь. Не была ли это «матушка Татьяна» из Риги?³

Государь по-прежнему и в это воскресенье был милостив ко мне очень, заметив между прочим, что с мая месяца с Капеллою делается что-то небывалое, так как каждую службу поют все лучше и лучше, а иной раз приходится заслушиваться и даже удивляться. «Вероятно вы много работаете?» — спросил меня Государь, а я, признаться, только поклонился милому царю, да и то не по-придворному, ответить же что-нибудь не догадался. Шереметев оказался догадливее меня и сказал: «До той весны работать было трудно, когда же удалось удалить из Капеллы все мешавшее труду — результаты сразу обозначились, и теперь уже нетрудно предположить скорое начало процветания Капеллы». Государь сказал: «Да они и теперь поют иногда восхитительно». Я: «Ваше величество слишком милостивы»... — а потом и опять, как где-то слышал, — «язык дома остался»...

В минуту писанья этих строк я уже на 166-й странице моих «воспоминаний», в начале VI главы: «Н. И. Ильминский и моя служба в Казанской иногородческой учительской семинарии». Главы IV «В суде» и V «Музыка в Казани в 60-х и 70-х годах» уже закончены. Бывшее у меня предчувствие либо смерти, либо какой-либо предстоящей горькой беды не оставляет меня до сих пор, и я тороплюсь поэтому записать свои воспоминания, хотя и пишу их весело, с неожиданным для меня удовольствием утопать в давнем прошлом, между которым пришлось вспомнить о многом забавном и совсем уже архаичном для нынешних времен, не только о себе, но и о других.

Описывая мою студенческую жизнь, я невольно пришел к мысли, что я еще ярый бурш до сих пор, хотя и очень укатанный крутыми горками жизни. Но в сравнении с живыми моими товарищами по добросовестному суду оказалось еще многое в пользу моей неукротимости. Тетрадка моя в части неисписанных листов стала уже немного тоньше первой половины, следовательно и близится время, когда она предстанет на Ваш строгий, дружеский суд. Может быть, и это ожидание суда вместе с желанием повидать Вас и Ваших, равно и вместе с мыслью побыть хоть несколько дней на свободе, бодрят меня в уписывании в день по 8—10 страниц.

Я решительно не могу припомнить, кто такой Соколов, «батюшка-дьячок» (как я говаривал в детстве), приславший мне поклон. Прошу Вас поблагодарить его от меня — но каюсь, не соображу, кому шлется мой привет.

Пишу Вам в 4-й или 5-й солнечный день этого совсем холодного и мокрого лета. И сейчас, в 1 ч. дня только 14 градусов. Флюсы меня просто замучили, так как вполне правильно простужаюсь еженедельно от 11 до 12 ч. каждое воскре-

сенье на крыльце церкви в Александрии. Вот и сейчас пишу завязанный, не без мысли, что, пожалуй, не придется быть на службе и потом на вкусном завтраке. Впрочем, милостив Бог — обойдусь, пожалуй, и на этот раз. Будьте здоровы на радость Вашей мамá и друзей Ваших, а Вашим и Вам мой и жены поклон и привет. За Ваши письма — спасибо, за удовольствие писать Вам — вдвое.

Душевно преданный Ст. Смоленский.

Точно скопировано: Клипина (*перерисовка почерка Волковой*) — что при некоторых отдаленных, впрочем, чтениях наводило на память другие фамилии. Привожу это в некоторое оправдание и моей ошибки в неусмотрении запятой, по которой, конечно, не выходило, чтобы Клипина звали именем Климова.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 172—173. На бланке управляющего Капеллой

1. С. М. Клипин после окончания Синодального училища в 1901 (по первому разряду) был назначен учителем пения в Перервинское духовное училище под Москвой; отслужив там положенный шестилетний срок, он затем получил должность учителя пения и музыки в тамбовском Екатерининском учительском институте.

2. Яркий портрет тетки Смоленского и супруги Н. И. Ильминского Екатерины Степановны см. в Воспоминаниях; до конца дней Степана Васильевича она была самым близким ему человеком, и скончался он на ее руках.

3. *Притиска Волковой*: «Нет! Та и не Волкова!».

О какой девушке идет речь — неизвестно. Что же касается подруги Волковой «матушки Татьяны» из Риги, которая будет неоднократно фигурировать в дальнейшей переписке, то ее мирское имя было Татьяна Алексеевна Амбразанцева-Нечаева. Она и ее старшая сестра Мария происходили из богатой и родовитой дворянской семьи. По воспоминаниям, сестры были очень красивы и пользовались большим успехом в обществе. Однако обе они рано ушли в монастырь: Татьяна — в Рижский Троице-Сергиев к своим подругам Мансуровым (позже она была пострижена в мантию с именем Никона и стала помощницей игуменнии Сергии Мансуровой); Мария — в основанную ею же, по благословию известного старца о. Алексия Зосимовского, монашескую женскую общину, помещавшуюся в семейном имении около станции Новоспасское Симбирской губернии. Между рижской и симбирской женскими общинами, занимавшимися широкой благотворительной деятельностью среди местного населения, существовала прочная связь.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 20 августа 1902

Благодарю Вас, добрый Степан Васильевич, за письмо Ваше. Из него заключаю, что Вы к нам собираетесь только по окончании всей своей тетради. Вот почему спешу сообщить Вам, что Арсений Николаевич Корещенко и Михаил

Егорович Климов уезжают отсюда к 1 сентября. Для сего последнего было бы большой радостью повидать Вас.

29-го и 30-го праздники. Полагаю, что в эти дни Вам неудобно отсутствовать. Да и мы, начиная с 28-го, ждем посетительницу, при которой было бы, пожалуй, неуместно заниматься музыкой и при которой мы не так свободно располагали бы временем. (Это графиня Перовская, не слыхавшая, кажется, музыки со смерти матери¹.) Какой же вывод из всего этого? По мнению мамы тот, что Записки надо кончать у нас или не дожидаться окончания их. Дело с Сергеем Клипиным заварено — думаю, что Вы одни могли бы помочь при конечном решении.

Будьте здоровы.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 45

1. Речь идет о фрейлине Вере Борисовне Перовской и ее матери фрейлине Софье Константиновне Перовской (урожденной Булгаковой).

Смоленский — Волковой

Петергоф, 20 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Хотя и сию 5-й день вполне на инвалидном положении, обвязанный, натираемый старательно на флюсовом месте то женой, то тетей Ильминской, хотя даже не пишу сегодня своих воспоминаний (а страница их начата уже 191-я), тем не менее нахожу в себе силы писать Вам, благодарить Вас за Ваши письма (уж проговорюсь и прогневаю Вас: хотелось написать — премилые письма, да воздержался, а потом вдруг не удержался) и поделиться с Вами моим почти удивлением за Костина.

Правда, я очень давно не видал его и, кажется, писал Вам, что последнее наше свидание, не более 2—3 минут остановки поезда в Баранове, дало мне повод написать ему, чтобы он держал себя в Спасском попроще. Судя по Вашему описанию, мой совет он понял совсем не так, как я бы и мог предположить. Видно, судьба очень испортила Мишу Костина, если он обнаружил какую-то не бывшую у него развязность. Я имел представление о нем скорее как о человеке, имеющем пришибленный, тоскующий вид, более задумчивый и сосредоточенный. По Вашему описанию думаю, что то было либо что-либо напускное, нервное, либо он очень испортился в Баранове. Если Мишу Егоровича Климова увидите, то не потрудитесь ли при случае сказать ему, что он бы не сделал лишнее, если бы перед отъездом в Тамбов побывал в Петербурге — лю-

дей посмотреть и себя показать. А если не случится увидеть, так и да не будет. А я просто перестал верить в прогресс. Каким-то вновь изобретенным шильцем проткнула мне зубодерша не болевший зуб, Бог ее знает зачем. И заразила ли надкостницу, повредила ли что — маюсь 5-й день в такой мере, что пропустил службу в Александрии, говорят, без меня и неважно пропетую.

Опять задурил мой несносный флюс.

Прощайте.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 174. На бланке управляющего Капеллой

Волкова — Смоленскому

Спасское, 23 августа 1902

Добрый Степан Васильевич, пишу Вам, совсем не зная, в каком состоянии застанет Вас это письмо и до того ли Вам будет, чтобы прочесть его. Воспаление надкостницы — вещь мучительная. Прилагаю письмо сестры и от души надеюсь, что Глаз в городе и что Вы к нему обратитесь, даже если Вам совсем лучше, — как все мы усердно желаем Вам.

Я передала Климову Ваши слова. Зная, что он собирается в Тамбов уже 28-го и что я могу до этого не увидеть его, и под впечатлением бывшего с ним разговора, из которого я увидела, что ему очень бы хотелось года на два, на три перейти в одну из столиц, — я вчера решила сообщить ему Ваши слова письменно, вопреки Вашей приписке. Может быть, он теперь уже по дороге к Вам — не знаю. А может быть, ему и нет возможности ехать.

Насчет Костина спешу утешить Вас, что он нисколько не производит впечатления человека «попортившегося». Первое Ваше предположение о нервности более подходит к делу, развязность его была отчасти напускной, и я думаю, что легко бы мог от нее отвыкнуть, если бы убедился, что в ней мало прелести. Как только он говорит серьезнее, он проще и сосредоточеннее. Он не глуп, но беда в том, что, чувствуя себя неудовлетворенным, он, *вероятно*, считает себя в праве быть занятым собой. Положение его, женившегося так рано и имеющего уже двух дочерей, действительно трудное. У него вид не пришибленный и не тоскующий; по наружности Ваш «Моргунчик» прибранный и гладкий, но, наверно, душа в нем взъерошенная! Точно чижик, который после невзгод и бурь, еще не просушив перьев, прыгает с ветки на ветку и не видит, куда направить полет.

По совершенно неожиданному стечению обстоятельств видела я и Клипина, но всего 10 минут. Задумал было директор Школы живописи и ваяния взять в младшие надзиратели, точнее в помощники инспектора (таких помощников трое), бывшего ученика Синодальной школы с тем, чтобы он же был и регентом. Клипин приехал сюда за 10 минут перед тем, как кн. Львов садился ехать отсюда

в Москву. Они поехали вместе, но опасения мои сбылись. Признаться, я в этом деле была не слишком охотной помощницей, боясь напрасно обнадежить вашего питомца. Так и случилось. Сегодня последовал ответ: «он очень милый, но при всем горячем желании взять его в училище я должен отказать себе в этом. Он молод не только годами, но и всем». Его спокойствие и ясное выражение лица мне понравились. Простите, что даром потревожили мы его.

Корещенко на днях много играл у нас, умело, музыкально, с чистой техникой. Сочинения его хорошо составлены, с чувством меры, знанием и уместностью. Но ни одно из них меня не тронуло, и его передача Шопена мне тоже не по душе. Игра Конюса много более доставила нам утешения, а «Елка» и «Волною морскою» Гречанинова — задели за живое. «Елку» я себе выписала. С точки зрения композиторской техники сочинения Корещенко мне *очень* интересны. Пожалуйста, если можно, скажите мне о *Свечникове*¹ побольше. Я хочу его спросить, не поедет ли он в Пермь, — это мысль Вас. Вас. Орлова.

Кончу ужю, пора посылать на почту.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 48—49

В подборке писем Волковой к Смоленскому (в РГИА) сохранилось также письмо Марии Сергеевны Волковой от 23 августа 1902 (л. 46—47):

Многоуважаемый Степан Васильевич, узнаю от сестры, что вы не только страдаете зубами, но вдобавок предали себя в руки плохой дантистки, увеличившей ваши страдания. Позвольте рекомендовать вам двух врачей — не шарлатанов, как мне кажется и по личному опыту и по отзывам многих хороших моих знакомых.

Один: Louis Glatz, 71, Мойка. Причиняет боль, но дело свое знает, работа доброкачественная. Все чисто, и относится он добросовестно.

Томсон - американец, Миллионная, № 20, если не ошибаюсь; это на изнанке дворца великого князя Владимира Александровича. Его очень хвалят. Он был занят, когда я у него была и видела его помощника, не внушившего мне никакого доверия и нашедшего всевозможные препятствия там же, где Глац на следующий день все поправил скоро и хорошо.

Сам Томсон добросовестен и его очень хвалят. Надеюсь, и очень желаю, чтобы вам не долго пришлось терпеть теперешние мучения. Простите за безграмотное и спешное письмо. Передайте, пожалуйста, мой поклон Анне Ильиничне.

М. Волкова.

1. Свечников Николай Васильевич — певчий (тенор) Синодального хора в 1895—1901.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 23 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Вот Сережа Михайлович Клипин, который редко смеется и который поведал мне, что у князя Львова, но не в Пожве, а в Москве (теперь и я понял, что это именно и есть место музыкальное на $\frac{1}{2}$) можно было бы ему устроиться. Командирую Сережу прямо к Вам, надеясь, что Вы с ним побеседуете и увидите, что это за царевна-несмеяна, но умненькая. Посылаю и не без думы, что, если Сережа придется Вам по мысли, то Вы надумаете сами, как помочь ему. К великому стыду моему я вполне забыл, как зовут московского Львова и потому поручаю Сереже уведомить меня о том, так как, *если Вы сочтете надобным*, и сам собрался бы написать князю о Сереже. Это один из хороших моих учеников, и в помощники воспитателя он безусловно годен, да и склонен к этому делу.

Вчера меня отпустило по зубной части, и я, сидя дома, добрался до 218-й страницы своих воспоминаний, а сегодня уже начал главу о Московской консерватории. Пришлось вспомнить, как отец взял с меня слово, что мои писанья покрупнее будут подвергнуты мною «просушке» по крайней мере в течение полугода. Мне захотелось устроить у Вас для этого неожиданного у меня сочинения и ригу и веялку под Вашим наблюдением. Увы, я и не предвижу возможности вырваться отсюда! Невольно завидую Сереже.

Вызывал к себе Михаила Егоровича Климова, так как начинает зреть мое решение взять его к себе, хотя еще и не решил совсем. Глубоко тронут решением Вашей мамы о возможности окончания «воспоминаний» в Спасском, но что же мне делать! Я очень устал, нервничаю, и нет возможности передохнуть. Скоро переезд в Петербург, затем надо начать классы, затем конкурс для приема 2-х басов и 2-х теноров, затем уж, когда проводим Государя, пожалуй, можно подумать не уехать, а только подумать об отъезде на недельку.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Н. В. Конечно, обязательная служба не может быть помехой к переходу в Москву, так как устроить паллиатив духовной службы в Москве может тот же Ширинский-Шихматов, а то так другой кто.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 175. На бланке управляющего Капеллой

Волкова — Смоленскому

Спасское, 24—25 августа 1902

Вчера я кончила на Вас. Вас. Орлове. Мы Вам очень благодарны за эту рекомендацию. Он занимался с детьми добросовестно, но вначале стеснялся, робел и этим стеснял других; к концу же искренно привязался к детям и за-

метно оттаял. Он стал новое постигать в жизни, и на многое смотрит иначе, и сам доволен этим. Он мне сказал: «это первый мой самостоятельный шаг в жизни, и нельзя назвать его тернистым — он был очень гладкий». Мальчики уже вернулись в гимназию, а «Васюк Васюкович», как его зовет 9-летний Борька, еще остался погостить у моего двоюродного брата, с которым проводит целые часы — часов по 5, 6 — на лодке на озере.

Свечникова я жду на этих днях, но только для самых «предисловных» разговоров. Это — по поручению молодой тетушки Львовой. Теперь же спрошу Вас от себя: если он в Пермь не поедет, но покажется нам толковым, советовали ли бы вы мне направить его к директору Школы живописи или нет? простите, простите за столько вопросов и беспокойства.

О Костине я, кажется, не говорила Вам, что он мне показался симпатичным, но далеко не сложившимся. Это видно и по письму его к Вам! Разве не так? Но тем он и мил, что в нем много детской простоты и чистоты, не так ли? Мое первое письмо к Вам о нем судило в нем только *педагога*, а в роли такового никак не могу себе его представить.

25 августа. Воскресение

Сейчас вышли отсюда и Клипин, и Климов. Клипину пришлось вынести отсюда горькое разочарование, Климов приехал сияющим. Еще до прочтения письма Вашего я по одному его виду догадалась, что вы поговорили с ним, обнадежили его. Но бедный Клипин! Мой дядюшка думал, что своими намеками он приготовил его к исходу, а я вижу, что нет; и я довольно круто передала ему решение неблагоприятное. Не хотелось также далее оставлять его при ложной надежде, а теперь ему остается, как он сам говорит, «у моря ждать погоды». Мне бы очень хотелось заманить его в Пожву ко Львовым... От Свечникова же сейчас пришло извещение, что он получил хорошее место в Москве, следовательно не поедет.

Радуюсь Вашему поправлению. Радуюсь и быстрому пополнению тетрадки, но с оговоркой, которую последняя записка Ваша дает мне решимость высказать. А именно: не могу себе представить, как сложатся у Вас две или даже три последние главы воспоминаний, близких по времени, еще не успевших отступить на то расстояние, где образ очертаний становится яснее. Как справитесь Вы с ними? Чем руководствуетесь? За последние годы деятельность Ваша заполняла жизнь вашу — пополняя последние 80 страниц тетрадки, как избегнете Вы слишком частых повторений слов «я», «меня», «мои мысли» и т. д. Интересен мне чрезвычайно: краткий обзор прошлого Синодального хора и Певческой капеллы с Вашей точки зрения, но далее — в пору Вашего во всей их жизни участия, как удастся Вам описывать развитие их беспристрастно, не впадая в искушение самовосхваления, разбираясь в массе еще не остывших впечатлений? Мне кажется, полугодовой просушки тут недостаточно. «Рига и веялка» для глав до-московских готовятся охотные и усердные, но для последних глав является у меня даже

такой вопрос: не лучше ли Вам будет, ранее чем прочесть их кому-либо, отложить их на год на полочку и затем самому перечесть их? В фотографии, когда воспроизводящий аппарат слишком близко от снимаемого предмета, получается неправильная перспектива: несоразмерно великие руки и ноги, крошечные люди на втором плане и т. п. Техническое определение причины — неверно взятый фокус. Не покажется ли и Вам, спустя год, кой-что «не в фокусе»?

Радуюсь, что в главе о консерватории Вы, вероятно, поговорите об отце Разумовском. Не слишком ли коротки у Вас главы об инородцах, старообрядцах и об учительской деятельности, ведь на них легло всего страниц 50—60? Они мне представляются наиболее интересными, по крупной величине вопросов, которых касаются.

У нас все гости. Сегодня — Александра Владимировна Коссииковская, которая Вам кланяется. Как ей, так и Александре Александровне Олениной очень понравилась Херувимская Чайковского. Я достану себе все переложения литургийных напевов Чайковского, у меня еще нет их.

Вы говорите об одной неделе отдыха — это немного. Как мало успеет поместиться в этом. Я спрашивала себя, ввиду продолжающегося Вашего предчувствия, не съездите ли вы к Троице-Сергию поговорить, чтобы затем с миром вступить в новый учебный год.

До свидания, благодарю Вас. Кланяюсь Анне Ильиничне.

С. Волкова.

А все-таки о Клипине для Пожвы стоит подумать. Этот на вид — педагог.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 50—53

Смоленский — Волковой

Петергоф, 24 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

«Вот и другой», как говорил Фамусов. Сердечные либо нервные движения мои так сильны, что милый, скромный Миша сел на поезд как раз в то время, когда я ему послал зов приехать ко мне. Таким образом, он разъехался с моим письмом к нему. Когда я увидел моего птенца, как я вспомнил Вашу ему похвалу, дрогнуло мое любящее сердце, и — Вы можете уже считать дело приглашения Миши Егоровича принципиально решенным. В минуты, когда я пишу Вам, у Вас должен быть вчерашний московский мой гость Сережа Клипин, и очень было бы мне приятно услышать от Вас доброе о нем словечко о впечатлении, которое произвел на Вас этот мой птенчик, равно и о возможности что-либо сделать для него у князя Алексея Евгениевича, если только то по Вашему суждению следует

и можно сделать. Я ведь совсем, в сущности, не знаю князя, не решаюсь потому и обратиться к нему, не спрося броду.

Конечно, я вытащил из Михаила Егоровича все, что только можно было из него выжать о Спасском, и даже подосадовал на неречистость и даже молчаливость моего ученика. Но и то, что он соблаговолил сообщить мне, наполнило меня такими впечатлениями, с помощью которых я, не без «развития тем», как бы побывал в Спасском и повидал Вас и Ваших. Но одна весть о Клипине, сообщенная Михаилом Егоровичем, совсем удивила меня. Оказалось, что Сережа успел познакомиться с Бёкельманом ранее меня и уже проштудировал его.

Сегодня по случаю некоторого облегчения от терзаний меня зубодершей еду к графине Нат. Ф. Карловой¹, с которою, из-за неприема присланного ею мальчика, вполне без моего ведома, вышло что-то неловкое. Придется улаживать ее неудовольствие, в котором я, как говорится, ни душой, ни телом, ведением и неведением нисколько не повинен. Далее не могу писать по неимению времени. Поклон шлю в Спасское.

Сердечно Вам преданный Ст. Смоленский.

6 час. вечера. Сейчас благословляю в путь-дорогу милого Мишу и вместе радуюсь, приветствуя нового, третьего гостя — воспитателя А. К. Смирнова², бывшего московского с Никитской, ныне уже на Мойке.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 176—176 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Карлова Наталья Федоровна, графиня (1858—1921) — морганатическая супруга герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

2. Александр Константинович Смирнов, воспитатель и преподаватель Синадального училища, поступил в Капеллу на должность старшего воспитателя в августе 1902; см. его воспоминания в I томе РДМ.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 25 августа 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Благодарю Вас за Ваше последнее письмо. Мне на этой неделе такой урожай, как лучше не надо: Вы радуете меня Вашими письмами, и я отдыхаю душой от моей сутолоки, садясь писать в Спасское.

Но о делах: прежде всего извиняюсь за С. Клипина, по поводу которого я написал лишнее, ввиду полученного после его отъезда Вашего письма, в котором есть и отзыв князя Алексея Евгеньевича; потом не скрою и своего стыда за М. Климова, которому поручил побывать у Вас, так как моя нерешительность в его деле была покончена Вашею похвалою; стыд мой в том, что нашествия моих

учеников на Спасское не могли в конце концов не наскучить Вам, но думаю, что у всех их троих дела теперь уже достаточно определились.

Затем я, конечно, развеселю Вас весьма серьезно тем, что приславший мне поклон Ваш дьячок Соколов оказался более интересным по своему малолетнему брату (теперь ему лет 14), поднесшему мне на память, при прощанье моем с Синодальным училищем, не более не менее как оперу в одном акте «Моцарт и Сальери». Говорить об опере Вани Соколова, не прошедшего тогда и элементарной теории музыки, конечно, нельзя, но Вы должны согласиться, что такой подарок вполне оригинален из рук певчурки-автора¹.

Что касается до г. Свечникова, то я решительно не могу сказать о нем что-либо определенное, так как он всегда почему-то держал себя очень далеко от меня. Поэтому я знаю его очень мало. Я помню однако, что очень давно, я думаю, лет 7—8 назад, мне писали о нем как о подающем отличные надежды и очень хорошем ученике учительской семинарии или учительского института. Что-то помнится, что Свечников как будто бы поступал или хотел поступить в университет, затем был в Филармоническом училище по классу контрабаса, но точных представлений о том и другом не имею.

Грешно, конечно, сказать что-либо неосновательное и немотивированное, происходящее, вероятно, более всего от моего незнания, но почему-то моих симпатий к этому человеку не было. Что меня отвернуло от него — не упомяну, но что-то было не раз, даже, кажется, приведшее меня в возмущение; кажется, мне показались неуместными постоянные беседы Свечникова с моими старшими учениками, виденные и мною, и воспитателями и не прекращенные по первому требованию; что-то было и по поводу каких-то барышень-визави, живших как раз против моих окон в Москве и телеграфировавших что-то какими-то знаками, — но не помню хорошенько, хотя думаю, что серьезному юноше едва ли будут телеграфировать разными манипуляциями серьезные барышни. Вася Орлов всегда дружил со Свечниковым, но без меня что-то случилось в эту зиму, и, кажется, Свечников вышел или выходил из Синодального хора.

Что касается Костина, то он мне прислал письмо, в котором его «взъерошенная» душа видна как на ладони. Как меняются люди в возрасте 17—23 лет — правда, многое пережившие, но и до неузнаваемости ставшие другими.

А все же жалко мне Сережу Клипина! Славный он мальчик, но не более все-таки умного мальчика. Как жестоко было бы оставить его в пьяной компании перервинских педагогов, да еще вблизи монастыря. Вот причина, по которой я направил его к Вам, чтобы Вы поглядели его.

Вспоминаю я о мальчике Городецком, сыне Вашего горемычного священника в Высоком. Пробовали ли поместить его хоть в Синодальное, также ныне горько-горемычное училище? Порассказали мне о нем и Климов с Клипиным, и сегодня прибывший уже на дежурство новый воспитатель в Капелле из Москвы,

А. К. Смирнов. Просто сердце кровью обливается при мысли, что такое порядочное училище так успело упасть в один год!

Я писал добрейшей Марии Сергеевне о моей внезапной тревоге за Марию Владимировну. Что с ней? В предпоследнем Вашем письме пишется, что временами лучше, временами хуже. Сегодня я был впервые на квартетах в Ораниенбауме у герцога [Мекленбургского], и графиня Наталия Федоровна [Карлова] мне сказала, что есть слух об ухудшении болезни, но я опроверг тем, что граф Соллогуб не далее как сегодня утром в Александрии уверял меня в противном.

Примите мой сердечный привет. Шлю поклон и Вашей милой гостье Александре Владимировне. «Воспоминания» мои вчера и сегодня написаны лишь до 230-й, так как работаю с утра до вечера. Будьте здоровы.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Сейчас получил повестку с почты: по заглавию узнаю, что то копии со следственных протоколов когда-то волновавшего дела Г. Э. Конюса, обвинявшего в клевете членов Художественного совета Московской Консерватории². Я задумал иметь у себя эту копию на случай, так как это все-таки очень интересная страничка из истории нравов художественного московского мирка. Может быть, и это событие, которому нельзя оказать в глубоком смысле по отношению к оценке достоинств бюрократической системы и влияния связей, когда-либо подвернется под перо со временем. Теперь, когда страсти улеглись, когда дело проиграно всюду, вижу в нем хоть тот прок, что образовался и В. И. Сафонов. Он уже не носится из Москвы то в Петербург, то за границу, а, как говорили, сидит дома и сам выпальывает тернии в Консерватории, им же насажденные ради тусклого общего фона и большей своей лучезарности. Не меньший прок и в том, что люди высказались прямо, горячо и тем ясно выразили свое мирозерцание в области художественных и при них служебных отношений. Несомненно, что Сафонов для своего дела довольно крупная фигура, что понималось и в свое время, но и негодование против его самоуправства возникло у человека едва ли не более крупного, каким я считаю столь милого С. И. Танеева. В своих «воспоминаниях» я остановился сейчас именно на этой истории. Не без удовольствия вижу, как приближается вторая корочка переплета, ибо осталось мне уже 45 страниц, чтобы достигнуть вожаделенного конца и затем отправить тетрадь в сушку и на хороший суд, спокойный и строгий.

А моя зубодерша — премилая. Вчера я с ней разговорился о направлении профессора Ключевского³, и так увлеклись оба, что потом и посмеялись сами над собой. Представьте в самом деле картинку: пациент сидит на стуле не без только что потревоженных нервов; зубодерша, приготовляя пломбу из какого-то порошка, так увлекается, что, трактуя о значении торговых трактов древности и о преувеличении их значения Ключевским ради подогнания исторических

фактов под свои положения о развитии исторических мыслей, — вспоминает о пломбе уже тогда, когда она обсохла и к употреблению негодна...

Мы уговорились, смеясь, покончить с диспутами, чтобы покончить с зубами, а потом опять приняться за Ключевского. Так как это было в самом конце приема, и страдальцев больше у нее не было, то я и проболтал с ней почти час — и превесело, и серьезно, и очень мило. Ведь бывают же такие неожиданности!

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 177—178. На бланке управляющего Капеллой

1. Ученик певческого отделения Синодального училища Иван Соколов (1887—1916) родился в семье диакона в селе Спасское-Телешово. Он неоднократно упоминается в последующей переписке.

2. «Дело Конюса» описывается в Воспоминаниях Смоленского; ему посвящена значительная часть переписки Смоленского с С. И. Таневым.

3. Речь идет об историке Василии Осиповиче Ключевском.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 28 августа 1902

Очень извиняюсь перед Вами, добрейшая Софья Сергеевна, за форму этого письма, немного извиняю себя тем, что пишу на станции, в ожидании поезда, а ответить считаю надобным сейчас же по получении Вашего письма. За неполучением согласия Свечникова мелькнула у меня в уме несравненно лучшая во всех отношениях кандидатура воспитателя Синодального училища Ник. Ник. Сокольского¹, человека вполне опытного, прелестного вполне, умного, но бегущего подобно многим из Синодального училища из-за невозможного Ширинского-Шихматова и непозволительного Орлова. Сокольский опоздал обращением ко мне, и я с болью в сердце был вынужден лишить Капеллу услуг этого хорошего товарища. Если регентство не есть задача, как у князя Львова, то не ошибется он, взяв Сокольского, человека лет уже 30-ти. Я думаю, князь может вызвать к себе Сокольского.

С чувством глубокой благодарности перечитываю уже третий раз Ваши мысли о трудности для меня беспристрастия в воспоминаниях о Синодальном училище и хоре. Вы вполне правы. Рана моего сердца очень еще болит, моя любовь, уже оскорбленная, продолжает терпеть непозволительные издевательства над святым моим делом в Москве, ныне преглупо и пребесцельно рушимом неумелыми и грубыми руками. Понятно, что в пристрастных воспоминаниях нет надобности и смысла, нет чести и пользы. Писать их будет, вероятно, очень трудно, и весьма возможно, что я даже и отложу до более спокойного времени это изложение, тем более что уже и написанное мною надобно будет подвергнуть предварительной цензуре, прежде чем отправится все к Вам, которой я

так искренно и так вполне доверяю мой самый искренний последний труд. Спасибо Вам за все. Поклоны.

Сердечно Ваш С. Смоленский.

О Сергее Клипине надо подумать.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 191. Открытка

1. Николай Николаевич Сокольский, выпускник Владимирской духовной семинарии, поступил воспитателем в Синодальное училище в сентябре 1898 и оставался там вплоть до закрытия училища (см. о нем в I томе РДМ).

Смоленский — Волковой

Петербург, 1 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Неожиданно имею свободные полчаса и с удовольствием краду придворную бумагу, чтобы докончить бывшее 28-го открытое к Вам письмо. Не скрою от Вас, что я очень не в духе, так как сейчас за завтраком судьба послала мне такую милую соседку, как Александра Александровна [Оленина], с которой и нужно было бы перекинуться словечком кое о чем, но ведь нашла же на меня какая-то не то робость, не то застенчивость, так что изобразил я собою почти Ивана Федоровича Шпоньку. Куда и девалась моя разговорчивость — просто объяснить не могу. Вероятно, давно не было у А. А. таких совершенно не интересных соседей, и еще вероятнее, что и впредь не сумею овладеть собою в таком совсем уже высокопоставленном дамском обществе. Когда я почувствовал, что язык мой остался на Мойке¹, меня заинтересовал вопрос о психике данного случая, парализующего всякую способность говорить совершенно просто, — и не додумался ни до чего, а время шло, и я, столь любящий бывать в дамском обществе, в конце концов обратился в завтракающего без речей. Косые взгляды других на меня, болтавших без умолку, показывали мне, что я, должно быть, был либо смешон, либо жалок. Неужели я только певчий?

Ваши слова об избежании при воспоминаниях о Синодальном училище слов «я», «мой» принимаю вполне и по всей вероятности выполняю хорошо, так как только в объективности и бесстрастии воспоминаний и может быть их достоинство и некоторая ценность для будущего. Конечно, суть дела не в употреблении этих личных слов, а в изгнании из моего изложения тех пристрастий, которыми так легко заразиться, трактуя о деле, бывшем так близким сердцу и стоившем так много самого искреннего труда. Сейчас, по переезде в Петербург, равно и в последние петергофские дни, было очень много всяких хлопот, почему пишу меньше в такой степени, что сегодня только еще на 255-й странице,

описывая дисциплину, какую я застал на Никитской в год моего туда приезда и вообще состояние Синодального училища в то время. Чувствую, что понадобится купить вторую тетрадь, так как что-то меня тянет писать подробнее.

Вы правы и в том, что главы об инородцах и старообрядцах вышли краткими. Но у меня есть для самого себя подготовленный выход. Я пишу в своей тетради только правые страницы, оставляя левые для возможных дополнений и примечаний. Складывается почему-то так, что левые страницы пишутся самым мелким почерком и таким образом увеличивается вместимость книги. Вообще этот черновик есть только первая редакция, требующая много будущих дополнений.

Относительно говенья — отдыха душевного, которое Вы предлагаете мне, я уже высказывал Вам мои взгляды, очень строгие и требовательные для меня самого, вытекающие из моего благоговения к причащению. Вы знаете, что я посильно и искренно верую в родную мне церковь и люблю поговеть, в смысле удаления временного от всякой суеты и в врачевании своей души уединением, покаянием и самоисправлением. Но для говенья мне редко удастся выбрать спокойную неделю или вообще пору, когда бы я успел достаточно подготовиться к очищению самого себя в той мере, как то начинают требовать мои стареющие уже годы и моя совесть. Я не могу удовлетвориться недельным хождением к церковным службам, тем более совершаемым небрежно и страдающим отсутствием их поэтического колорита; мне нужно время гораздо большее, чтобы растопить свое сердце, так много огрубевшее в последние годы, и приступить к причащению с чувством любви к людям именно такой, какую я желал бы иметь, и с чувством полнейшего прощения тем из немногих людей, которых я давно простил, но не могу еще возвыситься до желательной мне степени прощения.

Забвение прошлого не приходит само собою без невольного восстановления в памяти грубых оскорблений, как не присутствует при этом чувство бывшего уже в душе примирения с этими людьми. Бессилие с самим собою в этих случаях особенно мутит меня именно во время говенья, когда мне хочется быть особенно чистым, бесстрастным и набрать для себя новых успокоительных сил для будущего. Понятно, что если бы я не смотрел на причащение меня, столь многогрешного, с такою умышленною для себя и преувеличиваемою с году на год требовательностью, я говел бы гораздо чаще, чем это было до сих пор. Но что же мне делать, если состояние духа не позволяет мне, при всем страстном желании душевного успокоения и уравнивания, вполне спокойно и с теплою, радостною верою приступить ко Св. Причащению! Не могу решиться на то в состоянии беспокойном, хотя бы и после недельных хождений в храм Божий. Не скрою от Вас и того, что я только один или два раза говел на 1-й неделе Великого Поста и не доходил до того умиленного душевного настроения, которое я получаю за службами нашей восхитительной Страстной недели. Мои самые глубокие удовлетворения бывали при причащениях в Великую Субботу и в 1-й день Пасхи.

Вне Великого Поста я не говел ни разу в жизни и даже как-то боюсь такого говенья — боюсь причаститься с недостаточною для себя подготовкою. Я боюсь оскорбить в самом себе то, что я считаю для себя очень высоким и что я берегу для себя в ореоле наивысшей святости. По всем этим основаниям я, опять очень возбужденный в эти дни всякою сутолокою, более же всего делом Азеева, не думаю, чтобы нашлись у меня силы духа для умиротворения себя именно говеньем, как требующим напряжения некоторых душевных сторон. Что вероятнее всего, я похожу несколько раз в храм — это даст мне отдых, может быть, и побываю даже в каком-либо тихом, захолустном монастырьке — и то, пожалуй, случится, но едва ли хватит сил на говенье. Пожалуй, и времени не будет.

А Азеевская история внезапно приняла крутой оборот. Этот молодец, которому, Бог знает за что, дали двойную пенсию, когда он не выслужил и ординарной, заявил, что он не покинет казенной квартиры до тех пор, пока ему не выхлопочут удовлетворение по всем его наглешим денежным претензиям, будто бы ему обещанное графом. Поэтому на деликатнейшую бумагу из канцелярии с вопросом, когда можно надеяться на очищение квартиры, Азеев с превеликою грубостью счел надобным дать мне только что указанное заявление на словах. По приказанию графа Шереметева завтра будет обращение к мировому судье о выселении Азеева, а 3 дня назад поехало письмо в Данию к секретарю Императрицы, так как едва ли обойдется дело без жалобы.

Понятно, что я опять волнуюсь, а тут еще начало учебных занятий, дебюты новых воспитателей, съезд учеников с вакаций и т. п.

Нет возможности писать еще. Поклон Вам и Вашим мой и жены.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 179—180

1. То есть в помещении Придворной капеллы (Мойка, 20).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 1 сентября [1902]

Сегодня я тоже спешу на поезд, неожиданно собравшись на сутки в Москву, а потому подражаю Вашему последнему письму. Оно необычайно порадовало меня. Однако начну с житейского дела. Вы говорите: «Князь может вызвать к себе Сокольского», но не будет ли это как бы сманиванием? Вполне ли вынуты корни со старого места? По сложным причинам, которые письменно объяснять долго, хотелось бы действовать и осторожно, и открыто вполне.

Не наполните ли тетрадь Вашу добавлением разных хороших или очень характерных описаний — «моментальных снимков» личностей, эпизодов, обстановок (например, старых книжных лавок и проч.) из Казани, Татова, москов-

ской ли жизни? Особенно из того, елико честно, елико доброхвально. Много ли Вы записали из виденного в Татеве? Мне очень хотелось бы получить тетрадку еще здесь. Если холод нас станет гнать, мы, может быть, соберемся около 20-го, но скорее, думаю, в первых числах октября. Мамино здоровье нас, слава Богу, утешает все последнее время. Слухи были ошибочные.

С. В.

Все же лучше в закрытом! Знает ли Орлов об уходе Сокольского?

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 53 об. Открытка

Смоленский — Волковой

Петербург, 2 сентября 1902¹

Добрейшая Софья Сергеевна!

Очень рад был прочитать в Вашем открытом письме, что мое письмо открытое порадовало Вас. И я радуюсь искренно Вашим письмам. И я часто встаю здесь лицом на юго-восток и мысленно посылаю Вам свои приветы и поклоны, письма же Ваши берегу и перечитываю. Отвечаю Вам немедленно: полагаю, что едва ли можно назвать «сманиванием» простое приглашение Сокольского к князю Алексею Евгеньевичу для предварительного обмена мнениями, ни к чему не обязывающего. Я, сколько помнится, писал Вам, что Николай Николаевич уже обращался ко мне с просьбою извлечь его из Синодального училища и взять в Капеллу и что я ответил ему пока вынужденным отказом, так как у меня уже все занято. Это обращение ко мне Николая Николаевича наглядно доказывает, что его решение покинуть Синодальное училище вполне созрело самостоятельно и, вероятнее всего, сложилось под угнетающими воздействиями нынешних непорядков Синодального училища.

В ответ на Ваши слова «хотелось бы действовать и осторожно, и открыто вполне» могу сказать, что осторожность и некоторая негласность прелиминарных объяснений с Сокольским вполне необходима до поры до времени, так как, конечно, князь Ширинский-Шихматов рвет и мечет от досады на уход из Синодального училища лучших сил, не желающих служить с ним. При известной мстительности князя, полагаю, незачем подводить Сокольского под весьма большой риск, если его переговоры с князем Алексеем Евгениевичем не приведут ни к чему. Если же переговоры будут успешны, то какая надобность затем скрывать что-либо?

После многих перерывов кончаю это письмо очень поздно вечером и в состоянии большого утомления от очень хлопотливого дня. Сердечно порадовался Вашей общей радостью, узнав утешительные известия о здоровье почтеннейшей Марии Владимировны. Недоумеваю о неясном Вашем известии о Вашем выезде после 20 сентября или в начале октября — не написали Вы только, куда будете

держат свой путь: в Кандиевку или в Петербург? Если Вы уедете еще дальше — глубоко пожалею, если в Петербург — буду очень радоваться скорому с Вами и с Вашими сердечному моему свиданию.

Постараюсь доставить мою тетрадь Вам до Вашего отъезда, хотя очень медленно пишется она этими днями. «Моментальных снимков» у меня, как кажется, сделано немало, но до Татеева мне еще очень далеко, так как думаю о 2-й книге; не писалось также еще об эпизодах московской жизни.

Очень устал, да и уже 11 ч. вечера. Покойной ночи.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 181—181 об.

1. *Примечание Волковой:* «Последнее из списанных писем».

Речь идет о копировании писем Смоленского (перепиской и машинописью), предпринятом Волковой; см. об этом в предисловии к разделу.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 7 сентября 1902

Добрый Степан Васильевич,

на этот раз ответ мой несколько запоздал. Хотелось ответить Вам не спеша, а я на этих днях ездила в Москву, затем голова болела, затем несколько более срочных писем.

Опять-таки начну с житейских дел. Сокольского лучше пока не трогать. Кн. Ал[ексей] Ев[геневич] стал усердно искать человека с университетским образованием, может быть и найдет, а Сокольского тревожить даром никак не годится.

Свечникова я в Москве повидала: он показался мне умным, но не совсем установившимся.

Вы пишете о «нашествиях» Ваших юношей на Спасское, но все они в общем произвели на нас такое хорошее впечатление, что мы рады были поглядеть их. Вот что пишет мне, в своем последнем письме, княгиня Мария Евгеньевна Львова, прося так это передать Вам, чтобы вы поняли, как она Вам благодарна в самом деле: «Скажи, как я ему признательна за все письма и заботу по поводу этих учителей и за горячее отношение к их помещению. Очень, очень жалко, что невысокий образовательный ценз их не позволяет взять кого-нибудь из этих милых людей». Мне хотелось бы «Методику» Климова послать в Пожву¹, чтобы помочь матери самой обучать детей. Сложное вступление, с разбором систем аналитической и синтетической, показалось мне для учениц епархиального училища, да и вообще, совсем ни к чему, а последующее практическое руководство ясным, цельным и полезным. Я просила Климова выслать мне два экземпляра.

Неопределенные сроки в последнем моем письме означали, что раньше 20-го мы отсюда не собирались, а позже первых чисел октября не считаем разумным оставаться. Мама осенью всегда становится зябкой. На днях вставили часть двойных рам. Останемся по всему вероятно до 5-го или 6 октября, затем погостим в Москве на Солянке, а там, Бог даст, на зимние квартиры. О Кандиевке речи быть не может. Итак, тетрадь, а может быть, и автор ее, еще могут нас здесь застать.

Что Вы говорите о говении, я прочла и перечла внимательно. Апостол Павел говорит, чтобы каждый жил и действовал по тому как мыслит. Но не могу не сказать, что, мне кажется, Вам жилось бы отраднее, если бы Вы мыслили иначе. Помните ли в молитве Иоанна Златоуста: «Не бо яко презираяй приходу к Тебе Христе Боже, но яко дерзая на неизреченную Твою благодать: и да не на мнозе удаляяйся общения Твоего, от мысленнаго волка звероуловлен буду». И далее: «Темже молюся... всего мя обнови»².

Можем ли мы своими силами очистить себя от греховных чувств, можем ли требовать этого очищения от самих себя? Не знаю, но полагаю, что едва ли. Думаю, что в горячем желании расстаться с греховными чувствами, очиститься и обновиться — соль покаяния, но что остальное от благодати. Самоосуждение от нас, но от нас ли очищение? Откуда бы в нас оказалась такая живительная сила? Не по сознанию ли своей немощи, своей омертвелости мы жаждем сказавшего «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный»? Но не мне рассуждать, а лучше спишу радующие меня слова из катехизиса: «Церковь завещавает ревнующим о благоговейном житии исповедоваться и причащаться четырежды в год... или и каждый месяц...» Вот почему решаюсь приступать, надеясь этим породить и недостающую ревность. Вы никогда не говели не в дни Великого Поста, никогда, следовательно, не говели среди летней природы, под летним небом, среди летней деревенской тишины; не может ли поэзия Богом созданного мира отчасти возместить недостаток поэзии при небрежном исполнении церковных служб?

Пора кончать. Сердечно соболезнуем вашим затруднениям с Азеевым. Как идет дело? Был ли ответ из Дании?³ Шлем поклоны Анне Ильиничне и Вам.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 54—55 об.

1. «Методика» Климова (рукопись) находится в фонде Климова в РНБ.

2. 2-я молитва из Последования ко Св. Причащению.

3. Имеется в виду ответ императрицы Марии Федоровны по поводу увольнения

Волкова — Смоленскому

[Спасское], 8 сентября [1902]

Добрый Степан Васильевич,

вчера вечером, уже по отправке Вам своего письма, получила сообщение от кн. Львовой, что она склоняется к выбору Свечникова для Перми. Простите, простите, что поэтому опять беспокою Вас. Вы ответили о нем как о человеке и будущем педагоге, — но каковы его регентские и музыкальные способности, может быть, это известно Вам? Будучи в Москве я хотела спросить о том Василия Сергеевича Орлова, но не застала его. Я могла бы написать Сафонову, так как Свечников прошел в консерватории пять курсов теории, но предпочитаю сперва снова обеспокоить Вас! Тем более, что вопрос главный: начальное преподавание сольфеджио, чтения по нотам, а это, пожалуй, Вам виднее было при занятиях Свечникова в Синодальном.

И Вы извиняетесь за нашествия Климова, Костина, Клипина! А что же нам сказать о наших письменных нашествиях, вопросах без конца, да еще непременно смешных, срочных, не взирая ни на какие Ваши занятия! Кому из нас извиняться — Вам или нам?

Я подумала, но вчера не сказала Вам, что если Вам когда захотелось бы отвести душу в мирной беседе, Вы, может быть, нашли бы отраду в знакомстве с новым нашим духовным отцом, священником при церкви св. Симеона на углу Моховой. Живет он в церковном доме, вход с Симеоновской улицы, зовут его отец Александр Косухин. Он производит впечатление молитвенное и кроткое. Он более известен простому народу. Его любит отец Иоанн Кронштадтский. Думаю, что он не даст того, что дать был в силах старец отец Алексей; но умилиться можно, побывав с ним.

Будьте здоровы и простите!

Благодарю Вас.

С. Волкова.

Возвращаю страничку из тетради!

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 56—57

Смоленский — Волковой

Петербург, 8 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! А я уже было загрустил, не получая несколько дней дорогих для меня Ваших писем. Вы так избаловали меня ими! Сегодня я пропал из дому с утра раннего в Петергоф за обедню, оттуда мы неожиданно попали в Ораниенбаум на квартетное [собрание] (Копылов, Шуман и Бетховен

ор. 18 — все F dur) и, возвратясь домой, нашел весточку из Спасского. Отвечаю Вам, несмотря на усталость, немедленно и по пунктам.

1. Нечего и травить Сокольского, если князь ищет человека из Университета.

2. Моих воспоминаний написана уже 272-я страница и куплена уже 2-я тетрадь для продолжения, но ни вчера, ни сегодня не уловил свободного часа дописать до конца, хотя и начал прочитывать написанное, поправляя и дополняя местами. Скажу и то, что сам автор далеко не в восторге от своего изложения и надобно тетрадке улежаться очень хорошо. Купюры понадобятся, как и дополнения очень значительные, да и литературное изложение этих экспромтов далеко от легкости в чтении. Тетрадь будет закончена изложением учебных планов Синодального училища. Доставка тетради к 17-му мною себе обещана, как особенное для себя удовольствие. Увы! я думал приготовить Вам к этому дню нечто гораздо лучшее!

3. Относительно говенья — хорошие слова Ваши и надобно мне подумать о них, — но истрепан я нервами и сутолокою до самой последней невозможности, — нет покоя душевного, постоянно я в мелочах, в пустяках, по большей части досадных. Чувствую сам, что успокоение душевное прямо надобно, — но как вырваться из этой противной Капеллы! Вот уезжает Государь — тут-то и надобно поработать над нею, чтобы наставить ее на путь истинный, на возможность дальнейшей основательной выучки.

9 сентября. Очень гонят меня из дому и врач Капеллы, и брат-доктор¹, не предполагая, конечно, моего желания отдохнуть по-моему: врач гонит на Иматру в «колонию утомленных», как называют там гостиницу Рауха, как говорят, очень хорошую для этой цели, брат же в Москву. Но мысли о покаянии я не оставляю.

Прошу передать мои выражения признательности княжне Марии Евгениевне за ее приветливые слова.

Сейчас вновь порадован Вашим новым письмом. Отвечаю на него.

Я совершенно не знаю, каковы регентские способности у Свечникова, и полагаю, что Орлов и Кастальский могут сказать о том положительно. Едва ли Сафонов может сказать что-либо по сему, так как надобно для суждения видеть человека прямо при деле. Полагаю со своей стороны, что многолетнее пребывание в Синодальном хоре, равно и 5 курсов ученья в Консерватории (хотя я и сомневаюсь в верности этой данной, так как помню, что Свечников был в классе контрабаса в Филармонии и вышел из него) не могли не уяснить в уме Свечникова многое. Не удивляюсь, что Вы «не застали дома» Орлова. Приехавшие ко мне два новых воспитателя, взятые мною из Синодального училища, передали про Орлова самые горестные известия. Совсем пропадает этот дивный регент от вина...

Об отце Александре Косухине слышал и я много хорошего. Совсем не дают писать, треплют меня без жалости.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Вашим — мой и жены поклон. Вам — спасибо.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 182—182 об. На бланке управляющего Канцелярии

1. Имеется в виду двоюродный брат Смоленского — врач-акушер Иван Федорович Смоленский (1837— после 1909).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 10 сентября 1902

Добрый Степан Васильевич, списываю доподлинно из только что полученного письма: «Как сделать, чтобы поместить мальчика к Смоленскому в певчие? Очень миленький мальчик 9-ти лет, по словам матери очень музыкальный, с голосом; грамотный и умный мальчик — как бы его показать?»

Думаю, что прием закончился весной. Но, может быть, этот кандидат окажется пригодным к будущей весне? Письмо от милейшей моей двоюродной тетки, графини Веры Борисовны Перовской. Она поселилась теперь на Спасской, 14, в собственном доме, не лишенном интереса, так как в среднем этаже находится больница в 16 коек, недавно основанная в память графини Ольги Борисовны Перовской, скончавшейся три года тому назад. Если, паче чаяния, ответ будет до некоторой степени благоприятный, может быть, Вы в виде прогулки зайдете сами на Спасскую, 14? Не желая ни в каком случае причинять Вам труд письменного ответа, я советую своей тетушке спросить ответ Ваш по телефону. Простите еще и за это беспокойство! Конца им нет.

Сейчас я проиграла еще раз Херувимскую Чайковского¹. Я Вам тогда не созналась, что не нахожу ее молитвенной и как Херувимскую совсем не люблю ее. Мне хотелось проверить свое впечатление, и я приобрела всю тетрадь. Я ее слышала в Александро-Невской лавре, в исполнении Терновского хора², с Е. В. Сабуровой и Е. П. Васильчиковой³; кажется, все мы вынесли одинаковое впечатление. Сегодня слушали ее моя мать и сестра — опять то же впечатление. Сыгранная со всеми оттенками и тщательной фразировкой, 1-я половина представляется мне прекрасной, умилительной органной прелюдией для англиканской литургии, а 2-я часть мне для церкви совсем не нравится. Даже «Верую» я скорей понимаю, ее диатонизм местами звучит церковно, хотя напоминает мне римско-католические службы. Потом я проиграла Херувимскую № 3 Турчанинова. Пели ли это в Александрии? За исключением украшений $\overline{32}i\overline{72}i$ она мне по душе⁴, и мне кажется, спеть ее бы стоило.

Будьте здоровы.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 58—59 об.

1. У Чайковского четыре Херувимских песни, в данном случае речь идет о Херувимской, входящей в Литургию св. Иоанна Златоустаго, соч. 41, что подтверждается упоминанием далее «Верую» из этого цикла.

2. Лаврский (или Митрополичий) хор, которым с 1893 управлял И. Я. Тернов, был одним из лучших хоров Петербурга этого времени; Тернов поддерживал традицию исполнения Литургии Чайковского в память о композиторе.

3. Екатерина Петровна Васильчикова, в замужестве Васильчикова.

4. Волковой не понравилась опевающая мелодическая фигура типа группетто (она записана в цифровой нотации), характерная для светской музыки эпохи Турчанинова.

Смоленский — Волковой

Петербург, 11 сентября 1902¹

Добрейшая Софья Сергеевна! Вчера я ухитрился послать Вам с okazji вчера же дописанную мною 1-ю тетрадь моих воспоминаний, написанных мною сплошь под впечатлением мысли, что первую прочтете их именно Вы, дружбу которой ко мне я так ценю, строгому и беспристрастному, именно дружескому суду которой я так охотно подчинюсь и послушно исправлю все Вами отмеченное. Не скрою от Вас и того, что мои воспоминания, когда я был уже в конце тетради, писались мною очень оживленно, старательно и скоро, что можно видеть из того, что они написаны почти в 6 недель в свободные часы между сутолокою моей службы. Но, подойдя к последним страницам, я задумал прочитать их сначала и, поправляя, дополнить. Здесь на меня нашло какое-то уныние, так как объективное отношение, может быть и непомерно строгое, к своему же писанию и по большей части о себе самом вдруг показало мне, что слабым покушением моим на литературность этого экспромта в сущности описано очень немногое и далеко не с такою живостью и даже деловитостью, как бы мне хотелось.

Конечно, такое вполне откровенное самоосуждение сообщается Вам — как обещавшей мне просмотреть эту тетрадь и даже просушить и проветять все надобное по Вашему усмотрению, — не для уверения меня хотя бы отчасти в противном (так как не скрою и того, что некоторые, но очень немногие, страницы кажутся мне самому довольно удачными), но для уверения Вас в том, что я совершенно лишен, по счастью моему, какого бы ни было литераторского самомнения. Вы знаете достаточно все, что я успел написать, наконец Вы знаете и меня, чтобы оценить меру моей самой сердечной к Вам просьбы обойтись с моими страницами так строго, как только может внушить Вам Ваше ко мне расположение и внимание. Прошу Вас взять в руки карандаш и прямо, без всякой жалости, вписывать в мой чернильный текст все Ваши впечатления, хотя бы весьма кратко. Я заранее обещаю Вам полную меру моей сердечной Вам благодарности, если Вы отметите, например, «плохо», «бледно», «скучно», «вяло»,

«лишнее» и т. п. и даже прямо зачеркнете крест-накрест целые страницы или укажете неясность, неполноту изложения и т. п., надобность прямо переделать или прямо вырвать столько страниц, сколько Вам покажется надобным. Не стесняйтесь нисколько и ничем, памятуя, что Вы своим строгим судом оказываете только дружескую услугу сердечно преданному Вам автору, нисколько не самолюбивому, нисколько не сомнительному, но радующемуся случаю имени такого строгого, беспристрастного цензора, как Вы.

И все-таки бедный автор — увь! не может вырваться из Петербурга, чтобы лично поднести своей цензорше последнее произведение! Даже трудно описать Вам, сколько работы сейчас в Капелле по случаю начала нового учебного года и дебюта новых воспитателей. 1 сентября были уволены мною 4 старых воспитателя (предуведомленные мною о предстоящей разлуке еще в январе) и вместо них взяты свежие, образованные люди, молодые, подготовленные, знающие свое дело. Два из них взяты из Синодального училища, два из академиков, занимавшихся на педагогических курсах Бартошевича (в Мраморном дворце)². В помощь Кленовскому, бушующему не менее меня, взят библиотекарем такой золотой человек, как Антонин Викторович Преображенский, мой заместитель в московской библиотеке рукописей — страстный библиофил, высокообразованный и притом прелестный человек. Птенцы мои, подвизающиеся в качестве помощников учителя пения, Саша Чесноков и Паша Толстяков, уже успели осмотреться, а к ним уже успели приглядеться. Смирнова-регента я догадался спустить на 2½ месяца в Ливадию³ и тем открыл моим молодцам дорогу к дебютам в качестве самостоятельно работающих художников, теперь пока еще трясущихся в ожидании предстоящей первой службы 14 сентября перед Государем, но после 14-го намеревающихся взяться за Капеллу, как голодные волки за барана.

Действительно, теперь и я могу сказать, что Капелла как общежитие, хотя еще и очень плохое, неузнаваема в сравнении с бывшим в прошлом году. Мы уже в дороге, разгрузившись от всякого дрянного балласта и запасшись новыми силами духа. Среди нас стоит хорошая, теплая погода, дует хороший попутный ветер, наши труды дружны, веселы, энергичны и, главное, начинают уже оздоравливать застоявшиеся болота, высушивая их и дренажируя их с согласия проживающих там квакающих особ. Вот почему мое присутствие в Капелле вполне необходимо, так как именно сейчас я задаю тон ей на весь учебный год, улаживаю ансамбль между новыми товарищами и заканчиваю организацию дисциплины между певчурками, все еще поминающими свою праздность и лень. Подумываем вскоре огласить стены Капеллы звуками несравненного Реквиема Моцарта, который пройдем сначала в виде сольфеджио, потом же в виде № 1 на новой дороге. Но, согласитесь, как далека еще от Императорского хора *h moll* Месса! Классы сольфеджио начались в этом году с «титularными советниками» почти безропотно⁴, тем более что опыт прошлого

года на уроках Саши Чеснокова вполне убедил в надобности света, в отличном мастерстве учителя и в легкости достижения с ним неожиданных успехов.

С другой стороны, бывший 7 сентября конкурс для желающих поступить в число больших певчих (из 92 лиц мы наметили к приему сейчас же 2, остальных же 4 некоторое время спустя) вразумил тех же «титularных», что дни многих из них сочтутся весьма скоро и вычистка всего безголосого старья будет произведена не в один прием, но с достаточною энергиею сейчас же после утверждения новых штатов и нового, 20-ти вместо 30-летнего срока выслуги пенсии. Конечно, и тут не обойдется без хитроумных прошений и трогательных якобы возгласов о гибели прошлых традиций Капеллы, конец которых все-таки тот же прозаический рубль. Но зато и я стал теперь такой умный, что знаю наперед все способы «разработки» в прошениях всяких мотивов, возглашаемых за золотые, на самом же деле ценных не более меди. Virtuозов вроде Азеева и Ляпунова у меня нет.

Тем не менее — утомление мое просто ужасно. К 3 часам дня я уже нет-нет, да и прилягу минут на 5—10, а вечером никуда не гоюсь — совсем усталый — не более мокрой тряпки. Непременно дня на 2—3 уеду в уединение после проводов Государя, чтобы передохнуть и предаться полному отдыху вблизи Петербурга, чтобы во всякую минуту надобную быть дома. Отдохну хоть так.

Нельзя еще писать — началась уже сутолока и отрывают поминутно. Уже 11 часов утра, а книжка моя будет в Подсолнечной в 6 ч. утра. Может быть, Вы уже недоумеваете над первыми страницами этой новости? Как давно не видал я Вас! Как радостно я встречу Вас! До того возьмите карандаш в руки и черкайте больше в моей тетради, да поостроже — скажу только спасибо.

Вашим поклон и пожелания доброго здоровья. Вам мой привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Мне что-то припоминается, что у Вас должна быть такая милая гостья, перед которой я недавно был чем-то вроде Чичиковского Селифана? Мой привет Александре Александровне, как и Вашей маме и Марии Сергеевне.

Из Москвы об Орлове сейчас получил вновь тяжкие вести — Бог знает что там делается. Совсем пропадает этот хороший художник!⁵

РГАДИ, ф. 723, № 64, л. 183—184. На бланке управляющего Капеллой

1. *Примечание Волковой*: «Показать Б. В. Асафьеву 1-ю стр., о Воспоминаниях».

Об истории попыток опубликовать фрагменты из Воспоминаний Смоленского см. в предисловии к IV тому РДМ и во вступительной статье к данной книге.

2. Из Синодального училища перешли в Капеллу на должности старшего воспитателя и воспитателя А. К. Смирнов и Н. Е. Румянцев, место еще одного воспитателя занял Г. С. Васильев, а должность помощника воспитателя — И. П. Полубинский.

3. То есть С. А. Смирнов был отправлен в Крым руководить службами в церкви царского имения Ливадия (возможно также, что болевший Смирнов был отправлен туда на отдых).

4. «Титулярные советники» — взрослые певчие, которым по выходе из Капеллы присваивался чин титулярного советника.

5. Речь идет об алкогольной зависимости В. С. Орлова.

Волкова — Смоленскому

[Спасское], 11 сентября 1902

Добрый Степан Васильевич!

Тетрадь Вашу я сейчас получила. Спасибо. Мне кажется, что в ней почерк легко читается, почти как печатное.

Вчера я получила Ваше письмо и еще более убедилась из него, что Вам необходимо отлучиться из Капеллы хоть на самый короткий срок. Проведя день, другой в деревенской тиши, Вы, может быть, очнетесь к тому, что Вам должно взять отпуск более продолжительный, а ведь если должно, то и возможно! Кажется, Вы за последние 1½ года или два только и были в деревне, что на похоронах Сергея Александровича? Я уверена, что дело не пострадает от того, что Вы, после краткой отлучки, с более свежими силами приметесь за труд. Бог в помощь!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 60

Смоленский — Волковой

Петергоф, 13 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу Вам из Петергофа после только что бывшего разговора с Государем, по окончании всенощной под Воздвижение. «Что вы с ними делаете? Они делают совершенно поразительные успехи, и я не помню, чтобы эти певчие пели так звучно, осмысленно и так стройно. Я: я их учу сам, Ваше Величество. *Государь*: особенно с весны, когда мы переехали сюда, с каждой неделей они поют все лучше и лучше. *Государыня Александра Федоровна*: сегодня они пели особенно прелестно. Они делают совершенно новые нюансы, каких прежде совсем не было. Я: сердечно рад слышать похвалу Вашего Величества. *Государь*: эти оба

регента ваши московские ученики? Я: так точно, Ваше Величество. *Государь*: то-то и они в очках. Благодарю вас, сегодня пели вполне удивительно».

К этому разговору нечего прибавлять, и я рад сообщить Вам дословное его содержание, столь бодрящее меня на будущее время, дающее мне большую уверенность в том, что теперь я имею вполне ясное представление о будущей дороге Капеллы и о том, что именно производит впечатление как залог будущих успехов Капеллы.

Третьего дня по Вашему письму я писал графине Перовской и сегодня имел ее ответ. Бог даст, споемся и по ее делу.

Вчера и сегодня меня одолевает мысль, что скажете Вы, мой цензор, прочитав хотя несколько страниц моих воспоминаний. Это ли не малодушие! Но я так живу нервами последние недели, что даже и Вы заметили мою нервность, даже в письмах. Как только уединюсь, так и рисуется мне картинка: вот Софья Сергеевна со строгим лицом, хмуря брови, чертит мне: «плохо», «надо выпустить», «бледно», «бессодержательно» и т. п. А между тем я, безусловно недовольный своими «воспоминаниями» со стороны литературной, более же того со стороны их фактической бедности, начинаю крепнуть в мысли, что 1-я тетрадь есть не более как канва, по которой, после условленной сушки и провеивания, не будет трудно по Вашим указаниям вышить превеликое множество новых узоров и тем обогатить содержание тетради, сделав его более интересным и даже изящным. Я особенно даю цену именно женским указаниям, так как мы, мужчины, при всей живости наших чувств и душевных движений, всегда уступали в изящности и законченности женским чувствам и движениям. Так как я все-таки достаточно владею пером, то и ожидаю от себя возможности выписаться в своих воспоминаниях до чего-либо действительно изящного, живого и интересного, особенно же если проживу еще десяток лет и таким образом будущий читатель будет отстоять от описанного времени еще дальше, а анахронизмы будут еще рельефнее. Но впрочем мы увидимся, и я услышу Ваш суд еще до срока, пока высохнут написанные мною страницы.

2-я часть воспоминаний идет очень туго. Сегодня писал только 8-ю страницу о Шишкове¹, так как работы много, даже очень много в Капелле.

О Капелле могу сообщить Вам только хорошее, сколько можно судить по впечатлениям минувших двух недель с начала учебных занятий. Мои пресловутые «скубенты» затихли и уже начинают как будто походить на молодых людей, начинающих догадываться о существовании на свете других людей, стоящих внимания их, и о существовании наук, которым нельзя отказать хотя бы в некотором интересе. Притихли и «титулярные советники» во образе бывших сомнительных теноров и басов, ныне же с удивлением познающих о двух бемолях в В dur и о различиях между гармоническими и мелодическими минорными гаммами, паче же того весьма смиренно выпевающих сольфеджи Альбрехта во всех ключах... Нетрудно догадаться и о причинах такого внимания к моей выучке. Все они страстно

следили за малейшими перипетиями жестокой моей войны с Ляпуновым и Азеевым, вполне убедились теперь в наиполнейшем поражении даже и последнего, этими днями выехавшего из Капеллы, вполне убедились и в успехах хора, подвинутых несомненно теми же сольфеджиями и обновлением репертуара. Наконец певчурки, вообразившие меня, не без внушений со стороны, каким-то извергом, начали относиться ко мне теперь доверчивее и прямее, понимая всю надобность для их же благополучия моей твердой строгости и неуклонных, никому не обидных требований порядка в занятиях и порядочности поведения вообще. Уже давно не слышу о взаимном битье, о воровстве, о продаже вещей, о вымогательствах всякого рода и т. п. ужасах прошлого года. Давно не слышу и о проявлениях всякой дикости, дерзости, обмана, наглости с прислугой, с преподавателями и т. п. Все как будто начинает напоминать знаменитое «образуется», как у Левина².

Новый состав воспитателей, людей опытных уже, частью же из послушных, но умных новичков в этом деле, радует меня мерою своего очевидно благотворного влияния на детей. Правда, несравненно легче им работать в этом году, когда Капелла уже достаточно *мною даже* вычищена от всякой дряни и поняла всю твердость и благожелательность новых порядков. Но плевел еще все-таки немало и сейчас, почему и удивляет меня успешность деятельности новых воспитателей. Они превосходно поняли, что дисциплина их учеников-воспитанников установится самими учениками, лишь бы только воспитатели успели завладеть вниманием и времяпрепровождением учеников. Поэтому вместо бывших постоянных окриков и наказаний я люблюсь теперь кучками учеников, мирно слушающих рассказы воспитателей по всякому поводу.

Пора кончать. 16-го буду у именинницы на Гагаринской 30, 17-го мысленно в Спасском также у именинницы³.

Поклон Вашим и привет мой.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 185—186. На бланке управляющего Капеллой

1. Андрею Николаевичу Шишкову посвящено немало строк в Воспоминаниях Смоленского, в частности, целый раздел главы VIIБ (см.: РДМ. Т. IV. С. 258—272).

2. То есть у героя романа Толстого «Анна Каренина».

3. Имеются в виду Людмила Ивановна Шестакова и София Сергеевна Волкова.

Волкова — Смоленскому

[Спасское], 14 сентября [1902]

Добрый Степан Васильевич,

чтение тетради окончено еще вчера. Сколько в ней живого, драгоценного, искреннего, цельного, но совсем и совсем еще сырого материала! Как доwarz-

ская Русь, тетрадь эта велика и обильна, но порядка в ней нет. Есть и мелкая мякина, строчки нескладные, неладные, которые отделятся в веялке (надеюсь, безвозвратно!). Спасибо, спасибо.

Сейчас еду в Москву (пишу в 7 часов утра) в церковь Румянцевского музея¹. Вскоре напишу подробнее, подумав.

Благодарю от души за письмо к графине Перовской, за преинтересное чтение, а за дружеское доверие — того больше.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 61. Открытка

1. Волкова ехала на службу по поводу годовщины со дня смерти своего родственника М. А. Веневитинова, бывшего директора Румянцевского музея.

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Завтра день Вашего ангела, и я помолюсь за Вас и потом поклонюсь в Вашу сторону, мысленно приветствуя Вас от всего сердца, посылая Вам самые душевные, самые искренние мои Вам пожелания доброго здоровья и всякой радости.

Жена моя сердечно приветствует Вас и вместе со мною шлет поздравление и наилучшие пожелания Марии Сергеевне и почтеннейшей Марии Владимировне.

Вчера я получил Ваше хоть и коротенькое, но весьма важное для меня письмо, в котором Вы справедливо указываете, что надобно провеять мои воспоминания, уподобляя их земле русской, великой и обильной, в коей порядка нет, пожалуй, и до сих пор. Продолжая перифраз этого сказания, могу Вам сказать: приидите и «правьте» мои нескладные писания — спасибо Вам скажу от всей души и благодарного сердца. Меня очень тронуло то, что Вы дали себе труд снисходительно прочитав столь большую тетрадь, действительно лишённую определенности плана и страдающую множеством эпизодических изложений.

Сообщу Вам и приятную новость: Государь был ко мне необыкновенно милостив в пятницу вечером, после окончания всенощной под Воздвижение, похвалив Капеллу в самых неожиданных выражениях. Он сказал мне... впрочем, что же это я? Сейчас вспомнил, что я уже писал Вам об этом из Петергофа. Событие это тем более знаменательно для меня, что эта всенощная была дебютом моих птенцов Чеснокова и Толстякова. Я послал к Вам письмо, отъезжая к обедне 14-го, прошедшей еще лучше всенощной! Великое дело дарование! Так и чувствовалось в пении хора, что возбужденный Чесноков лепит из певчих, как из мягкого воска, все, что хочет. Его нюансы были местами очень возвышенны, прочувствованы и не отзывались деланностью, звуки хора во всех ступенях от

ff до *pp* были ясны, благородны и энергичны, как у хорошего инструмента, но живого, чувствующего. Понятно, что слушатели, которых было довольно много, не могли не почувствовать совершенно новую струю в исполнении — молодую, сильную, изящную. Как старый учитель я был удовлетворен вполне, но со мною как Управляющим Государь не говорил ничего, так как по состоянию ветра в церкви были открыты противоположные двери, и Государь, не говоря ни с кем, вышел из храма прежде всех. Впрочем я заметил, как он переглядывался с Императрицею и перекидывался с нею словечком именно по поводу пения, да в сущности довольно было того, что я слышал от Него на всенощной.

Про Капеллу скажу коротко: в квартире бывшей Азеева — полный ремонт, а в квартире бывшей Ляпунова вскоре собираемся праздновать новоселье у Кленовского. Сольфеджио для «титularных советников» скоро будут в полном разгаре, а на следующей неделе раздадутся звуки «Requiem aeternam dona eis, Domine» — Моцарта. Я ведь влюблен в эту небесную красоту. Мне кажется, что только Сикстинская Мадонна может стать рядом с этим дивным вдохновением Моцарта. Оттого, кроме доступности и учительной техники, я выбрал под № 1 для Капеллы именно Реквием, надеясь, что эта небесная красота, эта возвышеннейшая, вдохновенная, дивная молитва умягчит жесткие сердца моих певцов, когда они почувствуют его чудные звуки и неподражаемое мастерство. Я помню живо, какой переворот в мыслях Синодальных певчих произвел этот Реквием. Конечно, мы будем учить его сплошь весь.

Пойду сегодня к престарелой имениннице Людмиле Ивановне — славной и еще бодрой старушке.

Нет времени писать еще. Терпеливо буду ждать Вашего письма более подробного, о котором Вы упомянули. Так как Вы, читая эти строки, будете чувствовать себя именинницей, что, конечно, вызывает хорошее расположение духа, целую Ваши ручки трижды, вновь поздравляя Вас, и шлю приветы Вашим. Жена, узнав, что я еще раз поздравил Вас, говорит: припиши, что и я еще раз поздравляю, что я исполняю с особенным для меня удовольствием.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 187—187 об. На бланке управляющего Капеллой

Смоленский — Волковой

Петербург, 17 сентября 1902, 6 ч. утра

Здравствуйте, дорогая именинница! Здравствуйте, добрейшая Софья Сергеевна! Я только что помолился за Вас и послал самый искренний привет Вам, обратившись лицом на юго-восток, прямо в село Спасское. Чувствую и я именины Ваши тем более весело, что хорош и блеск косых, только что явившихся солнечных лу-

чей, хороша и самая неожиданная радость, только что полученная по телеграфу от брата жены. Деша всего в одном слове: «переведен». Прекрасен этот утренний свет, прекрасна и моя семейная радость, возвращающая мир и покой любящему сердцу Анюты, столь удивительно и трогательно для нынешних времен любящей своего Васю Ильича. «Переведен» — значит, Вася будет тем же малым чином у Плеске, но в Петербурге, а на Мойке, 20 появится новый квартирант, так скупавший без сестры в Москве, горевавшей в свою очередь без брата в Петербурге. Теперь и мне будет много легче и спокойнее, так как и я сердечно люблю Васю.

Завтра я по этому радостному случаю начинаю свой отдых, решив уехать на 2—3 дня в Псков, где я ни разу не был, где много для меня интересного в смысле чтения карнизов, куполов, оконных решеток, остатков крепостных валов и проч. Я выбрал именно Псков потому, что поездка к Рауху на Иматру, о которой я думал прежде, может быть осуществлена после, а теперь, после постоянного кипения как в котле, просто боюсь полнейшей тишины лесной и пустынной. В Пскове я никого не знаю и буду бродить вдоль улиц или по загородным местам, буду заходить на случай в почтамт, если кто-либо вздумает порадовать мое одиночество письмом «до востребования».

Мальчик от графини Веры Борисовны [Перовской] оказался совершенно лишенным всякого музыкального слуха, выяснение голосовых средств посему оказалось совершенно невозможным. Мальчик оказался способным издавать какое-то мычание в области между *ре-фа*, не попадая ни на один из даваемых звуков. Как ни хотелось бы мне иметь у себя мальчика очень милого с виду — что же делать с таким? Как направить такого на музыку?

Приветствую Ваших с семейным праздником, а Вас еще раз.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 188. На бланке управляющего Капеллой

Волкова — Смоленскому

[Спасское], 18 сентября [1902]

Добрый Степан Васильевич,

это мое письмо — седьмое за сегодняшний день и не последнее: да послужит это оправданием его краткости.

Отвечаю на целых три Ваши письма, благодарю сердечно, поздравляю также сердечно с двумя радостями: громадным успехом Ваших великих реформ, уже принесших сладкие плоды, и с переводом Василия Ильича на Мойку, 20, в чем ведь вся суть перевода, не так ли? Обдуманное письмо сегодня немыслимо. Да и не знаю, нужно ли оно, раз Вы разрешаете, чего мне особенно хотелось, — делать пометы карандашом. О дальнейшем же скажу: очень пожалею, если московские воспоминания сведутся к воспоминаниям о III¹ и III². Это — ущерб для

читателей и автора. Очень нравится мне *встреча на пароходе*¹. Побольше бы такого! Еще раз спасибо. Рада, что Вы во Пскове. Желаю насладиться.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 62. Открытка

1. «Московские воспоминания» Смоленского не свелись, конечно, к воспоминаниям о его конфликтах с двумя прокурорами Синодальной конторы — А. Н. Шишковым и А. А. Ширинским-Шихматовым, но все же эти два персонажа, и особенно второй, играют значительную роль в московской главе. Эпизод «встречи на пароходе», действительно, один из самых ярких в мемуарах: там рассказывается о разговоре с бывшим студентом, по-видимому, возвращающимся на родину после длительной ссылки.

Смоленский — Волковой

Псков, 20 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Очень Вы меня порадовали Вашим хотя и кратким, но хорошим письмом. Отвечаю на него по пунктам:

1. Я не «разрешил», но прямо просил Вас не только делать пометки карандашом, но прямо зачеркивать страницы в моих воспоминаниях, которыми, день ото дня все более и более, становлюсь недовольным ввиду их бледности в очертаниях, ввиду множества пропусков. Вы сделаете мне тем более удовольствия, чем более вычеркнете без всякой церемонии и без всякого снисхождения. Вам ведь это впервые — наберитесь храбрости, да и с Богом.

2. Замечанием Вашим о том, что будет жалко, если мои воспоминания московские сведутся к воспоминаниям о Ш¹ и Ш², весьма проницательно угадана мысль, посетившая меня дня 3—4 назад, когда уже и Ш¹ довольно удручил меня. Мне вдруг представилось, что неужели же такие две малозначительные (хотя по-своему и типичные) фигурки были так сильны и влиятельны в моей московской жизни? Чего я их вырисовывал отдельно, чтобы тем самым замедлить изложение многих общих соображений и описание более характерных людей и более ярких фактов? Именно верно Ваше замечание: «ущерб для читателей и автора». Посему так как Ш¹ уже покончен, Ш² не будет удостоен мною подробного описывания. Да по правде сказать — и не стоит он того. Не могу извинить его!

Делаю тут горькое отступление: совсем падает, судя по последним известиям, бедное Синодальное училище, забитое неумелыми и грубыми Ш²-ми. То, что мне пишут из Москвы, что рассказывают мне приехавшие оттуда — одна жалость и горькая печаль!¹

3. «Встреча на пароходе», отмеченная Вами, без сомнения есть встреча с бывшим сосланным студентом. Поняв теперь, какого рода именно характеристики Вам представляются желательными в большем числе, полагаю, что без

затруднения можно уснастить мои воспоминания подобными эпизодами. Ведь подходящими примерами в таком же роде можно назвать эпизод с Н. И. Ильминским на пароходе же или рифмач-Савельев? Так ли я понял Вас? Если так, то, по просушке, таких картинок будет много.

4. Ваше «обдуманное» письмо, чтобы не затруднять Вас (ибо я никак не думал, чтобы Ваше письменное общение было так велико, чтобы писать в один день более 7 писем; в частности — только тронут тем, что и мне урывается от Вас минутка в такие трудные после-именинные дни) — я просил бы Вас написать мне совсем не торопясь. Право, мне уже стыдно перед Вами: Вы так добры, что позволили мне писать Вам, оценив мое недавнее горе с утратой милого Сергея Александровича. Получилось то, что я с первого же письменного сезона наших сношений стал слишком «писатель», пожалуй, в размере для Вас неожиданном... Уже по тону всех моих писем к Вам Вы можете судить, как я ценю Ваши ответы мне. Посудите сами, добрейшая Софья Сергеевна, как могло бы хватить у меня духа затруднять Вас? К тому же скоро, вероятно, Вы скажете мне на словах, ворочая зачеркнутые мои страницы, все то обдуманное Вами, что Вы считали надобным обдумывать по поводу тех же страниц. Конечно, не могу скрыть от Вас — всякий случай получения Вашего письма — мой праздник, и мое послушание Вашим словам, думаю, достаточное доказательство того, как высоко ценю я Ваши письма ко мне, уже составившие столь дорогой для меня небольшой томик. Но как же мне эксплуатировать Вашу доброту? Я вполне удовлетворен и краткими Вашими письмами. Если мои длинные, то что же мне делать и зачем мне лишать себя удовольствия пространно писать Вам? Если Вы напишете мне «длинное» письмо, что я могу сказать Вам иное, как не «длиннейшее» спасибо? Не затрудняйте себя обдумыванием. Не могу не сказать, однако, что вообще длинные письма лучше коротких — Вы в них радуется по закону Гершеля — по квадратам радости.

Псков, как говорится, «с одной стороны» — само очарование, с другой же стороны — сама деревня. Старины — масса, но в великой запущенности и в разорении; некоторые виды — восхищение самое полное, некоторые — самая полная досада. И здесь подтверждаю себе новый раз, что в давнюю старину умели вкладывать в несовершенную технику архитектурную какую-то особую любовь, особую красоту, особую гармонию очертаний, а в недавнюю старину умели только портить это давно сделанное. «Троица» псковская, соответствующая «Софии» — душе Новгорода Великого, есть здание невероятно высокое (21 сажень от пола до потолка, при 23 длины и 18 ширины) — стоящее к тому же на 9-саженной горе и на очень высоких двух низких этажах — усыпальнице и ризнице, но полное самой упоительной гармонии и совершенно невиданного мною света. Сегодня я был в этом чудном храме и за обедней, и за вечерней. Два яруса окон расположены от пола очень высоко, совершенно непропорционально всем внутренним размерам. Но если бы Вы могли представить восхитительный свет в этом храме от заходящего красного солнца, Вы согласились бы, что этот собор строил большой артист.

Сегодня я провел, как и вчера, в полной праздности, зайдя домой только для еды, шатаюсь по стогнам бывшего вольного города и перебирая в памяти главные исторические моменты Пскова в его борьбе с Польшей, Литвой, меченосцами и Москвой. Сидя на бывшем месте народного веча — даже и слезу проронил... Как жестоко, быть передовым в свободе и потерять ее!

И какая же теперь здесь, как и в Новгороде, «мерзость запущения» на самых оживленных когда-то местах, где так сильно бился пульс народной жизни! Теперь, как, вероятно, и 100, и 200 лет, даже и 250 — полны лопуха и всякого мусора места веч народных — даже глядеть больно на коров, пасущихся среди города там, где ноги не давали расти и былинке. Рассудите сами — на месте, где «Осудари Псковичи» грудь стояли передовым оплотом Западной Руси, где они прямо спасли честь Руси в несчастную войну с Баторием, — я сам видел пасущихся коз, свиней, коров, лошадей... Правда, я слишком возбуждаюсь, глядя на знаменитые исторические места, вроде Малахова кургана, Красной площади в Москве и проч. Правда, я забываю в эти минуты столь любимые мною исторические широкие обобщения, сводящие на нет многие отдельные частности, но я не в силах удержаться, чтобы не нарисовать себе картину 14 декабря на Сенатской площади, когда туда попадаю, или забыть ужасы около московского Лобного места и т. п. Помню, как я сбежал с Волховского моста в Новгороде, увидав незамерзающую у него вечную полынью, которую так бесчеловечно воспользовался Иван Грозный. В Пскове я вспомнил о ней как раз на вечевой площади... Но довольно — и сейчас заплясали нервы.

Вид на Псковский Кремль, с места откуда разом видны реки Великая и Пскова, — самый очаровательный, какой-то кроткий, мягкий. Таков же и на Кислинскую башню. Я пришлю Вам эти два вида.

Но пора на почту. Излишне говорить, как растрогали Вы меня присылкою Вашего письма именно сюда. Спасибо Вам от всей души.

Уезжая из Петербурга, я заметил в Капелле подъем духа от слов Государя очень хороший и с задатками на хорошее будущее. Нет надобности упоминать подробнее, как воспрянула духом моя Анюта как от этого события, так и от перевода Васи Ильича. Не случись этого, не сидел бы я сейчас в Пскове. Тишина здесь прямо деревенская.

Вашим поклон мой и привет. Вам еще раз спасибо.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 189—190. На бланке управляющего Капеллой

1. Действительно, после ухода Смоленского и назначения директором Синодального училища В. С. Орлова там возникли определенные трудности, но все же дело шло не так плохо, как неоднократно сетует в письмах Смоленский. Его корреспонденты из числа сотру-

ников училища, как бы в утешение своему бывшему директору, постоянно сообщали о разных неприятностях. В конце концов Степан Васильевич и сам догадался о «тенденциозности» поступавшей к нему информации, но ревнивое отношение к училищу сохранял до конца дней (что, разумеется, не мешало ему впоследствии признавать и успехи, достигнутые в Москве).

Волкова — Смоленскому

[Спасское], 21 сентября [1902]

Добрый Степан Васильевич,

все-таки думаю, что пришло Вам то письмо, которое раньше обещала, только не в виде письма, а заметок, набросанных карандашом после чтения. Если Вы потрудитесь сохранить их, они позже могут послужить нитью — *santus firmus* — при разговоре.

Сколько времени могу оставить у себя тетрадь? Разрешаете ли прочесть из нее вслух главу о Н. И. Ильминском княгине Мещерской, если в октябре увижу ее? Полагаю, что матери и сестре могу показывать выдержки по своему усмотрению и что Вы сочтете такую утроенную цензуру только более крепкой и беспристрастной, не так ли?

Сейчас принесли утреннюю почту — мне четыре письма, одно из Пскова. С большой благодарностью буду ждать интересных фотографий. Не кстати было бы нарушить Вам псковский отдых, а теперь скажу: 14-го я навестила Колю Городецкого. Впечатление грустное. И перевела бы его — да куда?

Спасибо за все.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 63. Открытка

Смоленский — Волковой

Псков, 22 сентября 1902

Вы должны согласиться, добрейшая Софья Сергеевна, что оба эти вида очень изящны и редки и своеобразны, в натуре же гораздо лучше, чем на картинках. Глыбы белого на воде под Кислинской башней — не льдины, а так называемые валуны, сегодня же покрытые снегом и оттого так рельефные на текучей воде. На другой картинке — красавица река «Великая», налево «Псковя» [псковичи], а на мысе между ними старый Псковский кремль с его чудесным собором.

В этом соборе сегодня, не без влияния Ваших убедительных доводов, я причастился за раннюю обедню Св. Таин, в умирение и утишение исстрадавшейся души моей, столь измученной после Москвы надобностью увольнять от службы и из Капеллы сослуживцев и учеников, надобностью вытерпеть всякую клевету, месть, всякую интригу и ложь. Конечно, я собрал все силы души моей и поми-

рился со всеми моими недругами, которых невольно был вынужден огорчить и вооружить против себя по долгу своих прямых обязанностей. Оправдываю и их как самооборонявшихся, хотя и очень неразборчивых в средствах обороны. Но прежде всего спасибо Вам, научившей меня к уврачеванию душевному. Не знаю, удалось ли бы мое сердечное покаяние в другом месте. Псков так тронул мою душу своею стариною, да и священник попался благоговейный. Поминал я и Вас с Вашими в моей благодарной и сердечной о Вас, хотя и недостойной, молитве, надеясь, что и Вы помянете хоть изредка меня с Анютой в Вашей чистой молитве. Сердечно благодарю Вас еще раз, добрейшая Софья Сергеевна, за добрый совет, имевший силу и здесь привести меня к столь надобному душе моей успокоению. Спасибо Вам от души. Говенье трехдневное было кратко, но искренне.

Через час-другой еду домой, очень отдохнувший душою. Шлю поклон Вам и Вашим из древнего Пскова с пожеланиями доброго здоровья и всякой тихой радости.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 95—96. На двух открытках с видами Пскова

Смоленский — Волковой

Петербург, 24 сентября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Отвечаю Вам без промедления на Ваше письмо, поданное 21-го, но полученное только что. Очевидно оно где-либо пролежало. Отвечаю по пунктам:

1. Ряду заметок Ваших, имеющих быть *cantus firmus*, буду сердечно рад, сохраню их и, изучив, разработаю в виде вариаций и имитаций на данные темы до и после разговоров.

2. Уподобляю себя самому себе в тех случаях, когда, отправляясь куда-либо по надобному делу, чаще же по поручениям жены, вспоминаю о том лишь на возвратном пути, вновь вижу надобных людей и конфузливо каюсь в своей рассеянности. Моя мысль была та, что к 17 сентября первая тетрадь представляла собой посильный мой Вам именинный сюрприз к этому дню... но я... но я забыл сообщить Вам о том. Совестно признаться в такой невозможной рассеянности, совестно просить Вас задним числом принять этот сюрприз, но у меня есть доказательства тому, что я именно забыл — то есть все мои письма перед 17 сентября, в которых теперь мое бывшее желание должно воплотиться с совершенною ясностью. Если «воспоминаниям» будет суждено увидеть свет и быть напечатанными, то тогда да будет означено, что они поднесены Вам и приняты Вами столь же сердечно, как и писались с мыслью о Вас на каждой странице.

Все это, кроме покаянной стороны, пишется еще и для того, чтобы не только разрешить Вам, но просить Вас подвести мои писания под утроенную цензуру, в дружеской строгости которой я нисколько не сомневаюсь, даже и очень нуждаюсь. Точно так же и насчет прочтения выдержек по Вашему усмотрению, кому угодно и сколько угодно, Вы также вполне свободны. Чем долее останется у Вас книга — тем будет ей лучше.

3. Относительно Коли Городецкого затрудняюсь делать что-либо, ибо он уже стар для перевода в Капеллу. Я что-то помнил, что там был еще мальчик 8—8½ лет и думал пригодиться для него. Но Вы о нем ничего не пишете.

4. Пишу Вам после только что бывшей черновой спевки Капеллы, на которой, хотя и крайне плохо, но все же пройдена половина Реквиема Моцарта. Результат пока тот, что прежде через 2—3 спевки ноты были у дискантов и альтов вполне изорваны, а ныне еще целы и штудируется Реквием даже не без интереса. Но что за прелесть это произведение, что за высокое вдохновение!

5. О степени моего отдыха в Пскове и некотором душевном умиротворении сужу по одному только удовольствию от скорости поезда, пробежавшего мимо станций, по мирному и приятному чаепитию в вагоне-ресторане и, главное, по тому первому впечатлению, которое не покидало меня даже вчера, то есть на другой день приезда: мне все казалось, что я очень давно не был в Петербурге, чуть не месяц.

6. Вася Ильич [Альсон] сегодня уже на службе в Петербургском Банке. Дома по этому случаю — полное благодушие, отражающееся и на мне.

Вашим поклон мой и жены моей. Вам спасибо за все. 2 вида Пскова поехали вместе со мною 22-го в одном поезде, но я застрял в Петербурге, а они должны быть уже у Вас.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 97—97 об. На бланке управляющего Капеллой

Волкова — Смоленскому

Спасское, 29 сентября 1902

Добрый Степан Васильевич, как могло случиться, что я до сих пор не ответила Вам на письмо от 22-го? Уж не потому ли, что чувство радостного удволения так глубоко, что, кажется, высказать его можно только простыми словами «Слава Богу». Очень Вы меня порадовали.

Какие прелестные виды Пскова! То есть главное — Собора! Бог даст, зимой съезжу погостить во Пскове, у милой губернаторши¹ — давно собираюсь. Я не забыла о Вашей доброй готовности помочь горемычным Городецким, — но маленькому брату должно быть еще нет и 7-ми лет. Относительно Коли я и не думала о

Петербурге, но о том, нет ли возможности и надобности перевести его в другое заведение в Москве же... На днях напишу, накопилось много кой о чем.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 64

1. Имеется в виду Васильчикова (урожденная княжна Мещерская) Софья Николаевна, княгиня (1867—1942) — жена псковского губернатора (впоследствии министра земледелия в правительстве П. А. Столыпина) князя Бориса Александровича Васильчикова. Известна тем, что позже, в 1916, написала очень резкое письмо императрице с требованием немедленного удаления Распутина, за что была выслана из Петербурга.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 1—2 октября 1902

Эпиграф этого письма:

Легко дается критика,
Искусство не легко.
(Похвалите этот перевод, по-моему очень удачный¹.)

Добрый Степан Васильевич,

по размеру бумаги² судите о том, сколь бы хотелось написать Вам. Начну с ответа на Ваши письма по порядку.

Насчет двух Ш. добавлю, что, на мой взгляд, если все московские впечатления сгруппируются не только вокруг них, но даже если и вокруг одной Синодальной школы, то это будет жаль. Прикасясь, хотя бы через ту же деятельность Вашу, со многим характерным для Москвы, *вне школы*, со многим отживающим или изменяющимся, — неужели Вы о том не запишете? О старых букинистах, о язвах в строе жизни и самой постановке дела в архиерейских хорах, о московском купечестве, о том, как отражалось на принимаемых Вами мальчиках домашнее их воспитание, заметны ли были оттенки по сословиям, условиям деревенской или городской их жизни, и проч., и проч. Вы скажете — да это уже не воспоминания, а размышления и обобщения. А я скажу — но все же основанные на личном наблюдении и соприкосновении, на отдельных сильных впечатлениях, которые можно восстановить только возможно более обстоятельной, точной и беспристрастной передачей. (Не одобряю своего способа переносить слово «беспристрастной», знаю за собой многие подобные грехи!)

Здесь у Вас в письме от 20 сентября отступление по поводу падения Синодального училища. Коля Городецкий был переведен по классу фуги без экзамена, но он не мог *ничего* сыграть мне ни наизусть, ни по слуху. Однако по нотам он разобрал элементарную вещицу толково и с ритмом. Что бы следовало знать

ему по правилам курса? Я его, вероятно, еще увижу. Он показался мне милым и жалким, бесконечно ребячливым.

Второе отступление — о Свечникове. Справлялась в консерватории, после получения Вашего письма, утверждающего, что он учился контрабасу в филармонии и что он едва ли мог успеть в консерватории пройти пять курсов. Он учился в консерватории по специальности контрабаса у проф. Шпекина, прошел кроме того 2 курса гармонии, хоровое пение, эстетику и 2 или 3 курса обязательного фортепиано. Правда, все это в две зимы, но это он и назвал пятью курсами, и мне кажется, может быть в письме к Вам я неверно передала его слова. Переписка с дальней Пожвой по этим делам еще и теперь не кончилась, но мое посредничество, к счастью, уже более не нужно...

Продолжаю о том, чего бы мне хотелось побольше. «Встреча на пароходе» — конечно, именно с сосланным студентом. Это — целый рассказ Короленко, переданный одной страницей. Но вы меня не так поняли, причисляя к таким страницам эпизод с Н. И. Ильминским и рифмачем Савельевым. Вижу теперь, что Вы удивитесь: рифмы Савельева над игрой в карты — я при первом же чтении отметила к беспощадному уничтожению! Ведь это не стихи, это режет ухо по отсутствию размера, и продолжать так действительно можно без удержу, но и без всякой надобности к сохранению в памяти. Другие приведенные Вами примеры его рифм — остроумны, решения в Археологическом обществе и в деле «нелепого брака» даже и мудры — это, мне кажется, стоило записать и сохранить. Но все-таки все это вместе взятое не составит цельной, сильной картины, подобной «Встрече». Эпизод же с Н. И. Ильминским просто анекдот из действительности, пример рассеянности, не имеющий ничего ни художественного, ни характерного для «времени или места», сопоставить это со «Встречей» — это предложение конфетки вместо жареной картошки³.

Вот Вам другие примеры того, про что скажу «побольше бы такого»: танцующие матери семейств среди спокойной утренней обстановки, под звуки записанных вами танцев. Кабы Вы знали, как мне любы эти странички среди Вашей тетради, — они одни уже составляют прелестный, дорогой именинный подарок.

Еще картина. Совсем в другом роде, но чрезвычайно живо описанная — это всенощная со старушками в креслах на ковре и курящей, гуляющей молодежью внизу — все это под покровительством Синодального прокурора. Люблю и сцену с «господа подсудимые» вместо «присяжные заседатели»... Это мое письмо совсем не обещанное, которое могло бы служить нитью. В то время как я Вам писала, обещая таковое, пришло Ваше от 20-го — и убедило меня в возможности недоразумений при намеченных и недоговоренных суждениях. Лучше подождать, до возможности устных дополнений.

Письмо Ваше от 24-го порадовало меня предоставлением тетради в полное мое распоряжение: это напомнило мне детскую радость при позволении делать с куклой все, чего захочется... И в ящик отложить можно на время, и по-другому причесать, и назвать как угодно... Я и прежде поняла, по одному

письму Вашему, что присылка тетради имеет отношение к 17-му, но когда я ее затем уже к 13-му всю прочла, впечатление это утратилось. И таким образом 24-го удался отличный сюрприз. Сюрпризов у меня было три: дыни из Саратова от бывшей нашей девушки; потом тетрадь — сюрприз, начавшийся 11-го и кончившийся 24-го; и сегодня, 1 октября, присылка от Людмилы Ивановны с ее надписью «17-го», нового каталога Глинковского Музея⁴. При этом от Людмилы Ивановны письмо нетвердым почерком: она больна инфлуэнцией. Если Вы ее навестите, то пожалуйста сообщите, хоть на открытом письме, как застанете. Не знаю почему, беспокоюсь о старушке.

Продолжаю 2 октября. Все-таки намечу сегодня несколько тем для будущих бесед.

I. По поводу предисловия Вашего. Не знаю, читали ли вы в «Московских ведомостях» статью к 40-му дню по С. А. Рачинскому, подписанную «Г. Г.». Эта статья, огульно, несправедливо и грубо нападая на земство, содержит однако следующие слова, над которыми я задумалась:

«Задачей земских школ было поставлено пресловутое образование “человека” из нашего крестьянина, а средствами к достижению этой цели признавалось все то, что уничтожало отличие его от прочих народов мира и что разрушало в нем человека русского и православного»⁵.

Есть доля правды, на мой взгляд, в этих громких, преувеличенных и страстных словах, — подумайте о Вашем впечатлении при первой встрече со старообрядческой семьей Дунаевых, о строе Вашей семейной жизни в 50-х годах, — и не почувствуете ли Вы внутреннего противоречия с радостью — тоже слишком по-моему огульной — в выбивании старого клина новым, с 60-х годов? Как не радоваться насаждению нового хорошего, как не радоваться вымиранию старого гнилого или ядовитого, но дело тут разве в вышибании одного клина другим, старого — новым? Беда, когда, пропальывая, выкидывают самое лучшее, вековое насаждение вместе с терниями. Самым культурным направлением мне кажется то, которое уничтожает вредные нравы, выпрямляя, укрепляя, направляя все, что есть здорового, благодатного и плодovitого из прежнего роста. Преклоняюсь и перед прививкой. Но если бы даже я захотела согласиться с Вашим вступлением, то никак не могу признать его вступлением к Вашей тетради, к *Вашим воспоминаниям*.

II. Про «семью моего отца» Вы написали гораздо меньше, чем сколько мне хочется знать. Во-первых, сухарей на конопляном масле так и нет, — а как хороша была бы картина семьи утром, вокруг стола с пресловутыми сухарями, с описаниями, пожалуй, и нарядов, с описанием затем шестивий в разные учебные заведения, без галosh, без изнеженности. Не могу понять, почему Вы находите столь неуместным передачу многих бесед с отцом и с Н. И. Ильминским. Ведь многое Вы, верно, запомнили совсем не частного, а скорей общественного интереса, много и так у Вас здорового, спокойного — как бы хорошо обобщить и осмыслить, с такими примерами. О старообрядцах мало, мало! И надо бы

разбить инородцев и их на две главы, как Вы сперва намеревались. Начать с поездки в Москву, с отца Разумовского.

О чтении — то есть прочтении — всех брошюр Ваших после. Только крюков — не коснулась, кроме страниц 20-ти, годных для простого чтения. «Да воскреснет Бог» представляется мне по-Prout'овски так: ABC — B — CBA (B = v+v). Мне это яснее линейных рисунков. Согласны ли Вы? В той же книжке, на стр. 14 аненайки звучат *совсем как трезвон - и отлично*⁶.

У Bökelmann'a narosло несколько заметок, одна из них мне нравится. Везу Вам в Петербург на прочтение книгу Макария, изд. 1848 г., о христианстве на Руси до Владимира, на случай, что она Вам незнакома⁷. Знаете ли вы, что отец Конюся умер? Вы пишете Юлий Эдуардович, где следует Георгий Эдуардович⁸.

Дарю здешнему дьячку Вашу партитуру цифровую, ему партитура нравится. Пора кончать. Сейчас еду к Мещерским в Дудино на два дня.

Спасибо за все.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 65—67 об.

1. Цитата из «Фауста» Гёте — вероятно, в переводе автора письма.

2. В отличие от других писем Волковой, это, содержащее подробный разбор Воспоминаний, написано на бумаге большого формата.

3. Комические эпизоды с остроловом Савельевым и рассеянным Ильминским остались в тексте Воспоминаний.

4. Музей М. И. Глинки был открыт в 1896 в Петербургской консерватории по инициативе Л. И. Шестаковой и при активном участии Н. Ф. Финдейзена, который и составил его каталог (1897; в дальнейшем выдержал ряд переизданий в связи с пополнением мемориальной экспозиции). Об истории возникновения этого Музея и работе над его каталогами см.: Финдейзен Н. Ф. Дневники. Кн. 1 (СПб., 2004). Каталог 1902 года (с предисловием Л. И. Шестаковой) назывался: «Каталог предметов, нот, книг, автографов и портретов, находящихся в Музее Глинки в здании С.-Петербургской консерватории».

5. См.: Московские ведомости, 1902, № 195—196; статья называется «Новый путь к вере» (возможно, ее автор Г. П. Георгиевский — хороший знакомый Волковой). В этой статье автор борется как с толстовством, так и с увлечением в объяснении христианских истин, с одной стороны, естественно-научными, а с другой, оккультными методами.

6. Имеется в виду работа Смоленского «О собрании русских древнепевческих рукописей...» (опубликована впервые в РМГ за 1899, вышла тогда же и отдельным оттиском; перепечатана в РДМ, т. II, кн. 1), где приводится схема формы знаменных стихир Пасхи.

7. Имеется в виду работа «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви» митрополита Московского Макария (Булгакова; 1816—1882).

8. Имеется в виду отец братьев Конюс Эдуард Константинович, скончавшийся 18 сентября в Москве. Смоленский знал и Георгия Эдуардовича, и Юлия Эдуардовича Конюсов, но особенно близко профессора Московской консерватории Георгия Конюса, в конфликте которого с В. И. Сафоновым принимал самое живое участие.

Смоленский — Волковой

Петербург, 1 октября 1902

Очень, очень был рад я, добрейшая Софья Сергеевна, получить Ваше милое письмецо, так как уже начал прикидывать умом и так и эдак о том, что бы могло значить молчание из Спасского; а тут еще почтеннейшая Людмила Ивановна сообщила мне, что едва ли Вы будете в Петербурге ранее начала ноября, пожалуй и позднее, как на грех и работы нашлось дома по горло, что задержало и мое письмо к Вам.

Моя поездка в Псков очень укрепила меня, главное же, убедила меня в верности выбранного способа отдыха. Действительно, 3—4 дня содержательного и полного отдыха, совершенная перемена впечатлений, уединение в самом себе и отсутствие здешней сутолоки и постоянной трепки нервов — очень восстанавливают мои силы, уже начинающие слабеть, но еще достаточные в бодром виде для надобного ведения дела. Поэтому думаю еще раз воспользоваться отсутствием Царя и отлучиться к Рауху на Иматру на будущей неделе и также на 3—4 дня, чтобы уединиться в лоне вполне дикой и безлюдной северной стороны, обставленной, как мне говорили, весьма удобно для пациентов на меня похожих. Конечно, у Рауха не найду ни старых крепостных стен, ни воображаемых войсковых приступов из Запсковья, ни представляемых себе картин ввечового склада, но говорили мне бывалые люди, что и сочетания гранита, воды, темной зелени ели, сосен со снегом, при шуме Иматры и покое Саймы-озера, да еще при удобствах гостиницы — также будто бы очень врачуют.

В Капелле все продолжает налаживаться к хорошему, потихоньку, но верно и основательно, толково и твердо. Свежие, умные и добрые люди, заменившие собою бывших никуда не годившихся, ныне собраны в Капелле в таком внушительном и преобладающем числе, что влияние их с каждым днем завоевывает Капеллу со всех сторон, что теперь много облегчается и отсутствием среди певцов и учеников всего бывшего наихудшим и противившимся всяким улучшениям, ради якобы сохранения «традиций». Превосходно работает Кленовский, окрылились и мои птенцы Толстяков с Чесноковым, вошли в роль и новые воспитатели.

Совершенно некогда писать еще — работаю в совещательном порядке над уставом товарищеской ссудо-сберегательной кассы — над первым шагом к объединению моих товарищей в деле взаимопомощи. Сегодня учредительное собрание — надо, после «утро вечера мудренее», внимательно и хладнокровно

просмотреть работу, остывшую в последние дни, и на некоторое время найти в себе и финансовое ясновидение, и предусмотрительность.

Буду ждать Вашего письма. Привет и поклон Вам и Вашим.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Н. В. Я получил копию с допросов судебного следователя всех прикосновенных к делу Конюса — преинтересные.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 98—98 об. На бланке управляющего Капеллой

Смоленский — Волковой

Петербург, 5 октября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Я получил Ваше большое письмо и с глубоким удовлетворением прочитал его, хотя и не скрою от Вас, что при большом желании, разгоревшемся при чтении эпитафия (который весьма закончен и складен) и обещающего много начала письма, да еще на большой бумаге, было обидно увидеть последний лист белым с обеих сторон. Но и за то, что получено — глубоко благодарю Вас.

После Ваших разъяснений в этом большом письме стало мне понятно, что именно должно было бы и должно впредь составлять сущность моих записей о былом. Я понимаю их теперь как картины прошлого быта, успевшего отжить свое время, ставшего своеобразным по разности между стародавнюю глухою провинциею и нынешнюю столицею, — как запись каких-либо таких эпизодов, в которых ярко и колоритно описывались менее всего отдельные люди и более всего былые годы. Но позволю себе сказать и вопреки Вам относительно первых страниц — хотя и совершенно никуда не годных, имеющих быть очень много расширенными, но полных самой тесной связи со второю частью моих воспоминаний, в которых мне пришлось быть уже взрослым человеком, начавшим борьбу с отжившими началами. Конечно, к первой части эти вступительные страницы имеют отношение более чем слабое, но уже то, что они были написаны (хотя и очень сторяча), доказывает определенный план всего, достаточно обширный, и определенный круг воззрений, которым я сочувствую и которыми собственно я и живу. Так как у Вас только первая часть и, Бог милостив, в 1903 году к 17 сентября мы оба будем живы-здоровы, то не зачеркивайте *пока* эти первые страницы, темы которых я предполагаю развить именно во второй части, обещаемой к 17 сентября 1903 года¹.

Вполне одобряю и сердечно благодарю Вас за строгий суд всего, что кажется интересным пока оно пишется и что затем для хладнокровного и беспристрастного судьи очевидно в своей бесцветности и бессодержательности. Таковы вычеркнутые Вами строки о Савельеве-рифмоплете и т. д. Вы избрали

именно тот путь, который мне казался самым желательным, то есть критикуя и осуждая все не имеющее общего интереса, нетипичное или недостаточно содержательное, — Вы оставляете лучшее, которое оттого, конечно, само собою выигрывает. Что касается до дополнений, то теперь их у меня явится уже очень много, так как бытовые описания вроде «танцующих матерей» или «ссылного студента», вовсе нетрудные, могут быть составлены вполне легко. Я помню хорошо и прежнюю захолустную Казань, прежнюю деревню крепостную, прежний административный строй, прежних симпатичнейших идеалистов-ученых и проч. Во всем этом, начиная с барыни, жившей около нас, в 8—10 саженьях от Покровской церкви, но ездившей к ней не иначе как шестериком, наберется, пожалуй, оживленного материала на сотню страниц и на сотню портретов, которыми можно обставить для большей живости картинки прошлого.

Вы правы и относительно главы о старообрядцах. Эти люди сыграли в моем прошлом очень большую роль и заставили меня оглядеться вокруг себя на очень многое. Придется вновь заняться перекройкой этой главы и выделением из нее самостоятельного очерка. Я так и думал сделать сначала, но кому же не случалось, отправляясь к одним, не попасть к дорогим друзьям и очутиться вместо них в другом доме и в совершенно другом кругу людей? Разве не случалось хотя бы и Вам, отправляясь за одной покупкой, попасть вместо того ну хоть на церковную службу или на давно не виданную выставку картин? Главу о старообрядцах переделаю непременно, так как то для меня совсем нетрудно. А впечатления и суждения мои по части старообрядцев вполне определены, да и мирок этот своеобразен и малоизвестен.

Но все-таки я в конце концов очень устал и силы мои нуждаются в хорошей порции отдыха. Как ни бодрюсь я, но все чаще и чаще приходится прилечь в течение дня и чувствовать, что, если еще придется поработать хоть полчаса, то слягу уже на 2 часа, — иногда является и какая-то апатия ко всему, а к вечеру я негоден для работы уже ежедневно. За отъездом Государя — все разбежались и даже проситься не у кого, — во всех делах полное во всем запоздание и замедление.

К Людмиле Ивановне соберусь вскоре. Сегодня же спысываю справиться о ее здоровье, так как по плану дня не предвижу свободного часа (а пишу Вам сейчас эту строку в 7.40 утра). Но когда же Вы переедете в Петербург? Вашим поклон мой и Анюты, Вам — также. Напишите о здоровье Марии Владимировны, Марии Сергеевны. Мне что-то кажется, что и сами Вы толком не отдохнули.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

С Никитской из Москвы опять пишут неладно — сущее горе и жалость!

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 99—99 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Вторая тетрадь Воспоминаний была завершена 31 января 1903 и, подобно первой, дана на прочтение Волковой. 17 сентября 1903 (дата, указанная в письме) Смоленскому, вероятно, было не до работы над Воспоминаниями: в августе он был уволен из Придворной капеллы. Более к продолжению Воспоминаний он не возвращался, хотя и намеревался позже дополнить главу о С. А. Рачинском (этому помешало отсутствие у него в тот момент писем Рачинского; см. в переписке с С. Д. Шереметевым).

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 октября [1902]

Добрейшая Софья Сергеевна! Давно нет, уже почти 2 недели, вестей из Спасского и, не скрою от Вас, — скучно без них. Да и время такое подошло, что в пору спросить: где Вы? С другой же стороны так и кажется мне: благополучно ли все у Вас?

Я сижу в своей Капелле, не имея возможности вырваться. Положение мое странное: то радуюсь всем существом, любуюсь на очевидный рост и оздоровление всего дела, то глубоко огорчаюсь, принимая ближе к сердцу всякую мелочь, которая бы в прошлом году прошла совсем мимо. Устал я очень. Вчера меня вытащили в концерт Ауэра и д'Альбера¹, но я едва имел силы собраться, а приехав так заскучал, что сейчас же, едва прослушав 2—3 №№, удрал домой, чтобы провести вечер в уединенной тишине. Пишу эти строки наудачу в Спасское. Поклоны всем.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 100

1. Концерты Леопольда Ауэра и Эжена д'Альбера состоялись 12, 15 и 20 октября в Малом зале Петербургской консерватории; Ауэр принял участие в исполнении «Крейцеровой сонаты» Бетховена; д'Альбер играл сочинения Баха, Шуберта, Шумана, Шопена, Листа, Чайковского (см.: РМГ, 1902, № 43, стлб. 1047).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 17 октября 1902

Добрый Степан Васильевич, правда, что передо мной лежат целых три неотвеченных Ваших письма, но и правда то, что последнее мое письмо было от 1 октября, а с тех пор я съездила в Дугино и в Москву недавно на два дня. А сюда приезжал в промежуток управляющий наш из Кандиевки.

Я все поджидала известий о Людмиле Ивановне [Шестаковой]. Могу ли заключить из молчания Вашего, что она поправилась? «Pas de nouvelles, bonnes nouvelles» [«Отсутствие новостей — хорошая новость»], говорят французы.

Про нас скажу, что мы было все уложили к отъезду, сняли даже с окон занавеси, — да опять маме нездоровилось, и, подумав, мы отложили отъезд до первых чисел ноября. Может быть все-таки еще и в Москву завернем.

Я рада еще пожить в деревне. За вторую половину августа я, было, совсем отдохнула, а в сентябре оказалась опять усталой. Пишу это в ответ на добрый Ваш вопрос.

А Вам так действительно отдохнуть пора: мы надеялись, что давно уже Вы в Финляндии. А прилечь днем хотя бы и часа на полтора не грех, когда встаешь в 6 часов, а ночь наступает в полдень. Темно теперь, должно быть, в Петербурге! У нас вот дня три — солнце.

Не успею больше написать, и это не ответ на Ваше хорошее письмо от 5 октября. Колю Городецкого слышала в воскресенье — впечатление более отрадное. И милый он мальчик, совсем ребенок. Кланяюсь Анне Ильиничне. Будьте здоровы.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 68—69

Смоленский — Волковой

Петербург, 18—19 октября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно рад был я, получив Ваше письмо! В последние недели две Спасское было умолкло, и, признаться, я долго обдумывал о том, что бы могло быть тому причиною. Как-нибудь в часок повеселее расскажу Вам об этом недоумении. Теперь вижу, что причины Вашего молчания гораздо печальнее, чем я думал. Я понимаю, как тяжело Вам видеть и болеть душою, глядя на недомогания почтеннейшей Марии Владимировны! Понимаю и Ваше утомление вообще, так как однажды брошенное Вами словечко «у нас все гости» рисует мне весь режим минувшего лета в Спасском, — а тут еще и душевная тревога! Теперь октябрь — в деревне это один из самых спокойных месяцев — авось хоть тут отдохнете без гостей.

К Людмиле Ивановне собираюсь сегодня-завтра, так как я был до сего времени очень занят и делами, и писаньем малого этюда о Глинке. Однако этими же неделями наши сношения без свиданий были довольно оживленны, и я знаю, что почтеннейшая старушка здравствует вполне хорошо. Я устраиваю одного юношу по ее просьбе, сидя дома за работою и сносясь по этому поводу с надобными людьми, сообщаю Людмиле Ивановне через живых людей все надобное. Таким образом несколько раз в эти последние недели я имел о ней точные и хорошие сведения.

Теперь я кончил этюд о совместном путешествии Глинки с придворным певчим Ивановым в 1830—1832 гг. по Италии¹. Я работаю теперь над архивом Капеллы, оказавшимся сущим золотым дном для любителя копать в старье.

С одной стороны даже могу похвалить себя чином «архивного юноши», молодящегося душою за чтением летописей прошлого, интересного в самой высокой степени. Сегодня я прочитаю написанное и затем познакомлю старушку с написанным, а затем отрапортую в Спасское.

В Финляндию я, конечно, не попал, да и не вижу конца моей суতোлке. Сейчас идет у меня горячая работа установки единства между учениками и воспитателями. В 6 ч. 20 м. утра я уже в спальне учеников, потом за молитвою с ними, потом за утренним чаем, потом в классах до 9 ч. утра, потом с 11 до 1 ч. на спевке, потом в трепке от разных посетителей, потом опять в классах, в столовой, на приготовлении уроков, в спальне, и так каждый день, каждый день! Скоро это дело налажу, так как все еще есть и в неузнаваемой Капелле многое не признающее подчинения и надобности помнить о других, а не о самом только себе. Тяжело все это очень, свыше моих слабеющих сил, разбитых вконец, но по крайней мере радуюсь, ликую душевно, что «великие реформы» подходят к концу, оканчивается невозможнейшее воровство, притихает возмутительнейшая грубость, дерзость и все более и более светлеет день. Все чаще и чаще появляются человеческие лица, все стройнее поет хор и дружнее, теснее, сильнее и энергичнее круг моих товарищей. Проясняются и лица учеников, началось ученье, слышится уже и музыка. Минутами чувствую глубокое удовлетворение и свое право прилечь на 5—10 минут и уединиться в недуманье ни о чем. А гулять не приходится! Никто меня не извлекает пока из Капеллы куда-либо. Сам же я не могу собраться и ношусь дома из одного этажа в другой, то бушуя, то радуясь, то волнуясь. Но что за радость, что за удовлетворение видеть и чувствовать, как пропадавшее почти безнадежно начинает вновь жить и бодриться!

19-го. Я ли не люблю писать Вам, добрейшая Софья Сергеевна, а однако и в этом занятии приходится делать перерывы. Но и благо: улучил я сегодня минутку побывать у почтеннейшей Людмилы Ивановны и посидел у нее часа 1½, прочитал ей свой этюд и получил от нее некоторые замечания и дополнения. Конечно, словечко было и о Вас, и, конечно — хорошее. Я сказал старушке, что сегодня пишу Вам; поэтому этот поклон Вам — по ее поручению.

«Воспоминания» мои завязли на 18-й странице², так как решительно нет возможности писать, нет времени, нет и свободы, нет и покойных минут, чтобы сосредоточиться мыслями. Впрочем, полагаю и так, что головная работа над обдумыванием изложения и связей событий идет сама собою, так что письмо воспоминаний будет в сущности делом второстепенным.

Теперь я нигде не бываю, сию дома и ношусь по Капелле с утра и до поздней ночи, устанавливая порядки, за которые принялся особенно ретиво с сентября. Приведение людей в мою веру идет все успешнее и благожелательнее. Хорошо я сделал, вычистив это авгиево хозяйство, — теперь хоть работать можно, хотя и нелегко досталась эта вычистка. От всей души желаю Вам хорошень-

ко успокоиться и отдохнуть в Спасском до приезда сюда. Здесь у Вас бывает тоже сутолока от посетителей немалая, а для перенесения ее также нужны силы и бодрость духа. Шлю также самые серьезные пожелания доброго здоровья почтеннейшей Марии Владимировне. Как надобно ее здоровье и вам обеим! Да и кому, впрочем, не надобно здоровье для себя и для других!

Собираюсь я в Москву на 1-е представление «Добрыни Никитича» — оперы моего милого приятеля Гречанинова³. Кажется, имя это Вам мало известно, так как он не печатает многое из им написанного, а человек он больших способностей и направление его русское, дельное. Если к тому времени Вы еще будете в Спасском или в Москве — прошу позволения повидать Вас, так как давно уже не слышал Ваших речей. На этот раз я поеду уж непременно, не глядя ни на что, так как, право, самому передохнуть хочется, да и в Москве с подмосковными у меня живут брат и две сестры с племянками — хочется и их повидать. Теперь меня задерживает здесь, кроме дел, внезапно возвратившийся [А. Д.] Шереметев, от которого уехать неловко.

Надумал я и еще о том, что давно хотел спросить у Вас. Я иногда прочитывал свои письма к Рачинскому, восстанавливая по ним в памяти пережитое мною. Теперь вместо него судьба послала мне Вас для моих исповедей. Храните ли Вы вообще Вами получаемые письма, в частности и мои? Я просил бы Вас захватить их с собою, если они у Вас целы, чтобы составить для себя prospectus минувшего лета. Сердечно извиняюсь перед Вами в обилии моих писем к Вам, думаю — числом до 30—40. Но в них Вы, вероятно, уловили многое описанное Вам вполне искренно и под влиянием только что полученных впечатлений. Именно последнее, то есть сила и основательность этих впечатлений, и интересует меня во 2-м чтении. Если же писем нет, — то и то не беда, не ахти какая потеря.

Приветствую Вас и Ваших от всего сердца. Будьте здоровы!

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 101—102

1. Этот этюд под названием «О теноре Иванове, сопутствовавшем Глинке в Италию» опубликован в РМГ, 1903, № 47.

2. Речь идет о второй тетради Воспоминаний.

3. Премьера оперы Гречанинова была по разным причинам отложена на год (см. в дальнейшей переписке).

74. Волкова — Смоленскому

Спасское, 26 октября 1902

Добрый Степан Васильевич, вот Вы опять, пожалуй, недоумеваете, отчего я не тотчас ответила. Так уж скажу правду: этими тихими октябрьскими неделями

так избаловалась, что спокойно увлекаюсь разными занятиями и чтениями, давая накапливаться неотвеченным письмам... Как будто с прекращением гостей и устных разговоров одновременно настал перерыв и в письменном общении. Сделала я это не преднамеренно, но, кажется, одну неделю никому не писала, по возвращении из Дугина. Расскажите мне когда-нибудь про свое об этом недоумение.

Записки Ваши я возила с собой в Дугино, но прочесть что-либо из них мне там не пришлось: двух дней не хватило на все, что хотелось друг другу сказать и показать, — приехала я в среду за полночь, уехала в субботу в 7 часов утра. Немало думала я о Вашем предисловии, но еще и теперь мысли не дозрели до письменной передачи.

Мне тогда, отсылая большой лист с двумя пустыми страницами, было очень досадно, что не могу успеть дополнить их, но меня в тот раз все перебывали. Вы ничего не говорите о моей схеме АвС — В — СВa, которая мне показалась очень наглядной (хотя С распадается на три коленца, как бы с + c bis + c), — мне особенно нравится правильность этого повторения в обратном порядке — СВA. Необычайно это складно и хорошо!

То мое замечание, которое мне понравилось в Бёкельмане, может быть покажется знатокам смешным или щепетильным: в фуге В dur, такт 35 (стр. 12) мне хочется слышать в Comes'e ноты вместо *b*, *a* — *b* и *as*, как я и привыкла по своему изданию, и я думаю, что это правильно потому, что затем вся тема и Comes идут в Es dur (без модуляций), и впечатление самое цельное, когда Es dur определяется сразу при вступлении Dux и Comes в такте 35-м. Интересно бы видеть старое издание.

Эти дни читаю Глеба Успенского впервые, но в этом сложном и грустном отечественном контрапункте разбираюсь пока более привычно, нежели в Бёкельмане. В своих воспоминаниях Вы не упоминаете об Успенском — не знаю, какое он производил на Вас впечатление.

Не жалею, что Вы пока не продолжаете писать о прошлом столь недавнем. Надеюсь однако, что Вы не будете упускать случаев записать многих дополнений к прежним страницам? Но где Вам найти время? Вот что нехорошо, это что Вы не гуляете и на свежий воздух не выходите. Хоть бы Вы обратились в *перипатетика*, уводя с собой под руку из Капеллы тех учеников или сотрудников, кому должны прочесть наставление. Недалеко от Капеллы набережная, где утром тихо, а по Вашему расписанию дня, кстати, не видно, что Вы делаете между 9—11 часами утра?

Пора кончать. Письма Ваши у меня целы, защиты тетрадочкой. Их оказалось 36. Я храню целый архив, только не по годам, а по личностям. До свиданья — может быть, в Спасском? Будьте здоровы.

С. Волкова.

Смоленский — Волковой

Петербург, 27 октября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Я пишу Вам сегодня с каким-то особым удовольствием. Я только что вернулся от Dr. Сиротинина, после очень порядочно пропетой обедни, проехал мимо Надеждинской 48 и, вернувшись домой, нашел Ваше дорогое мне письмо. Передам Вам лучше всего по порядку:

1) Завтра, когда Вы будете читать это письмо, прошу Вас выпить за мое здоровье, ибо в сей день у меня будет пир, уже начавшийся сегодня по случаю моих именин. Не сомневаюсь в добрых Ваших мне пожеланиях. Очень не люблю празднование этого дня, когда мои друзья вполне утомляют меня и жену пированьем до поздней ночи. Буду мысленно чувствовать часов в 6—7 привет мне из Спасского и в свою очередь пошлю привет туда всем и от всей души моей.

2) Посещение Dr. Сиротинина состоялось по требованию моего брата, доктора же, так как нервы и печень дураят у меня во всю мочь. Получил указания умные и удобоисполнимые, а главное — успокоительные, — почему сейчас я очень благодушен.

3) Обедня сегодня прошла очень хорошо, а в Херувимской Львова Капелла не без мастерства сделала несколько порядочных нюансов, так же как и в «Верую» сумела сделать дельное *diminuendo* на 12 тактах, дойдя до хорошо звучащего *pp.* Шереметев, давно не слыхавший всю Капеллу (80 чел.), был даже и озадачен очевидным ее успехом, которого достигли мои ученики Толстяков и Чесноков. Даже я, и то похвалил кое-что им наедине.

4) На днях я решил, что мне в самом деле надо отдохнуть. Поэтому я решил быть 3 ноября на юбилейном собрании Шора, Крейна и Эрлиха в Консерватории в 2 часа, а вечером в концерте моих милых Синадальных певчих, уже начавших меня поздравлять со вчерашнего еще числа. Само собою разумеется, что в тот или в обратный конец я надеюсь отдохнуть душою хоть на несколько часов в Спасском. Это зависит от дня выезда и от сговора с моими братьями и сестрами¹.

5) Формула ABC — B — CBA, конечно, указана Вами вполне верно, но это относится к одной только 1-й стихире, а не к симфонии всех пяти стихир, где есть почти та же, но более развитая форма повторения куплетов и разработки частностей. Вижу и живо чувствую, что одним умом стало более из таких, которые начинают задумываться над стройностью и логичностью народных вдохновений. Но ведь я уже писал Вам, как трудно проникнуть в тайну этой стройности и очевидной логики. Колумбово яйцо было донельзя просто, но кто повторил его? Я жду минутки просветления, если не умру до тех пор.

6) С Вашим замечанием относительно 35-го такта В *dur* фуги Баха согласиться трудно, несмотря на, конечно, лучшую, более ласкающую звучность привычного Вам изложения по Вашему изданию, то есть

Я справился по другим имеющимся у меня хорошим изданиям и вступаю за Бёкельмана. Ведь эдак, пожалуй, было бы приятнее играть в 19-м такте *ми бекар^{1*}*, а в 20-м *ля бемоль^{2**}*, и, пожалуй, встать с удивленным лицом перед модуляцией в 22-й такт?^{3***} Каюсь — сам грешу так часто.

7) Глеба Успенского я никогда не любил и не ставил сколько-нибудь высоко, почитая его несколько выше Потапенки. Упоминал я о Николае Успенском — крупном самородке, горестно погибшем в виде музыканта-кларнетиста-нищего, игравшего в поездах между Москвой и Павловым. Глеб Успенский, конечно, имеет очень удачные немногие страницы среди сотен самых заурядных, но никогда не казался мне хорошим художником.

8) Вы не ошиблись насчет моего намерения прибавить много страниц в тетради «Ваших» «воспоминаний». Я намерен хорошенько вникнуть в карандаш ходившей по ним Вашей руки и добавить много новых страниц. Сейчас я устал, надо остынуть и после письма воспоминаний, затем надо уважать и право собственности. Тетрадь Ваша, и следовательно я буду сообразоваться с Вашим желанием дать мне ее временно для дальнейших иллюстраций. Работа памяти и восстановлений в ней былого идет своим порядком, записать же продуманное, конечно, не составляет особого труда. Я чувствовал и прежде и теперь, что мое послушание Вам никогда не приносило мне ничего кроме полного удовольствия и самой очевидной пользы. Так и да будет.

9) Увы, в перипатетики мне обратиться совершенно невозможно! Именно утром, перед завтраком, мне давно и много раз *приказано* было гулять... И Нева мне нравится не хуже тротуара от московского памятника Александру II до Боровицких ворот. Но что же мне делать с сутолокой моей жизни в Капелле, как и бывой в Синодальном хоре? Как вырваться из нее, когда треплют без пощады? Стало быть надобен я в эти часы, — какой же тут может быть отдых? Эти часы у меня самые трудные.

* Нисколько! Это вернуло бы нас в F dur, из которого мы только что благополучно удалились модуляцией в g moll. — *Примечание С. С. Волковой.*

** В такте 19 и 20 мы остаемся в g moll — *ля бемоль* тут был бы совершенно нелогичен. Ради чего ему быть? — *Примечание С. С. Волковой.*

*** Признать ли, что в такте 22-м есть модуляция? Не знаю. Все такты от 17—25-го включительно не выходят из пределов g moll (с В dur-оватыми отклонениями, или переходами в мелодическую минорную?). Такт 22-й не составляет тут никакого исключения, и не вижу, чему тут удивляться. Впрочем, в издании Köhler'a в тактах 21 и 22-м стоит *es* вместо *e*, так что даже небольших колебаний между гармоническим и мелодическим звукорядом не оказывается. Не признаю поэтому общего между моим заключением о *теме* в такте 35-м и случаями в тактах 19, 20, 22-м. — *Примечание С. С. Волковой.*

10) Не могу не поделиться с Вами и еще одной новостью в моей жизни: с января 1903 я, вероятно, начну чтение лекций в Консерватории по 2 часа в неделю². Я очень рад этому, так как люблю делиться со слушателями своими новостями, не отстану в мелочах от моей науки, да и познакомлюсь поближе с музыкантами Петербурга. А то ходят про меня в их кругу такие сплетни, что только удивляюсь, до чего могут доходить иные фантазирующие головы.

11) Не думал я о такой чести моим к Вам письмам. Очень тронут и уверяю Вас, что и Ваши письма у меня в большой чести. Этот № 37 — вероятно из предпоследних. Так и постараюсь до круглой цифры 40, потом же буду ждать «извлечений» по телефону.

12) Приветствую Вас и Ваших.

Сердечно преданный Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 103—104. На бланке управляющего Капеллой

1. Смоленскому удалось осуществить свой план. Он уехал в Москву 2 ноября, послушал синодальных певчих в Успенском соборе (одним из клиросов управлял Павел Чесноков), посетил Синодальное училище и юбилейный (к 10-летию) концерт Московского трио, а также концерт Синодального хора 3 ноября (в зале училища под управлением В. С. Орлова — о нем есть отзыв в Воспоминаниях). Встретился он и с С. С. Волковой (в Москве, а также, на обратном пути, в Спасском), с братом Александром и сестрами Марией и Ольгой. 9 ноября он вернулся в Петербург.

2. Смоленскому не удалось получить приглашение читать курс истории русского церковного пения в Петербургской консерватории ни в 1902, ни позже, когда после ухода из Придворной капеллы Смоленский искал применение своему педагогическому дару (см. подробнее: Гусейнова З. М. С. В. Смоленский и Петербургская консерватория // Петербургский музыкальный архив. Вып. 3. СПб., 1999. С. 110—112).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 28 октября 1902

Добрый Степан Васильевич. По получении вашего письма я попросила графа Бобринского¹ сообщить мне, когда пойдет «Добрыня». Захотелось мне послушать оперу Гречанинова, его «Волною морскою», псалмы и маленькая «Колыбельная песнь» мне очень нравятся.

Ответ: «Добрыню» едва ли успеют сретировать в ноябре. Пишу на случай, если слух об этом не дошел до Вас. Вам ждать для отдыха до декабря долго, да еще, может быть, это совпадет с возвращением Государя. Не съездите ли теперь повидать подмосковных родных, не дожидаясь? По дороге милости просим в Спасское; раньше 5-го, 6-го выехать не собираемся. Если только не соберусь раньше в Кандиевку или даже Петербург. Может быть, придется... У нас чудные солнечные дни с ослепительным белым снегом.

Будьте здоровы!

Жду итальянское путешествие Глинки.

Много ли действительно драгоценного и старинного в архиве Капеллы?

С интересом кончаю книгу Макария о христианстве в довлاديمирской Руси; прочла и о переводе Октоиха св. Кириллом. Может быть, бывали рукописные копии и с греческими нотными знаменами?.. Иду поиграть, а затем на почту — хорошо пройтись лесом, в 12 ч. солнечного дня.

Кланяюсь Анне Ильиничне.

С. Волкова.

Сейчас принесли Русскую Музыкальную Газету от 27 октября. Какие интересные №№! Знакомы ли вы с Компанейским? Мне его статьи нравятся². А что вы скажете про египетскую нотную рукопись!³ Ура!

Писано мною спешно. Не взыщите.

С. В.

Еще Р. S.! Если слезать в Подсолнечной, то лучше всего выехать из Петербурга курьерским, до Клина, там утром выпить чая и через минут 40 сесть на другой поезд. В 9 ч. приезжаешь в Солнечную, а иначе в 6 ч. утра и ямщиков не найти. Впрочем, последнее еще не беда: дороги так жестки, что лучше пешком пройтись, 25 минут всего. А мешок можно пока поручить начальнику станции или на почте.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 72—73 об.

1. Имеется в виду граф Алексей Алексеевич Бобринский (1864—1909) — в это время чиновник особых поручений при Московской конторе Императорских театров. Разветвленный род Бобринских состоял в отдаленном родстве с княжеским родом Львовых.

2. Надо полагать, Волкова подразумевает цикл статей Н. И. Компанейского «Современное демество», печатавшийся в 1902—1903 на страницах РМГ; в осенних номерах газеты вышел еще ряд материалов этого автора, которые могли привлечь внимание Софьи Сергеевны.

3. Имеется в виду сообщение РМГ (1902, № 43, стлб. 1053) о находке в Египте греческого папируса, «содержащего текст и ноты древнего дифирамбического гимна, автором которого предполагают Тимофея Милетского... Папирус датирован IV веком до Р. X.».

Волкова — Смоленскому

Спасское, 29 октября 1902

Добрый Степан Васильевич, письмо Ваше я получила вчера в 7 часов. Все мы от души поздравляем вас со вчерашним днем Вашего ангела. Я Вам вчера писала два раза — еще до получения известия от Вас. Заезжайте к нам лучше по дороге в Москву, а то может прйтись под самый наш отъезд. Уж и теперь Вы за-

станете Спасский наш «уют» в полуразоренном виде: ящики, сундуки везде, и с окон сняты занавески, так как мы раньше собирались выехать. И ноты в 4 руки, данные Вами на лето, уже уложены для Петербурга. Поиграть — нечего!

До свидания. С. Волкова.

Будем ждать Вас в пятницу или субботу утром с курьерским или скорым. Если сообщите заранее, вышлем лошадей, а то утром и ящики не выезжают.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 74—74 об.

75. Смоленский — Волковой

Петербург, 29 октября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Сегодня — несомненное для меня удовольствие: Ваше письмо и удовольствие отвечать Вам. Третьего дня я писал Вам в 12-ти пунктах, но заключаю по содержанию Вашего письма, что оно не есть ответ, а писалось в продолжение предыдущего. Я имел сведения от Гречанинова несколько дней назад о том, что сообщил Вам граф Алексей Алексеевич [Бобринский]. Отчасти мое неудержимое желание вырваться отсюда и передохнуть душою, повидать милых мне людей, отчасти — дела в Москве привели меня к некоторому самообману, то есть к уверению, что мне надо побывать на юбилее Шора и К⁰ и в концерте Синодального хора. Вчерашний день был отмечен с Никитской рядом многочисленных депеш и писем в такой степени трогательных, что теперь я уже рвусь в Синодальное училище повидать всех.

Постановка «Добрыни», хотя бы и более поздняя, не удержит меня от поездки все-таки. Я очень люблю Александра Тихоновича и высоко чту его дарование, да и лишний раз протрястись для меня только полезно.

Сердечно благодарю Вас за зов в Спасское. Я уже телеграфировал сегодня Министру о разрешении отлучиться, и мне говорили, что в четверг-пятницу можно ждать ответ. Тогда и в путь-дорогу.

«Итальянское путешествие Глинки» написано только в виде черновика, выписок из документов дела об Иванове, литературно же еще не начато отделкою. Тем не менее, пожалуй, захвачу с собой и его, чтобы ознакомить Вас с архаизмами делового языка 1830 года и предполагаемыми мною дополнительными данными.

Вообще архив Капеллы высоко ценен и интересен. При отсутствии же какой-либо и в чем-либо истории Капеллы каждое дело ее представляет для будущего историка этого учреждения самые ценные данные, полные интереса. Я прочитываю каждое дело. У меня кроме того есть под рукою такой золотой бывший москвич, как Ант. Викт. Преображенский — большой любитель и именно «сих дел мастер», да к тому умный и добрый, прилежный и опытный. Большой грех у меня на душе, что я обобрал Синодальное училище, перетянув

к себе троих таких молодцов, но ведь вольно же Ш² не понимать людей и гнать их только за то, что они не думали о надобности задних лапок?

Книгу Макария надеюсь получить от Вас. Я уже писал Вам о ней.

Компанейского я знаю довольно близко, хотя и недавно. Он — самый пламенный любитель, толковый, но односторонне увлекающийся. Увлечения его — самые симпатичные и нравятся мне тем, что по оживленному лицу этого благообразного старца так и видно, как он жив душою, как он верит в добро, как он служит правде. Он — друг и товарищ покойного Мусоргского, сам компонирует (но очень плохо и так же малограмотно и смело, как и М.), считая за «русское» неременное отрицание музыкальной логики, воплощающейся будто бы в «немце», а не в общечеловеческой рассудительности. Например, его статья о «грузинской обедне» полна самых нелепых ошибок¹. Человек видимо умный, но работавший без основательного знания предмета; только такой любящий, как Ник. Ив. Компанейский, только и мог нагородить столь много якобы основательного, в сущности же прямо нелепого. А человек он — очаровательный, умный и необыкновенно живой. Чин его мне малопонятен. Он — Заведывающий Кодификационным отделом, Юрисконсульт Штаба Военного Министерства, а лет ему уже за 60, лицо его очень приветливо.

Нет времени писать еще. После вчерашних пирований надо идти спать, ибо сейчас уже 10½, а встать надо в 6. Покойной ночи. Привет Вам и Вашим.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 105—105 об. На бланке управляющего Канцелярии

1. То есть статья Н. И. Компанейского «Литургия св. Иоанна Златоустаго грузинского роспева» (РМГ, 1902, № 42). Оценка деятельности Компанейского в данном письме явно не во всем справедлива (см. посвященные его работам разделы третьего тома РДМ и комментарии к ним, а также письма Компанейского в данной книге).

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 ноября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Мне вдруг захотелось написать Вам! мне захотелось вновь поговорить с Вами хотя бы письменно, так как что-то осталось недоговоренным в последние наши встречи, — не умею то определить сам себе, но чувствуется что-то недосказанное или невысказанное. Сейчас вновь я дома, один, предающийся умышленной праздности ради нетраты сил, не возобновленных поездкою в Москву, наоборот — еще более растрченных и как бы замаскированных в своей растрате подъемом нервным, самым сладким, самым упоительным, самым задушевным, появившимся и от впечатлений милого сердцу города,

и от свиданий с милыми сердцу людьми. Новые дома в Москве, появившиеся между давно стоявшими каменными коробками, как-то пришлось сопоставить с точно вновь открытыми друзьями, от которых не отшатывалось мое сердце, но за которых оно боялось как за утраченных. И вдруг дети! чистые детские души, стоящие вне всякого «такта», живо чувствующие, заставили взрослых вдуматься в их бывшее относительно меня поведение и заставили их оценить то кроткое и простое чувство, с каким я пошел навстречу к этим взрослым. Я говорил уже Вам, как не раз поплакал я 3 ноября в бесконечно любимом Синодальном училище, как не хватило сил моих уехать вовремя из него, заметив возвращение ко мне прежней дружбы взрослых, то есть тех, которые в нескольких случаях давали самые полные основания увериться в том, что они, мои товарищи, вполне было отторгнулись от столь сострадавшего им человека. С такими мыслями и с натянутыми нервами я, не без риска, побывал в Синодальном училище, и судьба привела меня сначала увидаться с моими милыми ребятами. Увы! я не нашел уже их всех сполна: двух курсов уже нет и два новых малых класса уже не знают меня! Но что за прелесть остальные, особенно же из входящих в юношеский возраст, в которых я нашел себе полный, даже полнейший отклик на мою любовь к ним!

Полагаю, что Вы разделите мое волнение, когда я впервые вошел в ту комнату, в которой я впервые после совета с Анютой рассказал Вам о моем решении расстаться с моим милым детищем! Я помню до сих пор и выражение Вашего лица при этом рассказе, как кажется, вполне удивившем Вас своею неожиданностью. Я помню и глубокое удовлетворение, услышав Ваши сочувственные слова моей решимости. О, какие тяжелые дни переживались мною в то время! Я помню также и те поэтические утренние часы, какие переживал среди этих старых книг, все упоения родной красотой, все радости от новых находок и от возможности оставить после себя, бездетного, хотя бы намеченные дороги работы для других рабочих людей. Это были часы — тысячи часов моей свободы, моей полнейшей независимости, моего богатства умственного, моего сущего наслаждения! Понятно, что рой нахлынувших воспоминаний, каждый № рукописи, каждое стекло шкафа, каждый гвоздь, мною вколоченный, каждый лист, мною исписанный, — все это взволновало меня до самой последней степени. Я заплакал от радости, вновь увидя близкое моему сердцу, почувствовав во всей силе мое родство с этой маленькой комнаткой, поняв, что все-таки в ней я успел сделать для своего дела очень достаточно, для себя же самого — того больше. Тем с большим удовлетворением увидел я и знамение перемены фронта Синодального училища по отношению ко мне. Нельзя было найти лучшее место для моего портрета (подумайте, как перенести: порт-рет или пор-трет? простая французская орфография, в которой охотно признаю себя слабым, ведет меня к такому именно [второму] переносу), как около Разумовского и в дорогой мне каменной комнатке с железными ставнями и дверями. Но знамение это не одно: мне наговорили их немало

в мелочах, показавших, что время выкуривания из Синодального училища самой памяти об имени Смоленского ныне прошло и, как всегда, заменилось другой стороной волны, выдвигающей мою память на Никитской улице и незаслуженно высоко. Впрочем, пройдет ведь время и этой волны.

Я проглядел вновь Марка Аврелия, хотя и в оба раза не дочитал до конца, и задумался насчет возможности посылки книги с подчеркнутыми местами к Гречанинову. Мне представилось, что он может неправильно понять мысль о такой посылке, вполне благожелательной, не задумается о том тонком юморе, с каким деликатно дается полезный ему урок (а он к тому же вполне стоит его) и, пожалуй, как крайне обидчивый и задорный, сделает какую-нибудь нескладницу. Признаться, хотя я и очень люблю его, хотя немало уже наставлений и увещаний он слышал от меня, хотелось бы все-таки несколько обождать посылкою ему книжки, чтобы не ввести и его в искушение. Жена его еще симпатичнее, но и еще задорнее, когда идет дело о музыке. Она добра, умна, молится на мужа, но иногда, став за него горой, сама не замечает своих пересаливаний. Затем я, перечитывая Марка Аврелия и увлекаясь многими его параграфами применительно к своему образу мыслей, не нашел еще пока таких сентенций, которые бы вполне прямо били Гречанинова по его больному месту. Параграфов вроде 19 и 20 (Книга IV, л. 43 и 44) можно было бы подобрать достаточное число, даже в более подходящих примерах и суждениях, но то ли надобно для вразумления такого привыкшего к самоуверенности человека, каков именно Гречанинов?¹ При всем его несомненном уме и при его милой доброте у него нет мужества, он слишком избалован, слишком захвалили его, да и музыка его единственный конек, на котором воспитались его заносчивость и самомнение. Трудно предположить, чтобы он отделил себя от своей музыки и понял, как надобно, то сожаление, какое внушает он своим душевным недостатком. Он, как мне представляется (хотя и рад бы был я ошибиться), не найдет в себе сил сознаться и поймет все в личном направлении к нему как композитору. Увещания мои не раз принимались им лишь с уступчивостью хозяина гостю, не более. Мне казалось всегда и то, что Александр Тихонович очень злопамятен, даже немного и мстителен. Я приучил его к своей прямоте и откровенности, к своей любви к нему и самой определенной строгости моего отношения к его сочинениям. Мы знакомы дружески уже лет 8—9, но и то не врачует его несдержанности и самоупоения. Я знаю, что и он меня чтит и даже любит, но и то не останавливает его от необдуманных, наивных слов, над которыми он же сам мне же спустя немного чуть не кается. Хороший он человек, но порох, временами же и динамит бестолковый в проявлении своего характера. Что Вы сказали бы по поводу всего этого?

Благодарю Вас и Ваших за ласковый прием в Спасском. Была у меня минутка, когда почувствовал я бессилие моей головы для ведения разговора — именно о толковании Вами фуги Баха. Неожиданность разговора, утомление от Москвы и запаматование строя посылок, которыми я собирался мотивировать

мое мнение (а я все-таки думаю по-своему и сейчас), вероятно показались Вам моим бессилием. Встретимся в Петербурге и тогда потолкуем еще раз, так как я вспомню и запишу ряд своих мыслей. Теперь мне хочется пока сказать Вам глубокое спасибо за немногие часы беседы с Вами, за Ваше радушие и хлеб-соль. Вновь приходит мысль, с которой начато это письмо — о несказанном чем-то, и вновь недоумеваю. Вы говорили как будто бы о Вашем предварительном приезде в Петербург. Если то состоится, не откажите мне в удовольствии повидать Вас с помощью извлечения по телефону.

В Капелле сегодня пели неожиданно дурно, что повергло меня в немалое смущение. Вышла какая-то полоса: не заладилось с утра, точно оглохли и потеряли верность слуха и чуткость к нюансам. Тут же и я убедился, что мне удалось в Москве, так сказать, только вздохнуть свободнее, но не отдохнуть. Мне было очень больно сегодня за Капеллу, — но, впрочем, чего не бывает на свете волею и неволею. Вероятно вскоре опять уеду куда-нибудь вроде Пскова, в полное уединение.

Примите мой сердечный привет Вам и Вашим.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

Я рассмешу Вас pour la bonne bouche [на закуску]: сегодня я играл на скрипке, той самой, которая не была в моих руках 30 лет, те самые пьесы, которыми когда-то молодой человек производил впечатление на казанских барынь и барышень. То были Вариации и Баллада Вьетана. Моей смелости хватило даже взять 1-ю скрипку несравненных квартетов Моцарта и тряхнуть стариной, но 4 застарелых ленивца на левой руке совсем сплеховали в местах точных и выразительных. Оказалось, что Вьетан, даже Концерт Мендельсона легче простого Andante Моцарта.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 106—107. На бланке управляющего Капеллой

1. Имеются в виду «Размышления» римского императора Марка Аврелия, неоднократно издававшиеся в России в разных переводах. Если иметь в виду такие свойства характера А. Т. Гречанинова, как обидчивость на критику и, при определенных обстоятельствах, склонность «прихвастнуть» своими авторскими успехами, то в записках скептика Марка Аврелия можно найти множество поучительных фрагментов.

Смоленский — Волковой

Петербург, 18 ноября 1902

Добрейшая Софья Сергеевна! Вы не ответили на последнее письмо, может быть, Вам и нельзя ответить почему-либо, может быть, не до писем — не знаю, но считаю уместным и, пожалуй, своеобразно интересным письмо ко мне Гречанинова,

которому я очень осторожно намекнул про Марка Аврелия и от которого я получил такую типичную отповедь¹. Письмо это при случае не откажите возвратить.

Тревожусь и о всех вас, не имея вестей как о дорогих мне, близких сердцу людях. Предполагал, что Вы порадуете меня словечком-другим о благополучии в Вашей семье.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

Р. С. Начало письма относится к критике двух противоположного лагеря рецензентов 2-й обедни Александра Тихоновича. Я послал копии с обоих отзывов, не вскрывая имен и оставляя мое мнение совершенно в стороне, чтобы показать Гречанинову, как разно понимаются даже специалистами-музыкантами его новшества. Я разрешил обедню к печати².

Проигранная мною опера «Добрыня» местами — сушая прелесть, особенно же весь последний акт, сплошь отличный. Музыка певуча, сочна, без чудачества, проста и местами вполне русская по мелодиям и ладам.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 108. На бланке управляющего Капеллой

1. Письма Смоленского к Гречанинову не сохранились (за исключением двух): вероятно, они были оставлены адресатом в России перед отъездом за рубеж в 1925 и погибли. Интересно, что в фонде С. С. Волковой в РГАЛИ имеется составленный ее рукою перечень писем Смоленского к Гречанинову с очень краткими аннотациями (РГАЛИ, ф. 723, оп. 1, № 27; в перечне — 21 письмо); следовательно, Александр Тихонович давал ей эти документы для просмотра, но по каким-то причинам она не сняла с них копий.

Хотя Смоленский и «задумывался», прежде чем посылать книгу своему другу Александру Тихоновичу, но все же решился и послал. Результатом стал такой ответ:

Вашего Марка Аврелия я не одобряю. Каково! Какая дерзость — скажет милый мой Степан Васильевич. В самом деле. Начинает он с того, что расхваливает себя на чем свет стоит. <...> Затем я никогда не сочувствовал и не буду сочувствовать проповеди индифферентизма: получай без радости; отдавай без сожаления. Есть в мире наглецы — они неизбежно и должны быть. Что ими возмущаться. Плюнь на все и береги свое здоровье. Это гадость, мерзость. Нет, я хочу вмешаться, по выражению одного горьковского героя, в самую гущу жизни.

(РГИА, ф. 1119, № 132, л. 87 об.—88; письмо без даты)

2. Смоленский «разрешил к печати» Вторую литургию Гречанинова в качестве управляющего Придворной капеллой, должность которого по-прежнему предусматривала занятия цензурой новых духовно-музыкальных сочинений, хотя, в отличие от прошедших времен, подобное разрешение уже не являлось строго обязательным для публикации сочи-

нений. Чьи рецензии были посланы Смоленским Гречанинову — неизвестно (возможно, они принадлежали кому-либо из членов Наблюдательного совета при Синодальном училище). Во всяком случае, они были отрицательными, и автор обиделся. При первом исполнении Второй литургии в Москве (2 марта 1903) она имела очень большой успех у публики.

Волкова — Смоленскому

Москва, 28 ноября 1902

Добрый Степан Васильевич, оба письма Ваши, с приложением письма Гречанинова, я получила на станции, уезжая из «степной ривьеры»¹, и с большим вниманием и удовольствием прочитала их дорогой. Раз я уже виновата перед Вами, невольно задержав так долго интересное письмо Гречанинова, — думаю, что один лишний день теперь уже не составит разницы, и не посылаю его по почте, а надеюсь передать Вам его на Надеждинской в воскресенье.

Простите и за то, что я так долго не откликнулась, хотя вспомнила 17 ноября, что Вы, может быть, станете ждать описание моих впечатлений после колоссального хора в Манеже². Но мне пришлось бы писать отрицательно — «не была», а главное, в Кандиевке я позволила себе проникнуться всецело местными интересами и писала оттуда только местным деятелям и матери и сестре по кандиевским делам. Всего-то я пробыла там менее двух недель.

Ваше первое письмо дополнило многое о Вашей поездке в Москву, о чем я в Спасском не спросила Вас и что, так же как и споры о Бахе и другое, оставило и во мне впечатление недоговоренного. Ничего, Бог даст, доскажется и дорасскажется хорошо.

Третьего дня я очень приятно повидалась с Елизаветой Леонидовной Верещагиной, и может быть она еще порадует нас, зайдет к нам сегодня вечером³.

Вчера я играла с Конюсом сонату Гедике с миленьким *Andante*; очень жалела, что Елизавета Леонидовна не могла послушать, — она совершала обход по дортуарам⁴. Полагаю, что она может сочувствовать Вам в Вашей служебной усталости, хотя и качественно и количественно не в угнетающей Вас мере. Худого мы об Вас пока не говорили.

Простите. Будьте здоровы и не унывайте. Доктор уже раз успокоил Ваши сомнения насчет здоровья; да и после неудачно спетой обедни могут быть обедни, спетые весьма и весьма удачно.

Бог в помощь!

С. Волкова.

Анне Ильиничне — кланяюсь.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 75—76 об.

1. Имеется в виду пензенское имение Кандиевка.

2. 17 ноября в Манеже состоялся Большой общедоступный концерт соединенных духовно-певческих хоров Москвы под управлением В. С. Орлова (программу см.: РДМ. Т. II. Кн. 2).

3. Верещагина Елизавета Леонидовна (1844— после 1914) — дочь казанского учителя Смоленского Л. Ф. Львова, в данное время — главная надзирательница Воспитательного дома в Москве.

4. Вероятно, исполнялась Соната № 1 для скрипки и фортепиано ор. 10 А. Ф. Гедике, удостоенная премии по композиции на международном конкурсе имени А. Г. Рубинштейна в Вене в 1900. Исполнение происходило в квартире начальницы Николаевского института (в помещении Воспитательного дома) — тетки Софьи Сергеевны А. В. Львовой (у нее обычно останавливались Волковы при посещении Москвы).

Смоленский — Волковой

Петербург, 7 января 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Меня прохватило вчера морозом и ветром на Иордани¹, и велят мне посидеть дома. Поэтому я никак не могу быть завтра на 1-м уроке г. Петрова². На досуге вчера и сегодня вместе с тем я продумал и о будущих средах. Мне представляется всего более невозможным мое участие в этих уроках, так как вечера музыкальные в Капелле не могут кончаться ранее 9½—10 ч., да по правде сказать, и уж очень я утомляюсь под конец каждого дня. Не рассердитесь на меня за это письмо. Когда я увижу Вас, — передам Вам подробнее. Благодарю Вас за внимание, с которым Вы прослушали Капеллу и заметили ее успехи³. Вашим — мой поклон и привет.

Сердечно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 109. На бланке управляющего Капеллой

1. То есть на крещенском крестном ходе, в котором Смоленский принимал участие вместе с певчими Капеллы. Об этом есть запись в Дневнике 3:

Утром все встали очень усталыми. Я почти не спал, скорее пролежал с 12 до 6 ч. и чувствовал себя очень дурно. Служба Крещенская прошла очень порядочно, но было холодно от ветра при — 6 Р. Выйдя на Неву в мундире, я сейчас же продрог и вернулся во дворец (Л. 89).

2. Имеются в виду частные занятия «строгими формами» с профессором Петербургской консерватории А. А. Петровым, организованные Смоленским по просьбе Волковой. Как долго продолжались эти занятия и кто входил в состав занимающихся — неизвестно.

3. Речь идет о «домашнем концерте» Капеллы 5 января 1903 под управлением А. Г. Чеснокова для прусского принца Вильгельма Фридриха по программе, зафиксированной в Дневнике 3:

Херувимская А. Ф. Львова
«Милосердия двери» А. Д. Кастальского
«Тебе поем» А. Г. Полуэктова
«Верую» П. И. Чайковского
«Отче наш» А. Д. Шереметева
Херувимская М. И. Глинки
«Тебе поем» обиходное
«Достойно есть» П. И. Чайковского
«Верую» Г. Ф. Львовского.

Волкова — Смоленскому

Петербург, 7 января 1903

Добрый Степан Васильевич, от души сожалею, что мы лишаемся такого соучастника предполагаемых занятий. Все еще надеюсь, что позже, может быть, дело наладится. Понимаю однако, что после трудного дня напрягать внимание от 9½ до 11 часов ночи, да утром встать в 6 часов не вполне благоразумно.

Вижу, что сочувствие между будущим правителем Германии и настоящим правителем Капеллы — установилось сразу: захворал один, захворал и другой. Но гармония эта — минорного лада!

Сестра и я в восторге от вечера в Капелле. Надолго сохранится это поэтическое воспоминание. Удивительно гибкие переливы и сочетанья Кастальского, с их чарующей звуковой прелестью; простые и вместе с тем таинственно-духовные оттенки в конце «Верую» Чайковского; проникновенная вдохновенность, мощная задушевность Херувимской Глинки — всем этим Вы нас подарили при такой редкой обстановке, так неожиданно и хорошо, как будто иначе и быть не могло. Уже не говорю о радости следить за возрождением хора, слава которого когда-то гремела на всю Европу.

Пора кончать. Еду сегодня на «Тристана»¹ — какое-то вынесу впечатление от этой крайне западной, далеко не родной поэзии и музыки?

Кланяюсь Анне Ильиничне. Поправляйтесь скорее.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 77—78

1. В январе 1903 опера Вагнера «Тристан и Изольда» шла в Мариинском театре с участием именитых гастролеров Эрнеста Ван Дейка и Фелии Литвин.

Волкова — Смоленскому

[Петербург, 16 или 17 февраля 1903]

Добрый Степан Васильевич, с благодарностью отсылаю вам «Добрыню». Признаться, я только в эту субботу проиграла 2-е и 3-е действия. Они навели меня на мысль показать полюбившиеся мне места Людмиле Ивановне [Шестаковой], и успех даже превзошел мои ожидания. Я пыталась телефонировать Вам часа в 3, но не дозвонилась, может быть по недоразумению на станции. Итак, я без Вашего разрешения снесла тетрадь на Гагаринскую и сказала Л. И., что хочу познакомить ее с последней внучкой «Жизни за царя». Наметив много хороших мест, начала с конца 2-го действия. От арии Добрыни у старушки навернулись слезы на глазах. Из 1-го действия показала несколько мотивов, завершила Вступлением и финалом.

Л. И. сказала: «Честь ему и слава» и записала имя Гречанинова для памяти. Она раньше слышала только его «Колыбельную песню», которая тоже очень угодила ей. А ведь она знаток.

«Добрыня» ей доставил много удовольствия. А когда меня ее Аннушка (известная вам?)¹ провожала в передней, то и она сказала: «Какая чудная, русская музыка!»

Благодарю и извиняюсь, что так долго продержала три тетрабочки, которые возвращаю вместе с оперой. «Милость мира» Гречанинова еще у меня, а также одна толстая тетрадь церковных песнопений.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 99—99 об.

1. Об «Аннушке», служанке Л. И. Шестаковой, см. Вступление Волковой к Воспоминаниям Смоленского в Приложении к этому разделу.

К письму приложена записка Смоленского, адресованная А. Т. Гречанинову (л. 100) — по-видимому, она была возвращена адресатом вместе с посланным ему письмом Волковой:

Милый мой А. Т.! Вот Вам письмо одной моей хорошей приятельницы, Софьи Сергеевны Волковой, которое по прочтении прошу вернуть мне. Вероятно Вы догадываетесь, что Людмила Ивановна — есть Шестакова, то есть сестра Мих. Ив. Глинки. Относительно вырезки из газеты могу сообщить Вам, что 14-го вечером, как мне передавали, Государь живо заинтересовался Вами и будущей постановкой «Добрыни».

Барыне и Вам мой и жены поклон и привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

В своем письме (без даты) Гречанинов сообщал Смоленскому:

Известие, что на сестру Глинки моя музыка имела такое действие, что она даже прослезилась, наполнило мое сердце невыразимым восторгом. Как я благо-

дарен С. С. Волковой, что ей пришла мысль познакомить Людмилу Ивановну с «Добрыней».

(РГИА, ф. 1119, № 132, л. 90 об.)

Смоленский — Волковой

Петербург, 18 февраля 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Благодарю Вас за Ваше милое письмо, содержание которого вместе с вырезкою об исполнении хора на бале у Ш³ общу в Москву для сущего удовольствия автора «Добрыни»¹. А я по Вас крепко соскучился — даже в такой мере, что собираюсь, несмотря на благочестивую 1-ю неделю [Великого Поста], побывать у Вас в свободный часок, который предвижу послезавтра, в четверг, часа в 2. Буду очень рад, если не стесню Вас и доставлю себе удовольствие повидать всех Ваших. Может быть, и беседы наши будут первонедельные, вполне благочестивые, так как к иным и повода и резона нет. На всякий случай прошу иметь в виду, что у меня зачем-то переменили № моего телефона на № 6024, ставший отдельным от телефона Капеллы, — прежний № 572. Я не забыл и об уроках старых форм, Вам мною обещанных. Вероятно, ухитрюсь экономить свои силы по средам, чтобы быть бодрее до вечера. Сейчас занят очень и притом дважды в день, что весьма утомляет. Но ведь 1-я, Страстная и Пасхальная неделя — страда певчих. Вашим — мой привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 76.

1. Это письмо Волковой неизвестно. В книге А. Т. Гречанинова «Моя жизнь» (Нью-Йорк, 1951) читаем:

Осенью 1902 года я получил из Петербурга от гр. Шереметева письмо с просьбой разрешить ему исполнить в одном из своих концертов отрывки из «Добрыни Никитича». Я ответил согласием, и 9 февраля 1903 года, раньше, значит, чем в Москве, в Петербурге были исполнены вступление к опере и целиком третий акт под управлением гр. Шереметева и с участием Дундуковской, Пржебылецкой, гг. Н. Кедрова, Богдановича и др. Свадебный и плясовой хор были повторены, много аплодировали за рассказ Алеши и песню Добрыни. <...> Об опере много писали и говорили (С. 86—87).

К этому следует добавить, что А. Д. Шереметеву рассказал об опере Гречанинова Смоленский; очевидно также, что один фрагмент из оперы исполнялся не в концерте, а на балу в доме графа 14 февраля.

Смоленский — Волковой

Петербург, 27 марта 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Не могу не сообщить Вам, что наиболее благополучно кончились все волнения уступкою со стороны Ш³ во всех его требованиях и восстановлении же бывшего у меня репертуара, с добавлением лишь известных Вам композиций Ш³. Итак, уезжаю спокойно и со спокойны[ми чувствами]. Кто вразумил его — не знаю, но очевидно, что письмо мое подействовало в свою очередь. Извиняюсь перед Вами в том, что пишу на открытом бланке — так как все уложено и остаются последние перед отъездом распоряжения. Если захотите порадовать меня — мой адрес: Никольская ул., Заиконоспасское училище¹. Вашим и Вам мой самый сердечный поклон и привет.

Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 113. На открытке с изображением Павловского военного училища

1. 27 марта Придворная капелла должна была выезжать в Москву для пения на Страстной и Пасхе в присутствии государя. 22 марта А. Д. Шереметев вручил Смоленскому список произведений для исполнения, включив в него «свои нелепейшие неграмотные сочинения», а также сочинения своей жены. Смоленский возразил, что Капелла не успеет всего этого выучить, что сочинения Шереметева написаны безграмотно и их необходимо править. В результате между ними произошло первое за все время совместной работы «крупное объяснение», причем Шереметев заявил, что если Смоленский не согласен с выбранным репертуаром, то может уходить в отставку. 26 марта был вызван учитель пения Капеллы С. А. Смирнов, которому Шереметев и отдал список сочинений, с изъятием собственных песнопений, «кроме “Да молчит” и “Тебе поем”, но графини Шереметевой, а не графа». На этот раз С. Д. Шереметеву и А. Н. Нарышкиной удалось погасить конфликт.

Капелла ездил в Москву в составе 57 человек и вернулась в Петербург 9 апреля. В записи в Дневнике 4 от 6 апреля читаем:

Блеск всего при заутрене у Спаса за Золотой решеткой показался мне жестокой мишурой... Службу провели отчаянно скоро: в 1 ч. 45 м. были кончены заутреня и обедня (л. 128).

Государь присутствовал также на службах в Успенском соборе при участии Синодального хора, который, по впечатлениям Смоленского, пел прекрасно (в числе прочего исполнялись Херувимская, задостойник и «Милость мира» Кастальского, Ектении Смоленского, «Се что добро» Ипполитова-Иванова и «Воскликните Господеву» Гречанинова).

23 апреля Смоленский уехал в Москву, а оттуда пароходом в Казань.

Смоленский — Волковой

Москва, 5 апреля 1903

Отсюда, во время первого пения «Христос воскрес» посылается Вам и Вашим самый сердечный привет и поздравление. Примите это предварительное сообщение так же, как оно Вам посылается.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 111. На открытке с видом Московского Кремля, где стрелкой отмечен Успенский собор.

87. Смоленский — Волковой

Кинешма, 25 апреля 1903

Шлю привет Вам с Волги, добрейшая Софья Сергеевна, подъезжая к окончанию очаровательного ее кусочка между Плесом и Кинешмой. Если бы я был поэт и умел бы излагать то, что чувствуется, то много бы можно было написать про красоту Волги во время разлива, в ясную лунную ночь, во время сегодняшнего ясного, теплого приветливого дня, про удивительную первую зелень, про несравненную, родную красоту старых сел и городов в этих местах. Еду вполне один, на пустом, но отличном пароходе, вроде отмеченного x^1 , во 2-м этаже.

После второго пассажа перед отъездом из Петербурга — отдыхаю вполне, усиленно к тому же уменьшая число волжских стерлядей. А пассаж был такой: вдруг в 6½ ч. вечера у Ш³ оказалось до меня «экстренно-надобное дело», почему опять просят отложить отъезд. Я взмолился — телефонирую и затем сам еду. Вопию: билеты взяты на дороге и пароходе, депеша в Казань послана. Приезжаю к Ш³ — оказывается — не могут принять. Будьте дома, ответ по телефону. Я домой — слышу: решили отложить обсуждение экстренно-надобного дела до моего возвращения. Я — прямо на вокзал, чтобы не услышать какой-либо новой внезапности. Даже жена — и та задосадовала на бестолочь Ш³. Но поезд оказался «скорый», погода уже с Бологого была теплая, а Волга сразу заставила забыть всякую досаду. Теперь только и сижу с лоцманом наверху, да люблюсь чудною красотой Волги, жалея о тех, кто еще не бывал в этих местах, то есть и о Вас в том числе.

Привет мой Вам и Вашим.

Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 110. На открытке с видом волжского парохода и панорамой Рыбинска.

1. На открытке крестиком отмечен пароход.

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 мая 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Дела оказались, с одной стороны, гораздо опаснее, чем я думал, а с другой — пожалуй, надежнее, чем я предполагал вчера.

Ш³ представил записку о преобразовании Придворной Капеллы, причем моя должность именуется «Помощник Начальника», отдается все ему, а мне — 0. Затем весьма прозрачно идет речь о том, что Начальник должен быть знатоком церковного пения и, следовательно, etc. Не менее опасен пожарный проект. Про 1-й толкуют, что он провалится почти наверное. А про 2-й лишь пожимают плечами. В отрицательном решении *обоих* дел все мое спасенье, ибо Ш³, поставившему дело ребром, только и останется выйти в отставку¹.

У Янышева вновь был (утром я не доехал до него, повстречав его в экипаже), но опять не застал дома². Юридически Ш³ вполне прав, но 1) мы не военные, 2) ввиду *единственной* дороги певчих через алтарь casus belli [повод к войне] падает сам собою, да и 3) обычай уже 100-летний утвердил возможность прохода через алтарь со шпагою, 4) обычай снимать шпагу при исповеди, при поклонении плащанице до сих пор повсеместно соблюдается.

Мосолов выслушал симпатично и внимательно. Сказал: «надо терпеть пока»; случай с приказом, как он ни курьезен, слишком малозначителен, чтобы из-за него поднимать шум³. Сказал также и то, к моему удивлению, что Ш³ распространяет про меня дикие слухи, вроде неповиновения и т. п.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 123. На бланке управляющего Капеллой

1. Комментарий к «проектам» А. Д. Шереметева см. в переписке с С. Д. Шереметевым. 3 мая состоялся решительный разговор Смоленского с А. Д. Шереметевым, который сказал следующее:

Я не мешал Вам несколько целых два года и присматривался к Вашей деятельности. Теперь настало время сказать Вам, что Вы ошибаетесь, думая игнорировать меня в Капелле совершенно, ставя меня в положение чуть не пешки. Я считаю себя достаточно опытным музыкантом и администратором, чтобы иметь право сказать Вам, что я довольно уже терпеливо выносил Ваше игнорирование меня в Капелле. <...> Вот теперь и выбирайте сами, что Вам выгоднее: служить со мною или не служить? <...> Я совершенно разочаровался в Вашем умении выбирать людей и руководить ими. <...> Ваш Толстяков — никуда не годится, Чесноков когда-то как будто бы произвел на меня впечатление, но потом я и в нем разочаровался; как будто бы дельнее их Климов, но я еще не составил о нем полного представления (Дневник 4, л. 147).

2. Смоленский ездил к придворному протоиерею, чтобы договориться об участии певчих в церемониале 16 мая (крестный ход с иконой из домика Петра Великого до Исаакиевского собора, молебен у памятника).

3. Имеется в виду приказ по Капелле от 8 мая: во время литургии в церкви Большого Царскосельского Дворца в присутствии государя после пения «Ангел вопияше» помощник учителя пения М. Г. Климов удалился с клироса, причем, будучи при шпаге, прошел через алтарь, через горнее место, что строго воспрещается церковным уставом. Климов объяснил свой уход внезапным головокружением. Смоленскому было поставлено на вид его поведение, которое А. Д. Шереметев понял как демарш лично против него.

Смоленский — Волковой

Петербург, 13 мая 1903

Сердечно извиняюсь перед Вами, добрейшая Софья Сергеевна, в недогадливости, по которому задержал возвращаемую рукопись¹. Но Вы знаете, как я встревожен всем происходящим в последнее время. Теперь, при опустелом № 48², мне будет еще скучнее, а уменьшатся ли тревоги — Бог весть. Так все повертывается на мелочах, что в течение дня иной раз приходится передумывать одно и то же, — какая сутолока! Но правда и вера в правду все же живут и бодрят еще.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 114. На бланке управляющего Капеллой

1. Речь идет о рукописи Воспоминаний Смоленского (скорее всего, первой тетради с новыми дополнениями), которая находилась в это время у Волковой.

2. Адрес семьи Волковых в Петербурге: Надеждинская улица, 48.

Волкова — Смоленскому

Москва, Солянка, 20 мая 1903

Добрый Степан Васильевич, простите, что так поздно возвращаю Вам прилагаемое письмо. Его с интересом прочла моя тетя, так как Соколов, оказывается, крестник покойной моей тети Анны, общей любимицы семьи нашей¹. Сегодня посылаем письма на курьерский поезд, пользуюсь случаем для отправки и этого письма, надеюсь, оно дойдет завтра же до назначения. Благодарю Вас за вашу быструю присылку «картины» из Львовской школы².

Я бы давно написала Вам, очень желая знать, как Вы поживаете, но не замечала, как шло время. Сегодня 9-й день по кончине нашей родственницы, княгини Львовой, рожденной Бобринской. Мы приехали на следующий день

после ее смерти. Графиня В. Н. Бобринская за границей, с мужем, при большой свекрови³.

Напишите нам, что у Вас нового. Александра Александровна [Оленина] здесь с нами и тоже жалеет, что у меня нет от Вас известий.

Мне еще не удалось повидать Елизавету Леонидовну [Верещагину]; сегодня я писала ей в надежде вечером провести с нею полчаса, но у нее сейчас сын гостит. Мы едва ли ранее 23-го переберемся в деревню. Может быть Вы писали на Солнечное? Из Германии у нас известья отличные⁴.

На самый день Вознесения здесь были проездом графиня Н. Н. Игнатьева с мужем⁵, и я отлично повидала их. Впечатление самое отрадное.

Не унывайте, добрый Степан Васильевич. При бодрости даже внешние обстоятельства стройнее складываются! Хотя бы и в строе минорном, но гармоничнее!

Дай Бог Вам и Анне Ильиничне бодрости и мира душевного в эти тревожные, тяжелые для Вас дни. Очень хочется знать, есть ли что новое в делах Ваших и бедной Капеллы — с 12 мая, или точнее с 11-го, так как 12-го я ничего не успела спросить у Вас.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 79—80 об.

1. Речь идет об ученике Синодального училища Иване Соколове (см. письмо к Волковой от 25 августа 1902 и дальнейшие письма). Иван Соколов родился в Спасском-Телешево 8 сентября 1887; его крестной была княжна Анна Владимировна Львова (скончалась 19 сентября 1888).

2. Эпизод из Воспоминаний Смоленского, посвященный оригинальной «домашней школе», которую он прошел в Казани у Л. Ф. Львова (см.: РДМ. Т. IV. С. 96—98).

3. Скончавшаяся Юлия Алексеевна Львова (урожденная Бобринская; 1867—1903) была супругой князя Георгия Евгеньевича Львова. Графиня Варвара Николаевна Бобринская (урожденная Львова) с мужем Алексеем Алексеевичем находилась во Франции при больной свекрови А. А. Бобринской (урожденной Писаревой).

4. В Германии, в Бонне лечилась Мария Сергеевна Волкова.

5. Графиня Н. Н. Игнатьева — урожденная княжна Наталья Николаевна Мещерская, которая вместе с Волковой посещала Синодальное училище еще в 1890-х годах; ее муж граф Павел Николаевич Игнатьев — помещик Киевской губернии.

Смоленский — Волковой

Петербург, 21—22 мая 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно рад был получить от Вас весточку, столь меня растрогавшую. Отвечаю Вам немедленно, хотя сомневаюсь, чтобы

это письмо дошло до Вас вскоре, так как едва ли оно попадет на курьерский сегодня же — уже 9 с небольшим вечера.

Дела мои с Ш³ — в прежнем положении, то есть новых, из ряду вон непозволительных его выходов не было, если не считать грубого выговора по телефону на этот раз за Чеснокова, хотя кругом виноват тот же Ш³, все напугавший.

Зато *по слухам*, достаточно однако достоверным, а в некоторых частностях прямо верным, дела самого Ш³ идут очень плохо, даже хуже, чем я думал, полагая, что в административных сферах Министерства Двора все же с ним, как с флигель-адъютантом, да притом «Ш[ереметевым]», все же считаются церемониями. На деле оказывается совсем обратное. Положительно известно, что ему будто бы «посоветовали» взять обратно ультиматум «я или он», то есть «он» — Ваш покорный слуга; затем дело о преобразовании штата Капеллы (только что утвержденного Государем 6 декабря) совершенно забраковано в особой для того комиссии; наконец, пресловутая наша «пожарная команда» была встречена лишь улыбкою и пожиманием плеч.

Остается теперь уповать, [что] если Ш³ не поймет всей выразительности этих трех отказов, то он вздумает помимо их самолично доконать себя, то есть сам доложит Государю, и, конечно, уже наверное получит второй от него, более категоричный отказ. Но я полагаю, что около Ш³ найдутся люди поумнее, которые будут уговаривать его не делать такой непростительной глупости.

Я, хотя и очень непокоен в душе, хотя и очень тревожусь, так как всякое дело может принять всякий другой оборот, — я пользуюсь совершенно неожиданным отдыхом от служебных дел, то есть ничего не могу делать по службе, кроме подписывания отпускных ученикам билетов на вакацию, удостоверения почтовых повесток, требования экипажей для певчих и т. п. И в самом деле, рассудите сами: у Управляющего Капеллою отнято Начальником: 1) распоряжения по всем без исключения делам, как бы они незначительны ни были для внешних сношений, 2) певческий репертуар Капеллы, 3) наблюдения за спевками, 4) вся хозяйственная часть, 5) вся распорядительная внутренняя часть и 6) обязанность являться, в присутствии Ш³, к службам, за которыми бывают Их Величества. Самым похвальным образом я слушаюсь приказаний Ш³, но боюсь очень того, что если случится что-либо, то он же может все свалить на меня, как будто бы недостаточно ретивого в исполнении его «указаний». Капелла стала петь заметно хуже, как заметен, например, пьянист, не игравший давно гамм и этюдов.

Я видел Государя и Государыню в последний раз 14-го. Они оба поздоровались со мною как-то особенно милостиво и внимательно. Но около меня был Великий Князь Владимир Александрович, и Государь, отойдя от меня, остановился, вновь взглянул пристально на меня, как бы желая что-то сказать. Вероятно, это было неудобно, или, может быть, мне все это представилось в особо-желательном смысле, так как в самом деле нервы мои очень натянуты во всей этой истории с Ш³. От брата его, графа Сергия Дмитриевича, я получил

запрос: что значит мое молчание? неужели не последовало по его письму мне от Государя какого-либо знака внимания, который бы Ш³ мог бы взять в толк? Я отписал Сергию Дмитриевичу, что пока такого знака еще не было, но барометр, как кажется, стоит для меня на благоприятной стороне.

Этими днями я очень сердечно вспоминал Вас (как, впрочем, это-то бывает очень часто), очутившись совсем случайно в часовне у «Скорбящей», где я искренно помолился о Ш³, действительно топящем самого себя своими глупостями и грубостью, своим незнанием и самоуверенностью. Действительно молитва за врага (хотя я, право, считаю Ш³ более полоумным, чем врагом вроде Ш²) очень врачует сердце и, вероятно, усовещевает ту сторону. Заметно, что в последние дни вообще Ш³ стал как будто менее постоянным в своем раздражении. На меня после этой молитвы, как и вообще после молитвы, приходит мир душевный, по отношению же к Ш³ — как бы сожаление о нем.

Очень тронут я тем, что Вы пишете по отношению к моим горям об Александре Александровне [Олениной]. Прошу передать ей мой искренний привет.

Нашу общую по музыке «бабушку», то есть Людмилу Ивановну, я видел в трогательный момент, когда она клала кирпич («почетный» — мраморный, с надписью ее имени) вместе с Великим Князем Константином Константиновичем в основу памятника ее великого брата. Это было вчера. Погода была удивительно теплая, и старушку рискнули привезти. Она была окружена самым полным и общим вниманием и самым глубоким почтением¹. Послезавтра, то есть 23-го, я буду в местности около Гагаринской и навещу ее.

Автор «Моцарта и Сальери», то есть крестник Вашей тети, не писал еще мне, как не ответил пока и Орлов о нем. Думаю однако, что уладится его дело хорошо, так как вразумление Вани мне представляется несомненным. Мне приходит сейчас на ум, что если бы Ваша добрая душа склонилась к этому моему птенцу, то краткий курс *писания периодов* был бы, пожалуй, интересен и для Вас самих, а для него — истинным просветлением. «Уча — учимся» — очень верная пословица. Вам же испытание ее верности и наслаждение в выведении человека на дорогу — если не ошибаюсь, своевременно. Если Вы надумаете то по отношению к Ване — скажите мне, и я устрою его почтительный приход к Вам, буде то понадобится.

Очень рад отличным у Вас вестям из Бонна. «Pas de nouvelles» [отсутствие новостей] о Вашей маме говорит мне, что и тут обстоит все благополучно. Не могу скрыть от Вас того, что в последние дни Ваши в Петербурге мне показались Вы сами очень утомленною, очень нуждающеюся в отдыхе. Я проводил Вас именно с пожеланием полного здоровья и отдыха от гостей, от всяких тревог, недоуманья от постоянной суеты. Не скрою и того, что, перечитав прошлогодние мои к Вам письма, я мысленно попросил у Вас прощенья за мое невольное тогда нытье. Я хочу сказать этим о своем намерении писать Вам этим летом пореже и повеселее. Бог милостив, и содержание более веселых и оживленных писем при-

дет само собою. Как ни притворны придворные сферы, все же, думаю, рассудок и доля справедливости хоть отчасти имеются и там, — а этого с меня довольно.

23-го я буду на новоселье, то есть в Английском дворце Петергофа. Буду очень рад получить письма из Спасского. Теперь я совсем один здесь, так как уже разъехались столь немногие мои друзья. Невольно и всеми способами берегу Анюту, очень мало верящую в добро людей и в правду после грустных лет в Москве с Ш². Делаю то, оберегая и себя, чтобы не платить вдвое за каждую мелочь. В последние дни и она у меня как бы ожила вновь после ряда довольно тревожных недель. Бог даст, чистый воздух и лучшие обстоятельства умирят и ее любящую душу и изболевшее за меня сердце. Унынию однако мы оба еще не предавались, хотя задумывались и советовались между собою много.

22 мая. Вот и не удалось послать письмо вчера вечером. Посылаю это все-таки на Солянку, думая, что застанет оно Вас еще в Москве. Благодарю Вас за память. Поклоны.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 115—116. На бланке управляющего Капеллой

1. Смоленский присутствовал на закладке памятника Глинке около Петербургской консерватории (к предстоящему столетию со дня рождения композитора в 1904), где и встретился с Л. И. Шестаковой.

Смоленский — Волковой

[Петербург], 2 июня 1903, 12 ч. ночи

Ваше известие о неожиданном и интересном знакомстве застало меня в сущую сумятицу работы спешной в такой степени, что не мог ответить немедленно. Завтра, 3-го, занят буквально с утра до позднего вечера. Во вторник же, вероятно, буду свободен и потому заранее благодарю Вас за все¹.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 80. На открытке с летним видом

1. О каком знакомстве идет речь — неизвестно.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 3 июня 1903

Добрый Степан Васильевич, благодарю Вас за письмо от 21 мая. Как-то теперь обстоят у Вас дела? Мы переехали в Спасское только 26-го. В Москве мама похворала, и вторично по приезде сюда, но в общем у нас здесь пока,

слава Богу, благодушие, и мы радуемся, что перебрались в деревню. От сестры известия хорошие.

Перед отъездом из Москвы я хорошо повидала Елизавету Леонидовну. Она с большим интересом и сочувствием слушала мои о Вас сообщения. Я не рассказывала подробно о Ваших служебных затруднениях, не зная, пожелали ли бы Вы этого.

Ваню Соколова я видала здесь издали, и по веселой его улыбке догадалась, что он принят обратно в [Синодальное] училище. Это подтвердил Вас. Вас. Орлов, который на днях приехал на лето к Олениным. Очень радуюсь. Вы, верно, уже получили письма отсюда и, может быть, из Москвы о таком благополучном исходе дела?

О писании периодов не могу согласиться, и даже по целым трем причинам! Не считаю себя компетентной; не могу взять на себя систематичных занятий; и в-третьих, уверена, что Ване Соколову среди летних полевых работ, в такое время, когда помощь его нужна брату, неудобно сосредоточиться на писании задач. Впрочем, одной первой причины достаточно! Остаюсь при своем убеждении, что если могу быть полезной Ване, то лишь передачей ему краткого курса, пройденного зимой, то есть анализом образцовых произведений. На это у него и у меня может хватить досуга, даже если он займется здешним церковным хором, как предполагается. Напишите ему, когда и как хотите. До сих пор мне было бы невозможно заняться им. Вчера приехали к нам на отдых три начальницы: из Николаевского института мамина сестра, из Гатчины Ал. Ал. Голохвастова и из Петербурга тетка А. П. Голохвастова, бывшая начальница Харьковского института¹. В глубине сада, в маленьком домике, семья Львовых с Мясницкой². Вы видите, что это не та осенняя тишина, среди которой Вы застали Спасское.

Пишите все, что вздумается, хотя бы и грустное.

Желаю Вам и Анне Ильиничне бодрости и мира душевного.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 81—82

1. Директрисой московского Николаевского института была Александра Владимировна Львова; Александра Алексеевна Голохвастова возглавляла Гатчинскую гимназию; Александра Петровна Голохвастова была двоюродной сестрой М. В. Волковой.

2. Имеется в виду семья двоюродного брата Волковой — Алексея Евгеньевича Львова, который в 1896—1917 возглавлял Московское Училище живописи, ваяния и зодчества, находившееся на Мясницкой улице.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 5 июня 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! С большой радостью получил Ваше письмо и не раз прочитал его. Начал было писать Вам ответ, но вчера перед отъездом в Петербург не удалось написать более полстраницы, вчера же вечером выяснилось предстоящее сегодня посещение Капеллы Шереметевым. Поэтому это письмо разделю на две половины: до и после свидания, первого после 9 мая, так как сношения Ш³ с Капеллой были либо телефонные, либо письменные. Со мною с того дня сношения Ш³ прерваны совершенно.

Я писал Вам о положении дел и об обозначившейся уже судьбе проектов Ш³ по преобразованию штата Капеллы и по устройству в ней пожарной команды. Под предлогом лета, надобности обсудить дело подробнее и т. п., на самом же деле от незнания, как считаться с Ш³ и как бы половчее извернуться в отказе на его нелепости, в канцеляриях положили ответ в дальний ящик, выгадывая время, столь удобное для охлаждения Ш³.

И Ш³ сам понимает, что он пересолил через край и нуждается в каком-либо приличном отступлении, но не может найти его. Я — молчу упорно, Ш³ распоряжается упорно же, минуя меня, приказывая прямо регентам, делопроизводителю и т. п. Маневр Ш³ залучить на свою сторону Кленовского не удался, так как Кленовский прямо уклонился и уехал в отпуск. В минувший месяц судьба подогнала службы так, что в дни службы все случались полковые праздники, а 1-я служба в Александрии была спешно назначена в 9½ ч. утра, и Ш³ не мог быть на ней.

О себе — право не знаю даже, что сказать бы Вам. Я проанализировал себя на неожиданно получившемся досуге, обсудил все данное мною Капелле в последние два года и спокойно сказал себе за других одобрение всему сделанному. Тревог, подобно бывшим в конце апреля и начале мая, решительно нет, хотя нет и покоя, не приходящего от постоянных ожиданий какого-либо телефонирования из Ульянки от Ш³, какой-либо нелепости, которую мы самым точным образом исполняем немедленно. Я занят теперь подписыванием третьестепенных бумаг, вроде расписания кушаний на предстоящую неделю, требования вагона для перевозки певчих, удостоверения почтовых повесток и т. п. Но, например, сегодня уже одно ожидание Ш³ ворошит мой покой, так как трудно предвидеть могущее случиться и обдумать заранее свои действия. Ш³ — неделовой человек, человек момента и совершенно без царя в голове, — но он, к несчастью, все-таки Шереметев и притом начальник, о чем забывать нельзя, да и очень опасно.

Единственную мою радость, очень было ободрившею меня, была спевка 2 июня, когда после прохождения по голосам в течение получаса Капелла осилила очень хорошо и очень энергично концерт Львова «Приклони Господи ухо

Твое» — очень трудный и не петый уже лет 10. Пение всякого старья и всяких вдохновений Ш³ (между прочим новое его «Достоинство есть» поют послезавтра в Александрии) так надоело, что нагнало какую-то бесчувственность хора и казенную готовность исполнить все приказываемое. О последнем «Достоинстве», чтобы развеселить Вас, сообщаю, что велено приготовить его «клавир», так как автор затрудняется читать свою композицию в голосовой партитуре. Конечно и клавир сделали и вчера послали в Ульяновку.

Зато меня очень бодрят ясная семейная жизнь моих учеников в Английском дворце и удивительные по нежности и сочувствию письма графа Сергея Дмитриевича Шереметева, которыми мы обменялись на прошлой неделе, после запроса его от 19 мая. Поводом к последним письмам был мой запрос графу об ультиматуме Министру Двора, который потребовали от меня выведенные из терпения мои сослуживцы. Я составил такую бумагу в смысле прошения Министру вступить в наше дело и размежевать меня и Ш³. Но я тогда же сказал товарищам, что такая «grand jeu» [«большая игра»] мною будет объявлена не иначе, как с ведома и совета графа Сергея Дмитриевича, обещавшего мне заступничество против его брата и обязавшего меня держать его в курсе дела¹. На мое письмо 1-е он телеграфировал «советую не менять системы» и ответил письмом № 3. Вам как другу посылаю 3 письма, прося сохранить секретное пока их содержание.

№ 1. 19 мая: Дорогой С. В. Помнится, в «Анне Карениной» является лицо одного, кажется, сановника, который после долгих колебаний решился наконец сделать предложение одной девице и выбрал для сего предусмотрительно прогулку в лес. Вот они очутились одни, сели рядом, разговор начинается — но вдруг она сделала какое-то движение... Он замялся и заговорил о постороннем. Тем роман и кончился навсегда*.

Мне припомнилась и нерешительность в Вашем рассказе о подходе, о колебаниях, потугах — и «все без последствий»**. И все-таки читаю между строк Ваших, что дело Ваше крепко. Только зачем эта тяжелая волокита! Ведь лучше разрезать нарыв, чем ему гноиться***. <...> Ужели не было «движения» со дня нашего ставания?

№ 2 письма получен в ответ на мои размышления о тезисах Марка Аврелия и Иисуса сына Сирахова в применении к своему положению.

* Я объясняю эти слова тем, что ни Шереметев, ни Нарышкина не получили от Государя ответа на их обращения к Нему по моему делу. — *Примечание Смоленского.*

** То есть воспоминания о моей 2-й беседе с Шереметевым — 9 мая. — *Примечание Смоленского.*

*** Весь зародыш моей ошибочной мысли об ультиматуме. — *Примечание Смоленского.*

25 мая: Не могу не ответить тотчас же на теплое письмо Ваше, которое прочел с истинным умилением. Безумцы не знают, что делать, но меня сильно огорчают и меддители... Я верю в торжество правого дела, а колесо хотя и медленно вертится, все-таки вынуждено будет повернуться. Но как все это грустно, тяжело и больно; слепота, равнодушие, самонадеянность и самодурство, неискренность и ничтожество — вот с чем приходится считаться. Вы как философ-христианин смотрите на все с смиренномудрием, я же волнуюсь, негодую, в сознании своего бессилия прибавить что-либо к тому, что сделано. Но весь эпизод очень характерен; он устанавливает известные мерилы, он гораздо важнее, чем кажется, и если в наш скудный век люди подобные Вам и одаренные свыше печатью Св. Духа* — не поняты, не оценены и не согреты, то как же назвать переживаемое время, как не временным торжеством беспощадной посредственности?

Сегодня великий праздник, светлый, радостный, — да потонет в лучах неведерного света всякая скорбь земная!

№ 3 после просьбы об ультиматуме и после депеши:

Как ни тяжело, но если уж терпели до сих пор, — потерпите еще и не меняйте системы. Мой совет — прежде всего устройте так, чтобы попасть при случае в луч зрения главного хозяина и дайте Ему возможность сказать Вам что-нибудь... без известного свидетеля**. Здесь явная недомолвка, вызванная свойствами характера. Но я не вижу и никаких признаков неудовольствия со стороны... главного хозяина***. Если бы пришлось очень круто и невтерпех, то нам необходимо будет встретиться и обсудить положение прежде чем приступить к какому-либо решительному шагу. В крайнем случае мы можем сговориться, когда бы встретиться в Москве, в Петербурге же буду не ранее половины июля и в Саров не поеду. <...>

Благодарю за дружбу и доверие.

Ваш неизменно С. Шереметев.

Но уже 2 часа дня и пора готовиться к предстоящему свиданию.

*

Свидание обозначило т^о весьма высокую и вполне сухую, что, признаться, нисколько не удивило и нисколько не опечалило меня. Ш³ дирижировал на словах, направлял и т. п., себе позволял все — оттенки по своему усмотрению, темпы, изменения в партиях, транскрипцию и т. п., — нам же не прощал ничего, говоря, что воля автора свята, что он сам бы мог догадаться выставить тот либо

* Конечно, тут и этот Ш⁴ погрешил очень значительно. — *Примечание Смоленского.*

** Этот случай был 1 июня, но ограничился любезными рукопожатиями и только «попаданиями в луч зрения», слов же не было. — *Примечание Смоленского.*

*** Кроме большего, чем прежде, внимания Государя ко мне и обеих Императриц не видел в последние 2 месяца. — *Примечание Смоленского.*

другой нюанс, что ничего не надо соблюдать, как указанную автором тональность и т. д.

В общем та же бестолочь, как и во все прежние спевки. Пожарный отказ для Ш³ — ужасен.

Посылаю привет достопочтеннейшей Марии Владимировне. Благодарю Вас за память. Я заскучал, давно не имея от Вас известий. Будьте здоровы и веселы. Ване Соколову я пишу вместе с сим, но о Вас там пока ни слова, так как позволения на то Вашего не было. Я приказываю ему выслать мне «Светлану», но если до того Вы заинтересуетесь этим ор. 2, — было бы лучше, так как рассуждения Ваши о Ване — вполне доказательные. Будьте здоровы еще раз. Черкните мне — я радуюсь всегда Вашим письмам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 118—119

1. См. комментарий в переписке с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Старый Петергоф, 15—16 июня 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Спешу поделиться с Вами впечатлениями нынешнего дня, которые бы очень хотелось мне поверить Вашими впечатлениями и впечатлениями Александры Александровны, если только ее хотя сколько-нибудь достигла моя беседа с Государем. Но прежде маленькая *intrada* [вступление]. Ш³ уехал ловить лососей в шхерах и депешью оттуда разрешил мне быть за службою в Александрии. Перед отъездом, секретно от меня, он дал на сегодня программу из всякого старья, а на следующее воскресенье (22-го) двойную программу, одну на случай его присутствия (где, сообразно его вкусам, «Crucifixus» Лотти со словами «Благообразный Иосиф» и «Тебе поем» Ш³), другую же — на случай моего присутствия — опять из всякого старья¹. Я взялся за хор вплотную с четверга и вышколил его к сегодняшней обедне отлично. Так и пропели.

Подстрочные примечания к нижеследующему рапорту, посылаемому мною сегодня к Ш³, будут понятны, как и то, что читается между строк в донесении своему начальнику по службе и отчасти по приказанию Государя. <...>².

Итак, как говорится в гоголевском «Ревизоре»: «вот какое обстоятельство». Каюсь Вам совершенно сердечно: истомил меня Ш³, хотя я молюсь за него ежедневно — молюсь об умягчении его сердца, оказавшегося столь недобрим и мстительным, каюсь — не ожидал от него выходки с двойною программой. Это уже совсем мелко и неблаговоспитанно. Каюсь и в том, что очевидный план беседы Государя, охвативший и подведомственных лиц, и репертуар, и малые подробности, вроде 3-го хора на Даче, и, очевидно, полученные им сведе-

ния со стороны, убедили меня в том, что Ему известно многое, деликатность же не позволила сказать мне как подчиненному Ш³ что-либо осудительное для последнего; но слова «да, сообщите» явно подчеркнули весь смысл этой продолжительной для после-завтрака и крайне ласковой беседы. Все это убедило меня, особенно по совету графа Олсуфьева, выпалить по Ш³ картечью этого рапорта, так как и в области отношений ко всем нам, и в репертуаре им назначаемом, и в области забвения только что начавших входить в уши древних напевов Ш³ должен найти и прямо, и между строк рапорта немало прямых ему назиданий и предостережений. Да и пора, в параллель стрельбе по Ш³ из Министерства Двора за пожарную команду и за проект штатов, вразумить его и дома, в самой Капелле, а то ведь в самом деле мы все повесили носы. На беду — умирает от рака в желудке [С. А.] Смирнов, а тут хаос и безначалие, падающая дисциплина! Смирнова страшно скрутила болезнь в какой-нибудь месяц, и он подает уже в отставку — а тут выходы вроде двойных программ!

Александра Александровна стояла от Государя и меня в 2—2½ аршинах, и мне показалось однажды, что как будто бы прислушалась к беседе. Если она и не слыхала (пожалуй, и не могла слышать или и не слушала) многих ее подробностей, то все же интересно, как по придворному этикету, в какой мере может считаться благоприятным такое внимание ко мне Государя? Мне показалось оно сегодня полным удовлетворением за прошлое, и назавтра с утра я возьмусь за работу, хотя бы до приезда моего рыболова.

Вот Вам, добрейшая Софья Сергеевна, наши новости. Поклон Вам и Вашим от меня и Анюты. Будьте здоровы и веселы. Я писал Ване, переписывающему для меня «Светлану», чтобы он показал ее Вам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

16 июня. Не осудите зачеркнутые строки. По хорошей, когда-то Вами указанной поговорке «утро вечера мудренее», я отложил до утра написанное вчера вечером и сегодня исключил из оригинала зачеркнутое и у Вас, как носящее в себе долю несколько личного элемента, беспокойного, что в таких случаях излишне.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 120—121. На бланке управляющего Капеллой

1. Составленные А. Д. Шереметевым программы см. в переписке с С. Д. Шереметевым.

2. Рапорт Смоленского см. в его письме к С. Д. Шереметеву от 24 июня.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 16 июня 1903

Добрый Степан Васильевич,

не предполагала оставить Ваше письмо так долго без ответа. Что-то уж очень много приходится в эти дни писать. Я даже высчитала: за три недели в Спасском 32-м самым разнородным знакомым. У меня накопились было письменные долги.

Вот и не отозвалась я тотчас на Ваше интересное сообщение. Радует меня очень, что среди учеников заводится «ясная семейная жизнь». Ради этого стоило претерпеть тревоги прошлогодние. Будем надеяться, что и тревоги этого года, так неожиданно для Вас возникшие на горизонте, откуда грозных туч не ожидалось, — что и эти тревоги, перенесенные кротко и смиренно, с Божией помощью сменятся победной отрадой.

Письма, сообщенные Вами, меня несколько удивили¹. Как не похожи они на письма Сергея Александровича. Как часто Вам должно недоставать добрых советов Рачинского. Выражение «печатать Святаго Духа» дало мне желание ближе узнать смысл этих слов, и я перечла Послание к ефесянам, а затем раскрыла недавно приобретенное мной Толкование Епископа Феофана [Затворника] на это послание². Таким образом, я косвенно глубоко благодарна графу С[ергею] Д[митриевичу] за это его к Вам письмо.

18 июня. Не успела я кончить письма — вчера мне неожиданно пришлось съездить в Москву, навестить заболевшую там княгиню Ал. Ал. Голицыну, — а сегодня утром получила ваше от 15—16-го. Поздравляю Вас и Капеллу с царской лаской и милостью и с любопытством буду ждать продолжения повести о Рыболове, о спортивном управляющем, выпаливающим картечью, о двух помощниках в очках и одном без оных и о постепенной эволюции Казанского крюколюбца в трепетного царедворца.

Конец рапорта очень выиграл от зачеркиваний в следующее утро. О начале судить не могу, настолько искусны густые черные линии, но полагаю то же самое. Среди всего этого ужасно жаль страдающего Смирнова, болезнь которого может быть вызвана бывшими потрясениями. Не знаю мнения медиков об этом, но мне кажется, что я уже видала не один такой случай. Как работает Климов?

С Ваней [Соколовым] я немножко побеседовала, и мы думали было начать занятия, но теперь сенокос, и мы решили, что лучше повременить. Недавно видела его с граблями в руках.

Сестру мою вскоре ждем обратно, но дня ее выезда из Бонна еще не знаем. Дети Оленины очень полюбили В. В. Орлова, и ему с ними хорошо. Польза — взаимная. Мальчики хорошо стали заниматься по математике, чего прежде не было. Я Вам так благодарна за это указание.

Думаю, что Вам теперь много придется самому заниматься. Или же Чесноков отчасти заменяет больного Смирнова?

Буду ждать извещения о программе 22-го и о том, как принята была карточка. Приободрилась ли Капелла?

Привет Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 83—84

1. Речь идет о приведенных выше выдержках из писем С. Д. Шереметева.

2. Послание апостола Павла к ефесянам (1:13): «...вы, услышавши слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовавши в Него, запечатлены обетованным Святым Духом».

Смоленский — Волковой

Петергоф, 26 июня 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Я был очень рад увидеть вполне неожиданно Марию Сергеевну в Петергофе и очень опечален невозможностью увидеть ее еще раз на вокзале. В жизни моей не прекращаются всякие неожиданности, иногда выбивающие меня из колеи, даже в планах действий на ближайшее время.

На Ваше такое хорошее письмо я не имел возможности ответить немедленно, так как действительно и текущие дела, и всякая суета, и появляющееся временами утомление не дают времени ни для отдыха, ни для писем. Оттого я теперь погряз в долгах по письменной части, как и в мелочах моих дрызг с Ш³. Действительно приходится молчать и задумываться над способами возможно-внушительного отпора, чтобы уцелеть самому и не дать на съедение Ш³ моих товарищей-сослуживцев.

Сегодня будет подписан преоригинальный приказ по Капелле такого содержания, какое может быть придумано только Ш³, и то только в состоянии высокого возбуждения. Литургию 22-го мы должны были, по случаю продолжения рыбной ловли и приказу мне быть в Александрии, петь наизусть, так как Капелла за 2 недели была в моих руках и Государю очень понравился 1-й наш опыт пения наизусть 15 июня. Вдруг депеша: буду сам, отправляйтесь в Гатчину. Отправляюсь. Перед тем делаю внушение Толстякову непременно спросить у Ш³ позволение петь наизусть, — позволение дается. Сегодня буду расписываться в прочтении следующего:

Приказ. В воскресенье, 22 июня, в Александрии, в Высочайшем присутствии вся литургия была пропета наизусть, причем пение отличалось стройностью, что, в свою очередь, свидетельствует о том старании, с каким была разучена намеченная на

этот день программа. Считаю поэтому приятным долгом выразить регенту Толстякову, а также всему хору мою признательность за то усердие, с каким они относятся к своим служебным обязанностям.

Воздавая должное исполнителям, считаю необходимым в то же время указать Управляющему Действительному Статскому Советнику Смоленскому, что подобные опыты всегда (?) рискованны, тем более в Высочайшем присутствии, а потому Управляющий обязан был предварительно испросить на то моего разрешения. На основании вышеизложенного объявляю Управляющему... выговор за самовольное распоряжение помимо моего ведома.

Понятны причины такого глупого распоряжения. Ш³ испытал в последнее воскресенье, как тяжело для него состояние, при котором пришлось испытать самое очевидное нерасположение и невнимание к нему Государя, не сказавшего ему ни до службы, ни после нее, ни после завтрака буквально ни одного слова. И это — после беседы со мною за неделю перед этим, по получении от меня далеко не сладкого ему о том рапорта! Теперь ответа на приказ пока не надумал.

Сначала было Ш³, как говорится, полез на стену: приказание приготовить хор Лотти было подтверждено, но потом одумался и заменил его другим сочинением; затем последовали всякие телефонные громы и выговоры, оставленные мною лишь с ответами: «слушаю-с», «так точно» и т. п.

А все-таки нервы ходят, и жалею я о прошедшей для меня полосе, вернувшей было меня к моим милым крюкам. Боюсь, как бы из придуманного Вами мне титула «крюколюб» не измельчать до титула «крюкотворца» — так портят меня приказы и надобности отписываться по подобным вещам.

Вашим — привет мой.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 122—123. На бланке управляющего Капеллой

Смоленский — Волковой

Петергоф, 29 июня 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Наши письма разошлись. Я писал Вам 25-го о проекте приказа, в котором по мотивам, находимым разве только в 1-й части «Дон-Кихота», объявляется мне выговор после одобрения Государя и в частности самого начальника. Третьего дня приказ не был подписан, но заменен словесным и грубым выговором при больших и малых певчих, при всех чудачествах нашего штаб-капитана (это, кажется, равно его чину штаб-ротмистра — на знаю, впрочем) — в роли дирижера. Я же терплю, так как уповаю на близкую, может, развязку дела, на Ш³, признаться, только досаду, а не обижаюсь, ибо в самом деле он ненормален и злобно настойчив в желании все согнуть по-своему

и за мой счет. Но есть же на свете люди и прямо глядящие на дело, — это для меня несомненно и это меня бодрит, заставляя терпеливо переносить невзгоду очень тяжелую и досадную же мне одному.

Книжку Мякотина об Аввакуме я очень люблю как умело и серьезно написанную, а «Очерки по истории русской культуры» Милюкова в страницах, к этой поре относящихся, мне не особенно нравятся¹. Мне кажутся они написанными не довольно научно, более фельетонным манером, а местами очень легкомысленно и немотивированно. 1-я часть Очерков, — несомненно вылившаяся под впечатлениями курсов В. О. Ключевского, — гораздо серьезнее оборудована. 3-я часть (из которой я имею лишь I вып.) кажется мне еще слабее 2-й, в которой самый интересный для меня параграф (особенно конца 6-го очерка) совсем плох. Для столь категоричных суждений Милюков не подготовлен ни как художник, ни как историк, хотя при своих несомненных и очень больших знаниях и дарованиях можно было бы ждать гораздо более широкого и ясного обобщения и изложения, чем то у столь высоко все-таки ценимого мною Милюкова.

Что касается причастных стихов, в которых Вы нуждаетесь, то эта нужда не у одних Вас. Часть эта разработана у нас менее всего и состоит, ради укоренившегося обычая не стесняться текстом собственно причастных стихов, — состоит либо из сочинений совсем дрянных, вроде 29-ти причастных стихов соч. Бахметева, либо из очень трудных, рассчитанных на сильные хоры. В мое время я позволял себе петь вместо причастных стихов (в сельских церквах) «Под Твою милость» Бортнянского, «Днесь спасение миру бысть» и «Воскрес из гроба» Турчанинова, как и его задостойники (конечно, когда то между предпразднством и отданием); затем догматики 8-ми гласов (имеющиеся и в моем курсе), евангельские стихиры в перел[ожении] Полуэктова и т. п. — даже и величания праздничные. В сельских инородческих и русских крестьянских церквах большое впечатление, лучшее, чем от нотного пения, получалось от протяжного пения (напевом «Верую») «псалмов избранных», помещенных в конце Ирмолога между величаниями, даже и от стихир текущего дня. Но самое лучшее — это, несомненно, чтение какого-либо поучения по благословию настоятеля либо жития святого дня («его же память совершаем»), как то по древне-уставному, по-монастырски и по-русски, то есть на русском языке, и непременно на распев священнических возгласов, например:

О Троицкой Лавре я не знаю ни одной толковой статьи, хотя я просмотрел, бывая там, как кажется, все продаваемое там в витринах. Что-то смутно припоминается какая-то книга, виденная мною, но не читанная, — но как будто в ней трактуется о чудесах преп. Сергия — толком не припомню.

Относительно воспоминаний моих я переживаю тот период, когда я о них совсем даже и забыл. Даже не представляю себе ясно, сидя в Петергофе, где обе их книги, в Петербурге у Вас или у меня. Ш³ заставил меня сосредоточиться на текущих делах. Но о старообрядцах у меня была начата отдельная глава, и, помнится, написано было немало. Вообще же я, хотя и бодрюсь, но сильно выбит из колеи и беспокоен, так как мало ли как повертываются на свете самые чистые, самые безукоризненные дела! Веруя в правду и в добрых людей, — нет-нет да и задумаю о будущем житье в родной Казани, куда только с глаз Ш³ отправиться не хотелось бы. Разрыв в наших отношениях теперь самый полный и, кажется, совершенно безнадежный. Моя карточка, предостерегшая Капеллу от пения хора Лотти, повлекла за собою не усмирение или вразумление, а какое-то нелепое, бешеное ко мне отношение.

Не знаю, и не от кого мне узнать, как обошелся с Ш³ сегодня Государь за завтраком. В прошлое воскресенье, во внимание к Его перед тем разговором со мною, игнорирование Государем Ш³ было жестоко, но он не понял или показывает вид, что нечего и понимать. Сегодня до и после обедни в Александрии, как мне говорили, Государь не виделся с Ш³; что было за завтраком — неизвестно. Александру Александровну спросить почему-то я не решаюсь, да и редко ее вижу.

Вашим и Вам мой сердечный привет.

Ваш преданный Ст. Смоленский.

Вы не пишете мне, как здравствует почтенная Мария Владимировна. Да и о себе — ни полсловечка. С удовольствием отвечу Вам и на следующие, недописанные еще Вами вопросы. В это лето мы пишем друг другу гораздо реже, и, покаюсь Вам, мне иногда по Вас скучно очень.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 124—125. На бланке управляющего Капеллой

1. Имеется в виду книга В. А. Мякотина «Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк» (СПб., 1894).

Книга П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» выходила в трех частях: ч. 1 — «Население, экономический, государственный и сословный строй» (СПб., 1896); ч. 2 — «Церковь и школа» (СПб., 1897); ч. 3 — «Национализм и общественное мнение» (в двух выпусках; СПб., 1901—1903).

Смоленский — Волковой

Петергоф, 5 июля 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Очень был рад получить от Вас весточку¹, на которую, прежде своих новостей, отвечу по пунктам:

1. Оба фельетона Иванова о музыке при Петре I в свое время я прочитал и не нашел в них ничего большего, кроме обычных для Иванова фельетонных расписываний, ибо его ли, Иванова, дело писать иначе как не обо всем? Вот он недавно и Валаам описал не хуже, чем музыку при Петре В[еликом]².

2. Я могу Вам доставить вход свободный в частную моленную старообрядцев австрийского священства через моего друга Алексея Прокопиевича Богатенкова (Николо-Ямской тупик, д. Рахманова)³. Для того, ссылаясь на меня, нужно спросить его, в каком часу может быть литургия в тот день, когда Вы будете в Москве. Он Вас известит, равно и укажет адрес моленной. О последнем не пишу, так как, не имея плана под рукою, забыл имя переулка, недалеко от квартиры Алексея Прокопиевича. Предупреждаю Вас, чтобы Вы *были не в шляпке*, а в платочке, и чтобы отнюдь не молиться, а только стоять; если же совесть зазрит, то не грех и молиться, но не иначе *как одновременно со всеми*, употребляя для земных поклонов ручник и имея лестовку под локтем правой руки. В *Новоблагословенную* единоверческую церковь (у Салтыкова моста)⁴ вход совершенно свободный, но относительно шляпки — то же самое, как и относительно поклонов.

В беспоповщинское Преображенское кладбище⁵ у меня связи московские ослабли, а так как Вы принадлежите к прекрасному полу, то эти связи совсем уже ненадежны, чтобы я мог провести Вас заочно в столь тайное для несвоих отделение Преображенского кладбища. В Петербурге это для меня возможно, хотя и тут трудно.

3. Имя «Хамбика» мне вполне неизвестно, даже и не слыхивал.

4. Очень жалею, что на это воскресенье, за отъездом одного моего приятеля, вынужден воздержаться обращением к А[лександр]е А[лександровне Олениной], чтобы узнать, что будет завтра в Александрии. И досадно, и жалко все то, что проделывает с Капеллою Ш³. Достаточно сказать, что он еще упорнее начал ставить свои сочинения. Завтра поют его Херувимскую, в pendant к которой исполняется вполне подходящее по достоинству «Святый Боже» Багрецова. Не знаю, знакомы ли Вы с сочинениями этой московской знаменитости, бывшего отличным регентом Чудовского хора, но все-таки написавшего пьесу «Милость мира» в C dur с окончанием в F dur... Как отнесется Государь к Ш³ — не буду иметь возможности узнать хотя бы приблизительно.

Отношения наши по барометрической скале стоят даже выше «великой суши». Вчера мы за 1½ часа его пребывания в Капелле молча поздоровались и молча простились. Завтра я вместо Александрии еду на «Собственную Дачу».

Мне чувствуется, что сейчас, когда я пишу эти строки, Вы стоите после обедни с панихидою над могилою Вашего папы в Высоком. Перекрестился мысленно с Вами, помяная и другого бывшего сегодня именинником — Сергея Александровича [Рачинского].

Вашим поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 126—126 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Письмо Волковой, на которое отвечает Смоленский, не сохранилось.
2. Историко-музыкальные очерки М. М. Иванова печатались в газете, где он постоянно сотрудничал — «Новом времени» (1903, № 9771, 9778).
3. Об А. П. Богатенко см. в переписке с Шереметевым. Под «его моленной» понимается домовая церковь московского архиепископа старообрядцев белокриницкого согласия, секретарем которого являлся Богатенко (оба они жили в доме по указанному адресу).
4. Имеется в виду единоверческая церковь Живоначальной Троицы у Салтыкова моста на Новоблагословенной (ныне Самокатной) улице.
5. Преображенское кладбище в ту эпоху было центром беспоповцев федосеевского согласия.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 9 июля 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Посылаю Вам образец моей переписки с Ш³, вздумавшим побранить меня по телефону, надеясь, вероятно, остаться безнаказанным и не обличенным на память будущему историку. Этот экземпляр я прошу Вас по прочтении возвратить, так как приходит время переговоров с министром¹. Вам и Вашим поклон и привет.

Покаюсь Вам и в том, что отведа выходку, направленную в меня, я недеялся, что глупости Ш³, пожалуй, хватит — передать этот рапорт министру. Оказалось, что его вразумили, и он все-таки уведомил, что «на рапорт ответа не последует», то есть подтвердил косвенно меру своей неблаговоспитанности и правдивость рапорта.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 127—127 об.

1. Этот документ, а также сведения о переговорах с министром двора В. Б. Фредериксом см. в переписке с С. Д. Шереметевым.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 12 июля 1903

Добрый Степан Васильевич, при сем возвращаю «Рапорт», полученный только в субботу утром. Не потому ли Вы прислали мне его, что сами не совсем довольны им? Мне кажется, суть дела в том, что № Херувимской не был сообщ-

щен, следовательно, и неисправности в печатной программе не было. Остальное все в рапорте — кажется мне плодом раздражительности, и потому не более может служить к водворению мира, нежели масло, подливаемое в огонь.

Глубоко жаль мне, что все дело приняло такой оборот. Исхода даже не вижу. Хотелось бы сказать слово утешения, и не нахожу его. Вижу тяжесть подобного положения, и хочется сказать «мужайтесь», не давайте этой тяжести надломить себя. Именно потому, что Вы правы, что правда за Вас, не жаль ли допустить, чтобы неправда озлобила вас?

Добрый Степан Васильевич, пожалуйста, не злитесь. Не подумайте только, чтобы мы не сочувствовали Вашим затруднениям. Досадно и жаль все это до невероятности. Но этим путем едва ли что можно исправить.

Хотела написать Вам и о причастных стихах, и еще кой о чем, но лучше надеюсь поговорить с Вами, так как собираюсь, на несколько дней, погостить в Александрии у Александры Александровны Олениной и, вероятно, в конце недели могу повидать вас в Петергофе.

У меня все на уме слова царя Давида «с ненавидящими мира бех мирен»¹.

Совсем не так написала, как хотелось бы.

Пожалуйста, передайте от меня хороший поклон Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 85—86

1. Пс. 119: 6—7.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 15 июля 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Вы, конечно, определили вполне верно суть рапорта, указав на надобность констатирования мною для Ш³ неверности повода его выходки по моему адресу. Вполне верно и то, что моя отповедь ему полна открытого раздражения. Но я не думаю и теперь, чтобы происшедший случай только бы и произвел результат подлитого в огонь масла, ибо психика натур вроде Ш³ очень чувствительна к промахам подобного рода и внушает большую прибавку к существующей в них трусливости. Что Ш³ оказался грубым, неправым и неумолимым сразу — это неоспоримо; что проучить его следовало по такому удачному случаю — это выгодно, пожалуй, для будущего, так как рапорт мой есть бесспорный документ; что проучка эта попала в цель и произвела свое действие — бесспорно по последующим действиям Ш³; наконец, что мне, правда — очень раздраженному, не захотелось упустить такой случай дать

удовлетворение и моим также раздраженным товарищам, — бесспорно по тому облегчению, которое получилось от гласности рапорта.

С другой стороны, подлитое масло в огонь немного усилило разгоревшееся пламя, дошедшее теперь, только действиями Ш³, до полной нелепости. Об этом знают все, руководствуясь не столько подробностями происходящего в Капелле, сколько общими суждениями о характере и о деятельности нас обоих в нашем прошлом. Сообразно этим суждениям только и возможна одна версия в будущем: удаление одного из нас, так как Ш³ не может отступить от того, что он Ш³, а я не могу сознательно делать нелепости, лишь бы получать жалованье. Сколько могу судить, весьма вероятно, что моя сторона, как безусловно правая и желательная для дела Капеллы, осилит, — даже, пожалуй, и в недалеком будущем. Нас рассудят помимо нашей воли и просьбы.

Оттого в глубине души моей я нахожу свой покой; весьма понятная всякому невыдержанность, вроде рапорта — явление случайное, внешнее, поверхностное и малодушное, вырвавшееся под впечатлением досады своей, Анюты и товарищей — под впечатлениями надежды хоть сколько-нибудь повлиять на Ш³, совершенно не тронутого из Капеллы, с такой энергией и на такую психику.

Понимаю я и суету, мелочность всего, всю меру недолжного отношения моего к ближнему; понимаю и тот покой, который еще доступен душе моей, когда читаю я толстую книгу, чуть не на каждой странице которой говорится об обязанности действовать наоборот. Но, придя к решению, не столько за себя, сколько ради дела: «буди тебе яко язычник и мытарь»¹, придя к надобности все-таки вступить за других ближних, как действовать иначе в удобном случае? Умирить Ш³ невозможно, остановить его — можно, умирить и остановить моих ближних — прямо должно. Вот тот маршрут моих внешних действий, который я усвоил себе, не позволяя нарушений служебной дисциплины, на которых так усиленно и так неблагоприятно ловит меня Ш³. На эту удочку я, конечно, не попадусь, так как Капеллу мне [не] хочется отдавать в руки Ш³, да и я сам могу еще ей быть полезным.

А все-таки — какая суета, какая мелочь, как мало добра и высшего служения правде! Как тяжело бывает в иные минуты!

За ваше прелестное последнее письмо, особенно же за то, что Вы написали, что «совсем не так написали, как хотелось бы», — глубоко и сердечно благодарю Вас. В вышестоящих моих строках, вероятно, есть хотя часть того, что говорило Вам Ваше доброе сердце. Тронул меня и Ваш хороший привет Анне Ильиничне, второй раз переживающей такую унижительную и незаслуженную борьбу. Здоровье жены очень пошатнулось, и Вы поймете, как то отзывается в моем сердце. С глубокою радостью увижу Вас в Петергофе. Эту отлучку объясняю себе и тем, что в Спасском все здоровы и благодушны, и с этого благодушного покоя перепадет и мне, и жене моей часть надобная. Поэтому и радуюсь вместе с нею, ожидая Вас увидеть.

Привет мой в Спасское!

Душевно Ваш Ст. Смоленский.
РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 128—128 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Матф. 18:18.

Смоленский — Волковой

Петергоф, 2 августа 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Я сердечно желал бы, чтобы Вы не придали никакого иного значения тому, что я так давно не писал Вам в такие нервные и тревожные дни, чтобы не подумали что-либо неправдоподобное о причинах моего молчания. Я пропустил даже письмо к 22 июля, хотя и утром мысленно приветствовал почтенную именинницу и в обед повторил то же. Я много раз мысленно беседовал и с Вами, рисуя себе Ваш облик и как бы слыша Ваш ответ. Не рассмейтесь над таким сантиментом: в моем положении чуткость обостряется очень сильно. Но лучше опишу Вам недавно бывшее.

Мои нервы и печень наконец затосковали. 22 июля мне предчувствовалось с утра что-то особенно дурно. Я поехал в Петергофский дворец и сейчас же по приезде получил от Ш³ приглашение удалиться домой только потому, что «здесь нам вдвоем делать нечего». Спыхватившийся Ш³, видя мой уход после слова «слушаю-с», сказал: «впрочем, если хотите, можете здесь оставаться», — но я возразил, что считаю себя обязанным о послушании моем довести до сведения Министра. Так и сделано было мною в тот же день. Но, к изумлению моему, такая выходка Ш³ была встречена замечанием от Правителя Канцелярии: «напрасно, лучше было бы остаться». 26 июля я вновь говорил в Министерстве, прося указать мне, что мне делать ввиду начавшегося перед певчими игнорирования меня Ш³-м. Мне ответили вполне уклончиво. Тогда собравшись духом я заявил 30 июля Мосолову, что я прошу доложить Министру о моем желании лично сообщить ему о текущем ходе дела и об опасностях, могущих возникнуть вполне случайно ввиду общего, и в частности моего, возбуждения. Мосолов ответил мне, что должен предупредить Министра о сущности моего доклада и предлагает мне доставить ему эту сущность изложенную письменно. Вчера, 1 августа, я завез эту сущность; Мосолов доложил ее, но, вопреки моей просьбе, Министр меня не позвал к себе, ограничившись передачей через Мосолова, что дело будет решено между 12—18 августа, по возвращении Государя с маневров. Такой ответ последовал и потому, что Ш³ поставил дело ребром, требуя абсолютной власти в Капелле и, как слышно еще (о чем Мосолов однако не сказал), требуя моего удаления.

Суть моего письменного доклада в том: 1) что я произвольно отстранен Начальником от исполнения моих служебных обязанностей, в том числе и от обязательного для Управляющего в присутствии Государя наблюдения за пени-

ем Капеллы, 2) что это отстранение парализовало уже данное Капелле направление и остановило занятия по заранее намеченному плану, в состав которого входило лично мне данное поручение Государем введения в репертуар Капеллы древних роспевов и именно в том виде, который доставил так много Ему удовольствия в исполнении Синодального хора, 3) что замечается как упадок дисциплины, так и упадок ансамбля, 4) что моя ответственность все-таки остается прежнею и 5) что лучшее средство — размежевание, то есть Начальник остается по-прежнему почетным, а Управляющий активно и сполна управляет.

Что будет решено — предвидеть трудно, хотя все друзья мои уверяют меня, что, судя по обращению Государя с Ш³ и судя по деталям позиций обеих сторон, — всего вернее уход Ш³ и реставрация Вашего покорного слуги.

Если это сбудется, сейчас же уеду отдохнуть через Москву, думаю побывать в милом Татеве, не без мысли о Спасском и затем прямо на Волгу и далеко по Волге, даже пожалуй и по Каме. Утомлен я ужасно, для успокоения надобно многое. Аня — также.

Полагаю, что Ваня Соколов должен был уже быть у Вас по моему к нему [письму?] более месяца назад. Неужели он после моей заступы за него все еще не слушается? Впрочем, сейчас — голова не варит подобных комбинаций, кроме лишь того, что под самым простым, участливым предлогом вполне нетрудно разговориться с ним и указать ему всю меру его непонимания форм. Ведь он еще мальчик, чтобы с ним церемониться, а заинтересованный — сам убедится в глупом пропуске времени.

Вашим мой поклон и привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 129—129 об. На бланке управляющего Капеллой

Смоленский — Волковой

Петергоф, 11 августа 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! В прилагаемой вырезке Вы найдете высокопочтенное имя А. В. Горского, которое одно уже есть значительная порука за полные достоинства книги, хотя бы и написанной в 1841 году. Другое имя, Арх[имандрит] Леонид (в мире — Кавелин, брат известного историка Константина Дмитриевича), хотя и далеко не столь почтенно в области умных исторических обобщений, но имеет все-таки большую цену именно в умении давать «приложения». Поэтому я, не зная этой книги, все-таки смело рекомендую ее Вам! Купить можно лишь на углу Б. Никитской и Моховой (против Университета) у букиниста Фаддеева.

За Ваше письмо — сердечно благодарю Вас. Вы, уже много раз вразумительно критикуя мои действия, и на этот раз оказали мне истинно дружеские

указания, которые, конечно, не могут иметь и тени «неприятности», как они названы Вами. Дела мои с Ш³, сколько могу судить теперь, должны быть решены очень скоро и очень благоприятно для Капеллы и в частности для меня. Ш³ уведут под ручки, не шокируя особенно его породу, миллионы и флигель-адъютантство, наговорив ему всяких любезностей, но все-таки уведут... Мне только этого и надо, так как не обижаться же на такого глупца и на такого негодяя. У меня очень много на руках живых людей и много живого дела, что тратиться еще и на Ш³? Говорили мне, что этот увод состоится на этой неделе и будет устроен вполне деликатно — совсем по-придворному.

Зато Ш³ чувствует себя, как мне говорили, совсем уж плохо. Он сейчас «отъехал», как в старину, в свои имения, негодую на свои неудачи в Сарове. Ума его не хватило на благочестиво-благоразумную работу в Сарове, но хватило, чтобы надоесть губернаторам, предводителям и своим высшим, всюду подчеркивая свои полномочия. Теперь эти полномочия оказались самовольно преувеличенными самим Ш³, и положение его, вдруг возвысившись, бурно пало.

Нет времени писать еще. Вашим поклон.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 130. На бланке управляющего Капеллой

1. Книга А. В. Горского называется «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, составленное по рукописным и печатным источникам А. В. Горским в 1841 году, с приложениями архимандрита Леонида» (М., 1879). Кроме того, архимандрит Леонид (Кавелин; двоюродный брат упоминаемого в письме историка) опубликовал ряд самостоятельных работ по истории Лавры и ее рукописных собраний, в частности, «Критический обзор сведений о Свято-Троицкой Сергиевой Лавре» (СПб., 1876).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 17 августа 1903

Добрый Степан Васильевич, благодарю Вас за указание книги Горского. В этом году не придется съездить в Лавру, но запомню на будущее время, если Бог даст. В июне мы с Александрой Алексеевной Голохвастовой мечтали о поездке дня на три.

Вы полагали, что судьба Капеллы и Ваша решится не позже 18 августа. Будем ждать известий. Бог в помощь!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 87

Смоленский — Волковой

Петергоф, 17 августа 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Нахожу, наконец, минутку написать Вам последние о себе новости. 14 августа я вдруг узнал, что Ш³ вызвал к себе Клеповского и предупредил его о предстоящем ему исправлении должности Начальника Капеллы, так как Ш³ уезжает в отпуск, а мое увольнение — дело решенное уже Государем.

Мои объяснения с Правителем Канцелярии Министра Мосоловым подтвердили известие о моем предстоящем увольнении. Оказывается, что Ш³ написал письмо-ультиматум Государю на маневры, в котором расписал меня как только ему было надобно. Государь, беседуя с Министром Фредериксом, сказал: «я очень ценю знания и труды Смоленского, но Ш³ начальник, и Я его выбрал, а он уже выбрал Смоленского; Мне надо, чтобы была хороша Капелла, и если Ш³ находит невозможным служить с Смоленским, то пусть возьмет другого». Понятно, что я в тот же день подал прошение об отставке. Беседуя 15-го по этому поводу с Министром, я заявил ему, что я считаю долгом честного человека оказать последнюю услугу Капелле и потому предупреждаю Министра о полной невозможности оставить Ш³ начальником Капеллы как неделового, неуча и полоумного (конечно, я говорил не так резко), не говоря уже о Ш³ как о графе, не могущем бывать в Капелле постоянно, как о тяжком самодуре. Конечно, от Министра зависит доложить или не доложить Государю это мое предупреждение.

Граф Сергей Дмитриевич и А. Н. Нарышкина горячо вступились за меня перед Государем, и пока еще неизвестно, будет ли от того толк.

Но одна вещь меня совершенно поразила. В Сарове Ш² (а не Ш³) усиленно чернил меня всячески перед Императрицей Александрой Федоровной. Это, конечно, вполне логично и понятно. Понятно и то, что Императрица захотела проверить слова Ш² и будто бы поручила разведать Великой Княгине Елисавете Феодоровне, а эта спросила опять того же Ш². Известно с достаточною достоверностью, что у Ш³ имеется в руках отзыв обо мне письменный от Ш², переданный Ш³ будто бы Императрицею и, конечно, использованный Ш³ вполне для выигрыша дела. Я думаю, что Александра Александровна могла бы знать это дело?

Я совершенно спокоен, хотя, может быть, это спокойствие и есть великий нервный припадок, за которым последует крутая реакция. В самой глубине моей души я простил графа Александра Дмитриевича всю силою моего исповедания Иисуса Христа, не переставал за него молиться и буду молиться за его недобрую душу, содеявшую надо мной такую тяжкую катастрофу. Сладостью этой молитвы, как Вы знаете, я обязан Вашему указанию при деле Азеева и К°. Верю и в то, что придет время и устыдится [он] жестокости своих действий надо мною, пожалуй и будет наказан, конечно, только не мною. Нелепость всей исто-

рии со мною — просто непонятна. Все знают, что за фигура Ш³, все уверяли меня в неизбежном его уходе, и вдруг он осиливает, ведя, конечно, Капеллу на тяжкие испытания. Характерно и то, что он недавно выразился сам: «прогонят Смоленского — начну сам дело вершить, а если не пойдет — уйду».

Но если, как мне думается, хозяйничанье Ш³ в Капелле будет кратковременно, то нельзя не подумать, что более умный, притом не глупец, как Ш³, а истинный негодяй Ш² вскоре будет очень сильною персоною¹. Реабилитация моей чести, столь поруганной теперь дружными усилиями Ш² и Ш³, очень занимает меня, по сущей совести виновного перед ними обоими в тысячу раз меньше, чем они передо мною, осиливавшие клеветою и погубившие теперь меня окончательно. Конечно, мое мирозерцание было невыдержанно, если бы я задался целью мстить Ш². На нем, как и на Ш³, я поставил крест, давно простив Ш² «до семидесятью семи раз». Но ведь есть на свете и другие слабые люди, которых душит Ш². Отчего же не обличить его и не поставить предел этому негодяю?

На днях я буду в Москве и, может быть, найду время побывать у Вас от поезда до поезда². Помяните меня в Вашей чистой молитве. Аня моя — сущая страдалница — расстроена ужасно. Впрочем, правду сказать, мое материальное положение изменяется очень круто к худшему.

Вашим поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 131—131 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Смоленский оказался прав в своем прогнозе относительно «Ш²»: А. А. Ширинский-Шихматов вскоре стал тверским губернатором, затем помощником обер-прокурора Св. Синода и обер-прокурором; правда, на этом его служебная карьера пошла на убыль. Однако «Ш³», то есть А. Д. Шереметев, оставался в Капелле еще много лет, вплоть до 1917.

2. Смоленский действительно побывал на несколько часов в Спасском 23 августа, во время своей поездки к С. Д. Шереметеву в Михайловское.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 20 августа 1903

Добрый Степан Васильевич. Даже не знаю, как Вам ответить письменно на самую суть вашего тяжелого сообщения. Вы пишете: «может быть, найду время побывать в Спасском при проезде», — ну что это за «может быть»? Тут-то и надо заехать, когда несколько часов в тихой деревне, в среде соболезующих, но отнюдь не причастных к служебным делам друзей, могут послужить хоть крошечным отдыхом, именно «отдыхом», как полезно бывает отдышаться после тяжелого напряженного усилия. Мама говорит, что Вам следовало бы заехать, и

по-моему, лучше бы *до* Москвы. Мы все приняли Ваше письмо очень к сердцу, то есть, вернее, не письмо, а судьбу Вашу.

Вы говорите: «Александра Александровна могла бы знать это дело». Но А. А. не охотница писать, настолько, что с мая месяца я от нее только одну прямую весть и получила: а именно сообщение, что она остается в Петергофе и зовет меня, на время общей поездки в Саров.

Очень многое хотелось бы ответить Вам, но для этого надо бы и еще спросить кой о чем, а все это на словах бы легче.

Пожалуйста, добрый Степан Васильевич, не говорите «чистая» молитва; это очень смутительно, и к тому же едва ли правда. Вот одно сделаю, что могу: завтра здесь обедня, подам о здравии Вашем и Анны Ильиничны.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 88—89

Смоленский — Волковой

[Петербург, начало сентября 1903]

Добрейшая Софья Сергеевна! Очень тронул меня и жену вопрос о моем здоровье. Рад ответить Вам, что хотя в ходу валерьяновые и лавровишневые капли, боржом и проч., тем не менее здоровье нас обоих, слава Богу, лучше, чем бы можно было думать. Анята гораздо спокойнее прошлого, а я уже начал работать, забывая за работою не столько Капеллу, сколько людишек ее населяющих. Но дети и некоторые приятели, особенно же москвичи, еще сильно щемят сердца наши предстоящею разлукою.

Очень занят я сейчас мыслями о предстоящем, может быть, чтении лекций в здешней Духовной Академии. Немало времени уносит составление записки для С. Д. Ш⁴ (Вы догадываетесь теперь, что под таким шифром он будет значиться в 3-й части «воспоминаний», причем роковое «А» уже отсутствует¹) — относительно будущего «особого поручения», о котором я Вам говорил; занят я также спешною выборкою из архива Капеллы всяких выписок, надобных для будущих иллюстраций либо в лекциях, либо в статьях.

Конечно, нервы ходят ходуном, но все же крепче чувствуется, чем думалось. Грустно глядеть на Капеллу и слышать про ее новости. Достаточно сказать, что вернули Азеева.

До 1 октября я еще на Мойке, 23-го, 24-го или 25-го сентября прошу позволения побывать у Вас на обратном пути из Москвы. Если порадуете меня Вашим письмецом — скажу большое спасибо. Не писал Вам потому, что незачем писать чистым людям про грязь, — слава Богу, что сам вырвался, и приветствую радостно свою свободу и спокойную жизнь без всяких Ш² и Ш³, столь отравивших более 10 лет моего труда.

Вам и Вашим мой и Ани поклон и привет.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 132—133

1. О «записке» и «особом поручении» см. в комментариях в переписке с Шереметевым. Можно заметить, что «шифр С. Д. Ш⁴» по отношению к графу Сергею Дмитриевичу более никогда Смоленским не применялся; роковое «А.» — это первый инициал трех «врагов» Смоленского: А. Н. Шишкова, А. А. Ширинского-Шихматова и А. Д. Шереметева. Третья часть Воспоминаний не была написана, они завершаются главой о Придворной капелле до начала острого конфликта с А. Д. Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Петербург, 4 сентября 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Сегодня я прочитал в Правительственном Вестнике об увольнении меня от службы 17 августа. Климов теперь в Подсолнечном. Не откажите, если возможно, [передать,] что я благословляю его возвратиться в Тамбов, буде это дело у него легко устроится¹. Здесь Кленовский, которого мне уже назвали «предателем», уже начал с того, что уволил двух лучших преподавателей и пригласил — прости Господи — Азеева!² Понятно, что ко мне Кленовский придти не решается, — а я-то верил ему!

Конечно, очень будет трудно привыкать к обидам и неволью терпеть их, так как, точно на грех и на смех, в моей будущей квартире разломали печи и подняли полы! Уверяют однако, что к концу сентября я все-таки буду на новоселье, — хоть и то радость.

Конечно, бедная Аня льет слезы по всякому малому поводу. С какой любовью обставляла она жилье на Мойке, и теперь приходится продавать вновь сделанное. И я буду вынужден продать мой чудный рояль Дидерихса — только купленный и неигранный! Так жалко!

Но есть и утешения. Прежде всего свобода и занятия вольные именно тем, чем захочется. Буду иметь массу свободного времени, в которое займусь любимую наукою, буду наконец-то не под начальством! Не думаю, чтобы особенно был я в будущем стеснен средствами к жизни, хотя и несомненно придется жить значительно теснее прошлого, — но зато опять свобода!

Лишь бы Бог дал теперь возможность сохранить здоровье мое и жены — это самое главное.

Сейчас идут переговоры о чтении мною лекций в Духовной Академии, — это уже глубоко интересует меня. Чем кончатся переговоры — сказать пока трудно, но хорошо и то, что заговорили.

Вам и Вашим мой и Анны Ильиничны сердечный привет и поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 134—134 об.

1. М. Г. Климов остался в Придворной капелле на месте помощника учителя пения, через десять лет стал учителем пения.

2. Из сентябрьских записей в Дневнике ясно, сколь сильно был обижен Смоленский поведением приглашенного им же в Капеллу Кленовского, которого даже называет в одной из записей «болтуном и бесструнной балалайкой» (30 сентября). Но нетрудно понять и Кленовского, который приехал в Петербург по вызову Смоленского, бросив хорошо налаженное дело и дом в Тифлисе, и в новых обстоятельствах не мог сразу покинуть выгодное место службы.

Волкова — Смоленскому

Спасское, 7 сентября 1903

Добрый Степан Васильевич, несмотря на грустные в нем известия, я была рада получить Ваше письмо; рада также, что удалось вчера исполнить ваше поручение и повидать Климова. Рада же всего более тому, что Вы велели передать мне: что Вы успокоились. Настало для Вас тяжелое время испытания, но верю, что, Бог даст, Вы затем того более насладитесь тишиной и отдыхом среди любимых и отличных занятий. Не выродитесь Вы в «крюкотворца», а будете, Бог даст, еще долго, бодрым и полезным «крюколюбцем». Теперь же думаю с удовольствием о том, что есть около Вас преданные Вам, начинающие жизнь молодые люди, которым в настоящую тяжелую пору искусства Вы можете послужить примером деятельного благодушия, дающего право исповедовать «с ненавидящими мира бех мирен». Вот я и думаю, что, может быть, не «на грех и на смех» в будущей квартире полы разломаны, а потому что и на это воля Божия. Хорошие, утешительные это слова, что «любящим Бога... все содействует ко благу»¹.

Так это хорошо, что после этого ничего более писать не хочется. Да и некогда, если поспеть к сегодняшней почте.

С. Волкова.

Р. S. Вспомнила я, что хотела об одном спросить Вас: Вы поминали о пансионе M-Ile Constant — не могло ли бы случиться, что в этом пансионе нашлись бы занятия, например начального языка, или место *классной дамы* для одной очень почтенной личности, умеющей, мне кажется, *отлично* ладить с молодежью. Это — Марья Александровна Крылова, заведовавшая всем домом М. А. Веневитинова во время его болезни. Мы все успели полюбить ее. Раньше

она давала уроки, между прочим и музыки. Ей лет 50. Она окончила курс Мариинского института. Какой длинный P. S.! Простите!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 90—91 об.

1. Послание к римлянам 8:28.

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 сентября 1903

Добрейшая именинница! Если я урвусь временем — напишу подробнее о том — какво живется в отставке. Пока — ограничусь тем, что целую Ваши дружеские ручки и посылаю самые сердечные Вам приветствия, поздравления и пожелания, столь нежные, столь полные, сколько Вы сами виноваты в них своими достоинствами и участием к отставному ныне генералу.

Приветствует Вас также душевно и Анюта, посылающая вместе со мною поздравления в ту семью, где имеется такая хорошая именинница, как Вы. Шлем и пожелания доброго здоровья и всякой радости.

Живем мы здесь гораздо спокойнее и достойнее, чем месяц назад. О! какой это был жестокий и тяжелый месяц! Теперь и нервы стали поспокойнее, и горизонты прояснились, и даль стала виднее, да и солнышко греет чаще. В день Веры, Надежды, Любви — чудных трех чувств, так умело соединяемых мудрою Софиею, — невольно обобщаю многое, но решительно нет времени писать, даже и Вам. Даже и Вам — имениннице, которой я так люблю писать. Работаю много и хорошо, благодушно и спокойно. Впрочем — до свидания. Едва ли урвусь по дороге в Москву¹. В обратный конец — Ваш гость, а если будет что сообщить Вам до того — напишу. Вашим мой привет и жены, как и Вам еще раз.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Был этими днями у старушки Людмилы Ивановны [Шестаковой] — здравствует хорошо.

РГАЛИ, ф. 723, № 64, л. 135

1. Смоленский собирался 19 сентября в Москву, где устраивал свидание С. Д. Шереметева со старообрядцами.

Смоленский — Волковой

Петербург, 1 октября 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! Уж именно «не имей 100 рублей, а имей 3-х друзей» — так утешили Вы меня строгим и изящным разбором моей статьи, что и передать Вам не сумею¹. Перечитывая Ваши бумажки, ныне приклеенные в подходящих у статьи местах, я вновь продумал все указанное и, конечно, переделаю все, — ибо зачем писать неясности? Ваш отзыв в письме, что мои мысли радостны, широко и бодры, — мой суший праздник! Не пишу Вам о ряде перемен около параграфа об иконописи и параграфа о Синодальном хоре (казавшихся мне самым слабым местом статьи), так как еще не прояснился и не замкнулся в круг ряд моих мыслей о более основательной мотивировке этих параграфов. В следующих письмах либо при личной беседе то будет представлено Вам. Но зато скажу Вам теперь об удовольствии иметь такую цензоршу, как Вы, нет, лучше скажу об удовольствии иметь такой «цензурный комитет», как временно-учрежденный в Спасском. Спасибо, глубокое спасибо председателю и непременно члену, как и строгому члену-секретарю. Да здравствует цензурный комитет! Вот к какому противоречию приходится мне, радостному и свободолюбивому, прибегать на старости лет! Всегда я ненавидел полицию, жандармерию, прокуратуру, цензуру и проч., а теперь повторяю опять: да здравствует временный Спасский цензурный комитет! Лучшего начальства не надо! Особенно же приветствую секретаршу!

В качестве текущих новостей не могу не поделиться с Вами тревожными известиями о событиях в Германии и Японии, одновременно — умышленных по нашему адресу. Государь возвращается домой; как говорят, послезавтра он будет уже здесь, совершенно возмущенный наглостью оскорбления в Гааге нашего Муравьева и ультиматумом Японии об очистке нами Кореи в 2 дня. Конечно, никто не знает подробностей, но сразу заговорили по-иному австрияки и турки... Очень лихорадочно толкуют о войне на два фронта². Несомненно, что мобилизация гвардии уже приказана и начата. Как ни успокаивают сегодняшние газеты, разъясняя будто бы «мистификации биржевиков», но в гофмаршальской части работают усиленно, ожидая прибытия Государя теперь, вместо 6 ноября. Что будет — пока очень темно и веселого не видно.

Мой переезд на квартиру вынужденно отлагается на несколько дней из-за невысохших полов и холода. Как только, начиная с сегодня, уладится это приготовление, я, действительно, буду в «келье», зажгу лампаду, пыль веков отряхну от хартий и начну переписывать правдивые сказания, да ведают потомки, etc. Кабинет мой будет столь малюсенький, что это подходит к келии, но он будет и уютен.

Нет времени писать еще. Пора отправлять письмо, да и работа не ждет. Спасибо Вам и всему Комитету. Жена кланяется.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

1. Смоленский побывал в Спасском 25 сентября, проездом в Петербург. Разбираемой «статьей» мог быть очерк Смоленского для ОЛДП «О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии». «Цензурный комитет» Спасского состоял из сестер Волковых и их матушки, а также, возможно, кого-то из их приятельниц или родственниц. Так, в апреле 1903 вторая часть Воспоминаний обсуждалась в Спасском при участии Александры Алексеевны Голохвастовой.

2. То есть с Японией и с Германией и Австро-Венгрией (подробней см. в переписке с Шереметевым).

Смоленский — Волковой

Петербург, 2 октября 1903

Вчера я отправил Вам письмо, добрейшая Софья Сергеевна, упомянув об отложенном на несколько дней нашем новоселье. Вчера же к обеду подоспел пирог, адресованный на Фонтанку, но попавший на Мойку. Как ни незаконно было принять привет Ваш и добрейшей Марии Сергеевны, продолжая жить еще на Мойке, я и жена моя, растроганные Вашим вниманием, порешили принять пирог и, мысленно трапезуя с Вами, мысленно сидя на Фонтанке, обновить с Вашего почина последний период нашей жизни, может быть и последнее наше новоселье. Как обыкновенно бывает, в виду хорошей еды нашлись приятели, охотно взявшиеся за экспертизу достоинств пирога и уничтожившие значительную его часть с превеликими похвалами мастеру, более же того проявлению внимания столь издалека. По правде сказать, моего мужества хватило прямо отнять пирог у таких экспертов, чтобы продолжить самому с женой и братом их дело.

Конечно, Анята благодарит обеих вас от всего сердца и очень, очень тронута вашим вниманием, я же с сущим удовольствием целую обеим вам ручки, принимая к сердцу ваши наилучшие пожелания. Мы оба просим передать наши почтительные приветы высокоуважаемой Марии Владимировне с нашими пожеланиями ей доброго здоровья и всякой радости.

Вчера вечером и сегодня утром опять бодро работаю, но пишу о Чайковском, к 10-летию его кончины, вспоминая процесс о его Литургии, которую, конечно, помянут покойного 25 октября¹. Мне показалось, что надо передохнуть со статьею, бывшею в Спасском цензурном комитете, и я отложил ее на несколько дней. Пора кончать письмо, чтобы попало 3-го к вам. Спасибо вам, добрейшие мои Мария и София Сергеевны, от меня и жены еще раз.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. Эта статья была закончена в октябре и опубликована в РМГ (№ 42, 43). Литургию Чайковского обычно исполняли в день его кончины в московской церкви Большого Вознесения и в петербургской Александро-Невской лавре.

Смоленский — Волковой

Петербург, Фонтанка, 34, 13 октября 1903

Добрейшая Софья Сергеевна! За сутолокою по устройству новоселья, за усталостью и отчасти по недомоганию легкому меня и беспокойной еще нервами жены, не писал Вам. Думал я быть сегодня в Спасском, проезжая в Москву, а то не состоялось, а без весточки о Вас мне прямо скучно. Пришлось лишить себя удовольствия поглядеть «Добрыню» 14-го все из-за той же сутолоки¹.

Прилагаю листок о газетных корреспондентах, который в свое время забыл вставить в свои «воспоминания», и прошу Вас ткнуть его туда куда-нибудь². На этих днях пришлю Вам корректуру моей статьи об Обедне, ор. 41 Чайковского, что покажет Вам, что я не сижу сложа руки и меняю аршин и молоток на перо и бумагу.

Новоселье оказывается возможным превратить в уютную зимовку, приятную на вид даже и после Мойки, 20. Но хлопот много.

Капелла, о которой меня осведомляют не без усердия, переживает нечто худшее, чем можно было думать. Кленовский оказался плохим администратором и еще худшим чиновником. В пение хора он решительно не входит, что, конечно, отзывается на дисциплине и ансамбле.

Я действительно «зажег свою лампаду и отряхую от хартий пыль веков», сидя в малюсеньком кабинетике между своих трех шкафов с книгами. Зажил так тихо, как и не помню, — отдыхаю нервами очень хорошо, да и головой работаю исправно. Работа спорится и потому на душе легко. Особенно же радует меня сад перед глазами и постоянный солнечный свет в квартире. Покой от свободы — какая-то благодать, в которой еще не могу разобраться толком. Разве только и начал постигать темноту омута, из которого меня вынесла судьба, хотя и не без слез временных, но, как оказалось, очень благоприятно, для будущего же, пожалуй, так хорошо, что и лучшего желать не придется. Неожиданно для меня постоянное пребывание дома и тишина в нем, постоянное общение с Анютой вместо бывших свиданий только в столовой. Работы кабинетной так довольно, что испытываю наслаждение от такого обилия ее и от непотери времени на всякие свидания по службе, иногда неприятные, возбужденные и тревожные. Теперь постоянно слышу тиканье часов в третьей от меня комнате, вместо бывших тромбонов, спевков, беготни и проч.

Напишите мне, как здравствуете Вы и Ваши? Анюта кланяется.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. О премьерe оперы Гречанинова см. в комментариях в переписке с Шереметевым.
2. Фрагмент о газетных корреспондентах действительно вошел в текст Воспоминаний (см.: РДМ. Т. IV. С. 310—312).

1904

Волкова — Смоленскому

[Петербург, до 20 января 1904]

Дорогой Степан Васильевич, прошу Вас, если можно, прислать мне Ундольского («Замечания»). Если есть у Вас «Русская музыкальная газета» за 1897 год, то я рада бы познакомиться и со статьями митрополита Евгения (Болховитинова), перепечатанными там¹. Еще просьба, наиболее срочная: граф Сергей Дмитриевич желал бы, чтобы я прочла записку Вашу, посланную им «за город», как он выражается. Он хотел прислать мне ее, но его копия уже отправлена в деревню, где хранятся все его бумаги. Мне бы очень хотелось сегодня до 4½ часов получить эту записку, так как могу поработать сегодня над выяснением намеченных задач, и надо бы мне знать, что уже известно «за городом»². Если предпочтете прийти, то застанете меня до 3½, но все-таки просила бы дать мне копию с записки.

С. Волкова.

РНБ, ф. 855, № 30, л. 189—191

1. Имеются в виду брошюра В. М. Ундольского «Замечания для истории церковного пения в России» (М., 1846) и перепечатанный РМГ в 1897 (№ 7—8) труд митрополита Евгения (Болховитинова) «Исторические рассуждения, читанные в публичном собрании С.-Петербургской Александрo-Невской Академии» (СПб., 1823).

2. Под «запиской» здесь понимается обращение к государю, над которым действительно поработала С. С. Волкова (см. в Приложении к первой книге тома раздел «Проекты Смоленского»).

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 мая [1904]

Добрейшая Софья Сергеевна! Я не могу быть сегодня у Вас, так как все время у меня разобрано. Вчера я неожиданно кончил некоторые дела вместо 8 ч. только в 10½ вечера, оттого не поехал в корпус, куда иду сейчас. В 1 ч. дня у меня приготовительное собрание с приехавшими сюда с разных сторон деятелями по инородчеству. В 6—8 писал доклад для Кобеко, а в 9 ч. вечера открытие нашей комиссии Глазовым¹.

Сочинения Гречанинова, какие у меня нашлись, посылаю. Об узнанном в корпусе сообщу отдельно².

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 84

1. О делах комиссии по инородческому вопросу см. в комментариях к переписке с Шереметевым. Что касается доклада для Д. Ф. Кобеко, то он был связан с проблемой цензуры духовно-музыкальных произведений, ибо в это время Кобеко занимался разработкой нового цензурного устава.

2. Вероятно, Смоленский выполнял какое-то поручение семьи Волковой благотворительного характера (устройство на учебу в Павловский корпус знакомого мальчика), чем занимался вообще нередко.

Смоленский — Волковой

Петербург, [июнь 1904]¹

Добрейшая Софья Сергеевна! Не знаю, ни где Вы, ни как Вы поживаете. Я был сердечно рад увидеть Вас на железной дороге в состоянии гораздо лучше, чем то представлялось мне по рассказам Ваших. С удовольствием услышал бы, что теперь Ваше здоровье еще лучше.

Несколько времени назад я послал наугад, как пишу и теперь в Спасское, только что вышедшую главу из «Воспоминаний», столь обязанных своим появлением именно Вам. С получением этой брошюры не откажите в ее прочтении и сообщите мне: одобряете ли Вы именно такой склад изложения остальных глав? Конечно, я извиняюсь перед Вами в корректуре этой брошюры. Теперь я закаялся поручать другим корректуру моих писаний, ибо в печати выходит что-то малопозволительное².

Живу и проведу это лето здесь в самой усидчивой работе над изданием моего Курса хорового пения³. Точность этого издания отнимает много труда и времени. Хорошо, что великолепный сад перед глазами, и, кроме отличного воздуха, я еще наслаждаюсь тишиною, так как не доходит до меня жестокий уличный шум, не пестрит перед глазами суতোлка людей. При таких условиях и работать нетрудно, и Петербург летом не так несносен, как то мне представлялось.

Поуспокоился я и со своими нервами, так как прошла в Капелле вздувшаяся было невзгода на моих товарищей, отчаявшихся уже в вразумлении Ш³ с помощью гр. Гейденов. Последние остановили намерение его покончить наотмашь со всеми «Смоленскими», и это спасло всех их от многих бед и слез.

Прошу передать мой глубокий привет и поклон Вашим. Я был бы рад услышать, что у Вас лично и у Ваших все благополучно и благодушно.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 71—71 об.

1. Датировка письма по надписи Волковой.
2. Речь идет о единственном прижизненно опубликованном отрывке из Воспоминаний — о Казани и Казанском университете в 60-х и 70-х годах, вышедшем в 1904 в Литературном сборнике к 100-летию Казанского университета.
3. См. в комментариях к переписке с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Петербург, 15 июля 1904

Большое спасибо Вам, добрейшая Софья Сергеевна, за хорошее Ваше письмо и особенно за порадовавшее меня сообщение о Вашем поправившемся здоровье. Не скрою от Вас моих бывших за Вас тревог, как и тревог за окружающих Вас. Глубоко порадовался я, увидав Вас при отъезде, а теперь и успокоился совсем. Неупоминание Вами о здоровье Вашей мамы и сестры, равно как и назначение Вами ответа в Спасское — тоже хорошие признаки. Поэтому за обедом недалекого уже 22 июля прошу вспомнить, как сердечно будет выпито здесь за здоровье Вашей дорогой именинницы и ее обеих дочерей, какие теплые пожелания мысленно будут посланы в Спасское с Фонтанки из Шереметевского сада.

Наша переписка в смысле количества писем очень сократилась, но не думаю, чтобы температура их понизилась. Незузнаваемо переменилось положение Вашего корреспондента в последний год, но так же благодарно и преданно его сердце по отношению к Вам, как оно окрепло в том уже очень давно. Нет и не будет, вероятно, более в моих к Вам письмах тех постоянно-нервных жалоб, которыми я отводил свою душу в горемычной Капелле. Гораздо спокойнее и достойнее, гораздо содержательнее мой труд теперь, как и мои будущие мечтания о предстоящих работах. На досуге этой зимы, на отдыхе от всяких досадных служебных мелочей, на продумываниях всяких будущих задач умирились мои нервы, успокоились мои тревоги, уравнились дни моего труда, и чувствую я с каждым месяцем возвращение давно уже не бывавшего благодушия и радостного мира жизни. Отстает пока от меня в таком самоумирении моя дорогая Анюта, но и тут дело подвинулось намного к лучшему в сравнении с минувшею зимою. Если так же пойдет на мир ее здоровье, то несомненно, что мой выход в отставку и освобождение нас обоих от тревог и сутолоки по моей службе есть начало последнего и спокойного периода нашей жизни. В час добрый!

Я очень рад тому, что Вы отозвались об отрывке из моих воспоминаний как о легко и скоро читающемся. Характерно и верно суждение и швейцарского происхождения особы¹. Мне именно хотелось иметь в виду впечатления читательниц, так как я имею в виду их всегда беспристрастный и строгий суд, не опирающийся на самоуверенный мужской суд и всегда более изящный и искренний. В часы между моими научными работами я прямо отдыхал за писанием *всякой* беллетристики и, как самоуверенный мужчина, не могу не скрыть от Ва-

шего чуткого женского ума несколько заглавий всякого рода, весьма далеких от моих «Воспоминаний»². Конечно, эта скрытность и самоуверенность продлятся только до первого нашего свидания.

Теперь меня одолевают корректуры моего цифирного Курса, который печатаю 6-м изданием со стереотипами, чтобы избавиться от этой скуки на будущее время. Остальное время сижу над продумыванием русских песен и штудированием тех гармонических костюмов, в какие они одеты гг. Балакиревым, Лядовым, Ляпуновым и Римским-Корсаковым. Вы, конечно, понимаете, что я очень далек от сочувствия этим маскарадам и работаю в области сближения мелодий народных и церковных, равно и в разгадывании тех психологических оснований, по которым столь сильные и знающие музыкусы все-таки написали столь много непроходимого вздора. Чтобы быть доказательным, надо дать свое новое и по крайней мере логичное, сколько-нибудь притом и изящное, а не протокольное³. За этой трудной и медленной работой сидит теперь кланяющийся Вам и Вашим —

сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РНБ, ф. 1050, оп. 1, № 4

1. О ком идет речь — неизвестно.
2. В наследии Смоленского есть несколько кратких «беллетристических» этюдов (не изданы).
3. Эта тема нашла отражение в сообщении Смоленского в ОЛДП и статье «О ближайших практических задачах...»

Смоленский — Волковой

Петербург, 4 августа 1904

Добрейшая Софья Сергеевна. От Вас ни словечка нет, но почему-то мне кажется, что у Вас все благополучно, все вы здоровы. Может быть, это находится в зависимости от моего самого наилучшего благодушия, с каким я пишу Вам это письмо, — не знаю, только нечаянное взятие других чернил из дорогого мне трехсоставного сосуда (находящегося уже без перерыва около 3½ недель в работе) заставляет меня ошибиться уже вторично и тем наглядно показать, какими колерами я работаю теперь с таким большим одушевлением и благодушием¹. Я предвкушаю скорый конец моим корректурам и труду подготовительному по сравнительному тексту догматиков, заканчивать которые буду в проезд мой через Москву в начале второй половины августа.

Если Вам интересно будет узнать, куда идут разноцветные писания, то скажу кратко: слог в слог от синодальных изданий и старообрядческих певчих книг сопоставляю я письменно все 8 догматиков, излагая их в знаменных под-

линниках с переводами на ноты и в редакциях каждого века от XVII до XI; это сравнительное изложение завершается древнейшим греческим². Уже одно приготовление имеющихся у меня дома редакций представляет для меня огромный интерес, давая множество поводов для обсуждения всяких подробностей. Во всяком случае это вполне свежая новь, до сих пор еще ни разу не тронутая, оттого и интересная для меня еще более. Да и самые догматики, отлично для меня знакомые, давно считались мною за наилучше обдуманнные образцы в древнем пении, наиболее развитые и наиболее поэтичные.

Впрочем довольно и этого — специалисты готовы верить, что всем приятны их увлечения.

Вам и Вашим поклон и привет мой и жены. Будьте здоровы и благодушны.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 72—72 об.

1. Начало письма написано чернилами трех цветов (лиловый, синий, красный), далее Смоленский переходит к обычным для него черным чернилам.

2. Эта работа сохранилась в архиве Смоленского в РГИА (№ 42), но до сих пор не опубликована.

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 сентября 1904

Добрейшая Софья Сергеевна! Прошу Вас принять мой и жены сердечный привет с днем Вашего ангела, всякие добрые Вам пожелания всяких благ и радостей, начиная со здоровья.

Конечно, я очень пожалел, не застав Вас в Спасском во время моего, так сказать, пролета мимо этого уголка¹. Мне приятно было увидеть Ваших в добром здоровье и в благодушии, равно и услышать про улучшение Вашего здоровья. Но мне так хотелось перекинуться с Вами словечком, что из пребывания в Спасском невольно убыло удовольствия на $\frac{1}{3}$.

Нечего говорить, как хорошо повлияло путешествие до Перми на мои расстроенные нервы и как уравновесился я от отдыха после летней работы. Теперь снова сижу за работой, начав приводить в исполнение план предстоящей зимней кампании. Много тут и концов прошлогодних, много и новостей, много и предположений всякого рода.

13 сентября я навестил горемычного слепца И. В. Покровского, и мое посещение пришлось сейчас же после того, как был у него г. Киреев². Визит Киреева был неожидан и озадачил больного, как и его жену. Вместе с тем, как кажется, был озадачен и сам Киреев, войдя в маленькую, но вполне бла-

гоустроенную квартирку, где ничего не говорило о наступившей уже нищете и беспомощности. Впечатление это от только что убранного гнездышка молодых супругов, от только что минувших и притом достаточных заработков больного — вполне понятно; но это нисколько не устраняет предстоящей и неотвратимой бедности несчастного слепца, нисколько не устраняет действительной беспомощности бывшего недавно работника, недавно бывшего счастливого, ныне мужественно готовящегося работать в слепоте, остатками сил. Именно в смысле поддержки в это переходное время, когда слепец выработает себе возможность утилизации оставшегося знания и умения, возможность в чем-либо обходиться без глаз, — именно для этой критической поры вступился я ходатаем за этого беднягу, сердечно жалея и его молодую жену. Последняя (она — Ламанская, — но также беспомощная) мужественно переносит беду и начала уже работать в Думе. Конечно, всякие гравюры, статуэтки, хорошая посуда, мебель и проч. скоро уйдут из дому за бесценок, как и квартирка скоро заменится какой-либо меблированной комнатой. Годовые платы за бывшие уроки прикончились все у Ивана Васильевича к 1 сентября и доходы бывшие прекратились совершенно. Я сообщаю Вам эти подробности на тот случай, если бы в самом деле г. Киреев нашел положение Ивана Васильевича зажиточным по внешнему только виду.

Во всяком случае посещение г. Киреева было по письму почтеннейшей Марии Владимировны. По две тихих, но крупных слезинки из потухших глаз страдальца и из затуманившихся глаз его молодой жены я видел сам. Да послужит это первым выражением меры их благодарности за полученное от Марии Владимировны начало утешения. Как бы хотелось продолжения этой их радости!

Вместе с этим письмом отправляю приветствие по почте престарелой и высокочтимой Людмиле Ивановне. Как ни люблю я эту старушку лично, а по памяти ее дивного брата — вдесятеро, не могу решиться быть у нее сегодня, чтобы не попасть на свидание со здешними музыкусами, от которых не жду деликатного отношения к себе после моего ухода из Капеллы и после моего последнего сочинения, очень не понравившегося многим. Не могу решиться быть у нее и потому, что не вполне для меня ясны возможные причины ее неудовольствия на меня за что-то, будто бы непочтительно сказанное мною про Глинку! Этого только недоставало! Лишь неделю тому назад я провел в Москве упоительный вечер, слушая неувядаемые красоты «Руслана», десятки страниц которого изучаются мною с гораздо большею тщательностью и дальнорзоркостью по отношению к крюкам, чем могли бы думать многие из тех же музыкусов. Но не могу я быть в том доме, где мое появление может быть встречено косым взглядом и неприветливостью, в ответ на мое совершенно чистое чувство. Тем более воздержусь от такой встречи именно у Людмилы Ивановны, которую не могу иначе видеть как только с глубоким почтением, ею вполне заслуженным³.

В Москве мои впечатления были не особенно веселы: Синодальный хор, который я слушал за обеднею 8-го, заметно опустился, утратив прежнюю строй-

ность и точность в исполнении, прежнюю изящную тщательность; в Синодальном училище все идет по-прежнему к упадку в дисциплине и в ученье, так что скоро эта когда-то отличная школа будет совсем плохую и неэнергичную, а лишь прозябающую и малопродуктивную. Хор еще поддерживается кое-как, а на училище чуть не махнули рукой. Новый прокурор, вместо Ш², оказался еще бюрократичнее и суше бывшего — бумагомарание о благополучии во всем заменяет действительные заботы о деле⁴. В деле о выдаче мне рукописей понадобились ссылки на законы (!) и затормозили дело. Впрочем, чего же и ждать путного от чиновников, соблюдающих лишь законы и пишущих бумаги, вместо действительного служения правде и делу! Жалко только бывшее, да досадно на временную помеху мне в текущей работе. Да и в одном Синодальном училище, в одной ли Капелле все идет так? Пять минут назад прочитал я, что в Сызрани мучаются солдаты, идущие на войну: они не могут настигнуть вагоны с печами, а их не могут настигнуть вагоны с теплой одеждой — и все-то так, до недавней похвалы пресловутому интендантству, до Высочайшей благодарности!

Но пора торопиться на вокзал, чтобы пришло вовремя мое поздравление. Будьте здоровы, будьте радостнее меня в минувшие 10 минут, ушедших на последние строки. Мой привет Вашим.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 62—63

1. Об этой поездке Смоленского в Москву см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

2. Покровский Иван Васильевич (1876—1906) — композитор, автор духовно-музыкальных сочинений. В Дневнике 4 Смоленский рассказывает, что, желая помочь Покровскому, он советовался с М. В. Волковой, которая дала ему рекомендательное письмо к высокопоставленному лицу — генералу и религиозно-общественному деятелю славянофильского направления Александру Алексеевичу Кирееву (1833—1910).

3. Об отношениях Смоленского с А. И. Шестаковой и его конфликте с петербургскими музыкантами см. Предисловие Волковой в Приложении к разделу. Надо полагать, что неудовольствие как Шестаковой, так и музыкантов из ее окружения могли вызвать те высказывания Смоленского, устные либо письменные (см., например, в работе «О ближайших задачах...» или в приведенном выше письме к Волковой от 15 июля 1904), в которых настойчиво подчеркивалось, что русская профессиональная музыка только начала осваивать народную песню и пока сделала в этом отношении не так уж много. В частности, можно заметить подобное неудовольствие в письмах к Смоленскому окончившего Петербургскую консерваторию А. Т. Гречанинова, который счел нужным вступить за критикуемые Смоленским песенные сборники Балакирева, Римского-Корсакова, Лядова. См. также в комментариях к переписке с С. И. Танеевым.

4. После князя А. А. Ширинского-Шихматова, назначенного губернатором в Тверь, прокурором Московской Синодальной конторы был А. А. Завьялов, впрочем, не задержавшийся на этом посту слишком долго (1903—1906).

Смоленский — Волковой

Петербург, 5 октября 1904

Добрейшая Софья Сергеевна! Давно не писал Вам и реже пишу Вам вообще, добровольно и невольно лишая себя этого истинного удовольствия для моего сердца. Вы скажете: почему? — запрета не было? — я отвечу: некогда — дела у меня столько, что прямо не успеваю. Тем дороже мне те минутки, когда урвусь написать Вам, и тем дороже теперь Ваши редкие ко мне письма.

Конечно, я очень пожалел, не застав Вас в Спасском. Но я не имел возможности пробыть у Вас долее, так как наутро меня уж ждали здесь. Кроме своих дел и занятий много уходит у меня времени и сил на хлопоты по устройству в разные концы моих бывших товарищей по Капелле. Их выкуривают оттуда нещадно, стараясь угодить Ш³ и не рассуждая, как они выбрасывают за борт лучших людей, не имея ни стыда, ни жалости не только к людям, но даже и к самой Капелле. Конечно, верят мне еще многие, и без особого труда я устраиваю своих горемык, но все же приходится чувствовать много всяких болей сердечных.

О себе скажу так: с каждым месяцем все более успокаиваюсь и все усиленнее работаю, здоровье не хуже, нервы — крепче, энергия много лучше. Поуспокоилась и жена, убедившаяся теперь, что и при нынешних моих средствах терпеть жизнь можно, даже и без особых лишений; когда же будут у меня заработки, тогда и заживется еще свободнее, а это, Бог даст, не за горами.

Сегодня — забыл о новом царском дне¹, пошел было в библиотеку на работу и вдруг оказался свободным на два с половиной часа. Поэтому и пишу Вам. Последняя новость моих дней — приглашение меня здешним Университетом вступить в ряды его приват-доцентов. Поэтому вчера было подано мною ректору Университета надлежащее заявление. Вот и еще трудом более во славу Божию, ибо и этот труд без вознаграждения².

С Синодальным училищем у меня вышла невольная непонятная и странная, даже какая-то дикая суспиция. Правление Синодального училища, воспользовавшись тем, что Канцелярия Синода не известила в Москву о выдаче мне по приказанию К[онстантина] П[етрови]ча рукописей на дом, прислало мне резкую бумагу, из которой делаю выписку: «Усматривая, что 33 рукописи, отосланные в Архив Св. Синода для занятий в помещении Архива и под надзором заведующих им лиц, находятся на частной квартире, что этим самым резким образом нарушены владельческие права училища и Правление поставлено в невозможность охранять целостность рукописей, что в них ощуща-

ется нужда и в Москве для занятий разных лиц, которые горько (как г. Сенатов) жалуются на продолжительность пребывания рукописей у В[ашего] П[ревосходитель]ства и с нетерпением ждут их возвращения», — потребовать обратно и не рассматривать моей новой просьбы (о трех рукописях на два месяца) до возвращения моих рукописей.

Конечно, я немедленно сдал рукописи обратно в Синодальный архив и притом в самом полном порядке. Вместе с тем я написал Константину Петровичу большое письмо, в котором вполне откровенно изложил всю суть дела сполна, прося его не лишать меня возможности работать далее по привычным документам и прося вразумить Правление к более уважительным ко мне отношениям, оказавшимся по подробностям бумаги и грубыми, и лживыми. Это письмо я Вам прочитаю здесь по Вашем приезде, если Вас то заинтересует. Результат — приказание Константина Петровича возвратить мне рукописи³.

Но я задумался вот над чем, и именно Вам пишу о том: что бы такое могло быть причиною такого казуса с моей стороны сейчас и в прошлом? Какая была цель столь несдержанной выходки, столь недалёковидной и, по правде сказать, глупой и ненадобной? Что я сделал Синодальному училищу, в частности и [Василию Сергеевичу] Орлову — только добро без конца и никогда вообще не метил и не завидовал никому, — ссылаюсь на Вас, знающую меня немало лет и читавшую мои Воспоминания. Невольные мои обличения в письме к К[онстантину] П[етровичу] доказали и мой бескорыстный труд, только возвеличивающий репутацию владельца библиотеки и широту задач Синодального училища; что я обличил все передергивания, преувеличения, умолчания и проч. в бумаге — кто же виноват, если, клеветая и издеваясь, его заставляют обличать и ради настоящего и будущего труда моего и других. В то же время меня ставит в полное недоумение то, о чем я предупреждал и что случилось, то есть бесцеремонность Правления по отношению к Константину Петровичу — своему начальнику, бесцеремонность и по отношению к Архиву, да и ко мне. Надо было сообразить, что бумага, некорректная сама по себе, легко опровергается и ставит их в глупое положение, к тому же и безвыходное!

Но меня волнует и другое: как я, искренно исповедующий нашу веру и всегда уступающий, я, работавший так много для училища и, наконец, создавший эту библиотеку, мог оказаться мишенью для выходок по поводу той же библиотеки и по отношению к тому же столь любимому училищу? Или в самом деле в моем характере и в моей деятельности есть поводы к даванию мне таких щелчков, даже и с риском получить воздаяние от начальства? Неужели я способен возбуждать так людей, да еще притом искренно любимых мною, даже до сих пор? Подумайте и вразумите меня!

С глубокою благодарностью встретил я известие, что выдержка из моего письма к Вам о квартире слепца Покровского сообщена г. Кирееву почтенней-

шею Марию Владимировну. До сих пор однако не слышать ничего результатного по части Покровского.

С превеликою душевною отрадою второй уже раз проигрываю я (для себя и по-своему) все три тома фортепианных сочинений Баха. Могу играть однако только с сукном на струнах, хотя и играю в 3—4 присеста ежедневно, еще с мая-июня. Какая глубина и мудрость!

Мой и Ани привет и поклон Вам и Вашим. Терпеливо поджидаю Вашего сюда приезда, я соскучился по Вас, — мы ведь стали так редко видеться и писать друг другу.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

P.S. Сюда вернулась Софья Вас. Чич[ери]на, еще более энергично вставшая за инородцев после наблюдений этим летом на месте. Нечего говорить, как всколыхнулось здесь все из-за Свят[ополк-]Мирского⁴. Как немного надо, чтобы повернуть к себе сердца всех!

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 64—65

1. Новый царский день — 5 октября, день московских чудотворцев, тезоименитство наследника; этот день стал «выходным» именно в 1904-м, с рождением цесаревича Алексея Николаевича.

2. О приглашении Смоленского в Петербургский университет см. в переписке в Шереметевым, в частности, в письме от 29 сентября 1904.

3. Подробнее см. в переписке с Победоносцевым.

4. О поездке С. В. Чичериной к инородцам Поволжья и последствиях ее выступлений на эту тему, а также об отношении Смоленского к князю П. Д. Святополк-Мирскому см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

Волкова — Смоленскому

[Петербург, 11 апреля 1905]

Добрый Степан Васильевич, в записке Вашей не наша ответа на вопрос, который по моим предположениям всего более может интересовать Шахматова. А именно, *в каких губерниях* можно надеяться всего более найти рукописей, каких столетий, и остался ли *край, совершенно не початый для сбора рукописей церковных?* Откуда ничего не поступило, например, в Синодальную библиотеку. Может быть, Вы зайдете на полчаса в 1½ часа или 2 часа? Лучше бы всего пораньше — у меня еще несколько готовых вопросов. Если же нет, то потрудитесь сказать мне, думаете ли Вы быть дома между 4—5 часами на слу-

чай, если буду иметь что передать Вам из разговора с Шахматовым. Очень буду благодарна за скорый ответ насчет рукописей!

С. Волкова.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 154

Смоленский — Волковой

[Петербург,] 11 апреля [1905]

Добрейшая Софья Сергеевна! Ваша записка застала меня совсем на отходе в Публичную Библиотеку, где я пробуду до 3½ ч., поэтому я буду сердечно ждать Вас, как Вы посулили.

Отвечаю пока на Ваши вопросы так.

Рукописей всего более можно найти в северных от Москвы губерниях, особенно же по всему Заволжью и в губернии Вологодской, по рекам Сухоне, Вычегде, Вагу, Северной Двине и т. п., — то есть по старым торговым дорогам на Север.

Совершенно не собраны рукописи нижегородские, костромские, частью ярославские и олонекские, так же как и архангельские. Очень много рукописей в Белоруссии (Полоцк), в местностях вне дороги французов и поляков, то есть губерниях Калужской, Смоленской, Минской, Витебской, Могилевской. Очень же много на Волыни. Очень много, пожалуй, более всего — в Новгородской губернии.

Совершенно не собирались мною рукописи во всем Приуралье и в Вятской губернии, где рукописей также очень много.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 154

Волкова — Смоленскому

[Петербург, 11 апреля 1905]

Простите, дорогой Степан Васильевич, что не написала Вам тотчас по уходе Шахматова, долго просидевшего у меня. Он говорил, что Академия, вероятно, охотно взяла бы на себя издание Путятинской Миней XI века или Стихираря 1157 года. А также каталога всех рукописей от XI по XIV век, о чем следовало бы написать докладную записку. Очень интересно Ваше мнение. Не зайдете ли Вы завтра и в котором часу? Если можно, до 4-х. Много могу сообщить.

С. Волкова¹.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 154

1. Две записки Волковой и ответ Смоленского связаны, вероятно, не только с подготовкой Волковой к ее разговору с академиком А. А. Шахматовым, но и с возможным обсуждением ее доклада в ОЛДП, который планировался и состоялся 22 апреля (в нем идет речь о необходимости спасения рукописных сокровищ), а также с разработкой планов будущей деятельности 2-го отдела Общества.

Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — крупный филолог, специалист по древнейшей русской письменности.

Смоленский — Волковой

Петербург, [начало июля 1905]

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно был рад увидеть Ваш почерк и, читая Ваше письмо, как бы беседовал с Вами. Поручения Ваши относительно скрипки для Строка¹ имели пока такое исполнение: 1) на Коломенской мне сказали, что такого генерала в доме решительно нет и никакой скрипки у него не продается; равно сказали мне, что «сама» (т. е. г-жа Фельдберг, б. Миклашевская) ныне на даче и бывает в городе в неопределенные сроки, почему в ее квартиру входа нет никому; про продажу у нее скрипки — также неизвестно ничего; 2) у г. Брежинского, на Малом Проспекте, узнал я, что скрипку уже взял к себе А. В. Преображенский; что когда-то за нее просили 3000 руб., что скрипка молчит уже около 50 лет и что теперь ее уступят будто бы за более дешевую цену, но какую — не говорят даже и приблизительно.

По первому — недоумеваю, что бы предпринять далее; по второму — думаю вскоре зайти к Антонину Викторовичу и после свидания отпишу Вам. Сейчас он ненадолго в Финляндии.

Затем и скажу слово от себя: и у меня неожиданно оказалась скрипка моего бывшего товарища Дементьева из Тобольска, которую он просит меня продать за 700 рублей². Эта скрипка — *вероятно* Альбани (конца XVII в. в Тироле), ученика Амати — дельная, небитая и вполне исправная, с сильным тоном.

У Майкова³ выслушал о его желании иметь сполна весь текст Вашей статьи, ибо по его объему ему будет легче заключить условие с типографией. На счет времени Майков выразился так: тянуть дело незачем и потому, как только статья будет готова, так он, Майков, немедленно начнет печатание, почему и просит о ее доставлении сообразно Вашим о том желаниям.

После поездки на Иматру — лучше сказать, на восхитительные две Иматры, Большую и Малую, я неожиданно съездил с Пашей Чесноковым в Финляндию во второй раз и вернулся сюда в воскресенье⁴. На этот раз вспоминаю о путешествии с еще большим восхищением. Мы проехали морем мимо Кронштадта, Бьерка до Выборга, отсюда очаровательным Сайменским каналом до Вильманстранда, а отсюда до Нейшлота. По осмотре этой милой северной как бы Венеции (ибо Нейшлот

расположен на 7 островах), по осмотре могучего замка-крепости мы вернулись тем же Сайменским озером, но по направлению к Иматре. Отсюда — в Выборг и домой по железной дороге. Эта поездка — одно восхищение, которое я уже решил пережить еще раз вместе с Анной Ильиничной — пожалуй, и этим летом.

Теперь подбираюсь к концу переписки «Мусикии» Коренева и предвкушаю пытку от начавшихся корректур 1-й части моего «Курса хорового пения». Думаю, что из-за этой работы придется пробыть здесь весь июль, даже и начало августа, но не без отлучек.

Я не представляю себе ясно, зачем бы надо было Строку брать инструмент у Циммермана напрокат; равно не знаю я, на каких условиях и отпускает ли он скрипки напрокат, даже и имеются ли у него для того хорошие скрипки. Полагаю, с другой стороны, что едва ли и стоит хлопотать о дебюте в такой неблагодарной обстановке, как Павловск. Надо хоть однажды послушать солиста в Павловске, особенно же скрипача, а тем более мальчика, которому придется выжимать тон для громадной залы с плохой акустикой и под аккомпанемент ходьбы толпы и ее разговоров... Всего две недели назад я был в Павловске и душою болел за какую-то певицу, певшую невольно с очень большою форсированностью. Совет Ауэра — выбрать инструмент зимой, не торопясь — совет дельный. Торопящийся же мотив — Павловск — мне очень мало нравится, ибо, если бы он был многозначителен (как многозначительно для Строка участие дам), то, конечно, множество компатриотов Строка, даже и сам его учитель Ауэр, легко бы устроили ему возможность иметь временно хорошую скрипку.

Не пишу Вам о том, что творится в текущие дни — очень тяжело живется от полной, как кажется, беспросветности.

Вам и Вашим — мой сердечный привет и поклон. Жду Вашу статью.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 67—68

1. О вундеркинде-скрипаче Лео Строке, которому протезировали приятельницы Волковой, имеется весьма неприязненная запись в Дневнике Смоленского, однако, как видно из письма, он все же занялся поиском инструмента для Строка.

2. Егор Васильевич Дементьев, в тот период живший в Тобольске, был товарищем Смоленского по квартетной игре в Казани (альт); он неоднократно навещал Смоленского в Петербурге. Скрипка Дементьева была в конце концов приобретена для Строка.

3. Речь идет о подготовке к публикации в издании ОЛДП работы Волковой, чем занимался В. В. Майков как секретарь Общества.

4. Поездка на Иматру подробно описана в письме Смоленского к Шереметеву от 20 июня 1905.

5. Ауэр Леопольд (1845—1930) — знаменитый скрипач, профессор Петербургской консерватории.

Смоленский — Волковой

Петербург, 17 июля 1905

Добрейшая Софья Сергеевна. От Вас — что называется — ни звука. Как ни поджидал я хоть какого-нибудь словечка — нет ничего. Все ли у Вас благополучно? Здорова ли Ваша мама? Как идут Ваши занятия?

Я изнываю в Петербурге, попавшись в лапы еврея-типографщика, бессовестно тянущего издание 1-й части моего Курса. Отлучиться куда-либо мне нельзя, так как то задержит корректуры, книга же надобна как можно скорее. Эта еврейская со мною бесцеремонность повергнула меня в хандру и в какое-то бессмыслие. Работаю только механически, то есть корректирую, переписываю, а не пишу вновь что-либо. Отдохнуть надо — а отдых пока совершенно невозможен. Еще несколько было мне повеселее, когда недавно гостил у меня Паша Чесноков, а теперь в Петербурге — хоть шаром покати — нет никого, все разъехались в разные стороны.

Вот получилось сию минуту и Ваше дорогое мне письмо¹. По нему будет сегодня же послано уведомление Лео Строку (а Мясная улица оказалась по плану у устья Невы, идущего от конца Мойки к концу Фонтанки). Скрипка будет показана Строку, полагаю однако — в условиях неблагоприятных, хотя я и думаю, что удастся мне сводить молодого скрипача в какую-нибудь из хороших Шереметева. Вы, конечно, знаете, что одно из главных свойств хорошей скрипки состоит в том, чтобы она возможно дальше «несла звук», притом же «поверху», то есть минуя платьевую, не отражающую звук среду, но все же попадающий ясно и сильно в уши слушателей. Для того ведь и нужна звучащая эстрада (кстати сказать — превосходно угаданная нашими предками в комбинации для дьякона «приставной на ножках» соли и в голосниках купола; эта замечательная вещь есть в нескольких тверских церквях). Но где я достану Строку публику? Притом — хватит ли у него силы играть на большом инструменте именно по-концертному? Не следует забывать, что и инструмент, предлагаемый мною, хотя и очень хорош, даже и сейчас, но все же молчит около 30—35 лет, и его надо разогреть, чтобы он зазвучал по-своему. Недавно я играл на этой скрипке и могу удостоверить, что через час она была несравненно лучше, чем в начале игры.

Относительно цены, если инструмент понравится, я полагаю надобным вновь обратиться к хозяину, то есть аптекарю Ег. Вас. Дементьеву в Гобольске. Его *minimum* — будет мне приказанием, которое я, конечно, не в праве не исполнить. Ранее назначенная им цена Вам уже известна.

Судя по многим Вашим словам и сути ответа Майкова, равно и о Ваших предположениях относительно отсрочек печатания Вашей статьи до конца сентября, позволяю себе, подобно Майкову, отнестись к Вашему поведению также неодобрительно. Статьи Тибо² при сем высылаю, но вместе с тем, как уже

достаточно обстрелянный по писательской части, прямо прошу Вас отбросить свои сомнения и прямо начать печатание всего того, что написано Вами. Позволю себе уверить Вас в том, что нет и не может быть ни у кого никакого произведения, которые бы не потребовало впоследствии поправок и дополнений. Так хорошо могут быть написаны только, пожалуй, малые стихотворения, но никак не сочинения научные. В последних нас, авторов, обуревают в конце концов мысль, что мы действительно ничего не знаем о своем предмете. Поддаваться этой мысли — сущее несчастье автора, сущий источник множества сомнений в своем творчестве и в надобности именно творчества, то есть здесь кроется начало лишения себя одного из величайших наслаждений. Именно это я провижу в Вашем желании отложить печатание Вашего труда и прошу Вас не откладывать ни в каком случае. Это откладывание не улучшит Вашего сочинения, а Вашу душу только утомит и измучает без всякой нужды, так как тут вступают во власть всякие сомнения и смутные желания найти улучшения отдельных частей в прочтении того или другого не бывшего еще в виду сочинения. Таким недугом (но в преувеличенном виде, до безнадежности самоотречения от творчества) страдает, между прочим, милый и умный, но крайне щепетильный Саккетти³. А я позволяю себе увлечь Вас в сторону даже от подхода к этому недугу; позволяю себе именно увлечь Вас в сторону творчества, даже и фантазирования, которые только и бодрят автора и читателя.

Во всяком случае прошу, однако, прощения за эти вырвавшиеся строки. Здесь — какое-то затишье — смутное ожидание обещанного к 30-му созыва представителей. Чем и как ознаменуют это событие — сказать очень трудно, ибо оно не удовлетворит ни одну сторону и не обнаружит тех корней и ростков, которыми может быть выращена столь желательная и надобная правомерность и необходимые России доля свободы и сила закона.

22-го буду мысленно в Спасском.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 69—70

1. Это письмо Волковой в подборке отсутствует.

2. Работы Ж. Тибо в статье Волковой не упоминаются.

Аббат Жан Батист Тибо (Thibaut; 1872—1938) — один из крупнейших исследователей византийского пения, осмысливавший его как основу древнего пения Западной церкви. Некоторое время жил в России (в 1907—1911 в Одессе, в 1911—1914 в Петербурге). Можно заметить, что Смоленский уже в 1899 вступил в переписку с ученым и получил от него ответные письма и экземпляры изданных трудов. Так, в архиве Смоленского в РГИА сохранилась сделанная самим Степаном Васильевичем подборка по проблемам византийской нотации, в которой представлены письма Тибо и его работы, в частности, статья «Les

Traité de musique byzantine» из журнала «Byzantinische Zeitschrift» за 1900 и др. (РГИА, ф. 1119, № 67). Очевидно, именно эти материалы и были посланы Волковой.

3. Об отношениях Смоленского с профессором Петербургской консерватории Ливерием Саккетти см. в Воспоминаниях; письма его к Смоленскому см. далее в настоящем томе.

Смоленский — Волковой

Петербург, [около 22 июля 1905]

Добрейшая Софья Сергеевна! Шлю в Спасское самый искренний, сердечный привет и добрые пожелания Вашей дорогой имениннице. Приветствую и обеих вас, ее дочерей, с семейным праздником — мысленно присутствую в Спасском и пирую с Вами за именинную трапезою.

Строк был у меня. Видел скрипку и сравнивал ее со своею. Кажется, ему понравился только *мой* смычок (а это — единственный свидетель-остаток моего когда-то бывшего музицирования, разумеется непродажный). Судя по тем экспериментам, которые Строк производил в моей комнате то на своей, то на продающейся скрипке, я вынес о нем как о скрипаче суждения самые неблагоприятные. Тем не менее все-таки я отправил его в большой Шереметевский зал для дальнейшего сравнения инструментов. По возвращении оттуда Строк завел было разговор о цене, о хозяине скрипки, но я указал ему на всю ненужность такого разговора между нами и свидание кончилось моим предложением ему написать Вам о своих впечатлениях. Не скрою от Вас, что отец Строка произвел на меня впечатление чего-то порядочного, сын же — совершенно отрицательное, даже и нечто большее, притом же и сходно с полученными от него прежде. Каюсь в своей по сему несдержанности и искренне извиняюсь перед Вами.

Вчера работал, или лучше сказать, начал работать с А. В. Преображенским над рукописями, присланными сюда из Московского Архива Иностранных Дел. Относительно Путятинской Миней вышла заминка вследствие болезни Срезневского, назначившего свидание в следующую среду¹.

У меня наконец-то начинается печатание моего злополучного Курса пения. Стыдно стало даже и г. Шапиро (я уже назвал его в дневнике своем — Ш⁴), и он смиловался в своем дальнейшем желании обманывать меня. О! как тяжело бывает и как неудобно для своих других дел «непротивление злу»! На этот раз я даже пожалел, что я не антисемит.

Нет возможности писать еще — уж именно одолели меня сегодня ученики мои, вдруг собравшиеся с разных сторон.

Целую ручки именинницы.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

1. Путятинская Миня — пергаменная новгородская рукопись, считающаяся древнейшей русской книгой (ныне в РНБ); там имеется одна нотированная стихира, которой и интересовался Смоленский в связи с подготовкой плана Хрестоматии по церковно-певческому искусству.

Срезневский Всеволод Измайлович (1867—1936) — филолог, специалист по древним рукописям, член-корреспондент Академии наук (с 1906), в то время сотрудник библиотеки Академии.

Смоленский — Волковой

Петербург, 21 августа 1905

Добрейшая Софья Сергеевна. Не знаю, «киими похвальными словесы» ответить Вам и как извиняться перед Вами. Сегодня я приехал с Иматры, куда, попросту сказать, прямо сбежал из Петербурга, вследствие хандры, охватившей меня и доводящей меня прямо до какого-то нелепого по беспомощности состояния. Типография Шапиро измотала все мои нервы, дело об описании казанских рукописей положено у Победоносцева под сукно «за неимением средств»¹ (хотя Ш² сумел выхлопотать более 100 тысяч рублей на ремонт дома на Литейной), наконец, и недавнее мое свидание с С. Д. Шереметевым выяснило со всею очевидностью, что возможность для меня иметь какой-либо настоящий заработок в Петербурге и его бывшее желание похлопотать о том — ослабели почти до нуля. Между тем без этого заработка я не могу оставаться жить здесь, а деваться мне прямо некуда; работаю я много, но моя работа пока никому не нужна, а потому бесплатна, а на 3000 пенсии жить невозможно. Вот я и пал духом временно, а за мной и Анята. Поэтому мы были на Иматре; оттуда я отправил Анну Ильиничну гостить у наших друзей в Финляндию, сам же завтра еду в Новгород, чтобы набраться сил, подобно бывшей поездке в Псков.

Каюсь Вам: у меня не было сил ответить на Ваше милое письмо, и я лишь послал Вам статью Саккетти². То были дни моей превеликой хандры и полного упадка сил — до невозможности работать, даже и читать что-либо. Теперь мне лучше, но очень немного, так как работается совсем плохо и тяжело, почти нисколько.

Очень прошу Вас выслать мне сюда (Петербург) на короткое время лекцию вступительную о. Металлова³. Я забыл ее конструкцию, а вспомнить-то мне надо. Письмо Шуры Андреева возвращаю. Не видал в последние недели ни его, ни Строка. Возвращаю также Ваш «ирмос», на котором я посмел сделать надпись, кое-что для Ваших размышлений, прибавив и свой для Вас написанный лист с моими додумками⁴. Во всяком случае то, что называет о. Металлов (л. 44 — закон тематизма) — есть выражение нашего пока бессилия угадать форму и уловка укрыться за будто бы музыкально-прозаическую постройку данного примера. Я изучал этих анализов целые сотни, много раз вставал в

тупик (да и теперь часто), но никогда не сдавался на придуманное малодушие, названное «тематизмом». Мне казалось, что отбрасывая проходящие ноты, развития напевов, нетрудно выработать, так сказать, «скелет» данного примера и по нему додуматься о форме. Такой «скелет» мною воспроизведен для Вас на обороте крюкового письма. Там же и некоторые к нему объяснения, равно и некоторые подробности.

Я пробуду в Новгороде дня 3—4, чтобы побродить по историческим местам, почитать по карнизам церквей, крепостных валов, старых домов и проч. Не могу продолжать этого письма к Вам — голова уже утомилась.

Вашим мой самый сердечный, искренний привет и добрые пожелания. Вам — то же в сугубой мере от кающегося и виноватого перед Вами.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 61—61 об.

1. О новой — безуспешной — попытке издания подготовленного Смоленским описания соловецких рукописей см. в переписке с Шереметевым, а также в дальнейших письмах к Волковой.

2. Упомянутое письмо Волковой отсутствует. Статья Саккетти — скорее всего, тот реферат, который, вместе с докладом Смоленского, был прочитан Саккетти на парижском конгрессе по истории музыки в 1900: «Главные моменты в развитии русского православного духовного пения» (см.: Журнал Министерства народного просвещения, 1901, № 8).

3. Вступительная лекция Металлова — «История церковного пения как наука. Вступительная лекция в Московской консерватории 17 сентября 1901 года» (М., 1901).

4. «Ирмос» Волковой не сохранился, равно как и «лист» Смоленского.

Смоленский — Волковой

Петербург, 28 августа 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно рад был получить Ваше письмо, тем более еще и потому, что одновременно получил депешу от графа Сергея Дмитриевича такого содержания: вместе с Софьей Сергеевной предпринимаем относительно Вас обходное движение с полной надеждой на успех¹.

Я вернулся сегодня в ночь из Новгорода, полный всяких впечатлений от пяти дней одиночного созерцания всякой старины. Перед отъездом собирался написать Вам, но отложил до Петербурга, думая найти здесь Ваш отклик на мое последнее к Вам письмо. Графу я успел написать из Новгорода о сущей обиде, которую я испытал в Юрьевом монастыре. Здесь *в виде исключения* оставлено обязательным хранение знаменного пения (Новгородской редакции), и оно хранилось до сих пор. Я сам слышал его лет 7—8 назад. Но пришел нелепый архимандрит-настоятель (Владимир — уже покойный) и уничтожил все, заведя

придворный обиход. Епископ здешний Гурий — ничего не понимает и лишь копит деньги, вполне равнодушно глядя на остальное².

Но вот я и дома. Перечитывая Ваше дорогое мне письмо, прежде всего от всей души моей, от всего моего преданного Вам сердца благодарю Вас. Я чувствую теперь, отдохнув в Новгороде, что Вы действительно поняли меру упадка моего духа от всяких неудач моих. Мне действительно тяжело живется, и мне надо устроиться, чтобы спокойно работать свое дело, а не бросить все и пуститься на добывание рублей уроками и наемным трудом. Спасибо Вам.

Я отписал сегодня графу Сергию Дмитриевичу, что считаю казанское рукописное дело лишь косвенно относящимся к моим главным работам. Дело это получило для меня печальную остроту только потому, что мне показалось уже очень обидным, как благодаря тому же Ш², ныне большому «всемо́ге», получила из-за меня щелчок и Казанская Духовная Академия; потом я очень рассчитывал зарядить себя в Казани темами для сообщений в Обществе именно после осмотра Соловецких рукописей, — и вдруг отказ Академии в просимых ею 2½ тысячах рублей. Не выдержали мои нервы, и я написал пренелепое письмо Сергию Дмитриевичу, а сам уехал мыкать горе на Иматру и в Новгород.

Вместе с тем я изложил Сергию Дмитриевичу в письме сегодня с достаточною подробностью, что считаю главной и самую желательную для себя работою именно каталогические и описательные рукописные обзоры. Эти работы, как Вы уже знаете, мною почти закончены в огромных 9 томах, и мне надо для них только некоторое улучшение моего материального положения и затем определенность пользования рукописями Синодального училища.

К сожалению, здесь это мое желание опять сталкивается с тем же Ш², утверждавшим, что рукописи собрал он, Ш², а я был не более как только «более частым посетителем библиотеки». Секретную бумагу от Ш² к К. П. [Победоносцеву] я читал сам и в свое время был немало удивлен, что встретил в лице Ш² такие, уж совсем неожиданные, приписания себе моего труда. В деле отторжения меня от рукописей Ш², в бытность мою в Капелле, даже дошел до предупреждения, что я могу выбрать лучшее и даже не отдать обратно Синодальному училищу. Что же оставалось делать, когда вдруг тот же Ш² делается Товарищем Обер-прокурора.

Между тем, именно эти каталоги и составляют всю силу дела, всю основу будущего художественного движения. По ним, как тематическим, можно судить о том, что мы имели в прошлом в качестве мелодического запаса и как мы разрабатывали эти напевы по разным местностям и векам. Мне всегда представляется, что эти каталоги надобно было бы не печатать, а только литографировать не более, как в 100 экземплярах, для главных библиотек и людей, занимающихся делом. Мне как автору решительно все равно написать оригинал простыми или литографическими чернилами. Печатание — дорого набором и корректурой, литографирование же дешевле печати по крайней мере в 25—30 раз.

Но для такой работы мне надо часто бывать в Москве, где можно было бы объединить и других работников, с которых можно было бы получить для дела то ту, то другую помощь всякого рода. Было время, когда в Москве был кружок, в котором работали многие, например, композиторы, фотографы, копиисты, археологи, художники — рисовальщики старообрядцы. У о. Металлова, как указал мне опыт четырех лет, не оказалось такой объединяющей способности — и библиотека рукописей стоит даром по целым месяцам. КATALOGИ как тематические указатели, как объяснители, систематизирующие найденные мелодические материалы, могут отчасти заменить собою подлинные рукописи, — следовательно, и возможность сидя всюду работать как бы сидя на Никитской. КATALOGОВ этих много, так как материалов — сущая бездна.

Но как я могу приступить к такой работе? Едва-едва перебиваюсь я здесь на свою пенсию, уделять же из нее на поездки мне совсем не под силу. Переехать в Москву мне нельзя по складу моей семьи из-за брата Анны Ильиничны. Вопрос о возможности для меня приступить к этой работе складывается поэтому из двух половин: из урегулирования с помощью К. П. Победоносцева моих отношений к рукописям Московского Синодального училища (или в частности — от ограничения Ш² в возможности мешать делу)³ и от какого-либо повышения моего материального благосостояния, но *постоянного*, — чтобы мне можно было бы спокойно отдаться работе, без душевных терзаний всякого рода, без ограничения своей свободы, хотя бы в главнейшем, например, вроде поездок в Москву.

И то и другое равно обещал мне устроить Сергей Дмитриевич, но тому помешала его размолвка с К. П. Победоносцевым и только что кончившаяся война⁴. Теперь размолвка с К. П. кончилась. Не думаю, чтобы было можно опять думать о возможности утилизации нового военного «мира» на пользу церковного пения. В вопросе относительно увеличения моих средств, то есть повышения моего годового дохода с помощью постоянного нового получения, — я, признаться, совсем потерял способность соображать что-либо. Была надежда на Царя — ничего из того не вышло; на службу мне идти нельзя ради моего глупого генеральского чина⁵, идти в наймы к частному лицу — значит, бросить церковное пение. Без увеличения моего годового бюджета мне нельзя оставаться в Петербурге, а за занятия церковным пением никто не дает ничего. Это древнее искусство, даже и в приложении его для будущего, оказывается совсем ненадобным даже и Св. Синоду. Как же тут быть?

Нет-нет да и прокрадется в мою голову мысль: не суета ли все это, не приподнято ли мною более, чем то есть на самом деле, все мое дело, надобны ли для прогресса русского искусства познания из истории древнего церковно-певческого искусства. Не увлекаюсь ли я сам, добросовестно обманывая самого себя? К таким вопросам в минуты хандры от получаемых щелчков и от трудно переживаемого бесправия и бессилия прибавляются еще докучливые требования

от самого себя: что удалось тебе сделать плодотворного в качестве занятий в течение стольких лет; что дало тебе для использования все копание в старом хламе? Стоит ли работать далее при полном и настойчивом равнодушии к твоему труду со стороны всех, особенно же музыкусов?

Но в минуты благодущия и удовольствия от труда падают все эти вопросы и мысль невольно и неудержимо рвется вперед, долбя твердые препятствия и надеясь достукаться и до просветов многих — очень простых, но трудно уловимых, очень надобных всем, но непонятных ныне за отуманением наших голов всякой иноземщиной. В такие счастливые часы я удивляюсь находившей на меня хандре и малодушию. И эти строки — следствие кратковременного припадка.

Относительно предстоящих лекций⁶ имею новость: лекции разрешены по сношениям трех начальств: Министерства Внутренних Дел, Министерства Народного Просвещения и Петербургского Градоначальника. Удивительно мне, как не спросили даже и Св. Синод, так как дело идет о церковном пении. Удивительно много у нас всяких начальств, уведомляющих лишь о «неимении препятствий», — точно будто бы их задача — препятствовать всему или выдумывать препятствия по своему усмотрению.

В общем я смотрю на эти лекции как на возможность доступно и сжато изложить в них то, что имеет общественный интерес, основанный на научных данных, тоже общедоступных. Объединительную цель лекций я ставлю не менее желательной к достижению, так как есть много людей, работающих разрозненно, работающих хотя и в сродных пению областях, но не приносящих нашему делу никакой пользы, именно по разрозненности занятий и по несуществованию взаимопомощи. Мне кажется, что и для самого себя есть разделение работ: доступных мне одному, без помощи других — доступных мне только при посторонней помощи — и, наконец, надобных собственно не мне, а как моя помощь другим. С этой точки зрения, следовательно, устанавливается формулирование исполнения программы 2-го Отдела Общества как дающее свободу работ каждого участника и организующее взаимопомощь. Именно Отделу надо заняться тем, что непосильно отдельным лицам и требует участия нескольких работников, объединенных возможностью и самостоятельности, и взаимопомощи. Только при таком ведении дела и возможен жизненный интерес к осуществлению поставленных задач и к одиночному, как и к совместному труду.

Я знаю, что Вы смотрите в частности на цели занятий Отдела гораздо дальше и шире меня. Как ни глубоко я сочувствую возможной ширине дела, мой ум не обнимает пока сфер ясной возможности практического приближения к такой ширине. Несомненно, это происходит у меня потому, что я давно поражен количеством и качеством найденных дома художественных новостей, по которым давно же решил не разбрасываться, но сосредоточиться на работе мне доступной и прямо идущей на пользу ближайшего будущего. Мне казалось прежде, — а с годами я лишь утверждаюсь во взгляде на свой труд, — что раз-

работка материалов и выводы из находок — не дело моего ума и образования, за исключением разве немногих доступных мне случаев. Смотрю на себя более всего как на ученого — чернорабочего, всего менее как на архитектора.

Но такое умышленное самоограничение, конечно, может лишь относиться только к моему труду, а не к плану занятий Отдела, где всякое расширение занятий и предполагаемых горизонтов может быть мною только встречено с горячим приветом.

Эти строки суть, так сказать, введение к ответу на Ваше письмо. Перечитывая Ваши вопросы, ужасаюсь огромности надобных ответов, ибо вопросов много и они пространны. Отвечаю кратко, в порядке Вашего письма.

1) Ввиду начала церковного года 1 сентября не приступить ли к началу составления программы работ на будущий год?

Отвечаю так: программа не на будущий год, а на первое время в общих чертах уже была намечена весной и посильно работаете указанное Вами, мною и Преображенским. Во всяком случае Ваша мысль о программе («год в смысле сезона, начинающегося с осени») требует совместного обсуждения и указания таких работ, какие были бы посильны и нуждались в первой очереди. Я лично не решился бы на самоличные указания без общего совета.

2) Свободен ли я, чтобы заняться крюковыми изданиями?

Да, 1000 раз да. Эти издания, особенно же практическая азбука — моя мечта; в остальных (то есть более всего механических, от фототипии, цинкографии) — рад занять роль корректора, секретаря и т. п. Времени у меня, как знаете, много.

3) Кончены ли хлопоты по изданию моего Курса?

Это несносное дело хотя и замедлилось, но уже в дороге и отнимает у меня лишь свободу выездов из Петербурга, не требуя притом многих рабочих часов. Типография Шапиро без нужды продержала меня все лето в Петербурге, тогда как могла отнять лишь 2—3 недели. Теперь дело пошло в ход и даже доходит до половины, к октябрю будет кончено.

4) Ликвидирована ли комиссия по делу Ильминского?

Совершенно. Мое участие более там не потребуется⁷.

5) Хотя Демчинский и предсказывает хорошую погоду на сентябрь⁸, но я для путешествия куда бы ни было предвижу для себя лишь продолжительное рублевое ненастье.

6) В чем дело с казанскими рукописями? Почему вопрос о них не был поднят весной? Почему он остался неизвестным графу?

Дело в том, что я 20 лет назад составил описание казанских рукописей (то есть Соловецкой библиотеки). Академия тогда же разрешила мне их печать, и я уже напечатал тогда весь сборник снимков. Издание приостановилось разлукой моей с рукописями, вследствие отъезда в Москву. В 1904 году Академия Казанская спросила меня: могу ли я докончить издание и на каких условиях.

Я ответил, что у меня уцелело 500 экз. снимков, из которых я предложил бы Академии 400, а 100 взял бы себе для раздачи друзьям; что же касается до гонорара за труд над работой около 30 листов, то я желал бы получить то же, что Академия платила всем ранее меня. По этому ответу Академия ходатайствовала перед Синодом об отпуске 2½ тысячи рублей *на издание* и на выдачу мне вознаграждения *после* окончания издания. Синод, то есть Ш² за спиною К. П. [Победоносцева], отказал Академии «за неимением средств». Сведение это я получил лишь частно.

Из этого видно, что дело в сущности не касается Общества Любителей Древней Письменности.

Граф знал об этом деле все от начала и до конца, но, очевидно, забыл. Думаю все-таки, что дело это поправимо.

7) Относительно «загородного листка» и совещания с Гротом я полагаю, что дело это, ввиду изменений отношений Сергия Дмитриевича и испытанного уже «неполучения ответа» — безнадежно⁹. Это была лучшая версия моего благополучия, лучшая обстановка моей работы для Отдела, — но нет человека, который бы заговорил там обо мне. И не вижу, к кому бы можно было обратиться, чтобы вспомнили со стыдом за себя о «старом знакомом».

8) Не легче ли хлопотать о поощрении начатого дела, нежели хлопотать о деле, начало которого еще не ясно. Например, напечатан ли каталог рукописей Синадального училища?

Боже мой! Да неужели мое дело может быть названо не только «начатым», но даже и с «неясным началом»? Как еще определеннее можно высказаться, в сравнении с моими воплями о надобности моего дела? Конечно, каталог рукописей Синадального училища не напечатан так же, как у нас вообще не печатают каталогов. Мы ведь не заграница, где печать свободна и дешева, доступна и надобна. *Наша* печать, к сожалению, только и возможна при покровительстве свыше. Например, не будь Общества Л. Д. П. — ни строки бы не было напечатано. Не будь С. Д. Шереметева — ни строки не было бы для иконописи и т. д. Св. Синод только и делал, что препятствовал тому и другому. Дело мое я считаю сложившимся совсем определенно и давно, не только начатым, но уже и сделанным на ⁹/₁₀. Я хлопочу лишь о его опубликовании при моем участии, так как я могу сделать то лучше других и выправить даже надобное для такого опубликования. Я и страдаю именно от того, что мне не удастся осуществить сделанное и завершить улучшение новым просмотром того через несколько лет отдыха.

Ваше предположение относительно того, что напечатание моих каталогов с помощью Общества Л. Д. П. было бы уместно, кажется мне справедливым только в отношении одних нотно-тематических, вроде того, какой я предъявил в последнем заседании Общества именно с такой целью. Содержание этих каталогов (их 3 — одноголосных, 2 — четырехголосных и 2 многоголосных сочинений,

2 — духовных стихов) столь полно, что их можно было бы назвать не каталогами библиотеки Синодального училища, а вообще сводом всех композиций, найденных до сего времени. Это определение подходит и под задачи Общества Л. Д. П., которому, конечно, нет никакой надобности помогать Синоду или Синодальному училищу. Это есть то самое, о чем выше сказано как о желательном лишь в литографированном издании, так как эти работы очень велики и возможны к расширению в будущем.

9) Перевод Миней Мезенца сделан был тогда же и очень точно, то есть при упадке употребления крюков и при утверждении пятилинейных нот. При обсуждении этого издания надо взять прямо оба текста рядом и прибавить к нему надобные толкования, равно и объяснения разночтений, если только они встретятся.

10) О моих «догматиках» я не заговариваю в Обществе потому, что эта работа еще не кончена. Имею в виду то, что, когда кончу, надо будет этой работе полежать некоторое время, так как немало будет вещей довольно трудных, требующих обождания к обнародованию. Если и умру, не напечатав их, не велика беда, ибо работа вполне специальна и притом надобна немногим и только в будущем, может быть и не близком.

11) Совершенно не понимаю, что значит «хейрономия», которой занимается о. Металлов¹⁰. В Энциклопедическом Словаре этому слову дается толкование о согласовании телодвижений при танцах... Что касается до того, чтобы завербовать о. Металлова в сотрудники по составлению хрестоматии, то считаю это абсолютно надобным. Он очень знающий человек и работающий.

12) Я писал Вам не о Сенатове¹¹, а о болгарине Николове. Сенатов — бывший раскольник, лениво учившийся в Академии Московской, ныне служит в канцелярии Московского Синодального Прокурора. Он — совсем не певец. Болгарин действительно у меня, но он слишком пламенный болгарин, а не русский археолог.

13) Указанной Вами в качестве посланной брошюры-лекции Металлова я еще не получал и жду ее очень.

14) С графом С. Д. у меня не было решительно никаких недоразумений.

15) Фотограф в Синодальном училище — Дмитрий Андреевич Быстрицкий — воспитатель.

От всей души приветствую Вас, Марию Сергеевну и Марию Владимировну. Шлю Вам пожелания доброго здоровья и всякой радости.

Едва дописал письмо. Устаю и головой и всем существом моим. Впрочем, мне ведь уже скоро 58.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

1. Письмо Волковой не сохранилось, но содержание его понятно из ответа Смоленского. В начале письма упоминается телеграмма от Шереметева, полученная 27 августа: «обходное движение» означает поиск подходов к обер-прокурору Св. Синода.

2. Смоленский уехал в Новгород 23 августа. В Дневнике 6 он подробно описал свои впечатления, в частности от пения в Юрьевом монастыре:

Оказывается теперь, что бывший после Исаии настоятель Владимир (недавно умерший) в короткое время «много напортил», отменяя старые порядки. О знаменном пении, сохраненном в Юрьевом монастыре, как и в Успенском Московском соборе, в силу исключительного «указа» именно для этих двух храмов, ныне нет и помину более. «Забыли даже и как называется-то такое предивное пение», — с горечью сказал мне монах, живущий в Юрьевом уже 37 лет. <...> Изгнание знаменного пения из Юрьева монастыря заставляет меня вдуматься в значение этого явления. В связи с ним вспоминаю крайнее оскудение певцов в числе братии Московского Успенского Собора. Равным образом (правда — только Петербурге и Москве) подходит к этим двум явлениям замеченное мною стремление старообрядческих и особенно единоверческих певцов вводить в одноголосное пение гармоническое сопровождение. Последнее часто слышится в заключительных нотах, более же всего в каденциях $2\sqrt{1}$ или $2/3$ или $1\sqrt{7}$; в них эти певцы, ничтоже сумняшеся, прямо распевают полные каденции с V ступенью... Почему все это? В частности, не увлекаюсь ли я древним пением, не вникая в такие его подробности, которые, может быть, и в самом деле отжили свое время? А может быть, и гораздо большая часть знаменного пения уже отжила свой век? (л. 39—40).

Епископ Гурий (Николай Васильевич Охотин; 1828—1912) был епископом Новгородским и Старорусским с 1900 по 1910.

3. Отношения с Синодальным училищем были урегулированы после письма Смоленского к Победоносцеву распоряжением обер-прокурора о выдаче рукописей (см. в переписке с Победоносцевым).

4. Для обострения отношений С. Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым имелся ряд причин. Одна из них — скептическое отношение обер-прокурора к основанному графом (и действительно весьма полезному) Комитету попечительства о русской иконописи. Другая причина — вполне вероятно, разговоры о возможности назначения графа на должность обер-прокурора Св. Синода. Из дневниковых записей Смоленского и других источников выясняется, что такие разговоры велись с 1903.

Насколько раздражал Шереметев Победоносцева в период до 1905, видно, например, из письма последнего к С. А. Рачинскому еще от 23 июня 1901:

Сколько лет я его знаю — когда он был милым юношей и потом очень скромно держался в минувшее царствование. После этого вдруг он стал вырастать и превращаться мало помалу в государственного самодура, думного боярина, управляемого приказчиками разного рода. Особенно вырос он с тех пор как свояк его, типичный

боярин-самодур [то есть Д. С. Сипягин] — стал Министром внутренних дел. Жаль, что не остался он в прежнем типе русского добродородного хозяина помещика. Теперь он все чего-то хочет, а чего — не разберешь...

(РНБ, ф. 631, № 121, л. 92—92 об.)

Вероятно, примирение Шереметева с Победоносцевым произошло перед лицом грозных политических событий в стране.

5. То есть чина действительного статского советника, который имел Смоленский при выходе в отставку; очевидно, поступая на государственную службу, он лишился положенной пенсии.

6. О проекте цикла лекций Смоленского по церковному пению см. в переписке с Шереметевым, а также в Приложении к первой книге.

7. О комиссии по «делу Ильминского», то есть о судьбе основанных им инородческих школ и участии в их защите Смоленского, см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

8. Демчинский Николай Александрович (1851—1915) — составитель популярных в ту эпоху метеорологических прогнозов. О нем есть любопытное воспоминание С. Ю. Витте, который рассказывает, как Демчинский, по образованию железнодорожный инженер, начал уверять всех, что «открыл совершенно новый способ предугадывания погоды... И действительно, он начал писать по этому предмету в “Новом времени”, предугадывал погоду... Первое время предугадывания погоды были чрезвычайно удачны...» (Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 3. С. 190). В дальнейшем Демчинский издавал метеорологический журнал, затем газеты либерального направления.

9. О переговорах с К. Я. Гротом, новым заведующим Архивом Министерства двора, см. в переписке с Шереметевым. Под «загородным листком» имеется в виду периодическое издание, газета или журнал по церковному пению (в переписке с Шереметевым фигурирует под именем «Доместик», там же излагается и программа издания). Странное обозначение «загородный листок», возможно, возникло потому, что С. Д. Шереметев называл «загородом» царские резиденции в окрестностях Петербурга, и предполагалось, что проект подобного издания должен быть одобрен и financирован свыше. Это подтверждается выражением «старый знакомый» в следующих строках: именно так обратился император к Смоленскому при случайной встрече (см. в переписке с Шереметевым).

10. О «хейрономии» — условной жестикуляции, применявшейся в Византии для управления хором — подробно говорится в работе Металлова «Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский» (М., 1906). В объяснении этого явления Металлов ссылается на немецкого ученого Оскара Флейшера, который полагал, что собственно невматическое письмо образовалось из хейрономических знаков.

11. О В. Г. Сенатове и А. Н. Николове см. в переписке с С. Д. Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Петербург, 8 сентября 1905

Глубоко и от всей души благодарю Вас, добрейшая Софья Сергеевна, за Ваше последнее письмо, столь поднимающее мой слабеющий дух¹.

В списке, Вами составленном, я могу сделать такие дополнения:

1) Работа моя над Соловецкими рукописями была предположена на конец августа и на весь сентябрь в *Казани*, после же того, вплоть до окончания, по мере печатания в Петербурге, куда мне предложено было высылать рукописи. Теперь, если только удастся уладить это дело, я могу быть свободен для этой работы не ближе мая 1906 года, в том же порядке.

2) Окончание многотомного указателя в Москве потребует лишь кратковременной туда поездки и по крайней мере полугодовой (а пожалуй, и более) работы здесь, так как высылку рукописей также легко будет устроить, если только на Литейной подует другая погода.

3) Каталогизация рукописей Министерства Двора есть огромный труд, но точные размеры его мне не ясны, так как я знаю лишь часть (значительную) московских дворцовых рукописей и очень малую часть из массы здешних рукописей, хранящихся в очень многих местах.

4) Лекции пишутся.

5) О составлении хрестоматии надо подумать сообща еще и не один раз.

6) «Азбука» у меня давно написана и «сохнет», ибо педагогические приемы, внесенные мной в ее практическую часть, еще не проверены на опыте. Эта работа, обыкновенно представляющая собой «последнее слово» всякого работника, как учебник, как методическое руководство, требует непременно новой побывки в старообрядческом мире, особенно же в его школе. Я так давно не был в нем, так давно не пел по крюкам за службами, что невольно отстал технически в этом искусстве и утратил из памяти тонкости пения и методические их обобщения. Во всяком случае не лишены значения по адресу этой Азбуки и оживленные сношения с старообрядцами в последние 1½—2 года, вновь открывшие мне двери в их скиты и школы. Но все это — самая для меня сладкая, хотя и не неотложная надобность. В качестве курьеза дополню эти строки тем, что эта Азбука (в сокращенном виде однако) уже переведена на немецкий язык и имеется у О. Флейшера, равно и на французский язык и имеется у Mr. Combarieu в Париже².

Ваше письмо к С. Д. Шереметеву, очевидно, привело его в такое удовольствие, что он даже телеграфировал мне о том вчера (7-го) — кратко, но весьма выразительно.

Что касается до Вашего увещания меня «послужить делу», которому я мог бы «послужить паче всех», — то я не только сдаюсь на такое увещание, но прямо могу обещать Вам с глубокой радостью и с полным самозабвением отдаться

такому служению. Прошу Вас возможно подробнее изложить детали Ваших по сему предположений. Вам известны мои планы и предположения на будущее. В выставляемых Вами вопросах в качестве моего «высшего служения» меня высоко интересуют детали Вашего взгляда, которые бы я сообразил сопоставить с моими силами и сроками. Правильны Ваши слова: «Время откроет степень художественной ценности древнерусских певческих вдохновений»; я отвечаю затем Вам так: эти вдохновения в их наибольшей части надо констатировать как факты, как нечто непреложное и общедоступное. Что касается до вопроса Вашего, верю ли я уже и теперь в нравственную, оздоровляющую, будущую ценность, — отвечаю Вам вполне твердо: да, я верю вполне. Если бы не было у меня этой крепкой и доказанной для меня веры, — я не работал бы с такой настойчивостью и любовью почти 25 лет. Вы вполне правы, и я подтверждаю: «nous n'avons aucun droit de nous rendre inutiles» [«мы не имеем никакого права уходить из мира, прожив бесполезно»]. Но в то же время в огромной массе найденного, в еще большей массе неразобранного мне нельзя не осмотреться и не рассудить о том, что мне посильно к подъему и что мне не по силам. Есть вещи, например разгадка кондакарного знамени — которая решительно не попадает мне на глаза с помощью находки хотя бы одной строки, вроде Шампольона³. Я наметал свой глаз в чтении этой мудрости до самой последней степени, изучив более 100 страниц и начав изучение еще в 1875 году. Разгадка теперь для меня — дело, может быть, нескольких часов, но только в случае, если... не тратить же мне времени на поиски «если», когда под рукой имеются кучи драгоценнейших вещей, которые надо только переписать и оттиснуть ради других остроумных музиков. Или, например, вопросы обратной манеры (подобно обратной гармонии) рифмования концами музыкальных предложений есть дело не только глубокого интереса, но вместе и базис нового будущего строя музыкальной логики. И здесь я не могу тратить время на эти только разыскания, так как угаданная и указанная мысль слишком проста сама по себе и доступна любому уму и пытливому остроумию. И многое подобное этому. Не зарекаюсь я, конечно, чтобы впредь не отдаваться временно и при удобных случаях всем таким предметам, но предпочел бы успеть сделать ту черную работу, которая нужна всем и прежде всего, то есть констатирование имеющегося и найденного в возможно систематическом, взаимно объясняющем порядке.

Пора отправлять Вам это письмо. Ваше чуткое доброе сердце подскажет Вам, с какою мерою признательности я читал Ваше письмо ко мне и писал этот ответ. Спасибо Вам от всей души. Анюта благодарит и шлет привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 59—60

1. Письмо Волковой неизвестно.

2. Жюль Комбарье (Combarieu; 1859—1916) — французский музыкальный ученый и эстетик, автор труда «*Essai sur l'archéologie musicale en XIX-e siècle et le problème de l'origine des neumes*» (1897).

Оскар Флейшер (Fleischer; 1856—1933) является, в частности, автором трехтомного труда «*Neumen-Studien: Abhandlungen über mittelalterliche Gesangs-Tonschriften*» (Leipzig, 1895, 1897, Berlin, 1904). В третьей части этого издания приводится факсимиле византийской нотированной рукописи из базилианского монастыря Сан-Сальвадоре в Мессине и дается краткое руководство по поздневизантийской нотации. В архиве Волковой имеются достаточно подробные конспекты труда Флейшера.

Смоленский хочет сказать, что западные ученые уже обратили внимание на русское крюковое письмо. Работа над собственной крюковой Азбукой была начата им давно, но не доведена до конца. В его архиве в РГИА имеется незаконченная рукопись предисловия к Азбуке, но это ранняя работа, еще казанского периода (1884). Насколько продвинулась работа над Азбукой в более поздние годы — пока неизвестно, хотя в данном письме и идет речь о ее «сушке».

3. Шампольон (Champollion) Жан Франсуа (1790—1832) — французский египтолог, разработавший принципы дешифровки иероглифического письма. Можно заметить, что кондакарное знамя не расшифровано до сей поры (последняя по времени попытка расшифровки — в книге Г. А. Пожидаевой «*Певческие традиции Древней Руси*». М., 2007).

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 сентября 1905

Добрейшая София Сергеевна.

Я не удосужился сообщить Вам, что этими днями был у Грота и осматривал рукописи Общего Архива Министерства Двора. Оказались все мои старые знакомые по Москве, зачем-то перескочившие из Троицкой башни от графа Салиаса¹. Но зато в «делах» Архива найдена мною суцая Америка, и если я как-либо пристроюсь к их обзору и написанию по ним вполне новых страниц по истории церковного пения за XVIII век (весь от начала до конца) — буду безмерно счастлив.

Пишет мне граф Сергей Дмитриевич, что о. Металлов снабдил его всеми своими сочинениями и что он собирается предложить о. Василия Михайловича в члены-корреспонденты Общества. Что же, по-моему дело доброе, так как о. Василий Михайлович человек знающий и работающий. Авось и на меня гнев на милость преложит за мою заступу за Преображенского².

Лекции свои пишу старательно и тому радуюсь очень. Перед поездкой в Новгород я было пришел в хандру от утомления, по которому дело валилось из рук, работалось крайне тяжело и плохо. Теперь, как будто, наладилось и голова опять работает. Успеют лекции и полежать и подсохнуть, так что во 2-м чтении надеюсь выправить удобочитаемый текст³. Великое дело — подбодрить энергию

в человеке и, признаюсь Вам, глубоко благодарю Вас ежедневно, садясь за работу, терпеливо жду и терпеливо надеюсь на удачу в будущем. Иначе — совсем мне будет жутко, хоть беги вон из Петербурга. Дорожает здесь все с каждым днем и, как кажется, без всякого удержу, притом же на предметы самой первой необходимости.

Я не знаю в точности, что именно предпринял граф по моему делу и предпринял ли. Этими днями в газетах пренастойчиво пишут о «Кабинете с 1-м министром», равно и об отъезде за границу К. П. Победоносцева. Все это меня весьма тревожит. Ужели и на этот раз оборвутся мои надежды?⁴

Вот уже и 2-я половина сентября, а не слышно от Вас о ходе Вашей работы. Вы понимаете, Вы чувствуете, как глубоко интересует меня успех этой столь обдуманной Вами работы, в сущности очень сложной и широко задуманной при небольшом ее объеме. Сообщите мне последние по сему Ваши новости.

И С. В. Чичерина печатает теперь свою работу по инородческому вопросу. Она объединила свои дневники, впечатления и соображения, накопившиеся у нее при поездках по инородческим школам и при беседах с разными деятелями на этой почве. Я не видал этого сочинения, хотя и знаю несколько глав — весьма интересных и написанных очень живо, прямо с природы и с очевидным умением писать⁵.

Не пишу Вам про здешние дела. В высших учебных заведениях идет чрезвычайно бурный сезон сходов, на которых провозглашаются нелепые речи и в качестве итогов постановляются совсем уже нелепые резолюции. Едва ли удержатся открытые уже чтения лекций — настроение молодежи воинственно-вызывающее и совершенно непримиримое, крайне резкое и требовательное. О ходе собраний земцев в Москве Вы, конечно, знаете с достаточной подробностью. Эти хоть и резко, но деловито и дельно учат правительство уму-разуму.

Нет времени писать еще. Поздравляю Вас еще раз от всего преданного Вам сердца.

Душою Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 55—55 об.

1. О графе Салиасе см. письмо Шереметева от 15 сентября 1905.

2. В. М. Металлов вскоре был принят в члены-корреспонденты ОЛДП.

Конфликт между Металловым и Преображенским возник в момент передачи ответственности за собрание рукописей Синодального училища от Преображенского, уезжавшего в Петербург в Капеллу: якобы количество имевшихся рукописей не сходилось с указанным в описи. Поскольку Преображенский, отвечая за рукописное собрание, высылал Смоленскому в Петербург запрошенные им певческие книги, Металлов обвинил Преображенского (и косвенно Смоленского) в расхищении собрания (см. в переписке с Металловым).

К Металлову обратилась в это время в качестве члена ОДДП и Волкова (см. дальнейшие письма). В ее архиве сохранилось ответное письмо о. Василия от 9 сентября 1905:

Ваше письмо, уважаемая Софья Сергеевна, я прочел с большим интересом и немало удивлен тем глубоким интересом, которым Вы одушевлены в отношении вопросов церковно-певческой древности и современности, несмотря на трудность этого рода занятий, разбросанность и малоисследованность материала изучения. Но Ваша роль в этом деле еще более своеобразна, что Вы, едва ли ошибаюсь, обладаете особым даром оживить намеченный вопрос, возбудить большой интерес, одушевить в работе, увлечь на труд, объединить разрозненное в одном общем деле.

Граф Сергей Дмитриевич прислал мне избрание меня в члены ОДДП, и я по долгу избрания, так или иначе, вовлечен в совместную, надеюсь, дружную и небесполезную работу на пользу церковно-певческой древности.

Я не успел набросать проспект предполагаемой работы, но не оставляю думу о ней. Вы знаете, что меня связывает пока еще моя личная работа — «Богослужбное пение в домонгольский период», которую думаю печатать, да боюсь, что не справлюсь с материальной стороной печатания, а книга предполагается объемистая, около 350 страниц, более 20 печатных листов. Журналы же такой специальный материал не возьмут печатать. В печатном виде думаю уже представить на премию или в Академию наук, или в Свящ. Синод.

Доброго Вам здоровья и успеха в работе.

С совершенным уважением остаюсь

Священник Василий Металлов.

(РГАЛИ, ф. 723, оп. 1, № 59)

3. Как уже указывалось во вступительной статье, в архиве Финдейзена в РНБ сохранились рукописи двух первых публичных лекций Смоленского и начало черновика третьей лекции (тексты не опубликованы).

4. «Кабинет с 1-м министром» возглавил С. Ю. Витте; Победоносцев за границу не уезжал. Смоленского это беспокоило в связи с проектом «особого поручения», ныне «переадресованным» в Св. Синод.

5. О работе С. В. Чичериной см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Петербург, 25 сентября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно благодарю Вас за письмо.

Отвечаю по пунктам:

1) И я получаю от графа Сергея Дмитриевича известия довольно частые, но короткие, лучше сказать отрывочные, из которых совершенно не могу, однако, сообразить о каком-либо положительном шаге вперед.

- 2) Письмо Конюса, конечно, чрезвычайно интересно. Он ведь умен и знающ, может быть объективен, хотя и вполне чужд нам по духу¹.
- 3) Вполне понимаю, что «смысл статьи Вашей удесятерился», так как передумыванье только и ведет к тому, что «дальше в лес — больше дров».
- 4) Зах. Зах. Дуров умер очень давно — думаю, около 25 лет назад. Из его сочинений мне удалось достать только первых 3—4 корректурных листка, то есть все то, что было когда-то напечатано в типографии и должно быть затем исполнено всякими клише. В эту пору автор заболел душевно, прекратил работу, и издание более не продолжалось. Эти листы находятся теперь в библиотеке Синодального Училища².
- 5) Относительно того, чтобы я переменил, если сочту надобным, в 1-й части Вашего труда названия указываемых там рукописей, думаю, что то было бы лучше сделать до передачи труда Майкову и с Вашего совета и согласия, а не отнюдь с одного моего домысла. Поэтому не лучше ли переслать мне, если то удобно, отдельный лист из 1-й части, чтобы посмотреть его заблаговременно.
- 6) Об издании рукописи А. Мезенца (то есть подлинной, Минеи) я не говорил потому, что считаю ее не делом неотложно первостепенным. Конечно, она очень интересна как корректный автограф, но как Минея уступает в церковно-практическом смысле другим книгам. Я думал, что в хрестоматию все-таки войдет из этого автографа несколько страниц.
- 7) Насчет моего намерения заняться *между делом* поисками в архиве у Грота, спешу уверить Вас, что я совершенно чужд даже и мысли ослабить предприятие О.А.Д.П. хотя каким-либо уменьшением моего труда для последнего. Случаи внимания к церковному пению и случаи столь удающейся, по-видимому, комбинации сил представляются мне столь редкими и счастливыми, что мне-то всего менее приходится думать о каком-либо ослаблении моего участия в О.А.Д.П. О воих планах я писал уже Вам положительно и не думаю отступать от них. Осуществление их зависит от Общества. Как же мне отвлекаться в сторону.
- 8) На Ваш вопрос: разве история русской композиции XVIII века не получит интерес только тогда, когда разбором крюковых напевов XVII века станет ясным, что из сочинений XVIII века выросло из сочинений прежнего искусства и что явилось нового и наносного? Отвечаю: не считая незначительной части гармонизаций, все искусство XVIII века состоит из свободного творчества, не имеющего к XVII веку (а тем более к крюкам) совершенно никакого отношения. Интерес к XVIII веку мне рисуется так: весьма своеобразное переименование западного хорового искусства в применении его к нашему богослужению с сущою бесцеремонностью. Вместе с тем и вдохновение русских людей, — почему мы слышим из тех же сочинений XVIII века до сих пор в наших церквях множество напевов (например, обыкновенное «Тебе поем», «Высшую небес», «Блажен муж», множество Херувимских и проч.), представляющихся остатками тех

свободных композиций, но очищенными от подробностей в практике певцов, а в наши дни ставших частью «обычного напева». Таким образом, на долю крюков XVII века выпадает главным образом остальная (главным образом — осмогласная) часть нынешнего напева, уцелевшая в XVIII веке вполне неизбежно в рукописях, да все старообрядческое пение. Конечно, я говорю не о пении в городах или в столицах, а о пении в уездах и монастырях XVIII века.

9) На вопрос: нельзя ли начать с каталогизации, — отвечаю: *да*, только и можно начать так, и никак по-другому.

10) Почему Вы называете Грота в деле каталогизации «нужнейшим человеком» — понять не могу, ибо каталогизация почти уже закончена и завершить эту работу можно только в Москве...³

11) Привлечению о. Металлова я очень рад, но думаю, что при встрече помирить его с Преображенским очень будет трудно. О. Металлов кругом виноват, сам начал задирать без всякой нужды и сам же обличил себя. Это был с его стороны шахматный ход в сторону Ш², досадовавшего на Преображенского за уход в Петербург, но ход оказался неудачный по существу, а затем и ненадобный за отъездом Ш² в Тверь.

12) Письма девочек возвращаю. Помню очень смутно, что давал карточку и говорил о возможности сделать что-то Нюте Адриановой, но решительно не могу вспомнить подробности. Если я обещал что-то устроить, значит у меня было в виду что-либо осуществимое. Поэтому не отказываюсь и теперь повидаться с Нютой и восстановить в памяти бывшее, равно и помочь по возможности.

*

Теперь о себе: пишу лекции старательно, но в иные дни ослабеваю духом и не работаю, так как либо не пишется, либо пишется неладно, тяжело, вымучивая себя. Поэтому для развлечения меня сегодня везут в театр глядеть «Раймонду», то есть балет Глазунова⁴.

Политические горести меня волнуют очень, и я боюсь предстоящих еще более горьких испытаний, по-моему — неизбежных уже. Что говорится и организуется на митингах — представить трудно по степени крайности и резкости требований. Молодежь — точно в каком-то припадке безумия, опьянения, жажды ненасытимой вражды и мести правительству. Вид полицейского, какая-либо попытка противоречия, вразумления приводит молодежь в дикое бешенство, к забвению стыда и самой простой терпимости и справедливости. Думаю, что столкновения молодежи и рабочих с правительственной обороной очень близки и будут очень кровопролитны. Наверху, будто бы, и слышать не хотят об уступках ради «престижа» и т. п.

Мне представляется, что в эту зиму едва ли будут занятия в Университете, и таким образом все внимание мое сосредоточится на Обществе Л.Д.П. Но в то

же время приходит на мысль и то, будет ли функционировать и это Общество. С каждым месяцем дела общественно-политические идут круто под гору, стремясь к беспорядку с головокружительной скоростью и с крайней опасностью. Московские беспорядки производят здесь самое неблагоприятное для правительства впечатление. Частно я знаю, что поднимается Киргизская степь и очень непокойно в Туркестане, конечно в сфере мусульман. С Финляндией — очень плохо, с Польшей — того хуже, а о Кавказе уж говорить нечего. Слышно, что и в армии на полях Маньчжурии мало надежды на возвращение умиротворенных людей — скорее совсем наоборот. Следовательно — куда ни повернись — всюду плохо и зловеще. Чего же ждать в Петербурге? Наверху, говорят, идет ярая борьба партий, и в результате — никаких определенных планов... кроме, будто бы, порывов оскорбленных самолюбий, порывов мести и расправ. Впрочем, во всем воля Божия. Есть предел явлений, когда обыкновенные мерки уже становятся недостаточными и явления принимают характер стихийных бурь. К таким, видимо, мы близимся очень быстро.

Единственное средство успокоения нахожу в книгах и в уединении. Здесь хотя как-нибудь отвлекаются мысли в сторону добра, чистого вдохновения и красоты. Но трудно и тут подчас мне, неотдохнувшему и переутомленному.

Прошу Вас передать мой и жены привет Марии Владимировне, с пожеланиями ей доброго здоровья, а Вам, как и доброй Марии Сергеевне — радости увидеть выздоровление дорогой мамы. Будьте и Вы сами здоровы и бодры, не переутомляйтесь в работе. По себе теперь знаю, что значит эта хворь: надо работать — и не работается. Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 53—54

1. Письмо Волковой, на которое отвечает Смоленский, не сохранилось, равным образом и письмо Конюса — вероятно, Георгия Эдуардовича.

2. Захар Захарович Дуров (1849—1886) изучал историю церковного пения в Московской консерватории под руководством Д. В. Разумовского. Книга А. Доммера «Руководство к изучению истории музыки» в переводе А. Желябужской вышла под редакцией Дурова (тогда уже преподавателя Петербургской консерватории) и включала в себя его очерк «История музыки в России с главами о церковном пении (с IX по середину XIX века) и светской музыки» (М., 1884). Этот очерк представлял собой сжатое изложение большого труда Дурова «Опыт истории музыки в России», на который имеется отклик Разумовского: «Разбор рукописного сочинения З. Дурова “Опыт истории музыки в России”» (СПб., 1885). Рукопись Дурова была удостоена почетного отзыва Академии наук и предложена к изданию, однако смерть автора расстроила все планы. От работы осталось лишь несколько корректурных листов, полная рукопись бесследно исчезла.

3. Эта фраза показывает, что по поводу «каталогических работ» Смоленского переписывающиеся говорят о разных вещах: Смоленский — о каталогах по рукописям Синодаль-

ного училища, которые он считает достаточно представительными для русского певческого искусства вообще; Волкова же — об описании певческих рукописей в других хранилищах России, в частности в архиве Министерства двора.

4. Судя по дневниковым записям, «Раймонда» Глазунова не только не развлекла Смоленского, но еще больше расстроила: его поразил контраст нарядной сцены Мариинского театра и «резни на улицах Москвы и армии в холщовых палатках под дождем», то есть светского Петербурга — и московского восстания и терпящей поражение армии на русско-японском фронте.

Смоленский — Волковой

Петербург, 30 сентября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Едва могу ответить Вам, так как потрясен внезапною кончиною князя Сергея Николаевича Трубецкого — сущей радости моей, одной из тех немногих умнейших голов, которой можно было бы упорядочить нашу волнующуюся молодежь¹. Увы! любящее сердце не осилило тревог этих дней, и чистая душа новопреставленного раба Божия Сергия уже омывается слезами друзей прогресса и свободы, уже очищается она горячими молитвами всех, внезапно осиротевших и только тут почувствовавших, какого достойного сына потеряла родная земля!

Отвечу на письмо Ваше кратко: я ошибся относительно Мезенца и действительно упустил из виду постановление 21 апреля², позабыв указанную Вами подробность относительно хрестоматии.

Затем простите меня: Вы совсем ошибаетесь, думая, что Ильминский, инородцы и проч. отвлекли и продолжают отвлекать меня от певческой археологии. Я уже писал Вам, что моя роль в инородческом вопросе, в цензурном и проч. совсем покончена и я опять музикус-филолог.

Совещание личное и притом неоднократно для 2-го Отдела — вполне необходимо.

Грот — рукописно-певческий имеет очень малую цену. Он же — архивно-исторический для XVIII века — очень большой цены³.

Согласен с Вами: я чувствую самое болезненное утомление. Переживаемая пора угнетает меня в высшей степени. Предчувствия размеров предстоящих бурь — того более. А деваться некуда, бросить работы нельзя.

«Аллу» — совсем забыл. *Сейчас*, при всей радости угодить Вам и помочь начинающей — не знаю, что бы мог сделать⁴. Прошу Вас не Аллу прислать мне, а лишь ее адрес. Когда узнаю что-либо — увижу ее.

Перо так и пляшет в руке. Слезы стоят в глазах — работать не могу совсем. Мой поклон.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

1. Письмо Волковой, на которое отвечает Смоленский, неизвестно. О его отношении к ректору Московского университета С. Н. Трубецкому см. в письме к Шереметеву от 30 сентября 1905.

2. 21 апреля Волкова читала на заседании 2-го отдела ОДДП свой доклад «О древнерусских церковных напевах...». На ближайшем заседании комитета Общества, 7 мая 1905, было решено принять автора в члены-корреспонденты ОДДП, а ее работу напечатать в изданиях Общества. В Дневнике 5 читаем:

Вечером преинтересное 1-е заседание моего Отдела в Обществе. Нас было: Софья Сергеевна, С. Д. Шереметев, В. В. Лысогорский, В. В. Майков, А. А. Шахматов, А. В. Преображенский и я. Обсуждали доклад Волковой и сделали к 11½ ч. ряд постановлений весьма существенных, об издании хрестоматии, о моем курсе лекций в будущую зиму и о проекте указателей, об издании Минеи общей Ал. Мезенца (№ 8 Библиотеки Синодального Училища). С. С. — оказалась толковой и настойчивой (л. 273).

3. Смоленский хочет сказать, что певческие рукописи петербургского Архива Министерства двора интересны для исследования XVIII века, а не более древних периодов, которые должны были, по плану, составлять основное содержание хрестоматии.

4. О ком идет речь — неизвестно.

Смоленский — Волковой

Петербург, 4 октября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Я прочитал очень внимательно Вашу статью и, по Вашему позволению, решился сделать в ней следующие поправки:

1) исключены слова, означенные Вами знаком вопроса «от 1640 года», так как не помню и не нашел оснований, чтобы издание № 83 было сделано по какому-либо документу, относящемуся именно к этому году, обратные же даты налицо, и —

2) мое имя и отчество, прописанные полностью, я сократил до «Ст. В.».

Во всем остальном статья совершенно безукоризненно и завидно хороша, энергична, ясна и последовательна. В только что зачеркнутом мною написалась высшая Вам, благодарная похвала, которой Вы всегда избегали и за которую Вы однажды меня пожурили. Я было зачеркнул ее, но потом решил, что мне лучше от Вас пострадать за правду. Если рассердитесь — будете неправы.

Статью Вашу я хотел передать сегодня в заседании В. В. Майкову, но заседание отложено и потому передам завтра.

Работаю плохо, так как опять волнуясь. Должно быть, волны народных движений имеют размах по 100 верст в сутки. Сегодня уже второй день, как отзывается эхо от Московских стонов, и здесь неспокойно. Сейчас слышал о

стычке с ранеными и убитыми в Экспедиции у Б. Б. Голицына¹. Высшие учебные заведения бушуют из-за провокаторских выходок явной и тайной полиции, равно и из-за избиения студентов у университетского крыльца, после возвращения толпы их с похорон незабвенного Трубецкого. Газеты не выходят со вчерашнего дня и в воздухе носится общее беспокойство... Очевидно наступают более тяжелые дни.

С нетерпением жду хороших вестей о выздоровлении достопочтенной Марии Владимировны. Кланяюсь ей и добрейшей Марии Сергеевне. Не могу писать еще — рука чуть не пляшет, на душе неспокойно, тревожно.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 49

1. Имеется в виду Экспедиция заготовления государственных бумаг, возглавляемая князем Б. Б. Голицыным; кстати, Смоленский был хорошо знаком с князем, большим любителем хорошего пения, организовавшим при Экспедиции церковный хор, в котором служил некоторое время (до работы в Капелле) П. Н. Толстяков.

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 октября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Вчера я много скучал по Вас, сегодня же совсем затосковал и сел писать Вам. Вдруг — Ваше письмо!¹ Поэтому тоскливое писанье отправилось в камин и пишется новое, но в C dug.

Очень рад тому, что Вы не упоминаете ничего о здоровье почтеннейшей Марии Владимировны, — заключаю я из того, что выздоровление уже пришло, а с ним вместе прошли и тревоги. В час добрый.

Был здесь Сергей Дмитриевич — страшно нервный, даже до боязни говорить с ним. Ополчился и на меня за то, что я потратил, вместо пения, много времени на инородцев, на то, что я начинаю чтения в Университете, также теряя силы за счет моих работ для Общества Любителей, и т. д. Я успокоил его тем, что по инородчеству дело кончено давным-давно, что писанье лекций для Университета есть приготовительная работа для лекций в Обществе Любителей, — но он думает по-своему. А тут еще и А. Н. Нарышкина подвернулась с просьбою написать ей проект «странички» о Капелле. Дорогой Сергей Дмитриевич готов был увидеть в этом моем сочинении (а я написал страничку буквально за 20 минут) чуть ли не проект ходатайства А. Н. Нарышкиной за меня перед Государем². Тщетно я уговаривал его, что ничего подобного я ни в каком случае не допущу и не приму — только и услышал: «не разбрасывайтесь в труде — работайте только по пению».

В беседах с Сергием Дмитриевичем однако мелькнула одна нотка, которую я давно предчувствовал. В Москве во время беспорядков в его доме выбили 2—3 стекла, почему и здесь охрана дома усилена. Сергей Дмитриевич мне сказал, что если беспорядки здесь, в Петербурге, усилятся, то пожалуй будут рискованны публичные лекции в помещении Общества. Я с ним согласился вполне, и мы порешили так: созвать наше II отделение, обсудить дело во всех подробностях, особенно же по части административной и мелких хлопот по устройству чтений, и доклад этот предъявить Комитету Общества. Если будет признано возможным чтение лекций — у нас все готово, если же нет — готовность остается до более удобного времени.

И в самом деле идет теперь по Руси какая-то особая, обостренная и крайне непримиримая смута. Впереди выборы в Думу, а там уже один Бог знает, чего придется ждать. Между тем лекции как раз назначены с 28 ноября, через каждые две недели, то есть на самое горячее время.

Отвечу Вам по пунктам Вашего письма:

1) Заседание *Комитета* (а не Общества) было назначено 4-го, внезапно отменено и внезапно же назначено 5-го. Я не попал на это заседание, извинившись, что должен буду опоздать на полчаса, а когда прибыл, то заседание уже кончилось. В нем лишь назначены дни собраний в эту зиму и выбран о. Металлов в члены-корреспонденты.

2) Статью Е. Э. Линевой³ читал лишь в выдержках по другим газетам, но знаю мысли ее достаточно подробно, ибо мы с Е. Э. — давние приятели.

3) Статья о. Металлова⁴ — высоко интересна, и я просил бы Вас, если сочтете возможным, сообщить мне ее. Недели через две я буду посвободнее и тогда я бы продумал ее хорошенько.

4) Доммера и я недавно читал вновь. Он (правильнее — З. З. Дуров) говорит много дельного, но говорит и много нелепостей, ибо не мог же знать того, что случилось после 1884 года. О Путятинской Минее я давно знаю, но никогда не видал ее, ибо жил в Москве, где 10 Синодальных Миней не много моложе, но сущая прелесть.

5) «Алла» была у меня вчера, и я думаю, что я пригожусь ей через одного моего приятеля.

6) Радостно приветствую «начатие переговоров» о Вашем переезде сюда — совсем без Вас мне скучно.

7) Трубецкого я только видал много раз, но не был знаком с ним. По духовному его родству с Владимиром Соловьевым я глубоко почитал Трубецкого, а после 6 июня — полюбил его. Смерть Трубецкого — сущее горе! Он мог бы быть очень видным деятелем, ибо был высоко честен и очень добр. Об уме его и образовании и говорить нечего. Я простился с ним в прошлую субботу, а в воскресенье проводил его. Похороны были самые трогательные — полные изумительного порядка, несмотря на усилия сыщиков к противному.

8) Завтра читаю в Университете публичную вступительную лекцию. Если будет о чем писать Вам по этому случаю — сообщу⁵.

Жена кланяется. Мы оба начинаем трепетать от Москвы, слухи оттуда все мрачнее и горестнее с каждым часом.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 50—50 об.

1. Это письмо Волковой неизвестно.

2. Что подразумевается под «проектом странички о Капелле» для Нарышкиной — не совсем понятно, но можно догадываться, что это некая памятка для ее возможного разговора о Капелле с императором или кем-либо из министров, и тогда беспокойство Шереметева на сей счет вполне оправданно.

3. Вероятно, имеются в виду статьи Е. Э. Линевой по поводу организации в Москве Народной консерватории (РМГ, 1905, № 40; Русские ведомости, 1905, № 259).

4. Какая статья Металлова имеется в виду — неясно; возможно, упоминаемая ранее «вступительная лекция».

5. Вступительная лекция Смоленского в Петербургском университете состоялась 11 октября. По записи в Дневнике 6, «слушателей было немного, но слушали очень внимательно» (л. 67).

Смоленский — Волковой

Петербург, 16 октября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна. Пишу Вам наудачу, не зная, не веря даже, получите ли Вы эти строки. Что за сумбурное время стоит — передать трудно на словах — надо видеть и чувствовать все то, что здесь происходит. Впрочем, и в Москве не легче, да и из разных губернских городов известия не веселые.

Но что же происходит в деревне? Ужели и тут покой утрачен? Я получил сегодня письмо от сестры моей, Вашей соседки по Николаевской железной дороге (Сходня), где есть одно словечко — «трясемся, боясь неожиданностей»¹.

Напишите мне словечко, как Вы и Ваши здравствуете.

Я продолжаю работать понемногу, когда приходят минуты поспокойнее. Между всякими работами пишу и доклад во 2-й Отдел о сложившемся у меня плане хрестоматии, уже обсужденном мною при совещаниях с *Соболевским* и *Никольским* (NB: на случай Вашей беседы с С. Д. Ш. — *первое* имя он не переносит, как мне сказывали)². Конечно, как только будет готов этот доклад, доставляю его Вам на просмотр предварительный. До окончательного его изложения нуждаюсь в совещании с Н. В. Волковым, но не могу добиться случая видеться с ним³.

План пока таков: I часть из четырех отделов; II — из трех отделов⁴.

А. 1) Песнопения «на подобен» всех гласов, по одному из каждого гласа,

2) какой-либо праздник с возможно большим числом песнопений на разное число гласов и

3) песнопения на одинаковые тексты, вроде «Свят Господь Бог наш», на все 8 гласов. Все эти песнопения *на одни и те же тексты* должны быть приведены в последовательных редакциях всех веков, начиная с редакции древнейшей, греческой.

4) Песнопения из какой-либо службы несомненно русского происхождения вроде стихир Борису и Глебу или Феодосию Печерскому — тоже в последовательном изложении через все века.

Б. 1) Образцы кондакарного знамени «на подобен» и «самогласен» в параллельном изложении на одни и те же тексты по крайней мере в двух или трех разновременных редакциях.

2) Совершенно неизвестные нотации.

3) Примеры вкрапленного кондакарного изложения в знаменных книгах.

I часть состоит не только из последовательных изложений с XI века по XIV, но из продолжения за XV и XVI века. Я буду настаивать на том потому, что в беспоповских рукописях мы имеем легко читаемые изложения от начала XVII века, по которым я уже множество раз добирался до XIV. Не будь под руками, у кого угодно, этих промежуточных редакций XV и XVI веков — более древние будут полной загадкой для искателей-музыкусов. Между тем эта прибавка, прибавляющая к четырем векам еще два, то есть $\frac{1}{2}$ всего, дает этим искателям полное поле для разысканий.

Далее я особенно бы настаивал на собрании именно одних и тех же текстов в последовательном их изложении по векам. Пока мы живем в пору надобности только разгадать эту самую простоту, то есть освободиться от обуревающих нас мудрований, эта дорога представляется мне единственно вразумительной.

II часть, конечно, составляет наудачу, в размере наших сведений и наблюдений, равно и упований насчет раскрытия будущего. Я думаю, вообще, что все выродившееся схоластически носило в себе зародыш своей смерти и не было потому даровито и способно к долговечности. Исключаю из этого соображения то, что отчего же и не попытаться узнать о доле нашего художественного остроумия и изобретения, раз оно было и есть несомненный факт. А может быть и тут проявится какая-нибудь Калифорния. Отчего же и не эксплуатировать ради будущего столь счастливую случайность для русского церковного пения и его археологии, как текущую пору. Скоро ли пение дождется нынешнего ансамбля?

*

И все-таки, как ни увлекают меня перспективы в любимом деле, все же одолевают впечатления переживаемых дней, несомненно — очень грозных, содержательных и многозначительных — бурных, полных неожиданностей и резкостей. Стачечники выставили программу всячески избегать крови и столкновений с войсками, полицией и жандармерией, но бойкотировать правительство, чтобы обессилить его и довести до сдачи на капитуляцию; правительство, обличенное словами Витте в своей неискренности и медлительной нерешительности по части уступок, фрондирует: «холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Следовательно, от случайной невыдержки какой-либо из сторон, от бешеной взаимной ненависти и от полного нежелания идти на переговоры и уступки — кровопролитие неизбежно. А к чему? И кто в сущности виноват в этой колоссальной жестокости и в печальнейшем недоразумении? Судя по всему, взрыв близок и размеры его будут страшны. Положение сходно отчасти с картиной двух петухов, только что поссорившихся из-за мирных куриц; клюют петухи зернышки, как будто ни в чем не бывало, но зорко глядят друг за другом и готовы каждую секунду броситься друг на друга, вонзая шпоры.

Петергоф и Царское совершенно отрезаны от Петербурга. Вчера и сегодня Капелла не ездил к службе. Газет нет, а «Правительственный вестник» более чем скуден по части страстно ожидаемой вести о борьбе Витте с партией Стишинских, Игнатьевых, Ш² и К°. Всякие «Союзы» — прямо неистовствуют, а что говорится на пресловутых митингах — разве только во сне увидишь, да наяву ужаснешься. Ораторы в масках и с приклеенными бородами и носами, да с языками вольными — не знают удержу.

Забыл сообщить Вам выше, что наконец-то я добрался до Путятинской Минеи. Она не знаменная, в ней нет ни одной страницы с певчими знаками. Так же я разочарован № 188-м, в котором к тексту XI — XII в. знамена приписаны только по отдельным листам и, несомненно, гораздо позднее написания рукописи, может быть даже лет через 100. Эта рукопись не была бы мною взята для хрестоматии, так как в специально певческих рукописях все подробности выглядят гораздо лучше, уютнее и в изложении прямо мастерском, а не случайно дилетантском. При последнем нет ровности певческого письма, но постоянны то разгонистость знамен, то их скученность — оттого и плохое общее впечатление.

Признаюсь Вам, что очень меня обескуражило по этому случаю воспоминание о том, что Путятинскую Минею и № 188-й рекомендовал отделу именно Шахматов. Я надумал теперь, обратясь к Ник. В. Волкову (а он долго возился именно с певчими рукописями, хоть и не певец), лично своими глазами посмотреть здесь (в Петербурге) все надобное, а в Москве доверить то же о. Металлову, который, конечно, к тому годен. Мне представляется необходимым сначала выяснить, что именно и в каком именно виде содержания и сохранности

мы можем поместить в хрестоматию в последовательном проведении одного и того же через все более отдаленные столетия. Ранее я этим делом не успел заняться, и оттого у меня две неудачных работы с догматиками и ирмосами, где нет древнейших изложений. То же, пожалуй, случится и в хрестоматии, если не оглядеться предварительно и тщательно. Сопоставление текстов — сущая прелесть в работе. Сидя теперь над кондакарями (а у меня сфотографировано до 200 страниц), я в сотый раз убеждаюсь в преимуществах сравнительного исследования и в надобности именно такого издания и для будущих работников.

Черкните мне хоть что-нибудь — на случай — может быть и дойдет письмо. Вашим и Вам мой и жены привет и поклон, всякие добрые пожелания на предстоящие тяжкие дни. Сегодня — в дополнение к зловещим отовсюду слухам, особенно же о Москве — полное отсутствие известий о Москве.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

С. В. Чичерина сидит в Самаре в гостинице, случайно застряв там по невозможности куда-либо выехать. Ее сообщения сюда родным — мрачны.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 51—52

1. Под Москвой (в селе Черкизово) жила сестра Смоленского Мария Васильевна. Беспокоилась она не напрасно: ее муж, земский врач Э. И. Гауэнштейн, был вскоре арестован, хотя впоследствии освобожден без предъявления обвинения.

2. Имеются в виду ученые, филологи и историки, члены ОЛДП Алексей Иванович Соболевский и Николай Константинович Никольский (1863—1936). Подозрительное отношение Шереметева к Соболевскому могло быть обусловлено «либеральными» взглядами ученого.

3. Волков Николай Владимирович (ум. 1919) — филолог, приват-доцент Петербургского университета, член ОЛДП, автор работы «Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель» (Памятники древней письменности. Вып. СХХIII. Спб., 1897.), «музыкальная» часть которого опубликована в приложении к статье С. С. Волковой (см. Приложение к этому разделу).

4. Разные планы хрестоматии сохранились также в архиве Смоленского.

5. Речь идет о борьбе нового премьер-министра с «крайними правыми».

Волкова — Смоленскому

Спасское, 19 октября 1905

Добрый Степан Васильевич, манифест 17-го [октября] событие такое крупное, столько пробуждает оно надежд и энергии, так по-видимому разрядило грозный воздух, что прежде всего порадуемтесь ему, с упованием на будущее.

В Спасском было тихо; никто не боялся неожиданностей *на месте*, но следя за неожиданностями всероссийскими, и в частности за московскими, мы здесь, конечно, волновались. Ваши оба письма, особенно второе от 16-го, содержательное, бодрое, очень меня радуют; и письма Ваши с планом хрестоматии, и первое известие о манифесте мы получили вчера; воскресли все надежды о деятельности II отдела! Бог в помощь! О необходимости добавки разобранных и полуразобранных изложений XV и XVI веков я сама додумалась и потому очень теперь собой довольна, прочитав Ваше письмо. Думаете ли Вы напечатать в конце хрестоматии и *нотные* переводы с крюков всего, что уже переведено? То есть изложений XV и XVI веков и греческих, если среди них есть разобранные невмы? Нельзя ли выбрать такие песнопения на гласы, греческие напевы которых известны в редакции *современной*, то есть одного из столетий между XI—XVI веками? Может быть Thibaut или Fleischer могли бы поделиться с О.А.Д.П. интересными новинками в этой области¹.

Вы предполагаете, что крюки тех веков выродились потому, что не были достойны жить, но ведь это относится только к способу записи? *Крюки* того времени выродились, но *напевы* вероятно сохранились и переданы векам последующим? Интерес в том, могла ли прежняя запись быть точной, если она была плохой, недостойной жить? Может быть, что и точной, но сложной, гораздо худшей против той, которая ее заменила, но все же достаточной, чтобы сберечь нам древние напевы трех веков.

Перехожу к смете В. М. Металлова. «Снимков я предполагал бы сделать 100 или около 100, приблизительно с 25-ти или 30-ти рукописей XII, XIII, XIV веков, по 3 или по 4 снимка с рукописи. Каждый снимок стоит 1½—2 рубля. Клише на каждый снимок у Гербера (Чернышов переулоч в Москве) стоит не менее 16 рублей. Напечатать снимок, например в 500 экземплярах, будет стоить от 200 рублей. Напечатать при этом небольшую часть объяснительного текста будет стоить около 200 рублей. Все издание обойдется от 2200 рублей до 2500 рублей, и каждый экземпляр — от 4½ до 5 рублей. Снимки будут в натуральную величину рукописей в ¼ листа; снимки в ½ будут значительно зависеть от цены и достоинства бумаги».

Вот и все. О содержании хрестоматии ни полслова, хотя при свидании 25 августа мы говорили о желательности проследить один текст, и Металлов показывал, что у него есть снимки. Его снимки, кажется, все с петербургских рукописей, так как в Москве он имеет возможность изучать московские подлинники рукописи. В ответ на смету я ему писала, что интересно бы знать его мысли о содержании (плане) хрестоматии. Ведь он кончает труд по истории церковного пения в России в домонгольский период; мне кажется, только изучение памятников может придать интерес такой истории! Иначе выйдет рамка без картины! Правда, что и памятники с неразобранными крюками дают нам историю пения без пения, что то же самое, что картина за черной завесой, но все

же есть надежда приподнять эту завесу, и место в рамке не остается пустым. Во всяком случае труд Металлова и хрестоматия должны бы взаимно пополнять и оживлять друг друга, оставаясь однако вполне самостоятельными². Не так ли?

Вопрос о значении памятников для истории церковного пения простирается, мне кажется, на все времена. В этом смысле история русского церковного пения еще не разработана научно. Ни история Разумовского, ни Металлова, ни Дурова не придерживаются памятников как руководящей нити, то есть Разумовский ставит целью своего изложения не столько свои научные исследования, сколько педагогический курс всей истории церковного пения, но у него чувствуется, что он сам изучал памятники.

Почему к лучшим историям музыки не приложены образцы? Интересна история Доммера, интересна хрестоматия Саккетти, но было бы еще интереснее, нагляднее, живее, если бы они дополняли друг друга. Очень меня интересуется Ваш выбор образцов к лекциям. Лекция Ваша 22 апреля была так живо иллюстрирована образцами, что я радуюсь при одной мысли, что, может быть, каждая лекция будет сопровождаться исполнением напевов, и получится целая нотная хрестоматия из иллюстраций к лекциям³. Тут разыгрываются мечты. Хотелось бы слышать самое древнее в сопоставлении с самым новым изложением того же; или напевы знаменный, болгарский, греческий на те же слова и лучшие хоровые переложения их; характерное обиходное (например, Херувимскую) в сопоставлении с характерным напевом большим знаменным; сопоставление церковных напевов и напевов сходных с ними песней (хотя бы без слов, на инструменте) и т. д. Наметили ли Вы уже какие-либо образцы? С XVI века мне кажется, что тут даже является *embarras de choix* [затруднение в выборе], но если у Вас лекции уже написаны, то иллюстрации уже сами собой подсказываются. Любопытно также, какие напевы всего более привлекают наших новейших композиторов. Во всеобщей древних напевов⁴ выбор пал на греческие там, где знаменные казались бы мне несравненно благодарнее для хоровой обработки или просто гармонизации.

Убеждаюсь по письму Конюса, что такие музыкальные примеры, как сообщенные Вами 22 апреля, были бы для русских музыкантов и поучительны, и совершенно новы. Он нашел кант неизвестного автора восхитительным⁵. Этот кант мог бы, мне кажется, открыть глаза русским гармонизаторам на возможность и надобность гармонизировать без *septième sensible* (меткое название!)⁶, без раболепства западным мажору и минору. Из всего Кастальского меня наиболее радует его переложение «Господи воззвах» на первый глас.

Впрочем, вернемтесь к Вашему письму и к рукописям. Не сетуйте, что Шахматов указал на Путятинскую Минею и на Стихирарь 1157 года, который Вы, вероятно, подразумеваете под № 188. Что Дуров называет Путятинскую Минею знаменной, более странно, и по этому судить можно, что репутация *певческая* давно упрочена за этой рукописью. Шахматов указал на те две руко-

писи, которые представляют по своей ценности интерес для Академии, — сделал он это за десять дней до срока доклада, предоставляя нам выяснить, точно ли эти рукописи имеют значение для изучения крюков. Скажу и так, что если II отдел «обескуражен» незнанием Шахматова, то почему бы Шахматову не «обескуражиться» незнанием крюколюбцев?! Ну, не проще ли никому не обескураживаться, а всем приняться дружно за изучение родной старины. Будем благодарны Шахматову за его мысль о хрестоматии — мысль, которую я без Вас не сумела оценить. Ликую, что Вы навестили Путятинскую Минею и другие памятники, что Вы собираетесь повидать Н. В. Волкова. Прошу Вас поклониться ему от меня. Кстати, виделись ли Вы с [А. Ф.] Кони⁷ в июне, передали ли ему его брошюру и кант, который я для него списала? Все забываю спросить.

За «Аллу» благодарю горячо.

Не видали ли Вы Компанейского? Боюсь, что опечалила его. Давно собираюсь сказать Вам. Он прислал мне корректурный экземпляр своей «Ночи в Гэфсиманском саду» на слова Никитина для соло с фортепиано. Пусть останется между нами, что он хотел посвятить мне ее, — но он спрашивал, согласна ли я с настроением его произведения. Пришлось ответить, что нет, и добавлю — опять же между нами, — что у меня была тайная надежда, что мой подробный ответ спасет его от напечатания этой до крайности печальной композиции⁸. Больше я от него известий не имела и боюсь, что причинила ему не только боль, но и обиду, о чем бы очень сожалела, так как и в этих болезненных страницах прочла многое между строк.

О переезде ничего сказать не могу. Мама очень слаба и недавно опять пролежала три дня, очень страдая. Конечно, о последовательных занятиях отложила попечение — дополнения к докладу не ждите. Печатается ли доклад? Передали ли Вы его 5-го, как собирались? Не найдете ли желательным переменить названные рукописи (по Волкову) в 1-й части доклада?

Будьте здоровы. Кланяюсь Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РНБ, ф. 1050, оп. 1, № 6, л. 1—4

1. Кроме упомянутой выше переписки с Тибо, иных следов контактов с западными учеными в архивах Смоленского и Волковой не обнаружено.

2. Очевидно, что при свидании с В. М. Металловым в Москве в августе Волкова привлекла и его к составлению хрестоматии в рамках деятельности 2-го отдела ОЛДП. Любопытно, что излагающаяся в этом письме критика исследовательского метода Металлова совпадает в главных мыслях с критикой Смоленским работы Металлова о древнейшем периоде русского церковного пения (см. далее).

3. Имеется в виду доклад Смоленского, прочитанный 22 апреля 1905 на общем собрании ОЛДП «О русской хоровой церковно-певческой литературе...» (см. в Приложении к книге раздел «ОЛДП»).

4. Речь идет, несомненно, о Всенощном бдении древних напевов, выпущенном Придворной капеллой под редакцией Н. А. Римского-Корсакова в 1888. Кстати, замены знаменного роспева на греческий в этой Всенощной были произведены по желанию тогдашнего управляющего Придворной капеллой М. А. Балакирева.

5. Как свидетельствуют материалы архива, образцы кантов и псалм были гектографированы и на чтении раздавались присутствовавшим. Неизвестно, какой именно кант подразумевает Волкова, но можно думать, что это особенно любимая и часто упоминаемая Смоленским великопостная псалма «Уже Тя лишаюся, сладкое чадо».

6. Понятие «вводный тон» по-французски передается как «чувствительная септима», что дало повод к замечанию Волковой.

7. Смоленский был издавна, еще с Казани, знаком со знаменитым юристом, который был к тому же поклонником церковного пения.

8. Письма Компанейского к Волковой сохранились в фонде Софьи Сергеевны в РГАЛИ (ф. 723, оп. 1, № 57). Так, 26 августа 1905 Компанейский писал:

Вряд ли я ошибаюсь в предположении, что истинная причина, сблизившая Вас с этой областью искусства, заключается в Вашей склонности к религиозной поэзии, а не увлечение сухою наукою. Если это так, то разрешите мне, как композитору, ставящему религиозную поэзию превыше всего, посвятить Вам прилагаемую при сем музыкальную картину Евангельского сюжета «В саду Гефсиманском» и тем засвидетельствовать искреннюю радость встретить среди людей светского круга интеллигентных и музыкально просвещенных не только любителей церковной музыки, но и ревностных сотрудников, искренних ее друзей и печальников угнетенного ее положения среди прочих искусств (л. 6—6 об.).

Волкова не приняла посвящение ей вокальной сцены Компанейского «В саду Гефсиманском» (на стихи И. С. Никитина), потому что не считала возможным ни подобный «сюжет» для романа, ни посвящение такого романа кому бы то ни было. От напечатания произведения ей, однако, отговорить автора не удалось.

Смоленский — Волковой

Петербург, 24 октября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Я был сердечно рад получить Ваше письмо, полученное мною в то время, когда я советовался с Ант. Викт. Преображенским насчет хрестоматии. Поэтому, кроме секретных статей по части всяких «посвящений», Ваше письмо мы проштудировали оба, поставили Вам мысленно 5+ и приветствовали Вас как доброго, полноправного товарища по любимой науке. Вы в самом деле изумительно быстро овладели всем предметом и пронизатель-

но разбираетесь уже в подробностях. Впрочем — смолкаю, ибо не любите Вы, когда Вам выражают удивление.

Пишу Вам в одну из спокойных минут, которые все-таки иногда находят на меня в текущую сумятицу. Вчера с утра трясся весь город, ожидая новой резни на похоронах жертв 18-го. Всех встревожила прокламация Трепова, который не желает расставаться с угрожающим тоном, хотя уже и перестал восклицать «патронов не жалеть»¹. Прокламация Думы составлена много умнее и успокоила всех; зато решение Рабочего союза объявлено в выражениях такого сорта: «Петербургский пролетариат даст правительству последнее сражение не в тот день, который изберет генерал Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату». Толкования излишни.

Наверху ожесточенно подкапываются под Витте члены «высокой черной сотни», как называют Игнатьева, Стишинского и К°. Не моему уму разобраться, что было бы лучше, но думаю, что будет хуже, если падет Витте, и что репрессивная партия прямо утопит Романовых, тогда как Треповщина делает то же медленно. Из Москвы — страшные вести, как и почти отовсюду, в том числе и из горемычной Казани. Дикое насилия черной сотни лишь близят ее же падение, ибо революционная партия, даже и в войсках, оказывается огромной, отлично организованной и энергичной, к тому же и совершенно непримиримой. Впрочем — во всем воля Божия.

Работаю я опять слабо, то каким-то порывом, то урывками, а то — голова кругом идет и все из рук валится. Во всяком случае дело все-таки не остановилось и энергия не тухнет, даже и от текущих огорчений. В Москву мною написано фотографу Дм. Андр. Быстрицкому, очень опытному по части снимания рукописей. Он сделал одному мне больше 100 снимков — вполне отличных.

Вот уж и К. П. Победоносцева нет, ушел за ним и Ш². Совсем не знаю, кто и каков Алексей Оболенский и можно ли будет с его помощью полегчать в нашем деле².

Теперь ответ по пунктам Вашего письма.

1) 17-е октября — величайший день России, но может повернуться и в смысле величайшего бедствия. Трепов точно не слышал о «17-м» и нарушает его так, что возвращаются опять чуть не «плевелы», водворяется «трепка» и растет ужасающее общее негодование. Нет у нас и не может быть терпимости и уступчивости — поэтому и бешеное неистовство всюду, лишь только появится полиция или казаки. Не могут у нас найти у себя обе враждующие стороны хоть какое-либо средство к сносному *modus vivendi* [сосуществованию] — каждая хочет только во что бы ни стало поставить на своем. Оттого — дикая резня со всякой провокацией, с потачкой от полиции, войск, казаков, губернаторов, даже и подстрекательства сильных мира сего, вроде архиереев и проч. Оттого — доведенные до отчаяния отвечают на оскорбления и расправу только ужасающими зверствами. Какое же тут 17-е. Его надо было дать года три-два

назад, до войны, а ныне это торжество ума и правды неуместно звучит в пору величайшего бесправия и самосуда. Когда придет пора утомления от крови — тогда только воссияет 17-е, теперь же нужно с горестью признать его = 0. Трепов, черная сотня, казаки, революционеры и общая повсеместная резня не пара 17-му. Последнее слишком опоздало и не оправдало пословицы «лучше поздно, чем никогда». Русский «авось» с помощью стены глупцов и льстецов, окружавших Государя, сыграл в этом случае жестокую роль. Наверху порешили, что с заключением мира народ уже забыл войну, что цыкнув на все и вся останутся обожаемыми, что не посмеют рассуждать и проч. И в самом деле: возможна ли «действительная неприкосновенность личности» одновременно с нагайками, арестами и высылками.

Вы знаете меня близко, ближе многих — поэтому Вы поймете, как глубоко я скорблю, что такая великая вещь, как «17-е», подверглась немедленному же поруганию и полному дискредитированию. 17-е — более не существует, вместо него Треповщина, а в ответ ей бешеная революция и трепет 129 миллионов людей из 130-ти всех.

2) Надежды на 2-й Отдел крепнут и у меня в голове и в сердце, но публичная деятельность Отдела должна, думаю, сократиться, ибо «времена настали злые» и неизвестно еще, не повернутся ли они к еще более худшему. Зато можно сократить и все-таки делать свое дело, то есть подбирать кружок, готовить хрестоматию, собираться на собеседования, даже и читать лекции в кругу своих, хотя бы и не в доме Шереметева, а на стороне. Не всех подряд колотят.

3) Объяснительный текст к хрестоматии, конечно, необходим по силе возможности, как и нотные переводы. Во всяком случае я думаю, что эта работа должна быть у меня совместной по крайней мере с о. Металловым; текстовую часть (не певческую) я думаю просить у Шахматова — тут ему и книги в руки, даже несмотря на Путятю.

4) На Ваш вопрос: «нельзя ли выбрать такие песнопения на гласы, греческие напевы которых известны в редакции современной, то есть одного из столетий между XI—XVI веками», отвечаю так: для меня эта область вполне темна, и я могу ответить лишь после переговоров с Пападопуло-Керамевсом, которому знакомы итоги деятельности константинопольских археологов³. Последние трудятся именно над розысками старо-греческих напевов, ибо нынешнее пение не имеет с древнейшим у греков решительно ничего общего⁴. Греки не могут читать даже свою нотацию конца XVIII века... Я всегда думал, что через наши крюки греки скорее добьются чего-либо, чем через сумбур своего множества несвязных отмен и прибавок с отбавками в своем письме. Отвечая на Ваши слова, я вполне понимаю Вашу мысль о том, что греческая нотация (общая с нашими крюками), хотя и перестала жить у греков, хотя и была заменена новой, совершенно несродною с бывшею перед тем (до XI—XII веков), — все же должна была быть транскрипцией для множества старо-греческих напевов, особенно же

уставных. Но беда в том, что в крюковой греческой нотации, общей с нашею, мы имеем хоть надежду подойти с помощью наших крюков, а к следующей у греков нотации (с XII в.) — я о таком порядке совершенно не слышал. Тибо и немец Гейссер читают наугад XV—XVI век, да и то $\frac{1}{10}$ часть и только предположительно. Риман совершенно отвергает их чтение⁵.

5) Смету о. Металлова нахожу справедливой вообще, свои же мысли сообщу Вам по этой части по получении данных от фотографа и А. В. Преображенского. Первый сообщит мне свои цены, второй — решения. Прошу Вас, если то не стеснит Вас, переслать *ad referendum* [далее] мое письмо к Вам о плане хрестоматии к о. Металлову. Его мнение по поводу моего проекта должно быть уважено. В здешней Публичной библиотеке нашлась кучка листов — братьев Есфигменскому Ирмологу — следовательно греческий первообраз искать есть где. В Москве таких рукописей нет.

6) Последний труд о. Металлова мне совершенно незнаком, ибо он сторонится от меня. Теперь, с выходом Ш², авось перестанет бояться такой заразы, как Ваш преданный слуга. Но я все-таки знаю общий облик его работы — высоко интересный и, конечно, дельный.

7) «Почему к лучшим историям музыки не приложены образцы?» — потому что дорого и громоздко. С другой стороны, лекция 22 апреля стоила около 75 рублей.

Предполагаемые мои чтения будут в изобилии снабжены фотографиями, ибо я давно скопил себе большую и притом систематичную их коллекцию. Но уже по оценке о. Металлова Вы можете судить, что 200—250 снимков — вещь недешевая, а репродукция их при какой-либо истории — еще того более, а это не по силам издателю небогатому. С этой точки зрения я особенно бы уцепился за удобный случай издать хрестоматию при О.А.Д.П.

Свои лекции, как, кажется, я писал Вам, я намеревался иллюстрировать хорovým пением студентов Академии и семинаристов греков, сербов и болгар, даже и румын и в придачу им старообрядцев-поповцев и беспоповцев (хомовых). Но теперь, кроме последних, отпали все первые, ибо Академия и Семинария взбунтовались и закрыты. Иллюстрация с помощью рояля текстов словесных мне всегда казалась крайне бедною, даже вредною, внушающею совсем не те впечатления, какие хотелось получить. «Лучше что-нибудь, чем ничего» — думаю, неприложимо здесь.

8) Н. В. Волков еще не откликнулся на мое к нему письмо, довольно подробное, от 17-го.

9) Что Н. И. Компанейский воспылал желанием посвятить Вам свое вдохновение, то понятно само собой, — ставлю после этого точку. Что вдохновение его чисто, сообразно его душе глубоко любящей и честной, то понятно так же, как и его полное неумение компонировать. Обуревающее его неудержимое желание быть оригиналом, ничем не стесняющимся в голосоведении, вполне совпа-

дает с неумением и незнанием, которые он честит всячески, ибо красота этого искусства и знания ему вполне чужды, в мелочах же понимаются им по-своему же — путем трудно доставшихся догадок. Основная мысль Компанейского великолепна, но в его руках примеры порою совершенно невозможны по прямой нелепости, несколько не относящейся к его же основной мысли.

10) Доклад Ваш был передан Вл. Вл. Майкову 5 октября.

11) Известия Ваши о болезни Марии Владимировны совсем удручают меня, тем более по связи с переездом сюда. Впрочем, Петербург теперь противен и очень тревожен. Прошу Вас от меня и Анюты передать наши самые теплые пожелания достопочтенной Марии Владимировне — чтобы выздоравливала поскорее, да покрепче. Поклон наш и дорогой Марии Сергеевне.

12) Целую Ваши ручки.

Душою Ваш Ст. Смоленский.

NB: уж именно № 13: заметили ли Вы в газетах, как отличились правоведы. Впрочем, из этого Назарета чего же ждать порядочного?

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 45—46

1. Д. Ф. Трепов, военный губернатор Петербурга, а реально в этот период — диктатор, вел агрессивную политику подавления всяческих общественных выступлений.

2. О попытках чего-либо добиться от нового обер-прокурора князя А. Д. Оболенского см. в Приложении к первой книге раздел «Проекты Смоленского».

3. Неизвестно, встречался ли Смоленский с А. И. Пападопуло-Керамевсом.

4. В настоящей публикации вряд ли уместен комментарий по поводу разных видов греческого церковного пения. Эти вопросы будут освещены в VII томе серии, посвященном Афонской экспедиции ОЛДП. Однако нужно все же заметить, что последнее утверждение Смоленского явно ошибочно, как и ряд других положений этого письма, касающихся греко-русских певческих параллелей.

5. Вопрос о поиске «греческих прототипов» для древних периодов русского церковного пения отчасти прояснился после Афонской экспедиции (см. в переписке с Шереметевым и в разделе «ОЛДП» в Приложении к первой книге).

Гуго Риман (Riemann; 1849—1919) неоднократно обращался к проблематике древних нотаций в своих трудах по истории музыки. Монах-бенедиктинец Гуго Гейссер (Gaisser; 1853—1919) является автором ряда работ по византийскому пению, в частности: «Le système de l'Eglise grecque» (1903), «Les "heirmoi" de Paques dans l'office grec...» (1905).

Волкова — Смоленскому

Спасское, 29 октября 1905

Спешу ответить на письмо Ваше, добрый Степан Васильевич...

Совсем нет [времени]. Сперва списала Ваш план хрестоматии и вчера отправила его о. Металлову. При этом заглянула в указатель Н. В. Волкова и пришла в ужас от своей неточности: в докладе, в I части, в числе рукописей, интересных для напечатания, назван стихирарь 1163 года под № 331 у Волкова. Он *не нотный*. Я увлеклась обозначением года и теперь содрогаюсь от своей рассеянности. Приходится просить В. В. Майкова уничтожить это указание, что может быть затруднительно, если печатание начато.

1) Может быть, легче подставить другое указание, нежели ограничиться уничтожением, если надо заполнить пустое место. Замену предоставила бы Вам (например, Кондакарем под № 355 из Троице-Сергиевой лавры, который Вы хвалите)¹.

2) Если Вы увидите Волкова, не потрудитесь ли спросить у него, где находится рукопись № 347 — Ирмолог *около* 1249 года, помеченный так: «принадлежал купцу Самсонову». В докладе я так это и оставила, но это обозначение слишком таинственно, как будто это не рукопись, а привидение рукописи.

3) Не знаю, о какой рукописи Вы говорите под № 188. В указателе Волкова нотной рукописи под таким номером нет. Шахматов на номер мне не указывал, но назвал Стихирарь *1157 года* (в Московской Синодальной библиотеке, под № 329 у Волкова). Про этот ли Стихирарь Вы пишете, что в нем мало крюков и они позднее вписаны? Если так, то ведь и этот Стихирарь следовало бы вычеркнуть из доклада. Мне кажется, я просила Вас исправить, если нужно, эти указания в I части доклада до передачи его Майкову; мне весьма совестно, что я только теперь спохватилась немного вникнуть в эту совершенно чуждую для меня область.

Вспоминаю монаха Dom Antonio Аасга, который говорил, что, сдав свои труды для напечатания в типографию Академии наук, русские ученые затем непременно позже вносят поправки и тем затрудняют работу типографии! Не будучи в состоянии подражать учености сих писателей и мысленно осудив таковой их прием, сумела подражать лишь ему и жду теперь строгого приговора Майкова.

4) Доклад я желала озаглавить «О древнерусских церковных напевах и о значении их для будущности русской музыки» (или «русского искусства»). Вспоминается мне, что я, должно быть, забыла подписать это, и заглавие осталось более веским: «Древнерусские...» etc. Мне это немножко досадно. Но ведь исправить поздно? Или смута задержала печатание?

5) Не нашли бы Вы полезным, если это не затруднительно, присоединить к докладу в виде приложения Список древних рукописей по Волкову? Это, может быть, облегчит обсуждение хрестоматии в комиссии и спайку напевов с «письменностью» и придаст докладу солидный вид! На всякий случай прилагаю этот список. Если Вы решите не передавать его Майкову, то, может быть, вернете мне его с комментариями на пустых страницах. Замечаю, что большин-

ство названий и номеров рукописей другие, чем в приведенных о. Металловым образцах или в Ваших трудах. Кстати: имеет ли Россия право воспроизводить образцы из Флейшера и проч.? Как это делается? Достаточно ли из вежливости предупредить автора? Не облегчает ли это право издание хрестоматии именно в России?

6) Не случилось ли Вам при сличении разных крюковых образцов на одни и те же слова определять сходство напевов, даже и не разобрав крюков? Не бывает ли это возможно при сходном чередовании знамен или невм над теми же словами? Или не только вид, рисунок знамен греческих, знаменных и кондакарных различны, но и самая система нотации? Так, что каждый крюк делит мелодию по-разному и не представляет, в разных системах, различный способ записи сходных мозаичных частиц напева? Пишу очень неясно, но сама отлично понимаю, что хотела бы сказать! Напевы крюковые или, точнее, многие из них, стали мне представляться как бы мозаикой из составных мелодических частиц; крюки часто изображают не только форму этих частиц, но и указывают их принадлежность к целому, их место в нем. Но, вероятно, разные системы крюковой записи дробят напевы на различные частицы (попевки, спайки и проч.); отсюда трудность сличения неразгаданных древних крюков. Так ли?

Увы! Напрасно Вы пишете, что я разбираюсь в подробностях. Ваш план хрестоматии для меня загадка. Значение «подобных» и «самогласных», выбор тех или других — все это требует для меня разъяснения, посвящения. Вижу, что среди книг XI—XIV веков не сохранилось ни одного нотного Обихода, ни одного Октоиха, — но почему? Были ли напевы их настолько известны, что довольствовались надписями «на подобен», «такого-то гласа» и т. д.? Вот и пора кончать.

Хочется отнестись письмо на почту в виде прогулки. Тихо и солнечно. Пока здесь хорошо. Обивают двери, запележивают фундамент — может быть, еще месяц пройдет без сильных холодов. У нас все по-прежнему, даже получше. Простите!

С. Волкова.

Р. S. Здесь теперь Иван Соколов, так как в Синодальной школе нет ученья. Вчера я его к себе позвала и играла с ним на фисгармонии разные произведения Чеснокова.

РНБ, ф. 1050, оп. 1, № 6, л. 5-7

1. *Притиска Смоленского*: «Поправку лучше всего сделать на № 329 у Волкова», то есть по Указателю Н. В. Волкова. В издании работы Волковой произведена эта замена.

Смоленский — Волковой

Петербург, 9 ноября 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Живы ли Вы и Ваши? Здравствуете ли без потрясений, уцелели ли Ваши имущества около Подсолнечной и в Пензенской губернии? От Вас давно нет писем и то тревожит меня.

Сегодня видел я Вл. Вл. Майкова и узнал от него, что Ваша статья уже в наборе типографском, но всякие забастовки и треволнения из-за цензурной войны страшно тормозят печатное дело вообще. Я уговорился с Вл. Вл., что ко мне будут присылаться для доставления Вам корректурные листы Вашей статьи. Мы сообразили, что хоть это-то дело не замедлит, хотя тут же сказали друг другу, что по нынешней поре нельзя рассчитывать ни на что впредь.

Ну, какие же теперь, в самом деле, лекции! Вижусь я часто в Публичной Библиотеке со многими профессорами, а сегодня повидал и Саккетти с Римским-Корсаковым. Все — ума не приложат против неумолимого хозяйничанья молодежи, командующей всем у себя и решительно не желающей учиться. Они требуют открытия учебных заведений, но с целями ничего общего не имеющими с каким-либо учением, с каким-либо служением науке. Вместе с тем доминирует какое-то небывалое и прямо удручающее по мере неблагоприятности бравирование, издевательство над всем тем, что считалось еще недавно уважаемым во всякой школе. Но — будет!

В массе впечатлений от текущей поры я, признаюсь, совсем потерял все объединяющие их нити и не могу более разбираться в сумбуре всяких противоречий, насилий и беззаконий со всех сторон. Настоящее положение кажется мне одним из таких кризисов, при котором недоумевающие врачи не знают, что делать с буйным больным, как разобраться в подробностях припадка, в своих неверно поставленных диагнозах и в осложнениях от грехов своих и пациента. Несомненно для меня и то, что будут и повторные кризисы.

Как же тут рассуждать и работать о церковном пении и размышлять о трудностях, требующих хладнокровия и спокойной неторопливости? Моя энергия уже иссякла, и я уже не работаю более, так как бывшие уже не раз подъемы духа, бывшие усилия, с которыми я заставлял себя отрешаться от переживаемого, привели меня в конце концов к какой-то апатии, к непониманию читаемого, к безразличному отношению даже к самым интересным новостям. Охотно верю, что все это пройдет, пожалуй и скоро, — но сейчас мое положение именно таково.

Занимаюсь я, так сказать, по инерции, по старой привычке проводить свой день. Часто хожу в Публичную библиотеку, где с А. В. Преображенским обследованы уже нами все наличные «прапрадеды-греки» с крюками общими с нашими. Нельзя сказать, чтобы 5 листов были многообещающим фундаментом для хрестоматии. Интересны из них разве только начало «Тебе одеющегося» да стихиры 4 декабря Великомученице Варваре. В остальном — весьма скудные

обрывки, ибо имеем дело с теми краденными листами, которые наш Епископ Порфирий¹ варварски и без всякого толку вырезывал из драгоценнейших памятников Афонской горы, Синая и т. п. Мне приходит даже на ум обратиться к Биркбеку, чтобы он снял копии и прислал хоть описания одной греческой рукописи Британского музея, подходящей для нашей хрестоматии². Впрочем, сейчас не могу соображать и разобраться по памяти об имеющихся в Москве греках.

Не имеете ли Вы сведений, что такое представляет собою новый обер-прокурор князь Алексей Дмитриевич Оболенский? Говорят о нем как о весьма легковесной фигуре, совершенно не имеющей никакого отношения и познания ни о православии, ни о его истории, ни о его администрации в старой Руси, ни о его духовенстве в прошлом и настоящем. Убеждает меня Сергей Дмитриевич повидаться с ним и перетолковать и о рукописной части. Но как то сделать, если он действительно легковесен? Да и не краткосрочен ли он? Я спрашиваю все это у Вас, конечно, по секрету от Сергея Дмитриевича.

Он, огорченный, будет этой зимою в Петербурге только наездами, ибо решил провести зиму в Михайловском.

Нет времени писать еще, да и утомился уже. Поклон Вашим от меня и жены.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 78—78 об.

1. Епископ Чигиринский Порфирий (Константин Александрович Успенский; 1804—1885) — начальник Русской миссии в Иерусалиме, много лет проведший на Востоке, крупнейший русский археолог.

2. Смоленский написал Биркбеку и получил ответ, что нужная ему рукопись находится вовсе не в Британской библиотеке, а в Венской придворной. Впоследствии, во время Афонской экспедиции, она была полностью скопирована.

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 ноября [1905]

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно рад, благодарю Вас за ту радость, с которою получил Ваше письмо с «?». Отвечаю без промедления так: мой ответ на Ваше письмо со «списком» очевидно до Вас не дошел¹. Соскучившись ожидать Ваших по нему слов, я вчера написал Вам вторично, но письмо было писано в минуту жестокой хандры, и потому в нем много лишнего.

Я здоров, но перестал владеть собою — апатия и размышления вместо действий обуревают меня. По содержанию пропавшего письма все мною было сделано. В списке дополнено мною то, что Вами не внесено от Н. В. В[олкова] лишь по его же ошибочному неозначению некоторых №№ как нотных. № 330

вполне исправляется № 329-м, с которого даже имею снимки. С Майковым все условлено. Вы будете довольны нами обоими.

Сердечно рад хоть отсутствию от Вас нехороших вестей. Сегодня работаю несколько лучше, но еще слаб духом. Из Казани знаю ужасающие подробности, но мои — хоть целы и живы — и то хорошо. В общем, сколько понимаю, за исключением ужасающей аграрии — все как будто склонно наладиться. Привет мой и Анны Ильиничны Вам и Вашим.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 79. Открытка

1. Если понимать под ответом на письмо со «списком» письмо Смоленского от 24 октября, то Волкова его получила, хотя, вероятно, и с опозданием. Возможно, однако, было и еще одно письмо, от начала ноября.

Смоленский — Волковой

Петербург, [начало декабря 1905]

Добрейшая Софья Сергеевна! Сегодня я получил одно письмо через настоящего почталиона и из разговора с ним убедился, что как будто бы восстанавливается возможность сношений между российскими гражданами¹. Поэтому пишу Вам и одновременно посылаю корректуру Вашей статьи. Последнюю, как видно по штемпелю типографии, я продержал у себя несколько дней из-за той же почтово-телеграфной забастовки.

Статья — прекрасна. Некоторые поправки и дополнения, какие мне представляются нелишними, представляются совершенно на Ваше авторское благоусмотрение. Если, с бывшею уже невольною потерей времени, Вы хотите выгадать одни сутки, то корректуру благоволите вернуть или в О.А.Д.П. Майкову или ему же в Публичную Библиотеку.

С. Д. Шереметев организовал в последние недели собственную почту между Михайловским и Петербургом. В одном из писем его ко мне он цитирует Ваш «план занятий», но вместе и сообщает о болезни достопочтенной Марии Владимировны.

Признаться, давно уже болит мое сердце по ней и, кроме забастовки, пожалуй, и посетивших Ваши имения аграриев, я только и объясняю себе болезнью Вашей мамы отсутствие хотя краткой весточки ко мне из Спасского. Если теперь у Вас найдется минутка сообщить мне что-либо — прошу Вас хотя бы о нескольких строках.

Живется мне, конечно, очень жутко, как, впрочем, и всем без исключения. Предвижу и для себя возможность потерять даже и пенсию — следовательно и надобность вновь идти на заработки. Пока, впрочем, бодрюсь еще и врачую

себя постоянным трудом в области Казанского знамени, над которым сижу уже второй месяц. Труд тяжелый и малоуспешный, так как впечатления от переживаемой поры парализуют подъем духа, а неумолимые логические выводы из фактов той же горькой действительности, сулящие также мало доброго, парализуют энергию вообще к большой работе. Бодрит и врачует меня лишь чистая, покойная атмосфера возвышенных старых звуков — тружусь много, но толку в итоге — мало. Лекцию 28 ноября я прочитал один на один у себя дома, вместо знакомого Вам сводчатого, оригинального помещения...² Да и в самом деле, особенно же в последние дни, никому не до лекций, даже и самому мне.

Но и в тяжелые дни иной раз невольно улыбнешься. На днях был пружалкий концерт Придворной Капеллы, дошедшей уже до того, что в середине пьесы хору вновь задают тон, ибо интонация хора расшаталась совершенно. Н. И. Компанейский по поводу этого концерта и по поводу дирижирования Ш³ поместил презлую и резкую заметку «Тамбурмажор» в Русской Музыкальной Газете, а Ш³, с большого-то ума, не нашел ничего лучшего как сделать нелепую сцену Кленовскому³. Теперь и у Певческого моста — смута идет ни на что не похожая — именно шереметевская, перебрались все и наговорили друг другу, и начальники, и подчиненные, много очень «досадительных и кусательных словес». А тут же подоспело и объявление Ш³ о сотом, юбилейном концерте под его управлением и о нелепом его новом сочинении для такого юбилея «Похоронный марш». Известие это попало на язычок ко всякого рода представителям «свободы печати» и т. д. — опять по-шереметевски!

Ничего более не могу сообщить Вам еще, так как сообщения с людьми давно прерваны, а известия газетные рисуют мне положение близких людей очень невесело. Особенно печалят и тревожат меня сестры. Одна с детьми — в бушующей и отрезанной от нас Митаве, две других, в качестве жен врачей, переживают под Москвою все ужасы и неожиданности крестьянских и фабричных отмищений за что-то; на Казань я уже и рукой махнул — там идет какая-то бестолочь. Ниоткуда нет ни словечка — ни почтой, ни депешей. Даже боголюбный Кашин — и тот не отстал от текущей поры. В Петербурге — снаружи спокойно, но внутри!..

Мой и Анны Ильиничны — самый сердечный и горячий привет Вам и Вашим, с пожеланиями Вам всем доброго здоровья и покоя душевного.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 80—80 об.

1. Имеется в виду окончание железнодорожной забастовки.

2. То есть Смоленский прочел сам себе первую лекцию планировавшегося публичного курса из 12-ти лекций (его программу см. в Приложении к первой книге).

3. Эта заметка опубликована в № 48/49 РМГ за 1905. Отметив содержательность программы концерта Придворной капеллы 27 ноября, включавшей сочинения Гречанинова, Панченко, Римского-Корсакова, П. Г. Чеснокова, Компанейский указывает, что хор практически поет без дирижера-художника, ибо А. Д. Шереметев никого не пускает к дирижерскому пульту:

Появляется перед хором грозного вида тамбурмажор, машет не в такт руками, выделяет всевозможные жесты, никакой связи не имеющие с содержанием музыки, короче, старается изо всех сил сбить певцов (Стб. 1188).

Смоленский — Волковой

Петербург, 8 декабря 1905

Добрейшая Софья Сергеевна! Спешно пишу Вам, ибо имею времени лишь столько минут, сколько потребуется для посланного графини Перовской¹, чтобы донести куда-то недалеко письмо и зайти ко мне обратно.

Корректуру Вашу успел просмотреть и все надобное в ней доделать согласно Вашим указаниям. Ухитрился заметить даже и две новых опечатки.

Спасибо Вам за добрые известия о здоровье Марии Владимировны, более же того за Ваши сборы в Петербург. Но здесь — не сладко живется, а с сегодняшнего утра — сугубо. По-видимому, приходят «последняя горше первых» — ума не приложу, куда придет вся сумятица и чем разразится. Работаю я много — лучше сказать, много сижу, читаю и пишу, — но толку от того намного менее труда и траты сил.

Посылаю Вам последнюю новость «Старо Българско Църковно пение». Из почерка двух снимков на обложке стр. XI Вы увидите, что труд моего ученика осуществлен не без моего участия. Это — в своем роде благодарная наша оплата в виде возвращения нами болгарам их древнего искусства за полученную нами от них письменность. Вот один из практических результатов певческой русской археологии².

Сердечнейше вместе с Анной Ильиничной шлю Вам и Вашим самые добрые пожелания всего лучшего — главное же душевного покоя и здоровья.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 81—81 об.

1. Графиня Вера Борисовна Перовская, дочь генерал-адъютанта, члена Государственного совета Бориса Алексеевича Перовского (1815—1881), брата бабушки Софьи Сергеевны — Софьи Алексеевны Перовской.

2. По поводу книги Николова Смоленский сделал специальное сообщение 16 декабря 1905 на общем собрании ОЛДП (см. в Приложении к первой книге).

Волкова — Смоленскому

[Петербург, конец декабря 1905 — начало 1906]

Добрый Степан Васильевич, с большими извинениями за задержку возвращаю при сем рукопись¹. Дело в том, что мне только сегодня удалось прочесть ее (более половины ее) почтенной Людмиле Ивановне. Благодарю Вас за это удовольствие. Признаться, мне и сейчас очень жаль расстаться с Вашей лекцией, потому что захотелось (после сегодняшнего чтения) сделать для себя маленький конспект ее, — но что же делать! Хотелось бы, если можно, снова получить ее на среду? Еще и еще благодарю также и за Церковный Вестник — пятна на нем были раньше, но боюсь, что он у нас помялся, и прошу простить, виновата. Шлю поклон Анне Ильиничне. Отдыхаете ли вполне эти дни, как надеялись?

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 153—154

1. Речь может идти об университетской лекции Смоленского, подготовленной к 28 ноября 1905.

Смоленский — Волковой

Петербург, 18 января [1906]

Добрейшая Софья Сергеевна! В Публичной библиотеке быть не могу, ибо надобная беготня по всяким трибуналам. На л. 107 по снимку в конце книги Вы воочию убедитесь о надобности подумать о знаках, частью сходных с указываемыми у Флейшера. Признаться, вчера я очень волновался сидя у Вас и сегодня забыл о книге Каринского¹. Здесь находится несколько очень интересных страниц. Я просил бы о Вашем карандаше на них.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Кроме того при сем же и «греки» из Москвы², числом три. Таким образом — Вам и книги в руки, а я не могу работать сегодня. Кстати же прилагаются и труды новгородца А. М. Покровского — все же в них есть кое-что дельное, наполняющее бывшую совершенную пустоту³.

НВ: Экстренно. Не откажите пожалуйста, если можно сегодня же, сообщите открытым письмом адрес и какие-либо сведения о санатории в Финляндии, где Вы были, адресуя Амалии Федоровне Детловой, Малая Подьяческая, № 14, кв. 15. Очень нужно.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 73

1. Имеется в виду Историческая хрестоматия по древне-церковнославянскому и русскому языкам (СПб., 1904) члена ОЛДП Н. М. Каринского; Смоленский встречался с ученым лично, желая привлечь его к работе над певческой хрестоматией. Безусловно, в книге Каринского Смоленского должны были в первую очередь заинтересовать факсимиле с древних рукописей (Остромирова Евангелия и глаголического Зографского Евангелия), где имеются знаки экфонетической нотации (об этом он упоминает в следующих письмах).

2. «Греки» из Москвы — выписки из древних рукописей для первого раздела хрестоматии, сделанные Смоленским в Москве.

3. Имеются в виду, вероятно, работы А. М. Покровского: «Знаменный распев (большой). Техническое построение распева на древнегреческих ладах и разбор мелодических строк (лица и фиты)» (Новгород, 1897); «Семиография. Очерк развития музыкальных певческих знаков» (Новгород, 1900); «Азбука крюкового пения. Объяснение главнейших начертаний древнего российского безлинейного нотописания» (М., 1901) и проч. С Покровским, регентом новгородского архиерейского хора и преподавателем местной Духовной семинарии, Смоленский познакомился и подружился в августе 1905, во время своей поездки в Новгород. Покровский оставил воспоминания о Смоленском («Гусельки яровчатые», 1910, № 7/8) и опубликовал письмо Смоленского к нему («Гусельки яровчатые», 1916, № 11).

Волкова — Смоленскому

Петербург, 21 января 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич,

так как в среду 25-го я не свободна, а до среды 1 февраля ждать долго, то прибегаю к Вашему доброму посредничеству.

Накопилось у меня множество вопросов, большинство которых вызвано чтением «Neumen-Studien» Fleischer'a; но совестно обратиться к Флейшеру за письменным ответом, не поискав сперва в Петербурге советов печатных!¹

Не найдется ли в «Zeitschrift der Internationalen Musik-Gesellschaft» указание на то, что издал Thibaut за последние пять лет и где именно? Вы, кажется, говорили, что потеряли его из виду с 1899 года. Особенно хотелось бы знать, изучал ли он или кто-либо другой за эти годы те «zahlreichen Handschriften griechischer Musik, die bis in das siebente Jahrhundert n. Chr. Hinunterreichen» [«многочисленные рукописи греческой музыки, уходящие в прошлое вплоть до седьмого столетия по Рождестве Христовом»] (Fleischer, Band I, 3). Далее Флейшер говорит (Band III, 18), что рукописи эти находятся в «Basilianer-Kloster San-Salvador bei Messina»², а в хрестоматии Саккетти сказано: «часть этой библиотеки поступила в Ватикан, а другая в Эскуриал»³. По-видимому, сам Флейшер не занимался изучением их. Для русских же крюколюбцев переводы именно таких византийских древних неум могли бы представить интерес, хотя бы и оправдалось Ваше предположение, что неумы в этих рукописях могут оказаться не современными самим рукописям, а несколько позднейшими. Кстати, Thibaut

собирался писать о русских крюках, но исполнил ли он свое намерение? Флейшер перечисляет в III выпуске «Neumen-Studien», стр. 15—16 выдающиеся исследования за время от 1898 по 1903 год. Не знаю, можно ли найти статьи эти в Петербурге.

Привожу это место: «Von einschlägigen Veröffentlichungen aus jungster Zeit sind zu nennen: die Aufsätze über... до in der *Révue bénédictine*, dec. 1899» [«Из значительных публикаций последнего времени стоит назвать следующие... до в *Révue bénédictine* за декабрь 1899»]. Книжка Gaisser'a⁴ вышла из печати, то есть вся распродана, но у меня есть адрес автора в Риме на случай, если иначе не удастся добыть ее, как обратившись к нему. *Byzantinische Zeitschrift* — имеется налицо, остается:

Tribune de S. Gervais, 1898, oct., nov., dec. (Thibaut),

Echos d'Orient, 1900 (Thibaut),

Tribune de S. Gervais, 1897, janv., mars, mai } Gastoué⁵

Tribune de S. Gervais, 1899, janv., mars, juni

Révue Bénédictine, dec. 1899 (Gaisser).

Во всех этих статьях хотелось бы поискать *нотных образцов* древних песнопений. Не думаете ли Вы, что для Вас они могли бы оказаться любопытными и в отношении *невм* в сопоставлении с нашими средневековыми крюками?

Со стороны музыкальной припоминается еще одно место у Флейшера, а именно о древнегреческих напевах до и вскоре после Рождества Христова. У Флейшера говорится о концерте, где напевы эти исполнялись в «*Berliner Universität am 13 Dez. 1896*», и притом с большим успехом (Band II, S. 47), и на стр. 50 перечислены некоторые напевы.

Сравнивая с хрестоматией Саккетти, можно придти к заключению, что приведенные у проф. Саккетти напевы были, вероятно, исполнены в Берлинском концерте в другом виде; притом в хрестоматии приведены не все напевы, о которых говорит Флейшер. Вот почему любопытно было бы взглянуть на ноты, по каким пели в Берлинском университете. Некоторые напевы приписываются IV веку по Р. Хр., то есть времени Василия Великого и Иоанна Златоустого.

Простите за длину этого письма⁶. Думаю, что можно бы постучаться и в университетскую библиотеку и поговорить с А. В. Преображенским, но сперва подожду Вашего ответа.

До свидания.

С. Волкова.

РНБ, ф. 816, оп. 3, № 2679

1. Как уже указывалось выше, Волкова подробно проштудировала книгу О. Флейшера.

2. См. комментарий к письму Смоленского от 8 сентября 1905.
3. О хрестоматии Саккетти см. далее, в его письмах к Смоленскому.
4. См. комментарий к письму Смоленского от 24 октября 1905.

5. Французский ученый Амедей Гастуэ (1873—1943) занимался преимущественно историей григорианского пения, в 1886—1905 издавал журнал «*Révue du chant grégorien*»; он был также секретарем упоминаемого в письме Волковой периодического издания «*Tribune de S. Gervais*», которое являлось органом знаменитой парижской *Schola cantorum*. Гастуэ составил Каталог византийских певческих рукописей Национальной и Публичной библиотек Франции, изданный несколько позже, в 1907. «В этот каталог вошел фрагмент рукописи, содержащей шартрскую нотацию, который впоследствии был атрибутирован... как фрагмент рукописи Афонской лавры св. Афанасия № Г 67... Смоленский был первым, кто обратил внимание на этот ценный для науки кодекс и сделал с него 70 фотокопий» (Борисовец Е. А. «Помнящий Вас с любовью о Христе...» // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 2. СПб., 2005. С. 244).

6. Из этого письма проясняется круг занятий, намеченный для 2-го отдела ОЛДП Волковой (его Смоленский в одном из предыдущих писем оценивает как слишком обширный): сравнительное изучение древних периодов византийского, западного и русского церковного пения. Разумеется, таким занятиям способствовало свободное владение Волковой основными европейскими языками, ее знакомство с книгами по западной музыкальной медиевистике. Однако тяжелая болезнь, а затем смерть матери Софьи Сергеевны, далее ее собственная болезнь и отъезд из Петербурга прервали эти занятия, и ей не удалось к ним вернуться, по крайней мере, в намеченном объеме и в рамках деятельности ОЛДП.

Смоленский — Волковой

Петербург, 24 января 1906

Добрейшая Софья Сергеевна! Насчет «катавасии» (схождения) со времени ее появления в практике наших певцов считаю надобным пока воздержаться письмом к проф. Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (Киевская духовная академия), так как думаю, что и самый вопрос о «времени», может быть, появился вследствие простого недоразумения. Ныне «катавасиею» обыкновенно называют ирмосы 2-го канона, или богородичного («Отверзу уста моя») и т. п. Между тем, по точному смыслу термина «катавасия» есть тот же самый *первый ирмос, который* (по указанию автора канона и ради соблюдения им выбранной для канона художественно-литературной формы) *повторяется* в конце песни, по прочтении или после пения всех тропарей этой песни. Например: *Боже, царя храни!* Сильный... царствуй на славу, Царствуй на страх... Царь православный... *Боже, царя храни* — будут катавасии. Поэтому же и различаются каноны с катавасиею *рядовою*, то есть с повторениями всех ирмосов, и с катавасиею отдельно указываемою каждый

раз, обыкновенно же в этих случаях для 3, 6 и 9-й песней, иногда же и 8-й к ним. Впрочем, об этом при свидании.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 42

Волкова — Смоленскому

[Петербург,] 26 января [1906]

Добрый Степан Васильевич. Поняли ли Вы мою вчерашнюю записку? Очень бы мне хотелось повидать Вас до окончательной редакции Вашей докладной записки, ибо думаю, что это может иметь значение для будущего. Третьего дня я потом много думала о сообщенном Вами содержании вашего доклада, и хотелось бы поделиться с Вами этими мыслями, — всего бы лучше имея перед глазами доклад Ваш¹. Как поживаете? Благодарю за «катавасию». Сегодня весь день дома. С. В.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 127

1. Под «докладной запиской» или «докладом» имеется в виду текст, предназначенный для обер-прокурора Св. Синода А. Д. Оболенского (см. подробнее в разделе «Проекты» в Приложении к первой книге).

Смоленский — Волковой

Петербург, [начало 1906]

Добрейшая Софья Сергеевна!

Вот гитара, купленная мною за 35 рублей, об уплате которых, когда придет тому время, прошу предупредить ту особу, для которой этот инструмент куплен. Гитару эту очень хвалят. Она, по-видимому, отличной работы, затем уже выдержана в руках у игрока лет до 10 — следовательно суха, крепка и надежна. Сам я ничего не смыслю, но имеющиеся около меня виртуозы — хвалят.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 75

Волкова — Смоленскому

[Петербург, начало 1906]

Добрый Степан Васильевич, вот сюрприз! Я вчера писала в Ригу, что гитара прибудет туда недели через 2, 3... Благодарю Вас и очень, очень радуюсь за милых своих рижских родственников. Не знаю, можно ли вручить денежный

пакет вашему посланнику, а то немедленно послала бы Вам наш долг. Очень мне весело, что таким образом («Чужими руками жар загребал»!) удалось мне исполнить просьбу троюродной сестры — помочь ей в приискании гитары. Постараюсь отправить ее бережно, с содействием хорошего укладчика или магазина.

Еще раз — благодарю.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 155—155 об.

Смоленский — Волковой

Петербург, 10 февраля 1906

Добрейшая Софья Сергеевна! За записочку благодарю. По поводу ее видел Д. Н. Соловьева, передал Вашу брошюру (ибо мне прислали ее 2-й экз. из Общества) и услышал такие слова, как и Ваши, на тему: погодите — образуется (то есть *es wird sich allmählich entwickeln*), ибо Об[олен]ский не из тех, которых могут уговорить в Москве¹.

Относительно мысли П. Н. Шеффера могу сообщить Вам, что брошюра «Несколько указаний о русской церковно-певческой палеографии» уже пишется мною весьма оживленно².

Я, конечно, желаю Вам скорого выздоровления. Вашим поклон и Вам от Анны Ильиничны.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 112. Открытка

1. Смоленский передал Д. Н. Соловьеву напечатанную статью Волковой, а слова «погодите — образуется» относятся к ситуации «особого поручения», которая начала обсуждаться с новым обер-прокурором Св. Синода: Соловьев утверждает, что недоброжелателям не удастся очернить Смоленского в глазах Оболенского. Под таковыми могут иметься в виду те сотрудники Синодального училища, которые были против передачи Смоленскому всех работ по описанию рукописей Синодального училища, предпочитая самим делать описания, если будет получено государственное финансирование.

2. 6 февраля на заседании 2-го отдела секретарь ОЛДП П. Н. Шеффер предложил «написать брошюру, по которой бы нашедшие певчую рукопись могли приблизительно решить, что она представляет собою по содержанию и с палеографической стороны». Эта работа была начата Смоленским, черновой ее вариант (далеко не законченный) сохранился под названием «Краткие практические указания для предварительного определения значения и ценности русских певческих рукописей» (РГИА, ф. 1119, № 43). Задача работы — дать основные знания по певческой палеографии ученым-немузыкантам.

Смоленский — Волковой

Петербург, 18 февраля 1906

Очень я огорчился сегодня, добрейшая Софья Сергеевна, не выдав Вас и не предполагая о Вашем нездоровье. Шлю Вам самые сердечные пожелания скорейшего выздоровления. Анна Ильинична — также.

Мною взята у Вас хрестоматия Каринского¹ как очень мне надобная, а доставлены от Ф[индейзе]на Бенедиктинцы². В этих книгах письмо Финдейзена, желающего иметь книги обратно к 15 марта.

Адрес Александра Тихоновича Гречанинова — Москва, угол Моховой и Воздвиженки, д. кн. Гагарина, а Сергея Ивановича Танеева — Гагаринский пер., д. Вишнякова.

Я работал эту неделю очень хорошо над кондакарями и ради их, как и ради хрестоматии, уезжаю в среду, 22-го, на 2½ недели в Москву, где останюсь у Сергия Дмитриевича Ш[еремете]ва³. Возвратясь сюда, буду читать 17-го сообщение о кондакарях. Таким образом, казанское дело откладывается до навигации и до определенного ответа от Общества.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 43. Открытка

1. Хрестоматия Каринского — см. выше.

2. Эта книга обозначена в Дневнике Смоленского как «Paléographie musicale». Позже, по-видимому, ее же брал у Финдейзена для работы и А. В. Преображенский. Так, в его письме от 18 февраля 1908 читаем:

...Обращаюсь с покорнейшей просьбой: для моей работы «о сходстве русского музыкального письма с греческим» предстоит просмотр известного издания — факсимиле невматических кодексов, напечатанных отцами de Solesmes. Не имея времени сделать это в библиотеках, так как я занят ежедневно до 4-х часов, осмеливаюсь просить Вас не отказать в разрешении воспользоваться в течение 4—5 дней Вашим экземпляром. Был бы очень Вам признателен.

Искренно Вас уважающий А. Преображенский.

(РНБ, ф. 816, № 1738, л. 54)

Упомянутый том, вышедший в Брюсселе в 1891, представляет собой факсимиле нотированного Антифонария IX века из Сен-Галле, изданный аббатством Солемским.

3. О поездке Смоленского в Москву см. в его переписке с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Москва, 26 февраля 1906

Добрейшая Софья Сергеевна!

Как Ваше здоровье? Как был бы я сердечно рад получить хотя бы немногие, но утешительные Ваши строки.

Мое путешествие началось прекрасно. На станции Сходня меня встретила сестра с известием, что ее муж только что освобожден и уже дома с полночи на сегодня, то есть 22 февраля. Таким образом горемыка отсидел 6 недель в тюрьме, взятый туда и выпущенный оттуда неизвестно за что. Никакого допроса ему не было, никакого обвинения не предъявлено; просто — отворили двери тюрьмы и сказали: «поезжайте домой».

Здесь, после двух вполне упоительных дней работы над кондакарями, меня постигло несчастье: вчера вечером я сломал себе левую ногу в ступне и теперь лежу обреченный на неподвижность, может быть, в течение нескольких недель. Досуг свой я, конечно, наполню теми же крюками, — но это уже много труднее. Анна Ильинична хотела навестить Вас. Если то будет после прочтения Вами этого письма, прошу Вас не тревожить ее пока — пусть она прибудет ко мне сюда тогда, когда то будет мне удобнее¹. Теперь мое самочувствие настолько сносно, что я могу думать, читать и писать, а для такого самочувствия, да еще не в своей квартире, мне представляется преждевременным тревожить Анну Ильиничну.

Мой поклон Вашим и пожелания доброго здоровья и всякой радости.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 82—82 об.

1. См. переписку с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

Москва, [1 марта 1906]

За милое письмо Ваше благодарю Вас от всего сердца. Коробка с конвертами и бумагой упала со стола, и я не в силах достать ее своими средствами — поэтому пишу открытым письмом. Конечно, если что-либо осложнится, то совет д-ра Постникова будет; по указаниям Сергея Дмитриевича я окружен таким вниманием и удобствами, что даже и совестно говорить. Старший врач Шереметевской больницы (на Сухаревской площади), несомненно, отличный хирург, и во время его визита ко мне я уже убедился в его высокой технике. Кроме того теперь обнажилось отсутствие осложнений, сводящее мой случай к числу не особенно трудных. Кость переломилась, лопнувши от перегиба, а не

раздробившись, например, от удара, — следовательно не предстоит ни укорочения ноги, ни ее слабости в одной части, тем более что главная кость оказалась неожиданно целою.

Я не в силах Вам передать, как трогательно и любвеобильно участие и внимание товарищей по Синодальному училищу. Все они, то есть еще уцелевшие в нем, навещают меня. Был и о. Металлов, с которым однако беседа хотя и шла весьма оживленно, но не один на один. Продолжение беседы условлено, так как я рассудил использовать мое лечение работою, доступною в такой позиции. К числу такой относится и продолжение брошюры, предложенной П. Н. Шеффером, равно и уписывание всего того, что в кондакарном обзоре¹ представляет собою «loci topici» [«общие места»], без ссылок на страницы рукописей, но лишь силою уже собранного мною и имеющего более общее содержание.

Самочувствие мое безусловно хорошо, болей совсем нет кроме нечаянных и невольных движений, еще очень ощутительных. Жду к себе Анюту, узнавшую каким-то образом о моей беде и выехавшую сегодня сюда². Сердечно рад тому, что и Вы «идете на поправку» — дай Господи! Всею силою любящего Вас сердца радуюсь за Вас и приветствую Вас. Радуюсь и за Ваших, радующихся началу Вашего выздоровления. В час добрый!

В Москве опять беспокойно и тревожно со вчерашнего дня. Сегодня газеты все запрещены. В земском собрании вынесли какой-то большой и убедительный переполох, но подробностей не знаю³.

Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 40. Открытка

1. «Кондакарный обзор» — материал доклада, сделанного в ОЛДП 14 апреля 1906, но опубликованного только посмертно (РМГ, 1913, № 44—46, 49).

2. О несчастье, случившемся с ее мужем, А. И. Смоленской сообщила Е. П. Шереметева.

3. В это время шла подготовка к выборам в Государственную Думу.

Смоленский — Волковой

Москва, 10 марта [1906]

Добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу сидя у постели, вытянув больную и созерцая постоянно «чего моя нога хочет». Более самодурной недотроги не встречал во всю жизнь! Тем не менее сижу уже второй день — лучше сказать — учусь сидеть второй день. Чтобы скоротать время, уже нахожу в себе силы заниматься кондакарным знаменем и работаю даже не без успеха, с интересом чрезвычайным.

Но тем не менее две недели потеряны и проведены далеко не так полезно, как думалось о них в Петербурге. Поездки в Троицкую Лавру откладываю совершенно, хотя и надеюсь, что, может быть, Архимандрит Товия услышит мою мольбу о высылке кондакаря в Чудов монастырь¹. Тогда вернусь домой с полным циклом наблюдений и выписок.

Через 5—6 дней думаю выбраться в Синодальную библиотеку для возобновления занятий, так как подобное предприятие зависит от приобретения искусства балансировать на клюшках и от здоровья ноги, которому уже должно быть крепким ради недопущения отеков в переломе.

Не без сердечного утешения сообщу Вам, что число моих московских друзей оказалось многочисленным и по 6—7 бывают у меня ежедневно. Был даже и Г. Э. Конюс.

Очень был бы рад узнать о Вашем здоровье, равно и о благополучии всех Ваших. Ведь я уже давно не имею дорогих мне Ваших строчек, несмотря на Ваше извещение о том, что Вы «пошли на поправку».

Услуги д-ра Постникова оказались ненадобными, так как мой перелом оказался вне каких-либо осложнений и притом еще «счастливым». Товарищи, сходявшие в Манеж и осмотревшие злополучное место, уверяют меня, что при падении аршином-двумя далее я совершенно свободно мог бы остаться в люке до прихода священника.

Будьте здоровы и веселы. Примите мой и Анны Ильиничны поклон, наилучшие пожелания Вам и Вашим. Анюта, к удивлению, очень мужественна — я даже не нервничаю.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 83—83 об.

1. 26 марта Смоленский все-таки поехал в Троице-Сергиеву лавру, где встретился и с ее настоятелем архимандритом Товией (см. письма к Шереметеву).

Смоленский — Волковой

Петербург, [4—7 апреля 1906]

Воистину воскресе! Добрейшая Софья Сергеевна! Вместе с Анной Ильиничной сердечно приветствую Вас, посылая пожелания Вам всяких благ, всякой радости, начиная с доброго здоровья. И Вам, и мне приходится принимать последние пожелания чаще всего — что же делать!

Я возвратился домой в Великий Четверг и с того дня сижу дома, познав меру барометрических свойств сломанной ноги, равно и меру нытья в месте перелома от перемен в погоде. Все столь любимые мною службы, кроме Двенадцати Евангелий и литургии Великой Субботы, были вынужденно не посещены

мною, а эти две, как и утреня Пасхи, проведены в сиденье за службою. Было жутко за свою немощь и беспомощность!

И теперь сижу дома — занимаюсь мало, неэнергично. Может быть, я потратил много сил в Москве и теперь плачусь за то — не знаю. Я не писал Вам по разным причинам, в том числе и по незнанию Вашего адреса в Риге. В числе причин было и то, что с 15 марта я начал сильно работать в Синодальной библиотеке ежедневно с 10 ч. утра до 3-х, после же того, как и по утрам, наквитывал пропущенное время за домашнею работою по рукописям, наконец-то доставленным мне из Синодального училища на дом. Может быть, тут я и переутомился немного — не умею толком разобраться. Знаменитое 26 марта¹ я работал с утра в Троицкой Лавре над Кондакарем; 27—29-го я чинил всякие прорехи в сделанных работах, чтобы привезти в Петербург нечто законченное и не нуждающееся в дополнениях из московских рукописей, 30-го я был уже дома, на Фонтанке.

Мои отношения с Оболенским пока продолжились его беседами в Москве, в Синодальном училище, по части описания рукописей и его визитом ко мне вечером в Великую Субботу, причем он попал как раз в час моего выхода к врачу². В Москве я постарался заблаговременно прояснить мои отношения к о. Металлову, и, кажется, небезуспешно, так как и в самом деле у него не могло быть никаких поводов к неудовольствию на меня. Впрочем — мои объяснения были очевидно второю частью того, что Вы дали себе труд начать в Москве. О. Металлов несколько раз подчеркнул это — и что же теперь могу сказать Вам от себя, кроме выражений признательности? Он навел меня два раза, устроил постановление Наблюдательного Совета о снабжении меня для работы 5—6-ю рукописями и затем доставил их мне. Поэтому я провел в Москве много приятных вечеров, дополняя дневную работу в библиотеках.

Я работал над Кондакарем достаточно успешно, — но область эта, как и вообще все в области церковно-певческой, подчинена пословице: «дальше в лес — больше дров». Так как одновременно с кондакарями я списывал старейшие редакции тех стихир, которые нашлись в греческом изложении XI—X веков (то есть в Публичной библиотеке), то эта копировка привела меня к ознакомлению с составом наших древнейших стихирарей и к сравнению этих рукописей с знаменитыми 10-ю Певчими Минеями Синодальной Библиотеки. Тут уже, как сострил некто, я вовремя сломал себе ногу — по крайней мере уцелела Смоленская голова, хотя бы до следующего его приезда в Москву.

Тем не менее из предположений, с которыми я выехал в Москву, осталось невыясненными немалое число. 18 суток бездействия дали себя знать очень ощутительно — силы упали, времени было уже мало.

Вчера выяснилось после беседы с графом Сергием Дмитриевичем, что поездка на Афон может осуществиться в конце мая и продолжиться 2½—3 месяца. Я сердечно рад и тому, что такая поездка устраивается именно под фирмой экспедиции от О.Л.Д.П. С другой стороны, кроме научных интересов, кроме прекрасного нашего товарищества (то есть П. А. Лавров, А. В. Преображенский и ликующий теперь

А. Николов), меня очень тянет к теплу и южной природе, меня тянет к уединению в труде и особенно к самоудалению от всюду исполитиканившейся теперь нервной суеты. Как ни резок я в своих отзывах о нашем негодном монашестве, особенно же властительном архиерействе, — все же в сущности хорошее монашество было мне всегда глубоко симпатично, и я буду рад встретить на Афоне хоть несколько достойных людей — конечно, не из греков. Рукописей на Афоне — хоть отбавляй.

Поездка на Афон, конечно, вызовет вновь посещение любимых мною славян, и я думаю, что обратный путь будет не через Константинополь, а скорее всего через Черногорию, Далмацию и несравненный Земмеринг и милую Вену³. О последней скажу еще и так, что я жду оттуда ответов на мои письма, ибо для Хрестоматии (поэтому — судите сами о близости ее к моему сердцу) нашлась в Вене значительная пожива.

Между прочим я видел Ив. В. Биркбека в Москве, и его объяснения насчет ответа на мое письмо совпали с мыслями о Вене. Оказалось, что я запомнил все: рукопись, о которой я писал ему, вовсе не в Британском музее, а в Вене⁴.

У Ваших я еще не был, как впрочем и ни у кого еще не был по своему нездоровью и по трудности для меня даже нескольких ступенек, особенно же схождения с лестницы. Относительно Вас нахожусь в полном неведении, почему именно Вы уехали в Ригу. Не сомневаюсь, что Вы находитесь в частом общении со столь симпатичной матерью Татьяной и потому приписываю мой поклон ей и мое «Христос воскрес»⁵.

Следующее письмо к Вам будет поподробнее, так как начав это письмо третьего дня вечером, кончаю лишь сегодня, 7 апреля утром и тороплюсь отправить. Постараюсь повидать Ваших, так как погода по-видимому не обещает ухудиться. Итак, «Воистину воскрес».

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 83 а, б

1. 26 марта в Москве состоялось губернское избирательное собрание для окончательного выбора членов Государственной Думы.

2. Речь идет об обер-прокуроре А. Д. Оболенском, которому по поводу Смоленского и его «особого поручения» (на этот раз в рамках деятельности ОДП) писали и Шереметев, и Волкова (см. раздел «Проекты Смоленского» в Приложении к первой книге).

3. Вопреки этому предположению афонская поездка сложилась в обратном порядке: туда — через Вену, Белград, Софию, Константинополь, обратно — через Константинополь и Одессу.

4. Речь идет о Стихираре Венской Королевской библиотеки (см. в переписке с Шереметевым).

5. О «рижских связях» Волковой и о ее подруге инокине Татьяне см. во вступительной статье.

Волкова — Смоленскому

Рига, 26 апреля 1906

Я виновата перед Вами;
Здесь занялась весной, мечтами,
Природою и пустяками,
А потихоньку все хворала
И никому не написала.

А Вас прошу я поправляться!
Ведь я не позже вокресенья
Надеюсь с Вами повидаться!
А это что за поведенье?

И кто Вам пишет — не скажу,
Старайтесь сами догадаться,

«Еду, еду — не свищу,
А наеду, не спущу!»

Татьяна-мать Вам шлет поклон,
Благословляет на Афон.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 298, л. 20. Открытка

Смоленский — Волковой

Петербург, 17 мая [1906]

Добрейшая Софья Сергеевна! Очень Вы порадовали меня многим, что слышал я, провожая Вас на вокзале, еще же более того — Вашей короткой записочкой. Я был уже два раза у Ваших и простился с добрейшей Марией Владимировной, как и с Марией Сергеевной. Теперь прощаюсь с Вами надолго, искренно грустя, что это прощание не происходит лично, а только письменно. Путь далекий, разлука долгая — а что может случиться — один Бог ведает, как всегда, по нынешним же временам — и того более.

Непорядки в Одессе заставляют меня тронуться 21-го вечером в Вену, Белград и Софию, чтобы прибыть вовремя к сборному пункту и сроку в Константинополь к 9 июня¹. Таким образом, я прибуду на Афон свободным от забот по иногородним дополнениям поездки и, следовательно, буду иметь возможность сполна погрузиться в созерцание только одного Афона и в подведение итога нашего путешествия на месте.

Излишне говорить Вам о широте моих и спутников мечтаний и упований. Удерживаю себя и их, чтобы в случае неудач было бы легче снести печаль, в случае удачи — остаться в надобном смирении.

Книжки и брошюры я взял с собою в первое посещение мною № 48². Во второе посещение я заговорился с Вашей подругой княгиней Васильчиковой³ и Марией Владимировной, а уходя — забыл. Но сознаюсь Вам, что ни в первый, ни во второй раз я не забывал того впечатления, которое во мне несколько затуманилось после Вашего отъезда. Вы что-то говорили мне про какое-то приспособление, купленное или найденное Вами где-то относительно очень удобного письма в вагоне⁴. Я очень посматривал по сторонам, но не имел случая спросить о том ни Марию Владимировну, ни Марию Сергеевну.

Конечно, я постараюсь писать Вам часто. Но я буду просить Вашего позволения обратно получить мои письма к Вам на краткое время по моем возвращении. В них найдутся несомненно многие подробности, которые не успеют, может быть, попасть в мой дневник по поездке, и мне будет жалко, если мой «отчет» Обществу не будет оттого совершенно полон. Конечно, мои письма к Вам возвратятся в целости.

Благословите меня, милый и сердечно любимый, дорогой друг мой! Помяните меня хоть изредка в Вашей кроткой и чистой молитве, так же как и я поминаю Вас и помяну впредь.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

На случай, если Вы вздумаете порадовать меня письмом, я буду до 26 мая в Вене — «Ungarische Krone», до 30-го в Белграде (poste restante), до 3 июня в Софии (Hôtel «Македония») и до 8 июня вечера в Константинополе (Пантелеимоновское подворье). После того — Athos — Russick.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 84 а, б

1. О датах передвижений Смоленского во время Афонской экспедиции см. в комментариях к его переписке с Шереметевым.
2. Имеется в виду петербургская квартира Волковых в доме 48 по Надеждинской улице.
3. Княгиню С. Н. Васильчикову (урожденную Мещерскую) Смоленский знал еще со времен Синодального училища.
4. Речь идет о «походном» бюваре с чернильницей, купленном Волковой для Смоленского и врученном ему чуть позже.

Смоленский — Волковой

Петербург, 20 мая 1906

Добрейшая Софья Сергеевна! Обновляю Ваш дорогой для меня подарок этими строками к Вам, выражениями глубокой благодарности, какую может чувствовать растроганное сердце.

Нечего писать еще о моем волнении в эту минуту. Подарок вышел еще прекраснее, еще дороже тем, что он уже принадлежал Вам, что Ваша мысль, Ваши руки уже были при пользовании им. Теперь он неразрывно связан для меня с памятью о Вас. Я поместил внутри бювара Ваше письмо и Ваш портрет — следовательно до конца дней моих и после них юрисдикция небольшой, но многоговорящей вещицы установлена. Символика — также: перо и карандаш — дамские подарки.

Уезжаем мы завтра со скорым по Варшавской железной дороге на Вену, втроем — бодрые, полные желания работать, спокойные духом, полные веры в успех нашего труда.

Письмо к графу Сергию Дмитриевичу отправляется вместе с сим. Завтра напишу перед отъездом привет в Царское Село. С Вами не прощаюсь, но в мыслях беру Вас с собою.

Анюта кланяется Вам и в Царское Село, благодарит Вас за внимание ко мне.
Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Пишу кратко — работы очень много. Думаю, что лучше писать чаще.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 34—35

Смоленский — Волковой

Вена, 24 мая 1906

Сегодня, добрейшая Софья Сергеевна, с сущим наслаждением занимался в Hofbibliothek'e [Королевской библиотеке], где к сущему удовольствию моему оказалось еще 2 рукописи, хотя и много хуже 1-й, но все-таки удивительных и очень древних. В ознаменование такого успеха 1-го дня попал я сегодня [на] Zauberflöte [«Волшебную флейту»] и наслаждался вторично, давно уже не слышанным мною хорошим пением на сцене в сопровождении вполне отличного оркестра.

Пишу ежедневно по многу кратких писем во все стороны¹, так как и впечатлений много, да и путешествие не обошлось без приключений. Лаврова потеряли в Белостоке, и он явился лишь сегодня в Вену; сами мы, не догадавшись взять какие-то дополнительные карты, попали на последние 250 верст в несноснейший Personenzug и т. п. до нелепой австрийской таможни, где нелепое смешивается со смешным.

Приветствую Вас и Ваших от всего сердца, посылая самые добрые пожелания.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 37. Открытка с изображением Венской королевской оперы

1. Не все письма из-за рубежа, посланные Смоленским Софье Сергеевне, дошли до адресата; возможно также, не все сохранились в ее архиве. Поскольку письма к Шереметеву за этот период представлены значительно полнее, см. основной комментарий к экспедиции на Афон в переписке с Шереметевым.

Смоленский — Волковой

27 мая 1906

Еду по широко разлившемуся Дунаю и вспоминаю Вас при каждом махании пера в чернильницу. Работалось в Вене с помощью Ягича отлично: 611 заказанных снимков [формата] 32 по 3 коп. Пишется и записывается много. Приветствую Вас и Ваших. Из Софии напишу.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 36. Открытка: вид Пожони (Братиславы)

Смоленский — Волковой

Афон, Пантелеимонов монастырь, 5 июля 1906

Добрейшая Софья Сергеевна! От Вас давно уже не имею никаких известий, хотя бы кратких. Мне это больно вообще, а на далекой чужбине — сугубо. Меня тревожит состояние здоровья почтеннейшей Марии Владимировны, а от Вас хотя бы строчка!

В это воскресенье, 2-го, я был со своими спутниками в Дохиаре, возвращаясь домой, в Пантелеимон, из кругового путешествия по береговым монастырям. Это была наша последняя остановка, так как следовавший последний по берегу Ксеноф не интересовал нас по неимению в его библиотеке надобных нам рукописей.

В Дохиаре мы, как и ждали, нашли перед образом Скоропослушницы очередного монаха, распевавшего в одиночку канон-параклисис «Многими содержим напастями». Икона оказалась находящеюся не в храме, а писанною на стене соседнего здания. К этому месту от храма из его паперти пристроена небольшая — сажени 2—2½ галерея, а в конце последней — малая как бы ниша и в ней на стене — Скоропослушница. Нас было 4: монах-фотограф о. Гавриил из Пантелеимонова монастыря, Николов, Преображенский и я. Мы постави-

ли свечи и неожиданно, по почину о. Гавриила, к полному изумлению грека-очередного, неожиданно и для самих себя, пропели «Заступнице усердная», «Не имамы иныя помощи» и «К Богородице прилежно ныне притецем». Наше пение было искренно, и мы помолились (по крайней мере я) с глубоким чувством под пение этих прекрасных молитв. В это время я помолился и за Вас, за добрую Марию Сергеевну и болящую Марию Владимировну¹.

Так как затем библиотека Дохиара не представила собою ничего кроме разочарования в достоинстве ожидавшегося, то мы немедленно закончили наше путешествие вокруг Афона и явились в Пантелеимон.

Огромны впечатления этого путешествия! Опускаю эту чудесную природу, своеобразный монашеский мирок, нескончаемые 9—10-часовые всенощные и т. д. Мы нашли 12 чудесных рукописей XI—XII века, и теперь все наши мысли направлены к тому, чтобы, за *полным* отсутствием на Афоне славянских певческих рукописей, использовать для русской науки эти греческие певческие богатства. Прежде, до печальной уверенности в том, что здесь безусловно нет славянских певческих рукописей, мы несколько скупались в трате негативов и своего труда по их проявлению и отпечатанию. Теперь придется возвращаться в Россию только с одними греческими негативами. Но что за богатство! В 12-ти рукописях имеется драгоценнейших 1800 листов, то есть 3600 страниц. Мы выбираем все, что сколько-нибудь может быть названо дубликатами, равно откладываем в сторону слишком скорченные пергамены (неудобные для фотографирования), и все-таки получается подавляющая масса работы. Она неисполнима для нас, бедных средствами, силами и временем. Поэтому значительная часть будет кончена здешними фотографами-монахами. Жара здесь ужасна, и например я пишу эти строки к Вам в 10 ч. утра при 40—45 градусах на солнце и уже с мокрым колпаком на голове из намоченного, но быстро сохнущего полотенца. От такой жары часов с 11 утра и часов до 3½—4 дня работать нет никакой возможности. Лучшее время от 4½—5 ч. раннего утра и послеобеденные, но краткие часы ночи — сама духота.

Трудно писать еще. Сердечнейше приветствую Вас и Ваших.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Чернильница служит отлично. Прибавляя поклон Вам от А. В. Преображенского, прибавляю и его остроту, что по подписке добрые мои друзья должны подносить мне к именинам, ввиду расходования мною непомерного числа чернил, — хоть по четверти ведра ежегодно.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 85—86

1. Этот эпизод описывается почти в тех же словах в Афонском дневнике, с добавлением:

Я был истинно счастлив в эти минуты тем, что на меня сошло молитвенное настроение и я успел горячо помолиться, помянув своих близких, равно и милую С. С. В., поручившую мне вспомнить о ней у Скоропослушницы (л. 90).

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 18 сентября 1906

Добрый Степан Васильевич, очень я сегодня утром утешилась, увидав Ваш почерк¹. Последнее время беспокоилась о Вас, хотела написать в Михайловское или телефонировать А. В. Преображенскому, но решила переждать 17-е. Вот и оправдались мои надежды получить весточку. Благодарю за поздравление, а еще более за обещание написать подробно. Пишите, пишите. Я от Вас с Афона получила одно письмо, по совершении кругового (берегового) плавания, Вы говорили, что нашлось 12 ценных рукописей. Ответила я Вам тотчас, пространно. А перед тем действительно виновата — среди хлопот переезда не откликнулась на открытые письма, приветы из Софии и Вены. Очень радуюсь удаче экспедиции и подробностей *жду*. До сих пор не знаю, как именно возникла экспедиция, состоялась ли она всецело на средства Общества Любителей Д. П. и в связи ли она с проектом хрестоматии? Можете ли предоставить другим разработку собранного материала, а сами вернуться к родным крюкам? Что Ваша нога? Какие намерения на зиму?

У нас на душе заботливо. Вчера мама была на ногах, а сегодня опять лежит. Вы бы нашли ее очень похудевшей и изменившейся. В июле она была тяжело больна и с тех пор очень ослабла. Летом дача оказалась хорошей, теперь подумываем о зимних холодах. Мы ведь наняли дачу сразу на год, до мая. На Надеждинской о нас давно и помина нет. Мебель мы всю перевезли сюда. Мы весной предвидели, что у мамы может не хватить сил на обратный путь.

Кланяюсь Анне Ильиничне. С приездом. Поздравляю!

С. Волкова.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 92—93

1. Это письмо Смоленского не сохранилось, как и письмо Волковой, посланное ею на Афон.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 4 октября 1906

Милости просим завтра днем или, может быть, лучше к обеду, но тогда все-таки часам к 4-м, хотя обед в 7 часов. У нас дома тревожно, мама лежит. Не всегда бываю свободна, а рада буду послушать интересные рассказы. У нас

телефон — дача Данини, Волковы, без номера. Может быть, Вы телефонируете? Жду. С. Волкова.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 94. Открытка

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 8 октября 1906

Добрый Степан Васильевич, на этих днях у меня более досуга, нежели я на то надеялась, и могла бы я, если позволите, помочь Вам в трудном сочинении письма на иноплеменном языке. И сделала бы сие с радостью.

Сожалею я, что не расспросила Вас о предании касательно иконы Скоропослушницы и недостаточно поблагодарила Вас за привезенное благословение, которое очень ценю и которым дорожу. Сам образок *очень* понравился маме! Много не спросила у Вас, что послушать бы интересно; в тот день волновалась присутствием маминой докторши, бывшей все лето в отсутствии. Будьте здоровы! Пожалуйста сообщите, если ответит Вам Соловьев.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 95

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 15 октября 1906

Дорогой Степан Васильевич, да, князь Васильчиков женат именно на Софье Николаевне Мещерской. Не знаю, вернулась ли она из деревни в Петербург, на Моховую, 5. Когда вернется, то, верно, здесь у нас побывает. Не найдете ли возможным прислать мне коротенькую докладную записку, которую я могла бы ей передать? Может быть, это послужило бы вступлением, а затем Вы побывали бы у нас, или у мужа, или у обоих. Для меня было бы большим удовольствием, если бы удалось послужить вдове Н. И. Ильминского, да притом облегчить Вам хлопоты¹. Какое впечатление произвел на Вас Извольский?² Вник ли в дело? У нас все так же — мама лежит.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 96

1. Речь идет о хлопотах по увеличению пенсии (точнее, сохранению аренды) Екатерине Степановне Ильминской, получавшей государственное пособие по смерти мужа. Смоленский встречался с князем Б. А. Васильчиковым, в то время министром земледелия, и в конце концов дело Ильминской завершилось благополучно.

2. Смоленский посетил нового обер-прокурора П. П. Извольского и его заместителя А. П. Роговича 29 октября. Встреча эта описывается в переписке с Шереметевым.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 23 октября [1906]

Добрый Степан Васильевич, сейчас получен мною ответ княгини Васильчиковой, которая, к сожалению, сегодня уезжает в деревню на неделю. Как быть? Мужу она сказала про аренду вдовы Н. И. Ильминского, так что если Вы решите пойти к нему прямо в Министерство, на прием в среду, то он уже предупрежден о Вас и о деле. Но ждать все-таки приходится долго, так как масса народа. Час приема мне неизвестен — вероятно, можно спросить в Министерстве по телефону. Мне ужасно жаль, что такой неблагоприятный ответ, а откладывать хлопоты на неделю, может быть, не следует.

Княгиня Васильчикова не ответила Вам, стесняясь незнанием Ваших имени и отчества, она не могла их вспомнить, а я не подумала их сообщить, дала только Ваш адрес. По возвращении княгини Софьи Николаевны из деревни надеюсь повидать ее, и тогда всеми силами мы поддержим Ваше ходатайство. Я ей написала, как Рачинский ценил деятельность Н. И. Ильминского, о котором она прежде не слыхала, — а Рачинского она особенно любила.

Дай Бог успеха.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 145—146

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 7 ноября 1906

Соскучилась и я. Очень была бы Вам рада и прошу захватить Афонские статьи¹. У нас заботливо. Мама второй день очень страдает. Если Ваш приезд опять совпадет с визитом доктора, то мало повидаю Вас, но все-таки надеюсь услышать много интересного. Мой поклон Анне Ильиничне. До свидания!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 97. Открытка

1. То есть публикацию Смоленского в РМГ «Из «дорожных впечатлений»» (№ 42—46).

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 30 ноября [1906]

Добрый Степан Васильевич, я к Вам сегодня с просьбой. Графиня Перовская получила из Америки поручение, которое очень затрудняется исполнить, и мне пришла мысль, что Вы может быть дадите добрый совет.

Некто Miss Isabella Hargood¹, бывавшая в России, желает добыть для какого-то частного музея в Америке — что бы Вы думали? Четки! Два экземпляра старообрядческих и один экземпляр не старообрядческий, но из драгоценных камней, например аметистов. И прислала она для этого что-то около 80 рублей.

Где, через кого достать это? — послать, вероятно, можно бы через Министерство Императорского Двора, так как это не к спеху, а, вероятно, бывают когда-нибудь курьеры и в Америку. Если посодействуете нам советом или еще более энергичным сотрудничеством, то очень меня порадуете. Хочется избавить очень занятого и деятельного человека от затруднения. Miss Hargood писала Стасову, и это поручение почему-то перешло к графине Перовской. Она спросила меня, нельзя ли получить старообрядческие четки в единоверческой церкви? Вот на этот вопрос думаю, что Вы поможете мне ответить. Да и про четки из драгоценных камней — хотя бы янтарей Вам, вероятно, известно, а мы ничего не знаем.

Ваше письмо от 23 ноября с удовольствием получила. Из него узнала о смерти Николая Платоновича Барсукова. Это ли писатель, член О.А.Д.П., или брат его?² Если это тот, думаю, что его очень будет недоставать доброму графу Сергею Дмитриевичу.

У нас все по-прежнему. Спасибо за брошюру. Мать Татьяна скоро собирается в Петербург, верно, прочтет с интересом. Поклон Анне Ильиничне и много добрых Вам пожеланий.

С. Волкова.

Пишу не у стола, почерк неровный.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 147—148 об.

1. Хэпгуд (Hargood) Изабель Флоренс (1850—1928) — американская исследовательница и переводчица с русского языка; неоднократно посещала Россию; впоследствии перевела на английский основные православные чинопоследования, после 1917 оказывала помощь русским музыкантам, в том числе А. Д. Кастальскому (см. подробнее: РДМ. Т. V. С. 755—756).

2. 23 ноября 1906 скончался Николай Платонович Барсуков, а в том же году в апреле его брат Иван Платонович. Граф Шереметев был дружен с обоими братьями-историками, но особенно с Николаем Платоновичем, который много работал с архивами Вяземских и

Шереметевых и подолгу жил в шереметевских усадьбах. Смоленский был знаком с обоими братьями, встречаясь с ними на заседаниях ОЛДП и в доме Шереметева.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 12 декабря [1906]

Добрый Степан Васильевич, с наслаждением прочла я сегодня о Вашем докладе 8-го¹. Как видите, последние известия о Вас имею через «Новое время».

Я еще не поблагодарила Вас за любезное письмо о четках и лестовках, которое получила своевременно и передала графине Перовской.

С большим интересом узнала о Ваших занятиях и находках в библиотеках, но радовалась бы им еще больше, если бы не постоянный для меня вопрос: не отвлекает ли это Вас от самого Вашего задушевного по русскому искусству дела — от XVII века и разбора крюков?

Может быть Вы найдете, что этот вопрос сам по себе представляет крючок?

Не могу еще решиться направить к Гречанинову детские безделушки, за исключением разве одной, здесь прилагаемой. *Если* иметь в виду издать ее в книжке с картинками, то композиция должна бы быть простой; но правда, что слова не особенно детские². Предоставляю это на Ваше доброе попечение, если Вы при случае вложите этот лист в письмо. Мне хотелось бы в январе поговорить с одним издателем детских книг.

У нас все по-прежнему. Добрая сестра милосердия помогает нам. Здесь тихо и солнечно. Однако сегодня действительно «солнце на лето, зима на мороз»! Прошу Вас передать мой поклон Анне Ильиничне. Еще раз благодарю.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 149—150

1. Имеется в виду сообщение Смоленского об итогах экспедиции на Афон, сделанное им на общем собрании ОЛДП 8 декабря (см. в Приложении к первой книге).

2. Волкова в это время составляла сборник детских песен; издателем сборника планировался А. Ф. Девриен. Об участии в этом проекте Гречанинова см. далее.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 12 декабря 1906

Вторник вечером. Сейчас мы прочли с мамá вслух Ваше описание пения в Греческой церкви¹. Мама слушала с большим интересом. А я подумала, читая на стр. 26 о нонаккордах и септаккордах, что такая последовательность звуков, как

Осень

в детской песенке, совсем не детская и что диатонические последования и лады и более народны, и более для детей полезны. Захотелось мне написать Вам об этом как Р. С. к утреннему письму. С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 98

1. Описание греческого пения находится в статье Смоленского «Из “дорожных впечатлений”».

Смоленский — Волковой

Петербург, 14 декабря 1906

Добрейшая Софья Сергеевна!

Я не успел ответить Вам вчера, так как получил Ваше письмо довольно поздно, уже по возвращении из Университета. Там, на 8-м чтении, мы, добравшись уже до XVI века, расстались до начала следующего семестра с 17 января.

Продолжаю 15-го, так как вчера оторвали от письма и не выдалось минутки свободной до самого вечера. Лестовки: самого обыкновенного качества — в 20 коп. и лучшего — в 60 коп., так называемые «девичьи» — куплены мною и жду случая для переправы.

На случай, если заинтересуются символизмом состава лестовки (по старинному — листовки) — объяснения ее таковы. Общее значение: «непрестанно молитесь, о всем благодарите»; носится на левом указательном пальце и перебирается большим и указательным пальцами левой руки, приговаривая про себя при каждом бобочке «Господи помилуй», а при каждом большом бобочке творя крестное знамение без поклона. 4 Δ называют «Четырелисты — евангелисты», а отдельные два расшитых означают Ветхий и Новый Заветы как церкви законная и подзаконная; сшитые нижние Δ означают «вера (Евангелие) без дел (деяния Апостолов) мертва есть». Семь колечек на ремешке к нижним сшитым Δ означают 7 соборов и 7 таинств, а три лепестка кожаных около ремешка (церковь) — есть таинство Троицы. Внутренние стороны свободных Δ — две «скрижали Моисеовы». Три бобка у каждой стороны лестовки означают «трех отроков в печи», а с другой стороны (будто бы) «веру, надежду, любовь»; промежутки от этих трех к собственно лестовке означают: перебрав три бобка со словами «во имя Отца и Сына и Св. Духа» — «постой мало молча дондеже ути-

шатся чувства». *Лестовка не переворачивается*, но проходится взад и вперед. О первых 17 бобках — толкуется как о 17 ветхозаветных пророках; о 33 — как о земной жизни Спасителя, о 40 — как о 40 днях в пустыне и 40 мытарствах, о 12 — как об апостолах. Черный цвет лестовки — покаяние во грехах, белые лестовки надеваются только на покойников; цветные лестовки в области бобков допускаются только для невесты и только при венчании и только как подарок жениха (не вдовца) своей невесте-девице — «неискусобрачной».

Далее мои сведения о лестовке истощаются.

Относительно четок узнал пока так: Мойка 42, у Полицейского моста (2й дом к Певческому мосту) — есть внутри двора хороший магазин уральских камней, где есть и топазы белые, дымчатые, аметисты, опалы, малахиты, — но по дорогой цене и со склонностью взять лишнее. Готовых четок нет, но набрать их могут скоро и в разные цены, считая каждое зерно отдельно и за работу и крестик также отдельно. Всех зерен — 110 — цены от 25 копеек и выше, следовательно на 50 р. можно купить очень хорошие четки, но скомпоновать их надо человеку со вкусом в каменном деле.

Жена видела четки на Невском, против Думы, рядом с магазином Кач и Конради, в Кавказском магазине. Это четки уже готовые, но цена неизвестна. Кавказские четки очень употребительны между нашими монахами и изготавливаются там наравне как для нас, так и для мусульман.

У монахов оказалась полная неосведомленность по этой части. Они довольствуются только даримыми им четками или получаемыми по наследству или из монастырских ризниц на подержание.

«Колыбельную» отправляю согласно указанию.

Затем мой и жены поклон Вам и Вашим. Глубоко тронут тем, что и мои писанья хоть немного развлекли Вашу дорогую страдальцу — глубоко дорогую и моему любящему ее сердцу.

Ваши опасения, что я отвлекусь от XVII века в дальнюю старину, думаю, преувеличены. Для меня это «временное уклонение в сродный лад», после чего промодулирую опять в основной мажор.

Очень желал бы побывать в Царском Селе хоть бы под предлогом доставления лестовок.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 87—87 об.

Волкова — Смоленскому

[Рига (?), конец 1906 — начало 1907]

Что бы Вы сказали про такой список?¹

I — Детские

II — Годные для детей

- 1) Бай, бай, люли, люли
- 2) Бай, качи, качи, качи
- 3) Баю, баюшки, баю, не ложися на краю
- 4) Заинька беленький (Колыбельная?)
- 5) Как пошел-то наш козел («Смерть моя»)
- 6) Как у бабушки козел («у Варварушки седой»)
- 7) Жил-был у бабушки серенький козлик
- 8) Ладушки, ладушки
- 9) Скачет белая сорока
- 10) Сорока, сорока, где была далеко
- 11) Туру, туру, пастушок
- 12) На улице две курицы (детская ли?)

- 1) А мы землю наняли (просо сеяли)
- 2) Ай, дуду, дуду, дуду!
- 3) Ай, матушка, не могу
- 4) Ах вы, сени мои, сени
- 5) Бобер
- 6) Вдоль да по речке
- 7) Вечерком красна девица
- 8) Во лужьях
- 9) В темном лесе
- 10) Вниз по матушке по Волге (не тяжело ли?)
- 11) За горами, за долами (?)
- 12) Заплетися плетень
- 13) За морем синичка
- 14) Как на синем на море
- 15) Как по морю
- 16) Как у наших у ворот
- 17) Коляда
- 18) Ивушка, ивушка
- 19) Лен мой зеленой
- 20) Маки, маки, маковочки
- 21) На реке на быстрой
- 22) Не будите молоду
- 23) Служил я хозяину
- 24) Станем-ка, женушка, домик наживать
- 25) Солнышко, солнышко (?)
- 26) Повидался журавель
- 27) Полоса ль моя, полосынька

- 28) Уж я золото хороню
29) Уж как по мосту, мосту
30) Эй, ухнем (тяжело?)
31) Ты поди моя коровушка домой
32) Сова ль моя, совушка

А сколько еще детских новейших!

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 141—142

1. Речь идет о предварительном отборе песен для детского сборника Волковой. Список является, возможно, приложением к несохранившемуся письму.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 11 января [1907]

Добрый Степан Васильевич. Благодарю Вас за письмо, незаслуженно снисходительное к нелепой просьбе. Ибо раз в монастыре *лавка* и Вы не считаете себя знатоком в камнях, то почему же беспокоить именно Вас? Хотела и раньше ответить Вам это, но только сейчас села писать (вчерашний день был суматошный) и написала только первую строчку, как принесли *телеграмму* от графини Перовской — с просьбой не беспокоить Вас! Дело в том, что я немедленно по получении Вашего письма переслала его к ней с несколькими словами, и она поняла и *посочувствовала* наверно, как совестно мне перед Вами. Графиня Перовская попросила своего родственника побывать в Новодевичьем. Простите, благодарю, виновата.

Вот и сбылось Ваше предсказание, без малого всего 9 градусов, но ветер!!

Знаете ли в Москве некоего Струкова, любителя скрипок или скрипача, или альтиста? Получаем от него запросы насчет *альта* и цены его¹, но кто же такой этот Струков? Живет в Георгиевском переулке...

Пишу спешно, вдобавок к телеграмме, которую сейчас отправляю. Как не догадалась я Вам телеграфировать тотчас по получении Вашего письма?!

Вышла ли статья о колокольном звоне?² Извините за неопрятный вид письма, пишу на коленях (то есть не за столом, держа бювар на коленях), и к тому же все время перебивают! Будьте здоровы!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 125—126 об.

1. Речь идет о продаже альты работы Страдивари, принадлежавшего отцу Софьи Сергеевны. Смоленский отзывается об этом инструменте с восторгом, как о лучшем из когда-либо виденных им альтов.

2. Статья Смоленского о колокольном звоне вышла в № 9/10 РМГ, то есть несколько позже, в конце февраля.

Смоленский — Волковой

Петербург, 27 [января 1907]

Добрейшая Софья Сергеевна! Мне передали с телефона нечто и притом о каком-то Беляеве. Я прикидывал умом, что бы могли значить такие «два неизвестные», и решил, что дело идет о брошюре доктора Лиона, о которой между нами была беседа¹.

С этой брошюрой вышла целая история: брошюру, за несколько дней до нашего разговора, Анна Ильинична возвратила одной нашей знакомой, а у той ее взяли для передачи еще третьему лицу — болящего родным. Тем временем и знакомая наша захворала. Так как я все же не забыл о докторе Лионе для Вас, то я начал было поиски другою дорогою, то есть начал искать не брошюру, а автора. Но оказалось, что он в Петербурге, должно быть, из новоявленных, так как его [фамилия] не значится даже в списке врачей, даже и в книге «Весь Петербург» на 1907 год.

Посему надо еще подождать, пока с помощью дамских сношений брошюра не возвратится сама. Письмо к Гучкову было отправлено мною без промедления, как и письмо мое к Гречанинову, то есть в тот же день, коль оба письма были написаны².

Что касается премии Беляева, то я не сообщал Вам ничего, 1) так как с отправкою письма к Гучкову вопрос падал сам собою и 2) так как по надлежащей справке оказалось, что сообщать не о чем. Чтобы доказать последнее, выписываю (Габрилович, л. 194 и III 31): «...имеет целью материально поощрять деятельность русских композиторов»; «премии выдаются за наиболее талантливые произведения русских композиторов, появившиеся в течение данного года»: I—III: оркестровые симфонии, сюиты, балеты... 1000 р., 500, 300 р. смотря по объему композиций; IV—V: сочинения для фортепиано, камерные, хоровые, сборники песен и романсов (не менее четырех) — до 200 р. Следовательно — о наших предположениях по части премий совершенно не было предугадано³.

За приглашение побывать у Вас завтра благодарю, но прибыть не могу, так как договорено уже между мною и Н. В. Султановым свидание продолжительное именно в часы, годные для поездки в Царское Село.

От Гречанинова пока ответа еще не имею.

Мой и Анны Ильиничны поклон Вам и Вашим шлется.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. Речь идет об одной из работ врача-психиатра М. Е. Лиона.

2. 28 января 1907 Гречанинов ответил Смоленскому, выразив сомнение по поводу своего участия в сборнике детских песен, которым занималась Волкова. Письмо к А. И. Гучкову как московскому городскому голове в связи с проектом новой, московской, Глинкинской премии было отправлено по просьбе Волковой. См. об этом проекте в дальнейших комментариях.

3. Смоленский делает для Волковой выписку из устава о Беляевских премиях, помещенного в «Музыкальном календаре» А. Габриловича.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 31 января 1907

Благодарю Вас, добрый Степан Васильевич, за подробный ответ насчет Беляева и доктора Лиона и за полученную сегодня преинтересную статью.

О премии Беляева мне очень хотелось получить точную справку, а из Капеллы мне ответили, что она передана Вам. Письмо в редакцию «Русских ведомостей» я так и отправила не дождавшись справки. Мало чаю от наших писем! Получаете ли «Русские ведомости»? Если на этих днях там ничего о премии Глинки нет, это едва ли будет после 3-го¹.

О д-ре Лионе и его применении спермина я была бы очень и очень рада узнать (хотя не об этом телефонировала, а именно о Беляеве!); кажется, эти опыты серьезные. Мать нашего больного родственника пишет мне, прося ей выслать какое-то лекарство какого-то д-ра Вейля, из «Шванен-Аптека» во Франкфурте, а в Петербурге оно у Штоль и Шмидта. Вот уж это мне страшно, при полном неведении его состава. Сообщенные же Вами сведения очень любопытны.

Четки заказаны на Мойке таки. В Новодевичьем, куда ездила графиня Перовская, четок не оказалось, и пришлось вернуться к первому Вашему заказанию.

Окончив по прочим пунктам, обратимся к статье о колокольном звоне². Особенно показалось мне в ней интересным все историческое и, следовательно, все касающееся Ростова и митрополита «Сысоевича». Прелестно описание звона над озером. (Где бы достать брошюру о Израилева?³) Хотелось бы побольше узнать о том, как подбираются и настраиваются колокола. Например, Ростовские — какие могут дать аккорды? Такое добавление было бы, мне кажется, не безынтересным для «Музыкальной газеты»? Может быть, Вы подумаете и найдете уместным такое примечание (ай! оно ведь есть, только еще доставлено ведь в редакцию! Извиняюсь!).

Очень любопытно о билах. Не пойму только, как в них распределены разные звуки. Не по отношению *длины*, как в струне, а по «толщине места...»? Общий вид била *плохо отпечатан*. Какие номера клепаний к разным службам,

трапезе и проч.? Для непосвященных это неясно. («В заключениях каждого из клепаний означается № клепания».) Нельзя ли сюда маленькое примечание?

Выписки из «Устава» очень характерны, но не являются ли они отклонением? (Бывают ли у бил и глубокие звуки?) А что, если вставить слова «Да простит мне читатель отклонение в сторону седой старины, простодушной» и проч.? Особенно показалось мне отклонением *примечание о псалме* — это уж *только* о пении, а не о звоне. Простите за почерк, спешу очень. Сейчас отправляю и статью под бандеролью. Спасибо. О песнях для детей хотела бы написать, да сейчас некогда, лучше переговорить!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 101—102 об.

1. Черновик письма Волковой в редакцию газеты «Московские ведомости» и московскому городскому голове А. И. Гучкову сохранился в ее архиве в РГАЛИ. В отличие от известной Беляевской премии, новая премия (Глинкинская) должна была присуждаться за работы в области русского фольклора и духовно-музыкального творчества. Никакой публикации о премии в «Русских ведомостях» не появлялось, равным образом она никогда не присуждалась.

Приводим фрагмент чернового варианта текста:

Родники нашего певческого искусства делятся на две ветви: церковную и мирскую. Еще Глинка понял значение их обеих для русских композиторов. Он первый в своей «Жизни за царя» обратился к родным источникам, к русским народным песням, освежил и обогатил их живительной струей нашу оперную музыку. В «Руслане и Людмиле» слились вдохновения двух гениальных современников, поэта и музыканта, — искавших, каждый на указанном ему природными способностями поприще, сочетания западной культуры и родных русских вдохновений.

Но многим неизвестно, над чем трудился Глинка в последний год своей жизни и что привело его в Берлин, где он окончил жизнь в одиночестве... Он поехал в Берлин, 56-ти лет отроду, учиться у знаменитого контрапунктиста Дена, — чтобы иметь возможность применить западную науку к русскому церковному пению.

Вот то красное яичко, которое хотелось возложить на могилу Михаила Ивановича. Не так страшна и непроницаема скорлупа его, как это может показаться; разбить это яйцо возможно и следует — нужен только новый Колумб. Обнажите золотое ядро и слетайтесь, птицы Божии, птицы певчие, на радостный пир: вы здесь не сеяли, не жали, но Руки, сотворившие и создавшие вас, здесь предлагают вам пищу во благовремени.

Откликнитесь, ревнители древней письменности и отеческих преданий, и вы, любители родных песнопений, — миряне и отшельники, слушатели и художники, — откликнитесь все, уповающие на развитие в будущем драгоценных заветов родной русской старины!

Приложите ум, сердце и руки к благому делу! В чем же состоит оно?

Во-первых, в собирании обильного материала, рассеянного по монастырям и церквям, в напевах, а еще того более в библиотеках и древнехранилищах, в нотных рукописях и книгах.

Во-вторых, в переводе на нотное письмо титлов, записанных крюками.

В-третьих, в издании, хотя бы постепенном, всего вышеуказанного.

Тогда станет доступной сокровищница, до сих пор закрытая для всех.

Москвичи.

(РГАЛИ, ф. 723, оп. 1, № 21, л. 61—62)

2. Далее Волкова анализирует (по рукописи) статью Смоленского «О колокольном звоне в России». Эта статья очень понравилась и Шереметеву. Упомянувшееся далее примечание о псалме является примечанием 2 к столбцу 274 публикации: речь идет о пении псалма «Благослови душе моя Господа» на вечерне: «И зачинает головщик не скоро, низко и со сладкопением...»

3. Брошюра о. Израилева — работа протоиерея А. А. Израилева «Ростовские колокола и звоны» (СПб., 1884), упоминаемая в статье Смоленского.

Волкова — Смоленскому

Царское Село, 26 февраля 1907

Добрый Степан Васильевич, очень была рада Вашему письмецу, но не рада знать, что Вы не совсем здоровы, я так и боялась, не получая от Вас известий.

Записываются ли лекции в университете, если не Вами, то слушателями? До какого времени Вы дошли? Полагается ли курс годовой или более обширный?

Надеюсь, что среди Ваших работ ежедневных зреют подготовительные труды для хрестоматии и что труды А. В. Преображенского имеют то же направление.

Известиями о нас не могу Вас порадовать. Думала о Вас, получив из Москвы песни для школ издания Этнографического общества и отличную статью Янчука об Одоевском¹. Читая ее, думала о том, что Вы привнесли к заветам Одоевского убеждение, что изучение крюков облегчит понимание склада наших народных напевов, и мысленно благодарила Вас за все, что Вы мне выяснили. Знакомы ли Вы с этой статьей? Но на всем этом мысли теперь не останавливаются. Вот уже больше недели как матери очень плохо. Слабость ее сегодня такая, какой еще никогда не было. Страдает она много, но благодаря Бога не так остро, как было одно время. Вчера она сподобилась принятия Святых Таин. Она теперь днем много дремлет.

Будьте здоровы, добрый Степан Васильевич. Передайте мой поклон Анне Ильинишне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 132—133

1. Статья Н. А. Янчука «Князь В. Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки» опубликована в I томе Трудов Музыкально-этнографической комиссии (М., 1906).

Песни для школ, выпущенные той же Комиссией — Школьный сборник русских народных песен. Вып. 1. Для младшего возраста. М., 1904.

Смоленский — Волковой

Петербург, 2 марта 1907

Добрейшая Софья Сергеевна! Я не решился ответить Вам на Ваше дорогое письмо под силою первых впечатлений и потому пропустил сутки, чтобы ответить поспокойнее.

Вполне понимаю и живо чувствую ту заунывную нотку, которая проходит через все Ваше письмо¹. Очень тревожно, безрадостно, если не безнадежно, живется и в доме и вне дома, в страданиях за себя, за своих и за всех вообще. Много горя и личного, и общественного томит теперь всякого сколько-нибудь чувствующего и отзывчивого человека, много тревог за предстоящее свое и общественное. В своем приходится бессильно ждать и страдать, в общественном — почти то же самое бьет чуть не наповал личное будущее свое и своих. И как жестоко бьет!

Отвечаю и по пунктам Вашего письма. В эту среду 28 февраля я с сущим душевным отдыхом, с сущою радостью прочитал уже 14-ю лекцию в Университете. Мои слушатели все сполна те самые, с которыми велась 1-я беседа и с которыми я самым аккуратным образом вижусь каждую среду от 2-х до 3-х в знаменитой аудитории «Jeu de rommes»². Ко мне уже возвратилась лекционная техника, и по составленным конспектам лекции говорятся мною вполне свободно. Так как теперь я чрезмерно занят писанием рецензии на книгу Металлова³ и продолжающимся еще разбором Афонских находок, так как я взял на себя и параллельный указатель к последним по всем нашим рукописям XII—XIII века, то подробное изложение лекций пока для меня невозможно, прямо по недосугу. По моему расчету я проведу апрель и май в работе над петербургскими рукописями, а остальное лето над московскими, чтобы покончить Афон к концу лета или к началу учебного года уже непременно.

Слушатели мои, делая записки за мною, получая мои конспекты, конечно, помогают мне для будущего подробного изложения лекций. В предстоя-

щем семестре я прочитаю еще 5—6 лекций. Теперь мы добрались до половины XVII века, но еще не начинали о хоровом пении и о Мезенце.

С другой стороны, меня весьма тормозит в деле издания лекций чисто денежная сторона. Издавать лекции без целого ряда фототипий, без крюковых примеров, без ряда нотных выписок и проч. — решительно невозможно. Денег у меня решительно нет, отдавать за бесценнок издателю или даром в О.А.Д.П. я очень бы стеснился. Приближающаяся старость, приближающаяся опасность потерять даже и пенсию в нынешней кутерьме заставляют меня не только думать о вознаграждении за труд, но и об оставлении за собою своего труда. Взаимы мне, конечно, никто ничего не даст под столь идейное обеспечение, как книга о судьбах истории русского церковного пения, к тому же еще и не написанная сполна. Но я все же решил непременно дописать книгу в течение будущей зимы, ибо книга будет, вероятно, очень большая, даже и в 2-х томах.

Хрестоматия продолжает подбираться в своих примерах, но, вследствие того же Афона, я с А. В. Преображенским опять вернулись к ее началу. По одному этому Вы можете заключить, что представляет собою привезенное с Афона и как серьезна наша обязанность указать хорошие образцы совпадений и несовпадений нас с греками. В связи с этим содержанием прошу Вас иметь в виду и вышеуказанное о моем апреле-мае, etc. Пока мы работаем дома, но всю 1-ю неделю Поста, кроме среды, мы проведем в Императорской Публичной библиотеке, именно ради хрестоматии.

Московскую большую книгу Этнографической Комиссии я проштудировал еще осенью в Москве, выдавая чуть не ежедневно с Янчуком, Гречаниновым, Линевою и К°. Статья Янчука прекрасна. Но снисходительное ко мне Ваше суждение считаю преувеличенным. Я — только чернорабочий разгребатель материалов, но далеко не учитель!

От Гречанинова, которому давно было доставлено следующее, давно же были по сему такие слова: «с удовольствием сообщу все что напишется, но я не пишу по заказу, я жду минуты письма — так и передайте»⁴.

Что же, наконец, скажу о Вашей доброй и дорогой страданице? Судя по всему — плохо состояние Марии Владимировны... Нет у меня и слов бодрящих Вас и Марию Сергеевну, но вместе с вами обеими сердечно скорблю и тревожусь. Шепчу имя болящей Марии и в своей редкой и грешной молитве, ради облегчения ее и ваших страданий, — но что моя молитва!

Анюта глубоко страдает Вам и шлет ее привет, поклон и добрые пожелания. Я — также.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Из Москвы, недели 2 назад, вдруг получил без письма с лестною надписью [книгу] о. Металлова. Сегодня из Москвы пишут мне, что Синодальное училище

преобразуют в высшее учебное заведение... Над этими новостями назад тому 2 недели, как и сейчас, я невольно задумался. Странна первая новость, ко второй же и ума не приложу. Полагаю, что у Орлова, как у теряющего даже и свое регентское умение вследствие известного недостатка, не хватит ни ума, ни знаний, ни умения, ни энергии, ни даже сметки для выбора товарищей-сотрудников. Орлов именно остается директором «академии пения» — что сказать мне!⁵

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 95—96 об.

1. М. В. Волкова скончалась 2 марта 1907 и была похоронена в Новодевичьем монастыре в Москве.

2. Имеется в виду одна из старых аудиторий Петербургского университета, прозванная так («Зал для игры в мяч») по образцу одной из аудиторий Парижского университета; ныне там располагается кафедра физической культуры и спорта.

3. Эта работа под названием «Отзыв на сочинение В. М. Металова “Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский”» впоследствии была опубликована в Отчете Академии наук о 49-м присуждении наград графа Уварова (СПб., 1909). За нее Смоленский был удостоен Уваровской золотой медали.

4. Речь идет о возможном участии Гречанинова в составляемом Волковой сборнике.

5. О планах преобразования Синодального училища, осуществленных и неосуществленных, см.: РДМ. Т. II. Кн. 2.

Смоленский — Волковой

Петербург, 8 марта 1907

Добрейшая Софья Сергеевна! Не удосужился я написать Вам вскоре после разлуки и прощанья у траурного вагона. Откуда-то ползут неотложные мелочи, и не только письма к сердечным друзьям, но и неотложные дела отлагаются.

Вот скоро и 9-й день по доброй, милейшей Марии Владимировне. Не буду утешать Вас, так как сам я давно уже сирота, сам я схоронил моего дорогого отца и расстался с моею бесценною матерью. Я помню соболезнования самых сущих друзей моих, глубоко любивших, — но слова их были не тем, чего просило сердце, не тем, что чувствовали, но не умели сказать эти друзья. Да и какие слова могут облегчить скорбь об утрате матери? Мать бывает одна, другой скорби и быть не может ни при какой утрате. Какие же тут утешения?

Но есть соболезнование. Есть чувство, умиряющее боль тем, что я скорблю не один, что и другой, гораздо далекий от умершей, также скорбит в моей печали, также жаждет умирить свое сердце, также хочет умирения боли и у сердечного друга. Это соболезнование посылаю Вам и дорогой Марии Сергеевне. Когда обе вы будете на дорогой вам могиле — поклонитесь за меня Марии

Владимировне. Я глубоко любил ее. Когда я буду в Новодевичьем — и я поклонюсь ей за обеих вас.

Теперь о делах. Ваше предложение помочь мне деньгами для издания моих лекций и прибавлений к ним было для меня самою полною неожиданностью. Вы застали меня совершенно врасплох, и я, чувствуя, веря в Вашу дружбу, без всякого колебания тут же высказал Вам всю меру моей признательности.

Но дружба — дружбой, а служба — службой. Ничего я так не боюсь, как долгов. К моему счастью — совершенно их не имею и в прошлом имел только временные обязательства на словах, конечно, вполне мною исполненные. Если Вы не раздумаете помочь осуществлению моей мечты, то есть изданию всех моих заметок по истории русского церковного пения, сведенных в стройный курс, в отделанную и полную литературно-научную работу, снабженную к тому же и множеством примеров в тексте книги, то я с глубокою благодарностью приму Вашу помощь, но не иначе как на совершенно определенных и ясно уговоренных между нами условиях¹. Деньги — такой материал, который строит многое, но вместе и такой, который разрушает также многое. Судя по нашим отношениям в последние годы, я решаюсь сказать Вам, что я предпочел бы остаться совсем без денег, я предпочел бы оставить книгу написанною только, но я не желал бы хотя какой-либо тени, какого-либо повода между нами и перед другими, которые могли бы хотя сколько-нибудь затуманить наших совершенно чистых, совершенно дружеских отношений.

Вы знаете хорошо, что я только рабочий бедняк, одаренный к тому полнейшим отсутствием зависти кому бы ни было; я одарен также и совершенным непониманием, что такое значит корысть и стяжание. Вероятно, благодаря этим свойствам, я усвоил себе зато благо самой полной свободы действий и устроил свои отношения на самом полном доверии других к моим обещаниям и действиям. В последнем направлении устроилось когда-то издание Мезенца, Курса хорового пения и проч.

Рассуждая теперь о возможности осуществления «Чтений из истории церковного пения в России», рассуждаю я вместе и о плане погашения расходов по изданию. Предсказать успешную продажу книги и строить на предположениях срочные возвраты — решительно невозможно, особенно же в текущую пору. Например, 1-я часть моего Курса вышла в свет в январе 1907 г., хотя на обложке напечатан был в свое время 1904 г., а на 1-м листе 1905 г., а продажа книги, конечно, едва-едва началась лишь этими неделями². По совету старика Ильминского, всю жизнь имевшего дело с типографиями и книжными магазинами, книгу можно печатать только тогда, когда по крайней мере $\frac{4}{5}$ капитала на ее издание уже имеется налицо. В печатании моих «Чтений» предстоит огромный предварительный расход на мешкотное изготовление до 150 клише снимков всякого рода. Плата типографии обыкновенно делается по частям во время печатания и заканчивается полным расчетом при выходе книги в свет.

Погашение расхода обыкновенно производится в два полугодичные срока, по соглашению их времени с книгопродавцами. Вот все эти платежи полугодичные, до самой полной уплаты всего долга, без всякого однако назначения их в качестве определенных сумм, а только в размере полученной платы за проданные экземпляры, я и могу гарантировать Вам в качестве обязательного для меня срочного платежа. Если дело удастся — платеж будет скорее скорого, если такое предприятие пойдет туго (а по нынешним временам можно ждать всего) — платежи будут незначительны и платеж последний должен затянуться.

До окончательного с Вами расчета я совершенно отказываюсь от каких бы ни было получений, не только денежных, но и книгою, хотя при выходе в свет я желал бы иметь обычные 50 экземпляров для раздачи моим друзьям, начиная с Вас.

Вот мои условия, добрейшая Софья Сергеевна. Я глубоко был растроган Вашим предложением помочь мне и с глубоким чувством принял бы Вашу помощь. Но дело — делом, притом же ясность — ясностью. В неразумные долги, а тем более недоговоренные вполне, а еще более с Вами, думаю, мне идти незачем, да и сами Вы пожалеете мой покой, мою свободу и мою Вам глубокую, самую сердечную преданность. Мне надо спокойно и достойно работать, а это возможно только при покое душевном и свободе.

Теперь можно опять вернуться к минорному началу письма. Не сомневаюсь, что утрата дорогой мамы должна во многом переменить Вашу жизнь и переменить многое множество Ваших отношений к окружающим Вас и добрую Марию Сергеевну. Думаю также, что и обе вы еще не определили подробно свое предстоящее будущее — ведь это так сложно!

Да пошлет Бог обеим вам силы духа и здоровье. Верьте и в друзей старых, верных. Мой поклон дорогой, свежей могиле.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 97—98 об.

1. План издания курса Смоленского по истории церковного пения в России не был осуществлен, рукопись такового не известна.

2. Речь идет о 6-м издании «Курса хорового церковного пения», «вновь исправленного и дополненного».

Волкова — Смоленскому

Москва, 15 марта 1907

Добрый Степан Васильевич, простите, что еще не ответила Вам. Все эти дни меня лихорадило, сильно кашляю, устала и не могу достаточно сосредоточиться на вопросах, Вами предлагаемых. Уверена, что мы договоримся с полной ясностью, точностью и взаимным удовольствием. В принципе мы согласны. Совет Ильминско-

го, однако, может отсрочить дело: Вы пишете о $\frac{4}{5}$ капитала, предвидится же пока $\frac{2}{3}$, если надобно сколько Вы полагаете, обо всем договоримся при свидании.

Мы гостим у подруги детства, княгини Ливен, куда переехали после трех дней в гостинице «Дрезден»¹. Хорошая хозяйка предлагает нам еще побыть у ней, и мы не спешим вернуться в Царское. Пока — совсем не выхожу из дома и лечу простуду. Сестра вчера слышала Синодальный хор, и в полном восторге².

Отдыхаем, о будущем пока говорим мало, но желали бы провести лето у себя в деревне, за 32 версты от Подсолнечной.

О возвращении в Царское думаю Вас известить по телефону, но не ранее 22-го, а вероятнее что и позже...

Спасибо за сердечное участие, добрый Степан Васильевич. Передайте нашу благодарность и привет Анне Ильиничне. Верно, Вам пришлось проводить до могилы Константина Петровича Победоносцева³. Воображаю, сколько дорогих воспоминаний при этом воскресало в Вашей душе: Ильминский, Рачинский, Ваша собственная деятельность... Будьте здоровы. Много, много предстоит нам писать в ответ на письма и телеграммы. Пора мне кончить.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 105—106 об.

1. Имеется в виду дом светлейшего князя Андрея Александровича Ливена (1839—1913) и его дочери Александры Андреевны (1862—1914).

По воспоминаниям, княжна Ливен, «оставшись старой девой, не приобрела дурных сторон этого положения, вероятно, потому что сумела заполнить свою жизнь серьезными интересами. Хорошо образованная, она много читала и, будучи хорошей музыкантшей, много играла на фортепиано. Досуги свои она посвящала благотворительности, помогая в этом своей бабке, известной в Москве Александре Николаевне Стрекаловой, обладавшей большими средствами» (Давыдов Александр. Воспоминания. 1881—1955. Париж, 1982. С. 69—70).

2. Мария Сергеевна слышала Синодальный хор за службой в Успенском соборе, так как концерта в этот день не было.

3. К. П. Победоносцев скончался 10 марта 1907. Он завещал похоронить себя в саду основанной им Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы недалеко от Новодевичьего монастыря в Петербурге.

Смоленский — Волковой

Петербург, 17 марта [1907]

Добрейшая Софья Сергеевна!

Отвечаю Вам без промедления и одновременно прошу Вас не затруднять себя ответом ко мне. Вы давно уже устали, Ваше недавнее нездоровье также не в пользу будущему. Какие тут письма?

Отвечаю Вам и по делу, и потому, чтобы развлечь Вас на несколько минут.

Сначала о делах: приводя $\frac{2}{3}$ и $\frac{4}{5}$, к одному знаменателю, получаем 0,6666... и 0,80, разница между которыми не может отсрочить ни заботы моей и ни осуществления дела. Я пораздумаю еще и прикину умом, справлюсь у мастеров по части клише (ибо ведь в них именно первый расход и замедление) и тогда, надеюсь, буду иметь возможность говорить определенно.

Теперь меня очень тяготит писанье рецензии книги о. Металлова, оказавшееся очень хлопотливым. Я боялся трудности, а вышла на первый план надобность быть документально точным во множестве ссылок и, что досаднее всего, во множестве проверок указаний о. Металлова. Книга его по этой части — одна из самых невозможных. Начата письмом и еще статья, подсказанная С. Д. Шереметевым, но статья небольшая — об академии пения¹.

Не без удивления получаю весьма благосклонные письма, даже и благодарственные за «Колокольный звон». Пишут искренно, горячо, но пишут и вздор весьма нескладный. Читают между строк такие мои мысли, о которых и не думалось; находят в моем изложении такие порывы, каких там решительно не предполагалось. Считают даже, что «Колокольный звон» раздался не без политической подкладки, даже и весьма черносотенной... Уж именно — не знаешь, куда попадешь.

Вы угадали, что я утратил с кончиною умного и честного Константина Петровича целый ряд страниц, наполненных самыми дорогими для меня именами. Я был у покойного сейчас же по его кончине и был за час до выноса его из дома в далекую Владимирскую школу. Завтра я впервые поклонюсь его могиле, ибо не найду, вероятно, в 9-й день ту толпу мундиров, от которой я стал удаляться в последние месяцы. Рад буду, если удастся в одиночку и втихомолку душевно побыть вместе с покойным, хоть бы на несколько минут. Я всегда глубоко почитал Константина Петровича, жалел его исстрадавшуюся душу, его озлобившийся ум и оскорбленное сердце. Не следовало бы ему служить последние 15—20 лет! Если бы он, вместо неудачного обер-прокурорства, написал еще 2—3 «Московских сборника»² — всероссийский памятник сохранил бы о нем надолго благодарную, безукоризненную, народную признательность. Но его огорчения создали его резкость; его безнадежная война с вековыми поповскими устоями устроила его поражение в самых святых его мыслях; его гнев и злоупотребления подчиненных затуманили имя его, величайше честное, благородное, приобщив то имя к деяниям, о результатах которых Константину Петровичу не могло и сниться.

Слышал я о бедной Екатерине Александровне [Победоносцевой] ужасную весть, к несчастью — верную: она слепнет, и темнота ее глаз неотвратима, даже будто бы и в очень скором времени.

Дом, в котором Вы пребываете, давно знаком мне, и я даже мысленно посидел с Вами в хорошо известной мне гостиной. На случай, если вы увидите «Светлейшего» и его милую Александру Андреевну — мой поклон и привет им самый сердечный, самый душевный. С княжной-вдовой — я не знаком, хотя и знал покойного на Адмиралтейской набережной³.

Душевно был рад услышать от Вас, что Синодальные певчие до сих пор могут приводить в восторг. Последний раз, когда я слушал в сентябре часть хора, — пение было довольно слабо. Весною, за сломанной ногою — я не слышал хора. Вместе с тем сложилась у некоторых мысль, что чем более они будут твердить мне об упадке Синодального хора, тем будто бы это более подчеркнет его бывшее процветание. А мне это каждый раз слушать было очень больно. Про училище однако я уже перестал болеть. Оно действительно пропало. Например, хоть бы Соколов Иван из Спасского-Подсолнечного разве мог бы вырасти таким бестолково-самомненным неучем? Мы переписались недавно, но дойдут ли мои слова до его сердца и хватит ли у него ума и воли послушаться — Бог весть. А дарование у него несомненное, пожалуй, и хорошее, даже и стремления добрые.

Марии Сергеевне мой поклон и привет. В Новодевичий также. От Анюты — также.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 99—100 об.

1. Статья об академии пения — это, возможно, статья «К вопросу о постановке преподавания церковного пения в духовно-учебных заведениях России», опубликованная в Прибавлениях к «Церковным ведомостям» за 1909 (№ 7 и № 10), но сначала поданная в виде записки в Св. Синод. Одна из мыслей работы — об обязательном введении истории и практики церковного пения в курс не только духовных семинарий, но и всех духовных академий с образованием там самостоятельных кафедр этого предмета.

2. «Московский сборник» — собрание статей Победоносцева на разные темы, изданное им самим в 1896 в Москве (и четырежды переиздававшееся с добавлениями); название книги подчеркивает приверженность автора определенной идеологической традиции, а именно московской славянофильской.

3. Здесь упоминается другая урожденная княжна Ливен: тетка подруги Волковой Екатерина Александровна Ливен — жена министра народного просвещения Николая Павловича Боголепова, убитого террористом П. В. Карповичем в 1901.

Смоленский — Волковой

Петербург, 1 апреля [1907]

Добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу Вам в Москву наудачу, так как в точности не знаю, где Вы находитесь, в доставке же письма из Москвы к Вам не сомневаюсь. Рад был весточке от Вас¹.

Только сегодня я освободился, сдав наконец-то в Академию Наук трудно доставшийся мне отзыв о сочинении о. Металлова. Пришлось очень много поработать по части справок, много перечитать нового, чтобы доразвить себя до возможности основательных рассуждений и спокойного, уверенного отзыва. Поэтому и не мог написать Вам, хотя и часто думал о Вас, прикидывая умом о том, как и где Вы заблагорассудили обосноваться.

Рецензия вышла, сверх ожидания, довольно объемистая, заняв машинного письма около 14 листов, — смею думать, вышла и доступная, так как я старался избежать в ней всего архи-специального. Мой отзыв, по всей справедливости, весьма почтителен к труду и многосторонности взгляда о. Металлова, достаточно холоден ко всем его предположениям как фактически не обоснованным и безжалостно суров к невозможной небрежности издания, к массе самых нетерпимых опечаток в ссылках и цитатах. Достается и в «указаниях» о. Металлову таких его ссылок на сочинения других авторов, в которых нет приписываемых им речей или у которых совсем нет даже и таких сочинений. Впрочем, так ведь часто бывает со многими поющими с чужого голоса и берущими чужие суждения за доказанные только потому, что те суждения где-то были пропечатаны.

Но в общем — автор работал добросовестно, много и серьезно — потому, ввиду невозможной некорректности издания и местами совершенной его неотделанности, — лишь почетный отзыв и приглашение представить на премию во втором, исправленном и дополненном издании.

Последнее, конечно, по афонской части, которая опрокидывает добрую половину суждений о. Металлова. Но ведь «Афона» еще не было, когда писалась книга! «Афона», о котором лишь заявлено, — юридически нет даже и сейчас в общем для всех пользования. Понятно, что и нельзя ставить в вину то, о чем не знал автор, не знал и рецензент год тому назад².

Когда я Вас увижу? Вы не пишете ясно о Вашем сюда возвращении и о том, где Вы продолжите Ваше местопребывание. В Царском ли Селе или где-либо?

Анна Ильинична вместе со мною приветствует Вас и добрейшую Марию Сергеевну, посылая всякие добрые пожелания. В Новодевичьем при случае — мой поклон покойной старушке.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. Это письмо Волковой неизвестно; возможно, «весточка» была устно передана кем-то из общих знакомых.

2. На самом деле труд Металлова, в процессе его чтения Смоленским, вызывал у Степана Васильевича досаду; в дневниковой записи от 9 октября 1906 он характеризует книгу как «бездарное многоглаголание и бесполезное или малополезное трудолюбие» (Дневник 6, л. 231). Однако в отзыве и в настоящем письме Смоленский постарался быть сдержанным.

Несколько позже, 1 января 1908, когда уже была завершена (на определенной стадии) обработка материалов Афонской экспедиции, Смоленский написал Металлову большое письмо на эту тему.

Волкова — Смоленскому

Москва, 2 апреля 1907

Не знаю, когда вернемся в Царское. У меня инфлуэнца, лежу с 23-го, читать и писать больно. Вот почему не отвечала Вам. Температура очень медленно спускается, и выезд все отсрочивается. Будьте здоровы! За письма спасибо. Кланяюсь Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 107. Открытка

Волкова — Смоленскому

Москва, 20 апреля 1907

Добрый Степан Васильевич. Как Вы поживаете? Я поправляюсь, прохворав довольно основательно. Помог Постников, проделав мне ту же маленькую операцию, что и Шаляпину делали в сентябре; а я раньше даже и не слыхала о такой болезни, пока не заболела ею — «гайморит»! Кажется, так и пишется? Я долго не могла писать без боли, и потому Вам не ответила.

Сегодня я получила письмо от А. А. Киреева, зовущего на музыкальную конференцию о премии в память Глинки, 26 апреля, должно быть у Великого Князя¹. Предыдущее сообщение Киреева затерялось на почте, подробностей не знаю. Мы собирались выехать 26-го, теперь же надеемся выехать 24-го. Дело о детских песнях, кажется, налаживается, вчера я познакомилась с Пасхаловым, а раньше была у меня Евг. Эд. Линева. Жду Н. А. Янчука. Сил еще немного, а бодрость возвращается, и доктор Беляев (Агапит Ф.)² отпускает на свободу, а то не выпускал из Москвы.

Привет Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 108—108 об.

1. Конференция, собственно, состоялась в собрании у великого князя Константина Константиновича, где обсуждались мероприятия по случаю 50-летия со дня смерти Глинки. Волкова, по-видимому, присутствовала на конференции, так как уже находилась в Петербурге и на следующий день, 27 апреля, нанесла визит Смоленскому.

2. Агапит Федорович Беляев — доктор, лечивший Смоленского от ангины в период его переезда из Казани в Москву.

Смоленский — Волковой

Петербург, 21 апреля 1907

Христос воскрес! Добрейшая Софья Сергеевна! Вместе с Анютой сердечно приветствую Вас, посылая самые сердечные пожелания Вам доброго здоровья и всякой радости. Не знаем мы, где находится добрая Мария Сергеевна, — просим Вас передать ей наш искренний привет.

Как Вы поживаете? Как провели Вы полную трогательной поэзии Страстную неделю? Я доволен собою за эти дни, хотя далеко не переживаю тех упоений, которые когда-то доставляли мне в эти дни несравненный Кремль и Синодальный хор. Но ведь все минует, и спасибо судьбе хоть за то, что есть о чем вспоминать с благодарностью. Да и можно ли в Петербурге быть такой красоте, какая так еще сильна и самобытна в Москве? Доволен я собою и по удаче кончаемой теперь работы над «Музикиеу». Сегодня я распрощусь с этою трудною и кропотливою работою. Останется только простая корректура. Но зато нарождается новое исследование. У меня теперь в руках пять грамматик Дилецкого, и все они разные, или лучше сказать, имеют значительные различия. Я уже решил разобраться в них и выяснять эти различия путем сравнений.

Как бы хотелось иметь о Вас весточку — ведь уже так давно я не видал Вас и так многое переменялось с тех пор! Предполагаю, если только будет тепло, провести среду и четверг Пасхи в Новгороде вместе с А. В. Преображенским. Мы оба устали, и нам надо о многом условиться на будущее, частью же и по ликвидации Афона. 27-го в пятницу буду опять дома, так как в этот день годовое собрание О.Л.Д.П.¹

Надеюсь, что Ваше нездоровье уже прошло бесследно и Вы уже безопасно выезжаете. Мысленно буду приветствовать Вас во время первого «Христос воскрес» сегодня за заутренею². Побываю мысленно и в Новодевичьем.

Итак: «Христос воскрес!» — до скорого свидания.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. По-видимому, эта поездка состоялась. 27 апреля 1907 Смоленский выступал на годовом собрании ОДП с чтением своего научного отчета по Афонской экспедиции (см. в Приложении к первой книге).

2. Пасху (22 апреля) Смоленский встретил в Александро-Невской лавре, где в исполнении Митрополичьего хора под управлением И. Я. Тернова звучали его Стихиры Пасхи (правда, само их исполнение Степану Васильевичу показалось «грубым» и «нестильным»).

Смоленский — Волковой

Петербург, 18 июня [1907]

Добрейшая Софья Сергеевна! Пишу Вам в Митаву наудачу, так как совсем утратил ясность представления о том, где Вы находитесь. Писал Вам я на Суворовскую улицу в Риге, но, вероятно, мое письмо не дошло до Вас.

Завтра я кончаю здешние работы по каталогизации песнопений древнейших рукописей, имеющих в петербургских библиотеках. По случаю закрытия Московской Синодальной библиотеки (за отпуском ее библиотекаря до 15 июля) и по случаю предстоящего у меня семейного праздника¹, равно и по находению у меня *дома* работы над сравнением 4-х обнаружившихся теперь редакций Мусикийской грамматики Дилецкого, я проведу время здесь до 5 июля в Петербурге или несколько дней на пригородной даче в Финляндии; 5 июля я выеду в Новый Иерусалим (под Москвою и Волоколамском) и к 15-му буду в Москве, где и останусь до конца работы (Воздвиженка, 8) — примерно с месяц или более².

Не могу не поделиться с Вами мерою моего глубокого удовольствия по поводу заканчиваемых теперь здесь занятий. Это — так сказать, первая половина труда, тянувшегося всю минувшую зиму и обнявшего собою всего лишь каталогизацию содержания 7 здешних рукописей. Но вместе это есть и самая трудная часть работы, так как пришлось записать не одну тысячу начал разных песнопений. К этим записям дополняются мною только вновь находимые песнопения, из повторяющихся же дубликатов уже отмечаются только страницы рукописей. В таких таблицах вертикальные столбцы представляют собою со всею очевидностью содержание каждой рукописи и рост русского искусства по разным векам и разным местам. Горизонтальные строки еще яснее указывают, какие именно песнопения встречаются (и на каких страницах) в той или другой рукописи, — следовательно, вполне готовы служить для сравнения всех редакций между собою.

В таком порядке у меня не сделан еще Ирмолог (для него я еду в Воскресенский монастырь) и еще не кончена Триодь, начатая осенью 1906 года в Москве, зато кончены все здешние Стихирари и Кондакари. Поэтому и будущая в Москве работа будет состоять лишь в разверстке по вертикалям и параллелям содержания тамошних Ирмологов и Стихирарей, равно и окончания Триодей³.

Между тем кончается работа и дорогого Антонина Викторовича Преображенского, которому с каждым днем ожидается прибытие последнего уже транспорта снимков с Афона⁴.

Таким образом к сентябрю мы будем оба готовы, чтобы крыть крышу и подводить итоги наших прошлогодних подвигов на Афоне. Конечно, общий смысл результатов этой работы виден нам уже и теперь; и именно его неожиданность и величавость бодрит нас обоих в очень, признаться, немалом и тяжелом труде.

От Вас давно уже нет ни строчки! Как Вы здравствуете? Вместе с Анной Ильиничной шлю Вам самый сердечный привет и добрые пожелания.

Матери Татьяне — глубокий поклон и «метания три».

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 104—105 об.

1. Имеется в виду серебряная свадьба Смоленских.

2. О поездке Смоленского в Москву см. в комментариях к переписке с Шереметевым.

3. Эти работы сохранились в фонде Смоленского в РГИА под названиями:

«Параллельное указание содержания Миней певчих и Стихирарей 12—13 вв. по рукописям Синодальной библиотеке в Москве» (№ 38),

«Сравнительный указатель содержания годовых Стихирарей (10) по рукописям Императорской Публичной библиотеки, Московской Синодальной, библиотек Императорской Академии наук и Петербургской Духовной Академии» (№ 39),

«Указатель текстов (Триодей) и Стихирарей, хранящихся в Синодальных библиотеках (Московская Синодальная, Типографская, Софийская, Новоиерусалимская, библиотека Петербургской Духовной Академии)» (№ 40).

Материалы не изданы.

4. Речь идет о заказанных photographиях с рукописей, которые выполняли по отъезде экспедиции иноки Пантелеимонова монастыря.

Волкова — Смоленскому

Рига, 1 июля 1907

Добрый Степан Васильевич, благодарю Вас за письмо, которое я застала на днях по приезде в Ригу. Первое же Ваше письмо пропало, и я себя спрашивала, почему Вы не даете о себе весточки. Сердечно радуюсь Вашим трудам, а со мной и мать Татьяна, которая благодарит Вас за поклон и метания и в свою очередь шлет Вам поклон, но без метаний, ибо пост кончился.

Составляя каталоги древних песнопений, вспоминаете ли попутно о нашей хрестоматии, которую О.А.Д.П. готово было печатать? Все забываю спросить

Вас, имеете ли Вы в виду установить связь между таковой «хрестоматией» и вашей историей церковного пения? Неужели придется повторять те же образцы в обоих трудах? Не могла ли бы хрестоматия служить как бы иллюстрацией к истории, и взаимно — история послужить комментарием к хрестоматии, которая непременно будет нуждаться в пояснительном тексте? Кажется, мы два года тому назад об этом говорили, а этой весной я упустила это из виду.

Витаю около Риги, то в пустыни¹, то на берегу моря, здоровья ради. Адрес: Риго-Туккумская ж. д., Ассерн, Дюнская ул., 29, Пансион Неандер.

Искренний привет вам и Анне Ильиничне.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 109—109 об.

1. Рижскому Троице-Сергиевому монастырю принадлежала пустынь под Митавой, которой руководила младшая из сестер Мансуровых — мать Иоанна.

Смоленский — Волковой

Петербург, 5 июля 1907

Добрейшая Софья Сергеевна! Сердечно рад многому: 1) что мое письмо дошло до Вас и Вы, ответа мне, так сказать, «отыскались» в том самом милом и тихом Ассерне, в котором я не раз бывал с целью успокоения в одиночестве, гуляя из Нейдуббельна лет 15 тому назад; 2) что я могу Вам сообщить о себе некоторые новости.

Весьма жалею, что первое письмо не дошло до Вас. Я писал его адрес так же наугад, как и во втором письме. Содержание его, сколько помнится, касалось двух сюжетов: окончания моих занятий, задержки моей здесь ради Грамматики Дилецкого и празднования (совершенно тихого) моей серебряной свадьбы 4 июля; второй сюжет — Ваня Соколов, по поводу которого я отвечал добрейшей Марии Сергеевне, а потом пораздумался заново.

Занятия над здешними рукописями кончены сполна, и теперь остается лишь разверстание по ним московских, да окончание Триодей и Ирмологов, которых в Петербурге совсем нет. Грамматики Дилецкого я сравниваю между собою ради печатаемой «Мустики», в которой вторая часть есть одна из редакций той Грамматики. Это сравнение войдет в предисловие к «Мустики». Оно у меня заняло немало труда и хлопот¹.

Свадьбу серебряную справили совсем тихо, но душевно и очень искренно. В час юбилея мы вспомнили далекое прошлое, помянули покойных и помолились у родной нам «Казанской». Тут же обнаружилось и то, что мы потихоньку приготовили друг другу: Анюта благословила меня образком на шею «Нерукотворенным», издавна мною любимым, а я приготовил для нее такой же образок

«Казанской» — увы, ныне несуществующей². Затем мы растрогались и даже всплакнули, глядя друг на друга, вспомнив молодость и кончину почти всех (кроме только одной Екатерины Степановны Ильминской) из бывших на нашей свадьбе. Всплакнул и я вторично, вспомнив, как мне, глядя на присутствовавших гостей, пришло на ум, что у меня, русского, не раздалось на свадьбе ни одной из несравненных наших песен. Через 25 лет оказалось еще более, что петь решительно некому, что даже и я начинаю страдать запамätованием этой дивной красоты³. Вот и слезы полились.

О Ване Соколове напишу Вам из Москвы, где буду 8 июля и где постараюсь собрать надобные справки ради его будущего.

Теперь новости. Первая меня было встревожила сначала, но потом успокоила. Я получил от С. Д. Шереметева неожиданное письмо, в котором он пригласил меня, с очевидной горечью на сердце и с полным во мне разочарованием, прекратить в нашей переписке трактации о какой бы ни было политике. Поводом к этому была наша устная беседа 30 мая о моих взглядах на направление предстоящих перемен в системе народного образования, светского и духовного, равно и о той доле искусства, которое я считаю надобным в будущей школе ради большей уравновешенности и благородной культурности в среде будущей молодежи. В дополнение к этой программе я высказал и мысли о совершенной необходимости прохождения в школе (начиная с сельской) оснований государственного права и полицейского, чтобы будущая молодежь могла чувствовать себя хотя бы сколько-нибудь разумно верноподданными и полноправными гражданами.

Разговор наш был очень оживлен, внезапен и прервался надобностью графу ехать на вокзал для следования домой. Мы уговорились, что я напишу ему сказанное подробнее, а он пришлет мне копию с письма. Я сел в тот же вечер писать, и 2 июня к графу поехало 5 листов письма, вызвавшего сначала его удовольствие, а затем в другом письме по тому же поводу — приглашение воздержаться в переписке от «политики». Затем прибыло 3-е письмо с очевидным признанием, что совесть укорила Сергея Дмитриевича в некоторой пылкости и некорректности за мой счет. Теперь мы оба успокоились. Прочитывая копию, присланную мне, признаться, недоумеваю о причине вспышки. Конечно, я знаю «партию», которой держится Сергей Дмитриевич, — но «политики» в письме моем, собственно говоря, совсем и следа не было. Тем не менее все-таки впредь буду поосторожнее⁴.

Другая новость будет для Вас неожиданною, как и для меня и для моих товарищей. Представьте себе, что в Придворной Капелле Соловьев⁵ и Ш³ вдруг ополчились на регентские классы, устроенные в ней еще Львовым, более 60 лет назад. Теперь вопрос о закрытии регентских классов решен окончательно, и Капелла уже официально извещает просителей, что отказывает в приеме, так как классы приготовительный и первый закрываются и приема в них более не будет.

Во всей этой буффонаде оригинально то, что всего два года назад, когда Министерство Двора заводило речь о неуместности для него иметь регентские классы (хоть и ничего не стоящие Капелле) ввиду служения интересам Св. Синода, — было большое заседание из представителей Св. Синода и Министерств Двора и Народного Просвещения, порешившее было закрыть классы. Ш³, как художник, сидел все заседание и отмалчивался. Когда дело дошло до его очереди подписать постановление, — то он не без эффекта положил перед председателем листок бумаги с написанным Высочайшим повелением: «Оставить при Капелле регентские классы по-прежнему. Николай».

Теперь тот же Ш³ распевает, что приходящие в Капеллу посторонние лица (то есть слушатели регентских классов) одинаково могут заразить Капеллу и всякими тифами, дифтеритами, и всякою революциею; что поэтому он не ручается за Капеллу, если останутся регентские классы, и настаивает на их закрытии. Конечно, Соловьев вторит своему принципалу.

Такого рода пассаж объединил всех моих бывших учеников во главе с А. В. Преображенским, и они уговорили меня, в компании с ними, открыть в Петербурге «Частное регентское училище и общедоступные хоровые классы». Теперь дело это уже обсуждено и двинуто к исполнению⁶. Разрешение от градоначальника, вероятно, не замедлит, и потому с 15 сентября я буду вновь директорствовать среди своих учеников-товарищей. Как пойдет дело — сказать наверное, конечно, нет возможности, но конкуренции нет, рабочие силы все молодые, энергичные, знающие и даровитые, главное же, я для них свой и они мне также свои.

Наши занятия займут на первые 2—3 [месяца] только вечерние часы, почему никоим образом не повлияют на мою «науку», которой отдано мое утро. Да и не могу я, конечно, теперь хотя сколько-нибудь ослабить эту «науку», так мне из нее уже не выкарабкаться, — очень многое доводится до крыши и нельзя уже бросить сделанное — себе дороже.

Этими словами я подхожу к Вашему вопросу о хрестоматии. Она, конечно, не будет иметь даже и отдаленной связи с «Историей», так как клише, подобранные к «Истории», будут объясняемы посылно в ее тексте и только будут служить как бы путеводными документами для исторических обобщений и осмысливаний. Хрестоматия же предполагается вместе и изданием больших певческих материалов самих по себе, и одновременно научною библиотекою для чтения развития одинаковых текстов в их разностях певческих по различным векам. Хрестоматия, как Вы знаете, задержалась Афонскими находками, совершенно изменившими взгляд на достоинства и доступность всего того, что прежде в наших рукописях XII—XIII в. ставило только в тупик. Теперь ту же хрестоматию, с теми же труднейшими задачами, можно издать по крайней мере хоть с руководительными первообразами на греческом языке. Раньше это было невозможно, теперь это необходимо.

Вместе с Анной Ильиничной шлю Вам самый сердечный, искренний привет и добрые пожелания. В Ассерне, верим мы оба по опыту, Вы отлично отдохнете и успокоитесь. Храни вас Бог!

Матери Татьяне и глубокий, и благодарный поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Если вздумаете порадовать меня письмом — Воздвиженка, 8.

И какая хорошая фамилия Вашего пансиона — давным-давно мною чтимая в лице церковного историка 1-й половины XIX века Августа Неандера. Этот дивный по кротости и уму еврей-богослов, позднее христианин, приводил меня когда-то в восторг изложением своей супранатуральной теории христианства и его истории. Уж не родня ли он Ассернскому Неандеру?

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 106—107 об.

1. В последнем абзаце предисловия к изданию «Муסיкийской грамматики» Смоленский делает выводы:

В мирке высшем и более властном, где собственно и насаждалось новое преискреннее польское художество, осталось от него лет через 60—70 разве только ношение польских кунтушей у придворных и архиерейских певчих. <...> Сообразно усилению иноземного элемента в высших сферах России в XVIII веке русское вдохновение школы Дилецкого, как оно ни было далеко от подлинно русского искусства, стало вытесняться отсюда еще более худшим — итальянским, притом самого дурного пошиба. Но гармонизации древних роспевов по приемам Дилецкого остались и здесь — это нынешний «обычный роспев» — нынешний придворный роспев, прошедший ту же цензуру переделок, какую прошли всякие «Службы Божии» и концерты в монастырях и уездах.

В этом смысле Мусикию Коренева надо помянуть как одну из причин гибели крюкового древнего хорового пения, а Грамматику Дилецкого — благодарностью за многие песни, переродившиеся затем в церковно-народные (С. XII).

2. См. комментарий к письму Шереметева от 6 июля 1904.

3. Об этом Смоленский пишет в своих Воспоминаниях (см. главу VI).

4. См. переписку с Шереметевым за этот период.

5. Н. Ф. Соловьев был помощником начальника Капеллы после Кленовского, в 1906—1912.

6. Судя по Дневнику, решающий разговор об основании Регентского училища состоялся 26 июня в доме П. А. Петрова-Бояринова, при участии Смоленского, Преображенского и Климова. Тогда же Смоленский написал Шереметеву и получил от него предостережение, касающееся финансовой стороны этого проекта.

Волкова — Смоленскому

Рига, 10 августа 1907

Добрый Степан Васильевич,

во-первых, извиняюсь за почерк — пишу в саду, держа папку на коленях; но во-вторых и главное, прошу прощения за долгое молчание. Ваше письмо мне много доставило удовольствия, а я еще не отозвалась! Застала я его по прибытии в Ассерн, где вот уже 5-ю неделю нахожусь в пансионе Неандер и с которым совсем сжилась. Хорошо здесь. Здешние Неандеры милые люди, потомуки не древнейшего ученого писателя, а другого, чьи стихи вошли в состав Choral-Buch с XVI века.

Итак, 4 июля Бог дал вам отпраздновать такой дорогой и трогательный день. Поздравляю вас и Анну Ильиничну и шлю горячие сердечные пожелания многих радостей для грядущих лет; пошли Господь бодрости, спокойствия и здоровья чете — да будет каждый день уже не серебряным, как предыдущие годы, а еще лучше того, золотым, ставшим драгоценным от всех накопившихся воспоминаний. Ведь в этих названиях — серебряной и золотой свадьбе — есть, пожалуй, и смысл. Благодаря потере письма я не знала о Вашем семейном торжестве, не могла к тому дню прислать привет.

Как спасти от забвения и исчезновения старинные свадебные песни? Кому заняться этим, как не О.Л.Д.П.? Как не пожелать, чтобы Шеффер поскорее стал во главе отдела, заняться которым мне когда-то предлагал Сергей Дмитриевич?¹ Последний в мае говорил мне, что Шеффер желал бы посвятить себя снова подобным трудам.

Если, находясь в Москве, услышите что-либо о премии имени Глинки, о том, кто содействовал учреждению ее (уж не Энгель ли?) и проч. и проч., очень буду благодарна за сообщение. Вообще сознаю, сколько лишила себя, не отзавшись раньше на Ваше письмо. Приехала сюда с кипой неотвеченных писем, застала здесь их тоже довольно много; это было 9 июля, затем ежедневно их прибывало два, три, и я старалась отвечать на срочные и деловые, или, вернее, сил не хватало.

Уж если болезни приходят пудами, а уходят фунтами, то того более, мне кажется, можно сказать это про переутомление. Единственный способ скорее поправиться было бы, вероятно, перейти на санаторный режим полного отсутствия умственных занятий, но это было мне невозможно. А теперь уже и не так нужно — по мере возвращения сил меня уже начинает тянуть на занятия, и с большой радостью надеюсь услышать от Вас устно много интересного не далее как в сентябре.

Скорю, 15-го Вы уже начнете, Бог даст, такое новое дело, известие о котором истинно радостно. Получили ли разрешение от Градоначальника? Где поместится училище? Где будете жить сами, все ли на Фонтанке? Или директор-

ствовать на месте? Все знать хотелось бы. Здесь я встретила с одним регентом из Киева — впрочем, по профессии не регентом, а инспектором реального училища, но он несколько лет регентовал церковным хором у Драгомирова². Он чрезвычайно обрадовался, узнав о Вашем начинании, и шлет Вам глубокое почтение и искренние добропожелания от «неизвестного почитателя», как он выразился. Известная же Вам почитательница, писательница письма сего, пожелания шлет сугубые.

О Соколове и судьбе его не спрашиваю, ибо Вы, вероятно, все о нем передали сестре. Какое впечатление произвела на Вас поездка в Киреево? Понравилась ли Вам лечебница, видели ли доктора Лаятина?³

О грамматике Дилецкого, хрестоматии и еще обо многом надеюсь поговорить с Вами лично.

Наладилась ли у Вас снова переписка с графом Сергием Дмитриевичем? Бедный! Он, верно, очень устал от политики, может быть, в семье разногласия и споры. А Вы, верно, знаете, что есть за Вами грешки, когда Вы о политике поминаете! Хотелось бы прочесть мне статью Вашу, то есть письмо о реформах в образовании.

У меня к Вам просьба. Если не трудно, вышлите мне, по возможности скоро, несколько листиков мелкой нотной бумаги разной линовки. По 2 линии не надо, а или по 4, или партитурной. В Риге не достала, а нужно мне для Девриена, с которым дело по-видимому налаживается⁴.

От души говорю — будьте здоровы! Спасибо!

С. Волкова.

Р. С. Морозова об откровении читать не стала⁵. Мама говорила насчет богословия, что цитаты из Апокалипсиса есть уже от II века по Р. Х., — так ли?

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 110—111 об.

1. Вероятно, 5-й отдел ОЛДП, в программе которого значатся и исследования народного творчества.

2. Имеется в виду генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров (1830—1905), который в 1889—1903 был командующим войсками Киевского военного округа, а с 1898 и киевским генерал-губернатором.

3. Смоленский несколько раз навещал в санатории под Петербургом Марию Сергеевну Волкову.

4. Волкова продолжала готовить сборник детских песен для петербургского книгоиздательства А. Ф. Девриена.

5. То есть опубликованное в это время исследование Апокалипсиса шлисельбургского узника Николая Александровича Морозова (1854—1946) — «Откровение в грозе и в буре». Вероятно, Смоленский рекомендовал его Волковой во время какой-то личной встре-

чи или в не дошедшем до нас письме. Сам он не только прочел книгу с большим интересом, но перед этим познакомился с Морозовым лично — 11 марта 1907 в доме Л. А. Саккетти.

Смоленский — Волковой

Москва, 14 августа 1907

Добрейшая Софья Сергеевна! За письмо Ваше благодарю Вас от всей души, так как прочитал его с сердечной радостью, давно уже заскучав по Вас. Общий тон письма Вашего ясно говорит, что Ваше здоровье хорошо поправляется, — а это для меня большая радость. Теперь, минуя прошлое, могу Вам признаться в той тревоге, которая посетила меня этою весною после свидания с Вами; могу признаться и в том, что я знаю, как нужен покой, как ненадобны ответные письма в том болезненном состоянии, которым Вы так огорчили меня этою весною. Теперь глубоко радуюсь за Вас, сердечно приветствую Ваше выздоровление, люблюсь возвратившимся Вашим спокойным почерком и так и вижу Вас отсюда прежнюю, милую, доброю, веселою, здоровою. В час добрый! Выздоровляйте еще, и еще, и еще! Теперь могу вновь писать Вам, не боясь более затруднить Вас чтением моих всегда многословных писем, ни тем более вынуждать Вас к ответам на них. У Вас довольно и без меня корреспондентов. С меня пока довольно и того, что я могу писать Вам.

Отвечаю Вам по пунктам Вашего письма:

1. За Ваше приветствие по поводу нашей серебряной свадьбы отвечаю Вам благодарными приветствиями моими и Анюты. Вы в немногих строках письма угадали то, что давно сложилось между мною и женою моею, а в праздник 4 июля, так сказать, утвердилось на весь закат нашей жизни. Именно накопилось то крепкое духовное родство, та нераздельность уважительного глубокого чувства, которое в нас обоих создало счастье нашей жизни, счастье полное, высокое, встречаемое ныне более чем не часто. Надеемся мы потому, что Бог благословит нас прожить и остаток наших лет так же взаимно-уважительно, как то было неизменно до сих пор. К удивлению нашему мы получили множество приветствий к 4 июля. Так как этот день и не предполагался к празднованию, то он прежде всего был основательно забыт всеми без исключения родными и каким-то непостижимым образом был запомнен многими сослуживцами, особенно же учениками. В конце концов форма празднования получила характер торжества весьма длинного во времени и весьма протяженного по пространству земли, откуда последовали приветствия всевозможного содержания, даже и подарки! Но — теперь это праздник давно минувший.

2. Киреево произвело на меня впечатление вполне прекрасное во всем, что я там видел. Такое же прекрасное впечатление произвела на меня и добрейшая Мария Сергеевна. Она несомненно, очевидно окрепла и поуспокоилась очень значительно. Но сказать, что она здорова вполне — еще рано. Суждения мои

относятся лишь к сравнению того состояния, в котором я видел Марию Сергеевну полгода назад и теперь, — это несомненный путь к выздоровлению.

Я говорил с Марией Сергеевной много о Ване Соколове и потом, после свидания с последним, после полученных мною сведений о нем с разных сторон, писал ей с некоторыми подробностями о Ване Соколове. С ним я и теперь имею свидания, наставляя и особенно вразумляя его по разным частям. Думаю, что здесь может выйти хороший толк из этого юноши¹.

3. Относительно собирания свадебных песен, участия в этом П. Н. Шеффера и Ангеля я сказать Вам теперь решительно ничего не могу. Все в разъезде по дачам, никого не видеть, а я к тому же прожил последний месяц совершенным монахом в Москве, то есть совсем утонул в Кремлевских и Типографских рукописях. Здесь я решительно никого не видал и нигде не бывал, радуясь полному одиночеству и отдыху за сосредоточенной и самой прилежной работой.

4. Дело об учреждении регентской школы в Петербурге возникло внезапно, при участии Миши Климова и Пети Петрова с Пашей Толстяковым. Столь же внезапно, волею небес, оно попало зачем-то в Синод, а оттуда на заключение графа Александра Дмитриевича Ш³. Зачем и о чем спрашивал Синод Ш³ — для меня совершенно непонятно. Но результат тот, что более месяца времени пропало без всякой пользы и разрешение открыть школу еще не получено. Если даже оно и получится, то все-таки открытие школы — большой вопрос, так как на просьбу уступить нам помещение какого-либо городского училища (на вечерние часы) мы получили уже самый полный отказ. Я думаю вскоре вернуться в Петербург, так как мои дела здесь близятся к концу. В Петербурге мы посоветуемся подробно, и тогда Вам будет сообщено о нашем реагировании на полное равнодушие и формалистику в наш адрес.

5. Грамматика Дилецкого мною была закончена в приготовлении всех надобных примеров еще в половине июня. Теперь эти клише заканчиваются и печатание не замедлится. Половина книги уже напечатана.

6. Отношения мои с графом Сергием Дмитриевичем совершенно умирились к полному обоюдному удовольствию. Я, конечно, виноват и перед ним, и перед самим собою в происшедшем, так как, в самом деле, какой же я «политик»? Но с другой стороны, я совершенно не считаю себя вправе как навязывать другим свои взгляды на текущую пору, так и отречься самому, ради уступки другим, от своих взглядов. Мне просто не следовало высказываться перед Сергием Дмитриевичем в моих взглядах на меру виновности и неисправимости наших властей. Он не выносит чье-либо разномыслие с собою в этой области. С другой стороны, и я, забывши об этом, разоткровенничался перед ним сверх меры, для дела надобной. Но мы объяснились, условились на будущее — совершенно исключить «политику» из наших общений устных и письменных, остаться прежними уважающими друг друга людьми, ценить то, что есть порядочного и оригинального в нас обоих. Объяснение показало, что этого «порядочного», равно и «оригинального» накопилось уже довольно, чтобы закрепить взаимное уважение и забыть наше разномыслие.

Конечно, я покажу Вам мое письмо к графу Сергию Дмитриевичу, подавшее повод к нашей политической размолвке. Это было именно письмо, а не статья — письмо большое, правдивое, но конечно — местами весьма радикальное.

7. В минуту прочтения мною Вашего письма сидел у меня милый мой птенчик Паша Григорьевич Чесноков, которому Ваше имя и Ваше расположение ко мне, конечно, известны. Я говорил Паше и о Вашем внимании к его сочинениям. Паша поэтому взял на себя исполнение Вашего желания иметь нотную бумагу и вышлет Вам ее сегодня же. Он и Вася Толоконников, равно и Костя Шведов² — мои птенцы лучшие, это добрые, умные ученики, хорошие работники, сердечные люди.

*

Я должен огорчить Вас известиями крайне печальными о В. С. Орлове, дни которого, как слышно, очень сочтены. Его сердце никуда не годно, здоровье совершенно разбито, и потому Синодальное училище в большой тревоге³. Слышал я несколько раз и дорогой мне Синодальный хор. Увы! — теперь это простые певчие...

*

Несколько лучше я сообщу Вам о себе. Как уже выразился я выше — мое монашество в Москве было полным. Я работал с 13 июля ежедневно все время, пока только работалось. В результате — близкое окончание работы и впервые констатируемый во всей подробности объем нашего церковно-певческого искусства XI—XII веков, полный превеликого множества самых интересных новостей. Кроме этих двух результатов предстоит еще использование их же по части заготовки мною в эту поездку материалов для хрестоматии и для предстоящего детального сравнения русских находок с афонскими. Для хрестоматии мною на всякий случай («с запасцем») снято до 100 фотографий, а об афонских находках в освещении их русскими боюсь пока и заикаться... Могу пока сказать, что я провел этот месяц в самых упоительных наслаждениях, облегчивших мне очень большой и в сущности скучно-механический труд, озарившийся однако многими радостными догадками и совершенно определившимися дорогами для будущих работ. И как просты оказались эти догадки и будущие дороги! И как много впереди работы самой трудной, самой интересной!

Но мне уже пора идти в библиотеку. С сущою нежностью желая Вам всего лучшего, доброго, хорошего, кончаю писать.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. О том, что Ваня Соколов талантлив и мог бы стать хорошим композитором, вспоминали и его товарищи по Синодальному училищу. Однако судьба Соколова сложилась трагически. Окончив в 1907 Синодальное училище, он в следующем году поступил в Московскую консерваторию в класс специальной теории А. А. Ильинского. После окончания консерватории в 1913 занимал в Москве скромное место учителя пения. 4 октября 1916 в результате семейных неурядиц Соколов покончил с собой. На эту смерть откликнулась некрологом газета «Русское слово», в отпевании принимал участие Синодальный хор. В литографированных нотах хора сохранилось одно сочинение Ивана Соколова — «Плачу и рыдаю», исполненное на юбилейном концерте в Синодальном училище 6 ноября 1911 под управлением Н. М. Данилина.

2. Толоконников Василий Васильевич (1878—1946) — выпускник Синодального училища, учился в Московской консерватории, виолончелист, композитор;

Шведов Константин Николаевич (1886—1954) — выпускник Синодального училища и Московской консерватории, композитор, педагог, регент; впоследствии эмигрировал в США.

3. В. С. Орлов скончался 10 ноября 1907.

Волкова — Смоленскому

Рига, 26 августа 1907

Обрадовалась Вашему письму весьма, но не знаю, куда писать? Спешу сегодня послать Вам адрес матери Татьяны, на случай если бы Вы еще могли ее застать на Литейной, 30, кв. Мансуровых. Думаю, что мать Татьяна с удовольствием бы услышала от Вас много интересного, а я бы так рада была от нее получить свежие подробные новости. Но увы! я, кажется, запоздала, может быть, она уже выедет в Ригу. Если еще побалуete меня вскоре письмом, адресуйте в Ригу, Николаевская, 13. Сейчас я еще в тихом Ассерне, но на совести множество писем. За бумагу благодарю! Сколько я Вам должна! Вышлю марками. Привет. Поклон. Спасибо.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 112. Открытка

Смоленский — Волковой

Петербург, 28 августа 1907

Отвечаю Вам кратко, добрейшая Софья Сергеевна — зато немедленно. Я уже, как видите, в Петербурге, куда поторопился прибыть, бросив даже Волгу-красавицу и родную сердцу Казань. По окончании работы в Белокаменной я провел в Казани немного более суток и передохнул от московского сидения¹. Работою в Москве я удовлетворен в самой высокой степени, но очень устал и боюсь теперь петербургской сутолоки. Эта сутолока началась уже сегодня, так как пришлось

вразумлять секретарей Синода и Градоначальства относительно препон (их лень, медленность и проч.) по части разрешения регентской школы к открытию.

Ежедневно занимаюсь с А. В. Преображенским сведением афонской каталогизации находок с московскими. Новостей так много, что мы оба проводим время в каком-то упоении и в неудержимых мечтаниях о будущем, когда находки развернутся в ряды мотивированных новостей. Не здесь, конечно, распространяться о новостях.

Меня очень живо интересует, когда я Вас увижу, более же того — в каком состоянии здоровья. И Ваше милое письмо, сегодня полученное, порадовало меня, читающего между строк, что Вы крепнете здоровьем, что при первом же свидании я наговорюсь с Вами досыта. Жду Вас и потому, что по Вас соскучился и очень был огорчен весною состоянием Вашего здоровья. Теперь чувствую сердцем, что опять прежняя милая Софья Сергеевна, а вскоре, Бог даст, будете и такою, как лет 6—7 назад. Из этого «С dug» Вы можете заключить, как горячо желаю я видеть Вас вполне здоровою и о мере того благодушия, до которого довела меня Москва с ее несравненными рукописями. Негде писать еще.

Ваш С.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 110. На открытке с фотографией молебна перед открытием Нижегородской ярмарки

1. 19 августа Смоленский выехал из Москвы и вернулся туда 24-го. В свое кратковременное пребывание в Казани он повидался с родственниками и купил добавочный участок земли на кладбище, примыкающий к могилам его родителей и родителей Анны Ильиничны. 26 августа он вернулся в Петербург.

Волкова — Смоленскому

Рига, 23 сентября 1907

С Фонтанки было одно хорошее, приветное письмо от последних чисел августа. На Николаевской ожидали еще такое же к 17-му и не знали, почему его нет. Здоровы ли Вы, добрый Степан Васильевич, или Ваше письмо пропало, или просто Вы не знаете, где я? Вот Вы меня как побаловали. А я еще не выехала из Риги. К концу недели собираюсь на трудные дни в Царское Село, а по окончании... [утрата текста] и отправки мебели — в Москву к сестре. Надеюсь повидать в Петербурге приятелей. Сперва же должна все внимание сосредоточить на одном деле. Потом после Петербурга назад в Ригу, Бог даст, на зиму. За письмо спасибо. Что регентские курсы? Напишите кратко на д. Данини.

С. В.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 113. На открытке с видом Московского Кремля.

1. Письмо с Фонтанки — предыдущее письмо от Смоленского; Волкова, находившаяся на Николаевской в Риге, ожидала поздравления с днем ангела.

Смоленский — Волковой

Петербург, 25 сентября [1907]

Дорогая Софья Сергеевна! Мне было стыдно и больно не написать Вам к 17-му. Я потерял Ваше письмо с рижским адресом в пучине моего кабинета; я был у Гагариных на Моховой, у X, Y, Z — против военной церкви на Знаменской и Кирочной. Мои попытки узнать Ваш адрес были безуспешны. Поэтому я помолился за Вас утром 17-го мысленно, в одиночку поздравил Вас, вспомнил за обедом и выпил за Ваше здоровье; помянул даже и вечером, когда Ваши именины подходили к концу.

Ни на минуту однако не явилась у меня мысль, чтобы Вы подумали о моей забывчивости или о моем невнимании. Да и может ли то быть у меня по отношению к Вам? Рассудите сами, а мало-большую вину мою — простите.

Отвечают Вам по пунктам.

Я совершенно здоров, успел кончить свои работы почти все. Осталось лишь 1—2 дня в Архиве Св. Синода. Литографирование скоро начнется¹.

Этими днями был утешен вниманием со стороны Академии Наук, приславшей мне золотую Уваровскую медаль за рецензию сочинения о. Металлова.

Все эти дни провожу по утрам в великих хлопотах по устройству Регентского Училища. Оно открывается 1 октября и будет помещаться на углу Бассейной и Лиговской в доме гимназии Гуревича. Учеников пока 10, но имеем самые основательные надежды, что их будет до 25-ти, то есть мы, с умением экономить, пожалуй ухитримся провести первый (и труднейший) год без особенного убытка. На днях выяснилась возможность заполучить к себе почти всех учеников в регентском классе Придворной Капеллы. Часть их уже сделала мне свои заявления, а другая часть собирается устроить это завтра—послезавтра.

Вообще это дело идет как-то бодро и с великою верою в будущее.

Лекции свои в Университете я начинаю 10 октября. В этом году у меня будут три прошлогодних слушателя, добровольно оставшиеся на 2-й год. Конечно — это будущие мои сотоварищи по науке, когда подрастут и подучатся. Народ все совсем серьезный и работающий.

Меня глубоко радует то, что начавшийся опыт с Регентским Училищем оказался не мешающим моим занятиям по части нашей старины. Напротив того: я как бы воспрянул духом, во мне просыпается прежняя регентско-учительская жилка, так же как в прошлом году проснулась и успела окрепнуть жилка профессорская².

Особенно порадовал меня недавний запрос депутата от студентов здешней Духовной Академии: не приму ли я некоторых из них вольными слушателями?

Институт вольных слушателей и предполагаемые хоровые классы (порученные мною известному регенту-композитору А. А. Копылову³) рисуют мне расширение начатого дела.

Примите, добрейшая прошлая именинница, мое самое сердечное поздравление и самые лучшие Вам пожелания. Анюта, только что возвратившаяся из Крыма, также сердечно приветствует Вас. Итак — до свидания.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 111–112

1. Литографирование каталогических работ Смоленского начато не было. Скорее здесь подразумевается литографирование нотных текстов для издания «Музыкальной грамматики».

2. Смоленский имеет в виду опыт чтения лекций в университете. В Дневнике 7 в записи от 1 октября (открытие училища, на котором молебен был отслужен о. Михаилом Лисицыным) читаем:

Открытие Регентского Училища видимо подбодрило меня, окрылило мою душу, вновь подняло стремления посадить в сердце людей семена одушевлявших меня мыслей по церковно-певческой части (л. 101).

3. Александр Александрович Копылов (1854—1911), регент, композитор и педагог, служил помощником учителя пения в Придворной капелле с 1883 по 1897.

Волкова — Смоленскому

Петербург, 1 октября [1907]

Добрый Степан Васильевич, поздравляю с радостным днем открытия курсов, мысленно с Вами! Сейчас спешу в церковь, где вынута часть за раба Божья Степана в надежде, что Бог благословит начинаемое им хорошее дело.

В среду буду в Царском, нельзя ли здесь спокойно обо всем побеседовать?¹ Буду со среды на четверг в Петербурге одну ночь, но буду у старушки Софьи Ив. Квитницкой, Литейная, 16, кв. 13, где очень тесно и для разговоров неудобно. *Договорить* там можно бы, но хорошенько все обсудить и столковаться лучше бы заранее здесь. Четверг — единственный мой день в городе. В пятницу надеюсь выехать обратно в Ригу. Сегодня еду на сутки в Гатчину.

Поэтому решаюсь спросить, хотя знаю, как Вы заняты: не порадуете ли приездом сюда в среду 3-го, или к завтраку в 1 ч. дня (из Петербурга в 12 ч.), или поездом, который из Петербурга выходит в 4.30? Тогда можно бы здесь по-

обедать и продолжать свидание на поезде, так как в 8 часов надеюсь собраться в Петербург. Нахожусь здесь у графини Веры Борисовны Перовской в Китайской деревне. Будьте так добры, дайте ответ завтра утром или телеграммой. Или, может быть, по телефону в Гатчину, Женская гимназия, коли добьетесь!

В четверг утром надо мне побывать в Банке и проч. Так бы хотелось еще до этого повидаться с Вами, а то раньше Рождества Христова не собираюсь в эти края. Анне Ильиничне поклон. Бог в помощь!

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 135—136 об.

1. 3 октября Смоленский ездил в Царское Село и нашел Волкову значительно поправившейся после болезни.

Смоленский — Волковой

Петербург, 20 октября 1907

Добрейшая Софья Сергеевна! Наконец-то выбираю свободную минутку, благодаря двум соседним праздникам, и с сущим удовольствием пишу Вам. Конечно, прежде всего об Училище регентском, заканчивающим теперь свой первый организационный месяц, притом же и с самым неожиданным успехом. Теперь в Училище уже за 30 учеников и учениц, ожидается на днях еще поступление новых. Такое увеличение Училища прежде всего свидетельствует о пошедшей доброй репутации, о доверии, затем свидетельствует и о возможности провести этот год, пожалуй, и без особенного убытка. Бывшие опасения оказались несостоятельными, теперь рассеялись совершенно, и труд мой, так же как и товарищей моих, стал совсем спокойным и бодрым.

За некоторыми исключениями подобрался комплект учеников очень хороших, умных и старательных, но, к несчастью, подготовленных очень плохо, особенно же из числа бывших учеников Придворной Капеллы. Что они там делали, как и чему их учили — и представить трудно. Есть у нас и 4 ученицы, взрослые, все регентши — очень милые, но знающие более чем мало. Одна из них, например, впервые услышала у нас, что есть на свете теноровый ключ... а между тем регентша! Зато прилежание — совершенно примерное, а облагораживающее влияние на Училище сказалось в первые же дни появления учениц.

Посылаю Вам проект плана организации при Училище Общедоступных Хоровых классов. Организация эта, хотя и сочинена мною, оказывается однако, по замечаниям товарищей, довольно слабою в том смысле, что Классы мало связаны с Регентским Училищем и в один прекрасный день могут разом пойти в полном составе на все четыре стороны. Прошу Вас подумать о них, и если что найдете и заметите — скажите пожалуйста. Дело это к тому же и довольно

спешное. Классы эти доверены опытному художнику-регенту А. А. Копылову, квартеты которого Вы слышали у Мекленбургского.

Видел я и С. Д. Шереметева, бывшего здесь гораздо менее предположенного и внезапно почему-то уехавшего в Москву. Он чем-то крепко встревожен. Очень нервен и, очевидно, рвет свои связи с великими мира сего, негодуя на направление свыше. Мы говорили между прочим (а я успел видеть его только один раз) и о возможности перенести часть моей регентско-учредительной деятельности в Москву, где можно будто бы основать второе Регентское Училище. Но — «улита едет — когда-то будет», буду ждать распаханной почвы, так как «учреждать», сидя за 600 верст, для меня пока просто невозможно. Я твердо решил ни в каком случае не запускать свои научные работы и возобновлю их в прежней силе сейчас же, как только почувствуется, что Регентское Училище уже вышло на рельсы и зажило хорошою деятельностью.

Но эти строки не означают, чтобы археология была прервана в текущую пору, — она идет по-прежнему, только в несколько меньших размерах в некоторые дни. Я даже и не могу представить себе день без милой сердцу старины. Правда, Регентское Училище на первых своих неделях отнимает времени и сил очень немало, есть и волнения, были и тревоги — но правда и то, что уже ушли мои учительские годы и мои силы более склонны к руководству, к организации, чем к даванию уроков, объяснениям азов всякого рода. Меня гораздо более привлекают содержательные работы с отдаленными целями, чем прямые следствия только что объясненных истин, вроде существования тенорового ключа.

Очень хотелось бы мне и Анюте слышать о Вас и добрейшей Марии Сергеевне добрые, вполне хорошие вести. Прошу Вас принять от нас обоим вам обоим наши приветы и самые сердечные пожелания. Кланяюсь и монашенкам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 113—114. На бланке «Регентское училище и хоровые классы Ст. В. Смоленского. СПб.»

Смоленский — Волковой

Петербург, 12 января 1908

Добрейшая Софья Сергеевна! «Перво-наперво» (как выражаются в Казани) от всей души и от всего сердца приветствую Вас с Новым Годом, посылая Вам самые искренние, самые добрые пожелания. Вместе с Анютой желаю Вам самого лучшего здоровья, самых живых душевных радостей, желаю провести предстоящий високос гораздо лучше злополучного 1907-го. Прошу также передать от меня и Анюты такие же теплые приветы Марии Сергеевне. На «Ксенофонта и Марию» я

рискну написать ей, адресуя к Ливен, на Страстном, но туда ли пишу — к стыду своему — совсем не знаю.

А «на второе» — думаю о славной Вашей подруге-имениннице, матери Татьяне, которой также шлетя братский, уважительный привет и поклон, с просьбою помянуть в молитве, при случае, и меня.

«Напоследок» не скрою от Вас моего сердечного о Вас волнения и томления: я почему-то чувствую, что Вы не крепнете здоровьем, что Вы что-то собираетесь сделать и сами много волнуетесь, что в Вас и около Вас собирается что-то решительное. В чем состоит это «что-то» — ясно себе не представляю, но почему-то глубоко скорблю о Вас, именно сегодня¹.

Не скрою от Вас и другой моей скорби, граничащей также с мало-сознаваемым пока предвидением в будущем юного «Регентского Училища». Насколько мне понятны исторические движения церковной истории, настолько я с великою тревогою предвижу сильные замешательства в скором времени по части разногласия Св. Синода со множеством канонических установлений — со множеством осложнений у того же Синода с правительством (когда последнему будут ненадобны неумело-грубые услуги Синода), со множеством новых тенденций, протестующих против деятельности Синода и неслыханно несправедливых его жестокостей. Полагаю вообще, что время сильных замешательств нашей церковной жизни очень близко и Синод сам уронит свой дом, оттолкнув от себя население.

К чему же тогда «Регентское Училище»? Не касаясь внутреннего, идейно-догматического содержания, размышляю я о существовании идейно-художественной моей службы в Регентском Училище как русском церковно-педагогическом институте. Вне сомнений для меня то, что испытанное мною только что полное невнимание Синода, полное равнодушие его к моим речам (лично высказанным двум митрополитам² и нескольким архиереям) не может не повториться в будущем. Синод не понимает теперь, не хочет понять и не захочет в будущем уразуметь что-либо из предстоящей простой, но высоко-надобной работы учеников Регентского Училища. Но как мне быть тогда, когда, за соблюдением внешней корректности и формалистики, я почувствую особую надобность сеяния мною того, что и сейчас называется «плеведами» в устах моих критиков-святителей? Как мне быть тогда, когда при той же корректной формалистике я почувствую, что школою общемузикальных курсов я воспитываю именно тех волков, которые расхитят моих же овец? Как плыть между невежеством и предательством?

Глубокое одиночество, создавшееся отторжением меня Синодом, светскою властью, музыкальным мирком и даже и церковно-певческим, стало вполне удручать мои стареющие силы, даже и душевные. Я давно, с возможным беспристрастием, продумал наедине и проверил на уважаемых друзьях мои научно-художественные и педагогические мысли — я остался только с уменьшившимся числом умных, серьезных друзей.

Но кроме этой интимно-душевной стороны ведь еще есть внешне-официальные обязательства, где неминуемо придется, пожалуй, кривить душою. Но во имя чего? Ради чего, при несомненно предстоящем насилии от невежества и использовании моих сил предательством?

Простите это письмо! может быть, оно покажется Вам совершенно нелепым, — но таков уже выдался денек хандрящий.

Будьте здоровы, будьте веселее меня, бодрее и уповательнее.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 116—117 об.

1. В первых двух абзацах письма передаются поздравления с именинами Марии Сергеевны Волковой и инокине Татьяне; по-видимому, Смоленский предполагает также, что Софья Сергеевна готовится принять монашество. Случилось это или нет — точно сказать невозможно. Во всяком случае, подобная тема в переписке более не поднимается.

Однако можно заметить, что та же мысль выражалась Смоленским несколькими годами ранее, причем тоже в «скорбной» интонации. Так, он писал С. А. Рачинскому 12 февраля 1902:

...Я вижу в эту зиму чаще прежнего с С. С. Волковой и начинаю уже увлекаться чистотою ее души и ее кротким умом. Как жалко, что не нашла она себе дельного мужа, оставшись при всех своих достоинствах без счастья в любви и без радостей в детях. Что-то сдается мне, что будет из нее какая-либо мать Соломония или игуменья Сосипатра, — а это было бы очень жалко!

(РНБ, ф. 630, № 124, л. 111—111 об.)

2. Один из «двух митрополитов» — митрополит Петербургский Антоний (Вадковский), с которым Смоленский встречался 5 июля для получения разрешения на открытие Регентского училища (он охарактеризован в Дневнике как «сухарь»); вторым митрополитом мог быть митрополит Московский Владимир (Богоявленский). Кроме того, Смоленский встречался в это время с очень влиятельным епископом Антонием (Храповицким), который многими тогда мыслился как «будущий патриарх» и который при встрече удивил Смоленского «черносотенными взглядами» и равнодушием к проблемам церковного пения. Впрочем, вполне возможно, что Степан Васильевич был в этом случае далеко не объективен, а высокие церковные иерархи заняты совсем другими вопросами.

Волкова — Смоленскому

Рига, 27 января — 1 февраля 1908

Дорогой Степан Васильевич, как обрадовалась я Вашему почерку, так покачиваю головой над содержанием письма Вашего. Хотелось бы ответить на

него «по душе», и потому откладывала со дня на день, будучи до сегодня то занятой, то утомленной. Спасибо за добрые пожелания, спасибо и за дружеское беспокойство. Только что я дочла Ваше письмо, как взошла мать Татьяна, — Ваши приветы были переданы ей тотчас, а также и все письмо Ваше, дабы она знала, если помянет Вас на молитве, о сердечном Вашем смущении и тоске.

Сестра в Москве; не извиняюсь, что не послала Вам ее адреса до 26-го (Пречистенка, Малый Левшинский пер., д. Немчинова): письмо, адресованное кн[язне] Ливен, дойдет по назначению. Письма сестры, слава Богу, очень бодрые и хорошие.

Теперь моя очередь лечиться, и стараюсь добросовестно исполнить это. С 1 декабря прибавила в весе фунтов на 10-ть — о чем упоминаю потому, что современная медицина придает этому значение при худобе и нервности. Прошлый раз, когда писала Вам, я не то что умышленно скрыла, а не успела поместить на маленьком письме (с отрывными краями), что я с 24 ноября сдала себя в лечебницу. Думала пробыть здесь недель шесть, но и сейчас еще пишу из лечебницы д-ра Соколовского, в Торенсберге под Ригой. Впрочем, вернее адрес Николаевская, 13, куда надеюсь скоро вернуться, еще до поездки в Москву ко 2 марта¹. У Соколовского очень хорошо, это *Nervenheilanstalt* [санаторий для нервнобольных], похожая на светлую заграничную гостиницу в горах или на берегу моря. 45 номеров, русские и немцы, довольно много музыкантов, так что фортепьяно не успевает отдыхать от пациентов, между которыми часы для игры распределены по очереди. Я здесь опять втянулась в музыку. Приходилось аккомпанировать пению и скрипке на музыкальных вечерах для больных; причем доктора сами радовались и наслаждались. Праздники я провела здесь же. Думаю, что Вы похвалите за выдержку, но странно то, что именно 12-го я волновалась, не зная, не лучше ли сделаю, вернувшись на Николаевскую, хотя против докторского совета. Однажды С. А. Рачинский писал мне по поводу такой же телепатии и при обстоятельстве, казалось бы, столь же маловажном. Что тут кроется? Да и знаем ли мы, какие решения, с виду малозначительные, всего глубже отзываются на внутренней нашей жизни? Разгадка таких явлений нам недоступна.

Однако такие ощущения, как Ваше, чуть ли не чаще бывают при нездоровье, некоторой нервности или даже развинченности, и вот это приводит нас к вопросу о Вашем унынии среди Вашей деятельности. Как непохоже Ваше январское письмо на Ваше сентябрьское, полное бодрости и упования. В чем дело? Ведь и тогда были затруднения, но некоторые из них преодолены. Любопытно мне, насколько общемузыкальная школа необходима при Регентском Училище. «*Musica Domine Dei*» (надпись внутри крышки генделевского клавесина в Кенсингтонском музее), но казалось бы желательным для знатоков церковно-певческого искусства не тратить сил на те ее отрасли, обучение которым доступно во всех светских музыкальных школах. Казалось бы желательным сосредоточиться на узком пути, стремясь достигнуть возможности воспеть Господу песнь новую, крепкое основание для которой заложено предками в родную старину. Как образовать для этого учеников и последователей — вот вопрос. Не кажется ли Вам, что и здесь, как во всей жизни

христианской, важно не столько количественное, сколько качественное? Было бы хоть два, хоть три disciples [ученика] — хоть один, кому бы завещать подсвечник Одоевского². Над чем работает Аллеманов³? Поддерживаете ли, поощряете ли Вы его? Вы скажете, что я заслоняюсь от вопроса о Регентском Училище, но хочется спросить и об этой стороне дела, полной живого интереса.

Как идут лекции в Университете, не намечается ли там будущий труженик? Как и на научном поприще, так и в другой деятельности птенцов Ваших, кто же поддержит молодежь, коли не Вы? Кто направит, наставит, зажжет искру в сердцах? Пусть Синод не понимает — это может помешать огню разгореться пламенем, но может ли это помешать ему теплиться?

Не было ли много примеров, что именно то, что зрело сначала тихо и негласно, непризнанно, может быть, осмеяно современной властью и наукой, оказывалось всего крепче и жизненнее? Как было бы благодатно работать, пробивая дорогу неуклонно, остерегаясь закваски фарисейской, по возможности сторонясь ее, не добиваясь признания, ибо не тщетна ли надежда стовориться, когда говоришь на разных языках? Нельзя ли использовать все это поприще, где самостоятельная работа возможна, не тратя сил на напрасную борьбу с непонимающими — с *не хотящими* понять? Читая Ваше письмо, я говорила матери Татьяне, как хотелось бы, чтобы русское церковно-певческое искусство пошло бы тем же кротким и смиренным путем, как учение Спасителя, Которого оно воспеваает, — трудом постоянным снизу, служением, тихой проповедью, не убеждением властей мирских. Притом имея в сердце упование, что не всегда светильник останется под спудом, что «нести бо тайно, еже не явится»⁴, хотя путь правый бывает вместе с тем и путь крестный.

Мать Татьяна не нашла эти мысли слишком восторженными или неподходящими к делу, а потому и решаюсь поделиться ими.

Если музыкальная школа налажена, не можете ли предоставить заботы о ней другим, а сами отдаться своему настоящему призванию? Ведь Вы мне простите, что говорю по-дружески, откровенно?

В каком теперь виде история церковного пения? Вся ли она написана, требует ли пересмотра? Напишите о ней и о: 1) себе, 2) О.Л.Д.П., 3) Регентском Училище.

Мое письмо залежалось. Пишу сегодня — 1 февраля! Пришлось в этот промежуток написать несколько срочных писем, а кроме того — очень уж занято здесь время лечением! Часа три и больше на воздухе, из них два на «Ziege-halle», и проч. Потом от мороза ко сну клонит и т. д. Дни проходят довольно однообразно и очень быстро.

Хотелось бы поставить Вам несколько вопросов, посоветоваться насчет сборника пьесок (детских, помните?), но прежде подожду еще письма от Вас. Я бы давно и очень бы о Вас беспокоилась, кабы не сообщение в «Новом времени» о реферате 21 декабря⁵.

Простите за плохие чернила, слитые из двух остатков! Очень совестно, что не запаслась вовремя. Кланяюсь Анне Ильиничне. Буду с нетерпением ждать весточки. *Пожалуйста* не унывайте.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 114—118 об.

1. Волкова собиралась в Москву к годовщине смерти матери.

2. Седьмой Дневник Смоленского, начатый 23 февраля 1907, открывается записью о подсвечнике — бронзовом, о четырех свечах, который стоял у В. Ф. Одоевского на музыкальном рабочем столе. Этот подсвечник был завещан Н. М. Потоловым и Одоевским Д. В. Разумовскому в 1866 (в год начала чтения курса истории церковного пения в Московской консерватории), с тем чтобы тот передал его лучшему русскому исследователю древнерусского церковного пения следующего поколения. Перед смертью Разумовский отдал подсвечник С. И. Танееву для передачи вместе со своей консерваторской кафедрой Смоленскому. Степан Васильевич некоторое время колебался, кому передать подсвечник — Металлову или Преображенскому и когда это сделать. 23 февраля 1907 подсвечник был вручен Преображенскому. Около записи в Дневнике имеется «расписка» Преображенского: «Получил. Исполню. А. Преображенский». Подсвечник упомянут также в завещании Смоленского (см. вступительную статью к IV тому).

3. Священник Димитрий Васильевич Аллеманов, один из самых любимых корреспондентов Смоленского, в это время преподавал в Синодальном училище, был там членом Наблюдательного совета.

4. Евангелие от Марка, 4:22.

5. 21 декабря 1907 в заседании ОДДП были оглашены: сообщение Преображенского «О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII века» и сообщение Смоленского «О каталогизации церковных песнопений, оказавшихся в Афонских и Венских греческих певческих рукописях и о дополнительной к ней каталогизации песнопений, оказавшихся в русских певчих древнейших рукописях».

Смоленский — Волковой

Петербург, 6 февраля 1908

Очень, очень благодарю Вас, добрейшая Софья Сергеевна, за последнее письмо Ваше. Благодарю Вас и за то успокоение, которое я получил о Вас в моих за Вас волнениях. Пишу Вам и ответы, в порядке Вашего письма, и самые сердечные приветы и добрые пожелания, мои и Анны Ильиничны, к 7 февраля¹. Только выздоравливайте непременно! Здоровье и «избавитесь от всякия скорби и нужды» — прежде всего и более всего.

1) Относительно «телепатии»: ее трудно, думаю, отрицать, хотя только в последнее время появились некоторые проблески ее научных сближений с флюидными проявлениями. Посмотрите № 5 «Нивы», где есть рисунки к статье

доктора Барадюка². Во всяком случае я душевно рад происшедшему между нами телепатическому общению, так как оно, по-моему, возможно только при живом чувстве, очень тонком, остром, несдерживаемом даже расстояниями. Вот и сейчас предчувствую наше предстоящее свидание в Москве; почти рисую себе церковь, в которой Вы будете приобщаться 1 марта... Попаду ли я в Москву к этому дню — сам не знаю. Увижу ли Вас — также не знаю. Но на всякий случай напишу так: 17 февраля я читаю лекцию в Москве, пробуду там не более двух дней, проеду в родную Казань и на обратном пути предчувствую свидание с Вами³. Чтобы определить Вам меру моего желания повидать Вас, прошу Вас сообщить мне (Воздвиженка, 8) о дне и часе, когда бы 28—29 февраля я мог бы быть у Вас и где именно.

2) О Регентском Училище могу сказать так: с окончанием 1-го полугодия ушло несколько менее серьезных учеников, на зато поступило вновь, из провинции, несколько очень серьезных и толковых. Поэтому атмосфера Училища значительно окрепла и работа пошла гораздо веселее, одушевленнее. Но придуманное было нами средство облегчения бюджета Регентского Училища с помощью Музыкальной Школы — не удалось совершенно. Мы попались на небрежность конторы объявлений, по которой наши объявления в декабрьских газетах оказались только нами оплаченными, а конторою ненапечатанными. Поэтому мысль о разверстке наших расходов по квартире, освещению и прислуге между двумя учреждениями не осуществилась. Мы сделали было 2-ю серию объявлений, но в январе они оказались запоздалыми. Конечно, от такой неудачи Регентское Училище не пропадет, а Музыкальная Школа начнет работать с сентября, но дело в общем их существовании, при совместных классах (например сольфеджио, элементарная теория) могло бы быть экономнее. О том высшем служении русскому певческому делу, про которое я мечтаю, пока не может быть и разговора, так как наши ученики еще не доросли до этих курсов. Курс истории церковного русского пения начнется не ранее осени 1909 г., так же как и курс эстетики; курс методики и курс изучения древних напевов начнем, может быть, с осени этого года, но вероятнее — с января 1909 же. Вы совершенно правы, указав на надобность для этих высших курсов не количества, а качества учеников.

3) Подсвечник кн. Одоевского уже передан мною А. В. Преображенскому, в награду за превосходное его сближение наших нотаций XII века с греческими и за открытие не только прямых нами заимствований напевов от греков, но и за определение многих частных в самостоятельности нашего искусства мелодически и семиографически. А. В. Преображенский после Афона окрылился, воспрянул духом и делается № 1, что меня только глубоко радует. Разумеется, ни Соловьев, ни тем более Ш³ совершенно не в силах понять этого, и, как я ни старался вразумить Николая Феоп[емптов]ича, — третируют Преображенского по-прежнему.

4) Совершенно так же не понимает Аллеманова М[итрополи]т Московский Владимир⁴. Аллеманов почти пропадает в Москве, так как обременен семьей и мно-

жеством всякого «рыцарского труда», то есть вполне бесплатного. Он теперь занят организацией регентского съезда, но нелепый поворот дела в руках Прокурора Степанова, С. Н. Кругликова⁵, нелепости вообще в духовно-административном самодурстве и искании всюду случая искоренения крамолы, — вышибают из колеи всякие, даже и самые простые, безобидно-невинные начинания. За Аллеманова я крепко боюсь, так как он очень горяч и честен, легко попадаетеся на крючки предателей. Мне постоянно приходится отвечать на его отчаянные письма, так как всякие «верные присяге», «православные союзы» и т. п. патриоты ловят его, морят голодом, эксплуатируют, но не дают ему простора для работы.

5) Мои лекции в Петербургском Университете идут по-прежнему при очень небольшом числе слушателей, но идут вполне правильно и высоко-интересно. Два слушателя — добровольные второгодники. Может быть в этих двух сердцах загорятся будущие горячие работающие силы — не знаю пока того. Но, в общем, университетская автономия совершенно переродила к лучшему студенческие занятия, и потому вопли шовинистов и нелепые обобщения свыше (например, вступительная речь Шварца⁶) для меня становятся какими-то изумительными и вполне неуместными загадками и воздействиями не по надлежащему адресу.

6) На Синод я совсем рукой махнул, это странное теперь ведомство перессорилось между своими архиереями и чиновниками, разделилось на несколько партий, интригующих, пишущих друг на друга доносы, пишущих газетные разоблачения, опровержения и т. п. Дела синодские — по части предположенного «собора», по части «Михаила» и «Григория»⁷, особенно же по части духовных семинарий и академий — верх печали, безначалия и бестолкового упорства. Я имел и в эту зиму переговоры с некоторыми духовными лицами — увы! это именно «деревяшки», как называл их К. П. Победоносцев. Самое лучшее прервать с ними всякое общение по делу, ибо ничего они не понимают и не хотят понимать. Ничего не делают и не хотят, даже и не могут сделать. Синод заехал в какую-то безнадежную болотину и, по-видимому, близок к катастрофе от своего чванства и непроходимого упорства. Регентское Училище, слава Богу, пока свободно от соглашения с Синодом, и я решил не связываться с Синодом впредь, даже и ценою большой его помощи, больших посулов, а прямо своими силами, своим трудом утвердить дело. Любви, энергии, самопожертвования у нас для этого, конечно, вполне хватит.

7) На Ваш вопрос: в каком теперь виде «история церковного пения?» отвечу так: А. В. Преображенский имел неосторожность не далее минувшего лета 1907 напечатать «Краткий очерк истории церковного пения в России», а теперь нельзя без смеха читать то, что писалось серьезно и совместными силами год тому назад. Поэтому целая $\frac{1}{4}$ книги моей подлежит уничтожению и написанию вновь — то есть период от крещения Руси до Владимирского собора 1274 года и первая пора после этого собора. Афон перевернул все силою своей неопровержимой, документальной правды. Поэтому совсем в новом свете обрисовываются теперь и 2-й и 3-й периоды нашего русского собственно искусства. Разумеется,

наша совместная работа идет без остановки, но Регентское Училище для нас становится не ожидавшейся новостью.

8) Общество Любителей Древней Письменности — по-прежнему, но в нем (почему-то) перестал бывать Н. П. Кондаков⁸ и почему-то стали читаться невообразимо-учено-скучнейшие сообщения.

9) Относительно сборника детских песен я никаких новостей не имею.

10) Моя лекция в Москве есть распространение и повторение реферата 21 декабря «о 3-голосных кантах», которые я ставлю в прямую связь с нынешним обиходным пением «простого напева». Не помню, писал ли я Вам, что С. Д. Шереметев предложил мне повторить московскую лекцию (и 21 декабря) в его зале, за плату в пользу учеников Регентского Училища. Но С. Д. только что возвратился, опоздав из-за московских выборов и пресловутого адреса⁸. Я еще не виделся с ним, и как мы уладимся — сказать трудно. Пишу об этом потому, что возникли и другие вопросы, лично меня касающиеся. Например, мне, вероятно, придется уехать с квартиры, так как дом, по-видимому, предположено перестроить для переезда в него многосемейного Дмитрия Сергеевича.

11) Я вообще — далеко не унываю, работаю хорошо и много, но все чаще приходят менее энергичные рабочие дни. Ведь мне уже скоро 60! Тем не менее все еще очень бодрюсь, если бы политические горизонты не поражали мой ум удивительным повторением переживаемой поры с бывшими подробностями истории Франции [18]20-х годов, равно и неудержимым напором исполняющихся предсказаний некоторых марксистов. Смотрю на будущее России чрезвычайно мрачно извне и еще того хуже изнутри. Не отчаиваюсь в добром гении России, но торжество его, по-видимому, будет оплачено безрассудно дорогой ценою и очень надолго-памятным разорением и одичанием. Не сомневаюсь и в милости Божией к России, но сами мы безумно отталкиваем пока ее благодать нашею некультурностью и немиролюбивым самомнением и самоуверенностью.

Никогда не думал я о наличии такой массы недостойного в Руси, как думаю с горестью о том теперь. Любя родину всею силою моего существования, негодую всеми силами своими за переживаемое, где перепутывается решительно все, всякая ложь, всякое хищение, всякое зло, всякое братоненавидение и всякая корысть. Впрочем, в возбуждении духа люди вполне порядочные, стоящие у власти, как и подчиненные, легко теряют равновесие духа и ту широкую терпимость, при которых только и возможно кроткое служение правде и свету. Болезненность нынешних пересолов для меня несомненна, но меня огорчает в них не только расплата в текущей поре, но и отклики пересолов в далеком будущем. Однако — «вскую»?⁹ Тем не менее не теряю надежды на производительность своего труда, спасаемого умышленным его направлением в сторону спокойной, уединенной работы, вне столкновений и с властями, и с подчиненной толпой. Такова дорога и Регентского Училища и всяких каталогизаций, всяких «историй церковного пения».

Матери Татьяне кланяюсь. Вас с 7 февраля еще раз приветствую.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 118–121

1. Смоленский поздравляет Волкову с днем рождения.

2. Упомянутая статья была опубликована в журнале «Нива», 1908, № 5 (С. 89–91): в ней рассказывалось об опытах французского врача Ипполита Барадюка по фиксации «флюидов», или «токов» организма на фотопленке.

3. 17 февраля 1908 Смоленский читал лекцию в новой аудитории московского Политехнического музея, с участием для иллюстрации синодальных певчих под управлением Н. М. Данилина; лекция прошла успешно, но слушателей собралось очень мало, следовательно и сбор в пользу Регентского училища был невелик.

4. По воспоминаниям дочери Аллеманова Надежды Дмитриевны, митрополит Владимир говорил ее отцу: «Какой ты священник, у тебя и волос-то нет». О. Димитрий очень обижался на такое отношение.

5. Имеются в виду директор Синодального училища С. Н. Кругликов и прокурор Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанов. В итоге I Регентский съезд благополучно состоялся (см. дальнейшие письма).

6. Шварц Александр Николаевич — новоназначенный министр народного просвещения.

7. Имеются в виду священник Григорий Петров и епископ Михаил (Семенов), о которых много говорили в то время.

О первом, избранном депутатом Думы, в воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) сказано:

Он находился под епитимьей в Черемнецком монастыре (Петербургской губернии), куда паломничали его многочисленные поклонники и поклонницы: светские дамы, студенты, курсистки... Обер-прокурора засыпали запросами, просьбами о его освобождении, и под давлением влиятельного заступничества его из монастыря освободили. <...> Не лишенный дара воздействия на толпу, он умел говорить с интеллигенцией и собирал на свои лекции весь Петербург. Внешнее красноречие, деланный, искусственный пафос и демагогический тон его докладов не претили неразборчивому вкусу аудитории — наоборот, они-то и создали ему популярность (Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 166).

Смоленский тоже проявлял интерес к феномену популярности о. Григория Петрова: в Дневник вклеены как печатные материалы Петрова, так и вырезки из газет, посвященные его деятельности.

Епископ Михаил (Павел Васильевич Семенов), блестяще закончивший Петербургскую духовную академию, известный церковный публицист, поразил всех своим переходом в старообрядчество белокриницкого согласия с возведением в епископский сан (в октябре

1907); до этого он активно выступал против антиканонических начал в управлении синодальной церковью, за что был отправлен в Задонский монастырь.

7. Кондаков Никодим Павлович (1844—1925) — крупнейший историк древнерусского и византийского искусства, академик; член ОДП.

8. В феврале 1908 в Москве состоялись выборы губернского предводителя дворянства; им стал А. Д. Самарин. С. Д. Шереметев отказался баллотироваться. Что касается адреса, то на Московском губернском дворянском собрании 31 января был принят «всеподданнейший адрес», но кадетская дворянская группа во главе с князем Е. Н. Трубецким выступила по этому поводу с «особым мнением», а еще одна дворянская группа отказалась адрес подписывать.

9. Цитата из пс. 2: «Вскую шаташася языцы...»

Смоленский — Волковой

Петербург, 24 марта 1908

Добрейшая Софья Сергеевна! Хотя я и помянул не один раз Вас третьего дня, в день принятия Св. Таин, хотя я и приветствовал Вас мысленно, — но не нашел свободной минутки написать Вам, в чем и извиняюсь как нарушивший данное обещание. Но мне хотелось отложить письмо именно до сегодня, чтобы сообщить Вам о чтении тех же «кантов и псалмов», что было и в Москве, а на этот раз состоялось в зале у графа Сергея Дмитриевича. Устройство этого чтения взяли на себя он и Александра Николаевна Нарышкина. Они освободили меня от всяких хлопот и предварительных расходов, предоставив мне лишь подготовку хора и чтение самой лекции. Вчера вечером это чтение состоялось при значительном числе публики, притом же и самой отборной, приведшей меня сначала в большое смущение. Здесь были три Митрополита, два Архиепископа, Обер-прокурор Извольский, немалое число деятелей из Государственного Совета, а главное — много, очень много дам. А я-то перед ними — со своими кантами!.. Но скоро мое смущение миновало, и лекция прошла вся совершенно благополучно¹, даже в такой степени, что последовало приглашение прочесть еще либо в виде повторения, либо на другой сюжет по моему выбору. На чтении была Елизавета Владимировна Сабурова, но я не успел переговорить с нею.

Возвратившись сюда, я захватил с собою ту тетрадь, которую Вы снабдили примечаниями². Последствием их была переделка некоторых частей моей лекции и поправки всех замеченных Вами подробностей. Изменено сообразно им несколько и заключение лекции. Эти перемены вновь и с глубокою благодарностью к Вам убедили меня, как полезно иметь цензора, одновременно доброго и неумолимого.

Та тревога, о которой я писал Вам перед самым отъездом из Москвы, оказалась основательною. Мне действительно придется расстаться с квартирою, так как дом вскоре подлежит перестройке для переезда в него многосемейного Дмитрия Сергеевича. Поэтому Анюта теперь каждый день ищет квартиру, а когда и какую найдет — пока и сказать трудно. Еще труднее подумать, как

я уберусь при нынешней дороговизне на новой квартире, так как и я, и Анна Ильинична не можем представить себе пока житье в захолустье и в маленькой келье. Но впрочем о том еще речь впереди.

Тороплюсь кончить, чтобы попало письмо к сегодняшнему поезду. Будьте здоровы и благодушны. Мой и Анюты Вам поклон и привет. Матери Татьяне сердечно шлю метание.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

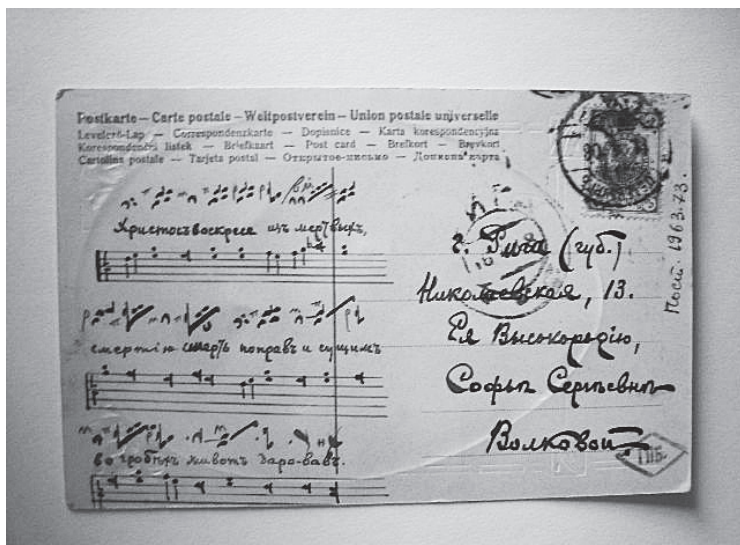
РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 122—123

1. Эта лекция в пользу Регентского училища дала чистой выручки 460 рублей. «Три митрополита» — Антоний (Петербургский), Флавиан (Киевский), Владимир (Московский), в Дневнике 8 упомянуты также архиепископы Тверской Николай (Зиоров), Томский Макарий (Невский).

2. 2 марта, во время своего пребывания в Москве, Смоленский дал текст лекции о кантах и псалмах на один день Волковой для «редактуры».

Смоленский — Волковой

Петербург, 11 апреля 1908

Смоленский — Волковой

Петербург, 6 мая 1908

Добрейшая Софья Сергеевна! Наконец пришли деньки, когда я стал по-свободнее и когда я могу сколько-нибудь принадлежать себе. Кратко сказать: занятия в Регентском Училище закончились и наступила вакация до 31 августа, когда начнется 2-й учебный год. Без сомнения, этот год будет отличаться от минувшего многим, так как опыт уяснил также многое в стороны «да» и «нет», сбывшихся и несбывшихся начинаний, мечтаний, увлечений и проч. Во всяком случае опыт минувшего года выяснил прочные надежды на продолжение дела и серьезную работу всех учеников и учителей, дружную, семейную атмосферу и отличное, деловое, спокойное общение между собою. В течение зимы у нас не было ни одного недоразумения, даже какой-либо шероховатости; в заключение произведенных переводно-поверочных испытаний к нам не поступило ни одного желания получить аттестат, но все заявили о желании учиться далее.

На меня лично вся сумма впечатлений законченного теперь 1-го учебного года в Регентском Училище производит вполне ободряющее действие, успокоительное и возбуждающее. Это значит, что я чувствую себя теперь более спокойным при мысли о продолжении Регентского Училища и более энергичным в определившихся уже предположениях. Большую службу, по-видимому, сослужит бывшая лекция в зале Сергия Дмитриевича; но будущее обрисовывается совсем с неожиданной стороны: я думал хоть как-нибудь заставить святых отцов сдвинуться с места и помочь Регентскому Училищу, — но без успеха! Теперь оказывается, что я гораздо более расположил в свою сторону А. С. Танева. Что выйдет из предстоящего с ним сношения — пока сказать трудно, но Сергей Дмитриевич настаивает тут, вместе с А. Н. Нарышкиною, очень энергично, да и сам А. С. Танев идет навстречу охотно¹.

Теперь, после многолетнего перерыва в моей преподавательской деятельности, чувствую силу минувшего напряжения и учитываю свои силы для размера работы на будущий год. Увы, приходится сознаться, что мои силы физические идут на убыль, особенно по части выносливости в труде. Я могу еще дать два урока, но кончаю 2-й час с большим усилием, 3-й же урок, сейчас же после двух бывших, для меня уже совсем недопустим! Назад тому 10—12 лет — были совсем другими мои силы, теперь же возникает вопрос о сбережении остатков.

Этим летом буду работать над курсом своих лекций. А. В. Преображенский приобрел фотографическую призму и какую-то особенную кассету, с помощью которых фотографический снимок, делаемый прямо на бумагу для оттисков, удешевляется до 5—6 копеек за [формат] 13×18 за каждый экземпляр. Поэтому вскоре у меня будут на столе снимки здешних рукописей — и, следовательно, работа двинется с места в самых трудных параграфах — то есть от-

ношения нашего к грекам и развития нашего раздельноречия. Теперь я усиленно корректирую «Мусикию», которой печатание затянулось до неприличия. Эта работа — сущая каторга по своей механичности и крайней кропотливости, но и ведь и ей скоро же будет конец.

Между делом я вдруг ударился в композицию и написал музыку к великому прокимну «Кто Бог велий». Если, когда прослушаю ее у Митрополичьего хора (г. Тернов) окажется что-либо путное — пришлю Вам². Новостей иных пока не имею.

Очень бы желал слышать добрые вести о Вашем здоровье; мы стали переписываться редко, но это не умаляет частых моих мыслей о Вас и обдумывания того отчета в занятиях, который был мною Вам обещан накрепко.

Анюта сердечно приветствует Вас и шлет ее самые лучшие Вам пожелания.

Мой привет матери Татьяне.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 124—125

1. Танеев Александр Сергеевич (1850—1918) — обер-гофмейстер, управляющий собственной его императорского величества канцелярией (1896—1917), композитор-любитель (в том числе автор духовных произведений); родственник С. И. Танеева. Его участие в судьбе Регентского училища, возможно, выразилось в получении училищем разовой субсидии от императора (см. в переписке с Шереметевым).

2. Прокимен «Кто Бог велий» (великий прокимен на Рождество Христово, Пасху и Троицын день) для 4-голосного смешанного хора был издан приложением к № 1 за 1909 нового журнала «Хоровое и регентское дело».

Волкова — Смоленскому

Рига, 8 мая 1908

Добрый Степан Васильевич,

спешу ответить на письмо, которому очень рада. Я еще не благодарила Вас за диковинную пасхальную карточку, которая лежит передо мной, подраживая иероглифами.

Сердечно радуюсь добрым вестям о первом учебном годе. Дай Бог преуспения училищу. Не могу скорбеть о том, что Вы не будете давать трех уроков сряду, — берегите силы для иных трудов и за лето постарайтесь их накопить побольше! Где Вы проведете лето? Нашли ли квартиру? Я не собираюсь пока отлучаться из здешних краев и вижу из Вашего письма, что и будь я в Ораниенбауме, еще не пришлось бы познакомиться с первой частью лекций.

Мать Татьяна говорит, что она так и не получила от Вас обещанной статьи о колокольном звоне. Припоминаю, что когда я собиралась ей выслать свой экземпляр, Вы изъявили готовность послать ей другой в собственное ее владение. Адрес: матери казначее Татьяне, Суворовская, 126, Троице-Сергиев монастырь.

На прошлой неделе я провела с матерью Татьяной три дня в пустыне под Митавой. Завтра там собираются освящать новую, домовую церковь. Будем ожидать «Прокимна». Слово «композиция» наводит на мысль о сочинении *свободном* — так ли? Однако для современного русского церковного пения чуть ли не самой прекрасной «песней новою» являются просто многоголосные простые переложения песней древних — но ведь это простота вроде круга, который один Джотто сумел нарисовать.

Неужели Ваша лекция отчасти обратила А. С. Танеева «в Вашу веру», как говорил Ильминский. Это было бы большой радостью. Но будьте с А. С. осторожным! Помните его слова: «Народ сочиняет неграмотно»? На Танееве чиновничья броня замыкалась преемственно и потомственно в течение нескольких поколений. Это не то, что С. Д. Шереметев. Впрочем, от души желаю Вам идти на приступ в час добрый. Имела случай убедиться из личного опыта, что Танеев бывает очень мил и даже предупредителен. Как бы приятно, если бы удалось, ничем не связываясь, получить его содействие для училища.

А у меня к вам две просьбы. Кстати — получили ли Вы мое поздравление к Пасхе? А там я снова приставала к Вам с просьбой о присылке Польки из Воспоминаний¹. Простите. Очень бы хотелось поскорее получить ее.

Еще просьба: или поскорее сообщить мне название сборника детских песен, Вами рекомендованного, или, еще бы лучше, быть столь любезным и попросить Юргенсона выслать мне его наложенным платежом. Кажется, Чертковой?² Однако смущает меня одно, при всем желании следовать Вашему совету и попользоваться им: если Юргенсон не разрешит позаимствовать что-либо из этого сборника, хотя бы мелодии с другим аккомпанементом, — то ведь только по усам потечет³. Адрес пока самый верный Николаевская, 13. Вероятно, вскоре покину лечебницу, хотя едва ли прежде 18-го, и свезу мебель с квартиры. Скучная возня. На лето взяла в Ассерне прошлогодние комнатки в пансионе Неандер.

Итак, сие письмо содержит три просьбы: 1) присылку матери Татьяне, 2) присылку мне, 3) повторный совет, а может быть, и содействие относительно юргенсоновского сборника. Вам и Анне Ильиничне желаю доброго здоровья. Пожалуйста, берегите силы и будьте бодры, многим на радость.

С. Волкова.

1. Полька из Воспоминаний — см. предисловие Волковой к Воспоминаниям Смоленского в Приложении к разделу.

2. У известной собирательницы фольклора А. К. Чертковой в издательстве Юргенсона вышло несколько детских песенных сборников (для разных возрастов). По-видимому имеется в виду сборник «Мелодии. Вып. 1. Песни детства (для детей младшего возраста)» (1908).

3. В результате Волкова отобрала 25 песен для младшего возраста из выпущенных ранее издательствами П. Юргенсона и И. Юргенсона детских песенных сборников. Помимо составления Волкова выступила и как редактор. Сборник любимых детских песен под названием «Серенький козлик» был выпущен в виде подарочного альбома для пения с фортепиано с рисунками в красках художника Г. Д. Юма книгоиздательской фирмой А. Ф. Девриена в 1910. В конце сборника помещена полька «Анна», записанная Смоленским.

Смоленский — Волковой

Петербург, 8-я Рождественская, № 25, 9 июня 1908

Добрейшая Софья Сергеевна! Не подумайте плохо обо мне, хотя бы потому, что давно не писал Вам! Совсем напротив: чаще прежнего, даже чаще бывшего в Капелле, тянуло меня писать Вам — но не было, решительно не было возможности выбрать свободный часок для мысленной беседы с Вами и для более подробного письма. И теперь напишу только кратко. Скоро буду посвободнее — тогда и подробнее.

Из нового моего адреса Вы можете заключить, что за передрагу терплю я теперь уже 5-й день. Вы испытали сами ту сутолоку, когда книги лежат на полу, лампы стоят на окнах, ковер лежит на столе, картины на стульях или на буфете и т. д. Скоро, еще 3—4 дня, я перестану вколачивать гвозди, расставлять кучи моих нот и книг, искать свои очки.

Но есть у меня и более приятные для Вас сообщения. Вспомните, как года три назад, еще на Надеждинской, я сообщил Вам о несомненном более крюковом контрапункте XVI века, к сожалению, тогда еще не читавшемся? Теперь я могу сообщить Вам по этому предмету еще следующее. В феврале я был в Казани и поприсяжился там 3-голосным демественным Обиходом, из которого давным-давно у меня было слитографировано 2 номера. Теперь это я сделал потому, что здесь в Императорской Публичной Библиотеке нашелся 3-голосный же, но нотный Обиход, сходство которого с казанским мне показалось вероятным. Коротко сказать затем — я списал последний почти весь и, штудируя несомненное *русское изобретение*, поверив свои нотные выкладки с помощью вполне знающих контрапунктистов, имею право написать Вам: да, целая школа русского контрапунктического крюкового письма теперь несомненно найдена. Это только 2-голосный контрапункт, то есть путь верхний к знаменному *cantus*

firmus, путь нижний к нему же и, наконец, взаимное контрапунктирование верхнего и нижнего голосов вне (пока, как думаю) cantus firmus. То есть:

Верхний путь					
Cantus firmus	Знаменный распев				
Нижний путь					

Вся трудность, ныне разгаданная уже во множестве случаев, состояла в установлении порядка мутаций прежних транспозиционных ключей. Я сидел над этою мудростью два месяца, я еще не кончил ее хитростей, но радостью разгадки делюсь с Вами, зная и Ваше по сему удовольствие¹.

Другая новость у меня так же хороша, хотя так же незаконченна; мне высказано однако же положительное обещание исполнить сказанное. Дело в том, что Александра Николаевна Нарышкина и граф Сергей Дмитриевич решили назад тому с месяц приналечь на П. П. Извольского, чтобы получить из Синода постоянную субсидию Регентскому Училищу. Извольский, сверх всякого ожидания, охотно пошел навстречу и обещал устроить это дело. Я был у него 19 мая и сговорился о тексте докладной по сему записки, которую и подал ему в тот же день². Этими днями П. П. возвратится в Петербург, и я буду ждать себе «решения».

Очень бы хотел слышать Ваши хорошие сообщения о своем здоровье. О музыке «танцующих матерей» не забыто³, но, простите, до зарезу некогда.

Анюта кланяется.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 126—127

1. Новый этап работы Смоленского над «разгадкой» древнерусского многоголосия остался незавершенным; он не отражен ни в одной его законченной работе. В Дневнике 8, в записи от 2 июня 1908 читаем:

Меня интересует теперь, кроме разгадок, так сказать, катехизиса этого оригинального искусства, еще и его мелодический состав, в котором я, несмотря на крики, пока не улавливаю ничего похожего на подголоски именно русские; подражаний — «имитаций» — множество; проявлений цветистого контрапункта — также. Целые строки двухголосные звучат отлично до первой «свиньи», разбивающей прочитанное благозвучие и заставляющей искать, придумывать, остроумничать, тогда как именно требуется неумолимая простота (л. 223).

2. О встрече Смоленского с обер-прокурором Св. Синода П. П. Извольским и получении субсидии для Регентского училища см. в переписке с Шереметевым и в Приложении к первой книге.

3. «Танцующие матери» — эпизод из II главы Воспоминаний Смоленского, который особенно нравился Волковой; в одном из писем лета 1902 она просила о развитии этого и подобных ему фрагментов мемуаров. О том, как Смоленский записал польку для сборника Волковой, рассказывается в ее вступлении к Воспоминаниям Смоленского (см. в Приложении к разделу); та же полька и другие танцы были записаны и вклеены в рукопись Воспоминаний (воспроизведены в IV томе РДМ).

Смоленский — Волковой

Петербург, 13 июня 1908

За Ваше хорошее письмо сердечно благодарю Вас, добрейшая Софья Сергеевна, но наши письма написались в один, кажется, день и потому уже несколько дней должно лежать мое к Вам письмо на Николаевской, 13. Я очертил Вам кратко мои новости, все время волновавшие меня и отнимавшие весь мой досуг, ныне отходящий лишь только на сон или хоть какой-нибудь отдых. Я никуда не отлучался. Думал было съездить на регентский съезд 17—21 июня в Москве, да и то передумываю теперь ради крюковых контрапунктов, захвативших теперь все мое внимание¹.

Повторю Вам, что ни песни, ни полька мною для Вас не забыты, но мне было до невозможности хлопотно и недосужно во все это время. Вы пишете однако о песнях Чертковой — так ли? Мне что-то помнится, что было похожее, но не такое имя их издательницы у Юргенсона. Пока однако мне об этом справиться негде. Прошу принять мои и жены самые сердечные пожелания Вам и Марии Сергеевне — пожелания доброго здоровья прежде всего. Остальное все приложится.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 129. На открытке с видом Елагина острова.

1. На регентский съезд в Москву Смоленский все же поехал и активно выступал там.

Смоленский — Волковой

Ярославль, 26 июня 1908

Без сомнения, Вы очень удивитесь, добрейшая Софья Сергеевна, получив эти строки из Ярославля. Случилось такое выгодное сочетание надобностей — побывать на регентском съезде в Москве, затем сделать разборку новокупленных рукописей у графа С. Д. Шереметева в Михайловском и, наконец, заглушить

упреки совести по поводу не сдержанного в прошлом году обещания прочитать ряд лекций на учительско-регентском съезде в Ярославле. К этому подбавилась потребность освежиться после контрапунктов и после уборки новоселья. И вот я выехал в Москву, пробыл на съезде 20-е и 21-е, пробыл у С. Д. 22—24-е, 25-го в дороге и по пути у Троицы (где и за Вас была молитва), а 26-го пишу из Ярославля. Пробуду здесь дня 4—5 и опять в Петербург за работу.

Съезд оказался довольно интересным сам по себе, а еще более того — надеждами на будущее, на объединение вследствие обмена мыслями. Меня приняли на съезде совершенно неожиданною овацією, а проводили даже и пением «многая лета»¹. Еще более меня порадовала братская трапеза моих бывших учеников, в разное время кончивших курс в Синодальном училище. Нас собралось 23, и мы провели время чрезвычайно искренно.

У Сергия Дмитриевича оказались покупки после известного П. А. Бессонова (Харьков) очень интересных рукописей, но более всего в области духовных стихов. Одна из них даже правлена известным Александром Мезенцем². За 3 дня работы я успел описать их 8—9 штук, остальные доставят в Петербург.

Говорил я о Вас и Марии Сергеевне с графиней Екатериной Павловной [Шереметевой]. Уполномочен ею приписать здесь обеим вам привет, поклон и добрые пожелания.

Не могу пока ничего сообщить Вам о Ярославле, кроме лишь известия о невообразимо дурной сегодня погоде. Ненастье однако не удержало меня от того, чтобы не сбежать на дорогую Волгу и съесть любимую стерлядку.

Будьте здоровы и благодущны.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 128. На открытке с видом Ярославля

1. Отчет Смоленского о Первом всероссийском регентском съезде помещен в № 1 нового журнала «Хоровое и регентское дело» (1909). На съезде присутствовало около 200 человек. Главная рассматривавшаяся тема — о положении церковного пения в духовных учебных заведениях и в школе вообще.

2. Одна из этих рукописей — с духовным стихом, правленным Александром Мезенцем, находится ныне в собрании Отдела редких изданий и рукописей Научно-музыкальной библиотеки имени С. И. Танеева Московской консерватории. В Дневнике 8 упомянуты как описанные в Михайловском пять рукописей с духовными знаменными стихами (л. 234).

Смоленский — Волковой

Петербург, 31 июля 1908

Дорогая Софья Сергеевна! Отвечаю Вам без промедления, ибо давно уже тянуло меня писать Вам, давно заскучал я без весточки из Ассерна. А сегодня

Анюта, только что возвратившаяся из Казани, спросила, неужели от С. С. не было писем? Как бы в ответ — в ту же минуту звонок швейцара, и Ваше письмо порадовало и меня, и Анну Ильиничну. Наши нечастые теперь письма друг к другу разрежаются и вне наших желаний. Вы, очевидно, не получили ни моего письма из Ярославля, ни из Петербурга, так же как и я не видал еще юноши из Ассерна. Такая разреженность сношений заставляет меня задумываться в минуты всякой хандры и утомления, заставляет перечитывать Ваши последние письма и читать в них между строк то, что объясняло бы замедление в ответах и проч. Следовательно прибытие Вашего письма, «разгоняя тьму искушений», красит тот день, когда читаются новые Ваши строки и успокаиваются нервы. Последние, как видите, вероятно, и из начала этого письма, ходят вне послушания моей воле и вне возможности укротить их бушевание не вовремя. Причиной тому все те же «контрапункты», которые существуют несомненно, которые дразнят мой ум, не находящий самого простого Колумбова яйца для решения меры бывшего русского остроумия. Тяжелая вещь — утомление от усиленных дум над простыми вещами, сознание того, что «ларчик просто открывался», а до того времени бессильное отступление к папироске после каждого неудавшегося наскока на ту или другую подробность в крюковой партитуре. Признаюсь — очень я устал в июльской работе и вероятно скоро брошу контрапункты, чтобы собраться с силами и вновь приняться за эту сущую прелесть.

В Ярославле я прочитал в 6 дней 12 лекций, занявших однако часов 18—20 собственно устного изложения¹. Такое занятие было упоительно хорошо, но оказалось вместе и очень меня утомившим. Я не в силах описать меру самого трогательного внимания, самой восхитительной дисциплины, с которой были прослушаны эти удавшиеся чтения. Я почувствовал в 1-м же чтении те токи взаимных симпатий, которые так бодрят чтеца и помогают ему чувствовать каждую минуту, что именно и как именно надо сказать, как надобно выразиться, чтобы удовлетворить любознательности и восприимчивости слушателей в данную минуту. Огромное удовольствие доставил мне Ярославль в эти 6 дней! В антрактах от занятий я исходил весь город, и без того мне давно знакомый. Это хождение было повторительным курсом русской гончарной поливы, русской фресковой живописи, русской купольной крыши, черепицы и проч. В те же антракты постоянно гляделась родная сердцу Волга. Чтобы охарактеризовать Вам успехи моих чтений, достаточно будет сказать, что на них перекочевал одновременно открывшийся съезд учителей церковно-приходских школ, что в числе слушателей появилось множество ярославских духовных лиц, даже и простых обывателей. Последняя лекция закончилась криками «Спасибо, спасибо» и внезапным: «соль ми до» — «Многая лета»... Последовало и требование к начальству непременно повторить мои лекции и в будущем году — одним словом, успех самый полный.

Но лекции эти утомили меня, хотя и отвлекли временно внимание от заполонивших было меня «контрапунктов». К тому же и много стала торموшить

усилившаяся переписка по части желающих поступить в Регентское Училище. Должно быть, в самом деле для разгадки контрапунктов надо временно отстраниться от них, чтобы зародившиеся мысли могли созреть сами собою в каком-либо пункте какой-либо мозговой извилины и явиться вдруг сознанным просветлением. Вы знаете, что я исповедую возможность скрытой от нас своей умственной работы, так как не раз уже был награжден внезапными откровениями по части даже давно заброшенных мною мыслей. К такому положению прихожу и теперь: просто бросаю усилия по разгадкам порядка мутаций наших ключей — я устал от них, у меня перестали рождаться разнообразие и остроумие подходов к решениям мудрено-простых задач.

Из письма Вашего заключаю, что около Вас и Мария Сергеевна, и мать Татьяна. Радуюсь за Вас, написавшую: «здесь хорошо», забываю свои тревоги о Вас, возникшие из-за неполучения вестей из Ассерна. Господь Вас храни!

Регентское Училище как будто бы налаживается на хорошую дорогу. Она значительно облегчится, если П. П. Извольский исполнит обещание, данное им С. Д. Шереметеву и А. Н. Нарышкиной о субсидии из Синода. Обещают устроить еще с весны, обещают покончить этою осенью, но как уладится это дело — Бог весть. Судя по текущей переписке — доброе имя Регентского Училища начинает распространяться, но отсюда до утверждения дела, конечно, еще очень далеко. Но хорошо и то, что есть пока.

Примите мой поклон и привет Вам, Марии Сергеевне и славной матери. Душевно кланяется и только что прибывшая Анюта.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 130—131. На бланке Регентского училища

1. С 27 июня по 1 июля Смоленский прочел курс, охвативший все эпохи русского церковного пения, от древности до современности. На вечерней лекции 30 июня присутствовали депутаты съезда учителей церковно-приходских школ. Он еще успел подробно осмотреть город и нашел в ярославском Древлехранилище любопытную нотную рукопись для клавикорда, которую потом использовал для одного из сообщений в ОЛДП.

Смоленский — Волковой

Петербург, 8—9 октября 1908

Дорогая Софья Сергеевна! Отвечаю на Вашу «открытку» без промедления¹ и с тем удовольствием, с каким я всегда любил писать Вам. На этот раз я пишу Вам вновь в благодушном настроении духа, так как начинаю понемногу приходить в себя после бывшей сутолоки конца августа, всего сентября и текущего начала октября. Замешались пока две вещи долгосрочные — постановка коллективного памятника Бортнянскому, Турчанинову и Львову, да еще приня-

тые мною и А. А. Архангельским на себя совместные хлопоты по проведению в действие, в жизнь некоторых постановлений Регентского Съезда в Москве². Эти обе долгосрочные работы надобны и полезны для дела вообще и пока отнимают 2 вечера в неделю, но придет же время, когда и они уgomонятся так же, как начинают становиться на рельсы и мои личные дела по Регентскому Училищу, Музыкальной Школе и Общедоступным Хоровым Классам. Теперь имеются уже все признаки появляющихся у меня свободных часов для меня самого, например, я уже начинаю пописывать письма к родным и друзьям подлиннее и почаще, начинаю даже уделять часы и в крюковые погружения, для самоуединения и отдыха при разборе каких-нибудь старых-престарых мудреных страниц, вроде «подобьниц» XII века. Все это значит, что дело налаживаются, заботы ослабевают в своей тревожности за будущее дела, на душе становится легче и глядится вперед все бодрее и бодрее. Одно дело начинает подпирать другое дело, один работник начинает помогать другому, оба знают свои дороги и самое дело уже крепнет в сердцах и умах всех многочисленных его участников. Приходилось быть в корню, в оглоблях, везти все самому — теперь повезли и потянули другие, самому же мне остается править да подбодрять всех к работе.

В таком именно положении начинаю я чувствовать себя только в самые последние дни. Холера выбила было нас из колеи, но мы опять принялись за дело, начинаем поуспокаиваться, следовательно начинаем работать правильнее, без траты сил и времени на всякие волнения и ненадобную беготню и переписку.

Регентское Училище, после полученной уже из Синода субсидии по 1000 рублей на 3 года, несомненно теперь утверждается уже с достаточною прочностью. Еще более прибавилось силы духа после полученной 1000 рублей от А. Н. Нарышкиной, предназначенной ею для вспомоществования беднейшим нашим ученикам. Музыкальная Школа, помещаясь у нас же, имея совместные теоретические классы с Регентским Училищем, разверстывает плату за квартиру, плату за учебные пособия (литографии, рояли, столы, доски и т. п.) на большее число лиц и таким образом понижает процент расхода на каждого ученика из его платы за обучение. Теперь в Музыкальной Школе пока — 8 учеников, а в Регентском Училище — 39. При таком числе учеников без поддержки из Синода и без помощи некоторым отчаянным беднякам-талантам вести дело было бы немислимо. Из платы за обучение мы отдали только за квартиру и инструменты в прошлом году более 60 %, затем мы прибавили своих денег преподавателям посторонним, а сами проработали, отрекаясь от гонорара даже и за предстоящий год. Теперь и учеников больше, и денег больше — дух бодрее, работа веселее.

Но более всего меня радует общедоступный хоровой класс. Он устроился у нас по такому плану: мы даем во вторник и в пятницу урок сольфеджио от 8 ч. вечера и делаем спевку хора от 9 ч. вечера; в четверг в 7 ч. 1-я группа учащихся получает урок элементарной теории; в 8 ч. все участвующие получают урок истории музыки и пения в России; затем уходит домой 1-я группа и со 2-й

группой повторяется тот же урок элементарной теории. С каждого *могущего платить* мы получаем по 10 р., уплачиваемых в 4 срока, по 2 р. 50 к.; объявившие добросовестно о трудности для себя такой уплаты обучаются совсем бесплатно. Таким образом нашлось платящих около 50 человек и бесплатных 70 человек, следовательно весь хор из 120 человек. Мы думаем, что и на эти 500 рублей мы извернемся напечатать надобные партитуры (а мы поем только по партитурам, а не по голосовым партиям), уплатить преподавателям, а помещению у нас для таких занятий — то же Регентское Училище. В начале сентября у нас уже было 3 дня занятий, но затем мы испугались холеры, обострившейся именно в нашей местности. Вчера, 7 октября, мы возобновили наши занятия, и я уже теперь люблюсь нашим будущим хором — молодым, полным любознательности, отличной дисциплины, самоуставившейся силою общей воли, силою взаимного уважения.

Продолжаю 9-го. Преоригинальный вид имеет наш хор любителей. Многие из них уже пели несколько лет в других хорах, пели даже «по нотам», не понимая, что значит голосовой ключ, диез, $\frac{6}{8}$ и т. п. Подобного рода натаскивания в хоровом ансамбле, попугайная выучка встретилась с требованиями ума и с желаниями иметь знания, теоретические и прикладные. Поэтому наши уроки, встреченные сначала с некоторым недоумением, теперь поняты и уставились в своем высоком авторитете. Я не в силах описать Вам меру внимания, с какою выслушиваются эти уроки. Тишина слушателей имеет даже что-то торжественное, улыбки серьезных лиц от удовольствия понимания толкуемого ясно, вполне просто свидетельствуют о глубокой жажде знаний, о давнем художественном голоде, который в свое время пробудила жизнь и не удовлетворила бывшая городская школа, гимназия и т. п. С другой стороны, рабочий состав нашего хора, живущий скудным заработком (швеи, модистки, кассирши, переписчицы, писаря, приказчики, профессиональные певчие, ремесленники, фармацевты, старообрядческие певцы и т. п.), трогательно отдает музыке остаток сил после трудового дня и глубоко ценит то внимание к их запросам, с которым мы пошли навстречу просвещению, сердечно и умело. Мы, учителя, ясно понимаем, как наши слушатели благодарно ловят каждое наше слово, как чувствуют они живость и плодотворность нашего обучения. Отсюда и в них, и в нас зарождается самое простое, самое душевное, дружеское общение, самая крепкая связь в работе, самый крепкий цемент дела. Здесь вся сила веры друг в друга, весь запас терпения и выносливости, весь залог самого честного труда и полного успеха.

Понятно, что наши певцы, как хор, поют еще очень плохо, поют более слуховым способом, чем силою знания. Но и слуховое общение, устанавливаемое теперь опытным регентом Копыловым, дает уже зародыши того ансамбля, который приведет к хорошему звуку. Это пение на слух, которое мы слышим в каждой церкви от неграмотного хора с неграмотным же регентом, я могу объяснить себе только нашу изумительную способностью к хоровому ансамблю.

блю. Блестящим доказательством верности этого объяснения кажутся мне те ежегодные концерты, которые дает так называемый «табун», то есть здешнее Церковно-певческое Общество. Из 500 человек исполнителей едва-едва наберется в петербургских певчих человек 15—20, знающих ноты. Между тем эта масса исполнителей-неучей выучивает не только трудные композиции, большие, очень сложные, но даже и поет их иногда тонко-художественно. Нигде за границей, даже в Sing-Akademie Берлина, даже в Schubertsbund Вены я не слышал такого отличного пения массы, как именно у нас в России. Что же будет, когда эти массы будут со временем правильно и *по-русски* обучены?

Мне нет времени писать еще — сейчас начнется рабочий день мой. Пожалуюсь Вам только на почту. За время перерыва наших хоровых занятий пришлось 4 раза посылать повестки каждому члену хора, и только тут объяснилась грубая доля беззастенчивого воровства. Доставляется едва 40 процентов посланного — все остальное кидается в воду, ради собирания отклеившихся марок... Совет старост хора, возмущенный такою бесцеремонностью почтальонов, таким вынуждением к лишней работе и расходам, уже подал жалобу. Оказывается, что здешний почтамт оглушен общим воплем Петербурга на воровство в почтовом мире и наша жалоба чуть не 100-я.

Об оригинальном, энергично-работающем совете старостих и старост (по 2 от каждого голоса) я Вам напишу как-либо. Матери — поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

НВ. Конспект пишется³.

Тревожусь холерою в Риге и умоляю Вас беречься. Радуюсь удалению анекдотического харьковского сатрапа Пешкова, но огорчаюсь неотдачею его под суд⁴. И подумаешь, что такая фигура утверждала смертные приговоры!

РГАЛИ, ф. 723, № 65, 132—133 об. На бланке Регентского училища

1. Эта открытка не сохранилась. К письму же имеется *примечание Волковой*: «Полька! Увы! Письмо пропало», что надо, возможно, понимать как пропажу письма Смоленского с записью Польки.

2. В порядке выполнения решений I Регентского съезда было постановлено создать докладную записку о положении церковного пения в курсах учебных заведений и о правах учителей пения, для подачи ее в Св. Синод и в Министерство народного просвещения. Этой запиской и занимался Смоленский. Он же был главным «мотором» дела о постановке в Петербурге памятника трем духовным композиторам — Бортнянскому, Турчанинову и Львову. Его материал на эту тему опубликован в № 3 «Хорового и регентского дела» за 1909.

3. Речь идет о конспекте «Чтений из истории русского церковного пения» (иначе — «Курса»). См. следующее письмо.

4. Пешков Николай Николаевич (1857 — после 1917) — генерал-лейтенант, с февраля 1906 харьковский губернатор; вышел в отставку в октябре 1908.

Смоленский — Волковой

Петербург, [26 октября — 3 ноября 1908]

Добрейшая Софья Сергеевна! За Ваше хорошее письмо сердечно благодарю Вас¹. Решительно не помню, о чем я писал Вам в последний раз и потому недоумеваю о том, что могло бы быть в том письме особенно интересным. Но, несомненно, то письмо должно было быть более бодрым, так как в самом деле мне живется теперь спокойнее, хотя сутолока повседневная по-прежнему одолевает меня с утра до вечера. Покойнее на душе потому, что, видимо, Регентское Училище уставляется крепче, в Музыкальной Школе уже 10 человек, в хоре занятия идут весьма одушевленно, даже не без удивления на свои неожиданные успехи.

На Ваше желание услышать мое суждение о совете старост я могу лишь отозваться величайшею похвалою этой форме управления делами хора. Всякая мелочь, всякая нужда, всякое желание хора обсуждается советом старост и с моего ведома приводится немедленно в исполнение. Этот совет решительно снял с меня все хлопоты по всяким мелочам, затем он объединил и воодушевил хор, наконец, он и уставил в хоре отличную дисциплину. А учатся хористы вполне отлично. Старосты и старостихи — совсем молодцы.

Как и следовало ожидать, работы по Регентскому училищу и Музыкальной Школе стало поменьше, так как порядки уже устоялись, всякий уже знает свое место и свое время. Поэтому все чаще и чаще начинаю возвращаться к своим любезным крюкам. На днях я уговорился с А. В. Преображенским о том, что к 1 декабря он представит мне полный список всех снимков венских и афонских, в сопоставлении их с русскими, для 1-й главы моего нового «Курса». Я сделал это потому, что все снимки у него на руках, что он сидит над ними уже 2-й год и знает их неизмеримо лучше меня (как и греческий язык), а затем и потому еще, что в таком деле трудном, как говорится, ум — хорошо, а два лучше. Вследствие такого решения и вследствие одного благоприятно-неожиданного обстоятельства обещанный Вам «Prospectus» Курса будет вскоре излагаться со 2-й главы и доставляться Вам изложенным с помощью пишущей машины; 1-я же глава подождет своего времени, и когда будет обдумана совершенно в смысле систематики новых документов, будет доставлена не в очередь.

Благоприятная неожиданность, о которой упомянуто, заключается в том, что один из самых лучших моих учеников и друзей Коля Михайлович Ковин², задумав жениться, вдруг ни с того ни с сего потерял место преподавателя в Харьковской духовной семинарии. Вдруг, после 12-летней службы, оказалось, что он не подходящ духовному ведомству «по направлению». Понятно, что я употребил все усилия, чтобы спасти беднягу от голода, и судьба помогла мне

устроить его в Петербурге в 7-й гимназии. Невеста его (а с сегодня — жена) оказалась виртуозкой на пишущей машине, успевающей записывать под диктовку — и мы уже стоворились подыскать себе подержанную машину, да и за работу. Думаю, что и Вы одобрите такую комбинацию.

Продолжаю это письмо 31 октября, дней через 5 после начала письма. У меня вдруг прихворнула жена — по-видимому, у нее что-либо вроде страданий печени либо какие-нибудь рефлексии от блуждающей почки. Мучения очень сильные, особенно сегодня, — почему я встревожен и отвожу свою душу в строках к Вам. Анюта всегда была некрепкого здоровья, но и никогда не хворала остро — оттого в недомогании нетерпелива, труслива и крайне нервна. Посудите сами, дорогая Софья Сергеевна, как тяжело мне видеть страдания любимого человека. Всякая работа, всякие мысли — все разом отходят в сторону!

Кончаю это письмо 3 ноября. Анюте моей несколько легче. Болезнь выразилась в каких-то внезапных приступах самых жестоких болей в междуреберной передней части, с рефлексиями во все стороны; боли эти так же внезапно и проходят. Было в сутки по 3—4—5 приступов, по 1; были сутки совсем без припадков; самые боли продолжались по $\frac{1}{4}$ часа, по $\frac{1}{2}$ часа, даже и до 2—3-х часов; были припадки легкие и очень тяжелые. Вне этих болей — человек-человеком, как всегда — здорова и благодушна. Доктора, конечно, ведут врачевание ошущью, наугад, но очевидно, что массажирование помогает лучше всего. Боли появляются решительно вне каких-либо поводов, равно и проходят так же. Но *crescendo* и *diminuendo* и особенно неопределенность первого и интенсивность середины — сущее мученье.

Понятно, что в эти дни все отошло на второй и третий план; ни науки, ни Регентского Училища — ничего в голову придти не могло, ибо душевного покоя нет нисколько от неопределенности самой болезни и от неожиданности ее проявлений.

Вчера я послал свой «Колокольный звон» по письму из Казани какой-то «послушнице» Елисавете Ивановне Троицкой (Рига, Суворовская, 126). Мне пишут, что Е. И. Т. — казанская институтка, очень милая барышня, удалившаяся в Мансуровскую общину, значит — она подруга моей приятельницы, Вашей подруги — матери Татьяны?

Не осудите бессвязность этого письма. Сейчас только увидел, что оно написано на бланке Регентского Училища. Сердечно желаю Вам большего душевного покоя, чем тот, которого недоставало мне в эти дни.

Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 134—135

1. Это письмо Волковой не сохранилось.

2. Ковин Николай Михайлович (1877—1936) — регент, педагог, выпускник Синодального училища, впоследствии сотрудник Регентского училища, автор работ по методике церковного пения.

Смоленский — Волковой

Петербург, 8 декабря 1908

Добрейшая Софья Сергеевна! Наконец-то свалились с моих плеч сообщения 5 декабря у С. Д. Шереметева и 7 декабря в зале Городской Думы¹. Сообщение «О клавесинной музыке в России во 2-й половине XVIII века» глубоко порадовало меня своею удачею. Читая, я чувствовал тот неослабный интерес, с которым слушатели следили за чтением и исполнением на клавесине, добытом мною от Финдейзена. Этому старцу-клавесину (1781 г.) соответствовала соната Бортнянского 1784 г. и разные полонезы, менуэты, «столовая штука», разные песенки, добытые мною из Ярославской рукописи того же времени. Меня глубоко порадовало премилое письмо от А. Ф. Кони, полученное на другой день, полное выражений благодарности. Это письмо подтвердило то, что чувствовалось мною вечером на самом чтении.

«Торжественное собрание», устроенное Комитетом по устройству памятника в Петербурге Бортнянскому, Турчанинову и Львову, вышло каким-то однобоким в своей торжественности. Публики было очень много, и она с живым интересом слушала чтения и пение, а «власти» и, стыдно сказать, духовенство, в том числе все три митрополита, равно и члены Синода (приглашенные нами в полном составе) — прямо блистали отсутствием. Из священников Петербурга было, может быть, 25—30, вместо приглашенных 300 почти. Сегодня, по случаю проявившегося столь явного равнодушия от тех, кого мы, в простоте душевной, считали в будущем первыми себе помощниками, — сегодня мы назначили экстренное совещание нашего Комитета, чтобы поразмыслить о положении дела и о дальнейшем его направлении ввиду явного равнодушия самого главного союзника, то есть духовенства. Денежный сбор оказался, однако, сверх ожидания, гораздо большим, чем можно было думать, сидя без властей и архипастырей.

Отдельных оттисков моей статьи я, к удивлению, еще не получил, хотя обещали мне доставить их еще к 1 декабря². Понятно, что с выходом в свет первый экземпляр поедет в Ригу.

За суетою этих дней я не мог приняться за исполнение данного Вам обещания, но зато приступаю к его исполнению сейчас же по отправлении этого письма. В школе и в Регентском Училище все идет своим путем-дорогою.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. Эта лекция опубликована посмертно: РМГ, 1916, № 28—33, под названием «Клавишинная музыка в России второй половины XVIII века» (см. также в Приложении к первой книге раздел «ОЛДП»). Что касается собрания в Думе по поводу памятника духовным композиторам, оно принесло 300 рублей чистого сбора. В дальнейшем было проведено еще несколько подобных собраний.

2. Имеются в виду оттиски статьи о А. Ф. Львове из сборника «Памяти духовных композиторов Бортнянского, Турчанинова и Львова» (СПб., 1908).

Смоленский — Волковой

Петербург, 5 января 1909

Добрейшая Софья Сергеевна! Я не уловчился написать к Вам ни перед новым годом, ни приветствовать Вас в первые его дни. Это не значит, чтобы, встречая Новый год в тесном кругу своих друзей¹ (наш состав в этот вечер почти неизменен уже 16 лет), и я и Анюта не вспомнили бы о Вас во время боя часов и не послали ли бы привет в Вашу сторону с сущей любовью и дружбой. Итак, повторю: с Новым годом! желаю Вам провести его намного лучше, чем минувший високос, столь тяжелый, как кажется, для всех и повсюду; желаю Вам прежде всего здоровья и душевного покоя, всякой радости.

Я не успел Вам написать за множеством всяких хлопот и всяких дел. Дела именно всякие, — но отнимающие пока все мое время. В декабре в Регентском Училище пришлось расстаться неожиданно с хормейстером А. А. Копыловым, правда — без всяких неприятностей, но при общем сознании, что все потеряли много денег, а главное времени и бесполезного труда. Пришлось его заменить мне, изрядно струсившему на регентском месте после 19-летнего перерыва в таком занятии. Но, к удивлению, к концу 1-й репетиции вспомнились быстро все бывшие приемы моего дирижирования; хористы почувствовали, что ими руководит когда-то бывший, но опытный и пылкий регент; я также почувствовал, что меня понимают сразу, — и дело пошло довольно энергично к взаимному подъему духа, столь упавшего при А. А. Копылове. Я обрадовался вместе со своими товарищами и с хористами тому, что дело, вдруг начавшее распадаться, опять поднялось и работа даже как будто бы и закипела. Теперь, между 3 и 9 января, у меня небольшой отдых. Но я уже сделал 4 спевки, в которых обозначилось несомненное одушевление хора и его несомненный успех. У нас довольно внезапно появилась мысль о надобности повеселиться, и потому 3-го (несмотря на субботу) устроили на скорую руку, своими силами, литературно-музыкальный вечер, после которого неудержимая молодежь устроила весьма оживленные танцы. Дело устроилось в складчину, по-товарищески, весело, беззаботно, молодо. У «плясового комитета» вдруг оказались неистощимые запасы юмора, находчивости и ряд неожиданных дарований: между тенорами оказался

имитатор граммофона и рассказчик сцен из народного быта; между нашими дискантами и альтами — устроительницы всяких буфетов, киосков, летучей почты, конфетти, серпантина и т. п. никогда мною невиданных беснований, полных самого заразительного веселья. Регенты оказались неважными танцорами, особенно же среди прибывших из Сибири, из далекого Кавказа или Туркестана, но сопраны с альтами сумели растормошить и их. В конце концов, когда я, усталый, уже к 1-му часу ночи, уходил домой, — я видел чуть не 50—60 пар, так или иначе выдeldывавших ногами какие-то мудреные фигуры, и во всем общем веселье. Программа вечера установлена так: ученики Регентского Училища и Общедоступных Хоровых Классов суть любезные хозяева вечера, подчиненные выбранному ими «плясовому комитету». Хозяева приглашают на вечер своих друзей и знакомых в уговоренном числе. Комитет устраивает украшение помещения, хозяйственную часть, приглашает артистов-исполнителей и проч. Я взял на себя хлопоты по полиции, по печатанию программ и пению хора «Был у Христа младенца сад» Чайковского. Все как-то подтянулись, заработали — и в конце концов — отличное веселье.

На полученное от Вас напоминание об исполнении обещания, данного мною матери Магдалине Орловой-Давыдовой², отвечу так: я писал ей своевременно, что отвечу всем, что сообщат мне из знакомых женских монастырей. По этому случаю я тогда же напечатал гектографом до 15-ти воззваний, в которых просил сообщить мне заглавия сочинений (не ноты, а только заглавия), принятых к исполнению вместо причастных стихов. Это было весною 1908 года. Но в ответ на мой запрос последовало только самое полное молчание со всех сторон. Удивленный таким пассажем, я вспомнил о происшедшей конфузии в Ярославле и просил регентшу (письменного обращения в Ярославль не было) сообщить мне надобное. Последовал ответ такой: «нам не расчет выдавать на сторону то, что мы сами добываем с таким трудом...», «нам интереснее держать у себя такие пьесы, которых нет в других областях...» Покаюсь Вам и в том, что в августе и сентябре я запамyтовал об этом деле, но в декабре все-таки вспоминал и вымолил хорошие догматики, положенные Львовским для хора Исидоровского училища в Петербурге. В это время опять пришло напоминание Ваше. На этот раз я уже взялся за моих учеников-регентов и разослал им приказ прислать мне списки пьес из монастырей московских. Теперь жду их ответов. Когда все «образуется» — сообщу матушке, но на деле, как видите, дело это не делается скоро.

По части Регентского Училища, Музыкальной Школы и Хоровых Классов эта зима оказывается намного спокойнее прошлогодней. Вывертываемся, хотя и с великим, превеликим трудом, из денежных тисков, но всем платим рублем полным, трепеща к каждому 1-му числу от медленности платежей. Бедняки наши, очевидно, чувствуют, что общее дело поддерживается ими же, и потому платят хоть и туго, даже и очень туго, но все же платят. Мы, учредители, лишаем себя

гонорара, платя другим полностью, себе же собирая крохи в течение месяца. Тем не менее у нас уже есть и значительная хоровая библиотека, 2 скрипки, 1 альт, 1 виолончель, 5 пианино и 1 большой салонный рояль, то есть капитал, которого эксплуатация оплачена почти сполна и который пригодится вперед по крайней мере на 5–6 лет, без тяжкого расхода на это обзаведение разом. Но мы и не думаем форсировать дело, предпочитая лишь подогревать и регулировать лишь его обыкновенный и спокойный рост, не рекламируя, не горячась и не фантазируя, а предоставляя крепнуть и благодарно учиться тем, кто сам собою создаст нам рекламу и общую помощь.

Наука моя все-таки не забывается и идет сама собою, хотя и тихо. Для Вас уже составлен конспект 2-й главы книги и 4-й, то есть о рукописях XII—XIII вв. и период первой половины XVI в. перед Стоглавым собором. А. В. Преображенский все затягивает выборку греческих оригиналов, ибо обуреваем всякою сверх-должностною работою от своего нелепого начальника Н. Ф. Соловьева. Для меня 3-я глава оказалась требующею углубления в рукописи XIV—XV веков и особенно в вопросы по истории роста русского языка в эту пору по отношению к развитию хомонии. Я думал сначала коснуться этого предмета вскользь, но обдумав — порешил о надобности подробного обозрения и приведения фотографий (уже снятых) с их толкованиями. Комитет по постановке памятника Бортнянскому, Турчанинову и Львову, а более того Регентский съезд, бывший и предстоящий, постоянно отрывают меня от рукописей. Впрочем, судьба моя такова, чтобы вечно метаться от одного дела к другому. Например, начатое издание журнала «Хоровое и регентское дело», редактируемого моим учеником Петей Петровым-Бояриновым (Московского Синодального Училища), а ныне сотрудником по Регентскому Училищу, также урывает время как у меня, так и у А. В. Преображенского. А между тем журнал для Регентского Училища решительно необходим, как одно из колес в общей колеснице, как связь с певческим миром России.

Была у меня на днях и очень внушительная беседа с председателем Учебного Комитета при Св. Синоде о. Беликовым³. Это наш казанец, женившейся на дочери нашего священника и бывший преемник его по приходу. Мы знакомы уже лет 40—45 и встретились недавно, вглядываясь друг в друга, припоминая множество мелочей всяких, до звонаря Покровской церкви Семена Семеновича, но не узнавая все-таки друга в лицо. Разница между 14—15летними мальчуганами, вместе игравшими в лапту, и стариками в 60 лет очертила трудности и страдания прошлого. Он — член Государственного Совета, а я — 0. Но моя записка, поданная в Синод в марте 1908 г., задела его сильно. Записка была политично «оставлена без движения», ибо трактовала неумелости ведения Синодом церковно-певческого преподавания и осуждала Синод резко, указывая не только на ошибки, но и на пути к их исправлению. О. Беликов был у меня недавно еще раз и решил возобновить дело о моей записке, исправив в ней «недопустимые

подробности». Мы порешили подождать возвращения П. П. Извольского во 2-й половине января и с его совета опять начать бунт. Дело идет об учреждении при Регентском Училище епархиальных стипендий, которые были бы предоставлены наилучшим семинаристам, кончившим курс только по 1 разряду и бывшим уже регентами во время семинарского курса. Обучение их у меня имеет целью дать духовно-учебным заведениям и архиерейским хорам кадры действительно знающих дело и отборных по дарованиям регентов, а главное — преподавателей церковного пения. Ныне последние в духовных семинариях — сплошь из многосемейных преподавателей греческого языка или Священного Писания, занявшихся преподаванием пения при 1 уроке в неделю (!) в каждом классе, занявшихся в качестве «любителей». Понятен и результат от такой постановки дела в последние 25 лет; понятна и компетенция наших архиереев и протоиереев, забывших, даже и не знавших ноты, не понимающих не только музыки, но и дороги к ее восстановлению в их храмах. Впрочем, я уже начинаю писать резко.

Но уже светает. Целую Ваши ручки, дорогая моя и сердечно любимая Софья Сергеевна! Приветствую Вас с новым годом. Будьте здоровы, веселы и спокойны духом. Жена приветствует Вас с сущей любовью и признательностью. Матери — поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 140—141 об.

1. В Дневнике 8 в записи от 1 января читаем:

Новый год был встречен мною с душевным спокойствием и с теплою верою в лучшее будущее. Нервы не ходили, и обычная компания Смирновых, с которыми встречаем Новый год уже 16-й раз, была также благодущна (л. 295).

Имеется в виду семья Александра Константиновича Смирнова, сотрудника Смоленского по Синодальному училищу и Придворной капелле (см. его воспоминания в I томе РДМ).

2. С матерью Магдалиной, еще одной монахиней из аристократической семьи, Смоленский познакомился в доме Волковых в 1903. В записи от 11 марта 1903 она названа «игуменьей» и охарактеризована как «очень серьезная и интересная».

Графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова (ум. в 1931), фрейлина императрицы Марии Федоровны, получив в наследство пустынь Добрынихи в Серпуховском уезде Московской губернии при селе Щеглятьево, в 1893 возвела там сестринский корпус с домовым храмом во имя иконы Божией Матери Отрада и Утешение, основала общину и возглавила ее, приняв постриг с именем Магдалина. Перед этим она обратилась с письмом к митрополиту Московскому, выражая желание, чтобы «община в Добрынихе не имела внешних знаков монашества, а именно, чтобы сестры продолжали носить одежду крестьянского по-

кря для сохранения простоты и свободы служения ближнему» и чтобы послушницы были «готовы во всякое время дня и ночи на служение многообразным нуждам больных и бедных и сирот окрестного крестьянского населения». В течение нескольких лет создавался монастырский комплекс, обнесенный высокой стеной с башнями по углам; были построены церковно-приходская школа, приют для бедных детей, больница, богадельня. Кроме того, в общине имелись мастерские и различные подсобные помещения. Мать Магдалина оставалась руководительницей общины до второй половины 1920-х годов, пока ее монастырь не был razорен советской властью.

3. Дмитрий Никанорович Беликов, член Государственного Совета от духовенства, председатель Учебного Комитета Св. Синода, был женат на дочери казанского священника Степана Ивановича Адоратского, о котором есть теплые слова в Воспоминаниях Смоленского.

Смоленский — Волковой

Петербург, 25 января 1909

Здравствуйте, добрейшая Софья Сергеевна! Пишу Вам на «Ксенофонта и Марию», прося передать мой и жены самый теплый привет Вашей дорогой и милой имениннице¹. Жена моя в Казани, но мы помним 26 января, так же как и 7 февраля, и потому ее привет приписывается и, буде найду минутку недели через 1½, будет приписан с тою же сердечностью, с какою был дан приказ о приписке. В Казани моя Анюта находится на серебряной свадьбе своей сестры Саши и вскоре должна возвратиться домой, если только не застрянет по дороге у московских друзей и родных.

Пишу к Вам благодушно и без особых забот на душе, так как дела мои по Регентскому Училищу, по-видимому, складываются день ото дня к лучшему и к утверждению хорошему, к взаимному удовольствию всех его участников и к значительному потому общему подъему на дальнейшую дружную работу. Чем в ближайшем будущем удастся порадовать Вас — не могу еще сказать определенно, но интерес последней недели сосредоточился на Хоровом Классе, начавшем значительно воодушевляться и рваться на работу, даже и на заработок. Последнее вынудило меня обдумать соотношения между мною лично, Регентским Училищем и Хоровым Классом, обдумать «modus vivendi» [способ существования] в будущем их неразрывном союзе, но с тенденцией создать самоуправление и самокупаемость их в желаемом ими труде. Мне, на начавшейся старости моих лет, нельзя обратиться в антрепренера-хоросодержателя, так как я никогда такими делами не занимался, да и вообще не склонен быть в положении, близком к предпринимателю-эксплуататору. Поэтому я предложил, не устрояя и себя от участия, не выпуская из рук руководства делом, устроить самоуправляющуюся «певчую артель», учрежденную однако официально, по образцу существующих.

Знаете ли Вы, что значит веками выработанное слово «артель»?

Это — перерождение слова «орда», а не «ars» (искусство) — оказывается наидревнейшим русским правовым институтом, ни разу однако еще не приложенным к хоровому церковному пению. Наука доказала официальное учреждение артелей еще при Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Артель, затем, в нашем общежитии — в рабочем деле — учреждается даже для каждой отдельной операции чуть не ежедневно, особенно на Волге: надо разгрузить баржу или стащить плот с мели — мигом составляется артель, «под образом» свовариваются и тут же принимаются за работу, а по ее окончании — расходятся до новой артели.

Не могу додуматься, почему именно в певчем деле не утвердилось артельное начало, а теперь не могу придумать, почему бы оно оказалось тут неуместным? Артель есть полноправная трудовая кооперация, регулируемая величиною дохода, соответственного цене пая в товариществе; артель самоуправляется и работает только круговую порукою: все за одного и один за всех. Артель устраивается у нас так:

Голова (то есть — я), регенты, старосты из всяких артельщиков.

		Паи в выручке	
25 %	Артельщики	1-го разряда с хорошими голосами и опытные певцы —	18%
25 %	- “ -	2-го - “ - менее опытные —	16%
25 %	- “ -	3-го с менее хорошими голосами, но опытные —	14%
25 %	- “ -	4-го - “ - менее опытные —	12%
			60%

Из каждого рубля идет на администрацию (только из артельщиков же) 15 %, регенту 7 % и на квартиру с библиотекою — 18 %, всего 40 %. Артель управляется советом старост, по одному от каждого голоса, причем один из них казначей, другой делопроизводитель, третий распорядитель, а четвертый бухгалтер. Неудостоенные принятия в артельный хор — «новички» не платят ничего, но поют бесплатно первых два месяца со дня зачисления в хор. Все артельщики, начиная от головы, вносят 1 р. в месяц в оборотный капитал и по 1 р. в запасный, а в выручке делятся пропорционально своим разрядам.

Предположение устроить артель было принято восторженно, и хор до такой степени воодушевился, что в неделю стал неузнаваем. Для Регентского Училища учреждение артели — не только поле ученической практики, но и будущей деятельности. Я напишу Вам потом подробнее, ибо теперь кипит организационная по сему работа, да и пришли ко мне по делу.

Из Учебного Комитета — хорошие вести. Записка моя будет вскоре напечатана, и мне обещали из всех сил хлопотать, чтобы это дело (то есть о епархиальных пансионерах в Регентском Училище) прошло скорее и вернее². Точно

так же порадовали меня и А. Н. Нарышкина с С. Д. Шереметевым. Я составил для них краткую записку о Регентском Училище³, и она им очень приглянулась по сердцу. Что они предпримут по ней — пока не знаю.

Нет возможности писать еще. К 7 февраля напишу еще. А Вы не отвечайте мне, чтобы не утруждать себя. Я ведь чувствую Ваши ответы телепатически, а Вам здоровье и покой надо беречь. Прошу написать привет имениннице, ибо не знаю, где она. Матери — поклон. Рвут меня уже на куски — кончаю.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 142—143. На бланке Регентского училища

1. Имеется в виду Мария Сергеевна Волкова.
2. Эта записка опубликована в Прибавлениях к «Церковным ведомостям» за 1909.
3. Записка о Регентском училище опубликована в журнале «Хоровое и регентское дело», 1909, № 2, 4.

Смоленский — Волковой

Петербург, 7 февраля 1909

Добрейшая Софья Сергеевна! Вместе с Анной Ильиничной шлю привет и добрые пожелания ко дню Вашего рождения. Одновременно посылаю и две моих новых статьи, весьма близких друг другу. «О Регентском Училище» имеет появиться в № 2 журнала «Хоровое и регентское дело», а другая есть копия с моего ходатайства о присылке епархиальных пансионеров в Регентское Училище. Это ходатайство, как я писал Вам, подано мною в Учебный Комитет при Св. Синоде. Там сочли за более выгодное в смысле выигрыша дела предварительно напечатать мое ходатайство, опустив его формальный заголовок и формальное же заключение. Понятно, что в литературном отношении, как некое казенное изложение, статья эта слаба. Я предпочитаю ей первую.

Обе статьи я получил из типографии только вчера и вчера же был с ними у председателя Училищного Совета о. Беликова, который отправил меня, ради экономии во времени и ради начала приведения членов Синода в свою веру, к Арх[иепископу] Волынскому Антонию. Владыка этот оказался живущим этажом выше в этом доме, и потому свидание наше не замедлило состояться. Беседа вышла какая-то странно-черносотенная и какого-то непостижимого для меня прикосновения во всем к политиканству, в том числе и в церковном пении как одном из средств для достижения утопий истинно-русских. Такого рода беседа лишь убедила меня, чуть не в десятый раз, что честолюбие и политические интриги способны вышибить из уравновешенной колеи даже суждения совсем умных людей, каков Антоний был несомненно.

Сегодня газеты сообщают об уходе П. П. Извольского. Очень жалко мне то, тем более что преемника его г. Лукьянова я совсем не знаю¹.

Некогда писать еще. Приветствую Вас еще раз.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 144—144 об. На бланке Регентского училища

1. Сергей Михайлович Лукьянов (1855—1935) был обер-прокурором Св. Синода с февраля 1909 по май 1911. Он оказался на своем посту человеком совершенно случайным, весьма мало знакомым с церковной жизнью.

Волкова — Смоленскому

Рига, 21—24 февраля 1909

Добрый Степан Васильевич, «я, слава Богу, жива и здорова, чего и Вам желаю от Бога и от души». Так начинала некогда свои письма одна наша знакомая, бывшая крепостная. Но в таком случае, скажете Вы, чем же объяснить молчание? А я скажу — простите, спасибо, виновата! Все получила. Всему порадовалась. Получив первое письмо, стала ждать второго, обещанного, а получив две статьи, собиралась прочесть их внимательно, вот и прошли дни за днями. На той неделе говела. На этой занялась музыкой, играла в лечебнице, ездила в город для дела и безделушек. Бывают здесь дни, когда солнце так ярко и воздух так хорош, что рада бываешь всякому предлогу, чтобы побывать на воле.

Была у меня на масляной мать Татьяна и новопостриженная мать Елизавета Троицкая из Казани. Обе Вам кланяются. Последняя очень наслаждалась Вашим письмом, мною ей прочтенным. О. Беликов был первым ее духовником, и все письмо окунуло ее в воспоминания.

Но уж чему я порадовалась в письме к 26-му января, так это основанию артели. Это представляется истовым русским делом. Исполать, и дай Бог преуспевания! На многие, многие лета. На обещанные подробности заранее облизываюсь. Судьба ходатайства тоже очень интересна.

24 февраля. Ох! Только сегодня *внимательно* прочла статьи, с отметками. Львов — русский богатырь. Кой о чем охотно бы Вас спросила. Какая такая *теория* русского музыкального искусства, о которой Вы говорите на стр. 6 в статье первой? То есть разве есть такая выясненная теория, которую преподавать бы можно? *Историю* — понимаю, но и та, думается, станет более живой и интересной именно тогда, когда теория выяснится для сознательного пользования ею и дальнейшего развития русского искусства по стопам имеющегося народного, церковного и мирского¹.

Перебили или, скорее, перебивали не раз — надо кончать...²

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 130—131 об.

1. Речь идет о статье «О Регентском училище в г. С.-Петербурге», где Смоленский рассказывает, как А. Ф. Львову удалось добиться присылки в Капеллу для обучения регентскому искусству по двое окончивших курс семинаристов от каждой епархии. Эти семинаристы, общим числом 150 человек, составили тот кадр архиерейских регентов, который создал по всей России не только множество отличных хоров, но и так называемое «управление церковного пения», то есть единообразное исполнение церковных напевов, тогда только что изложенных Львовым в четырехголосной гармонизации.

Несомненно, Волковой было тем приятнее читать эти строки, что А. Ф. Львов являлся ее, хоть и очень дальним, родственником.

Что же касается вопроса о «русской теории», то, вероятно, Волкова имеет в виду следующий пассаж из статьи «О Регентском училище в г. С.-Петербурге»:

У нас, в России... негде учиться частным лицам такому общелюбимому искусству, как церковное пение; у нас решительно нет ни одного учебного заведения, где можно было бы приготовиться и основательно образовать себя, — чтобы сделаться умелым преподавателем церковно-певческого искусства, чтобы закладывать еще в общеобразовательной школе художественно-радостную жизнь, чтобы двигать вперед теорию и историю родного искусства... (Хоровое и регентское дело, 1909, № 2. С. 38).

Вообще же Смоленский полагал, что «русская музыкальная теория» вполне возможна; так, например, он еще в Синодальном училище ввел курс сольфеджио, основанный на русской песенности; позже собирался составлять своего рода свод русских интонационных формул и т. д.

2. Конец письма утерян.

Смоленский — Волковой

Петербург, 29–30 марта 1909

Христос воскресе, добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу к Вам в самый любимый в году мой вечер, когда на душе легко, когда только что перечувствованы чудесные Четверг, Пяток, Суббота (великие!) и предчувствуется радость услышать первый тропарь «Христос воскресе» в преддверии храма. Пишу к Вам в 10 ч. вечера. Скоро.

Вы знаете, что на меня эта минута производит впечатление самое глубокое и я христосуюсь в течение этого тропаря со своими родными друзьями, так же как и с покойными, дорогими моему сердцу. Через два часа и с Вами мысленно похристосуюсь, так как в числе самых близких моему сердцу Ваше имя одно из первых. Шлю Вам, так же как и горячо любящая Вас Аня, привет, поклон, поцелуй и добрые, самые добрые пожелания.

Продолжаю утром, после встречи праздника в Шереметевской церкви. Вместо яичка посылаю Вам недавно написанную «Кто Бог велий», исполненную сегодня мужским хором, но только в 8 голосов¹. Как ни жидко такое мало-

голосие в сравнении с бывшим у меня при письме в виду смешанном большом хоре, все же тут оказалась достаточная звучность и достаточный темперамент. Сегодня пойду слушать этот «прокимен» в Невскую Лавру, где митрополичий хор исполнит и мою «Пасху».

О своих делах пока не могу сообщить что-либо положительное. В Синоде — какая-то вышла заминка, как меня уверяют — «временно-канцелярская» и «из-за Страстной — Пасхи». В Регентском Училище — все идет своим чередом и правильно!

Некогда писать еще — уже начали появляться визитеры. Я напишу Вам на днях еще, ибо кончу этими днями большую статью для Киевского старообрядческого певческого журнала и тогда буду посвободнее².

Матери Татьяне — поклон мой и привет.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 145—145 об. На бланке Регентского училища

1. Прокимен исполнялся в домовая церкви Фонтанного дома хором под управлением В. Я. Пищера.

2. Имеется в виду оставшаяся незаконченной статья «Об указаниях оттенков исполнения и об указаниях музыкально-певческих форм церковных песнопений в крюковом письме» // Церковное пение (Киев), 1909, № 3, 12.

Волкова — Смоленскому

Рига, 1 апреля 1909

Воистину воскрес!

Дорогой Степан Васильевич, от души христосуюсь с Вами и с Анной Ильичной; от всего сердца благодарю за все сердечные слова, доставившие мне много, много радости.

Поведение мое просто «того...», как выразился бы бедный Акакий Акакиевич... На прошлой неделе, на праздниках, перечитывала кой-что из Гоголя, проводя часы на Ziegehalle, наслаждаясь весенним солнцем, воздухом, светом, чириканьем птиц и щелканием неугомонных скворцов. Но разве говорю, что я не виновата? В самое Светлое Воскресение читала на Ziegehalle не Гоголя, а полученную в Великую Субботу статью Вашу, и читала с упоением, с отрадой истинной. Сдается мне, что эта статья — одна из лучших вещей, вышедших из-под Вашего пера¹. Впрочем, не мне судить, она мне слишком нравится. Матери Татьяне тоже по душе пришлось — статью эту я ей передала в понедельник на Святой, съездив в монастырь. Поездка на тот край Риги целое теперь путешествие: мосты разведены, на Двине наверху ледяная окрошка, а под водой ледяные глыбы, по которым пароход идет неровно, как сани по плохой мосто-

вой. Удобнее ездить по железной дороге — всего 5 минут. Хорошо, что по сю сторону Двины есть две русские церкви. В одной из них Бог привел побывать у заутрени. Пели дети и любители, не художественно, но с горячим усердием!

Прокимен Ваш тоже был для меня большим удовольствием, появившись так неожиданно из небольшого конверта. Но прежде чем сказать что-либо о музыке, спрошу, чтобы не позабыть: значит, журнал с января выходит? Могу ли надеяться в нем освоиться или в нем речь преимущественно о вещах, мне неизвестных? С любопытством взглянула бы на № 1 или хотя бы № 2, и если не окажусь как в лесу без тропинки, то следовало бы подписаться.

2 апреля. Нет, не так! Подписаться следует сразу, прошу Вас об этом распорядиться, а долг свой вышлю, как только Вы сообщите, сколько надо добавить к 2 руб. на пересылку.

Вчера была у меня мать Татьяна, говорит, чтобы я этим журналом делилась с монастырем.

Мать Татьяна прослушала прокимен и сказала, что очень «красиво». Мы обе находим, что празднично, звучно, и звуки русские. Взят ли в основу древний напев? Это было первым вопросом матери Татьяны.

Последние четыре такта показались нам менее характерными нежели остальные. В Невской Лавре, верно, звучало великолепно. На днях слышала в монастыре Пасхальные стихиры в так называемом Вашем переложении, - но мне показалось, что я не узнала звуков, слышанных в Успенском Соборе в исполнении мужского и детского хора. Спрашивала себя — нет ли у Вас еще другого, не известного мне сочинения стихир. Пели их запричастным².

Однако вот и 8-я страница, а главное, вот скоро две недели, как статья Ваша получена и осталась без отклика!³ В течение 5-й и 6-й недели Поста я уезжала на 9 дней в Ассерн, где круглый год открыта так называемая санатория Красного Креста. Однако в Ассерне нет зимой ни доктора, ни аптеки, но пребывание в этом тихом пристанище в лесу, у моря действительно целебно! Если когда устанете — отведайте и Вы.

Еще раз спасибо.

С. Волкова.

РГИА, ф. 1119, № 128, л. 119—121 об.

1. Имеется в виду статья «О памятнике Бортнянскому, Турчанинову и Львову в Петербурге» (Хоровое и регентское дело, 1909, № 3; был послан отдельный оттиск).

2. Других Пасхальных стихир в наследии Смоленского нет.

3. Статья «К вопросу о постановке преподавания церковного пения в духовно-учебных заведениях России» (оттиск из Прибавлений к «Церковным ведомостям», № 7 и № 10).

Смоленский — Волковой

Петербург, 9 апреля 1909

Добрейшая Софья Сергеевна!

Пишу Вам добрые вести: на 1-й день Пасхи Государь прислал мне 1000 рублей «на поддержание Регентского Училища». Это неожиданное внимание, возбужденное А. Н. Нарышкиной, совершенно ошеломило меня, — но вместе и очень устроило плачевные денежные дела Регентского Училища. До Нового года мы, во всяком случае — живы, и более того — глядим вперед совсем уж бодро.

Другая новость сообщена мне сегодня по телефону: Синод отнесся к моей просьбе о присылке в Регентское Училище епархиальных пансионеров вполне сочувственно, и руководящее, о командировании в Петербург кончивших курс семинаристов-регентов, определение Синода сегодня состоялось уже. Оно будет недели через 1½—2 напечатано в «Церковных Ведомостях» к сведению и сильному исполнению для всех епархиальных архиереев.

Я считаю это событие (особенно в связи с первым — из Царского Села) весьма важным для Регентского Училища как заведения частного. Класс при Капелле, сконфузившийся уже много лет назад, теперь уже слабеет в конкуренции, а рекомендация Синода Регентскому Училищу очень поднимает имя в среде духовенства, то есть там, где нам хочется вербовать к себе учеников-регентов.

Конечно, еще очень большой вопрос, сколько епархий и архиереев отзовутся на рекомендацию Синода. Но если на 1-й год их отзовется хотя бы ¼ или ⅕ часть, то и тогда Регентское Училище вступает на новую дорогу с достаточною верою в свое будущее. Все дело теперь зависит от повальной слепоты, скупости и косности наших владык, совершенных невежд в искусстве и вместе с тем, не без хитрости, желающих иметь регентов «хоть каких-нибудь». Кстати и наука теперь не в фаворе, по подозрению ее чуть не в ереси и в крамоле. Но подождем — теперь уже недолго¹.

Плохи наши дела с училищным хором — в церкви, где мы (на Васильевском Острове) должны были начать пение в Фомино воскресенье, вздулась такая приходская интрига, что Митрополит даже перевел настоятеля (нашего пригласителя) в другой приход, да еще рядовым священником². Теперь и мы «без ангажемента», потому поем больше минорные пьесы. Авось, впрочем, подвернется еще что-либо.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 146—146 об. На бланке Регентского училища

1. Этот проект не был осуществлен.

2. Хор Регентского училища намеревался петь в церкви Св. Екатерины; упоминаемый настоятель этого храма — Н. В. Покровский.

Смоленский — Волковой

Петербург, 2 июня 1909¹

Причина моих редких и коротких к Вам писем, добрейшая Софья Сергеевна, очень проста: я хворо-недомогаю уже более 2-х месяцев; к тому же, продолжая вынужденно и непосильно работать, я чрезмерно утомлен; наконец, в последние недели две, я крайне встревожен постоянной неудачею поисков квартиры для Регентского Училища и Музыкальной Школы.

У меня была инфлюэнца, осложнившаяся хотя и безболезненной, но сильнейшею глухотою и неприятнейшею пульсациею правого уха; кроме того в организме вообще осталось что-то, влекущее за собою по временам крайнюю вялость, безработицу, даже и лежанье часами без сна.

Учебный год в Регентском Училище и Музыкальной Школе все-таки закончен вполне благоприлично, и я не мог быть лично только на одном экзамене, так как товарищи заставили меня удалиться, требуя отправления в постель... Это было 14 мая. И до того, и после того у меня не было обострения, но все время я чувствую себя подобно худому ведру, из которого постоянно течь во всех швах; я постоянно слаб, устал, очень быстро утомляюсь и еще быстрее раздражаюсь; работаю либо много, но без особого хода вперед, либо без всякого толку.

Впереди у меня поездка в Москву на съезд регентов и обещанные на регентских курсах лекции. Пока я надеюсь бодро исполнить эту часть, так как все же с наступившим теплом и вакациею можно надеяться на приток сил². Например, неделю тому назад написание письма к Вам было для меня невыносимо. Тянет душу к Вам, чувствую, что Вы ждете мои строки, — а рука не пишет, голова дремлет, заботы одолевают.

Внезапная отдача Гуревичем всего своего дома под классы Педагогической Академии совпала со сроком контракта моей личной квартиры и с нездоровьем. 4-й этаж для личного проживания мне решительно непосилен, падение курса подняло цены в Петербурге до какой-то нелепой преувеличенности во всем. Поиски квартиры кончились только пока полным неимением ничего в виду. Пришлось возобновить свой контракт на 8-й Рождественской и снять с себя хоть одну заботу с 1 июня. Теперь — только и томит Регентское Училище, да нелепая глухота со стуком пульса в ухе.

Работа киевская уже напечатана в своей 1-й части, 2-я же часть пишется³; очень медленно идет подробный конспект курса, который я все-таки надеюсь предварительно напечатать, применительно к предстоящим 16-ти лекциям в Москве. На днях неожиданно получил я от обер-прокурора Лукьянова на заключение все художественные программы Московского Синодального училища. Как ни неможется, а все-таки штудирую их.

Читали ли Вы «Новое время» 27 апреля с фельетоном Н. И. Компанейского и мой (наполовину сокращенный редакциею) ответ ему в № 20 мая?⁴

Анюта сердечно приветствует Вас.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 148—149. На бланке Регентского училища

1. *Примечание Волковой*: «Не последнее ли [письмо]?».

2. О работе Смоленского на II Регентском съезде в Москве см. материалы в журнале «Хоровое и регентское дело», 1909, № 6, 7/8, 10, 11.

3. Имеется в виду статья «Об указаниях оттенков...», вторая часть которой была дописана и опубликована в том же киевском старообрядческом журнале (№ 12).

4. В «Новом времени» публиковалась статья Н. И. Компанейского «К вопросам церковного пения» (27 апреля) и ответ на нее Смоленского (20 мая). Ответ частично перепечатан в «Хоровом и регентском деле», 1909, № 5. Суть позиции Компанейского состояла в том, что регентско-певческое образование должно переместиться из специально предназначенных для этого учебных заведений (например, Синодального училища, Регентского училища) в музыкальные училища и консерватории (см. на эту тему статьи Компанейского, напечатанные в III томе РДМ).

ПРИЛОЖЕНИЯ К ПЕРЕПИСКЕ С С. С. ВОЛКОВОЙ

1. С. С. Волкова

О древнерусских церковных напевах и о значении их для будущности русского музыкального искусства

Сообщение, читанное 21 апреля 1905 года*

Присутствующим известно огромное значение наших древних крюковых рукописей, как с точки зрения древней письменности, так и для истории музыкального искусства и дальнейшего его органического развития, так, наконец, и с точки зрения богослужебного певческого благолепия.

Между тем большинство из этих рукописей не исследованы и не изданы, а многие гибнут безвозвратно. Труды в этой области до сих пор остаются разрозненными. Однако дело это, по своему значению, требовало бы трудов объединенных и последовательных. Среди духовенства и среди мирян есть и еще найдутся люди, готовые работать в этой малоизвестной области, но им недостает объединяющего руководства и поддержки.

Такую поддержку и возможность такого объединения предлагает, с обычным просвещенным радушием, Общество любителей древней письменности; сегодня дружно и радостно можно приступить к составлению программы деятельности нового кружка любителей древних напевов.

Эта деятельность естественно распадается на три отрасли: археологическую, церковно-певческую и научно-художественную.

I.

Первая задача состояла бы в исследовании тех рукописей, которые пока еще не могут иметь непосредственного значения для современного церковного пения и для музыкальной науки.

Таковыми являются все древние рукописи с певческими знаками, смысл которых еще не восстановлен. К ним приходится причислить все наши древнейшие крюковые рукописи, от XII по XIV век включительно: кондакари с особенными нотными знаменами, вышедшими из употребления уже в XIV веке и ныне совершенно нечитаемыми, а также и все прочие рукописи XII, XIII, XIV и даже XV века, со знаменными крюками, многие из которых стали для нас непонятными иероглифами.

Прежде чем приступить к изучению их, желательно бы иметь в руках подлинные памятники или точные снимки с памятников всех типов древнерусских

---

* ОЛДП. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIX. СПб., 1906.

нотаций до XIV века включительно, а также современных им восточных и западных нотных записей.

I. Не следует ли позаботиться о приобретении разных русских и иностранных изданий, воспроизводящих такие памятники; о составлении указателя с подробным описанием певчих рукописей по XIV век включительно и о воспроизведении, сначала просто путем фотографических снимков, образцов из неизданных древних певческих рукописей, находящихся в книгохранилищах в России и за границей?

II. Затем, ознакомившись по возможности основательнее со всеми древнерусскими памятниками, избрать из них для напечатания наиболее ценные как в палеографическом, так и в богослужебном отношении. Пока таковыми представляются, например, нотные стихирари XII века, с точным обозначением года, — а именно:

а) Стихирарь 1157 года, хранящийся в Синодальной (Патриаршей) библиотеке¹.

б) Из кондакарей, например, так называемый Нижегородский XII века в Императорской Публичной библиотеке и Кондакарь 1207 года в Московской Синодальной библиотеке².

в) Ирмолог 1249 года (принадлежавший купцу Самсонову³).

III. Для возможности же некоторого знакомства с неизданными памятниками казалось бы желательным издать сборник или хрестоматию образцов всех разнородных видов нотаций, по XV век⁴.

Остальные задачи в этой области определяются лишь в зависимости от того, что выяснят вышеуказанные работы.

Период от XI по XIV век особенно дорог нам тем, что рукописи тех веков сохранили истинноречный текст церковных песнопений, предшествовавший так называемому хомовому тексту, или раздельноречию, имевшему столь крупные исторические последствия.

Как только удастся точно прочесть крюки того периода и тем самым раскрыть напевы, сопровождавшие истинноречные тексты, у нас будет научное основание для проверки степени древности и подлинности тех наших напевов, которые известны у нас теперь под именем древних, но происхождение которых мы не можем проследить ранее XVII, XVI века.

Тогда, быть может, наука помогла бы старообрядцам открыть, какие из напевов, древность которых для нас сомнительна, имеют действительно древнее происхождение.

¹ См. № 329 в сообщении Н. В. Волкова «Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков» (Памятники древней письменности, № СХХIII).

² См. в сообщении Н. В. Волкова № 354 и № 356.

³ См. в сообщении Н. В. Волкова № 347.

⁴ См. приложение [к статье].

Невольно возникает мечта о том, что со временем могли бы раздаться в Киевском Софийском соборе напевы, сложенные во дни построения его, раздававшиеся в нем при Ярославе Мудром и дошедшие до нас в записях XII века.

Если напевы, сохраненные в певческих знаменах киевского периода, окажутся художественно прекрасными, то они могли бы способствовать к обогащению всего нашего церковного пения.

II.

Вторая задача касается всех рукописей и изданий, которые могут немедленно найти применение в богослужении, а также послужить для научно-художественных исследований.

Цель издания таких рукописей намечена проектом, приписываемым Бортынскому. Это проект впервые напечатан Обществом любителей древней письменности в 1878 году, в первый же год существования Общества, что показывает, какое значение основатели его придавали этой отрасли древней письменности, древним «российским» крюкам.

До сих пор единственное цельное крюковое издание по всей России — это Круг знаменного пения, напечатанный в 1884—1885 г. Обществом любителей древней письменности (№ LXXXIII, в шести частях), при содействии А. И. Морозова.

Итак, из более древних крюковых рукописей, то есть из периода древнего истинноречия и последующего периода раздельноречия, ни одна не напечатана подлинными крюками; нет и крюковых изданий позже исправленных рукописей, конца XVII века.

Правда, есть у нас синодальные издания древних церковных напевов в переводе с крюкового знамени на киевскую нотную систему, и эти нотные книги с конца XVIII века заменяют нам в храмах крюковые рукописи, по которым продолжают петь старообрядцы. Но издания эти не просмотрены со времени первого их напечатания в 1772 году; они не полны по содержанию, так как, обнимая лишь Обиход, Октоих, Ирмологий и Праздники, а с конца прошлого (XIX) века и Триоди — Постную и Цветную, не включают в себя ни Минеи Общей, ни Трезвоннов, ни 12-ти месячных Минеи, ни кругов киевского, греческого и болгарского богослужебного пения. Главный же недостаток этих изданий тот, что изложение напевов в них не точное, то есть перевод с крюкового знамени на отменно неуклюжую киевскую нотацию (в так называемом цефAUTном ключе) поневоле получился плохой, грубый, искаженный. Мелодия в этих изданиях утрачивает многие из своих поэтических оттенков.

Полных изданий наших древних напевов в переводе с крюковых подлинников на обыкновенное нотное письмо (пятилинейную итальянскую систему) не существует совсем. Однако по этой нотации преподают в начальных школах, в

семинариях, в консерваториях и в монастырях, она единственно общепринятая и всем привычная.

Четырехголосные издания Придворной певческой капеллы, известные под именем изданий придворного роспева, хотя и содержат перевод на общеитальянскую нотацию многих мелодий знаменных и других роспевов, но не передают нам древних напевов в подлинном виде. Эти издания еще менее точны, нежели старые «цефнутные» синодальные. Научного значения они иметь не могут.

Отсюда вытекает следующее:

I. Желательно приступить к печатанию знаменных рукописей в двух видах, в двух параллельных изложениях: в подлинном крюковом и в точном переводе на общепотребительную пятилинейную нотацию. Тогда станет доступной сокровищница, по сих пор закрытая для всех.

Можно бы начать с печатания тех песнопений, которые не вошли в состав синодальных изданий, а именно: Общей Минеи и хотя бы главнейших Трезвонов. Издание Минеи необходимо для регулирования повседневной службы.

Рукописей Трезвонов, или малых праздников, множество повсюду. В одной библиотеке Синодального училища церковного пения их более ста, считая с нотными, одних же крюковых 39. В них древних истинноречных нет, но есть раздельноречные от XVI века и позднейшие, всего 14; затем с иосифовскими текстами 7 и с новоисправленными 18.

Миней Общих в рукописях встречается мало. В той же библиотеке, кроме трех нотных экземпляров, всего пять экземпляров крюковых. Из последних особенно ценная рукопись за № 98, 1677 года, быть может, автографический экземпляр старца Александра Мезенца. Поэтому из Общих Минеи всего желательнее, казалось бы, напечатать именно эту.

II. Желательно сличение перечисленных рукописей между собою и с рукописями древнейшими, что представляет особый интерес в виду событий XVII века.

III. Желательно издать многоголосное пение, начиная с крюкового двухголосного, например, с казанского знамени, возникшего в конце XVI века.

Таким образом был бы сделан крупный шаг к выполнению предначертаний вышеупомянутого проекта. В пределах двух-трех страниц трудно даже наметить всю программу деятельности в этой отрасли.

С XV века сохранилось такое множество крюковых рукописей, а с XVII века уже и линейно-нотных, что трудов по собиранию и каталогизации их хватит на много лет.

В настоящее время самая полная библиотека рукописей находится при Синодальном училище церковного пения в Москве. Она собрана стараниями бывшего директора училища Ст. Вас. Смоленского. Содержит она в себе свыше 1100 № рукописей, крюковых и нотных, от древне-раздельноречных и до концертных XVIII столетия.

Но сколько рукописей гибнет без всякого призора, без защиты от невежественного истребления, от непогоды, от крыс и мышей! В монастырских башнях, в подволоках колоколен, в подвалах церквей, в архивах консисторий, во многих ризницах, особенно в губерниях северного края, хранятся богатые склады драгоценных рукописей, никому на месте не нужных. Другие рукописи хотя и сохранны, но недоступны в дворцовых архивах и библиотеках и в ведомстве Министерства внутренних дел.

Один из исследователей древнего византийского и римского церковного пения, Гастуэ, говорит: «В противоположность латинянам, хранившим со всевозможным тщанием первоначальные мелодии своих литургий, византийские музыканты... нисколько не радели о сохранении своих древних напевов... Во многих библиотеках на Востоке имеются рукописи, где древние певческие знаки искусно стерты и заменены новыми»⁵. Теперь изобретен способ восстанавливать такие палимпсесты, но как восстановить съеденное мышами или истлевшее от сырости?

На Западе все искусство развилось на основании христианских напевов, оберегавшихся латинской церковью с особой строгостью, но с неизменной готовностью идти навстречу всем католикам, желающим изучить и разработать их; вот почему уже к XVI веку выросли из этих напевов целые памятники церковно-певческого искусства в трудах Палестрины и Орlando Лассо.

У нас, богатых наследием христианского Востока, у нас, поющих на родном славянском языке, а не как в церкви латинской на языке мертвом, обязательно предписанном, — у нас сложилось духовных старинных напевов несравненно больше, чем у любого народа на Западе. Художественное достояние наше велико и обильно, но порядка в нем нет. Вот почему наши напевы, не собранные, не изданные, не истолкованные, до сих пор оставались у нас почти без воздействия на музыкальное наше искусство.

Однако может оказаться, что наши древние напевы не уступают напевам западным не только по количеству и разнообразию, но и по качеству.

Нельзя предвидеть великолепия того расцвета искусства, которому они могут послужить живым корнем.

III.

Третью задачу составили бы труды по изучению древних и народных напевов церковных и мирских с точки зрения научно-художественной. Тесная связь между нашими мирскими народными напевами и церковными указана в сообщении Ст. Вас. Смоленского, читанном 28 ноября 1903 года.

⁵ Amédée Gastoué. La Tradition ancienne dans le chant Byzantin. Paris, 1899. P. 3.

О высоком художественном совершенстве древних церковных наших песнопений в отношении формы упомянул Ст. В. Смоленский в своем реферате «О древнерусских певческих нотациях», читанном 26 января 1901 года.

Будущность русского музыкального творчества, здоровое и плодотворное развитие его находятся в зависимости от близкого изучения древних и народных напевов: от выяснения присущих им оборотов, мелодических и ритмических, и условий, согласно которым они складываются в определенные формы. Если кто из малоосведомленных в этой области спросит, не напрасна ли надежда найти свежие источники вдохновения там, где все поросло седым мохом старины, вникнув в достояние прошлого, доискаться новых проявлений красоты, — можно в ответ напомнить о другом искусстве, наиболее имеющем сходство с музыкальными формами, — об искусстве зодческом.

Древние египетские храмы, воздвигнутые более 3000 лет тому назад, не восхищают ли донныне зрителя, как восхищали некогда древних эллинов, этих требовательных эстетиков? Не являются ли они донныне образцом высокого художества, принадлежа к совершеннейшим формам зодческого искусства?

На это могут возразить, что иное дело искусство музыкальное, что в этой области успехи стали заметны и быстры всего за несколько последних столетий, а у более дальнего прошлого нам научиться нечему. Так, по крайней мере, читаем мы почти во всех учебниках и во многих историях музыки, так (за редкими исключениями) учат и в наших консерваториях. Но справедливо ли это? Дадим себе труд всмотреться в построение менее наглядное, но не менее симметричное, чем храм в Карнаке, в построение древних молитвенных песнопений, этих памятников слова и звука. Возьмем для примера пасхальные стихиры «Да воскреснет Бог», знаменный распев которых раздается в эту неделю по всей нашей родине. Мы увидим, что чередование в них певчих строк представляет продуманную и выработанную форму, столь же ясную и совершенную, как форма сонета или форма музыкального рондо новейшего склада⁶.

Мы еще не имеем возможности с достоверностью определить, когда именно сложены эти стихиры, но, во всяком случае, то было ранее полного расцвета западного музыкального искусства, а может быть, и на много веков ранее. Донныне, в настоящем виде, они так же прекрасны по художественному построе-

---

⁶ Чередование трех тем в наиболее выработанных рондо Бетховена можно представить формулой:

АВА + С + АВА (см. сонаты № 3, 8, 15).

Чередование трех тем, или певчих мелодий, в стихирах на Пасху можно представить формулой:

АВС + В + СВА (см. изложение певчих строк в статье «О собрании рукописей при Московском Синодальном училище» С. В. Смоленского, отдельный оттиск «Русской музыкальной газеты», 1899, л. 20).

нию напева, как и по смелости своих поэтических образов и по внутреннему своему содержанию.

Одно то, что напев уцелел и постоянно исполняется в течение многих веков, не указывает ли на высокие его достоинства?

Может быть, внимательное рассмотрение убедило бы нас в том, что как в построении древнего Карнакского храма, так и в сложении слов и распева наших древних, по-видимому совершенно простых песнопений одинаково проявились математически точные, незыблемые законы истинной красоты.

Если мы обратимся к составным частям построения стихир, к ходу мелодии и к ритмике, то мы найдем столько нового по сравнению с общепринятыми, современными европейскими оборотами музыкальной речи, что должны будем убедиться, как тут много не анализированного, не приведенного в известность, но своеобразно симметричного, могучего и совершенно разработанного.

Придется удивляться, как мы могли, подчиняясь иноземным влияниям, самовольно так стеснить свою художественную свободу западными формами, так ограничить себя, так не заметить и не понять всей опасности могущего последовать своего оскудения.

Если остановить внимание на отношении напевов к словам, на мелодичной декламации наших песнопений, то мы должны будем признать, что перед нами готовый образец того выразительного музыкального сопровождения слов, повышающего значение их и, однако, подвластного им, об отсутствии которого скорбели и писали реформаторы западной оперной музыки, Глюк в XVIII веке и еще недавно Вагнер. Глюк и Вагнер старались ввести в свои театральные произведения естественную мелодическую декламацию как гениальное новшество, едва ли подозревая, что уже много веков образцы его ежедневно раздаются на клиросах наших сельских церквей.

Такое заявление может показаться парадоксальным, но это сравнение касается одних мелодий, и для того, чтобы довершить его, приходится представить себе лучшие оперные речитативы в одноголосном исполнении деревенского дьячка.

В нашем знаменном напеве лирическое изложение и повествовательное чередуются согласно смыслу слов; при этом добавочные мелодические украшения, так называемые фиты, не уступают по музыкальному интересу, выразительности и смелости самым сложным украшениям прекрасных речитативов в ораториях Баха. Разумеется, здесь идет речь о полной мелодии распева в подлинном крюковом изложении.

Любопытно бы спросить мнение тех, кто даст себе труд пропеть сперва эти стихиры, затем речитативы из образцового оперного произведения, например, из «Орфея» Глюка (без аккомпанемента): где окажется более разнообразия и гибкости в рисунке мелодий, где больше свободы и, вместе с тем, естественности и смелости выражения?

Недостает древним напевам только красок, какие придает мелодии полифонное гармоническое сопровождение, сочетание ее с другими голосами.

Симметричность пасхальных стихир имеет ту особенность, что она основана на пятичастной системе, которая особенно усматривается в ритмическом их сложении⁷.

Из нечетных ритмов на Западе употребляется только трехдольный, у нас же в церковных и народных мелодиях часто встречаются деления на 5 и на 7. Эти нечетные, составные ритмы гибче, эластичнее, разнообразнее и изящнее аккуратного-размеренного квадратного немецкого деления на равные такты — двух-, трех- или четырехдольные.

В последних творениях Бетховена заметно стремление перейти к большей ритмической свободе и к новым звукорядам, напоминающим древнеэллинические, точно ему под конец стало не хватать слов в той западной музыкальной речи, высшим поэтом которой он является.

Глинка, употребляя в «Жизни за царя», в «Руслане и Людмиле» и во многих менее крупных своих произведениях своеобразные глубоко народные обороты русской музыкальной речи, действовал по гениальному чутью. Но когда он стал мечтать о проложении хотя тропинки к нашей церковной музыке, он сразу сознал необходимость теоретического обоснования для новых своих трудов. Опираясь на музыкально-научную теорию древнерусских напевов он не мог; она не выяснена поньше, а полвека тому назад еще не приступали к начальному изучению ее. Вот почему Глинка обратился, со свойственным ему усердием, к единственной науке, которая в то время была известна в подобной области, и предался изучению произведений Палестрины и Лассо, в надежде применить к русскому церковному пению теорию западного церковно-певческого искусства.

Сказать решительного слова о применимости западного «строгостилья» к славянским напевам Глинка не успел. Но все его творчество должно привести нас к убеждению, что нам следует изучать западную науку и приемы не для того, чтобы слепо перенимать их, восхищаясь ими без разбора, а наоборот, для того, чтобы вполне овладеть технической их стороной, пользоваться ими как орудием, свободно применяя из них годное для сочетания с родным строем и вдохновением.

Определить же, что именно из чужого годится нам и почему, можно только при любви и понимании своего родного. Без этой любви не удалось бы Глинке облечь наши серые простонародные звуки в сродное им богатое убранство, хоровое и оркестровое, и не оставил бы он нам высокохудожественные

---

⁷ Подробности об этом — в статье Н. И. Компанейского «Стихиры Пасхи» («Русская музыкальная газета», 1902, № 20—21). Здесь 5 стихир, 5 запевов, 5 средних строк с несколькими парами дополнительных строк и 5 припевов. Кроме того, типичные мелодии этих стихир группируются из 5 тонов или же умножением на 5.

страницы, совершенно согласные со складом и внутренним смыслом народных наших песней.

Может быть именно эти страницы способствовали тому, что кн. В. Ф. Одоевский уверовал в музыкально-научное и в художественное значение древнерусских певческих вдохновений и вскоре после смерти Глинки заговорил о желательности доискаться правил нашей древней музыкальной техники, «как церковной, так и мирской».

За последние 40 лет труды Разумовского, Арнольда, Вознесенского, Компанейского, Металлова, Смоленского и других в области теории древнерусских церковных напевов стали проливать свет на многие стороны дела и открывать доступ к целому миру красоты. Труды Мельгунова, Сокальского и многих других, фонографические записи Линевой сделали то же для мирских народных песен, собрание, издание и исследование которых продолжается с новым и возрастающим усердием.

Наконец, многие из лучших русских художников-музыкантов стали писать многоголосные сопровождения к древним одноголосным напевам; эти опыты все чаще раздаются в духовных концертах и на клиросе.

Но дело изучения крюковых напевов и рукописей еще не имеет у нас той научной постановки, которая за последнее время придана ему на Западе. Однако исследование родников западного искусства имеет для протестантов лишь историческое, а для католиков и богослужebное значение, тогда как у нас изучение древнерусских не использованных еще напевов имеет, сверх того, живительную силу для будущности русского искусства; для русских музыкальных сочинителей оно становится насущной потребностью.

Не пришло ли время приведением материала в известность и в порядок, классификацией его, переводом напевов с крюкового на обыкновенное нотное письмо, изданием хотя бы наиболее выдающихся образцов — прийти на помощь и навстречу художникам, дать им возможность пользоваться достоянием прошлого сознательно и последовательно.

Ввиду этого позволяем себе выразить следующие пожелания:

I. Желательно было бы продолжать собрание крюковых рукописей и подробную каталогизацию их, причем не следует пренебрегать записью церковных напевов, сохраненных устным преданием, а также духовных стихов и древних народных песен. Лучший способ записи — фонографический.

II. Полезно было бы составить указатели: а) всех русских изданий (книг, статей, сборников и переложений) и рукописных трактатов по XVII век включительно, касающихся древнерусских церковных песнопений; б) исследований и сборников народных русских песен; в) лучших исследований крюковых (невматических) иностранных древних рукописей, латинских, византийских и проч. Такие указатели могли бы служить пособием для основания библиотеки, с целью облегчить дальнейшие научные и художественные труды в этой области.

III. Хорошо было бы открыть курс истории церковного пения, с музыкальными иллюстрациями в исполнении хора или хотя бы фисгармонии, при истолковании особенностей уже исследованных напевов.

История русских крюковых напевов еще не выяснена, никто еще не проследил их постепенного развития, и немного известно о творцах их.

Кто были первые составители любимых нами, ставших нам родными напевов, в какой келии, пустыне или храме раздались впервые звуки ирмоса «Помощник и Покровитель» или греческого роспева «Ангел вопиаше», взятые затем в основу всем известных переложений Бортнянского, — этого теперь нам никто не скажет.

Нам ведомо одно: уже много веков эти напевы сопровождают слова тех молитв, которые без малого тысячу лет служат для русских христиан пособием покаянного обновления и светлой радости. Среди всех нынешних перемен быта и народного строя, среди нововведений культуры, среди войн, разных мятежей и новых тревожных вопросов, возникающих с каждым столетием, с каждым поколением, — остаются неизменными запросы внутренней жизни верующей души. В настоящие дни от Соловецкого монастыря до горных обителей Закавказья, от столичных соборов и дворцов до походных полковых и лазаретных церквей на Дальнем Востоке — повсюду раздаются одни и те же молитвословия в разнообразной и прекрасной оправе знакомых нам древних напевов.

Российская церковь вместе с таинствами, вместе с обрядами святоотеческих и соборных постановлений, вместе со словами богослужебного круга восприняла от первых девяти веков христианства и целиком сохранила особый основной склад богослужебного пения, совершенно отличный от склада светской музыки. Гласовые и прочие церковные напевы у каждого народа носят отпечаток его национальных особенностей, но, отличаясь по своему складу от песней мирских, они требуют изучения отдельного, связанного с изучением крюков.

Русские «роспевы» и «гласы» достойны внимательного изучения. Только при совершенном понимании их внутреннего строя можно будет дать древнерусским напевам вполне согласную с ними гармонизацию.

К этому же убеждению пришел и Чайковский много десятков лет после того как был написан проект об отпечатании древнероссийских крюков. «Как должно гармонизировать древние напевы, надлежащим образом не решил еще никто, — писал он. — Новый путь заключается в возвращении к седой старине».

Только при содействии древней письменности можно влить новую жизнь в эту отрасль нашей родной археологии и родного нашего искусства — отрасль, составляющую донныне живое сокровище русского народа и могущую послужить нам «на благое просвещение».

Приложение

Перечень древнерусских крюковых рукописей XI—XIV веков по указателю Н. В. Волкова (Памятники древней письменности. Вып. СХХIII):

Минеи:

№ 241—250. Минеи служебные конца XII или начала XIII в., Моск. Синод. Библиотеки № 159—168.

№ 266. Минея служебная, сентябрь и октябрь. XIII в., Петербургской Духовной Академии, Соф. отд., № 188.

№ 317. Минея праздничная, начала XIII в. (по каталогу XI—XII в.), Имп. Публ. Библиотеки (Q, п. 1, № 12).

Стихирари:

№ 327. Стихирарь праздничный, начала XII в., Моск. Тип. Библ., № 303.

№ 328. Стихираря праздничного отрывок, начала XII в., Имп. Академии Наук, из финляндских отрывков, № 13.

№ 329. Стихирарь праздничный, 1157 г., Моск. Синод. Библиотеки № 359.

№ 331. Стихирарь праздничный, XII в., Моск. Типогр. Библ., № 330.

№ 332. Стихирарь праздничный, XII в., Моск. Синод. Библ., № 279.

№ 333. Стихирарь праздничный, XII в., Моск. Синод. Библ., № 572.

№ 334. Стихирарь праздничный, XII в., Имп. Публ. Библ., собр. гр. Толстого (отд. II, № 1).

№ 336. Стихираря отрывок, XII в., Имп. Публ. Библ., из собрания епископа Порфирия (отд. F, Q, № 39).

№ 338. Стихирарь праздничный, XIII в., Имп. Академии Наук, № 16.

№ 341. Стихирарь праздничный, XIV в., Моск. Дух. Академии (из библиотеки Иосифова монастыря, № 3).

№ 342. Стихирарь праздничный, Моск. Публ. и Рум. Музея, отд. Румянц., № ССССХХ.

Ирмологи:

№ 344. Ирмолог, XII в., Моск. Типогр. Библ., № 307.

№ 345. Ирмолог, XII в., Моск. Типогр. Библ., № 308.

№ 347. Ирмолог, около 1249 г., принадлежал купцу Т. Самсонову.

№ 349. Ирмолог, XII в., Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (по Описанию архимандрита Амфилохия, с. 42—44).

Кондакари:

№ 354. Кондакарь, так называемый «Нижегородский», XII в., Имп. Публ. Библ. (отд. F, Q, № 32).

№ 355. Кондакарь, XII в., Троице-Сергиевой лавры, № 23.

№ 356. Кондакарь, 1207 г., Моск. Синод. Библ. (прежде хранился в Московском Успенском соборе, № 9).

№ 357. Кондакарь, XIII в. (по Срезневскому — конца XII в.), Моск. Синод. Библ., № 777.

№ 361. Триодь постная, XII в., Моск. Синод. Библ., № 319.

№ 364. Триодь постная и цветная, конца XII в., Моск. Тип. Библ., № 306.

№ 414. Каноны и седальны из миней и триодей, XIII в., Петербургской Духовной Академии, Софийское отделение, № 185.

№ 480. Устав церковный с кондакарем нотным, XII в., Моск. Типогр. Библ., № 285.

2. С. С. Волкова

Предисловие к Воспоминаниям Смоленского

Воспоминания С. В. Смоленского были написаны летом 1902 года, вскоре после вступления его в должность управляющего Певческой капеллой. Они написаны спешно и нуждаются в пополнении и пояснении.

Полная и точная характеристика деятельности и личности Степана Васильевича могла бы состояться из очерков разных людей, близко знакомых с его трудами по разным отраслям.

Общественная его деятельность распространялась на несколько областей. Во-первых, научно-археологическую, по собиранию, сличению и каталогизации церковно-певческих рукописей и по ближайшему исследованию их, начиная от древних русских крюковых и кончая славянскими и греческими. Во-вторых — область педагогическую и рядом с нею хозяйственно-административную, а именно — в Московском Синодальном училище и, позже, в Придворной певческой капелле. Наконец — область музыкально-певческую практическую, прикладную, где он трудился как гармонизатор и издатель и как непосредственный руководитель по церковному хоровому пению. По уходе из Придворной капеллы он основал в Петрограде Регентское училище. В связи с этим стал издаваться общедоступный журнал «Хоровое и регентское дело». Смоленский начал читать лекции по истории церковного пения в университете — такой курс вводился впервые благодаря ему. Смерть застала его среди этих занятий в 1909 году, на 57-м [правильно: 61-м] году жизни. Воспоминания содержат автобиографию его детства и молодости, а дальнейшие главы их относятся к позднейшей его

деятельности. Настоящий очерк, составленный по просьбе издателей вместо предисловия, имеет целью отметить некоторые черты его характера и плоды его деятельности; передать слышанные о нем отзывы; выяснить те взгляды и стремления Смоленского, какие высказаны им не только в появившихся в печати трудах его, но и в некоторых беседах, письмах и заметках.

*

Мое первое знакомство со Степаном Васильевичем Смоленским относится к 1891 году, когда он был директором Московского Синодального училища. К тому же времени относится следующий отзыв бывшего певчего Синодального хора И. Е. Бохина, состоявшего в хоре с 1892 по 1895 год. С этим певчим мне пришлось в одном имении летом 1917 года участвовать в церковном хоре. Хор пользовался цифирными нотами Смоленского, а также его нотной партитурой всенощной, и это привело к разговору и отзыву, тут же мной записанному по возможности дословно, в присутствии самого И. Е. Бохина.

Как человек Смоленский стремился довести людей до дела в учебном смысле. Он говорил взрослым певчим: «Старайтесь дольше учиться, не торопитесь с заработком, чтобы впоследствии не оказаться недоучками. Певцом вы можете быть в любом хоре, а здесь, в училище, пользуйтесь случаем учиться. Здесь вам дают квартиру, содержание и бесплатное обучение». Многие поступали на жалованье в 29 рублей 40 копеек при готовой квартире с отоплением, на своих харчах, причем Смоленский не позволял петь на стороне. Он сказывал, что сам смолоду не добивался заработка, а добивался науки. «Будущность ваша впереди, — говорил он, — и она вас неожиданной найдет». При этом он был участлив и страшно ревностный к маленькой жизни людей. Он многих удерживал от пагубных привычек и близко наблюдал за поведением певчих. Увещения его многих спасли. «При мутной голове какое же учение», — замечал он бывало. Вставал он раньше всех, ложился позже всех. В старом здании, еще до перестройки, кабинет его был внизу, у окон не было занавесок, и всегда видно было его сидящим за работой при лампе до поздней ночи. Днем он из этого окна мог наблюдать за проходящими в классы взрослыми певчими, жившими в то время в двух упраздненных монастырях: в Крестовоздвиженском на Воздвиженке и в Георгиевском на углу Б. Дмитровки и Газетного переуллка; да на самом дворе училища было еще квартир 15.

Классы начинались с восьми часов утра. Смоленский, исполняя свой долг, часто заходил в классы, следил за учениками и за преподавателями. Сам он преподавал теорию музыки, так называемую вторую гармонию, в старших классах. До Смоленского взрослые певчие ничему (кроме, конечно, участия в хоре) не учились, а при нем вменялось всем в обязанность пройти курс теории: гармонию первую и вторую и контрапункт. Были занятия по изучению крюков, не обязательные для всех. Ради классов теории поступали сюда певчие из других московских хоров и приезжие из

других мест, иногда послушники из монастырей, с благословения своих настоятелей. Эти ученики принимались сверх штата, не более трех-четырех человек. Курс церковного устава для взрослых певчих не было — они должны были практикой доходить до многого. Практике много способствовали всенощные, служившиеся в зале училища: на них учились регентовать ученики, управляя хором. Уставщиков было два. Церковные книги были поручены хранению этих двух уставщиков правого и левого клиросов. В то время, кажется, не было библиотеки церковных книг и учебников для взрослых певчих, да и читать было некогда тем, кто серьезно относился к занятиям. Для детей имелась большая книжная библиотека; нотная же библиотека была громадная. Сольфеджио и чтение с листа, а также диктант были при Смоленском обязательны. Без этого певчий считался неграмотным. Певчие радовались развитию и познанию; большие и малые пели с большим удовольствием. Разучивание стало даваться легко и скоро. Сколько раз пели с листа при Петре Ильиче Чайковском. Пели и при Рахманинове, совсем еще молодом, когда он однажды принес свой концерт «В молитвах неусыпающую Богородицу». Ежедневные двухчасовые утренние спевки проходили бодро. На общих спевках пели Моцарта, Баха, Палестрину как упражнения для чтения с листа. В классах же проходились мелодии гласовые, по особым литографированным книжечкам, раздаваемым ученикам на руки.

С детьми Смоленский был обходителен, даже ласков, а по учению был взыскателен. Иногда он с детьми гулял, обыкновенно с целью показать им что-либо. Он водил их и на Вербное Воскресенье, покупал детям золотых рыбок, чтобы они сами за ними ухаживали.

Последняя подробность из рассказов бывшего певчего напомнила мне другую, ранее слышанную, о посадке американского винограда у стены училища, выходящей во двор. По указанию Смоленского воспитанники сами сажали этот виноград, ухаживая каждый за посаженным им растением.

Припоминаются также живые рассказы одного архимандрита, встреченного мною в глуши одной приволжской губернии. Он воспитывался в Казанской семинарии, где Смоленский в то время преподавал географию, и вспоминал его с любовью. Однако в младших классах любили посмеяться над живыми жестами учителя. Однажды перед уроком будущий архимандрит, взобравшись на кафедру, стал перенимать учителя и не заметил, как тот вошел. Учитель же обнял его и, поцеловав, сказал: «Какая же ты у меня славная обезьяна».

Одно время распространялись слухи, будто Смоленский бьет учеников в Синодальном училище или по крайней мере допускает телесные наказания. Я спросила певчего Бохина, не знает ли он, на чем основаны эти слухи. Бохин удивился. Сказав, что впервые слышит об этом и что за четыре года пребывания в Синодальном хоре никогда ничего похожего не слышал, хотя находился в постоянном общении с детьми. На мой вопрос самому Смоленскому по тому же поводу он ответил, что в молодости поднимал семь или восемь пудов — в точности не помнит. «Да и теперь, — сказал он, — что бы осталось от ребенка,

если бы я его тронул?!» Его отношение к телесным наказаниям было совершенно отрицательное, несмотря на его осведомленность о западных системах воспитания. По многим отзывам, Смоленский любил детей, щадил и опекал их. Своих детей у него не было. Он был хороший семьянин, к родным был внимателен и участлив. По отзыву Е. А. Верещагиной, урожденной Львовой, знавшей семью Смоленского в Казани, на первый свой заработок он сюрпризом купил для своей матери в подарок комод.

Смоленский очень жалел больных и при уходе за ними бывал нежен и умел, как старая няня; перевязки делал отлично и особенно бережно, со свойственной ему аккуратностью. Соблюдая порядок в собственных денежных делах, он и жена его всегда готовы были прийти на помощь ближним. После смерти их говорили, что они многих выручали из беды, помогая втайне. Этим, вероятно, и объясняется, что при скромном строе их жизни у них не оказалось сбережений на черный день.

Однако и при всей глубокой к нему привязанности многих людей, всегда вспоминающих его с глубокой признательностью, он не пользовался популярностью. Он был горяч и настойчив, хотя и старался, по его словам, действовать «с кротким упорством». Часто, однако, в нем закипало ретивое, и тогда спокойствие утрачивалось. Упорство его тогда переставало быть «кротким». Когда Смоленский, при такой своей неуступчивости, сталкивался с непониманием и упрямством в людях власть имеющих, то «находила коса на камень». Благодаря этому свойству Смоленский ставил себя в тяжелое положение. Так, Смоленского отставляли от дел в разгар его деятельности, в то самое время, когда бывали достигнуты изумительные успехи, когда он приближался к заветной цели в налаженном и любимом труде, и в эти горькие дни многие сослуживцы не только не заступались за него, но и не выказывали ему сочувствия. Два раза пришлось ему покинуть хорошо налаженное и крепнущее дело — в Синодальном училище и в Капелле. Большинство его подчиненных, из бывших воспитанников училища и из певчих, мною встреченных, хранят о нем глубокую благодарность; но случалось встречать и таких, притом даже из людей хороших, которые были очень не расположены к нему и тяготились всем складом его характера. Эти люди находили нрав его крутым. Никто не оспаривал его горячей преданности делу, его энергичной деловитости, его безупречной честности. Но его приемы обращения вызывали раздражение и какую-то досаду.

Наоборот, обращение регента В. С. Орлова делало его крайне популярным. Он стоял гораздо ближе к певчим, его талантливость и обаяние привязывали к нему взрослых и детей; петь под его твердым и вдохновенным руководством было для многих из них наслаждением. До сих пор певчие с гордостью вспоминают, как он свободно читал двенадцатиголосные партитуры. Многие певчие не могли отдать себе отчета в том, насколько направлял Смоленский артистическую деятельность всего хора и самого В. С. Орлова. Совместные

труды пылкого организатора и знатока Смоленского и несравненного регента В. С. Орлова довели Синодальный хор до степени лучшего хора в России. Выдающиеся критики Вены, Рима и Берлина признали этот хор лучшим в Европе и во всем мире.

*

Моя первая встреча со Смоленским относится ко времени начала расцвета Синодального хора. Но еще до этой встречи имя его было для меня связано с дорогими впечатлениями по церковному пению, однако не столичными а самыми скромными и захолустными. Имя Смоленского стало мне известно через его цифирную методу. М. А. Веневитинов, директор Румянцевского музея, троюродный брат мой (его дед, граф Мих. Ю. Виельгорский, и моя бабушка по отцу были брат с сестрой), всячески поощрял мои занятия музыкой и присоветовал мне познакомиться с цифирным изданием Смоленского. Я приобрела эту книгу, содержащую и всенощную и литургию, и вскоре имела случай убедиться на собственном опыте, на деле в ее полезности. В 1890 и 1891 годах у нас в имении проводили лето детские колонии, то есть мальчиков шестнадцать из московских городских училищ, с двумя учителями. Почти у всех были голоса и слух и большая охота петь, и мы затеяли составить хор для пения в церкви. Мальчики были из разных школ и не только никогда раньше вместе не пели, но и вообще не все певали в хоре, и лишь немногие из них имели понятие о нотах. Только благодаря цифирной методе (нотации) оказалось возможным быстро научить детей нотной грамоте и разучить такие сложные песнопения, как, например, задостойник Турчанинова на Преображение. Это праздник у нас храмовый. И нам удалось, под самый отъезд колонии, завершить наше пение в церкви пением на Преображение не только за обедней, но и за всенощной. Это было тем более рискованно, что и регентша не имела никакого клиросного опыта, не знала устава, не всегда приноравливалась к тону возгласов. Всенощная прошла не без погрешностей, но помню, как после обедни престарелый отец благочинный похвалил наше пение задостойника. Он хвалил за то, что мы пропели мелодичное переложение Турчанинова «душком». Это выражение я слышала впервые и поняла, что когда хор поет осторожно, не громко, наблюдая за собою, следя за словами и нотами как бы шаг за шагом, то выходит иногда особенно хорошо, сдержанно и молитвенно: это и называется тут «душком». Дети живо усвоили цифирную запись. Занятия были не похожи на уроки, не классные, без доски и обыкновенно без инструмента. С листиками простой, нелинованной бумаги, где-нибудь в роще, на сеновале, на берегу реки в перерывах рыбной ловли, мальчики охотно собирались для спевки или для краткого, но упорного разучивания трудных мест. Кстати сказать, мальчики при этом держались внимательнее, чем при спевках в комнате. Хорошо сливались певческие молитвенные звуки со свет-

лыми, мирными впечатлениями зеленого приволья под открытым небом. Но я отвлеклась. Я была признательна Смоленскому за его цифирное издание; имя его осталось для меня связанным с этими первыми попытками составить хор.

В эти годы мы зимовали в Петрограде и лишь проездом бывали в Москве. Вспомнив восторженные отзывы одной приятельницы о всеобщих, бывших в зале Синодального училища, я воспользовалась одним таким проездом, чтобы зайти в училище и справиться, дозволяют ли присутствие посторонних на этих всеобщих. Смоленский вышел в переднюю, и достаточно было назвать любимого им С. А. Рачинского (Рачинский был товарищем по университету брата моей матери, князя В. В. Львова; последний рано умер, но Рачинский сохранил приятельские отношения с родными своего друга), чтобы при этой первой встрече сразу завязалась живая беседа. Оказалось, что всеобщих в ту осень не было, но Смоленский пожелал продолжить краткую беседу, коснувшуюся общих добрых знакомых и общих музыкальных интересов. Он побывал у нас в гостинице, где познакомился с моей матерью и сестрой. Велика была моя радость, когда он допустил меня на спевку хора.

Это было в зале Синодального училища, в светлое осеннее утро. В зале, обращенной окнами во двор, было тихо и светло. Спокойной и стройной чередой лились ясные звуковые сочетания старинной мессы Жоскена Дебре. Она навевала на душу мирную радость и упование. Никогда Палестрина не производил на меня такого неотразимого впечатления, как этот его несравненный фламандский предшественник. При такой обстановке эти звуки производили неизгладимое впечатление неземного мира. Мне показалось, что по своей нежности и прозрачности, по безмятежности своей Жоскен относится к Палестрине, как Моцарт к Бетховену или как Перуджино к Рафаэлю. Не помню, в это ли утро или в другое, мне случилось быть свидетельницей того, как прекрасно читали с листа синодальные певчие. Один начинающий композитор принес свою рукопись; сочинение было несложное и его тотчас пропели хором без запинки. Палестрина, Бах, Моцарт, Бетховен пелись хором с увлечением.

В 1900 году я проводила несколько недель у родных в Москве. На спевке Синодального хора я слышала впервые поразительное произведение Кастальского на слова «Сам Един еси Безсмертный»¹. Впечатление было захватывающее. И однако оно не было вполне удовлетворительным. Музыкальная иллюстрация слов подчеркивает всю суровую их драматичность — но где же в музыке хотя бы малый отзвук христианского упования, выраженного в словах «надгробное рыдание творяще песнь: аллилуиа»? Так и остается все это песнопение в одном суровом настроении, завершается на слове *аллилуиа* мрачными низкими звуками, без просвета, не воспарив от земли к небу. Не раз затем повторялась эта нецельность впечатления от произведений выучеников Синодального учи-

¹ *Примечание составителя:* Судя по публикуемым письмам, это произведение Кастальского Волкова впервые услышала в 1898.

лица — впечатление дwoящееся. Ибо признание высокой талантливости композиторов, удовлетворение музыкального слуха не пополняется удовлетворением внутренним, духовным. Есть разлад между духом церковных молитвословий и сопровождающей их музыкой, не свойственной всему *внутреннему* содержанию слов. Получается то неудовлетворение, какое ощущаешь при виде прекрасно написанного портрета любимого лица, где переданы искусно любимые черты и превосходно написано одеяние и все мелочи, но не схвачена любимая суть личности или подчеркнута лишь одна характерная черта в ущерб другим, не передана тонкая одухотворенность.

В ту осень, хотя я несколько раз видала Смоленского, но обстоятельства мало благоприятствовали обмену музыкальных мнений, как и позже зачастую случалось при встречах с ним. Я гостила у родных, у М. А. Веневитинова, незадолго пред тем передавшего Смоленскому некоторые сведения для статьи о графе М. Ю. Виельгорском, помещенной в «Русской музыкальной газете». Теперь, когда М. А. Веневитинов был тяжело болен и окружающие в семье его родные несли тяжкие утраты и испытания, Смоленский выказал неподдельное доброе сочувствие. За год перед этим он проявил сердечную отзывчивость и живую инициативу по отношению к одному мальчику, которого мне пришлось просить перевести из Чудовского хора в Синодальное училище. Смоленский нашел голос мальчика неподходящим для хора, но вместе с Войденовым, наблюдателем певческих хоров в Москве, он вник в его печальную участь и быстро принял относительно его те энергичные меры, какие признал надобными. Благодаря всему этому, сношения мои со Смоленским перешли из чисто музыкальной области на более личные. В конце 1900 года он сам переживал много трудного. Он был удален от должности и принужден покинуть любимое им дело, притом не только Синодальное училище и Синодальный хор, но и находящуюся при училище драгоценнейшую для него библиотеку церковно-певческих рукописей, единственную в России. Об этой грозящей беде он сообщил мне, весь потрясенный, сидя в этой самой библиотеке².

[Все тогда переживаемое подействовало на его здоровье, у него тогда уже появилась нервная одышка. Предчувствовал ли он тогда, что после его смерти это любимое его детище будет заброшено и не ограждено от тления?]

Спустя несколько времени ему было предложено место управляющего Придворной певческой капеллой. Здесь ему давалась возможность применить часть своих сил, но трудно было себе представить человека менее подходящего для придворной среды, и казалось, что он в Петрограде не найдет удовлетворения. Эти опасения сбылись.

---

² *Примечание С. С. Волковой:* Библиотека эта переведена в марте 1922 года в Исторический музей.

*

Из краткого очерка А. И. Яковлева³ мы видим, что в лице С. В. Смоленского Московское Синодальное училище получило директора, многосторонне подготовленного к порученной ему деятельности. Он обладал высшим образованием, пройдя при Казанском университете целых два факультета, юридический и историко-филологический. Он имел 15-летний педагогический опыт как преподаватель географии и как регент и преподаватель церковного пения при иноподданческой Учительской семинарии Ильминского, семинарии, работавшей по всем отраслям необыкновенно энергично и прославившей далеко за пределами Казанского края. Он был учеником Л. Ф. Львова по скрипке и был отлично начитан (музыкально) в классической музыке; камерную музыку он изучил, участвуя много лет в струнных квартетах (впрочем, скрипач он был плохой); симфоническую он проиграл в четыре руки. Он прошел курс гармонии (так называемый второй). Занявшись вопросом о преподавании церковного пения народу и детям в иноподданческих школах и семинариях всего Казанского края, он основательно изучил систему цифирной нотной записи Шеве, упростил и усовершенствовал ее. В 1885 году он издал цифирными нотами в этой упрощенной системе «Курс хорового церковного пения», составленный для преподавания в Казанской учительской семинарии. Этот курс содержит в 1-й части полный учебник теории гармонии в пределах надобного для понимания гармонизации обычного хорового церковного пения, до Бортнянского, Львова и Турчанинова включительно; 2-я часть содержит четырехголосные песнопения литургии и всенощной, а также служб великопостных, Пасхальных, панихиды, погребения и венчания. Наконец, С. В. Смоленский, отдавшись научному исследованию древнего русского церковного пения и крюковых рукописей, в 1888 году издал свой труд по разбору «Азбуки старца Мезенца», за который ему Академией наук была присуждена премия (или золотая медаль)⁴.

С. А. Рачинский присоветовал К. П. Победоносцеву назначить Смоленского директором Московского Синодального училища, зная, что Смоленский был многосторонне образован, необыкновенно трудолюбив, энергичен и предан делу преподавания пения церковного и хорового. Он оказался притом выдающимся композитором.

Смоленский был большим ценителем и знатоком светской классической музыки, но я мало помню его суждения о позднейших романтиках, о Вагнере или Скрябине. Помню, что он очень ценил музыку Ребикова и Гречанинова, с ними у него были к тому же хорошие личные отношения. Особенно хорошо знал он музыку камерную, так как в молодости он много играл на скрипке и

³ *Примечание составителя:* Этот очерк находится ныне в ГЦММК (ф. 148, № 21).

⁴ *Примечание составителя:* Правильно — Макариевская премия; медаль Академии наук Смоленский получил за отзыв на книгу В. М. Металлова.

постоянно участвовал в квартете у А. Ф. Львова. На фортепиано он играл по-старинному, со своеобразной осторожностью и точностью фразировки, иногда немного арпеджируя. Слышала я квартеты Бетховена в превосходной передаче лучших исполнителей; тем не менее вдумчивая, можно сказать, проникновенная передача их Смоленским при игре с ним в четыре руки еще особенно посвящала во все изгибы этой тонкой музыкальной речи. Он хорошо знал каждую ноту классической камерной музыки, и память его была превосходная. К сожалению, мне очень мало пришлось играть с ним. Однажды я сыграла со Степаном Васильевичем *f moll'*ный квартет Бетховена у Людмилы Ив. Шестаковой (сестры М. И. Глинки), и она осталась очень довольна исполнением.

Мне не совсем понятно, как уживалось в Смоленском это чуткое понимание, эта нежная фразировка тонкой камерной музыки с поощрением учеников Синодального училища при исполнении ими некоторых композиторов. Ученики-подростки, лет 16-ти, с беспощадной топорностью заучивали этюды или прелюдии Шопена и с уверенностью играли их, верно передавая написанные ноты, но совершенно не подозревая, что таится между строк и в чем вся суть и вся душа этой музыки. Было досадно, что директор на них радуется и что никто не объясняет этим юношам в серых куртках, что зазнаваться им от этого нечего, что это они читают по складам, а что до настоящей передачи Шопена им не достигнуть, как ребенку до луны.

Это впечатление у меня было особенно ярко после одного дня, из первых встреч со Смоленским, когда он позвал нас с кн. Н. Н. Мещерской (теперь женою графа П. Н. Игнатьева, бывшего министра народного просвещения) послушать игру учеников, без других слушателей, по-домашнему. Воспитанники, конечно, не выступали с этими пьесами, но все же казалось, что они готовы возомнить о себе, что они, по французской поговорке, «не знают всего того, чего не ведают» и готовы тянуться за своими консерваторскими соседями. Зато прекрасное впечатление производило их умение транспонировать. Они играли более простые из прелюдий и фуг Баха наизусть в различных тонах. Помню также хорошее впечатление от случайно услышанного исполнения Херувимской Глинки струнным квартетом учеников. Разыгрывая четырехголосные песнопения на четырех струнных инструментах, ученики прекрасно знакомились с ними. В данном же случае Херувимская Глинки звучала особенно выпукло, как будто выигрывала; ее «задержания» (полутоны) выступали еще патетичнее. При исполнении полным струнным оркестром она может быть захватывала бы за душу еще более, нежели при пении со словами, которым эти драматические гармонии придают своеобразное, не вполне свойственное словам толкование.

Смоленский старался всячески расширить музыкальные горизонты и облагородить вкусы воспитанников, а кстати и взрослых певчих. Пение Баха и Реквиема Моцарта под несравненным управлением В. С. Орлова действовало на певчих ободряюще, будило их энергию и музыкальность. Многие из детей на-

ходили в этом большое удовольствие. Веселые, резвые малыши объявляли, что поют «си-морную» (h moll) мессу Баха с особой охотой. Сын нашего сельского священника, мальчуган лет 12-ти, подтвердил это.

По поводу поступления именно этого мальчика в Синодальное училище началась переписка моя со Смоленским. Изредка она возобновлялась по разным поводам.

В 1901 году Смоленский был назначен управляющим Придворной капеллой и поселился в Петрограде, где бывал у нас и где приходилось отчасти следить за его служебными невзгодами. В мае 1902 года умер С. А. Рачинский, принимавший ближайшее участие в служебной деятельности Смоленского и письмами своими поддерживавший его в минуты уныния. Степан Васильевич, лишившись возможности делиться своими служебными скорбями с Рачинским, стал излагать их не только в своем дневнике, но и в своих Воспоминаниях и в своих письмах, в том числе и в обращенных ко мне. Переписка Смоленского с Рачинским цела, по крайней мере, письма Смоленского, вместе с другими обращенными к Рачинскому, сданы были последним в Петроградскую Публичную библиотеку, в переплетенных по годам, толстых, как книги, тетрадках. Смоленский имел потребность делиться своими страданиями и, вероятно, ни с кем из окружающих не мог этого делать. Жену свою он щадил, зная, что она все слишком принимает к сердцу, еще более болезненно нежели он.

По смерти Смоленского вдова его передала его дневники в Публичную библиотеку⁵, а Воспоминания мне, согласно письменному его распоряжению. Воспоминания эти были написаны по просьбе как моей, так и некоторых старейших знакомых Смоленского. По окончании первой тетради их, то есть приблизительно половины, он прислал их мне в деревню. С моим замечанием, что при издании их надо было бы весьма многое в них не только сократить, но и совсем опустить, он вполне согласился. Он еще более убедился в этом впоследствии, перелистывая как эту первую тетрадь, так и вторую, включающую пребывание его в Капелле. К сожалению, Воспоминания кончаются при выходе Смоленского из Капеллы. В них нет ничего о последовавшем вступлении Смоленского в члены Общества любителей древней письменности, о поездке его на Старый Афон в поисках за древними крюковыми рукописями, об учреждении им регентских курсов и начале издания месячного журнала «Хоровое и регентское дело» и, наконец, о читанных им в университете лекциях. Таким образом, Воспоминания не передают многие светлые страницы из жизни Смоленского, и слишком подробно и порою даже мелочно отражают они все тяжелые служебные столкновения. Воспоминания писались под их свежим впечатлением, и потому в конце второй тетради не напрасна приписка самого Смоленского: «Мне бросился в глаза также неспокойный, даже резкий, желчный оттенок описаний

⁵ *Примечание составителя:* Дневники Смоленского сейчас находятся в РГИА; об истории их передачи в архив см. вступительную статью к IV тому РДМ.

окружающего меня сверху. Поэтому я заключаю, что продолжение моих описаний преждевременно, так как может еще мною руководить в них чувство досады и трудность быть вполне беспристрастным. <...> Откладываю переделку обеих тетрадей моих Воспоминаний еще впредь на несколько лет».

Описание разных стычек с сослуживцами производит тем более тяжелое впечатление, что Смоленский писал сгоряча, слишком субъективно и мало заботясь о том, характерны ли в бытовом отношении записанные им эпизоды. Припоминаю сейчас разные мелочи из его рассказов о злоупотреблениях среди служащих Капеллы, более, пожалуй, характерные как для беспорядков в казенных ведомствах, так и для самого писавшего, нежели иные длинные и скучные страницы Воспоминаний.

Вот сцена, когда новый управляющий придворным хором — вместо любимых своих научных занятий крюками, попевками и рифмованием строк — надзирает за порядками хозяйственными в необычный для служащих ранний час, вероятно часов в шесть утра. Он застает взвешивание белья воспитанников для отправки в стирку и видит в узлах не только все тряпье семейных служащих, их жен и детей, но и просто кирпич и камень для прибавки веса. В другой раз Смоленский наткнулся на похищаемые служащими Капеллы бутылки казенных вин; раз ночью застиг воспитанников, пировавших над квартирой его. Можно себе представить, как возненавидели нового управляющего все те, кто снизу и доверху привыкли обманывать начальство и обирать казну. Таких было немало. Смоленский стал постепенно выживать их, расчищать вверенное ему заведение от всего нечестного. Ему за это всячески мстили и всеми способами пытались выжить его. Распускали нелепые слухи о новом управляющем; особенно упорно повторялись слухи о собственноручных телесных наказаниях и чуть ли не истязаниях учеников, а также о полном его невежестве в области музыкальной, доходящем якобы до музыкальной безграмотности.

Было трудно проверить со стороны первые из этих слухов. Я не спешила верить им. Вспоминались бывшие такие же московские слухи, но рядом с ними и сам мальчик, и родители его, и псаломщик соседнего села, поместивший своего брата в Синодальное училище, говорили, что Смоленский печется о детях как отец родной.

А. И. Шестакова, которую я любила навещать, передавала мне однажды, что эти слухи ее смущают и что в музыкальном мире «кучкистов» им стали верить, благодаря их упорству. Разговор происходил в спальне Людмилы Ивановны, и дверь была отворена в соседнюю комнату, где находилась ее верная и преданная служительница. Последняя, провожая меня в передней, заметила, что слышала весь разговор и что напрасно верят слухам о нехорошем обращении Смоленского с детьми; она сказала, что у нее в Капелле учится племянник и хвалит новые порядки, и от него она знает, что, наоборот, ученики стали ценить сердечное к ним отношение своего начальника. Слухи, по-видимому, рас-

пространялись сверху и с целью повредить своему строгому начальнику в глазах его высшего начальства и всего двора.

Обвинениям Смоленского в музыкальном невежестве легко было поверить со стороны потому, что он не прошел консерватории или специальных музыкальных курсов. Он имел университетское образование, а в музыке дошел до всего практикой, почти самоучкой и общением с музыкальным кружком Львова в Казани и с высшим музыкальным миром в Москве. У него были память и слух, и приобретенные им теоретические познания были очень точны.

Он горевал, что не был одарен композиторскими способностями; переложения же его вполне грамотны и ясны и явно принадлежат перу не только певчего-практика, но и теоретика, чего нельзя сказать о сотнях из распространенных церковно-певческих переложений. Вспоминаю также следующий эпизод. Издатель детских книг А. Ф. Девриен предложил мне составить нотный сборник любимых детских песен. Мне захотелось добавить к сборнику польку, связанную для меня с воспоминаниями раннего детства и о которой упоминает Смоленский в своих Воспоминаниях. Встретив его у Е. В. Сабуровой, я попросила его записать эту польку для сборника. Нашлась нотная бумага, и тут же за столом, среди беседы окружающих, в несколько минут была записана полька в том точно виде, в каком она помещена Девриеном на обложке «Серенького Козлика». Кажется, и переписывать ее не пришлось — она была словно гравирована. Не всякий выученик консерватории оказывается способным выполнить подобные несложные задачи.

Учебник гармонии, составленный Смоленским для желающих регентовать и изданный им лишь цифирными нотами, дает *все сведения*, необходимые регенту для того, чтобы разобраться в обычных четырехголосных изданиях церковного певческого Обихода. Переложения самого Смоленского написаны не только вполне музыкально грамотно и в певческом отношении умело и «благодарно», но и звучат они отлично и благородно. Есть, может быть, в некоторых из них, например в его «Панихиде на древние напевы», излишек гармоний, напоминающих мендельсоновские последования, несколько сентиментальные для церковного пения, но это дело музыкального вкуса, а не музыкальной словесности, грамматики. Последней Смоленский владел не хуже профессиональных музыкантов-специалистов, чьи имена наиболее известны из писавших для клироса...

РГАЛИ, ф. 723, оп. 1, № 29

В архивном фонде С. С. Волковой в РГАЛИ имеется рукопись, озаглавленная автором в разных вариантах: «очерк», «вместо предисловия», «характеристика». В одном из вариантов указано назначение текста — «по просьбе Б. В. Асафьева», в другом варианте упоминается очерк о Смоленском А. И. Яковлева. Таким образом, можно заключить,

что работа над текстом велась в 1916 или 1917, когда Воспоминания Смоленского (или их фрагменты) планировал издать сначала журнал «Музыкальный современник», а потом П. П. Сувчинский и Б. В. Асафьев, и что затем Волкова вернулась к своим записям в 1927, когда возник план публикации рукописи Смоленского издательством «Академия», для которого писал свой очерк А. И. Яковлев.

Рукопись Волковой содержит часть, переписанную начисто и поправленную (первый раздел настоящей публикации), а также ее продолжения и дополнения — чернилами и карандашом. Все тексты написаны в старой орфографии, очевидно, более привычной автору.

Для настоящего издания составлен максимально полный вариант текста, учитывающий все записи Волковой (в квадратные скобки заключены фразы, вычеркнутые в рукописи, но представляющие интерес). Воспоминаний о Смоленском вообще не много, тем более ценны строки человека, знавшего Степана Васильевича близко и в течение длительного времени. Можно полагать, что Волкова, взыскательно относившаяся к своим писаниям, о чем свидетельствует интенсивная, многослойная правка первого раздела ее воспоминаний, поправила бы многое в записях следующих разделов — если не черновых, то во всяком случае не окончательных, наверняка изгнав из них некоторые субъективные нюансы.

Для читателя, познакомившегося с перепиской Смоленского с Волковой, данный текст вряд ли нуждается в комментариях. Заметим только по поводу скрипичной техники Смоленского, что Волкова могла слышать игру Степана Васильевича после того, как он много лет не брал в руки этого инструмента (а взяв, сам был обескуражен потерей навыка): вероятно, в молодости, постоянно играя в ансамблях достаточно трудные пьесы, он был не столь уж слабым исполнителем. Для понимания Волковой задач церковной композиции характерен ее отзыв как о Жоскене Дебре, так и об икосо Кастаньского.

3. А. И. Смоленская — С. С. Волковой

Петербург, 29 ноября 1911

Глубокоуважаемая и дорогая Софья Сергеевна!

Степан Васильевич завещал «Воспоминания» Вам, и Вы полная хозяйка. Я хорошо знаю и помню В. А. Булычева. Он прекрасный, добрый человек, но чрезвычайно увлекающийся. Степан Васильевич его любил, ценил и как бескорыстного труженика, и как страстного любителя музыки. Степан Васильевич из своих немногочисленных вещей находил более удачными: «Ектении», Стихиры Пасхи, «Кто Бог велий» и некоторые номера панихиды (Синодальный хор, говорят, прекрасно поет эту панихиду). Из песнопений Кастаньского Степану Васильевичу очень нравились:

«Сам Един еси Безсмертный» (эта вещь его любимая),

Догматики,

«Милость мира» знаменного роспева.

Гречанинова: «Волною морскою», «Верую» и больше не помню.

Чеснокова: «Херувимская» на «Радуйся».

Я слышала, что П. Чесноков за этот год написал несколько вещей и посвятил их памяти Степана Васильевича. Говорят, что очень удачно вышла его вещь на «Погребение мирских человек».

А. В. Преображенский готовится к 11 декабря, а Финдейзен, кажется, отказался.

Простите, что так пишу, спешу дать ответы на все Ваши запросы поскорее, до 11 декабря осталось не много времени. Не умею высказать Вам, дорогая Софья Сергеевна, как я благодарна Вам за память о Степане Васильевиче. Сердечно благодарю за все.

Любящая Вас и уважающая Вас А. Смоленская.

Сегодня была у меня Елизавета Леонидовна Верещагина, и я не успела раньше Вам написать и пишу перед отходом почты и очень тороплюсь. Простите за такое писание, но времени нет переписать, да я, как нарочно, чувствую себя к тому и неважно.

РГБ, ф. 217 (Георгиевский), карт. 14, № 68

11 декабря 1911 в зале Синодального училища состоялось торжественное заседание в память Смоленского. Доклады делали А. И. Яковлев («Смоленский до перехода его в Москву») и А. В. Преображенский («Смоленский в его историко-археологических работах по церковному пению»; опубликован: Хоровое и регентское дело, 1912, № 7/8). В программе Синодального хора под управлением Н. М. Данилина прозвучали фрагменты из Панихиды Смоленского, его прокимен «Кто Бог велий», а также песнопения П. Г. Чеснокова, Гречанинова, Кастальского (не из числа названных в письме А. И. Смоленской). Волкова присутствовала на этом заседании. Упомянутый в письме Вячеслав Александрович Булычев — известный хормейстер, дирижер и организатор Московской симфонической капеллы (1905—1914).

Переписка с Д. В. Разумовским

Димитрий Разумовский: священник и ученый

Все занимающиеся русской духовной музыкой изучают и цитируют работы Димитрия Васильевича Разумовского — основоположника русской музыкальной медиевистики, которого современники сравнивали с крупнейшим деятелем певческой sprawy XVII века старцем Александром Мезенцем. Однако биография о. Димитрия Разумовского до сих пор не написана, а его огромный архив, сосредоточенный главным образом в Российской государственной библиотеке (отчасти и в других хранилищах), остается в целом неисследованным и неизданным. Таким образом, публикация переписки Смоленского с о. Димитрием освещает не только биографию Степана Васильевича, но и некоторые стороны жизни и деятельности Разумовского.

Д. В. Разумовский родился в 1818 году, он был сыном, внуком и правнуком священников села Воскресенского Одоевского уезда Тульской губернии. Известно, что он закончил Вифанскую духовную семинарию (расположенную рядом с Троице-Сергиевой лаврой), затем, в 1843-м, Киевскую духовную академию, после чего снова вернулся в родную семинарию и стал там профессором физики, математики и древнееврейского языка. В семинарии о. Димитрий пробыл семь лет, затем был рукоположен во священника к Николаевской церкви в доме Московской Духовной семинарии, через два года стал священником Николаевской церкви у Боровицких ворот Кремля, а в 1854 занял место настоятеля церкви св. Георгия на Всполье, где и оставался до конца своих дней, то есть 35 лет.

В этой краткой биографической справке нужно выделить несколько важных моментов.

Вифанская семинария была создана в 1800 году по мысли знаменитого святителя — митрополита Платона (Лёвшина), в 1900-м она праздновала свое столетие, и по этому случаю был выпущен сборник статей, речей и воспоминаний. В числе прочего там опубликована «Историческая записка» тогдашнего ректора протоиерея А. А. Беляева.

Дешевизна содержания в семинарии, — пишет он в частности, — была причиною того, что бедное сельское духовенство помещало своих детей предпочтительно в Вифанскую семинарию. Эта же дешевизна содержания вызвала наплыв в семинарию учеников иноепархиальных. Своёкоштные ходили в одежде самой разнообразной и не все в приличной, не имели теплой одежды для зимнего времени, спали на подстилках без простынь и наволок, под одеялами, сшитыми из разных заплат, но были довольны тем, что могли воспитываться в семинарии за плату, не обременительную для самого беднейшего родителя...¹

¹ Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской духовной семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 36.

В Вифанию отдавало детей беднейшее сельское духовенство в тех случаях, когда родители хотели «сохранить детей в своем звании». Ныне прославленный в лике святых митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) говорил: «Москвичи норовят вон, а вифанцы рады и скудному месту сельского псаломщика и священника»². Вифания имела свои преимущества: она была тесно связана с Лаврой и с Духовной академией, и об этой семинарии особенно заботились московские архиереи, потому что она являлась по самому своему основанию — именно «архиерейской». Вифанию сравнительно мало касались всякие реформы духовной школы, многочисленные в XIX столетии. Например, как указывают мемуаристы, когда после очередной реформы из семинарского курса были изъяты философия и преподавание отдельных предметов на латыни, в Вифании философия оставалась вместе с очень сильным преподаванием латыни. Для будущей деятельности ученого это существенная черта: о. Димитрий хорошо знал древние языки.

Отсвет лет, проведенных Разумовским в Киеве, можно найти в письме его знаменитого однокурсника по Академии — архимандрита Антонина (Капустина). Сохранилось несколько писем о. Антонина к Разумовскому. Одно из них, самое большое и интересное, посланное из Константинополя (где о. Антонин был тогда настоятелем русской посольской церкви), опубликовано в вышедшем несколько лет назад сборнике «Князь Владимир Одоевский» (письмо из архива В. Ф. Одоевского в Музее музыкальной культуры)³. Бывшие однокашники встретились в Москве два десятилетия спустя после окончания Киевской академии, в 1863-м, и письмо написано в связи с этой встречей. Архимандрит Антонин пересылает Разумовскому древнюю греческую рукопись Стихирарь и разные книги на греческом языке, очень интересуется ведущимися в Москве поисками истинного русского церковного пения, которое остроумно называет «старо-новым», передает Одоевскому и Разумовскому дипломы Константинопольского Музыкального общества и ласково именует о. Димитрия «музыкословеснейшим батюшкой», «милейшим отче» и «голубчиком». Кроме того о. Антонин пишет о полученном им послании о. Димитрия:

Оно возвратило меня не на одну минуту ко днам древним. Точно воскресли передо мною и старый и новый корпус, и летание... по Крещатику, и сидение у Якова Лысого в Забалканском [вероятно, трактире] 30 апреля не помню какого года, и вся другая красота поднебесная.

Жилось «академикам» не скучно, свидетельства чему можно обнаружить в биографических материалах о. Антонина, опубликованных архимандритом

² Там же. С. 45.

³ См.: Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы. М., 2005. С. 458—462.

Киприаном (Жерном), но оба они уже тогда определили круг своих научных интересов и много работали.

Известно, что особенной любовью, даже страстью к церковному пению Разумовский отличался уже в семинарии, а потом и в академии. Равным образом о. Антонин с молодости проникся любовью к христианскому Востоку, к византийским древностям. Кстати, о. Антонин тоже был очень музыкален, о чем могут свидетельствовать его многочисленные записки о своих путешествиях. Например, посетив Афон, он написал о пении в тамошних монастырях так, что это, вероятно, лучший источник на русском языке по афонскому пению в XIX веке (хотя сам архимандрит утверждал в цитированном письме к Разумовскому, что в отношении церковного пения «стоит на абсолютном бельмесе»). И со свойственным ему остроумием о. Антонин замечает по поводу пропагандируемых Разумовским гармонизаций древних роспевов в «строгом стиле» Н. М. Потулова:

Вы называете пение свое умильным по причине его строгости, отсутствия бемоло-диезов, сиксты и септимы... очень может быть. Но нет ни малейшего сомнения, что с бемоло-диезами пение бывает несравненно умильнее.

Это, конечно, вполне справедливо: гармонизации Потулова очень добросовестны в отношении сохранения роспева, но ничего творческого в них нет.

В архиве Разумовского в РГБ сохранилось еще два письма о. Антонина, от 1867 и от 1879 годов: в них есть личные поручения, которые свидетельствуют о глубоком доверии к корреспонденту, а есть и соображения о том, как важно было бы записывать современной нотацией пение всех православных церквей, не только греческой, но и армянской, «сирианской» и коптской.

Второй важный момент касается службы Разумовского в Вифании. Краткое воспоминание о его преподавательской деятельности помещено в том же сборнике к 100-летию семинарии:

Профессор физико-математических наук Димитрий Васильевич Разумовский, изложив другие части своей науки, обратил особенное внимание на Пасхалию и объяснял ее так отчетливо, что возбудил в учениках большую охоту к занятиям сим предметом. Лекции по физике начал он словами Апостола о Боге: «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видима» (Римл 1:20). Далее Димитрий Васильевич объяснял нам то, как должен Священник для научения прихожан пользоваться разными явлениями видимой среды⁴.

⁴ Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской духовной семинарии. С. 90.

Спустя много лет Разумовский и князь Одоевский будут писать друг другу «математические письма», посвященные акустическим проблемам разных ладовых систем, и вместе ставить причудливые физические опыты.

Автор приведенных воспоминаний, профессор Духовной академии Дмитрий Федорович Голубинский, был еще и родственником о. Димитрия Разумовского. Из воспоминаний графа Михаила Владимировича Толстого, который жил и учился некоторое время в Сергиевом Посаде (а потом стал медиком и духовным писателем), узнаем, на ком был женат о. Димитрий — на единственной дочери знаменитейшего профессора Федора Александровича Голубинского, Марии Федоровне, сестре единственного же сына профессора — Дмитрия Голубинского. Свадьба состоялась в Посаде в 1847 году. Мария Федоровна, как вспоминает Толстой, «скончалась в молодых еще летах»⁵. У них был единственный сын — Михаил, впоследствии живший с отцом до его последних дней.

Таким образом, Разумовскому досталась нелегкая доля священника-вдовца. Его сын Михаил окончил в 1868 Московскую духовную семинарию и с 1872 был псаломщиком в храме, где настоятельством отец. Из других документов, в частности из переписки Разумовского с С. Д. Шереметевым, выясняется, что Михаил помогал отцу в копировании текстов и нот и выполнял поручения по нотной корректуре в издательстве Юргенсона.

Заслуживает внимания семья, в которую вошел о. Димитрий после женитьбы. Федор Голубинский — образованнейший человек, крупнейший ученый-философ своей эпохи. Не одобряя увлечений западным мистицизмом, а тем более не симпатизируя спиритизму и прочему в этом роде, Голубинский занимался «учением о бесплотных духах и о состоянии души человеческой по разрешении от тела»⁶. Его сын Дмитрий Голубинский был видным специалистом по церковному календарю и Пасхалии. Таким образом, Разумовский попал в среду самой высокой, утонченной учености, в среду прекрасных, чистых людей и самоотверженных работников. Это наверняка тоже отразилось на его выборе жизненного пути и на том наследии, которое он оставил.

Несомненно также, что при всей погруженности в проблемы церковного пения главным в жизни о. Димитрия было священническое служение. Храм св. Георгия на Всполье, где он прослужил необычайно долго, ныне не существует, как и рядом с ним располагавшиеся дома Разумовского и членов причта. На месте храма на М. Никитской стоит Государственный Дом радиовещания и звукозаписи; тот переулок, на который левым торцом выходит это здание, назывался не Вспольным, как сейчас, а Георгиевским. Диякон этого храма Иоанн

⁵ Толстой М. В., граф. Хранилище моей памяти. М., 1995. С. 127.

⁶ Там же. С. 123.

Ильич Святославский в 1875 году выпустил очень насыщенный всякой исторической информацией и документами труд по истории св. Георгия на Всполье⁷.

Как можно судить из текста Святославского, в этом построенном первоначально в XVII веке храме никаких особых древностей и ценностей к середине XIX столетия не имелось, и приход его был относительно невелик. Территориально это половина М. Никитской, часть Георгиевского и Гранатного переулков, конец Б. Никитской, некоторая часть Б. Садовой, а также Кудринской площади и левой стороны Поварской. Это действительно небольшая сравнительно местность, но очень богатая историческими воспоминаниями. К началу 1870-х годов в приходе было 36 дворянских дворов и еще 13 дворов состоятельных людей. В числе первых упоминаются князь Александр Алексеевич Щербатов, в течение многих лет московский городской голова, и гофмейстер барон Михаил Львович Боден-Колычев. Второй, известный археолог, историк и коллекционер, довольно долго был старостой храма и многое сделал для него.

О служении о. Димитрия есть несколько строк в воспоминаниях Ю. К. Арнольда и Дмитрия Голубинского. Голубинский пишет, что директор Московской консерватории Николай Рубинштейн говаривал:

Нам все равно, сколько ни платить батюшке, потому что гонорар за свои профессорские занятия он оставит у нас же в пользу недостаточных учеников.

Арнольд вспоминает:

Он был небольшого роста, худенький и болезненного вида... Жизнь он вел весьма строгую, можно сказать — истинно постническую, и во всякое время дня и ночи был готов отправляться к своим прихожанам, когда они нуждались в его присутствии для исправления ли треб или для совещания с ним о каких-либо духовных или материальных своих нуждах.

Разумовский был, по выражению Арнольда, «христианский стоик» и «дорогой любимец всего его прихода»⁸.

Именно как священник о. Димитрий участвовал в важных событиях в жизни выдающихся людей своего времени. Он, друг князя Одоевского, вероятно,

---

⁷ См.: Святославский И. И., диакон. Летопись Георгиевской церкви. М., 1875. Сам диакон окончил Московскую духовную семинарию и служил сначала в другом районе города — в храме великомученицы Екатерины на Всполье (этот храм существует), где настоятелем был его отец, а к Разумовскому его переместил vikарный епископ Леонид (Краснопевков), близкий сотрудник митрополита Филарета (Дроздова), наверняка хорошо знавший Разумовского. Диакон Святославский с 1874 являлся, подобно Разумовскому, членом Общества любителей духовного просвещения.

⁸ Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. М., 2002. С. 110—112.

принял и его предсмертную исповедь (во всяком случае, он был у князя в вечер перед его кончиной и долго беседовал с ним). Он венчал брак Петра Ильича Чайковского в церкви св. Георгия на Всполье, и несмотря на все мрачное, связанное с этим событием, Чайковский гораздо позже с нежностью вспоминал, что один о. Димитрий в этот день сумел подействовать на него успокаивающе и ободряюще и совершил таинство со «свойственной ему художественной красотой». Надо полагать, Чайковский и исповедовался Разумовскому перед свадьбой. Позже он обратился к о. Димитрию за консультациями при сочинении своего Всенощного бдения⁹. Разумовский венчал брак Ивана Сергеевича Аксакова и Анны Федоровны Тютчевой в 1866. Аксаковы жили в тех местах, но не в приходе Разумовского. Очевидно, Иван Сергеевич неслучайно выбрал храм св. Георгия: он хорошо знал о. Димитрия. Позже, в 1875, он, например, пригласил Разумовского принять участие в отпевании их общего знакомого — историка М. П. Погодина (см. письма Аксакова к Разумовскому, хранящиеся в фонде последнего в РГБ). Наконец, в книге диакона Святославского говорится, что в 1871 благотельницей храма стала сестра И. С. Аксакова Софья Сергеевна, которая приобрела дом с флигелем, принадлежавший Разумовскому, перестроила и достроила его так, что там и получилось просторное помещение для настоятеля, и создалась возможность сдачи части дома в наем, — средства должны были идти на содержание церковных помещений и накапливаться для создания при храме приходской школы.

Можно еще вспомнить, что о. Димитрий был законоучителем во многих учебных заведениях, в том числе в Московской консерватории, где он вел историю церковного пения, и, как сказано в некрологе, пользовался в Москве большой популярностью как проповедник.

На его отпевании 4 января 1889 года в церкви св. Георгия присутствовало множество москвичей, включая городского голову Н. А. Алексева, директора Московской консерватории С. И. Танеева, руководителей Императорского Русского музыкального общества, профессоров, редакторов церковных изданий, студентов и проч.¹⁰ Возглавил службу преосвященный епископ Можайский Александр (Светлаков) в сослужении шести священников и при пении Синодального хора.

Остановимся теперь на некоторых событиях, связанных с профессиональной деятельностью о. Димитрия, — тех, которые упоминаются в публикуемой переписке.

⁹ См.: Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1990. Вступительная статья и Приложение 4.

¹⁰ В числе присутствовавших был и Смоленский — см. подробнее в его переписке с С. И. Танеевым.

Одна из таких тем — издание многотомного Круга церковного знаменного пения под эгидой Общества любителей церковной письменности, в котором принял самое активное участие о. Димитрий. Надо подчеркнуть, что это — первое русское крюковое издание, если, конечно, не считать примеров в книге Разумовского «Церковное пение в России» (1867—1869). Наборный крюковой шрифт для Круга с готовностью и радостью предоставил о. Димитрий, это была его собственность и его, вместе с князем Одоевским, изобретение¹¹.

Как удалось осуществить в 1880-е годы издание, которое было подготовлено старообрядческим уставщиком И. А. Фортовым и профинансировано очень известным старообрядческим предпринимателем Арсением Морозовым? Конечно, много значил авторитет ОЛДП, но все равно — старообрядческий по содержанию Круг это не то же самое, что изданные тем же ОЛДП и тоже с участием Разумовского знаменныя стихиры Ивана Грозного. Чтобы проект Круга прошел через духовную цензуру, нужны были особые аргументы, и о. Димитрий их нашел.

В РГБ хранится «Проект протокола заседания Общества любителей древней письменности об издании нотной рукописи И. А. Фортова, составленный Разумовским»; дата — 1883, черновик¹².

Профессор церковного пения в Московской консерватории Д. В. Разумовский заявил при этом, что он рассматривал нотную рукопись г. Фортова, представленную Обществу членом его Геннадием Феодоровичем Карповым. Нотная рукопись составляет собою полный Сборник церковного пения. В ней находится Ирмологий, Октоих, Обиход, Праздники и Трезвон. Письмо всего Сборника новое, предпринято и исполнено Иваном Аверьяновичем Фортовым. Нотная рукопись нового, даже новейшего, письма: но по содержанию своему служит памятником почти двухсотлетней старины отечественного церковного пения. Церковные мелодии в Сборнике знаменного роспева изображения безлинейными нотами с красными пометами Шайдурова, ученика Новгородской школы XVI века, и тушевыми признаками второй Комиссии, учрежденной в последние годы жизни царя Алексея Михайловича. Таким образом ноты в рукописи по самому почерку своему — служат памятником и составляют последний тип безлинейных нот. Текст священных песнопений, помещенный в рукописи, заимствован из печатных церковных книг, печатанных при Патриархе Иосифе, что и отмечено на полях самой рукописи с точным указанием на самые страницы печатных изданий.

Печатание подобной рукописи весьма важно во всех смыслах, археологическом, художественном и церковном. Оно предпринималось самим церковным и гражданским правительством еще в XVII веке; оно занимало директора Придворной певческой капеллы Д. С. Бортнянского, который в своем «Проекте» (самый проект г. Бортнян-

¹¹ См.: РДМ. Т. III. Раздел, посвященный В. Ф. Одоевскому.

¹² РГБ, ф. 380, карт. 5, № 12.

ского напечатан Обществом в протоколах к заседаниям его) объяснял все выгоды от подобного печатного издания. Там было сказано, что печатание безлинейных нотных книг знаменного церковного роспева, драгоценного сокровища для всех чтущих старый церковный обряд, служит вместе с тем для Православной церкви твердым основанием утверждать, что ее нотнолинейные книги в точности воспроизводят тот старый знаменный распев, который был известен прежним певцам-исполнителям церковного пения. Тщательное сличение нотных рукописей, принадлежащих разным векам русской церкви, без затруднения может найти весьма ясное сходство в почерке безлинейных нот знаменного роспева, а вместе и в самом мелодическом движении его.

Типографское искусство печатания безлинейных нот знаменного роспева представляет ныне немало удобства, потому что имеются готовые пунсоны и матрицы, по которым нетрудно будет изготовить достаточное количество знаков, необходимых для печатания безлинейных нот. Принадлежащие мне пунсоны и матрицы приготовлены были для издания написанной мною книги под заглавием «Церковное пение в России». Общество может наглядно убедиться, что шрифт нот в печатной книге несколько не разнится с шрифтом нот в нотном сборнике г. Фортова¹³.

При всем том Разумовский прекрасно понимал, что крюковой текст, предложенный И. А. Фортовым, не во всем тождествен книгам XVII века. Об этом свидетельствует его письмо к Смоленскому от 21 сентября 1884 года:

У старообрядцев сколько писцов, столько и образцов, — ничего положительного и определенного. Фортов — один из их же певцов, он — певец знающий. Но пределы знания крайне обширны даже и в области церковного пения. Азбука Фортова, также неоспоримо, содержит в себе немало совершенно произвольных положений.

К этому имеется комментарий Смоленского, процитировавшего утраченное письмо Разумовского в другом документе:

---

¹³ См. об этом в разделе «Общество древнерусского искусства» в III томе РДМ, а также в опубликованных в том же томе воспоминаниях Смоленского о Разумовском:

Крюковая нотация впервые была раскрыта о. Дмитрием толково, научно и вразумительно, а типографский шрифт, изображение которого, конечно, оценится только в будущем, сделан технически совершенно и остроумно. Только человек, своими руками набравший полный выпуск своего издания, мог придумать все частности этого оригинального шрифта. Следует еще прибавить, что изобретатель как истый ученый отказался от дальнейшей эксплуатации шрифта в свою пользу и что согласно воле покойного все матрицы, пунсоны и даже отлитые литеры поступили в собственность Московской Синодальной типографии (С. 109).

Нужно помнить ум и бесстрастие покойного, чтобы должным образом оценить эти слова.

Таким образом, о. Димитрий, отчетливо понимая характер данного текста, все же счел нужной его публикацию, ибо печатное издание, говоря его же словами, «положит предел тому произволу певцов-писцов, который видим почти в каждой рукописи». Протоиерей Разумовский заботился, конечно, не только о старообрядцах, но и о единстве русского церковного пения, это вообще было одной из главных его идей: много лет он руководил сверкой текстов при переиздании синодальных певческих книг на квадратной ноте. И его отзыв имел вес в Св. Синоде, потому что и Учебный комитет, и К. П. Победоносцев лично нередко обращались к о. Димитрию за рецензиями на те или иные рукописи и издания; эти письма и проекты рецензий в довольно большом количестве имеются в архиве Разумовского. Любопытная подробность: по предложению графа С. Д. Шереметева как председателя ОЛДП Разумовский представлялся вместе с ним государю при поднесении знаменного Круга. Во время аудиенции о. Димитрий, желая продемонстрировать смысл крюков, начал петь. Граф оторопел, но Александру III такая непосредственность понравилась, и потом он вспоминал об этом случае с удовольствием.

Как известно, Разумовский практически положил начало изучению истории древнерусских хоров (точнее, продолжил работу, начатую в этом направлении В. В. Стасовым) и опубликовал два очерка, посвященные патриаршим и государевым певчим дьякам¹⁴. Из переписки с Шереметевым выясняется, что граф, в бытность свою начальником Придворной капеллы, заказал ученому историю этого учреждения, и Разумовский ответил согласием; в его архиве подобрано очень много документов на данную тему. Однако историю Капеллы он не успел написать.

Другая очень важная тема — история нового, исправленного издания синодальных певчих книг на квадратной ноте. В этом деле, к которому Разумовский стремился еще с 1860-х годов и которым получил возможность практически заняться только в 1880-х, Смоленский стал его самым ревностным сотрудником, и, в сущности, участие в исправлении книг стало дополнительным важным аргументом в пользу приглашения Степана Васильевича в Москву.

Напомним основной ход событий в этой области (подробнее см. в томе III РДМ и особенно в сборнике «Князь Владимир Одоевский»).

В 1866 Одоевский писал в своем «Мнении», направленном министру народного просвещения:

¹⁴ См.: РДМ. Т. II, кн. I. Вступительная статья к разделу «Исследования» и публикация очерка Разумовского «Патриаршие певчие дьяки и поддьяки».

...И исторические наведения, и предание Церкви утверждают за нотными изданиями... непогрешимую и святую старину; следственно, здесь то основание, к которому ныне *единственно* должно обращаться для сохранения нашего церковного пения в его исконном, самобытном виде, — тем более, что сии напевы сохранились и в слухе народном... (РДМ. Т. III. С. 76)

Несколько раньше, в 1865, князь подал в Св. Синод две записки: о составлении комитета по корректуре певческих книг на квадратной ноте для последующих выверенных их изданий и о необходимости усовершенствовать певческую азбуку, помещаемую в Сокращенном Обиходе. Записки были отправлены из Синода к митрополиту Московскому Филарету, а тот запросил отзывы на них московских знатоков, в том числе Разумовского. Тогда был написан сохранившийся в архиве протоиерея текст под названием «Исправление печатных нотных книг», где излагались основные задачи предстоящей работы.

Уже после кончины князя, в мае 1869, основанное при его активнейшем содействии Общество древнерусского искусства получило отношение от обер-прокурора Св. Синода Д. А. Толстого с поручением учредить комиссию для исправления книг; ее, естественно, возглавил Разумовский. Были сделаны запросы в разные архивы, монастыри, библиотеки с просьбой предоставить для работы ряд рукописей. Но в начале 1870-х Общество древнерусского искусства прекратило свое существование.

В некрологе Разумовского, помещенном в «Церковных ведомостях» и написанном Дмитрием Соловьевым, говорится:

Когда в последнее время [то есть во второй половине 1880-х] возник вопрос о новом издании богослужебных певческих книг квадратной нотации, то Д. В. принял весьма близкое и деятельное участие в пересмотре, исправлении и дополнении означенных книг, а печатание их официально поручено было его непосредственному наблюдению¹⁵.

Через три года после кончины о. Димитрия цензор Московской Синодальной типографии М. В. Никольский, отвечая на критику нового издания книги «Праздники», замечал, что корректура издания читалась лучшими знатоками церковного пения в Москве — Д. В. Разумовским, С. В. Смоленским и единоверческим священником М. И. Щетневым.

В Воспоминаниях Смоленский обрисовывает свое участие в «книжной справе» следующим образом. В 1886 он был вызван в Синод в комиссию по обсуждению программ церковного пения для учебных заведений. Там он познакомился с разными деятелями и получил приглашение принять участие «в редакционных работах... по изданию нотных певческих книг»:

¹⁵ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1889. № 5. С. 118.

Я взял на себя поверку нотного текста Октоиха знаменного роспева и составление новой книги Трезвоны... Когда Октоих начали печатанием, Синодальная типография вызвала меня в Москву... (РДМ. Т. IV. С. 217).

Эта поездка в декабре 1888 — январе 1889 совпала с последними днями жизни Разумовского, который уже не смог встретиться со своим казанским учеником, но завещал ему консерваторскую кафедру истории церковного пения. В дальнейшем Смоленский продолжал работу над книгами на квадратной ноте в том направлении, которое было выработано под началом Разумовского, то есть, говоря его же словами из письма к А. Н. Шишкову в мае 1889:

Несравненный по красоте большой знаменный распев <...> есть лучшая и притом единственно употребительная до сих пор школа русского пения. <...> Я с полным убеждением и по чистой совести полагаю целесообразным продолжить издание Триоди в духе напечатанных Праздников и Октоиха, всегда печатаемого Ирмолога и приготовленных к печати Трезвонов, то есть большим знаменным распевом в самом правильном его изложении¹⁶.

*

Переписка Смоленского и Разумовского продолжалась около 12-ти лет, с 1876 вплоть до кончины о. Димитрия. Она сохранилась не полностью, хотя и в достаточно представительном виде.

Финал переписки — посылка Смоленским о. Димитрию из Казани отпечатанной «Азбуки Мезенца» в июле 1888, то есть за полгода до кончины протоиерея. Разумовский очень изящно, витиевато и вместе с тем сердечно поздравляет младшего коллегу:

Слава Богу, подавшему и поддерживавшему силы к труду необыкновенному, хотя и не обычайному. Честь и хвала Вам, трудившемуся и не затруднившемуся принять на себя и совершить поистине подвиг ученый и учебный.

А начинается переписка в ноябре 1876 с послания молодого казанского педагога, который принялся описывать певческие рукописи Соловецкой библиотеки, поступившей в Казанскую духовную академию, и который не знает пока, как за это взяться; позже он писал:

По Вашему благословиению, данному мне в Москве, я приступил к изучению древнего русского церковного пения и для того пользуюсь теперь рукописями Соловецкой библиотеки. Трудно мне, неопытному, мало знающему, вести это дело без

¹⁶ РГИА, ф. 1119, № 16, л. 159—162 об. Полностью см. это письмо в первой книге тома.

совета! на днях я встал в тупик перед некоторыми знаменами, найденными мною в двух рукописях.

Благословение было дано в мае 1876, когда Смоленский посетил Москву и познакомился с Димитрием Васильевичем. Эта встреча описана в Воспоминаниях:

Когда я сдал весной 1876 года экзамен в филологическом факультете, я был вынужден провести все лето в путешествиях, во время которых я проехал несколько раз Волгу, впервые побывал в милом Кашине, проехал из Нижнего в Москву, где познакомился с о. Разумовским, с Николаем Рубинштейном, П. И. Чайковским и со всею консерваториею... <...>

Но я точно не помню, чтобы мои занятия древними русскими напевами касались чего-либо более, кроме синодальных Обиходов... Я помню мой спор с почтеннейшим ученым, в котором я стоял за Турчанинова и за переложения Бортнянского и, особенно, Львова. Мы разгорячились оба, и я, как позволивший себе, вероятно, что-либо лишнее, должен был вынести сильнейшую вспышку о. Разумовского, начавшего мне говорить в гневе «ты»: «Если не поешь по крюкам — не об чем с тобой говорить — пошел вон». Я сообразил, что дело выходит совсем неладное, так как я по книге о. Разумовского [«Церковное пение в России»] уже высоко чтил его, да и маститый старец [Разумовскому в это время не было и 60-ти. — М. Р.] догадался, что хватил совсем через край. Конечно, мы тут же помирились, но упрек в неумении петь по крюкам запал мне в душу очень глубоко (Т. IV. С. 205—206).

Правда, в своей речи о Разумовском в годовщину его кончины (опубликована в III томе РДМ) Смоленский косвенно указывает другую дату их знакомства: он утверждает, что встретился с о. Димитрием 17 лет назад, то есть в 1873, но это явная ошибка. В несколько другом свете — окрашенном «поминальным» жанром — предстает в этой речи и начало их знакомства:

Невольно и с глубоким почтением вспоминаю давнишнее начало моего знакомства с покойным и весь ход последующих наших сношений, даже до самого дня его кончины. Вспоминаю потому, что отечески ласковое внимание к моим занятиям в Казани, вероятно, было совершенно сходно с теми отношениями, какие встречали в доме покойного или в его душевных письмах все серьезно занимавшиеся исследованиями нашего церковного пения. <...> Всевозможное внимание и содействие оказывалось мне при всяком случае в виде совета, указания, ободрения, справки и выписки из десятков источников, даже выдачи драгоценных рукописей, пересылки их в Казань (РДМ. Т. III. С. 109—110).

В публикуемой переписке мы найдем действительно и советы, и ободрения, и выписки, и сведения о пересылке рукописей. О. Димитрий и наставляет, и указывает, а главное, поддерживает и успокаивает очень стремительного в ту пору (да и поз-

же) Степана Васильевича. Кроме писем, Смоленский еще встречался с Разумовским в Москве (а также, судя по письмам, во время посещения Разумовским Казани — возможно, однократного), подробно обсуждая все этапы своей работы, и посылал ему из Казани все свои труды, в том числе корректурные листы «Азбуки Мезенца» и «снимки» — иллюстрации для Описания соловецких рукописей. Без поддержки о. Димитрия Смоленский наверняка не смог бы выполнить такие работы.

Можно заметить также, что именно Разумовский поддержал идею издания первой большой работы Смоленского — Курса хорового церковного пения в цифровой нотации. В письме от 1 января 1882 по поводу рецензии Смоленского на учебник сольфеджио К. К. Альбрехта о. Димитрий мудро рассуждает:

Все дело сводится к тому, что нет никакого учебного руководства, которое могло бы быть пригодно для всех школ. Каждая школа, естественно, хочет иметь свои учебники — пространные или краткие, смотря по способностям и развитию воспитанников известного курса.

Весьма было бы полезно, если бы Вы, с честью занимающий должность преподавателя и знакомый с характером и способностями своих воспитанников, составили для них приличный учебник по пению, по цифирной ли методе или прямо на круглых нотах. Вы принесли бы этим несомненную пользу и своим воспитанникам, которые, может быть, займут также должность преподавателей пения, которые на первый раз найдут в готовом учебнике приличную опору для своего педагогического действия.

Курс Смоленского, в первоначальном виде созданный для потребностей Учительской семинарии в 1876, был издан литографически в Казани в 1885 и выдержал затем шесть усовершенствованных переизданий. Достоинно внимания, что о. Димитрий не говорит молодому ученому: пользуйтесь моими трудами, там все написано; он говорит: создавайте свое новое. Так было всегда: например, не соглашаясь с рядом идей Ю. К. Арнольда относительно ладовой системы русского церковного пения, Разумовский тем не менее поддержал его труд и предложил собственные средства для издания книги.

Среди отзывов Разумовского, написанных по поручению Св. Синода, — очень подробный и пространный отзыв на «Азбуку старца Александра Мезенца» Смоленского для получения Макариевской премии. И здесь, понимая, что Учебному комитету может оказаться недоступным значение подобного ученого труда, Разумовский аргументирует очень дипломатично.

Печатание церковно-певческого памятника «Азбука Мезенца», существовавшей и распространявшейся в одних рукописях более 200 лет, само по себе составляет *археологическую заслугу*, потому что делает памятник *общедоступным* и более удобным для приобретения и изучения его. Важность издания «Азбуки» увеличивается еще тем, что она сличена с другими рукописями, исправленными им, и в этом виде представляется памятником осмотренным и даже дополненным.

Особенное значение изданию памятника придают *объяснения и примечания* к нему самого исследователя. Эти обширные и точные работы в области церковно-певческого искусства, их осмотрительность и осторожность восполняют краткие указания подлинника, нисколько не нарушая его сущности и вместе с тем открывая новый обильный источник для дальнейших весьма возможных исследований.

Труд г. Смоленского имеет не только *археологическое* значение, но, по характеру подлинника, и *педагогическое*. Азбука Мезенца целых 200 лет служила надежным *руководством*, или по крайней мере одним из верных и старых *пособий* к чтению безлинейных нот знаменного распева. Тем же *руководством* она может служить и ныне для духовно-учебных заведений, где занимаются разбором безлинейно-нотных рукописей. В замечаниях г. Смоленского находится несколько *правил*, относящихся к *употреблению* безлинейных нот и их *ритмическому* значению. Там указано, что каждая *полнота* на слог с ударением всегда изображается *крюком*, что *две черных ноты* в восходящем порядке с текстовым слогом всегда изображаются *горубчиком*, а без текстового слога — *переводкою* — особенно при сочетании двух певческих строк. Эти замечания до того *верны и общи*, что достойны признаваться *законом* при безлинейном нотописании.

Не менее того замечания г. Смоленского могут с немалую пользою послужить при современном печатании нотных книг в Синодальной типографии. В замечаниях прямо указано или на *сходство* нотолинейного ирмолога с безлинейным, или на *разность* их. Разность печатного нотного ирмолога с его безлинейным оригиналом объясняется *нарушением* или общих ступеней гласа, или просто древнего предания в пении. Но от чего бы они ни происходили, во всяком случае они, усмотренные и объявленные, служат предостережением к особенному наблюдению над такими моментами при новом печатании нотнолинейных книг богослужебного пения.

Вообще первое издание церковно-певческого памятника, важное само по себе для истории церковно-певческого искусства, а равно обширное исследование г. Смоленского, требовавшее немало времени и труда, вполне заслуживают того, чтобы Духовно-учебное управление при Святейшем Синоде исходатайствовало издателю *премию* как награду за предпринятый труд, как пособие на издание памятника, еще в первый раз являющегося в обработанном виде и заслуживающего его по своим *внутренним*, чисто музыкальным, и *внешним*, чисто типографским, достоинствам¹⁷.

Во-первых, о. Димитрий утверждает, что «Азбука Мезенца» сохраняет свое педагогическое значение и даже может служить руководством для духовно-учебных заведений, особенно с комментариями Смоленского. Во-вторых, он подчеркивает, что эти комментарии принесут большую пользу при новом издании синодальных певческих книг на квадратной ноте, указывая на верные варианты текстов. Наконец, он предлагает дать Смоленскому Макариевскую премию не только как награду за труд, но и как пособие на издание памятника. В результате этой очень умной аргументации Смоленский важную для него премию получил, что открыло для

¹⁷ РГБ, ф. 380, карт. 5, № 18.

него путь в Москву, где он, по завещанию о. Димитрия, стал его преемником на консерваторской кафедре истории церковного пения и директором Синодального училища церковного пения. Впоследствии Смоленский всегда глубоко чтит память Разумовского и называл его «великим ученым».

Много лет спустя, в 1901, отвечая на вопросы о Разумовском, заданные В. В. Стасовым, Смоленский писал:

Я несколько раз, начиная с 1875 [1876?] года, нарочно ездил из Казани в Москву, чтобы получить наставления о. Димитрия Васильевича, вполне знакомить его со всем найденным в Соловецких рукописях и записать его указаниями для дальнейшей работы. Димитрий Васильевич был величавый старик, необычайной душевной красоты, полный самого удивительного служения науке. Он, сколько я понимаю, совершенно не был музыкантом, на зато его филологические знания были прямо изумительны. Обобщения его и точность в данных оказали русской науке самую незабвенную услугу. <...> Я живо помню трогательные мои свидания с ним и длинные речи о Балакиреве, Мусоргском и особенно об издании Морозовского Круга. Димитрий Васильевич кипятился, негодовал, спорил и невольно высказывал в своих порывах самую умильную пылкость своей нежной души, своего самого неисправимого идеализма. Ему казался таким простым и очевидным переход композиторов «в русскую веру», что самое промедление казалось как бы малодушием; и на меня вспылал раз этот почтеннейший старец...¹⁸

И еще одна важная деталь: Смоленский, став руководителем Синодального училища и хора, не забыл, какую роль сыграл о. Димитрий для процветания этих учреждений. В подборке «Автографы музыкантов и разных лиц», оставленной в Синодальном училище, имеется небольшой листок, где рукой Разумовского записан следующий текст (без даты):

Господин Соколов воспитывался в Придворной певческой капелле, потом занимался хорами частных, вольных содержателей и наконец поступил в помощники регента Синодального хора.

Господин Орлов в детстве пел в Синодальном хоре, знает его предания, слушал уроки в Московской консерватории, выдержал экзамен в Придворной капелле и теперь управляет многочисленным хором Русского хорового общества.

Господин Соколов полезен на том самом месте, какое и доселе занимает в Синодальном хоре; а господин Орлов, заняв место регента, может возобновить певческие предания хора, приобретенные им в детстве, когда сам был малым певчим.

Протоиерей Димитрий Разумовский.

(ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 102)

¹⁸ Письмо С. В. Смоленского к В. В. Стасову от 11 января 1901 — Пушкинский Дом, ф. 294, оп. 3, № 34, л. 6—6 об.

Неизвестно, в какой адрес было направлено это мнение, но очевидно, что оно относится к тому времени, когда решался вопрос о новом регенте, то есть к весне 1886. Все получилось так, как предусмотрел о. Дмитрий: Н. И. Соколов до 1891 оставался помощником регента, а В. С. Орлов «возобновил певческие предания хора», и даже не эпохи своего детства, а славного прошлого патриарших певчих дьяков.

*

Отец Дмитрий Разумовский — основоположник русской церковно-певческой медиевистики. Но его фигура может быть поставлена и в ряд крупнейших русских ученых разных специальностей, которые носили духовный сан или вышли из семей духовного звания. В их трудах, столь разнообразных и ценных, можно уловить общие черты. Эту общность замечательно выразил еще один выходец из духовного звания — Н. И. Ильминский, сказав, что у таких ученых «светские знания... так сказать, облиты господствующим церковно-религиозным и нравственно-воспитательным колоритом: так от лучей восходящего или нисходящего солнца всякая болотина и всякая кочка горит огнем и блещет бриллиантами»¹⁹.

Марина Рахманова

---

¹⁹ Ильминский Н. И. Письма к К. П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 169—170.

Смоленский — Разумовскому*

Казань, 23 ноября [1876]

Многоуважаемый батюшка Дмитрий Васильевич!

В бытность мою в Москве в мае месяце я счел долгом засвидетельствовать Вам мое глубокое уважение; две беседы, которые я имел с Вами, и Ваше дорогое благословение моих скромных трудов еще более утвердили меня в желании пребыть Вашим преданнейшим слугою¹. При прощании Вы, между прочим, высказали желание иметь сведения об имеющихся в Соловецкой Казанской Духовной академии библиотеке нотных церковных книгах и вообще обо всем, касающемся Вашей специальности². В ответ на Ваше желание я могу сказать, что я не решился доверить подобные изыскания помощнику библиотекаря, а сам библиотекарь отказался наотрез и отозвался полным неведением по этой части; кроме этого желание быть хоть сколько-нибудь полезным Вашему почтенному труду побудило меня лично пересмотреть все, что только есть касающееся в Соловецкой библиотеке.

Прилагаю при сем список краткий всех книг с номерами каталога.

№

275 — Ирмологий 5-линейной системы

276 — то же

278 — то же пятилинейной системы

279 — крюкового демественного пения

281 — Ирмологий демественного пения, переложенный в 5-линейную систему

282 — Ирмологий демественного пения

---

*Примечание Смоленского на обложке, в которую вложены письма Д. В. Разумовского (ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 113):

Письма отца прот. Димитрия Васильевича Разумовского.

Много писем утрачено; есть одно в «Круге» И.О.Л.Д.П. (от 21 сент 84 г. см. л. XXX), еще в моем рабочем экземпляре «Курса» (от 23 марта 1886). Здесь собраны письма [следует перечисление дат 13-ти писем, приводящихся в данной публикации].

Еще одно письмо было обнаружено в фондах ГЦММК им. М. И. Глинки; указанные Смоленским принадлежавшие ему издания пока не разысканы.

Один из рабочих экземпляров «Курса» Смоленского — автограф с разрешением к печати от казанского цензора (1885) и со множеством позднейших вставок и вклеек — находится в ОПИ ГИМ (ф. 379, № 1), но письма Разумовского в нем нет. Не удалось найти и принадлежавший Смоленскому экземпляр «Круга древнего знаменного пения».

- 643 — Октоих демественного пения
- 644 — Октоих знаменного роспева с переводом и на 5-линейную систему, при нем Литургия вся — отдельно вложена Литургия преждеосвященных даров (без перевода) и голосовые упражнения
- 645, 646 — Октоих демественного пения
- 647 — Октоих двознаменный — в конце есть «Достойно» входное — один голос — тенор на «знамени и ноте латинстей»
- 648—653, 655 и 656 — Октоихи пятилинейные
- 654 — Октоих знаменного роспева 4-голосный по 5-линейной [системе]; 4 трехголосные Херувимские, 2 — «О Тебе радуется» и «Достойно». Много духовных стихотворений, положенных на 3 голоса. Верхний голос написан кинноварью.
- 657 — «Указание Российскому столповому знамени како против киевския ноты в российском пении в восьми гласех поется» — и Октоих линейный
- 658, 660 — Октоихи знаменного роспева
- 661, 663 — Обиходы знаменного роспева
- 664 — Обиход, содержащий 4-, 3- и 2-голосные переложения, написанные крюками
- 665 — Обиход знаменного роспева — крюковой
- 666 — Обиход знаменного роспева — нотный
- 667 — Обиход знаменного роспева — с трезвоном
- 668—669 — Обиходы нотные
- 670 — Обиход нотный с трезвоном; в конце нотная азбука и голосовые упражнения
- 671—680 — Обиходы нотные
- 750 — Праздники демественного пения
- 752 — Согласник — руководство демественного пения 8 гласов
- 753—775 — Праздники разных напевов
- 800 — 3-голосное переложение псалмов по 5-линейной системе: «в сея книге псалмы нотные триголосные, тутоже седальны и каноны Богоявлению греческаго роспева триголосные»
- 801 — Собрание псалмов (стихотворных) и многих духовных стихотворений на 3 голоса
- 1302 — Трипеснец демественного пения
- 1303 — Триодь постная демественного пения
- 1304 — Трезвоны демественного пения
- 1305 — Триодь постная демественного пения
- 1306 и 1307 — Трезвоны нотные
- 1309—1313 — то же
- 1308, 1314 — Седмичные Богородичны

1317—1365 — всякого рода отдельные разрозненные и собранные голоса партесного пения.

Этим списком можно и заключить описание — но могу только прибавить, что все они относятся к 17 веку и 18-му, 16 столетия есть только 2 экземпляра. Я дал себе труд просмотреть самые древние экземпляры — не попаду ли на что-нибудь — но не нашел ничего. К перечисленным выше памятникам не могу не присоединить и находящейся у меня «Грамматики мусикийского пения» Дилецкого — список 1722 года в Александро-Невской Лавре. Все экземпляры библиотеки — рукописные; в крюках я маракую весьма мало — да, признаться, как-то в толк не возьму; в каталоге как только увидят ✍ — так и пишут «демественного пения» — если у меня кой-где попадает слово «знаменный» — то это поставлено по внимательном рассмотрении и сличении со знаками, указанными в Вашей книге. Мне было бы весьма приятно получить от Вас, многоуважаемый Дмитрий Васильевич, хотя малое письмецо с указанием, что просмотреть бы еще и на что обратить внимание. Мне было бы весьма приятно воспользоваться тем, что Вы в Москве, а я в Казани. Сам я готовлю к Археологическому съезду исследование об инородческих песнях нашего края — не знаю, как Бог поможет кончить³. Позволяю себе просить Вас передать мой искренний поклон Н. Г. Рубинштейну и Альбрехту — если только они вспомнят меня⁴. Смею просить Вас принять уверение в искреннем уважении и душевной преданности.

Ваш усердный слуга Ст. Смоленский.

Р. S. В случае, если Вам угодно будет удостоить меня ответом — мой адрес в Казанскую Учительскую семинарию на [озере] Кабане etc. Письмо посылаю 21 декабря — все время был болен, потому и не удалось быть на почте.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 1—5. На конверте: В Москву. Его Высокоблагословению о. Дмитрию Васильевичу Разумовскому, профессору Московской консерватории (на Никитской, д. кн. Воронцова) с вложением пяти (5) рублей серебром.

1. Эта первая встреча с Разумовским описана Смоленским в мемуарах (см. во вступлении к переписке).

2. Рукописная библиотека Соловецкого монастыря была перевезена в Казань в 1854 ввиду появления вблизи Соловецкого монастыря английской эскадры (Крымская война). Перемещение библиотеки именно в Казань произошло по ходатайству архиепископа Казанского Григория (Постникова); отец Смоленского был в то время секретарем архиепископа. Вскоре началась публикация материалов этой библиотеки в основанном по инициативе владыки Григория казанском журнале «Православный собеседник».

В Воспоминаниях Смоленский пишет, что его занятия рукописями Соловецкой библиотеки начались летом 1882, но из письма к Разумовскому видно, что обзорное знакомство Степана Васильевича с певческими рукописями состоялось значительно раньше.

3. Этот Археологический съезд (четвертый по счету) состоялся в Казани 31 июля — 7 августа 1877. Смоленский на нем, по всей вероятности, присутствовал, но сообщение об инородческих песнях не успел подготовить, хотя материал у него был, что называется, под рукой: в Учительской семинарии, где он преподавал, имелись представители едва ли не всех народов Поволжья, они участвовали в семинарском хоре, которым управлял Смоленский, и тот высоко ценил своеобразие их пения (см. подробнее в соответствующей главе Воспоминаний Смоленского).

4. Рассказывая о знакомстве с Разумовским, Смоленский рисует яркий портрет Н. Г. Рубинштейна как директора консерватории, а также описывает экзамены по «гармонии для певцов» в присутствии Чайковского и по истории церковного пения с участием Разумовского и Рубинштейна. Вероятно, тогда же состоялось знакомство и с инспектором и преподавателем консерватории К. К. Альбрехтом.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 12 декабря 1881

Глубокоуважаемый и высокопочитаемый профессор,
милостивый государь о. Дмитрий Васильевич!

В прошлом году на мое заключение был представлен запрос о «Руководстве к хорошему пению» г. К. Альбрехта, вследствие его прошения о введении в виде опыта на время обязательного обучения пению именно по составленному им руководству. Так как я знаю труд г. Альбрехта давно, испытал на деле много раз и, наконец, свою многолетнюю службу успел выработать свои взгляды на должное *русское* направление пения в наших школах, — я счел своим долгом высказаться против труда почтенного профессора. Один экземпляр «Заметки» я при сем имею смелость предложить Вашему высокопросвещенному вниманию¹. Делаю это не для того, чтобы распространить брошюру или сделать что-либо против г. Альбрехта — ибо глубоко уважаю и его как профессора, — но делаю, чтобы иметь надежду услышать Ваши замечания. По прочтении брошюры Вам, вероятно, угодно будет убедиться, сколь мало имею я лично против г. Альбрехта и сколь много сочувствую высокому и святому делу народного образования. Вам, вероятно, будет угодно вспомнить и меня, несколько раз имевшего честь беседовать с Вами и в Казани и в Москве.

Убеждения мои искренни и честны, но я мало уверен в себе; Ваше сочувственное слово, указание моих ошибок или поощрение хотя некоторых сторон моего направления даст мне новые силы.

Прошу преподать мне Ваше благословение.

Я рад случаю высказать Вам мое глубочайшее почтение и высокое уважение; хотя небольшой ответ Ваш на мою брошюру доставит мне много удовольствия — я смею ждать его.

С глубочайшим уважением имею честь быть покорнейшим слугою

Ст. Вас. Смоленский.

ГЦММК, ф. 37 (К. К. Альбрехт), № 1286

1. Письмо было обнаружено не в подборке писем Смоленского к Разумовскому в РГБ, а в фонде К. К. Альбрехта в ГЦММК: это может свидетельствовать о том, что Разумовский отдал послание Смоленского своему коллеге по консерватории.

«Заметку» по поводу учебника Альбрехта Смоленский характеризует в Воспоминаниях как свой «первый дебют» (что не совсем точно), состоявшийся в журнале «Русский начальный учитель» (Т. IV. С. 216). На самом деле этот журнал назывался «Семья и школа», материал был опубликован в № 11 за 1881. Поводом к его написанию стал поступивший в Казанскую учительскую семинарию запрос Министерства народного просвещения о применении в семинарии рекомендованного с конца 1860-х учебного пособия Альбрехта «Руководство к хоровому пению по цифирной методе Шеве с приложением 70-ти русских песен и 41-го трехголосного хора, преимущественно для народных школ» (М., 1866).

Смоленский указывал, во-первых, что в семинарии неудобно употребление преимущественно светского музыкального материала; как писал несколько позже по этому поводу Н. И. Ильминский С. А. Рачинскому, «наш учитель хорового пения [то есть Смоленский] преподает воспитанникам Казанской учительской семинарии и будущим народным учителям исключительно церковное пение, а в статейке своей Смоленский рассуждает о непригодности для сельских народных школ тех песенок, которые им навязывает официальная педагогика» (см.: РДМ. Т. IV. С. 573). Во-вторых, как писал уже сам Смоленский Рачинскому (12 октября 1883; письмо, открывающее их огромную по объему многолетнюю переписку), голосовые упражнения Альбрехта (как и прочих составителей курсов сольфеджио) шаблонны и «ни в каком случае не могут составить введения к изучению наших древних церковных напевов» (Там же. С. 569—570).

Разумовский — Смоленскому

Москва, 1 января 1882

Ваше Высокородие Степан Васильевич!

С большим интересом прочитал я Вашу статью об учебнике г. Альбрехта. Она проливает новый свет на педагогику пения и заслуживает полного внимания.

Без сомнения Вы согласитесь, что в русской империи нельзя найти двух школ, которые были бы похожи друг на друга. Существует, иногда даже тонкая, неуловимая разность в способности и приемлемости учеников, в их прилежа-

нии, внимании и охоте к предмету учения. Учитель постоянно находится в работе, как из материала наличных учеников выработать предмет, за который он взялся с надлежащим рвением и с хорошими средствами для работы. А между тем средства для работы — или учебники оказываются или неудобными, или даже совершенно бесполезными. Истинный педагог не теряет в таком случае своего рвения. Он немало времени сам изучает учеников и для большего успеха своему делу иногда принужден бывает изменить практику своего преподавания и с каждым новым курсом учеников готовит для них новые учебники. Все дело сводится к тому, что нет никакого учебного руководства, которое могло бы быть пригодно для всех школ. Каждая школа естественно хочет иметь свои учебники — пространные или краткие, смотря по способностям и развитию воспитанников известного курса.

Весьма было бы полезно, если бы Вы, с честью занимающий должность преподавателя и знакомый с характером и способностями своих воспитанников, составили для них приличный учебник по пению, по цифирной ли методе или прямо на круглых нотах. Вы принесли бы этим несомненную пользу и своим воспитанникам, которые, может быть, займут также должность преподавателей пения, которые на первый раз найдут в готовом учебнике приличную опору для своего педагогического действия¹.

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть
Вашего Высочородия покорнейшим слугою

Протоиерей Димитрий Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 114—115

1. Мудрое пожелание о. Димитрия было выполнено Смоленским: в 1885 в Казани вышел его литографированный «Курс хорового церковного пения»; впоследствии «Курс» несколько раз переиздавался типографски в Казани, Москве и Петербурге. Н. И. Ильминский так характеризовал цель учебника:

Оканчивающие курс семинаристы, умеющие петь, снабжаются этим учебником, дабы они могли составить хор и обучать своих сельских учеников церковному пению (РДМ, Т. IV. С. 536; письмо к К. П. Победоносцеву от декабря 1882).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 2 марта [1883?]

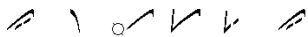
Глубокоуважаемый профессор, о. Дмитрий Васильевич!

По Вашему благословию, данному мне в Москве, я приступил к изучению древнего русского церковного пения и для того пользуюсь теперь рукописями Соловецкой библиотеки¹. Трудно мне, неопытному, малознающему, вести

это дело без совета! на днях я встал в тупик перед некоторыми знаменами, найденными мною в двух рукописях.

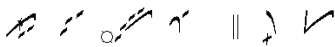
Представляю Вам снимки их и усердно прошу Вашего наставления! Да не смутится сердце Ваше всею, может быть, пустотою моей просьбы, происходящей от грубого незнания! Полагаю, лучше будет наставить малознающего и указать ему.

В одной службе св. Зосиме и Савватию встречаются следующие знамена. Напр.: Слава: на Господи воззвах. Гл. 6. Апр. 16

Те - ло сво - е по - стом

Путь: Слава: на Господи воззвах. Августа 8

те - че - ни - е

В одном списке «Да молчит всякая плоть» — примерно начала XVII века, а весьма вероятно, что и более раннего времени — знамена встречаются с черными пометами особыми от обычных киноварных. Например:

страхом || царе - е бо || приходит || лица || вопию

Помета *у* встречается над светлым крюком и светлым крюком с подчашием; помета *с* перед станиею светлою, стрелою светлою и стрелою светлою с подчашием; то же, *л* над светлым крюком (много раз) — подобно сорочьей ножке в деместве; что касается последнего в слове «вопию», то в других списках стоит клише или ; подчашие видно и здесь, если считать окончание за голубчик — но что значит 2-я половина знака *м* (рисунок здесь вполне верен)?

Укажите, пожалуйста, что значит припевок Э, попадающийся в начале строк путевого роспева?

Наконец, к Вам (простите докучливость) еще одна просьба: не вышло ли каких-либо новых почтеннейших трудов Ваших после «Церковного пения» и рефератов на Съезде Археологическом 1871 года? Укажите — без Ваших указаний работать невозможно².

Прося благословения Вашего, я прошу принять и выражения самого глубокого к Вам уважения и искреннего пожелания Вам доброго здоровья и успехов на пользу нашей науки.

Ст. Смоленский.

1. Как уже говорилось, основная работа Смоленского над соловецкими рукописями относится к 1882—1885; к концу этого периода он успел «напечатать самую трудную часть “Описания” их, то есть 152 страницы снимков самых разнообразных памятников» (Т. IV. С. 214). Снимки делались переводом от руки с рукописи через прозрачную бумагу самим Степаном Васильевичем и братьями Мироном и Сергеем Пичугиными, сыновьями главного наставника Смоленского в практическом изучении церковного пения старообрядца бело-криницкого согласия Артемия Пичугина.

Перед работой с рукописями Смоленский прошел подробное обучение церковному пению у казанских старообрядцев разных согласий; начало этого обучения он относит к 1878. Практическое исполнение знаменного роспева и общение с рукописями привели его к следующему выводу:

В этих занятиях я уверовал, до какой высокой степени был учен и умен Д. В. Разумовский, как он умел разбираться в исторических данных — умел делать широкие обобщения и осмысливать данные, не имеющие, казалось, никакой связи между собою, а порознь, сами по себе, вполне мелкие (Т. IV. С. 213).

Но притом Смоленский полагал, что этот «великий филолог и чудный работник» «проглядел все музыкальное содержание памятников», что едва ли верно в столь категорической форме.

2. «Рефераты» Археологического съезда 1871 года — это выступления Разумовского на I Археологическом съезде в Москве в 1869, которые были опубликованы в Трудах Съезда в 1871. О. Димитрий выступал на Съезде несколько раз: с речью памяти В. Ф. Одоевского, с большим двухчастным докладом о церковном и народном русском пении, с чтением одной из работ Одоевского, приготовленных для съезда. Публикацию первой части доклада, «Церковно-русское пение» (с комментариями) см.: РДМ. Т. III. С. 116—126.

После этого вышли в свет следующие работы Разумовского: «Государевы певчие дьяки XVII века» (Сборник Общества древнерусского искусства на 1873 год. М., 1873); «Н. М. Потулов и его труды по разработке древнецерковного русского пения» (Древности. Труды Московского Археологического съезда. Т. VI, кн. 2. М., 1875; см. публикацию с комментариями: РДМ. Т. III. С. 127—136); «Какое значение имеют гармонизации г. Потулова для пения нашей Православной церкви» (Труды III Археологического съезда. Т. II. Киев, 1878); «Государевы певчие дьяки» (Полярная звезда, 1881, январь).

Наконец, осенью 1884 под редакцией и с вступлением Разумовского вышел в издании ОЛДП Круг древнего знаменного церковного пения, о чем идет речь в следующих письмах.

Ответ Разумовского на данное письмо в подборке ОПИ ГИМ отсутствует.

Смоленский — Разумовскому

[Казань, 3 сентября 1884]

Достопочтеннейший о. Дмитрий Васильевич!

С великим удовольствием получил я Вашу посылку и тем более благодарен, что вижу в ней знак Вашего ко мне внимания¹.

Вам, как отцу науки нашей, исповедуюсь: описание рукописей Соловецкой библиотеки кончаю на днях и затем приступаю к совершенному приведению рукописей в порядок, согласно Вашим советам. Мои мысли об имеющих быть переложениях древних роспевов на 4 голоса уже начерно изложены, хотя не получили окончательной редакции². По изучении Октоиха крюкового и Ирмология думаю заняться повторением пройденного и потом приняться за Обиход.

Не знаю, получили ли Вы брошюру «Проект преподавания церковного пения в духовных училищах и семинариях» Миропольского, — думаю указать на некоторые стороны проекта как неудобные³.

Затем позволяю себе просить Вас считать меня самым преданным и благодарным Вашем слугою.

Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 19—20

1. Речь идет о Круге древнего знаменного церковного пения (впоследствии вышел в 6-ти частях); судя по следующему письму, Разумовский послал Смоленскому свою вступительную статью «О знаменном роспеве» и азбуку. Н. И. Ильминский писал К. П. Победоносцеву 25 октября 1884:

[Смоленский] пришел в восторг, увидавши ученое предисловие протоиерея Разумовского и подробную монографию о крюковых нотах (РДМ. Т. VI. Кн. 1. С. 697).

Одновременно Смоленский смог познакомиться с полным экземпляром Круга у знакомых казанских старообрядцев (см. следующее письмо).

2. «Мысли о переложениях» древних роспевов излагались Смоленским неоднократно, в это время — наиболее выразительно в уже цитировавшемся письме к Рачинскому от 12 октября 1883. Коротко говоря, Смоленский пришел к выводу, что прежде всего надо ответить на вопрос, следует ли вообще гармонизовать на четыре голоса древнее пение. Его ответ — скорее отрицательный:

Мысль о возможности украсить наше древнее пение настолько же хорошею гармониею, насколько хороши сами напевы, всегда казалась мне делом трудно осуществимым в наше время, даже едва ли возможным (Т. IV. С. 572).

Однако далее он не отрицает возможности новой гармонизации, или скорее обработки, древних напевов, включающей «все богатство ныне употребляемого голосоведения и диссонирующих аккордов»:

Если отбросить свободу действий и средства современного искусства, — то что другое может явиться, как не переложение вроде Потулова или Арнольда? (Там же).

Что касается точки зрения Разумовского, то он, с одной стороны, отстаивал ценность гармонизаторской деятельности своего покойного друга Н. М. Потулова, а с другой, склонялся к мысли о преимуществах унисонного исполнения древних роспевов, возможно — со «стихийной» гармонизацией, естественно возникающей в народном русском хоровом пении (см. подробнее раздел «Д. В. Разумовский» в III томе РДМ).

3. Рецензия Смоленского на работу С. И. Миропольского под названием «По поводу предполагаемого преобразования программы преподавания церковного пения в духовных училищах и семинариях» была опубликована позже в журнале «Церковный вестник» (1886, № 5).

Программа эта казалась нелогичной и неудобной не только Смоленскому: см., например, подробное изложение работы Миропольского и критику на нее в статье протоиерея А. Н. Иванова «Попытки к восстановлению древнецерковного пения» (РДМ. Т. III). Нелогичность состояла прежде всего в том, что, декларируя целью программы восстановление истинно церковного пения, автор построил ее так, что «как не подумать, что хотят еще более помочь тому, что с таким успехом и без того продолжает вытеснять собою не только древнее знаменное пение, но и простое обиходное» (Там же. С. 401).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 14—15 сентября 1884

Достопочтеннейший о. Димитрий Васильевич!

На днях мне удалось приобрести «Церковный напев, употребляемый при Высочайшем дворе» — изд. 1845 года в Петербурге в трех томах: 1-й — 48 + 45 страниц (нумерация очень сбита), 2-й и 3-й — страниц по 500, издание литографировано круглою нотою в голосовых ключах Д[искант], А[льт], [Тенор] и Б[ас] — редакция невозможная! за переложения с «простого» роспева я бы повесил автора на березе.

На стр. 248—249 Вашей книги читаю, что в переложениях Воротникова «все голоса в сем издании (то есть “*Простое церковное пение* при Высочайшем дворе употребляемое”) написаны были в виде *двухстрочной* партитуры в *ключе соль*»¹.

Мое издание весьма обширно по содержанию, но, очевидно, не есть описываемое Вами. Если Вам, а следовательно, и в науке, неизвестно это издание, то не следует ли сделать описание его?

Мои томы имеют 6 × 8 вершков; партитура 4-хголосная *ключевая по голосам*. Дискант всегда идет вместе с 1-м басом; гармонизация казенная; в оглавлениях при 2-м и 3-м томах помещено 6, 18 и 52 статьи. Издание, упоминаемое Вами, я видел — оно совсем другое. Заглавие 1-го тома «Литургия Иоанна Златоустаго», 2-го «Литургия Василия Великаго» и 3-го «Собрание служб на все Господние праздники»; заглавия нисколько не соответствуют содержанию томов; как бы в насмешку на 1-м и 3-м томах вверху заглавия нарисована *лира с ветками*, а наверху во 2-м томе крест. Издание весьма любопытно, чисто, местами неграмотно очень.

Работаю над крюками усердно. Прошу Вашего благословения.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

Простите нехороший почерк — 3-й час ночи — еле пишу, не хотел откладывать до завтра.

14—15 сентября

За посылку еще раз благодарю Вас. Имею случай пользоваться всем изданием, присланным сюда в числе 6 экземпляров от Морозовых. Старообрядцам оно не нравится, ибо есть *й*, иностранные слова в азбуке Фортова, некоторые изменения в напевах, несогласные с употребляемыми здесь рукописями². Мне показались странными некоторые ошибки в азбуке — говорят, что Фортов очень знающий певец — как он сделал их? Хамоло почти всюду прописано вниз и тому подобное в гласах, где поется оно вверх. Простите, может быть, я сам ошибаюсь. Азбука крепко не нравится старообрядцам, — даже вырвали ее.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 17—18. Судя по помете Разумовского на этом письме, ответ был послан им 21 сентября. Следовательно, это то самое письмо, которое было вклеено в принадлежавший Смоленскому экземпляр Круга.

1. Смоленский невнимательно прочел упомянутые им страницы книги Разумовского «Церковное пение в России». На с. 247 говорится, что в 1830, то есть в эпоху директора Капеллы Ф. П. Львова, был издан Круг простого церковного пения, издавна употребляемого при Высочайшем Дворе, на два голоса, а на с. 248 речь идет о гармонизациях П. М. Воротникова, который в 1844 «положил на четыре голоса *простое церковное пение, при Высочайшем Дворе употребляемое*», которое и было литографировано круглой нотой в 1845. Судя по всему, именно эту книгу описывает Смоленский.

Далее Разумовский в книге отмечает, что данное издание составляет библиографическую редкость, поскольку Круг простого церковного пения 1845 года был не полным и вскоре директору Капеллы А. Ф. Львову было поручено заново «положить на ноты все духовно-музыкальные произведения, какие поются в придворных церквах при всех различных богослужениях во весь круг года». Этот, «львовский», Круг был предписан как обязательный для

всех храмов России и впоследствии переиздавался. Следующим этапом стало переложение в Капелле «древних напевов», которым занимались те же сотрудники (то есть сам Львов, некоторое время Воротников и Г. Я. Ломакин) и которое вышло в свет в семи частях (одну из них, Октоих нотного пения, Смоленский упоминает в следующем письме).

2. Иван Аверьянович Фортов был старообрядцем белокрыницкого согласия, крупным знатоком древнего пения, руководителем церковного старообрядческого хора при Богородско-Глуховской мануфактуре (подмосковные Гуслицы, ныне Ногинск). На средства хозяина мануфактуры А. И. Морозова Общество любителей древней письменности издало Круг, поэтому его до сих пор часто называют «морозовским». Рукопись для издания была выполнена самим Фортовым.

Как уже говорилось, Разумовский прекрасно понимал, что крюковой текст, предложенный И. А. Фортовым, не во всем тождествен книгам XVII века. Об этом свидетельствует его письмо к Смоленскому от 21 сентября 1884 года:

Не удивляюсь, что старообрядцы вырвали азбуку Фортова из полного издания «Круга», сделанного Обществом Любителей древней письменности. Этого надо было ожидать от них. Можно было ожидать, что они вырвут и все, что предпослано в «Круге». Старообрядчество как самочинное общество несомненно будет пользоваться самым «Кругом», а это важно в том отношении, что положит предел тому произволу их певцов-писцов, который видим почти в каждой рукописи. У старообрядцев сколько писцов, столько и образцов, — ничего положительного и определенного. Фортов — один из их же певцов, он — певец знающий. Но пределы знания крайне обширны даже и в области церковного пения. Азбука Фортова, также неоспоримо, содержит в себе немало совершенно произвольных положений.

(РГИА, ф. 1119, № 16, л. 159—162 об.)

Как уже отмечалось, это письмо Разумовского пока не разыскано, но оно цитируется Смоленским в более позднем (от 6 мая 1889) письме к А. Н. Шишкову (см. полностью в разделе переписки с К. П. Победоносцевым в первой книге тома).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 5 октября 1884

Достопочтеннейший о. Димитрий Васильевич!

Согласно Вашему желанию посылаю Вам на благоусмотрение краткое описание издания «Круга» 1845 года. По некоторым сведениям я могу удостоверить, что в Симбирской губернии в школах так называемых «удельных» можно найти еще несколько экземпляров подобных моему; мне говорили, что это издание было пожертвовано в школы каким-то помещиком.

Издание литографировано, в формате 7 $\frac{3}{4}$ и 6 вершков, на отличной бумаге; счет страниц ведется по отдельным тетрадам, собранным по оглавлению

в 3 части. Партитура положена в дискантовом, альтовом, теноровом и басовом ключах; гармония 5-ти и 6-тиголосная, местами и более голосов; *удвоение партий ведется везде.*

Особенности отдельных частей мною будут указаны при рассмотрении пений. Редакция напева всюду почти тождественна с печатным изданием «Круга» Львова. Почерк прекрасный. <...>¹

Внешность хороша! — даже текст везде подписан дважды — под д[искантовой] и под б[асовой] партиями, описок почти нет, но внутренние качества гармонизации, не говоря уже о переложениях со знаменного роспева, даже придворного роспева, представляют весьма часто самые грубые ошибки, к сожалению, оставшиеся не исправленными даже в издании Бахметева.

Переложения на 4 голоса знаменного роспева не имеют решительно ничего общего с теми, которые изданы под редакцией Львова. В его Октоихе и др. мы видим целиком мелодию знаменного роспева, кое-где приправленную дизезом или бемолем, — ибо было поставлено задачей втиснуть эту мелодию в гармонию мажора или минора. У Львова везде верхние голоса в параллельном движении, а басу даны везде тоники и т. п., иногда же встречается и весьма удачное голосоведение — здесь наоборот: мелодия всюду изувечена до невозможности, дана дисканту и басу (не 1-му басу, с тем, что 2-й поет ноты грунд-баса — как в издании Бахметева, а прямо в унисон), альт всегда в параллельном движении с д[искантом], тенор тянет то тонику, то доминанту. Понятно, что о гармонизации сколько-нибудь приличной и грамотной нет и намека, ибо везде рутинная самая грубая. Разбирать ее — не стоит труда.

Пения придворного роспева поражают также своею вполне выдержанною казенщиною, везде, где можно воткнуть удвоение голосов — сделано все возможное. Ошибки весьма часты и для этой редакции непростительны.

Не смею, да и не люблю говорить наугад, чтобы не ошибиться напрасно; предоставляю Вашему опыту решить вопрос — какого происхождения памятник.

В случае нужды, если это мое описание недостаточно, а Вам покажется необходимым иметь мои книги в Москве, прошу прислать требование. Содержание мною указано совершенно точно и подробно.

Я прошу почтительнейше Вашего благословения. Прошу принять мои искренние пожелания Вам доброго здоровья и всякого успеха во славу любимой науки.

Почтительно преданный Ст. Смоленский.

6 октября

P. S. Я имел утешение получить от Вас привет через друга моего Федора Л[еоновича] Львова — много и искренне благодарю Вас².

О. В. Соколова³ сразу завоевала себе симпатии в среде казанской публики — ее любят и чествуют. На меня, вероятно, сердится, ибо я сказал ей в простоте своей, что еще ни разу не был в опере, так как не имею времени, хотя и слышал однажды ее пение, ибо случайно просидел в театре один акт в «Жизни за царя» и слышал именно ее номер; не хожу в театр еще и потому, что только что наслушался много в операх Вены, Праги, Дрездена и Берлина⁴. Ольга Васильевна, по-видимому, не приняла моих доводов во внимание. Ей и ее матушке Казань нравится, и живут они в довольстве.

Смею просить Вас: нет ли где напечатанного списка или нет ли у Вас списка концертов Сарти, Галуппи, Веделя и многих др. — Прошу потому, что приступаю к 48-ми партесным книгам Библиотеки Казанской Духовной Академии⁵. Все, что было напечатано нотами — мне известно, о ненапечатанных же сочинениях нет в виду данных, кроме кратких и для меня недостаточных указаний в Вашем труде (Отд. III, гл. IV и V)⁶.

Помогите, если возможно — имею массу всякого рода композиций прошлого века без означений авторов — не знаю, как их определить.

Ф. А. Львов передал мне, что Вы трудитесь печатанием биографий русских духовных композиторов, — не было ли то редактированием статьи З. Дурова? Книга Доммера с этою статьею доставила мне много удовольствия; если Ваш труд есть другое, могу ли надеяться получить его?⁷

Простите за неуместные вопросы и прошения!

Преданный и почтительный Ваш слуга Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 7—16 об. и л. 54 (постскриптум)

1. Купировано подробно выписанное Смоленским оглавление Круга 1845 года.

2. Федор Леонидович Львов (род. в 1849) — сын казанского учителя Смоленского по скрипке Леонида Федоровича Львова, приятель юности Степана Васильевича, участник казанских любительских квартетных собраний; впоследствии делопроизводитель в Придворном оркестре. В течение всей жизни Смоленский поддерживал дружеские связи с Федором Львовым и с другими членами этой семьи.

3. Речь идет о Соколовой-Фрелих Ольге Васильевне (1860—1923), певице (контральто) и педагоге, племяннице очень известной русской певицы А. Д. Александровой-Кочетовой (урожденной Соколовой), у которой Соколова и обучалась пению. О. В. Соколова занималась также в Московской консерватории по классу фортепиано, следовательно, еще и поэтому могла быть известна Д. В. Разумовскому.

4. Об этой, первой, зарубежной поездке Смоленского известно мало; она была принята как с общеобразовательными целями, так и с целями педагогическими, о чем упоминается в письме Н. И. Ильминского к К. П. Победоносцеву от 25 октября 1884:

...он не переставал обдумывать и испытывать свою методу преподавания; в прошлую вакацию сделал некоторые наблюдения над преподаванием хорового пения и музыки за границей (см. Приложение к переписке с К. П. Победоносцевым в I книге тома).

5. Имеются в виду книги из Соловецкого собрания.

6. Главы IV и V в III отделении книги Разумовского, озаглавленном «О партесном пении в Русской церкви», называются: «Вторая эпоха партесного пения в России» (так называемая «эпоха итальянского влияния») и «Партесное пение в Русской церкви при Боршнянском». Биографические сведения здесь очень кратки, списки сочинений отсутствуют.

7. Действительно, в это время Разумовский трудился над целой серией биографий русских церковно-певческих деятелей; в его архиве сохранилось много материалов по самым разным персоналиям (в их числе Боршнянский, Березовский, Турчанинов, Ведель, А. Ф. Львов). Ни одна из биографий не была закончена и опубликована, за исключением очерка об А. Ф. Львове, большой фрагмент которого был напечатан Преображенским в «Хоровом и регентском деле» за 1917 (см. в переписке с Преображенским).

Что же касается работы ученика Разумовского по Московской консерватории З. З. Дурова, то она была опубликована в книге: Аррей фон Доммер. Руководство к изучению истории музыки. Перевод с немецкого А. Желябужской под редакцией и с приложением «Очерка истории музыки в России» преподавателя истории русского церковного пения в Санкт-Петербургской консерватории З. Дурова (М., Юргенсон. 1884). В книге имеются три раздела о русском духовном пении: «Церковное пение в России от IX в. до конца XVI в.» (С. 206—222), «Церковное пение в России от начала XVII в. до конца его» (С. 352—358) и «Церковное пение от начала XVIII века до 2-й половины XIX века» (С. 570—578). Изложение кончается на Потулове и Разумовском, деятельности которых дается исключительно высокая оценка.

Дуров, ввиду своей ранней внезапной кончины в 1886, не успел ни выпустить собственную книгу, ни развернуть свой курс в Петербургской консерватории (хотя несколько лекций было им прочитано). В 1885 был опубликован отзыв Разумовского о «рукописном сочинении» Дурова «Опыт истории музыки в России» (Отчет о 27-м присуждении наград графа Уварова. ЖМНП, 1885, ноябрь. Отд. IV. С. 1—23), но затем сама рукопись была утеряна.

Об этом идет речь также в письме Смоленского к С. С. Волковой от 25 сентября 1905.

Разумовский — Смоленскому

Москва, 3 ноября 1884 года

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше сообщение о приобретении рукописи изложено с такою полнотою, что даже не видав рукописи, можно составить о ней совершенно полное поня-

тие. Если в том же духе будут составлены и описания прочих книг Соловецкой библиотеки, то Ваш труд будет драгоценным приобретением для русской библиографии.

Всех концертов Веделя, несомненно ему принадлежащих и ныне уцелевших, считается 12-ть¹.

1-й концерт — В молитвах неусыпающую — на 4 голоса, состоит из трех отделений: а) *adagio*, *c moll*; б) *Якоже бо живота Мати, andante, f moll*; во утробу вселивыйся, *allegretto, c moll*, то есть в том же тоне, что и первое отделение концерта.

2-й концерт — Спаси мя, Боже, яко видоша воды до души моя — на четыре голоса в шести отделениях: а) *adagio, a moll*; б) *спаси мя, Боже (повторение) all[egro] maestoso, a moll*; в) *аз же молитвою моею, adagio, d moll*; г) *не отвори лица Твоего, 3/2, allegro, a moll*; д) *вонми души моей и избави, adagio, e moll*; е) *да узрят нищии и возвеселятся, allegro, a moll*.

3-й концерт — Доколе, Господи, забудеши мя до конца — на четыре голоса в трех отделениях: а) *andante, As dur*; б) *призри, услыши мя, Господи Боже, adagio, c moll*; в) *аз же на милость Твою, andante, f moll*.

4-й концерт — Пою Богу моему, дондеже есмь — на 4 голоса. Он неполон. После первой неоконченной пропорции недостает четырех листов. Налицо стоящие три отделения, со включением и первого неполного, суть следующие: а) *maestoso, c moll*; б) *и вложи во уста моя — трио — два тенора с басом, adagio, G dur*, в) *благословен Господь, творяй чудеса един — на 4 голоса, allegro vivace, c moll*.

5-й концерт — Блажен разумевай на нища и убога — на четыре голоса, в четырех отделениях: а) *adagio, g moll*; б) *благ муж щедр и дая, adagio, c moll*; в) *Яко милость и истину любит Господь, allegretto, g moll*; г) *Господи Боже сил, блажен человек, уповаяй на Тя — adagio, g moll*.

6-й концерт — Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь — на 4 голоса, в семи отделениях: а) *adagio, a moll*; б) *яко несть в смерти поминай, allegro, d moll*; в) *утрудихся въздыханием — трио для баса и двух теноров — adagio, f moll*; г) *смятеся от ярости око мое, allegro vivace, F dur*; д) *отступите от мене, maestoso, d moll*; е) *Яко услыша Господь глас — трио для баса, альты и дисканта (но последнего сменяет потом тенор), adagio, F dur*; ж) *да постыдятся и смятутся (конца недостает), allegro vivace, a moll*.

7-й концерт — Воскресни, Господи, да судятся языцы. От сего 4-хголосного концерта уцелели только а) часть предпоследнего отделения и б) последнее полное отделение — *суди сиру и нищу, на 4 голоса, allegro maestoso, D dur*.

8-й концерт — Услыши, Господи, глас мой — на 4 голоса и в 4-х отделениях: а) *adagio, c moll*; б) *яко скры мя в селении своем в день зол моих, allegro affectuoso, f moll*; в) *едино просих от Господа, largo, Es dur*; г) *не отвори лица*

Твоего от мене и не уклонися, *allegro vivace*, с *moll.* На этом конце собственно-ручная подпись Веделя: «1796 г. Окт. 6. Соч. А. В.».

9-й концерт — Проповедника веры и слугу Слова — на 8 голосов, двухорный в 3-х отделениях: а) *allegro vivace*, *C dur*; б) приносит дар благоприемный, *andante*, *F dur*; в) яко да милостив будет в день судный, *allegro vivace*, *C dur*. На концерте рукою Веделя подписано — «Св. Апостолу Андрею ноября 30 дня 1796 г. в Харькове».

10-й концерт — Господь пасет мя — двухорный, на 8 голосов, в пяти отделениях: а) *allegro maestoso*, *C dur*; б) душу мою обрати, *Adagio*, *F dur*; в) аще бо и пойду — *allegro affectuoso*, *d moll*; г) уготовал еси предо мною, *B dur*; д) и милость Твоя — *allegro vivace*, *C dur*.

11-й концерт — Боже, законопреступницы восташа на мя — на 4 голоса, в 4-х отделениях: а) *andante*, с *moll*; б) призри на мя и помилуй мя, *allegro affectuoso*, *f moll*; в) сотвори со мною знамение, *adagio*, *f moll*; г) яко Ты, Господи, помог ми и утешил мя еси — *allegro assai*, с *moll.* На конце концерта подпись композитора такова: «*compos. Anno 1798 Novembri 17 die fine*».

12-й концерт — Ко Господу внегда скорбети ми (Пс. 119) — на 4 голоса и в 4-х отделениях: а) *adagio*, с *moll*; б) стрелы сильного изошрены, *allegretto*, *Es dur*; в) увы мне, яко пришельствие мое продолжится, *andante*, *f moll*; г) егда глаголах им, боряху мя туне — *allegro maestoso*, с *moll.*

Вот, Степан Васильевич, все концерты Веделя. Ведель сочинил их в Киеве и Харькове и производил на слушателей своих сильное впечатление.

Исполнив Ваше желание и от души желая успеха в Ваших занятиях, честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

Протоиерей Димитрий Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 118—119

1. По сведениям А. В. Лебедевой-Емелиной, Разумовский в этом письме ссылается на единственный уцелевший автограф А. Л. Веделя, который включает в себя помимо 12-ти концертов также литургию (хранится ныне в Национальной библиотеке Украины).

На сегодняшний день известно 32 концерта Веделя, причем некоторые из них были изданы в начале XX века М. А. Лисицыным и М. А. Гольцисоном в «Исторической хрестоматии церковного пения» (Вып. 4, 7—11. СПб., 1903—1914), а также П. М. Киреевым (Сборник концертов соч. А. Веделя и С. Дегтярева. Для смешанного хора под ред. И. В. С. и К. И. К. Пг., Александро-Невская лавра. 1917).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 4 декабря 1884

Достопочтенный о. Димитрий Васильевич!

За любезное письмо Ваше, заключающее сведения о концертах Веделея, искренно благодарю.

Описание Соловецких рукописей кончено и с будущей недели поступает, по мере приготовления набело, в типографию «Православного собеседника»¹. Прошу позволения присылать Вам только что отпечатанные оттиски для просмотра; Ваши указания будут иметь полное влияние на редакцию остальных листов «описания».

Я решаюсь утрудить Вас еще следующим. В одной рукописи собрано 1680 попевок, изложенных систематично по гласам, с указанием повторений в других гласах; попевки дважды изложены знаменем и демеством над хомовым текстом, с приведением всех названий. В Журнале Министерства народного просвещения 1849 г[ода] эти названия приведены по алфавиту, а я списал их по порядку — стоит ли печатать этот перечень?²

В другой рукописи мне встретились указания, которые я не хотел бы объяснять наугад: в славнике на литии (Введение во хр[ам] Б[огороди]цы) у первого перевода стоит — *усольский?* (см. *рис. 1*), а у второго (см. *рис. 2*); в начале путевого славника на литии (Рождества Христова) (см. *рис. 3*), в середине — *спуск? захват? схождение?* (см. *рис. 4*), а начало стихиры «и ныне» (см. *рис. 5*) списано верно.

Молю Бога о здравии Вашем. Прошу благословения Вашего.

Искренно преданный Ст. Смоленский.

Не имеете ли сведений, когда З. Дуров издаст рукопись, о которой помещен отзыв Ваш в Журнале Министерства народного просвещения?³

РГБ, ф. 380, № 4, л. 6 об.—7

1. См. следующие письма.

2. Имеется в виду работа И. П. Сахарова «Исследование о русском церковном пении», печатавшаяся в Журнале Министерства народного просвещения в течение 1849 года.

3. См. следующее письмо. Отзыв Разумовского о рукописи работы З. З. Дурова помещен в Отчете о присуждении наград графа Уварова (СПб., 1885).

рисунок 1

рисунок 2

рисунок 3

рисунок 4

рисунок 5

Разумовский — Смоленскому

Москва, 11 декабря 1884

Ваше Высокородие Степан Васильевич!

Пересылка печатных оттисков из Казани в Москву и обратно только затруднит издателей, потому что на пересылку требуется время, и оно весьма важно для срочного издания, каков «Православный собеседник». Может быть, желаете избежать каких-либо недосмотров, но положительного совершенства на земле нет, хотя все стремятся к совершенству. Не исправив в одном издании, можно исправить в издании повторительном. Должно дорожить временем. Чем скорее окончится Ваш труд печатанием, тем лучше. С любовью приобрету Ваш труд, если отдельные оттиски его будут продаваться в Москве.

Попевки непременно следует печатать все, только не в алфавитном порядке, как это сделано в Ж[урнале] Мин[истерства] н[ародного] просв[ещения] и в Записках Общества истории и древностей российских¹. Необходимо печатать их по гласам, если не с нотами (что затруднительно), то с текстом. Например. Знаменного роспева гл[ас] 2-й. *Подъем* — «прежде век»; *муга* — «от Отца родившемуся»; *переволока* — «своими руками носивши» и т. д. Попевки, напечатанные таким образом, помогут легко отыскать их ноты и определить их значение. Самое же печатание попевок послужит богатым материалом для певческого археологического словаря².

О фигурах, выписанных Вами, не могу сказать ничего решительного, потому что своими догадками могу спутать и себя и Вас. Советую, впрочем, пересмотреть рукопись, где они помещены, выписать все случаи, где они и как встречаются, и на основании уже нескольких примеров (а не одного) установить свой взгляд на эти частные особенности какого-либо одного нотописца. Возможно также определить значение подобных фигур посредством сличения мелодий в других рукописях, лишь бы мелодии были одинаковы с теми, при которых поставлены фигуры. Мнение о фигурах, сделанное без отношения к мелодии, во всяком случае будет догадочным, а может быть, даже и ошибочным.

Не имею также сведений и о том, когда З. Дуров напечатает свою рукопись, которую я рассматривал по поручению Академии наук. Знаю только, что он предлагал свой труд многим книгопродавцам. Из них, впрочем, г. Бессель будет сподручнее по своим условиям. Но когда г. Бессель окончит печатание — этого положительно не знаю и знать не могу³.

С искренним уважением честь имею быть Вашим покорнейшим слугою
Прот. Дим. Разумовский.

1. То есть в упомянутой выше работе И. П. Сахарова и в работе В. М. Ундольского «Замечания для истории церковного пения в России» (М., 1846).
2. Советом Разумовского Смоленский отчасти воспользовался при издании «Азбуки» Александра Мезенца, но там все вообще примеры, в том числе попевки, даются в двойном изложении: знаменами и квадратной нотой, обязательно с текстом.
3. Как уже говорилось выше, издатель В. В. Бессель не смог опубликовать книгу Дурова по причине утери рукописи.

Смоленский — Разумовскому

Москва, 4 февраля 1885

Достопочтеннейший о. Димитрий Васильевич!

Дело печатания «Описания соловецких рукописей» сверх ожидания остановилось по двум причинам: по недостатку на сей предмет сумм Академии и по моему желанию. 1-я причина отсрочивает издание до конца этого года, 2-я побудила меня усомниться в достоинстве моего труда и заняться новою и еще более тщательною обработкою. Неоднократные мои беседы и споры с гг. членами Академии, правда, не знающими церковного пения, но все же весьма учеными людьми, заставляют меня вновь беспокоить Вас просьбою решить дело Вашим авторитетным и вполне компетентным словом.

Дело в том, что предполагавшийся строго хронологический порядок расположения рукописей невозможно исполнить даже приблизительно, не говоря уже о несообразности его с целью каталогической, каковую «описание» должно иметь непременно. «Описание» есть первый труд в своем роде, ибо труды Невоструева, Востокова и др. описывавших рукописи¹, имели другие цели и средства, к которым как нельзя более подходил и требовался хронологический порядок.

Всех рукописей, осмотренных мною — 202, заключающихся в 152 номерах описания; почти ни одна из них не содержит какой-либо церковно-певчей книги отдельно, но все они заключают в себе по 2—3 и более книг одного письма. Хронологическое расположение рукописей должно быть на половину гадательное, — ибо дат годов мало и во многих случаях означают куплю-продажу, а не время написания.

Я писал о каждой рукописи на отдельных листках, чтобы иметь возможность удобнее разместить их порядок. После многих попыток я пришел к следующему расположению.

Рукописи разделены на 2 отдела — знаменные и нотные (меня убеждают назвать: безлинейные и пятилинейные); для придания хронологического характера «Описанию» я описываю рукописи по отделам предметным в хронологическом порядке, то есть каждый отдел состоит из беспометных, а затем пометных рукописей. Отделы следующие:

Рукописи знаменные:

- 1) Октоихи
  - 2) Ирмологии
  - 3) Обиходы
  - 4) Триоди
  - 5) Стихирари и Праздники
  - 6) Трезвоны
  - 7) Сборники разных пений
  - 8) Согласник
  - 9) Демественник
  - 10) Двоезнаменники
-

73 номера

Рукописи нотные:

- 1) Октоихи
  - 2) Ирмологии
  - 3) Обиходы
  - 4) Триоди
  - 5) Праздники
  - 6) Трезвоны
  - 7) Сборники пений
  - 8) Сборники виршей и псалм
  - 9) Переложения знаменного пения на 3, 4 голоса
  - 10) Партесные пения 2-ой половины прошлого века
-

79 номеров

Эти заглавия означают только начальные книги каждой рукописи, что влечет за собой некоторые неудобства. Например — две рукописи одного года: 1) Октоих, Ирмологий и Праздники, 2) Ирмологий, Октоих, Праздники — должны быть по принятому мною порядку в разных отделах сообразно началам, — а на самом деле они одинаковы и им всего естественнее стоять рядом. Как быть?

С другой стороны: хронологический порядок каждого отдела мною выдержан возможно строго, то есть, независимо от годовых дат, рукописи расположены сначала 1-й эпохи раздельноречия, 2-й эпохи, рукописи с пометами, разными и Шайдуровыми, рукописи с текстом разных патриархов и редакции знамен до и после комиссий, наконец, знаменные рукописи конца XVII и начала XVIII века с текстом принятым ныне². Историю XVII века, особенно 2-й половины его, я знаю довольно, вероятно, не ошибусь в таком распределении. Нотные рукописи изложены совершенно отдельно, ибо я не рассудил ради хронологии путать их между знаменными, хотя многие нотные рукописи старше знаменных.

Мне возражают, что лучше было бы отделить все беспометные рукописи от пометных, классификации и хронологии ради, — я на то не могу согласиться, ибо считаю то лишним, ничего не уясняющим, дробящим.

В рукописях нотных, обнимающих время 70—80 лет, я признаю предпочтительным порядок расположения предметный, так как содержание гораздо важнее, обширнее (по имению греческих, болгарских, киевских и др. пений), чем изменения состава напевов по времени и редакции их письма и текстов.

Прав ли я? Скажите Ваше слово во имя науки!

Одновременное и многократное чтение рукописей Соловецких привело меня к некоторым заключениям и обобщениям, которые я думал изложить в виде предисловия к описанию³. В числе их одно меня очень занимает. Я попытался сравнить редакцию напевов в их написании знаменами параллельно от конца XV века до изданий Св. Синода. Приняв во внимание всякие могущие быть ошибки, исторические влияния, местность — мне, как кажется, удастся подметить путь развития знаменного письма и влияния иноземного на мелодику пений. Все снимки, какие только напечатаны, у меня налицо, — но этого мне мало. Я думаю заняться составлением параллельных редакций всех веков и эпох, с целью добиться оправдания мысли, меня занимающей. Для сравнения избрал догматики 8-ми гласов, «Да молчит всякая плоть», «Тебе одеющагося» и стихиры Пасхи⁴. Списки от конца XV века и позже у меня есть, — не скажете ли, какие рукописи можно достать в Москве для такого именно исследования — но более старые? Казанская Духовная академия может достать их для меня, — но дадут ли, например, Румянцевский музей, Патриаршая библиотека?

Вполне соглашаясь с Вами о целостности знаменного пения («Церковное пение в России», стр. 171⁵), я предполагаю, что развитие пения развилось до чрезвычайности знамена; число их увеличивалось усложнением старых и введением новых, изобретением новых фит и лиц, наконец установлением той *русской* мелодики, которая согласна с народным музыкальным чувством и складом. Прогресс мелодики и ее письма, мне кажется, может быть хорошо выяснен именно этим совпадением пения церковного с общим типом музыкального народного творчества.

Может быть, удастся этим сравнительным путем доказать мою мысль, удастся положить конец нелепому желанию гармонизовать древнее пение. Мне писали из Петербурга, что Балакирев *с успехом* занимается этим делом, по моему нелепым⁶.

Есть у меня еще одно дело, которое кончаю.

Пропев массу, я записал все поразившие меня голосовые обороты знаменного роспева. Приведа в порядок этот материал, я составил небольшую азбуку, которую думаю предложить вместо «Начального учения в цефавтном ключе». Моя основная мысль та, что учащийся должен петь упражнения, состоящие именно из церковных голосовых извилий, чтобы выучившись по ним владеть голосом, выработав свою технику, eo ipso [то есть] воспитался в духе церковных

напевов и ознакомился в то же время с сущностью гласов (не мелодий их, а ладов); наиболее употребительные фиты, лица и прочие типичные места составят отдельную часть азбуки, а выбранные пения из Октоиха, Обихода и Праздников — хрестоматию к ней. Такой труд — чисто педагогический — работаю теперь, — но не уверен в умении сделать хорошо последнюю часть. Думаю собрать: богородичны догматики, подобны, Бог Господь (с тропарями воскресными), 1-е ирмосы воскресные, *все* антифоны, стихиры Евангельские, величание и полиелей; эктении, Херувимскую песнь, Тебе поем, Достойно, причастен, «Милость мира» ([на литургии] Вас[илия] В[еликого]), «На реках вавилонских», «Покаяния отверзи ми», «Вечери Твоя», «Приидите ублажим», «Тебе одеющагося», «Да молчит всякая плоть», «Благообразный Иосиф», «Светися, светися», «Плотию уснув» и все славники и задостойники двенадцатые⁷.

Такая книга «Обиход *учебный*», подобно «Часослову учебному», недавно появившемуся⁸, должна быть отредактирована не по изданиям Св. Синода, а по рукописям с означением на полях фит и примечаниями с объяснениями. Понятно, что прежде чем отправить его в Синод, буду просить Вас просмотреть его и наставить меня. Я — учитель пения и понимаю свое дело, но не считаю себя знающим древность настолько, чтобы дать хрестоматию безукоризненную. Позвольте ли надеяться на Ваше внимание?

Простите за невниманье — в пылу письма перепутал страницы.

Прося почтительно благословения Вашего,

прошу верить чувству искреннего уважения
преданного Вам Ст. Смоленского.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 20—24

1. Смоленский хочет сказать, что его описание, направленное на раскрытие палеографического и певческого содержания рукописей, должно по структуре отличаться от трудов археографа К. И. Невоструева, который вместе с А. В. Горским занимался описанием рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, и филолога А. Х. Востокова, издавшего описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея.

2. Приведенная в этом письме схема классификации рукописей осталась в окончательном варианте «Описания» (с датой цензурного разрешения к печати в октябре 1885 года), который в машинописной копии сохранился в архиве М. В. Бражникова в РНБ (ф. 1147, № 838).

3. Это предисловие (в более позднем его варианте) было, по настоянию Н. И. Ильминского, издано в журнале «Православный собеседник» (1887, февраль) под заглавием «Общий очерк исторического и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки и “Азбуки певчей” Александра Мезенца» (были сделаны также отдельные оттиски).

4. В архиве Смоленского в РГИА имеется неизданная более поздняя работа «Сравнительный текст догматиков воскресных в знаменных и нотных изложениях, с XIV—XV века по XIX век» (ф. 1119, оп. 1, № 42).

5. На с. 171 книги Разумовского говорится:

Ноты знаменного безлинейного пения, к какому бы почерку они ни принадлежали, всегда удерживают свой первоначальный, родовой тип. <...> Сходные по начертанию знамена, когда бы ни употреблялись в Русской церкви, всегда неизменно сохраняли свое певческое значение.

6. О трудах М. А. Балакирева мог писать С. А. Рачинский, возглавлявший серьезные надежды на то, что с приходом в Придворную капеллу Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова будет создан новый, образцовый Круг гармонизованного церковного пения. См., например, его письмо к К. П. Победоносцеву от 28 февраля 1883 в Приложении к разделу этой переписки в первой книге тома.

7. «Обиход учебный» Смоленский не издал, а высказанные им в письме идеи были впоследствии развиты в разных направлениях: мысль о «русском сольфеджио» реализовалась в учебных программах Синодального училища; анализ знаменных гласов и попевок вошел в издание «Азбуки» Мезенца; над Хрестоматией по древнерусскому пению — правда, в несколько другом облике — Смоленский работал в последние годы жизни (см. подробнее в переписках с Шереметевым и Волковой).

8. Учебный Часослов (как и Учебный Октоих) издавался в это время Н. И. Ильминским (см. его письма к К. П. Победоносцеву в упомянутом выше Приложении).

Разумовский — Смоленскому

Москва, 10 февраля 1885

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Сделанное Вами описание нотных рукописей Соловецкой библиотеки печатанием остановилось. Причину такого печального явления, как Вы объясняете, служит недостаток академических сумм и некоторая разность между Вами и Ученым Академическим Обществом во взгляде на самый предмет Ваших работ.

Вы смотрите на свой предмет с обширной точки зрения — искусственной, исторической, археологической, а Ученое Общество видит и, может быть, преследует одну библиотечную цель в Вашем труде. Отсюда разность во мнениях неизбежна и ничем неотвратима. Она может при случае разразиться и таким обстоятельством, что ученое сословие под предлогом недостатка академических сумм совершенно откажется от печатания Ваших трудов, несмотря на всю их полноту и совершенство в исторически-техническом смысле. И знаете ли, Ученое Общество с своей точки зрения окажется совершенно правым не только пред судом своей совести, но и пред судом общественным. Оно желает, наверное,

чтобы печатание Вашего труда обошлось ему как можно дешевле, и достигает своей цели, если Ваш труд или описание нотных рукописей будет кратко, только немногим превышая требования библиотечного каталога. Вам известна разность между библиотечными каталогами рукописей (предметным, инвентарным и пр.) и описаниями рукописей (историческими, археологическими, лингвистическими и художественными). Сравните, если угодно, описания рукописей *Строева* и др. и описания рукописей Горского и Невоструева: Вы увидите большую разность между теми и другими¹. Разность происходит именно от требований тех, которые занимались описанием. Ученое Общество надеется видеть в Вашем труде краткость и точность, а вовсе — не певческие, археологические, исторические и другие подробности, важные собственно для Вас и для других любителей церковно-певческого искусства.

Доставьте ученому академическому Обществу краткое и точное описание соловецких нотных рукописей, не стесняясь каким-либо определенным порядком, вроде археологического, хронологического. Общество наверное примет Ваш труд с благодарностью и без всяких прений, потому что издание подобного труда будет необременительно для академических сумм и полезно для библиотечного каталога. Ваш же полный труд с частными взглядами на содержание рукописи и подробным описанием ее всегда может быть издан отдельно как труд специальный, преследующий именно певческие цели.

В Москве много нотных рукописей, необходимых для полноты Вашего труда, но они пересылаются нелегко. Из Московской Синодальной библиотеки пересылаются рукописи не иначе, как с разрешения Св. Синода или по крайней мере Синодальной Конторы. Из Румянцевского музея добываются рукописи не иначе, как с высочайшего разрешения. Пока все эти разрешения испрашиваются и последуют, много времени утечет. Ваши казанские ученые, сколько мне известно, нарочно приехали в Москву для своих занятий местными рукописными сокровищами. С начала весны до половины июня Вы всегда можете иметь свободный доступ ко всем сокровищам, особенно если академическое начальство употребит свое ходатайство о дозволении Вам заниматься этими сокровищами, в чем никогда не бывает отказа.

С искренним желанием видеть Ваши труды в печати
честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

Протоиерей Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 122—123

1. Археограф П. М. Строев издал целый ряд выдающихся по подробности и тщательности описаний рукописей из государственных и частных коллекций. Считается, что огромное количество свежего и ценного материала, введенного в оборот Строевым, стало фундаментом для многих работ позднейших историков.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 29 апреля 1885

Достопочтеннейший о. Димитрий Васильевич!

Два месяца назад мне попался случайно превосходный список азбуки Александра Мезенца¹. Я прочитал его со вниманием, сравнил с «Ключом» Тихона Макарьевского, сравнил ирмолойные строки по *отличному* экземпляру 1507 года (№ 283 Соловецкой библиотеки), также по знаменной рукописи 1683 года (№ 280 *ibid.*), сопоставил с нотной рукописью того же времени и, наконец, с нотным Ирмологием синодального издания. Снабдив все эти сравнения своими примечаниями — думаю напечатать, но боюсь цензурующего! Благословите ли мой труд? — можно ли подпасть под Вашу любящую руку?

Я обещал эту рукопись передать в Петербург, — но теперь думаю быть в Москве и предварительно проверить текст Мезенца по лучшему московскому списку — укажите пожалуйста — где он?

«Описание» Соловецких рукописей, отложенное до августа — за неимением сумм, я думаю начать печатать сам на свой счет, ибо Академия, после всяких одобрений и формальных уверений, захотела взять мой труд и печатать в порядке своего описания, то есть по крайней мере через 3—4 года и без моего имени — как труд Академической комиссии. Я подал в Академию просьбу о дозволении напечатания описания их рукописей литографическим способом и на днях жду разрешения. Можно ли и в этом случае надеяться на Вашу цензуру, ибо «описание» переполнено знаменными выписками?

Я буду в Москве в половине июня недели на полторы—две. Меня чрезвычайно интересует Нижегородский Кондакарь — но не знаю, где он лежит — в Нижнем (Семинарская библиотека?) или в Московском Румянцевском музее?²

Дошел до меня слух, что Вы делаете 2-е издание Вашего бесценного «Церковного пения в России» — весьма дополненное — правда ли?³

Прося благословения Вашего,

с глубочайшим уважением имею честь быть

преданным Вам Ст. Смоленским.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 25—26

1. Про зарождение самой идеи издания «Азбуки» Мезенца Смоленский рассказывает в Воспоминаниях:

Случайная... встреча с калачником-старообрядцем Леонтием Васильевичем Елкиным, у которого оказался превосходный экземпляр «Азбуки знаменного пения (Указания о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца», совершенно изменила ход моих занятий. Я бросил печатание «Описания соловецких рукописей»

[имеется в виду изготовление копий с листов рукописей] и с энергией... принялся штудировать Мезенца. <...> Над Мезенцем я просидел два года... Полгода спустя я переделал его совершенно... (Т. IV. С. 214—215).

2. Нижегородский (Благовещенский) кондакарь — один из шести сохранившихся древнейших кодексов с кондакарной нотацией — находился до середины XIX века в нижегородском Благовещенском монастыре, откуда был передан в Св. Синод, а затем в Публичную библиотеку (РНБ).

3. На самом деле Разумовский готовил не новое издание «Церковного пения в России», а новую книгу — «Богослужбное пение Православной Греко-российской церкви. Теория и практика» (М., 1886). Если первая книга сложилась на основе лекционного курса в Московской консерватории, то вторая предназначалась учащимся духовных учебных заведений в связи с введением там новых программ по церковному пению и имела, в отличие от первой, не столько исторический, сколько теоретический характер; много внимания уделялось в ней синодальным изданиям на квадратной ноте.

Разумовский — Смоленскому

Москва, 2 мая [1885]

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Ответствуя на первые строки Вашего письма, долгом поставляю уверить Вас, что одолжением себе почту просмотреть Ваши полезные труды, если Вашей благосклонности угодно будет сообщить их мне. Вместе с тем должно будет уведомить Вас, что я не обладаю ни малейшею частью правительственного цензора. Мне не дано власти одобрять к напечатанию. Если угодно, я могу представить Вас и Ваш труд цензору от правительства духовного или светского, но не более того. Мне кажется, что Вы, без всякого обременения себя, могли бы напечатать свой труд в Казани, с одобрения существующей там духовной и светской цензуры. Это дало бы Вам возможность личными объяснениями споспешествовать успешному действию цензуры и вести самое печатание Вашего труда под собственным наблюдением.

Лучший экземпляр Грамматики Мезенца принадлежал покойному археологу В. М. Ундольскому. По кончине его все богатое собрание рукописей перешло во владение Московского Румянцевского музея, где теперь и находится этот редкий экземпляр. О нем упомянуто в печатном описании рукописей Ундольского, изданном от покойного хранителя их А. Е. Викторова¹.

Нижегородский Кондакарь, о котором Вы упоминаете в Вашем послании, описан подробно арх[имандритом] Макарием (ныне архиепископом Нижегородским) в Записках Императорского Археологического Общества в Санкт-Петербурге². Самый Кондакарь находится ныне в Императорской Публичной библиотеке. Другой подобный же Кондакарь и также из Нижегородского Благовещенского монастыря

(бывшего патриаршего) находится в Нижнем Новгороде, в библиотеке Братства, кажется, св. Петра. Задачею братства признается распространение православия в обществе раскольников, наполняющих *доселе* Нижегородскую епархию³.

В надежде скорого свидания с Вами, честь имею быть
Вашего высокородия покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 116—117

1. «Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по 579. С приложением очерка собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе». Сост. А. Е. Викторов. М., 1870. В. М. Ундольский — один из крупнейших русских библиографов и собирателей памятников древнерусской письменности, а также один из первых историков, публиковавших документы по церковному пению (Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846); его собрание было приобретено Румянцевским музеем. Алексей Егорович Викторов — археограф и библиограф, многие годы трудившийся в Румянцевском музее, являлся организатором и хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных книг, автором множества описаний рукописных собраний.

Относительно Азбуки Мезенца, имевшей в собрании Ундольского № 176 (ныне РГБ, ф. 310), в Описании (С. 161) сказано:

Грамматика крюковых нот, полуустав, половина XVII века, на 278 л., в 4-ку. Рукопись редчайшая и самая лучшая из всех доселе известных, по свидетельству Д. В. Разумовского.

2. Имеется в виду работа архиепископа Макария (Миролюбова) «О кондакарном знамени», опубликованная в Записках Императорского Археологического общества в 1857 (Т. X).

3. По-видимому, здесь ошибка: в это время было известно, кроме нижегородского (Благовещенского), переданного в Публичную библиотеку, еще четыре кондакаря: один в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, два в Синодальной (Патриаршей) библиотеке и один в Библиотеке Синодальной типографии (Типографский устав).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 14 мая 1885

Достопочтеннейший Димитрий Васильевич!

Весьма сконфужен справкою у Викторова: № 176 — грамматика крюковых нот *на 278 л.* в четвертку; мой список Мезенца, *отличный*, всего на 15 листах. Опишу Вам, что [он] заключает, чтобы не проехать по-пустому в Москву.

1. Предисловие о сборе 1-й и 2-й комиссии — обычной редакции сполна — на 2-х страницах (1-я и 2-я)
2. Извещение о согласнейших пометах (начало 3-й)
3. О беспризначном знамени (3-я, 4-я и начало 5-й)
4. Рассуждение о достоинствах знаменного письма в сравнении с нотным (5-я и 6-я стр.)
5. О призначном знамени (7—17 стр. — в 31-м параграфе)
6. Послесловие: конец извещения (18 стр.)
7. Розвод ирмоса «Христос раждается» — в 3-х редакциях (19 стр.)
8. «Конец трием частем знамени» и предисловие к ирмолойным строкам
9. 83 строки мудрых с разводами (21—28 стр.) — с их послесловием (стр. 29)
10. Акростих: «трудился Александр Мезенец с прочими» (стр. 30).

Письмо весьма мелкое.

Я приложил к грамматике до 40, а к строкам до 60-ти замечаний и толкований, и мне осталось не более двух дней работы для окончания труда — сравнения ирмолойных [строк] с рукописями конца XV века, хомового начала XVII, нотного конца XVII и Синодальным Ирмологием, — которое я довел до 74-й строки. Неужели я так жестоко ошибся? Вся редакция памятника убедила меня в превосходных достоинствах моего списка, — а у Викторова вдруг 278 листов! Нет ли там еще строк мудрых из Праздников, Триоди, фитника и разводов лиц? Если да, то они ведь изложены [Тихоном] Макарьевским или нет? Азбука последнего у меня в руках и имеет до 100 страниц.

Объясните мне, пожалуйста, мое недоумение! Я работаю усердно 2 месяца — неужели по-пустому?¹

К Преосвященному Макарию рассчитываю быть лично, если только не буду огорчен неудачей с Мезенцем².

Простите мою доuku. Прошу Вашего благословения и остаюсь с искренним почтением и преданностью Вашим слугою.

Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 27—28

1. Из пометы Разумовского на письме следует, что он ответил Смоленскому в день получения письма — 17 мая. Ответ Разумовского неизвестен, но ясно, что он успокоил Смоленского. Рукопись из собрания Ундольского является сборником, в котором наряду с Азбукой Мезенца присутствуют «Ключ» Тихона Макарьевского, фитник и другие разделы, причем трудность состоит в том, что акростих Мезенца помещен не сразу после Азбуки, а несколькими десятками страниц позже. Впоследствии Смоленский познакомился с другими списками Азбуки и сверил с ними казанский текст (в издании Азбуки указываются два списка в Публичной библиотеке и два списка из собрания Ундольского — см. с. 30).

2. Как очевидно из предыдущего, ехать к преосвященному Макарию было обязательно: Кондакарь не находился в Нижнем Новгороде.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 30 августа 1885

Достопочтеннейший о. Дмитрий Васильевич!

Искренно прошу Вас принять посланный Вам экземпляр «Курса хорового пения» — в знак моего глубочайшего почтения и преданности. Другие два экземпляра посылаются согласно полученной от Вас суммы в 3 рубля. Я очень желал бы слышать Ваш нелицеприятный отзыв о моем труде, возможно строгий. Прошу о том усердно¹.

Справки о Годяеве пока весьма малы. Дела о нем в Семинарском архиве — нет, но есть надежда иметь все нужное².

Я привык обращаться к Вам с просьбами: имею книгу «Христ[ианского] чтения» 1831 года т. LIII со статьею о пении (Арх[имандрита] Мартирия?) — не могу достать т. LII того же года со статьею — не знаете, что такое — стоит ли искать?³

Не знаю также, чье и какого года «Историческое рассуждение вообще о древнем христианском пении и особенно о пении в России», — а оно интересует меня⁴.

Лето в Казани провел известный Вам В. Ф. Комаров⁵, — расскажу при свидании.

Для издания Мезенца мне хотелось бы снять копии с самого древнего Ирмолога. Не укажете ли где? (кроме Новоиерусалимского) какой самый лучший?⁶

Если не буду в Москве к 20 числу сентября, постараюсь быть к Рождеству непременно.

Душою преданный Вам Ст. Смоленский.

Р. S. По поводу предлагавшегося кн. В. Ф. Одоевским составления «Азбуки нотного пения» взамен таковой же помещаемой в Сокращенном Обиходе, — не известно ли Вам — была ли составляема хотя начерно эта азбука князем, — не находится ли она в Румянцевском музее или где-либо? Это *чрезвычайно* интересует меня⁷.

О. Михаил Виноградов — проживает, если не ошибаюсь, в Калуге? Мне хочется послать ему «Курс» — но не знаю (лучше — не помню) — куда именно⁸.

1. Отзыв Разумовского на Курс Смоленского находится в фонде Разумовского в РГБ (ф. 380, № 14).

2. Разумовский интересовался магистром, а затем профессором Казанской духовной семинарии Василием Ивановичем Годяевым (1831—1860), потому что у него было собрание певческих рукописей. Упоминание об этом встречается в архиве Разумовского; кроме того, замечание о собрании Годяева имеется в переписке В. В. Стасова с И. И. Срезневским в 1863 (см.: В. В. Стасов. Письма к деятелям русской культуры. Т. 2. М., 1967. С. 177).

3. *Примечание Разумовского на полях*: «Краткие исторические сведения о песнопениях нашей церкви». См. след. письмо.

4. См. след. письмо.

5. Василий Федорович Комаров был педагогом Московской духовной семинарии, членом ОЛЦП, впоследствии — членом Наблюдательного совета при Синодальном училище, автором духовно-музыкальных переложений и исследователем русского церковного пения. См. публикацию его работы с комментариями в III томе РДМ, а также письмо Смоленского к А. В. Преображенскому от ноября 1901 в настоящем томе.

6. Новоиерусалимскому Ирмологу посвящена специальная работа Смоленского «Краткое описание древнего (XII—XIII) века знаменного Ирмолога, принадлежащего Воскресенскому, Новый Иерусалим именуемому, монастырю» (Православный собеседник, 1887, февраль). Ему удалось получить эту древнейшую книгу посылкой в Казань.

7. См. след. письмо.

8. Протоиерей Михаил Александрович Виноградов, духовный композитор и регент, жил в Рязани.

Разумовский — Смоленскому

Москва, 12 сентября 1885

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Сегодня (11 сентября) я имел честь получить Ваше драгоценное произведение и прошу на первый раз принять мою искреннюю благодарность за Вашу память и за Ваше снисходительное внимание ко мне. В следующий раз, когда буду иметь досуг покороче узнать все подробности Вашего труда, я постараюсь сообщить о нем свое мнение лично Вам, в интересе самого дела.

В «Христианском чтении», ч. LII, 1831 г. помещена статья под заглавием «*Краткие исторические сведения о песнопениях нашей церкви*»¹. В ней разъясняется — что такое *тропарь*, *кондак*, *антифон* и проч., что подробно потом изложено преосвященным Филаретом, епископом Черниговским в его пространном творении «*Песнопевцы и песнопения православной Греко-российской церкви*». И статью «Христианского чтения», и произведение Филарета Черниговского Вы легко можете получить в библиотеке Казанской Академии и, вероятно, Семинарии, потому что в одну из этих библиотек поступили книги после преосв[ященного] Казанского Григория².

«Историческое рассуждение о древнем христианском пении и особенно о пении Русской церкви» написано в начале настоящего века покойным Киевским митрополитом Евгением (Болховитиновым). Все, что есть интересного в этом произведении, давно перепечатано в других произведениях о церковно-русском пении. Оно подробно разобрано В. В. Стасовым в его статье *о демественном пении*, напечатанной в Известиях Императорского Санкт-Петербургского Археологического Общества (Т. V, кажется, 1859 г., только никак не ранее 1855 г.). Самое *рассуждение* представляет собою небольшую брошюру в большую 4-ть д[ести] листа³.

Кн. В. Ф. Одоевский действительно имел поручение составить Азбуку нотного пения взамен азбуки на С-fa-ut'ном ключе, издаваемой Св. Синодом. Но это поручение, по многосложным занятиям князя, осталось без исполнения, даже не сделано было никаких начатков к исполнению. Причина этого, кажется, заключается в том, что почти в то же время князю поручено было министерством народного просвещения составить азбуку нотного пения для народных училищ. Комитет во главе с кн. Одоевским предположил учредить конкурс на составление этой азбуки. Составлена была программа конкурса, отослана в Санкт-Петербург; тем дело и кончилось⁴.

О. Михаил Виноградов, старец уже преклонных лет, протоиерействует не в *Калуге*, а в *Рязани*.

В надежде скорого свидания, если Вы соблагovolите меня удостоить его, честь имею быть Вашего Высокородия покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 124—125

1. В двух номерах «Христианского чтения» за 1831 (№ 42 и № 43, а не № 52 и № 53, как пишут оба корреспондента) помещены (без подписи), соответственно, две статьи (архимандрита Мартирия Горбачевского [Горбачевича]; умер в 1873): «Краткое историческое сведение о песнопениях нашей церкви» и «Историческое сведение о пении Греко-российской церкви». В первом речь идет в основном о классификации песнопений и размещении их в разных книгах. Второй очерк носит исторический характер, и можно сказать, что из этого текста происходит ряд утверждений, воспринятых некоторыми более поздними авторами. Например, толкование демественного пения как византийского «мастерского», толкование «триестествогласия» как «многоголосия», представление о том, что роспевы болгарский и греческий появились на Руси уже в древнейшую эпоху, и проч. О. Мартирий сравнивает знаменный (столповой) роспев с западным plain chant, считает, что русское певческое искусство сильно потерпело в эпоху «татарского ига», которое так «притупило у русских чувство изящного», что пение стало «нестройным» и «диким», и лишь патриарх Никон сумел исправить дело и ввести «пение согласное и приятное».

2. Как уже говорилось, Казанский архиепископ Григорий (Постников) был весьма просвещенным человеком, много сделавшим для казанских духовно-учебных заведений.

3. Митрополит Евгений (Болховитинов) — автор, в сущности, первой серьезной работы о русском церковном пении, которая впоследствии часто цитировалась учеными и публицистами. Точное название ее — «Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужбном пении и особенно о пении Российской церкви, с нужными примечаниями на оное» (Воронеж, 1799; затем СПб., 1804).

Работа В. В. Стасова «Заметки о демественном и троестрочном пении» опубликована в указанном Разумовским издании в 1864.

См. также комментарии к разделу «Общество древнерусского искусства» в III томе РДМ.

4. Публикацию составленной В. Ф. Одоевским в 1866 программы конкурса на азбуку нотного пения см.: Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы / Ред. сост. М. П. Рахманова. М., 2005. С. 410—416. Основные требования были таковы: простой и доступный язык изложения, возможность применения как линейной, так и цифровой записи, опора на квадратную нотацию книг синодального издания, объяснение гласовой системы. Одоевский писал:

Вообще цель Учебника обучить *одногласному* исполнению церковных напевов, но желательно, чтобы до некоторой степени был объяснен и способ простейшей их двозвучной или трезвучной гармонизации, во всяком случае без всякого изменения (даже на полутон) церковного напева, как он изображается в Синодских изданиях (Указ. изд. С. 412).

Смоленский — Разумовскому

[Казань, конец ноября — начало декабря 1885]

Достопочтеннейший о. Дмитрий Васильевич!

Позволяю себе просить Вас принять посланный Вам экземпляр моей брошюры «К вопросу о программах» — как знак моего искреннего и глубокого к Вам уважения¹. Один экземпляр, подписанный мною, я просил бы передать при случае старцу Юрию Арнольду; два же другие экземпляра представляю в Ваше распоряжение — на случай, если Вы сочтете удобным кому-либо передать их.

Дело печатания моего «Описания», наконец, уясняется, и притом весьма благоприятно. Тот же К. П. Победоносцев, помогший «Курсу», обещает помочь еще раз и велит начинать печатание. Так как я был почти уверен в этой помощи, то всю осень не переставал отделявать «Описание» и заготавливать копии с наимужнейших мест рукописей. Но особенное внимание я обратил на собрание попевок, собранных в рукописи «Согласника» (№ 752).

1680 попевок изъясняются мною нотным переводом, ссылками на Минеи, Триоди, Октоихи, Ирмологии и т. д., кроме того и на синодские нотные книги

(где можно) — с изъяснениями разниц хомонии и печатных неграмотностей. Но труд мой жестоко парализуется тем, что многие попевки я решительно не могу найти (вроде: «того ради» — «тем Тя поем») и не надеюсь дойти до конца (я начал 4-й глас), ибо на брезе у попевок, написанных сполна во всех 8 гласах, — не указаны названия 8-го гласа, а последних 347. Я уповаю, что Вы не откажете мне в убедительнейшей моей просьбе прислать мне Ваш сборник попевок, столь заинтересовавший меня ныне летом. Могу уверить Вас, что я сберегу Вашу книгу со всем уважением к ее содержанию; а что умею беречь их — доказал обращением со многими Соловецкими рукописями. Я очень боюсь, как бы не остановиться, не дойдя до конца, тем более что только теперь понял всю силу и значение знания системы попевок. Имей Вашу книгу в руках не более 10 минут, я все-таки увидел в ней многое, чего у меня нет в «Согласнике». Убежден, что Ваша книга много поможет мне. Помогите и Вы, достопочтенный Дмитрий Васильевич! В Казани я один, как перст, не к кому слова сказать.

«Мнение» написано горячо и против немцев, заедающих нашу русскую школу. Quod potui feci. [Сделал что мог.] Благословите мой труд.

Ваш усердный слуга и почитатель Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 55—56

1. Имеются в виду оттиски статьи «К вопросу о программе преподавания хорового пения в городских училищах (отдельное мнение преподавателя Казанской учительской семинарии Ст. В. Смоленского)», которая была опубликована в Приложении к Циркуляру по Казанскому учебному округу (1885, № 10).

Разумовский — Смоленскому

Москва, 8 декабря 1885

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Много благодарен Вам за присылку Ваших брошюр. Доставшуюся мне, по надписи, прочитал всю с удовольствием. Другую же брошюру, тоже с Вашей надписью, вручил лично Ю. К. Арнольду; он обещал писать Вам и благодарить Вас¹.

Исполняя Ваше желание, посылаю Вам нотную рукопись с избранными строками и фитами. Надеюсь, что Вы сохраните ее в целости и по миновании надобности возвратите мне². От души желаю, чтобы эта рукопись послужила Вам на пользу и хотя отчасти облегчила многосложные занятия ваши.

С истинным почитанием честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 126

1. Письма Ю. К. Арнольда к Смоленскому за этот период, по-видимому, не сохранились; см. более поздние письма ученого в следующем разделе книги.

2. Это та же рукопись за № 100, о которой идет речь в последующих письмах. В современном описании собрания Разумовского под № 100 числится рукопись: «Праздники на линейных нотах. Последняя четверть XVII века. 242 листа» (см.: Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского / Сост. И. М. Кудрявцев. М., 1960. С. 118), однако скорее имеется в виду ранее существовавшая нумерация певческих книг и речь может идти об одной из многочисленных в этом собрании азбук.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 16 марта 1886

Достопочтеннейший о. Димитрий Васильевич!

Позволяю себе представить Вашему вниманию статью, уже знакомую Вам по корректурному оттиску. Я просил бы Вас передать один экз. брошюры г. Арнольду — в знак моего совершенного к нему уважения¹.

Не знаю, изволили ли Вы уже получить все дело о программе пения для семинарий и духовных училищ и какова вообще ожидаемая судьба всего дела, если Вами уже дано заключение?² Это меня очень интересует и близко лежит душе моей. Теперь я работаю над указанной Вами работой — переделываю свой «Курс» по 5-линейным нотам, но думаю расположить все примеры и технику упражнений только для мужских голосов, то есть теноров и басов³. Не думаю, чтобы мое руководство могло быть с пользой проходимо в духовных училищах, — его место в духовных семинариях, то есть с учениками старшего возраста. Не посоветуете ли отечески мне: может быть что-либо нужно выбросить из Курса 1-й части? Как сократить 2-ю? На что обратить большее внимание при курсе гармонии и голосовых упражнений? Следует ли, действительно, переложить все для мужских голосов? Не увлекаюсь ли я предположениями о достоинствах моего руководства и о вероятности принятия моей программы предпочтительно перед трудом г. Миропольского?

Простите все эти вопросы! Вы знаете всю любовь мою к церковному пению и все искреннее желание работать; Вы знаете и то искреннее почтение, с которым я встречаю и слушаю Ваши указания.

Преданный Вам Ст. Смоленский⁴.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 30—31

1. На этот раз речь идет о статье «По поводу предполагаемого преобразования программы преподавания церковного пения в духовных училищах и семинариях» (Церковный вестник, 1886, № 5). В ОР РГБ имеется корректура статьи с замечаниями Разумовского (ОР РГБ, ф. 380, оп. 10, № 8).

2. Об этой программе, составленной Смоленским и дополненной Разумовским (а также о программе упоминаемого далее в письме С. И. Миропольского), см. подробнее: РДМ. Т. III; раздел «1880-е — 1890-е»: работы В. Ф. Комарова «Средства к улучшению церковного пения» и протоиерея А. Н. Иванова «Попытки к восстановлению древнецерковного пения», а также вступление к разделу и комментарии к статьям. Коротко говоря, программа Смоленского была принята на испытание, но проводить новую программу в духовно-учебных заведениях оказалось некому (см. также далее в переписке с В. М. Металловым).

3. Новое издание «Курса» Смоленского, исправленное и дополненное, на этот раз не литографированное, а наборное, вышло в Казани в начале 1887. Однако в нем осталась цифровая нотация, хотя пожелание переделки «Курса» на линейную нотацию было выражено К. П. Победоносцевым, обеспечившим субсидию Св. Синода на это издание (см. в Приложении к переписке с Победоносцевым в первой книге тома).

4. Судя по помете Разумовского, он ответил Смоленскому 23 марта. По-видимому, это то письмо, которое впоследствии Смоленский вклеил в свой экземпляр «Курса», до сих пор не разысканный.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 15 октября 1886

Достопочтеннейший отец Димитрий Васильевич!

Весьма сожалел я, что перед отъездом из Москвы не имел возможности застать Вас дома и, переговорив кое о чем, проститься до нового свидания¹. В тот раз я передал из рук в руки Вашему сыну рукопись попевок, прося за меня искренно благодарить Вас.

Сегодня, с помощью Божию, я передал в литографию первые три листа снимков с певческих Соловецких рукописей, следовательно начало печатанию моего «Описания» скоро воспоследует. Работаю успешно. Благословите и пожелайте успеха! Описание состоит: 1) из большого историко-теоретического обозрения-предисловия, 2) собственно описания рукописей и 3) снимков (до 300) с рукописей. Думаю найти материала листов до 20 или 25.

Вчера я получил известие от дражайшего учителя моего Л. Ф. Львова, что Арнольд просил его переслать мне последнее исследование, печатанное в Лейпциге². Думаю душевно благодарить сего почтенного старца, но не знаю ни адреса, ни отчества его; знаю только имя Юрий... не откажите сообщить о сем³.

Есть у меня еще к Вам две просьбы. Не упомните ли, в котором году и месяце судился Юргенсон с Капеллой из-за Обедни Чайковского? В печатных рецензиях, как мне говорили, во время прений были указаны все указы, определяющие права и обязанности Директоров Капеллы как цензоров и одобрителей всего касающегося печатания церковного пения. Мне это крайне важно и нужно

знать ввиду возбужденного вопроса о моем «Курсе» по поводу его напечатания и авторских прав на сочинения Турчанинова⁴.

Другая просьба о книге. В 1844 г. была напечатана в Москве Корнилием Тромониным (соревнователем и художником в Императорском Обществе истории и древностей российских) — в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической Академии — книга: «Изъяснения знаков (водяных) на писчей бумаге» и пр. Мне эта книга нужна до зарезу. Я имею книгу Лаптева, но она никуда не годится, — а у Тромонина собрано до 1800 знаков. Нет ли этой книги в Обществе Археологическом, или где-либо, или у Вас? Нельзя ли как-либо достать ее?⁵

Есть у меня еще кое-что. 1) Я еще не видал раздельноречных Октоихов с Евангельскими стихирами и блаженнами. Существовали ли эти пения на крюках до XVII века? 2) Я еще не видал Иосифовских, современных ему певчих книг; были ли они с Иосифовскими текстами? Не переведены ли они на эти тексты позднее, с хомовых и с Мезенцевыми отчерками и пометами Шайдурова. 3) Есть ли хомовы книги начала XVII века с пометами? — Вот сомнения, обуревающие меня в эти дни, — не дающие мне спокойно ответить — нет! Если, действительно, «нет», — подтвердите мне, ибо от этого Вашего слова будет зависеть спокойный тон обсуждения этих вопросов в моем предисловии.

Я пришлю Вам оттиски снимков на Ваше благоусмотрение, в надежде, что Вы не откажете мне заметить что-либо.

Искренно желая Вам доброго здоровья, остаюсь искренно преданным.

Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 32—33

1. Смоленский описывает в Воспоминаниях свою поездку в Петербург зимой 1886-го для участия в синодской комиссии по обсуждению новых программ; в течение двухмесячного пребывания в столице он «познакомился с очень многими» и был приглашен к «участию в редакционных работах Московской Синодальной типографии по изданию нотных певческих книг», то есть исправленному переизданию книг на квадратной ноте (Т. IV. С. 217). Смоленский взял на себя проверку текстов знаменного Октоиха и составление новой книги Трезвонov. С этим, вероятно, и была связана поездка в Москву осенью 1886-го.

2. Речь идет о книге Ю. К. Арнольда «Гармонизация древнерусского церковного пения по эллинской и византийской теории и акустическому анализу» (М., 1886).

3. *Примечание Разумовского*: Покрова в Левшине, Штатный переулоч, дом Ситниковой.

В архиве Арнольда в РИИИ имеется посланное из Казани недатированное письмо Смоленского с благодарностью Юрию Карловичу за присылку его трудов.

4. См. следующее письмо. Позже Смоленский посвятил «делу о Литургии Чайковского» специальную работу: «О “Литургии” ор. 41 соч. Чайковского (из литературно-юридических воспоминаний)» (РМГ, 1903, № 42, 43). Что касается авторских прав на приводимые в тексте «Курса» духовно-музыкальные произведения, то недоумение разрешилось советом К. П. Победоносцева вообще не поднимать такого вопроса (см. в Приложении к переписке с ним).

5. В России первый альбом филиграней был составлен вологодским купцом Иваном Петровичем Лаптевым (1774—1838). Он был издан в Петербурге в 1824 под названием «Опыт по старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое написаны старинные рукописи» и содержал прориси 150-ти филиграней из рукописей с XV века по 1700. До настоящего времени сохраняет актуальность второй русский альбом филиграней, составленный Корнилием Яковлевичем Тромониным и изданный в 1844: здесь опубликовано 1827 филиграней XVI—XIX веков, в том числе около ста русского происхождения.

Разумовский — Смоленскому

Москва, 23 октября 1886

Ваше Высокородие Степан Васильевич!

Отвечая на послание Ваше от первых строк, имею долг заявить, что нотную рукопись я получил и за скорое возвращение ее приношу Вам сердечную благодарность.

На труды Ваши, которым Вы положили начало, призываю благословение Божие, споспешествующее деятельному прохождению и венчающее быстрым и счастливым окончанием.

Юрий Карлович Арнольд, снабдивший Вас почтенным своим произведением, по милости Божией еще здравствует и живет у Покрова в Левшине, в Штатном переулке, в доме Ситниковой. Произведение его удостоилось лестного отзыва профессоров Санкт-Петербургской консерватории. В одном из сентябрьских №№ «Всемирной иллюстрации» помещен даже портрет Ю. К. Арнольда с довольно подробным биографическим очерком¹.

Г-н Юргенсон имел дело с Придворною капеллою, или частнее, с г-ном директором ее, в 1879 году. Напрасно Вас уверили, что в печатных рецензиях по сему делу помещены *все* указы о правах директора Капеллы. Церковно-гражданские постановления о церковном пении собраны и напечатаны протоиереем Чижевским в «Харьковских епархиальных ведомостях» за 1878 год². Эти ведомости, вероятно, найдутся в казанских библиотеках, Академической и Семинарской. Г-н Юргенсон выиграл свой процесс с директором вовсе не потому, чтобы успел опровергнуть права и преимущества Капеллы, а потому, что успел доказать *злоупотребление* правами. Директор по сношению с московским обер-полицмейстером запретил продажу духовно-музыкальных произведений

Чайковского и настоял на отобрании их из магазина. Это было превышением предоставленных ему прав; почему наравне с директором подвергся штрафу и московский полицмейстер.

Водяные бумажные знаки Тромонина имеются в Императорской Публичной библиотеке и в Московском Румянцевском музее. Но в продаже и у меня собственно — их нет.

Евангельские стихиры и блаженны существуют на крюках и в XVI, и в XV веке, и ранее.

Нотные рукописи с текстом, современным Патриарху Иосифу, появились вскоре после кончины его, потому что патриаршество его было непродолжительно.

Хомовы книги с пометами Шайдурова не могли быть в начале XVII века, потому что сам Шайдуров как мастер сделался известен позднее этого времени.

Теперь, кажется, ответил Вам на все Ваши вопросы. Пусть же настанет для Вас время спокойного отношения к своему занятию, которому сердечно желаю быстрого продолжения и счастливого окончания. По предположенному Вами объему выйдет книга *немалая*; надобно озаботиться, чтобы и существо ее было немалое, и польза — *немалая*, как духовная, так и материальная.

С глубоким уважением честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 126—128

1. Материал о Ю. К. Арнольде опубликован в издании «Всемирная иллюстрация» в № 21 от 6 сентября. Он состоит из большого гравированного портрета с факсимильной подписью: «Старец Юрий Арнольд» и краткой статьи за подписью П. П., где излагается биография ученого.

2. Этот труд был издан и отдельно. См.: Чижевский Иоанн, протоиерей. Церковно-гражданские постановления о церковном пении. Харьков, 1878.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 2 декабря 1886

Достопочтеннейший отец Дмитрий Васильевич!

Посылаю при сем листы 1—4, 7 и 8 снимков к «Описанию Соловецких рукописей». Листы 5 и 6 задержались вследствие вторичного печатания кино-варью и задержали всю посылку сполна. Я стараюсь сделать эти приложения возможно интереснее и разнообразнее, имею целью дать ими понятие о внешнем виде знаменного письма, различных видах текстов и проч. Палеографические особенности и собственно техника напевов также не упускаются из вида. Описание идет в параллель со снимками, так что наглядно уясняется последними.

Прошу строгого суда Вашего и самых решительных указаний. Всей душой желаю как можно лучше довести дело до конца.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 34—35

Разумовский — Смоленскому

Москва, 8 декабря 1886

Ваше Высокородие Степан Васильевич!

Вы чрезвычайно обрадовали меня, благоволив прислать мне начатки Ваших занятий, листы 1—4, 7 и 8 снимков к «Описанию соловецких рукописей». Начало венчает [так!] дело, а оно таково, что может выдержать самую строгую критику, особенно если в самом «Описании» будут подробно изложены сведения о *времени, месте*, и если можно, о *самом лице*, потрудившемся в написании рукописи. Зная Вашу ревность к нашему церковному пению, я вполне уверен, что все необходимые сведения о каждой рукописи Вами будут собраны и изложены с надлежащею ясностью. Этот труд Ваш составит основание для описания нотных рукописей и послужит руководством для будущих деятелей. Поэтому прекрасному началу должно пожелать успешного продолжения и счастливого окончания.

Приметно, что калькою с рукописи занимаетесь Вы сами. Это много ругается за точность с подлинником. Но литография не всегда может точно воспроизводить с копии. Например, стр. 1 — *сънеси*, а должно быть *съ небеси; глубинъ*, а надо *глубине* и пр. Впрочем, по собственному опыту зная, как трудно бывает достигнуть точности от типографских и литографских работников, я всегда склонен снисходительно относиться к разным несовершенствам печати, тем более что знающий всегда легко может догадаться, а незнающий не может быть введен в заблуждение, потому что по самому незнанию своему не может иметь повода к нему. Благословивший начало Вашего труда да подаст Вам и силы к окончанию его.

Посылаю Вам недавно изданную мною книгу «Теория и практика церковного пения»¹. Прочитайте, критикуйте и не щадите

искренно Вас уважающего Прот. Дим. Разумовского.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 129—130

1. См. комм. к письму Смоленского от 29 апреля 1885.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 19 декабря 1886

Достопочтеннейший Димитрий Васильевич!

Душевно благодарю Вас за внимание ко мне и за то наслаждение, которое я получил при чтении Вашего нового труда. Я чувствую, что еще не раз буду мысленно благодарить Вас при всякой справке в «приложениях», пришедших ко мне как раз вовремя при раскапывании Соловецких рукописей. На Ваше желание «критиковать и не щадить» «Теорию и практику» — я не могу сказать ничего, — ибо учусь, — да яйца курицу не учат.

Ваше снисходительное замечание по поводу ошибок в снимках спешу объяснить. Я снимаю каждую точку, каждую букву через прозрачную бумагу и поверяю себя строжайше; на беду мою рукопись № 1 как раз ошибочна. Я вижу однако другой недостаток, который повергает меня в отчаяние — нечистота оттисков.

Мне кажется удобным выработанный мною план этих приложений: я выставляю хронологически одни и те же пения в разновременных редакциях, повторю те же пения и в нотном изложении; это даст материал для исследования*. Затем помещаются наиболее интересные пения**, также с аненайками, путевые многоголосные или с оставленными и отреченными текстами и т. п. Имеется в виду представить возможно большее собрание почерков, подписей, выписок из руководств, уставов и т. п. В нотном же отделе кроме повторения пений, приведенных знаменем, будут приведены как многие пения греческие, болгарские и др. поместно указанных роспевов, так особенно *партитуры*. Как предполагаю, так и буду делать, — но изменю, если что Вы укажете.

Мне очень хотелось бы иметь Ваши указания насчет каких-либо пений, которые было бы интересно привести в копиях. Например, у меня сняты стихи св. Петру творение Ив. В. Грозного, полная демественная обедня на 2 голоса (*наша* — времен двуцарствия), воскресные тропари по гласам и четверогласниками, 18 номеров духовных стихов, 2 заглавия вязью и тому подобное. Не нужно ли еще принять во внимание какую-либо сторону, которую можно было бы выяснить снимками? Думаю, что мои снимки будут давать понятие о формате рукописей, их письме и редакции текстов, тем же временем дадут материал для исследования и укажут более редкое и интересное.

Знаменных листов выйдет до 18-ти и немного менее будет нотных. Вся эта часть «Описания» строго приноровлена к сути и порядку рукописей и потому (к сожалению!) не могла быть систематизирована самостоятельно. Само

---

* Таковыми будут 8-гласные воззвахи, богородичны, Святы Господь Бог, Бог Господь, блаженны, евангельские стихиры.

** Например, осмо- и четверогласники. Мне известно издание их О.Л.Д.П.¹

«Описание» я предполагаю с предпосланным введением, разъясняющим *общее* значение всего собрания рукописей и устанавливающим как типы богослужебных книг по их составу и письму в разные эпохи, так и постепенное появление чужих и своих роспевов от греческого и до виршей включительно; перед последними я имею в виду сделать краткий обзор гармонизаций XVII века в виде разбора некоторых партитур знаменных роспевов (я имею в виду 8 богородичнов), несколько примеров эксцеллентования и «концертов» того времени. Вирши, в связи с южнорусскими пениями из Богогласника, заключат предисловие.

«Описание» собственно я думаю вести по такому плану: а) номер рукописи и ее книги, род текста, род письма текста, знамен, указание помет; б) формат, число листов, бумага и ее водяные клейма, подписи, свидетельства, даты; в) перечисление всего содержания и оценка его с ссылками на другие рукописи или на литературные источники.

Все необходимые и наиболее интересные частности думаю выписать дословно.

Благословите и посоветуйте!

Еще раз сердечно благодарю Вас за книгу. Искренно желаю Вам доброго здоровья и успеха в делах Ваших, наипаче же скорого выпуска 2-й части Вашего труда. Думаю, что она коснется греческого, болгарского, *южнорусского* и армянского пения². Со вторым я знаком и немного разбираю его, ибо имею «Гледало» 1848 г. и зубрил его; с 3-м мое знакомство более основательно, ибо мне удалось достать Ирмолог Львовский и 2 книги Богогласника Базилианского из Почаевской Лавры, чрез Арх. Палладия³.

С совершенным почтением остаюсь

искренно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 36—37

1. Вероятно, речь идет об издании ОЛДП «Стихиры, положенные на крюковые ноты (творение царя Иоанна Деспота Российского)» (СПб., 1886), где представлены многогласники.

2. Возможно, что Разумовский говорил Смоленскому о таком плане, но вторая часть его «Теории и практики» издана не была. Вообще о роспевах славянских церквей идет речь во второй части «Церковного пения в России».

3. Владыка Палладий (Павел Иванович Раев; 1827—1898) был в 1882—1887 архиепископом Казанским (затем экзархом Грузии и митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским).

Смоленский — Разумовскому

Казань, 11 февраля 1887

Достопочтеннейший отец Димитрий Васильевич!

Позволяю себе представить Вам еще 5, 6 и 10 листы снимков с Соловецких рукописей и корректуру маленькой брошюры о значении моего «Описания» и издания Азбуки Александра Мезенца¹. Последняя появилась на свет как пробный шаг для тех, кому наш предмет дик и непонятен, даже излишен для исследования. Немалый успех уже в том, что «общий очерк» печатается в журнале нашей Академии, что, ввиду некоего антагонизма, полно для меня значения.

Не откажите мне в Ваших замечаниях на все, что сочтете нужным. Я так дорого ценю их!

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 38—39

1. То есть корректуру оттиска статьи из журнала «Православный собеседник» (1887, № 2): «Общий очерк исторического и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки и “азбуки певчей” Александра Мезенца».

Разумовский — Смоленскому

Москва, 16 февраля 1887

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Нет розы без шипов; нет и дела без препятствий. Дело — красно препятствиями; чем их более, тем и более венцов их победителю. Впоследствии, когда дело будет окончено, Вам приятно будет вспоминать о перенесенных Вами затруднениях. В огне закаливается железо; в борьбе растет и приобретает сила.

Чего-чего не говорили и не писали тогда, когда разработка церковного пения только что начиналась. Прочтите отзыв в «Санкт-Петербургских ведомостях» о выходе моей первой книги, писанный не каким-либо обыкновенным писателем, а профессором Санкт-Петербургской консерватории¹. Но миновало время. Теперь на первый, несовершенный, труд обращают внимание и музыканты, как, например, Ю. К. Арнольд, и певцы, как, например, Миссионерское Общество при Папской курии². И за Ваш труд, кажущийся теперь излишним, впоследствии будут благодарить Вас и произносить Ваше имя с уважением.

С нетерпением ожидаю окончания Ваших изданий тем более, что имею случай видеть прекрасное начало их. Прошу считать меня своим и покупателем и обрадовать присылкою и нотных листов и следующего к ним «Описания» и Грамматики Мезенца. О Грамматике следует заметить, что к ней должны быть сделаны довольно подробные примечания. Мезенец воспроизводит в своем тру-

де не столько существо дела, сколько современное ему чтение крюков. От этого и происходит некоторая сбивчивость в толковании крюкового нотописания. Впрочем, подобная неопределенность встречается и в Ключе Макарьевского. Видно, что два знаменитых толкователя крюков были не более, как знаменитые практики церковного пения и его безлинейного нотописания.

Питая надежду на удовлетворение моего искреннего желания иметь у себя продолжение и окончание Ваших изданий,

честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

Протоиерей Димитрий Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 131—132

1. Рецензия на «Церковное пение в России» была опубликована Г. А. Ларошем в «Русском вестнике» (1869, октябрь); там есть замечания в адрес автора, но выражены они вполне корректно. Правда, в выводах говорится: «Самая слабая часть в книге о. Разумовского — музыкальная». (Как видно из предшествующих комментариев, Смоленский сам думал так же.) Весьма похвальная рецензия на книгу Разумовского принадлежит перу А. Н. Серова («Музыка и театр», 1867, № 15).

Вероятнее всего, Разумовский имеет в виду рецензию А. С. Фаминцына в газете «Музыкальный сезон» (1869, № 6), где говорится, в частности:

Сочинение профессора Разумовского с одной стороны свидетельствует о любви автора к своему предмету, о серьезном, добросовестном, по мере сил, труде его, — в разбираемой книге собрано большое количество материала, очень интересного и нового — с другой, однако, он обнаруживает недостаточную строгость критики и полное незнание автора с музыкальным искусством.

Справедливости ради надо отметить, что в некоторых пунктах своей критики Фаминцын прав (это касается, например, неправильного употребления древнегреческих названий ладов в применении к более поздней европейской музыке, некорректного употребления термина «симфония» — в смысле «многоголосие», отдельных высказываний Разумовского о Палестрине и Лассо). Однако конечный вывод рецензии не мог не показаться автору труда обидным:

Посоветуем почтенному автору разобранного нами сочинения, которое, несмотря на... недостатки, все-таки имеет и большие достоинства, впредь издавать свои полезные труды не иначе, как в виде *материалов* к изучению церковного пения, предоставляя разработку этих материалов какому-нибудь сочувствующему этому предмету музыканту-историку.

2. Речь идет о книге Иоанна де Кастро «Methodus Cantus Ecclesiastici Graeco-Slavici», разбор которой, сделанный А. Д. Ряжским, был напечатан в 1884 в ЖМНП. Впоследствии,

в 1899, эта книга была опубликована в переводе И. И. Вознесенского под названием «Метод греко-славянского церковного пения...»

Смоленский — Разумовскому

Казань, 26 октября 1887

Достопочтеннейший Дмитрий Васильевич!

Моя работа над строками мудрыми Мезенца остановилась совершенно неожиданно. Мне до зарезу нужен сборник попевок, а я имею под руками только соловецкий, меня не удовлетворяющий. Мои выписки, сделанные из Вашей рукописи, запропались Бог знает куда; я давал их одному любителю, тот передал другому любителю, и теперь все мои поиски тщетны. Убедительнейше прошу Вас, Дмитрий Васильевич, не отказать мне еще раз в присылке Вашего сборника попевок (№ 100) сроком не более 3-х или 4-х недель, чрез которые я доставляю обратно рукопись в полнейшей сохранности и с прибавлением полного экземпляра Мезенца, объясненного замечаниями на строки мудрые. Теперь я в 1-м и 2-м гласе пробавляюсь имеющимися у меня заметками, прежде извлеченными из рукописей. С побывкою Вашей рукописи у меня я занялся только ею и прекратил заметки из Соловецких рукописей. Ныне я неожиданно очутился в самом беспомощном положении. Пользование Вашим сборником для меня особенно удобно, потому что я протвердил его сполна и знаю, где что искать. Еще раз смею покорнейше просить Вас о продолжении Вашего ко мне внимания.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

Недостающие у Вас листы Соловецких снимков я вышлю Вам на днях. Я все еще хвораю горлом, а литограф ленится распаковывать связки.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 40—41

Разумовский — Смоленскому

Москва, 1 ноября 1887

Ваше Высокородие, многоуважаемый Степан Васильевич!

С удовольствием посылаю Вам рукопись моей библиотеки № 100 и искренно желаю, чтобы она могла облегчить Ваши многотрудные занятия.

Рукопись посылается Вам не на месяц, как Вы желаете, но даже более — до святков, в надежде, что к тому времени Вы получите облегчение от удручающей Вас болезни и, надеюсь, лично доставите ее мне в полной целости.

С истинным почитанием и глубокою преданностию честь имею быть Вашего высокородия покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 133

Смоленский — Разумовскому

Казань, 18 ноября 1887

Многоуважаемый отец Дмитрий Васильевич!

Я получил посланную Вами рукопись № 100 и от души благодарю Вас за внимание к слабым трудам моим. Теперь моя работа пошла несравненно скорее и, вероятно, будет окончена к положенному мною сроку.

Посылаю Вам недосланные 2 листа снимков к моему Соловецкому описанию; эти листы последние из крюковых, ибо следующие я буду печатать набором в Московской Синодальной типографии.

Из последней об исправлении и напечатании нотного Октоиха нет ни слуху, ни духу. Меня весьма интересует судьба тех исправлений «большого роспева», которые я предложил еще в сентябре месяце. Не знаете ли Вы, был ли мой труд игнорирован или принят хотя отчасти?¹

С совершенным почтением имею честь быть Вашим преданным слугою.

Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 42—43

1. И Смоленский, и Разумовский стремились дать в новых изданиях синодальных книг на квадратной ноте максимально выверенные по крюковым редакциям роспевы, что не всегда вызывало понимание у начальства Московской Синодальной конторы и справщиков Синодальной типографии. Смоленский при этом опирался преимущественно на варианты из рукописей Соловецкого собрания (см., например, его письмо к А. Н. Шишкову от 6 мая 1889 в Приложении к переписке с Победоносцевым в первой книге тома). О завершении работы над Октоихом говорится в Воспоминаниях: в декабре 1888 — январе 1889 Смоленский в Москве держал корректуру этой книги.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 23 января 1888

Достопочтеннейший отец Дмитрий Васильевич!

Непростительно виноват перед Вами в том, что до сих пор еще не возвратил рукопись № 100, столь внимательно мне одолженную до святок. Причиной тому моя болезнь, ныне меня покидающая, и утомление умственное, наступившее от чрезмерных трудов по изданию Мезенца. Последнее, вот уже неделю, заставило меня совершенно прекратить занятия — для восстановления сил. Прося прощения у Вас в моей неисправности, убедительно прошу позволить мне еще пользоваться рукописью Вашею, ибо работа моя подходит к концу.

Разбор знамен у Мезенца привел меня к некоторым недоразумениям, в коих убедительнейше прошу наставить меня.

Например, Мезенец часто употребляет при простых знаменах всех трех ступеней сорочью ножку. Имея в виду двоякое значение сего знака, как указывающего высший звук в каком-либо согласии, *преимущественно же светлом и тресветлом*, и как указывающего дополнительное голосоведение на одну высшую ноту (при чем обычно ставится з [зевок]), я не могу понять, например, крюка простого с сорочьею ножкою во всех трех ступенях:

Если допустить указание только высоты, то есть у Мезенца и другие знамена низких согласий, также снабженные сорочьею ножкою; значение же дву- и более гласостепенное здесь не подходяще, ибо единогогласостепенное указывается самим Мезенцом. Что же такое?

Опытный певец говорил мне, что при сем знаке без зевка делается в конце как бы форшлаг к следующему знамени. Правда ли то?

В отделе о статьях закрытых, после малой и средней указаны:

Ст[атья] большая закрытая и — с сор[очьею] ножкою .

Я перерыл все, что мог, — не нахожу их нигде. Что они значат? С признаками *ре ми* эти статьи у Мезенца не показаны.

Простите мою докучливость и не оставьте удовлетворением моих просьб.
Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 44—45

Разумовский — Смоленскому

Москва, 28 января 1888

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Искренно сожалею о постигшей Вас болезни и душевно радуюсь Вашему выздоровлению. Берегите себя как можно более, потому что Ваши силы и ваши познания еще очень необходимы современному обществу.

Относительно предложенного Вами вопроса должен сказать Вам, что *опытный певец* говорил Вам, кажется, сущую правду, потому что зевок (з) не всегда поставляется при сорочьей ножке. Пример этому Вы можете видеть в той же Грамматике Мезенца: в примерах 2-го гласа 3-й песни над словами *да аннину песнь* поставлена стрела простая с сорочьею ножкою без зевка (з). А между тем в наших печатных нотных книгах эта сорочья ножка переведена как переход от одной половины строки к другой (зри Ирмологий нотного пения глас 2-й песнь 3-я, ирмос [35]).

Сообщая Вам о сем и от души желая скорого окончания Ваших трудов по

изданию Мезенца,
долгом почитаю быть Вашего Высокородия покорнейшим слугою
Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 380, № 4, л. 134— 134 об.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 1 марта 1888

Высокоуважаемый отец Дмитрий Васильевич!

Сегодня по почте высылаю Вам «грамматику певчую» (№ 100), несказанно уясняющую мне многое в толкованиях Мезенца, ныне, наконец, законченного.

Нужно ли говорить, какой земной поклон шлю Вам за сделанное одолжение? Всегда глубоко почитая Ваше внимание к моим трудам, я тем более тронут Вашим содействием.

Не скрою от Вас и того, что этими днями я надумал послать Мезенца на соискание премии Митрополита Макария. Мой последний труд, добросовестно и самостоятельно разработанный, был моим утешением, но есть вместе и глубокое огорчение, ибо денежные условия этого издания для меня жестоки и уплата без премии невозможна. Теперь, после стольких лет нашего знакомства я могу уверить Вас в том, что я не деньголюбец и все мои издания давали только что не убытки. Новые издания превосходят расходами все бывшее¹.

Мое издание Мезенца обнимает кроме текста памятника 14 таблиц (каждая в 8 изложений: XII, XV веков, Филаретовские, Иосифовские тексты, лица и розводы Мезенца, перевод их на ноты и строки из нотного Ирмология), еще более 150 страниц моих примечаний и объяснений. Почти каждый лист приходится печатать трижды: шрифтом типографским, литографиями черною и красною.

Дальше в лес — больше дров! Мезенец, разрешенный к напечатанию еще два года тому назад, был мною совершенно переделан и пополнен в эту зиму и осень. Теперь по окончании труда — вновь недоволен некоторыми частностями, которые надеюсь исправить уже при печатании. Печатание же начнется под давлением всей суммы впечатлений только что минувших недель труда. Оно начинается с Великого Поста. Благословите!

Зато мое здоровье плохо по-прежнему. Горло мое никуда не годится, хотя во всем остальном чувствую себя достаточно исправно. Доктора приписывают все вековой пыли рукописей и требуют их удаления! А я не верю тому объяснению, не могу верить и уповаю на излечение и при рукописях.

Душевно преданный Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 46—47

1. Сложность ситуации состояла еще и в том, что ввиду серьезной болезни горла Смоленский лишился дополнительных заработков учителя хорошего пения в нескольких учебных заведениях Казани. Между тем он был уже к этому времени женат и после смерти отца должен был помогать матери и младшим сестрам, жившим с ней. Таким образом, свободные средства на издание как «Мезенца», так и «Описания» у него отсутствовали. Эти средства по просьбе С. А. Рачинского были выделены К. П. Победоносцевым, а затем издание «Мезенца» получило Макариевскую премию.

Разумовский — Смоленскому

Москва, 8 марта 1888

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Посланную Вами рукопись я имел честь получить сего 8-го марта в полной целости и сохранности. Душевно радуюсь, что она смогла многое уяснить Вам в Ваших занятиях. Сердечно желаю, чтобы новое издание Грамматики Мезенца удостоилось премии преосвященного Макария и тем облегчило Ваши заботы и траты по изданию, многотрудному по его сложности. Начинайте с Богом святым и подарите русскую литературу редким памятником!

Искренно сожалею о Вашей немощи, мешающей Вам столь продолжительное время. Берегите себя послушанием совету врачей, дабы окончить начатое Вами дело под Вашим личным надзором для славы Вашего дела и для более точного и совершенного исполнения его. Согласитесь, что только сам автор может своими указаниями содействовать успеху печати; без автора, как без хозяина, дом — сирота, хотя может быть окончено дело печатания, но далеко не с тем совершенством, какого можно ожидать от личного наблюдения и направления самим автором.

Бог Вам в помощь!

Искренно уважающий Вас

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 379, л. 135 и об.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 2 апреля 1888

Высокоуважаемый о. Димитрий Васильевич!

Я выслал Вам первые два полулиста предисловия к примечаниям на Азбуку Мезенца и 14 таблиц строк из ирмосов. Совершенно не помню, был ли мною доставлен Вам славянский набор самой Азбуки? Я так дорожу Вашим вниманием и указаниями, что желал бы иметь сполна у Вас все мною изготовляемое.

Печатание невообразимо затягивается неполучением нотного шрифта из Синодальной Типографии; вот уже 1½ месяца как набраны 3—7 полулисты — но нот нет, да и все! Между тем предстоит каждый лист тискать еще два раза в литографии. Думал все закончить к Пасхе да отдохнуть, — придется видно опять корпеть лето! Простите за вырвавшееся сетование!

Душевно преданный Ст.Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 48—49

Разумовский — Смоленскому

Москва, 11 апреля 1888

Ваше Высокородие Степан Васильевич!

Я имел честь получить от Вас первые два полулиста предисловия к примечаниям на Азбуку Мезенца и 14 таблиц строк из ирмосов и принял их с глубочайшею благодарностию к Вашему неутомимому трудолюбию. Но славянский набор самой Азбуки мне не доставлен.

Не скорбите, если печатание Вашего труда затягивается: Ваши сношения с Синодальною типографиею не близкие по расстоянию. Мне при более близких отношениях случалось терпеть по месяцу и более. В замедлении не всегда можно видеть какую-либо злонамеренность: надобно располагать, что медленностию в течении дел сохраняются силы делателя, важные для будущего широкого делания, ибо жатва многа, а делателей все еще очень мало. Тот, Кто благословил начало дела, несомненно подаст силы и укажет время окончить его.

С искренним уважением честь имею быть

Вашего Высокородия покорнейшим слугою

Прот. Дим. Разумовский.

ОПИ ГИМ, ф. 380, № 4, л. 136 и об.

Смоленский — Разумовскому

Казань, 14 июля 1888

Высокоуважаемый отец Димитрий Васильевич!

Прошу Вас благосклонно принять вновь напечатанный и посылаемый Вам мой труд «Азбука знаменного пения» Ал. Мезенца. В нынешний радостный для меня день я делюсь этою радостью именно с Вами как наилучше способным благословить эту радость.

Считаю излишним сообщать Вам, что этот труд, по совету незабвенного Н. В. Гоголя, переписан до семи раз и напечатан в самом последнем, возможном для меня изложении. Вы, отец нашей науки, не осудите мои ошибки, но благословите меня со всею любовью к дальнейшим трудам и примите благосклонно этот, Вам посылаемый.

Душевно преданный Ст. Смоленский.

РГБ, ф. 380, № 4, л. 50—51

Разумовский — Смоленскому

Москва, 17 июля 1888

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Слава Богу, подавшему и поддержавшему силы к труду необыкновенному, хотя и не обычайному. Честь и хвала Вам, трудившемуся и не затруднившемуся принять на себя и совершить поистине подвиг ученый и учебный.

Остается только пожелать быстрого распространения трудов Ваших. Вы извиняетесь перед читателями и почитателями своими за дороговизну издания. Но эта цена, по моему взгляду, даже очень низка; по крайней мере в 6 или 7 раз ниже той, какую я платил за простую рукопись Мезенца¹.

Скорое распространение издания поможет избежать тех описей, какими изобилует избранный Вами подлинник Азбуки. Так, например, на 1-м листе подлинника Вашего указано, что первая комиссия по исправлению нотных книг на речь собралась в *зѣгг*. Но здесь последняя буква не относится к счету, а есть начальная в слове *го*. И следовательно, первая комиссия была в 1652 году, а не в 1655-м, когда моровая язва уже целый год свирепствовала в Москве. В известной акростихире, писанной 13-сложными стихами, в шестом стихе недостает пред глаголом отрицательной частицы². Все это, несомненно, можно исправить при новом издании.

Свой отзыв о Вашем издании я уже подал в Духовно-учебный комитет 15-го сего июля³ и, разумеется, расхвалил и Ваш труд и Ваше усердие в издании и разъяснениях.

Ваш искренно преданный Прот. Дим. Разумовский,
17 июля 1888 г., в день получения Вашего печатного труда.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 137—138

1. Возможно, Разумовский имеет в виду копии, сделанные переписчиками. В частности, в архиве В. Ф. Одоевского в ГЦММК сохранился ряд подобных копий как с «Азбуки» Мезенца, так и с «Ключа» Тихона Макарьевского. Издание этих руководств Одоевский и

Разумовский считали первоочередной задачей. (Подробнее см. в сб. «Князь Владимир Одоевский...», разделы «Переписка с Д. В. Разумовским» и «Дело о церковном пении».)

2. В издании Смоленского пятая и шестая рифмованные строки акростихиры Мезенца таковы:

И уповаяй нань никтоже постыдится.
Любве ради его текий утрудится...

Очевидно, отрицание должно стоять перед глаголом «утрудится».

3. Фрагмент отзыва Д. В. Разумовского по копии, сохранившейся в его архиве в РГБ, см. во Вступительной статье.

Переписка с А. В. Преображенским

Вступительная статья

Антонин Викторович Преображенский — близкий друг С. В. Смоленского и самый преданный его сотрудник. При этом по возрасту Преображенский годился Смоленскому в сыновья (родился в 1870-м). С 1898, когда Антонин Викторович начал работать в Синодальном училище, он шел рядом со Степаном Васильевичем во всех его начинаниях и трудах — завершённых и незавершённых. Это была взаимная «любовь с первого взгляда», сначала заочная: в 1896 Преображенский послал в Синодальное училище свой первый изданный научный труд — Словарь русского церковного пения¹, и Смоленский ответил ему восторженным письмом (с которого и начинается публикуемая переписка).

Степан Васильевич называет Словарь книгой «прелестной»; представляется, что прелесть ее не увяла до сих пор. Поразительно, что очень грамотный (в том числе в специально музыкальных областях), достаточно полный по раскрытию темы, изящно и точно написанный Словарь был создан молодым человеком, не учившимся специально музыке и пению и жившим в провинциальных маленьких городах на юге России. Свою несложную биографию Преображенский рассказывает в первом же письме. Немного дополнив, ее можно изложить очень коротко: родился в Сызрани в семье священника, окончил Екатеринославскую духовную семинарию, потом Казанскую духовную академию (кандидатом богословия), затем служил учителем сначала в Таганроге, а затем в духовном училище в Бахмуте Екатеринославской губернии. Из дальнейших писем Преображенского понятно, что в этой губернии у него была масса родственников, и среди них немало в священном сане; несколько позже он женился на девушке из Екатеринослава — тоже своей дальней родственнице — и часто приезжал в те края в отпуск.

В сентябре 1898 Преображенский по ходатайству Смоленского был переведен в Синодальное училище на должность учителя русского языка и литературы, впоследствии читал также педагогику и дидактику, а главное, занимался знаменитой рукописной библиотекой училища. После отъезда Смоленского в Петербург, в Придворную капеллу, служебная карьера Преображенского в училище развивалась вполне успешно: на него было возложено общее наблюдение за постановкой общеобразовательных предметов, в августе 1901 он был назначен старшим воспитателем. Судя по письмам Преображенского, властный синодальный прокурор А. А. Ширинский-Шихматов относился к Антонину Викторовичу с уважением, ценя в нем интеллигентного и ответственного работника. Однако, как только представилась возможность, осенью 1902-го, Преображенский уехал в Петербург вслед за Смоленским, на скромную (хотя и неплохо оплачиваемую) должность библиотекаря Придворной капеллы (впоследствии — преподаватель и, уже в советские годы, помощник директора). С 1920 он был также профес-

¹ Словарю предшествовала лишь публикация статьи «Труды П. И. Чайковского в области церковного пения» в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» (1894, № 23, 24).

сором Института истории искусств и профессором консерватории по специальности «музыкальная медиэвистика»; по некоторым сведениям он заведовал также археологической секцией в Академии материальной культуры. Скончался в 1929, немного не дожив до своего 60-летия.

Биография Преображенского не написана, нет ни воспоминаний о нем, ни полной библиографии его трудов. Вероятно, самая полная из изданных библиографий — приведенная в современном немецком издании его труда «Культовая музыка в России»². Кроме того, в фонде консерваторских учеников Преображенского В. А. и Ю. Ф. Прокофьевых в РНБ (ф. 1175) имеется следующий документ, предположительно датированный 1924-м (№ 394; позиции под № 18—20 приписаны карандашом позже):

Преображенский А. В. Педагогический стаж — 25 л[ет].

Печатные труды по истории и археологии духовной музыки:

1. Словарь русского церковного пения. 1896. XVIII + 192.
2. П. И. Чайковский и его духовно-музыкальная деятельность [РМГ].
3. Реформа богослужебного пения в католической церкви [РМГ].
4. Указатель книг, брошюр и журнальных статей по церковному пению. 1900. [Первое издание — 1897]. 64 с.
5. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII века. 1904. 80 с. [ОЛДП].
6. Д. С. Бортнянский (1751—1825) [РМГ].
7. Отдел русской духовной музыки в русском издании «Музыкального словаря» Г. Римана. 1901[—1904].
8. Ряд статей по духовной музыке в «Богословской энциклопедии» [1907—1908].
9. А. Ф. Львов и его музыкальная деятельность [правильно: О деятельности А. Ф. Львова. «Хоровое и регентское дело». 1917].
10. О сходстве русского музыкального письма с греческим в певческих рукописях XI—XII вв. 1909 [РМГ].
11. Очерк истории церковного пения в России (два изд. — 1907 и 1910). 39 с., 64 с.
12. *Описание нотных рукописей (южнорусские Ирмологионы Библиотеки Московского Синодального училища церковного пения) XVII—XVIII вв.*
13. Из первых лет партесного пения в Москве. 1915. «Музыкальный современник».

² См.: Antonin V. Preobraženskij. Die Kirchenmusik in Russland. Berlin, 1999. Перевод Э. Куна и А. Вермейера.

14. От униатского канта до православной херувимской. 1916 [«Музыкальный современник»].
15. *Рецензия на сочинение «Русская семейография» В. Металлова, представленное в Академию Наук для соискания Уваровской премии.*
16. *Исторические основы стиля русского церковного пения.*
17. *Знаменный распев. Вопросы истории и теории его. Ряд мелких статей и заметок, библиографических отзывов, рецензий и пр. в различных периодических изданиях.*
18. Культурная музыка в России. В серии «Русская музыка» изд[ано] [Разрядом Истории музыки Российского Института истории искусств]. 1924.
19. «Латинская ересь» в русском пении XVII в. «Орфей». 1922.
20. Греко-русские певчие параллели XII—XIII вв. De Musica [Вып. 2. 1926].

Список этот явно неполон и неточен, но показателен как документ, составленный самим Преображенским. Курсивом в списке отмечены работы, неизвестные нам, во всяком случае — неизданные (архив Преображенского, находящийся в РГИА, нуждается в специальном исследовании, которое пока не предпринималось). Что касается описания Ирмологионов библиотеки Синодального училища, то заметим, что в фонде Смоленского в ОПИ ГИМ имеется тетрадь большого формата с заглавием, где упомянуто имя Преображенского, но само описание едва начато; вполне возможно однако, что имелся его черновой вариант. «Исторические основы стиля русского церковного пения» — это, возможно, текст, фигурирующий в архиве Преображенского в РГИА (ф. 1109) под № 20—22 и под названиями «Музыка религиозная и музыка церковная», «Церковь и музыка», датированный 1900—1917; работа явно не закончена, как и ряд других имеющихся в этом фонде текстов. Про рецензию Преображенского на сочинение В. М. Металлова нет никаких данных, равным образом не учтены упомянутые в списке статьи для Музыкального словаря Римана и для Богословской энциклопедии, хотя они выявляются без особого труда и, несомненно, интересны.

В последние годы были переизданы основные труды по истории русского церковного пения, в частности Д. В. Разумовского, В. М. Металлова, И. А. Гарднера, но по непонятной причине ни разу не переиздавались в высшей степени заслуживающие этого работы Преображенского (кроме небольших фрагментов разных текстов в I и III томах РДМ). Скромность и сдержанность, присущие этому ученому, словно определили судьбу его наследия. При жизни Смоленского Антонин Викторович сознательно держался «на шаг позади» того, кого считал своим учителем в певческой медиевистике, и только публикуемая ныне переписка позволяет понять, как велик был вклад Преображенского в их совместную работу.

Научная биография Преображенского представляет собой некую «вогнутую» линию: он довольно много публиковался в ранние годы (в частности, еще до переезда в Москву напечатал не только Словарь, но и Указатель работ по

церковному пению, тогда же начал регулярно печататься на страницах РМГ), реже выступал в первое петербургское десятилетие (правда, к этому времени относятся две редакции «Очерка истории церковного пения в России» и участие в Афонской экспедиции, а затем каталогизация афонских находок) и особенно важные, итоговые, работы выпустил в 1920-х. Вообще список работ Преображенского не велик, как не велики по объемам даже самые значительные его публикации, и по внимательном их прочтении остается ощущение не полной раскрытости очень крупного творческого потенциала.

Смоленский и Преображенский отлично дополняли друг друга: если основными качествами Степана Васильевича были великолепная историческая интуиция, яркое художественное чутье, то у Преображенского на первый план выходили глубокие и разносторонние знания, неутомимая работоспособность, терпеливость и памятьливость. Он хорошо знал языки, современные и древние (особенно греческий), был страстным читателем и библиофилом, также, по выражению Смоленского, «отличным литургистом»; литературный стиль его отличается безукоризненной ясностью и прозрачностью — как в научных работах, так и в письмах; кроме того, Преображенский увлекался современными техническими открытиями, в частности в области фотографии, что облегчало работу с рукописями. По признанию Степана Васильевича, его друг был «великим ходоком по рукописной части», отлично владевшим навыками архивного поиска.

В одном из писем к Шереметеву Смоленский говорит о Преображенском: «Он — более историк, хотя и певец-музыкант, очень знающий и образованный». Действительно, области исторического и теоретического знания были Преображенскому ближе, чем певческое дело. А о том, каким превосходным музыкантом был Антонин Викторович, могут свидетельствовать те пронзительные оценки, которые дает он русскому духовно-музыкальному творчеству конца XIX — начала XX века и в «Очерке истории...», и особенно в «Культурной музыке...» Некоторые из этих оценок благодаря своей афористичности стали ныне широко цитируемыми, едва ли не хрестоматийными.

Возможно, некоторая «нереализованность» обуславливалась биографическими факторами. Преображенский был человеком, ценившим возможность спокойного и сосредоточенного труда. Такая возможность была у него в Бахмуте и в Москве, но гораздо сложнее обстояло дело в Петербурге: в Капелле он прослужил со Смоленским всего год, а далее, уже обремененный семьей, должен был работать в том учреждении и с теми людьми, которые изгнали его учителя. Кроме того, Преображенский нес на себе главный груз организаторской и административной работы по основанному Смоленским Регентскому училищу — и при жизни Степана Васильевича, и еще более после его смерти, когда ответственность за это дело тяжелым грузом легла на Антонина Викторовича (см. Приложение «Дело о Регентском училище» в первой книге тома). По косвенным сведениям можно полагать, что Преображенский в какой-то мере

исполнял редакторские обязанности в журнале «Хоровое и регентское дело», который начал выходить с 1909-го.

Особенно трудно пришлось Преображенскому, когда место управляющего Капеллой занял амбициозный Н. Ф. Соловьев; в сочетании с непредсказуемым начальником А. Д. Шереметевым это создавало большую напряженность в жизни и без того сложного учреждения, каким являлась Капелла. В письме к своему двоюродному брату — диакону венской русской посольской церкви Петру Преображенскому (тоже интеллигентному и ответственному человеку, оказавшему значительную помощь Афонской экспедиции в копировании рукописей из венской Придворной библиотеки) Антонин Викторович говорит: «Лучшие материальные условия [по сравнению с Синодальным училищем] не могут вознаградить за потерянное спокойствие духа и обилие свободного времени. Капелла — это какое-то пекло, где яд интриг, наущничества, произвола и других прелестей постоянно отравляет жизнь. Ну да может быть теперь на Руси это повальная болезнь, исцеления от которой так напряженно ждут все...»³ Последняя фраза весьма характерна для автора письма: подобно Смоленскому, Преображенский был человеком политически весьма ангажированным и свободомыслящим. Неизвестно, как он воспринял события 1917 года, но можно утверждать, что знания его в это время оказались востребованными: кроме книги, вышли важные статьи в сборниках Института истории искусств, а среди учеников оказался тот, кому суждено было пронести дело Смоленского и Преображенского через грядущие трудные десятилетия — Максим Викторович Бражников. Разного рода отчеты о деятельности отдела музыки Института (этот отдел постоянно менял названия: «отделение по истории и теории музыки», «разряд истории музыки», «историческая секция разряда музыки», «отдел теории и истории музыки» и проч.) показывают, что Преображенский, пришедший в Институт как «представитель Петроградской народной певческой капеллы» (то есть преобразованной Придворной капеллы), пользовался значительным авторитетом, что по его мысли разряд решил организовать «специальное собрание фотокопий с рукописей старинного нотного письма» и даже нечто вроде фотолаборатории: «кабинет фотоснимков и рукописей» во главе с Преображенским. Антонин Викторович читал лекции и вел семинары по своей специальности, а также работал в комиссии по пересмотру русской части Музыкального словаря Г. Римана для нового его издания.

Когда Преображенский внезапно скончался, некролог (по-видимому, неопубликованный; возможно, прощальное слово для устного произнесения) был написан А. Н. Римским-Корсаковым. Андрей Николаевич подчеркнул два момента: связь Преображенского со Смоленским («Ученик Смоленского, он воспринял от него частицу того энтузиазма в области своего предмета, которым горел этот видный деятель») и ту самую «недораскрытость», о которой шла речь выше:

³ РГИА, ф. 1119, № 84, л. 36. Черновик письма без даты (март-апрель 1906).

Но Антонин Викторович Преображенский был человеком иного темперамента: в нем теплилось спокойное, немигающее пламя упорно и методически работающего ученого... Названные труды Антонина Викторовича отнюдь не вмещают в себе всего того богатого запаса опыта и знаний, которыми располагал покойный⁴.

*

Необходимо подчеркнуть: при очень близких отношениях со Смоленским Преображенский не принимал его идеи безоголдно и безоговорочно, а по некоторым важным вопросам существенно расходился со Степаном Васильевичем (что, насколько можно судить, не отражалось на их личной дружбе). Главный среди этих вопросов — происхождение русского церковного пения, грекорусские певческие параллели. Преображенский, в отличие от Смоленского, не был славянофилом и не увлекался «самобытными» идеями. Возможно, это обуславливалось и тем, что он с ранних лет старался быть в курсе изысканий зарубежных ученых в области древней церковной музыки (о чем могут свидетельствовать хотя бы его публикации в РМГ, среди которых — и рецензия на перевод книги Иоанна де Кастро о греческом церковном пении, и очерк о реформе богослужбного пения в католической церкви, и, позже, рецензия на немецкую книгу о древнерусском пении О. фон Риземана⁵).

Во всяком случае Преображенский сразу после возвращения с Афона определил свою точку зрения на древнейшие русские певческие книги: она изложена в его докладе в ОДП (см. Приложения к первой книге тома) и в дальнейших публикациях, в частности, в статье в РМГ (1909), являющейся авторской версией доклада 1907 года:

Необходимо признать, во-первых, что знаменная нотация древних славянских певчих книг есть нотация греческая, с совершенно незначительными изменениями приспособленная для распевания славянского текста. Во-вторых, что греческая нотация заимствована славянами для записи греческих же церковных напевов, а не каких-либо самостоятельных или оригинальных мелодий. В-третьих, что греческие напевы, рассчитанные на греческие же тексты, не могли быть применены к славянским текстам без нарушения некоторых мелодических и ритмических свойств напевов, равно и правильности самого текста, но при этом совершенно не потерпели в славянском изложении существенных изменений⁶.

⁴ Кабинет рукописей РИИИ, ф. 8, раздел XI, № 30. Приношу благодарность Г. В. Копытовой за указание на этот источник.

⁵ Судя по вступлению к указанному выше немецкому изданию «Культурной музыки...», западные ученые следили за публикациями Преображенского, и среди тех, кто отозвался на появление его книги, был, например, столь крупный специалист, как Э. Кошмидер.

⁶ Преображенский А. О сходстве... // РМГ. 1909. № 10. Стб. 260—261.

Смоленский, как известно, не только до Афона настаивал на славянском происхождении древнейших напевов, но и после афонских находок продолжал говорить о самобытном русском творчестве. Приведем в этой связи его высказывание из сообщения в ОЛДП о каталогизации афонских находок (по неопубликованной полной версии доклада):

У нас, русских, в области искусства, записанного в наших древнейших рукописях, имеются целые отделы песнопений таких, которых либо нельзя встретить, либо мы еще не встретили в греческих рукописях. Соглашаясь заранее и вполне, что новые поиски должны дать в будущем немало новостей, может быть и очень крупных, все же можно умозаключить а priori, что отношение древнерусского искусства к греческому может выразиться только в трех видах песнопений: 1) в песнопениях общих, роспевавшихся по-гречески и по-славянски, переведенных, 2) в песнопениях, роспевавшихся по-гречески, но не воспринятых нами на свой русский клирос и 3) в песнопениях, которые не роспевались у греков, а в наших рукописях оказались снабженными напевом. Для нас, конечно, более всего могут быть интересны те композиции, которые не пелись у греков, а у нас изложены на распев и снабжены нашими крюками. Что же такое, ну хоть бы отчасти могут представлять собою такие песнопения? Ведь несомненно, что при всей нашей церковно-певческой покорности грекам-архиереям, службы нашим новоявленным святым князьям Борису и Глебу или Феодосию Печерскому или службы, введенные в России, например Николаю Чудотворцу, — были сочинены и распеты у нас же, хоть бы и по греческим правилам, но ведь русскими же певцами. Что препятствует нам признать в этих песнопениях первый лепет русского певческого творчества? Невозможно, думаю, отрицать нашу народную музыкальность, заявившую о себе столько раз на всем протяжении истории церковного пения в России. Ведь одних только крюковых нотаций, уже несомненно русских, было изобретено у нас немалое число, — как же не предположить возможности русского творчества даже и в XI веке, даже хотя бы и с изложением греческими крюками?⁷

То, что Преображенский и позже отстаивал свою позицию, может свидетельствовать конечный вывод из его статьи о русско-греческих певческих параллелях 1926 года:

Насколько произведены уже подробные изыскания на этот древний период, можно установить, что на первый план здесь выступает настойчиво мысль о полной несамостоятельности русских напевов и весьма широком использовании греческих напевов и форм музыкальной конструкции их в русском пении⁸.

⁷ РГИА, ф. 1119, № 29, л. 137—138. Полностью публикуется в VII томе РДМ.

⁸ Обе статьи Преображенского на данную тему публикуются в Приложениях VII тома РДМ.

Разумеется, во вступлении к переписке невозможно сколько-нибудь подробно рассмотреть эволюцию научных идей ученого, однако нельзя и не сказать об этом хотя бы кратко. Дело в том, что «медиевистическая» часть поздней «Культовой музыки...» в идейном смысле приходит в значительное противоречие с соответствующими разделами более раннего «Очерка истории...» Правда, во втором издании «Очерка» Преображенский успел кое-что поправить по итогам Афонской экспедиции и, кроме того, учел критику в адрес работ Смоленского, выраженную в публикациях жившего тогда в России молодого греческого ученого К. И. Пападопуло-Керамевса (см. подробнее в примечаниях к письмам). Но в целом концепция этой книги не сильно расходится с той, на которой основаны труды Смоленского. Иное дело — «Культовая музыка», где все певческое искусство русского Средневековья рассматривается как «бледная копия» того великого наследия, которое было получено Русью из Византии. Достаточно здесь привести только одну цитату из «Культовой музыки...»:

Наше искусство, зародившееся под могучим чуждым влиянием более высокой культуры, не развило в себе на протяжении долгой истории самостоятельных художественных движений, которые могли бы привести его к созданию своего художественного типа, способного вытеснить тип заимствованный и чужой (С. 25).

Откуда у Преображенского такое разочарование в том, чем он занимался всю жизнь, — пока сказать трудно. Возможно, что-то зависело от «политической конъюнктуры» 1920-х годов, но ведь никакая конъюнктура не помешала ученому очень ярко, хотя и кратко, написать о духовном творчестве Чайковского, Римского-Корсакова, деятелей Нового направления и даже предположить, что в начале XX века русская церковная музыка наконец-то

получила возможность — оставаясь в пределах исторически сложившегося типа — выйти на широкую дорогу свободного творчества и, не разрывая резко в этом случае с своим прошлым, она уже вовлекает историческое наследие в условия современной музыкальной жизни и творчества (С. 115).

Публикуемая переписка (очевидно, сохранившаяся почти полностью) отчетливо делится на три этапа: первый — «бахмутский период», второй — тот год (вторая половина 1901-го — первая 1902-го), когда Смоленский и Преображенский находились в разных городах, третий — письма петербургского периода, когда оба жили в одном городе, но либо уезжали на время, либо не имели времени для личной встречи.

Марина Рахманова

Смоленский — Преображенскому

Москва, 12 апреля 1897

Милостивый государь.

Мне очень досадно, что не могу начать это письмо обращением к Вам по имени и отчеству. Прошу меня извинить в том также, что я не сразу собрался ответить Вам выражениями благодарности за присланную Вами прелестную книжку, один вид которой, одно появление которой доставили мне огромную радость¹. Отчего мы еще не знакомы до сих пор? Неужели Вы не бывали в Москве? Приглашаю Вас в Москву, так как по поводу Вашей книжки я имею сказать Вам много подробностей, — могу предоставить в Ваше распоряжение много материалов, — могу дружески предложить Вам некоторые необходимые, по моему мнению, дополнения.

Меня очень интересует более близкое знакомство с Вами, так как я преисполнился глубокого к Вам уважения и очень удивился огромному запасу Ваших знаний по части церковного пения и его истории. Очень прошу написать мне Ваше имя, отчество, род службы и занятий, Ваш возраст, историю Ваших занятий по церковному пению и проч. Ваше имя так неожиданно для меня и многих моих товарищей сделалось вдруг одним из почетнейших среди работников по церковному пению, что нам стало стыдно не знать о Вас возможно больших подробностей, не иметь вполне ясного о Вас представления.

Повторяю: «Словарь русского церковного пения» — прелестная работа, сразу устанавливающая для автора полное право на всеобщее почтение, на весьма серьезный авторитет. Я заведу у себя в экземпляре особые заметки, которые со временем, ибо не сомневаюсь в скорой надобности 2-го издания словаря², с превеликим удовольствием передам Вам на Ваше благоусмотрение.

Могу сообщить Вам и новости. Бог благословил, а добрые люди помогли мне набрать очень большую (до полутора тысяч) библиотеку древних певческих рукописей всякого содержания. Можете представить, сколько открылось ныне совершенно неожиданных новостей. Это мое наследство для Синодального училища.

Есть между прочим Триодь крюковая — автограф А. Мезенца с его стихотворным предисловием³. Есть масса хороших вещей на 3, 4, 5, 6, 8, 12, 16 и даже 24 голоса. Есть великолепнейшие экземпляры всякого сорта. Приезжайте. Я так удовлетворен Вашею книгою, что дружески пишу Вам, как бы давно знаю Вас. Только зачем Вы меня похваливаете? Есть ли на свете человек малосмысленнее меня, ленивее меня в этом деле? Правда, люблю я очень свое дело, хочется очень многое сделать, — но сил не хватает.

Очень жду Вашего письма. Христос воскрес!

Искренно уважающий Вас Ст. Смоленский.

1. Имеется в виду упоминаемая далее в письме книга Преображенского «Словарь русского церковного пения» (М., 1896).

2. «Словарь» более не переиздавался. Переиздан был в 1900 другой справочник Преображенского — «По церковному пению указатель книг, брошюр и журнальных статей (1793—1896)» (М., 1900), впервые вышедший в Екатеринославе в 1897.

3. Об этой книге (иногда под названием Минея) подробно говорится в переписке с С. С. Волковой, а также в работе Смоленского «О древнерусских певческих нотациях».

Преображенский — Смоленскому

Бахмут, 22 апреля 1897

Воистину Христос воскрес!

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше воистину «красное» приветствие, хоть и прочитано мною лишь вчера, когда дни Светлой недели уже миновали, все же возвратило меня еще раз к дням пасхальным, когда радость чувствуется живее и приветствия — теплее... Этим теплом любви дышит Ваше письмо, эту радость будит оно в моем сердце! Для меня Ваше письмо — целое событие; это — дорогая награда любимого учителя ученику, так же мало заслуженная, как снисходительно и с любовью данная, тем более что она — неожиданная, что на нее я не смел и надеяться...

Благоволите же, глубокоуважаемый Степан Васильевич, принять от меня выражение искреннейшей моей благодарности! Отныне я — Ваш должник, и — на первый раз — позвольте мне хотя точным исполнением высказанных Вами желаний (узнать обо мне некоторые подробности) начать уплату этого неоплатного моего Вам долга.

Ваша снисходительность обезоруживает меня: что и как я напишу Вам о себе?!

Вас, глубокоуважаемый Степан Васильевич, я знаю, — потому что стоит прочесть Ваши печатные труды, чтобы составить представление о Вашей глубоко симпатичной личности. Но этого мало. Я видел Вас лично, я всматривался в Ваше лицо, я знаю Вас... Мне не забыть того дня, когда почти рядом с Вами я шел долгое время у гроба приснопамятного Николая Ивановича Ильминского...¹ Это было в Казани. Я был студентом Духовной Академии. Знал Ваши исследования по церковному пению, благоговел пред Вашим авторитетом. Не скрою — была тогда у меня мысль — обратиться к Вам, слышать Ваше слово, получить наставление, указание, но мысль эта казалась мне дерзкой, я ее оставил...

Ныне я держу в руках Ваше собственноручное письмо, полное сочувствия к моей попытке «Словаря». Теперь Вы уже спрашиваете меня: «Отчего мы еще не знакомы до сих пор?» Теперь Вы «ждете» от меня письма, и я с нескрываемым удовольствием пишу Вам.

Почти три года, как я окончил кандидатом богословия курс Казанской Духовной Академии. Мне 27 лет. Нет надобности писать Вам, каковы были мои познания по церковному пению до поступления в Академию, если я скажу, что учился в духовной Семинарии, пел в хоре, не пропускал ни одного урока по пению и сильно хотел умножить еще и еще свои знания. Академия дала мне возможность видеть сочинения Д. В. Разумовского, сочинения Ваши, И. И. Вознесенского²; я жадно взялся за них, я стал понимать, в каком положении находится наше русское церковное пение, и с тех пор весь свой досуг отдал изучению этого предмета. Но в Академии больше четырех лет быть ведь нельзя, — я окончил курс, поехал в Екатеринославскую епархию, искал «места», и вот судьба привела меня в Бахмут, где я состою второй год учителем греческого языка в Духовном Училище. Явилась мысль и желание работать по церковному пению; библиотека Академии осталась в Казани, я жил — в Бахмуте... нужно было иметь под руками то, что уже было в печати по церковному пению, — я стал приобретать книги, и на первых же порах меня постигло разочарование: сочинения Д. В. Разумовского я не мог достать решительно нигде, а без него как без рук. И вот к моему счастью у одного из товарищей по Училищу как-то случайно, забытая кем-то, оказывается книга Разумовского — я пишу свой «Словарь»...

Ну, кажется, я уже злоупотребляю Вашею добротою: я пишу Вам, как будто давно не встречавшемуся товарищу рассказываю о своей жизни. Простите. Я уже успел пожаловаться Вам и на Бахмут, в котором действительно многого не найдешь... И за это простите!

Я спешу прервать свое повествование, чтобы не затруднять Вас и поскорее послать Вам свой первый ответ. На праздниках, к сожалению, меня не было в Бахмуте, и письмо Ваше передано мне только вчера. Писать дальше о себе я как-то не решаюсь, я «не смею решиться». Вы желаете познакомиться со мною. Прежде всего — я представляюсь Вам. И если Вы, дорогой (позвольте мне так назвать Вас) Степан Васильевич, не откажете мне и в дальнейшем знакомстве с Вами, я сочту себя счастливым человеком, и тогда, с Вашего дозволения, буду беспокоить Вас своими письмами и просьбами; а их у меня так много...

Примите же, Степан Васильевич, еще раз мою сердечную признательность Вам за приглашение в Москву, за Ваше участливое отношение к моему бедному «Словарю», за обещание содействовать улучшению и успеху его!

Глубоко преданный и благодарный Антонин Преображенский.

Р. С. Приношу поздравление с окончанием трудного дела собрания рукописей по церковному пению. Вы называете это «наследством от Вас Синодальному училищу», а мне кажется, что не Синодальному училищу только, а и всему русскому православному народу. Шлю Вам свою заметку по поводу сообщения в «Церковных ведомостях» о предположенном открытии библиотеки

рукописей и об издании журнала³. Написана она была тотчас же по прочтении 15 июля номера «Церковных ведомостей», и, быть может, Вы назовете ее скороспелой и наивной, но я писал ее с словами на устах: «Слава Богу».

А. П.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 2—5 об.

1. Казанский наставник Смоленского Н. И. Ильминский скончался 27 декабря 1891; о его похоронах рассказывается в Воспоминаниях Смоленского (см.: РДМ. Т. IV). Преображенский был в это время студентом второго курса Казанской духовной академии (закончил в 1894 со степенью кандидата богословия).

2. К этому времени главными публикациями Смоленского были «Курс хорового церковного пения», «Азбука Александра Мезенца», а также ряд материалов, напечатанных в «Православном собеседнике», «Русской музыкальной газете», «Церковных ведомостях».

У протоиерея Иоанна Иоанновича Вознесенского, долгое время трудившегося в Риге, а с 1894 жившего в Костроме, были опубликованы основные его работы, посвященные строению разных роспевов Православной Церкви.

3. Приложение к письму отсутствует, и не совсем понятно, о чем идет речь. Возможно, имеется в виду краткая заметка без подписи, опубликованная в «Церковных ведомостях» за 1896 в № 35 от 31 августа (С. 1284). В ней упоминается, что в библиотеке рукописей Синодального училища ныне насчитывается более 700 томов и намечается устроить отдельное помещение для библиотеки, с доступом для всех желающих; говорится также о проекте издания специального журнала по церковному пению. Надо полагать, что Преображенский прочел именно эту заметку, но где опубликован его собственный материал — неизвестно.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 10 мая 1897

Достопочтеннейший Антонин Васильевич (sic)!

Благодарю Вас за письмо, весьма хорошее, ласковое и сердечное. Рассуждаю так: таким людям, как Вы, надобна Москва с ее библиотеками и возможностью работать, а науке нужны такие люди, как Вы. Ergo: что Вы скажете, если я предложу Вам переселиться в Москву в преподаватели Синодального училища с осени сего года? У нас скоро будет введен новый устав и мне нужны новые люди. Условия: весьма эластичная плата по 40—50 рублей за годовой час, права службы, возможность работать для науки — сколько угодно, возможность заработать посторонними уроками дополнительные деньги, дружеская компания образованных и хороших работников.

Если принципиально Вы скажете мне о своем сочувствии этой мысли, то прошу Вас изложить мне Ваши соображения чисто материального свойства,

дабы переезд Ваш в Москву не был денежно убыточен хотя бы на первое время. Посему сообщите мне о Вашем семейном, служебном, денежном положении всякие данные, которые Вы сочтете надобными и удобными к сему случаю. Напишите мне также, какой учебный предмет Вам более по душе (у меня для Вас могут быть русская словесность, русская история со всеобщеею, латинский и греческий языки). Очень прошу поторопиться ответом, ибо «время благоприятно». Я пробуду здесь только до 23—25 мая.

Душевно уважающий Вас Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 3—3 об.

Преображенский — Смоленскому

Бахмут, 22 августа 1897

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Осмеливаюсь беспокоить Вас своим письмом и покорнейшею просьбою. Пославши Вам, на любезное предложение Ваше, в мае свое согласие на перемещение в Московское Синодальное училище и просьбу ходатайствовать о моем переводе, я по своей оплошности не спросил Вас о том, нужно ли мне от себя подавать прошение и кому¹.

Ваш отъезд за границу преградил мне доступ к Вам, и я до сих пор иногда думаю: что, если без моего официального прошения не может состояться и мой перевод?

Однако Ваше горячее участие в этом моем деле, которым я всецело обязан Вам, позволяет мне надеяться на благоприятный для меня исход его; только я недоумеваю, состоится ли перевод без моего прошения и потому — простите! — дерзаю ожидать Вашего благосклонного ответа.

Прилагаемый «Указатель» прошу принять снисходительно: *quod potui feci...*²

Искренно уважающий Вас Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 12—13

1. Это письмо Преображенского не сохранилось.

2. См. комм. 2 к письму Смоленского от 21 апреля 1897. Сокращенно цитируется латинская поговорка: «*Feci, quod potui, faciant meliora potentes*» — «Сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше».

Смоленский — Преображенскому

Москва, 31 августа 1897

Достопочтеннейший Антонин Викторович!

Дело о Вашем переводе в Синодальное училище у меня забыто не будет, но надо подождать утверждения нового Устава, до которого этот перевод и невозможен и был бы для Вас убыточен. Я, как и многие у нас, думал, что, вернувшись из-за границы, буду радоваться обновлению училища, но оказалось, что военный министр накинул крючок и дело опять затянулось, отправившись в долговечную «временную комиссию»¹.

Посему не тревожьтесь своими недоумениями, неподачей прошения и проч. Когда придет время, тогда и выправим без промедления все надобное. Обер-прокурору уже о Вас доложено.

За Указатель благодарю и вновь люблюсь Вами как моим дорогим сотрудником в будущем.

Но полюбуйте на новое писание обо мне схимонаха Иннокентия! Боже мой! За что этот человек позорит меня так грубо и так незаслуженно, да по правде сказать и так глупо. Уверяет, что я ему мстил, а я его и в глаза не видал и не слышал даже о таком сердито-самолюбивом и неделикатном старце. Разбор его сочинения мною был истинно честен, и конечно не имел я в виду «уничтожения цефauptного ключа»². Если интересуетесь этою брошюрою — выпишите ее от отставного есаула Ив. Андр. Ваюнова из Новочеркасска. Конечно, я отвечать старцу не буду, ибо он феноменальный неуч и ругатель, хотя и схимонах. Не читал я совсем его произведений, указанных у Вас под №№ 55—57, уж нет ли и там колотушек по моей шее? Что это за «Ирмологий Лавинова» и композитор Крейсов, которые так хвалит о. Иннокентий?³

Я вернулся домой из Белграда, Софии и Константинополя, привезши с собою немалую кучу новостей по болгарскому и особенному греческому пению, устроивши несколько интересных знакомств и наслушавшись всякой «гнусности»⁴. Впрочем был и в Париже, Вене, Мюнхене, но за летним временем нигде не мог добраться до интересного в нашей области — все разбрелись по дачам. Очень я разочаровался прослушав хор Калишевского в Киеве — уж именно славны бубны за горами⁵.

Не пришлете ли Вы мне остальные брошюры Иннокентия, кроме последней «Духовно-музыкальной полемики», адресовав от автора на мое имя наложенным платежом? Я не знаю, откуда достать их.

Итак, относительно Москвы потерпите. Собрание рукописей в Синодальном училище, слава Богу, продолжает умножаться весьма значительно и уже стало высоко интересным, ждущим Вас и стоящим внимания.

Душевно желаю Вам доброго здоровья.

Преданный Вам Ст. Смоленский.

1. Новый Устав Синодального училища был принят в 1897, однако он не во всем соответствовал потребностям реформированного учебного заведения, и в последующие годы училище боролось за усовершенствование этого Устава (см. подробнее в работе В. М. Металлова «Синодальное училище в его прошлом и настоящем» — РДМ. Т. II, кн. 1).

2. Известно три работы схимонаха Иннокентия: «Интересные сведения для любителей и знатоков древнерусского церковного пения» (Церковный вестник, 1876, № 18), «Заслуги Бортнянского и Львова для церковного пения» (Там же, 1890, № 47), «Русское знаменное пение и о разумном его исполнении» (СПб., 1890). Критика деятельности Смоленского содержится в двух последних работах.

В качестве некоего итога была издана также брошюра «Духовно-музыкальная полемика между схимонахом Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Иннокентием и директором Московского Синодального хора Ст. Смоленским по поводу уничтожения им цефалтного ключа древнего знаменного пения и вообще о характере церковного русского пения» (Новочеркасск, 1897).

Как и сказано в письме, особое негодование почтенного автора вызывало мнимое уничтожение цефалтного ключа:

Г-н Смоленский вероятно не знал, что отвергнутую им азбуку хорошо понимали наши великие предшественники и рачители церковного пения: Бортнянский, Глинка, архимандрит Феофан, иеромонах Виктор, диакон Лавинов, Ведель, Давидов [то есть, наверное, Степан Давыдов] и протоиерей Турчанинов. Все эти лица при помощи древнего цефалтного ключа черпали из наших древних синодальных нотных книг лучшие песнопения, перелагая их на три и четыре голоса для хорового употребления, особенно мелкие сочинения Бортнянского, ирмологий Лавинова и песнопения Турчанинова; в этих песнопениях ясно выражается очищенный и ярко-блестящий стиль и характер древнего русского знаменного пения... (С. 2).

Схимонах Иннокентий видит вершину русского церковного пения в творчестве Бортнянского, все остальное представляется ему упадком, в котором особенно мрачную роль сыграл А. Ф. Львов: он, по Иннокентию, был «жалкий и бездарный временщик, пропитанный эгоизмом» (С. 12). Не меньший гнев вызывает попытка собирания и расшифровки крюковых рукописей:

...Все старые младенческие и несовершенноспособы к пению, как то: фиты, крюки, лицы и дербицы и всякие другие лады, скоки, недоскоки и перескоки брошены как сор и очень жаль, что... не предали огню всю эту дрянь... (С. 23).

По поводу «мщения» Смоленского из сведений, приведенных в брошюре, следует, что о. Иннокентий сам составил «полное бдение с осмогласником... приложил необходимые правила для руководства при пении и таблицу сравнительных ключей: баса, альты, старого цефалтного и нового итальянского и отправил в Петербург по адресу...» (С. 4; по каком адре-

су отправил — неизвестно). Труд был послан на рецензию Смоленскому и тот «отомстил», направив отрицательный отзыв. Из приводимых далее примеров посланных переложений можно сделать вывод, что их стиль — типичный «дьячковский», с двумя верхними голосами в терцию и гармоническим басом, местами, впрочем, движущимся довольно свободно.

Не понравилось о. Иннокентию и пение Синодального хора, которое он слышал в 1890 в Москве: «...поют хотя и стройно, но не имеют достаточного познания в выражении слов божественного текста» (С. 26).

Безграмотное употребление музыкальной терминологии в брошюре налицо, однако позиция автора ясна и имеет свои «резоны»: он бережет то, что усвоил в молодости, и не хочет никаких изменений и нововведений.

3. Ирмологий Лавинова и композиции Крейсова упоминаются в «Духовно-музыкальной полемике...». Второго автора о. Иннокентий называет полностью в связи с критикой работы Смоленского по гармонизации обиходных песнопений («Главнейшие песнопения...»), причем обвиняя Степана Васильевича в прямом плагиате:

Песнослова «Блажен муж» и «Хвалите имя Господне» и Славословие великое, кроме Трисвятого, принадлежат сочинениям моего покойного наставника и учителя Григория Александровича Крейсова (ученика Бортнянского); все они написаны в Новочеркасске в 1831 году. Песнопения эти являются у Смоленского с большими изменениями и в искаженном виде и совсем потеряли свою первоначальную силу и красоту (С. 32—33).

Надо полагать, что диакон Лавинов — тоже автор с юга России, знакомый о. Иннокентию с молодости.

4. «Гнусностью» здесь юмористически именуется греческое церковное пение с характерным для него «носовым» звучанием. В письме к К. П. Победоносцеву из путешествия по славянским землям летом 1897 года Смоленский замечал, например:

Конечно, этот [византийский] напев не балует ухо, прескверно исполняется с его наводящим хандру «исоном»; конечно, носовое пение ужасно, но в нем есть дисциплина, легко ощутимая связь с родной стариной, уже много сделавшей услуг этим славянам (см. в первой книге VI тома).

5. Яков Степанович Калишевский (1856—1923) более тридцати лет был бессменным регентом киевского кафедрального Софийского собора; руководимый им хор (мужчины и мальчики) выступал также в концертах, духовных и светских.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 24 сентября 1897

Очень благодарю Вас, достоуважаемый Антонин Викторович, за последнее письмецо¹. Брошюра № 1 Иннокентия сущий курьез, и я убедительно прошу

Вас достать ее мне, сколько бы ни стоило это, за мой счет, для помещения в библиотеку Синодального училища как образец во многом печальном очень поучительный. Посылаю Вам мой «Обзор» — теперь после ужина горчица². 2-ю брошюру прислать не могу, ибо она в библиотеке училища³. Здравствуйте и работайте с Богом.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 9. Открытка

1. Это письмо не сохранилось.

2. Имеется в виду работа Смоленского «Обзор исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году». Несмотря на замечание о «запоздалости» этой работы («после ужина горчица»), на самом деле она до сих пор сохраняет научное значение (см. публикацию с комментариями: РДМ. Т. II, кн. 1).

3. Непонятно, что имеется в виду; возможно, статья Смоленского «О русском церковном пении. В ответ г. Миссаелидесу, протопсалту церкви св. Фотинии в г. Смирне» (Прибавления к «Церковным ведомостям». 1893, № 9; имеется отдельный оттиск).

Преображенский — Смоленскому

Бахмут, 30 октября 1897

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Наконец-то могу прекратить свое молчание: монах Иннокентий, без которого я не хотел являться пред Вами, нашелся. Шлю его в библиотеку Синодального училища (конечно, бесплатно), чтобы хотя там, в присутствии Вашем и в обществе Ваших трудов, сему монаху стало немножко стыдно...

Вас, глубокоуважаемый Степан Васильевич, от души благодарю за дорогой для меня подарок: «Обзор концертов». Если бы у нас было побольше таких и подобных трудов, не вышел бы и мой Словарь столь несчастным во многом, как теперь. Что ж делать!..

После окончания своего Словаря я ударился в неметчину... Заинтересовал меня вопрос о современном положении пения в церкви католической. Заинтересовал не столько сам по себе, сколько, так сказать, сравнительно; хотелось знать — а как там, у них, у этих ревнителей буквы церковного закона, так же ли обстоит дело с вмешательством в церковь «музыки» или нет? И вот я повыписывал себе немцев, познакомился с ними, и, откровенно сказать, они меня многому научили, они мне даже понравились. Узнал я историю католического пения, современное состояние его; узнал, что много аналогии в прежнем и настоящем положении нашего и их — католиков — пения; конечно — много и разницы. Но в поисках параллелей я пришел к заключению, что насколько у них ясно созданы и определенно выражены требования от богослужебного пения, свойства

его, настолько у нас в подобном вопросе ответ является темным, запутанным; да еще где и искать-то его? У католиков реформа уже осуществлена и проводится с большим успехом, научная разработка пения идет крупными шагами, дело это, одним словом, живет — образован союз, издаются журналы и т. д. Не говорю я о «качественной», если можно так выразиться, стороне католического учения о богослужебной музыке, но сторона внешняя, последовательность, с какою ведется дело, у католиков замечательна¹.

Если аналогию между историей нашего и католического пения немного продолжить, то нужно будет утверждать, что недалеко то время, когда и у нас дело это станет на твердую почву... А если посмотреть на нашу ниву, то можно будет, пожалуй, сказать, что признаки уже заметны... «Мы можем уже наблюдать давно желаемое осуществление русского строгого церковного стиля гармонии» — 6-я страница только что разрезанной, сегодня полученной мною книги о. Металлова...²

Глубоко уважающий Вас Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 8—9 об.

1. Эти мысли Преображенский изложил также в своей статье «Реформа богослужебного пения в католической церкви» (РМГ, 1897, октябрь-ноябрь); примечательно, что в том же номере под псевдонимом «А. Прежний» вышла и его рецензия на книгу о. И. И. Вознесенского о греческом пении.

2. Цитируется книга В. М. Металлова «Строгий стиль гармонии. Опыт изложения оснований строгого и строго-церковного стиля гармонии» (М., 1897).

Смоленский — Преображенскому

Москва, 3 ноября 1897

Спасибо Вам, любезнейший Антонин Викторович, за брошюрку старца. Еще более — за Ваше славное письмо о немцах. Хотя я и недолюбиваю их «мертвую хватку», а все же они народ очень смысленный и работающий.

Вскую вздыхаете о Словаре? Что случилось, чтобы назвать его несчастным? Совсем дельная книга.

Не надумаете ли Рождеством прокатиться до Москвы? Не имею времени писать еще.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 8. Открытка

Смоленский — Преображенскому

Москва, 29 декабря 1897

Весьма жалею, любезнейший Антонин Викторович, что не вижу Вас, ибо только что уговорился с Прокурором об устройстве Вашего дела, а через полчаса надо ехать на вокзал.

Пожалуйста, заготовьте *без числа* два прошения, одно — мне о занятии уроков словесности и истории литературы в Синодальном училище и другое — Московскому Митрополиту о предоставлении Вам места учителя русского языка в Заиконоспасском училище. Оба прошения доставьте мне без промедления и с гербовыми марками на каждом. На конверте напишите адрес Митрополиту и вложите в другой конверт с адресом мне и означением, что то от Вас, и передайте то дежурному воспитателю в Синодальном училище. Я уже сделал распоряжение относительно этих бумаг на всякий случай на время моего отсутствия, ибо человек, вместо которого Вам придется быть в Москве, весьма недолговечен. Понятно — обо всем полное молчание.

Как жалко, что вчера народ не дал мне еще поговорить с Вами, а было надо очень.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 11— 11 об.

Смоленский — Преображенскому

[Москва, начало февраля 1898]

Любезнейший Антонин Викторович! Приветствую Вас, хотя и поздно, с новым годом! Вздумал, изволите видеть, похворать воспалением внутреннего уха и во всей силе узнать муки этой каторжной болезни, мучающей меня уже 4-ю неделю. Прощения Ваши получил, но время их хода еще не пришло. Недоумения Ваши насчет Заиконоспасского училища объясню Вам более чем просто: Вас переведут туда преподавателем, дабы не терять службы, избегнув тем солдатчины, и увеличат количество наипрезрнейшего из металлов в Вашем кармане. В то же время сердце Ваше да будет в Синодальном училище и в уроках русского языка в нем. Время переезда неожиданно отсрочивается (временно), ибо г. больной искусственно выправлен, хотя и «в дело употреблен быть не может»¹. Я не пропущу надобное время. Посему терпеливо ждите.

Ректору Петербургской академии мною отписано о диссертациях, но ответа еще не имею.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 12

1. Речь идет о преподавателе русского языка и словесности Константине Ивановиче Соловьеве, которого в сентябре и сменил Преображенский.

Преображенский — Смоленскому

Бахмут, 4 февраля 1898

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше письмо я получил сегодня; из Вашего объяснения моих «недоумений» вывожу только одно заключение: я должен быть сугубо благодарным Вам за Ваши заботы и хлопоты о моем переводе... Вы пишете, что «время хода моих прошений еще не пришло», но в таком случае для меня непонятно следующее происшествие: на днях я получил из Учебного комитета при Синоде бумажку с требованием прислать гербовую в 20 копеек марку — «на ответ по прошению Вашему от января (?) 1898 года». Никакого прошения, которое могло бы попасть в сей Комитет, в январе я не подавал, кроме переданного Вам прошения Митрополиту; и если Вы еще не давали хода моим бумагам, то я решительно не понимаю, что сие значит. Впрочем недалекое время явит все.

Я жду терпеливо... потому что занят не мало. По некоему пристрастию к книгам взял на себя дело устройства Библиотеки-читальни в Бахмуте, открываемой Попечительством о народной трезвости. Хочу завести оную машину библиотечную, на что трачу много времени; весь январь «готовлюсь» к открытию, а открыть можно будет лишь в конце февраля, значит, и февраль буду «готовиться к открытию». Это раз; а потом — пришлось взять на себя лишние уроки латинского языка в Училище за временным отсутствием преподавателя, что прибавило 5 уроков. И вот времечко летит...

Относительно бумаг Дмитриева, о которых я справлялся в Таганроге, могу сообщить нижеследующее. В Таганроге живет побочный сын Дмитриева — некий Алексей Николаевич Пестов. По его словам после Дмитриева осталось много нот, из которых произведения других авторов были распроданы, а произведения самого Дмитриева были собраны воедино. Сам Пестов, по его словам, охотно расстался бы с этим наследством, особенно в Вашу пользу, так как называет Дмитриева Вашим учителем. Посему я сообщаю Вам его адрес, по которому Вам вероятно удастся получить если не то, что Вы ищете, то, может быть, сведения более подробные об оставшемся после Дмитриева. Адрес такой: «Таганрог Донской области, Донской Земельный Банк, Алексею Николаевичу Пестову»¹.

Дай бог, чтоб письмо это застало Вас вполне выздоровевшим от этой несносной болезни!

Глубоко уважающий Вас Антонин Преображенский.

1. Речь идет о Николае Дмитриевиче Дмитриеве (1829—1897), пианисте, композиторе и педагоге, жившем в 1870-х в Казани, служившем одновременно со Смоленским в казанской Судебной палате и игравшим вместе с ним в разных инструментальных любительских ансамблях.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 17 мая 1898

Многоуважаемый Антонин Викторович! Наконец-то я могу поделиться с Вами приятным известием: права среднего учебного заведения Синодальным училищем получены, ибо вчера их утвердил Государственный Совет, не замедлит утверждение Государя. Таково содержание сегодняшней депеши от В. К. Саблера.

Посему, надеюсь, что Вы не передумали работать со мною в Москве, приготавливая для Вас место или преподавателя русской литературы, или древних языков, или гражданской истории, полагая, что Вы не замедлите вновь уведомить меня официальным прошением без означения числа о желании Вашем быть преподавателем Синодального училища. Классик, впрочем, есть в виду.

Место штатное с правами службы (VIII [класса]), жалование — по числу уроков. Устраиваю я Вам и сожительство в училищном нашем доме с холостяком 22-летним учителем Павлом Григорьевичем Чесноковым, причем квартира с теплом и водою может Вам обойтись около 120 рублей в год. Квартирка — премиленькая, а сожитель — премилый композитор и работающий человек.

Предвкушаю удовольствие поработать с Вами.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 14

Преображенский — Смоленскому

Бахмут, 22 мая 1898

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше последнее известие вдвойне радостно для меня. Радуюсь, что Ваши заботы о Синодальном училище, то есть в сущности заботы о постановке дела церковного пения, начинают увенчиваться серьезным успехом, радуюсь и тому, что Вы зовете меня в Ваш вертоград «делати» с Вами.

Признаться — я несколько был смущен тем обстоятельством, что мое прошение о месте в Заиконоспасском духовном училище, Вам переданное, попало в Учебный комитет тогда, когда место было еще несвободно; но... время изгладило неприятное чувство, а Ваше последнее письмо воскресило во мне былые

надежды. Теперь шлю Вам свое прошение в твердом убеждении, что «еще мало» и узрю благая Иерусалима.

Прошу о месте преподавателя русской литературы, предполагая, что ему принадлежит то, что называется в учебных заведениях «русский язык», и следовательно он имеет достаточное количество уроков. Весьма признателен Вам, Степан Васильевич, за Вашу заботу и о квартире. Чего же мне желать большего?

В апреле получил маленькое утешение: Словарь мой одобрен Министерством народного просвещения для ученических библиотек [средних] учебных заведений, учительских — низших училищ и для бесплатных народных библиотек-читален. Своя не прияша, а чужие одобрили¹.

На предстоящие каникулы, если только буду иметь возможность, рассчитываю побывать в Москве. Застану ли я там Вас, Степан Васильевич?

Искренно уважающий Вас Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 14—15 об.

1. Преображенский имеет в виду не слишком благожелательную рецензию на его труд П. П. Мироносицкого, опубликованную в церковном издании (Христианское чтение, 1897, ноябрь). С ответом на эту рецензию автор «Словаря» выступил на страницах РМГ (1898, № 1). Показав несостоятельность мелких придирок Мироносицкого к толкованию сугубо музыкальных терминов, Преображенский заключает свой ответ:

К сожалению, рецензия г. Мироносицкого послужила основанием для определения Училищного совета при Св. Синоде, которым, то есть определением, «Словарь русского церковного пения» не допускается в библиотеки церковно-приходских школ... (Стб. 81).

Смоленский — Преображенскому

Москва, 23 июля 1898

Многоуважаемый Антонин Викторович!

Сию в кабинете и гляжу на Ваше прошение не без скорби, ибо только что перечитал Ваши славные, приятнейшие письма, в одном из которых, отрицаясь от скорби об убытках, Вы все же извещаете меня, что получаете в Бахмуте около 1200 рублей, а я за 11 уроков литературы могу Вам услужить лишь 550 рублями в год, очень дешевою (правда!) комнатой при училище, совместно в холостой квартире с П. Г. Чесноковым, да журавлем в небе, в виде обещания найти для Вас посторонний заработок в Москве... Да и, Бог знает, скоро ли удастся это обещание? Вон как расхватывают эти уроки...

Зато припоминаются мне слова Гарибальди: солдаты, могу обещать Вам при нашей бедности лишь голод, холод, даже поражение и смерть, но вместе и славу освободителей Италии.

Очень, от всего сердца хочу я послужить с Вами вместе, да к тому же подбирается и работа хорошая, ибо недавно записали в каталоге рукописей юбилейный № 1000, ибо подбирается у нас хорошая компания, подвертывается еще историк, может быть, знакомый Вам казанец П. Богословский, заговорил хорошо о. Металлов и проч¹.

Но что же мне делать пока и откуда найду Вам уроки в Синодальном училище? По штату полагается *два* учителя, а всех уроков кроме шести в I классе, обещанных воспитателю И. И. Серебренецкому, занимающемуся этими малышами девятый год, остается 13 в младшем отделении по языку и грамматике по 40 рублей = 520 и вышеписанные 11, на которые имею Ваше прошение по словесности и литературе. Нет возможности пристроить Вас и по другому какому-либо предмету, а г. Соловьев, Ваш предместник, и не думает уходить, разве что попросят его или прямо удалят².

Посему призадумался крепко и в горести пишу Вам, не зная что делать и как быть без Вашего позволения, ибо с журавлем будущим смею ли уверенно звать Вас, как бы того ни желала душа моя. Не можете Вы сомневаться в том, что все усилия я напрогу, дабы устроить Вас лучше всего в денежном смысле, но как мне ручаться за удачу или в каком-либо сроке добычи?

Прошу Вас не сетовать на меня, дорогой мой Антонин Викторович, за это истинно горькое для меня письмо. Спился с кругу бывший смотритель Заиконоспасского училища, и неизвестно, какого калиберу новый — молодой.

Жду Вашего ответа, а еще более Вас самих на работу совместную.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 16 об. — 17 об.

1. Павел Васильевич Богословский (1873 — после 1917) стал преподавателем гражданской истории в Синодальном училище в 1898 (впоследствии священник, настоятель церкви Успения в Кожевниках). В. М. Металлов появился в училище несколько раньше, в 1895-м.

2. И. И. Серебренецкий был младшим воспитателем и преподавателем Синодального училища с 1889; К. И. Соловьев ушел из штата преподавателей в 1898.

Преображенский — Смоленскому

[Бахмут, начало августа 1898]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

1200 и 550; 100 рублей в месяц — и 45 рублей в месяц; привольно — и скудно; сытно — и голодно. «От-то заковыка», как здесь выражаются... Про-

читавши Ваше письмо, я весь отдался невольно вычислениям, сравнениям в том же роде, как написано в первых строках; затем — сложил по-наполеоновски свои руки и стал «шагами измерять свою комнату»; измерял недолго и пришел к следующему выводу: перейти в Москву я должен, а с 550 рублями да с добрыми людьми проживу хоть не столь «великолепно», а все же и не голодаючи. В самом деле, серьезно говоря, если я получаю здесь 100 рублей, то я ведь роскошествую: почти всякая прихоть находит свое удовлетворение. Я для чего-то, например, выписываю «Новое время», много (именно «много») других журналов и не задумываюсь пред выпискою той или другой понравившейся мне книги. Неужели я не могу существовать без «Нового времени»?

Итак, весь вопрос в том — желаю ли я, так сказать, сократиться надвое?

Математика имеет сокращение дробей и пропорций; мое сокращение — должно быть пропорциональное... Итак, сократим в последующем отношении, если сокращено в предыдущем. Вот мое решение, а вот и мой ответ: мне было бы тяжело остаться здесь после года ожидания, и я прошу Вас, Степан Васильевич, не отказать в принятии меня в число Ваших сотрудников по Синодальному училищу. Может быть мое желание — быть полезным делу Училища — с Вашей помощью и осуществится: а большего... большего и не нужно, если помнить это: «не столько для себя, сколько для дела»...

Итак, позвольте, Степан Васильевич, ожидать недалекого слова от Вас о моем назначении.

Уважающий Вас Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 16—17 об.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 11 августа [1898]

Дорогой Антонин Викторович!

Со слезами читал Ваше письмо и целиком прочитал его князю Ширинскому-Шихматову. Глубоко растроганный Вашей любовью к свету спешу уведомить Вас, что я успел уговориться с князем об отделении Вам еще уроков в двух классах певческого отделения Синодального училища, числом 6, что увеличивает еще Ваш доход на 240 рублей, то есть всего до 790 рублей. Грустно и сейчас, — но все же легче, и рад я тому, что скоро буду целовать Вас в Москве, что скоро мы заработаем вместе.

Сердечно любящий Вас и написавший сего числа за № 128 представление о Вашем переводе в Москву —

Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 95 об.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 9 июня 1901

Дорогой Степан Васильевич.

Начинаю писать Вам третье письмо... Два первые разорвал, ибо одно было «жалости и горя», а другое скорее походило на формальный доклад о состоянии училища и его деятелей... Теперь ограничиваюсь словами: «все по-прежнему» — и не пишу Вам подробностей. Только это прежнее — не то, Ваше, а то, которое установилось после Вас. Вы его знаете; мне кажется даже, что Вы его чувствуете. Тем лучше. Я пишу Вам лишь об одном деле. Это — рукописи. На последнем заседании я предъявил Вашу собственноручную просьбу. Решили отложить суждение до следующего заседания, где будут дела, не касающиеся окончания учебного года. По существу ничего не говорили. На другой день — акт и молебен. После оногo Е. С. [Его Сиятельство]¹ с Вашей бумагой в руках приглашает членов Правления в канцелярию и заявляет, что в деле о рукописях есть большое недоразумение, что он был согласен на передачу Вам только тех рукописей, которые не вошли в каталог, без номера и скорее относятся к хламу. Последовал вопрос ко мне: могут ли быть названы рукописи, отобранные Вами, дубликатами? Мой ответ: да, так как редакции напевов повторяются во множестве других рукописей. Вопрос Попова²: а могут ли среди рукописей быть дубликаты? И пошла писать губерния... Я между прочим указал на то, что в Ваших руках эти рукописи приобретут значение, а здесь будут лишь храниться... Приказано: просить Вас указать, какие рукописи необходимы Вам на первый раз для занятий, дабы по возвращении их выслать Вам и следующие партии в небольшом количестве... Sic... Dixi et animam non levavi...⁴

Дня через три уезжаю не более и не менее как на Соловки. Надо успокоиться, набраться сил и помолиться о ниспослании терпения, любви и мудрости змиины.

Ваш Антонин Преображенский⁴.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 18—19 об.

1. Имеется в виду А. А. Ширинский-Шихматов.
2. Николай Петрович Попов, преподаватель и делопроизводитель Синодального училища, был лицом, особо приближенным к Ширинскому-Шихматову.
3. Преображенский перефразирует латинскую поговорку «Dixi et animam levavi», то есть: «Сказал и облегчил тем самым душу». Он пишет: «non levavi», «не облегчил».
4. *Примечание Смоленского в конце письма*: «Что может [быть] обиднее этого?»

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, 11—12 июня 1901]

Дорогой Антонин Викторович, милый друг сердца!

Спасибо Вам за письмецо, совершенно, хотя и не неожиданно, огорчившее меня своим содержанием относительно рукописей. Я вполне предчувствовал, что хоть какой-нибудь фортель, а все же выкинется мне в догонку. Буду ждать «бумаги».

О здешнем мирке скажу Вам так: сначала сильно опешил и огорчился, потом пообчистил (уже) всякую дрянь, потом начинал крепнуть в вере, что и здесь можно дело делать. Но людей нет, помощников-друзей нет, одному же — прямо не под силу, да и рискованно. Уж очень запакоостили дело, в такой степени, что старшая молодежь рвется к свету и сама поняла, как много упустила времени, как мало знает, как мало воспитана. Беспорядок в дисциплине, в ученье, в хозяйстве — Ты, Господи, веси, ибо и не доберешься до сути и до главнейших рыцарей этого безусловно вреднейшего и распущеннейшего ведения дела. Кажется, все всем им надоело и горько каются за последние годы. Но далеко не того же образа мыслей все артисты, получающие из Министерства Двора всякие выдачи законными и наимезаконнейшими способами. Они глубоко уверены, что все вполне процветает и не нуждается в каком бы ни было изменении, что «обычное право», касающееся самых возмутительных выдач, есть непреложное право, не обязывающее ни к чему, кроме получений, хотя бы и мошенническим путем. Но лень при этом, лень, праздность, самомнение и неразлучное с ними невежество — более чем поразительны. Синодальный хор — рай в сравнении с наиподлейшей Капеллой, наимезаконнейшей, наисамоменнейшей. Вспоминая *h moll Messe* Баха этого года в Синодальном хоре, я думаю: Капелла — это есть собрание такой подлой сволочи, вполне малограмотной и маломузыкальной.

Вы помните, дорогой мой, как тяжело мне [было] оставить мое бывшее в столь малодостойные руки, как Орлов, Попов и пошлейший богомольный Ширинский; как жалко мне моих детей, особенно средних, не поставивших еще «points sur les i» [точки над «и»]. Все эти рукописи и всякие пакости не стоят одного человека, могущего выйти в люди: Сережа Потоцкий, Коля Толстяков, Костя Шведов¹ и многие другие разве не большие раны моего сердца? Разве не больно мне, «в чьи пакостные руки» попало мое дело?

Единственно, чем могу утешить себя — памятью о моих друзьях в Москве и, как ни грешно, возможностью ныне треснуть по лбу администрацию Синодального хора и училища, если будут дурить дальше, да надеждою перетянуть к себе лучшее из Москвы, начиная с Вас, кончая Цымбалом и Егором «Елистрачем»². Тогда и «люди» найдутся здесь для блага людей.

Уже 3-й час ночи. Целую Вас трижды, с братской любовью и предвкушением общего труда в Петербурге. Паше — мой поклон и поцелуй¹.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 19—20

1. Все упомянутые ученики Синодального училища «вышли в люди»: К. Н. Шведов и Н. Н. Толстяков впоследствии закончили Московскую консерваторию, стали преподавателями Синодального училища, известными духовными композиторами; С. И. Потоцкий тоже закончил Московскую консерваторию и стал композитором светским (менее известным, чем первые двое).

2. И. М. Цымбал закончил с отличием Синодальное училище, в Придворную капеллу его не удалось «перетянуть», как и Егора Евстратовича Андреянова, «дядьку» в Синодальном училище, особенно любимого учениками.

3. Имеется в виду П. Г. Чесноков.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 19 июля 1901

Дорогой Антонин Викторович!

Охладели ли Вы на холодном севере? Успокоились ли Вы от невиданной его красоты летней? Пишу Вам наугад в столь близкую сердцу Соловецкую обитель.

1. Прошу при возвращении в Москву выписать мне №№ рукописей, которые просил себе, — и еще лучше того — поклонюсь Вам, если снимете копию с моего о рукописях заявления в Правление Синодального училища.

2. Если (а удача, кажется, возможна в скором времени) в Придворной Капелле откроется 7 штатных, по учебной (25 лет) службе, мест: 1 — старшего воспитателя — 1500 рублей, 3 — воспитателя по 1200 и 3 — помощника по 900, все — при казенных квартирах или при квартирных деньгах, все — при возможности давать уроки в Капелле, — то желаю и зову Вас к себе на 1200 etc., то есть всего с квартирными деньгами до двух тысяч. Капелла сильно запущена, но и выздоровление ее, как ныне уже видно, возможно в скором времени.

Очень желаю поработать с Вами, да и есть к чему руки приложить вообще, а в частности и к архивным документам. Ответьте мне. Думается, что не по душе Вам оставаться в Москве на Никитской. Думаю и о Реформатском, А. К. Смирнове¹ — напишите мне: что шевельнется у Вас на сердце о перевозке кой-кого с Никитской на Мойку.

Поклонитесь за меня св. Зосиме и Савватию. Справляется ли там служба 8 августа?²

Целую Вас крепко.

Любящий Вас Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 21—21 об. На бланке управляющего Капеллой

1. А. К. Смирнов, младший воспитатель и преподаватель Синодального училища, с 1902 стал воспитателем и преподавателем Придворной капеллы (см. его воспоминания о Синодальном училище в I томе РДМ). А. Н. Реформатский, преподававший в училище русский язык и дидактику в 1898—1900, в Петербург не переезжал.

2. Имеется в виду служба перенесения мощей св. преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 11 августа 1901

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше письмо от 19 июля получено мною уже здесь, в Москве, на этих днях. Хочу поведать Вам все свои при- и зло-ключения, пользуясь оказываемым мне вниманием Вашим.

Поездка на Соловки до обратного возвращения в Архангельск была благополучна и прекрасно меня освежила. В монастыре я прожил до 22 июля. Редкое место! Не говоря о своеобразном климате, самой местности, монастырской жизни, меня особенно удивляло и немало радовало уединение, то есть отсутствие этой городской суеты, тишина, спокойствие, мир... возможность быть всегда с самим собою — и я отдыхал. Подвиги мои состояли главным образом в ознакомлении с архивом, который оказался вполне доступным для меня благодаря любезности архимандрита. Но архив оказался неразобраным, хотя видимый порядок был образцовый: связки перенумерованы, расположены по номерам и т. п.; рядом с каким-нибудь следственным делом в одной и той же связке лежат листы монастырского синодика и т. п. Не задаваясь определенными целями, я смотрел связку за связкой и кое-что списывал для себя. Показались мне интересными «дела» о раздаточной рыбе, и я свел несколько лет воедино — получилось нечто в высшей степени интересное. Судите сами: чего стоит одно перечисление бояр, меж коими и Голицыны, и Милославские, и справщик Сильвестр Медведев, и боярин Артамон Матвеев, тут же царские истопники, сторожа Успенского и Благовещенского соборов, нищие этих соборов и проч. Или — светлейший князь Александр Данилович [Меншиков], Яков Долгорукий, Никита Моисеевич «Изотов», «адмирал Опраксин» и т. д., или — при Екатерине — капралу караульному, певчему Андрею Васильеву, уставщику Ивану Михайлову, а в 1731 году — «Гдрни императрицы первому головщику иеромонаху Герасиму, Ея И[мператорского] В[еличества] Генерал-басу» — архиерейским

певчим, бас-генералу монаху (1733 год), отдано бандуристу — и так без конца... Тут немало интересного и по Вашему ведомству... Не говорю о множестве других материалов. Но что можно было сделать за мое недолгое пребывание?

Другим моим «подвигом» были занятия с послушником — кандидатом в монастырские регента. Пение соловецкое — ниже всякой критики. Поют с маленькими, кои живут в монастыре только один год! сведущего человека нет решительно ни одного! взрослые певчие, не меняясь никогда, исполняют *все* церковные службы... Можете себе представить это пение, а вместе с тем и те успехи, коих достигнуть там возможно. Это все мои приключения, теперь о злоключениях.

Обратный путь в Архангельск пришлось по недостатку места сидеть на палубе в не-теплом пальто при свежем морском ветре и не спать. Вечером сел на поезд и спал как убитый. Днем духота и жара в вагоне. В Соловках не ел мяса и прочего, а тут разрешил. В результате всего этого — какой-то непостижимый обморок, из которого приведен в чувство случайно оказавшимся в вагоне доктором, а затем полный упадок сил даже до молчания сердца... Предполагавшаяся мною поездка по Волге, конечно, не могла состояться, я кое-как добрался до Никитской. Объяснение врачей одно — перемена климата (и я верю этому) или температуры (простуда) и перемена пищи. И вот после того как я чувствовал себя вполне освежившимся, отдохнувшим, — приходится опять болеть, и должно быть серьезно, ибо два дня тому назад я принужден был звать врача даже ночью. Теперь — лечение, диета, и конечно — слабость. Это мои злоключения каникулярные.

Теперь дела — «синодальные». Все предзнаменования были благоприятны. Наш командир был хорошо настроен и здрав. Настало 9-е число, день приемных испытаний. Я готовился к отправлению в зал, как является эконоом и от лица командира просит начать экзамен по научным предметам, а уж потом-де «они» будут пробовать голоса¹. Раньше решили наоборот. Я удивился, спустился и... убедился, что командир был сильно пьян. Это было уже не так приятно. Однако после моего отказа переиначивать установленный порядок он все же имел мужество придти в зал и присутствовать при экзамене не безучастно... мальчик не успеет рта раскрыть, как уже возглас: довольно. Александр Дмитриевич [Кастальский] и Павел Григорьевич [Чесноков] не протестовали. Так прошел первый день. Второй был более благополучен, равно и третий. Однако по окончании экзаменов совет не мог состояться и отнесен на понедельник (13-го). От объяснений воздерживаюсь. К экзаменам явилось обычное количество — около 130 человек; предназначены к приему — человек 25—30. Есть дети духовенства.

К сожалению, ничего не могу написать Вам о нашей преподавательской братии, ибо князь отсутствует, а по словам Василия Сергеевича [Орлова] имеет нечто сообщить мне. Решительный отказ пока заявили Тютюнник и о. Никольский. Последний устроился настолько хорошо, что даже сам доволен. Четвер-

тому воспитателю ассигновано, говорят, 15 рублей в месяц, ибо имеется в виду Дмитрий Андреевич².

По «делу» о рукописях. В журнал оно доселе не входило... предполагается, как сообщил Н. П. [Попов], — разрешение пользоваться сразу рукописями в количестве 10—12, чем, предполагается, Вы и удовольствуетесь. Впрочем «дело» ожидает хозяина. Копия с Вашего прошения при сем прилагается.

В ответ на Ваше, дорогой Степан Васильевич, предложение о месте в Капелле, я буду повторять те же слова свои, которые изобразил в письме, писанном в Москву три года назад. Думаю, что Вы не забыли их и присоединяю к ним только несравненно более глубокую благодарность Вам. Теперь эта благодарность, поверьте, и более сознательна и более полна! Она имеет так много причин и поводов...

Одно скажу Вам, нисколько не таясь. Мне почему-то жаль оставлять Синодальное училище, так же жаль, как жаль было расстаться с Вами. Мне хочется видеть, что будет с ним дальше, чувствовать, переживать с ним его будущее; хочется и своими неумелыми руками сделать хоть что-нибудь для него. Ведь я так много обязан ему. Вы правы, когда говорите, что мне не по душе после Вас оставаться на Никитской. Но зато как приятно (нет, «приятно» мало), какое наслаждение — парализовать некоторые усилия «оных» людей! Не знаю, не будет ли это Вам казаться самонадеянностью? Как Вы полагаете, дорогой Степан Васильевич? Скажите, и Ваше слово будет для меня так же веско, как было прежде.

Прошу передать мой глубокий поклон глубокоуважаемой Анне Ильиничне.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 20—23 об.

1. Под «командиром» разумеется В. С. Орлов, который как директор и регент должен был руководить пробой голосов вновь поступавших мальчиков.

2. Василий Саввич Тютюнник, солист Большого театра, преподавал в училище постановку голоса и сольфеджио с 1892 по 1901; священник Константин Андреевич Никольский занимал должности воспитателя и преподавателя катехизиса и Закона Божиего с 1888 по 1901.

Дмитрий Андреевич Быстрицкий был воспитателем и преподавателем церковно-приходской школы при училище с 1898 по 1906, а также исполнял фотографические работы.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 24 августа [1901]

Дорогой Антонин Викторович! Очень меня мутило Ваше долгое молчание, и неполучение Вашего ответа я уже начал сваливать на почтовые непорядки. На-

конец пришли ко мне и весточки из Москвы: от о. Лисицына, от А. К. Смирнова (кoему не пишу за всякими недосугами, а вместе с Вами шлю спасибо, привет, поцелуй и обещание написать в надoбное время) и наконец от Вас самих.

Тревожен для меня Ваш обморок и боюсь — в порядке ли у Вас за ребрами, то есть не чрезмерно ли малокровие, исправно ли сердце, хороши ли кишки и желудок? Мне, стареющему, понятна цена здоровья и надoбность обеспечить его благосостояние в Ваши годы. Вот Вы пишете, что и ночью врач понадобился — что такое было?

Относительно дальнейшего Вашего пребывания в Синодальном училище скажу так: конечно, Вы не будете в силах хотя сколько-нибудь парализовать все то, что там будут заводить, и, наживая себе лишь неприятности, ничего побеждающего не достигнете, а тем временем и себя расстроите, и здесь упустите.

А здесь Вам также может быть жатва многа, хоть бы и по архивной — высокоинтересной части Львовского времени. На Ваш век и этого хватит, да и подальше будете от некоторых малоприятных москвичей. Пока со мной — дело неспешное (так скажите и Александру Константиновичу [Смирнову]), а в эту зиму все-таки покончится замещение вакансий. Служить здесь по миновании для меня периода проб и чистилища, вероятно, будет очень хорошо и спокойно.

За копию — спасибо. Очень интересуюсь постановлением Правления о выдаче мне рукописей. Пускай пишут, выдавая себе аттестат — потом и я выпалю по-своему, если вовремя не догадаются образумиться.

Решительно нет времени писать еще. Целую Вас крепко.

Любящий Вас Ст. Смоленский.

Готовьте работу Соловецкую. Я уже говорил вчера о ней Шереметеву¹.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 81, 84

1. Смоленский имеет в виду работу по просмотренным Преображенским архивным материалам Соловецкого монастыря, которая могла бы быть опубликована в изданиях руководимого С. Д. Шереметевым ОАДП. Таковая работа не была написана.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 24 августа 1901

И как же недолго продолжалось мое «очарование» предстоящей «деятельностью»!.. — до первого (после каникул) свидания с князем! Оно было чревато событиями. Его Сиятельство здесь «приказывал» в деликатной форме. Вот его приказания. О. Арбекову, который-де успел и награды получить на службе в Училище, отказать от места, равно и безобиднейшему из смертных — Николаю Ивановичу Соболевскому, ученики которого получили наибольшее количество

неудовлетворительных баллов¹. Слыша раньше, что князь давно уже метил в Арбекова, я молчал; а относительно Соболевского возопиял было; в ответ же услышал: «таково мое мнение»... Новость первая.

Вторая еще горше первая... Об уроках русского языка в 4 и 5 классах я сказал, что они могут быть предоставлены по всей справедливости Николаю Николаевичу Сокольскому. В ответ: «Он не имеет высшего образования, а возбуждать ходатайство не удобно; впрочем, имея прецедент в назначении Ивана Ивановича [Серебrenицкого], я могу его допустить к исправлению должности. Но ведь у вас в учительской среде должность учителя старших классов пользуется преимуществом чести, значит, Сокольского нельзя назначать учителем 4 и 5 классов, а можно только 1 и 2, — старшие же классы отдать Серебrenицкому»... Таковую речь я понял и замолк... Уроки словесности в 6 и 7 классах. «Мне кажется, лицо для замещения этих уроков имеет у нас самое подходящее, близко знающее училищные дела, это — Николай Петрович Попов, ему и нужно отдать эти уроки»...²

Тут я понял еще больше. Кстати. Сам Попов объяснил мне происхождение такового желания князя чрезвычайно «просто». «Видите ли, — говорил он что называется неглиже, — я сам-то вовсе и не хотел этих уроков, а приятель Иван Иванович просил князя об этом». Зри — Иван Иванович виноват... О люди! Князю я напомнил, что у Н. П. занятия продолжаются до 3 часов, следовательно он мог бы занять у нас не 6, а только 5 уроков (в субботу два); ответ: «ну, это нужно как-нибудь уладить!» Я думаю, что для Вас какие-либо комментарии излишни. Уроки Арбекова и Никольского, вероятно, будут отданы некоему иерею Строганову³, хотя были и другие кандидаты. Ни с чем остался Н. Е. Румянцев⁴, которому лично и через меня князь раньше обещал уроки словесности.

Мне предложено отказаться от дидактики, передав ее Металлову, и это по справедливости. В качестве анекдота, иллюстрирующего желание порядка, могу передать, что в предназначенной мне квартире (Никольского) хотели отнять для кого-то две комнаты; и в то же время предполагается нашу бывшую квартиру уничтожить, отдав одну комнату Ивану Ивановичу (!) и другую — Кастальскому! Sic.

Вы, Степан Васильевич, интересуетесь моей болезнью, — она понемногу уступает лечению, и я чувствую себя теперь «как следует». Прибытие врача ночью означает ни больше ни меньше — наличность ускоренного сердцебиения, вызванного, впрочем, причиною для меня неизвестною. Во всяком случае я отसेле вручил судьбу свою вниманию эскулапа, к которому визитирую еженедельно.

Итак — беру свои слова о «деятельности» назад и — не престану взывать к добрейшему Степану Васильевичу: «изведи из темницы душу мою»!

Ваш Антонин Преображенский.

Почтительный привет Анне Ильиничне.

1. Протоиерей Иоанн Дмитриевич Арбеков был преподавателем греческого языка, дидактики, церковной истории в Синодальном училище с 1885 по 1901, он являлся также настоятелем церкви Большое Вознесение. Николай Иванович Соболевский преподавал в училище арифметику с 1898 по 1901.

2. Николай Николаевич Сокольский был воспитателем и преподавателем русского языка в училище с 1898 по 1918.

3. Священник Иоанн Адрианович Строганов занял место о. Арбекова.

4. Николай Ефимович Румянцев в 1902 году перешел на место воспитателя в Придворной капелле.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 4 сентября 1901

Милый и дорогой сердцу Антонин Викторович!

О, как тяжело мне было читать Ваше последнее письмо! К моей удаче оно прогулялось в Петергоф, полежало там и достигло меня, уже находящегося в Петербурге, лишь вчера вечером. О, как больно почувствовалась полоса новая в жизни вселюбимого мною Синодального училища. Если пойдете гулять — зайдите на минутку к сердечнейше чтимому отцу Ивану Дмитриевичу [Арбекову] и поцелуйте его за меня трижды.

Стыдно и грешно Серебrenицкому — малодушному и недоброму, жадному и неправдивому.

Ну, а что же столь жалкий Орлов? Какой же это директор? Ужели не хватит его порядочности понять всю глупость и гнусность его положения и поведения? Зачем человек сел не в свои сани и взялся не за свое дело? Подожду еще немножко, соберусь с духом и, может быть, улажу так, чтобы треснуть по лбу зарвавшегося князька — сущего злодея Синодального училища. Что музыка училища в этом году?¹

«Исповедаться» мне очень по душе. Пока проект, о котором я Вам сообщал, скитается по разным канцелярским мытарствам, но мне скоро обещали его утверждение, почему и «изведи из темницы» потребует немного терпенья. Но заклинаю Богом живым Вас спасти от гибели библиотеку рукописей.

Очень прошу Вас списать мне копию постановления об отказе мне в выдаче рукописей. Мне это очень надо. Не мешайте отказу, если борьба будет упорна; в случае же если победа вероятна — помогите доставке рукописей. Мне хочется работать, я уже соскучился без крюков.

Нет времени писать еще. Целую Вас. Другьям — поклон.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 6 сентября 1901

Дорогой Антонин Викторович!

Не откажите передать прилагаемые 4 тетради Александру Дмитриевичу Кастальскому для отправки в Донской монастырь. Это голоса сочинений Феофана, каким-то образом попавшие ко мне в Петербург¹.

Вас вновь прошу о рукописях. Дело это почему-то затянулось, а мне хочется и надо работать, а работать не по чему.

Есть и еще неожиданное к Вам дело. Приехал лично ко мне командированный Болгарским Св. Синодом болгарин Анастас Николов, имеющий целью списать все без исключения имеющееся в рукописях с отметкою «болгарского роспева»². Посему очень прошу Вас сообщить мне хотя бы приблизительно что именно есть в библиотеке под этой фирмой. Я живу сейчас в такой суете и в такой работе, что трудно мне вспомнить о чем бы ни было. Но впрочем вспоминаю, что седальны и тропари на «Бог Господь», «Видехом свет», кажется, и праздничные каноны есть.

Затем *очень* прошу прислать мне с подателем сего или бандеролью по почте рукопись, составленную по моему заказу, то есть *демественное* пение, писанное на обыкновенной нотной бумаге большого формата (высокой, а не продольной); всего в ней страниц 25, так как за *параллельное изложение демества и нот* я сам заплатил раскольнику-певцу кровные 25 рублей, по 1 рублю за страницу. Здесь я получил продолжение этой рукописи, а начало забыл взять из Москвы. Помню и то, что я давал ее смотреть А. Д. Кастальскому, почему спросите и у него на случай³.

Целую Вас крепко. Напишите мне, что и как в дорогом моему сердцу Синодальном училище?

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 26—27 об. На бланке управляющего Капеллой

1. Сочинения архимандрита Феофана, настоятеля Донского монастыря (1832—1850), известного духовного композитора и регента, в очень небольшом количестве входили в клиросный репертуар Синодального хора.

2. О поисках болгарского роспева в русских певческих рукописях, которые производились совместно Смоленским и А. Н. Николовым, см. подробнее в переписке с С. Д. Шереметевым и в Приложении к первой книге данного тома.

3. Местонахождение этой рукописи неизвестно.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 11 сентября 1901

Дорогой Степан Васильевич.

Передо мной три Ваших письма. Буду писать по порядку.

Вы пишете, что почувствовали новую полосу в жизни Синодального училища, и почувствовали «больно»... Я верую этому и понимаю, что сообщенные мною вести не дадут ничего отрадного. Но под влиянием Ваших писем у меня в качестве *contradictio* [противоречия] явилась мысль понаблюдать за дирижером нашего разноголосого и нестройного оркестра: не сознал ли он ненормальность положения? И что же — он не прочь иногда дать явные доказательства покаяния; пока я не хотел бы обмануться в правильности моего заключения и потому позвольте поговорить об этом несколько попозже. Я теперь намекаю лишь об этом в ответ на Ваш чрезвычайно прямой вопрос: ужели не хватит его порядочности понять глупость его положения и поведения?

Я имел несколько «откровенных» бесед с ним. А поводом послужило вот что. Читали мы в Правлении отчет ревизора. Все шло благополучно. Прочли о том, что мера, употреблявшаяся Вами, — заставлять писать ученика письмо к родителям с изложением вины, — по мнению ревизора не педагогична¹. Чтение закончилось не скажу злорадным, но приятным смехом членов Правления — В. С. [Орлова], Н. П. [Попова] и И. И. [Серебrenицкого]. Меня немного покорило от этого смеха, и я решил заявить, что здесь не только нет ничего смешного, но что и многие ревизоры не заслуживают оправдания; что его выражение, будто применять эту меру значит злоупотреблять родительским чувством, — голые слова. Вы можете представить себе, с какою улыбкою вначале были встречены мои слова! «То есть как же это?» — спросили меня. И я ответил. Физиономии освободились от смеха и после не короткого разговора я от В. С. и И. И. услышал слово согласия со мною. Говорили горячо — ведь шел разговор между двумя «партиями», как некие выражаются... Это № 1.

Второй — Вы уже знаете, что Румянцеву отказано в прибавлении уроков. Как-то в учительской зашел разговор о нем, и все отзывались с похвалой о его серьезности, деловитости, трудах; вставил и я свое слово о его печатных статьях, причем все это слушал и Василий Сергеевич. В этот же день после уроков сей последний с «чувством сокрушения» говорил со мною «наедине» о Румянцеве и упрекал меня, отчего я ему не сказал раньше?! Я обо всем заявил «попросту».

Ваш привет и поцелуи Ивану Дмитриевичу [Арбекову] мною переданы лично, и он просил меня передать Вам его глубочайшую благодарность за память... Сей примирен с своею участью, а вот — Николай Иванович, слышно, принес жалобу Константину Петровичу²; о ней уже знают здесь.

Насчет «изведения из темницы». Спрашивал я своего эскулапа — конечно, не рекомендует, но и не отказывает; совет дал — переезжать летом, но никак не зимой. Пишу Вам, дорогой Степан Васильевич, об этом конечно потому только, что пишу Вам обо всем. Кроме же сего — воля Ваша.

Что музыка? Изменения следующие. Совместная игра преподается одновременно 6, 7, 8 и 9 классам. Чтение партитур — так же. Сольфеджио в 1 и 2 классах переданы г. Данилину; ему же отдано и Обычное пение в 5 классе. В остальном — status сохраняется.

Рукописи Феофана переданы мною Кастальскому. Относительно дементственника — в полнейшем затруднении, ибо в училище его нет, а Кастальский делает предположения, что он принадлежит не Вам, а Доманову; впрочем передает, что верно он не знает ничего. Я просил разыскать сего Доманова и по свидании с ним Вам отпишу³.

«Болгарский распев» мною регистрируется и на днях я Вам вышлю список.

Рукописи... До сих пор не решили, как быть... Ведь Его Сиятельство в отпуске... Измышляют такую штуку, что хотят переслать эти рукописи в какое-либо учреждение, вроде Публичной Библиотеки, в котором Вы и могли бы пользоваться ими. Так или иначе, но приезд князя не за горами, и немедленно по решению я Вам сообщу.

Сообщу Вам, что те лица из здешнего хора, которые ездили к Вам, дают пищу слухам вроде следующих. У Вас громадные неприятности со Смирновым; а по секрету скажу — имею сведения, что отсюда хотят даже писать благодарственно-хвалебное письмо сему Смирнову за стойкость характера и самостоятельность⁴. Не зная ничего в подробности, я однако увидел из разговоров, что дело представляется в том виде, будто бы Вам совсем не легко ладить со Смирновым и с певчими. Не знаю, занимаюсь ли я передачею сплетен или нет?!

Много веселого в подобные разговоры вводит передаваемая от Вашего лица речь, будто бы Вы не разлучаетесь с карманной пушкой, которая вскоре должна будет выстрелить... Подробности излишни. Вас, Степан Васильевич, прошу не поставить мне в вину все эти словеса лукавствия, ибо Вы, конечно, понимаете, что, как и почему я пишу.

Шлю Вам привет и пожелание хотя бы выстрелом очистить эту атмосферу.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 26—29

1. Об этой воспитательной мере рассказывается в разных воспоминаниях о Синодальном училище.

2. Речь идет об уволенном Николае Ивановиче Соболевском, который пожаловался в «вышестоящую инстанцию» — К. П. Победоносцеву.
3. См. в дальнейших письмах.
4. 20 июня 1901 Смоленский писал Шереметеву:

Г-н Смирнов, по правде сказать, спас Капеллу и восстановит ансамбль, но не его ума и не его знаний дело о действительном воскресении художественного пения Капеллы. Здесь нужны энергичные, знающие талантливые силы, и, конечно, в недалеком будущем я найду их. Тогда — другое дело, но при том же пока Смирнове, привычном в придворном мире (см. в первой книге VI тома).

Впоследствии отношения Смоленского с маститым регентом Капеллы Степаном Александровичем Смирновым были вполне приятными, и Смоленский искренне оплакивал его кончину в 1903.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 13 сентября 1901

Дорогой Антонин Викторович!

Ради Бога выручайте — прошу Вас слезно: пришлите мне бумаги Разумовского о Бортнянском (только) — мне необходимо написать о нем маленькое сообщение в какие-нибудь полторы недели, а Публичная Библиотека, как на грех, вздумала в этом отделе перебираться на новую квартиру в пристройку — совсем беда — ничего нет под рукой¹. Не черкнете ли кстати, какие статьи о нем появились в последние годы. У меня нет даже Энциклопедического словаря.

Целую Вас крепко. Бумаги возвращу, конечно, без промедления и в целости. Мне-то уж можете доверить. Какие у Вас новости?

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 28. На бланке управляющего Капеллой

1. Речь идет о тех «бумагах» Разумовского, которые оставались в Московской консерватории и, возможно, также в библиотеке Синодального училища. Впоследствии, в 1916, основная их часть была передана в Румянцевский музей, а небольшая часть «осела» в училище и оттуда попала в собрание ОПИ ГИМ. В своей публикации «О деятельности А. Ф. Львова (по материалам прот. Д. В. Разумовского)», вышедшей в «Хоровом и регентском деле» за 1917 (без номера), Преображенский указывает, что в последние годы жизни Разумовский готовил к печати серию биографий церковно-певческих деятелей, в частности Березовского, Бортнянского, Веделя, Ломакина, причем некоторые из этих биографий были почти завершены автором (в частности, биография А. Ф. Львова). Ныне эти материалы остаются неопубликованными и находятся в Отделе рукописей РГБ.

Сведения о Бортиянском понадобились Смоленскому для составления речи на праздновании юбилейной даты этого композитора и директора Придворной капеллы (опубликовано: РМГ, 1901, № 39, 40; подробнее см. в переписке с Шереметевым). Можно заметить, что Преображенский ранее опубликовал в РМГ свой материал о Бортиянском к 75-летию его кончины (1900, № 40): довольно пространный биографический очерк, содержащий весьма точную, взвешенную оценку деятельности Бортиянского на посту директора Придворной капеллы и его духовно-музыкального творчества.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, между 13 и 16 сентября 1901]

Дорогой Антонин Викторович!

Я совершенно забыл о том, что мною оставлено в Синодальном училище весьма ценное для меня имущество, которое во всей подробности знает Павел Григорьевич [Чесноков]. Это — *принадлежащие мне* инструменты детского оркестра А. А. Эрарского¹. Все они сложены в маленькой темной комнатке, находящейся в конце нижнего коридора инструментальных классов (то есть выходящей в проход под домом между залой и квартирами служащих). Убедительнейше прошу Вас немедленно (я так боюсь иметь теперь какие-либо поводы к сношениям с Ширинским-Шихматовым) велеть запаковать их в ящик или в 2 ящика, *стоя*, а не лежа, снабдив надписями «верх, осторожно» — отправить большой скоростью. Тогда я бы встретил эту посылку здесь. Конечно, все это вполне и сполна за мой счет, а за Ваш — только мое заблаговременное Вам и сердечнейшее спасибо.

Душа моя жестоко болит без рукописей и от известий из Москвы, получаемых урывками и разрозненно, через третьи руки, в неверном виде, частью и в пересоленном. О, как много я потерял сердечного в Синодальном училище! Только теперь я понимаю, как глубоко я любил его.

Дела в Капелле налаживаются даже и совсем по-хорошему.

Что Чесноков? Что Орлов? Что музыка и пение на Никитской, № 13?

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Жене — поклон. Александру Константиновичу [Смирнову] — буду писать скоро.

РГИА, ф. 1109, № 107, л 90—91 об. На бланке управляющего Капеллой

1. О детском оркестре А. А. Эрарского и специально для него изготовленных инструментах см. в Воспоминаниях Смоленского (РДМ. Т. IV. С. 353—354). Суть дела состояла в том, что А. А. Ширинский-Шихматов после смерти Эрарского отказался не только продолжать в стенах Синодального училища занятия детского оркестра, но и хранить его инструменты. В результате перевозки в Петербург инструменты значительно пострадали (см. следующее письмо); местонахождение их ныне неизвестно.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 16 сентября 1901

Дорогой Антонин Викторович!

Вот как часто пишу Вам: и радуюсь, беседуя мысленно с Вами, и совещусь, надоедая Вам; более того, однако — печалюсь истинно скорбными вестями о моем любимейшем детище, попавшем в столь пакостные и злые, властные и неумелые руки.

Скорблю и без рукописей. Нечем и мне отводить душу в тиши кабинета, да и задумываюсь о том, неужели мой любовный труд пропадет и будет затоптан на Никитской в каменной комнатке? Ведь теперь уже многое можно извлекать оттуда, и неужели вместо сближения с училищем только удалят от него эту библиотеку? Я понимаю, что личные нелады могут привести к игнорированию и к вымариванию и самой памяти обо мне на Никитской. Неужели однако так ненавистно мое имя там, где была любовь моя?

О, с каким бы интересом я прочитал отзыв Нечаева о ревизии! Если бы можно было, хотя бы *ad futurum* [в будущем], [снять] с него копию за мой счет!¹ Хватить должно у Вас тонкости для такой штуки, и я думаю просить Вас сделать то при случае. Кто знает, на какую службу пригодится такая копия и не придет ли и на мою улицу праздник?

Сердечно благодарю Вас и за заступу в заседании. Все-таки услышали эти инициалы трезвую и правдивую речь. Здесь «в нужных местах» говорят уже о ревизии очень косо, и мне известно, что морально г. Нечаев поплатился за ревизию Синодального училища очень больно, даже и сверх меры. Но об этом после, когда узнаю подробнее и задует погода покрепче.

Весьма я изумляюсь присутствием в училище Данилина... При всей его дарovitости, легкомыслие и неглубокость сердца этого лживого человека не сулят учителя в будущем, и Орлов должен бы был понять это². Ковин Николай — куда выше и работающее³.

Относительно Доманова (Михаил Николаевич — певчий единоверческой Новоблагословенной церкви у Салтыкова моста) не может быть сомнения ни в чем, так как ноты большого и высокого формата бумаги с параллельным текстом нотным и демественным — прямо мои, мною помеченные. Но если эти ноты написаны на бумаге *малого* формата, то есть примерно 6 в высоту и 4 вершка поперек, то это Домановские ноты, заключающие в себе *только* 5-линейное изложение демественного пения, — мне не принадлежат.

Если в Правлении будет обсуждаться вопрос о доставке рукописей мне *согласно* моему заявлению, то я прошу Вас от моего имени заявить, что мне желательно решение этого вопроса именно в той форме, как я его обдумал и поставил по соглашению с Прокурором, князем Ширинским-Шихматовым. Мне будут неудобны и нежелательны какие бы ни было изменения в том, что мне

было вполне обещано и притом вполне определено. С другой стороны, и мое положение в этом деле вполне исключительно и вполне ясно. Вполне не желая впутывать в пользование рукописями, мною точно указанными, какое бы ни было третье лицо или учреждение, я, как собравший библиотеку, устроивший ее, положивший на нее массу работы, даже и денег, считаю себя вправе думать, что Правлению не будет угодно удивить меня несогласием на мою просьбу именно сполна. Так как обычные деловые выдачи посторонним лицам в данном случае неприменимы ни по юрисдикции библиотеки училища как училищной и не публичной, ни по моим личным к ней отношениям, ни по отсутствию в ней правил выдачи, то я думаю, что исключительный случай и должен быть разрешен исключительно.

То, что Вы сообщаете мне о предстоящем будто бы письме к Смирнову — непроходимо глупо, пошло и совершенно одурачит Синодальный хор в певческом петербургском мирке. Со Смирновым мои отношения прямо прекрасны, и зачем кому-либо из приезжавших сюда понадобилось такое дикое лганье и еще более глупая выходка — прямо непонятно. Это что-то чересчур нелепое и даже маловероятное.

Не забудьте об инструментах Эрарского и о бумагах Бортнянского. Целую Вас крепко и трижды.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

В день «Людмилы» Глинки,
16 сентября 1901⁴

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 29—30. На бланке управляющего Капеллой

1. Отзыв ревизора, члена Учебного комитета при Св. Синоде П. И. Нечаева, содержащий критику деятельности Смоленского на посту директора Синодального училища, цитируется в книге В. М. Металлова «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и настоящем» (М., 1911; см.: РДМ. Т. II, кн. 1).

2. Отзыв Смоленского о Николае Михайловиче Данилине, в будущем достойном премнике В. С. Орлова на посту регента Синодального хора, замечательном музыканте, скорее всего связан с непростым характером Данилина, который проявлялся и во время его обучения в Синодальном училище, и позже.

3. Николай Михайлович Ковин, один из самых любимых учеников Смоленского, стал впоследствии педагогом в основанном Степаном Васильевичем Регентском училище (см. также в переписке с С. С. Волковой).

4. Имеются в виду именины А. И. Шестаковой, сестры Глинки, с намеком и на оперу «Руслан и Людмила».

Преображенский — Смоленскому

Москва, 24 сентября [1901]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Со страхом отправляю Вам накладную! Моя доверчивость не послужила бы причиной порчи Ваших вещей. Я поручил дело отправки, должно быть, неразумному человеку, который не сумел как следует сделать его. Прошу Вас — извините меня в том!.. Вещи отправлены даже малой скоростью вопреки моему слову — отправить большой. Что поделаешь с такими «служителями»?

Стоимость упаковки и пересылки прошу принять в качестве первого взноса... за Ваш рояль — в сумме 21 руб. 42 коп.¹

Об училищных делах пока не пишу, ибо в оных — затишье.

Готовятся праздновать память Бортнянского и у нас — 28-го обедней, а 7-го концертом².

Кстати — не хотите ли приобрести Разумовского у Клочкова (Литейный, № 55) — по каталогу 290-му № 815 — ценою 8 рублей³.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 55—56

1. Очевидно, Смоленский при переезде в Петербург продал Преображенскому «в рассрочку» свой любимый рояль фирмы Дидерихс. Новый рояль, приобретенный в Петербурге, ему пришлось, однако, продать при уходе из Придворной капеллы, так как инструмент не помещался в квартире на Фонтанке. Из дальнейших писем можно заключить, что в конце концов он либо забрал обратно свой Дидерихс, либо приобрел пианино этой фирмы.

2. Концерт Синодального хора под управлением В. С. Орлова, посвященный памяти Д. С. Бортнянского, состоялся 12 октября (программу см.: РДМ. Т. II, кн. 1. С. 771).

3. Скорее всего, имеется в виду «Церковное пение в России». В фонде Н. Ф. Финдейзена в РНБ сохранилась сделанная его рукой копия надписи Смоленского на экземпляре книги Д. В. Разумовского (ф. 816, оп. 3, № 2690, л. 1—1 об.):

Этот экземпляр заменил мой бывший рабочий экземпляр, снабженный многочисленными выписками и примечаниями. Полученный мною от достопочтенного о. Дмитрия Васильевича в 1875 [1876?] году, при начале нашего знакомства, рабочий экземпляр его книги послужил и мне, пока я не имел неосторожность дать его ученику Синодального училища, давно уже покойному Геннадию Троицкому, у которого, по дороге в Крым, книга была похищена со всем багажом.

Далее Финдейзен зафиксировал надпись на титуле данного экземпляра: «Глубокоуважаемому Ст. Вас. Смоленскому в день Ангела 28 октября 1898 года. А. Богатенков» и комментарий Смоленского:

Подаривший мне эту книгу Алексей Прокопиевич Богатенков — мой старый приятель и отличный певец, был в 80-х годах дьяконом в старообрядческой Карповской моленной (австрийского согласия) в Казани. Затем он был долгое время делопроизводителем у Московского старообрядческого архиепископа и, наконец, сам стал епископом Рязанским, приняв в иночестве имя Александр.

Об А. П. Богатенко см. подробнее в переписке с С. Д. Шереметевым. Согласно записи Финдейзена, в книге Разумовского имелись заметки Степана Васильевича. Местонахождение данного экземпляра «Церковного пения» неизвестно.

Смоленский — Преображенскому

18 октября [1901]

Милый мой Антонин Викторович!

Что это от Вас ни строки? Здоровы ли Вы? Не болит душа? Очень я скучаю, очень скучаю по Москве. Не знаю уже, хандрится ли сегодня или нездоровится, а так вот и перебираю в памяти и людей, и комнаты, и шкапы с рукописями. О последних послал уже к Оберу надлежащее писание, заручившись сначала при свидании с ним, что выйдет по-моему¹. Ну, а как поживает милое моему сердцу, незабвенное для меня Синодальное училище, как поет хор, как справили в Москве память Бортнянского (злодей — Н. Ф. Финдейзен не дает мне оттисков, да и только! как получу — вышлю²), что Орлов, Кастальский, Чесноков и все товарищи? Отпишите мне поподробнее. В газетах ничего не было про Ваш концерт. Не читали ли Вы речь? Что Металлов, ну, «pour la bonne bouche» [«на закуску»] — что Попов и его патрон? Как учатся мальчики?

Целую Вас крепко. Здесь дело налаживается очевидно. Насчет воспитателей — тоже.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 91—92

1. Это письмо Смоленского к обер-прокурору Св. Синода не сохранилось, но в 1904 вся история с выдачей рукописей из библиотеки Синодального училища повторилась, и Смоленскому пришлось вновь обращаться за помощью к обер-прокурору (см. его письмо к К. П. Победоносцеву от 21—22 сентября в первой книге тома).

2. Речь идет о публикации в РМГ речи Смоленского памяти Бортнянского.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 26 октября 1901

Дорогой Степан Васильевич.

Вы не поверите, как тяжело мне чувствовать вину пред Вами за непорядочное отправление инструментов Эрарского! Я отпустил ящики после их осмотра, видя надписи: «верх», «осторожно» на каждом из них, но оказалось, что служитель так плохо их запаковал, что на вокзале пришлось делать все снова. Об этом он мне сказал лишь после отправки... Не знаю, как избыть этой вины...

За время моего молчания в училище случилось, конечно, немало событий, интересных и для Вас; но событий не радостных, а печальных, ибо герои — рыцари печального образа... Во главу должен быть поставлен акт полного провала нашего главного рыцаря. После первого концерта в память Бортнянского, на котором, кстати сказать, пели не так уж важно, была назначена репетиция для учебных заведений¹. Подвернулся такой день, что наш рыцарь был зело... опечален. Однако дирижировать вышел. Промежутки между отдельными нумерами становились длиннее, вздохи дирижера, подпевание — невыносимее... Публика наполовину не понимала, в чем дело, и спрашивала, кто из басов начинает не вовремя или откуда эти вздохи; а наполовину поняла истинную причину. На грех принесло и Его [Сиятельство]... Достаточно было одного момента, чтобы и он понял, в чем дело. Его [Сиятельство], конечно, тотчас отправился домой, а на второй день потребовал рыцаря к себе, где, как говорят, произошел откровенный обмен мыслей... После этого разговора будто В. С. едет в отпуск... Я знаю только одно, что после сего случая он хочет быть вполне исправным — посещает училище, бывает на уроках, делает распоряжения². Остального не знаю.

Другой прискорбный факт — это удаление о. Цветкова; я говорю — удаление, а не уход потому, что поводом послужило посещение Его Сиятельством урока Цветкова и сделанные чрез меня замечания³. Его Сиятельство после заявления Н. В. о нежелании служить дошел даже до того, что приглашал его к себе с целью отговорить, но Н. В. настоял на своем. Инцидент произвел удручающее впечатление. Оно усилилось еще целым рядом замечаний по поводу уроков, сделанных между прочим мне по поводу дидактики в 9 классе и новому о. Строганову — церковной истории в 7-м. Не знаю, насколько искренно, сей последний заявил мне, что после таких замечаний он готов хоть даже и оставить преподавание. Я лично на указания возражал в легкой форме, но что наши возражения!? О князь, о князь! Разве это не глупо? Он, видите ли, посетил первоклассников и уверился, что они не знают, ибо не видали никогда, некоторых домашних животных. Отсюда предписание — чтобы учитель церковноприходской школы хотя раз в месяц производил бы чтение о домашних животных с демонстрацией картин!.. Зачем-то велено не допускать ношения учениками даже царских часов. Теперь идет речь о том, чтобы учеников 9 класса водить в Успенский собор для

ознакомления с архиерейской службою. Об этом, впрочем, Вы, дорогой Степан Васильевич, узнаете из прилагаемой копии ревизорского отчета, который я списал в точности, опустив лишь заключения Учебного Комитета, касающиеся каждого ревизорского указания и понятные из текста. Прошу извинить за неряшливость — торопился, боялся упустить благоприятный момент.

На Ваш вопрос — не болит ли у меня душа — отвечаю, что она в каком-то безразличном настроении, не хочет войти во вкус всех совершающихся здесь событий, и ее отношение к ним можно выразить словами: к сожалению...

Привет Вам, дорогой Степан Васильевич, в день Вашего Ангела и пожелание от всей души — многих лет.

Благодарю за Бортнянского.

Ваш Антонин Преображенский.

Глубокий поклон глубокоуважаемой Анне Ильиничне.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 30—31 об.

1. Этот «домашний концерт» для учащихся высших и средних учебных заведений состоялся 17 октября.

2. Речь идет о В. С. Орлове и А. А. Ширинском-Шихматове.

3. Протоиерей Николай Васильевич Цветков преподавал в училище катехизис и церковный устав с 1898 по 1901.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 8 ноября 1901

Дорогой Антонин Викторович! По текстовому нотному тематическому указателю нетрудно определить № 8-голосной редакции этих Праздников, басовая партия коих выписана на прилагаемом листке¹.

Простите, что тревожу Вас постоянными моими докучливыми просьбами. Не откажите вместо письма написать только цифру и прислать все эти бумаги открытой бандеролью в Общество Любителей Древней Письменности (Фонтанка, 34).

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 31

1. Листок не сохранился. В работе «О древнерусских певческих нотациях», которую готовил к выпуску в свет Смоленский, партесные «Праздники» не упоминаются.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, ноябрь 1901]

Дорогой Антонин Викторович!

Проверьте, пожалуйста, верны ли №№ рукописей и страницы их в снимках издания «О древнерусских певческих нотациях» — сделайте мне эту истинно дружескую услугу. Корректурный оттиск при сем. Нет надобности проверять все даты, но я очень боюсь за неверность указаний под снимками с рукописей Синодальной Типографии и Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. О них именно и моя просьба. Посему не откажите проверить даты под снимками на стр. 14, 28, 29, 30, 46, 47, 48, 87, 89 (это оттуда, где Сказание Евфросина), 95.

Я понимаю, как бессовестно я злоупотребляю Вашим ко мне расположением, как я заставляю Вас во имя науки и прочности столь немногих книг по нашей науке, — заставляю Вас сходить на Никольскую и в Кремль, но будет очень жалко напечатать вздорные цифры №№ и листы рукописей и получить хотя мысленные укоризны по этому поводу. Вероятно, при Ваших снимках, дома находящихся, найдется большинство надобных цифр. Впрочем, я облегчаю этими словами только свой стыд перед Вами.

Прошу Вас *по возможности скоро возвратить эту корректуру*, так как меня очень торопят ее напечатанием. Если Вы заинтересуетесь ее содержанием и вздумаете прочесть мое последнее детище, то прошу Вас взять в руки карандаш и, при случае, отметить пропущенные мною опечатки.

Ну, а Вы как здравствуете? Если увидите Дмитрия Андреевича [Быстрицкого] (а он, кажется, сегодня именинник), то передайте ему мой товарищеский привет. Как здравствует столь незабвенное для меня Синодальное училище?

Здесь в Синодальном ведомстве большой переполох из-за статей Стаховича о свободе исповедания и непереследовании и по поводу таких молодцов, как Шемякин и Мироносицкий (С.-Петербургские ведомости)¹. Бегу сейчас насладиться репетицией незабвенного Вас. Серг. Калининкова, симфонию коего будет дирижировать приятель Кленовский². Посему, если увидите милейшего Виктора, — скажите ему мой привет, а его невестке — сугубый³.

Вас целую от *всего* сердца и заранее благодарю, хотя и дуюсь на Никитскую, что забывают писать мне, чтобы утишить мою боль сердечную.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Дело у меня здесь налаживается хорошо. Павла Григорьевича [Чеснокова] целую.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 93—94

1. Имеется в виду речь предводителя орловского дворянства М. А. Стаховича на Миссионерском съезде в Орле, в которой выдвигалось требование «свободы совести»,

в частности разрешения «безнаказанного отпадения от православия». Это выступление вызвало весьма большой общественный резонанс. Как оппонентов Стаховича Смоленский называет члена Училищного совета при Св. Синоде Порфирия Петровича Мироносицкого (он был также регентом и учителем церковного пения) и Василия Ивановича Шемякина, который служил в Министерстве народного просвещения (наблюдатель над церковными школами), а затем заведовал статистическим отделом в Училищном совете.

2. Композитор и дирижер Николай Семенович Кленовский вскоре стал, по приглашению Смоленского, помощником управляющего Придворной капеллой. В 1893—1894 Кленовский преподавал в Синодальном училище теорию и гармонию, а затем отбыл в Тифлис на пост директора музыкального училища ИРМО.

3. Имеются в виду преподаватель Синодального училища, композитор Виктор Сергеевич Калинин и вдова Василия Сергеевича Калининкова Софья Николаевна (урожденная Ливанова).

Преображенский — Смоленскому

[Москва, ноябрь 1901]

Дорогой Степан Васильевич.

При всем старании послать Вам корректуру сегодня — не успел, ибо снимок № 10 поставил меня в тупик... Я готов был отказаться от возложенного на меня поручения, но случайно подвернулась под руку книга — и готов.

Ваш очерк в печатном виде завиден... а по содержанию увлекателен. Пользуясь тем, что он у меня под руками, я прочел его с наслаждением.

По «секрету» скажу Вам, что с новой должностью я лишил себя тех свободных часов, которые проводил в библиотеке, и очень жалею, что не могу проверить точности снимка Есфигменского Ирмолога¹.

Здесь идет слух, что Вы приезжаете в начале ноября сюда. Правда ли это?

Ваш Антонин Преображенский.

Снимок № 32 — не отыщу.

№ 3 — л. 124 об.

№ 5 — Устав церковный — так прозывается эта книга в Описи Типографской библиотеки, № 142, л. 91 об.

№ 6 — *ibid.*, л. 102 об.

№ 7 — Типографской библиотеки, № 151, л. 134.

№ 9 — рукопись Епархиальной библиотеки, № 60, л. 150.

№ 10 — рукопись Епархиальной библиотеки, № 16, л. 113.

№ 11 — рукопись Синодальной Библиотеки из собрания Успенского собора, № 55.

№ 38 — Устав Типографской Библиотеки, л. 107 об.

№ 39 — из собрания Успенского собора. <...>²

И только.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 32—33

1. В работе Смоленского о нотациях приводится снимок одного листа знаменитого Есфигменского Ирмолога (то есть книги из афонского монастыря Есфигмен), который датировали тогда X—XI веками, периодом принятия Русью христианства. Эта нотированная книга была известна в фотоснимках 8-ми ее страниц, сделанных на Афоне известным археологом П. И. Севастьяновым. В работе Смоленского письмо Ирмолога квалифицируется как «русские знамена над греческим текстом». Это ошибочное заявление (на самом деле греческие здесь и текст, и нотация) было через несколько лет опровергнуто К. И. Пападопуло-Керамевсом (см. в дальнейших письмах).

2. Опущен краткий список замеченных Преображенским опечаток.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 3 ноября [1901]

Дорогой Антонин Викторович!

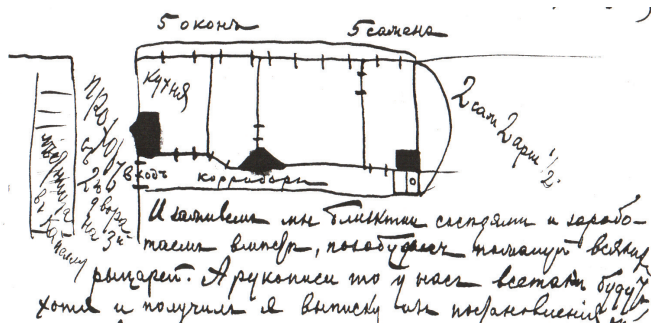
Уж право и не знаю, «киими похвальными словесы» выхвалить Вашу дружескую мне услугу насчет «древнерусских певческих нотаций». Не могу скрыть от Вас и глубокого удовлетворения, которое почувствовал я от Вашего снисходительного отзыва об этой брошюрке. Спасибо Вам за все. Когда-нибудь, а все же сочтемся.

Что же значит, что не находится у Вас более времени, чтобы посещать музеи и библиотеки? Ужели Вы так заняты?

Не могу сердечнейше не поблагодарить Вас за депешу к 28-му, полученную мною от всех моих дорогих высших товарищей. Но еще более я тронут вечерним пированием 9-ти и их приветом. Такое празднование именин своих я даже и не знаю к чему приравнять. 28-е вечером я провел дома и мысленно проводил время со всеми московскими друзьями, один, перебирая в памяти былое, проглядывая альбомы, перечитывая свои дневники. Много, очень много прошло перед мысленными восстановлениями всякого прошлого — истинно изумительного и радостного. Спасибо за все!

Здесь дело — очевидно налаживается к хорошему, хотя трудновато мне живется от налаживанья. Проект о воспитателях уже прошел, и точка над ним будет скоро поставлена, к сущей моей радости, ибо и мне будет покойнее, когда все будет порядочнее и заработает вовсю.

Я очень устал. С мая и до сего дня работаю не покладая рук, и Вы не ошиблись в том, что я думаю передохнуть, побывав в Москве на 2—3 дня — но вполне инкогнито и только для свидания с очень немногими, в том числе и с Вами (конечно, не в училище). В это свидание перетолкуем и о переезде в Петербург, где готовлю Вам хотя и очень малую, но все же достаточную квартиру в таком виде — на первое время.

И заживем мы близкими соседями и заработаем вместе, позабудем, пожалуй, всяких рыцарей. А рукописи-то у нас все-таки будут, хотя и получил я выписку из постановления от 30 октября — но только помалкивайте¹. Вскоре Его [Сиятельство] приедет и получит здесь все надобное через Обера, а если не уймется, то, пожалуй, тогда треснем и совсем крепко.

Опишите мне, как провели вечерок 28-го и где. Что это за подпись Терновский?²

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 88—89 об.

1. Имеется в виду постановление совета Синодального училища о выдаче Смоленскому рукописей; Степан Васильевич был уверен в получении книг несмотря на это постановление. Подробнее всю историю с получением в Петербурге рукописей из библиотеки училища см. в переписке с Победоносцевым в первой книге тома.

2. Сергей Владимирович Терновский был преподавателем арифметики в училище в 1901—1902; как выпускник Казанской духовной академии он мог быть знаком со Смоленским и принять участие в праздновании его именин в Москве.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, ноябрь 1901]

Дорогой Антонин Викторович!

Что это от Вас не имею ответа на письмо с планом квартиры (которую уже начнут скоро ремонтировать)? Здоровы ли Вы? Пишет мне кто-то, что у

Вас болит будто бы горло? будто бы голос пропал? Вполне понимаю, что у Вас должны ходить нервы, ибо у кого же ныне они в порядке?

Узнал о безвременной кончине Василия Федоровича Комарова¹ — Боже Вас сохрани вступить в члены Наблюдательного, или «пенкоснимательного», Совета (по словам С. Н. Кругликова). А жалко очень лишиться Комарова. Этот «Же моль» был все же благодущный человек, а его жену я полюбил еще со школьной (1856 год) скамейки, — мы так и величаем друг друга по немецкой школе «камрадами».

Ну, а что мои бывшие камрады по Синодальному училищу? Чрезвычайно интересуюсь ими. Вероятно в конце ноября или в начале декабря как-нибудь урвусь на денек.

Все не могу вспомнить день Вашего ангела, о котором Вы мне как-то сказали, а теперь я, по начинающейся старости, забыл. А очень бы хотелось мне приветствовать Вас.

Не поскучайте справкой о рукописи из Общества Любителей Древней Письменности².

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 87—88

1. Василий Федорович Комаров, регент, композитор, исследователь духовного пения, член Наблюдательного совета при Синодальном училище, скончался 3 ноября 1901. Синодальный хор пел на панихидах по Комарову, Наблюдательный совет постановил повесить в училище портрет покойного. Смоленский знал Комарова с молодых лет, с его супругой, как явствует из письма, учился в казанской Petrischule. Подробнее о В. Ф. Комарове и его трудах по церковному пению см. третий том РДМ, где опубликована его основная работа «Средства к улучшению церковного пения».

2. В числе прочего Смоленский занимался описанием певческих рукописей из собрания ОАДП и личной коллекции графа С. Д. Шереметева; его описания сохранились в фонде ОАДП в РНБ. Возможно, в данном случае речь идет об одном из таких описаний.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 12 ноября 1901

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Ко всем нашим злключениям прибавилось еще одно — заболевание учеников скарлатиной. Двое — Таиров и один вновь поступивший — уже отправлены в городские больницы. Двое подозрительны. Что будет дальше — неизвестно, но распушения, по мнению врача, не избежать. Теперь же — то осмотр, то при-смотр... и проч. Впрочем, здоровье Таирова — в безопасности.

И знаете, когда я, получивший Ваше последнее письмо, прочел Ваше недоумение по поводу моего молчания, я удивился, — мне думалось, что только накануне я получил это письмо. Оказалось, что после того прошло 4 дня... Так быстро летит для меня время.

Под влиянием Вашего же вопроса по поводу прекращения моих посещений библиотек я решился сделать исключение на некоторое время и не торчать в училище в качестве spectator'a [наблюдателя]... и ушел в Архив Министерства Иностранных Дел, где еще ни разу не был. Ввиду того что я не мог указать никого из знакомых в качестве «поручителя», меня даже и не допустили до рукописей. Хотя во второе посещение, когда я принес целую бумагу, сам Белокуров¹ нашел это излишнею придирчивостью. Он же не прочь воспользоваться моими услугами для описания певчих рукописей Архива. Разговор об этом мне еще предстоит в будущем. И, вероятно, только разговор, ибо... вот Вы и квартиру готовите...

Спасибо глубокое Вам, дорогой Степан Васильевич, за Ваше сердечное отношение ко мне... Вы спрашиваете моего совета насчет плана квартиры — мой ответ один: глубочайшая благодарность и признательность Вам.

Всегда Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 34—35

1. Сергей Алексеевич Белокуров (1862—1918), историк и археограф, служил в Архиве Министерства иностранных дел с 1886 по 1918.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 29 декабря 1901

Дорогой Антонин Викторович!

Что такое у Вас творится с Орловым, ныне уже и «притчею во языцех»? И жалко и досадно мне на него, больно и за училище с хором!

Вы мне писали о какой-то новой бумаге о доставлении мне рукописей, но в словечке одном, так что и понять нельзя, что такое за новое осложнение. Меня уверил здесь Обер, что все по-моему, а из Ваших слов этого не видно.

О воспитателях здесь скоро дело будет кончено по-хорошему, и тогда и поговорим.

Сказали мне, что А. В. Никольский пишет ядовитое приветствие о. В. М. Металлову за статью в «Вере и Знании». Правда ли и в чем суть возражения, сообщите Александру Дмитриевичу Кастальскому — рвет и мечет будто бы¹.

Что у Вас новенького? С Новым годом! Целую Вас крепко.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 32. На бланке управляющего Капеллой

1. Имеется в виду статья В. М. Металлова «Церковное пение в России в его прошлом и настоящем», опубликованная в журнале «Вера и Церковь» (1901, кн. 7). Статья А. В. Никольского на эту тему не известна; что касается А. Д. Кастальского, то он сокрушительно высказался по поводу новых публикаций Металлова в двух письмах к Смоленскому от декабря 1901 (см.: РДМ. Т. V. С. 583—589). Наибольший гнев Кастальского (по-видимому, также и Никольского) вызывало «менторское» отношение Металлова к новому духовно-музыкальному творчеству, начиная с Чайковского и Балакирева и кончая Кастальским, Гречаниновым, Чесноковым и проч. Со временем этот конфликт только углублялся и в конце концов привел к уходу Металлова из Синодального училища.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 11 января 1902

Дорогой Степан Васильевич.

Как-то незаметно прошло уже целых 10 дней «нового» года... быть может потому незаметно, что «нового» они не принесли ничего. Училище переваливает из одного дня в другой пока без заметных конвульсий, ибо учебное время взяло свое, колея протоптана. Вчера вечером в присутствии Наблюдательного совета происходила апробация Н. М. Данилина в роли регента Синодального хора. Для меня это было новостью, объяснение которой дали мне в том смысле, что «остается лишних 600 рублей, которые девать некуда и которые пригодятся Данилину». Соображая все данные, я размышлял: у Синодального хора теперь целых, если можно так сказать, 4 регента — Орлов, Кастальский, Чесноков и Данилин. В одной скорлупе — 4! Могут ли они долго ужиться в ней? Вспомнился тут мне недавний рассказ А. Н. Гладкого о том, что он не может сдать квартиры бывшей Орлова, ибо она принадлежит «регенту», который непременно будет, а настоящий регент Кастальский останется при хоре в качестве пенсионного композитора. Ничего в точности не понимая, я все вышеизложенное решил принять к сведению...

Завербованный Вами в воспитатели Капеллы — Васильев поведал мне все бывшее¹. О нем я могу сказать — се воистину израильтянин, в нем же лести несть. По крайней мере таков он был в академии. Хотя, конечно, нужно вспомнить, что он — хохол. Его заедает провинция, его служба — в епархиальном училище — не обещает много хорошего, и я понимаю, что он уцепился за ту веревочку, которую Вы ему бросили.

О рукописях я писал Вам, что в силу бумаги Обера [обер-прокурора], рекомендующей высылать Вам рукописи на основаниях, выработанных Правлением, Вы можете получить лишь 2—3 рукописи зараз, а по миновании надобности в одной может заменить ее другою. На днях впрочем О[бер] говорил, что Вы «добиваетесь» осуществления своего желания в той форме, в какой было оно изложено в Вашей просьбе.

О ядовитом приветствии о. Металлову от А. В. Никольского не слышал. Василию Михайловичу за последнее время вообще достается...

Сейчас будучи в библиотеке, я уронил свой взгляд на переданную мне связку Вашей переписки и вспомнил, что ее положение в библиотеке не оформлено еще². Нужно ли и как это сделать.

Ваш Антонин Преображенский.

Мой почтительнейший привет глубокоуважаемой Анне Ильиничне.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 36—37 об.

1. Григорий Степанович Васильев (род. в 1871), воспитанник Казанской Духовной академии, с августа 1902 стал воспитателем в Придворной капелле, с марта 1907 — старшим воспитателем.

2. Вероятно, Преображенский говорит о том собрании писем разных лиц, которое Смоленский оставил в библиотеке Синодального училища при отъезде из Москвы (ныне в ОПИ ГИМ), хотя сам Смоленский в следующем письме понимает под «связкой» лишь текущую свою переписку с правлением Училища.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 22 января 1902

Дорогой Антонин Викторович!

Спасибо Вам за письмецо Ваше! Переписку мою о высылке рукописей полагаю ничтожною и не стоящую внимания, а тем более выделения во что-либо особенное вроде переплета. Впрочем — как знаете.

Дело о воспитателях затянулось по глупому предлогу пересмотра штатов всего Министерства Двора. Да по правде сказать, сейчас мне и не до воспитателей, так как бой идет самый жестокий и во всю мочь. Гоню из Капеллы моего «помощника» Ляпунова и беру Кленовского; гоню Азеева, помощников учителей пения Варгина и Попкова, беру Ал. Чеснокова и П. Толстякова. С последним — целый скандал в Экспедиции заготовления государственных бумаг, где при первом же известии о предстоящем его переводе ко мне тут же уволили его, с изгнанием из квартиры, в три дня! Сплетен, волнений — без конца! Пахнет в воздухе взрывом, и очень я опасюсь каких-либо неожиданных осложнений и бомб, на которые такие мастера выработались в придворном ведомстве. Уж и подлец же народ в Петербурге — совсем как князь Ширинский-Шихматов! То же предательство с галантностью, та же наглость с достоинством — фу, пакость какая! Только здесь прибавлена еще доля самого непроходимого холопства и самой беззастенчивой подлости. Оттого и крушу я направо и налево без всякой жалости, со злостью, бью прямо смертным боем. Оттого же однако вчера я был у врача, ибо у самого нервы ходуном ходят.

В субботу жена выезжает на несколько дней в Москву повидать и поразвлекаться, а я сижу здесь до Страстной, когда прибуду передохнуть к московским приятелям.

Странно мне, что остановили выбор на таком лживом верхогляде, как хотя бы и даровитый, но малосерьезный и очень поверхностный Данилин. Куда бы лучше его Чесноков и даже Климов и Тихомиров². Недостаток благородства в Данилине прямо противен, и я сомневаюсь, чтобы он хорошо работал.

Ну, а как Ваше здоровье? Очень бы желал я слышать о том хорошие известия! Поклонитесь от меня милейшему Александру Дмитриевичу и скажите ему, что я жду от него письма № 3 о Металлове и что 29-го в концерте мы поем его «Милосердия двери» — плохо, даже очень плохо, — но все же поем. Поем еще и «Се что добро» Ипполитова-Иванова — вот весь порох концерта, остальное же — старое старье³.

Целую Вас крепко. Нет времени писать еще.

Впрочем, вот еще что вспомнил: а что же справка о болгарских напевах в рукописях? Ан. Николов занимается здесь и очень хочет написать статью о греческой нотации вроде грамматики Бурго дю Кудре⁴. У Вас лично и в книгах Синодального училища ведь много по этой части найдется. Вероятно, я могу надеяться, что Вы не откажете дать мне возможно подробную справку об имеющихся в книгах Ваших и училища материалах для составления такого исследования? Один журнал Пападопуло-Керамевса, полагаю, даст немало⁵. Тогда я мог бы направить Николова к Вам. Он читает по-гречески вполне свободно, да к тому же и умен и прилежен, знает греческое нотное письмо.

Ответьте мне по сему, пожалуйста, на отдельном листке.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 33—34. На бланке управляющего Капеллой

1. Павел Нилович Толстяков (впоследствии пользовался псевдонимом «Драгомиров» для отличия от своего брата — тоже регента и духовного композитора Николая Ниловича Толстякова) был по окончании Синодального училища «распределен» в Петербург, в Экспедицию заготовления государственных бумаг, где имелась домовая церковь и, благодаря меценатству главы Экспедиции, князя Б. Б. Голицына — профессиональный хор. Письма Толстякова к Смоленскому 1899—1900 годов показывают те трудности, с которыми сталкивались совсем молодые выпускники училища на регентском поприще (см. в настоящем томе).

2. О М. Г. Климове и его назначении в Капеллу см. в переписке с С. С. Волковой. Выпускник Синодального училища Дмитрий Максимович Тихомиров был учителем пения в Краснодарской духовной семинарии, затем в епархиальном женском училище в Екатеринодаре.

3. Концерт Капеллы 29 января 1902 отрецензирован Н. И. Компанейским в РМГ (см.: Компанейский Н. И. Современное демество // 1902. № 5. Стб. 141—145). В программе

второго отделения, помимо названных сочинений А. Д. Кастальского и М. М. Ипполитова-Иванова, находились также «Блажени яже избрал» П. И. Чайковского и «Тебе Бога хвалим» Н. А. Римского-Корсакова; первое отделение концерта посвящалось творчеству директоров Придворной капеллы — Д. С. Бортнянского, А. Ф. Львова, Н. И. Бахметева, к чему добавлялись также переложения Н. М. Потулова. Рецензент с похвалой отзывался и о «свежести» программы, и о звучании хора: «Пение сделалось как-то свободнее, увереннее и голоса звучат, в особенности тенора, светлее» (Стб. 145).

4. Грамматика Бурго Дюкудре — это книга «Очерки греческой церковной музыки» (Bourgault-Ducoudray L. A. Etudes sur la musique ecclésiastique grecque: Mission musicale en Grèce et en Orient. Paris, 1877).

5. Под журналом палеографа и византиниста, сотрудника Петербургского университета А. И. Пападопуло-Керамевса (старшего брата упомянутого выше К. И. Пападопуло-Керамевса) понимаются, возможно, выпуски его каталога Иерусалимской патриаршей библиотеки, которые печатались с 1891. С другой стороны, речь может идти о журналах, в которых публиковался этот ученый — то есть о «Византийском временнике» и «Записках» Палестинского общества.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 4 февраля 1902

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

По своему некрасивому обыкновению я доселе не собрался ответить Вам на Ваше последнее письмо. Не столько так называемые «дела», сколько сильно приподнятое в последнее время настроение мешало мне сосредоточиться и уравновесить себя. Вот что произошло. Требование свыше выслать как бы то ни было все требуемые Вами рукописи не могло, конечно, понравиться нашему «всемоге», и он, не без участия известного приспешника, предписал, чтобы рукописи высланы были только после тщательного описания по программе, установленной для рукописей Синодальной Библиотеки. Бумага об этом мне была показана — и только. Между тем нужно было писать журнал о сочинениях¹, и Н. П. [Попов] спросил меня, нельзя ли написать об этом так называемый летучий протокол. Слыша об одних только сочинениях, я, разумеется, согласился. Но получив в свои руки журнал, я увидел, что последней статьей помещено постановление о рукописях. Я — к В. С. [Орлову]. «Подайте особое мнение». — «Не могу, ибо не было заседания». — «Как вам будет угодно». С тем и расстались. Я было решил уже писать это особое мнение в том, конечно, смысле, что программа описания рукописей ненотных во многом — иная, чем нотных, и что нет решительно никаких оснований описывать часть рукописей по другой программе, чем это сделано было раньше для рукописей нашей Библиотеки, что программа была утверждена самим Правлением. Но по зрелом размышлении решил, что не стоит поднимать всей этой истории. Им хочется

задержать рукописи как можно дольше, но ведь если я представляю описание в скором времени и по своей программе, то дело от этого только выиграет. И вот теперь целые дни провожу в Библиотеке и наслаждаюсь теми прекрасными рукописями, которые Вы так резонно выбрали для своего пользования. Но как назвать это мелкое мстительство? хоть не выгорело, а все же поартачимся... И так ведь изъязвляем... Пусть напоследки потешатся.

В общем дела не важны... Впрочем, особенно жаловаться не будем...

Относительно болгарского роспева, я немало виноват пред Вами. Молчание мое вызвано тем, что при всем моем старании отыскать побольше песнопений этого роспева, нашел я их не так много, чтобы стоило на них обращать внимание. Кроме общеизвестных почти все другие отмечены у Вознесенского в его последнем издании о болгарском роспеве². Но Вы теперь пишете о греческих знаменах и напевах, которые интересуют г. Николова, и я могу сказать, что греческих рукописей у нас в Библиотеке очень немного и едва ли они представляют какой-либо особый интерес.

В последних строках моего письма позвольте просить Вашего снисхождения к моему сему письму, оно писано мною на только что приобретенной мною по случаю пишущей машине («настоящий Ремингтон»). Вы простите меня, что я поддался столь понятному для новичка искушению испытать новинку.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 38—39 об.

1. Имеется в виду журнал заседаний Наблюдательного совета, в котором помещались отзывы на присланные в Синодальное училище новые сочинения и переложения.

2. См.: Вознесенский И. И. Образцы осмогласия роспевов киевского, болгарского и греческого. Рига, 1893. О разных поздних роспевах речь идет и в переведенной И. И. Вознесенским книге И. де Кастро «Метод греко-славянского церковного пения...», которая была издана в 1899 и отрецензирована Преображенским в РМГ (1900, № 4).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 7 февраля 1902

Добрейший друг сердца, дорогой Антонин Викторович.

Посвящаю Вам первый опыт моего письма на машине. Радуюсь одновременно трем неожиданным для меня радостям: свободному часу, удовольствию побеседовать с Вами при первом моем дебюте на пишущей машине и предвкушаемому удовольствию поработать над имеющими прибыть рукописями. Особенно радуюсь сию минуту, после первой в Капелле спевки, проведенной мною самим в занятиях по изучению панихиды древними роспевами¹. В ответ на Ваш первый дебют на машине могу повторить любимую поговорку моего покойного

батюшки: во всякой пакости всегда можно найти даже прекрасное. Вот и в Вашем невольном описании рукописей провижу превосходное сокровище в виде схемы образцового будущего систематического каталога всех певчих книг, так как, нечего греха таить, не постыдился я выбрать самые наилучшие рукописи. Вот Вам и сюжет для будущей диссертации, писать которую Вам будет и приятно, и полезно.

Нельзя сказать, чтобы дебютанты писали скоро на пишущих машинах: вот уже целый час, как я выстукиваю это письмо, и должен сознаться, что устал в высшей степени. Целую Вас крепко и благодарю за Ваше милое письмо. Надеюсь и, кажется, не ошибаюсь, что не только в дружбе, службе, науке, но даже и в перемене пера на машину мы идем рядышком².

В недалеком будущем, вероятно, я найду прочные основания сообщить Вам нечто серьезное о тайно между нами условленном. Дело близится к скорому окончанию.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 35

1. О «Панихиде древних роспевов» Смоленского см. в переписке с Шереметевым.

2. В отличие от Преображенского, скоро и вполне профессионально овладевшего машинописью, Смоленский более к этому не возвращался.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 24 марта 1902

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Вы меня немного знаете, и потому едва ли Вам будет трудно понять меня. В последнее время мое состояние стало не совсем обычным: исчезло то, что для меня было более всего желательно — спокойствие. Вместо него явилось какое-то нервничанье, мне столь мало свойственное: я стал злее, и, что всего досаднее, против своей воли. Вспоминаю то блаженное время, когда я был господином своего времени, когда — кроме трех урочных часов — я принадлежал только самому себе. Это эгоизм, бежание труда, скажут мне, но что делать, если я к другому труду, как теперь оказывается, привыкнуть не могу. Не могу отрицать, впрочем, того, что при других условиях я, конечно, был бы совсем другим... И вот настроение постоянно граничит с «расстройством»... ходишь — что называется — сам не свой. В училищной жизни видишь «упущения», а исправить их не в наших руках, такое положение, как хотите, не может способствовать нашему спокойствию... И в результате не делаешь даже и того, что даже и при данных условиях легко мог бы сделать. В глубине души полагаю, что едва ли

кто осмелится осуждать меня за это. Если Вы спросите подробностей, я сразу не могу и говорить-то о них, одно скажу — надоело все это без конца.

Как идет моя работа над рукописями? Вот ответ: до сих пор мною составлено описание 16 №№ рукописей, причем некоторые описания, особенно первые, сделаны не особенно удачно. Лучше сказать — торопливо. У меня была дерзкая мысль составить описание как можно скорее, чтобы Вы без особенно-го промедления получили все рукописи; потом я надумал то, что и сам могу заняться описанием этим не без пользы. Тогда я начал вести свою работу по-другому, стал делать выписки для себя особенно интересных мест, отмечать особенности служб и проч. Теперь упиваюсь Стихирарем — это, должно быть, единственный экземпляр не только в нашей библиотеке, но и в других-то такого поискать...¹

В последнее время страницы «Московских ведомостей» не один раз давали статьи по церковному пению. Такова, прежде всего, Вам известная с крупным заглавием и мелким содержанием...² Она поразительно нетактично написана. Она противопоставляет имени Чайковского имя Орлова, приписывая этому лишь имени все то, что принадлежит не одному даже Синодальному хору, а вместе всему тому целому, которое должно быть названо: Синодальное училище и хор. Реабилитация Орлова может быть и требовала подобной передержки, но в форме нужно было бы повоздержаться, хотя бы просто для того, чтобы вернее достигнуть своей цели. И в результате получилась статья довольно курьезного содержания, рассказывающая о том, как восстанавлилось в богослужбной музыке истинно русское направление посредством дебютирования хора пред Рихтером, Видором и Музыкачку и представителями иностранных дворов... Меня, каюсь, сильно занимала мысль об авторе статьи. Совершенно случайно пришлось разгадать инициалы, а потому получил и подтверждение своих предположений. Разгадка такова: К — нязь, П — опов и С — еребреницкий. Относительно участия второго и сомневаться нельзя, ибо речь его яве его творит. Относительно последнего мне пришлось услышать «кончиком уха»... А насчет первого — ничего не знаю... Вы простите мне это фискальство, это неприличное раскрытие «литературных» псевдонимов. Конечно, в «приличном обществе» это не принято, но на этот раз позвольте усумниться, что мы находимся в приличном обществе.

Другая статья Витошинского о Наблюдательном совете³. Но впечатления от нее еще слабы за недавним ее появлением, и я не слышал по поводу ее никаких разговоров. Лично же я думаю, что для нашего церковного пения еще не скоро настанет возможность обходиться без той «критики», против которой восстает эта статья.

Вечером в эту пятницу наша, или лучше сказать — Ваша, рукописная библиотека была свидетельницей редкого воодушевления ее посетителей. А посетители были необычные. В Москву приехали из Сибири и Перми беспопо-

вцы с целью, как мне передавали, видеть в Синодальной библиотеке старый иконописный подлинник, который будто бы только что передан в нее чуть не самим папой римским, — так мне, по крайней мере, передавали о цели этого путешествия. Подлинника, конечно, не нашли, но дошли до князя, которому, между прочим, поведали желание посмотреть и старые певчие книги. По осмотре Синодальной библиотеки присутствовали на спевке у нас, слушая унисоны хомовые из концерта, а потом заглянули и вниз. Нужно было видеть их радость при виде известных Вам стариков Епархиальной библиотеки. Они скоро пришли в неописуемый восторг и как бы без всякого соглашения затаили по этим книгам. Это были ирмосы — «Твоя победительная». Затем были пропеты и другие вещи. Знаменитая «Река Вавилонская» прямо поразила их. Спрашивали нареченных старых рукописей, и я, по разумению своему, выкладывал им экземпляры, за которые, по их словам, они дорого заплатили бы.

Не поминайте лихом Вашего Антонина Преображенского.
Мой глубокий поклон многоуважаемой Анне Ильиничне.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 40—41 об.

1. Неизвестно точно, о каком Стихираре идет речь, но, возможно, о той же книге, что и в отзыве Смоленского на книгу В. М. Металлова «Богослужбное пение Русской Церкви...» (см. в Приложениях VII тома РДМ). Этот греческий Стихирарь на пергамене (по каталогу библиотеки Синодального училища № 119) был прислан Д. В. Разумовскому архимандритом Антонином (Капустиным) из Константинополя (см. его письмо к Разумовскому от 14 июля 1864 в кн.: Князь Владимир Одоевский. М., 2005. С. 458—464).

2. Статья под тремя псевдонимами, опубликованная в «Московских ведомостях» 19 февраля 1902, воспроизведена с комментариями в РДМ (Т. II, кн. 2. С. 867—873). Письмо Преображенского раскрывает истинную подоплеку этого действительно странного выступления.

3. Статья Е. М. Витошинского из «Московских ведомостей» под названием «Русские духовные композиторы перед судом цензуры» также переиздана в РДМ (Т. III. С. 484—488).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 28 марта 1902

Хорошо бы Вы сделали, милый мой Антонин Викторович, если бы на Страстной или на Пасху, под предлогом надобности проветриться, побывали бы в Капелле. Не приглашаю Вас прямо к себе, ибо будет у меня сестра Лидия Васильевна с двумя детьми да Василий Ильич хочет побывать¹; но если почему-либо не устроится прибытие кого-либо из них, то всего удобнее у меня и остановиться и взглядеться предварительно в место Вашей будущей службы. Новые времена уже сильны в Ка-

пелле как радостное весеннее первое тепло, хотя часто и влекущее простуды, но все же тепло и свет, а не хмурая и туманная зима Петербурга.

Штаты воспитателей *уже прошли* в горниле канцелярий и ждут Высочайшего утверждения, что, как слышно, будет на Пасхе.

Я понимаю Вашу нервность и утрату покоя, досаду и недовольство собою. Потерпите еще немного. Это терпение тем более будет Вам на руку, что тем временем я успею выгнать из Капеллы всю безнадежную сволочь, которая надоела весьма и тормозит дело. Да! не сдастся без боя Капелла, да и мастера же здесь делать подвохи! Сейчас переживаю дни, полные стыда за Капеллу, участвующую в Инвалидном концерте и поющую прямо плохо, отчего мои юнцы Толстяков и Чесноков лезут на стену. Но, Бог милостив, пройдет и это, а когда прочистим кадр предателей-озорников из мальчишек, усердно инспирируемых старшими скубентами по наущениям только что уволенных регентов, — тогда новым воспитателям будет много легче иметь дело со светлым народом и начать дело без участия отрицательных влияний.

Очень меня радует, что Вы сами понадумали сделать подробное описание рукописей. Недоумеваю только, зачем Вы затягиваете дело выписками? Ведь рукописи от Вас не уйдут, так отчего же, ради скорости времени, не делать для себя только отметки, чтобы впоследствии выписать вставки, для коих оставляются довольные по расчету места в тетради? Подумайте о сем, ибо уже сочтены могут быть не недели, а дни Вашего житья в Москве.

А составляется здесь у нас компания хорошая, веселая, работающая, молодая, так что и жить будет хорошо, в своем кругу, в своих людях. Волом затянул работу Кленовский, Паша и Саша, как и Алеша², работают отлично. Думаю перетаскать Ковина из Харькова на должность библиотекаря, которую ухитрился я выхлопотать к учреждению вновь в Капелле с жалованьем 1200 при квартире³. Наконец, подбираемая мною компания воспитателей (нет у меня, однако, еще одного — нет ли у Вас на примете?) осветит здешнюю авгиеву конюшню, и заживем мы совсем по-хорошему.

Слышал я опять про Синодальное училище недобрые вести и глубоко огорчился! Что же делать, дорогой мой, если свихнулось дело и вместо прежней любви-души вложены канцелярщина и бессердечное неуменье? откуда же взять животворящую силу-тепло, когда поддерживают удушливый холод? Жалко мне и Орлова — прямо гибнет человек, который на своем месте был очень хороший работник, теперь же только плохой, неумелый и запутавшийся с своим самолюбием и безволием. Жалко мне ребят — какие чудные между ними остались! Пожалуй и эти свихнутся!

Очень Вы меня порадовали известием о посещении библиотеки старообрядцами и о их восторге при виде некоторых рукописей. Действительно большой клад имеется по этой части в Синодальном училище! Но ведь и на нашу долю хватит того, что будет в наших руках, — только, пожалуйста, кончайте

поскорее, а то подойдет вакация, Ваш переезд, за тем временем и Ширинский-Шихматов выдумает какой-либо новый фортель, тогда и «всеу трудишися зиждущии».

Целую Вас крепко, всюю моею любовью к Вам, а Вы не падайте духом, по-принимайте хоть броду и несколько ванн, да ко мне в гости поскорее.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 36 об.—38. На бланке управляющего Капеллой

1. Василий Ильич Альсон, брат супруги Смоленского, жил вместе со Смоленскими в Москве, а впоследствии и в Петербурге.

2. Имеются в виду уже принятые в Капеллу «москвичи» Павел Толстяков, Александр Чесноков, Алексей Петров.

3. Николай Ковин в Капелле не служил, а должность, выхлопотанная для него, досталась Преображенскому.

Преображенский — Смоленскому

Екатеринослав, 11 апреля 1902

Христос воскрес!

Приветствую Вас, глубокоуважаемый Степан Васильевич, с великим праздником Пасхи из далекого Екатеринослава, куда приехал «освежиться». А похристосоваться с Вами надеюсь лично не раньше четверга-пятницы Святой недели.

Поздравляю и глубокоуважаемую Анну Ильиничну.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 44

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 10 мая 1902

Милый мой Антонин Викторович!

Представьте себе, что власть имеющие крепко поругались между собою, поналожили свиней друг другу, в результате чего ожидавшееся к 6 мая отложено до 25 мая. Сколько ни выражал я власть имущим всю меру моего негодования — ничем не прошибешь этих извергов. Сообщите эти строки и А. К. Смирнову.

Вот отлетела и чистая, непорочная душа милейшего Сергия Александровича Рачинского!¹ Как тяжело осиротел я, как плачу до сих пор по несколько раз в день! Едва вспомнишь — и глаза мокры. Да и что за чудный человек был он!

Сегодня Обер вернулся из-за границы, совершенно расшатанный доехавшими его издевательскими и угрожающими письмами социалистов, совершенно затуживший о своем давнем друге Рачинском². Жалко глядеть на изможденного, растерявшегося старца, постоянно плачущего.

И я истрепался уже, а отдохнуть нельзя и не на кого оставить Капеллу, да уж и сволочь же в ней! Вот сегодня выгнал одного попавшегося в мошенничестве и клевете, а парню 19 лет!!

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Анастас Николов едет к Вам дня через 3—4 и все ждет Вашего письма. А что рукописи?

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 38. На бланке управляющего Капеллой

1. Письма Смоленского о похоронах С. А. Рачинского см. в переписке с К. П. Победоносцевым в первой книге VI тома.

2. Речь идет о К. П. Победоносцеве.

Преображенский — Смоленскому

[Москва, июнь 1902]

Дорогой Степан Васильевич.

Сегодня отправляется Вам последняя партия рукописей. Мы перед Вами чисты. Завтра еду на юг — брат поселился на лето в деревне, еду и я дышать свежим воздухом.

Бандеролью посылаю Вам свой «Вопрос о единогласии». Если найдете времечко пробежать — не откажите в Ваших замечаниях. «Выпуск 2-й» о раздельноречии почти уже составлен мною в том же духе¹.

Слышал о случайном задержании на первом аккорде Вашей Капельской Симфонии, но не сомневаюсь в недалеком разрешении.

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 47

1. Преображенский посылает Смоленскому рукопись своей работы «Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVI века», которая вышла в издании ОЛДП в 1904 (Памятники древней письменности. Вып. 155). «Выпуск 2-й», о раздельноречии, в печати не появлялся, и местонахождение автографа неизвестно. Правда, в «Вопросе о единогласии» довольно много говорится и о раздельноречии, вернее, эти явления рассматриваются как взаимосвязанные: Преображенский показывает, что увлечение пространными раздельноречными роспевами, сильно удлинявшими службу, компенсировалось распространением

многогласия, сокращавшего ее продолжительность. В работе приводятся исторические документы на обе темы, так что возможно, что в конце концов в нее вошли оба «вопроса».

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, июнь 1902]

Милый мой Антонин Викторович! Bravo, bravo за возвращаемую при сем половину «вопроса». На отдельном листке вклеил я карандашные заметки, оказавшиеся впрочем лишними, так как в конце статьи оказалось, что Вы их предусмотрели. Добавил бы я, однако, художественный этюд с посторонними (иконопись, поведение прихожан, служащих, обстановка службы etc.) элементами, из которого читатель мог бы вообразить себе порядки тогдашней службы и ее своеобразные, невидимые теперь, особенности. Для сего и Павел Алеппский (Вып. IV)¹ пригодится Вам очень. Без такого этюда «вопрос» читается сухо для обычного любознательного и любознательного человека, а этюд вроде страницы Костомарова или Знаменского² (конечно — мотивированный) очень бы украсил Ваш труд.

2-я часть о наречном пении, конечно, потребует у Вас посещения беспоповских моленных, о чем у нас будут разговоры в Петербурге, если только Вы не ухитритесь попасть в Преображенскую, что рядом с Худовой библиотекой³. Кстати: инок Евфросин так и завяз на третьей четверти своего текста, ибо не знаю, когда и попаду теперь в Москву. Не удружите ли дописать его с Худовского экземпляра? Не пишете Вы, когда думаете вернуться в Москву, а здесь болгарин пропадает без рукописей, кои, конечно, можно залучить лишь при Вашем содействии из Синодального училища. Напишите мне откровенно и подробно про Павла Григорьевича [Чеснокова]. Я подумываю взять его к себе вместо Азеева, но боюсь, не изболтался ли, не обленился ли, не возмнил ли паче меры? Я люблю его, но и не хочу ошибиться, так как уже два года не смотрю на него. Целую Вас крепко.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 40 об. Открытка

1. Павел Алеппский — автор пространного сочинения «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским». В переводе с арабского «Путешествие» издавалось в 5-ти выпусках (М., 1896—1900). В третьем выпуске рассказывается о пребывании патриарха Макария в Москве и подробно описываются службы в кремлевских соборах.

2. Смоленский имеет в виду известных историков Н. И. Костомарова и П. В. Знаменского, писавших очень ярко в литературном смысле и доступно для широкого читателя.

3. Смоленский предполагает, что занятия раздельноречием и наречным пением требуют посещения служб старообрядцев-беспоповцев, разные согласия которых пели по-

разному: и «по хомоням», и «на речь». На Преображенском старообрядческом кладбище в Москве находилась также Хлудовская библиотека. О ее посещении Смоленским в связи с работой над трактатом инока Евфросина «Сказание о различных ересех и о хулении на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимых от неведения в знаменных книгах» см. в переписке с Шереметевым.

Преображенский — Смоленскому

Екатеринослав, [июль 1902]

Дорогой Степан Васильевич.

Спасибо Вам за просмотр моей скучной работы о единогласии и за совет оживить ее характеристикой общего состояния богослужения и нравов. Согласен, что она от этого только выиграет, хотя — когда я писал, эта мысль мне казалась лишнею, ибо вопрос о единогласии и наречном пении потонул бы тогда (думал я) между более важными и более интересными чертами того времени.

Проживаю в Екатеринославе и его окрестностях, езжу по родным и знакомым иереям, кои нынешний год вместе с крестьянами потирают руки, предвкушая последствия богатого урожая. Действительно — хлеба чудные, зерно «тяжелое», рост — «по голову», травы — роскошные. Несмотря на это, результаты прошлого года — налицо, а особенно бросается в глаза кризис каменноугольный и промышленный вообще: богатейший чугунолитейный и механический завод Южно-русского Общества близ Екатеринослава вчера потушил одну доменную печь «по недостатку работ», то есть сократил на $\frac{1}{4}$ свою производительность.

Общее состояние «по министерству внутренних дел» в Екатеринославской губернии и самом городе невеселое: тюрьмы переполнены арестованными «политиками»; расправ по селам — не без жестокостей; город и полиция не могут справиться с шайками грабителей и профессиональных воров.

В Москву должен буду ехать в конце июля, ибо Его Сиятельству почему-то не благоудно было дать мне отпуск на все лето. Тогда, конечно, сделаю все, что нужно, и для г. Николова.

Что до Вашего вопроса о Павле Григорьевиче, то, право, я затрудняюсь дать определенный ответ. Протекший год пребывания его в совершенно новом обществе Востряковых и К несомненно наложил на него не совсем симпатичный отпечаток¹; мне кажется, что в этом обществе он нашел богатую пищу своему самолюбию, он — победил его своим талантом, но и оскорбил, и пожалуй и оттолкнул своим характером. Разве могут пройти даром его крупные (по его рассказам) столкновения с хором? Но я продолжаю думать, что дело и у него не зашло еще так далеко, чтобы он уже не мог трезво взглянуть на вещи. Для меня однако вопрос: как это может быть? Зная его любовь к Вам, я думаю,

что Вашему непосредственному влиянию он подчинится, если не безусловно, то почти что так. Ваше слово он ценит.

Как же Ваши Капелланские реформы?

Мой глубокий привет многоуважаемой Анне Ильиничне.

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 45—46

1. В 1900—1902 П. Г. Чесноков руководил любительским хором при церкви Космы и Дамиана на Скобелевской площади (староста Р. Д. Востряков). Осенью 1902 Чесноков принял приглашение возглавить хор любителей при церкви Троицы на Грязех, который содержался на средства известной купеческой семьи Востряковых.

Преображенский — Смоленскому

Москва, 29 июля 1902

Конфиденциально

Дорогой Степан Васильевич.

Мои каникулы окончились 20 июля, и я пишу Вам с Кисловки. От Александра Константиновича [Смирнова] я узнал, в каком положении дело Ваших новых штатов, а будучи в Екатеринославе я все думал, что не сегодня-завтра последует их утверждение. В этом утверждении их был заинтересован не один я, а еще и другая личность, надо Вам сказать, — с особенным нетерпением ожидающая их. Нетерпение сей личности будет Вам вполне понятно, если я скажу, что она хочет разделить со мною жизненный путь и что начало нашей совместной жизни приурочивается ко времени моего назначения библиотекарем, ибо сделать это раньше нет смысла ввиду «скорого» перемещения. Что касается скорости, то она понимает ее именно — не сегодня-завтра. Не знаю, можете ли Вы более точно определить это понятие, но во всяком случае — к Вам, добрейший Степан Васильевич, усердная «наша» просьба — не поможете ли Вы точнее определить эту скорость утверждения штатов!.. Если Вы скажете, что пройдет 3—4 месяца или больше, то мы рискуем приехать к Вам «москвичами». Если же — месяц или немного больше, то Москва для нас будет только однодневной остановкой на пути в Питер. Вашего слова ждем мы оба. Это конфиденциальное сообщение прошу принять благосклонно...

Дела Синодального Училища мне пока еще не вполне ведомы. Е[го] С[иятельство] уволил преподавателя арифметики Терновского, прослужившего один год. Просится на это место, и князь обещал, П. В. Богословский. О реформе музыкальных предметов сообщу подробно после ознакомления с проектом. В. С. [Орлов] затевает перенесение послеобеденных уроков на утренние часы, что, впрочем, едва ли удастся в силу известных Вам обстоятельств.

Но что интересно — князь выступил в роли собирателя певчих рукописей. И не бесплодно. Особенно меня порадовали рукописи Антониева Сийского монастыря; все XVI—XVII век; несколько двустрочников; одна рукопись мественная и путевая времен Михаила Феодоровича, какой у нас еще не было. Прекрасный Фитник наиполнейший, имеющий, кроме того, путевую азбуку и азбуку казанского знамени и т. д. Даже и количество стало такое интересное — 1245 номеров. Князь мечтает о рукописях Академии, Лавры и т. п. Дай бы Бог нашему теляти волка поймати...¹

Будьте здоровы! Глубокий поклон многоуважаемой Анне Ильиничне.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 48—49 об.

1. Исключительно ценные рукописи Антониево-Сийского монастыря из библиотеки Синодального училища стали ныне предметом специального рассмотрения в кандидатской диссертации В. Ю. Перелешиной «Древнерусские песнопения в чинопоследованиях книги Обиход: к проблеме изучения темпо-ритмической организации православного богослужения» (М., 2008). Что касается проекта сосредоточения в училище певческих рукописей из духовных академий и других монастырей, то об этом идет речь в записке В. М. Металлова в Наблюдательный совет 2 июня 1902 (см.: РДМ. Т. II, кн. 1. С. 187—188).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 1 августа 1902

Дорогой Антонин Викторович!

Начну свой немедленный Вам ответ с выражения полного недоумения о том, что Вы, уже весьма искушенный государственною службою, нарушаете дисциплину какую-то игрою в прятки с бывшим начальством, забывая страх перед ним, как перед неизбежным будущим. «Другая личность», о которой Вы пишете как об ожидающей моего решения, быть ей в Москве короткое время или продолжительное, очевидно должна быть мне названа по имени и отчеству, с людьми мне неизвестными, хотя бы со слов других, какое могу иметь дело!

Вот Вас, хорошо мне известного, целую и приветствую вместе с Анной Ильиничной, радуясь за Вас и благословляя Ваше грядущее счастье. А поступили Вы со мною так же, как вчера мой швейцар, докладывающий певучим тенорком: «Ваше Высокоблагородие, пазвольте доложить: неизвестного звания человек жалаит видеть».

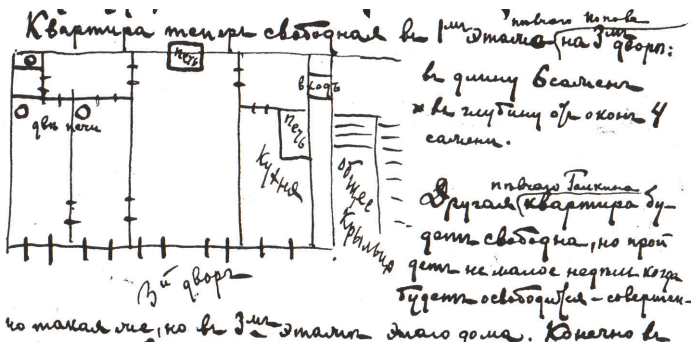
Ну теперь о делах: утверждение штатов так затянулось, что и разговоры с указаниями на определенное число замолкли, хотя штаты уже обрисовались вполне незыблемо и библиотекарская должность также. Ввиду сего я уже получил разрешение Министра Двора пригласить по вольному найму воспитателей

(а не библиотекаря — о чем впереди) с платою, указанною в штате будущем. С этой мерою, конечно, связано будущее представление о зачислении в действительную службу всего времени, проведенного в пребывании по вольному найму, так что собственно потеря будет только временным лишением прав. На таком основании Александр Константинович подает в Москве в отставку и переходит в Питер.

Посоветовался я по Вашему письму с Павлом Ивановичем Варыпаевым¹, и, ввиду того, что хорошим людям везет всюду и во всем, порешили мы воспользоваться состоявшимся у нас отказом некоему Эйснеру и предложить Вам временно быть у нас воспитателем на 1200 рублях при маленькой и невзрачной квартире, коей план ниже.

Последнее обстоятельство да будет смягчено пословицею: «с милым рай и в шалаше», как ни хотелось бы мне, при такой Вашей радости, улучшить квартиру для особы неизвестного звания.

Квартира теперь свободная в 1-м этаже, певчего Попова, на 3-м дворе: в длину 6 сажень и в глубину от окон 4 сажени.

Другая квартира, певчего Галкина², будет свободна, но пройдет немало недель, когда будет свободна — совершенно такая же, но в 3-м этаже этого дома. Конечно, в ней должно быть несколько светлее и суше, хотя и поповская квартира не считается худою.

Предоставляю дальнейшее Павлу Ивановичу, а мне нет времени писать еще, кроме того, что убедительно прошу Вас снять мне десятка два фотографий тех мест, где кондакарное знамя имеется заподлицо с обычным знаменным (это в Типографской библиотеке), да еще с рукописи необъяснимой нотации в Патриаршей библиотеке, которая по местам изложена в отдельных песнопениях какую-то особою нотациею. Мы собирались ее снять, да пластинок не хватило, а № не помню, помню только не крупное письмо и $\frac{1}{4}$ формат, в остальном у Вас своей головы хватит³.

Снимите также десятка два с Сийских, если что-либо есть интересное, наипаче же в казанском и путевом знамени. Целую Вас крепко, а братьям-товарищам привет сердечный.

Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 41—42. На бланке управляющего

1. Варыпаев Павел Иванович — в 1896—1905 инспектор научных классов Придворной капеллы. В письме имеется его приписка:

Если Вы согласны принять предложение Степана Васильевича и временно устроиться в Капелле в качестве воспитателя, то я с своей стороны, как пишет Вам Степан Васильевич, ничего против этого не имею. Считаю только должным предупредить, что Вы будете воспитателем не номинально только, а должны будете исполнять...

2. И. Д. Галкин был певчим (партия басов) Придворной капеллы в 1890-х — начале 1900-х; о его деятельности в Новгороде Великом см. в письме Смоленского к Шереметеву от 26 августа 1905.

3. О какой «необъяснимой нотации» идет речь — непонятно; в работе Смоленского «О древнерусских певческих нотациях» приводится два примера особых нотаций — буквенной и трехлинейной (пермской), но там, во-первых, имеются фотографии, а во-вторых, эти нотации вполне объяснимы. Возможно, что речь идет о той особой форме кондакарной нотации, которую Смоленский в своей работе о кондакарном знамени охарактеризовал как «красно-демественную» (см. публикацию этой работы в VII томе РДМ).

Преображенский — Смоленскому

Москва, 5 августа [1902]

Дорогой Степан Васильевич.

Не первый раз я испытываю самое теплое участие с Вашей стороны к моей личности и судьбе. Вот и теперь Вы так скоро и так хорошо для меня разрешили мои докучливые вопросы, что с новой силой воскресает во мне чувство глубочайшей признательности Вам! Крепко жму Вашу руку и спасибо Вам от души! Ваш выговор мне насчет incognito «другой личности» спешу «отклонить». Сообщаю, что ее непоэтичное имя — Мария Лукинична; она — бедная сирота, далеко не «блещущая красою»; с ней мы — друзья ни больше ни меньше как лет десять (благодаря дальнему родству), хотя она лет на 10 моложе меня. Другие привязанности, испытанные мной, как-то не могли победить эту — выросшую совершенно незаметно, а вступление в четвертый десяток жизни моей — придало ей еще больше цены. Вот и все. Живет она в Екатеринославе, куда, следовательно, придется ехать на недельку. Здесь нужно будет окончить приемные экзамены (9, 10 и 12 августа) и

доложить Его Сиятельству о предстоящем. Затем — в Екатеринослав, оттуда — к Вам. Полагая, что нужно подать прошение, я таковое прилагаю.

Относительно снимков: мне не совсем ясно, что Вы хотите видеть из рукописей Типографской библиотеки. Рукопись № 142 (в Ваших «Нотациях» снимок на стр. 28 и 29) писано то кондакарным, то обычным, по песнопениям. Нужно снимать кондакарное? Да?

Или же снять по рукописи № 151 (там же, стр. 30), где обычное прерывается кондакарным? Но взять только в одном месте? Необъяснимая нотация в Синодальной библиотеке только на одной странице, и она у меня снята. Из Сийских я и сам думал снять¹.

Теперь сижу за материалом для Римановского словаря. Раньше Юргенсон не предупредил, а теперь просит к сроку. Идет в печать уже буква К².

Еще раз благодарю Вас. Спасибо и Павлу Ивановичу, которого поблагодарю по приезде.

Мой глубокий поклон и благодарность за поздравление многоуважаемой Анне Ильиничне.

Ваш Антонин Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 154, л. 42—43 об.

1. Все снимки с древних певческих рукописей Смоленский впоследствии пожертвовал в ОДП, в фонде которого в РНБ они ныне и находятся. См. об этом подробнее в VII томе РДМ.

2. Для русского издания «Музыкального словаря» Г. Римана (1901—1904, под редакцией Ю. Д. Энгеля) Преображенский делал дополнительные статьи о русских церковно-музыкальных деятелях (в том числе о Смоленском), используя частично свои более ранние словарные работы.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 7 августа 1902

Дорогой Антонин Викторович!

За Ваше милое письмо спасибо от всего сердца. Чтобы сказать Вам, как я рад буду встретить молодых в Питере, скажу: 1) что представление Вашей докладной записки об определении Вас по вольному найму с предоставлением Вам квартиры бывшей певчего Попова уже поехал на утверждение графа Шереметева и 2) что за здоровье будущих молодых «ура» уже было возглашено «высочайшим гласом».

Затем прошу и просил Вас именно о снимках таких, где кондакарное идет совместно (не в разных стихирах) в одной какой-либо стихире с знаменным. Неужели таковой только и есть один случай, нам подвернувшийся? Полагаю, что порывшись можно было найти. В остальном да будет Ваше благоусмотрение,

на которое, как у жениха, следовательно человека, имеющего не то на уме, что располагает к рукописям, — плохо надеюсь до времени, пока не начнется Ваша и наша обычная пропиливаемая денно-нощно судьбина.

Конечно, Марью Лукиничну примем как родную, сердечно по Вас любимую. Разделяйтесь-ка поскорее с Синодальным училищем да и в путь-дорогу с молодой женой. О квартире распоряжение сделано. Чур не кропаться за то, что она *много хуже* Вашей московской.

Как Вы сделаете? Отправите ли все в Питер, сами же в Екатеринослав и потом в Москву? Или вернетесь из Екатеринослава прямо в Петербург? Если первое, то не задержит ли Вас перевозка и не придется ли круто в первые дни? Если второе, то не дойдут ли вещи до Питера, пока Вы летаете до Екатеринослава и оттуда прямо в Питер, но уже минуя Москву как квартиру в Синодальном. *Очень Вам советую ничего не продавать в Москве*, а рояль Дидерихса так и прямо запрещаю, вновь желая его оставить за собою, если согласитесь, ибо он дорог мне лично.

«Сийские» снимайте по усмотрению Вашему. Итак, до скорого свидания. Передайте Александру Константиновичу, чтобы и он прислал прошение со словами «бывшего воспитателя» etc. Вам и ему с мамамой мой и жены привет и поклон.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 43—44

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 21 ноября [1902]

Дорогой Антонин Викторович!

Приветствую Вас с семейным праздником, как приветствую и виновницу торжества, посылая обоим вам мои задушевные пожелания доброго здоровья и всякой радости.

А я все прихварываю и хотя поправляюсь, но очень туго. 8 ноября телеграфировал о своей болезни в Капеллу, — но там, очевидно, никто не поверил этому извещению даже и до сего дня. Сего дня я, пожалуй, и был бы в силах добраться до Мойки, 20, но хмурь неба и хмурь на душе, недомогание, к тому же и боязнь простуды оставляют меня дома. А дома — работа на ум нейдет, дело из рук валится, и получается досадная праздность, — уже третья тому неделя.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 85

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 24 апреля [1903?]

Дорогой Антонин Викторович! Казанская Академия хочет продолжить издание певческих Соловецких рукописей. Идя ей навстречу, я беру на себя это описание и надумал предложить безвозмездно приложение к Описанию когда-то напечатанных мною снимков. Два или три их короба — у Вас. Не откажите приказать пересчитать число экзemplяров и о найденном числе известить меня, равно и о том, целы ли эти снимки настолько, чтобы могли пойти в дело?¹

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 48 об. Открытка

1. Это было очередное, и не последнее, обращение Смоленского к незавершенному им в Казани проекту издания описания рукописей Соловецкой библиотеки с многочисленными иллюстрациями («снимками», которые делались, как и при издании Азбуки Мезенца, путем перевода знаков на прозрачную бумагу, а затем литографирования). Описание, как уже говорилось, так и не было издано (о причинах неудачи данной попытки см. в переписке с С. Д. Шереметевым), «снимки» сохранялись у Смоленского, а затем, уже после кончины ученого, были изданы за рубежом И. А. Гарднером (см.: Smolenskij St. V. Paläographischer Atlas der altrussischen linienlosen Gesangsnotationen. München, 1976).

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, 27 ноября 1903]¹

Дорогой Антонин Викторович! Из слов жены, услышанных по моем возвращении домой, я смутно заключил о возникшем, может быть, между нами недоразумении на почве о намерении Вашем провести вчерашний вечер в заседании Общества Любителей Древней Письменности. Если дело было так, то каюсь перед Вами в неверном сообщении Вам в прошлые дни. Действительно, было предположение о заседании 26-го, но не Общества, а Комитета (закрытого), и в этом заседании я действительно уговорился о намерении Вашем читать об Агафонике (что теперь уже известно всем членам Комитета и в принципе принято с признательностью). Но заседание Комитета отложено по каким-то обстоятельствам, мне неизвестным, и сбор людей было предположено занять репетицией моего чтения на послезавтра, так как всех почему-то страшила мысль о крайней малодоступности моего реферата. У меня не было права приглашать Вас с собою в гости на частное собрание у Шереметева без его, хозяина, предварительного согласия, хотя я и думал о том. Приди Вы на 10 минут раньше — была бы возможность, пожалуй, устроить такое посещение. Во всяком случае я прямо надеюсь, что завтра, 28-го, в 8½ я увижу Вас в Обществе (с Фонтанки — ход на правое крыльцо), и тогда я прежде всего познакомлю Вас с

надобными людьми, уставлю Ваше положение как будущего «своего» между ними. Не забегая к Вам сегодня лично, ибо неожиданно является надобность пропутешествовать в самую глубь Васильевского Острова на фабрику Дидерихса за готовым наконец-то инструментом, а потом спешно вернуться домой для неких поправок, оказавшихся надобными после вчерашней репетиции, на что надобно быть дома.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 96. Открытка

1. Основанием для датировки является дата чтения Смоленским в ОЛДП реферата «О ближайших научных задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии», то есть 28 ноября 1903. Преображенский прочел свой доклад о единогласном пении (упоминаемый в письме Агафоник — автор одного из рассматриваемых в докладе документов XVII века) 9 января 1904.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, 1 февраля 1905]

Дорогой Антонин Викторович!

Я постараюсь быть у Вас в пятницу, 4-го вечером, ибо теперь киплю в работе после свидания с сильными мира сего. Дело о цензуре становится весьма интересным¹. Очень прошу Вас в области разных изданий, *начиная от Бахметева и даже Львова*, проглядеть и списать несколько разрешительных их цензурных надписей, особенно же времен Балакирева, Аренского и моего. Разнобой в редакциях, даже по моим скудным справкам, оказывается высоко поучительным и полезным для будущего, ибо оказывается, что, по неупоминанию в преобразовании штата Придворной Капеллы о передаче цензурных прав б[ывшего] директора Начальнику, пала сама собою компетенция Капеллы, что вся деятельность Балакирева, Аренского, моя и Шереметева не имеет законного точно указанного основания... Конечно — ни гу-гу...

Нет ли у Вас устава Синодального училища? Необходимо оттуда выписать буквально слова о компетенции Наблюдательного Совета.

3-го хотел бы с Вами за именинным пирогом поговорить наедине при гостях.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 49 об.

1. Об участии Смоленского в деятельности комиссии по выработке нового цензурного устава под председательством Д. Ф. Кобеко см. в переписке с Шереметевым. Вкратце, Смоленский был приглашен в комиссию как эксперт по цензуре духовно-музыкальных произведений (с чем и связаны его вопросы к Преображенскому как библиотекарю Капеллы),

им был подготовлен соответствующий доклад, однако затем от его услуг отказались (очень обидев этим Степана Васильевича).

Как известно, первым директором Капеллы, получившим право цензуры всех духовно-музыкальных произведений, был Д. С. Бортнянский, последним — практически Н. И. Бахметев, так как после знаменитого судебного процесса об изданной без цензуры Капеллы Литургии, соч. 41 Чайковского — процесса, выигранного П. И. Юргенсоном, — капелльское цензурное право перестало восприниматься как обязательное.

После процесса достаточно было получить разрешение на печатание от одного из духовно-цензурных комитетов, московского или петербургского, причем цензоры проверяли только богослужебный текст песнопений. В начале 1890-х Св. Синод негласно стал направлять некоторые рукописи в Москву к Смоленскому для оценки качества музыки, с 1898 (и вплоть до 1910-х) музыкальные рукописи направлялись в Наблюдательный совет при Синодальном училище (см.: РДМ. Т. II, кн. 1, раздел «Архивные документы», где приведены подобные рецензии и решения Наблюдательного совета). В 1880—1900-х управляющие Придворной капеллой тоже иногда выступали в роли цензоров (это касается и самого Смоленского — см., например, письма к нему Н. И. Компанейского и С. В. Панченко в настоящем томе).

После 1907 на изданиях духовно-музыкальных сочинений вообще перестали ставить отметку о прохождении через духовно-цензурный комитет.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, февраль 1905]

Дорогой Антонин Викторович! С г. Шапиро дело покончено¹ и следовательно бумагу надо направить к нему. Сегодня я подписал условие и передал ему клише «ртов поющих».

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Жду извещения о «делах» прошлого, дабы не упускать времени для работы.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 47 об. Открытка

1. Речь идет о типографии Шапиро, где печаталось 6-е издание «Курса» Смоленского.

Смоленский — Преображенскому

16 января [1906?]¹

Дорогой Антонин Викторович! Если у Вас есть какое-либо описание какого-либо собрания московских рукописей (вроде Горского и Невоструева, Викторова) — снабдите им мою благоверную. Вашей — мой привет, Вам — сугубо.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 47. На визитке с адресом Фонтанка, 34

1. Записка датируется условно: в начале 1906 Смоленский готовился к поездке в Москву для работы с рукописями.

Смоленский — Преображенскому

22 февраля 1906

С дороги приветствую Вас, дорогой именинник, посылая Вам самые задушевные пожелания и приветствуя Вашу барыню с семейным праздником¹.

А. Н. Николов, без сомнения, передаст Вам о существовании моей беседы насчет Афона с С. Д. Шереметевым².

Приветствую Вас от всего сердца.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 50 об. Открытка

1. Смоленский ехал из Петербурга в Москву для работы в архивах.

2. О перипетиях подготовки Афонской экспедиции см. в переписке с С. Д. Шереметевым.

Смоленский — Преображенскому

[Москва, 8—9 марта 1906]

Дорогой Антонин Викторович! Пишу еще лежа и потому — карандашом. Если 10 марта Ваш принц празднует именины — мысленно Ваш гость¹. Затем не теряю надежды в следующую неделю все-таки поработать. Посему не откажите мне русскими словами сообщить первые слова *всех нотных стихир*, которые находятся в Публичной Библиотеке в Порфирьевских листах в службах 13 ноября и 4 декабря. Я бы здесь списал с них копии, и по ним мы уяснили бы вместе в Петербурге коренной вопрос о том, есть ли кроме общей системы знамен что-либо общее и в самих редакциях напевов?² Здоровье мое много лучше. Вам и Марии Лукиничне от меня и Анны Ильиничны поклон и привет. Душевно Ваш Ст. Смоленский. Адрес — Воздвиженка, 8.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 51 об. Открытка

1. Речь идет о сыне Преображенского, которого звали Виктор (именины 10 марта по старому стилю).

2. О «сравнительных изложениях» песнопений разных жанров, которые Смоленский делал, готовясь к экспедиции, в хранилищах Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Петербурга, см. в его переписке с Шереметевым, Волковой, а также во вступительной статье к тому.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 18 марта [1906]

Дорогой Антонин Викторович!

Вот как обрисовалась задуманная поездка, о которой, как и о редакции «памятной записки»¹, я уже дважды переговорил с графом Сергеем Дмитриевичем. Он берется за устройство дела и говорит, что это дело может устроиться, пожалуй, и очень легко. Даже, при удобном случае, можно думать и об одобрении дела Государем, что, конечно, растворит все двери на Афоне. 3000 рублей — максимум. Барышей от поездки не предполагается, но труда желательно возможно больше.

Вместе с тем думаю и со своей стороны, что, захватив 2—3 аппарата, может быть, и все 4, можем обратиться в Ваших подручных, следовательно успеем возвратиться «с великою честью» и довольные.

Прошу Вас без промедления повидаться и посоветоваться с П. А. Лавровым, купно с А. Н. Николовым. Я прошу всех троих к себе на 3-й день Пасхи вечером для окончательного освещения и последней редакции записки. То надо потому, что Елизавета Федоровна будет в эти дни в Петербурге. Конечно, я желаю самой дружной критики записки и ничего не буду иметь против самой коренной ее переделки, если то понадобится.

Итак, до свидания со всеми 4 апреля во вторник вечером в моей квартире. Я выеду отсюда 29—30 марта, но может быть, и немного ранее.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

P. S. Две с половиной недели жестоко обессилили успех моих занятий. Теперь хотя и упорно работаю, но сил еще мало, подвижности — того менее, рабочих же дней впереди не более 8. Много ли можно сделать полубольному за пропуском 18 дней! Черкните мне слова 2—3 о Ваших «новостях». Жена выезжает во вторник, 21-го².

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 84

1. Сначала Афонскую экспедицию планировалось осуществить под патронажем Палестинского общества, в связи с чем была составлена «записка» о целях экспедиции, адресованная великой княгине Елизавете Федоровне как одной из руководительниц Общества. Однако потом от этой идеи отказались, и средства были изысканы самим ОДП (подробнее см. в переписке с Шереметевым).

2. Находясь в Москве, Смоленский сломал ногу, что значительно осложнило и затормозило его занятия в библиотеках.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 21 марта 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Ваши добрые вести приятно слушать, и как бы я хотел, чтобы устроилась эта летняя экспедиция! Помимо научного интереса, которому я отвожу первое место, как хорошо было бы это обеспеченное материально путешествие для моей весьма утомившейся физиономии. Вы не поверите, что я в душе решил ехать даже на свой кошт! Для меня это во всяком случае дорогое средство «развлечения»...

Сегодня передал Вашу записку Анастасу Николаевичу, а с Лавровым, если будет случай увидеться до заповедного вторника, также можно потолковать.

Наши новости вполне достоверны. По крайней мере мы — *под строжайшим секретом* — знаем, что вместо К[леновского] приглашается Архангельский¹. Но об этом после.

На обороте Есфигмен².

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 8. Открытка

1. Речь идет о новом помощнике начальника Капеллы: после Н. С. Кленовского им стал не А. А. Архангельский, а Н. Ф. Соловьев.

2. То есть вид Есфигменского монастыря на Афоне — одной из главных целей планировавшейся экспедиции.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, 11 или 12 апреля 1906]

Дорогой Антонин Викторович! В заседании Комитета с великим одобрением членов, как и следовало ожидать, принят и утвержден план получения 3000 рублей, причем я догадался насчет «тысячи снимков» выговорить нам полную свободу, ибо цифра эта может оказаться меньшею не по нашей вине¹.

Беседа с Н. П. Кондаковым как о практических удобствах, о фотографии, так и о Синайских Стихирах², привела к его приглашению Вам и мне быть у него в субботу, 15 апреля в 8 часов вечера, Литейная, 15. Посему извещаю Вас о сем, надеясь, однако, увидеться 14-го в заседании предварительно, а то так и до заседания как-либо. А. Н. Николов в члены-корреспонденты выбран. Барыне поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 44. Открытка

1. Об утверждении проекта Афонской экспедиции в ОЛДП см. в переписке с Шереметевым. Количество снимков, привезенных экспедицией, оказалось не меньше, а вдвое больше тысячи.

2. Крупнейший русский ученый Никодим Павлович Кондаков много раз посещал Афон (о беседе с ним есть подробная запись в Афонском дневнике) и выпустил ряд трудов, посвященных художественным сокровищам Святой Горы. «Синайские стихиры», которые впервые были описаны епископом Порфирием (Успенским), упоминаются в отзыве Смоленского на труд В. М. Металлова: речь идет об экфонетических знаках в древнейших греческих кодексах.

Преображенский — Смоленскому

Екатеринослав, 28—29 июля 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Добрался благополучно на русском пароходе до Одессы¹. На другой день получил телеграмму о смерти тещи. Поехал в Екатеринослав, откуда Вам пишу. Кроме роспуска Думы и отказа общественных деятелей от министерского портфеля и, по-видимому, предательского убийства Герценштейна в Териоках — очевидно, забастовка всеобщая предполагалась, но не удалась². Нервы ходят сильно. Простите. Будьте здоровы и благополучны. Ваш А. П.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 95. Открытка

1. Открытка была получена Смоленским в 20-х числах августа, когда он уже вернулся с Афона и находился в Ялте с заболевшей супругой. Преображенский покинул Афон раньше, чтобы использовать остатки своего капелльского отпуска для отдыха с семьей, но, как видно из данной открытки, обстоятельства сложились иначе.

2. Речь идет о роспуске недолго просуществовавшей I-й Государственной Думы и об убийстве одного из ее депутатов — Михаила Яковлевича Герценштейна, избранного от партии кадетов (конституционных демократов). Герценштейн был в числе подписавших так называемое «выборгское воззвание», то есть в числе депутатов, не согласившихся с роспуском Думы.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, [после 14 августа 1906]

Дорогой Степан Васильевич.

Итак, и Вы на твердой Российской земле! Я — помню — испытал совсем приятное чувство, когда ступил на Одесскую набережную. Жаль только, что мои планы насчет пребывания в Одессе были немилосердно разрушены телеграммой о смерти тещи; вопреки моим расчетам мне пришлось сразу же после мирного и спокойного жития афонского — окунуться в ту сутолоку, которая зовется «жизнью», с необходимым нервотрепаньем и другими миленькими атри-

бутами ее... Впрочем — слава Богу — дома я поуспокоился и теперь «почти» благодушествую... Судите сами, как начальство заботится о нашем отдыхе — бездействуем до 15 сентября! Вы думаете, что у нас тьма новостей. Не знаю. Пока лишь нового — назначение Соловьева — и только¹. Слышно и старое: граф в разговоре с Александром Александровичем² прямо сказал, что Соловьев — «старичиска вздорный», «Вы ему воли не давайте», «чуть что — Вы ко мне», «я... знаю его!» Вот Вам и новое!

Отличился наш почтеннейший Автоном³. О крушении его идеальных замыслов по Капелле Вы знаете. Так вот, дабы иметь право урезать программы, он подает графу докладную записку, что — мол — Капелла — это болото; что поведение — из рук вон плохо и т. п. Граф при первом же чтении резонно и заметил: «что это за самобичевание такое? что за рапорт? что же он-то смотрел?» — и сделалась моя Матрена — ни пава ни ворона...

Вот наши Капельские дела! Да разве могут они быть иными?

С Анастасом Николовым виделся. Он, конечно, в поисках за уроками — нашел уроков на 35 рублей, жаждет и еще...

О вещах и снимках с негативами пока еще не справлялся. Думаю, что все дело разборки нужно совершить в Вашем присутствии.

Справлялся о 1-й части Вашего Курса. Шапиро ответил, что очень сильно задерживает корректуру кто-то⁴.

Семья здорова; все шлем Вам и Анне Ильиничне — привет.

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 52—53

1. Н. Ф. Соловьев был назначен помощником начальника Капеллы 22 августа 1906.

2. Александр Александрович Федоров — делопроизводитель в Придворной капелле.

3. Речь идет об инспекторе научных классов Автономе Ивановиче Победоносцеве, прослужившем в Капелле с сентября 1905 по февраль 1907.

4. Имеется в виду шестое, исправленное и дополненное, издание «Курса хорового церковного пения» Смоленского.

Смоленский — Преображенскому

[Москва, 18—19 сентября 1906]

Дорогой Антонин Викторович! Не откажите мне в исполнении моей почтеннейшей просьбы. Я прошу Вас найти у меня в шкафу и выслать мне сюда ту тетрадь из почтовой бумаги большого формата, в которой изложено мною сопоставленное между собою последовательное содержание Стихирарей и Миней (сентябрь и октябрь) здешней Синодальной библиотеки¹. Эта тетрадь находится у меня вместе с другими в шкафу сзади моего рабочего стола на верхней полке

или под нею, на 2-й полке. Обращаюсь к Вам, так как не надеюсь, чтобы Анна Ильинична разобралась в наших археологических мудростях и выслала бы именно то, что мне нужно здесь. Я думаю связать это изложение с найденным на Афоне и тем создать ведомость всего того, что мы имеем и в каких изложениях из области относящегося к древнейшему и к сравнимому между собою. Вам, Марии Лукиничне мой привет и поклон.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 53. Открытка

1. После завершения Афонской экспедиции Смоленский работал в московских библиотеках над «каталогизацией» песнопений разных жанров, относящихся к древнейшему периоду, для дальнейшего их сопоставления с теми же песнопениями в греческих рукописях.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 21 сентября 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Прошу извинить, что запоздал отправкой сегодня на целый день. В шкафе у Вас я не нашел ничего подобного, а вот в Афонском ящике отрыл эту тетрадь и думаю, что именно ее-то Вам и нужно. Если это не ошибка, что у Вас в письме указано — сентябрь-октябрь, то значит Вас интересует что-то другое.

Мотаюсь с 15-го изрядно, ибо кроме начала года в Капелле попал в приносящие заседатели. Всего Вам лучшего.

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 54. На бланке библиотеки Придворной капеллы

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 16 ноября [1906]

Дорогой Антонин Викторович! Благополучно ли у Вас вообще и в частности? Я очень соскучился по Вас, недосужен и боюсь навестить Вас к тому же. Читали ли Вы предельную статью в № 17 Вестника Археологического Института знакомого Вам Константина Ивановича Пападопуло-Керамевса? Хотя и поделом, хотя и весьма солоно там многое про меня, тем не менее читал я с сущим удовольствием многие весьма серьезные там страницы. Конечно, не обошлось, вероятно, без помощи здешнего Керамевса. Я нашел все-таки и немало ошибочного. Впрочем о том — при свидании¹.

Вл. Вл. Майков нашел в Публичной Библиотеке высокоинтересный документ в виде прошения некоего христороубца патриарху Гермогену (при Шуйском,

следовательно 1607—1610 годов) насчет доследования о хабувах, аненайках и проч. Прямая новость. Черкните мне слова 2—3. Жена в Казани. Мадам — поклон и добрые пожелания всякой радости, как и Вам.

Ваш душевно Ст. Смоленский.

Не приготовите ли к 8 декабря для ОАДП хотя бы наикратчайший каталогический очерк по Афонской части — хотя бы на 5—10 минут?²

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 75. Открытка

1. О Константине Ивановиче Пападопуло-Керамевсе, младшем брате гораздо более известного палеографа Афанасия Ивановича, довольно подробно рассказывается в письме Смоленского к Шереметеву от 6 июля 1904: молодой ученый окончил в 1901 Петербургскую духовную академию и был направлен преподавателем в Бугурусланское духовное училище (Самарская епархия). Далее Смоленский пишет:

Сейчас он здесь в командировке по поручению Академии наук и работает все на той же дороге, то есть в области греческого пения, перенесенного в Россию. Как природный грек-певец, ныне же как образованный человек, застрявший в России, человек этот пришел теперь к раздумью о надобности не тенденциозной научной работы, а о выработке самого безукоризненного, высшего, беспристрастного служения правде. На этой именно почве, на широких исторических обобщениях, на основаниях глубины политики высоко-терпимого обращения восточно-православных церквей с вновь принявшими православие народностями, на разнице этой политики обращения у католиков и у мусульман, была основана моя речь к молодому и даровитому Керамевсу.

Безусловно, отношение к новой публикации Керамевса делает честь Смоленскому, ибо мнения Степана Васильевича по ряду важных вопросов подвергаются здесь критике действительно «соленой», хотя и выраженной вполне корректно.

Позиция молодого ученого изложена в двух статьях, близких по теме и как бы продолжающих одна другую: «Происхождение нотного музыкального письма у северных и южных славян по памятникам древности, преимущественно византийским» (Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XVII. СПб., 1906) и «Принцип церковно-византийского нотного письма по данным славянских и греческих музыкально-богослужебных памятников» (Византийский временник. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1908). Разумеется, в 1906 Смоленский мог познакомиться лишь с первой статьей.

Основной вывод Керамевса: «Песнопения греческих памятников IX, X и XI веков, отчасти же XII, XIII и XIV веков, изложены теми самыми знаменами, какими именно изложены и песнопения русских памятников XI—XIV веков, это раз. Во-вторых, мелодии греческих памятников конца XI века и вообще XII, XIII и т. д. веков до 1814 года изложены так называемыми в трактатах византийских мастеров знаменами св. Иоанна Дамаскина, несколько отличающимися от первых» (то есть более ранней нотации; С. 145). И далее:

«Песнопения богослужбных книг, явившихся на православном Востоке после 1814 года, изложены ныне употребляемыми у греков, болгар, румын знаменами, бывшими результатом реформы 1814 года по исправлению церковного пения» (С. 146).

Это опровергает сразу несколько выводов Смоленского в его работе «О древнерусских певческих нотациях». Во-первых, отсюда следует, что знаменитый Есфигменский Ирмолог не содержит русского пения с греческими словами, а содержит более старую византийскую нотацию (до изменений ее в XI веке); во-вторых, выходит, что рассуждения о разных славянских нотациях в средневековый период не имеют под собой никаких оснований.

Не менее серьезны и возражения Керамевса Смоленскому по поводу толкования кондакарного знамени в связи со свидетельством русской летописи о пении «ангелоподобном», «демественном» и «трисоставном». Не входя, разумеется, в критику концепции Керамевса, можно отметить, что, в отличие от Смоленского, он считает, что выражение «ангелоподобное пение» означает не пение на подобен, а пение согласное и стройное; «трисоставно» же кондакарное знамя, в котором три строки записи. Термин «демественное» Керамевс толкует как «астматическое», то есть мелизматическое пение.

2. 8 декабря 1906 в общем собрании ОДДП С. В. Смоленским было прочитано сообщение «О поездке на Афон летом 1906 года». Поскольку в отчете о заседании говорится, что «в заключение референт, предъявив начатый членом экспедиции А. В. Преображенским “Каталог песнопений, имеющих в Афонских и Венских снимках”, доложил краткое описание каждой из этих 15-ти рукописей», очевидно, что Преображенский исполнил просьбу, выраженную в этом письме.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 28 октября 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Мой сердечный привет Вам и поздравление с днем Вашего Ангела. Очень жалею, что не могу лично поздравить Вас: с вчерашнего вечера у меня лихорадка и головная боль; боюсь ехать к Вам, чтобы не застудиться.

Глубокоуважаемую Анну Ильиничну поздравляю с именинником.

Жена поздравляет Вас с днем Ангела.

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 57

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 28 января 1907

Дорогой Антонин Викторович!

В предвидении того, что в недалеком будущем, то есть после доставления о. Гавриилу списка страниц, которые он имеет снять с рукописей Лавры, равно

и по получении с Афона всего без исключения желаемого и ныне пока недостающего¹, я считаю нижеследующие величины альбомов за удобные. Посему это мнение повергается и на Ваши замечания, ради блага общего дела.

Венские рукописи №№ XXXIII — 70 снимков и CCIV — 20 снимков могли бы составить альбом № 1 — около 95 снимков ¹⁸/₂₄.

Рукопись CXXXVI можно бы разделить на альбом № 2 — с л. 1 до 172, то есть весь годовой стихирарь — около 175 снимков ¹⁸/₂₄ и альбом № 3 с л. 173 до 264, все остальное содержание рукописи — около 95 снимков ¹⁸/₂₄.

Альбом 4 — рукопись β 32 — около 100 снимков.

Альбом 5 — рукопись Γ 9 — около 90 снимков.

Альбом 6 — рукопись Γ 12 — около 45 снимков.

Альбом 7 — рукопись Γ 67 — около 75 снимков.

Альбом 8 — рукопись Γ 72 — около 95 снимков.

Альбом 9 — рукопись Γ 74 — около 115 снимков.

Альбом 10 — рукопись Δ 28 I — около 130 снимков.

Альбом 11 — рукопись Δ 28 (триоди) II — около 90 снимков.

Альбом 12 — № 18 Андр. I — около 140 снимков.

Альбом 13 — *ibidem* II — около 135 снимков.

Альбом 14 — Ивер № 470 — около 150 снимков.

Альбом 15 — Ватопед № 893 I — около 110 снимков.

Альбом 16 — *ibidem* II — около 110 снимков.

Альбом 17 — Есфигмен № 54 — около 145 снимков.

Альбом 18 — *Varia* — около 70 снимков.

Всего ¹⁸/₂₄ — 365. ¹³/₁₈ — 1600².

В деньгах, сколько думаю, стеснения не должно быть, хотя экономия не должна быть упущена из виду.

Думаю, что для ¹³/₁₈ будет удобнее продольный формат, а для ¹⁸/₂₄ — обыкновенный нотный, *quartus magnus*, следовательно ⁵/₁₆ и ⁶/₈ вершков.

Переплет, полагаю, надобен самый простой, но прочный, покрытый вместо бумаги коленкором и с запасными в корешке выходами листов, дабы снимки не пучили альбомов.

На корешках, полагаю, достаточно будет оттиснуть наверху крупно только цифру 1, 2, 3... внизу же средним шрифтом «О.Л.Д.П.»².

Ваш Ст. Смоленский. <...>³

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 53—54

1. Во время экспедиции выяснилось, что ее члены не успевают отнять все намеченные материалы в библиотеках разных монастырей, и это дело было поручено фотографу Панте-

леимонова монастыря о. Гавриилу, который и досылал снимки и негативы в Петербург по мере их изготовления. Переписка Смоленского с монахом-фотографом и другими афонскими иноками будет опубликована в VII томе РДМ, специально посвященном Афонской экспедиции.

2. Фотоматериалы Афонской экспедиции действительно были помещены в альбомы, примерно соответствующие описанию в данном письме, и переданы в ОДДП. После 1917 эти материалы долго считались утерянными, но несколько лет назад обнаружены в неразобранной части фонда ОДДП в РНБ.

3. Купирована «техническая» (шифры рукописей, номера страниц и проч.) выписка из Афонского дневника, имеющая целью облегчить задачу размещения снимков с рукописей в разные альбомы.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, май 1907]

Дорогой Антонин Викторович!

Несмотря на каторжную прохладу желаю с Вами увидаться, но для того имею несколько предварительных к Вам вопросов:

1) Был у меня брат покойного Владимира Васильевича Стасова и просил, буде у меня найдутся его письма ко мне, сообщить ему копии с оных. А письма у Вас, и я положительно не помню, сколько их было. По этому параграфу мне надо побывать у Вас в свободное для Вас время¹.

2) Такое же посещение нельзя ли иметь на случай, если Вы возьмете из Канцелярии Капеллы два высокоинтересных дела с отчетами Ф. П. Львова за какие-то годы вроде последних 20-х или первых 30-х?²

3) Так как Вы обещали побывать у меня, а я сижу теперь за интереснейшею партитурой Дегтярева «Минин и Пожарский» (данной лишь до субботы, 19-го, вечера), то зову Вас к себе³.

4) В ожидании сего посещения Вам приготовлены мною мои московские записи по части Стихирарей, Триоди и Миней.

5) В полученном с Афона письме пишут, что пришло время доснять наши пропуски по рукописям Аф[анасиевской] Лавры и Ватопеда, равно и прислали снимок, сделанный Успенским с какой-то Ватопедской рукописи, будто бы не бывшей у нас. Этот снимок прилагаю, прося Вас поглядеть — что такое? Если это новость и толковая, то, конечно, надо ее сейчас же и использовать, ибо деньжонки еще есть.

6) В том же письме что-то пишется о пленках, — я хотя и не понимаю дела, но думаю, что можно дать отсюда совет, как поправить кассету, и, ради избежания пленок, настоять на стеклах.

Ваш Ст. Смоленский.

Финдейзен плачет и скорбит, не имея продолжения Вашего «очерка», говоря об особом для него удобстве печатать именно сейчас и поторопиться печатанием до самого конца⁴.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 64—65

1. В фонде Смоленского в РГИА имеется одно письмо Стасова (ф. 1119, № 165; см. в этой книге). Где находятся остальные письма, если они были, — неизвестно. Письма Смоленского к Стасову находятся в фонде последнего в Пушкинском доме.

2. Федор Петрович Львов был директором Придворной капеллы в 1826—1836.

3. Партитурой, разысканной в семейных архивах, Смоленский занимался по просьбе С. Д. Шереметева, который планировал издать это сочинение крепостного шереметевского композитора С. А. Дегтярева (см. письмо Смоленского к Шереметеву от 20 мая 1907 в первой книге тома). Однако на этот раз дело ограничилось публикацией статьи Смоленского «Оратория Степана Аникиевича Дегтярева...» и небольшого фрагмента клавира оратории в «Музыкальной старине» под редакцией Н. Ф. Финдейзена (Вып. IV. СПб., 1907).

4. Речь идет о «Кратком очерке истории церковного пения в России», опубликованного под псевдонимом А. П. как приложение к РМГ за 1907.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 21 июня [1907]

Из моего вчерашнего прибытия к Вам, дорогой Антонин Викторович, равно и к Алеше с Петей¹, получилась в конце концов какая-то сплошная нелепость, Вы поступите правильно, придя в полное недоумение от случившегося. Посему предваряю, что исправлюсь вскоре, ибо имею намерение вновь, но уже в одиночку, прибыть в Ваши зеленые рощи. Вам поклон и привет.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 56. Открытка

1. Надо полагать, речь идет о совещании по поводу Регентского училища с участием Алексея Алексеевича Петрова и Петра Алексеевича Петрова-Бояринова.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 7 июля 1907

Сердечнейше благодарю Вас, дорогой Антонин Викторович, за известия, наконец-то объяснившие причину толикой потери времени. Не сомневаюсь и в том, что проведется и еще не одна неделя, пока Ш. соберется съездить к М[итрополи]ту для объяснения и получения себе руководительных указаний.

Но одна подробность о том, что взгляд Ш. о развязывании нашим делом ему рук ради его стремления и мысли о возможности совсем закрыть все и передать нам все, — меня радует в смысле большей ширины начала нашего предприятия¹.

Сейчас получил уведомление по телефону, что Митрополит, «сообразившись с законами», не счел себя в праве лично разрешить дело и докладывает ходатайство о разрешении в первое предстоящее заседание Синода, обещая к следующей пятнице доставить разрешение.

Жду от Вас вестей. Отъезд свой в Москву временно отлагаю. Поклон всем.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 59 об.—60. Открытка

1. Речь идет о возможности передачи в Регентское училище учащихся из закрываемого Регентского класса Придворной капеллы, по какому поводу начальник Капеллы А. Д. Шереметев должен был поехать к митрополиту Петербургскому. Эта тема получила развитие в начале осени, когда соответствующие переговоры велись между Смоленским и Н. Ф. Соловьевым. Однако условия передачи учащихся показались Смоленскому неприемлемыми (подробнее см. в переписке с С. Д. Шереметевым в первой книге).

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 18 июля [1907]

Дорогой Степан Васильевич.

«...В путь узкий хождши, прискорбный, вси в житии крест, яко ярем, вземшии...» Соловьев уехал¹. Но успел при последнем свидании со мной желчно показать мне свое нерасположение, если не того более. Из-за пустяков, о которых и говорить не стоит, он испортил мне настроение на целый месяц. И все это грубо, бессмысленно, без всякого разумения дела, прямо глупо. Из-за того, что я купил не три, не шесть, а именно 12 дирижерских палочек или что из 10 мною купленных струн половина оказалась негодной, в тот же день лопнула... И он мне больше ничего не нашелся сказать, он не упрекнул меня ни в чем больше. В чем подкладка этого маневра — я решительно отказываюсь понимать, и в этом все несчастье — не понимаю, в чем дело. Да и не я один — все, кто знает это у нас, также отказываются понять.

Я говорю о своих делах прежде всего потому, что я полон пока размышлениями о происходящем и об имеющем произойти. Стали мы раскидывать мозгами насчет этого имеющего произойти, и вот оказывается, что обеспечить себе несомненное участие в предположенном деле Регентского Училища мы, то есть я и Климов, теперь по крайней мере, едва ли можем. Подать прошение о разрешении сейчас, то есть графу, по словам Александра Александровича Федорова, немыслимо, ибо сей граф не может переносить равнодушно сочетания

тех звуков, из коих составляется Ваша фамилия... Нужно обождать сентября, когда такое прошение можно будет направить Соловьеву. А спрашивается — не поставит ли она малая птица какой-либо препоны? — ответа нет до сентября... Итак, если мне не разрешат, придется сказать: имейте мя отреченна от Вашего пиршества и дражайшего дела. Отреченна — если не материально, то лично... и склонить выю под меч наших деспотов и тиранов. В силу всего вышесказанного, а еще более в силу многого не сказанного, позвольте пока, до поры до времени забыть, что я не Вашего поля ягода и продолжать дело вместе с Вами, как будто ничего и не было сказано. Заменить мою персону, я думаю, Вам не составит никакого затруднения и не отнимет много времени.

Письмо Потехина дословно гласит следующее: «Письмо Ваше от 5 июля на мое имя, а на конверте на имя брата моего Алексея Антиповича я получил в деревне, откуда с первою же почтою и отвечаю Вам. К сожалению, Ваша просьба об отводе для Ваших регентских классов какого-либо городского училища не может быть удовлетворена как потому, что эти училища приспособлены для маленьких детей по преимуществу, что по вечерам училища не всегда бывают свободны, так и потому, что занятие городских училищ посторонними учреждениями очень обременяло бы службу заведующих училищами и их прислугу. Таково мое мнение, но вопрос решается не мною, а Комиссиею по народному образованию, куда и надлежит Вам обратиться с Вашею просьбою. С совершенным почтением готовый к услугам П. Потехин. 10 июля 1907 года. С. Мосальское»².

Вот и еще заковыка. Свидание Петра Алексеевича [Петрова-Бояринова] с Потехиным делу не помогает; было сказано так, что город за общее правило признает — не давать никаким курсам помещений в городских школах, так как нельзя поручиться за целость инструментов, поставленных в классе или зале, и в прошлом де году Комиссия отказала вечерним общеобразовательным курсам в помещении, несмотря на крайне симпатичное и полезное их дело.

Что касается Павла Ниловича [Голстякова], то письмо ему мы пишем сегодня. Немного я не понял, что Вы хотите — иметь в Москве под рукой самые снимки с афонских греков или только указания стихир? В Петербурге буду сегодня или завтра и отыщу Вам надобное из снимков, а также отправлю Курс г. Ступину.

Мы составляли проект нашего условия и объявления; посылаем то и другое Вам.

Объявление:

С разрешения Св. Синода и Министерства Внутренних дел бывшим управляющим Придворной Капеллой и Директором Синодального училища церковного пения С. В. Смоленским с 15 сентября 1907 года в Санкт-Петербурге открывается Регентское Училище с разделением на 1 курс (1 год), дающий звание регентского помощника; 2 курс — звание регента и 3 курс — звание учителя церковного пения и теории музыки. Учащимися принимаются лица обоего пола не моложе 15 лет, только приходящими, с

платою 80 рублей на 1-м курсе и по 100 рублей на 2-м и 3-м. Подробные условия и программы по требованию высылаются за 7-копеечные марки (С.-Петербург, Фонтанка, 34. С. В. Смоленскому).

Проект условия:

Мы, нижеподписавшиеся — учредители Частного Регентского Училища, разрешенного на имя С. В. Смоленского, заключили между собой следующее условие:

1. Общее заведование административной частью, сношения с учреждениями и частными лицами по делам Училища, проведение всех мер учебного характера, надзор за исполнением программ принадлежат С. В. Смоленскому.

2. Все расходы по устройству и ведению Училища обязуемся нести в равной доле, внося каждый необходимую сумму по мере надобности, устанавливаемой по общему соглашению.

3. Все вопросы внешней и внутренней жизни Училища, приглашение и увольнение преподавателей, прием и увольнение учеников, наем помещения, хозяйственные дела и проч. предлагаются на решение общего собрания учредителей, созываемого по заявлению одного из членов-учредителей.

4. Один из членов-учредителей заведует делопроизводством, принимает от учеников взносы за право учения и экзамены, выдает деньги преподавателям, платит по счетам Училища и проч. По окончании учебного года представляет в общее собрание отчет по приходу и расходу училищных сумм.

5. Обязуемся в течение первого учебного года существования Училища затраченных нами сумм обратно ни в каком случае не требовать. По окончании первого года в случае желанья члена-учредителя прекратить участие в деле — расчет с ним производится по действительной наличности прихода и расхода как денежных сумм, так и приобретенного имущества.

6. По окончании учебного года по утверждению денежного отчета и выяснившейся прибыли таковая распределяется между членами-учредителями по постановлению общего собрания пропорционально сделанным взносам.

Вот и все.

В понедельник нам стало известно, что в самом близком будущем появятся объявления от Капеллы о том, что в текущем году приема в Регентские классы Капеллы не будет.

А затем остаюсь Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 58—59

1. Совмещение цитаты из песнопения панихиды и фамилии помощника начальника Капеллы комически обрисовывает отношение Преображенского к своему новому начальству.

Н. Ф. Соловьев, по-видимому, сильно досаждал Преображенскому. Например, в письме от 5 сентября 1907 Смоленский рассказывал Шереметеву:

У [Преображенского] происходит какой-то нелепый сумбур, вследствие воздействий нелепого и не знающего дела Соловьева. Я полагаю, что граф Александр Дмитриевич — заслужил бы общее спасибо, если бы убрал Соловьева поскорее или по крайней мере ограничил бы его грубое сумасбродство. Этот странный и вполне неумелый «помощник», пожалуй, причинит А. Д. [Шереметеву] много невеселых хлопот.

Тем не менее Н. Ф. Соловьев оставался в Капелле до 1912.

2. В конце концов Регентскому училищу удалось найти помещение для занятий в гимназии Гуревича (подробнее об этом, а также о П. А. Потехине см. в переписках с Шереметевым и Волковой).

Смоленский — Преображенскому

Москва, 8 августа 1907

Дорогой Антонин Викторович! Вы упорно молчите [насчет] образцов для выбора, а у меня здесь дело [стоит] и время уже на исходе, — а от Вас ни бе, ни ме¹.

На днях, доканчивая каталогизацию 10 певчих Миней, я задумывался чуть не в 100-й раз над напевами канонов ежедневных. Наконец, блеснула мысль сравнить каждый тропарь в отдельной песни между собою. Получились определенные физиономии для *каждой* песни. Тогда пришел на помощь гостящий здесь Воскресенский Ирмолог, и оказалось, что тропари при каждом ирмосе *буквально повторяют ирмос*. Это теперь поверено и доказано. Посему и из Воскресенского Ирмолога снимется немало страниц, как и из Миней. Но кроме Миней — Триодь?

Оказалась верною и другая догадка: я сравнил по многу песнопений на один и тот же подобен и оказались все они как бы сделанными на машине. Следовательно мелодическое приспособление данных образцов к разным у нас текстам следует считать доказанным и вполне несомненным для колоссального числа текстов, распетых на подобен; следовательно надо только раскрыть мелодии этих подобнов.

Я уже задумался над ними очень. Но для меня вместе интересно услышать от Вас без промедления ответ на следующее: сколько удалось заметить Вам означений «подобнов» в Афонских рукописях и те ли самые их заглавия, как у нас? То есть те ли же самые «Яко добля», «Званный свыше», «Дивное чудо» и т. д. Затем я очень прошу Вас сравнить, например, хоть на «Яко добля» с десятком греческих стихир и сообщить мне: одинаково ли они нотированы, то есть относится ли заглавие «подобен» у греков и к тексту литературному и одновременно к мелодическому его изложению по данной форме? У нас, русских, мелодическая сторона несомненно выдержана и к тексту, как нестихотворному, отнесена разве со слов греков. Наконец 3-й вопрос: стихиры «самогласны» у

греков не производят ли на глаз впечатление несравненно более сложных, нотированных более кудряво, с большим числом фит и т. п.?

Одновременно с сим, не заметили ли Вы почти отсутствие означения подобнов в общих Триодах?

Как видите, сидя без новостей о регентской школе, не теряю даром времени в Москве. Всем поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Сгоряча было вдруг сел писать М[еталло]ву, но когда продумал то, о чем собственно писать ему и как мотивировать желательные его воздействия в пользу нашу — временное раздумье приостановило мой порыв. Сообщите мне Ваши соображения по сему, то есть как и чем уставить М[еталло]ва ради его воздействий на А. Д. [Шереметева]².

Работы мои здесь идут на всех парах. Ежедневно наслаждаюсь в превеликом изобилии новостями, особенно в певчих Минеях и в области их канонов.

Всей братии, как всей нации при оной, равно и всем принадлежностям при оной нации мой поклон и привет.

Ваш Ст. Смоленский.

Р. С. Что это значит, что сообщение, Вами сообщенное, было сообщено А. Д. Ш[еремете]ву не А. А. Ф[едоровы]м, а С. Н. Б-м?³ Уж не случилось ли и тут какого-либо увольнения?

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 60 об.—62

1. См. следующее письмо.

2. О каких воздействиях Металлова на начальника Придворной капеллы говорится в письме, неясно.

3. О ком идет речь — неясно.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 12 августа 1907

Дорогой Степан Васильевич.

Насчет моего «упорного молчания» Вы, вероятно, теперь уже получили объяснение. При одной прислуге с двумя птенцами часто приходится мне исполнять обязанности няни, горничной и т. п.¹ Затем переезд, сложившийся так неудачно, ну и проч. Ваше письмо от 8-го я имею только сейчас — 12 часов воскресенья и сейчас же пишу.

Вы уверились в тождестве мелодий для ирмоса и тропарей каждой песни канона. По отношению к греческим образцам это давно несомненно, и именно так, что тропарь повторяет совершенно точно количество слогов ирмоса, имеет определенные деления на строки в мелодии, с ударениями на известных слогах, одним словом, тро-

парь по конструкции текста и напева — есть повторение ирмоса. И для того чтобы установить подобное взаимоотношение ирмоса и тропарей в славянских канонах, нужно, мне кажется, посчитать количество слогов в ирмосе и тропарях и наблюдать за тожеством знаменного изложения их. В греческих канонах обычно мелодия пишется только для ирмоса, а тропари под ним пишутся без знамен, очевидно в том предположении, что тропари, имея одинаковое с ирмосом количество слогов и совпадение сильных и слабых ударений, поются той же мелодией ирмоса. Все это одинаково законно для всевозможных канонов — они следуют одному и тому же закону.

То же самое надо сказать и относительно подобнов. В наших афонских снимках нет Октоиха с отдельными подобнами, но указания на подобен мне встречались. Однако подобны указаны — «Плотию волею», «Живоприемному Твоему гробу», а не обычные. Подобрать Вам несколько стихир на подобны невозможно, так как греческие стихирари не имеют «всех» стихир для каждой службы, а только лишь — славники для простодневных служб и стихиры самогласны для служб праздничных. А что у греков «подобен» относится и к тексту, и к напеву, это видно уже из тожества в устройстве того и другого, правильного чередования ударений и т. п. Одним словом — как и при сравнении ирмоса с тропарями.

По третьему вопросу. Стихиры самогласны как таковые не могут быть выделены из ряда других по сложности нотации, так как сложностью отличаются лишь немногие стихиры на большие праздники (говорю, конечно, о греках).

Подобны из Триоди я, между прочим, отметил Вам в прошлом письме, это бросившиеся мне в глаза — «Отчаянная жития ради», «Погруженная грехом», «Помраченная...»

Могу еще добавить: «Достигше вернии спасительную страсть Христа Бога» и ненаходимые в печатных два подобна ему — начинающиеся так же «Достигше вернии» (Утренняя Великого Понедельника). Или — «Чувствия наша чиста» и «Сына яко агнца» (в печатном несть) и «Дева родила еси» (Страстной антифон 1-й). Или еще кстати из Стихираря (посмотрите по рукописи!) 22 января — «Светильник верных» и «Добляго страдальца» (в печатном несть).

Понимаю, дорогой Степан Васильевич, что Вы привезете с собой в Питер тьму новостей самых животрепещущих для нашего брата, и предвосхищаю оное удовольствие...

А Регентское Училище все еще молчит! Когда Святейший соблаговолит снизойти к ответу на Ваше — должно быть — греховное прошение — и не видеть и не слышать!²

Когда же Вы в хладный Питер?

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 50—51 об.

1. Письмо направлено в Москву, где Смоленский в это время работал в библиотеках над сопоставлением греческих и древнерусских песнопений. Позиция самого Преображен-

ского по вопросам соотношения двух певческих традиций выражена в его публикациях (см. во вступительной статье к разделу).

Кстати, из этого письма мы узнаем о прибавлении в семье Антонина Викторовича: у него родилась дочь Анна.

2. Речь идет о переговорах насчет присылки в Регентское училище стипендиатов от епархий или о других формах помощи училищу со стороны Св. Синода.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 15 декабря 1907

Дорогой Антонин Викторович! Поздравляю Вас с коллегой и именинником¹. Пишу Вам по свидании с Гуревичем². Он согласен (то есть весьма любезно просил не отказать) только на одну редакцию «не особенно большой» вывески на углу, «аршин в 7, 8», такого содержания:

Вечерние классы Ст. В. Смоленского:

Регентское Училище и Музыкальная Школа

Я пораскинул умом и подумал, что это приемлемо. Если вы увидите с именинником и Петром Алексеевичем, то стоворитесь как можно поскорее и закажите также поскорее, чтобы повесили как можно скорее. А что наши газетные объявления? Что наши вагонные плакаты?

Черкните о здравии Вашем.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 63

1. Речь идет о Павле Толстякове.

2. То есть директором гимназии, где располагалось Регентское училище.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 26 декабря [1907]

Дорогой Антонин Викторович!

Коли надумаете не забыть о возможности купить для меня с уступкою бумаги (большой [формат?]) и конвертов, больших, малых и малюсеньких, хотя бы по 2—3 стопы и 2—3 сотни, — то не забудьте и о перьях Esterbrook probate pen № 313, равно и Эврика 510 f. Засим здравствуйте с супругою и потомством, а об эфиопах уведомьте.

Ваш Ст. Смоленский.

Антиков каталоги переданы через Петю Алексеевича. О достоинстве (?) книг Металлова написано.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 86

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 24 апреля [1908]

Дорогой Антонин Викторович!

Оказывается, что, кроме 15 экземпляров, мною от Вас полученных, у нас совсем нет объявлений о Регентском Училище. Сегодня было я собрался начать рассылку по учебным заведениям и [прочим учреждениям].

Будьте добры, распорядитесь об отпечатании по крайней мере 600 или больше объявлений со сделанными поправками, равно и с теми, какие Вам покажутся надобными еще.

Мне кажется, что было бы хорошо напечатать объявление в формате малого почтового листа на 3-х страницах, чтобы оставить 4-ю сторону для адреса. Теперь надобен конверт, а в ином формате обойдемся без конверта.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

NB: от Ив. Павлова получено платы 15 рублей.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 66—67

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 28 апреля 1908

Дорогой Антонин Викторович! По подсчету, сделанному мною с В. П. Гутором и В. В. Б-вою, надо уплатить первому 40 рублей, второй же — 17 руб. 50 коп. Посему благоволите завтра доставить с запасцем (рублей 30—35) на Е. А. Аникина. Вместе с тем прошу Вас, передав за абонемент пьянино рублей хоть сто, пригласить взять с 1 мая инструменты на лето к себе *на хранение* и для должной поправки, считая, что абонемент продолжается и оба пьянино новые остаются за нами, а заграничное возвращается. О последнем было бы лучше всего выяснить вопрос окончательно, то есть его цену более дешевую. Вместе с тем было бы желательно иметь с 1 сентября не менее трех новых пьянино и о сем переговорить бы подробнее и накрепко¹.

Ваш Ст. Смоленский.

1. Речь идет об инструментах для Регентского училища. Чуть позже В. П. Гутор открыл в Петербурге собственные музыкальные курсы.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 68—68 об. Открытка

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 29 [апреля 1908]

Дорогой Антонин Викторович! Если еще не поздно или типография еще не разобрала набор, прошу Вас заказать еще 1200 оттисков «Кратких сведений»¹, ибо подсчет (по 6 в семинарию, по 3 в епархиальные женские училища и по 2 в духовные мужские) едва восполнит эту цифру.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 68 об.

1. Подразумевается рекламное объявление о Регентском училище: Смоленский не терял надежды получить в качестве учащихся стипендиатов от разных епархий.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 4 июля 1908

Дорогой Антонин Викторович! Я возвратился сегодня и был уже у Вас на Мойке, где мне не сумели объяснить, когда бы Вас можно увидеть в городе. А между тем я имею к Вам дело хотя и не спешное, но серьезное. Посему уведоьте меня, когда и где мы могли бы увидеться. Всем привет.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 70. *Открытие*

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 13 июля 1908

Дорогой Антонин Викторович! Полагаю, что 1) ужасающие цены объявлений на 1-й странице газет для нас совершенно не по средствам, 2) этих цен испугались все, и мои наблюдения в газетах 12 и 13 июля указали, что разные учебные заведения в немалом числе перекочевали на 3-ю и 4-ю страницы. Ergo: нам следует сделать *без промедления* то же самое, так как школы уже начали публиковаться.

По делу о газете я был у Гра-ка, списал копию с формы *заявления* и хотел бы переговорить с Вами, но более того — улучшить к свиданию Петю Алексеевича в день его приезда с Волги. Посему сообщите мне о дне и часе Вашего появления и свободного у Вас часа на Мойке, чтобы увидеться и перетолковать о делах. В сумме, надобной для 4-й — 3-й страниц, прибуду к Вам, чтобы деньги, имеющиеся у Вас, остались у Вас же ради свободы Ваших действий. Посол Ваш показал мне лишь 45 мест, куда он дал плакаты, а я думаю, что надобно раздать

их все, ибо куда беречь их? Надобен послу гонорар ради его умелого усердия ad futurum [в будущем].

От А. А. П. [Алексея Алексеевича Петрова] не имею ни слова, но живо интересуюсь, уладилась ли его буря в стакане воды? нет ли осложнений?

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л 72. Открытка

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 31 июля [1908]

Дорогой Антонин Викторович! Хотя я и мало чем мог бы порадовать Вас, но все-таки поджидал Вас к себе в понедельник. Петя Алексеевич, вероятно, сообщил уже Вам, что о газетно-журнальных поисках можно сказать лишь «pessime» [«невозможно»]. Более определенны мысли о постоянных ежегодно-краткосрочных летних курсах при Регентском Училище, но и тут не налаживается наше свидание для обсуждения дела¹.

Надобны мне (за счет Регентского Училища) программы Регентского Клас-са. Пришлите мне, пожалуйста, при случае 15—20 экземпляров — на этот раз, вероятно, уже последних, ибо, если дела наши окажутся благообнадеживающими, то надобно без промедления печатать свое издание.

Если увидите Петю Алексеевича, сообщите ему, что мною получена [депеша] от Архангельского о прибытии его в Петербург лишь к 28 августа. Этим отсрочиваются наши помыслы о начале исполнения поручений Съезда².

«А в прочем до свидания». Барыне поклон мой и от сегодня возвратившейся жены.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Нет ли в складе у Вас моей «Панихиды»? У меня вдруг оказалось ее неимение. Куда она девалась — ума не приложу³.

РГИА, ф. 1109, № 107, л 71 об. — 72 об. Открытка

1. Такие летние регентско-учительские курсы при Регентском училище были впервые проведены в 1911 и затем устраивались в Петербурге каждый год, вплоть до 1916. Курсы начинали работу по программам бывшего Регентского класса Придворной капеллы, собственные программы курсов были опубликованы в 1910. В том же 1910-м журнал «Хоровое и регентское дело» напечатал проект программы изучения русской народной песни в Регентском училище (№ 5/6. С. 138—139), там же в 1912-м напечатана программа «Управление хором» (№ 5/6. С. 109—117).

2. См. комментарий к письму к С. С. Волковой от 8—9 октября 1908.

3. Имеется в виду издание «Панихида на темы из древних роспевов» (СПб., 1905).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 19 сентября 1908

Дорогой Антонин Викторович! Привезли еще новое пьянино, оставил я перед тем недавно привезенное, ибо надобно оно до зарезу. Не откажите сообщить завтра мне, куда могли бы деваться прошлогодние чехлы? Я не помню, было ли их 3 или 2. Если 2 — то, пожалуйста, закажите Гергенсу, притом как можно скорее, еще 3 чехла, если же было 3 — то надо, конечно, только 2 чехла.

Население наше прибывает очень туго, больше безденежными. А. Н. [Нарышкина] взяла даровую — отличного альта и ставит двух платных¹; в Регентское Училище прибыл болгарин — совсем уж без всего.

Надо бы нам посоветоваться хоть в следующее воскресенье или как-либо. Явилась у меня мысль нехорошая, но бухгалтерски удобная — уменьшить плату за урок по-капельски до 56 рублей вместо 60, то есть уэкономить по 4 рубля с урока и упростить 8-месячную выдачу круглою цифрою по 7 рублей за годовой час вместо 7 руб. 50 коп. Боюсь притом, что, пожалуй, не хватит у нас бюджета и при субсидии, ибо платят так туго, что и сказать нельзя — одно горе. Поступило до сих пор всего 600 рублей — и ничего дальше, а между тем ведь 3 класса!

Ваш Ст. Смоленский.

Шкаф нотный — нужен до зарезу.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 72. Открытка

1. Речь идет об А. Н. Нарышкиной, которая взяла на себя оплату одной учащейся Регентского училища и кроме того прислала двух платных учащихся от себя. Это согласуется со сведениями из писем Нарышкиной к С. Д. Шереметеву (см. в первой книге тома): у Александры Николаевны было намерение обеспечить храмы своих имений регентами из местных жителей, обученными в училище Смоленского.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 18 октября [1908]

Дорогой Антонин Викторович! Ал. Алдр. Копылов просит в дополнение к «Легенде» («Был у Христа») налитографировать еще «Соловушку» его же и сочинение Копылова «Блажен, кто улыбается»¹.

Я прошу Вас в дополнение к конвертам Регентского Училища и о моих частных (штук 300) конвертах в $\frac{1}{4}$ доли почтовой четвертки, каких я уже не раз получал от Вас; затем необходимее необходимого журналы, о коих Вы уже говорили. Фотографии Хиландаря и Ватопеда уже у меня и я доставлю их Вам. Ковину сегодня намного лучше.

Ваш Ст. Смоленский.

С Д. Н. С[оловьевым] насчет Синодальных книг переговоры были хорошие, но насчет «правов» — дело туго².

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 73 об. Открытка

1. Речь идет о двух произведениях П. И. Чайковского и хоре А. А. Копылова на стихи К. Р. Копылов был приглашен руководить Общедоступным хоровым классом при Регентском училище.

2. Может быть, имеется в виду дальнейшая работа по совершенствованию синодальных певческих книг на квадратной ноте.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 25 ноября [1908]

Дорогой Антонин Викторович!

1. Я читаю в Обществе любителей древней письменности сообщение 5 декабря и мне очень было бы подходяще, если бы Вы сами или доверив мне продемонстрировали тетрадь-автограф Бортнянского с сонатами для фортепьяно. Могу ли я думать, что это можно устроить?¹

2. У меня куда-то запропастился № 1 «Музыкальной старины» Финдейзена, где он распечатал нотами одну из вышепоказанных сонат². Нет ли у Вас сей книжицы, моей или своей? Очень был бы признателен Вам, если бы Вы одолжили таковую в первый же Ваш приход на Бассейную, то есть 26 ноября.

3. На Бассейной я уже давно ищу те стихирари Саратовской печати, кои столь служили мне в прошлом году на уроках по управлению хором. Куда все эти стихирари запропалились — не знаю, а мне они вновь очень надобны для училища. Не припрятали ли Вы их весною куда-либо по окончании учебного года?

Вопрос об условиях приложения моих Очерков к «Хоровому и регентскому делу» меня весьма занимает³, и думаю, что мы сговоримся к взаимному удовольствию.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 76—76 об. На бланке Музыкальной школы Смоленского

1. Это сообщение называлось «О фортепианной музыке в России XVIII века» (см. Приложение «ОЛДП» в первой книге тома).

2. В первом выпуске альманаха «Музыкальная старина» под редакцией Н. Ф. Финдейзена (СПб., 1903) опубликованы Sonate di cembalo Д. С. Бортнянского по рукописи, которую, по выражению Финдейзена, Смоленский «вновь нашел» в библиотеке Придворной

капеллы в 1901. Поэтому Степан Васильевич и просит Преображенского как библиотекаря Капеллы принести рукопись в собрание ОЛДП.

3. Речь идет о том же самом «сводном», обобщающем труде Смоленского, который фигурирует и в других его переписках (особенно часто и подробно — в переписке с С. С. Волковой). Идею Преображенского издать этот труд как приложение к новому журналу «Хоровое и регентское дело», который должен был выходить с начала 1909-го, можно считать удачной, однако кончина Смоленского помешала осуществлению плана.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 10 декабря 1908

Дорогой Антонин Викторович! А. А. Копылов просит налитографировать возможно поскорее его «Блажени яже избрал» № 2, «Благообразный Иосиф» Бортнянского, «Охоту» Мендельсона, «Се что добро» Ипполитова-Иванова и «Слуху моему» Полуэктова. Последний номер есть в литографированных партитурах Капеллы. Жду от Вас «план» для № 1 «Хорового и регентского дела», ибо желаю иметь сюжетом то именно, что соответствовало бы Вашим желаниям к № 1¹.

Не забудьте, пожалуйста, поскорее заказать гравировку на стекле или бронзе «Дар А. Н. Нарышкиной», ибо она будет здесь через 2 недели и без сомнения будет в Регентском Училище². Точно так же не забудьте сказать Гергенсу уговоренное нами об отходе последнего инструмента и о том, чтобы он всенепременно доставил как можно скорее давным-давно заказанные чехлы.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 77—77 об. Открытка

1. План первого номера нового журнала «Хоровое и регентское дело» выглядит следующим образом: вступление от редакции (возможно, написанное с участием Смоленского), статья А. Т. Гречанинова «Где и как пробивать брешь», статья Смоленского «О первом регентском съезде», «Заметки регента» за подписью Н. К. (Николай Ковин), статья за подписью А. «Знамение времени» (посвящена положению псаломщиков в церковном причте), информационная заметка А. Н-ий (Александра Никольского) «Бюро Общества взаимопомощи регентов церковных хоров». Далее следуют: петербургская церковно-певческая хроника, отдел корреспонденций о церковно-певческой жизни Москвы (Никольский), Архангельска, Тамбова, Нижнего Новгорода, Пензы; нотография (новые сочинения Гречанинова, Виктора Калининкова, С. В. Панченко).

В программе журнала и списке его участников, помещенном на первой странице, имя «профессора Смоленского» выделено особенно крупным шрифтом.

2. Речь идет о пианино, подаренном училищу А. Н. Нарышкиной (см. в ее письмах к Шереметеву в первой книге тома).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, [29 декабря 1908]

Дорогой Антонин Викторович! Обстоятельства так складываются, что на стипендию Шереметева необходимо надо назначить кого-либо немедленно. Посему предлагаю Тараненку как вопиюще бедствующую. Подумайте с Петей Алексеевичем и сообщите мне, согласны ли или надумаете о ком-либо другом? Сообщите о сем мне, буде надумаете, сегодня же письмом¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 78—78 об. Открытка

1. С. Д. Шереметев еще осенью 1907-го начал материально поддерживать Регентское училище; ближайшим поводом к тому послужило письмо Смоленского, в котором он рассказывал о «жестокой нужде» многих из пришедших в Регентское училище и затруднительности для него самого брать плату с бедняков.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 16 января 1909

Secretto-secretissimo

Дорогой Антонин Викторович!

Дело, о котором мы говорили вчера, оказалось сегодня, со слов С. Д. Шереметева, вовсе не столь безнадежным. Ему известен параграф о «неотчуждении», и дело может быть повернуто вне этого параграфа при помощи достаточно подробной справки, с 1 марта 1902 по 1909 включительно, дабы удостовериться:

- 1) «неимущих» в инструментальных классах учеников за силою 1 марта 1902 юридически не существует и потому
- 2) все «пособия» справедливо выдаваемы не были, но
- 3) производившиеся выдачи тем самым противоречили основной идее «пособий» и притом не существующим «неимущим»; выдававшиеся уплаты, по усмотрению и распоряжению начальства Капеллы, при перемене режима и без согласия на перемену С. Д. Шереметева, подлежат прекращению как не получившие одобрения жертвователя.

Посему, для известной цели с помощью точной справки: 1) констатируется нарушение воли жертвователя, 2) капитал *не изъимается от Капеллы*, но пользование им, по новому Высочайшему повелению, будет адресовано куда-либо, с согласия его Величества по просьбе С. Д. Шереметева.

Ради сего прошу Вас, не объявляя даже и Алексею Алексеевичу, собрать *наискорейше* справки из годовых денежных отчетов и прописать в них цели сделанных выдач, — но в глубочайшем секрете, до поры до времени.

Ваш С. Смоленский.

Справка нужна с 1 марта 1902 года.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 79—80

1. Как можно понять из письма, речь идет о возможности «переброски» средств, пожертвованных С. Д. Шереметевым в Капеллу (по-видимому, в бытность его начальником) для помощи неимущим ученикам в Регентское училище. Проект этот скорее всего не был осуществлен, хотя, как уже говорилось, Шереметев помогал училищу материально с первого же года его существования, а после кончины Смоленского неоднократно покрывал дефицит годового баланса училища (см. Приложение «Дело о Регентском училище» в первой книге тома).

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 21 мая [1909]

Дорогой Антонин Викторович!

1) Сообщаю Вам для обсуждения и ответа письмо Бернаскони, по-моему — неудобоприемлемое, ибо не в том мы положении пока, чтобы брать незнакомых квартирантов, да еще и с большими аппетитами.

2) Карточек хора уже не было во вторник вечером, а меня просто одолевают хористы лично и письменно. Посему прошу заготовить еще 15, ибо записалось 21¹.

3) Жду рукописные снимки, как из печи пирога, особенно же Погодинского Стихирая; работы мои встали — пожалейте Смоленского².

4) Из Торговой Школы нет пока ответа, но письмо Елисееву доставлено. Пете это письмо также покажите. Довольны ли Вы хотя бы половинкой моего возражения Компанейскому в «Новом времени»?³

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 83

1. Имеется в виду фотография участников Общедоступного хорового класса при Регентском училище.

2. Погодинский Стихирай — одна из тех древнейших русских рукописей, которыми пользовался Смоленский для сопоставления с греческими образцами; о ней, в частности, идет речь в сообщении Смоленского в ОЛДП и в его неопубликованной работе «О каталогизации церковных песнопений, оказавшихся в Афонских и Венских греческих рукописях,

и о дополнительной к ней каталогизации песнопений, оказавшихся в русских певчих древнейших рукописях» (РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 29).

3. В четвертом пункте письма речь идет сначала о поисках нового помещения для Регентского училища (подробнее см. в переписке с Шереметевым и Волковой). О полемике Н. И. Компанейского и Смоленского на страницах газеты «Новое время» см. далее в комментариях к письмам Н. И. Компанейского.

Переписка с В. М. Металловым

Вступительная статья

Василий Михайлович Металлов — еще один деятель, чья научная и творческая судьба была определена встречей со Смоленским. И так же, как в случае с А. В. Преображенским, знакомство состоялось заочно, в результате чтения Степаном Васильевичем посланных ему из Саратова, где тогда жил Металлов, первых книжных изданий ученого. Далее последовало приглашение в Москву, в Синодальное училище. Однако, в отличие от совсем молодого и совершенно свободного от семейных обязанностей Антонина Викторовича, Металлов в 1894, в возрасте 32 лет, когда он получил приглашение Смоленского в Москву, имел пятерых детей; поле деятельности его в Саратове было обширно: он являлся священником местной тюремной церкви, преподавал церковное пение в местной семинарии; судя по письмам, имел и частные уроки. Понятно, что перевод его в Москву мог совершиться только при определении и на священническое место, чего достичь было очень непросто и чего Смоленскому все же удалось добиться при помощи своих связей в высшем церковном управлении.

Как и в случае с Преображенским, интуиция не подвела Степана Васильевича: те задатки настоящего ученого, которые были видны в ранних работах Металлова, в Москве развернулись в полную силу. По работоспособности, усердию и систематичности о. Василий несомненно опережал всех трудившихся на историко-церковной ниве, в том числе самого Смоленского. Несомненно также, что Металлов был человеком умным, образованным и одаренным, причем для Степана Васильевича безусловно имел большое значение тот факт, что свои обширные знания Металлов приобрел упорным личным трудом, преодолевая многочисленные препятствия: рано осиротев, он рано должен был оставить свое обучение, уйдя по семейным обстоятельствам из Московской Духовной академии после второго курса и не имея возможности завершить этот курс впоследствии. (Соответствующий академический диплом и звание магистра богословия он все же получил, но много лет спустя — в 1914 году, за книгу «Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский».)

Смоленский в московские годы был Металловым очень доволен. В одном из писем Кастаньского пересказываются характеристики, которыми Степан Васильевич награждал в те годы о. Василия: «ах, какая это голова», «ах, какой умница»¹. Ни у кого не вызывало ни малейшего сомнения, что консерваторская кафедра истории церковного пения по отъезде Смоленского в Петербург должна быть передана именно Металлову, как не вызвала сомнения и передача ему заведования рукописной библиотекой училища после отбытия в Петербург Преображенского.

---

¹ Письмо А. Д. Кастаньского к С. В. Смоленскому от 7 декабря 1901. РДМ. Т. V. С. 584.

Но примечательно, что в Воспоминаниях Смоленского о. Василий упоминается лишь бегло, а переписка между ними почти затухает в петербургские годы Степана Васильевича. И хотя отдельные письма этих лет все же существуют и хотя известно о том, что они встречались во время посещений Смоленским Москвы, очевидно: той сердечной дружбы, которая до конца дней связывала Степана Васильевича с Преображенским, Кастаньским, Танеевым (и другими москвичами), в данном случае не получилось. Как не возникла у Металлова тесная связь со всей творческой средой Синодального училища: в тот период, когда директором училища стал Кастаньский, о. Василий был отстранен от преподавания, а позже, в 1916, выведен из состава Наблюдательного совета.

Публикуемые письма, как представляется, раскрывают мотивы подобных отношений, разумеется, не бросая никакой тени на личность о. Металлова: здесь налицо, что называется, «несходство характеров». О. Василий не вписывался в «корпорацию» Синодального училища, о которой говорил Кастаньский, имея в виду и педагогов, и ближайших друзей училища и хора: Орлов, Кастаньский, Чесноков, Гречанинов, Кленовский, Кругликов, Смоленский, Танеев, Ипполитов-Иванов и проч. (порядок перечисления принадлежит Кастаньскому). Между тем Металлов имел кроме научных и композиторские амбиции, а главное, претендовал на формулировку «единственно верного» стиля церковного пения, — что более всего и возмущало Кастаньского и его коллег. Особенно обострилась ситуация сразу же после отъезда Смоленского — после выхода в свет статей Металлова в журнале «Вера и Церковь» в 1901 и в газете «Московские ведомости» в 1902: в этих статьях о. Василий весьма строго оценивает достижения национальной духовной музыки и выдвигает чрезмерно жесткие критерии ее оценки, причем с «негативным» упоминанием имен как Чайковского и Балакирева, так и своих товарищей по Синодальному училищу. Читатель может найти подробный комментарий к этой проблеме как в III томе РДМ, где опубликована вторая из упомянутых статей («О современном состоянии и нуждах церковного пения»), так и в V томе серии, в публикации писем Кастаньского к Смоленскому. Более всего возмущала композиторов именно безапелляционность и, употребляя любимое слово Смоленского, «самоуверенность» предписаний Металлова авторам духовно-музыкальных композиций, а в научных работах о. Василия им не нравился формальный, как им казалось, «сухой» подход к знаменному пению (в отличие от «художественного», эмоционального подхода Смоленского, а также и Разумовского).

Однако время все расставило по своим местам, и лучшие работы Металлова — несомненно, настоящего ученого в точном смысле этого слова — остаются актуальными по сей день: прекрасная «Азбука крюкового пения», «Осмогласие знаменного роспева...»; свое значение сохраняет огромное собрание исторических фактов в таких работах, как «Синодальные, бывшие патриаршие певчие» (см. II том РДМ) и «Синодальное училище церковного пения в его прошлом и

настоящем» (там же) и др. Актуален и ряд идей капитального труда «Богослужebное пение Русской церкви. Период домонгольский», на который Смоленский, признавая многие ценные качества работы Металлова, дал отзыв, если не разгромный, то по крайней мере весьма критический. Текст отзыва публикуется в следующем томе РДМ, посвященном экспедиции на Афон в 1906 году, поскольку задачи научной экспедиции и труда Металлова — по сути одни и те же: обнаружение источников древнейшего периода русского церковного пения. И показательно, что именно с Металловым Смоленский поделился первыми подведенными итогами афонской экспедиции. Относительно выводов как в книге Металлова, так и в отзыве Смоленского на нее, не вдаваясь в сложные проблемы певческой медиевистики, можно сказать, что, по современным данным, в чем-то оказался прав Металлов, а в чем-то Смоленский.

Что касается периода после кончины Смоленского, то показателен следующий факт. По предположению С. Г. Зверевой, Кастальский мог быть автором (или одним из авторов) некролога на смерть Металлова, где точно и объективно сформулирована суть его деятельности, причем именно в сопоставлении с деятельностью Смоленского:

Покойный принадлежал к типу ученых кабинетных археологов, настолько углубленных в свои изыскания, что им как будто чужда живая бурливая жизнь; пытливая мысль его стремилась проникнуть в суть и дух музыкальных иероглифов. В этом отношении предшественник Металлова по консерватории С. В. Смоленский был ученым совершенно противоположного типа: он умел завлекать своих учеников даже на композиторские опыты... он тесно связывал свою науку с жизнью искусства; при нем она закипала... Тем не менее В. М. Металлов среди немногих деятелей по музыкально-культурной археологии был одним из наиболее авторитетных лиц, особенно в последнее время². Первоначальные исследования Разумовского значительно устарели, работы Смоленского и Компанейского по сближению деревенской песни со столповым, знаменным пением остались незаконченными. Металлов в такие смелые экскурсии и не пускался; зато он нам оставил лучшее систематическое руководство по чтению и изучению крюковых рукописей... <...> Значительную работу Металлов произвел по описанию крюковых рукописей Синодального училища... <...> Имеется значительное количество неразработанных вопросов в этом своеобразном мире... со стороны его форм, совершенно оригинальных, его ритмики, применения его к общекультурной музыке, многоголосной обработки и другому. В. М. Металлов за эти вопросы не брался; он старался выяснить прежде всего мелодическую сторону этой музыки и ее оригинальную нотацию³.

² Возможно, имеется в виду последняя — незавершенная — работа Металлова «Христианское богослужение в связи с священным песнопением и церковной музыкой. Историко-литургическое исследование» (ГЦММК, ф. 374, № 2).

³ РДМ. Т. V. С. 588–589.

Из публикуемой переписки (сохранившейся не полностью) становится ясно, что склад личности о. Металлова были определен и его природными задатками ученого, и его трудным путем в молодые годы, а также — в немалой степени — его ответственным отношением к собственному священническому сану. Выработав убеждения — и притом на основании трудов того же Смоленского («Курс», «Азбука Мезенца»), мнений С. А. Рачинского о церковном пении и проч., — Металлов держался их твердо и последовательно, но мог, как явствует из переписки со Смоленским, и прислушаться к здоровой критике. Для Металлова естествен поиск «универсального» «строغو-церковного» стиля, хотя, конечно, прав Кастальский, говоря, что ничего нового в обработках самого Металлова нет и никакого нового «строгого» стиля они не содержат. Тем не менее поиск подобного стиля весьма характерен для русской музыкально-теоретической мысли и композиторской практики, имеет свои глубокие основания и продолжается от эпохи В. Ф. Одоевского и Н. М. Пютулова вплоть до XX века.

Марина Рахманова

Металлов — Смоленскому

Саратов, 17 ноября 1892

Покорнейше прошу канцелярию прислать мне программу преподавания церковного пения в Училище и по всем другим предметам. Если нельзя получить программу бесплатно, то я согласен уплатить за нее что следует.

Адрес: Саратов, угол Московской и Ильинской, д. Тумакова. Священнику В. Металлову.

РГИА, ф. 1119, № 1152, л. 1. Открытка

Металлов — Смоленскому

[Саратов, лето 1893]

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, препроводить это письмо в адрес одного из книжных магазинов Москвы, откуда бы я мог получить изданную Вами книгу «Краткое описание древнего знаменного Ирмолога (XII и XIII в.) Воскресенского монастыря» etc., ц. 50 коп. с наложенным платежом или же выслать эту книжку (1 экз.) из Вашей канцелярии, если есть ее экземпляры, по следующему адресу. <...>

Р. С. Желательно было бы видеть в печати Ваше описание рукописей Соловецкой библиотеки Казанской духовной академии и получить его.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 2. Открытка

Металлов — Смоленскому

[Саратов], 23 августа 1893

Его Высокородию Степану Васильевичу Смоленскому.

Покорнейше прошу Вас извинить меня за долгое молчание после получения от Вас книжки «Краткое описание древнего (XII—XIII в.) знаменного Ирмолога» с весьма ценным для меня автографом, за что приношу Вам глубочайшую мою благодарность, в чем Вы не могли, конечно, сомневаться и прежде. Причина замедления была та, что на Ваш дар от ценных трудов Ваших мне хотелось отдарить даром от трудов своих, хотя бы и менее ценных.

Получив только на днях из печати свои сочинения: 1. «Очерк истории православного церковного пения в России» (101 стр.) и 2. «Церковное пение как предмет преподавания в народной школе. Замечания по дидактике и методике церковного пения» (III + 61)¹, — спешу послать их к Вам и вместе почтительнейше просить Вас принять их в дар в знак глубочайшего уважения к Вашим просвещенным ценным трудам в области церковного пения. Ваше высокопросве-

щное внимание и сочувствие к моим сим трудам послужит потом поощрением к дальнейшим работам в благодарной области исследований по церковному пению преданного Вам и благодарного

Священника В. Металлова.

Р. С. Жду с нетерпением Ваших новых исследований в области древнего крюкового пения; не могу без удовольствия вспомнить о Ваших нотных положениях². По поводу воспитанника Саратовской семинарии Крылова могу сказать, что он теперь не много обещающий, хотя и благонадежный, посему не беру на себя смелость усиленно рекомендовать его Вам при всем моем желании сделать для него что-нибудь хорошее.

С совершенным к Вам почтением остаюсь

Свящ. Металлов Василий Михайлович.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 4—5

1. Посылаемые книги, вышедшие в Саратове в 1893 и обе одобренные Учебным комитетом при Св. Синоде для духовных семинарий, были не первыми публикациями о Металлова: еще с конца 1880-х он выступал со статьями о переложениях и сочинениях церковных композиторов на страницах «Саратовских епархиальных ведомостей»; в 1889—1893 были напечатаны в Саратове четыре выпуска его брошюры «Из бесед с заключенными. Составил Исправительного Арестантского Отделения священник В. Металлов». В 1891-м появилась статья Металлова «К вопросу о церковном пении» в «Православном обозрении» (Т. III, кн. IX).

«Очерк истории православного церковного пения в России», являющийся отчасти (но только отчасти) компилятивной работой (в его основе — «Церковное пение в России» Д. В. Разумовского), впоследствии неоднократно переиздавался и, вероятно, сохраняет в некоторой степени педагогическую ценность до наших дней. Он и был первоначально составлен как курс лекций для старших классов Саратовской семинарии. Что касается «Церковного пения как предмета преподавания в народной школе», то эта очень живо и просто написанная работа, основанная на личном практическом опыте, должна была особенно понравиться Смоленскому как педагогу, и прежде всего, наверное, концепцией церковного пения как пения народного. Например:

В [церковном] пении народный дух виден везде: он замечен в этой заунывной тягучей мелодии, быстро бросается в глаза в этом бойко подвижном, то плавном, то прерывистом ее течении, в своеобразных сочетаниях и оборотах мелодических фигур и напевов, в которых ясно, прозрачно сквозит народное песенное творчество, невольно и бессознательно перенесенное на церковную почву (С. 9).

Важно также, что Металлов, вслед за Одоевским, Разумовским, Рачинским, Смоленским, выступает за изучение в школе осмогласия, роспевов из синодальных книг на

квадратной ноте, хотя и предлагает из практических соображений начинать с «обычного» напева, изучаемого по слуху (как предлагал в свое время митрополит Московский Филарет). Правда, в отличие от Смоленского Металлов отвергает цифирную нотацию как менее наглядную, чем линейная.

2. Имеются в виду переложения Смоленского, опубликованные приложением к «Церковным ведомостям» за 1893 в трех выпусках под общим названием «Главнейшие песнопения Божественной Литургии, молебного пения, панихиды и всенощного бдения, переложенные для хора мужских голосов Ст. В. Смоленским».

Металлов — Смоленскому

[Саратов, осень 1893?]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Почитаю своим долгом от души благодарить за Ваше внимание и похвалы моему слабому труду «Церковное пение как предмет преподавания в народной школе»; это служит мне лучшею наградой за потраченный труд и ободрением к дальнейшему труду. Я всегда с глубокою благодарностью вспоминаю те дорогие мне слова незабвенного покойного Дмитрия Васильевича Разумовского, которые сохраняются в письме его ко мне от 29 июня 1887 года: «Ваши сочинения вполне достойны внимания» и проч. «Продолжайте писать сочинения. Господь да благословит Ваши труды и занятия и да утешит Вас благодатным успехом»¹. Эти слова имели для меня решающее значение — с того времени я всецело предан изучению церковного пения со всех его сторон. В продолжение последних пяти лет я немало времени посвящаю на изучение крюкового пения и нахожу немало утешения в этих занятиях, которые при пособии таких прекрасных сочинений, как «Церковное пение» Разумовского и Ваш капитальный труд «Азбука А. Мезенца» не представляются особенно трудными и утомительными, но имеют глубокий и всесторонний интерес. Занятия преподаванием крюков в Семинарии и внимательное чтение «Круга»² привело меня к мысли составить Азбуку крюкового пения применительно к программе семинарий и к особенностям крюковой семиографии «Круга»; написано уже около 50 страничек, сделан разбор попевок и лиц; предполагается разбор употребительных фит и в конце примеры крюкового пения из «Круга»³. Так как самому издавать книгу дорого и рискованно, то думаю просить содействия Учебного Комитета и его одобрения. Если благоприятная судьба занесет эту книгу к Вам, то усиленнейше и усерднейше прошу Вас не отказать в Вашем высокопросвещенном покровительстве; на свой страх я не рассчитываю издавать, а не хотелось бы, чтобы труд, да и труд, как Вам по опыту известно, кропотливый и довольно утомительный, пропал даром. Весьма также затрудняюсь и в способе печатания, поэтому Ваш опыт и совет были бы для меня драгоценны. Не осмеливаюсь, при Ваших многослож-

ных занятиях, просить у Вас несколько строк письма, но если минута свободная выпадет, не оставьте Вашим многоценным для меня уведомлением.

За присланные 5 рублей 60 копеек весьма благодарен. Готовлю новое издание этой книжки с добавлениями⁴; отвою достойное место Вашим прекрасным переложениям, за которые пошли Вам Господь свои милости и благословение на новые и новые труды. В нашей Семинарии их уже поют; весьма и весьма нравятся; я же от них в восторге, ибо здесь для меня разрешается вопрос о церковности пения при его художественной простоте, тот вопрос, который я встретил в сентябрьской книжке «Православного Обозрения» 1891 года⁵; это есть то, с чего бы и должно начать нашим реформаторам и пионерам церковного пения вместо отвлеченных и туманных рассуждений.

Готовый к услугам Священник В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 8—9 об.

1. Письма Металлова к Разумовскому 1887 года сохранились в фонде последнего в РГБ. В частности, в письме от 6 июня 1887 молодой священник, еще не переведенный тогда в Саратов из села Рыбное Камышинского уезда, рассказывает:

Оторванный от мысли и жизни и заброшенный в такую глушь, как настоящий (с. Рыбное) приход, ошеломленный таким ударом судьбы, я на первых порах совершенно растерялся и не знал, за что взяться, — так резок был для меня, с рыданиями водимого при посвящении вокруг престола, переход из академической среды в среду мирских сходов с неизбежными их невежеством и безобразиями... но терпение человеческое растяжимо, а привычка в силу обстоятельств нередко берет перевес... (Труды Московской регентско-певческой семинарии. 2000—2001. М., 2002. С. 125).

К письму были приложены ноты переложений Металлова с просьбой к Разумовскому об их рецензировании и возможном ходатайстве к напечатанию. Как видно из данного письма, Разумовский поддержал начинающего ученого.

2. Имеется в виду Круг древнего знаменного пения, изданный ОЛДП.

3. Эта работа была завершена и впоследствии издана под названием «Азбука крюкового пения. Опыт систематического руководства к чтению крюковой семиографии песнопений знаменного роспева периода киноварных помет» (М., 1899). См. в дальнейших письмах.

4. Имеется в виду «Очерк истории православного церковного пения в России», второе издание которого, исправленное и дополненное, вышло в Москве в 1896.

5. Речь идет о публикации статьи Металлова «К вопросу о церковном пении» в журнале «Православное обозрение» (1891, сентябрь), в связи с дискуссией в прессе на эту тему.

Смоленский — Металлову

Москва, 31 мая 1894

Достопочтеннейший отец Василий Михайлович.

Я очень виноват перед Вами, ибо все еще не собрался ответить на последнее любезнейшее письмо Ваше. Простите меня, ради Бога, и не подумайте, чтобы такая моя малоисправность произошла от недостатка уважения к Вам. Право, завален работой с утра до вечера. Вашей Азбуки еще не видал и ничего не могу поэтому сказать о ней. Если она еще не двинулась в поход по петербургским канцеляриям, то пришлите мне ее дня на 3—4 и тогда с душевнейшим удовольствием отвечу Вам на все Ваши запросы. Предвижу еще, что придется Вам припасти изрядно денег, ибо Азбуку придется тискать трижды — то есть типографско-наборную часть и черный литографский и красный литографский оттиски. Нотный шрифт совершенно свободно можно устроить одновременно с объяснительными текстами.

Если Вы говорите о составлении Вами Азбуки на основании редакции «Круга», то есть издания Общества любителей древней письменности, писанного под наблюдением И. А. Фортова, то я не одобряю этого исходного пункта, так как Фортов многое отменил, многое выдумал и многое перекроил. До какой степени «Круг» плох, видно уже из того, что он, изданный в самом сильнейшем центре старообрядства, все-таки отвергнут в том же старообрядстве. Общий уровень же научной компетентности Фортова ясно виден из его малограмотного писания без ъ. Я считаю лучшим источником для работы Вашей какую бы ни было хорошую рукопись конца XVII века и принятого у нас текста. В мыслях моих всегда рисовалась надобность издать в качестве учебного пособия двознаменный краткий Октоих с подробным комментарием и азбукою в предисловии. Я уже давно начал эту работу, но давно и кинул ее за недосугом.

Решительно писать более нет досуга.

Крылов — парень дельный, пороха не выдумает, но толк из него будет очень хороший¹.

Душевно преданный Ст. Смоленский.

РГБ, М 10794, № 36, л. 1—2

1. Иван Григорьевич Крылов из Саратовской духовной семинарии в 1893/94 состоял сверхштатным певчим Синодального хора.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 27 июня 1894

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Ваше письмо и то доброе участие, которое Вы выразили к моей «Азбуке крюкового пения», весьма меня порадовали. С Вашими суждениями об Азбуке

«Круга» я вполне согласен. Азбука в изложении г. Фортова далеко не достаточна, чтобы составить представление о крюковой семиографии вообще: в ней нет весьма и весьма многих лиц и фит, часто встречающихся в рукописных певческих книгах, и сведения о дробном знамени недостаточно полны, а их толкования подчас довольно произвольны. Но мое пользование «Кругом» ограничивается только извлечением из него, для практических упражнений в чтении крюков, некоторых песнопений, например ирмосов, догматиков, которые будут в приложении к Азбуке, чтобы не прибегать постоянно к «Кругу», которого в библиотеках обыкновенно имеется не более одного экземпляра, да и тот весьма дорог. Толкований знамен по Фортову я касаюсь настолько, насколько это необходимо при чтении «Круга». Затем мои отношения к «Кругу» тем и заканчиваются. В остальном я основываюсь на трех рукописных фитниках, имеющих у меня под руками, на рукописных певческих крюковых книгах: Ирмолог, Октай, Праздники, Триоди, сборники, всего около 20 книг, — а также на Ваших ученых исследованиях «Азбука Мезенца», «Воскресенский Ирмолог» и на исследованиях о. прот. Разумовского. Лиц и фит у меня собрано много больше, чем у о. Разумовского. «Кругом» я не мог не пользоваться уже потому, что моя Азбука предназначена для семинарий, программу же семинарскую он указан и одобрен в числе пособий при прохождении курса 2 класса.

Предвижу, что печатание будет стоить дорого, но предварительно думаю заручиться одобрением Учебного Комитета, а если будет возможно, то и денежной премией; без этих же условий моя Азбука, при моих весьма скромных средствах, в печати едва ли появится, несмотря на всю мою любовь и интерес к делу церковного пения и к его успехам в нашем отечестве. Пусть отечество от этого не пострадает (!?), но ведь и работников на этом поле я знаю пока только покойного прот. Разумовского, да благодаря Бога здравствующего Вас; а поприще-то, кажется, весьма малоблагодарное, а между тем весьма полезное.

Ваше письмо получено было мною из Семинарии (недели через две по прибытии в Саратов) тогда, когда рукопись моя была уже отослана в Петербург, и я пресожалею [?], что Ваш опытный глаз и руки не прошли предварительно по ней, но я питаю надежду, что Ваша доброта и всякое сочувствие к общему делу отечественного церковного пения побудят Вас снисходительно отнестись к моему слабому труду и снисходительно исправить неисправное при рецензировании моей рукописи.

С искренним почтением Свящ. В. Металлов.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 26 июля 1894

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Только что вышло из печати 2-е издание моей книжки «Церковное пение», экземпляр которой спешу препроводить Вам и почтительнейше Вас просить принять его от меня в знак глубочайшего уважения и неизменной преданности моей к Вам и к Вашей высокоценной и многоплодной деятельности на пользу дорогого православно-русского пения. Ваши полные художественной простоты переложения, о которых идет речь в моей книжке на стр. 52¹, отныне должны послужить образцом для других подобных работ в этом деле; насколько же ценны и велики Ваши труды в области крюковой семиографии, в этом я убедился вполне только тогда, когда сам взялся за составление Азбуки крюкового пения. С удовольствием встречу и все Ваши новые труды, особенно по крюковой семиографии, которой заниматься берутся немногие охотники, в области которой однакоже Ваши суждения и изыскания единственно авторитетны; особенно нужно много пролить свету на хомовую семиографию и семиографию периода старого истинноречного. История церковного пения в России также не очень основательно разработана. В составленной книжке «Очерк истории», доверившись о. Д. В. Разумовскому, я употребил некоторые его выражения и привел его суждения и за это получил неодобрение рецензии «Церковных ведомостей» прошлого года². Между тем как рукописи Тихона Макарьевского взять негде; кажется, их только и есть 2 экземпляра в России; не знаю также, твердо ли уверен был рецензент в своем суждении, но, кажется, хомовой текст влиял на растяжение мелодии роспевов, в чем меня убеждают крюковые рукописи. В нашей глуши трудно найти более или менее солидные источники истории церковного пения — так, негде достать Герберта «De cantu et musica sacra», энциклопедии Даниэля³ и т. п. книг по истории византийского церковного пения, а по истории русского церковного пения приходится довольствоваться почти одним Ундольским. Не потрудитесь ли Вы как-нибудь сообщить мне, какие особенно ценные для истории церковного пения книги можно найти в Москве на немецком ли, французском, английском, греческом и латинском языках, а также какие материалы книжные или рукописные можно найти по истории русского церковного пения. Как глубоко я сожалею, что удален от всех книжных и археологических сокровищ и почти ничего не могу сделать, при наличных ограниченных учебных пособиях, для истории дорогого для меня православно-русского церковного пения; ездить же по городам и библиотекам и не позволяет должность, да и средств на то нет. Поэтому и при составлении своих трудов, особенно Истории, довольствуюсь почти что крупницами ученых сокровищ. Прошу покорно извинить, что утомил Вас разговором о своих малоинтересных делах.

Примите в библиотеку Вашу 5 экз. книги.

Ваш покорный слуга Священник В. Металлов.
P. S. Желаю Вам много лет здравствовать на пользу церковного пения.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 15 об.—16 об.

1. О переложениях Смоленского в книге Металлова говорится:

Подобная гармонизация церковных напевов, при своей естественности и простоте, не лишена многих художественных достоинств, а в отношении правильности и разумности расположения текста с движением напева вполне удовлетворяет требованиям церковности и неотложным нуждам певческого клироса.

Далее следует цитата из заметки С. А. Рачинского по поводу переложений Смоленского в журнале «Русское обозрение» (1893, март):

Гармонизация... ведена в стиле простом и строгом, без тех сомнительного свойства архаизмов, которые специалистам могут казаться интересными, но в сущности для слуха невыносимы. Она сплошь благозвучна и прозрачна и местами возвышается до редкого изящества (С. 6).

2. В № 40 Прибавлений к «Церковным ведомостям» за 1893 была опубликована рецензия за подписью Д. С. (Д. Н. Соловьев), посвященная двум изданиям Металлова: «Очерку истории...» и «Церковному пению как предмету преподавания в народной школе». По поводу первой работы указывалось:

«Очерк» о. Металлова не представляет собою труда самостоятельного; автор очень близко держится исследования Д. В. Разумовского «Церковное пение в России». При этом нельзя не заметить, что мысли компилированного им сочинения не везде переданы с достаточною точностью (С. 1461).

Что же касается «ошибок» Разумовского, воспроизведенных Металловым, то они относятся, безусловно, к второстепенным подробностям (некоторые исторические детали в деле о первом издании певческих книг на квадратной ноте). Таким образом, в письме к Смоленскому Металлов «вуалирует» проблему.

3. Впоследствии Металлов познакомился с упомянутыми трудами. В позднейших изданиях его «Очерка истории...» указывается, в частности, книга: Martinus Gerbertus. De cantu et musica sacra a prima ecclesiae aetate usque ad praesens tempus. 1774.

Смоленский — Металлову

Москва, 29 июля 1894

Достопочтеннейший отец Василий Михайлович.

За присылку книжки мне и училищу благодарю очень. Задумался я о Вас очень, вспомнил годы своего упорного труда в Казани и пришел к такой мысли: что сказали бы Вы, если бы мне с помощью Божиею и надобных лиц удалось перетащить Вас в Москву? Если бы удалось Вам доставить здесь маленький, но приличный приход, недалеко от Синодального училища и всех здешних библиотек да еще и с Консерваторией в своей пастве?

Мысль эта появилась у меня после многих искушений и вдруг озарилась как осуществимая. Судя по всем данным, которые знаю о Вас, решился написать эти строки и тем взволновать Ваше саратовское уединение. Если слова мои Вам по душе — напишите мне о Вашем образовании и службе все, что подлежало бы докладу при предварительном ходатайстве, о Вашем семейном положении, о Ваших материальных пожеланиях.

Ваша Азбука наконец достигла меня¹. Считаю более честным прямо сказать Вам: в отношении учительном она мне показалась мало удовлетворительною, то есть не так ловко расположенною в удобствах для учащихся, чтобы крюковая мудрость могла быть постигаема в несколько уроков и в несколько дней практики. Особенно мне не понравились Ваши выписки в последней части, не снабженные никакими толкованиями, прямо надобными. Неужели затем у Вас не имеется крюковых экземпляров нами принятого текста, несравненнейше лучших, чем самочинные измышления Фортова? Издание книги, конечно, имеет интерес в скорейшем времени, но после издания такой интерес скоро пропадает. Вам, как и всем, решительно безразлично теперь, появилось ли какое-либо Ваше издание 5, или 6, или 7 лет назад. Между тем книга есть факт неизменный, а исправленные издания только свидетельствуют о спешности и незрелости книги, да и что может быть печальнее забытой книги. «Азбуку крюковую» я считаю весьма надобною, и Вы можете дать отличную, но послушайте, из любви к нашему делу, и остерегитесь печатать ее в том виде, в каком она сейчас есть. Премия за такой труд всегда получится наверное, и не велика беда пропустить один год, зато Вы издадите капитальный труд, который сделает Вам имя и хорошие деньги.

Уповаю на Вашу любовь к делу и Вашу веру в мою безусловную честность в этом деле, вероятно для Вас совершенно ясную. Мы ведь невидавшиеся приятели и одинаково любящие свое дело. Мы всего менее должны принадлежать себе и всего более должны думать о будущем и о других. Жду Вашего *большого* письма.

Душевнейше Ваш Ст. Смоленский.

1. Речь идет о рукописи Азбуки; в окончательном виде книга была издана в 1899 (Макариевская премия 1897 года). Вероятно, заслуживал бы исследования вопрос, что в окончательном тексте руководства было изменено по сравнению с первоначальной редакцией, но архив Металлова сохранился очень плохо.

Для Смоленского работа над крюковой азбукой представляла особый интерес, поскольку в течение всей жизни он сам обдумывал подобный проект.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 2 августа 1894

Глубокоуважаемый и досточтимый Степан Васильевич.

Благодарю от души за Ваше письмо. Оно действительно взволновало мое уединение: чувства совершенно противоположные и неуравновешенные борются в душе. С одной стороны, мне представляется, совершенно неожиданно открывается немало (так!) широкое поле труда и работы для излюбленного предмета, с другой — полное разочарование, глубокое сожаление о потраченном напрасно неодоленном труде не для себя, а для других. Вот чувства мои после чтения Вашего письма, насколько я могу их выразить. Хотя в отношении составленного Вами взгляда на мою книжку для меня многое неясно, одно ясно однакоже, что избранное мною письмо «Круга» с Иосифовским текстом не отвечает цели. Пусть так. Но судить о ценности текста «Круга», который принят Учебным Комитетом в качестве обязательного пособия и указан в программе семинарской, я, как составитель учебника, согласитесь сами, не могу. В качестве преподавателя-специалиста, археолога, палеографа или как хотите назовите я имел бы право, но вне учебной сферы, высказывать то или иное суждение о достоинстве семиографии «Круга», доказывать ее негодность или достоинство, но раз я беру на себя более скромную задачу составить руководство или пособие к чтению этого «Круга», в мои обязанности, насколько я их понял, не входит критиковать или вовсе игнорировать письмо «Круга», именно того «Круга», который уже принят Комитетом и рекомендован. Вы согласитесь сами, что я даже *должен был обратиться к «Кругу»*, пока он стоит в программе. Пусть Учебный Комитет разочаруется в «Круге» или кто-нибудь поможет ему в том и порекомендует другое пособие, тогда составитель Азбуки должен обратиться к нему, к новому пособию. Но раз «Круг» преспокойно стоит в программе и находится в курсе дела, согласитесь, что должен сделать составитель, как не взять тот же «Круг», но не для критики, а для руководства. Этот пункт, думаю, для Вас достаточно ясен.

Иная точка зрения. Я молча обхожу «Круг» и беру никому не известную рукопись и заимствую оттуда письмо, рукопись с текстом новым. Какие данные могу я представить в оправдание? Мое личное убеждение, хотя бы и обоснован-

ное, какое может иметь значение пред убеждениями Учебного Комитета? Быть может, Учебный Комитет не одобрит рукопись с новым текстом, так как цель занятий крюками в семинариях — сближение с старообрядцами, придерживающимися Иосифовского текста, который и имеется в «Круге». Положим, я нашел бы рукопись с таким текстом, все-таки мне невероятно, чтобы Учебный Комитет предпочел бы в руководство письмо и текст неизвестной рукописи перед «Кругом». Этим, думаю, я достаточно пояснил, что *я не мог не избрать «Круг»*.

Составленная мною книжка содержит материала более, чем требуется семинарской программой, но полнота и подробность необходимы для дальнейшего самообучения интересующихся этим предметом. Наконец, та всесторонняя и ученая критика письма и рукописей, с подробною историею и описанием знамен и сравнительным их сопоставлением и проведением по всем доступным источникам, какая сделана в Вашем специально ученом сочинении, мальчикам 2-го класса семинарии не под силу, о чем я могу судить *по опыту*; даже взрослые, от 16 до 20 лет, ученики здешней миссионерской школы, где я учил крюкам и давал Вашу книгу, не в состоянии понимать ее. О книге о. Разумовского не будем и говорить, ибо ценного в ней одни сборники лиц и фит; теоретическая же часть, учебная, до наименьшего кратка. Теперь скажите: как учить крюкам? по запискам? со слов, чтобы на следующий же день все ветром вымело из головы? Это ведь, поверьте, *факты опыта*.

А между тем 10 лет прошло с введения изучения крюков, и никто в семинариях их не знает, да и весьма часто и сами учителя. Это тоже факт. Вот какие мысли толпились у меня в голове при написании Азбуки, но не ученая критика рукописей и не спор с авторитетами. Благословит Господь, попробую заняться и критикой, но в особом роде, если будут книжные средства и всякие пособия под руками, — теперь же это кажется мне безвременным, и тем более в учебном руководстве. Даст Учебный Комитет премию, напечатаю книгу, нет — так и печатать не буду, так как необходимыми для того средствами не располагаю, моего же заработка едва достает на семью. Повторяю, что не знаю, насколько велики Вам кажутся недостатки моей книжки и какую мерку Вы примете в оценке, считая ли ее за учебник или за исследование: при разных углах зрения могут быть и разные взгляды на нее. Как ученое исследование, в сравнении например с Вашим, моя книжка не может быть даже и рассматриваема и не выдерживает критики; но я позволю себе, без излишней смелости, думать и быть уверенным, на основании опыта и отзыва моих учеников, что эта книжка как учебник весьма понятна и доступна. Вот факт в доказательство.

Мои ученики в миссионерской саратовской школе в 12 уроков по этим запискам выучились свободно петь крюки, без фит, особенно же некто Кузнецов, и были в восторге от нее, прося немедленно напечатать ее. Это факт. Не скажу, чтобы в Семинарии так же успешно изучали крюки, но это зависит от того, что в Семинарии во 2-м классе еще дети, в нашей же миссионерской школе ребята взрос-

лые, от 19 и до 20—22 лет. Просьбы моих учеников и недостаток понятных им руководств, наряду с изложенными выше нуждами семинарского преподавания, и побудили меня решиться на издание этой книги. На премию я смотрю лишь как источник средств к изданию, а не потому, чтобы я был очень уверен в высочайших достоинствах моего труда, одно же одобрение Комитета еще не послужит для меня причиною издавать свою книжку, ибо средств у меня на то нет. С другой стороны, я нахожу дерзновение в том, что Учебный Комитет удостоивает премии труды по пению самой средней заурядной пробы — выписки из нотных книг и компиляции сомнительных источников: *nomina odiosa sunt* [об именах умолчим]...

Вы меня увлекаете проектом создания капитального труда по крюковой семиографии — с удовольствием согласен на всякую работу в излюбленной области, но думаю, что ни моя Азбука не помешает моему новому труду, ни этот предполагаемый труд — Азбуке; а если бы понадобилось и оказалась возможность *отбросить* 2-ю часть — практику, то это можно сделать при 2-м издании книжки.

Наши взгляды на мою книжку как на руководство могут расходиться, но мой опыт, отзывы моих учеников, их успехи и мое личное убеждение таковы, что учебный материал в книжке расположен целесообразно, — взгляд же мой на крюковые «Круги» и вынужденность их употребления для Вас очевидны. Вот немногое из того, что я хотел бы сказать в защиту своего труда, а там пусть будет, как Господь благословит.

Ваш план о переходе в Москву — *как нельзя более по сердцу мне*: я весь к Вашим услугам. Мое *curriculum vitae* [жизнеописание]: по образованию бывший студент Московской Духовной Академии, из коей вышел по переходе на 3-й курс по своему прошению, для поддержания семьи родных, в 1884 году 16 августа, и тотчас же принял сан. Семья моя: жена, 5 детей — году, 3, 5, 8 и 10 лет. Мои средства: по тюремной церкви 900 рублей с моею квартирой и по семинарии за учительство 400 рублей. По службе: имею скуфью. Лет мне — 32. С полным удовольствием, если Господь благословит, готов поработать на месте истового древле-православного русского церковного пения и потрудиться на пользу его.

Вполне готовый к услугам Священник В. Металлов.

Покорно прошу не оставить уведомлением.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 10—14 об.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 4 сентября 1894

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Предыдущее мое письмо к Вам не могло вместить всего того, что я имел бы высказать по поводу затронутых Вами вопросов. Не буду говорить о судьбе

моей крюковой книжки, каковая зависит как от высшей воли, так и от Вашей, или и от той и другой вместе, — останавлиюсь собственно на том пункте, который был предметом моей речи в конце моего письма. Заканчивая письмо и отвечая на Ваши вопросы, я однакоже, скажу откровенно, был весьма мало уверен в возможности исполнения предполагаемого, как мало уверен остаюсь и теперь, несмотря на все мое полное доверие к Вам. Причины моей неуверенности, как Вы ясно можете видеть, в недостаточности моего образовательного ценза, в чем судьба, несмотря на все мое искреннее желание, отказала мне, о чем я глубоко и со скорбью сожалею и что кажется мне в будущем едва ли поправимым когда-либо. Года полтора или два тому назад я еще лелеял мечту перепроситься в Казань на какое-нибудь место и там, в качестве вольнослушателя, докончить свое образование и получить диплом академический; но о посланном мною архиепископу прошении и до сих пор ничего мне не известно, — и я оставил эту мечту. В Казань меня тянули еще и соловецкие крюковые рукописи, о которых я узнал из Вашего исследования. Вы поймете отсюда, что перейти в Москву я имею еще менее надежд, чем это было в отношении Казани. Насколько мне известно, духовные лица города Москвы все с академическим образованием, и мой переход туда может быть осуществлен только при особенно благоприятных условиях, при особенном влиянии на высшую духовную власть, в чем я могу быть обязан исключительно только Вам.

Вот какие доводы возникали в холодном уме, вопреки горячему желанию сердца, когда я заканчивал предыдущее письмо.

То горячее сочувствие ко мне, которое Вы выражаете в Вашем письме и за которое я благодарен Вам навеки, Ваша сердечная доброта ко мне поднимает в душе моей глубоко сердечное чувство благодарности к Вам и желание видеть Вас хотя бы в безмолвном изображении фотографии. Желание иметь у себя Вашу фотографическую карточку служит для меня поводом к тому, чтобы послать Вам свою, недавно только сделанную. Прошу покорно принять эту мою карточку как знак глубочайшего к Вам уважения моего.

Готовый всегда к услугам Вашим Священник В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 17— 18 об.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 4 октября 1894

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Приношу Вам сердечную благодарность за то утешение, которое доставило мне Ваше последнее письмо. Не говорю о себе — Ваше внимание к моим посильным, с помощью Божиею, трудам, с одной стороны, кажется мне превосходящим все мои скромные ожидания, с другой же — служит к сильному подъ-

ему духа, побуждая к дальнейшим и большим трудам в дорогой сердцу области отечественного православно-русского церковного пения, которое действительно стоит того, чтобы отдать ему все силы и благодатные дарования на служение. Наибольшее же утешение при чтении Вашего письма состояло для меня в той, не в первый раз подтвердившейся уверенности, что, слава Богу, есть у нас, на святой Руси, достойнейшие незабвенные деятели, для которых священное дело церковного пения составляет предмет особенных забот, труда и попечений, особенной ревностной любви во славу Божию и родного отечества, и это тем более при многосложных первейшей важности других неотложных занятиях. Дай Бог! помогай, Господи! Явление отраднейшее поистине.

Не могу умолчать и о том, что, под влиянием чтения Вашего письма, моему воображению рисуется в лице Вашем человек всецело преданный дорогому делу церковного пения, полагающий все силы и средства на это дело, изыскивающий возможные способы к наилучшей, наиболее прочной и плодотворной его постановке на пользу отечественной Церкви. Помогите Вам Бог в Ваших много-полезных трудах, уже достаточно заявленных в глазах истинных сынов Церкви и радетелей об ее благе. Радуюсь за учреждение, руководимое Вами, и питаю уверенность, что оно создаст себе будущность и историю и пожнет плоды дел своих на благо Родной Церкви, — многое же и отрадное видно уже и теперь; что же касается до его общего направления в интересах дела церковного пения, с принципиальной его стороны, то вопрос этот не подлежит никакому спору и сомнению, особенно же ввиду опытов прошлого. Дай Бог, чтобы с благословения Божия в добрый час начатое дело увенчалось заслуженным полным успехом, процветая и развиваясь от силы в силу. Понимая всю важность и высоту задачи, принятой руководимым Вами учреждением, я почитаю за великую для себя честь Ваше приглашение меня в Москву потрудиться совместно с Вами в общем и дорогом нам деле православно-русского церковного пения и в особенности при тех богатых средствах истории, литературы и практического изучения предмета, какими в изобилии располагает Москва и в частности Ваше училище. Почитаю для себя за великую честь вложить и свою скромную лепту в это святое дело, и если Господь даст, будет на то Архипастырское благословение и властное одобрение известных достойнейших деятелей нашего времени на пользу отечественной Церкви (да воздаст им Господь за труды их!), то надеюсь иметь, с помощью Божиею, и сугубую честь приумножить эту малую лепту впоследствии, при ожидаемых более благоприятных к тому условиях.

Всегда готовый к услугам Вашим Священник В. Металлов.

Смоленский — Металлову

[1894, октябрь]

Достопочтеннейший отец Василий Михайлович.

Дело о том, чтобы перетащить Вас в Москву, идет своим естественным порядком. Я обратился к В. К. Саблеру и К. П. Победоносцеву с просьбою воздействовать на Митрополита, твердого в своих решениях. Владыка, третьего дня видевший Ваш портрет и мое письмо по Вашему делу, сказал В. К. Саблеру, что он благословляет Ваш переезд в Москву и разрешает Вам служение в ней, но отказывает в устройстве Вас священником в какой-либо приход в г. Москве, так как на каждое место имеется «туча просителей» здешних жителей, имеющих неоспоримое преимущество перед всяким иногородным.

Признаться, я ждал этого, но до времени молчал о том перед кем следует, хотя все же был несколько огорчен тем, что не удалось сразу повершить дело. Саблер и здешний прокурор князь Ширинский-Шихматов уверяют, что такое направление дела есть лучшее, ибо развлекать Ваше внимание приходом значить мешать Вашим занятиям и Вашему труду. Посему они требуют от меня, чтобы я пригласил Вас в Москву без прихода, гарантируя в Синодальном училище уроки церковного пения и его истории, уроки Закона Божия (церковной истории), что дает до 600 рублей, занятия в Синодальной типографии по печатанию ното-певческих книг — до 600 рублей. Кроме того князь Ширинский-Шихматов «правдами-неправдами» устроит казенную квартиру, а В. К. Саблер будет иметь «превелие прилежание» о более прочном будущем в Москве.

Высказана была и такая мысль, что, приехав в Москву и работая здесь во славу Божию и св. Церкви, Вы eo ipso [тем самым] становитесь москвичом, своим, и Ваше пребывание здесь ставит Вас в ряды здешних кандидатов, а за настойчивою просьбою о Вас дело не встанет. Тем не менее в Крым Константину Петровичу Победоносцеву обо всем отписано, и при его оттуда возвращении будет вновь о Вас разговор в начале или середине октября.

С своей стороны полагаю более разумным подождать переездом некоторое краткое время. Сумейте о сем держать совершенный секрет. Отнюдь не желаю, чтобы переезд Ваш сюда был бы убыточен и уставлен как «журавль в небе». Думаю однако, что Ваш одинокий приезд сюда, чтобы показаться кому надо, был бы весьма полезен для «синицы в руках». За дело Ваше вышеуказанные лица взялись весьма настойчиво, что дает мне уверенность думать, что дело это состоится вполне хорошо для Вас. Прошу Вас вновь отписать по сему всему делу ab ovo [с самого начала] подробное письмо, вполне обдуманное, которое я мог бы прочитать и Константину Петровичу, и Владимиру Карловичу, и Митрополиту. Согласием на вышеуказанные условия прошу себя не связывать, ибо то парализует дальнейшие переговоры, но и не отрекаться от них за нуждою.

Прошло уже немало времени, как загорелось это дело, и в наших умах, конечно, было продумано о нем также немало. Конечно, относительно удобства ученых работ в Москве и говорить нечего. В нашем училище я уже успел собрать более 200 рукописей и изрядную библиотеку к ним, да и хорошего народа немало. Училище наше поставлено прямо — хорошо, почти — превосходно, не хуже Капеллы.

Получил и Вашу «Гармонию»¹. Позабудьте писанное мною Вам об Азбуке крюковой. Дела эти будут налажены как следует.

На днях отъезжаю на краткое время в Казань, думаю, что по удешевленному тарифу и по первому снегу Вы соберетесь в Москву, и доставляю себе удовольствие лично переговорить с Вами об очень многом для будущего.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГБ, М 10794, № 36, л. 13—14

1. Вероятно, рукопись работы Металлова «Строгий стиль гармонии. Опыт изложения основания строгого и строго-церковного стиля гармонии»; см. дальнейшие письма. Работа была издана в Москве в 1897, но одобрена как учебное пособие для семинарий уже в декабре 1895.

Металлов — Смоленскому

[1894, декабрь]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Подательница сего, жена моя Павла Петровна, отправилась в Москву и в Лавру поклониться святыням, и я пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам мое глубочайшее почтение и пожелать Вам долголетнего здоровья и успеха в Вашем многотрудном деле. Не откажитесь, покорно прошу Вас, указать ей, где, в каких магазинах она может купить мне означенные в приложенном списке книги на иностранных языках; она не знает этих языков, думаю, что лучшая книжная торговля Вольфа. Рекомендую жену мою как яркую сторонницу моего перехода в Москву, главная же причина этого та, что она любит торжественные служения и пения, каковых в Москве, конечно, не искать, да и вообще любит частое посещение благолепного служения и поклонение святыням.

Недавно я был утешен письмом Его Сиятельства Г-на Прокурора Синодальной Канторы князя Ширинского-Шихматова и Его Превосходительства Г-на товарища Обер-Прокурора В. К. Саблера по поводу посылки им моих нот недавнего издания, причем В. К. выразился буквально так: «С Вашей деятельностью меня хорошо ознакомил С. В. Смоленский, и я не менее его желал бы видеть Вас в Москве»... От души благодарю Вас и В. К. Так отрадно слышать, что труды мои слабые не пропадают даром и находят себе оценку лучших людей, дорожащих

нашим православно-русским церковным пением. Из Комитета Учебного я получил уведомление, что мои книги могут быть одобрены лишь по исправлению. Думаю заняться их исправлением, но еще не получил их. Если возникнет какое недоумение при исправлении, то [прошу Вас] не отказать разъяснить его мне, с тем, чтобы устранить не в ущерб делу и авторскому чувству. Об одном жалею, что издание придется отложить еще на год, а за год много воды утечет; может быть, это лучше, а может быть, и хуже; по мудрому слову: поживем — увидим.

Что касается до Вашего плана и моего перехода, то недоумеваю, предполагаемые 1200 рублей будут ли достаточны по моему семейству и по Москве, будет ли мое положение более или менее прочным, а не временным и случайным. Не будь я обязан семейством, из любви к делу я не усомнился бы, но эта любовь находит себе ограничение в любви к семье и обязанностям в отношении к ней. Вот что мне неясно. Если Вы имеете что-нибудь сказать успокоительное в этом смысле, то не откажитесь передать на словах моей жене, насколько можно надеяться упрочить положение мое в Москве впоследствии.

Готовый к услугам Вашим Священник В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 21—22 об.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 7 февраля 1895

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Считаю приятным для себя долгом благодарить Вас за Ваше внимание, любезную предупредительность и радушный прием, оказанный жене моей, и не менее того за Вашу отзывчивость к моим книжным нуждам и Ваше ко мне доверие. Жена рассказала мне много хорошего из своей поездки, о Вас, о Вашем хоре, о пении его, о Москве и проч. Рассказываемое я как бы сам видел и переживал.

Из книг мне особенно понравился Куссмакер и Ламбильот¹. Пробегая Куссмакера, я встретил карандашные заметки, сближающие наши крюки с немцами, эта мысль и предположение были у меня еще и раньше, и я полагаю, что нет ничего невозможного и невероятного в существовании общего и частного родства семиографии русской, византийской и западной средневековой. Что же касается до семиографии русской XII—XIII веков, например по Воскресенскому Ирмологу, и византийской приблизительно того же времени, то их большие сходство и связь кажутся мне очевидными.

Перехожу к главному предмету моего письма, моим предположениям по поводу Ваших замечаний в рецензии и прошу Вас рассматривать их *sine ira et studio* [без гнева и пристрастия], ибо по мудрому древнему изречению *audiatur et altera pars* [надо выслушать и другую сторону]; обещаюсь и сам излагать этот предмет также *sine ira et studio*. Ваше сочувствие, как и вполне понятно, при-

надлежит более Азбуке, чем Гармонии, и Вы более строги в последнем случае, чем в первом.

Начнем с Азбуки. Центр тяжести Вашей рецензии направлен на принятую мною систему изложения учебного крюкового материала. Ваши слова: «Огромный 1-й отдел Азбуки составлен Металловым по своему плану, для меня несколько неясному и, во всяком случае, уступающему веками выработанному плану всех крюковых азбук» etc. Беру наудачу первую попавшуюся азбуку и нахожу, что 20-е знамя есть стрела светлотихая, когда раньше попалась только одна стрела мрачная, за светлотихой — светлая, стрела же простая стоит 24-м знаменем, рядом с нею, 25-я — стрела мрачнотихая с облачком, 67-е же знамя голубчик малый, 68-е — переводки, 70-е палка, это после изложения всевозможных стрел, 76-е голубчик тихий, 78-е палка с подверткой, 80-е столица (!)... Подобное изложение знамен не только немисливо принять за образец, и не только не заслуживает оно названия системы, но и представляет собою извращение всякой системы. Обратимся к изложению о. Разумовского, которое есть без сомнения копия какой-нибудь певчей азбуки. Хамила — 9-е знамя, дербица — 10-е, столица же — 11-е, палка — 18-е, челюстка — 29-е, а статья простая — 30-е; дуда — 35-е, немка — 36-е, статья мрачная — 37-е; статья светлая — 41-е, далее кулизмы и полукулизмы, всевозможные стрелы и, в заключение всего, параклиты, крюки, рог и крыж! Системы никакой.

Вы стоите за изложение знамен по их певческому осложнению и распределению по певческим областям. Первое, по мне, вполне рационально, и я стараюсь излагать знамена начиная от простейших певчески и до сложных, кончая попеvkами, лицами и фитами, но притом параллельно я стараюсь провести и постепенное осложнение начертания знамен от простейших графических элементов до сложнейших, хотя, сознаюсь, это не всегда удается. Что же до изложения по областям, то, по-моему, певческие области имеют смысл только при тушевых признаках, свое же прежнее значение, до киноvarных помет, они почти утратили; тушевые же признаки, при киноvarных пометах, не имеют почти никакого значения; они могут быть лишь только проверкою точности киноvarных помет, не более. Певческие же области хомовых и старых праворечных книг едва ли во многом совпадают с таковыми периода изображения тушевых признаков, что для Вас, без сомнения, вполне известно².

Поэтому принятое Вами изложение знамен по областям (стр. 65—72 Вашей книги), вполне уместное в ученом и обстоятельном исследовании, предназначаемом главным образом для любознательных взрослых, в моем учебнике для учеников-детей мне кажется неуместным, так как введение при самом начале изучения крюков разом двух систем обозначения певческой высоты знамен, и киноvarной и тушевой, лишь в состоянии обременять и спутывать учеников, чем облегчать, и я пожертвовал тушевой, отнеся ее к концу этого курса. Ра-

циональность этого приема для меня не подлежит никакому сомнению и вполне дознана опытом.

Затем Ваша мысль: нельзя произвести все знамена по их графическому значению, начертанию от простейших, крюка и проч. Вполне согласен, но такое произведение, хотя бы оно было несколько и искусственно, несомненно есть несравненно лучший прием графического изучения знамен, чем механическое их затверживание. Это неоспоримо и дознано опытом и, кроме того, имеет для себя доказательную аналогию в приеме обучения письму по основным элементам букв, систематически изложенным в прописях. Ввиду этих всех соображений и опыта положенный мною в основу изучения крюков способ изложения знамен, по мере постепенного осложнения певческого и графического их состава, параллельно, кажется мне наилучшим и вполне рациональным.

Еще Ваше суждение: «Систематическое руководство для изучения крюкового пения в духовных семинариях не может быть ни чем иным как довольно обширную крюковую хрестоматию, снабженную попутно всеми надобными подстрочными примечаниями и кратким, в начале книги, положением общих и только главнейших оснований знаменной нотации» etc. Если привести Ваш план в исполнение, то придется сделать полную ломку всей моей книги или, проще сказать, *эту уничтожить, а другую написать* по плану, совершенно обратному плану настоящей моей книги, сохранив однакоже в целостности настоящий учебный материал. Что же собственно нового будет в книге? Один только план расположения *того же* учебного материала. Следовательно, вопрос сводится лишь к большей или меньшей пригодности того или другого, Вашего или моего плана. Обсудим и этот вопрос *sine ira et studio*.

Предлагаемый Вами метод изложения и изучения материала есть метод аналитический, метод моей книги — синтетический. Метод аналитический, без сомнения, содействует наиболее легкому и скорому изучению предмета и наиболее наглядному, почему и употребляется главным образом в низших народных школах, где при кратком курсе учения, при малоразвитом умственном состоянии ученика приходится извлекать из учебного материала наиболее существенное, общее и практически необходимое. Метод синтетический дает хотя и не так легкое, но точное, подробное и основательное в общем и в частности изучение материала, посему и употребляется главным образом в школах среднего образования, где и умственный горизонт и развитие шире, и изучение предмета требуется подробнее и основательнее. В духовных семинариях поэтому господствует метод синтетический. Аналитический метод не даст точности, подробности и основательности, необходимых в семинарском образовании, не поведет к осуществлению той цели преподавания крюков (сближение со старообрядцами), какая намечена в семинарской программе (изучение напевов возможно и по нотной книге), ибо допустит значительные пробелы понимания и толкования

крюков, что для старообрядцев может служить поводом к глумлению над невежеством в крюках православных пастырей.

Синтетический же метод в этом отношении совершенно безупречен. Еще другое соображение: чтобы пройти все крюки, надобно пройти все книги, по крайней мере по частям, что и делают старообрядческие певцы, долбя их от 3 до 5 лет и более и однакоже не умеющие спеть по новой книге, которой еще не прошли. Между тем, овладев азбукою по синтетическому методу, можно петь по любой книге. Затем, так как Октоих не заключает в себе всех знамен, то учителю для изучения недостающих знамен должно разыскивать подходящие отрывки из многих других книг, а для этого обладать громадною эрудициею в своей области, чего никак нельзя требовать и ожидать. При синтетическом методе вполне достигается *последовательность и систематичность* изучения крюков, при аналитическом же методе этого *не может быть*; там учение будет без последовательности и порядка. Так, например: при пении даже первых стихир 1-го гласа встретятся и знамена сложные и трудные, и попевки, и кулизмы, и даже фиты, как *кудрявая* на «Бог бо бе раждейся», когда же очередь дойдет до антифона и стихир евангельской, то и совершенно можно стать в тупик.

В этом отношении мне несравненно лучше кажется Ирмолог, *первая в древности учебная книга*, где знаменная нотация и напевы проще и удобопонятнее. Наконец, при аналитическом методе синтетический метод редко с успехом применим, при синтетическом — аналитический *всегда* найдет себе применение. Это уже зависит от учителя. Поэтому я полагаю, что, начав изучение крюков по синтетическому методу моей книги, после четырех, пяти или шести уроков изучения одних только крюков, на дальнейших уроках учитель может перейти к посильному разбору песнопений Ирмолога (но не Октоиха) и воспользоваться еще при этом методом аналитическим, не покидая синтетического, постепенно и в теории и в практике переходя к более сложной семиографии, попевкам, лицам, фитам (Ирмолог, Октоих, Праздники). Вот план моей книги, насколько сумел Вам я его выяснить. *Он обдуман мною во всех подробностях и отступить от него я не могу, не насилуя своего убеждения* и вопреки опыту, вполне подтверждающему его целесообразность.

С чем я с полным удовольствием готов согласиться из Ваших замечаний, то это с Вашим суждением о ритме и оттенках исполнения знамен (мягкозвучно, гортанью, громко). Этот пробел долгом почту восполнить при корректуре. Считаю приятным долгом высказать Вам, что я вполне уважаю и ценю Ваши труды, знания и опыт, ни с чем не сравнимые, увековечившие Ваше имя в истории русского православного церковного пения во всех его областях, и если будет возможно, попытаюсь выяснить действительное, неоценимое, громадное значение Вашего труда «Азбука Александра Мезенца» в истории крюкового пения, посвятив тому отдельную специальную статью, в особенности же ввиду возрастающего интереса в этой области. Центр тяжести статьи составит выяснение

историко-научно-образовательного значения Вашей книги. Все вышеизложенное предлагаю на Ваше обсуждение с тем, чтобы Вы взвесили мои доводы и, если благоволите, высказали Ваше решение мне. Книга «совершенно переделана» (Ваше выражение) *не может быть*, но или оставлена в настоящем виде, или заменена другою.

Перехожу к «Строгому стилю». На этой почве мы с Вами скоро сойдемся. Согласен принять Ваши замечания и изменить выражения по пунктам: 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10, 14, 16, 18, 19; о других пунктах прошу Вас выслушать мое объяснение.

Пункт 6: «Причины запрещения параллельных квинт и октав объяснены туманно» etc. Не туманнее, чем у Рихтера; все же другие известные мне русские и иностранные авторы предпочитают совершенно умалчивать о них, что едва ли методично, хотя и политично, на том же основании, что учебники этих авторов суть *практические**; но согласитесь, для размышляющего человека этого недостаточно.

Пункт 4: «Изложение возможности появления скрытых квинт и октав чрезвычайно туманно, сбивчиво и страдает отсутствием наглядных примеров». Скрытых квинт многие не признают, другие же готовы видеть их на каждом шагу; короче сказать, учение о запрещаемых скрытых квинтах не может еще быть сформулировано точно, и нередко тот или иной взгляд на них зависит от вкуса композитора; их более должно избегать, чем допускать, а появление их зависит нередко от правильности или неправильности расположения голосов и сопоставления аккордов в отношении к другим правилам. Однако же я склонен быть уверенным, что этот вопрос изложен у меня лучше, чем у других русских авторов. Развить это положение сейчас не имею времени.

Пункт 9: «Причины неудобства при соединении V и IV ступеней выражены совершенно неясно». Иные авторы признают даже совершенно [не]возможным их соединение: Бусслер (практически) просто запрещает его; Маркс говорит, что здесь скрытые квинты (?); другие авторы не дают никакого этому объяснения, а я даю *посильное* объяснение. Но обо всем этом я не могу распространяться в учебнике и говорить доказательно и убедительно, тогда моя книга из учебника разрастется в исследование.

Пункт 11: Два указания на тритон в примерах, при следовании аккордов II и V ступеней. Такой тритон при кадансирующем последовании субдоминантовой и доминантовой гармонии вполне законен. Так судит и Бусслер. Его почему-то не признает Римский-Корсаков и запрещает это последование, между тем оно встречается даже у старинных представителей строгого стиля, Палестрины и др.

Пункт 12: Об однозвучиях в крайних случаях. Ваши слова: «Что это за крайние случаи? Как поймет их ученик?» Ответ: при указании учителя.

Пункт 13: «Не проще ли, чем вводить *fis* в C dur, устроить, во избежание тритона между трезвучиями V и II ступеней негармоническое соединение?»

* А это мне кажется скорее похожим на средневековые «magister dixit» [учитель сказал — лат.].

Ответ: негармоническое соединение их так же неестественно, как и аккордов V и IV ступеней. Вводится *fis* лишь для уяснения дела, как вспомогательное средство, не более.

Пункт 15: «Прерванный каданс почему-то называется переходом в параллельный минор». Но это не так. Переход в параллельный минор называется прерванным кадансом — вот моя мысль.

Пункт 17: Указывается на 2 примера, когда сектаккорд падает на сильное, основной аккорд — на слабое время. Такое уклонение от правила нередко и иногда бывает вынуждено общим ходом гармонии, а для способного ученика это служит негласным указанием на возможность и подобной комбинации, что он может встретить весьма часто и во многих сочинениях, при любознательном их анализе.

Пункт 20. По поводу моих слов: «Прерванная каденция минора носит не совсем точное название фригийской» Ваше замечание: «Действительно далеко не всякий полукаданс в миноре есть фригийская каденция». Вполне верно. Но я разумею совершенную фригийскую каденцию, например: *f-aa-d* и *e-gis-b-e*, а не такую, например, как *d-f-a-d* и *ee-gis-b* или *d-f-b-d* и *ee-gis-b* и т. п., что никак не может быть, судя строго, фригийскою каденциею.

Пункт 21. Вы относите аккорд *c-e-gis-b* к F dur'у; откуда же *gis*? Не правильнее ли производить этот септаккорд по его органической связи и происхождению от *C-e-gis*, с придачею малой септими — *b*, тем более, что она может быть найдена в пониженной 2-й ступени минора, и весь септаккорд возникает таким образом вполне естественно, особенно ввиду того, что его септима не может стоять выше квинты *gis* для правильного разрешения. Думаю, что моя мысль верна.

Пункт 22: «По изложению о. Металлова нонна, ундецима, терцдецима «обращаются»* в секунду, кварту и сексту.

Пункт 23: «Как понять утверждение, что нонаккорд, ундецимаккорд и терцдецимаккорд выходят из пределов гаммы, захватывая тоны, принадлежащие другим гаммам?» Октава не есть самостоятельный тон гаммы, а только удвоенная тоника, почему и прибавление ее к трезвучию не дает четырехзвучия в гармонии, а дает только трезвучие. Так же и с нонной, ундецимой и терцдецимой, прибавление которых к аккорду не дает новых гармоний, новых аккордов; они — обращенные в октаве нижние интервалы, не более, и, следовательно, когда мы станем рассматривать их как самостоятельные интервалы, то мы очевидно переступим в пределы других гамм. Одно из двух: или мы должны считать в гамме 7 ступеней и интервалов, и тогда нонна, ундецима и терцдецима суть секунда, кварта и секста во 2-й октаве той же гаммы, и, следовательно, не мо-

* Конечно, в октаве, так как об обращении в других интервалах не было речи, да и не ощущается никакой надобности в том. Это область перемещающегося контрапункта.

жет быть нон-, ундецим- и терцдецимаккордов, или, признав нонну, ундециму и терцдециму и проч. самостоятельными интервалами, утверждать, что в гамме не 7 ступеней и интервалов, а больше, например 13, 15, 17, 19 и т. д. Яснее этого я затрудняюсь высказаться.

Все эти объяснения я мог бы сделать в учебнике, но едва ли бы они были нужны, а между тем книга разрослась бы от этого еще больше и стала бы *суше и специальнее*, что Вы склонны также относить не к достоинствам ее.

Покончив с частными вопросами, приведу Ваше общее суждение о недостатках моей книги. «Сочинение страдает такими недостатками, которые делают его малопригодным для предназначенной цели, сухо специальным и мало практичным. Сочинение вообще чрезвычайно бедно иллюстрировано задачами и примерами, совершенно лишено примеров и объяснений к ним из общеизвестных хоровых песнопений и трактует лишь о гармонических построениях, не относясь непосредственно к чему-либо живому и интересному для ученика». Еще: «Сочинение есть очень полный учебник гармонии, далеко выходящий своими подробностями за пределы тех познаний, которые следовало бы считать обязательными для ученика духовной семинарии». Остановимся на этом. Правда, и у меня на то есть оговорка. Но сочинение предназначается отчасти и для преподавателей, и от преподавателя зависит, руководясь программой, на одних отделах остановиться дольше, другие сократить, и это несравненно лучше, чем когда не только сократить нечего, но и наличного материала для учеников далеко не хватает, как у Калачинского³, а между тем делается замечание, что сочинение может служить и для преподавателей, между тем материал изложен до *plus ultra* [крайней] элементарности, так что мало-мало понимающий ученик в состоянии раскритиковать книгу как негодную. Эта перспектива гораздо опаснее в деле обучения. Что же касается до иллюстрации правил примерами из известных хоровых сочинений, то такую меру я не могу одобрить за кажущейся мне ее непедагогичностью.

Гармонические правила излагаются вообще, изложены и у меня почти всегда в отрицательной форме, в виде запрещений, предостережений, указаний неестественности известных звуковых комбинаций, — и тогда я вынужден был бы все это иллюстрировать отрывками лучших наших композиторов и следовательно шаг за шагом развенчивать их; что же иное тогда могло бы остаться в воображении учащихся, кроме недостатков наших великих композиторов? Пример. Правило гласит: не соединять аккорды V и IV ступеней или V и II ступеней и проч., и я должен бы тащить на суд Бортнянского, Ломакина, новейшее издание Капеллы Римского-Корсакова и проч. Правило: запрещается параллелизм явных квинт, и я должен бы для иллюстрации развенчивать Херувимскую № 7 Бортнянского, Турчанинова или сочинения Львова, Чайковского и проч. Правило не вести септиму в верхнем голосе вверх повело бы на суд Бортнянского, Львова, Давыдова, Турчанинова и проч. Говоря о неестественности хроматизма, увеличенных, уменьшенных и энгармонических последований, я привлек бы на

суд Бортнянского, Турчанинова, Львова, Бахметева, Давыдова и многих других. Нарочито составленный пример и задача всегда лучше уяснят дело, чем перетряхивание музыкальных вольностей прежних славных композиторов. Или же должно иллюстрировать только хорошие голосоведения. Тогда этих примеров, при незначительном числе положительных правил, будет незначительно. И цель не будет достигнута, а нужда в составленных нарочито примерах будет все же неустранима. Анализом же лучших сочинений наших лучших композиторов ученики успеют заняться впоследствии, например в VI классе; при изучении же гармонии ученик может удовольствоваться сделанными мною общими указаниями страниц сочинений авторов, то есть найти любую из них, но *совсем не проверять каждую мою цитату*, что для него совершенно бесцельный и бесполезный труд; любознательный же может удовлетворить своей любознательности как ему угодно. Вот смысл многих моих цитат из авторов в конце книги; из той же педагогической предосторожности я не брал никаких отрывков из авторов: для не глубоко понимающего ученика эти выдержки не нужны, даровитый же найдет их в оригинале по цитатам и притом сколько ему нужно⁴.

По Вашему суждению отдел об органном пункте, о модуляции, хроматическом изменении аккордов и ложных последовательностях «по скомканности в изложении» и краткости «как учебник почти не выдерживает критики». Сопоставляю эти отделы с таковыми же у Чайковского, Аренского, Рихтера и, признаюсь, не вижу, чем же изложение этих авторов более блещит, выдержаннее и методичнее и чем же оно полнее? Правда, Римский-Корсаков, Бусслер, Маркс излагают все это подробнее и обстоятельнее, но для требований строгого стиля и программы семинарской это совершенно не нужно, как и замечено в моей книге. Весь этот отдел предлагается притом же только к сведению учащихся, а не к точному подробному изучению. Ни модуляция, ни энгармонизм, ни органный пункт не должны быть изложены подробнее; интересующиеся могут обратиться к Дрэзеке⁵, Бусслеру, Марксу, Римскому-Корсакову и проч.

Наконец, Вы высказываете желание, чтобы я «подробнее» изложил учение о строгоцерковном стиле⁶. Но это потребует отдельной книги, а затем «как музыка будущего» (Ваше выражение) мне кажется преждевременным, а если бы не так, то в учебнике семинарском не совсем уместным и превышающим программу преподавания этих предметов в семинарии.

Мое письмо затянулось, хотя я не успел высказать всего того, что желал бы, но думаю, что существенное все сказано. Вы, может быть, подумаете, почему я так подробно останавливаюсь на рассуждениях о моих книгах. Это, отвечаю, потому что изложенное в них есть для меня не только предмет школьного изучения, но и известного убеждения, которое трудно меняется даже и при сильных доводах против него, и тем более, что много добыто собственным опытом и исследованием и, так сказать, пережито. При этом припоминается также

древнее мудрое изречение: *amicus mi Plato, sed magis amica veritas* [Платон мне друг, но истина дороже — *лат.*].

Я изложил все, в чем могу поступиться и в чем не могу. Ваше суждение по этому вопросу покорно прошу не оставить сообщить мне — и тогда я прокорректирую книжки в указанном направлении и вновь представляю в Учебный Комитет как учебники, не дожидаясь срока премий. Если же Вы будете не согласны на предполагаемую мною корректуру, то уведомяте и об этом, и я в Комитет не пошлю, а пущу эти книги по белу свету в качестве учебно-литературных произведений, не лишенных общеобразовательного интереса, и постараюсь придать им надлежащую окраску. Уступив место другим, быть может, и сами они сумеют себе завоевать скромный уголок в тех же заведениях, для которых писались, сумеют найти любознательных читателей и повлекут их на новые размышления, дадут пищу критике, новым догадкам, новым выводам, быть может, сумеют внести свою лепту на общую пользу дела, на его прогрессивный рост и процветание — и то слава Богу.

На Вашем рассмотрении, вероятно, теперь находится мое переложение «Блажени яже избрал»⁷. Ваше внимание обращаю я на него потому, что оно составлено мною на изложенных в книге «Строгий стиль» основаниях строгоцерковного стиля гармонии, при употреблении контрапункта дуодецимы и строгой канонической имитации, а по своей музыкально-певческой идее представляет как бы выражение пережитого по поводу преждевременной кончины незабвенного, истинного, великого Покровителя Православной Русской церкви и великого Миротворца. Здесь хотел бы я видеть одну из малых лепт, приносимых незабвенному Государю от глубоко благодарного ему духовенства.

С истинным почтением имею честь пребывать Вашим покорным слугой.

Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 23—36 об.

1. Смоленский, видимо, послал Металлову книги из собственной библиотеки: L. Lam-billotte. *Esthétique, théorie et pratique du chant grégorien* (Paris, 1885) и E. de Coussemaker. *Histoire de l'harmonie au moyen-ve* (Paris, 1852).

2. Может подразумеваться разный объем певческих звукорядов в разные эпохи знаменного роспева; так, звукоряд эпохи Шайдурова уже, нежели указанный Мезенцем.

3. Калачинский П. А. Элементарные сведения из изучения гармонии в приложении к церковному пению. Киев, 1893.

4. Последний параграф книги Металлова (параграф 28 — «Строгий стиль в духовно-музыкальных сочинениях русских композиторов») состоит из указателя «наиболее значительных отступлений» от правил «строгостя», причем упоминаются авторы весьма разные, от Бортнянского и Давыдова до Бахметева.

5. Дрэзке Ф. Руководство к правильному построению модуляции / Перевод А. С. Фаминцына. СПб., 1877.

6. Под «строгочерковным стилем» Металлов понимает приложение «строгого стиля» к древним роспевам (взятым по возможности точно); этот стиль допускает элементы простейшего контрапункта для «уподобления голосов» основной мелодии, а также простые модуляции, но скорее не мажоро-минорного, а ладового характера (в пределах церковного звукоряда); септаккорды, насколько можно понять, почти абсолютно изгоняются.

7. Это переложение киевского роспева издано в Москве в 1895.

Металлов — Смоленскому

[1895, конец марта]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Спешу исполнить данное Вам при прощании обещание написать то, что не успел высказать Вам лично, пользуясь свободной минуткой. Читал, между прочим, отзыв рецензента «Московских ведомостей» о Вашем концерте; особенно мне понравилось: «О достоинствах Синодального хора знает в Москве всякий, и поэтому нечего и говорить, что исполнение всех сочинений было образцово»¹ — в этом мне видится невольное признание достоинств Синодального хора, вроде того, что «ведь и в самом деле Синодальный хор поет образцово» и прочее подобное. В том же номере газеты читал о возвращении митрополита. Как я жалею, что не мог остаться лишний день и представиться лично митрополиту, иногда ведь и не важные обстоятельства решают важные дела. Припоминается мне теперь изречение древнее: *gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo* [капля камень точит не силой, а частым падением — *лат.*], и Ваш первоначальный план, после того как я увидел своими глазами удобства расположения местности, занимаемой Синодальным училищем, Консерваторией и церковью Вознесения, в целях предполагаемого перемещения, то этот план кажется мне наилучшим из возможных. При таком плане я не задумался бы ни на минуту, равным образом и с Вашей стороны не должно быть места раздумью. Чтобы я бросил пение ради прихода — это для меня немыслимо, как и теперь я часто ищу наслаждения в этих излюбленных занятиях. Равным образом не думаю, чтобы и был ущерб для занятий пением при таком маленьком приходе, как Вознесение. Наконец, я настолько втянулся в это дело, что занятие им для меня стало даже потребностью: для меня столько еще нерешенных вопросов, столько предположений, которые должно еще мне оправдать, так связал я себя этими путями, что, кажется, всей жизни не достанет их окончательно разрешить. Поэтому, *для пользы дела*, должно двинуть *lapidem*, должно *победить* препятствия. *Sat sapienti* [Мудрому достаточно — *лат.*].

По поводу разговора нашего о контрапункте посылаю Вам когда-то написанную мною фугу на «аллилуйя», с претензией на народность мотивов. Поступите с ней как найдете лучшим — сохраните ли или уничтожите — для меня безразлично. Если она заслуживает внимания, то сделайте замечания на нее или

покажите, например, Танееву, что он мог бы сказать о ней — мне было бы это весьма любопытно.

Здесь представлены строгие фуги с тремя проведениями, имитациею, каноном в интермедии и двойным и тройным контрапунктом октавы также в интермедии и наконец со стреттою. Подобная вещь есть скорее плод досуга, чем действительной надобности.

Обработка крюковой Азбуки в том смысле, как у нас говорено было, при моих настоящих книжных средствах едва ли возможна, посему я это дело отлагаю до Москвы или же навсегда. Теперь же нахожу более благоприятным временем заняться строгим стилем и кратким учебником его для семинарий. Немало меня занимает забота по подготовке 2-го издания Очерка, хотя чувствую недостаток пособий, который можно было бы легко восполнить лишь в Москве.

Анне Ильичне и Вам жена моя свидетельствует глубокое почтение и благодарность за Ваше гостеприимство, которую прошу принять и от преданного Вам

Священника В. Металлова.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 37—38 об.

1. Имеется в виду рецензия за подписью Г. на третий Исторический концерт Синодального хора, опубликованная в «Московских ведомостях» 23 марта 1895 (см.: РДМ. Т. II, кн. 2. С. 982).

Металлов — Смоленскому

Саратов, 2 апреля 1895

С праздником Христова Воскресения, глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Я очень порадовался за Синодальное училище, Синодальный хор и Вас, несущих службу управления этим немаленьким солидным учреждением, когда прочитал о посещении Вас Его Императорским Высочеством Генерал-Губернатором Москвы¹, и уверен, что впечатление от этого посещения могло быть только самое благоприятное, ибо дело у Вас настолько хорошо поставлено, что можно только радоваться, глядя на него, вникая в его подробности — и дай Бог, чтобы такое учреждение росло и крепло и создавало историю.

Я уверен, оно и создает историю не менее, чем могла это сделать Капелла, которая, кажется, уже и заканчивает свою просветительскую учительность, сказавши свое последнее слово в сочинениях Римского-Корсакова, тем завершивши пересадку и культивировку у нас западной иностранной церковной музыки. Теперь настает пора разрабатывать отечественный контрапункт, прислушиваться к родной гармонии, соответствующей духу старинных напевов, тем более что

более или менее удачные опыты в этом роде уже обнаружили, и есть надежда продолжать это дело дальше. Все средства, думается, для этого полезны, и опыты над русскою песнью народной и над песнью церковной, и со стороны лиц светского музыкального (мирского) образования, и (наиболее) духовного церковного. Мне кажется, что в этом важном новом деле и сыграет свою важную роль Синодальное училище, не отвергая, конечно, в этом деле и частные опыты частных лиц, преданных церкви и делу церковного пения, ибо всякое дело не терпит исключительности, обособления, но идет хорошо лишь при соучастии в содружестве в смысле всесторонней разработки дела.

При этом, конечно, должно иметь важное значение критическое отношение ко всем опытам, но, что всего главнее, отрешение от всяких авторитетов или *idola fori* [ложных кумиров], которым толпа весьма склонна воздавать всяческое поклонение.

Все это я говорю в такое время потому, что убежден, что Господь Иисус Христос, смертию и воскресением Своим искупивший нас, действительно достоин, вкупе со Отцем и Духом, того, чтобы мы принесли в Церковь Его наилучшее из своих трудов и дарований, что соответствовало бы и исторически создавшемуся складу наших нравов, преданий, взглядов и убеждений, чтобы предлагаемое отвечало и духу церковному, и духу народному.

Мой и жены моей привет пасхальный Анне Ильичне и Вам. Дождавшись Вокресения, будем ждать и *Вознесения!*² Но охотно будем принимать и все даруемые свыше блага!

Ваш весь Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 39—40 об.

1. Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна посетили «домашний концерт» Синодального хора в зале Синодального училища 23 марта 1895. По записи в Дневнике Смоленского, великий князь сказал: «Ваш хор — сущее наслаждение» (программу см.: РДМ. Т. II, кн. 2. С. 746).

2. Своего рода каламбур: Металлов имеет в виду не только грядущий праздник, но и обещанный ему Смоленским переход в Москву на место священника в храме Малое Вознесение на Б. Никитской.

Смоленский — Металлову

Москва, 2—3 апреля 1895

Дорогой отец Василий Михайлович. Христос воскрес!

Приветствую Вас с любовью и радостью, ибо полюбил Вас за немногие минуты свидания и душевнейше рад приложить к сему письмо Константина Петровича, сейчас полученное¹. Прошу возвратить письмо.

Да будет этот лист вместо красного яичка! *Напишите умненько* Константину Петровичу.

Связую Вас обещанием служить делу моему из всех сил, ибо дело ныне, очевидно, налаживается, и Бог да благословит начатое.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

За фугу весьма благодарю, но не огорчитесь: неважная, через год-два будем писать несравненно лучшие. Мой недостаток: любовь говорить правду тем, кто умеет слушать.

РГБ, М 10794, № 36, л. 5—6

1. Это письмо от 24 марта публикуется в переписке с Победоносцевым в первой книге тома. В частности, в письме говорится:

О Металлове, помнится, желали вы, чтобы он определился в приход к Малому Вознесению, предполагая вероятно, что там вскоре очистится место. Потом от Саблера слышал я, что он говорил с Митрополитом, но Митрополит не соглашается, ссылаясь на то, что у него много своих кандидатов. Пред отъездом отсюда Митрополита я говорил с ним о Металлове — и услышал от него, что он не противится. Только место у Вознесения, по словам его, занято.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 6 апреля 1895

От души благодарю Вас, глубокоуважаемый Степан Васильевич, за Ваше *двойное* письмо и за Ваши старания по устройению судьбы моей — Вы меня тем связываете вечною пожизненною благодарностью к Вам, особенно же при той мысли, что в этом выражается ваше бескорыстное, преданное до самозабвения, самоотверженное служение дорогому делу православно-русского церковного пения, что, я уверен, ценю не я один, но оценит по достоинству и история, если только она может быть точною и беспристрастною пред изучающим дело нашего православно-русского церковного пения, ибо нередко факты, кажущиеся незначительными на первый взгляд, при всестороннем их обсуждении выступают в их полном настоящем свете и значении. Это и понятно. Если Капелла сделала историю в церковном пении, то почему же не сделает этого Синодальное училище, — оно только начинает свою жизнь и уже доказывает своею состоятельностью очевидную пользу, благие последствия. Оно не стоит поперек пути Капеллы, Капелла будет идти своим путем, Синодальное училище своим, а иногда, быть может, то и другое общим путем, но все же в самостоятельности его направления никто не может отказать ему. Все это говорится, конечно, пока между нами,

пока дело развивается и растет, но когда оно окончательно созреет, тогда долг велит возгласить о нем в слух всех и дать ему должное место в истории отечественного церковного пения, место вполне почетное и заслуженное.

Пишу это письмо под влиянием только что прочитанного, хотя думаю, что еще и предыдущее мое письмо едва ли дошло до Вас, но сообщенное Вами так важно и интересно и так многозначительно, что я не могу не выразить Вам тотчас же своей благодарности глубокой и сердечной за все Ваши обо мне попечения, иногда, быть может, и не без некоторых неприятностей, как это часто бывает при многих лучших наших попытках и предприятиях.

Константину Петровичу постараюсь написать в немногих, кратких обдуманных словах в смысле благодарности за его попечение по устройению этого дела на пользу отечественного православного церковного пения и подведомого Вам учреждения с обещанием приложить к делу все свои силы и дарования, насколько это будет угодно Господу Богу.

Фуга написана мною около пяти лет назад и представляет собою первый и едва ли не единственный опыт сочинения фуги; с того времени я еще не пробовал составлять фуг и не уверен, что есть в том надобность; главное же внимание мое обращено было на изучение строгого стиля по Бусслеру, Беллерману¹, Марксу и по партитурам, по Обиходу и крюкам и проч. Теперь же меня занимает собственно строгоцерковный стиль, о котором еще не писано ни в каких книгах.

Весь Ваш Свящ. В. Металлов.

Дай Бог совершиться нашему делу!

1. Имеются в виду труды немецкого ученого и композитора Генриха Беллермана, который в числе прочего занимался мензуральной нотацией и ритмом европейской средневековой музыки и греческой нотацией.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 42—43 об.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 6 мая 1895

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Посылаемое одновременно с сим мое переложение «Блажени яже избрал» покорнейше прошу Вас принять как знак моего неизменного глубокого к Вам уважения. Такие же экземпляры я посылаю Константину Петровичу, Владимиру Карловичу и А. А. Ширинскому-Шихматову, а если наберусь смелости, то буду просить Константина Петровича поднести такой же экземпляр вдовствующей Государыне Императрице.

В 20-х числах апреля, как я видел из газет, был в Москве В. К. Саблер, если было какое-нибудь упоминание о *деле* или если вообще произошло какое-либо изменение в нем, то, запасшись мужеством, пожалуйста отпишите.

Я теперь занят гармонизацией гласов древнего киевского распева по Синодальному Обиходу и, если Бог потерпит грехам, то, написавши, желал бы посвятить этот свой труд Синодальному хору и был бы весьма рад, если бы хор принял это посвящение. Переложение будет в роде Всенощного бдения издания Капеллы, но в *своем роде*, в строгоцерковном стиле¹.

Затрудняюсь только в том, каким распевом изложить ирмосы, но более склонен Зосимовским, для единства и цельности впечатления; гласы — киевским, тропари — греческим, прокимны и «Свят» — знаменным.

Но сказать откровенно, мне такое смешение распевов не очень нравится — и я с большим удовольствием изложил бы каким-нибудь одним, например киевским. Есть у меня в мыслях изложить еще литургию знаменного распева. Таковая, кажется, кем-то составлена. Есть, кажется, сверстница моей литургии «киевской», составленная иеромонахом Парфением².

Интересует меня литургия Протопопова³ — что за произведение, еще не знаю. В общем же можно сказать, что много гармонизаций, но мало в них прочного, устойчивого, характерного, самобытного, более же подражательного, в духе немецкой и итальянской музыки, — когда же у нас будет своя русская церковная музыка, не та, которая проявляется в немногих опытах, но своя коренная и настоящая, народная? Забыли древние напевы, к ним должно обратиться и в них искать разрешения всех недоумений, но не в отвлеченных теоретических выкладках, ни за границею, ни наипаче у дьячков, разве только иногда у русской народной песни подслушать.

Готовый к услугам Вашим Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 44—45 об.

1. В 1893 было издано «Пение на литургии святого Иоанна Златоуста, киевского распева» и ряд других переложений. Упомянувшееся в письме переложение «Блажени яже избрал» киевского распева издано в 1895; в 1898 — «Пение на всенощном бдении древних распевов (киевского и греческого)».

В № 3 «Саратовских епархиальных ведомостей» за 1895 (С. 135—136) помещен следующий перечень под заглавием «Сочинения священника В. Металлова»:

А) Духовно-музыкальные — Собрание переложений с древних напевов церковных: знаменного, греческого, киевского, болгарского и др. 100 страниц. 35 номеров.

Сочинения: три Херувимских, три «Милость мира», «Достойно есть», Отче наш.

Причастны дневные, Херувимская, «Се Жених» и «Егда славнии» киевского роспева, «Благообразный Иосиф», «Егда снизшел еси» и «Мироносицам женам» болгарского, «О Тебе радуется» греческого — в одном томе.

Пение на литургии И. Златоустаго киевского роспева.

Б) Теоретические: «Очерк истории церковного пения в России», «Церковное пение как предмет преподавания в народной школе». [Первое принято Учебным комитетом как учебник для старших классов семинарий. Второе одобрено как пособие для преподавания методики церковного пения в семинариях и как пособие для учителей церковно-приходских школ.]

Приготовляются к печати: «Азбука крюкового пения. Опыт систематического руководства к чтению крюковой семиографии песнопений знаменного роспева, периода киноварных помет», «Строгий стиль гармонии. Изложение оснований строгого и строгоцерковного стиля гармонии».

2. См.: Иеромонах Парфений. Литургия св. Иоанна Златоустаго по напеву Киево-Печерской лавры. М., 1892.

3. Речь идет о «Полной четырехголосной обедне» протоиерея С. В. Протопопова, изданной в Лейпциге в 1894 и исполненной в 1895 в Туле местным архиерейским хором.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 28 мая 1895

Ваш покорный слуга, многоуважаемый Степан Васильевич, небольшой вообще охотник до корреспонденции, но некоторые факты побуждают меня на некоторое время занять Ваше внимание и несколько отвлечь его от массы дел в области церковного пения, которому, кажется, Вы отдаете себя душою и телом и другим делам едва успеваете уделить хотя бы малую долю Вашего внимания, хотя по древнему изречению вполне справедливо: homo sum et nihil humani a me alienum puto [я человек, и ничто человеческое мне не чуждо — *лат.*]. Посему Вы и не должны быть в претензии за отвлечение Вашего внимания одним письмом.

Вас и Василия Сергеевича поздравляю с блестящим успехом исторических концертов и с Монаршею милостью¹. Поздравляю и с окончанием экзаменов Ваших. Если верить «Московским ведомостям», право регента получили и окончили курс четверо. Теперь настала и Ваша пора отдохнуть и заняться делами обыденными, общежитейскими, поскольку они не мешают, а содействуют отдыху, разнообразя его, и не в ущерб общему делу.

Недавно в «Новом времени» читал о предполагаемых преобразованиях Капеллы, об отставках ее начальников и о назначении туда Аренского². Признаться, этих фактов я не понимаю. Мне кажется, что из русских музыкантов более всего на место управляющего годился бы Римский-Корсаков, который отлично знает строгий стиль, или же Танеев, если судить по его предисловию

к переводу «Контрапункта» Бусслера³, или же человек, специально изучивший область нашего церковного, чувствующий себя, так сказать, хозяином своего дела, но достоинств оперного и инструментального композитора и теоретика-музыканта едва ли, по-моему, достаточно для подобной цели. Существенный недостаток всех доселе бывших директоров Капеллы в том, что, зная в музыке весьма и весьма много, в области же того дела, которым они призывались руководить, в церковном пении, они едва ли могли дать себе более или менее сознательный отчет, ибо не знали напевов древних обиходных в их первоначальной целостности и неповрежденности и едва ли в состоянии были отличить один глас, например знаменного распева, от другого, а в этом-то [?] и вся суть *церковности* нашего церковного пения, а не в той его фальсификации, которая, за немногими исключениями, являлась под фирмой *придворного пения*, — на что в свое время указывал еще митрополит Филарет во главе Московской комиссии, обсуждавшей достоинство придворного напева⁴. Повторяю, что с выходом Римского-Корсакова Капелла окончила свою роль в истории русского церковного пения, хотя было только что вступала на истинный путь, как показывало «Всенощное бдение древних распевов»⁵.

Не поставьте себе за тяжкий труд известить, как мое движение в Москву, в темпе Grave или Allegro?

Весь Ваш Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 46—47 об. К письму приложена выписка из закона о воинской повинности (л. 48)

1. Имеется в виду цикл Исторических концертов Синодального хора, проведенный в феврале — марте 1895-го; программы и отклики см.: РДМ. Т. II, кн. 2.

2. А. С. Аренский сменил М. А. Балакирева на посту управляющего Капеллой, а С. М. Ляпунов — Н. А. Римского-Корсакова на посту помощника управляющего. Недоумение, выражаемое Металловым по поводу назначения Аренского, разделяли и другие музыкальные и церковные деятели, в том числе упомянутый далее в письме С. И. Танеев (кстати, именно его или Ляпунова хотел видеть управляющим сам Балакирев). После ухода Балакирева место управляющего было предложено Римскому-Корсакову, но он от такого предложения категорически отказался.

3. Имеется в виду предисловие С. И. Танеева к переведенной им книге А. Бусслера «Строгий стиль» (М., 1885).

4. О деятельности московской комиссии под руководством митрополита Филарета, обсуждавшей достоинства и недостатки, а главным образом сохранность традиционных распевов в гармонизациях Капеллы, см. первый раздел III тома РДМ; там же напечатана с комментариями записка митрополита Филарета «О нотном церковном пении...»

5. Во «Всенощное бдение древних напевов», изданное Капеллой в 1888, включены работы не только Римского-Корсакова, хотя верно то, что он руководил подготовкой этого

издания и впоследствии сам считал данный стиль гармонизации «образцовым». При всем том в собственном духовно-музыкальном творчестве композитор шел по иному пути.

Смоленский — Металлову

Москва, 18 июня 1895

Достопочтеннейший отец Василий Михайлович.

Наконец пришло время отправиться мне в Сергиеву Лавру, в скит, для рассуждения с Митрополитом о Вашем перемещении в Москву¹. Для точности передаю наш разговор в надобных частях почти буквально, и посему, по словам Мезенца, нашего общего приятеля, «приидите, виждьте и вникните прилежно в сие малое надписание, яко удоболепно весьма». Так как Митрополит есть человек чрезвычайно точный в словах, то понятно, что в нашем разговоре, как говорится, я укладывал всякое лыко в строку. На самом деле, с первой минуты свидания, немедленно начавшегося по моем приезде, Митрополит оказался в высшей степени любезным, ласковым и в нашем деле неожиданно благожелательным.

Конечно, сначала всякие благословения и всякие слова сему приличные. Далее.

Я: Осмеливаюсь доложить Вашему Высокопреосвященству о деле священника Металлова...

М: Да! Мне было очень приятно получить от о. Металлова его заупокойный стих «Блажени яже избрал». Я все время, после моего разговора об Металлове с Константином Петровичем, ждал из Саратова прошения. Очень рад буду, если дело устроится.

Я: Для о. Металлова как священника очень желателен храм; как ученого — небольшой приход, который бы не отвлекал его от кабинетных занятий; как будущего моего сотрудника — желательна недалекость места его священнического служения от Синодального училища. Считаю долгом доложить Вашему Высокопреосвященству, что для перевода в Москву о. Металлов не ищет себе какой-либо богатый приход, ибо то противоречило бы его ученой деятельности, но желает быть в Москве, чтобы иметь под рукою библиотеки, музеи и тех людей, которых ему недостает в Саратове.

М: Я и о сем думал. Какая семья у о. Металлова?

Отвечаю, что надо.

М: Вот видите: священник у Малого Вознесения, то есть вашего прихода, переболел все законные сроки, какие только можно допустить. Я полагаю так: мне нет возможности предоставить о. Металлову какой-либо видный приход в Москве сразу, ибо то обидит многих московских священников, да и установилось здесь правило во множестве храмов быть только протоиереям. Надо сначала о. Металлову перебраться в Московскую епархию, подать прошение о сем мне с приложением копии формулярного о службе списка. В ответ

на сие я снесусь с преосвященным Николаем и, если, как и следует ожидать, не будет препятствий к переводу, *припишу на первое время без содержания о. Металлова к Храму Спасителя*. Затем я справлюсь еще раз о семейном положении больного священника у Малого Вознесения и устрою на первое время о. Металлова на половинном в том приходе священническом доходе. Таким образом о. Металлов 1) будет в моей епархии, 2) будет у Вас законоучителем и 3) на таком положении ему будет легче получить, *будучи московским*, в Москве желаемое. Мне очень нравится, что корысть в сем деле не ставится на первый план, не забываю о семье Металлова, ценю его труды, но надобно сначала приглядеться к человеку, затем уже устроить его в том виде, как будет ему лучше, а здешним, московским, не обидно. Сколько Вы можете обеспечить о. Металлову доходу от уроков в училище?

Я: Не более 400—450 рублей: за уроки богослужения 240, дидактики 100 и истории церковного пения также 100 рублей при 10 уроках в неделю. Более сего пока не предвижу.

М: Да, на сие Металлову будет трудно жить, но ведь это только на первое время.

Этим собственно и кончился разговор мой о Вас с Митрополитом, так как далее мы говорили уже о других материях. Вернувшись в Москву, я все-таки поехал к моему приятелю, прелестнейшему человеку Н. А. Розанову², правой руке Митрополита во всех его служениях, ключарю Храма Спасителя, уходящему от нас законоучителю, ибо Митрополит прямо сказал ему, что кто служит ему, то не может нигде давать уроков и должен быть свободным, чтобы всегда быть готовым к услугам его. Протоиерей разъяснил мне слова Митрополита о намерении его приписать Вас к Храму Спасителя тем, что Митрополит не выносит в том храме двоих священников и хочет их сбить куда бы ни было, Вы же после приписки явитесь первым кандидатом на это освободившееся место. Храм Спасителя бесприходен, священники получают там по 1200 рублей, служат (кроме «соборне») через 2 недели в 3-ю, вполне свободны от всяких треб и проч. О. Розанов (повторяю — премилейший человек и для нас в сем деле полезный) считает за лучшее, если бы Вы не прислали прошение, а сами лично подали бы его Владыке в Скиту, где он пробудет до 5 июля и где на свободе Вы могли бы подробнее и удобнее лично переговорить обо всем и скорее, точнее и определеннее устроить все дело. Я нахожу такой совет о. Розанова разумным и полезным для дела. Если войти в положение Митрополита, в самом деле нельзя не признать, что все действия, на которые его уговаривают, строятся в его глазах лишь на впечатлении Вашей карточки и на доверии к ходатаям, а не наличном по свидании с Вами усмотрении, которое было бы более для него уверенным и веским после личного с Вами свидания. Судя по всему Митрополит

именно желает предварительно взглядеться в Вас и затем уже, чтобы иметь твердость в своем голосе, определить Вас в Москву.

Не приедете ли посему в Москву, и возможно поспешнее, ибо и меня гонят отсюда для лечения на море. Во всяком случае я пробуду здесь не более недели или дней 10-ти. Личное свидание с Митрополитом не может не рассеять его осторожности в сем деле, а рекомендательное письмо от Вашего Саратовского Владыки, если его каким-либо образом можно бы заполучить, наверно ускорило бы и крепко утвердило бы скорейшее и наилучшее решение судьбы Вашей в белокаменной.

Матушке и Вам кланяюсь.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Р. S. На случай, если уже не застанете меня в Москве, адрес о. Николая Александровича Розанова, протоиерея-ключаря Храма Спасителя: 3-й Зачатьевский переулочек в доме Уваровой. У сего милейшего отца Вам надобно быть непременно. Это очень недалеко от Храма Спасителя.

РГБ, М 10794, № 36, л. 9—10

1. Митрополитом Московским в это время (с 1893 по 1898) был Сергей (Николай Яковлевич Ляпидевский).

2. Розанов Николай Александрович (1842—1917) — протоиерей, ключарь Храма Христа Спасителя с 1893, а до того сакелларий Большого Успенского Собора и преподаватель Синодального училища.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 22 июня 1895

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

За Ваше малое, но многосодержательное надписание благодарю и за Ваши немалые труды и беспокойство по сему делу не менее благодарен. Начнем с конца Вашего письма. Приехать в Москву в указанный Вами срок никак не могу. 26 июня у нас престольный праздник — архиерейская служба, губернатор будет и прочие чины администрации. После 26-го уже будет поздно. Затем — по приказу Обер-Прокурора с 1 июля по 5 августа у нас в Саратове открываются курсы церковного пения, на которых я участвую непременно. Бывший у меня чиновник особых поручений при Обер-Прокуроре Мироносицкий передавал мне, что Обер-Прокурор, говоря о Саратове, указал ему на меня (курсы будут в Рязани, Пензе, Самаре, Саратове), причем-де прибавил: «мы еще хотим его перевести в Москву»¹. Занятия мне дадут около 150 рублей — сейчас же у меня положительно в кармане пусто.

Что говорил Владыка Митрополит весьма хорошо и утешительно, за то ему весьма я благодарен, и Ваш общий с о. Розановым совет я принял бы и немедленно при первой возможности осуществил бы, если бы у меня было в запасе хотя бы 1000 рублей или даже, в крайнем случае, 500 рублей, но поверьте моему священническому слову, что у меня даже одного рубля нет в кладе, я живу от 20-го и до 20-го, как всякий чиновник; если что у меня есть помимо жалованья — так это 150 рублей долгу, который я сделал при последнем издании переложений, — повторяю, если бы я имел какой-нибудь запас презренного металла, то не уstraшилсЯ бы 400 рублей, не замедлил бы пойти не только в Храм Спасителя сверх штата и содержания, но и к какой угодно церкви и даже без нее, на одно преподавание в Синодальном училище, в надежде через полгода или год устроиться основательнее и оправдать оказываемое мне доверие. Вот настоящее положение дела — и здесь ни Вы, ни я, кажется, ничего не придумаем. Позвольте еще Вам напомнить. У меня в тюрьме квартира, 800 рублей жалованья, в семинарии 400 рублей и еще доход — и при всех своих скромных привычках: не играю, не пью, гостей не принимаю, денег не мотаю — и все же при разнообразных необходимых семейных нуждах мы подчас остаемся с матушкой к 20-му положительно без рубля.

По русской пословице «не велика и честь, когда нечего есть», перебравшись неосмотрительно в Москву, мы с семьей должны сесть на хлеб и на воду, а потом, может быть, приняться за закладывание вещей и одежды — и в конце концов станем лучшим доброжелателям в тягость, надоедим и высшим и не высшим лицам — вот эта перспектива меня и пугает, а я достаточно уж знаю нужду и знаю, как она бывает зла, да и теперь еще нередко чувствую на себе ее следы. Кроме долга служения церкви и обществу на мне еще лежит долг служения семье — чем семья виновата, что должна быть принесена в жертву другим интересам?

Будь что будет, но при этих условиях мне нет *никакой материальной* возможности перейти и жить в Москве, принимая особенно во внимание дороговизну *частных* квартир и содержания. За Ваше участие ко мне душевнейше благодарю.

Готовый к услугам Вашим Свящ. Металлов.

Р. С. Если найдете *возможным и нужным*, сообщите нужное из моего письма Митрополиту. Быть может, я ему и сам напишу.

Еще слова два-три теплых душевных просятся на бумагу.

Если мое перемещение и не состоится, с чем я начинаю уже и примиряться, то все же в памяти моей сохранится много хорошего о Вас, о Вашем сердечном участии в моей судьбе, о том, что Вы первый стали ценить мои посильные труды и придали мне тем немало сил и бодрости духа в дальнейших работах. Кстати о работах. Ваш совет — подольше не вынимать из стола рукописей и не читать, не исправлять их по получении, я слишком усердно исполняю, и с

февраля, когда я их получил, до сего времени еще ни разу и не прочитывал, да и в июле с курсами-то не соберусь, итога выходит, вместо трех-то месяцев, как Вы советовали, целых шесть.

Думал было также какую-нибудь работу за лето отделать и послать к сентябрю в Комитет, но за курсами также придется оставить, а там в августе начнутся занятия и беготня по урокам, так что и не предвижу, когда могу заняться. Так и все идет в жизни. Хорошо ковать железо, пока оно горячо.

Из всенощной написал до полиелея и затем пока отложил на неизвестное время, когда-нибудь dokonчу, при удобном времени. Вздумал было изложить «Какое не дивимся» с имитацией в двойном контрапункте дуодецимы на двучельной фите и кулизме, да на половине также бросил — работа египетская, выходит сухо, в другом голосе фита ни в квинте, ни в октаве нигде не укладывается, кроме единственного раза в альте, а было бы интересно пустить эти штуки типичные в сопровождающих голосах в квинте или октаве.

Счастливей Вам путь и возвращение, о коем уведомьте.

Свящ. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 51—53 об.

1. В № 18 «Саратовских епархиальных новостей», в статье под заглавием «Певческие курсы для учителей и учительниц церковно-приходских школ, в г. Саратове» (С. 746—749) указывается, что курсы начались 1 июля, завершились 3 августа; они велись по программе чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода П. П. Мироносицкого и включали в себя, кроме церковного пения, обучение уставу, игре на скрипке, церковно-славянскому чтению и письму. Учащиеся в количестве около 100 человек делились на старшую и младшую группы, причем Металлов отвечал за старшую. При закрытии курсов Мироносицкий подчеркнул, что в целом курсы были проведены блестяще, в частности все слушатели старшей группы «оказали успехи вполне удовлетворительные». В заключение учащимися была пропета в городском соборе архиерейская служба.

В речи на открытии курсов Металлов говорил, в частности:

Ввиду... важного художественно-воспитательного, религиозно-воспитательного и патриотически-воспитательного значения для человека церковного пения, на нас лежит священный долг обратить особенное внимание на возможно более правильную, целесообразную постановку церковного пения в народной школе и не ограничиваться только скромными пределами его школьного преподавания и изучения, но постараться провести его в жизнь, все более и более расширяя пределы его многостороннего благотворного влияния на людей, и по возможности возвысить его до той ступени, когда оно станет необходимою духовною потребностью жизни и внебогослужебной, домашней. <...> Недалекое прошлое церковно-народной школы и церковного пения, не по вине, конечно, их самих, было слишком неблестяще и незавидно, чтобы можно

было надеяться в опыте прошлого, в предшествующей практике найти достаточно твердую опору, более или менее основательную подготовку для правильной и совершенной постановки церковного пения в народной школе в настоящее время. Поэтому, как и всякое новое дело, церковное пение как предмет преподавания в народной школе должно быть тщательно и всесторонне изучаемо и обсуждаемо, а равно и подвергается тщательному опыту и разнообразным способам его практического применения. <...> Такой цели всего более отвечают практиковавшиеся во многих местах с большим успехом летние курсы церковного пения для учащихся в церковных школах. <...>

Эти курсы помогут учащим сблизиться во взглядах и объединиться в деле преподавания церковного пения в школе. Кроме того, курсы дают нечто совершенно новое и необходимое для учащихся как руководителей чтения и пения, это практическое знакомство с чтением церковным, так называемым псалмодическим, и с церковным уставом в его существенных чертах (С. 754).

Металлов — Смоленскому

Саратов, 6 июля [1895]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ваше письмо из Дуббельна от 30 июня¹ я получил сегодня, 6 июля и пишу Вам письмом, а не депешкою, потому что это обстоятельнее. Вам сердечное спасибо за теплое слово ободрения и за Ваши энергичные действия — Вы здесь видны целиком, налицо.

Митрополиту я написал тогда же, одновременно с Вами или же днем позже. Благодарил за его отеческое попечение обо мне, но выяснил, что в Москву я могу перейти приблизительно только на то же содержание, что в Саратове, то есть около 1200 рублей, и что я благодарю его за намерение причислить к Храму Спасителя, но на первых же порах совершенно не имею запасных средств, а буде они были бы у меня, я не замедлил бы воспользоваться предложением Его Высокопреосвященства, в противном же случае боюсь огорчить свою семью и стать бременем для лиц, принявших участие во мне, вообще же оказаться в крайне затруднительных обстоятельствах; что я не ищу прибытков, но лишь желаю потрудиться в Москве на пользу отечественного церковного пения. В заключение снова благодарю за его отеческое участие во мне. После 27-го я не рискнул поехать потому, что Вас уже к тому времени могло не быть в Москве, а без Вас в Москве — я нуль без единицы, ибо только вдвоем можно составить 10; во-вторых, с 1-го начались курсы — а я главная пружина в них; в-третьих, безденежье; в-четвертых, стали бы многие много толковать, а все дело я стараюсь вести под сурдину. Вы указываете затем на возможность благоприятного впечатления для меня при личном свидании, я этого не отрицаю, но крадывается невольный при этом страх, а если оно окажется не в пользу, ведь Владыка Ваш — довольно мудреный сфинкс. Что же касается моего поведения и служения, то в этом отношении я надеюсь не подать никому повода к

недоразумениям, ибо, думаю, настолько научен опытом своей жизни довольно. Надеюсь, что в состоянии избрать лучшее и разумнейшее перед опрометчивым и легкомысленным. Затем и мое семейное положение дает немало поводов к тому, чтобы больше взвешивать свое поведение и поступки не в ущерб службе и семье. Думаю, что с этой стороны недоразумений не будет, и нрав мой будет подходящий к условиям московской жизни и к требованиям высшей церковной власти.

Ваш Свящ. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 49—50 об.

1. Это письмо не сохранилось.

Металлов — Смоленскому

Саратов, 8 августа 1895

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

В ответ на мою телеграмму из Дуббельна меня уведомили, что Вы были уже в Москву¹. О том же помышляю и я, закончив свои курсы, которые ревизующий чиновник особых поручений при Обер-Прокуроре Мироносицкий нашел в блестящем положении, о чем он, по его словам, и имеет доложить Его Высокопревосходительству. Курсам отдал я все время, но, к сожалению, для своих рукописей и 2-го издания «Очерка истории церковного пения» не сделал почти ничего. Все же таки хочу поотделать «Гармонию» по Вашим замечаниям, пополнить примерами из русских церковных композиторов и послать к 1 сентября в Комитет на премию — надобно же добывать где-нибудь денег, так как без них ни одного путного дела, кажется, не сделаешь. Вас же прошу поспешнее отнестись к моей рукописи, потому что в действительности труд оригинальный, самостоятельный (хотя и не без руководства всеученых немцев) и по полноте, обстоятельности, точности и строгости группировки материала, едва ли ошибусь, если скажу, что это труд и единственный. Указанные Вами своеобразные особенности точек зрения нисколько не послужат к умалению его значения и в ущерб делу обучения. Прочитавши повнимательнее рукопись, я нахожу, что такая книжка несколько полна и объемиста для учебника семинарии, почему я и представляю ее в Комитет на премию в качестве *пособия*. Подходящий же учебничек, Бог даст, жив буду, составлю потом, отдельно.

В Комитет я пишу, что рукописи исправил совершенно по указаниям г-на рецензента, хотя (*entre nous* [между нами]) сделал это в известном Вам смысле и духе.

Теперь о главном деле. По получении сего письма покорнейше прошу Вас уведомить, должно ли и когда именно должно мне приехать в Москву. Вместо писанья

сего письма я думал было самолично явиться в Москву, но рассудил, что лучше это сделать по Вашему точному указанию. Теперь я имею и время и деньги.

Крайний срок для поездки может быть для меня 17 или 18 число с тем, чтобы возвратиться около 24 или 25 августа — если же нужно раньше, то уведомьте, я могу оставить и Успенье. Если бы время более позднее потребовалось бы для моей поездки, то в крайнем неизбежном, но несомненно полезном для дела условии, можно и это допустить.

С пожеланием Вам и Анне Ильиничне доброго здоровья и благополучия готовым к услугам Вашим остаюсь

Свящ. В. Металлов.

Р. С. Василию Сергеевичу Орлову поклон и почтение. А прогос [Кстати]. Один регент 2-го разряда Капеллы, слышавший весной и Капеллу, и Ваш хор, утверждает, что Ваш хор поет лучше, — отзыв, как видите, беспристрастный. То же слышал он и от Обер-Прокурора, бывши по делам у него.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 54— 55 об.

1. Явно отсутствует письмо или телеграмма Смоленского, извещавшего Металлова, что принято решение о назначении его священником церкви святителя Василия Кесарийского в Москве (где он оставался около 10 лет).

Металлов — Смоленскому

Саратов, 16 сентября 1895

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Вашим письмом вполне утешен¹. Замедление в справке произошло, во-первых, от обычной медлительности нашей Консистории, хотя Владыка Николай² и сделал надпись на бумаге Митрополита «спешно», а во-вторых, оттого что в нашей Консистории не сумели написать дело в должной форме и приличных выражениях, и Владыка сам все переделал, возвратил назад бумаги в Консистирию и велел вновь написать дело по его указаниям. Теперь, как слышно, бумага отослана числа 12 или 13 сентября, и мы теперь в ожидании бумаги из Москвы. Надеюсь на слова Митрополита, ибо, как известно, он точен в выражениях и тверд в решениях, я уже начал распродажу своего хлама и упаковку нужных вещей, чтобы тотчас же по получении указа отправиться, сначала одному, в Москву. От ректора Семинарии я слышал, что ему-де сказывал Владыка, что-де меня в Семинарии заменить у нас в Саратове некому и что он, Владыка, предлагает произвести мену с Синодальным училищем, в обмен взять в учителя из окончивших училище. Я обещал поддержать сей проект и поддерживаю. В Семинарии жалованья 400 рублей при 6 уроках. Затем на уроки музыки, то есть скрипки, фисгармонии, иногда рояля, от Семинарии платится 100 рублей в год

и затем платы с учеников около 200 рублей в год, всего же с жалованьем около 700 рублей или, по крайней мере, около 600 рублей. Затем могут быть и другие занятия в городе, и, быть может, Владыка наметит его себе и в регенты. Посему Вам не мешало бы найти подходящего к сему кандидата, который бы поддержал престиж Синодального училища и оправдал бы мою рекомендацию, так как я не упускаю случая аттестовать училище с самых лучших сторон.

Город Саратов изобилует музыкой, и человеку труда есть где поработать. Для Синодального училища имею надежду заполучить Октай с полнейшим фитником и розводами и хомовую сокращенную Триодь Постную с песнопениями из Цветной, с *многолетием князьям*.

Анне Ильиничне и Вам жена моя и Ваш покорный слуга шлем сердечное приветствие и глубокую благодарность за память и заботы о нас.

Совершенно преданный Вам Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 56—57 об.

1. Это письмо отсутствует в переписке.
2. Епископом Саратовским был с 1893 по 1899 Николай (Николай Александрович Налимов, 1852—1914; впоследствии архиепископ Владимирский и Суздальский).

Смоленский — Металлову

Москва, 27 сентября 1895

Достопочтеннейший отец Василий Михайлович.

Что же это нет у меня наслаждения расцеловать Вас и поздравить с приездом в Москву? Справьтесь в Консistorии об указе выехать Вам от здешнего Митрополита. Эта волокита канцелярская, пожалуй, отнимет у нас много времени: тут не торопятся, там помедлят, а время-то уходит.

Матушке и Вам от меня и жены душевнейшие приветы. Не правда ли, что Вам лучше выехать вперед одному?

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

На Ваше место в Саратове, то есть в преподаватели только, могу рекомендовать Митрофана Романовича Пахомова-Иванова¹, кончившего регентские у нас курсы. Парень дельный и работающий, лет 25—27, опытный регент и честнейший, трезвейший человек. Немного горячий идеалист, но саратовская проза может сократить его где надо, ибо умен и добр.

РГБ, М 10794, № 36, л. 11—12

1. Пахомов-Иванов Митрофан Романович — сверхштатный певчий Синодального хора в 1893—1895, учитель пения, впоследствии регент в Покровском миссионерском монастыре.

Металлов — Смоленскому

Москва, 14 марта 1896

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Прошу покорно извинить меня в том, что вследствие накопления неподвижных дел по приходу не могу сегодня быть на уроке; а затем покорнейше прошу Вас не отказать мне в следующей нижежайшей к Вам просьбе. Недавно с женой мы присмотрели у Циммермана рояль Шредера в 600 рублей. Вы как-то упоминали, что чрез Ваше посредство может быть достигнута уступка в цене. Мы сейчас располагаем 500-ми рублями. Посему покорнейше Вас прошу оказать нам в сем деле Ваше содействие, как в отношении уступки со стороны Циммермана, так и в отношении пополнения недостающей суммы за счет мартовского моего жалованья и кассы, куда я внес 3 рубля единовременно и 5 рублей за февраль, а главнейше же всего, в счет уже известной Вашей доброты, которая выручала меня уже не раз.

С истинным почтением и сердечною преданностию остаюсь готовый к Вашим услугам

Свящ. В. Металлов.

Р. С. Всенощные — в субботу, воскресенье, понедельник, вторник я едва ли в состоянии буду служить, ибо, предполагаю, дадут дело¹. Что касается до Услаля, то он раньше мая не обещается, да и, говорят, он неаккуратен в сроках, так что мы рискуем лето пробыть без инструмента, а мы уже и без того соскучились по нем, да и компоновка без него у меня не идет никакая, а иногда являются мысли и соображения, которые бы хотелось проверить тотчас.

Ввиду всего сего покорнейше Вас прошу не отказать нам в Вашем содействии в сем деле, насколько это будет возможно.

Готовый к услугам Вашим Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 58— 59 об.

1. В это время Металлов уже служил в Москве. Речь идет о всенощных для учеников, которые проводились в малом зале Синодального училища в холодное время года (в данном году Пасха приходилась на 24 марта). Под «делом» здесь понимаются обязанности Металлова в Синодальной конторе (см. следующее письмо).

Металлов — Смоленскому

Москва, 31 января 1898

Секретно

Премногоуважаемый Степан Васильевич!

Настолько я привык с Вами беседовать по вопросам излюбленного у нас церковного пения, что переступить на иную, как сейчас, чисто дипломатического

свойства почву мне самому представляется чем-то странным, но однакоже, думаю, необходимым. Это свойство предмета предстоящей беседы и желание выразиться точнее и побудило меня, минуя словесное изложение, приняться за перо. Вам известно, что для московского духовенства я *persona ingrata* [нежелательная личность], ergo [следовательно] и для епархиального начальства из того же духовенства. Отсюда вывод: этим *sui generis* [своего рода] шемякинским судом я обречен в своей епархиальной службе быть отодвигаемым на задний план — до той, надеюсь, недалекой поры, когда я в состоянии буду вполне завоевать свое положение и доказать, что я, хотя и пришлец на земле, но не хуже избранного израиля, ибо в пастырском служении, как и в христианстве, несть эллин и иудей и проч., но всяческая и во всех Христос. Я имею утешение видеть и слышать из уст самих прихожан, что за 2½ года служения своего в приходе я заслужил у них себе полные симпатии, и нравственно я вполне удовлетворен как добросовестный исполнитель долга и как, надеюсь, оправдавший доверие Высокопреосвященного Митрополита, и Вашего и моего, высокочтимого нами покровителя Константина Петровича, и Ваше как ближайшее. Но мое внешнее движение по службе, при указанных выше условиях, обречено, думается, на застой.

Между тем, по евангельскому слову, *достоин есть делатель мзды своея*. Последнее движение мое по службе было в Саратове 1894 года 27 марта, когда я награжден скуфьей. Обычный промежуток служебного движения — три года. Он исполнился 27 марта 1897 года; 27 марта 1898 года будет 4 года. Представление ведомостей в Синод через Консисторию происходит в январе. Мне известно, что в настоящую ведомость я не попал, то есть здешние отцы, не без намерения, обошли меня, и дело отложится, значит, на пятый по порядку, 1899 год, а там, может быть, еще и в более дальний ящик, если кто жив будет, никому ведь из здешних отцов до этого дела нет, или, если и есть, то в нежелательном для меня отношении. Это мне представляется своего рода *бойкотированием*.

Все это приводит к следующему. Настоящая моя епархиальная приходская служба не заключает в себе никаких препон к моему служебному движению, но и имеет в себе благоприятные данные к моему награждению, как, например, помимо добросовестного исполнения пастырских обязанностей мое участие в собеседованиях со старообрядцами. Минуя даже учебную мою службу по Синодальному училищу (и канцеляриям Синодальной конторы), не найдете ли возможным, достоуважаемый Степан Васильевич, просто написать письмом Константину Петровичу в краткой и содержательной форме (а он наверное передаст вопрос сей Митрополиту), что я два года безвозмездно потрудился в служении всемогущих бдений для учеников Синодального училища, в промежуток времени от начала каждого учебного года до Великого поста, да и не бесполезен своею педагогическою и учебно-литературною деятельностью, как для Синодального училища в частности, так и для отечественного церковного пения вообще. Если Вам угодно будет, помяните о моем участии в разработке программ певческих

предметов по новому уставу для Синодального училища, совместно с Вами. Прошу иметь в виду, что все дело не в моих достоинствах, о которых идет речь и которые в действительности, может быть, ничтожны, а в принципе. Такой шаг, как превосходный маневр дипломатической тактики, дал бы почувствовать здешним отцам, что при всем нерасположении к «пришельцам» надобно же быть справедливым и беспристрастно ценить труды других. И для меня это было бы актом нравственного удовлетворения за недоброжелательство некоторых и укрепило бы на дальнейшее служение и борьбу с этим непонятным для меня недоброжелательством многих отцов.

Вы не думайте, чтобы были какие-нибудь внешние и соблазнительные проявления этих отношений здешних отцов ко мне, нет — этого не было, но они скрыты под формой обычной вежливости и корректных отношений и однакоже постоянно чувствуются. Против всего этого у меня есть достаточно самообладания и такта, достаточно чувства христианского терпения и снисхождения, достаточно понимания такого поведения и достаточно, думаю, предосторожности. Но с неприятелем лучше всего бороться его же оружием. Намерению того ослабить противника должно противопоставить стремление укрепиться против него, — другими словами, нужно быть сильным с ним в том же отношении, в каком он стремится ослабить. Это все я говорю к тому, что полезно было бы для моей здешней службы показать кому следует, что их недоброжелательные усилия не достигают своей цели и что с «ихней» стороны худой мир лучше доброй (хотя наружно незаметной) ссоры, — словом, полезно было бы приподнять мое служебное положение.

Пообсудите изложенное и, если для Вас не будет обременительно и не будет противоречить Вашим взглядам на дело, потрудитесь написать Константину Петровичу в желательном смысле.

Прошу покорно извинить за вынужденную нескромность с моей стороны.

Готовый к услугам Вашим Свящ. В. Металлов.

РГИА, ф. 1119, № 152, л. 60—63

Смоленский — Металлову

Петербург, 18 октября 1901

Дорогой отец Василий Михайлович! Что это от Вас нет ни строчки? Как я о Вас соскучился! Как поживаете? Что работаете? Как идут Ваши лекции в Консерватории? Как здоровы все в Вашей семье?

Я начинаю теперь немного приходиться в себя после крайне сурового и недружелюбного приема, сделанного мне как чужому — москвичу притом, некомпозитору и уже совсем неподходящему человеку под здешнюю казенщину... Много, очень много пришлось побушевать в эти 5 месяцев, много пришлось переменить, многих пришлось заставить работать, многих — прямо прогнать. Пришлось прой-

ти через жалобу, поданную Императрице на меня, через невообразимую ложь и клевету, пришлось остановить самое наглое воровство, самое беззастенчивое расхищение и т. п. Зато теперь понемногу начинается период первых плодов моей упорнейшей работы и понемногу начинает все приходить в порядок и хотя в какое-нибудь благоповедение, начинает работать хоть понемногу и хоть сколько-нибудь приучаться к труду. Капелла была запущена в такой прямо невероятной, бессовестной степени, что я под первыми впечатлениями прямо даже и растерялся, не умея сообразить, за что приняться, и притом еще, ввиду «придворного» ведомства — как приняться за дело. Теперь, конечно — совсем другое. Теперь и страх в Капелле имеется, и начинается хоть какая-нибудь и работа. Поверите ли, что из 38-ми больших певчих *буквально ни один* не знает нот, не говоря уже о теории, хоть какой-нибудь музыкальной начитанности. Поверите ли, что Капелла может петь «Господи воззвах» на 8 гласов только по нотам, а наизусть сбиваются даже и гг. регенты. Поверите ли, что безусловно все, что пропускается за придворными куцыми службами, — все это абсолютно неизвестно Капелле. После этого даже смешно заводить речь о каком-нибудь знаменном распеве. И все это самодовольно, самомненно, не только глубочайше невежественно, но и не допускает попытки к их обучению, мня себя превыше всего, считая себя знатоками дела и проч. Но, опять повторяю, теперь — новые песни, новые порядки. Конечно, тут задета и спесь, и лень, и обидно обнаженные незнание и неумение. Конечно, тут пущено в ход и всякое корректнейшее противодействие, но я ведь уже проделал раз такую выpravку на Синодальном хоре, да и сам стал постарше и поопытнее, да и сверху поняли меня и поддерживают, так что теперь бушую с утра и до вечера. Понятно, что нашлись и люди, которым надоело прошлое, которым опротивели бывшие непорядки, и эти люди помогают мне.

Ну, а как Вы, дорогой отец? Сердечнейше приветствую в Вас 3-го профессора истории церковного пения в России, наследника приснопамятного Д. В. Разумовского. Радуюсь за Вас и в том, что благодаря библиотеке рукописей Синодального училища и благодаря истекшему уже периоду времени, в течение которого Вы уже успели осмотреться в Москве и освоиться с ее научными средствами, — радуюсь тому, что в Ваши теперь самые зрелые годы пришла Вам возможность хорошо и плодотворно поработать на поле нашей новой науки. Не покидайте, пожалуйста, Синодальное училище совсем. Время, им переживаемое — критическое и вполне упадочное; переживите его, хотя бы и сократив в нем занятия, но не бросая его совсем. Легко случится, что уберут из Москвы временно-дурящего и вредного Шихматова, и тогда опять все наладится на хорошее!

Очень меня интересует ход Ваших занятий в Консерватории. В последние годы я занимался там с сущим наслаждением, так как находились люди, глубоко и искренно интересовавшиеся древним распевом и ходом развития церковнопевческого русского искусства. Были у меня в Консерватории и раньше очень интересные аудитории, а последними двумя годами — я прямо любовался внима-

нием моих слушателей. Их бывало у меня однако всегда очень немного, 6—8 человек. Как-то раз было около 10—12, а были годы и по 4 человека. Как у Вас? Вообще, благодаря несчастному инциденту из-за Конюса, не поносится ли мое имя в верхах Консерватории?¹

О бедном Синодальном училище мне иногда перепадают скучные, но весьма огорчительные известия. Пишут, что пьет Орлов прямо неприлично, что хозьяйничают Ширинский с Поповым и грубо и неумело, что ослабела у учеников дисциплина и успешность, — пишут все как будто подчеркивая, пересаливая. Конечно, не надобно было много ума, чтобы догадаться, что превосходнейший регент Орлов, при его абсолютном необразовании и грубости, может быть только плохим директором; что фигуры вроде Попова, столь страдающие отсутствием порядочности и наличием бешеного самомнения, — плохие педагоги. Но ведь не совсем же слеп Ширинский, чтобы не спохватиться вовремя?²

Ну, а что пресловутый «Наблюдательный Комитет»? И злили, и смешили меня его заседания, в которых с деловыми лицами и говорилось, и писалось столько непроходимых глупостей!³

Уже из тона этого письма Вы видите, дорогой мой, что болеет душа моя по творящемуся на Никитской № 13. Прошу Вас сказать мне Ваше спокойное, священническое правдивое слово. Я умею самым искренним образом забывать всякую обиду лично мне, но не нахожу в себе сил простить обиду ученикам-малышам, делу и, особенно, науке. Кажется, в гроб лягу, не простивши Ширинского.

Вам и Вашим мой и жены поклон и поцелуй. Будьте здоровы, работайте и не забывайте сердечно Вашего

Ст. Смоленского.

РГБ, М 10794, № 36, л. 15—16. На бланке Управляющего Капеллой

1. О «деле Конюса» см. подробнее в переписке с С. И. Танеевым.
2. О ситуации, сложившейся в Синодальном училище в первые месяцы после отъезда Смоленского, см. в переписке с А. В. Преображенским.
3. Смоленский — в отличие от Металлова — всегда скептически относился к цензурным амбициям Наблюдательного совета относительно новых сочинений и переложений; см., например, в его Воспоминаниях (РДМ. Т. IV. С. 393—398).

Металлов — Смоленскому

Москва, 2 сентября 1902

Привет Вам с супругой, уважаемый Степан Васильевич!

Русские пословицы и притчи полны замечательной мудрости и глубокого ума. Одна из таковых говорит: «с глаз долой — из сердца вон». Что нас

интересует вблизи, на более дальнем расстоянии уже теряется из виду, расплывается в тумане неясности и неопределенного интереса. Так, может быть, станется и с тем, о чем я хочу писать Вам. Я не вполне уверен, что Ваше создание, куда Вы вложили всю душу, с которым вместе Вы пережили столько радостей и печалей, столько волнений, восторгов и огорчений, — что это детище так же еще близко Вашему сердцу, так же интересует Вас его рост, его успехи, удачи и неудачи. Я говорю о библиотеке рукописей при Синодальном училище.

Не более как несколько дней тому назад я должен был пересмотреть и взять на свое попечение библиотеку. Со всюю добросовестностью археолога три дня подряд я обшаривал шкафы, перелистывал каталоги, пересматривал рукописи и вынес тяжелое для увлеченного этим делом человека впечатление... Не буду говорить много того печального, что просится на перо, скажу только фактический результат розыска. Двадцати восьми (28) рукописей, из которых много старых и научно интересных, совершенно нету по сличению с составленным Вами каталогом; в том числе недостает трех (3) рукописей библиотеки епархиальной по каталогу же Вашему. В том же числе недостает одной рукописи по каталогу, составленному Преображенским в дополнение к Вашему. Есть даже и такие вещи, которые свидетельствуют об особой *par excellence* изобретательности лица, хозяйничавшего в библиотеке, как например: по Вашему каталогу под номером значится нотная партесная рукопись в голосах, в трех книгах, на самом деле стоит крюковая книга без начала и конца, без всякого интереса, просто почти хлам — книга в том новом переплете, какой ей нынешней весной придал Преображенский.

Неужели эта библиотека не заслуживала большего понимания содержимых в ней рукописных сокровищ? Неужели грубый вандализм, букинизм и, может быть, меркантилизм заменяют уже нынче научную добросовестность и бережение книжных и рукописных сокровищ? Плохой симптом и дурное приобретение для нашей археологической науки, для наших книгохранилищ, которые должны быть общим достоянием, ибо в нем заинтересовано общество, а не отдельные только лица, и как общее достояние они должны быть свято оберегаемы для пользы дела, церкви и общества, и это общество, чье они составляют достояние, вправе заклеить позорным клеймом врагов этих книгохранилищ. *Sapientia sat*. Но я опасюсь, как бы дело не приняло дурной оборот, если дело слишком огласится и перейдет на официальную почву¹.

Поздравляю Вас с новыми сослуживцами, — но пожалейте и Москву.

Преданный Вам Свящ. В. Металлов.

Р. S. Жду Вашего суждения в возможной скорости.

1. О конфликте, возникшем в момент переезда в Петербург Преображенского, который отвечал в течение года за рукописную библиотеку, и Металловым, ставшим новым

ее хранителем (впоследствии передавшим свои обязанности Д. В. Аллеманову), см. в переписке с Преображенским, а также и в переписке с Победоносцевым.

Коротко говоря, Преображенский стоял на «неформальной» точке зрения, полагая, что Смоленский вправе свободно пользоваться рукописями им же собранной библиотеки, а Металлов придерживался строго «законной» позиции, полагая, что никакие выдачи рукописей на руки невозможны без специального разрешения инстанций Св. Синода.

Смоленский — Металлову

25 февраля [1906]

Суббота, поздно вечером

Достопочтеннейший о. Василий Михайлович!

Я приехал в Москву в четверг вечером и провел уже за работою все доступные часы для посетителей вчера и сегодня за кондакарями в Синодальной библиотеке.

Но Бог наказал меня, и работа моя должна приостановиться совершенно неожиданно. Сегодня в 6 часов вечера я сломал себе левую берцовую кость около ступни, и таким образом мой визит к Вам, который я имел намерение сделать завтра после обедни, то есть в тот, пожалуй, час, когда Вы будете читать эти строки, — делается физически невозможным по моей неподвижности теперь и впредь на несколько недель.

Поэтому я прошу Вас вместо моего визита навестить меня в доме графа Шереметева на Воздвиженке № 8, ход же из Шереметевского переулка в 1-е крыльцо налево и затем на верхнем этаже — первая дверь направо.

Мое самочувствие, слава Богу, очень хорошо, и как видите, я могу писать письмо даже через 6 часов после несчастья. Но я не без ужаса думаю о том, что я буду делать здесь, лежа неподвижно? Кондакарная моя работа, конечно, должна быть отложена, ибо выезды из дому невозможны; полагаю даже, что и по облегчении отъезд, например, в Сергиеву Лавру будет затруднителен. Поэтому я надумал заняться работой, живейше меня интересующей благодаря тому, что мне удалось найти корень ее в греческих манускриптах X—XI века, хранящихся в Императорской Публичной Библиотеке. Там нашлась служба 13 ноября Св. Иоанну Златоусту и 4 декабря Св. Великомученице Варваре. Так как можно сказать наугад, что эти обе службы не могут не быть в наших певчих Минеях Патриаршей Библиотеки, равно и позднейших стихираях, не говоря уже о XIV и XV веках, то я решил заняться теперь в своем невольном досуге этими двумя службами, дабы проследить развитие нашего напева вплоть до его прапрапрадеда, изложенного в греческом тексте *нашими* знаменами.

Приготовительный курс к такой работе, понятно, надо сделать начиная с нотного изложения и затем беспоповщинского, затем и XVI века. Я прошу Вас посмотреть в библиотеке училища — найдутся ли там и в каком числе экземпля-

ров эти службы? Затем при свидании, ввиду будущего приезда князя Оболенского, мы столкуемся о том, как бы устроить мне эту возможность поработать либо легально, либо по-товарищески¹.

Кланяюсь Павле Петровне и Вашим детям.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГБ, М 10794, № 36, л. 17

1. О происшествии со Смоленским см. подробнее в его переписке с Шереметевым. Насколько можно судить по дневниковым записям, Смоленский в этот свой приезд в Москву встретился с Металловым и они поговорили вполне благожелательно; на дом Степану Васильевичу были присланы нужные рукописи. Об отношениях Смоленского с новым обер-прокурором Св. Синода князем А. Д. Оболенским см. подробно в переписках с Шереметевым и Волковой.

Смоленский — Металлову

Петербург, 30 сентября 1907

Достоуважаемый о. Василий Михайлович! За Ваше краткое письмо и приветствие, как и добрые пожелания Регентскому Училищу — сердечно благодарю¹.

Уваровскую медаль я действительно получил и не раз думал о своеобразности награды за Ваш труд и за мой. Почетный отзыв, как ни высок его авторитет академический и притом по Уваровской премии, все же только слова похвальные за очень большой многолетний труд; золотая медаль — все же хоть 55 рублей, но за малый труд нескольких недель, убавляемый для меня лично тем, что я и без Академии Наук все равно проштудировал бы Ваш труд вдоль и поперек².

Полагаю, что, будь Афонские новости известными хотя бы немного ранее, а не теперь (и то только в будущем), Вы написали бы несколько страниц поиному и прибавили бы несколько новых страниц. Но Афон пока ни официально, ни частно не оглашен — следовательно — надо ждать 2-го издания Вашего труда.

Покоряюсь заранее и прошу извинения, если в чем-либо могла бы задеть Вас моя рецензия, но уже из ее извлечения Вы можете судить о мере моего почтительного отношения к Вашему труду.

Вместе с Анной Ильиничной приветствую Вашу матушку Павлу Петровну и всю семью Вашу.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГБ, М 10794, № 36, л. 19. Открытка

1. Письмо Металлова с приветствием на открытие Регентского училища не сохранилось.

2. Отзыв Смоленского на работу Металлова «Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский» будет воспроизведен в Приложении к VII тому РДМ; его впечатления от чтения работы излагаются в письмах к С. С. Волковой. Впоследствии, уже после кончины Смоленского, Металлов получил за эту работу (в новом, переработанном виде) свою четвертую Макариевскую премию.

Смоленский — Металлову

Петербург, 1 января 1908

Почтеннейший отец Василий Михайлович!

Мне особенно приятно обновить этот Новый Год первым приветствием именно к Вам и именно тем содержанием, которое должно составить для нас обоих «начало индикту» в области занимающей нас науки.

Но прежде все-таки выскажу от себя и Анны Ильиничны свое сердечное приветствие Вам и Павле Петровне «с Новым Годом, с новым счастьем» и всякими добрыми Вам обоим пожеланиями всякой тихой радости, доброго здоровья, всякой удачи в делах, всякой радости в детях.

Посылаю при сем малую тетрадь приложений к докладу А. В. Преображенского, читанному им 21 декабря прошлого года в Обществе Любителей Древней Письменности. Полагаю, что суть этого доклада ни для кого в России, как именно для Вас, не может быть более интересною и захватывающею полное внимание, притом же и самое сосредоточенное.

Результаты Афонской экспедиции и вызванных ею дальнейших работ начинают теперь оказываться имеющими весьма определенное и решающее значение. Мы оба разделили между собою работу весьма просто: А. В. Преображенский как превосходный знаток греческого языка взял на себя каталогизацию и общее расследование по греческим текстам; я как более натасканный по русским рукописям взял на себя русскую часть, условившись однако с коллегой в общем плане работы. В результате у А. В. обозначилась мера технического соотношения между греческим и русским певческим письмом и искусством вообще; у меня обозначилась мера текстового, книжно-певческого соотношения между нами и греками. Понятно, что мы оба далеки от основательных суждений и бесспорных заключений, так как мы работаем все-таки не над бесспорными первоисточниками, а лишь по памятникам XI—XII веков. Тем не менее мы оба согласились, именно в изъявление нашего глубокого почтения к Вашему труду и к Вашим разысканиям и соображениям, посвятить Вас в ряд наших мыслей. Мы оба думаем, что наши додумки, хотя и несходные в некоторых мелочах между собою, все же основаны на сотнях бесспорных фактов. Поэтому наше разно-

мыслие в мелочах нейдет далее посильных обоим дальнейших объяснений тех же бесспорных фактов, каждым несколько по-своему.

Вам, более чем кому-либо, должны пригодиться эти новости, потому Вам они и сообщаются. Суть новостей — в следующем:

В примерах А. В. Преображенского, основанных не на подборе, а на выбранных песнопениях из первых оказавшихся под рукою, но после сотен предварительных совпадений, Вы увидите:

1. Шесть знамен греческих, уцелевших в общих названиях, но не в начертаниях, всюду столь же точных графически и в постоянном употреблении на соответствующих им местах в одинаковых песнопениях на греческом и славянском языках.

2. До 19 знамен, вполне сходных в начертаниях и в постоянном совместном употреблении.

3. Для наглядности — несколько примеров того, как одинаковые части текстов, взятые из одних и тех же песнопений, нотированы почти с буквальной точностью.

4. Во втором примере (*Лик четвердесятью*) — ясен случай совпадения целого песнопения. Здесь наблюдаются и изменения в попевах (*Лик — воиньство*): вследствие ритмических разностей в ударениях «*Хорос*» и «*Лик*»; вследствие вынужденных речитативных увеличений в славянском тексте; вследствие случайного ритмического удобства отметить параклитом начало новой строки; вследствие, например, разночтения мелодического (*просвещающая*) и т. п.

5. В третьем примере (*В светлостех*) кроме повторения вышеуказанных сходств и различий имеется и указание перемены гласа.

6. В четвертом, пятом и шестом примерах — такие же разночтения, но при ритмических разницах текстов, вызывающих к тому же и на размышления.

7. Седьмой пример слишком ясно говорит сам за себя.

8. Восьмой пример есть образец нарушений ритмики слов, встречаемых в приложении напева ирмоса к текстам тропарей к тому ирмосу.

*

По моей, русской части имеются такие новости:

1. Состав наших певчих книг, прокаталогизованных мною сполна во всех известных наидревнейших списках, до 40 рукописей, указывает в связи с каталогизацией греческого пения:

а) сходство, в общем, состава годовых Стихирарей у нас и греков;

б) полную разность устройства и состава Ирмологов, при сходствах однако семиографических;

в) наличность у нас огромной певческой работы по роспеву полных канон, применительно к напевам данных ирмосов в Ирмологе;

- г) сходство, в общем, состава греческих Постной и Цветной *Триоди* с нашими *Постными Стихиарями* и с *Цветными Стихиарями*;
- д) наличие у нас особого состава Постной и Цветной певчей Триоди;
- е) наличие у нас особого состава месячных певчих Минеи;
- ж) наличие у нас Кондакарей певчих и дополнительных в них статей;
- з) наличие у нас *особой системы* пения на подобен;
- и) неимение нами Октоиха певчего, особо имеющегося у греков;
- к) неимение нами хотя сколько-нибудь одинаковых следов сходства в обрывках Обихода нашего и греческого, в смысле гораздо большего числа у русских песнопений обиходных;
- л) наличие двух масс песнопений, *не воспринятых* нами от греков и, наоборот, *роспетых нашими предками* вопреки составу греческих певчих книг. Последнее, в связи с русскими службам и вновь явленным нашим святым, — как будто бы первый лепет нашего творчества.

2. Заимствование славянами греческого искусства теперь, несомненно, обрисовалось более, всестороннее и точнее, но в то же время и определеннее в своих границах. Систематическая замена у нас постоянно одних и тех же греческих знаков одними и теми же русскими прямо указывает на продолжение нашей художественной самостоятельности, окрепшее даже и к XI—XII веку, начавшееся, несомненно, гораздо ранее.

3. Допуская вполне возможность предстоящих находок греческих певчих книг, которые бы уменьшили разность состава нашего церковно-певческого искусства от греческого, все же приходится признать пока несомненный факт наличия огромной художественной работы славянской, не имеющейся пока в найденных греческих рукописях, даже и в великолепных № 136, Вена, Эсфигменском Ирмологе, в Ватопедском Кодексе, Андреевском Стихиаре и др.

Вот Вам, почтеннейший коллега, наши новости¹.

Не могу не приписать о моем полном огорчении по поводу поворота дел на Никитской².

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, М 10794, № 36, л. 19—20

1. Нотные приложения в письме отсутствуют. Комментарии к осмыслению материалов Афонской экспедиции см. в переписке с Шереметевым, переписке с Преображенским, в приложении «ОЛДП» в первой книге тома.

2. Речь идет о назначении директором Синодального училища (после смерти В. С. Орлова) С. Н. Кругликова — взамен ожидавшегося назначения А. Д. Кастальского.

Переписка с С. И. Танеевым

Вступительная статья

Переписка Степана Васильевича Смоленского с Сергеем Ивановичем Танеевым — важное и интересное звено в эпистолярном наследии обоих корреспондентов. Переписка продолжалась сравнительно долго: с 1891 по 1908-й (Смоленский скончался летом 1909-го), и хотя в 1890-х оба музыканта жили в Москве и трудились бок о бок в консерватории, тем не менее они часто общались друг к другу в письменной форме. Впоследствии, с весны 1901, когда Смоленский переехал в Петербург, письма становятся менее частыми, но более подробными; кроме того Сергей Иванович в свои наезды в столицу обычно встречался с Степаном Васильевичем и то же самое происходило при посещениях Смоленским Москвы.

Надо сказать, что в личностном плане между ними было много общего, и недаром они подружились с первой же встречи. Таковая произошла в январе 1889 и ярко описана Смоленским в его Воспоминаниях. Тогда он, казанский педагог, приехал в Москву для корректуры нового издания синодальных певческих книг на квадратной ноте и встречи со своим наставником Д. В. Разумовским, но было слишком поздно: отец Димитрий после тяжелой болезни скончался. Внезапно Смоленский получил от прокурора Синодальной канцелярии А. Н. Шишкова, который ведал изданием певческих книг, предложение возглавить Синодальное училище церковного пения. Собственно, разговор об этом шел раньше, но все же прямое предложение явилось до некоторой степени неожиданным. Одновременно Степан Васильевич узнал, что «достопочтенный, ныне покойный о. Д. В. Разумовский перед самою кончиною» еще раз вспомнил о нем и завещал консерватории передать свою кафедру истории церковного пения именно Смоленскому. После первой панихиды по Димитрию Васильевичу Степан Васильевич познакомился с Танеевым (который уже знал нечто о Смоленском, поскольку тот заранее послал ему свое издание «Азбука Александра Мезенца»). 8 января Танеев, тогда директор Московской консерватории, посетил Смоленского в гостинице, и они обо всем договорились. Смоленский пишет, что Танеев к нему «отнесся предупредительно и сочувственно в высшей степени»¹.

Через примерно полтора десятка лет, подводя итоги 12-летнему московскому периоду своей жизни, Смоленский писал: «Из профессоров консерватории я сошелся более всего с известнейшим теоретиком и очаровательнейшим пианистом Сергеем Ивановичем Танеевым. Чистота душевная, правдивость и прямота этого умного и высокообразованного вообще, превосходнейшего музыканта меня прельстила с первого же моего с ним знакомства... Его доброта и

---

¹ Из писем С. В. Смоленского к С. А. Рачинскому от 3 января и 16 января 1889 (РНБ, ф. 631, т. XXVII, л. 13, 51).

безукоризненная честность, кроме его музыкальных достоинств, создали ему высокий авторитет в среде профессоров и учеников консерватории»².

Можно даже сказать, что, при огромном круге общения Смоленского, Танеев был для него в Москве главной фигурой, по крайней мере в стенах консерватории: как признает сам Степан Васильевич, ему не удалось сойтись близко с большинством других коллег-профессоров, погруженных, по его мнению, в «умственный сон» и интересующихся только узко музыкантскими проблемами. Это можно понять, вспомнив, что Смоленский попал в Москву из Казани, где в его круге общения преобладали ученые разных специальностей из местного университета и Духовной академии, да и сам он закончил университет и имел прочные знания в разных областях, горячо интересовался литературой, всеми видами искусства, наконец, политикой. Он без сомнения являлся достойным собеседником для Танеева, и тот, судя по записям в дневниках композитора, довольно часто после консерваторских занятий заглядывал «на чай» в директорскую квартиру Смоленского на первом этаже соседнего с консерваторией здания Синодального училища. В свою очередь Смоленский регулярно заходил к Сергею Ивановичу и очень подружился также с танеевской нянюшкой Пелагеей Васильевной.

Через их переписку проходит несколько сквозных тем, и одна из главных (по крайней мере, в московские годы Смоленского) — это исполнение старинной западноевропейской музыки и изучение полифонии строгого стиля. Особые интересы Танеева в этой сфере хорошо известны, но и Смоленский твердо считал необходимым для воспитания Синодального хора знакомство с образцами западноевропейского духовного творчества. Началось все с занятий контрапунктом под руководством Танеева замечательного регента хора В. С. Орлова и с усиления курса контрапункта в училище (его в те годы вел сам Орлов). Танеев очень интересовался успехами учеников и присутствовал на экзаменах: просматривал ученические работы, ставил оценки. Когда Орлов, по словам Смоленского, «выработался в отличного контрапунктиста», Синодальный хор начал петь сочинения Палестрины, Лассо, Жоскена Дебре, а также Моцарта, Баха и Бетховена, после чего — продолжим цитату из Воспоминаний — этому хору, «сущему артисту, лучшему из всех хоров, когда-либо мною слышанных, стали нипочем для исполнения наши духовно-музыкальные произведения»³. Само собой разумеется, хор пел весь этот репертуар только в концертах, и преимущественно в закрытых, «домашних» концертах, ибо находился в ведении Св. Синода, который не мог одобрить публичной «пропаганды латинства». Впрочем, тогдашний обер-прокурор К. П. Победоносцев как исключительно образованный человек пению западной классики не препятствовал и даже, судя по письмам, не отказывался поискать нужные ноты. Западный репертуар подбирался по советам

² Смоленский С. В. Воспоминания // РДМ. Т. IV. М., 2002. С. 223.

³ Там же. С. 249.

Танеева и разучивался, как свидетельствуют письма, с его непосредственным участием. Что же касается обучения контрапункту, то и впоследствии Танеев занимался с талантливыми музыкантами, вышедшими из стен Синодального училища — иногда в рамках консерватории, иногда частным образом: начиная с А. Д. Кастальского, у которого Танеев принимал экзамен на звание свободного художника, продолжая Павлом Чесноковым, о котором идет речь в публикуемых письмах, а также А. В. Никольским, К. Н. Шведовым и другими.

В первые московские годы Смоленского еще одним связующим звеном между Танеевым и Синодальным училищем стал работавший в стенах училища детский оркестр А. А. Эрарского, для которого Сергей Иванович написал целую симфонию — к сожалению, утерянную. Интересовали Танеева и училищные все-нощные, введенные Смоленским для дирижерской практики старших учеников. Наконец, Танеев исправно посещал не только домашние, но и публичные концерты Синодального хора, а также репетиции к ним, водил туда своих учеников и знакомых. Думается, среди крупных московских музыкантов он проявлял к Синодальному хору наибольший интерес, что обуславливалось, по-видимому, не только вкусами Сергея Ивановича, его дружбой со Смоленским, не только тем, что Танеев был членом Наблюдательного совета при Синодальном училище, но и благоговейным отношением Сергея Ивановича к памяти Петра Ильича Чайковского. Тот, как известно, не был равнодушен к развитию русского церковного пения, к судьбе Синодального хора и училища и внес большой вклад в это дело как своими сочинениями, так и личным участием в очень ответственный момент: по рекомендации Чайковского новым регентом хора стал одаренный выпускник консерватории Василий Орлов.

Однако Смоленскому не удалось вовлечь Сергея Ивановича в сочинение духовных композиций, хотя наверняка Степан Васильевич приложил к этому максимум усилий, о чем свидетельствует, среди прочего, и публикуемое ниже письмо с текстами и образцами роспевов. Вообще Смоленский «поднял на ноги» всю музыкальную Москву, от юных учеников консерватории, каковыми были тогда С. В. Рахманинов или А. Б. Гольденвейзер, до более опытных композиторов, не говоря уже о педагогах и старших воспитанниках самого Синодального училища (А. Д. Кастальский, Викт. С. Калинин, Павел и Александр Чесноковы, певчий Синодального хора А. В. Никольский и проч.). Но Танеева «соблазнить» не удалось — вероятно, было слишком поздно: пик его увлечения идеей обработки древних русских роспевов с помощью форм западного контрапункта пришелся примерно на десятилетие ранее, на конец 1870-х — начало 1880-х годов. Тогда и появились духовные хоры Танеева, о которых говорится в одном из публикуемых писем; некоторые из них исполнял Синодальный хор в 1890-е.

В это время духовно-музыкальная композиция Танеева, занимавшегося теорией строгого контрапункта, постановкой своей оперы и многим другим, уже не привлекала. Возможно, он разочаровался в пути, по которому шел ра-

нее, и не видел в этой области другого. Но в творчестве композиторов Нового направления вполне ясно ощутимо влияние Танеева — например, в жанре духовного концерта у Никольского, возможно, в полифонической ткани Всенощной Рахманинова, несомненно у Гречанинова в некоторых его композициях для хора без сопровождения, но особенно — в более поздних духовных композициях с участием инструментов (особенно во Вселенской мессе).

Еще одна тема, усердно и долго обсуждающаяся в переписке Танеева и Смоленского, — это внутренние дела Московской консерватории, особенно так называемое «дело Конюса», которое вполне можно назвать «пресловутым» по частоте его появления в документах московских музыкантов той эпохи. Участие в конфликте преподавателя Г. Э. Конюса и директора В. И. Сафонова дополнительно сблизило Танеева и Смоленского, отзвуки их совместных баталлий заметны и в переписке более поздних лет, когда Смоленский жил уже в Петербурге и воевал на ином поприще. Толковый анализ мотивов конфликта дан в Воспоминаниях Смоленского, но этот анализ не совсем объективен: и Танеев, и Смоленский полностью поддерживают Конюса и порицают Сафонова, признавая, разумеется, талант и заслуги последнего. В случае Танеева острота противоречий усиливается давностью его дружеских отношений с Василием Ильичем, сменившим Сергея Ивановича на посту директора консерватории по настоянию самого Танеева. Более или менее подробный комментарий к разным стадиям «дела» дан в примечаниях к письмам. В целом же вряд ли верно становиться безоговорочно на сторону бунтующего преподавателя, хотя вряд ли стоит безоговорочно одобрять и авторитарного директора, который считал себя вправе нарушать ради пользы дела (как она ему виделась) предписания консерваторского устава. Как Смоленский, так и Танеев стремились встать в этом конфликте «на почву строгой законности» — стремились столь последовательно и даже наивно, что доходили до курьезов (см., например, в комментариях соображение Смоленского о тринадцати с половиной членах, необходимых для кворума в Художественном совете). Смоленский был юристом по первому образованию и в таком качестве консультировал Танеева, получавшего «юридическую поддержку» еще и от своего брата, крупного адвоката Владимира Ивановича Танеева. Но главное тут все же — не «законность» (любимый конек демократически настроенной интеллигенции той эпохи), а острое чувство справедливости, свойственное им обоим, наряду с незаурядным упрямством в отстаивании своего мнения. Конфликт, тянувшийся несколько лет и имевший абсолютно гласную форму (десятки газетных публикаций!), разрешился силою обстоятельств: Смоленский уехал из Москвы, Конюс через некоторое время после увольнения из консерватории стал директором Музыкально-драматического училища, Сафонов в 1905 ушел из консерватории вообще, и тогда же ее стены покинул Танеев.

Ко всему сказанному можно добавить, что Смоленский и Танеев были особенно внимательны к научной работе друг друга. Можно быть уверенным, что Смоленский явился бы самым ревностным читателем «Подвижного контрапункта строгого письма», если бы дожил до его выхода в свет, но во всяком случае он знакомился с частями этой работы и обсуждал ее идеи с автором. К сожалению, мы не располагаем отзывами Танеева о научных работах Смоленского, но из писем видно, что главные из них были посланы автором Сергею Ивановичу и наверняка получили его отклик — в устной форме, во время личных встреч. Им обоим несомненно был присущ культ знания, и знания точного, у Танеева скорее теоретического, у Смоленского скорее исторического.

Письма Танеева к Смоленскому в основном находятся в фонде Смоленского в РГИА (ф. 1119, № 168; в настоящем издании печатаются по фотокопиям из фонда ГДМЧ), а также в фонде Смоленского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 73). Письма Смоленского к Танееву находятся в основном в РГАЛИ (ф. 880, оп. 1, № 469), а также в фонде Танеева в ГДМЧ (в¹¹ № 1699—1710) .

Марина Рахманова

Смоленский — Танееву

[Москва, октябрь 1890]

Многоуважаемый Сергей Иванович. Прошу Вас *почтительнейше* (ибо такова мера моего к Вам уважения) пожаловать в училище на хоровое исполнение в присутствии К. П. Победоносцева¹. Вы будете мой искреннейше уважаемый гость. Ваш Ст. Смоленский. Начало в 4 часа пополудни.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 40

1. В программе «домашнего концерта» 11 октября 1890 (на котором присутствовали не только супруги Победоносцевы и Танеев, но и В. И. Сафонов, А. С. Аренский и другие) были произведения Моцарта (две части Реквиема), Страделлы, Мусоргского, А. Ф. Львова.

Танеев — Смоленскому

Москва, 19 ноября 1891

Многоуважаемый Степан Васильевич,

обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою выдать входную карточку на всеобщие семейству Евграфа Семеновича Сорокина. Е. С. Сорокин — известный живописец, написавший много образов в Храм Спасителя¹. Если письмо это застанет Вас дома, то будьте так любезны передать карточку подателю оного.

В надежде, что Вы исполните мою просьбу, остаюсь

искренно преданный Вам С. Танеев.

ОПИ ГИМ, ф. 73, № 4, л. 172

1. Сорокин Евграф Семенович (1821—1892) — исторический живописец и иконописец; преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества, с 1861 — академик. Сорокиным в Храме Христа Спасителя были созданы фигуры св. Лаврентия и св. Стефана для северных и южных дверей и несколько иконостасных образов.

Танеев просит входную карточку на так называемые училищные всеобщие, которые Смоленский завел в Синодальном училище в первые же месяцы своего директорства для практики старших учеников в управлении ученическим хором. Сначала они пелись в церкви Малого Вознесения напротив консерватории, а потом были перенесены в зал самого училища. Тогдашний начальник Синодальной конторы А. Н. Шишков начал приглашать на эти всеобщие своих знакомых, рассылать пригласительные билеты и проч. Ученический хор пришлось заменить на основной состав, публика при этом вела себя свободно, как на концерте или даже как на рауте. В результате публичные всеобщие были через некоторое время отменены, а после возобновления носили уже строго закрытый характер. Примеча-

тельно однако, что столь известные люди, как академик Сорокин или академик В. Е. Маковский (см. следующее письмо), интересовались ими.

Танеев — Смоленскому

Москва, 9 февраля 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич,

мой хороший знакомый, В. Е. Маковский, желает получить билет для входа на всенощные¹. Рассчитывая на Вашу всегдашнюю любезность, обращаюсь к Вам с просьбою — или передать упомянутый билет моей посланной (можно также передать его завтра в консерватории, где я буду с утра), или же послать его по адресу: Мясницкая, Школа живописи и ваяния, Владимиру Егоровичу Маковскому.

Ожидаю списка Ваших детских инструментов (духовых и ударных). Мне было бы интересно узнать их объем, количество экземпляров каждого из них, а также в какие из этих инструментов играющий непосредственно сам вдвухает воздух.

Исполнением всех этих многочисленных просьб Вы премного обяжете преданного Вам С. Танеева.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Маковский Владимир Егорович (1846—1920) — известный русский художник-передвижник, профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Танеев — Смоленскому

Москва, 12 февраля 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич,

я воспользовался вновь приобретенными мною третьего дня познаниями в инструментовке и написал прилагаемую при сем партитуру 1-й части симфонии для детского оркестра. Остальные части у меня также сочинены, но теперь не имею времени их инструментовать. Партитуры, взятые у Вас, возвращаю с благодарностью¹.

Остаюсь преданный Вам С. Танеев.

ОПИ ГИМ, ф. 73, № 4, л. 171

1. Возвращаемые партитуры, как следует из контекста — образцы переложений А. А. Эрарского для детского оркестра.

Смоленский — Танееву

[Москва,] 16 мая [1893 или 1894]

Достопочтеннейший Сергей Иванович! Прошу Вас завтра пожаловать в училище и посмотреть успехи наших контрапунктистов. Мне хотелось бы знать, когда именно Вам угодно будет пожаловать?

Ваш преданный слуга Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 41

Смоленский — Танееву

Москва, 4 июня 1894

Высокоуважаемый Сергей Иванович.

Решаюсь потревожить Вас и у подошвы Кавказа, надеясь, что Вы не посетуете на меня и не откажете мне в ответе.

В будущий сезон 1894—1895 в Синодальном училище предположено дать 6 строжайше классических хоровых концертов для избранной публики. Цель этих концертов прежде всего установлена в усовершенствовании Синодального хора и в ознакомлении наших учеников с наилучшими сочинениями а саррелла.

В числе намеченных мною номеров программы, между прочими малыми, значатся: «Messa di papa Marcello II» и «Stabat» 8-голосный Палестрины, «Покаянные псалмы» (2 или 3) Лассо, 2 номера «Crucifixus» Лотти, «Latatus sum» Скарлатти, «Ламентации» Аллегри, «Credo» 8-голосное Херубини, Johannes Passion Шютца¹.

В таком, новом для Москвы деле боюсь жить только своим умом и потому усиленно прошу Вас по силе-возможности указать мне что-либо, что Вы считали бы удобным внедрить промежду вышепрописанных имен. Вы знаете к тому же, как высоко ценится Ваше слово в нашем хоре и как мы, Бог даст, не ударим в грязь лицом перед слушателями, если только будем иметь время вдуматься в произведение и надлежаще выучить его. Мы знаем также и Вашу любовь к строгому искусству и Ваше расположение к нам.

Не откажите мне в Вашем ответе, чтобы я мог заранее по нему распорядиться.

Душевнейше преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 1—1 об.

1. Первый известный закрытый концерт старинной духовной музыки в исполнении Синодального хора состоялся 24 апреля 1893; на нем присутствовали, в частности, Чайковский и Танеев; исполнялись сочинения из сборника «Musica sacra» лейпцигского издания и мотеты Палестрины.

В сезоне 1894/95 действительно состоялось три Исторических концерта Синодального хора, однако ни одно из указанных произведений в их программы не вошло: в Исторических концертах исполнялась духовная музыка только русская или, по крайней мере, написанная в России. Все же большинство из называемых Смоленским произведений и другие в том же роде исполнялись в так называемых домашних концертах Синодального хора, для избранной публики. Так, в январе 1895 пели Реквием Моцарта, 18 сентября и 10 октября 1895 — Мессу папы Марчелло Палестрины; в концертных программах 1896 года встречаются другие сочинения Палестрины, а также А. Лотти; в заметке о Синодальном училище в 1898 Н. Ф. Финдейзен упоминает о сольфеджировании Синодальным хором на репетиции сочинений Жоскена Дебре и Орlando Лассо и т. д. Синодальный хор пел разные сочинения Баха, включая Мессу *h moll*, но, кажется, никогда не пел Шютца.

Танеев — Смоленскому

Пятигорск, 22 июня 1894

Многоуважаемый Степан Васильевич.

С полным сочувствием отношусь к Вашему намерению познакомить московскую публику с образцовыми произведениями композиторов вокального стиля. Но отчего предполагаете Вы давать концерты для «избранной публики»? Отчего не сделать их доступными для всех желающих, которых, вероятно, найдется немало количество?¹ Относительно программы замечу, что наряду с интересом эстетическим следовало бы сообщить ей также и интерес исторический. Для этой цели было бы желательно:

а) Исполнить несколько сочинений нидерландских предшественников Палестрины и Лассо, между коими первое место должно быть отведено Жоскину де Пре: укажу на его *Stabat Mater*, находящуюся в V томе Амброса², и на мессу «*Homme armé*» (там же), литографированные голоса которой есть в консерватории и из которой можно бы исполнить некоторые номера.

б) Из сочинений самого Палестрины исполнить также и более ранние, где он является прямым последователем нидерландцев и пользуется их приемами сочинения (например, месса «*Ecce sacerdos magnus*» и другие из I книги месс полного собрания сочинений издания Брейткопфа и Гертеля).

Таким образом эпоха строгого стиля будет представлена в ее историческом ходе, а сочинения Лотти, Скарлатти и Аллегри, в свою очередь, явятся связующим звеном с композициями тех итальянцев, которые писали нашу церковную музыку.

в) Что касается до композиторов протестантских, то одного Шютца мало и уж без Баха ни в каком случае не следовало бы обходиться (например, пять его превосходных мотетов *a cappella*).

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

1. Танеев был, конечно, совершенно прав в своих пожеланиях, однако Смоленский не мог их выполнить: Св. Синод возражал против исполнения Синаodalным хором в открытых концертах неправославной духовной музыки, по крайней мере против специально посвященных этой музыке программ.

2. Имеется в виду многотомный труд австрийского ученого Августа Вильгельма Амброса (1816—1876) «История музыки», посвященный старинной западноевропейской музыке. При жизни ученого вышло три тома этого труда; после его кончины по собранным материалам был издан четвертый том, а также пятый (1887), в который вошли нотные примеры к третьему тому «История музыки эпохи Ренессанса до Палестрины».

Смоленский — Танееву

[Москва, 22 августа 1894]

Душевнейше благодарю Вас, достопочтенный Сергей Иванович, за возвращаемые при сем книги. Том Палестрины и сделанные снимки вернутся к Вам на днях. Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 38

Танеев — Смоленскому

Москва, 16 марта 1895

Многоуважаемый Степан Васильевич,

приношу мою искреннюю благодарность за полученную мною афишу «Фрейшюца»¹.

В воскресенье собираюсь быть на репетиции следующего Вашего концерта. Рассчитываю встретиться с Вами сегодня на 9-й симфонии и прошу принять уверение в моем почтении и преданности².

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Возможно, имеется в виду афиша спектакля оперного класса, показанного в 1875 и 1876 под управлением Танеева.

2. Девятая симфония Бетховена исполнялась в концерте ИРМО под управлением В. И. Сафонова; концерт Синаodalного хора, на репетицию которого собирается Танеев, это третий Исторический концерт (программу см.: РДМ. Т. II. Кн. 2. М., 2004. С. 745).

Смоленский — Танееву

[Москва, 6 мая 1895]

Многоуважаемый Сергей Иванович! обращаюсь к Вам как к третейскому судье, ибо податель сего неукротимый русофил-композитор по моему суждению совершенно не пишет изящно, хотя и оригинально и грамотно. Митрофан Романович Пахомов-Иванов¹ учился хорошо и усердно, но мне кажется, что ему еще рано быть передовым, а он стоит на своем упорно. Перед Вашим судом этот, бесспорно, честнейший и добрейших из самых неисправимых идеалистов преклонится покорно, а я думаю еще, что не скажете ли Вы ему свое отрезвляющее слово.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 35. На визитке Смоленского

1. Пахомов-Иванов Митрофан Романович — сверхштатный певчий Синодального хора в 1893—1895; в 1895 держал экзамен на звание регента и учителя церковного пения в Синодальном училище как посторонний слушатель. Речь идет, вероятно, о каком-то духовном сочинении этого музыканта.

Смоленский — Танееву

[Москва, 16 мая 1895]

Достопочтеннейший Сергей Иванович. Экзамен будет у нас сегодня в 6 часов, и я очень извиняюсь перед Вами в том, что не известил Вас, ибо уговорился с Михаилом Михайловичем [Ипполитовым-Ивановым]¹, что вы согласитесь между собою и от такого соглашения зависит час экзамена. С радостью буду Вас ждать к 6 часам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 39

1. М. М. Ипполитов-Иванов был преподавателем курса музыкальных форм в Синодальном училище с 1894 по 1896, членом Наблюдательного совета с 1916 по 1918.

Смоленский — Танееву

Москва, 30 августа [1895]¹

Достопочтеннейший Сергей Иванович.

Мы выучили довольно порядочно мессу папы Марчелло, и Орлов находит надобным, как и я, посоветоваться с Вами насчет темпов. Не откажите посему

назначить час для свидания, ибо мессу хотим предложить вниманию музыкантов и учеников-теоретиков.

Прошу Вас еще одолжить нам один из лучших по Вашему выбору покаянных псалмов О. Лассо. В Москве не у кого достать, у самих же, к стыду нашему — пока нет. Мне хочется устроить из мессы и псалма 1-й духовный концерт этой зимы².

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 23

1. Год проставлен карандашом, предположительно рукой Танеева.

2. Домашний концерт Синодального хора с исполнением мессы Палестрины состоялся 18 сентября 1895; на нем присутствовала по приглашению Танеева С. А. Толстая, а на одной из репетиций — сам А. Н. Толстой. В открытом концерте месса прозвучала 10 октября.

Танеев — Смоленскому

Москва, [начало сентября 1895]

Многоуважаемый Степан Васильевич, зайду к Вам сегодня во 2-м часу. Очень рад Вашему намерению дать духовный концерт с сообщенною Вами программю. Псалмы Лассо искал в своих нотах, но не мог найти. Может быть, они в консерватории или у кого-нибудь из учеников. Прилагаю несколько таблиц сложного контрапункта более изящно сделанных, чем те, которые у Вас.

Преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168. На визитной карточке

Смоленский — Танееву

[Москва, 20 сентября 1895]

Дорогой Сергей Иванович.

Отправляем посла к Вам за пищей духовной.

Мессу Палестрины мы будем петь на следующей неделе в четверг в 10 ¼ утра¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 37

1. Месса исполнялась 28 сентября.

Танеев — Смоленскому

Москва, 6 октября 1896

Многоуважаемый Степан Васильевич,

ученик Вашего класса Бюхнер доставит Вам, по моему поручению, для просмотра Херувимскую Варгина, находящегося у меня в классе фуги¹. Если бы Вы нашли возможным попробовать это сочинение на одной из спевок, то это принесло бы пользу автору, никогда не слышавшему своих произведений, и поощрило бы его к дальнейшей деятельности в этом направлении.

В случае Вашего согласия передайте ноты обратно Бюхнеру, чтобы автор приготовил требуемое количество партий.

Остаюсь искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Бюхнер Венедикт Карлович (род. 1868) — ученик Танеева по контрапункту и музыкальным формам, а также ученик Смоленского по истории церковного пения.

Варгин Василий Васильевич (1871—1921) — консерваторский ученик Танеева из московской купеческой семьи, впоследствии попечитель Синодального училища; его Херувимская была не только пропета на репетиции, но и включена в программу публичного концерта Синодального хора 2 марта 1897.

Смоленский — Танееву

Москва, 8 октября [1896]

Высокоуважаемый Сергей Иванович.

«Херувимскую» видел; просим отпечатать на гектографе и по доставлении прослушать. Очень рад случаю доставить автору и, если будет удобно и угодно, Вам возможность прослушать это сочинение в исполнении Синодального хора.

Возвращая при сем том сочинений О. Лассо и убедительнейше прошу Вас дать его нам еще раз, но с Вашими отметками оттенков исполнения тех произведений, которые Вы предпочли бы услышать в нашем хоре.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 28

Смоленский — Танееву

Москва, 20 декабря 1896

Достопочтеннейший Сергей Иванович.

Боюсь, не ужогу Вам моим ответом. Ambros¹ был возвращен Вам своевременно, после списания оттуда «Stabat» Де Пре; «Psalmi poenitentialis» [Пока-

янные псалмы Лассо] я возвратил Вам лично месяца 2½ назад, как и том Палестрины, откуда была списана «Missa Primi Toni». Литографированные оттиски (2) Де Пре и Палестрины² были мною переданы, как было условлено, швейцару консерватории недели 2—3 назад.

Или, может быть, Вам угодно было спросить о чем-либо другом, но посланный не умел мне передать о том?

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 2

1. См. комм. к письму от 22 июня 1894.

2. Синодальный хор никогда не пел ни по печатным, ни по рукописным нотам, а только по литографиям с экземпляров, выполненных постоянными переписчиками хора, и обязательно не по партиям, а по партитурам сочинений.

Танеев — Смоленскому

Москва, 23 декабря 1896

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Очень сожалею, что вопрос мой относительно нот был Вам неточно передан и что вместо одной строчки ответа Вам пришлось написать целое письмо. Я спрашивал не о своих нотах, которые у Вас были и все мною получены, а о принадлежащих Вам литографированных экземплярах, которые Вы мне посылали. Недели две тому назад швейцар принес мне посланный Вами пакет. Открыв его я увидел, если только моя память меня не обманывает, мессу Primi Toni. Так как ноты эти нужны мне в классе, то я сказал швейцару, чтобы он их обратно снес в консерваторию и передал мне, когда я туда приду. Когда же я на днях хватился этих нот, то их в моем консерваторском ящике не оказалось, ученикам я их тоже не отдавал, а от швейцара определенного ничего не добился. Между тем в упомянутом ящике оказались два экземпляра Stabat Mater Жоскина. Таким образом, мне и понадобилось у Вас узнать, какие ноты Вы мне в последний раз прислали — мессу ли Палестрины или же Жоскина — на свою же память я никоим образом не полагаюсь.

Прилагаю при сем Орlando Лассо, II псалом, который мною размечен. Сегодня еду в скит¹. Желаю Вам хорошо провести праздники и остаюсь преданный Вам

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Танеев уезжал на Рождественские праздники в Черниговский скит Троице-Сергиевой лавры.

Смоленский — Танееву

Москва, 23 декабря 1896

Высокоуважаемый Сергей Иванович. Решаюсь потревожить Ваше скитское уединение и самым простым образом объяснить Ваше недоумение относительно литографированных нот. В тетрадах, отправленных Вам, заключаются оба сочинения, то есть и «Stabat Mater» Жоскина Де Пре и «Missa Primi Toni» Палестрины, переплетенные вместе.

Псалом Лассо отдал в печать на днях¹, но предварительно считаю долгом от всей души поблагодарить Вас и затем приветствовать и Вас с наступающими праздниками и отдыхом.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 3

1. Псалом Лассо в концертных программах Синодального хора не значится, но, например, Н. Ф. Финдейзен в 1897 слышал на репетициях хора произведения этого композитора.

Смоленский — Танееву

Москва, 19 января 1897

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Пение мессы «Прими тони» улаживается у нас на 31 января (пятница, 8 часов вечера), но мне и В. С. Орлову не хотелось бы петь иначе как в Вашем присутствии и при заблаговременной, по Вашему назначению, хотя бы одной репетиции, где мы могли бы услышать Ваши предварительные замечания. Не откажите сообщить мне, что Вы думаете по сему? Удобно ли Вам и вашим ученикам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

*РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 4***Смоленский — Танееву**

Москва, 21 января 1897

Достопочтеннейший Сергей Иванович.

Вот какие бывают курьезы! Возвратясь домой, я узнал от В. С. Орлова, что в мое отсутствие хор был приглашен 29-го на свадьбу¹. Посему и я, и В. С. просим Вас быть в Синодальном училище 28-го в то же время, если только для Вас то удобно.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 5

1. Несмотря на стремление Смоленского освободить Синодальный хор от пения по частным приглашениям, иногда таковые все же принимались ввиду материальных интересов певчих и регентов, а в некоторых случаях — ввиду высокого общественного положения «заказчиков».

Танеев — Смоленскому

Москва, 22 января 1897

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Во вторник в 11 часов буду у Вас на репетиции. Я сказал своим ученикам, что им также можно прийти на репетицию. Относительно пятницы ученики Вас спросят в Вашем классе (во вторник). Они мне говорили, что в прошлом году Вы давали им для входа Ваши карточки¹.

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Публичных концертов в январе 1897 Синодальный хор не давал, таким образом речь может идти о домашнем концерте для близких училищу и хору лиц, в том числе для Танеева, который мог посещать такие концерты с учениками своего класса. Упомянутый домашний концерт состоялся 31 января.

Смоленский — Танееву

Москва, 31 марта 1897

Высокоуважаемый Сергей Иванович.

Завтра в 11 часов утра у нас экзамен по контрапункту, и мне вместе с В. С. Орловым было бы весьма приятно видеть Вас в Синодальном училище¹. Если бы, к будущему сожалению, для Вас оказалось невозможным такое посещение, то я прошу позволить В. С. Орлову принести задачи учеников на Ваш благосклонный просмотр.

Душевно почитающий Вас Ст. Смоленский.

Р. S. Том Lasso — с благодарностью возвращается.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 6

1. Танеев регулярно посещал экзамены по контрапункту в Синодальном училище. В архиве Смоленского в ОПИ ГИМ сохранился автограф канона, сочиненного Танеевым на училищном экзамене 16 мая 1895 (ф. 73, № 4; см.: Рахманова М. П. Забытые документы русских музыкантов // Труды ГЦММК имени Глинки. Альманах. Вып. II. С. 315). В качестве члена комиссии присутствовал Танеев и на экзаменах консерваторского класса Смоленского.

Танеев — Смоленскому

Москва, 31 марта 1897

Многоуважаемый Степан Васильевич,
завтра утром я буду занят, а во 2-м часу к Вам зайду и посмотрю задачи.
Остаюсь преданный Вам С. Танеев.

Р. С. В. А. Давыдов, племянник Петра Ильича, просил меня обратиться к Вам со следующей просьбой. У Вас находятся для просмотра духовно-музыкальные сочинения Копылова. Не можете ли Вы дать Ваш о них отзыв теперь же, не откладывая, ибо Копылову они нужны (кажется, для исполнения)¹.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Копылов Александр Александрович (1854—1911) — в то время помощник учителя пения в Придворной капелле, композитор, автор духовно-музыкальных сочинений. Отзыв Смоленского на его духовные композиции неизвестен, но обычно работы Копылова благополучно проходили экспертизу; в небольшом количестве они входили и в репертуар Синодального хора.

Смоленский — Танееву

Москва, 9 октября 1897

Достопочтеннейший Сергей Иванович!

Завтра, пятница 10¼ часов утра мы ждем Вас на спевке как самого дорогого гостя и учителя.

До сих пор мы успели выучить и мессу и псалом довольно твердо, но претываемся в словах трудного псалма¹.

Додекахордон Глареана оказался вещь весьма нелегкою².

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 7

1. Речь идет опять-таки о подготовке домашнего концерта, программа которого включала мессу Палестрины и псалом Лассо.

2. Глареан (Glareanus; наст. имя Генрих Лорис; 1488—1563) — швейцарский поэт, ученый, музыкальный теоретик. Его трактат «Додекахордон» (1547) имелся в личной библиотеке Танеева (в издании 1888—1890 под редакцией Г. Шрайбера, где добавлены различные нотные образцы).

Смоленский — Танееву

Москва, 15 декабря [1897]

Достопочтеннейший Сергей Иванович!

Очень благодарю за возвращаемый при сем Додекахордон.

Нам было бы весьма приятно увидеть Вас 18-го в нашем концерте, а еще более того во вторник (7 ч. вечера) на репетиции¹. На последней мы просили бы Вас сделать какие-либо замечания. Все новости у нас.

Я побывал бы у Вас, но совсем замотался в работе.

Душевно Вам преданный Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 24

1. На этот раз имеется в виду публичный концерт Синодального хора под управлением В. С. Орлова в зале училища и репетиция к нему 16 декабря; в программе находились преимущественно духовные произведения современных русских композиторов (см. далее письмо Смоленского от 18 декабря).

Танеев — Смоленскому

[Москва, 16 декабря 1897]

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Благодарю Вас за присылку билета на концерт 18 числа, на котором непременно постараюсь быть. На сегодняшнюю репетицию, к сожалению, не могу прийти, так как в 7 часов у меня начинается урок в консерватории.

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

P.S. Глауреана получил.

*РГИА, ф. 1119, № 168***Танеев — Смоленскому**

Москва, 16 декабря 1897

Многоуважаемый Степан Васильевич,

только что написал Вам письмо, благодаря Вас за приглашение на концерт 18-го числа и выражая твердое намерение быть на этом концерте, как вспомнил, что в этот день, после консерваторских занятий, кончающихся в 7-м часу, я еще должен вечером заниматься с двумя лицами, которые явятся ко мне на дом. Эти два урока кончатся не ранее, как к 10 часам. Отменить их я не могу, так как благодаря моей поездке в Петербург я и так уже не давал некоторое время уро-

ков — пропуски в особенности неудобны ввиду приближающихся праздников. Поэтому прошу Вас извинить меня в том, что не могу быть в концерте 18-го числа и принять уверение в моем глубоком уважении.

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

Смоленский — Танееву

Москва, 18 декабря 1897

Достопочтеннейший Сергей Иванович! Хотя мы и очень опечалены невозможностью для Вас быть сегодня в нашем празднике, тем не менее мы не теряем надежды видеть Вас у себя завтра, 19, пятница, в 7 часов вечера, так как сегодняшний концерт повторяется завтра для учащихся. Не зовем мы Вас для того чтобы доставить удовольствие, а желаем, чтобы Вы прослушали и обсудили вместе с нами первый лепет «новой школы» в русском церковном пении, каковы переложения А. Д. Кастальского, первый лепет заговорившего юноши П. Г. Чеснокова и даже первый опыт в хоровой духовной композиции А. А. Ильинского. Вы знаете, как я берегу свое дело, как высоко ценю я Ваше суждение, какими подводными камнями усеян путь проведения в жизнь всего нового и как надо мне твердо устоять в отпаривании всяких воздействий¹. Хорошо, что Орлов умен! Нетрудно понять, как ходят ходуном нервы и как я жду Вас с Вашим добрым мне судом и участием.

Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 8

1. Концерт прошел вполне успешно и получил хорошие отзывы в прессе (программу см.: РДМ. Т. II. Кн. 2). Приглашительные билеты на него были разосланы, в числе прочих, композиторам Ипполитову-Иванову, Гречанинову, Рахманинову, Корещенко, критикам Кашкину, Кругликову. «Первый лепет» здесь надо понимать как риторическую фигуру (сочинения Кастальского, например, исполнялись в этом концерте не впервые). Борьба же Смоленскому приходилось с «воздействиями» своего непосредственного начальника, прокурора Синадальной конторы А. А. Ширинского-Шихматова.

Танеев — Смоленскому

Москва, 19 декабря 1897

Сергей Иванович Танеев, свидетельствуя свое почтение Степану Васильевичу, просит допустить подателя этой карточки, Н. С. Жилиева¹, на сегодняшнее повторение концерта 18-го числа.

РГИА, ф. 1119, № 168. На визитной карточке

1. Жилиев Николай Сергеевич (1881—1938) — теоретик, композитор; в данный период — один из самых любимых учеников Танеева.

Смоленский — Танееву

Москва, 21 декабря 1897

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Вот несколько текстов, которые можно распеть за всякою службою, безотносительно к ее обязательным песнопениям. На нотном листке есть несколько отрывков древних напевов, приведенных в качестве образцов мелодий, считаемых для русского уха наиболее выразительными и способными к разработке. Убедительно прошу Вас написать для Синодального хора. Мы очень нуждаемся. Если эти тексты Вам не придутся по мысли, я постараюсь подобрать что-либо в другом роде¹.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

ГДМЧ, 6¹¹ № 1700

1. К этому письму имеется двойное приложение, текстовое и нотное.

Тексты:

1) Вскую унываеши, душе моя, греху работаеши? И вскую, немощна сущи, ко врачу не притекаеши? Се время благоприятное, се спасения ныне день истинный. Востани! омый лице твое покаяния слезами и елеем благотворения свещу просвети, яко да обрящеши очищение от Христа Бога и велию милость.

2) Узвенную мою душу и смиренную посети, Господи! врачу болящих и отчаянных, пристанище необуреваемо! Ты бо еси пришедый Избавитель мира, еже воздвигнути из тли падшаго, и мене, припадающа, остави за великую Твою милость.

3) Аз сый древо неплодное, Господи, и умиления плода не ношу отнюдь, и посещения страшуся, и огня онаго боюся негасимаго. Темже молю Тя: прежде оныя нужды обрати и спаси мя.

4) Доколе, душе моя, пребываеши в прегрешениях? Доколе приемлеш покаяния предложение? Приими во уме суд грядущий и возопий Господу: Сердцеведче! согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя.

курсов инструментовки и музыкальных форм, составление сводного учебного плана, установление программ фортепианных классов и т. д.

Смоленский — Танееву

Москва, 4 марта 1898

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Я с величайшей готовностью и вполне присоединяюсь к Вашему заявлению в Художественный Совет Московской Консерватории. С своей стороны я бы обратил еще внимание Совета на необходимейшее устранение сущего зла в Консерватории — манкирования уроками и настоял бы на неперемных мерах к устранению этого зла.

Особенно присоединяюсь еще к Вашей мысли о надобности сделать повышение в члены Художественного Совета всех тех гг. преподавателей, голос которых вполне надобен для обсуждения дел, касающихся их специальности, и которые должны быть по заслугам своим поощрены повышением их по службе¹.

Весьма жалею, что не имею возможности быть завтра в заседании по причине неожиданно понадобившегося моего отъезда из Москвы. Если Ваше заявление будет обсуждаться в этом заседании, то прошу при баллотировке заявить, что сим я передаю свой голос Вам и уполномочиваю Вас заявить еще мое будущее заявление о надобности выработать меры к прекращению манкирования учениками учебных занятий.

Совершенно преданный Вам Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 9—9 об.

1. Речь идет о получении звания старшего преподавателя рядом педагогов-теоретиков (Г. Э. Конюс, Н. М. Ладухин, Н. С. Морозов), без чего было невозможно их введение в Совет и чему препятствовал по своим соображениям В. И. Сафонов.

Танеев — Смоленскому

Москва, 18 апреля 1898

Многоуважаемый Степан Васильевич,

забыл вчера попросить Вас на копии Вашей сделать отметку, что текст программы класса форм надо напечатать петитом¹. Проведите сбоку синюю черту до слов «*побочная партия в строе субмедиапты*» включительно и в начале сделайте надпись «петитом».

Еще раз благодарю Вас за переписку моего заявления и остаюсь искренно преданный Вам

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Класс музыкальных форм был введен в консерватории по инициативе Танеева в 1897.

Смоленский — Танееву

Москва, 22 мая 1898

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

С великою благодарностью возвращаю все книжки и тетрадки, в последний раз любезно данные Вами. Вместе с сим возвращаю и 10 листов гармонических задач, но тетрадки с таковыми же я у себя решительно не мог найти. Не смею утверждать, чтобы я их возвратил Вам, так как не упомяну о таком возврате, но и не отрекаюсь употребить все старания, чтобы отыскать их непременно. Стыдно мне писать Вам, но предпочитаю просить прощения в вероятной моей малоисправности перед Вами.

Prout'a я уже выписал сполна через моего хорошего приятеля-музыканта в Лондоне¹. Авось не придется платить по 1 руб. за шиллинг, как грабят здесь.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, 6¹¹ № 1701

1. Книгу о фуге английского теоретика Эбенезера Праута Смоленский выписывал из Лондона, вероятно, при содействии своего английского друга — музыканта, церковного деятеля, большого поклонника православного пения Уильяма Джона (в России — Ивана Васильевича) Биркбека (см. его письма в настоящем томе). Впоследствии «Анализ фуг» Праута был издан в русском переводе С. А. Толстого под редакцией Танеева.

Смоленский — Танееву

Москва, 11 октября 1898

Высокоуважаемый Сергей Иванович.

И сам бы я забежал к Вам, но боюсь не застать Вас дома или утратить и Ваше и свое время. Потому пишу вот что: надумали мы в Синодальном училище повторить бывший 7-го домашний концерт сочинений московских композиторов в будущую пятницу, 16 октября, в 7 часов вечера. Я скорбел, что Вам не было возможности быть у нас в прошлый, зато предвкушаю удовольствие видеть Вас непременно и не иначе как с достопочтеннейшим Н. А. Римским-Корсаковым. Я пригласил бы его сам, но не знаю, когда он приедет и где остановится, а Вы несомненно увидите его сейчас же по приезде, и потому прошу Вас устроить, чтобы в пятницу вечером часа полтора у Вас и у него были уделены Синодальному училищу¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 10

1. Н. А. Римский-Корсаков приехал в Москву в связи с исполнением его Третьей симфонии, а также произведений других петербургских авторов под его управлением (Русский симфонический концерт 17 октября). В той же программе прозвучали антракт из «Орестеи» Танеева и *Andante et Finale* для фортепиано с оркестром Чайковского (солист Танеев).

Танеев посетил 16 октября концерт Синодального хора, программа которого состояла из произведений современных московских авторов (второе отделение — премьера Литургии, соч. 13 Гречанинова). В дневнике Танеев назвал «вещь Кастальского» (икос «Сам Един») «прекрасной», об остальном отозвался как о «бледном». Римский-Корсаков на этом концерте не присутствовал.

Танеев — Смоленскому

[Москва, 12 октября 1898]

Многоуважаемый Степан Васильевич,

очень рад воспользоваться вашим приглашением на вечер в пятницу и скажу об этом Николаю Андреевичу. Хорошо бы Вам самому также с ним повидаться и уговориться относительно дня и часа. Так как ставится его опера¹, весьма возможно, что по вечерам он будет занят. В четверг 1-я репетиция концерта, в 9 часов утра. Не придете ли Вы на нее? Если успею, сегодня к Вам днем зайду.

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. «Моцарт и Сальери» в Русской частной опере С. И. Мамонтова.

Смоленский — Танееву

[Москва, 19 марта 1899?]

Достопочтеннейший Сергей Иванович.

Заранее благодарю за все, что Вы передадите относительно Геваерта¹ подателю сего, будущему, как думаю, весьма изрядному контрапунктисту, ибо бесенок, имеющийся в нем сейчас, дает все надежды вырасти очень большим².

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 36

1. Возможно, имеется в виду руководство по оркестровке бельгийского ученого Франсуа Огюста Геварта (Gevaert; 1828—1908), которое выходило в русском переводе частями: первая часть — в 1892 под названием «Новый курс инструментовки» и вторая часть — в переводе В. И. Ребикова в 1900 под названием «Методический курс оркестровки».

2. Речь может идти об Александре Чеснокове, по мнению Смоленского — самом ярком композиторском таланте Синодального училища в этот период.

Танеев — Смоленскому

Москва, 19 марта 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич,
очень бы меня обязали, если бы в понедельник 22-го у меня отобедали (около часу). В этот день приезжает Модест Ильич, специально за тем, чтобы переговорить о делах перед своим отъездом в Петербург¹. Очень был бы рад, если бы Вы исполнили просьбу искренно преданного Вам

С. Танеева.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Судя по дневнику Танеева, Смоленский и М. И. Чайковский обедали у него 22 марта, при этом обсуждались новые стадии консерваторского конфликта, в особенности противостояние Танеева и Сафонова.

Смоленский — Танееву

Москва, 22 [марта 1899]

Дорогой Сергей Иванович!

Я заявляюсь к Вам попозже, часов около 9, так как в 6 часов у меня заседание. Чтобы не оставить Вас без какого-либо увеселения, посылаю при сем черновик моего отдельного мнения, которое имею намерение предъявить завтра¹. Прошу поправить что надумаете.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 30

1. На очередном Художественном совете вечером 23 марта Смоленский подал свое особое мнение по поводу вопросов, затронутых в предшествующих записках Танеева в совет.

Смоленский — Танееву

Москва, 24 марта 1899

Многоуважаемый Сергей Иванович.

Письмо Ваше, писанное за час до заседания 23 марта, я получил только в 11 часов дня 24-го, почему спешу рассеять Ваше, может быть подвернувшееся,

сомнение в причине, почему бы я во время заседания не сказал Вам ничего по содержанию Вашего письма.

Отвечаю теперь, боясь, что суতোлка отъезда¹ не даст мне в будущем урвать минутку для беседы с Вами: 1) черновика моего особого мнения у меня не сохранилось, ибо я совершенно случайно бросил его в камин, о чем жалею сейчас, 2) как бумага, не подлежащая никакому и ни в чем сокрытию, мое особое мнение может быть вполне в распоряжении Вашем.

Полагаю, что Анна Константиновна² не откажет Вам дать копию или возможность снять ее, ибо к тому всякий член Художественного Совета имеет полное право.

Душевно Вам преданный Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 11

1. Имеется в виду отъезд с Синодальным хором в Вену, где хор пел на освящении православной церкви и дал концерт (см.: РДМ. Т. I, II (кн. 2), IV).

2. Анна Константиновна Аврамова (Аврамова; 1848—1921) — пианистка, педагог, с 1896 секретарь Художественного совета консерватории.

Танеев — Смоленскому

Москва, 25 марта 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич,

не будете ли Вы так добры потребовать сами копию с Вашего особого мнения? Вам, как автору, не может быть сделано никаких препятствий. Я же опасаясь, что встречу какие-либо затруднения, хотя бы, например, под предлогом, что Ваше особое мнение находится у Василия Ильича, или что оно еще им не прочитано, и т. п.

Очень был бы Вам признателен, если бы Вы взяли на себя этот труд. Как жаль, что Вы бросили черновую!

Остаюсь искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

Смоленский — Танееву

Москва, 25 марта [1899]

Дорогой Сергей Иванович, восстанавливаю по памяти с вполне достаточною точностью (то есть за исключением весьма малого — буквальной) мое мнение и посылаю его Вам.

До свидания. Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, в¹¹, № 1708

Смоленский — Танееву

Москва, 25 апреля 1899

Дорогой Сергей Иванович. В четверг у нас назначен экзамен по контрапункту, и мы очень просим Вас пожаловать посмотреть работы учеников. Час не назначен, а в тот, о котором Вы заблаговременно известите, сообразно Вашему указанию экзамен и состоится¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 22

1. Судя по дневнику Танеева, экзамен состоялся 29 апреля.

Танеев — Смоленскому

[Москва, 4 сентября 1899]

Многоуважаемый Степан Васильевич,

Абрикосов и Ушаков, будучи членами Дирекции, получили письма от Василия Ильича. Он сообщает, что сегодня предложит на решение Совета *закрытой* баллотировкой вопрос об увольнении Конюса, желая дать делу ход, согласный с требованиями Устава. Таким образом мнение, нами подготовленное, не годится. Приготовьтесь к тому, чтобы дать отпор Василию Ильичу в его очевидном намерении не допустить прений и покончить дело как можно скорее (как это было с 3-м заявлением)¹. Рассчитываю на Вашу находчивость, рассудительность и т. п. качества, которыми не может похвалиться искренно Вам преданный

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. План Сафонова удался: Совет проголосовал за увольнение Конюса.

Смоленский — Танееву

Москва, 28 [сентября 1899]

Дорогой Сергей Иванович! Меня очень интересуют результаты сегодняшнего вечера, в программе которого под № 1 не могу не угадать расчета на довольно дешевый и грубый эффект, едва ли имеющий удасться. № 1 — хороший для нас §.

Если каким-либо способом можно будет узнать сегодня же о результатах, то до 12 часов ночи буду находиться в ожидании известия от Вас или заверну к Вам завтра утром до полудня. Я вполне спокоен и не волнуюсь.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, в¹¹, № 1707

1. В этот вечер состоялось заседание Московской дирекции ИРМО, что имеется в виду под № 1 — непонятно. На следующий день последовало увольнение Конюса из консерватории по результатам голосования: три голоса против двух.

Танеев — Смоленскому

Москва, 2 октября 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич, весь нынешний вечер провел в редактировании своего «мнения», вместе со своим братом. Многие места сжаты, но все пикантные подробности оставлены неприкосновенными. Рукопись передал на попечение Георгию Эдуардовичу [Конюсу], а сам завтра утром еду в Клин. По возвращении буду у Вас.

Искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Имеется в виду текст, написанный Танеевым для публикации в газете «Московские ведомости». Этот текст редактировался как В. И. Танеевым, так и Смоленским.

«Московские ведомости» в № 271 от 2 октября опубликовали письмо к издателю Г. Э. Конюса следующего содержания:

Милостивый государь! В Москве распространились слухи, что я не желаю оставаться в числе преподавателей Консерватории. Я никогда не выражал этого желания. Я просто уволен, и уволен без прошения и без объяснения причин. Примите и проч. Георгий Конюс.

Вслед за этим в № 272 (3 октября) появился значительно более пространственный материал Смоленского под названием «По поводу увольнения г. Конюса». Содержание его можно свести к нескольким тезисам:

Сафонов предложил Художественному совету консерватории проголосовать за увольнение сотрудника без объяснения причин, просто «вследствие отношений к нему преподавателя Конюса», и на просьбу Смоленского все же объяснить мотивы ответил, что никому не обязан отчетом.

Далее на Совете выступили Булдин и Танеев, указав, что Конюс — талантливый композитор, преподает в консерватории в течение восьми лет, и его нелады с Сафоновым начались с заявления Конюса о переполненности класса инструментовки, который он вел.

Затем опять выступил Смоленский, подчеркнувший, что увольнение без прошения есть «волчий билет» для увольняемого, и попросивший занести в протокол его «особое мнение».

Наконец, слово взял Танеев, заявивший о предварительном сговоре Сафонова с некоторыми членами Совета, подписавшими ходатайство об увольнении Конюса в Московскую дирекцию ИРМО (на этом месте Сафонов лишил Танеева слова).

В заключение статьи Смоленский подчеркивает, что и формально голосование по вопросу об увольнении надо признать незаконным. Из присутствовавших членов Совета четверо (Танеев, Смоленский, Булдин, Ремезов) отказались от голосования; четверо проголосовали против увольнения, восемь — за увольнение. Таким образом реально голосовали 12 человек, в то время как при решении вопроса об увольнении необходимо голосование двух третей состава Совета — 13½ из 20-ти.

В следующем же номере «Московских ведомостей» (№ 273) появилось письмо Н. Д. Кашкина, заявившего, что ссора Сафонова с Конюсом есть следствие их теоретических расхождений по вопросам преподавания, и директор имел право поступить с подчиненным подобным образом.

На следующий день, 5 октября, там же было напечатано очень резкое письмо Танеева, прямо обвинившего Сафонова в нечистоплотности, в сговоре с членами Совета, в подтасовке документов; показательно, что везде имя директора пишется в кавычках — «Василий Ильич», то есть Танеев, передразнивая сотрудников консерватории, в категорической форме обвиняет их в подлобострастии перед начальством.

Полемику по делу Конюса «Московским ведомостям» пришлось печатать в течение всего октября; в результате двое членов Московской дирекции ИРМО — М. Ф. Ушаков и В. А. Абрикосов — вышли из состава директоров; за Конюса высказались также Г. А. Ларош, М. И. Чайковский, А. Н. Корещенко.

Смоленский — Танееву

Москва, 8 октября [1899]

Дорогой Сергей Иванович. Сейчас получил от г. директора приглашение прибыть сегодня в 7½ вечера для выслушания депеши Константина Константиновича, пришедшей вчера вечером. Подаю прошение, что по нездоровью не могу прибыть и прошу сообщить депешу письменно¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

1. Ни Смоленский, ни Танеев для «выслушания» телеграммы великого князя Константина Константиновича, вице-председателя Главной дирекции ИРМО, не явились. В телеграмме говорилось: великий князь огорчен тем, что некоторые профессора консерватории избрали незаконный путь протеста против действий директора в форме обращения к прессе.

Смоленский — Танееву

[Москва, 8 ноября 1899]

Дорогой Сергей Иванович. Адрес Штакельберга есть в Музыкальном Календаре Габриловича¹. Во вчерашнем фельетоне «Нового времени» (воскресенье) есть сообщение фальшивое из Москвы по делу Конюса, а в № 6 (6. 11) «Северного курьера» преглупый фельетон².

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, в¹¹, № 1706

1. Штакельберг Константин Карлович, барон (1848—1925) — начальник Придворного оркестра (с 1897), генерал-майор свиты.

«Музыкальный календарь А. Габриловича, справочная и записная книжка» — издание, выходившее ежегодно в Петербурге на протяжении двух десятилетий (с 1895 по 1915).

2. По поводу газеты «Новое время» Смоленский преувеличивает: в фельетоне от 7 ноября за подписью «Сигма» (С. Н. Сыромятников) речь идет о роли личности в общественной жизни, и имеется, в частности, такой пассаж: «Все восстают против тирании одного; но не все восстают против тирании многих, как будто бы гениальный тиран тупее толпы глупцов...» Имя Сафонова здесь, однако, не упомянуто.

Другая петербургская газета, «Северный курьер», опубликовала не «преглупый фельетон», а забавную «Музыкальную картинку» (за подписью «Дулькамаре»), где в смешном и, безусловно, «про-сафоновском» свете выведены все участники конфликта; главные роли в этой сценке отведены Смоленскому и Танееву, а заканчивается она триумфальным шествием московской публики на открытие нового здания консерватории, построенного под руководством Сафонова.

Автору сценки удалось метко пародировать как «юридические ухищрения» Смоленского (и особенно, конечно, «13 ½ членов Совета» — см. комментарий к письму Танеева от 2 октября), так и несколько тяжеловесный и категорический стиль Танеева:

Я человек убеждения... Что говорю, то верно... Спросите в Москве... Зачем нам директор?.. Директора не нужно... да и дирекции не нужно... <...> Мы люди свои при Московской консерватории, кажется давно место насидели, а тут чужие, какие-то петербургские являются, да еще распоряжаются... <...> Бог даст, чужих-то

и выживем... Не впервые ведь... Вот Эрдмансдёрфер уж на что был костлявый немец!.. а проглотили и не подавились...

Смоленский — Танееву

[Москва, 11 декабря 1900]

Многоуважаемый Сергей Иванович.

Я переговорил с В. С. Орловым, и мы оба просим, чтобы не затянуть время с литографами, мало надежными в период святок, прислать написанный Вами хор, о котором Вы говорили мне в квартетном¹.

Вспомнились также нам обоим слова В. П. Войденова о том, что когда-то он пел Ваши два церковные хора «Блажен муж» и «Благослови душе моя Господа»². Если у Вас найдутся они, то не откажите прислать их вместе со светскими.

Я не имею возможности послать к Вам кого-либо. Мы надумали привить себе предохранительную оспу и сделали то на прошлой неделе так удачно, что почти поголовно сидим ныне дома.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 29

1. Хор «Звезды» ор. 15, № 1 на стихи А. С. Хомякова (20 ноября 1900), посвященный Синодальному хору.

2. См. следующее письмо.

Танеев — Смоленскому

[Москва, 11—12 декабря 1900]

Многоуважаемый Степан Васильевич,

прилагаю при сем мой двойной хор и заранее предвкушаю удовольствие услышать его в исполнении Синодального хора. Что касается до моих духовно-музыкальных сочинений, то старания мои их отыскать оказались тщетными. Если когда-нибудь удастся их найти, я Вам их доставлю¹.

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Впоследствии Танеев разыскал свои духовно-музыкальные сочинения 1880-х годов и передал их автографы в Синодальное училище, в архиве которого (в Отделе рукописей ГИМ) они были уже в наши дни обнаружены и изданы Н. Ю. Плотниковой.

Танеев — Смоленскому

Москва, 5 ноября 1900

Многоуважаемый Степан Васильевич,

по непредвиденным обстоятельствам не могу сегодня быть на репетиции. Будет ли завтра исполняться месса? В таком случае я бы пришел после консерваторского урока¹.

Преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Месса h moll Баха исполнялась Синодальным хором под управлением В. С. Орлова в концерте 6 ноября. Танеев присутствовал на этом исполнении и после концерта высказал свои соображения «об оттенках» регенту.

Смоленский — Танееву

[Москва, 20 ноября 1900]

Дорогой Сергей Иванович!

Изнемогаю от хвори и скуки! Если найдется у Вас после лекции в Консерватории полчаса — навестите сердечно преданного Вам Ст. Смоленского.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 25

Смоленский — Танееву

Москва, 14 декабря 1900, 11 часов вечера

Дорогой Сергей Иванович!

Хотя я и знал заранее, что Вы будете заняты сегодня вечером, хотя я и получил Ваше любезное приглашение быть у Вас, но нахожусь вынужденным быть дома, ибо испытываю прелесть того, что у Гоголя называется «министерия подпустила», то есть я занят приемом внезапного ревизора, приехавшего вчера из Петербурга. Как ни выгодна и желательна для меня эта ревизия — скучно и тяжело быть в виц-мундире с утра и до вечера, даже и позднего¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 26

1. Это было начало той ревизии Синодального училища чиновником Св. Синода, которая привела к отставке Смоленского с поста директора. Поначалу однако Смоленский считал ревизию «выгодной» для себя, ибо рассчитывал продемонстрировать блестящее

состояние училища и хора и надеялся, что ревизор от Синода встанет на его сторону в конфликте с прокурором Синодальной конторы А. А. Ширинским-Шихматовым.

Танеев — Смоленскому

Москва, 9 марта 1901

Многоуважаемый Степан Васильевич,

вынужден внести некоторое расстройство в наше предприятие: не могу участвовать завтра в поездке в фотографию, так как доктор не разрешил мне выходить ранее воскресенья¹. У меня был сегодня Георгий Эдуардович, которого я просил Вам об этом сообщить, рассчитывая, что он вас увидит ранее, чем дойдет мое письмо. Как только начну выходить, буду у Вас.

Искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Поездка в фотографию предпринималась в связи с желанием Смоленского, покидавшего Москву, иметь снимки своего консерваторского класса (в полном его объеме, за ряд лет) и Танеева как своего ближайшего коллеги по консерватории. Одновременно с групповым снимком был сделан и фотопортрет Смоленского, который он 17 марта послал (или передал) Танееву с надписью: «Высокопочтимоу Сергею Ивановичу — на добрую память о сердечно преданном Ст. Смоленском» (сохранился в подборке писем Смоленского к Танееву в РГАЛИ).

Смоленский — Танееву

Петербург, 1 октября 1901

Дорогой сердцу Сергей Иванович! Соскучился я о Вас, давно не видал Вас, давно не слышав всегда поучительной для меня беседы с Вами. Если соберетесь в Санкт-Петербург — зайдите на Мойку, 20 — в знакомую уже Вам квартиру — сделаете мне и жене моей радостный праздник¹.

На новоселье моем живется мне до сих пор очень туго и тяжело. Встретили меня с большим предубеждением, даже и протестом, с жалобой Императрице Марии Федоровне, но теперь все начинает улаживаться, перезнакомились поближе, увидали, что из моей работы толк выходит и что и я дело знаю. Посему начинает все смиряться и работать.

28-го устроили поминки по Бортнянскому, и, вероятно, Вы уже пробежали в «Русской музыкальной газете» мою 1-ю речь; 2-я будет там же через неделю².

Прочитал я в газетах сообщение по телефону о предстоящем будто бы выходе из Консерватории В. И. Сафонова как о деле окончательно решенном³. Что это? Неужели правда, наконец-то, получает свое? Я знаю и хорошее письмо

Зилоти, бывшее назад тому месяца 4 в «России» же. Есть ли тут какая-либо связь с теми очаровательными волнениями, которые мы так живо чувствовали два года назад? А ведь година эта как раз будет в эти дни. Помните, как в моей столовой мы втроем волновались, как редактировали 1 октября утром письмо Георгия Эдуардовича и мое, как перечитывали и Ваше, написанное в монастырском уединении? Помните, как быстры были переживаемые впечатления? Как шла эта канонада в «Московских ведомостях»? Спасибо Вам, дорогой Сергей Иванович, за эти хорошие дни! Честь и слава мужественному Конюсю!

Очень прошу Вас сообщить мне, хотя бы кратко, не всплыли ли новые какие-либо осложнения в столь близкой моему сердцу Консерватории? Разгонят ли наконец эту противную шайку всяких Галли, Шишкиных и прочих? Покаялись ли, наконец, малодушные старые греховодники, вроде Гржимали, Лангера, Кашкина?⁴ А Вам, дорогой мой, честь и слава! Ничем я не любовался в Вас, как Вашим кротким упорством в этом деле.

Нужно ли говорить, с какой любовью трижды, по-русски я целую милую Пелагею Васильевну? Увидите Ф. И. Маслова, Анну, Софи и Варвару Ивановен [Масловых] — всем им мой самый сердечный привет⁵. Будьте здоровы и Вы.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Жена кланяется. Перечитываю и люблюсь биографией Петра Ильича⁶. О Синодальном училище слышу горькие вести и тяжело мне вспомнить о нем⁷.

Конюсу, Булдину, неукротимому в суждениях, но высокочтимому Владимиру Ивановичу — мои поклоны, как и графине Софии Андреевне, Модесту Ильичу⁸.

Не спросил я, как поживаете сейчас, как провели лето на далеком Кавказе, что наработали?

Наука в Капелле в наиполнейшем загоне. Я без рукописей очень скучаю. Сутолока моей жизни здесь такая же, как и в Москве. Поют здесь много хуже. О h moll мессе [Баха] даже и помышлять нельзя — нот не знают, хотя все стоит самых диких денег. Я встретился с Антонием Степановичем вполне дружелюбно и совершенно удовлетворен тем, что мое самое искреннее к нему почтение не оскорблено им, чего я боялся с его стороны, вследствие перемены наших положений и невольных от меня воздействий в области полученного от него наследства⁹. Но что за туча недоброжелательства ко мне в Балакиревском кружке! Необъяснимо почти то же и в Консерваторском¹⁰. Вот уж именно партийная близорукость без всякого повода. Чем же я виноват, что перетащили меня, а не кого-либо из того или другого лагеря?

А все же Вам должно быть понятно, как нетерпеливо буду я ждать Ваши строки о Вас и Консерватории. Я познакомился здесь, но шапочно, с Александром Сергеевичем¹¹. Беседы наши были кратки и торопливы.

1. Смоленский имеет в виду, что Танеев бывал в гостях в этой квартире у предыдущих управляющих Капеллой — М. А. Балакирева, А. С. Аренского.

2. Речь Смоленского памяти Бортнянского, произнесенная на торжественном собрании в Придворной капелле 28 сентября 1901, опубликована в РМГ (1901, № 39, 40).

3. Прочтенное Смоленским сообщение об уходе Сафонова появилось в газете «Россия» 28 сентября 1901 и оказалось ложным.

4. Анатолий Иванович Галли, Николай Егорович Шишкин, Эдуард Леопольдович Лангер — профессора по классу фортепиано; Иван Войцехович Гржимали — профессор по классу скрипки. Николай Дмитриевич Кашкин — известный и очень заслуженный музыкальный критик, друг П. И. Чайковского, профессор Московской консерватории с первых лет ее существования.

5. Масловы — семья близких друзей Танеева.

6. Имеется в виду начавшее выходить тогда в свет трехтомное издание «Жизнь Петра Ильича Чайковского», написанное М. И. Чайковским на основе писем и других документов.

7. Как уже упоминалось, после отъезда Смоленского из Москвы в Синодальном училище начался трудный период: превосходный регент Синодального хора В. С. Орлов оказался мало способен к исполнению директорских обязанностей.

8. Смоленский передает приветы преподавателю декламации и сценического искусства в Московской консерватории И. А. Булдину, брату С. И. Танеева Владимиру Ивановичу, супруге А. Н. Толстого и брату П. И. Чайковского.

9. Смоленский сменил А. С. Аренского на посту управляющего Капеллой.

10. Об отношении Балакирева и его окружения к назначению Смоленского в Капеллу см. в переписке с С. С. Волковой. Что касается отношения к Смоленскому «консерваторского кружка», то его тоже нетрудно понять: среди потревоженных решительными действиями Степана Васильевича в Капелле оказались А. К. Лядов, Н. А. Соколов, Е. С. Азеев, то есть либо близкие друзья Римского-Корсакова (Лядов и Соколов), либо его многолетние сотрудники (Азеев).

11. То есть с родственником Сергея Ивановича — обер-гофмейстером и композитором-дилетантом Александром Сергеевичем Танеевым. Сам Сергей Иванович регулярно встречался с ним при посещениях Петербурга, даже давал ему уроки композиции и контрапункта. Впоследствии А. С. Танеев сыграл некоторую роль в поддержке основанного Смоленским в Петербурге Регентского училища.

Танеев — Смоленскому

Москва, 10 октября 1901

Многоуважаемый и дорогой Степан Васильевич!

Я получил Ваше письмо как раз в тот день, когда об Вас вспоминал. Ехал утром в консерваторию и, проезжая мимо Вашей квартиры, с некоторой гру-

стью думал о том, что не придется больше заходить к Вам после консерваторских уроков и заставить Вас и добрейшую Анну Ильиничну за чайным столом.

О речи Вашей я читал, но самую речь не видал. Музыкальной газеты я не получаю и был бы Вам очень признателен, если бы Вы мне прислали оттиск, вероятно у Вас имеющийся.

Относительно предполагаемого выхода Василия Ильича ничего не знаю. Не было ли это известие вымышлено Дорошевичем и сообщено в «России», чтобы иметь повод поместить на другой день статью о В. И., появившуюся в № 269 «Русского слова»?¹ По крайней мере ничего подтверждающего это известие я не слышал.

Лето я провел главным образом в поездках по Кавказу (Военно-Осетинская и Военно-Грузинская дорога, у берегов Черного моря, значительную часть которой я проехал на лошадях). Вернувшись к Масловым в деревню в начале августа, с большим рвением принялся за окончательную обработку своей книги о сложном контрапункте, работу, которою продолжаю заниматься и по приезде в Москву, намереваясь довести ее до конца. Просмотрел более 20 месс Палестрины, отмечая все то, что может быть для меня пригодно, и затем распределяя собранные примеры по категориям.

Успешности моей работы немало содействует то обстоятельство, что я опять повредил себе ногу и за исключением поездок в консерваторию почти безвыходно сижу дома, проводя большую часть дня в полном уединении.

Георгий Эдуардович [Конюс] приехал и очень усердно занимается сочинением оркестровой сюиты.

Пелагея Васильевна благодарит Вас за память и просит Вам написать, что она «кланяется Вам в пояс».

Очень был бы рад, если бы начавшаяся между нами переписка не остановилась.

Анне Ильиничне прошу передать мое глубокое почтение. Вам желаю успеха в Вашей деятельности. Вполне уверен, что всякие помехи и неприятности устроятся мало-помалу и Ваши администраторские способности, энергия и любовь к делу одержат верх над самыми неблагоприятными обстоятельствами.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно Вам преданный

С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Имеется в виду большой фельетон знаменитого Власа Дорошевича под названием «В. И. Сафонов» в газете «Русское слово» от 30 сентября. Фельетонист «обличает» как тирана Сафонова, так и самодурствующих «купцов из дирекции Музыкального общества» и делает вывод: «Все молодое, талантливое, а потому смелое и державшее голову по заслугам высоко, — должно было уходить».

Смоленский — Танееву

[Петербург, октябрь или ноябрь 1901]

Дорогой Сергей Иванович! Услыхал я, что под командой директоров Филармонии, под покровительством великой княгини Елисаветы Федоровны со- ставилась могучая кучка из Зилоти, Рахманинова, Аренского, Барцевича, Бран- дукова и Конюса, имеющая в виду прикончить нелепую гастроль Кесса и взять Филармонию в свои руки¹. Если это правда, то, конечно, жалко Консерваторию с ее всякими Галли, Шишкиными etc., ибо не устоит она против общественных симпатий к талантливой кучке и не дотянет свое критическое время с бездене- жьем и с самодурством Василия Ильича. Если, повторяю, это правда, то самая простая моя любовь к Консерватории, которой я служил так любовно 12 лет — самых зрелых лет моей жизни, заставляет меня думать, что незачем молчать и давать время, чтобы созрел для Консерватории прямо смертельный удар. Гораз- до лучше удалить причину общей ненависти и перетянуть новую могучую кучку к своей alma mater, чем дать ей вероятную возможность вредить ей хотя бы и под безукоризненным по корректности предлогом, в сущности же по антисафо- новщине. Поэтому не думаю, чтобы моя мысль показалась Вам нелепою, если бы я предложил Вам подумать о возможности предостеречь Консерваторию от предстоящего ей жестокого удара. Может быть здесь, в Петербурге, поймут, наконец, значение жизненности для Москвы такой новообразовавшейся кучки и меру равнодушия той же Москвы к Василию Ильичу; пора к тому же, по правде сказать, и встряхнуть застоявшееся консерваторское безвременье и обновить Консерваторию свежими и достойными, а главное — своими силами. Полагаю, что в Петербурге это дело, ныне столь ясное всем, может встретить только са- мую оживленную поддержку во власть имущих, да и нетрудно будет Василию Ильичу устроить себе почетное отступление.

Что Вы об этом скажете?

Приветствую Вас от всего сердца. Шлю привет дорогой Пелагее Васильев- не. 4 декабря помяну всех Масловых и побываю мысленно у них с визитом. У Вас я бываю мысленно очень часто.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 27—27 об.

1. Кесс (Кес; Kes) Виллем — голландский композитор и дирижер, в 1898—1901 ди- рижер симфонических концертов Московского филармонического общества, в 1901—1904 директор Музыкально-драматического училища. Действительно, в скором времени его «га- строль» была закончена: с осени 1901 во главе концертов стал А. И. Зилоти, во главе училища несколько позже Г. Э. Конюс.

Танеев — Смоленскому

Москва, 7 декабря 1901

Многоуважаемый Степан Васильевич,

очень перед Вами виноват в том, что долго не отвечал на Ваше письмо. Получив его, не мог ответить тотчас же, а потом и не видал, как прошло время. Слышал из разных источников, что Вы собираетесь в Москву, справедливо ли это известие?¹ Очень бы желал, чтобы приезд Ваш состоялся ранее праздников, так как я на Рождество уеду в деревню к Масловым. Ваше поздравление передал Анне Ивановне, которая у меня была в день получения Вашего письма (сам я у них не могу бывать из-за высокой лестницы — ибо нога моя еще не поправилась), и Анна Ивановна поручила передать Вам благодарность. В письме Вашем Вы говорите, что нужно «удалить причину общей ненависти», то есть Василия Ильича, и предлагаете мне об этом подумать. Но по Уставу об удалении директора Местная дирекция делает представление председателю Русского Музыкального Общества, который его и увольняет (§ 17). Между тем местная дирекция, то есть М. А. Морозов, Фульда, Чижев, Орлов-Давыдов и еще кто-то — не знаю (Перлов?), придерживается такого воззрения: «мы нуль — Василий Ильич все», да если бы ее взгляды в этом отношении и переменились, то она не имеет возможности сделать подобное представление об увольнении, пока ее председатель, то есть сам Василий Ильич, не поставит этого вопроса на повестку и не созовет для его обсуждения членов дирекции. Председатель же Общества (я разумею [великого князя] Константина Константиновича) так ценит Василия Ильича, что в угоду ему не затруднился нарушить Устав Консерватории, прислав ему тайную инструкцию взамен законной, обнаруженную благодаря дознанию по делу Конюса. Кто же может уволить Василия Ильича?

Кстати о деле Конюса. Сегодня он получил телеграмму, что Сенат, рассматривавший его просьбу, оставил ее без последствий. Подробностей пока никаких еще не известно.

Георгий Эдуардович поступает с января в профессора Филармонического Общества. Зилоти дирижирует концертами этого Общества. Играют у него: Рахманинов, Брандуков, Барцевич, дирижируют Г. Э. Конюс и Антон Степанович [Аренский]. Консерватория, в лице своих наиболее видных представителей, завладела Филармоническим Обществом. Вернется ли она в свои прежние стены, неизвестно, разве по выходе из директоров Василия Ильича, на что нет оснований рассчитывать.

Искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. На рубеже 1901 и 1902 Смоленский в Москву не приезжал.

Танеев — Смоленскому

Москва, 15 декабря 1901

Многоуважаемый Степан Васильевич,

только что получил Вашу превосходно изданную книжку, которую внимательно просмотрю¹. Очень Вам за нее благодарен, а также за присланную ранее статью о Бортнянском². От души желаю, чтобы у Вас оставалось достаточно свободного времени на продолжение Ваших ученых трудов. Помимо значения, какое они могут иметь для избранного Вами отдела истории музыки, подобные работы могут дать человеку отдых от беспокойств обыденной жизни, каких у Вас, при настоящем Вашем общественном положении, должно быть не мало. Очень жалко, что приезд Ваш в Москву до сих пор не состоялся. На праздники я уезжаю в Орловскую губернию, а в нынешнем сезоне вряд ли попаду в Петербург. Очень бы хотелось узнать, какие изменения вводите Вы в преподавание музыкальных предметов в Капелле и в какой мере видоизменяете ее репертуар.

Я по-прежнему занимаюсь своей книжкой, ничего поэтому не сочиняю и назначил себе крайний срок ее окончания будущую осень. Эти дни я немного простудился, не мог быть вчера на вечере у Булычева, где по временам собираются московские музыканты для собеседования о музыкальных вопросах, и не попаду завтра на консерваторский ежегодный обед³. Прошу Вас передать Анне Ильиничне мое почтение и остаюсь искренно Вам преданный

С. Танеев.

Р. С. Пелагея Васильевна свидетельствует Вам свое почтение.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Имеется в виду только что изданная ОЛДП работа Смоленского «О древнерусских певческих нотациях».

2. См. комм. к письму от 1 октября 1901.

3. Ежегодный консерваторский обед проводился памяти Н. Г. Рубинштейна, и обычно Танеев его посещал. Регулярно бывал он и на собраниях у своего ученика — хорового дирижера и основателя Московской симфонической капеллы Вячеслава Александровича Булычева. С последним встречался и переписывался также Смоленский.

Танеев — Смоленскому

Московско-Киевская железная дорога,

станция Навля, село Селище, 11 июля 1902

Многоуважаемый Степан Васильевич,

вчера получил Ваше письмо и был очень рад узнать, что Ваши труды и тревожные хлопоты по управлению Капеллой начинают давать хорошие результа-

ты¹. От всей души желаю Вам успехов в Вашей деятельности. С изданием Баха, о котором Вы пишете, мне не удастся познакомиться ранее возвращения моего в Москву². Я отсюда уеду не ранее конца каникул. Нынешнее лето провожу в работе над своей книгой, которой занимался также и в течение всей зимы. Пока ее не напишу, ничем другим не буду заниматься. По поводу своих занятий я имею в виду обратиться к Вам со следующей просьбой.

Вы вероятно видите с г. Финдейзеном. Он написал биографию Глинки и, полагаю, может ответить на мой вопрос. Несколько лет тому назад я читал напечатанное где-то письмо Глинки из Берлина, относящееся к тому времени, когда Глинка учился у Дена. В письме этом был пример одной контрапунктической задачи и кроме того было высказано несколько соображений о контрапункте вообще. Где помещено это письмо и нет ли кроме него еще писем, где бы Глинка говорил о контрапункте — вот вопрос, разрешение которого мне бы хотелось получить от г. Финдейзена³. Предполагая, что вы встречаетесь также с Л. А. Саккетти⁴, попрошу Вас при случае (и то и другое не к спеху) и ему задать вопрос, а именно, нет ли в Публичной (или в консерваторской) библиотеке сочинений:

- a) Zacconi, *Prattica di musica* (1592, 1622) и
- b) Vicentino, *L'antica musica ridotta alla moderna* (1555).

Читая сочинение Кирнбергера «Die Kunst des reinen Satzes» 1777 года⁵, я встретил у него следующий отрывок, о котором сообщается, что он взят из песнопений греческой церкви, что Прусская принцесса Амалия, у которой Кирнбергер был придворным музыкантом, получила эти ноты из России, что написаны они на пергаменте несколько столетий тому назад, что разобрать эту рукопись было очень трудно, что например нота *d* в басовом ключе была написана не на средней линейке, а была заменена двумя нотами — одною, стоящей выше этой линейки, и другою, стоящей ниже. Вот этот отрывок:

Что это может быть?

Прошу Вас передать Анне Ильиничне мое глубокое почтение и благодарность за память. Масловы благодарят Вас за приветствие. Федор Иванович, которому я сообщил содержание письма Вашего, очень рад благоприятным результатам Вашей деятельности в Капелле.

Остаюсь искренно преданный Вам С. Танеев.

1. Не сохранилось ни письмо Смоленского, на которое отвечает Танеев, ни ответ Смоленского на публикуемое письмо.

2. Из писем Смоленского к другим адресатам выясняется, что он рекомендовал Танееву следующие издания: J. S. Bach. 1) 16 Fugen durch Farbendruck analytisch dargestellt von V. Bökelmann; 2) 15 zweistimmigen Inventionen in mehrfärbiger Darstellung zur Selbstbelehrung erläutert von V. Bökelmann (Лейпциг). В этом издании разными цветами и шрифтами обозначены все элементы полифонической ткани и даны гармонические схемы фуг.

3. Друг Смоленского, бессменный редактор основанной им «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзен являлся автором первой монографии о Глинке (издана в 1903) и других работ, посвященных композитору, организатором, вместе с Л. И. Шестаковой, первого глинкинского музея в стенах Петербургской консерватории.

В письме к Финдейзену от 16 июля 1902 Смоленский «транслировал» вопрос Танеева; тот, находившийся на летнем отдыхе, обещал ответить Сергею Ивановичу на его вопросы по возвращении в город.

4. Следующий вопрос Танеева адресован другому приятелю Смоленского — профессору Петербургской консерватории Л. А. Саккетти, который с 1895 был также помощником В. В. Стасова по отделу искусств Публичной библиотеки. Ответ Саккетти неизвестен, но названные сочинения Танеев нашел и просматривал позже — в Берлинской королевской библиотеке во время своего пребывания в этом городе в 1903 году.

5. И. Ф. Кирнбергер (Kirnberger), по всей вероятности, описывает квадратную пятилинейную нотацию, в которой целые ноты действительно ставятся как бы вокруг линейки. Совершенно понятно, что такой рукописи не могло быть «несколько столетий» и она не могла быть «написана на пергаменте». Приводимый пример напоминает стиль ранних партесных гармонизаций, но мелодически не похож на них.

Танеев — Смоленскому

Москва, 1 ноября 1902

Многоуважаемый Степан Васильевич,

очень рад узнать, что Вы приезжаете в Москву. Вы сделали бы мне большое удовольствие, отобедав у меня 4 ноября (понедельник) в 12 ½ часов дня¹. В ожидании увидеться с Вами остаюсь

искренно преданный Вам С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Судя по дневнику Танеева, Смоленский, приехавший в Москву после долгого перерыва 3 ноября 1902, на следующий день у Сергея Ивановича обедал и наверняка еще раз встретился с ним 7 ноября на концерте Синодального хора.

Смоленский — Таневу

Петербург, 1 сентября 1903

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Очень прошу Вас помочь мне Вашими опытными указаниями. Со мной этими днями должна случиться катастрофа в смысле потери мною места Управляющего Капеллою. Причина тому совершенно полоумное поведение графа Александра Дмитриевича Шереметева и нежелание при Дворе расстаться с столь породистым миллионером и «артистом».

Поэтому мне совершенно необходимо озаботиться добычею профессорской грамоты из Московской Консерватории и указанием параграфов Консерваторского устава, ссылаясь на который, равно и на 12-летнюю службу в Московской Консерватории, я мог бы получить надобную мне грамоту. Суть дела еще и в том, что, сколько помнится, я должен быть еще даже повышенным в профессоры 1-й степени по выслуге 10-летнего срока, но об этом в свое время не вспомнил ни я, ни В. И. Сафонов. Если Вас не затруднит — будьте добры сообщить мне Ваши соображения и о последнем. Что-то я путаюсь в воспоминаниях о сроках — не то 3, не то 10 годов надобны были. Мне советуют здесь подать прошение Великому Князю Константину Константиновичу, так как мое прошение *об увольнении из профессоров и о выдаче при том грамоты* оставлено до сих пор В. И. Сафоновым без всякого ответа, несмотря даже на напоминание, сделанное мною заказным письмом год спустя А. И. Губерт.

Грамота мне нужна для занятия кафедры в Петербургской Консерватории и в здешней Духовной Академии¹. Сегодня 1 сентября, и дело не терпит, так как лекции уже начинаются.

Хотя я и знаю, что Вы едете в Берлин², но думаю, что Вы очень точно помните Устав Консерватории и есть у Вас его экземпляр, да по Вашему расположению ко мне найдется у Вас минутка вспомнить о моем совершенно спешном деле. Заранее благодарю.

Милой Пелагее Васильевне мой поклон и привет. Жена кланяется.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 15—15 об.

1. Оба упоминаемых проекта остались нереализованными: консерватория отказалась от услуг Смоленского, и то же самое сделала Петербургская духовная академия, указав на недостаток средств для введения нового предмета — истории русского церковного пения (при том, что сама эта идея была одобрена обер-прокурором Св. Синода; см. подробнее в переписке с С. Д. Шереметевым).

2. В Берлине в сентябре 1903 проходили Вагнеровские торжества (в связи с открытием в городе памятника композитору) и приуроченный к ним Международный музыкальный

конгресс. В основном, так называемом «интернациональном» концерте торжеств исполнялись, в числе прочего, произведения русских композиторов («Франческа да Римини» Чайковского и оркестровое вступление к «Сказке о царе Салтане» Римского-Корсакова). Танеев был приглашен на эти торжества.

Танеев — Смоленскому

Москва, 4 сентября 1903

Глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Для меня было столь же прискорбно, сколь и неожиданно узнать из письма Вашего от 1 сентября, только что мною полученного по возвращении моем из Петербурга, о предстоящем оставлении Вами должности Управляющего Капеллою. Только что были побеждены Вами всякого рода препятствия, и дело Ваше, казалось, вступило на путь нормальный и правильный, как неожиданно приходится оставлять Вам это место. Положим, что Ваши познания и Ваша опытность в житейских делах вообще, в административных в частности, всегда найдут себе достойное применение, но тем не менее столь важные и серьезные перемены в жизни доставляют человеку много беспокойств и неприятностей. От всей души желаю, чтобы время это поскорее миновало и Вы в новой деятельности нашли бы себе спокойствие и удовлетворение. Чрезвычайно сожалею, что не удалось с Вами видеться в Петербурге, где я пробыл всего двое суток. Была у меня надежда найти час времени в день отъезда, чтобы еще раз у Вас побывать, но мне до отъезда необходимо было закончить корректуру, которая взяла у меня времени гораздо больше, чем я рассчитывал, и я доканчивал ее, когда вещи мои выносили и укладывали на извозчика.

Прилагаю выписку всех тех параграфов Устава, которые имеют отношение к занимающему Вас вопросу. Мне кажется несомненным, что звание профессора консерватории сохраняется навсегда и не теряется от того, что профессор перестал преподавать в учреждении. Это подтверждается тем, что на это звание по Уставу выдается грамота (§ 45) и нигде не сказано, что грамота эта теряет свою силу по выходе профессора из консерватории. Случай, происшедший с [Ю. К.] Арнольдом, имевшим звание профессора консерватории, признанное за ним дирекцией, и никогда не преподававшего в консерватории¹, также может служить подтверждением того, что Вы вправе настаивать на выдаче Вам грамоты на основании § 45. Что касается того, чтобы получить звание профессора 1-й степени, то мне представляется это невозможным. § 41 требует для такого звания *представления* директора и содействия Художественного Совета, на которые вряд ли можно в данном случае рассчитывать. Правда, в этом параграфе говорится об *ординарных* профессорах (то есть окончивших курс в консерватории — по § 38), но по § 43 тот же порядок существует и по отношению к сверхштатным.

Прошу Вас передать глубокоуважаемой Анне Ильиничне мое сердечное приветствие. Буду ждать от Вас известий. В воскресенье думаю выехать в Берлин, вернуться в конце сентября. Мой берлинский адрес: J. H. Block 96 Fasanienstr. Berlin W. Для передачи С. И. Т.

Пелагея Васильевна благодарит Вас за память. Из консерватории вышли Булдин и Романов. Рем[езов] поступил в Филармоническое Общество.

Искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. «Случай» с Ю. К. Арнольдом связан с конфликтом между ним и Н. Г. Рубинштейном как директором Московской консерватории: в результате вызванный в Москву Арнольд получил звание без места.

Смоленский — Танееву

Петербург, 8 сентября 1903

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Не знаю, как мне благодарить Вас за любезное письмо и выписку из Устава Консерватории. Судя по остаткам клея на выписке, я рассудил, что этот листок из Вашей рабочей книжки, а потому одновременно с сим отправляю его в Москву, так как прошение великому князю мною уже составлено.

Очень я озадачен известиями о Берлинском торжестве, в котором случилась, как уверяют меня, весьма значительная неурядица, из-за которой вышли многие влиятельные члены Распорядительного комитета. Случилось это будто бы этими днями. Знали ли Вы об этом?¹

Я уже писал Вам, что со мной случилась история, в которой не могу ничего понять толком, но могу только чувствовать ее нетерпимую грубость, необъяснимую глупость и крайне тревожную для меня будущую материальную малообеспеченность. Не могу разобраться даже и в некоторых крайне быстрых и спешных подробностях катастрофы, которую начали 14-го, а кончили 17 августа, выгнав меня так себе, с ненадобным никому позором, без всякой вины, без объяснений сколько-нибудь мотивированных, без обещаний хотя сколько-нибудь оформленных. Подобен я сейчас улитке, на берег выброшенной волною. Что будет со мною — пока ума не приложу — переговорить не с кем, так как за выездом Государя все также в разброде.

У меня есть мысль устроить себя по археологической части, — но этот товар на житейской бирже имеет мало спроса, да и ждать надо возвращения сильных мира сего².

От всей души желаю Вам, добрый и высокоуважаемый Сергей Иванович, всякого успеха в Берлине, главное же душевного покоя и доброго здоровья, цену которых я стал постигать только теперь.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 31—31 об.

1. Судя по репортажам в РМГ, «берлинская неурядица» была связана с «неумелой и анти-артистической» организацией Вагнеровских торжеств, с протестами против которой публично выступил ряд музыкантов. В дневниках Танеева, впрочем, ни о какой неурядице речи нет.

2. Весь императорский двор в это время находился в Сарове, на прославлении преподобного Серафима. Смоленский рассчитывал обратиться к государю с просьбой дать ему «особое поручение» «по археологической части», то есть по описанию певческих рукописей в разных хранилищах (см. в переписке с С. Д. Шереметевым).

Танеев — Смоленскому

Москва, 20 марта 1904

Многоуважаемый Степан Васильевич, обращаюсь к Вам со следующей просьбой. В Риме живет некто Michel Delines, сотрудник иностранных газет и журналов, переводчик на французский язык моей «Орестеи». Он желает написать статью о М. П. Беляеве и обращается ко мне с просьбой доставить ему материал на русском языке, которым он очень хорошо владеет.

Я помню, что в 1895 году в Музыкальной газете была помещена биография М. П. Предполагая, что видаетесь с Н. Ф. Финдейзенем, я очень Вас прошу хлопотать, чтобы г. Финдейзен послал эту статью по адресу:

Rome, M. Delines, 75

Via Piemont.

Все сопряженные с этим расходы я охотно приму на себя¹.

Через несколько минут я уезжаю в деревню, где буду работать над своей книгой, чем я занимаюсь весь нынешний сезон. Вернусь в начале Фоминой недели. Вероятно Вы уже слышали, что Георгий Эдуардович [Конюс] приглашен директором в Филармоническое училище.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить глубокоуважаемую Анну Ильиничну и Вас с наступающими праздниками и пожелать Вам всякого благополучия. В надежде, что Вы не откажете в исполнении моей вышеупомянутой просьбы, остаюсь неизменно преданным Вам

С. Танеев.

РНБ, ф. 816 (Финдейзен), № 2681

1. См. комм. к следующему письму.

Смоленский — Танееву

Петербург, 24 марта 1904

Я передал, высокоуважаемый Сергей Иванович, Ваше письмо Н. Ф. Финдейзену, и он обещал мне без промедления исполнить Ваше поручение. Статья о М. П. Беляеве была при мне найдена и отложена в первую очередь почтовых отправок¹. Ваше извещение о скором окончании Вашей книги меня глубоко радует, и жду ее как из печи пирога, даже и более того; Георгию Эдуардовичу писал я свои приветствия. Павший на него выбор, конечно, вполне удачен и заслужен. Полагаю, что хватит ума и терпимости у Георгия Эдуардовича осторожно и постепенно направить дело по-своему и по-московски. Сердечно любимой Пелагее Васильевне мой привет и Христос Воскресе. Жена кланяется.

Сердечно Ваш Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 17

1. Суть дела состояла в том, что музыкальному критику и переводчику русских либретто (в том числе «Орестей» Танеева) Мишелю Делиню (Ашкинази) нужны были данные о скоропостижно скончавшемся меценате и нотоиздателе М. П. Беляеве, которые Танеев и просил выслать Н. Ф. Финдейзену. Последний мог выслать № 1 РМГ за 1904, где был опубликован некролог, а также № 4, где была опубликована речь о Беляеве В. Вальтера (Стб. 97—101).

Танеев — Смоленскому

Москва, 25 июня 1904

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Давно собираюсь Вам написать, поблагодарить Вас за исполненное поручение — отсылку Делиню статьи о Беляеве. Все это время я проводил в больших хлопотах. Я переехал на новую квартиру (Гагаринский пер., дом Вишнякова) и воспользовался этим, чтобы привести в порядок свою нотную и книжную библиотеку, — работа отняла у меня более полутора месяцев времени. Я отдал книг и нот в переплет более 600 томов, купил несколько американских шкафов, затем американский же ящик для каталога карточной системы и проч., и проч. Ни на столах, ни на окнах не будут у меня более лежать кучи нот и книг, а будет порядок образцовый. Все эти работы сделаны еще не вполне, а к окончанию будут приведены в начале осени. Я сегодня уезжаю на Балтийское побережье — где именно поселюсь, еще не знаю. Книга моя все еще не кончена, на лето прерву занятия ею и предполагаю заняться сочинением. Георгий Эдуардович уехал на Кавказ, отдыхает пред вступлением в новую должность. Недавно получил письма (сразу три) от Людвига Ивановича¹. Здоровье его не очень хорошо, глаза слабы, но жалоб на свое положение он не высказывает, а пишет о том, какую

испытывает радость, играя Wohltemperiertes Klavier Баха, и как прекрасно искусство музыки. Прошу Вас передать Анне Ильиничне мой сердечный привет.

С пожеланиями Вам провести хорошо лето, остаюсь искренно Вам преданный

С. Танеев.

Р. С. Приобретение номера музыкальной газеты и отсылка его Делиню сопровождались вероятно небольшими расходами, которые я желал бы возместить.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Людвиг Иванович Бетинг (Бетиньш; 1856—1930) — преподаватель органа и фортепиано в Московской консерватории.

Смоленский — Танееву

Петербург, 8 марта [1905]

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

И до меня дошли №№ «Русских ведомостей» с Вашими письмами и ответом Василия Ильича, более чем странным и слабым¹. Глубоко радуюсь я на Вас каждый раз, когда Вы выступаете на защиту прав обездоливаемых людей и имеете мужество гласно указывать на злоупотребления властей. В сущности своей вся «Сафониада» разве не есть в миниатюре то же самое, за что мы расплачиваемся теперь и еще будем платиться миллиардами рублей и потоками крови? Стыдно и горько думать, что и на этот раз здешние тупоумцы удовлетворятся инсинуацией Сафонова по Вашему адресу, глупейше поставленной во главу его ответа. Но типично и заключение ответа Сафонова — также вещь вполне современная!

Мне сообщили о Вашем протесте ученики мои, учащиеся у Н. А. Римского-Корсакова, узнавшие о том от него самого в выражениях глубокого Вам сочувствия. Теперь и я прошу Вас, если будет какое-либо продолжение (а по моему — то надо непременно и вполне настойчиво) — сообщить мне №№ газет с протестами.

Я не в силах выразить Вам меру восторга милого моего Павлуши Чеснокова, отписавшего мне о своем счастье наконец-то попасть к Вам в ученики. С давних пор я считал Павлушу очень музыкальную натурой, [яркой?] творческой способности, страстно желающею света ученья (и притом именно у Вас), страстно поющею в изящных звуках. Глубоко благодарю Вас за внимание к моему питомцу, могу уверить Вас, что Вы скоро убедитесь, что Вами завоевана чудесная по честности и чуткая по благодарности даровитая натура, которая, Бог даст, с избытком оправдает Ваше к ней снисходительное внимание².

О себе скажу так: я до такой степени истерзан текущею порою и еще более того предстоящими ужасами (ибо дело идет как по нотам, вполне сходно с пережитым на Западе), что дошел наконец до забастовки единоличной: забастовала голова, спасовала энергия, опустились руки — бросилась бесплодная работа и нашла хандра. Теперь я впрочем выправился и опять работаю, усиленно погружаясь в свои крюки, и заставляю себя воздерживаться не только от политических бесед, но даже и от чтения газет. Наше безумнейшее правительство очевидно хочет обмануть и Государя, и страну, сводя дела на учреждения всяких «временных комиссий», возвращаясь к репрессиям и особенно к укрощению печати и всяких протестов. Опять, по-видимому, возвращаются времена всяких «усмотрений» и чрезвычайных мер вместо обещанных усилий вернуть торжество закона.

Слышно, что крестьянское движение начинает принимать размеры совсем тревожные, а по окраинам от Финляндии до Кавказа идет не удержимая более тенденция истребления всяких полицмейстеров, исправников, губернаторов и проч., «усмотрения» которых, как и сущие беззакония, не знают границ и надоели населению, отчаявшемуся найти на них хоть какую-либо управу. Министр Булыгин обнаруживает, в параллель с пресловутым теперь Комитетом Министров, самую очевидную попытку «подавить» всю злонамеренную и зловредную Россию³. Но удастся ли это?

Впрочем — опять заходили нервы.

Сердечно приветствую Вас, приписываю поклон и привет Вам Анны Ильиничны. Мой особый привет милой Пелагее Васильевне.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 32—32 об.

1. «Русские ведомости» (1905, 4 марта) опубликовали письмо в редакцию Танеева под названием «Московская консерватория и ее управление», где ставился вопрос о пагубности совмещения Сафоновым постов директора консерватории и директора Московского отделения ИРМО (результатом чего, в частности, являлась невозможность его увольнения без его же собственного согласия). На это в следующем номере той же газеты последовал ответ Сафонова, который счел неуместным выступление Танеева в политически очень напряженный момент. Танеев в дальнейшем ответил на возражения Сафонова, но уже в связи с начавшейся в консерватории студенческой забастовкой (как и Римский-Корсаков в Петербурге, он считал, что консерваторию закрывать не надо, равным образом не надо преследовать студентов, прекративших занятия).

2. П. Г. Чесноков в феврале-марте 1905 года брал у Танеева частные бесплатные уроки по композиции (см. его письма в настоящем томе).

3. Имеется в виду министр внутренних дел А. Г. Булыгин, а также новая структура в управлении страной — Комитет министров, возглавлявшийся С. Ю. Витте.

Танеев — Смоленскому

Москва, 10 марта 1905

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Очень был рад получить Ваше письмо с выражением сочувствия моим литературным упражнениям. Мне давно хотелось обнаружить историю с бумагою вице-председателя. До сей поры, тем не менее, я не мог выискать такого случая, где бы была возможность о ней заговорить. Консерваторские события дали мне эту возможность. Прилагаю при сем, судя по письму Вашему, не известный еще Вам мой ответ Сафонову. П. Г. Чесноков показывает мне свои вещи и пишет по моему совету варьяции для струнного квартета. Но я не могу связать себя обещанием аккуратно и систематично с ним заниматься, так как время мне дорого для моих собственных занятий. Я хотел давно написать Вам о вашем другом protégé: С. И. Потоцком. Не можете ли Вы ему придти на помощь в следующем¹. Он поступил в реальное училище, где очень хорошо учится. Но, быв вынужденным оставить место, на котором Вы его устроили, он теперь очень нуждается. В особенности его тяготит долг за рояль, равнявшийся месяца полтора или два тому назад 200 рублям. Тогда он у меня был и просил достать ему какое-либо место на лето, с тем чтобы приглашающее его на урок лицо внесло за него теперь в магазин роялей остающуюся сумму, а потом он бы эти деньги отработал. Не будучи в состоянии найти такое лицо, я предложил ему взять у меня (сообщаю Вам это конфиденциально) 100 рублей, чтобы ему освободиться от половины его долга. Не можете ли Вы ему приискать какое-либо подходящее занятие на лето и, быть может, убедите желающее пригласить его на урок лицо или учреждение — выплатить за него вперед остающийся за ним долг?

Анне Ильиничне прошу передать мое сердечное приветствие. Пелагея Васильевна просит передать Вам ее благодарность за Вашу память о ней и кланяется Вам.

Остаюсь искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Потоцкий Сергей Иванович (1883—1958) — выпускник Синодального училища, а впоследствии и Московской консерватории, композитор. Танеев вскоре сам пришел на помощь Потоцкому, постоянно давая ему работу по переписке своих нот, упорядочению библиотеки, подыскивая для него частные уроки и т. п.

Смоленский — Танееву

[Петербург, 25 или 26 марта 1905]

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше. С доброго Вашего почина однако в здешней Консерватории разыгрался неслыханный и нетерпимый скандал *удаления* высокопочтенного Н. А. Римского-Корсакова. Такое оскорбление повело за собой уход на первый раз Глазунова и Лядова, за которыми последуют и другие, не желающие иметь общения с знаменитою здешнею дирекциею.

Хороша, впрочем, и Московская дирекция: чего стоит в ней знаменитый «мы — нуль», великолепный тайный советник Яковлев и несравненный идиот — генерал граф Орлов-Давыдов, да еще под председательством Василия Ильича! Чего доброго, пожалуй, и эти умники и законники вздумают оберечь *ad futurum* [на будущее] «дорогую» им Консерваторию! Чем Вы не пара Николаю Андреевичу?

Выписываю из письма Паши Чеснокова ко мне, только что полученного: «Занятия с С. И. продолжаются и уже начали приносить мне весьма большую пользу. Он приводит меня в восхищение как чудесный учитель. Я перед ним просто благоговею, исполняю всякое его указание, ловлю каждое его слово. Приучаю себя работать ежедневно и аккуратно».

Я знаю горячую голову Паши, а еще более того его чудесное, доброе, благодарное сердце. Поэтому, как начавший ученье Паши, безгранично радуюсь вместе с ним его радостью и безгранично же благодарю Вас.

Относительно Сергея Потоцкого я, к крайнему огорчению, должен отказаться от удовольствия помочь ему. Мое материальное положение теперь настолько скромно, что мне и думать нечего о возможности уделить что-либо, не только что 100 рублей. С потерей моего бывшего жалованья мой хвост, которому я обязан помогать уже по продолжению прошлых лет¹, значительно урезывает мои личные средства. Теперь же особенно я жмусь, так как доктора посылают и меня, и жену на Пятигорские воды — следовательно, копить деньги необходимо, ибо здоровье мое и жены уже начало идти на стариковскую убыль.

Сегодня вечером с приват-доцентом Алексеем Федоровичем Каль (он читает в университете о Вагнере) окончим редакцию письма-протеста в газету «Русь» (вероятно, воскресный №) по поводу увольнения Римского-Корсакова².

Сердечно рад был получить привет от милойшей Пелагеи Васильевны. В свою очередь приветствую ее и даже авансом — словами «Христос воскрес».

Жена вместе со мною приветствует Вас и шлет Вам наилучшие пожелания всякой радости.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

1. Надо полагать, что под «хвостом» Смоленский может подразумевать свою тетушку Е. С. Ильминскую, своих двоюродных сестер, а также кого-то из своих родных сестер и племянников.

2. 3 марта 1905 петербургская газета «Русь» опубликовала письмо Н. А. Римского-Корсакова, посвященное проблеме автономии консерваторий, их освобождения от диктата дирекций ИРМО. 19 марта решением Петербургской дирекции ИРМО Римский-Корсаков был уволен из консерватории с формулировкой «за противодействие дирекции». 24 марта в той же газете появилось открытое письмо Римского-Корсакова с отказом от звания почетного члена Петербургского отделения Общества.

Как только факт увольнения композитора был предан гласности, на газету обрушился шквал разного рода писем в поддержку Римского-Корсакова, в том числе письмо группы московских музыкантов, под которым стоит и подпись Танеева.

Кроме того, 11 апреля «Русь» опубликовала большое письмо Танеева, где вопрос об увольнении Римского-Корсакова рассматривался не с идейных, а с юридических позиций: Сергей Иванович доказывал, что, приняв подобное решение, дирекция ИРМО превысила свои полномочия, так как вопрос об увольнении профессора по Уставу должен был сначала рассматриваться Художественным советом консерватории (который подобного решения не принимал).

Письмо Смоленского не было опубликовано, хотя, вполне возможно, было послано в «Русь»: газета не справлялась с печатанием обильных протестов по делу Римского-Корсакова и примерно через месяц вынуждена была «закрыть» данную тему.

Алексей Федорович Каль (1878 — после 1921) читал в Петербургском университете курс лекций по музыке, сотрудничал в РМГ.

Смоленский — Танееву

Петербург, 5 сентября 1905

Дорогой и высокоуважаемый Сергей Иванович! Только что прочитал о горестном для Консерватории Вашем выходе из нее. Не желая утруждать Вас отдельным письменным мне сообщением о подробностях, прошу указать мне (а если можно и выслать) №№ московских газет, на столбцах которых будут, несомненно, трактоваться подробности совершенно неприличного поведения известного лица, называть которое мне противно¹.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 18

1. После крупного скандала с Сафоновым на Совете консерватории 1 сентября Танеев подал заявление об отставке и написал письмо в «Русские ведомости» о происшедшем (опубликовано 4 сентября). Разумеется, уход Танеева вызвал массу откликов, которые публиковались в различных московских и петербургских газетах. Вскоре директором Московской консерватории стал М. М. Ипполитов-Иванов.

Смоленский — Танееву

Москва, 15 марта 1906

Я был одновременно и растроган, и огорчен, высокоуважаемый Сергей Иванович, когда узнал, что Вы почтили меня как болящего¹. Ваше посещение совпало с первым моим выездом в Синодальную Кремлевскую библиотеку, занятия в которой так невольно и так досадно прекратились на целых 18 дней. Теперь мне много лучше и, чтобы не терять время, я решил ежедневно работать с 10 ч. до 3-х в библиотеке, оставаясь затем дома все остальное время. Думаю, что последнее продолжится еще дней 6—8. Я пишу это потому, что мне было бы крайне приятно повидать Вас, но пока я еще боюсь выходить из дому и особенно находиться в одиночестве, например, при вхождении на крыльцо, при влезании на извозчика и т. п. Не смею пока и думать о темном вечере, когда не видно ничего перед ногами. Поэтому, дорогой Сергей Иванович, если Вы вздумаете сердечно порадовать меня, — не откажите навестить меня вне 10 ч. — 3 ч. дня или известите меня о Вашем прибытии заблаговременно в эти часы, чтобы я остался дома.

Кланяюсь милому М. Клечковскому² и благодарю его за память.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, 6¹¹, № 1699

1. Смоленский приехал в Москву для занятий древними певческими рукописями в разных архивах и вскоре по прибытии сломал ногу. Танеев, видимо, в дальнейшем еще раз посетил Смоленского.

2. Клечковский Маврикий Мечиславович (1868—1938) — ученик Танеева по контрапункту и музыкальным формам и Смоленского по истории церковного пения.

Смоленский — Танееву

Петербург, 12 ноября 1906

Высокоуважаемый Сергей Иванович!

Дважды и с разных сторон дошел до меня слух, что завтра Вас чествуют с 25-летием чего-то¹. Чему миновала четверть века в Вашей жизни — никто объяснить мне толком не мог, да я, признаться, и не придаю этой подробности решающего значения. Меня тянет, однако, самый сердечный порыв, хотя и вне хора приветствий русских музыкантов, приветствовать Вас в моем одиночестве, — приветствовать Вас с чувством безграничного почтения к Вашей личности, безграничной благодарности за всю Вашу добрую, благородную деятельность на пользу русского искусства. Уже 17 лет я наслаждаюсь Вашим снисходительным вниманием ко мне, и немало было случаев, когда Ваш прямой, открытый

ответ руководил мною так же благотворно, как Вы с несравненным знанием и опытностью вывели к свету высшего искусства, к наслаждению творчеством целые ряды своих учеников. С глубоким чувством вспоминаю я и сблизивший нас протест против всякого беззакония, самоуправства ради угнетения мысли и деятельности младших старшими. Мы встали за правду, потерпели много всякой обиды, видели много лжи, но вместе мы и радовались твердости нашей борьбы ради будущего, радовались силе правды.

Ясными и отрадными надеждами смотрю я на это будущее в Вашей деятельности. Ради него, как итога Вашего огромного труда в прошлом, приветствую Вас и шлю Вам наилучшие пожелания. Желаю Вам здоровья, душевного покоя и всякой радости в труде. Желаю Вам многих друзей, талантливых учеников и высших наслаждений в общении с людьми. Желаю Вам скорого окончания начатых трудов и наилучших вдохновений на далекую о себе память повсюду.

Приветствую столь любимую мною старицу Пелагею Васильевну. Приветствую и наших общих знакомых, буде кто вспомнит меня.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Жена кланяется и горячо приветствует Вас, — она давно уже состоит в ряду самых искренних Ваших почитательниц.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 19—20

1. См. следующее письмо.

Танеев — Смоленскому

Москва, 15 ноября 1906

Глубокоуважаемый Степан Васильевич,

сердечно Вам признателен за Ваше милое письмо и за добрые пожелания. Прошу Вас передать также многоуважаемой Анне Ильиничне мою искреннюю благодарность за ее приветствие. Торжество, слухи о котором дошли до Вас в Петербурге, происходило по случаю исполнявшегося 13 ноября 50-летия со дня моего рождения и размерами своими совершенно соответствовало важности и серьезности этого события. Оно началось тем, что я поспел завтракать к Масловым и принял поздравления от Анны Ивановны (Федор Иванович находится в Рязани). Дальнейшее продолжение торжества происходило у меня на дому и состояло в том, что ко мне зашел бывший мой ученик Коля Жиляев и меня поздравил. Но так как в это время я занимался с моими учениками контрапунктом, то Жиляев мог у меня остаться не более 2—3 минут, и с его уходом торжество закончилось.

Старица Пелагея Васильевна была очень тронута Вашим приветствием и просила засвидетельствовать Вам ее глубокое почтение.

В половине декабря по всей вероятности буду в Петербурге и с Вами увижусь.

Остаюсь искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

Танеев — Смоленскому

[Москва, май 1907]

Многоуважаемый Степан Васильевич. Очень извиняюсь, что так долго Вам не писал и очень благодарю Вас за присланные Ваши статьи, которые прочел с удовольствием (относительно того, что Вы говорите о Палестрине, как-нибудь при свидании выскажу мои соображения), затем мне захотелось посетить Ростов, звон которого так красноречиво Вами описан¹. Благодарю Вас и Анну Ильиничну за осведомление о моем здоровье. Я был очень серьезно болен (брюшным тифом) и только последнее время стал понемногу оправляться. Завтра уезжаю на Кавказ, потом в Полтавскую губернию. Пелагея Васильевна благодарит Вас за память и свидетельствует свое почтение.

Искренне Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Из контекста следует, что Смоленский послал Танееву свою статью «О колокольном звоне в России» (РМГ, 1907, № 9—10). Если допустить, что посланы были недавно опубликованные работы, то это мог быть также очерк об экспедиции на Афон (РМГ, 1906, № 42—46); судя по упоминанию Палестрины, Смоленский послал Танееву и свою большую теоретическую работу, опубликованную в 1904 — «О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии».

Танеев — Смоленскому

Хоружевка, 2 августа 1907

Очень был рад получить от Вас, многоуважаемый Степан Васильевич, известие и узнать, что Вы посетили Пелагию Васильевну и нашли ее в добром здоровье. Что касается моего здоровья, о котором Вы и Анна Ильинична любезно осведомляетесь, то оно находится в самом цветущем состоянии — давно я себя не чувствовал так хорошо, как после шести недель, проведенных в Пятигорске. Мысль об этой поездке явилась у меня в то время, когда у меня был тиф и очень сильно болели ноги. Хотя боли в ногах вскоре прекратились, но мне казалось рискованным не предпринять серьезного лечения и подвергаться опасности заболеть зимою, когда средства лечения далеко не столь действительны.

Помня, насколько целебными оказались для меня грязевые ванны в Пятигорске лет 8 тому назад, я возымел намерение туда опять поехать, хотя лечивший меня доктор рекомендовал мне просто ехать отдыхать, а не лечиться. Было у меня сомнение, что после тифа я, пожалуй, не выдержу столь энергичного лечения, но сомнения эти были устранены после исследования сердца, которое оказалось вполне здоровым. Температура ванн, которые я брал, доходила до 40 градусов по Реомюру, после этого мне были предписаны грязевые ванны (от 50 до 70 градусов тепла) и души. Все это я проделал с величайшим терпением, и тамошний доктор уверяет меня, что я очень основательно излечился; насколько это верно, покажет будущее, теперь же я себя чувствую прекрасно.

Находясь в Пятигорске, я совсем ничего не сочинял — во-первых, лечение брало много времени (кроме ванн я пил еще трижды в день эссендукскую воду), а во-вторых, мне московские врачи советовали на некоторое время прекратить занятия, чтобы дать возможность серому веществу мозга, которого много будто бы сгорело во время бывшего у меня жара, вновь восстановиться. Я дал себе столь продолжительный отдых, что теперь мой мозг, вероятно, этим веществом переполнен.

Книга моя печатается¹. В настоящую минуту готовы нотные примеры, которые будут помещены в конце в качестве приложения (страниц около 70), отпечатаны окончательно 4 первых листа, пятый лист будет на днях готов, 6-й и 7-й мною прокорректированы один раз (я делаю не менее трех корректур). Большую задержку сделала моя болезнь, а теперь дело замедлилось тем, что корректуры пересылают мне в деревню. Полагаю, что книга выйдет не ранее января месяца.

Быть может, зимою мы увидимся в Петербурге. Анну Ильиничну благодарю за память и прошу передать ей мое приветствие.

Остаюсь искренно Вам преданный С. Танеев.

РГИА, ф. 1119, № 168

1. Имеется в виду «Подвижной контрапункт строгого письма». Книга печаталась в издательстве М. П. Беяева в Лейпциге и вышла в свет в 1909.

Смоленский — Танееву

Казань, 24 февраля 1908

Высокоуважаемый Сергей Иванович! Я был сегодня у Рудольфа Авг. Гуммерта¹, передал ему листок с Вашими вопросами, дополнив ему и то, о чем Вы говорили мне на словах. Ответ деловой по содержанию Ваших вопросов следует, вероятно, к Вам письмом без промедления. Частно, от Р. А. Гуммерта, я узнал, что дирижировать будет он; оркестр — до 60 человек при 10 первых

скрипках; рояль возможен и Беккер, но есть и другие свежие и отличные; в программе Пасторальная симфония Бетховена, сюита Сибелиуса и еще какая-то сюита, мне совсем неизвестная. К стыду своему я забыл фамилию автора. Намекнул я очень осторожно и о 250 [рублях], на что услышал, что такие суммы в Казани обычны. Но в конце и в начале беседы я категорически объяснил моему старому приятелю, что я отнюдь не уполномочен Вами ни на какие переговоры, а являюсь лишь случайным почтальоном письма без конверта и никак не более того. Забыл прибавить выше, что партий 4-го Бетховенского концерта в здешней библиотеке нет, почему Вам необходимо их взять с собою. Меня спрашивали, что еще Вы намерены исполнить «на bis» — я отозвался, что о том между нами разговора совсем не было. Вас, очевидно, очень ждут.

Кланяюсь доброй старушке Пелагее Васильевне.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, № 469, л. 20—21

1. Гуммерт Рудольф Августович (1861—1922) — пианист, дирижер, директор Казанского музыкального училища, с которым Смоленский, находясь в Казани, договаривался, по-видимому, о гастролях Танеева. В документах Танеева Гуммерт фигурирует в списке лиц, которым высылалось издание «Подвижного контрапункта».

Переписка с П. И. и М. И. Чайковскими

Вступительная статья

П. И. Чайковский был любимым композитором Смоленского со времен его молодости. В Воспоминаниях Смоленский пишет, например, что «каждый такт» оперы «Евгений Онегин» «знает и любит» (РДМ. Т. IV. С. 137), что в составе казанского любительского квартета неоднократно исполнял партию альты в Квартете Чайковского D dur (С. 178) и проч. Размышляя об «ослепительной, изумительной пляде художников, сразу поднявших русское искусство в ряд всемирного», Смоленский ставит имя Чайковского в ряд с именами Достоевского и Л. Н. Толстого (С. 293). Из статьи Смоленского о Литургии Чайковского (1903) следует, что еще в Казани Степан Васильевич, будучи по первому образованию юристом, внимательно следил за ходом судебного процесса между директором Придворной капеллы Н. И. Бахметевым и издателем Литургии П. И. Юргенсоном и радовался завершению процесса в пользу издателя: «Я живо помню впечатление этого решения на всех, кому пришлось почувствовать на себе гнет тогдашней духовно-музыкальной цензуры. <...> Правда, “Литургия” была мало известна, но чувствовалось, что и в ней у Чайковского должны были бы появиться новые струи, не сладко-итальянские, а русские; верилось, что найдутся новые звуки, скорее доходящие до сердца и проявится новое мастерство вполне созревшего художника...» (РМГ, 1903, № 43. Стб. 1022).

Знакомство Смоленского с Чайковским относится к весне 1876, когда Степан Васильевич прибыл в Москву для встречи с Д. В. Разумовским, который и пригласил казанского гостя побывать в консерватории на экзаменах по истории церковного пения. В консерватории Смоленский познакомился с Н. Г. Рубинштейном, который вместе с Чайковским в этот день принимал экзамен по «гармонии для певцов» и переэкзаменовки по тому же предмету у пианистов. Экзамен проходил не слишком удачно, и сразу после него «милейший Петр Ильич» ушел, «так как он в самом деле был раздражен и утомлен» (РДМ. Т. IV. С. 206—207).

Следующая встреча произошла, по-видимому, в сентябре 1889, когда Смоленский начал читать лекции в Московской консерватории; как можно судить по Воспоминаниям, Чайковский присутствовал на чтении в актовом зале консерватории вступительной лекции, посвященной памяти о. Разумовского; во всяком случае, Смоленский пишет, что после чтения «очень долго говорил с Петром Ильичем» (Там же. С. 221). До переезда в Москву Смоленский мог слышать рассказы о Чайковском от друга молодости композитора — С. А. Рачинского.

В начале 1890-х Чайковский проявлял живой интерес к деятельности реформируемого Смоленским Синодального училища (в котором Чайковский был членом Наблюдательного совета ранее, в 1886—1889), а также к пению обновляемого Синодального хора под руководством своего «протезе» В. С. Орлова. Один из таких эпизодов запечатлен в Воспоминаниях и относится к марту 1893,

когда Чайковский с Танеевым вместе просматривали контрапунктические работы лучших учеников училища, и эти работы были с листа пропеты учениками, что привело в изумление композитора. Как вспоминает Смоленский, Чайковский «взял с собою тетрадь [Алексея] Петрова и... вернул ее через несколько дней с приветствием как автору, так и в отдельном письме и мне с Орловым» (С. 236). Этот факт подтверждается публикуемым ниже письмом Чайковского от 8 марта 1893: «Хвала и честь Вам и Василию Сергеевичу! Я вынес из вчерашнего посещения Вас самое отрадное впечатление!» По-видимому, «синодалы» тоже вынесли из общения с Петром Ильичем самое отрадное впечатление, ибо между письмами Смоленского, хранящимися в ГДМЧ, имеется и его датированная 7 марта визитка со следующим текстом:

Степан Васильевич Смоленский, Директор Московского Синодального хора, училища церковного пения и профессор Консерватории, растроганный до глубины души, приезжал благодарить и просить высокопочитаемого Петра Ильича не оставлять и впредь Синодальный хор, училище и детский оркестр своим просвещенным вниманием (ГДМЧ, а¹⁵ № 146)¹.

По следам этого посещения Смоленский письмом от 29 марта 1893 пригласил Чайковского прослушать концерт из произведений старых европейских мастеров в исполнении Синодального хора, на что композитор ответил согласием, выразив, однако, пожелание прослушать и что-нибудь «из русской церковной музыки». Этот «домашний концерт» состоялся 24 апреля; по записи в Дневнике Смоленского, на нем присутствовали Чайковский, Танеев и «избранная публика в числе 25—30 человек» (РДМ. Т. II, кн. 2. С. 741). Кроме ряда сочинений старых итальянцев (Палестрина, Лотти и др.) и Ф. Э. Баха, прозвучали духовные сочинения и переложения Танеева («Спасение соделал еси»), Г. Музыческу (Херувимская), Е. С. Азеева (Херувимская), М. А. Балакирева («Свыше пророцы») и самого Чайковского («Свете тихий» из Всенощного бдения).

Чайковский посещал также службы с участием Синодального хора в Успенском соборе Московского Кремля, причем Смоленский запомнил, что композитор становился обычно «у правой задней колонны, с правой стороны».

Еще один засвидетельствованный факт общения — на этот раз эпистолярного — относится к началу сентября 1892, когда композитор обратился и к директору Синодального училища, и к регенту Синодального хора В. С. Орлову с ходатайством о принятии в училище сына швейцара Большой Московской гостиницы Гребнева, в прошлом «самодеятельного» церковного регента. Прось-

¹ Среди визиток Смоленского в ГДМЧ имеется и еще одна карточка с надписью, без даты:

ба композитора была удовлетворена, и в дальнейшем в Синодальном училище обучались трое братьев Гребневых, из которых двое, Александр Филимонович и Василий Филимонович, стали профессиональными музыкантами.

В более поздней переписке Смоленского с М. И. Чайковским есть упоминание об еще одном визите Чайковского в Синодальное училище (26 апреля 1892); важно, что в письме Смоленского к Модесту Ильичу от 28 мая 1894 упоминается также о высказанном Петром Ильичем намерении вновь обратиться к духовной композиции, причем именно для исполнения в Синодальном хоре.

После кончины Чайковского Смоленский вместе с В. С. Орловым сделал очень много для увековечения памяти композитора в стенах Синодального училища. Синодальный хор пел панихиды в шестой, девятый, двадцатый, сороковой и полугодовой дни в храме Большого Вознесения у Никитских ворот (в дальнейшем, вплоть до середины 1900-х, хор пел панихиды в память о композиторе в Большом Вознесении ежегодно). Памяти Чайковского был посвящен ближайший по времени к дате кончины духовный концерт Синодального хора — 12 декабря 1893 (в первом отделении исполнялось шесть песнопений Чайковского). Когда в 1896 хор ездил в Петербург для проведения двух благотворительных концертов в доме обер-прокурора К. П. Победоносцева, то по приезду сразу же отправился в Александро-Невскую лавру, где у могилы Чайковского пропел «Со святыми упокой» и «Вечную память» (в программы концертов также были включены духовные произведения композитора).

В рекреационном зале Синодального училища по инициативе Смоленского были поставлены две мемориальные витрины: в первой был помещен автограф письма Чайковского к А. Н. Шишкову «с рекомендацией Орлова в регенты Синодального хора» «вместе с печатным оттиском всего его текста» и «портретом и другими автографами Петра Ильича» (РДМ. Т. IV. С. 265); во второй витрине, устроенной позже, находились «первоначальные автографы “Был у Христа-младенца сад” и “Отче наш”, равно и письма Чайковского к Смоленскому» (Там же).

«Добыванию» названных выше автографов посвящена сохранившаяся небольшая переписка Смоленского с М. И. Чайковским (Смоленский знал брата композитора и раньше; их знакомство поддерживалось встречами в доме С. И. Танеева). В ответ на просьбу об автографах М. И. Чайковский объясняет, что в его распоряжении находится очень мало свободных автографов, но и те не могут быть никому отданы до просмотра их С. И. Танеевым. И все же 9 сентября 1894 из Клина в Синодальное училище был выслан автограф песни «Был у Христа-младенца сад» (судя по письму М. И. Чайковского, не хоровое ее переложение). Из переписки неясно, откуда в витрине Синодального училища появился автограф хора «Отче наш»; можно предполагать, что речь идет о том автографе, который ныне хранится в ГДМЧ (а¹¹, № 275) и который был опубликован впервые в томе 63 Полного собрания сочинений Чайковского: текст

является вариантом соответствующего номера Литургии, соч. 41 и, по предположению авторов указанного тома, мог быть сделан по просьбе В. С. Орлова для концертов духовной певческой капеллы Русского хорового общества.

Что касается хорового переложения песни «Был у Христа-младенца сад», то к нему относится описанный в Воспоминаниях Смоленского интересный эпизод, связанный с императором и московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. По приглашению великого князя Синодальный хор пел концерт в его доме на Пасху 1900 года, которую царская семья проводила в Москве. По окончании первого отделения присутствовавшими было высказано пожелание пропеть упомянутый хор, поскольку он понравился государю «когда-то в одном из концертов Капеллы». Хотя Синодальный хор не пел этого произведения «уже лет шесть-семь», было срочно послано за нотами и хор «отлично исполнил сочинение Чайковского прямо с оттенками» (РДМ. Т. IV. С. 376).

В Петербурге на посту управляющего Придворной капеллой Смоленский продолжал способствовать исполнению духовной музыки Чайковского; среди прочего известно, что церковные хоры композитора включались в службы в присутствии царской семьи (см. в переписке с С. С. Волковой). В конце пребывания управляющим Придворной капеллой, в августе 1903, когда отставка была уже предрешена, Смоленский занимался просмотром документов в архиве Капеллы, в связи с чем у него родилась мысль о создании очерка, описывающего процесс между Н. И. Бахметевым и П. И. Юргенсоном. В томе публикуется письмо В. В. Стасова, который обратился за нужными Смоленскому сведениями к брату Дмитрию (Дмитрий Васильевич Стасов, как известно, был на данном процессе адвокатом П. И. Юргенсона); полученные данные, вместе с документами из архива Капеллы, и составили основное содержание «музыкально-юридических» воспоминаний Смоленского.

В конце очерка о Литургии указывается, что и к 10-летию кончины композитора не снят официальный запрет с исполнения за службой его сочинения, хотя Литургия «прослушана теперь во многих городах и многими тысячами богомольцев». «Но, — продолжает Смоленский, — светлее смотрится вперед после молитвы под элегические звуки “Литургии” покойного Чайковского... “Литургия” была действительно “смелым шагом вперед” и открыла новую дорогу как своим художественным содержанием, так, более того, своими мытарствами. Немного отдал церковному пению Чайковский, горько досталось ему даже и за это немного, но и за то да будет ему “память в род и род”» (РМГ. 1903. № 43. Стб. 1023).

Марина Рахманова

Смоленский — Чайковскому

[Москва, апрель 1892]

Многоуважаемый Петр Ильич!

Я решаюсь пригласить Вас пожаловать в Синодальное училище и ознакомить Вас с юным, но симпатичнейшим коллективом, известным под скромным названием «детский оркестр г. Эрарского»¹.

Вероятно, в газетах или в журнале «Артист» Вам случалось читать об этом своеобразном рассаднике музыкальных знаний, начинающем привлекать внимание вполне серьезных людей.

Я позволяю себе просить Вас пожаловать прослушать «детский оркестр» потому, что с моей стороны вложена в это дело немалая доля сочувствия и сильного содействия. В нынешнюю зиму оркестр достиг состава до 48 исполнителей, дал 2 публичных музыкальных утра и полон самых искренних желаний усовершенствоваться.

Смею не сомневаться в Вашем будущем сочувствии детскому оркестру и полагаю, что для придания уверенности и лучших надежд этому цветку было бы весьма полезно и назидательно Ваше просвещенное и авторитетное внимание.

Оркестр собирается в Синодальном училище в его новом концертном зале (Б. Никитская, собственный дом) по воскресеньям в 1 [час] дня. Ваше имя, содержимое нами «честно и грозно» между собою и любимыми нашими учениками, будет с благодарностью и с живейшею любовью помянуто при личном свидании; оно очень поднимет нашу энергию в будущем, а ласковое слово, если только оно будет заслужено нашими юными музыкантами, даст нам уверенность в работе и лучшие надежды.

С другой, совсем серьезной стороны, смею надеяться заинтересовать на минуту и Ваше внимание оригинальнейшим составом нашей инструментовки.

Ваш преданнейший почитатель Ст. Смоленский,
директор Синодального хора.

ГДМЧ, а⁴ № 4052

1. О детском оркестре А. А. Эрарского (где партии духовых заменялись специальными инструментами) см. в I, II и IV томах серии. Для этого оркестра С. И. Танеевым была написана целая симфония (см. в переписке в настоящем томе). Памяти безвременно скончавшегося руководителя оркестра Смоленский посвятил статью в РМГ (1897, № 12).

Смоленский — Чайковскому

Москва, 26 апреля 1892

Достопочтеннейший Петр Ильич.

Сегодня детский оркестр собирается в последний раз в этом году и нарочно в ожидании Вашего дорогого посещения, если оно может состояться.

Эрарский до глубины души растроган Вашим вниманием и сочувственным словом об его оркестре и заходил к Вам с приглашением пожаловать в Синодальное училище от 1 часа дня. Оркестр обыкновенно играет от 1 ч. до 2-х и 2 ½.

С своей стороны и я буду безмерно тронут Вашим вниманием.

Ваш преданный почитатель Ст. Смоленский.

ГДМЧ, а⁴ № 4051

Чайковский — Смоленскому

[Начало сентября 1892¹]

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Некто *Гребнев*, служащий при Большой Московской гостинице швейцаром, просит меня *слезно* ходатайствовать перед Вами за сына его, которого он желал бы пристроить в Синодальный хор. Гребнева этого я знаю уже 25 лет, помню его *регентом* хора из половых трактира покойного Гурина, певшего в те времена в церкви *св. Параскевы* в Охотном ряду. Он *удивлял* меня тогда своей даровитостью, проявлявшейся в том, что, никогда ничему не учившись, — он прекрасно управлял своим хором. Вообще, сколько я его знаю, это прекрасный честный человек, фанатически преданный церкви и ее песнопениям. Словом, сочувствия он вполне достоин. Имея 6 дочерей и одного сына², он мечтал как о величайшем счастье о помещении сына в вверенное Вам училище, — но потерпел в своей попытке неудачу, из коей надеется, что мое ходатайство его выручит. Если это так, то горячо прошу за него. Если что-нибудь можно сделать, — ради Бога, сделайте! Я бы лично обратился к Вам с этой просьбой, если бы не отъезд за границу, — который отложить не могу.

Простите, ради Бога, за беспокойство и примите уверения в искреннейшем моем уважении.

П. Чайковский.

Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. XVI б. С. 162—163

1. Дата определяется по письму Чайковского к В. С. Орлову с той же просьбой (очень кратко выраженной) от 1 сентября 1892 (Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. XVI б. М., 1979. С. 163).

2. Чайковский ошибся относительно детей Ф. А. Гребнева: у него было семеро сыновей (в 1892 — возможно, шестеро) и одна дочь. В 1892 Гребнев мог просить за одного из старших мальчиков. Впоследствии в Синодальном училище обучались трое Гребневых: Александр, Василий и Сергей (последний училище не закончил).

Чайковский — Смоленскому

Москва, 8 марта 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Возвращаю при сем тетрадь контрапунктических работ А. *Петрова*, которые я просмотрел с великим удовольствием. Хвала и честь Вам и Василию Сергеевичу! Я вынес из вчерашнего посещения Вас самое отрадное впечатление!

До скорого свидания!

Искренно преданный и уважающий Вас П. Чайковский.

Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. XVII. С. 60

Смоленский — Чайковскому

Москва, 29 марта 1893

Достопочтеннейший Петр Ильич.

Помня Ваше желание пожаловать к нам на Фоминой неделе, имею честь сообщить Вам приблизительную программу произведений старых мастеров, которые нам хотелось бы исполнить в Вашем присутствии:

Allegri. Incipit lamentation
 Biordi. Jerusalem
 Casali. Ave Maria
 Josquin de Prés. Ave vera virginitas
 Josquin de Prés. Miserere
 Lassus (Orl.). Regina coeli
 Lotti. Crucifixus
 Palestrina. Agnus Dei из мессы «*papae Marcelli*»
 Sanctus из мессы «*papae Marcelli*»
 Kyrie
 Esse quomodo moritur
 Jicut cervus desiderat
 Tu es Petrus
 Bach Philipp Em. «Защитник мне будь»

От Вас, как самого дорогого из наших гостей, зависит видоизменить эту программу, как Вам будет угодно.

Нам бы хотелось знать заблаговременно день и час, когда Вам угодно будет прибыть к нам, чтобы иметь возможность пригласить к нам тех, которым стоит дать послушать старинную музыку. Поэтому я усердно прошу Вас, высокоуважаемый Петр Ильич, уведомить меня о времени Вашего прибытия.

С чувством величайшего почтения и совершенной преданности остаюсь
Вашим усердным слугою Ст. Смоленский.

ГДМЧ, а⁴ № 4054

Чайковский — Смоленскому

Клин, 3 апреля 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Я только что вернулся из Петербурга, где провел праздники, и теперь должен немедленно приступить к сложной и спешной работе. Это обстоятельство заставляет меня несколько отдалить предположенную поездку в Москву. Я приеду в конце месяца, приблизительно около 25-го числа, и предварительно в точности сообщу Вам о дне и часе весьма мне улыбающегося посещения Синодального хора. Буду в высшей степени доволен прослушать предлагаемую Вами программу, — но желал бы кроме нее и чего-нибудь из русской церковной музыки.

Великому князю, согласно обещанию, я написал: увидим, что из сего выйдет¹.

Итак, до свидания, многоуважаемый Степан Васильевич.

Искренно преданный и уважающий Вас П. Чайковский.

Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. XVII. С. 77—78

1. Письмо Чайковского к великому князю Константину Константиновичу неизвестно, как и «депеша великого князя», о которой идет речь в следующем письме Смоленского.

Смоленский — Чайковскому

Москва, 12 апреля [1893]

Достопочтеннейший Петр Ильич.

Очень, очень обрадован я Вашим любезнейшим письмом и депешою В[еликого] Князя, за которые сердечно благодарю.

Ожидаю Вашего заблаговременного извещения о прибытии Вашем послушать Синодальный хор. Готовимся мы тщательно; в программу включены 6 №№ русских произведений: Ваш «Свете тихий», С. И. Танеева «Спасение соделал

еси», М. А. Балакирева «Свыше пророцы», Азеева «Иже херувимы», Мужическу (обруселый румын) «Иже херувимы» и М. И. Глинки «Херувимская» на 6 голосов¹.

Посему программа стариков-итальянцев, вероятно, будет сокращена в менее интересных №№.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

ГДМЧ, а⁴ № 4053

1. Херувимская Глинки в домашнем концерте 24 апреля не исполнялась.

Смоленский — М. И. Чайковскому

Москва, 28 мая 1894

Милостивый государь, Модест Ильич.

Я пользуюсь моим кратким знакомством с Вами и потому смею обратиться к Вам с покорнейшею просьбою.

Незабвенный Петр Ильич, почтивший меня и вверенный мне Московский Синодальный певческий хор и Синодальное училище церковного пения знаками самого лестного для нас его сочувствия, обещал мне написать для Синодального хора несколько духовно-музыкальных сочинений. Это было высказано им дважды: 26 апреля 1892 года и 24 апреля 1893 года, когда покойный слушал Синодальный хор, детский оркестр (А. А. Эрарского) из наших учеников и был на выпускном экзамене по музыкально-теоретическим предметам.

К сожалению, судьба не дозволила нам иметь обещанное, и нам, горько плакавшим, пришлось только достойно помянуть покойного удивительною «Литургиею».

Всем нам чрезвычайно хочется иметь *нотный* автограф Петра Ильича, и притом предпочтительно бы — духовного содержания. Письма его у нас есть, но нотный автограф красовался бы у нас наряду с имеющимся М. И. Глинки. Признаюсь охотно, что нам бы хотелось иметь какой-либо *черновой*, но выразительнейший экземпляр хоровой духовной партитуры, снабженный поправками, вариантами, замечаниями на полях и подписью покойного. Не смею надеяться, чтобы в бумагах Петра Ильича отыскались бы например его «Всенощная» или «Литургия» в первоначальном виде, но если то есть — прямо падаю Вам в ноги со своею просьбою дать нам то на память о великом человеке.

П. И. Юргенсон объяснил мне невозможность получить от него беловые, законченные рукописи Петра Ильича, по случаю назначения их к помещению в Императорскую Публичную Библиотеку, но адресовал меня к Вам за черновыми бумагами, не подозревая, как то совпадает с нашими мыслями, уверив, что Вы не изволите отказать нам.

Имя мое и репутация вверенных мне учреждений, вероятно, вполне гарантируют, что автографы покойного будут содержаться у нас в самом высшем почете.

Пользуюсь случаем уверить Вас, многоуважаемый Модест Ильич, в моем совершенном и давнишнем почтении, зародившемся помимо нашего знакомства.

Ваш покорный слуга Ст. Смоленский, директор Синодального хора, училища церковного пения и профессор консерватории.

ГДМЧ, б¹⁰ № 5523

М. И. Чайковский — Смоленскому

Клин, 31 мая 1894

Милостивый государь Степан Васильевич!

Я всей душой хотел бы удовлетворить Ваше желание, но, к сожалению, мне приходится отказать себе в этом удовольствии. Дело в том, что Петр Ильич очень небрежно относился к своим рукописям, даже к беловым, раз это произведение было напечатано, а к черновым и тем более. В моем распоряжении осталось несколько набросков не изданных еще сочинений и почти ничего из первоначальных эскизов уже изданных. Во всяком случае из церковных сочинений не осталось ничего. Все, что я могу Вам предложить, это черновые светских сочинений, но и то не раньше, как они будут подробно рассмотрены и разработаны Танеевым, что состоится не ранее поздней осени этого года.

Из не музыкальных автографов я могу Вам прислать каким-то чудом сохранившуюся черновую письма к Шишкову по поводу просьбы последнего рекомендовать регента Синодального хора¹. Но если Вы обладаете самим письмом, то я просил бы Вас эту черновую не отнимать от меня.

При первом моем свидании с Юргенсоном я постараюсь убедить его дать Вам на хранение, вместо Публичной Библиотеки, рукопись «Литургии» или «Всенощной». Во всяком случае верьте, пожалуйста, моему искреннему желанию сделать Вам угодное и примите уверение в совершенном почтении

готового к услугам М. Чайковского.

Так как я довольно рассеян и забывчив, то будьте так добры осенью напомнить через Танеева мое обещание.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 181—182

1. Имеется в виду письмо П. И. Чайковского к А. Н. Шишкову как управляющему Синодальным хором и Синодальным училищем от 27 февраля 1886.

Когда открылась вакансия регента Синодального хора, регент РХО В. С. Орлов (в прошлом ученик Чайковского в консерватории, руководитель первого московского исполнения Литургии соч. 41) обратился к Петру Ильичу с просьбой содействовать его назначению: «Мое поступление в Синодальный хор зависит исключительно от Вашего содействия. Давая обо мне удовлетворительный отзыв, Вы, высокоуважаемый Петр Ильич, дадите возможность мне стать начальником такого хора, в котором я с наибольшей энергией и успехом могу продолжать начатую мною деятельность в пользу развития церковно-музыкального искусства» (письмо от 24 февраля 1886; ГДМЧ, А⁴, № 3178; первая публикация: Тугаринов Е. С. Великий русский регент В. С. Орлов. М., 2004).

В соответствии с этим обращением Чайковский 26 и 27 февраля направил два рекомендательных письма — обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву и А. Н. Шишкову. В первом из писем Чайковский утверждал, в частности: «В. С. Орлов не только прекрасный музыкант... но я могу поручиться и за его прекрасные душевные качества, благодаря которым он пользуется в московском музыкальном мире всеобщим уважением и безупречною репутацией» (Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 289). В письме к Шишкову говорилось: «По моему мнению, никто больше Василия Сергеевича не соответствует всем требованиям; будучи прекрасным музыкантом, будучи практически знакомым с своей специальностью (ибо он в малолетстве сам был певчим, а теперь уже несколько лет состоит регентом известного Вам хора), будучи умным человеком, притом одушевленным горячей любовью к делу, он, в случае назначения, поставит хор синодальных певчих на подобающую высоту...» (Там же. С. 291—292).

Орлов вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды, особенно широкий размах его исполнительская деятельность приобрела после 1889, когда директором Синодального училища и хора стал С. В. Смоленский. В репертуаре Синодального хора (преимущественно концертном, а не клиросном) в эпоху Орлова находились практически все духовно-музыкальные сочинения Чайковского.

Смоленский — М. И. Чайковскому

Москва, 3 июня 1894

Высокоуважаемый Модест Ильич.

От всей души благодарю Вас за себя, Синодальный хор и Синодальное училище. Вооружимся терпением и будем ждать светлых для нас реликвий в виде «Литургии» и «Всенощной» незабвеннейшего Петра Ильича.

Конечно, письма покойного у нас все целы и сохранны. Так как, судя по надобности черновой письма к Шишкову об Орлове, покойный, очевидно, придавал общее значение своему письму, то ввиду *надобности* напечатать его в будущем я прилагаю при сем в Ваше распоряжение копии всех имеющихся у нас документов.

Наши отношения с Петром Ильичем были одно время прерваны бестактной выходкою г. Шишкова, позволившего себе в качестве Синодального Московского

Прокурора объяснить покойному все якобы неприличие роли школьного учителя в оп[ере] *Кузнец Вакула*. Я имею об этом деле, происшедшем до моего приезда в Москву, довольно смутное понятие, но расхлебывать эту дикую выходку пришлось мне¹. Дружеские отношения покойного возобновились по отношению к Синодальному хору и особенно училищу лишь весной 1892 и особенно сильно весной [18]93 г[ода], о чем подробно изложено в моем дневнике, ждущем печати по моей смерти. Письма Петра Ильича к К. П. Победоносцеву и особенно к А. Н. Шишкову суть проявления удивительной доброты покойного, забывшего оскорбление и от всей души хлопотавшего за В. С. Орлова перед своим оскорбителем.

Торжеством нашего примирения был домашний концерт 24 апреля [18]93 г[ода], данный в честь Петра Ильича, тот самый, о котором он пишет в письме № 8². Программа концерта прилагается. Шишкова на этом концерте не было.

Непременно воспользуюсь Вашим позволением относительно осеннего напоминания.

Искреннейше признательный С. Смоленский.

ГДМЧ, б¹⁰ № 5524

1. Этот же эпизод изложен и в Воспоминаниях Смоленского, но документальных подтверждений ему нет.

2. Очевидно, имеется в виду внутренняя нумерация копий, посланных Смоленским М. И. Чайковскому.

М. И. Чайковский — Смоленскому

Клин, 9 сентября 1894

Милостивый государь Степан Васильевич

Посылаю Вам согласно обещанию автограф Петра Ильича. Не сетуйте, пожалуйста, на его ничтожность, но право, так мало осталось рукописей, что это одна из самых лучших.

Так как эта песенка была переделана потом для хора, то я счел наиболее подходящим передать ее Вам.

Предупреждаю Вас, что карандаш не фиксирован. Я не мог сам здесь сделать это за неимением фиксажа¹.

Примите уверение в совершенном почтении

уважающего Вас М. Чайковского.

Я говорил с Юргенсоном о рукописях церковной музыки. Он бесповоротно решил отдать их в Публичную Библиотеку.

1. Смоленский получил «Легенду» («Был у Христа-младенца сад») в виде эскизного карандашного наброска (на одном листе) для голоса и фортепиано. Ныне этот автограф хранится в ГЦММК (ф. 88, № 141); он был, в свою очередь, изъят из черновой рукописи эскизов, хранящейся в ГДМЧ (Аа¹, № 106—111, папка ХХХ).

Смоленский — М. И. Чайковскому

Москва, 10 сентября 1894

Высокоуважаемый Модест Ильич.

Я не подберу «киими похвальными словесы» благодарить Вас за доставленный Синадальному хору и училищу драгоценнейший подарок. Пишу эти строки с глазами полными слез.

Конечно, имеющееся у нас большое письмо незабвеннейшего Петра Ильича будет к године его кончины в раме, вместе с наброском «Был у Христа-младенца сад». Лучшего автографа трудно пожелать. Дело не в наружном достоинстве автографа, но в живейшей у нас памяти, как покойный слушал именно это сочинение в нашем доме весною 1893 года, как он ободрил и обласкал нас и как крепчайше он привязал к себе всех нас немногими словами. 25 октября будем петь его «Литургию».

Благодарю Вас, многоуважаемый Модест Ильич, от всего растроганного сердца.

Душевно преданный Вам Ст. Смоленский.

ГДМЧ, 6¹⁰ № 5525

Смоленский — М. И. Чайковскому

28 октября 1900

Высокоуважаемый Модест Ильич.

Душевно благодарю Вас за трогательное, ласковое Ваше письмо. Мне приятно, что действительно за Синадальным училищем, минуя неблагодарную Консерваторию, Музыкальное общество и Оперу, утвердилась миссия чествовать память великого и незабвенного Петра Ильича. Мне приятно, что нежнейшее мое чувство, как и чувства Орлова и Кастальского, благодарных учеников покойного, так дружно и тесно слились в мысли поминать всеми силами и до конца дней наших Вашего чудного брата.

Спасибо и Вам за внимание к нам.

Архиепископ Харьковский и Ахтырский Амвросий (Его Высокопреосвященство) живет в Харькове¹.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

ГДМЧ, 6¹⁰ № 5526

1. Имеется в виду архиепископ Амвросий (Ключарев), автор отзыва на публичное исполнение Литургии соч. 41 18 декабря 1880 в Москве (опубликован за подписью «Старый московский священнослужитель» в газете «Русь»; см.: РДМ. Т. III. С. 176—178, а также весь раздел «Литургия П. И. Чайковского»). М. И. Чайковскому мог понадобиться адрес архиерея в связи с работой над книгой о брате («Жизнь Петра Ильича Чайковского»).

Письма к С. В. Смоленскому разных лиц

Письмо архиепископа Белградского и митрополита Сербского Михаила

Белград, 28 июня 1892

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Исполняю Ваше желание и посылаю Вам ноты Боляджича и Тайшановича: пять книг Октоиха — 1, 2, 3, 4 и 5 гласа и пять книг Литургии и других песнопений.

Если Вам понравится это, буду доволен, что Вам мог услужить.

Все эти 10 книг стоят 30 динаров или франков, а почта что будет стоить, еще не знаем.

Призываю Вам Божие благословение и остаюсь Вашим Богомольцем

Митрополит Михаил.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 79. На бланке «Архијенископ Београдски и Митрополит Српски».

Ранней осенью 1892 года Смоленский решил, говоря его собственными словами, «выветриться в Вену» под благовидным предлогом посещения музыкальной выставки. По докладу прокурора Московской Синодальной конторы А. Н. Шишкова Синод предоставил ему субсидию в 400 рублей. 1 сентября 1892 Смоленский написал С. А. Рачинскому, что эта субсидия превращает поездку в Вену

в путешествие с научной целью, давным-давно задуманное, лет 5 назад, по славянским монастырям Сербии, Болгарии, Македонии и по Румынии с Верхней Австрией.

Маршрут оказался слишком пространен и сложен, и из последующих писем к Рачинскому известно, что Смоленскому удалась только «четверть плана». По-видимому, из этой поездки Степан Васильевич вывез композиции, которые вошли в программу концерта Синодального хора 18 декабря 1892: в этот день в Москве под управлением В. С. Орлова прозвучало целое концертное отделение под названием «Образцы церковного хорового пения юго-западных православных христиан». Исполнялся литургический цикл, собранный из номеров «Хорватской литургии» издания Франьо Кухача, из «Угорской литургии» Емельяна Талапковича, из «Румынской литургии» Гавриила Музыческу и, наконец, трех номеров из «Сербской обедни» Корнелия Станковича.

Но еще до осенней поездки, возможно, готовясь к ней, Смоленский обратился с письмом к прославленному сербскому деятелю — архиепископу Белградскому и митрополиту Сербскому Михаилу (Йовановичу; 1826—1898), большому другу России, выпускнику Киевской Духовной академии и постриженнику Киево-Печерской лавры. Как явствует из публикуемого письма, митрополит откликнулся присылкой переложений двух сербских авторов — Гаврилы Болярча (1846—1906) и Николы Тайшановича (1854—1911).

Письмо епископа Александра (Светлакова)

Калуга, 18 февраля 1894

Многоуважаемый Степан Васильевич!

К посланным вчера тетрадам прилагаю при сем еще. Позвольте просить Вас просмотреть пасхальные ирмосы и, где найдете нужным, приукрасить; в этом особенно представлялось нужным (sic!) в 4-й песни. И вообще моя просьба к Вам — когда будете что-либо просматривать, делайте исправления.

В тетради «Литийные стихиры» обратите внимание на стихиру на Вербное Воскресение; она, по моему мнению, весьма хорошая; мной найдена совершенно случайно (рукопись из XVII в.); я прибавил к ней только нижний голос баса.

Когда же они окажутся Вам уже ненужными, прошу Вас отослать мне в Калугу.

За вчерашнее удовольствие, доставленное мне пением Вашего хора, приношу Вам глубокую, сердечную благодарность. Я слышал то и так, что и как желательно было слышать, именно что и может исполнить Ваш художественно организованный хор. Еще раз от души благодарю и буду всегда помнить сладко- и благозвучие пения Вашего хора и желаю ему всегда такого приятного и много говорящего сердцу исполнения священных песнопений¹.

Призывая на Вас Божие благословение с истинным уважением к Вам остаюсь

Ваш покорнейший слуга Еп. Александр.

Следующие тетради:

Песнопения из Литургии

Всенощное бдение

Сборник

Эти тетради, я прошу, покоряйте, но скорее мне вышлите.

Пасхальные песнопения

Заупокойная служба

Кондаки Св. Алипию и Великомуч. Пантелеимону

Литийные стихиры².

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 2—3

1. 17 февраля епископ посетил Синодальное училище, где, как писали «Московские церковные ведомости», «был встречен прокурором Ширинским-Шихматовым и директором Смоленским и оставался более получаса. Хор синодальных певчих в присутствии преосвященного исполнил и некоторые из церковных песнопений, положенных на музыку владыкой» (1894. № 8. С. 133).

2. Очевидно, присланы были тетради с неопубликованными сочинениями и переложениями епископа для просмотра и редактирования их Смоленским перед предполагаемым изданием. Некоторые из ранее опубликованных работ епископа редактировал Л. Д. Машкин.

О епископе Александре (Андрей Иванович Светлаков; 1839—1895), епископе Можайском и Дмитровском, затем Калужском и Боровском, духовном композиторе и писателе, Смоленский писал в Воспоминаниях, в главе о Синодальном хоре:

Преосвященный Александр... викарий Московский, знакомый мне по Казани в бытность его казанским студентом, из вдовых священников. <...> Чтобы судить о музыкальности Александра, достаточно сказать, что он формулировал свое церковно-певческое авторство так: «Я — архиерей, пастырь и учитель, обязанный поучать данную мне Богом паству всеми моими силами; в числе моих сил есть дар песнотворчества, в области которого я, как архиерей, не могу подлежать никакой цензуре как суду светских людей; считаю за особое благо совпадение во мне знания на слух древних (?) напевов из уст достопочтенных знатоков из престарелых дьячков-любителей и носителей народного творческого сокровища с моим полным незнакомством с инославной “музыкальной теорией”, построенной, кроме ее нечестия, на извращенном темперированном строе. Первое ставит меня как архиерея-певца и учителя, второе — как поющего из чистого источника, третье — как русского и только русского православного певца, излагающего по сим основаниям, как и следует ждать, совсем не во вкусе итальянского художества». Конечно, я пал бы на колено перед таким композитором, если бы он был гений или что-либо вроде Мусоргского, а не «полено», по меткому об этом владыке отзыву Победоносцева (С. 394).

Епископ Александр в 1885 стал председателем Общества любителей церковного пения в Москве и в этом качестве выступал несколько раз в церковных изданиях со статьями о пении (см. подробнее в разделе об Обществе в III томе РДМ). В целом владыка считал пение делом церкви, а не музыкантов, считал также, что пение должно быть максимально простым, не уклоняясь ни в «искусство», ни в особую «старину».

Письма епископа Полтавского Илариона (Юшенова)

Полтава, 15 февраля 1893 года

Глубокоуважаемый Стефан Васильевич!

Приношу Вам искренно сердечную благодарность за великое утешение, доставленное мне пением Синодального хора и обзором училища по Вашему благословенному вниманию. Да развивается и процветает оно к утешению православных, которые услышат некогда во всех церквях однообразное, правильное и умирительное пение. Я доселе как бы в родной Русской Москве; душа преисполнена самыми высокими и отрадными впечатлениями.

Ежели благоволите, то прошу сказать певцам и всем учащимся мою молитвенную память и благословение. Имя Ваше и супруги Анны всегда буду вспоминать при моих служениях.

Душевно благодарный и глубоко уважающий

покорнейший слуга Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 53

Полтава, 14 июля 1893

Глубокоуважаемый Стефан Васильевич!

Когда я рекомендовал Вам мальчиков, то Вы высказали возможность принять в хор больших с хорошими голосами. В настоящее время из окончивших курс семинарии четыре человека предъявили желание поступить в хор и училище, один бас, два тенора и четвертый баритон, голоса, по уверению инспектора, хорошие. Они желают знать, можно ли принять их, сколько им нужно учиться для получения права на регента, какие условия и какие средства прибыть. Печатных правил или устава мы не имеем, потому и беспокою, но мне приятно выразить Вам мое глубокое уважение и душевную благодарность и сердечно пожелать Вам и семейству милости Божией, здоровья и благоденствия.

Покорнейший слуга Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 54

Полтава, 21 августа 1893

Глубокоуважаемый Стефан Васильевич!

Нет хуже много обещать и ничего не сделать. В таком стыдном положении нахожусь и я пред Вами. Остановившись на положенных Вами условиях «чтобы молодые люди знали церковное пение практически от альфы до омеги и обладали отличными голосами», я в предосторожности подверг желающих испытанию, и оказалось: два совсем не подходящих под условия; один имеет хороший бас, неплохо знает ноту; другой хорошо читает церковную и итальянскую ноту, лю-

бит очень пение, но голос собственно второй тенор, хотя и первый может петь, только не соло¹. Вот я и стою пред Вами в раздумьи, как поступить?

Относительно мальчиков я писал, что три имелись с отличными голосами и малолетки, родители не прочь отпустить, но не верят нашему эконому, говорят «хиба ж сам москаль приихав, побачили б его и забрал бы сиби». Вообще хохлы недоверчивы и слишком привязаны к родине и своим хатам. Я же не видал отцов, они в уездном городе. Когда начнется учение в октябре, можно бы опять подобрать, но сомневаюсь, поверят ли нам. Много значила бы для них печатная грамота об училище и правилах; печатному они верят.

Благодать Господа да укрепляет Вас в многополезном делании.

Глубокоуважающий Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 55

1. В октябре 1893 в состав Синодального хора был принят сверхштатным певчим «для изучения церковного пения и регентских наук с платою по 15 рублей в месяц» окончивший Полтавскую духовную семинарию А. Ф. Засядко. Его занятия на курсах продолжались в течение трех лет, и за год до окончания их он поступил в класс пения Московской консерватории.

Полтава, 6 февраля 1895

Высокоуважаемый Стефан Васильевич!

Душевно благодарю Вас за внимание к моему регенту и глубоко буду благодарен, если уделите что-либо от Ваших сокровищ пения. Я с тою целию и отпустил его, чтобы послушал вполне хорошее пение и поучился. По получении Вашего письма я немедленно послал отношения ко всем настоятелям соборов и к благочинным, а также в некоторые монастыри. Может быть, и обряцется где-либо желаемое Вами, дай Бог! — но сомневаюсь, пение в Полтавской епархии в положительном упадке, даже нет хороших народных песней, которыми богата Великая Русь.

Накануне Сретения я ходил ко всенощной в училище послушать Вашего прекрасного юношу; очень доволен остался и благодарил его. Прилагаю отзыв наших «Губернских ведомостей»¹.

Великое дело, если Ваши питомцы разойдутся по всем епархиям и учебным заведениям. Тогда при однообразии богослужения будет и однообразное пение в соответствие единству Церкви и ее Чина. Милость Господня да хранит Вас, супругу и питомцев Ваших.

Глубокоуважающий и благодарный

покорнейший слуга Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 56—57

1. Речь в этом и последующих письмах идет о выпускнике Синодального училища Александре Николаевиче Соколове (род. в 1876; выпуск 1894 года), служившем в Полтавском Духовном училище учителем церковного пения; известно, что впоследствии он был священником в Полтаве. Александр Соколов неоднократно упоминается в «Воспоминаниях» Смоленского как один из самых способных, но и самых озорных учеников первых лет реформированного Синодального училища.

Полтава, 9 февраля 1895

Глубокоуважаемый Стефан Васильевич!

Вчера в нашей семинарии был вечер с пением, без танцев — довольно было публики. Аккомпанировал пению Ваш прекрасный юноша с полным знанием дела и достоинством, взор всех был устремлен на него и спрашивали: кто таков, откуда и проч. Смотритель училища сиял, я с радостью вспоминал Вас и думал, посмотрели бы Вы на своего птенца. Каждый номер оканчивался взрывом рукоплесканий и требованием повторения; поющие хоть малым кивком головы выражали благодарность, а Ваш хоть бы взглянул на публику. Это еще более заинтересовало всех, и усилились вопросы — да кто же это? Сегодня о нем толкуют, и мне лично в двух домах говорили: вот аккомпанемент изящный, мягкий, искусный, с самыми тонкими манерами и приемами, ни одна барышня, ни один учитель не может так исполнить дело. Делюсь с Вами немедленно моими чувствами — через ученика славится достойный учитель, и я первый приношу Вам глубокую благодарность.

Настали дни поста, да даст Вам Господь совершить течение одного бодренно, в мире душевном, здравии, крепости сил!

Искренно уважающий и покорнейший слуга

Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 58—59

Полтава, 20 декабря 1895

Душевно и глубоко уважаемый Степан Васильевич!

Сердечно приветствую Вас с великими днями Рождества Христа Спасителя и приближающимся, по благодати Божией, новым и последним текущего столетия годом. Молю Господа да пробавит милостью свою к Вам, даруя здоровье, крепость сил, благой успех Ваших трудов и многая лета в будущем столетии.

Душевно благодарю за присланную предварительную к будущей книге Вашего труда. Между строк (выражение Ваше) я читаю одно — труд Ваш пересох (тоже Ваше выражение) и просится на свет Божий — прямо в храм славить Господа¹. Ужели я не дождусь того светлого ликования! Ожидание делается почти общим; чужеземные да наши вычурные напевы наскучили и светским. Они знают уже, что готовится что-то близкое, родное, дорогое. Когда же — спрашивают!

Почему это прокурор Ширинский-Шихматов конфиденциально спрашивает нашего зрителя, каков Александр Соколов со всех сторон, каковы успехи и совершенствуется ли сам? Ответ дается вполне хороший; верно, такой же вопрос Роменскому зрителю, но оттуда питомец Ваш перешел в Полтавскую гимназию почему-то, и директор с законоучителем очень довольны им.

Прошу извинения, что не отвечал на письмо от 25 мая. Господь, по правде Своей, посетил меня опасною и продолжительною болезнью, но по великой милости Своей помиловал.

Не любите Вы многословия, а вот многописанием отнимаю у Вас дорогие минуты. Супруге Вашей прошу сказать мой привет и молитвенно желаю милости Божией.

Глубоко уважающий и душевно благодарный

покорный слуга Епископ Иларион.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 107—108

1. Речь идет о присланных владыке, но еще не изданных духовно-музыкальных сочинениях Смоленского.

Владыка Иларион (Иван Ефимович Юшенов; 1824—1904), из семьи священника Смоленской епархии, закончил Смоленскую духовную семинарию и вскоре стал священником в Смоленске; затем, овдовев (а позже и потеряв детей), принял постриг и в 1879 стал наместником Киево-Печерской лавры. С 1884 — епископ, викарий Полтавской епархии, с 1887 — правящий епископ Полтавский и Переяславский. Был известен очень широкой просветительной деятельностью в епархии: «Заботливость его о духовном преуспевании полтавской паствы весьма рельефно выразилась в устройстве почти по всем городским и сельским приходам епархии внебогослужебных чтений и религиозно-нравственных беседований, особенно в устройстве церковно-приходских школ. За время его управления Полтавская епархия покрылась целой сетью церковных школ мужских и женских, число которых простирается до 1200» (сайт: <http://www.ortho-rus.ru>).

Письмо епископа Архангельского Никанора (Каменского)

Архангельск, 27 июня [1893]

Достопочтенный и глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Считаю долгом известить Вас, что я нашел некую довольно древнюю рукопись и однако не решаюсь послать ее Вам, ибо думаю, что у Вас уже есть сие. Однако посылаю листик один на случай определения ее большой ценности, чтобы выслать ее, по официальной просьбе от меня, [через?] настоятеля Никольского Корельского монастыря, с первою же почтою.

И вообще здесь древностей бесчисленное множество.

Но я еще мало углублялся в них, ибо все езжу по далеким окраинам. Был в Соловках (там бездна древностей всяких, и в том числе певческих), был в Онеге, в Кеми и на Мурмане. Там на берегах хладного Океана Ледовитого мои певчие распевали Вашу Херувимскую, чрез которую мы сочетались чрез ряд веков со стародавними певцами ее, здесь либо в угориях Сербии или Черногории. Даже морские пучины океана были оглашены этою Херувимскою при пении ее на пароходе по просьбе любителей, путешествовавших вместе со мною по Мурманскому берегу.

Да благословит Вас Бог за то великое утешение духовное, которое Вы доставляете теперь тысячам и которое доставите и миллионам. Сердечное Вам спасибо и поклон до сырой земли.

Беру смелость просить Вас побывать когда-нибудь у нас здесь. Самое лучшее время июль, и особенно радостное на Соловках 8 июля — день освобождения от англичан. Вскоре предстоит нам празднование 200-летия со времени посещения Архангельска Петром Великим (30 июля). И опять мы будем пользоваться Вашим трудом, по части панихиды. И еще спасибо Вам!

Живется мне в Архангельске хорошо; труда много и утешения немало. Конечно, все как-то непривычно, и однако нельзя сказать, чтобы то или другое было нехорошо, ибо во всем доселе не вижу ничего плохого, начиная с погоды, которая со дня моего приезда и доселе была отличною.

На берегах океана повсюду видны снега, и однако путешествие мое было самое приятное, только покачало однажды [около?] островов, что дало мне возможность видеть океанские волны. Ах, как они велики. Только боязно, что пароход стоя на них перевалится, но благодарение Богу, все обошлось преблагополучно.

Призывая Божие благословение на Вас, супругу Вашу и дом Ваш, имею честь быть сердечно преданным Вам

смирненным Никанором, Епископом Архангельским и Холмогорским.

Р. S. Не откажите передать мой сердечный привет о. И. Арбекову и всем могущим вспомнить меня. Е. Н.

С епископом Никанором (Никифором Тимофеевичем Каменским; 1847—1910) Смоленский был знаком с самых молодых лет, когда Н. Т. Каменский был законоучителем в казанской Учительской семинарии, а затем ректором местной Духовной академии. Назначение епископом Архангельским и Холмогорским владыка Никанор получил в апреле 1893; затем он был епископом Смоленским и Дорогобужским, Орловским и Севским, Екатеринбургским и, с 1908, архиепископом Казанским и Свияжским.

Рассказывая в Воспоминаниях об Учительской семинарии, Смоленский замечает, что Н. Т. Каменский «служил отлично» и «видимо интересовался пением» (С. 190). Далее, в главе о Синодальном училище, Смоленский пишет:

Первая удача была в том, что мой бывший товарищ... ставший Никанором, епископом Архангельским, вдруг вспомнил обо мне и прислал мне для определения достоинства с десятков прелестных рукописей из какого-то дальнего монастыря. Я ухватился за случай и упросил Никанора циркулярно предписать по епархии выслать, что найдется, к нему, а его — передать все в Синодальное училище. Следствием моих горячих писем к Никанору явилось прибытие нескольких тюков с рукописями (С. 332—333).

В письме упоминается древний (основанный в начале XV века) Николо-Корельский монастырь в устье Северной Двины. В материалах о епископе Никаноре говорится, в частности:

Назначенный... в Архангельскую епархию, он, за годы своего служения в ней, явил собой великий пример самоотвержения. Не щадя ни сил, ни здоровья, пренебрегая дальним расстоянием и невероятными трудностями, на пароходах и баркасах, на лошадях и оленях совершал трудные путешествия по безграничным тундрам, посещая заброшенные селения инородцев-язычников и старообрядцев, заглядывал в самые глухие уголки, куда не решался проникнуть ни один из его предшественников, всюду благовествуя слово Божие. Его заботами восстановлен из развалин Архангельско-Михайловский монастырь, составлено описание приходов и церквей Архангельской епархии; устроен дом милосердия для престарелого, бедного духовенства (сайт <http://www.ortho-rus.ru>).

В последующие годы, судя по переписке Смоленского, он неоднократно встречался с владыкой Никанором и обращался к нему с разными просьбами. В частности, владыка Никанор, в бытность свою епископом Орловским, по просьбе Смоленского пытался поддержать служившего в этом городе о. Димитрия Аллеманова (см. в его письмах к Смоленскому в настоящей книге).

Письма священника Михаила Щетнева

Москва, 20 декабря 1889

Ваше Высокоблагородие Милостивейший Государь Стефан Васильевич!

Извещаю Вас, фисгармонию маленькую у меня отбил близкий приятель, от которого отговориться я не мог, а потому писать в Казань Вам — уже не нужно. Я забыл Вас спросить о моих распетых 5 трезвонах, у Вас они или на Никольской, будьте так добры, напишите мне и свое о них мнение.

Богомолец Ваш и слуга покорный

Св[ященник] М[ихаил] Щ[етнев].

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 195. На бумаге с факсимиле: В. П. И. Московской Свято-Троицкой Единоверческой церкви Священник Михаил Иоаннович Щетнев

[Москва, начало 1890-х]

Милостивейший Государь Стефан Васильевич!

Оставляю Вам книгу «Стихи душеполезны», которую мне из Общества Л[юбителей] Д[ревнего] Ц[ерковного] П[ения] возвратили, и я предлагаю Вам приобрести ее для библиотеки. Заплочена она 15 рублей. Эту цену я возьму и с Вас. Еще посмотрите книгу Раймунда Люлия. Эта книга Вам, вероятно, не подойдет. За нее просят 30 рублей, и я желал бы ее купить, но кажется дорого. Посмотрите, вещь интересная, а в среду 15-го мне ее пришлите.

Доброжелатель Ваш и слуга покорный

недостойный иерей М. Щетнев.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 194. Полуустав

Свято-Троицкая единоверческая церковь находится на Самокатной (прежде — Новоблагословенной) улице. Этот храм был выстроен в 1819, закрыт после 1931, ныне передан церкви (не единоверцам). Для московских единоверцев данного периода это был центральный храм; его посещал, например, директор Московской консерватории В. И. Сафонов.

О священнике Михаиле Иоанновиче Щетневе (умер в первой половине 1890-х) не удалось найти каких-либо биографических сведений. Известно, что он был справщиком (редактором) нового издания синодальных книг на квадратной ноте, над которым работали также Д. В. Разумовский и Смоленский. Отсюда и вопрос о «распетых трезвонах», то есть песнопениях, которые должны были войти в новую, ранее не издававшуюся книгу «Трезвоны»: она была включена в состав собрания книг на квадратной ноте по предложению Смоленского. На Никольской улице в Москве находилась Синодальная типография.

К работе над синодальными книгами о. Щетнева привлек Д. В. Разумовский, который вообще хорошо знал старообрядческий и единоверческий мир Москвы и сотрудничал с раз-

ными его представителями (особенно — при поиске нужных книг и рукописей). Смоленский считал Щетнева выдающимся певцом и знатоком крюкового пения, о чем может свидетельствовать его письмо к прокурору Московской Синодальной канторы А. Н. Шишкову от 6 мая 1889:

В продолжение моих восьмилетних занятий и наблюдений я встретил всего трех знающих певцов: А. П. Пичугина в Казани, И. А. Фортова в Богородске и о. М. И. Щетнева в Москве... Эти певцы, несомненно, очень даровитые и любознательные люди, любящие свое дело... (РДМ. Т. VI, кн. 1. С. 712)

Из публикуемых писем можно сделать вывод, что о. Щетнев был и любителем антиквариата (как многие старообрядцы). Раймунд Люллий (Луллий; Raumon Lul, Raymundus Lullius, 1235—1315) — поэт, философ и миссионер; его трактат «Великая наука» издавна был переведен в России и распространялся сначала в рукописях.

Упомянутое в первом письме Общество точно называется Общество любителей церковного пения (см. о нем подробно специальный раздел в III томе РДМ).

Письма Ю. К. Арнольда

[Петербург], 15 июня 1895

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Сегодня намерен я сделать решительную на Вас атаку, и потому прямо приступаю к делу — по-кирасирски: либо пан, либо пропал. Оно короче и яснее. И Вас покорнейше прошу быть, из чувства дружбы, столь же скорым, кратким и решительным ради ясности.

Пора приступить к изданию моей музыкальной грамматики¹. Года полтора тому назад, в один из моих приездов из Москвы в Питер, быв у Константина Петровича [Победоносцева], я завел намеком об издании моей книги Московской Синодальной типографией. На это он ответил, что он не компетентен в этом деле. В эту зиму, когда я был у него с визитом, наша речь вертелась об упадке придворного хора певчих, а кстати и разговорились мы и об Вас. Он высоко ценит Ваши труды и Ваше знание. Стало быть Вы *в его глазах самый компетентнейший судья по музыке*, и нет сомнения, что он согласится на издание, когда Вы серьезно и убедительно ему о том учините *формальное представление*. Мне нужно это издание еще *при жизни моей, а не после смерти*. Я же предлагаю свой с лишком сорокалетний труд не из материальных выгод, а из убеждения, что он принесет развитию отечественной нашей музыки действительную пользу. *Денежного вознаграждения никакого я не требую*; число экземпляров для первого издания (на которое письменно я, конечно, тотчас передам *полное право*) пускай Синодальная типография сама назначит. Но я надеюсь, что дадут мне достаточно экземпляров для раздачи в редакции главнейших газет России, — что, впрочем, послужит ведь *и в пользу издательницы типографии*. Ибо надобно действовать *порядком частных издателей* и несколько хлопотать *о рекламе*. Кроме того не могу не просить об отпечатании для меня 10 экземпляров на хорошей бумаге, которые я поднесу Государю Императору, Великому Князю Константину Константиновичу (кому книга посвящена, на что есть у меня *формальное разрешение*) и другим некоторым Великим Князьям.

Вот все, чего прошу как вознаграждения и что, кажется, *не обременительно*. Кому, если не Правительству, следует поощрять труды желающих быть полезными отечеству. Если мне откажут, то наконец я *должен* буду последовать совету немцев и отдать, *даром же, германскому* издателю в Лейпциге. *Даром* давно бы уже издали. Но я хотел, чтобы оригинальное первое издание было *русское*. А когда *там* издадут, то, право, не мне будет стыдно, а отечеству моему. Пожалуйста, дорогой мой, дайте *поскорее* ответ: можете ли и хотите ли исполнить мою просьбу?

Анне Ильиничне усерднейший поклон от меня и дочери. Обнимаю Вас сердечно.

Вам душевно преданный старец Юрий Арнольд.

1. В фонде Ю. К. Арнольда в Кабинете рукописей РИИИ имеется неопубликованная рукопись под названием «Рациональная грамматика музыки».

В ответном письме (от 23 июня 1895) Смоленский сообщает:

И я говорил с К. П. [Победоносцевым] в последний приезд мой в Петербург о надобности издать Вашу грамматику. К. П. спросил меня: «скажите категорично: относится ли труд г. Арнольда специально к русскому церковному пению, чтобы тем можно было отпарировать неистовые на них [то есть на Св. Синод] нападки? или "грамматика" вообще рациональна для музыкальной науки? <...> Конечно, условия Ю. К. вполне бескорыстны, но издание таких сочинений совсем не дело Св. Синода». <...> При всем желании К. П. помочь Вам в данном случае, действительно, не может, и положение К. П. не из легких (РИИИ, ф. 12, № 99, л. 11).

Петербург, 13 февраля 1896

Высокоуважаемый Степан Васильевич!

Дорогое Ваше послание от 11 числа меня радостно электрифицировало: из него веяло на меня родным духом; видно, мы с Вами ягодки одного и того же куста. Ведь и я всегда говаривал, а теперь стал *криком приставать* к «тем свыше»: «Пора вырвать скверный зуб»; убеждать *доказательствами*, что после Львова Придворная капелла все более и более опускалась, что понятие не только о древнем, *настоящем*, но и о всяком церковном пении перепутано и ложно; что самая манера исполнения (почти сухо речитативное мурлыканье на хитро изощренных, но безлогичных и безвыразительных аккордах) противна лирическому, широкому, глубоко прочувствованному (но никак не риторски-декламационному) нашему церковному пению, и вызываюсь это доказать *на практике при теоретическом* (изустном) *разъяснении*. Я Вам назвал лиц, у которых я был: они сочувственно отнеслись к моим воззрениям и обещали приехать на затеваемый мною *séance*. Обещался также приехать и «по возможности поддерживать меня» в затеваемой мною борьбе — сам К[онстантин] П[етрович] П[обедоносцев], у которого я как раз был вчера утром и который принял меня чрезвычайно ласково и радушно (давая даже неотлагаемо аудиенцию прежде стоящих тут же звезд и эполетов), так что по выходе моем из кабинета чиновники титуловали меня «ваше превосходительство» (*Vanitas vanitatum et omnia — vanitas!* [Суета сует и всяческая суета] — впрочем, ведь я и впрямь «генерал-бас»).

Сеанс мой раньше Фоминой недели состояться не может, так как хор Преображенского полка (и храма) до того времени слишком занят службами. К. П. говорил мне, что он поможет вызвать Вас сюда с хором для концерта¹, но опасается интриг Капеллы и покровителя Ар[хангельско]го, то есть Т. И. Ф[илиппова]. Я его умолял не раздумывать, потому что публике-то самой не нравится давно уже манера Капеллы, а что за двух по крайней мере

главнейших критиков я ручаться *могу*: 1) за [Д. Н.] Соловьева (личного врага Архангельского) и 2) за М. М. Иванова ([далее] *секретно, громко не читать*), на которых я имею влияние, не только потому что я им известен как знаток, но и по другим и личным, но веским причинам. Обоим я дам тогда *концепт* по моим воззрениям, и поверьте, оба напишут *корректно*, — ибо ежели нет, то знают, что я в силах их свалить с их тронов: чем — этой мой с ними секрет. И Вас, мой друг, прошу никому о том не проговориться.

Да, дорогой мой! Научился и я на старости дипломатической хитрости, или, вернее, припомнил; возрождается уже и партия старца Юрия; некоторым здешним павам и гусям когти деликатно уже показывает; в директоре Иогансоне² доверие ко мне возбуждено и т. д. Иду тихим, но верным шагом. Вскоре надеюсь быть *официально* представленным Великому князю Владимиру Александровичу. Он на Георгиевском празднике *сам* первый подошел ко мне и заговорил. И хотя я не Иванович Тертый³, но зато Калач Тертый да упрямый старый кирасир, готовый и теперь еще за свои убеждения даже с чертом идти на кулачный бой! Марш-марш, уррра!

Ну, расписался я сегодня излишком; пора кончать!

Высокоуважаемой Анне Ильичне от Анжолеты и меня поклон! И Вам же от первой приветствие, а я сердечно Вас обнимаю.

Весь Вам преданный старец Юрий Арнольд.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 23—24 об.

1. В марте 1896 Синодальный хор по вызову К. П. Победоносцева приезжал в Петербург и давал концерты в его квартире.

2. Имеется в виду Юлий Иванович Иогансен, в 1891—1897 директор Петербургской консерватории.

3. То есть не государственный контролер Тертый Иванович Филиппов.

Петербург, 7 сентября 1897

Невысказуемо отрадno поразило меня письмо Ваше от 2 сентября, мой неоценимо дорогой и высокоуважаемый друг, Степан Васильевич! Я читал его со слезами сладчайшего чувства на глазах и не мог удержаться от того, чтобы не сообщить слова, истекшие из Вашего любвеобильного ко старцу сердца пришедшему случайно ученику. Ведь мне тут более гораздо повода-то гордиться, чем Вам, превосходящему меня гораздо в деле изыскания начал и систематических основ нашего православного пения.

Не считайте этих слов вызовом на похвалы моих трудов. По стопам шел я незабвенного нашего друга о. Димитрия Васильевича², который, хотя только эмпирически, но все же *первый* вышел на *истинный* путь понимания и толкования *практически* нашего древнецерковного пения, поощрял и напутствовал

меня к изысканию теоретических основ этого пения в избранном мною в течение четверти века материале из древне-эллинических и византийских трактатов. Бог и сподобил меня сперва: очистить эту древнейшую теорию от многих нелепостей и предрассудочных «*marottes*» [чуждачеств], которые вкрались в толкования этой теории западниками вследствие переводов ученых мужей как прошлых веков, так и нашего времени, ученых весьма достославных как глубочайшие знатоки *antiquissima, antiquae mediaeque nec non novae Graecitatis*, но более или менее *весьма* слабых как дилетанты (а иной раз даже и невежды) на поле музыкальной науки, в особенности по части *акустики*, служащей именно-то *основой теории греческой музыки до XV века*. Затем, сравнивая эту настоящую, весьма ясную и акустически вполне соответствующую теорию с практическою системою о. Димитрия, уже не столь трудно было дойти до составления теоретического учебника православного нашего древнецерковного пения. Ну, Господь благословил меня на этот результат, и без всякой идеи самохвальства знаю я и сердечно радуюсь, что удалось и мне быть полезну своему отечеству хоть в толикой мере. Это естественное чувство, однако же, ни малейше не мешает мне радоваться от души успехам Ваших безмерных и велеученых трудов, а равно со всею искренностью признавать превосходство их. Каково же, например, одно уже достоинство заключается в изданной Вами книге «Азбука Александра Мезенца» с объяснениями? А результаты Ваших поездок в края западных славян? А показанные мне пять лет тому назад (хотя только мимоходом) изыскания законов древней ритмонойии?

Видите, я прав, подтверждая, что я имею несравненно более повода гордиться Вашей дружбою, чем Вы моею! *Quod erat demonstrandum! Punctum!* [Что и требовалось доказать! Точка!] Спать пора!

8 сентября утром

Сердечно я рад, что Вам наконец удалось добиться расширения — конечно, не только *помещения*, но также и *действий* Синодального училища певческого, что главное и на что указывает *вновь ожидаемый* — натурально, реформированный *устав*.

За доброе, весьма любезное намеренье спеть мою обедню душевно благодарен и очень доволен, что это важное для меня событие отложено, авось на недель до 6—7-ми, так что, быть может, мне тогда посчастливится прикатить на денек в Москву³. Равномерно благодарю чувствительно за извещение Ваше об отправке ко мне экземпляров литографированной обедни. Но вопрос: *куда* была посылка отправлена? В Либаве до 18 августа, когда под ночь я уехал, я не получил; а сюда приехав — кроме Вашего письма от 2 сентября, также ничего не получил. Если посылка была отправлена между 17 и 25 августа в Либаву, то не будет ли отправившее ее лицо столь любезным сообщить, какого именно числа

августа отправлена посылка, тогда я своего в Либаве доверенного извещу, дабы он из почтовой конторы вытребовал и переслал бы сюда.

Образец усовершенствованного роля *вторично* строится (в первый раз немец — главный «мастер» Шредеровой фабрики вздумал «поправить» мои указания и этим *ослабил* действие моего *контрафрезонатора* на $\frac{2}{3}$ его производства: звуковые волны, отскакивая в первой трети изливания от созданной — в противность оригинальному указанию — преграды, бросились навстречу остальному течению звуковых волн и останавливали тем продолжение звучания)⁴. Раньше ноября едва ли будет готово. Но я, хотя и на старости только лет, стал немного практиком: взял *привилегию* из Департамента торговли и мануфактуры и получил формальное «охранительное свидетельство»! Буде удастся, Шредер намерен купить у меня мои права. Авось Господь даст успех!

Как нам сердечно жаль добрейшей Анны Ильинишны; дай Бог ей нужной душевной и телесной силы для перенесения ее тяжкого горя, которому мы с дочерью вполне и искренно сочувствуем⁵. Вам же Анжолета посылает усердный привет.

А я Вас с любовью обнимаю!

Ваш искренний друг Юрий Арнольд.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 34—37

1. В письме Смоленского от 2 сентября речь шла о подготовке исполнения Литургии Арнольда в Синодальном хоре.

2. Об отношении Д. В. Разумовского к Арнольду лично и к его научной деятельности см. в разделе «Димитрий Васильевич Разумовский» в III томе РДМ, а также в переписке Смоленского с Разумовским в настоящей книге.

3. Синодальный хор в бытность Смоленского его директором дважды публично исполнял переложение Арнольда: 28 марта 1891 — «Достойно есть» старинного роспева на «Объятия Отча» и то же песнопение — в «Историческом концерте» 20 марта 1895. Что касается «обедни» Арнольда, то она была пропета только на спевках хора, хотя в письмах обсуждается возможность приезда Синодального хора в Петербург для исполнения этого сочинения (речь идет о Литургии св. Иоанна Златоуста, опубликованной в том же 1897).

4. В архиве Арнольда в РИИИ имеется рукопись под названием «Об устройстве резонансного «амплификатора»» (об устройстве этого прибора см. в некрологе Арнольда — РМГ, 1898, № 8, стб. 774).

5. По-видимому, речь идет о кончине матери А. И. Смоленской.

Переписка Ю. К. Арнольда со Смоленским не ограничивается приведенными выше письмами. В ОПИ ГИМ находится общим счетом 14 писем Арнольда; в РГИА, в фонде Смоленского — еще несколько его писем; в Кабинете рукописей Российского института исто-

рии искусств — два письма Арнольда к Смоленскому и 16 писем Смоленского к Арнольду (ф. 12, № 99). Настоящая публикация в этом, как и в некоторых других случаях, не ставит целью обнаружение полной двусторонней переписки ученых.

С Юрием Карловичем Арнольдом Смоленский, судя по его переписке с Д. В. Разумовским, познакомился примерно в 1885 году, в один из приездов в Москву. Хотя Степан Васильевич не слишком одобрял опыты гармонизаций Арнольда (см. его отзыв о них в письме к С. А. Рачинскому от 12 октября 1883 в комментариях к переписке с Разумовским) и вряд ли мог разделять его мнение о прямой связи русских церковнопевческих ладов с теоретически вычисленными византийскими звукорядами, — тем не менее сам Юрий Карлович Смоленскому, очевидно, нравился, и он старался поддерживать старшего коллегу. В одном из писем Смоленский говорит о заслугах Арнольда так:

...Отдавая всю должную дань Вашему творчеству, все же считаю, что композиторов много, а теоретика, как Вы, другого еще поискать ни по многочисленности трудов, ни по огромности значения их для нас, блудных Ваших сынов, еще пасущих вдали от отчего дома (ф. 12, № 99, л. 3 об.)

В свою очередь Арнольд относился к деятельности Смоленского с неустанным энтузиазмом (что видно и в публикуемых письмах).

Впоследствии, после кончины Арнольда (1898), уже живя в Петербурге, Смоленский, по просьбе приемной дочери Юрия Карловича Анжиолетты Карловны Видеман-Арнольд, занимался разбором архива ученого (ныне находится в Кабинете рукописей РИИИ, ф. 12).

Письма Н. И. Компанейского

Петербург, 29 марта 1900

Милостивый государь Степан Васильевич!

Не могу сдержатъ порыва своего восторга по поводу присланных Вами брошюр с подписью «в знак совершенного уважения»¹. Я не только верю, но убежден, что это уважение с Вашей стороны искренно и, конечно, относится не лично ко мне, а к тому, в ком Вы усмотрели любовь к древним напевам и настойчивое желание изыскать стиль, вытекающий из их конструкций. Такое отношение свидетельствует о Вашем доблестном служении делу, — что чрезвычайно отраднo. Для меня особенно ценно всякое внимание и поддержка со стороны лиц, близко стоящих к древнему песнопению, так как я по своему официальному положению разобщен с этим миром, нахожусь в одиночестве, и, конечно, приходится иногда вторично открывать Америку.

Хотя для Вас не может иметь той же силы мое уверение в совершенном к Вам уважении, тем не менее я решаюсь просить Вас принять от меня на память мою симфонию Херувимской песни Киево-печерского роспева². Эта Херувимская представляет мне большой интерес в ее изложении. Быть может, в основании ее лежит Херувимская знаменного роспева, где некоторые фразы варьированы самостоятельно. Она увеличивалась от времени до времени украшениями и припевами, иногда даже излишними, прерывающими связь слов. В каждой ее части являются новые мотивы, слышится вставка малороссийской мелодии (например в первой части: «Вышли в поле косари»). Мне кажется, в изложении этой Херувимской участвовало много русских певцов, это народное творчество, в ней отражается музыкальный характер, построение и манера пения, запевы, припевы, варианты, подголоски — тут все имеется русское, исключаящее лютеранский хорал.

В моем воображении песнь эта Херувимская [жила] долгое время прежде, чем я ее записал. Насколько я понял конструкцию ее, настроение и соответствующую ли внешние ее формы внутреннему содержанию — не мне судить. Сознаю, что художественный интерес увлек меня злоупотребить названием головщика. Боюсь, что осудите меня за ходы, напоминающие «Славья» Глинки. Боюсь потому, что очень бы желал встретить от Вас в том сочувствие. Каждый композитор, хотя бы Бетховен, повторяет то, что выработали его предшественники, и затем, если он гений, вносит несколько слов новых, неизвестных доселе миру. Никто меня не осудит, если в моих церковных композициях найдутся фразы Генделя и Моцарта, но все обратят внимание на ходы, выработанные Глинкою, так как в нашей церковной музыке больше немецкого построения, чем русского. Смею Вас уверить, что эти ходы я насильственно не притягивал, они сами звучали как подголоски подлинной мелодии, но когда я заметил тождество их с глинкинскими ходами, то нашел излишним прятать их, замаскировывать. Говорю

откровенно, это обстоятельство нисколько меня не конфузит, наоборот. Я очень рад подчеркнуть богатство, скрывающееся в наших церковных роспевах. То, что считается перлом создания такого гения, как Глинка, сотни лет покоится в наших церковных книгах, поистине представляющих неисчерпаемый источник красоты. Пользуюсь случаем засвидетельствовать мое уважение к деятельности Вашей на поприще возрождения русского церковного песнопения.

Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 82, л. 6—7

1. Вероятно, могли быть посланы работы Смоленского «О собрании русских древнепевческих рукописей...» (отдельный оттиск публикации в РМГ в 1899) и «Обзор Исторических концертов Синодального училища...» (М., 1895).

2. Херувимская могла быть прислана только в рукописи (опубликована в 1903). См. рецензию В. Ф. Комарова на рукопись Компанейского «Симфонии обиходных роспевов»: РДМ. Т. II, кн. 1. С. 389—391.

Петербург, 6 января 1901

Добрый и уважаемый Степан Васильевич!

Счастлив богач, что имеет возможность, хотя бы и от избытка, помогать бедным и делать добро. Это счастье в Ваших руках. Вы Крез, богатый не только знанием, любовью к делу, но и энергиею, которую от избытка можете расточать, сообщать слабым силу и укреплять падших духом. Ваш отзыв о моих сочинениях для меня очень драгоценен. Вашему слову я верю, оно дает мне энергию. Меня чрезвычайно порадовала весть о Вашем приезде в Петербург, хотя в ней имеется минорный тон, предупреждение, что, быть может, Вам не удастся побывать у меня. В музыке под словом минорный аккорд я понимаю случайный диссонанс, требующий разрешения, — полагаю, что и тот минор легко разрешится в консонанс. Вы уведомите меня, когда приедете и где можно Вас найти, а я уж добьюсь своего.

Мне пришла для меня счастливая мысль, если только Вы не найдете ее дерзкою. Быть может, у Вас в Петербурге нет теперь родных или близких, где бы было удобно Вам остановиться. Снизойдите к моей усердной просьбе оказать Вам гостеприимство у меня. Квартира моя в центре города, около Обуховского моста, с этой стороны для приезжего удобно. Хотя она и небольшая, всего 4 комнаты, но уютная и имеет качества для петербургских квартир редкие: светлая, окружена садом и находится в глубоком дворе, удалена от улицы настолько, что ни единого звука не слышно. Семья моя состоит из моей старушки жены и 15-летнего сына. У меня Вы найдете покой, радушие и полную простоту. Целый день, вероятно, Вы будете заняты по делам, а на сон грядущий час-два мы побеседуем. В настоящее время у меня нет никакого голоса, я не пою лет 20,

но для дорогого гостя постараюсь и, быть может, займу его, так как когда-то я был певец на редкость, между прочим я ведь единственный ученик нашего гениального певца Осипа Афанасьевича Петрова и наследовал от него метод постановки голоса, предложенный Мих. Ив. Глинкою.

Будьте любезны, передайте мою сердечную благодарность Орлову и Ка-стальскому за выраженный ими совокупно с Вами «дружный привет». Для меня будет великое наслаждение слышать свои сочинения в исполнении такого [сильного] хора, как Синодальный¹. Конечно, я явлюсь в Москву по первому зову, если здоровье и служба меня не задержат.

Всею душою преданный Вам Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 82, л. 8—8 об.

1. Синодальный хор исполнил только одно сочинение Компанейского, но позже: в 1904 в программе 11 апреля под управлением В. С. Орлова прозвучала Херувимская Со-фрониевская.

Петербург, 4 февраля 1901

Досточтимый Степан Васильевич!

27 января, возвратясь со службы, я получил Ваши карточки и официальное извещение о монаршем мне благоволении за труды мои по делам военной эмеритуры¹. Уверяю Вас, что первым я был рад более. Первым моим желанием было отдать Вам тотчас визит, и я отправился разыскивать Вашу квартиру в окрестностях дома № 62. Обойдя все гостиницы и меблированные комнаты от Аничкова моста до Николаевского вокзала, я возвратился огорченный домой. Вероятно, Вы несколько раз проходили или ехали мимо дома, где я служу. Против моего письменного стола выходит запрестольное окно Исаакиевского собора, следовательно, найти меня, если бы Вы знали, было очень легко, к тому же в доме Военного министерства вряд ли кто меня не знает. Конечно, Вы ровно ничего не потеряли не познакомившись со мной, но я лишился большого счастья. Поверьте, слова мои всегда правдивы и искренны, я человек восторженный и увлекающийся и скорее груб, чем льстец.

Вы уже знаете некоторые мои сочинения и, вероятно, заметили, с какою любовью и увлечением я отношусь к творчеству наших древних русских художников. Здесь, пред моим письменным столом, висит большая фотография меловой скалы Святых Гор, где видны, точно гнезда ласточки чернеют, окна келий подвижников седой старины. Не так давно, смотря на эту картину, я живо себе представил вдохновенного песнею инока, быть может, выходца Глинской пустыни, предающегося в час отдыха от молитвы эстетическому наслаждению: напевающего мелодию Софрониевской Херувимской. Ведь могло же это быть? Правда? Долго я смотрел в окно его келии, желая проникнуть в эту пещеру и

подслушать голос и звуки, которые томили сердце вдохновенного песнопевца. Что сделала моя фантазия в эту ночь — к утру я записал². Какая чудная, бесконечная вариациями тема, идеально русская. Вот где жизнь моя. Что же, после того, невероятного в словах моих, что я был бы счастлив, если ко мне зашел бы единственный человек, побывавший умом и сердцем (как я уверен) в том таинственном мире, где живет душа моя.

Наваю я вращаюсь между людьми совершенно для меня неинтересными, а потому всегда скучаю с ними и чувствую свое одиночество. Я уверен, что из беседы с Вами я много приобрел бы полезного. Ваше авторитетное слово рассеяло бы много моих сомнений и укрепило бы мое направление. Я вижу, Вы не только меткий историограф, но еще более чуткий русский художник. Ужасно сожалею, что узнал поздно, из отчета, помещенного в Правительственном Вестнике, о цели Вашего приезда в Петербург. Для меня, конечно, сделанные Вами сообщения представлялись чрезвычайно интересными, и если бы я знал о том своевременно, то постарался бы присутствовать³. Если Вы будете опять в Петербурге, то сообразовите назначить время для свидания, хотя бы 10 минут. Я прекрасно понимаю, что экстренные приезды по делам иногда поглощают все время, помимо личной воли. Если же Вы не приедете в Петербург, то я обращусь к Вам с просьбой назначить мне час Вашего свободно вечера, и я приеду из Петербурга с Вами побеседовать.

Примите мое уверение в искреннем моем уважении.

Н. Компанейский.

Р. S. Не слышали ли Вы чего нового о судьбе статьи моей, находящейся в редакции «Московских ведомостей», будет ли она напечатана?⁴ Если не будет, то я предполагаю поместить ее здесь.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 1—2

1. Компанейский служил в кодификационном отделе Военного министерства, где занимался эмеритурой, то есть специальными пенсиями из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений от жалования государственных служащих.

2. Вероятно, записана была Херувимская песнь софрониевского напева, опубликованная у Юргенсона в 1903.

3. Речь идет о сообщении, сделанном Смоленским 26 января на заседании ОЛДП — «О древнерусских певческих нотациях».

4. Статья Компанейского называется «О стиле церковных песнопений». Она была написана в продолжение дискуссии по проблемам церковного пения на страницах газеты «Московские ведомости» (см. подробнее в III томе РДМ). Газета не напечатала материал Компанейского, и он выступил с таковым на страницах РМГ (см. публикацию с комментариями в III томе РДМ).

Петербург, 28 сентября 1901

Дорогой Степан Васильевич.

Благодарю Вас за оказанное внимание и за доставленное удовольствие.

Несказанно рад, что мое предсказание начинает сбываться, для Певческой Капеллы наступила новая эра. То, что было сегодня вечером в зале Капеллы, для Петербурга большая и неожиданная новость. Двери ее открылись для публики наравне с другими художественными императорскими учреждениями, театрами, Эрмитажем, музеумами и проч.¹

Вы прекрасно воспользовались днем рождения нашего великого учителя, чтобы собрать вкуче его внучат и правнуков провести день этот вместе, помянуть его деяние и завет и, слившись в одну душу, пережить мысли и настроения давно истлевшего телом бессмертного русского гения духовной музыки. Одно меня огорчило, что на кладбище я не видел у дорогой могилы представителей русских музыки и духовенства. В этот знаменательный день следовало бы помолиться за создателя и устроителя благолепия нашего церковного пения во всех церквях необъятной России, где поют его песни, вызывающие восторженную молитву. Но наше духовенство, по обыкновению, опять и не подозревает своих обязанностей.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Ваш друг Н. Компанейский.

Р. S. У меня беда. Гречанинов на меня обиделся. Вот забавный человек! Он просит Финдейзена напечатать его письмо, в котором уверяет, что он никогда не отрицал существования русского церковного стиля. Ведь это придирка к словам. Правда? Мне не хотелось бы пуститься в полемику, ведь это дразги и мелочность².

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 3—4

1. Имеется в виду первый публичный концерт Капеллы со времени, когда ее возглавил Смоленский: это был концерт памяти Д. С. Бортнянского, с чтением Смоленским слова о своем предшественнике (впоследствии было опубликовано в РМГ). Хор Капеллы пел также панихиду на могиле Бортнянского. Отзыв Компанейского о концерте напечатан в РМГ (1901, № 42).

2. Насколько известно, возражение Гречанинова на страницах РМГ не публиковалось, да собственно в нем не было нужды: Компанейский не спорил с Гречаниновым по сути; он только отвечал на тот пассаж в статье Гречанинова «О “духе” церковных песнопений», где Александр Тихонович говорит, что стиль духовно-музыкальных сочинений — вопрос тонкий и настолько спорный, что «едва ли два музыканта сойдутся в понимании его». Для Компанейского вопрос стиля решался однозначно: это стиль народного подголосочного пения.

Петербург, 15 мая 1902

Искренно уважаемый Степан Васильевич!

В «Новом времени» я прочел сообщение об исполнении в пасхальный вечер в Лавре стихир знаменного роспева Вашей обработки. Не скрою, я очень пожалел, что не знал об их существовании, и еще более о том, что Степан Васильевич усомнился, доставят ли они мне важное наслаждение. Я обратился к Ив. Як. Тернову с просьбой дать мне возможность их прослушать, и вот 6 мая желание мое было удовлетворено. По моему мнению Ваше произведение представляет выдающееся явление в области нашей церковной музыки, и я, пользуясь данным Вами разрешением писать о ваших сочинениях, поместил в Р. М. Г. по поводу его небольшую заметку. К сожалению, я не имел возможности, без знакомства с партитурой, прослушав один раз, категорически высказаться по поводу детальной обработки стихир и оценить их по достоинству, за что приношу повинную и надеюсь на Ваше снисхождение¹. Вчера (14 мая) я вторично слышал стихиры, и они понравились мне еще более. Тернов устроил для меня большой сюрприз, спел пред стихирами взятую у меня за день «Плотию уснув» (Вам известную)². «Плотию уснув» оказалось вполне подходящим *Adagio* к *Maestoso* стихир, отчего они звучали еще эффектнее. Общее впечатление было чрезвычайно сильное, большинство духовенства вышло из алтаря в облачении на солею. Какая ирония над постановлением Наблюдательного Совета, который признал сочинение это недостойным печати как сплошную какофонию, безграмотное и могущее возбудить в церкви соблазн³.

Мой восторг усугублялся тем, что наше взаимное сочувствие и солидарность мысли совершенно случайно соединились в звуках и подтвердились при такой художественной обстановке. Однако мое глубокое уважение к Вам не может исторгнуть и неудовлетворенность тем, что мой дорогой Степан Васильевич в течение всей прошлой зимы не нашел ни одного вечера, чтобы навестить меня и насытить алчущего правды обменом мысли и музыкальных впечатлений. Утешаю себя лишь тем, что следующий год будет для меня счастливее.

Преданный Вам, искренно любящий и уважающий Н. Компанейский.

На днях уезжаю на дачу. Мой адрес для писем: Кодификационный отдел при Военном Совете и т. д.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 5—6 об.

1. Имеются в виду Стихиры Пасхи знаменного роспева, исполненные по рукописи 6 мая за службой Митрополичьим хором под управлением И. Я. Тернова. Отзыв на них Компанейского опубликован в РМГ (1902, № 20/21, стб. 553—559). В частности, там говорилось:

Главнейшее впечатление от стихир в обработке Смоленского — ясное чтение строк, определенность окончаний и уравновешенность частей. Здесь обнаружено русское происхождение мелодий, связь их с народной песнью...

В качестве критики Компанейский выразил предположение, что роспевы фит лучше поручать не хору, а солирующим голосам.

2. У Компанейского есть два эксапостилярия «Плотию уснуv» — греческого и болгарского роспевов; надо думать, речь идет о греческом роспеве, так как обработкой болгарских роспевов Компанейский занимался позже, после выхода в свет труда А. Н. Николова (при участии Смоленского) «Староболгарское церковное пение» (1905).

3. Рецензия на это сочинение Компанейского сохранилось в архиве Синодального училища в РГАЛИ (ф. 662).

Петербург, 31 октября 1902

Дорогой мой Степан Васильевич.

Великое Вам спасибо за Ваше короткое, но многосодержательное письмо. Ваше ободряющее слово для меня дороже, чем всех и вся вместе взятых. Ваша благодарность за статью укрепляет мое сознание, что труды мои бесполезны для горячо любимого мною дела. Вы предупреждаете меня, что будете спорить со мной в Р. М. Г. насчет грузин¹. Между нами спора быть не может, слишком неравны наши силы. Вы поправите мою ошибку или дополните мое мнение. Очень буду рад статье Вашей, только прошу повременить, пока я не помещу заметку о методах изыскания связи между византийским и русским церковным пением. В этой статье будет отведено значительное место Вашему очерку «о нотациях». Я думаю, что мне здорово достанется за эту статью от музыкантов-талмудистов.

Быть может, и Вы найдете нужным осадить пылкость моей фантазии по поводу естественного развития русских, а вместе с тем и грузинских роспевов, тогда уж казните заодно, чтобы Ваши замечания не имели характера многократных нападков на меня. Как Вы думаете? Статья эта написана мною еще в прошлом году, по получении от Вас очерка, но я решительно не имел времени, чтобы обработать ее серьезно. Несчастный я человек, что принужден работать Своды постановлений, ничего общего не имеющие с моим призванием.

Совет продолжает глумиться над моими партитурами². На днях я получил таковую всю разрисованную синим карандашом, измятую и даже загаженную окурками. Не знаю, удивляться или возмущаться подобному неуважению к личности композитора. Замечания все плоские, не выходящие из круга мышления ученика первого класса консерватории. Известная Вам партитура «Всемирную славу» подверглась жестокому осмеянию. Ну, довольно об этом. Я решил более ни одной строки не отправлять в Москву. Руководствуясь существующим, не отмененным законом о цензуре духовно-музыкальных сочинений, представляю

партитуры на рассмотрение Директора Певческой капеллы, и если после того цензура запретит, то подниму свое дело много выше, до самых небес.

Меня несказанно порадовало Ваше обещание посетить меня. Это будет для меня счастливый день. Я проиграю Вам все, что предполагаю представить официально. Вероятно, к 10 ноября все будет написано. Конечно, Вы предупредите меня о времени посещения, чтобы я мог устранить случайных гостей. Третьего дня монах с Афонского подворья принес мне запись с голосов братии «Достойно» афонского роспева. Воспользоваться записью я не мог, оказалась страшная полифония с немецкими украшениями, но я привел в своем воображении в порядок голоса и сегодня написал. Мелодия чудная, гораздо яснее приведенной у Кастальского³.

Всею душою Вам преданный и благодарный за бодрящие слова

Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 7—8

1. Речь идет о дискуссии на страницах РМГ по поводу гармонизации Н. С. Кленовским литургии грузинского (кахетинского) роспева. Компанейский выступил с рецензией на это издание в № 42 газеты. Смоленский не был согласен с жесткой критикой работы Кленовского, своего помощника по Капелле, но публично на эту тему не выступал. Компанейский считал, что сама запись грузинского пения (А. Е. Мревлова), которой воспользовался Кленовский, уже является испорченной «европеизмом», а Кленовский, прибегнув к традиционному четырехголосию, дополнительно исказил напевы.

2. Имеется в виду Наблюдательный совет Синодального училища, который в это время активно исполнял цензорские функции. Компанейскому часто не везло с отзывами членов Совета. Например, в 1899, рассматривая его «Симфонии обиходных роспевов», Совет вынес резолюцию о «неприменимости его теорий в церковно-певческой практике и бедности его музыкальных знаний», с оговоркой — «ввиду талантливости и желания проложить новые пути в области богослужебной музыки... предложить Компанейскому войти в сношения с Наблюдательным советом для выяснения целей, к которым он стремится, и средств, с помощью которых он может их достигнуть» (РДМ. Т. II, кн. I. С. 390). Разумеется, такая резолюция могла только обидеть далеко не молодого автора.

3. Имеется в виду петербургское подворье афонского Пантелеимонова монастыря. Обработка Компанейского под названием «Достойно есть» греческого роспева издана в 1903.

Петербург, 8 ноября 1902

Добрейший Степан Васильевич!

Препровождая изрядное количество исписанной нотной бумаги, усердно прошу Вас когда-нибудь на досуге рассмотреть ее. Если, по Вашему мнению, Управляющий Певческою Капеллою, согласно закону 1846 года, может разре-

шить мои сочинения к исполнению их в церквах, то не откажитесь уведомить меня, какие следует мне исполнить формальности, то есть надо ли подавать прошение и гербовые марки, если же он найдет их недостаточными для исполнения в церквах и печати, то возвратите их мне обратно негласно¹. Одна из партитур, а именно, «Верую», предназначается для исполнения в концертах или иных певческих собраниях, а не в церкви во время Богослужения, а потому разрешение ее печатать может быть оговорено в том же смысле. Что касается до моего личного мнения о представленных сочинениях, то оно Вам известно: мои желания и идеалы далеко впереди фактов, но во всяком случае то, что я делаю, опередило требования музыкантов-талмудистов. Обращаю Ваше внимание на «Верую». Хотя музыку ее я не высиживал, но, признаюсь, предварительно много размышлял о форме, могущей вместить данный многосторонний материал религиозных идей, а также о возможности нарисовать догматические христианские эпизоды. В будущем музыканты-художники, несомненно, нарисуют эту величественную картину более яркими красками, а пока таковых нет.

Жаль, что Вам до сих пор не удалось побывать у меня и лично испытать впечатление, производимое некоторыми моими сочинениями. А мне думается, что и Вы, так же как и другие мои слушатели, поддались бы силе моего настроения и искренности его изложения.

Преданный Вам и сердечно любящий Вас Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 9—10

1. Компанейский обращается к никем не отмененному цензурному праву Придворной капеллы и хочет получить от Смоленского как управляющего Капеллой разрешение печатать свои духовно-музыкальные композиции без визы Наблюдательного совета. Юридически это было вполне обоснованно, и сам Смоленский в бытность управляющим Капеллой подписывал присылаемые сочинения к печати.

У управляющих Капеллой в 1890-е и 1900-е появилась новая формулировка: «К печатанию и употреблению в церковном богослужении со стороны управляющего Придворной певческой капеллой препятствий не имеется».

Петербург, 3 (?) декабря 1902

Добрейший и многоуважаемый Степан Васильевич!

Сейчас поглотил пять ведер жидкой и мутной водицы, разлитой Металловым на страницах «Московских ведомостей»¹. Досталось больше всего по моему адресу: «Компанейский и К^о», но назначение статьи конечно иное. В действительности я здесь на последнем плане.

Из этого лепета я узнал, между прочим, что главнейшая заслуга Чайковского в области церковной музыки не в сочинениях его, а в том, что он прозрел необычайные способности у начальства Металлова². Подумаешь, как заманчиво

быть начальником, когда попы кадят тебе под самый нос, даже чихнуть приятно. Судя по сочинениям Металлова, я знал, что он бездарный и тупой человек, но не предполагал, не мог себе представить его в роли политического атташе.

Я статью понял и догадываюсь о последующем ее значении. Что же делать, надо складывать оружие. Сила солому ломит. Придется подчиниться судьбе и опять истопить печь духовными своими сочинениями, как топил неоднократно партитурами светской музыки. Но этого мало, есть признаки, что мои статьи недолго будут терпимы, на них также наложат запрет. Кое-что из своих сочинений я передал В. В. Стасову, собираюсь написать к ним литературное объяснение моих попыток и оказанный мне прием. «Да ведают потомки...» и т. д. Я собирался поместить статью по поводу заявления Витошинского в «Московских ведомостях»³, выяснить законоположения, относящиеся до цензуры духовных музыкальных сочинений, но думаю, теперь уже поздно, вероятно, иезуиты поставили часовых и обошли темными выходами кругом. Просто отчаяние находит. А тут сегодня прочел в Р. М. Г. статью Гроздовой об этих грузинах⁴. Просто глупая баба, метила ударить меня, а ушибла Кленовского. Где был у нее разум приложить такие два образца, совершенно уничтожающие значение работ Кленовского. Нет хуже газетной полемики.

Мне ужасно не хотелось бы говорить что-либо против Кленовского. Я старался насколько возможно его выгородить, но с другой стороны, отзыв должен быть нелицеприятен. Всю жизнь свою любил музыку, но старался держаться от ее деятелей и посторонних глаз в стороне, а теперь на старости лет попал в водоворот. При встрече расскажу, сколько мне пришлось вынести огорчений за статьи. Посоветуйте, голубчик, отвечать ли мне на двуличные вылазки Металлова. Я всегда обращаюсь к Вам как к человеку сильному духом, могущему ободрить и поддержать такое слабое существо, как я.

Поздравляю Вас с наступающим праздником. Примите мои сердечные уверения в искреннем и дружеском расположении.

Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 11—12 об.

1. Эта статья под названием «Нужды церковного пения» была опубликована газетой в № 348—352 и носила итоговый характер в дискуссии (см.: РДМ. Т. III). Статьей был недоволен не только Компанейский, но и многие московские музыканты. Компанейский ответил Металлову на страницах РМГ (1903, № 4—6).

2. Имеется в виду В. С. Орлов, который в это время был и регентом Синодального хора, и директором Синодального училища.

3. Публикацию статьи Е. М. Витошинского, который выступает против цензуры Наблюдательного совета, см. в III томе РДМ.

4. Речь идет о письме А. А. Гроздовой и Д. И. Аракчиева по поводу статьи Компанейского о работе Кленовского (РМГ, 1902, № 51/52). Гроздова, дочь Мревлова, отстаивала подлинность записи, сделанной ее отцом — указывая на мнение грузинских певцов и духовных лиц; Аракчиев скорее соглашался с Компанейским в критике четырехголосного склада обработок Кленовского.

Петербург, 26 февраля 1903

Добрейший Степан Васильевич!

Я читал где-то, кажется в «Новом времени», что Наблюдательный Совет не признает возможным разрешать печатать «Отче наш». У всякого барона своя фантазия. Если это так, то я выбрал такое именно сочинение, которое Наблюдательный Совет не разрешит, и прошу Вас одобрить его. Если Вы располагаете свободным временем, то поинтересуйтесь сочинением; оно музыкально, с настроением и с лучшею декламациею, чем прочие сочинения на эти слова. Но это между прочим, здесь дело не в музыке, а в моем прошении, прилагаемой записке и в возможном обороте¹.

Я завел машину, а Вы можете ее остановить. Конечно, желательно вопрос о цензуре сдвинуть с его мертвой точки. Ведь сущий срам для России в XX столетии подобный абсолютизм в искусстве. Во всяком случае для начала дела я Вам даю материал, если Вы им воспользуетесь и освободите церковную музыку от крепостного права, заслужите великую благодарность от всего интеллигентного русского общества. Как следует эксплуатировать предлагаемый материал, не могу указать, не зная Ваших карт. Вы можете все возратить мне вместе с маркою обратно, я не буду на Вас в претензии. Можете отправить в Духовный цензурный комитет, как я прошу, с объяснением причин от себя или ссылаясь на доводы, мною приводимые в записке. Можете отправить ноты с запиской с предложением сообщить, насколько подтверждается заявление композитора, что Ваше одобрение отправлено на заключение рецензента. Но самое лучшее, если Вы представите мою записку на заключение юриста-консультанта Министерства Двора, и если он согласится с приводимым мною толкованием закона, то сообщите его дальнейший ход в канцелярию Министерства, конечно, с заключением Вашим. Затем г. Министр Двора, не входя в сношения с Св. Синодом, испросит у Государя разрешение на разъяснение указа. Подумайте, какая роскошная нива обретется для русского искусства. Сколько появится тогда богатых духовно-музыкальных картин с сопровождением оркестра. Первый Гречанинов, вероятно, напишет роскошно Credo или Cantus с оркестром и т. д. Согласитесь сами, что в нашей духовной музыке нет ничего подобного, как в Европе, нет ни ораторий, ни отдельных картин, на все запрет, все заштопорено, кроме латинской грамматики².

Церковная музыка по-прежнему останется в исключительном ведении Директора Капеллы, а демественные, как и оперные религиозные хоры или молитвы, в ведении светской цензуры. Духовную цензуру, то есть Св. Синод с его Советом нечестивых и портными (sic!), следует обязательно изъять из употре-

бления, как ветхую ассигнацию. Ну, довольно, вероятно, я надоел. Беда мне с Кастальским, зачем он написал против меня, ужасно не хочется отвечать ему³. Вероятно, его подбили советами Металлов и компания.

Преданный и глубоко уважающий Вас Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 13—14 об.

1. Эта записка Компанейского не опубликована, хотя сохранилась, как и множество других бумаг такого рода, в архиве Смоленского в РГИА. Суть дела кратко излагается далее автором письма. После 1905, когда рухнули многие цензурные ограничения, напряженность в отношении церковно-музыкальной цензуры тоже значительно спала.

Позже, весной 1905, Смоленский занимался проблемами нового цензурного устава, но безрезультатно (см. в переписке с С. Д. Шереметевым). Что касается Компанейского, с полемикой по этому вопросу он выступал на страницах газеты «Новое время» в конце 1904 и начале 1905 (№ 10374 и № 10376).

2. Пророчество исполнилось: действительно, Гречанинов стал первым, кто написал сначала отдельные композиции, а потом и целые циклы на православные тексты для голосов, хора и разных инструментальных составов. См. также публикацию статьи на эту тему священника Георгия Извекова в III томе РДМ.

3. Имеется в виду письмо в редакцию Кастальского, опубликованное в № 7/8 РМГ за 1903. Кастальский защищал Кленовского, указывая в частности, что некоторые песнопения из Грузинской литургии успешно исполняются Синаodalным хором за службами в Успенском соборе.

Петербург, 24 января 1904

Дорогой мой Степан Васильевич! Благодарю Вас за оказанное мне внимание и дорогие для меня слова, написанные Вами на присланной книге¹. Принимая близко к сердцу все, что касается до развития и преуспевания русской древней церковной музыки, благодарю Вас за преподнесенный Вами нам, русскому обществу, драгоценный подарок. В этой небольшой книжке сосредоточен богатый материал, здоровая пища, она должна укрепить сознание, что русское творчество займет в истории искусства почетное место и что русский ум не только мог бы обойтись без опеки иноземцев, но, по всей вероятности, выиграл бы, развиваясь своим самостоятельным путем.

Конечно, Вы не будете против того, чтобы я извлек не от камне неплодна чудодеемое живо новое. Вчера набросал для Р. М. Г. статейку под заглавием «Кастальский источник»², которая будет подмалевана сатирою на круподушствующих, в форме былинки с действующими лицами: Пилат, Ирод, Митька-попович и всякая непотребная тварь. Постараюсь изложить в цензурном виде. Во втором отделе статьи я буду говорить и о сочинениях А. Д. Кастальского. Очень прискорбно, что его кастальский источник начал заметно высыхать, вероятно, от влияния окружающей его среды. Творчество ослабевает и выраба-

тывается свой шаблон русско-немецкий, а главное, неважная звучность. Жаль, Гречанинов скоро оставит его за флагом. Боюсь, что Финдейзен оробеет и не поместит былинку, впрочем, она, несмотря на ядовитость и прозрачность, вполне цензурна. Финдейзен выбросил из статьи моей об И. Я. Тернове большой кусок, где говорилось об Орлове.

Статья о кастальском источнике будет одною из тем фуги, которую начали заплетать Фемида и Мельпомена. Другую тему этой фуги при сем прилагаю, с покорнейшею просьбою возвратить мне ее заказным письмом или при свидании, так как она необходима Фемиде и Мельпомене для обработки контрапункта (другой копии нет). Поданные в Капеллу для одобрения догматики я просил официально возвратить мне за минованием надобности в одобрении. Таким ходом я облегчаю неловкое положение Кленовского, очутившегося в роли Пилата. Там теперь коллегияльное учреждение, состоящее из очень умных людей Н. Соловьева, Азеева и Лядова. Кленовский играет первую скрипку, он хитер, но не умен.

Я был бы очень счастлив, если бы Вы подарили мне хоть два часа времени от 7 вечера, я почти всегда дома, за исключением 26 января. Мне хотелось бы сыграть Вам 8 догматиков и услышать Ваше мнение. Вы знаете, что для меня *одно* слово Ваше громче звучит, чем все хоры русских музыкантов вместе взятые.

Искренно преданный Вам друг

Н. Компанейский.

В строгом стиле

За рекой на горе
хуторок стоит,
В хуторке у ручья
Кустодия спит,
Знать кастальский ручей
Охраняет она,
Не влилась бы туда
Либеральная струя.

Под горой, над водой
Лес зеленый шумит,
В том лесу фарисей
Борзым гласом орет:
Гей, не терплю удалых
Либеральных людей,
Разведу в хуторке
Музыкальных свиней.

1. Прислана была только что вышедшая в издании ОЛДП работа Смоленского «О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии».

2. Статья опубликована в РМГ (1904, № 6/7), но, конечно, без приводимых далее в письме стихов. В предыдущем предложении — неточная цитата из Пасхального канона (ирмос третьей песни).

Петербург, 26 апреля 1904

Высокопочитаемый Степан Васильевич!

Благодарю за сообщенные сведения. Хотя они и не подкрепляют мое мнение, почерпнутое из рассказов лиц, близко знавших Глинку, однако и не разрушают его. Львов не был доволен назначением Глинки капельмейстером Капеллы и не только не сочувствовал желанию его заняться церковными композициями, но ревновал и противодействовал ему, что и было причиной оставления Глинкою Капеллы. Львов, между прочим, не допустил исполнение в присутствии Государя Херувимской Глинки. Херувимская № 1 Львова написана гораздо позднее Херувимской Глинки, во всяком случае после отъезда Глинки в Париж. К такому убеждению приводит анализ этих двух сочинений: гениальной реставрации стиля Палестрины и пересказ Львовым изуродованных тем Глинки на немецком жаргоне¹.

В среду вечером у меня будут Панченко и Лисицын² и еще кое-кто, быть может, Вы позволили бы себе сделать маленький перерыв в Ваших неустанных занятиях и отдохнуть в беседе среди людей Вам преданных и глубоко почитающих Вас. Из числа коих пребываю самый ревностный Ваш друг и почитатель

Н. Компанейский.

Читали, какую чушь написал о моей Софрониевской Херувимской Кашкин?³ Видно, хотелось сказать хуже в угоду своим приятелям, да побоялся, что язык ему наколют булавками.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 15—15 об.

1. Очень интересная статья Компанейского под названием «Влияние сочинений Глинки на церковную музыку» опубликована в РМГ (1904, № 19/20). Судя по письму, Смоленский, как он часто это делал, защищает от нападок А. Ф. Львова; Компанейский же жестко критикует его.

2. То есть два главных представителя Нового направления в церковном творчестве Петербурга — С. В. Панченко и священник Михаил Лисицын. С обоими Смоленский был хорошо знаком.

3. Н. Д. Кашкин написал о Херувимской Софрониевской в рецензии на тот самый концерт, в котором Синодальный хор первый и единственный раз пел Компанейского:

Тенденции новой церковной музыки стремятся к ее национализации путем установления тесной связи со старинными русскими мелодиями... Но и в этом имеются два пути, которые, по нашему мнению, оба имеют право на существование: одни композиторы ограничивают свой материал исключительно старинными церковными мелодиями, а другие допускают также сближение с общим складом старинной русской музыки, тем более что среди различных местных роспевов имеются мелодии, очень близко подходящие к общерусскому мелодическому складу.

Подтверждением последнего положения мог бы служить первый номер программы: Херувимская софрониевского роспева в обработке Николая Компанейского. <...> Обработка г. Компанейского сделана довольно умело, хотя движение сопровождающих голосов довольно однообразно.

(Московские ведомости, 1904, 13 апреля)

Петербург, 14 мая 1904

Дорогой Степан Васильевич!

Очень Вам благодарен за сделанные отметки на моей партитуре. Вы отлично сделали, что возвратили мне догматики обратно, так как я менее всего желаю, чтобы они причинили Вам затруднение, тем более когда Вы устали. Дай Бог поправиться Вам скорее, успокоиться душою и возвратиться к нам с полными силами для дальнейших работ, столь драгоценных для церковной музыки. Препровождаю Вам обратно книгу Металлова, она у меня есть. Жаль, что в этом интересном сборнике почти нет цитат и разъяснений, подобно «Азбуке» Мезенца¹. Я собираюсь на досуге переписать попевки в иной системе, более наглядной, в генетической связи их в разных гласах. При них необходима крюковая нотация. Быть может, со временем Вы это сделаете? Разрешите мне подержать лето Ваш Октоих, там много очень ценных мыслей, как всегда, глубоких, в высшей степени порядливых и аналитичных. Чудодейственный Вы человек.

Последнее время мне пришлось внимательно продумать догматики Ка-стальского, и мне кажется, что мой труд далеко не бесполезен. Зачем упрекать меня в вольностях в письме, кажется, в моих партитурах нет нигде такого грубого параллелизма, как у Кастальского, не обусловливаемого художественною целью.

Вообще Москва очень патриотична. Вы, конечно, читали отзыв Кашкина о сочинениях Лисицына, где он ставит ему в образец догматики 5-го гласа Аллеманова². Если это не крайняя недалечность, то грубая наглость. Хочу написать заметку по этому поводу. Ну, довольно, до хорошего свидания. Дай Бог увидеть Вас здоровым и бодрым. Я уеду, вероятно, не ранее 15 июня. Куда? Не знаю еще. Мои нервы очень утомлены. Голова болит, дергает и не сплю.

Обнимаю Вас крепко. Преданный Ваш друг Н. Компанейский.

1. Имеется в виду, вероятно, книга В. М. Металлова «Осмогласие знаменного роспева. Опыт руководства к изучению осмогласия знаменного роспева по гласовым попевам» (М., 1899).

2. Имеется в виду цитированная выше рецензия Кашкина в «Московских ведомостях» на концерт Синодального хора 11 апреля, где о двух исполнявшихся хорах священника М. А. Лисицына («Ангел вопияше» и «Покаяния отверзи ми») сказано: «недурно, хотя менее значительно», чем композиции Викт. С. Калининкова или Д. В. Аллеманова.

Петербург, 9 декабря 1904

Дорогой мой Степан Васильевич!

Благодарю Вас сердечно за высказанное сочувствие по поводу статьи о Соловьеве¹. Цензура много сгладила, и потому вряд ли осуществится мое желание, чтобы Соловьев подал на меня в суд и дал тем возможность огласить творимое слугами фарисейскими насилие. В июне я, быв у Саблера², кричал на него как извозчик, оскорблял, даже махал пальцем перед носом, однако он облился и не жаловался в суд. Эдакая неудача! Говорят, что в Синодальном ведомстве не обижаются, даже если плюют в лицо.

Если Михаил Александрович Лисицын был у Вас, то Вам известно уже о предполагаемой петиции композиторов духовной музыки³. Я уверен, что и Вы не откажетесь участвовать. На днях примусь за статью, предназначенную в «Право» или «Наша жизнь». Мне обидно за композиторов духовной музыки, почему все молчат и никто не присоединяет свои голоса к протесту. Неужели и впрямь мы, русские люди, так забиты и нечувствительны к насилиям, совершаемым над нами. А еще говорят о весне. Где у нас люди со свободною и энергичною мыслью?

Читали, как Иванов меня пожелал отделать?⁴ Бедный Махал Махалыч, орех-то оказался не по зубам. На мое возражение он будет что-то лепетать и развращать русскую публику. Хорошо бы было, если ему возьмется отвечать кто-либо другой, более авторитетный человек, чем аз есмь.

За Октоих Вам большое спасибо. Мне очень хотелось бы передать его Вам лично. Если позволите, то в назначенный день сам являюсь к Вам или же Вы осчастливите меня своим посещением. Если не получу ответа в течение 3 дней, то пришлю Октоих. Софрониевскую Херувимскую я едва-едва отстоял от полного крушения. Азеев, оказывается, не музыкант, а казенка-полуштоф. Однако, несмотря на искажение, Софрониевская Херувимская обратила на себя внимание, и в антракте был сильный говор за и против. Даже аплодировали. Певцы сделали мне овацию. На первый раз я доволен. Спасибо Иванову, он оказал мне большую услугу.

Преданный Вам и уважающий Н. Компанейский.

P. S. Говорят, Вы написали панихиду. Это секрет?⁵

1. Имеется в виду директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода Д. Н. Соловьев; статья Компанейского — часть из его публицистического цикла «Современное демество» (РМГ, 1904, № 49). Речь в ней идет о концерте Церковно-певческого благотворительного общества 30 ноября под управлением Е. С. Азеева (вместо обычно руководившего такими концертами А. А. Архангельского). Компанейский пренебрежительно высказался о регентовании Азеева, а также и о программе концерта, причем особому «разносу» подверг сочинение Соловьева «К Богородице прилежно». Заодно сильно досталось Соловьеву и как цензору, который свысока относится к авторам и дает разрешение к печати, руководствуясь личными пристрастиями.

2. Владимир Карлович Саблер, помощник обер-прокурора Св. Синода.

3. Речь идет о петиции по поводу отмены цензуры при издании духовно-музыкальных произведений. Таковая была подписана многими музыкантами, включая даже Н. А. Римского-Корсакова, однако вскоре оказалась бесполезной ввиду текущих политических событий.

4. В газете «Новое время» 30 ноября появилась заметка о концерте Церковно-певческого благотворительного общества в Дворянском собрании под управлением Е. С. Азеева (за подписью «— е»). Там говорилось, в частности:

Выбор исполненных номеров был интересен, хотя иногда с отрицательной стороны. Так, обратила на себя внимание Херувимская г. Н. Компанейского, обработавшего церковную мелодию Софрониевской пустыни. Автор делает примечание, из которого следует заключить, что его обработку следует считать не только народно-церковной, но и верной древним традициям. Вряд ли его утверждение основательно. Софрониевская пустынь (в Курской губернии) не такая отдаленная обитель, которую можно считать избегнувшей чужеземных наносов и веяний. Но если и считать данную им мелодию совершенно правильною... то с обработкою автора нельзя согласиться. Она напоминает, и очень уже близко, хор поселян из «Игоря» Бородина, а этот хор нельзя признать религиозным. Вообще можно быть сторонником пользования народной песнею в церковной музыке, — такое направление замечается в последнее время у некоторых церковных авторов, — но следует быть осторожным, если не хотим в нашей церковной музыке прийти к тому нежелательному положению вещей, которое на Западе привело к известным постановлениям Тридентского собора.

Критикуя Компанейского, автор заметки высоко оценивает исполненные песнопения А. А. Архангельского, «К Богородице прилежно» Д. Н. Соловьева, а также «Верую» Э. Ф. Направника — дебют маститого дирижера в церковно-музыкальном жанре. Замечается также, что совсем неинтересно песнопение «Отче наш» и не стоило включать в программу сочинения такого «третьестепенного» автора, как Г. Я. Ломакин.

5. Панихида на темы из древних роспевов действительно была написана Смоленским и впервые исполнена за службой в церкви Фонтанного дома (вскоре издана в Обществе ревнителей русского исторического просвещения; см. в переписке с С. Д. Шереметевым).

Петербург, 18 января 1907

Дорогой мой Степан Васильевич!

Как всегда, очень огорчен, что не застал Вас дома и лишен был удовольствия побеседовать с человеком, дорогим моему сердцу. На этот раз хотел вести беседу по очень важному по своим последствиям делу. А дело-то вот в чем. Быть может, до Вас не дошел слух, так как держится в секрете, о том, что организуется *Общество писателей о музыке!* Собрались репортеры, или как они себя называют, музыкальные критики для совещания, как оградить себя от произвола редакторов, сокращающих их статьи для уменьшения гонорара. На этот совет нечестивых и дерзновенных почему-то и меня позвали, вероятно ввиду моего дерзкого нрава. Дебаты кончились тем, что выяснилась поговорка «сердит да не силен...» Однако я повел речь в другую сторону, надо соединиться всем пишущим воедино для взаимной помощи на почве музыкально-научных, художественных и профессиональных интересов. Голос мой не остался solo, явились подголоски, хотя и не направляющие каденции, но в результате мне было поручено составить устав. Около двух месяцев собирались и обсуждали и, наконец, выработали предварительный проект, который будет утвержден на общем собрании при участии возможно большего числа будущих членов. По всей вероятности этот проект будет доставлен и Вам. Все это я хотел Вам передать лично и в заключение усердно просить принять это дело близко к сердцу, в чем никогда не сомневался, и пожаловать к нам на собрание, — а там дело будет видно, что делать и какую играть роль.

Вместе с проектом устава Вы получите и мою записку, в которой развивается мысль о необходимости учреждения «Общества писателей о музыке». Конечно, для Вас эта записка ничего нового не представит, и я уверен, Вы вполне будете с нею солидарны. Надо положить предел собачьей привычке музыкальных критиков: хватать за полы, а то и выше — за мякоть. Надо поднять критический кругозор, создав условия хотя бы нравственной ответственности за такие статьи, как пишет Махал Махалыч Жирафов¹, обсуждениями их в собрании и т. п. Но это все мелочи, а главное, надо образовать [общество?], из которого развилось бы впоследствии нечто высшего академического характера. Консерватории ведь готовят только музыкальных техников, материал для воспроизведения музыкальных идей. Но сами идеи произрастают доморощенно. Ни академии, ни университеты, ни Министерство народного просвещения не имеют никакого соприкосновения с наукою музыки различного рода. Неоспоримо, что талантливые музыканты-виртуозы и композиторы — люди, одаренные от природы умом, а между тем в большинстве случаев какие узкие взгляды на искусство! Короче, музыка до сей поры находится в исключительных условиях личного усмотрения и лишена тех научных интересов, без которых не обходится ни одна наука. Припомните, как учреждалось Р. М. О. и какие дали результаты ее консерватории и школы, конечно, в техническом только отношении². Верю,

что и проектируемое общество сыграет большую роль в развитии музыкальной науки и идейности. Все зависит от людей и такта. Будут приглашены и университетские. Общество не исключает иногородних³.

Пожалуйста, поддержите. Черкните несколько слов, какого Вы мнения. Поклон Анне Ильиничне.

Преданный Вам Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 22—23 об.

1. То есть музыкальный критик и композитор М. М. Иванов, который был очень высокого роста.

2. Мнение Компанейского о задачах консерваторий выражено в его статье «Обязанность консерватории по отношению к русской церковной музыке», опубликованной в РМГ (1907, № 32/33); см. с комментариями в III томе РДМ.

3. Компанейский несколько раз выступал публично с идеей «Общества писателей о музыке», но оно не было создано.

Петербург, 4 марта 1907

Дорогой Степан Васильевич.

Страшно сожалению, что свидание наше не состоялось. Хотел поговорить о многом, а главное по поводу письма Вашего о нарождающемся обществе. Такой умный человек, как Степан Васильевич, конечно всегда будет сознавать неполноту своих знаний и опасаться быть последним среди посредственности. Но в Вашем письме доминирует не эта симпатичная черта, а другая, совсем не симпатичная — русская натура, неподвижность. Простите, дорогой, за откровенность. Немцы образуют легко всякого рода фереины, даже сапожников, а мы, российские музыкальные интеллигенты, боимся сойтись, познакомиться и побеседовать.

Ну, что Вы страшитесь посидеть рядом с М. М. Ивановым и послушать его рабелепный жаргон. Ничего страшного нет, чай, не раз держали в руках «Новое время», а польза может быть большая и очень большая. Вы от такого сообщества не заговорите языком Суворина¹, а Иванов в Вашем сообществе может если не переродиться, то конфузиться, или вернее опасаться чепуху городить, а быть может кое-чему и научиться. Дорогой мой Степан Васильевич, будьте хоть немного немцем, помогите нашей оскуделой мысли, положите в сокровищницу и свою лепту, хотя бы она, по Вашему мнению, была и очень ничтожной. А по моему мнению, для развития русского музыкального стиля мнение музыкального археолога необычайно важно. Если Вы думаете иначе, то я не понимаю значения археологии как науки.

Убедительно прошу Вас, приходите в наше собрание и примкните к учредителям нашего общества. Уйти можно всегда, а поработать для учреждения

такого важного для музыкального дела общества — только раз в жизни. В составе общества, конечно, будет подавляющее большинство дети по сравнению с Вами, но не здоровые нуждаются во врачах и т. д.

Напрасно Вы говорите, что Вы человек кабинета или скромной келии. В сущности каждый кабинетный ученый есть пророк на площади. Если бы Вы знали, что Ваши работы не сделаются достоянием общества, а будут положены с Вами в могилу, то конечно Вы не сидели бы в своем кабинете за Кондакарем. Выходите к больным и лечите их, учите, обогащайте нищих музыкальной современной критики.

Быть может, Вы не пророните слово в течение 10-ти заседаний, но на 11-м одно слово Ваше ударит по лбу всех присутствующих. Предоставьте нам знать, полезный ли Вы деятель, предоставьте нам судить, каково влияние Ваших мыслей на современных музыкальных деятелей. Могу Вас заверить, что Общество писателей о музыке почтет за большое приобретение иметь Вас среди своих членов, полагаю, что и Вам нет основания чувствовать себя неловким среди людей, преданных делу, но не обладающих такими способностями и знаниями, какие имеются у Смоленского. Еще раз убедительнейше прошу сделать нам честь пожаловать в заседание и примкнуть к числу учредителей. Имя Ваше придаст бодрости. Если Вы отказываетесь, то дерзну явиться к Вам и вступить в прение.

Супруге поклон.

Преданный Вам Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 26—27 об.

1. Имеется в виду скорее не литературный язык А. С. Суворина как публициста (замечательный по выразительности), а язык редактируемой им газеты «Новое время», который не нравился «либералу» Компанейскому.

Друскеники, 16 августа 1907

Дорогой Степан Васильевич!

Письмо Ваше меня огорчило. Неужели дело не наладится? Мне кажется, Вы сами виноваты. Зачем Вы обращались к Митрополиту, да еще к такому, как наш, Иудушка вертихвост. Идти на совет нечестивых не подобает мужу мудрому. От сего ведомства кроме зла и хриstopродавства нельзя ничего ожидать. К тому же я не понимаю, почему надо устраивать непременно регентские классы, а не вообще классы для учителей хорового пения, светского или духовного, безразлично. Для открытия классов учителей хорового пения потребуется разрешение Министерства народного просвещения, а не греховного. А еще было бы лучше пристегнуть это дело к Консерватории, или, вернее, устроить самостоятельное отделение Р. М. О. — музыкальное учебное заведение специально

для хорового пения. На эту тему уже написал статью для Русской музыкальной газеты и отправил ее в редакцию с просьбой напечатать в августе месяце¹.

Что касается до открытия регентского училища, предпринимаемого хорамми Александро-Невской лавры, Казанского и Исаакиевского соборов, то мне кажется здесь ловушка А. А. Архангельского. Вероятно это затевает сам владыко архангельского монастыря для возвеличения и восхваления имени своего. Неужели Вы пойдете в послушники сей обители².

На эту тему распространился бы я еще много, но сейчас нет времени писать, так как надо укладывать вещи к завтрашнему путешествию домой в Петербург. Опять начнутся мои страдания по службе. Мой дьявол Колоколов³, несмотря на свое тупоумие, все же не покидает мысли изобрести средство, чтобы меня выгнать со службы. Теперь наши мудрецы во обеспечение будущих побед придумали новый закон: аттестация каждого служащего, а затем исключение со службы неудовлетворительно аттестованных. Колоколов вероятно аттестует меня: «страдает запоем», или «занимается ростовщичеством», или что-либо в этом роде. Положим, «блажени изгнанные правды ради», но мое блаженство будет слезное, так как пенсия в 900 рублей не утешит меня.

Примите мое уверение в искренней моей дружбе. Когда приедете в Питер, черкните, и я явлюсь, чтобы облобызать и побеседовать. Анне Ильиничне низкий поклон.

Ваш Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 31—32 об.

1. Это упомянутая выше статья (см.: РДМ. Т. III).

2. Под «владыкой архангельского монастыря» подразумевается, конечно, знаменитый хормейстер и композитор А. А. Архангельский; про регентское училище соборов и лавры ничего не известно, других возможных конкурентов своего Регентского училища Смоленский называет в переписке с С. С. Волковой.

3. Судя по другим письмам, непосредственный начальник Компанейского.

Петербург, 20 января 1908

Дорогой мой Степан Васильевич.

Письмо Ваше я брал с собою в учредительную Комиссию, но поручение Ваше прочесть его содержание не исполнил, и вот почему. Сегодня рассматривались лишь общие вопросы, а именно: нужно ли такое учреждение как Народная Консерватория; как лучше назвать его, какие предметы изучать (только их наименование) и т. д., а затем приступили к делению на группы для образования подкомиссий: 1) хорового пения, 2) теории музыки, 3) игры на инструментах и 4) по устройству лекций и концертов. Эти подкомиссии займутся распределением детально вопросов, вот там-то и предполагают доложить и Ваши замечания,

если Вы не пожалуете в подкомиссии. Господин Гутор записал Вас в подкомиссии, кажется, хорового пения и теории, где и я буду состоять¹. Сегодняшним заседанием я доволен. Принялись за дело горячо, дай Бог, чтобы пыл не остыл. В подкомиссиях встретимся, наговоримся вдоволь и поспорим. Знаю, мы разойдемся во многом. Вы человек опыта и положительный, я же кроме благих намерений ничего не имею.

Здоровье мое очень не завидно, нервы расстроены до крайности, не сплю ночи и страшно волнуюсь, да и есть от чего.

Скажу Вам под большим секретом, мне велено подать в отставку, вследствие тайного доноса моего подлеца начальника Колоколова, о подвигах которого я Вам уже говорил. По закону мне полагается пенсия 900 рублей в год. Судите сами, что я должен теперь переживать, имея на плечах больную старуху жену и сына, не окончившего образования. Не буду об этом говорить, слишком тяжело. Я в отчаянии. В министерстве все возмущены такою подлою местью моего врага, решили заступиться за меня. Я подчинился приказанию, подал в отставку, но надеюсь, что за грош не продам себя, буду воевать и защищаться. А впрочем, если знаете, сила ломит и соломушку. Прошу об этом письме никому не говорить и разорвать его. Вот изволь при таком настроении заниматься музыкой и устраивать Народные Консерватории, Эх, был бы я один, не нуждался, а освободившись от служебных оков, посвятил бы остаток дней своих музыке. Ведь есть же счастливицы, которые не служили и с малых лет работали на пользу науки и искусства.

Уверен, что Вы, дорогой мой, более чем кто-либо из моих знакомых примете к сердцу мое отчаянное горе и пожалеете всю душою преданного Вам

Н. Компанейского.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 37—38 об.

1. В. П. Гутор до своего переезда в Екатеринодар, где он стал директором и преподавателем Музыкального училища (1908), являлся одним из организаторов Народной консерватории.

Петербург, 11 мая 1909 года

Досточтимый Степан Васильевич.

Заявление Ваше об отказе от участия в Комитете¹, доложенное в заседании 11-го сего мая, было встречено всеми присутствовавшими в нем членами с чувством крайнего и искреннего сожаления. Комитет, единодушно желая Вам восстановления Вашего здоровья, а также бодрости и сил на пользу дорогого всем нам церковно-певческого искусства, постановил выразить Вам глубокую благодарность за труды, понесенные Вами в качестве Председателя Комитета, считая своим долгом с особенною признательностью отметить Вашу всегдаш-

нюю отзывчивость к делам Комитета и готовность входить в личные сношения с лицами, могущими оказывать мощное влияние на успешность деятельности Комитета, причем последние, благодаря Вашему такту и умелому ведению дела, почти всегда увенчивались успехом.

Комитет позволяет себе и впредь надеяться на Ваше сочувствие и содействие целям и задачам Комитета и уповает, что по восстановлении Вашего здоровья он будет иметь удовольствие видеть Вас в своей среде.

Члены Комитета: Н. Компанейский, прот. Лисицын, П. Мироносицкий, М. Гольтисон, И. Тернов.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 40. На бланке Временного комитета по увековечению памяти духовных композиторов

1. О деятельности этого Комитета см. в переписке с С. С. Волковой.

Друскеники, 8 июля 1909

Дорогой Степан Васильевич.

Письмо Ваше меня очень порадовало. Возста из мертвых. Не только всей душой присоединяюсь к Вашему делу, но готов служить ему лично, если бы мне нашлась там роль, хотя бы и швейцара. Моя заветная мысль написать «Основы контрапункта» пока не с места, а следовательно к взятой роли не гожусь. Вероятно, завтра пошлю почтовых голубей с радостною вестью по всем редакциям музыкальных газет. У меня имеется в виду статья о значении духовной музыки для консерваторского образования, где я говорю о бесполезности Капеллы и Синодального певческого училища как отдельных учреждений и необходимости перенести в консерватории преподавание предметов по церковному пению, чтобы дирижеры хоров получали свое образование там же, где и дирижеры оркестров. Консерватории должны быть центром всех музыкальных специальностей, и тогда конечно Вы перенесете свою деятельность в стены Консерватории. Отправил в редакцию «Баяна» статью по поводу учреждения в каждом городе местных хоровых обществ с приложением проекта устава¹. Цель учреждения обществ исключить посредствующее звено между спросом и предложениями певческого труда, чтобы хоросодержателями являлось Певческое Общество. Подробности прочтете.

Сию сейчас под окном и слушаю стук дождевых капель о листья каштанов. Когда хорошая погода, Друскеники представляют из себя лучший уголок ближайший к Петербургу. Здесь имеется оркестровая музыка от 6—8 часов вечера, которая слышна из моих окон, чудный сосновый парк, вокруг сосновые леса и песчаные дюны, в парке протекает желтый Неман с высокими песчаными берегами, а сзади дачи так называемая Родничанка, где в купальне водопад 1 1/3 аршин высоты и вода бурлит пеною, как Нарзан. Нервы мои уже теперь

несколько поправились, так как уже более двух недель я не вижу рожу моего начальства и не томлюсь хождениями на службу для переливания из пустого в порожнее. Главная цель поездки в Друскеники была полечить мою супругу. Намерение это пока терпит фиаско. Лечение состоит из здешних соленых ванн и, конечно, с прибавлениями аптекарской кухни. От ванн нервы ее окончательно расстроились, а от аптечных лакомств так испортился желудок, что сейчас она и лежит. Что будет дальше, неведомо.

Жена хочет бросить Друскеники и ехать в Киев к дочери и внучатам, а мне, признаться, нравится более всего свобода, которой я наслаждаюсь вполне в здешних местах. Местные жители, евреи и литовцы, очень не просвещенный люд, что такое воровство, они не знают. На балконе можно оставлять ночью платье, а в лесу бродят одни дети, никому не приходит в голову, что есть на свете просвещенная экспроприация. Вот страна-то!

Супруге Вашей усердный поклон, а Вас обнимаю крепко.

Швейцар Вашей Академии [хорового] искусства Н. Компанейский.

РГИА, ф. 1119, № 144, л. 41—42 об.

1. Статья Компанейского в журнале «Баян» за 1909 не обнаружена.

История знакомства Смоленского и Николая Ивановича Компанейского подробно излагается в этих письмах. Биографию последнего см.: *Артемова Е. Г.* Петербургская ветвь Нового направления (кандидатская диссертация; М., 2003), а также в ее публикации «Н. И. Компанейский — критик и композитор» (Труды Московской регентско-певческой семинарии. 2000—2001. М., 2002. С. 109—124).

Компанейский в разных своих статьях до 1908 неоднократно отзывался о деятельности Смоленского в самых похвальных выражениях. Примером может служить хотя бы его статья в РМГ «О связи русского церковного пения с византийским» (1903, № 29/30—33/34, 37), где исключительно высоко оцениваются все вышедшие к этому времени работы Смоленского.

Судя по письмам к разным корреспондентам, Смоленский относился к Компанейскому как к человеку — очень тепло, как к критику — с интересом и сочувствием, но к Компанейскому как композитору — по крайней мере, с некоторым опасением. Разделяя «народнические» идеи Компанейского-критика, в частности постоянно проводимую им мысль о родстве древних роспевов с народной русской песней, Смоленский считал его композиторское письмо непрофессиональным. Степан Васильевич участвовал в некоторых общественных начинаниях Компанейского (упоминаемые в письмах Народная консерватория, Общество писателей о музыке, Комитет по увековечению памяти духовных композиторов), но без особого энтузиазма, поскольку в период после 1905 у него было много собственных начинаний — Регентское училище, регентские съезды, журнал «Хоровое и регентское дело». Что касается цензурного вопроса, то к нему Смоленский отнесся очень

внимательно, но его от этого дела, что называется, «отставили», в то время как Компанейский продолжал войну «до победного конца».

Кроме того, у них были разные представления о способах духовно-музыкального образования (как и разные представления о способах социальной защиты тружеников клироса — Компанейский больше пекся о певчих, а Смоленский о регентах). В результате уже буквально в последние месяцы жизни обоих (Смоленский умер в июле 1909, Компанейский — в марте 1910) они резко поссорились.

Точнее, публичную ссору затеял Компанейский, выступив на страницах «Нового времени» с нападками на созданное Смоленским Регентское училище, утверждая, что подъем русской духовной музыки возможен только тогда, когда ею займутся специальные музыкальные учреждения, прежде всего консерватории. Соответственно, он считал ненужным и училище Смоленского. На этой позиции, собственно, Компанейский стоял и раньше (см., например, публикацию его статей в III томе РДМ). Очередное выступление критика явилось, очевидно, реакцией на выход новых «записок» Смоленского, посвященных задачам Регентского училища. Тот сначала не хотел отвечать Компанейскому, но потом, под нажимом чужих советов, выступил со статьей, опубликованной в «Новом времени» 20 мая. Затем последовало еще одно, очень резкое по тону и очень «личное» выступление Компанейского. Вероятно, Смоленский, не желая продолжать публичную дискуссию, написал Николаю Ивановичу письмо, на которое тот и ответил в совершенно дружеском тоне 8 июля. Неизвестно, успел ли Смоленский прочесть этот ответ.

Письма Уильяма Джона Биркбека

Лондон, 7 декабря 1894

Любезнейший Степан Васильевич.

Я весьма благодарен Вам за Вашу добрую телеграмму, которую я получил в понедельник утром. Причина моей телеграммы и моей суетливости получить ноты Чайковского так скоро, как возможно, была вот такая — королеве Виктории очень понравился мой перевод Кондака «Со Святыми упокой», который имел место в богослужении, совершавшемся в день отпевания покойного Государя в церкви Виндзорского Дворца¹. И так в субботу Директор Королевского Хора пришел ко мне и спросил, если было бы возможно получить из России церковные песнопения Чайковского для годовщины покойного Ее супруга Принца Альберта в 14-й декабря (N[ew] S[tyle]). И так я прибегал к Вам с просьбою о помощи.

Мне очень утешительно видеть хорошее впечатление, сделанное и на Королеву, и на Англичан вообще торжественными словами и звуками русских православных песнопений. Мой перевод «Со Святыми упокой» вторично пропоется в следующий понедельник в большом Виндзорском Соборе Святого Георгия Победоносца, в сорочины покойного государя, так как он был рыцарем ордена Подвязки.

Очень благодарю Вас за прекрасный Канон Пресвятой Богородицы, который я получил несколько недель тому назад. Я прежде написал бы Вас благодарить, а я хотел бы, прежде сего, найти экземпляр концертов «de Cogelli», и при всем желании я еще не успел. Они теперь очень редко находятся. А вчера Директор Королевского Хора, Sir Walter Parratt, мне сказал, что у него есть прекрасный экземпляр полной партитуры, который он с удовольствием позволяет мне послать за некоторые месяцы к Вам в Москву. На днях я Вам его pošлю.

Надеюсь, что Вы найдете возможным читать это письмо. Извините, пожалуйста, все его ошибки. Поклоняюсь к Вашей почтенной супруге.

Душевно преданный Вам И. В. Биркбек.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 10—10 об.

1. Речь идет о заупокойной службе по российскому императору Александру III.

Москва, Славянский базар, 15 апреля 1897

Дорогой Степан Васильевич.

Мы отправимся от гостиницы в четверть одиннадцатого сегодня утром, а до того времени я здесь буду. Может быть, Вы успеете быть ко мне? А если нет, то я стараюсь Вас посетить завтра поздно вечером или рано утром в четверг.

Душевно преданный Вам И. В. Биркбек.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 120, л. 1.

Лондон, 10 июня 1897

Любезнейший Степан Васильевич.

С большим удовольствием получил Ваше любезнейшее письмо, в котором Вы сказали, что Вы не оставили намерения побывать в Англии в июле месяце. Я ожидаю Ваш приезд с нетерпением и Вас прошу уведомить меня сейчас, когда Вы приехали!

Что касается до переложения русских песнопений с английского текста, мы стараемся вместе сделать что-нибудь во время Вашего пребывания в Англии; я очень рад, что Вы думаете об этом весьма полезном деле. А после Вашего приезда сюда гораздо легче будет для Вас представить к себе способности наших хоров нашего богослужения. Жена и я приветствуем Вас и поклоняемся к Вашему супруге. До скорого свидания!

Преданнейший Вам И. В. Биркбек.

Извините, пожалуйста, за все мои ошибки в русском языке!

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 120, л. 2—3.

Лондон, 19 января 1899

Любезнейший Степан Васильевич.

Могу ли я Вас просить мне послать 120 экземпляров этого прекрасного сербского «Достойно есть» г-на Кастальского, которое хор Ваш нам пел в августе месяце?¹ И, может быть, Вы позволите, чтобы я Вам заплатил при следующем моем приезде в Москву? Sir Walter Parratt желает познакомиться хор свой с некоторыми русскими песнопениями: и мы хорошо успели перевести Ваше чудное «Свете тихий» на английский язык, а «Достойно есть» — гораздо труднее, итак, мы решили попробовать по-славянски!

Я Вам весьма благодарен за ноты антифона первой кафизмы, которые Вы мне послали и которые мне возбудили приятные воспоминания многих торжественных богослужений, у которых я присутствовал в Успенском соборе.

Сердечно приветствую Вас за новый год. Кланяйтесь от меня Вашей почтенной супруге.

Преданный Вам И. В. Биркбек.

P. S. Извините, пожалуйста, все мои ошибки на русском языке!

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 120, л. 4—5 об.

1. 11 августа 1897 Синодальный хор дал в своем зале концерт для иностранных гостей; в программу были включены два сочинения Кастальского: сербское «Достойно есть» и «Милосердия двери».

Норвич, 26 июня 1899

Любезнейший Степан Васильевич.

Позвольте мне Вам представить друга моего, англиканского священника Ньюболта (Newbolt), каноника Лондонского собора Св. Павла. Каноник Ньюболт посещает Россию и Москву в первый раз. Он очень симпатичный человек и искренне сочувствует со всеми стремлениями к сближению между православными и англиканскими церквями. Разумеется, что он был бы очень рад присутствовать в Успенском соборе во время превосходного пения Вашего хора, и я был бы Вам весьма обязан, если Вы можете помогать его.

Кланяюсь Вашей многоуважаемой супруге и остаюсь
преданный Вам Иван Васильевич Биркбек.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 120, л. 6—7 об.

Норвич, 26 февраля 1901

Любезнейший Степан Васильевич.

Позвольте мне представить Вам друга моего, г-на Fuller-Maitland (Фульер-Мейтланд), большого знатока музыкальных дел всякого рода. Г-н Мейтланд предполагает посетить Россию и, вероятно, будет в Москве в Страстную неделю. Могу ли я Вас просить доставить ему некоторые сведения, так необходимые для иностранца, в первый раз посещающего Вашей славной столицы, о чудных песнопениях и торжественных службах в Кремле и в храме Спасителя? Я очень желал бы сам сопровождать его: а, к сожалению, я теперь так занят с большим новым имением недалеко отсюда, которое я только что купил, что невозможно вот теперь путешествовать!

Будет, может быть, небезынтересно для Вас узнать, что в похоронах нашей возлюбленной Королевы Виктории в Виндзоре пели «Блажени яже избрал» Чайковского, а в соборе Св. Павла в Лондоне и в церкви дворца С. Джемзского [церковь в королевском дворце Св. Джеймса] пели «Со Святыми упокой».

Привет и наилучшие пожелания Вам и Вашей многоуважаемой супруге от меня и моей жены.

Душевно Вам преданный И. В. Биркбек.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 120, л. 8—9 об.

Биркбек — А. В. Преображенскому

Петербург, 3/16 марта 1912

Многоуважаемый государь.

Я Вам весьма благодарен за сочинения Смоленского и Гречанинова, которые я вчера благополучно получил от Вас, а также за любезный подарок Вашего

«Очерка истории церковного пения», который мне будет очень полезным, и я прочитаю с наибольшим интересом.

С искренним почтением И. В. Биркбек.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 115, л. 1.

Уильям Джон (Иван Васильевич) Биркбек (Birckbeck; 1859—1916) — английский религиозный деятель и музыковед (закончил Королевский музыкальный колледж в Лондоне, где обучался на органе у упоминаемого в письмах Уолтера Парратта). Занимался старинной музыкой, в частности григорианским хоралом, а также богословием. Первый раз побывал в Москве в 1888 в качестве представителя архиепископа Кентерберийского и с этого времени сделался апологетом православия в Англии. Впоследствии совершил множество путешествий по России (см. подробнее в статье С. Г. Зверевой в Православной энциклопедии. Т. V. С. 224—225). Любопытно, что в 1888 Биркбек посетил Казань, побывал в Учительской семинарии, где тогда трудился Смоленский, и слушал ее хор, очень понравившийся английскому гостю.

Непосредственно к Смоленскому Биркбека послал К. П. Победоносцев в 1890. В письме от 2 августа Победоносцев сообщал:

Он теперь здесь; дней через 7—8 поедет в Москву и явится к вам с моей карточкой. Прошу вас, объясните ему что нужно о крюках и о проч. и доставьте ему возможность послушать Синодальный хор. Под Успеньев день надо провести его в собор к вечерне. Затем попросите Никольского показать ему Печатную палату. Он уже много ездил по России, говорит кое-как по-русски, хорошо образован

(РДМ. Т. VI, кн. 1. С. 653).

В письме к С. А. Рачинскому от 24 августа 1890 Смоленский рассказывал:

Две недели, начиная с 13-го, возился с англичанином Биркбеком, археологом и отличным музыкантом, побывавшим и в Соловках, и в Киеве, и на Валааме. Он уже в четвертый раз в России, и, по правде сказать, хотя он и отнимает у меня время, но преинтереснейший гость, много знающий и общительный

(РНБ, ф. 631, 1890, июль-декабрь, л. 213—214).

В письмах в Англию этого времени Биркбек в высшей степени восторженно отзывался о Синодальном хоре и его руководителях (см.: Dixon G. Some English Impressions of the Russian Church and Its Music // Гимнология. Т. 2. М., 2000. С. 587—593). Смоленский, в свою очередь, в письмах к разным корреспондентам упоминает Биркбека как выдающегося знатока русского церковного пения, крюковой нотации и православного церковного устава,

который тот мог обсуждать «на равных» даже со старообрядцами (чей жизненный уклад и церковная служба особенно привлекали английского богослова).

Биркбек был знаком и с друзьями Смоленского, о чем могут свидетельствовать как приведенное в подборке его письмо к А. В. Преображенскому (после кончины Смоленского), так и имеющееся в фонде Шереметевых письмо Биркбека к С. Д. Шереметеву на английском языке (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, ч. 1, № 133), возможно, относящееся к тому же 1912, что и письмо к Преображенскому, а также сохранившееся в английском архиве письмо Биркбека к С. С. Волковой от 9 января 1916. Известно также одно письмо Смоленского к Биркбеку от 17 апреля 1897 (в английском архиве), где Степан Васильевич излагает основные факты своей биографии. Возможно, оно соотносится с приведенным выше письмом Биркбека от 10 июня того же года, где Биркбек радуется предполагаемому приезду Смоленского в Лондон. Как известно, в 1897 Смоленский совершил достаточно длительную зарубежную поездку, но в Лондон не попал — ни тогда, ни позже.

Письма Д. В. Аллеманова

Илецк, Оренбургской губернии, 20 марта 1894

Милостивый государь Степан Васильевич!

Прочитав Ваш отзыв о рукописи, вместе с этим представляемой, и сделав по разумению некоторые исправления, я уже питал надежду, что мое сердечное желание быть хотя несколько полезным близко к осуществлению. Но думал так — от себя. Ходатайство мое об одобрении рукописи Училищный при Св. Синоде Совет отклонил, не объясняя причин отклонения¹.

Что же теперь делать?

Одна надежда на Вас. (Вы первый составили обо мне слишком для меня лестное мнение и тем укрепили во мне некоторую веру в сбыточность моих заветных желаний.)

Прошу Вас, хотя не ради меня самого, а во имя святого искусства церковного пения, которому Вы так усердно и прекрасно служите, — просмотреть еще раз рукопись мою и не оставить выразить свое мнение о ней.

В самом деле негодна она, что ли? Ну, тогда, значит, и нечего думать и надоедать своими думами другим. Я так и сделаю.

Если же от рукописи может быть некоторая польза, то что же мешает Совету допустить издать ее?

Ведь нельзя не согласиться, что учебника по пению для церковно-приходских школ совсем нет и что он необходим все-таки. Иначе для чего же программы-то составлять?

Ради Бога растолкуйте мне все это.

Отдаю в полнейшее Ваше распоряжение и рукопись, и самого себя.

Не будете ли Вы столь великодушны (в случае если найдете рукопись годной), что примете на себя труд представить рукопись в Училищный Совет вкупе с Вашим отзывом. Мне кажется, там Ваше мнение должно очень много значить. А оно во всяком случае будет правдиво; стало быть, можно будет быть уверенным, что Совет одобрит рукопись.

Я уже теперь и не знаю, как от себя-то адресоваться в Совет — причины отклонения ходатайства не знаю. Ведь может быть вероятно, что рукопись негодна, а то и еще что-нибудь.

Примите уверение в совершенном почтении Вашего покорного слуги

Д. В. Аллеманова.

Полный адрес: г. Илецк (Оренбургской губернии). И[сполняющий] д[олжность] псаломщика Воскресенской церкви Дмитрий Васильевич Аллеманов.

1. Учебник пения для церковно-приходских школ авторства Аллеманова неизвестен. В течение 1894 года вышли в свет две серии (46 номеров) духовно-музыкальных сочинений и переложений Аллеманова.

Орел, 28 ноября 1898

Добрый Степан Васильевич!

Сейчас явился с духовного концерта А. Архангельского¹. Что это такое?!? Чему Архангельский обязан своею славой?

Вы, конечно, не раз слышали хор этого господина. Итак, что же это такое?

Мне грустно (чтоб не сказать — стыдно) за наших образованных музыкантов и особенно за духовных певцов: признавать это пение совершеннейшим в наше время это значит покрывать себя позором безвкусицы, бессмыслицы, фиглярства и проч., и проч., и проч.

Не сорвать личины с этого «прелазящего инуде» значит выказать себя солидарным с ним. О жалость! о горе!

Пение Архангельского, по-моему, есть один из симптомов болезни извращения, которой, очевидно, глубоко поражены «первенцы» нашего века... Какая же это, однако, ужасная болезнь, если так отвратительны ее проявления!

Когда хор пел «Днесь вернии ликовствуем» — мне казалось, что подгулявшая компания мужиков и баб вышла из злачного места и действительно выражает свое «состояние»... Между тем думалось, очевидно, что это «русский дух» (старообрядческое пение).

А при пении «Внуши, Боже, молитву мою» — невольно пришло мне на ум выражение «песельники вперед!!!» (В пении Архангельского «солдатызму», действительно, очень много.)

Господи, не вмени же мне сего во грех! Господи, Милостивый, прости нас, хулящих имя Твое Святое!

Горько, стыдно, досадно!!

Вы-то как думаете, Вы-то?

Ваш всегда Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 5 об.—6

1. Имеется в виду знаменитый регент А. А. Архангельский, гастролировавший со своим хором в Орле; неизвестно, что ответил на это письмо Смоленский, но у него самого отношения с Архангельским всегда были по крайней мере коллегиальными и корректными.

Орел, 23 января 1899

Многопопечительнейший Степан Васильевич!

До того Ваша попечительность обо мне простирается, что, право, и конца, кажется, ей не видать. Особенно «умменькое напоминание о себе, но *непре-*

менно спокойно и без всяких преувеличений». Нет, чтоб «ну-ка, мил человек, нарежься-ка»... Признаюсь Вам, что так писать о всем, как Вам пишу, я никому никогда и не думал. Порой природная гордость, а иногда и благоразумие удерживают меня от разного рода излишней, и в особенности от жалоб на свою судьбу: ведь всяк своего счастья кузнец — печаловаться, стало быть, себя же бить. Это было бы похоже на гоголевскую унтер-офицершу.

Вы — другое дело. Ваше неподдельное участие ко мне, тон Ваших речей и проч., и проч. заставляют быть меня пред Вами нараспашку. Тут я вижу, что таким манером лучше... Ей же, ей, я знаю кто Вы сравнительно со мной, и однако...

Писать к Вам или читать Ваше послание для меня большая утеха. И то ведаю, что там, где академики с протекцией едва добиваются, — получившему образование в уездном училище должно нелегко достаться...¹ Ценю, право, ценю я это...

Письмецо Владимиру Карловичу [Саблеру] написал, хотя и с трудом: как писать, с чего начать... Ну, да довольно хоть цидулки от меня — все памятка.

Вы говорите: Преосвященный Никанор хороший человек; дай-то Бог. А то Орловская епархия постонала за эти два года с половиной, что Митрофан ей правил². Прежде всего вел себя «сатрапом», и во-вторых — Плюшкиным в рясе...

Певцов у меня в хоре совсем нет. Большие певчие еще до Рождества бросили на спевки ходить. Да Митрофан и не обращал внимание на *качество* певцов, а лишь на количество их. Ввиду этого я, за отсутствием желающих петь в хоре и, стало быть, некомплект, приглашал за пяточок из монастырской слободы (около Архиерейского дома) мальчуганов стоять на клиросе при архиерейском богослужении. И смешно, и грустно... С другой стороны, «каков поп, таков и приход». Если Никанор любитель пения, то в Орле можно роскошный хор устроить.

Однако я надоел Вам.

Всегда благодарный Вам Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 15—16

1. Аллеманов окончил Оренбургское уездное училище и имел свидетельство Оренбургской псаломщицеско-регентской школы.

2. Как понятно из писем Аллеманова, он стал регентом архиерейского хора в Орле по протекции Смоленского. Упомянутый владыка Митрофан (Матвей Павлович Невский; умер в 1899) — епископ Орловский и Севский с августа 1896 по январь 1899.

Этого епископа Митрофана, переведенного в Смоленск, сменил с января 1899 старый и добрый знакомый Смоленского по Казани — епископ Никанор (Каменский; см. его письмо к Смоленскому на с. 693). Преосвященный Никанор был в самом деле и хорошим,

и одаренным, и энергичным человеком. В описаниях его деятельности в Орловской епархии подчеркивается достигнутый его трудами «необыкновенный подъем и оживление духовных сил духовенства»:

Несмотря на массу текущих забот по устройению епархии, он находил время и для ученых трудов, и был неутомимым проповедником, не оставляя без проповеди ни одного из своих богослужений, ни одной церкви при обозрении епархии, ни одного выдающегося события в жизни церковной и общественной.

Однако, как можно судить по не публикующимся письмам Аллеманова, ему настолько хотелось перебраться в Москву, что всякие попытки нового владыки «урезонить» регента своего хора не достигали цели. Кроме того, они явно расходились в музыкальных вкусах.

Орел, 19 февраля 1899

Глубокопочтимейший Степан Васильевич!

Я все пишу Вам «пришедши от Владыки». По поводу резолюций беседовали и ни к чему не пришли. Если отцы диаконы не будут петь, то пусть, говорит, не поют. А больших денег на наем певчих в распоряжении домоуправления не имеется. Всенощные и другие службы сколько придут столько и поют, а то так с псаломщиками крестовыми, говорит, пойте. Владыка находит, что архиерейский хор достаточно меня обеспечивает и какие-либо другие заботы совершенно излишни обо мне. Отчасти прав. От квартиры, конечно, отказано.

Я говорил, что басы отцы диаконы собраны нарочно со всей епархии самые лучшие, и в Орле не достать. А не захотят петь, говорит, что же делать. Первую же (завтра) всенощную придется петь с псаломщиками.

Не находя удобным такое ведение дела, я просил его уволить меня от управления хором. Он говорит, что этого не желает. Просит оставаться. Что же теперь делать? Надежд на будущее, значит, никаких, если с выдачей 50 рублей все расчеты со мной будут кончаться. А надеждой только и живешь.

В прошлую среду служил Владыка акафист (здесь по средам постоянно служат) и обедню — пел я с псаломщиками. Положение незавидное. Хотел быть учителем пения — не приходится. И делать мне здесь теперь окончательно нечего. И так в бездействии четыре месяца прожил, инда тоска заела. Я полагаю, что чрез месяц-два теперь должно выйти определение меня псаломщиком в Москве. Теперь хочу поехать к Вам и переждать время до определения-то. Если не найду в Москве местика хоть писарского, то готов хоть в певчие поступить. А может быть, нельзя где учителем пения пристроиться. Ну, а если откажут в месте псаломщика, Вы будете милостивы не откажете порекомендовать учителем пения в какую-нибудь провинциальную семинарию. В воскресенье после обедни оставляю Орел или подожду пока найдут регента, до 1-го числа¹.

И что Вам еще сказать? Разве самое главное. Четыре месяца, прожитые мною в Орле, много составляют в моей жизни. Перво-наперво я открыл, что каков я ни регент, но характер, оказывается, у меня не регентский. Я в первый раз веду дело с городским хором (с пьяными взрослыми и «перебежчиками» малолетними) и нахожу — чтоб не получить отвращения к занятию пением, это не управлять «хорами». Чтоб быть настоящим регентом — надо быть кулаком: тебя певчие надувают, и ты им плати тем же, и обоюдные пакости, как и симпатии, будут способствовать теснейшему сближению.

А я... Я 13 лет был учителем пения, и если в то же время управлял хором, то состоящим из настоящих и бывших питомцев моей же школы². Окунувшись в грязь *настоящего* хора, я только понял, как ценен мой бывший хор. Да; по сравнению с теперешним это был идеальный хор. Нечто в этом роде я хотел устроить и здесь (с какой целью и написал докладную записку). Отцы диаконы, воспитанники училища — народ относительно дисциплинированный, постоянный. Но нет. Желательно иметь частных лиц, то есть *профессиональных* певчих. (У меня тут четыре человека взрослых и человек шесть мальчуганов «вольных» — и я знаю теперь, что это такое. Важно тут и то, что профессионалы ничего впереди от хора не ждут, а потому сугубо и пользуются настоящим.)

Итак, я только суть учитель пения, а не регент хора, полагающего в основу своего существования гам, треск и проч. Зато и публикой, и большей половиной своего хора я осужден: ни «Милость мира», ни «концертов» настоящих не пою. Похвалили больно только раз меня, что я особенно удачно поставил «Блажен муж» Чайковского, а когда дошло дело до повторения... и увы!

Особенно достается теперь мне за то, что не пою «Покаяния» и «На реках Вавилонских» Веделевских. Но что же делать, если не только петь, а и слышать в церкви эти вещи, хоть убей меня, не могу. По-моему, горька доля такого регента, как я... Я только, оказывается, учитель пения. Довольно позднее открытие, нечего сказать: полпути жизни пройдено. Вот Вам, Степан Васильевич, и протеже Ваш — сам сознает свою негодность. И теперь-то Вы откажетесь ли? Нет!..

А все же, впрочем, думаю — Бог не без милости и свет не без добрых людей. Ведь доказал же Погосский³, что неспособного на свете не создано. На что такая простая штука дыра, а вот и она часто нужна. Правда, если она очутится на платье не в указанном месте или на мосту — плохо дело; ну а где нужно — ее и прорубят, и провертят, и прорежут.

Итак, будем надеяться на что-нибудь годиться. Не оставьте только Вы меня своим отеческим попечением (каковым всегда и дарили меня). А что касается нежелания трудиться с пользой — то, клянусь, готов с утра до ночи.

Не судите, что я до 31 года не сумел устроить себя. Не от неспособностей это зависело. А так, регентская судьба уж такова. Я и то 13 лет на одном месте

прослужил, и регентом, главное. И хоть поздно начинать снова устраиваться, да что же делать.

Представляю себя в Ваше распоряжение, так как Вы уже довольно знаете мои способности, — укажите мне место на поприще церковного пения, и я буду стоять на нем. Вы распорядитель в этом случае в наше время. Не оставьте меня без дела и дайте мне его по моим способностям. А я постараюсь оправдать Ваше доверие. И теперь никто не смеет сказать в Орле, что Вы рекомендовали неспособного или вообще негодного человека. Наведите справку хоть у отца ректора Семинарии, который к Вам обращался за регентом для Семинарии, и я уверен (как и слышал), что он *весьма* похвально отзывается обо мне и лучшего регента он не желал бы (это я знаю от слышавших эти слова от него).

Лучше всего я являюсь в Москву и месяца два побуду у Вас на глазах; и если угодно испытать, готов бесплатно заниматься где-нибудь учительством пения. Вы тогда больше будете иметь оснований рекомендовать меня.

Будьте же здравы и благодущны.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 19—22

1. Аллеманов перебрался в Москву на место псаломщика Введенской церкви в бывшем Новинском монастыре (это место наверняка подыскал ему Смоленский, хотя сам Аллеманов успел попросить о своем переводе в Москву и Саблера, и даже Победоносцева).

2. Таким образом выясняется, что в Илецке Аллеманов был не только псаломщиком, но и учителем пения, и регентом местного церковного хора.

3. Речь идет об Александре Фомиче Погосском (1816—1874) — известном писателе «для народа» и деятеле народного образования.

Орел, 26 февраля 1899

Глубочтимейший Степан Васильевич!

Меня все в грусть вгоняли новые распорядки, но когда дело дошло до результатов, которые они дали, то — не гневайтесь на меня — мне смешно стало.

Я сейчас явился с 45-минутной спевки. Спевка была в домово́й церкви, чтоб Владыке удобно было слушать и чтоб, очевидно, *вовремя* можно было прекратить наше усердствование. Перво-наперво не явились четыре баса (из шести) и три тенора (тоже из шести). Дело дошло до концерта, он не понравился. (Это, положим, мне на руку: я — не ради моды говорю — не люблю петь концертов *в церкви*.) Выбор пал на «К Богородице прилежно» Архангельского. Усвоить не успели, ибо законные 45 минут минули. Я отпустил соборный хор. В воскресенье запричастный стих будет, стало быть, «я тебе дам».

Завтра Владыка служит панихиду, да и всенощную нам петь. Оставил свой хор поспеваться. Минут десяток потянули мы, как велено прекратить. Завтрашнее пение, стало быть, тоже *обеспечено*. К тому же на клирос заявятся четыре баса, отсутствовавшие и сегодня, и раньше на спевках. Все, выходит, *к лучшему*. И смешнее всего, что сами певчие оказываются огорченными (на спевке были самые ретивые певцы, которым просто стыдно *козла тянуть*), что нельзя оказалось и знать то, что должно знать. Тут мне и стало смешно.

И еще Владыка сказал мне, что он будет писать Вам о том, будто бы я недоволен 50 рублями. Скажите, за что же и 50 рублей платить? Разве за то, что срамлюсь. Ну, тогда, пожалуй, и сам скажу — 50 рублей маловато.

Вы — в Вашей отеческой заботливости обо мне (хоть и *мал* я, а все же без лести могу говорить) — советовали мне не раздражать (я и не сделаю этого), что, де, будут запросы делать.

Эх, добрый Степан Васильевич, когда овцы-то не были виноваты? Знаете что — я теперь за Вас боюсь, как и Вы за меня пугаетесь: через меня Вы можете некоторым образом потерять доверие. Хвалите Вы один, а хаот все; последние меня видят, а Вы нет.

Логично ли с Вашей стороны?

Будь я один, я бы попросил Вас бросить обо мне хлопотать, кланяться, чуть не молить, да горе мое — семья, а положение регента — мало шатко — ужасно. Но в случае чего — не подвергайте себя из-за меня неприятностям. Должно мотаться век регентом, пока не попаду на архиерея милостивца. Но право же, грустно. Верю я — это испытание; дал бы Бог только терпения!..

И больнее всего — поделиться-то не могу своим горем с семьей: огорчишь только и *добьешь*... И то там шипят, что все плохи — попы, а наши хороши — звонари. Молчу, как воды в рот набрал. Только и отрада — Вам напишу.

Будьте здравы и благодушны.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 3—5

Москва, 11 марта 1899

Глубокочтимый Степан Васильевич!

Сегодня Вам, конечно, некогда со мной говорить. В какое время лучше всего прийти к Вам завтра?¹

Еще — по обыкновению — просьба: не придется ли нынче Вам с кем-нибудь беседовать из могущих дать мне работу по письменной части; это было бы самое лучшее, и впоследствии, когда буду псаломщиком, — могу продолжать заниматься письмоводством. А то управление хором, о котором Вы говорили, — вряд ли у меня теперь ладно пойдет: я еще не проникся *московским духом* в пении, и пожалуй, — да и прямо сказать, не придусь по вкусу москвичам как

певцам и слушателям. И с псаломщицеством все равно это несовместимо. Был у Юргенсона² и не застал его: за границу уехал. У него было хотел попросить какой-нибудь работишки.

Будьте здравы, успеха Вам во всем.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 35

1. Возможно, приход Аллеманова к Смоленскому имеет связь с последующим письмом К. П. Победоносцева к Смоленскому от 18 марта, сохранившийся фрагмент которого обнаружен в подшивке писем Аллеманова (РГИА, № 188, л. 77):

Сегодня Саблер говорил с Московским [митрополитом] об Аллеманове и убеждал. По-видимому склоняется, но может [неразборчиво]. Надо поскорее за делом. Скажите Кирилову. КП.

Речь идет, видимо, о переводе Аллеманова в Московскую епархию.

2. Имеется в виду издатель П. И. Юргенсон, который к этому времени уже выпустил несколько сборников (93 номера) сочинений и переложений Аллеманова.

Москва, 8 августа 1900

Добрейший Степан Васильевич!

Готово: мелодии всех догматиков находятся в одном голосе, и приобретено приятное чувство от сознания *верно* исполненного дела. Земно за это Вам кланяюсь.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

Примечание Смоленского: Письмо это есть результат моей беседы 7 августа вечером в 8 часов о том, что в переложениях всех догматиков древний напев много раз был передан из одного голоса в другой. В одну ночь дело было переделано¹.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 37

1. В 1905 в Москве у Гроссе был издан литографированный сборник, куда вошли «Богородичны догматики воскресные 8 гласов большого знаменного распева» (издание автора).

Москва, 4 июня 1901

Глубокопочтимый Степан Васильевич!

Я получил уведомление, что чрез три-четыре дня в здешнюю Консисторию из Уфы поступит указ о том, чтобы мне отправиться по переводу к новому месту служения¹. Таким образом, курсы придется оставить. Вместе с этим я

сообщаю Войдену, чтобы он на меня не рассчитывал. Ибо неудобно просить Владыку оставить за мной место до сентября (10 августа курсы кончатся только, да поездка с рукоположением займет две или больше недели)².

Итак, чрез неделю-полторы и много две я покину Москву. Сознаюсь, мне тяжело с ней расставаться, но все-таки легче после Вас уезжать отсюда³.

Вы знаете, я всегда был благодарен Вам за устройство меня в Москве и вообще за попечение обо мне, — но не могу отказать себе в удовольствии еще, еще, еще... и много раз сказать Вам спасибо. Цель у меня и раньше была, но теперь есть и силы. Этим я обязан Вам. Помогай Вам Бог.

Привет Анне Ильиничне от меня и моей семьи. Спасибо ей за хлеб-соль и ласку.

Верьте или нет, но без Вас я заскучал: нет надежды, чтобы кто-нибудь посетил меня. И ребятишкам уже нельзя пообещать в награду за благонравие посещение Степана Васильевича...

Будьте здоровы.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 39—40

1. Речь идет о принятии Аллемановым священного сана (что произошло 22 июля 1901) и переводе его в качестве священника в Уфимскую епархию. Уфимский владыка в это время — знаменитый и тогда, а особенно в будущем, епископ (затем митрополит) Антоний (Алексей Павлович Храповицкий). Он управлял Уфимской и Мензелинской епархией с июля 1900 по апрель 1902. Аллеманов очень высоко оценил деятельность епископа Антония (см. в следующих письмах).

2. В предыдущих (не публикующихся) письмах Аллеманов рассказывает о предложении В. П. Войдену взять уроки пения на летних курсах для учителей второклассных школ.

3. Смоленский в это время уже принял назначение в Капеллу.

Мензелинск, 30 июня 1901

Отец родной, Степан Васильевич!

Я обретаюсь в богоспасаемом граде Мензелинске. Сегодня (29-го) служил первую литургию. Церковь очень хорошая, но бедна и грязна необыкновенно. Приход большой и положительно бедный. А запущен и сказать нельзя как. Сегодня нового попа пришло смотреть не более 70 человек.

Я очень жалею, что не попал в село: не хотелось мне в город. А другое предложенное мне место и вовсе оказалось не подходящим: в Стерлитамакском уезде (то есть вдали — верст за 200 от железной дороги и водных путей) и только что сгорела церковь. Да, очень и очень жаль, что не попал я в село. Это была моя мечта, и прямо необходимо для моих целей.

Но, по пословице, не так живи как хочется, а как Бог велит. Однако если здесь благодаря местным условиям мне не придется делать того, для чего именно я пошел *в народ*, то не останавлиюсь перед новым переселением, и именно в село. Собственно говоря, к чему, иначе, было огород садить. А просто поповствовать, другими словами, трутнем в миру жить — ей-ей, не желаю.

Впрочем, надеюсь на милость Божию и добьюсь того, чего желаю.

Как Вам Бог помогает? Чай, тоже воевать приходится; а ино время и сердце скреплять? Помогите Вам Господь.

Анне Ильиничне сердечный привет и от меня, и от моей благоверной. Детишки доехали здоровы.

Устраиваться в квартире еще не приходится: поп, который до меня был, уволен *по разным делам* за штат, и вот другой месяц как пропал куда-то, и квартира поэтому занята им. Ключи от церковных дел тоже у него. Я еще и церковь не знаю, когда буду принимать.

Вообще на первый раз не совсем ладно. Да, думаю, обладится.

Будьте здоровы.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

Адрес: г. Мензелинск Уфимской губернии. Священнику Троицкой церкви.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 48—49

Мензелинск, 14 августа 1901

Многолюбимый Степан Васильевич!

Осматриваюсь мало-помалу. Есть что и радует, но больше печалит. Церковь весьма хорошая. По внешнему виду похожа на московский Успенский собор. Высокая, и прекрасный резонанс, с хорами, помещающими более ста человек; трехпрядельная. Но грязная до невозможности; бедна утварью. Особенно худо дело обстоит с облачениями как алтарными, так и священнослужительскими. Представьте, завеса в главный престол только одна всего, и та имеет крайне жалкий вид. Алтари так загрязнены, что напоминают более кузницу, чем что-либо похожее на священное место. И в довершение всего денег в церкви почти ни гроша. В течение последних 8 лет прихожане почти систематически отучались попом от посещения церкви. Результат получился блестящий...

Больнее всего то, что нет настоящего здания для школы¹. Город временно уступил для церкви здание под школу, едва вмещающее до 60 человек, в то время когда детей школьного возраста в приходе до 200 с лишним человек. Это здание городу ежегодно нужно с 15 декабря по 15 января для ярмарки. В это время там производится осмотр непотребных женщин, наезжающих сюда по случаю торжища. В этом же здании и квартира для учительницы. Не правда ли, мило? Сунулся было по начальству. Куда тут; спасибо, говорят, и это есть.

Что теперь делать? Насчет украшения храма я не очень горюю: простой народ все же охотнее, чем на что-либо, жертвует на храм Божий. Ну, а насчет просвещения придется оставить свой характер. Между тем эта статья у меня самая главная. Оно конечно, рано или поздно я добьюсь своего — построю свою школу. Но Бог знает, когда это будет. Не пройдут ли годы... Больно, ох как больно...

У Вас в Питере есть разные психопаты и психопатки, жертвующие капиталы на приют для собак, на разведение и питание блох и т. п.; вот бы их направить на путь истинный. Не укажете ли мне человека, к которому я мог бы обратиться за этим делом за помощью. Из синодалов кто добрее, чтобы написать ему о своей туге сердечной.

Я в великом беспокойстве. При свидании с Константином Петровичем не молвите ли словечко. Тогда бы ох как все закипело. Ведь это его детище. Я бы написал ему, но просто жаль почтенного старика беспокоить: его и так, чай, терзают на разные части. Может быть, можно кому написать из членов Училищного Совета.

Право, научите, помогите. Большое это и милое дело.

Служивцы у меня неахтительные. Диакон сослан сюда за кражу денег из казначейства, а псаломщик и милый человек, а выпить зело не дурак. Ну, да это можно все наладить.

Вот только школа, школа; заноза моя это. А впрочем, никто как Бог.

Ну, а Вы как, воитель? Есть, чай, кое-что и почище моей школы? Помогите Вам Бог! Но ради Бога берегите себя. Сами-то Вы ни в каком случае не погибнете, но погибнет дело в случае чего. А никто другой, как Вы, совершите то, что на Вашем месте никакой «питерец» ни за что раков печеных не совершит. Бойтесь больше всего этого. Сломают Вас, не пощадят и дела. Помогите Вам бы забрать в свои руки *все* дело церковного пения. Синод со своими цензурными комитетами все же мелко в таком специальном деле. Возьмите в руки Капеллу эту. Спокон веку все привыкли смотреть на Капеллу как на последнее слово по предмету церковного пения. И только за последнее время почему-то Капелла затушевалась. Возродите ее до прежнего величия. А если поможет Бог, подвиньте вперед. Но во всех сих *берегите* себя: с Вами рухнет и большое, большое дело.

Кланяюсь Анне Ильиничне. Желаю здравствовать.

Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 50—51

1. Аллеманов с 1 сентября 1901 состоял заведующим Троицкой церковно-приходской школой и законоучителем в женском приюте и сельскохозяйственной школе Мензелинска.

Мензелинск, 13 сентября 1901

Милый Степан Васильевич!

Молчит поп — сыт, мол, значит. Правда, есть что есть, но не сыт я. Ненасытность в моем характере. (Вы посоветуете, конечно, *умерять аппетит*. Пробовал; ничего не выходит.)

Не беспокою Вас своими посланиями не потому что мне нечего бы просить у Вас (когда я у Вас не просил, вспомните-ка). Нет; узнал и поверил, как Вам трудно даже и без попрошаек. В своем маленьком деле я захотел подражать Вам, то есть «всем вся быть» — и видите, не стало времени для писания посланий. Именно, как Вы однажды мне говорили, «киплю, как вода в чугуне». И... и я рад этому и благодарю Вас...

Помогай Вам Бог. Умолкаю. Кланяюсь Анне Ильиничне.

Весь и всегда Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 52

Мензелинск, 27 декабря 1901

Предобрый Степан Васильевич!

Вы так любите церковное пение, и именно древнерусское, с такой сердечностью доказываете его прелесть, что, кажется, если бы оно и выведенного яйца не стоило, и то его, слушая Вас, можно полюбить. Вы подобны реформатору вообще, в высшей степени одушевленному идеалами своей религии. И немудрено, что эти люди, как и Вы, заставляли верить их верой, смотреть их глазами. Великое чувство любовь. Этим только чувством все живет и движется. В каком бы виде и роде ни являлось это чувство, оно всегда главный рычаг. Любовь к деньгам — открывает золотые рудники, к почестям — возносит на высокие степени; любовь к искусству — родит виртуозов; к нарядам — облакает даже в уродливые костюмы; к идеалам — облакает эти в плоть. И везде, и всюду любовь; она жизнь и начало всему, и Творец жизни — любовь.

Вы очень любите старое церковное пение, и достаточно было этой любви, чтобы в наше время стали хотеть его, стали над ним работать. Вы век церковного пения остановили. Правы ли, нет ли Вы, это другой вопрос. Я сам его люблю, а потому судья могу быть пристрастный. Мы с Вами можем напомнить, если будем оба соглашаться (а это и есть), кукушку и петуха.

Я только хочу сказать, что именно я выдумал, когда прочел Вашу последнюю книгу: Вы необыкновенно любите свое искусство¹.

Когда взглянул на фотографии с рукописей, то на меня повеяло недавно прошедшим; вспомнил хоть и редкие, но меткие вечера в библиотеке Синодального училища, Ваши беседы. Вы обыкновенно либо роетесь в какой-нибудь рукописи, либо делаете надпись, а больше — клеите что-нибудь — либо фотографии, а то подклеиваете нотные листки к каталогу трезвонов. И при этом говорите по

одному, по два словечка. Скажете и устаетесь пристально через очки... — восчувствовал ли...

Вспомнил я это, и жалко-жалко мне стало прошлого. Что прошло, то будет мило... Я, Степан Васильевич, *здесь* одинок... дела очень много. Эти Ваши слова — по слову тут были бы дороже всего. Но я делаю, видя как «отец мой делает», то есть Вы делаете. Я хочу быть таким же трудолюбивым, как Вы. Это для меня немного трудно, но надеюсь привыкнуть. Меня очень *хвалят* за трудолюбие. В этом, конечно, я вижу свое несчастье: даром не хвалят... Я хочу гореть такой же любовью к родному искусству, как Вы горите, и надеюсь, что это поможет мне пройти над миром не без следа...

Простите за многословие... С Вами говорить — теперь особенно я ценю — хочется, хочется, хочется...

И праздник мне устроили не надо лучше: приезжаю из прихода, и на столе у меня Ваша книга, и только. Только Вы меня как-то особенно умеете (хотите, значит) помнить. Молюсь за Вас и за Анну Ильиничну.

Ваш душевно Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 58—60

1. В свет вышла работа Смоленского «О древнерусских певческих нотациях».

Мензелинск, 27 мая 1902

Добрый Степан Васильевич!

Вместе с этим письмом шлю письмо к Константину Петровичу. Прошу его насчет школьного здания. — Нет иного пути, нет выходов. Уже думано, пытанно. По обыкновению в поручители и посредники я Вас ставлю. По случаю чего подержите, ради Христа.

Вы думаете, что этому попу нейдет; сидел бы себе. Мало дело сыт, и ладно.

Степан Васильевич! — делать хочу. Помогите же.

Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 61

Мензелинск, 11 июня 1902

Добрый Степан Васильевич!

И слов нет сказать, какое счастье дало мне Ваше милое письмо. Не слова, а самое дело — письмо Ваше — не луч, а прямо солнце среди если не темной ночи, то все-таки глубоких сумерек суеты моей теперешней жизни.

Я с удовольствием исполню Ваше желание знать подробности моего жития. Хотя, по совести сказать, житие это ничего интересного не представляет.

Мне кажется даже, что, повествуя о себе, я буду в подробностях передавать историю Вашего последнего года. Вы взяли дело запущенное — у меня то же самое. Вам пришлось старое на новое (что особенно трудно) переделывать, и я тем же занимался. Вы освежали атмосферу, расширяли горизонты, и мне пришлось двух-трех выкурить, кое на что иначе взглянуть. Конечно, у Вас все совершалось, так сказать, в обширных размерах; ну а мне приходилось менять сторожа Бориса да винопиец диакона и псаломщика; нужно было установить на церковь приличный хотя бы взгляд. В последние восемь лет храм обращен был в вертеп разбойников. Словом, дело было и есть. Хвалиться особенными успехами в делах нельзя, однако многое уже сдвинуто с места. А дальше закон инерции будет совершать свое дело. Именно только ждать, терпеть и уповать.

Собственно о чем Вам сказать: все как-то и жалко, и с гряззой, и слишком житейски-обыденно. Отражений нападений львов или орлов не случалось делать, ну а комаров и мух — куда деться от назойливости их? Я все более прихожу к тому заключению, что совершение одного-двух великих дел требует, может быть, больших усилий, но не истощает так ни сил, ни энергии, как добросовестное выполнении постоянных — выражаясь канцелярски — прямых обязанностей. Борьба с сильным хищником, правда, трудна, но ведь сильных и не много, — однако постоянно отмахиваться от назойливых насекомых невыносимо трудно.

Во всех этих перипетиях житейской суеты Вы более искусны, нежели я. Преподносить еще Вам букет из злоб дней моих — это, по меньшей мере, безжалостно. И я поэтому готов с удовольствием избавить Вас от подробностей моего жития.

Живы, Степан Васильевич — и слава Богу. А живешь, так и все видишь. Начхать на все это.

Приход мой плох, собственно, потому, что «деревня в городе». Говоря словами Крылова, «наша Матрена ни пава, ни ворона». Во много лет надеюсь что-нибудь сделать. Вся надежда на школу. Но с ней у меня, кажется, дело не вытанцовывается. В прошлый раз я писал Вам, что насчет школы я примостился к Константину Петровичу. Он так мил, что тотчас же откликнулся. Вышло только не так, как следовало. Он поручил Ванчакову¹ справиться частно, действительно ли нужна двухклассная школа на 200 человек. Тот написал письмо бывшему уездному наблюдателю.

Этот последний суть монастырский трутень (попом в монастыре женском), испугавшись бумаги от важного лица, передал ее на обсуждение отделения. Совет нечестивых провалил мое дело, постановив, что «настоятельной нужды в двухклассной школе нет, а желательно только возвести здание для одноклассной школы на 56—100 человек».

Были для этого тайные мотивы. Все батюшки здешние (пять человек без меня), кроме меня, трудятся в преподавании Закона Божия в местных мини-

стерских школах небезвозмездно. Дрожа за свою шкуру, они не желают усиленной деятельности церковной школы, грозящей положить предел процветанию учебных заведений, руководимых «красными»². Да и вообще среди попов мало встречается лиц, желающих поощрять собратий в их благих начинаниях. И где, впрочем, этого нет. Но у попов все это *усугублено*. Я писал Ванчакову, да вряд ли что выйдет.

А без хорошей школы здесь как без рук: бить воздух, воду в ступе толочь. Бог им судья, но мне очень горько. Требоисправителем я никогда не сделаюсь, но и отцом для своих прихожан с этими репримандами очень трудно стать. Тем более, что в течение десятков лет прихожане систематически отучались от посещений храма. Некоторые только и были в церкви, что крестились или женились. И приходится поэтому ораторствовать пред пустой аудиторией.

Ни кто, однако, как Бог... Это самое больное у меня место.

Относительно же всего прочего что сказать? Живу, и только. Дела ни на минуту не оставляю, ну и приходится порой очень жутко. Да и где же без этого. Вы же все это знаете в лучшем виде, стало быть, и говорить не приходится.

Я до боли сердца жалею об отшествии от нас Владыки Антония. Этого человека я положительно полюбил. И поживи он еще годок-другой, я много кое-чего натворил бы. Ну а теперь, сказывают, каши не сварить³. Жаль, сказать инда нельзя, как жаль Антония. Большой он человек. Он так был хорош, что стоял выше всякого закона.

Благочинный же у меня — Вы точно его прозевали, когда говорили, что какой-нибудь благочинный вас вверх тормашками поставит, — самого старого письма человек. Далее номеров входящих и исходящих ничего ни видит, ни понимает. Между тем считается умницей на всю епархию. Это благодаря тому, конечно, что идеалы нашей касты слишком уже принижены: человек жох, в особенности казуист в бумажном царстве — это все, чему каждый из попов завидует. При Антонии эта умница на заднем дворе обреталась. Теперь же другой разговор.

Ну, да Бог не выдаст — свинья не съест.

С писательством у меня тихо. Пока руку набиваю. Хочу *строгий* стиль сделать *свободным*...⁴ С Обиходом плохо лажу. Целым брать Обиход не годится, а объединить отдельные перлы в художественное произведение — опыта мало. За отсутствием же времени и еще потому, что отвлекают обязанности, связанные со званием, — нет возможности плотно сесть за дело песнотворения. Если случится что попадают melody под руку, то не отличаются ни здоровьем, ни свежестью, ни мощностью, особенно в них отсутствуют зародыши долговечности. Погодить надо. Начал один псалом. Как будто и ладно, и как будто неладно.

Грех Вам напоминать о том, чтобы я не забывал Вас в своих молитвах. Что мои молитвы. Кровь Господа Иисуса Христа всякую божественную службу омывает частицы Пречистаго Тела Господня, вынутые за Вас и присных Ваших. А я

какой молитвенник. Детишки как стали лепетать, то первая их молитва была и есть: «Помилуй Господи папу, маму, Степана Василича». Сколько я говорил — просто Стефана. — «Нет, Степана Василича». Это потому, что имя Ваше всегда звучит в моей семье.

Не грешите же. Три лучшие года в Москве (31—34) есть ядро моей жизни. А эти дни моей жизни озарялись светом Вашей чистой любви. За кого же мне еще молиться?

Ласковой Анне Ильиничне привет от Саши⁵ и ребятишек. С удовольствием шлю Вам свое сочинение. Пошли Бог здоровья.

Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1119, № 117, л. 66—70

1. Ванчаков (Ванчуков) Афанасий Михайлович — в конце XIX — начале XX века член Училищного совета (с 1891) и Учебного комитета при Св. Синоде; заведующий статистическим отделом при Училищном совете; наблюдающий церковно-приходские школы и школы грамоты; автор множества работ на школьные темы.

2. Имеются в виду идеологические противоречия между школами церковно-приходскими и земскими («красными»).

3. Епископа Антония сменил епископ Климент (Константин Александрович Верниковский; 1863—1909).

4. В данной фразе слышится дискуссия со «строгим стилем» В. М. Металлова. В отличие от последнего, Аллеманов видел спасение в «греческих ладах» и занимался развитием концепции Ю. К. Арнольда, определяя для каждого гласа соответствующий ему круг диатонических гармоний. В 1900, то есть еще находясь в Москве, Аллеманов выпустил книгу «Церковные лады и гармонизация их по теории древних дидаскалов восточного осмогласия», труд довольно путаный, с массой всяких сложных таблиц, вычислений обертонов, насыщенный греческой певческой терминологией и проч. При этом конечный результат, то есть гармонизации роспевов по системе Аллеманова — очень просты, сплошь диатоничны, со сглаженными ладовыми модуляциями.

5. Жена Аллеманова Александра Петровна.

[Мензелинск, январь 1903]

Добрый Степан Васильевич!

И жив, и в Мензелях...

Как-то Вас милует Господь?

Я окончательно опустился. Послал мне Господь четыре училища (три безвозмездных...), в коих даю в неделю 30 уроков. Теперь и материально начинаю обеспечиваться (до 1500 рублей при готовой квартире). Жить и Бога славить только. Но очень тяжело. К этим 30 урокам надо прибавить 2100 душ обоего пола прихожан, кои суть мои господа...

О писательстве или вообще о чем-нибудь, кроме *текущих* дел, и подумать некогда. Тем более что два дня в неделю у меня по совести, по священству. Когда сознаю обязанность говорить — не молчу, а молчать — не говорю. И в этом вся моя беда. А впрочем — никто как Бог.

С 16 октября затеваю спевки для концерта на святках или в Великом Посту. Программа из всех авторов: Гречанинов, Львов, Полуэктов, Бортнянский, Смоленский, Кастальский, Турчанинов, Архангельский, Ипполитов-Иванов, Гайдн, Аллеманов и Чайковский. Мудрая штука...

А Вы меня забыли. Вероятно, некогда. А мой псалом, или никуда не годится? Разве большего ждали... Скажите все-таки, чего нужно.

Как будет время — сяду в псалмы...

РГИА, № 118, л. 3—4

Мензелинск, 12 декабря 1903

Добрый Степан Васильевич!

Хвала Богу, что Вы по многотрудной жизни успокоились. Вкусив покоя и свободы, Вы знаете им цену. А я, «мятежный, ищу бури, — как будто в бурях есть покой»... Два с половиной года поработал, кое-что успел сделать и даже материально устроился вполне хорошо, — как теперь снова надо искать иного приюта; опять начинать, может быть, новую работу.

Горе у меня теперь особенное. Заботы о здоровье семьи своей вынуждают меня покинуть Мензелинск, надо сказать, полюбившийся мне, ибо есть, очень есть здесь к чему руки приложить. И жаль расстаться со многим начатым...

Жена и старшая девчурка, благодаря болотистому климату, совершенно извелись. Нет в последнее время дня, чтобы которая-нибудь не лежала в постели, не в силах подняться. В особенности жалко девочку. Это мученица — не жилец. Все два года она чахнет. А последние два месяца нет возможности без слез смотреть на ее страдания. И оба года — как осень настанет, так и до весны — мучается лихорадкой. И у девочки, и у жены, благодаря климату, развилось такое малокровие, что обе чуть двигаются и беспрестанно страдают рвотой. Я все терпел. Но когда сегодня ночью прикладывал пузырь со льдом к голове ребенка, и девочка, сев на постели, сказала каким-то проникновенным голосом: «а я, папа, должно быть не доживу до лета», — терпение мое истощилось...

И я сел писать к Вам это письмо.

Знаю, что грех уже мне докучать Вам: было уже это и было. Но, добрый Степан Васильевич, помогите и теперь. Милость Ваша мне теперь нужна особенно.

Помогите мне переселиться в теплый край. У Вас есть знакомые архиереи, которые могут удовлетворить Ваше ходатайство.

Я же во всяком случае оправдаю Вашу рекомендацию. И нигде не буду бесполезен. Епископу могу отслужить тем, что могу быть хорошим регентом; гожусь в преподаватели пения в семинарии или в псаломщическом классе. Касательно же места священнического, то я готов пойти на пятый штат¹ или в домовую церковь какого-нибудь учреждения.

Если нельзя в губернский город, то хоть в уездный. Хотя, признаться, главные свои способности — регентские — в уездном городе особенно негде применить. Но все равно, для меня выбора нет.

Помогите, Степан Васильевич.

А девчурка начала было учиться в гимназии здешней; теперь же пришлось оставить. Бог даст, в теплом краю снова начнет...

Жду Вашего слова, как голодный хлеба, жаждущий воды. Не оставьте, Степан Васильевич!

Желаю Вам от души мира душевного.

Любящий Вас Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 8—8 об.

1. То есть пятым в числе священников какого-либо (большого по приходу) храма.

Мензелинск, 3 сентября 1904

Добрый Степан Васильевич!

Я написал что можно было написать по применению византийской (не древнегреческой ли? — я начинаю не верить Арнольду или по крайней мере считать его изыскания натяжкой по отношению к русской музыке) теории к русскому осмогласию¹.

И при личной беседе говорил, и теперь скажу, что византийская теория дает все правила для творчества в осмогласии, но на этой ли теории основано наше осмогласие — это и после арнольдовских уверений остается открытым вопросом.

У Вас под руками богатый рукописный материал по этой области, и можно проверить выводы Арнольда. Может быть, он угадывал, читая синодальные издания, первообразный склад русских мелодий. Да и я думаю, что с веками, особенно с переводами на линейные ноты, многое утеряно в знаменном пении.

Но не придавая особенного значения древнегреческой теории музыки в применении к русскому осмогласию, — я однако стою горой за нее как за теорию, объясняющую всякое явление в музыке, в противоположность новейшей теории, в которой все идет на условностях. Я убежден, что древнегреческая теория суть точная наука о музыке, а наша только теория (= собрание правил о музыке, составленных на основании фактов). Теория греков, основанная на числе, является объясняющей факты, а наша теория объясняется фактами. Это большая разница.

По той теории возможны разные гипотезы (как в астрономии указания тел, фактически — по неведению — не существующих), — а с нашей теорией приходится идти на запятках у фактов. Но факт ведь продукт многих законов, и законов, может быть, неизвестных. Поэтому свидетельствуя бытие факта, мы часто не можем сказать о лоне, из которого он произошел или в котором он почивает.

Особенно я пришел к этому заключению, когда писал Вам эти примечания к догматикам² и по естественной связи в работах заглянул в книжечку покойного Гавр. Афан. Иванова «Неизвестный писатель музыки: Введение в гармонию (приписывается Псевдо-Эвклиду)»³.

Очень жаль, что Иванов не был хорошим музыкантом. Что бы вышло из этого дивного памятника старины.

Но если Господь не оставит меня своей милостью, — я сделаю то, что нужно сделать, чтобы этот памятник предстал во всей своей красе.

Поверите ли, Степан Васильевич, если эту теорию развить при наших акустических сведениях — да ведь это новая музыка! ой право! Да, люди много хорошего позабыли в погоне за новизной.

Если переберусь в губернский город, то займусь изучением математики, и тогда Марк Мейбом воскреснет...⁴

Мои догматики с примечаниями были тотчас по окончании (в 1898 году) посланы Вам. Пошарьте у себя в библиотеке. Там прочтете о Ѣ и Ѥ гласах.

Желаю Вам Божьего благословения в Ваших трудах. Анне Ильиничне кланяйтесь.

Ваш сердечно Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 19—20 об.

1. Аллеманов имеет в виду свою изданную в 1900 книгу «Церковные лады и гармонизация их по теории древних дидаскалов восточного осмогласия». Из всех русских исследователей этой эпохи он наиболее последовательно пошел по пути, указанному Ю. К. Арнольдом.

2. Речь идет об издании «Богородичны догматики воскресные 8-ми гласов большого знаменного роспева, с объяснительными примечаниями» из серии «Гармонизации древнерусского церковного пения (знаменного роспева) по христианско-византийской теории и законам церковного осмогласия», над которой Аллеманов начал работать в 1898. В 1-й выпуск вошли Богородичны догматики, во 2-й — «Бог Господь» с тропарями воскресными 8-ми гласов (большого знаменного роспева), в 3-й — Ирмосы воскресные 8-ми гласов.

3. Имеется в виду перевод анонимного трактата «Введение в гармонику», приписывавшегося Псевдо-Эвклиду (он же — Клеонид), опубликованный русским ученым Г. А. Ивановым с его же комментариями (Филологическое обозрение. Т. VII, кн. 1—2. М., 1894).

4. Марк Мейбом (1626—1711) — филолог и музыкальный писатель, автор труда «Antiquae musicae auctores septem» (1652).

Москва, 5 октября 1904

Добрый Степан Васильевич!

С 23 сентября я в Москве. А семья явилась ко мне 30 сентября. Я не писал Вам, потому что был ни в тех, ни в сех. Но вчерашний день (4 октября) я был на первых уроках по пению в Семинарии. Положение чуть-чуть выясняется, и я спешу поделиться с Вами своими мыслями и проч.

Хотят пристроить здесь учителем пения в Семинарии, членом Наблюдательного Совета Синодального училища (инспектором хоров), учителем церковного пения в Синодальном училище, а также есть надежда быть руководителем пения на народных чтениях в Семинарии (это очень, по-моему, интересно). Ввиду того что перевод мой еще не состоялся, я пока временно допущен к исполнению должности учителя пения в Семинарии¹. Это как бы искус мне. Как Господь поможет, — а то надеюсь выдержать искушения. Василий Сергеевич очень сердечно относится ко мне и к моему делу. Он говорил мне о Вашей беседе с ним².

Вам, как и всегда, великое спасибо за участливое отношение ко мне. Как хранит Вас Господь? Есть ли для Вас толк в моей работе по греческой теории церковных ладов? Скоро ли *к нам* в Москву? (Уже и «к нам»!..)

С семьей поселился пока в меблированных комнатах Шелковой (на Средней Кисловке). Квартира при Семинарии до 25 октября будет занята вдовой Войденова (до сорокового дня со дня его кончины).

Немного все нервно, возбужденно... однако Господь даст, все образуется и станет обычным.

Этот год пропал для моей кабинетной работы, потому что... — надо будет оказывать себя и много заниматься нелишним, может быть... Надо признаться, пение в Семинарии поставлено так, что можно и лучше...

Но будущее не наше, а Божье...

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

Почтительнейший привет Анне Ильиничне. Вся моя публика очень довольна переселением и кланяется Вам.

РГИА, № 118, л. 22—22 об.

1. 28 декабря 1904 Аллеманов был перемещен на должность учителя церковного пения в Московскую Духовную семинарию (на место умершего В. П. Войденова), с причислением (сверх штата) к причту Никольской при семинарии церкви; 12 января 1905 был утвержден членом Наблюдательного совета при Синодальном училище и хоре, на должность заведующего частными духовно-певческими хорами Москвы. Преподавателем Синодального училища Аллеманов стал в 1907, по предмету «методика церковного пения».

2. Таким образом, Смоленский вновь помог Аллеманову, побеседовав с директором Синодального училища В. С. Орловым об устройстве о. Димитрия в Москве.

Москва, 26 февраля 1905

Добрый Степан Васильевич!

Очень Вы порадовали меня присылкой Панихиды. Необычайно выдержанная, задушевная вещь¹. Я уже сегодня написал голоса Ектении великой и Аллилуйя со стихами для литографии, а потом изображу это с хором фабрично-заводских рабочих в воскресенье (27 марта) на четвертой неделе Великого Поста, когда предполагается духовный концерт этого хора. Кстати споем и «Да воскреснет Бог». Эту пиесу ставят в концерте 14 марта и соединенные хоры (Синодальный, Васильева, Петрова и Воротникова)². Хотел было пропеть «Со святыми упокой» или «Надгробное», но боюсь, как бы не придать концерту некую мрачность.

Завидна Ваша участь: работаете как волится. Великое это дело в художественной работе.

Как дела идут с таблицей древних мелодий?³

Скажите, есть ли в старых рукописях «Бог Господь» малого знаменного роспева? Очень бы нужно. Может быть, помните номер рукописи, — черкните. Всякого блага желаю Вам. А более всего душевного мира.

Ваш сердечно Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 26—26 об.

1. Панихида на темы из древних роспевов для мужского хора Смоленского, очевидно, была послана Аллеманову сразу по выходе из печати.

2. Этот концерт Общества взаимного вспоможения служащих в частных духовно-певческих хорах с участием Синодального хора и поименованных частных хоров состоялся 13 марта в зале Благородного собрания. В нем исполнялись Стихиры Пасхи Смоленского (см. программу: РДМ. Т. II, кн. 2).

3. Имеются в виду так называемые «сравнительные изложения» Смоленского, в которых либо одно песнопение прослеживается по рукописям разных веков, либо сопоставляются разные напевы на один текст и проч.

Москва, 7 ноября 1906

Добрый Степан Васильевич!

Я узнал, что Вы предлагали вниманию обер-прокурора свой план описания рукописей библиотеки Синодального училища церковного пения¹. Жалею, что ранее не был известен о сем в подробностях: с иным бы разумением я мог бы отнестись к проекту о. Металлова, составленному по поручению Роговича. Обсуждение его уже состоялось. Хотя, впрочем, есть много оснований полагать, что он не вполне будет одобрен².

Тенденция проекта — произвести описание *на месте*, силами Наблюдательного совета, в трехлетний срок, с возможной экономией в средствах. Исполнителями назначены оо. Металлов и Аллеманов.

Надо бы знать сущность Вашего проекта. Может статься, что при новом рассмотрении этого дела и с новым разумением его Совет откажется по непосильному труду или по другим причинам, коих не предвидит в настоящее время.

Печатание моей книжицы страшно задерживается в типографии³.

Есть ли в привезенных негативах что-либо относящееся к Кондакарям? Не пришлете ли на время страничку-другую из Ваших трудов по части Кондакарей?⁴ Не могу ли я кое-что найти *греческое*. Эту часть — то есть Грецию-то — я теперь основательно знаю.

За сохранность *во всех смыслах* Вашего присыла ответствую. Все мои наблюдения над кондакарным знаменем я готов буду представить Вам.

Желаю всего наилучшего Анне Ильиничне.

Ваш сердечно Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 32—33

1. О проектах Смоленского по описанию певческих рукописей, в том числе в библиотеке Синодального училища, см. в разделе «Проекты Смоленского» в первой книге тома и в переписке с С. С. Волковой.

2. В последующем письме (без даты) Аллеманов вновь возвращается к данной теме:

Относительно проекта описания рукописей я ничего не могу прибавить к сказанному. В журнале сказано, что товарищ обер-прокурора должен дать свое заключение по поводу описания библиотеки, так как г. Смоленский предлагает свои услуги продолжить свой труд, начатый им ранее, по этой части, и просит вознаграждения 3000 рублей в год в виде жалованья и квартиры натурой.

Совет, находя, что обязанность видеть все, что касается церковного пения в исторической, библиографической и прочих частях, суть первейшая его жизненная функция — если можно так сказать, — решил взять это дело на себя. Расходы числены в 4000 рублей. Описание должно быть произведено в три года (это кратчайший срок). Знаменные рукописи опишет о. Металлов, нотной линейные о. Аллеманов. Указатель к ним — воспитанники старших классов Синодального училища за особое вознаграждение. Общая редакция принадлежит о. Металлову за плату в 300 рублей.

План описания почти тот же, какой был принят Вами и применен (для 30 номеров) А. Преображенским.

(Там же, л. 74—75)

Упомянутые тридцать номеров Преображенский описывал перед их отправкой в Петербург по запросу Смоленского (см. в его переписке с К. П. Победоносцевым в первой книге).

3. Имеется в виду работа Аллеманова «Песнопения годового круга богослужений обычного напева», с приложением «Теория и практика церковного осмогласия обычного напева» (М., 1907).

4. Никаких кондакарей и никаких следов кондакарного знамени на Афоне найдено не было.

Москва, 25 января 1907

Добрый Степан Васильевич!

Вам прилагательное надо к существительному «направление». Этот вопрос формулирован Кастаньским.

Я полагаю, сколь можно судить из бывших разговоров об этом, что прилагательное-то должно быть «желательное».

Итак — «О желательном направлении в церковном пении»¹.

Признаться, и это мало понятно.

Мне кажется, если Вы в своем докладе, бросив взгляд на главный исток церковного пения, определите его действительное русло, тем самым в значительной степени подвинете решение вопроса о желательном направлении церковного пения, в смысле установления соответствия его историческим, народным, церковным и другим требованиям.

Для регентов важно знать, что есть теперь и что делать дальше. То ли продолжать что делаем или, может быть, иного ждать.

Именно определить русло. Определится тогда и будущее, хотя ближайшее, пения.

Настоящая ломка, что происходит теперь в пении, прямо ошарашивает наших далеко не хитроумных людей *на местах*. И вот им нужно руководство, дабы разобраться во всех течениях церковно-певческой жизни. Словом, надо сказать им, бедным, что де сейчас вот что происходит, а нужно — вот что.

И никто лучше Вас этого не сделает, ибо Вы лет около двадцати назад затеяли то, что сейчас происходит. Этим я не хочу сказать, что всему ныне происходящему в церковном певчестве Вы заводчик. Напротив, я думаю, что тут много *от лукавого*. Вот и скажите, что Вы думали сделать и как Ваши думы поняли другие. Словом, расхлебайте ту кашу, какую сами же заварили.

Не сердитесь, дорогой. Я знаю Ваше дело и Ваши мечты о нем, но...

Известно, что Господу Иисусу Христу и на ум не приходило того, что от Его имени наговорили Свв. Отцы. Так-то и тут.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 38—39 об. На бланке Общества взаимопомощи регентов церковных хоров (адрес Московской Духовной семинарии)

1. Аллеманов обсуждает содержание будущего доклада Смоленского на I Всероссийском съезде регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению в Москве, подготовкой которого занималось правление созданного Общества взаимопомощи регентов церковных хоров.

20 сентября 1907 правление избрало трех лиц (бюро) — А. В. Никольского, А. П. Архангельского, А. С. Васильева для подготовки съезда (деятельное участие в делах бюро принимал Аллеманов как секретарь Общества взаимопомощи). В программу съезда бюро предложило включить четыре пункта: о желательном направлении церковного пения; о регентских курсах при Обществе; о правах регентов; об Обществе взаимопомощи регентов церковных хоров.

На съезд Смоленский приехал с опозданием, с докладом по первому пункту не выступал, но участвовал в прениях и в составлении резолюции съезда. По первому пункту делегаты заслушали два доклада: о. Михаила Лисицына и Д. И. Зарина.

Москва, 28 марта 1907

Добрый Степан Васильевич!

Мы пороку не выдумали, а так только показали, что можем «не просто с моста, а тычмя головой». Поэтому все как было, так и остается. Украсили, впрочем, курс изучением русской народной музыки, куда вошел и колокольный звон (по Израилеву и Смоленскому)¹. Но одна ласточка не делает весны. С другой стороны, могло ли быть иначе?.. Особенно слабо с программой церковного пения: грамматика его указана старая, по которой склоняли «теленки»... И опять приходится сказать, что много трудно было ждать: по части церковного пения и материалы-то, кажется, не все в сборе; до обработки их весьма далеко. Вы правы, нужен особый институт, нужны кафедры церковного пения при академиях, дабы разрабатывать науку эту. А то навеки останется козлогласие, всегда будет проповедоваться эта ужасная грамматика церковного пения.

Кстати похвалить себя: начал писать «учение о русском церковном обиходном нотном пении». Дело подвигается туго, и больше от того, что туманно очень будущее этой работы — покой ее в письменном столе. Но совесть, сознание долга и желание обелить себя перед потомками все же толкают меня на эту работу².

Еще дальше затеял — по просьбе хоросодержателей и отчасти Общества взялся за гармонизацию всех песнопений обычного напева (в Московской редакции)³. Написал пока неизменяемые песнопения всеобщего бдения. Как получу литографические оттиски — пришлю. Моя книжечка «Песнопения годового круга...» с «Теорией и практикой церковного осмогласия обычного напева» гравировкой окончена. Остается печатать. Митрополит мое ходатайство о ссуде направил в Консисторию на рассмотрение. По его мнению означенную ссуду можно выдать из процентов с капитала Знаменской Ямской церкви.

Металлов вставил в программу изучение греческой семиографии. Издание ОЛДП будет, стало быть, кстати⁴.

Книжка эта совсем готова, на неделе будет отправлена в Петербург.

Я писал Влад. Мих. Майкову, чтобы он сделал распоряжение о выдаче мне здесь в типографии 120 экземпляров книги, из которых 50 экземпляров на веленовой бумаге, а 70 на простой. Однако ответа не имею, и типография ничего не получала от него. Вместе с Вашим письмом посылаю письмо и ему все с той же просьбой. Вы не видите ли с ним? Сказать бы ему, чтобы он сделал это распоряжение.

Много лет Вам здравствовать. Успеха в работах.

Сердечно Ваш Дмитрий Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 48—49 об.

1. К этому времени были подготовлены новые программы по музыкальным предметам для Синодального училища, в том числе и нового предмета «русская народная музыка».

2. Имеется в виду опубликованный в 1909 в журнале «Музыкальный труженик» историко-критический очерк «Русское хоровое церковное пение» (№ 21—24).

3. Речь идет об «Обиходе церковного пения обычного напева (московской редакции) в простейшей гармонизации для большого и малого хоров» в пяти выпусках. Выпуски II—V имеют заголовок «Осмогласие» и вышли в 1907 в литографированном виде; выпуск I «Неизменяемые песнопения всенощного бдения» напечатан у Гроссе в 1908.

4. Имеется в виду работа Д. В. Аллеманова и А. В. Зверева «Современное нотописание греческой церкви», опубликованная ОДП в 1907. Упомянутый далее в письме «Владимир Михайлович» Майков — на самом деле Владимир Владимирович Майков, в то время секретарь ОДП.

Москва, 30 мая 1907

Добрый Степан Васильевич!

Сочиняю — что блины пеку. Просили хористы московские, и Василий Сергеевич просит иметь в виду Синодальный хор, — и вот в две недели (больше не было времени) и сочиняй, и пиши, и печатай. Чувствую, что вышло грязненько. Но это проба и для пробы. Если будет подходящее дело, буду продолжать и исправляю это¹.

Нового нет под солнцем. У меня все только то, что есть или, по крайней мере, в воздухе разлито. Я только фиксирую. Мудреных вещей уже много написано. Но и просто говорить трудно. Особенно с осмогласием справиться удастся ли.

И в осмогласии канонарх у меня излагает сжато первую строку гласа (теперь только увидал, что пишу на 4-й странице — почти «Гражданин»² — задом наперед). Вы посмотрите и скажите. Вы понимаете, как ценно для меня Ваше мнение.

28-го открыто Общество взаимопомощи регентов церковных хоров (всей России). Правление состоит из 8 человек. Председатель Степанов, секретарь и казначей — аз (вот в чем загвоздка-то)³. Пишу не для похвальбы. Дело весьма хорошее и надо отдаться ему совсем — тогда будет толк. Поэтому я согласился

быть секретарем не более как на один-два месяца. Секретарство безвозмездно. А где же мне брать время добывать средства в прибавку к 58 рублям 92 копейкам? А за плату в таком Обществе служить — претит душе. А потому, как ни жаль, отойду.

Степанов и Орлов серьезно заняты мыслями о постройке церкви при Синодальном училище (Степанову обещаны из Синода деньги) и устройством там меня священником⁴. Я благодарил за лестное предложение... (Вам на ушко скажу: «не пойду-у-у-у-у!»).

Все остальное идет «текуще».

Весь Ваш Дим. Аллеманов.

Р. С. Павел Чесноков избран в члены Правления, попал и Кастальский. Приятно с ними работать.

РГИА, № 118, л. 50—51

1. Аллеманов говорит о литографированных выпусках «Обихода церковного пения обычного напева...».

2. Не совсем понятно, что имеется в виду; скорее всего, известная газета-журнал «Гражданин», выходившая много лет в Петербурге под редакцией князя В. П. Мещерского, и «нетрадиционная ориентация» ее редактора.

3. В правление были избраны: прокурор Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанов, Аллеманов, А. Д. Кастальский, Л. С. Васильев, А. В. Никольский, А. П. Архангельский, П. Г. Чесноков.

4. Эта идея не была осуществлена.

Москва, 27 августа 1907

Дорогой Степан Васильевич!

Болезнь тяжкая Орлова заставляет многих задумываться о судьбе Синодального училища. С ним могут потеряться и директор, и регент. Хотя регент легче обрящется, но все-таки потеря будет чувствительна. На место директора же и позвать некого.

Заходит речь о Вас. И любопытно было бы знать, как Вы отнеслись бы к предложению возвратиться к старым пенатам.

Я не уполномочен производить анкету по этой части. И сии речи между нами. Но меня спрашивали *с видом* знать Ваше мнение о сем.

Скажите теперь же словечко. Оно останется между нами во всяком случае.

Ваш сердечно Дим. Аллеманов¹.

РГИА, № 118, л. 54 об.

1. В подшивке имеется еще одно письмо на данную тему (без даты):

Месяца полтора назад прокурор обратился ко мне с вопросом, кто может быть директором Синодального училища в случае смерти Василия Сергеевича. Я сказал, что кроме Вас положительно не на кого указать.

— Пойдет ли он...

— Весьма возможно, что и нет. Но если пойдет — то, вероятно, на особых условиях.

— Какие могут быть условия?

— Прежде всего, думаю, он выговорит себе свободу действий в распоряжении по Синодальному училищу и, особенно, по пению хора. Может быть и другое что найдет нужным поставить в договор.

— Я боюсь, что будет противиться Ширинский-Шихматов.

Я промолчал.

— Все-таки хорошо было бы знать мнение Смоленского об этом деле.

Я обещался произвести интервью

(Там же, л. 80—80 об.).

Москва, 15 января 1908

Добрый Степан Васильевич.

Как Ваши дела с регентским училищем? Здесь циркулируют слухи, что существование его недолговечно. Правда ли? Очень хочется знать, хотя бы для того, чтобы при случае зажать кое-кому рот. А потом я готовлю доклад о том, чтобы удовлетворением неотложной нужды в регентах для Москвы испытательная комиссия (Кругликов, Калининков, Кастальский и Аллеманов) прекратила свои действия.

А то начали выдавать свидетельства направо и налево. Вчера двое из экзаменирующихся не оказали умения петь по квадратным нотам (по их сознанию, они впервые их видят). Не знает некто чтения партитур, ни на фортепиано, ни на скрипке. О гармонии и говорить нечего. А мы отмечаем *хорошо*.

Когда месяца два тому назад я двоих провалил, то пошел шум по Москве. Начали говорить, что я взяточник и проч. Теперь, испугавшись этого шума, комиссия выдает свидетельство всем желающим иметь его¹.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 36—37

1. Испытательная комиссия при Наблюдательном совете Синодального училища существовала в течение долгого времени, периодически собираясь для проведения испытаний лиц, желавших получить свидетельства на звание регента частного хора. Как раз в январе 1908 прокурор Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанов направил отношение к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру с просьбой не допускать на клирос недипломированных регентов. Митрополит отвечал, что приветствует мысль о публичном объявлении имен регентов, выдержавших экзамен, но других «распоряжений по сему делу

пока не решаюсь делать, чтобы не оставить богослужения без хорового пения». В повторном отношении к митрополиту (от 4 марта) прокурор Степанов заверял, что Наблюдательный совет «успел подготовить достаточное число лиц, удовлетворяющих требованию... по руководительству церковными хорами» (РДМ. Т. II, кн. I. С. 448—450).

Москва, 28 октября 1908

Добрый Степан Васильевич.

Получил Ваше письмо во время хождения по приходу (с праздником Параскевы мученицы)¹. Такой ли Вы адрес накатали. А я ведь все в Семинарии проживаю и буду там проживать. Во-первых, потому что квартиры при церкви нет. Кстати, теперь же хочу затеять дело о покупке дома для причта. Для этой цели у причта есть 14 тысяч рублей. С такими деньгами можно купить дом тысяч в 50. Тогда будут и квартиры, и толика доходу (тысячи две). Теперь же на все про все придется тысячи полторы.

Затем — приход у меня всего пять домов, и жить около него не для чего. В Семинарии же я остаюсь на прежних условиях. И митрополит, и мое ближайшее начальство ни в каком случае не желают, чтобы я покинул Семинарию. Да и нет необходимости (пока) в этом для самого меня. Думаю, что и заведование хорами не уйдет от меня — и теперь, как и прежде, я одинаково полезен или вреден.

Словом, все у меня остается по-старому, и настоятельство мое не будет помехой мне.

Комиссия *трех* собиралась у меня; обо всех постановлениях Съезда мы вчерне высказались. Решили еще раз собраться и набело поговорить. Работы послать в Питер. После же того собраться и Питеру и Москве. Кажется, определили для этого святки².

Ваша распланировка работ Комиссии мне очень нравится.

Комиссия по организации курсов хотя и работает, но очень вяло. В последние два воскресения я не мог быть на заседаниях ее. Окончено было на выработке программ по гармонии. Я не знаю, удастся ли обставить хорошо курсы преподавательскими силами. Рассчитывать на оплату преподавательского труда сбором со слушателей вряд ли можно: высокая плата за слушание курсов преградит доступ на них многим, а низкая плата за уроки преподавателям никого не прельстит заняться делом на курсах. Тем более летом всяк дорожит отдыхом. И только надежда на хорошую плату за труд может заставить пожертвовать отдыхом³.

Будем и об этом рассуждать.

Я zelo теперь занят. Например такие обязанности, как секретарство и канцелярство по Обществу, меня весьма тяготят, и потому собственно, что лишен возможности посвящать им столько труда и времени, сколько нужно. Поэтому хотелось бы, и весьма, отстраниться от них. Мои сотрудники по Обществу и слышать об этом не хотят. Однако я не в силах изменить сложившихся условий

моей работы и потому постараюсь к 1 января расстаться с секретариатством и казначейством.

Всего наилучшего. Анне Ильиничне мое глубокое почтение. Авось на святках я попою у нее чайку. А ведь много я выпил чаю с Анной Ильиничной-то...

Спасибо, добрые люди.

Ваш сердечно Дим. Аллеманов.

РГИА, № 118, л. 72—73.

1. Аллеманов еще в январе был отчислен от домового церкви митрополита Московского, где служил некоторое время, и после разных перипетий стал настоятелем церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове близ Храма Христа Спасителя, где и оставался до 1918.

2. Для практической реализации постановлений съезда была избрана комиссия: Смоленский, А. А. Архангельский, А. П. Петров — от Петербурга, А. В. Никольский, Аллеманов, Д. И. Зарин — от Москвы.

3. Одно из постановлений Регентского съезда касалось проведения краткосрочных регентско-учительских курсов в Москве. Для разработки программы и условий курсов была выбрана комиссия из москвичей: А. В. Никольский (заведующий курсами), Аллеманов (заведующий хозяйственной частью), Н. М. Данилин, Д. И. Зарин, А. Н. Карасев, С. Н. Кругликов, А. Л. Маслов, Н. Н. Толстяков, П. Г. Чесноков, К. Н. Шведов. Открытие курсов состоялось в Москве 25 мая 1909.

История взаимоотношений С. В. Смоленского с о. Димитрием Васильевичем Аллемановым нашла отражение в огромной подборке писем последнего (около 300 листов архивного хранения). В данном томе публикуются лишь избранные письма, дающие возможность проследить основные этапы не написанной пока биографии Аллеманова.

Начало их отношений типично для Смоленского: получив письмо от псаломщика из глухой провинции, он не оставил письма без внимания, и теплый ответ из Москвы (не сохранившийся) привел к тому, что вскоре Степан Васильевич стал доверенным лицом Аллеманова и его главным опекуном. Такие отношения сохранялись вплоть до кончины Смоленского, что и показывают публикуемые письма.

Так же как В. М. Металлов и А. В. Преображенский, Аллеманов с помощью Смоленского попал в Москву (предварительно проработав несколько месяцев регентом архиерейского хора в Орле), но не в Синодальное училище. В последнем он появился позже, прослужив некоторое время в Мензелинске, уже в сане священника. В то время, когда Аллеманов стал педагогом Московской Духовной семинарии и членом Наблюдательного совета при Синодальном училище (1904—1905), Степана Васильевича в Москве не было, однако все равно он продолжал следить за судьбой Аллеманова и помогать ему. Впоследствии Аллеманов стал преподавателем истории церковного пения в Синодальном училище (1910—1918).

Работал Аллеманов, по существу являвшийся самоучкой (он лишь в 1900 получил аттестат регента 2-го разряда в Придворной капелле), всегда и при любых условиях — очень много, как в области практической (гармонизации разных роспевов, от знаменных и даже от византийских мелодий до так называемого «обычного» или «московского» напева), так и в области теоретической. В этой последней у Аллеманова был свой «конек»: изобретение «научно обоснованной» гармонизации русских роспевов «по теории древних дидаскалов восточного осмогласия». Поставив перед собой подобную цель, Аллеманов освоил греческую невменную нотацию и даже создал учебник по современной ее форме, опубликованный ОЛДП по рекомендации Смоленского. Реальные результаты «научного подхода» к гармонизации были однако не велики, как не убедительны они были и у прямого предшественника Аллеманова в данной области — Ю. К. Арнольда. (Кстати, сам Арнольд, получив от Смоленского на рецензию рукопись одной из ранних работ Аллеманова, «Учение о церковном осмогласии по Ю. Арнольду...» (1897), высказался против ее публикации ввиду возможного обвинения автора в плагиате.)

Сочувственные упоминания об о. Димитрии Аллеманове неоднократно встречаются в письмах Смоленского к разным лицам. Послания же самого Аллеманова к Смоленскому неизменно носят исповедальный тон, и написаны они очень ярко в литературном смысле. Особенно это относится к его письмам из Орла и из Мензелинска, которые рисуют жизнь сначала провинциального регента, а потом провинциального священника. Критика окружающей действительности в этих письмах часто носит весьма резкий характер. Но надо сказать, что Аллеманов относился к тому типу одаренных русских людей, которым нигде не хватает простора для деятельности и которые остро переживают все препятствия на своем пути.

Следует заметить также, что Аллеманов пытался продолжать некоторые важные начинания Смоленского. Так, о. Димитрий, уже после кончины Степана Васильевича, прикладывал большие усилия к тому, чтобы огромная коллекция фотокопий с византийских певческих рукописей, привезенная Смоленским с Афона в 1906 и хранившаяся в ОЛДП, была полностью скопирована для Синодального училища (см. об этом подробнее в следующем томе РДМ, целиком посвященном Афонской экспедиции), а когда по финансовым соображениям в копировании было отказано, Аллеманов все же получил доступ к некоторым снимкам путем личной переписки с другим участником экспедиции — А. В. Преображенским.

Став хранителем собрания певческих рукописей Синодального училища (после В. М. Металлова), Аллеманов попытался (после безуспешных попыток самого Смоленского) найти средства для составления и издания научного описания коллекции. Об этом может свидетельствовать его письмо к известному старообрядческому предпринимателю и церковному деятелю А. И. Морозову от 28 января 1908:

Высокопочтеннейший Арсений Иванович!

Трудами многих лиц с 1890 года основана при Синодальном училище церковного пения библиотека рукописных нотно-богослужебных книг, в которую поступали и доньше поступают книги со всех концов России. Здесь есть рукописи с XIII века различных текстов: филаретовского, иосифовского и никоновского, и различного

письма. Самое поверхностное знакомство с этой библиотекой приводит к сознанию, что тут собраны сокровища бесценные, что библиотека эта в своем роде единственная в мире, что и с научной и практической сторон она может иметь безусловно великое значение и что последствия от разработки ее богатого материала для пения церковного неисчислимы.

Мне верится, что настанут дни, когда к этой сокровищнице творчества русского духа будут и должны совершаться паломничества от всех стран. Ибо ни будущий историк, ни теоретик в области церковного пения не могут не считаться с теми данными, которые заключены в этом несравненном собрании книг, если тот и другой хоть сколько-нибудь будут претендовать своими трудами на научность, серьезность, правдивость и т. п.

Я говорю о том значении библиотеки, которое она может иметь, но еще не имеет.

Как и во многом, здесь преступно безучастное, чтобы не сказать больше, отношение к библиотеке лиц, коим надлежит ведать устройство того, яже суть Божия, обращает бесценное сокровище в ненужный хлам. Не говоря о чем другом, достаточно сказать, что в библиотеке нет полного и сколь-нибудь сносного каталога.

В то время как певцы именуемой православной церкви в искусстве своем бродят по распутиям, не зная, что есть в нем доброе и что злое, а глаголемые старобрядцы стоят в пении как бы погруженные в сон песнями времен патриарха Иосифа — времен не лучших в церковном песнотворчестве, — в это-то время прямой путь, которым шли предки наши семьсот лет, лежит забытым среди рукописей библиотеки Синодального училища, и там же замерло вечное стремление к совершенству по заветам Свв. Отцев и мужей Божиих, духом к пению воздвизавшихся.

Далее, надо полагать, Вам уже нелюбопытно читать эту эпистолию, ибо *продолжение* известно: по завязке рассказа познается его развязка. Если на этом месте (если не раньше) бросите мое письмо, то возбудите жалость... у всех тех, кои могли бы воспеть высокие, святые песни взамен нынешних безумных, бесчинных воплей и висканий...

Если же Вы еще читаете письмо, то, как и должно быть, дошли до того места, где речь пойдет о *средствах* к возведению библиотеки в надлежащее достоинство.

Средства эти — деньги, конечно.

Вы человек богатый, и у Вас поэтому в руках *средства*. Не Вы одни богаты. Почему же я хочу навязать миссию возрождения истово-церковного пения Вам именно?

Да потому только, что знаю Вас за единственного человека, делавшего опыты в этом деле.

Я, в туге сердечной об участии библиотеки, вспомнил о Вас и решил обратиться к Вам, когда услышал о смерти великого трудолюбца Фортова. Весть о смерти этого человека болью отозвалась в моем сердце: «одним борцом стало меньше в рядах немногих ревнителей о святом искусстве»...

При воспоминании о колоссальном труде Фортова вспомнилось мне и Ваше «иждивение» по «Кругу», этой своего рода «Илиаде» в церковно-певческой лите-

ратуре. Почему, подумал, не быть и «Одиссее»? Материалу для Илиад и Одиссей ново- и старообрядцев хватит в библиотеке.

Высокопочтеннейший Арсений Иванович! придите и посмотрите на это лежащее под спудом сокровище, что зовется библиотекой рукописей Синодального училища, и Вы не расстанетесь с мыслию явить его миру! Именно — «прииди и виждь».

Глубокоуважающий Вас

Священник Димитрий Васильев Аллеманов.

Заведывающий певческими хорами в Москве и преподаватель церковного пения в Московской Духовной семинарии.

Москва, Садовая-Каретная, дом Духовной семинарии, кв. № 5.

(РГБ, ф. 246, карт. 214, № 21, л. 166—166 об.)

На письме имеется надпись рукой Морозова: «Препровождается Епископу Александру в дополнение к разговору 28 января 1908 года». Поскольку епископ Александр — это многократно упоминаемый на страницах настоящего тома А. П. Богатенко, то надо думать, что проект обсуждался со Степаном Васильевичем и, возможно, лишь кончина Смоленского помешала его осуществлению.

Письмо В. М. Васнецова

Москва, 28 января 1897

Глубокоуважаемый Степан Васильевич,
с искренней благодарностью принимаю Ваше любезное приглашение. Тронут очень Вашим вниманием. Пользуясь Вашим разрешением, позволяю себе прийти в пятницу вместе с художником Михаилом Васильевичем Нестеровым, большим почитателем серьезной, особенно духовной, музыки.

Еще раз — примите признательность за столь любезное внимание.

Желаю Вам успеха и здоровья.

Истинно и глубоко Вас почитающий В. Васнецов¹.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 125

Виктор Михайлович Васнецов был любимым художником Смоленского, его имя многократно встречается и в письмах, и в Воспоминаниях.

Как явствует из Воспоминаний, Васнецов и ранее посещал Синодальное училище; так, он присутствовал на исполнении мессы Палестрины 10 октября 1895; Смоленский по приглашению посещал мастерскую художника в Троицком переулке.

В январе — начале февраля 1897 публичных концертов Синодальный хор не давал; следовательно, речь идет о «домашнем концерте» для гостей.

Можно также заметить, что позже, в 1900-х, Васнецов сделал эскизы для новых парадных костюмов Синодального хора в древнерусском стиле.

Письмо В. В. Стасова

Императорская публичная библиотека, 10 октября 1903

Многоуважаемый Степан Васильевич,

по Вашему желанию я уже довольно давно получил от моего брата *Дмитрия* (адвоката) сведения о производстве в суде дела о напечатании «*Обедни Златоустаго*», сочинения П. И. Чайковского. После того я все ждал Вашего приезда в библиотеку, так как Вы мне сказали, что бываете в ней всякий день,— но мне не удалось видеть Вас там.

Поэтому покорно прошу Вас пожаловать ко мне в библиотеку, когда Вам будет удобно, но всего лучше в 1 час или 2, так как раньше мне обыкновенно случается справлять текущую библиотечную работу.

С почтением и преданностью Ваш всегда Вл. Стасов.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 165, л. 1

В данном письме речь идет о хранившихся у Дмитрия Васильевича Стасова юридических документах известного судебного процесса между П. И. Юргенсоном как издателем Литургии Чайковского и Н. И. Бахметевым как директором Придворной капеллы. Документы были нужны Смоленскому для написания очерка «О “Литургии” ор. 41 соч. Чайковского (из литературно-юридических воспоминаний)» (РМГ, 1903, № 42—43). Можно заметить, что эта Литургия была любимейшим духовно-музыкальным произведением Смоленского, и Синодальный хор пел ее и в концертах, и за службой в день поминовения Чайковского в храме Большого Вознесения.

С Владимиром Васильевичем Стасовым Смоленский познакомился еще в 1875, в один из своих приездов в Петербург, о чем красочно рассказал в Воспоминаниях (РДМ. Т. IV. С. 371—372). Возобновлено это знакомство было через много лет.

В Отделе рукописей Пушкинского Дома хранится два письма Смоленского к В. В. Стасову, от 6 января 1900 и от 11 января 1901 (ф. 294, оп. 3, № 34). Во втором из них Смоленский говорит:

Всегда я был верным Вашим почитателем, всегда я с полным удовлетворением следил за всеми Вашими статьями. Ныне сердечнейше радуюсь, что выпал мне случай сделаться Вам лично известным и лично уверить Вас в очень, очень давнем моем следовании за Вами в неутомимой борьбе во славу нового русского искусства, основанного на устоях дивной, высокохудожественной нашей старины (л. 6).

Безусловно, и по темпераменту, и по страстному «руссофильству» в области культуры, и по любви к рукописным источникам, и даже по преклонению перед мудростью и красотой древнерусского певческого (а также и всякого прочего) искусства Стасов и Смоленский были похожи. Ведь Стасов, по существу, явился одним из первопроходцев в

области, которой потом стал заниматься Смоленский, и оценки Владимира Васильевича, запечатленные в его опубликованных гораздо позже письмах, иной раз удивительно совпадают, даже по словесной форме, с мыслями, выраженными в письмах (и, конечно, печатных работах) Смоленского. Так, 4 сентября 1894 Стасов писал Н. Ф. Финдейзену в связи с публикацией материала о Д. В. Разумовском в РМГ:

Ведь между русскими церковными напевами есть истинно гениальные, каких выше не создавал ни один гениальнейший мировой музыкант, будь это хоть сам Бетховен, Палестрина, Бах или Лист. Возьмите, например, хоть *«Взбранной Воеводе»*, *«Христос воскрес»*, *«Да воскреснет Бог»*, *«Спаси, Господи, люди Твоя»*, *«Со святыми упокой»* и целая масса других. Конечно, я говорю про эти изумительные мелодии, истинно гениальные, в их настоящем и коренном виде, а не в том дурацком, опошленном и италянизированном образе, как они поются у нас...

(Стасов В. В. *Письма к деятелям русской культуры*. Т. 2. М., 1967. С. 226)

Тем не менее близкие отношения между Стасовым и Смоленским в годы жизни последнего в Петербурге — не сложились.

Письмо С. Н. Кругликова

Москва, 6 марта 1899

Дорогой Степан Васильевич!

В доказательство того, что и наблюдающего иногда следует отдавать под наблюдение, подкидываю Вам свое чадо, которым только что разрешился я от бремени. Очень буду счастлив, если Синодальный хор приласкает его на одной из своих спевок. Боюсь только одного: новорожденный капризен и хитер не по возрасту. Как бы не доставил он Вам всяких лишних хлопот. Имя его: «Херувимская песнь» (C dur).

Ваш Семен Кругликов.

Партитуру доставлю завтра или послезавтра.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 75—75 об.

Семен Николаевич Кругликов — известный московский музыкальный критик, пропагандист идей Могучей кучки в древней столице, педагог. С 1894 преподавал теоретические предметы в Синодальном училище, с 1898 был членом Наблюдательного совета (отсюда каламбур: «наблюдающего отдавать под наблюдение») и — в течение двух с половиной лет — директором Синодального училища и хора (после кончины В. С. Орлова). См. посвященный ему некролог, написанный А. В. Никольским, в I томе РДМ.

Из обширной переписки Кругликова с Н. А. Римским-Корсаковым явствует, что он хорошо знал духовно-певческий мир Москвы, отлично ориентировался в церковном уставе (о том же пишет и А. В. Никольский); известны довольно многочисленные газетные рецензии Кругликова на духовные концерты и издания духовно-музыкальных сочинений. Из переписки с Римским-Корсаковым ясно также, что Семен Николаевич пробовал свои силы в композиции, однако сочинения его не известны либо не сохранились. Херувимская Кругликова в репертуарных списках Синодального хора не значится, но возможно, что на спевке Синодального хора она была пропета (о чем и просит автор письма).

Письма Л. А. Саккетти

Петербург, 2 ноября 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Приношу Вам сердечную благодарность за Ваш любезный ответ на мое письмо, радующий меня тем более, что Вы даете мне надежду на содействие в дальнейших моих работах. К сожалению, едва ли я буду в состоянии воспользоваться Вашими указаниями для моей книги, которая теперь печатается (*Краткая* историческая музыкальная хрестоматия с древнейших времен до 17 в. включительно), по весьма грустной причине. Последняя объясняется подчеркнутым словом «Краткая». Для напечатания всех собранных мною материалов нужен такой капитал, затрата которого немислима ни для меня, ни для моего издателя. Поэтому пришлось приготовить к печати весьма небольшую часть собранного материала. Я остановился на немногих примерах знаменного распева, думаю, что выбранные мною образцы дадут читателю некоторое понятия о характере духовного пения Православной Церкви (в древнейшую эпоху). О полноте мне нечего было и думать. На мой выбор повлияли отзывы Д. Разумовского и И. И. Вознесенского. Я привык считать в истории музыки лишь две вещи за вполне достоверные: 1) факт существования произведения; 2) факт впечатления, полученного от слушания произведения. Само собою разумеется, в словах Д. Разумовского (Теория и практика церковного пения, стр. 20) и И. И. Вознесенского (О церковном пении Православной Греко-Российской Церкви. Большой и малый знаменный распев, 2-е изд, стр. 176) много субъективного...¹ Но ведь вся музыка есть нечто крайне субъективное, начиная с самого звука, который становится им благодаря *нашему* организму, превращающему колебания частиц звучащего тела в особый эффект при содействии нашего слухового аппарата. Но с другой стороны, значит, и в самих напевах, о которых упоминают названные авторы, было нечто такое, что произвело известное впечатление.

Вся моя Хрестоматия заключается в собрании произведений и мыслей, высказанных об этих произведениях. Они интересны потому, что служат доказательством о впечатлении, вынесенном людьми от того или другого произведения. Дело философии истории музыки объяснить причины появления тех или других произведений и их особенностей; дело музыкальной психологии объяснить причины того или другого впечатления от музыкального произведения; дело музыкальной эстетики определить художественное содержание последнего. Но это наука будущего. Может быть, моя Хрестоматия даст им некоторый материал... Но это мнение я высказываю не о «Краткой хрестоматии», которая теперь печатается, а об обширной Хрестоматии, о которой я мечтал, что она появится в 4-х томах и на трех параллельных языках. Для этого труда я намерен непременно воспользоваться Вашими замечаниями. Льщу себя надеждой, что ко времени окончательной обработки для печатания моей *Не краткой* Хрестоматии мне удастся увеличить

запас моих сведений о русском духовном пении (крайне меня интересующем), если Вы мне не откажете в Вашей помощи, которой я очень дорожу. Всего менее я знаю о демественном пении. Был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы помогли мне Вашими указаниями пополнить этот пробел.

С чувствами искренней признательности и совершенного почтения остаюсь всегда готовый к Вашим услугам

Л. Саккетти.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 146—146 об. и 149—149 об.

1. О «Краткой хрестоматии» Саккетти см. в послесловии к письмам. Книга Д. В. Разумовского «Богослужбное пение Православной греко-российской церкви. Теория и практика» вышла в 1886; книга И. И. Вознесенского «О церковном пении Православной греко-российской церкви. Большой и малый знаменный распев», выпуск 1 впервые опубликована в Киеве в 1887, выпуск 2 — в 1889; 2-е издание обоих выпусков — Рига, 1890.

Петербург, 20 декабря 1893

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Вернувшись от Константина Петровича Победоносцева, который удостоил меня своим вниманием, я счел для себя приятною обязанностью сообщить Вам его мнение о том, что для моих работ было бы крайнею необходимостью с Вами лично переговорить и прослушать Ваш хор. О последнем, как и вообще о всей Вашей деятельности, Константин Петрович самого высокого мнения. Мне очень хотелось бы побывать в Москве на Рождественских праздниках. Но Товарищ Министра Народного Просвещения Князь Михаил Сергеевич Волконский¹ дал мне довольно сложное дело на это время, и я не знаю, найду ли я возможность к Вам приехать. Поэтому, на основании Вашего любезного письма, на которое я тотчас ответил Вам, я решаюсь просить Вас указать мне источники для ознакомления с демественным пением (образцы и литературу предмета). Имея в виду воспользоваться Вашим указанием для моей распространенной Хрестоматии, я принужден в ее сокращенной форме, в которой она теперь печатается, оставить образцы знаменного распева, выбранные мною и уже награвированные до того времени, когда мне посчастливилось вступить с Вами в переписку. Вполне сознавая недостаточность этих примеров, мне все-таки кажется, что выбранные мною мелодии настолько типичны и их художественное достоинство велико, что они могут дать читателю довольно верное понятие о древнем духовном пении Православной Церкви. Очень желал бы узнать Ваше мнение в этом смысле.

Примите выражение истинного почтения

всегда готового к услугам Л. Саккетти.

В мою Краткую Хрестоматию входят следующие образцы знаменного распева:

1. «Иже от кустодии». Стихира V гласа.
2. Степенны I гласа. Антифон второй.
3. Ирмос Кресту VIII гласа «Крест начертав».
4. Стихиры I гласа «Веселитесь небеса».
5. «Царь небесный». Догматик VIII гласа.
6. «Всемирную славу». Догматик I гласа.
7. Ирмос II гласа «Шествует морскую».
8. Догматик V гласа «В Чернем мори».

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 147—148 об.

1. Князь Михаил Сергеевич Волконский был товарищем (заместителем) министра народного просвещения с 1882 по 1895.

Петербург, 19 декабря 1899

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

К крайнему сожалению я не мог присутствовать на открытии Славяно-русской палеографической выставки¹, потому что получил приглашение на это открытие, состоявшееся в четверг 16 декабря, *в пятницу 17-го!* Не знаю, кого винить — почту или швейцара Консерватории. Таким образом я лишился возможности прослушать Ваши объяснения по поводу выставленной Московским Синодальным Училищем церковного пения коллекции снимков со старинных нотных рукописей. Сегодня я был на выставке, пытался узнать, где Вы остановились. Там я не узнал Вашего адреса. Но я его добыл от швейцара в доме К. П. Победоносцева. Потом я отправился в гостиницу «Эрмитаж», но там мне сказали, что Вы вчера уехали.

Утешаю себя мыслию услышать Ваши объяснения в Москве, где думаю быть 27 декабря. Остановлюсь, вероятно, в Большой Московской гостинице. Тотчас же по приезде явлюсь к Вам, чтобы приняться за работу. Вы мне делаете истинное благодеяние, если не откажетесь помочь в изучении крюков и ознакомлении с Вашей коллекцией². Но мне крайне совестно беспокоить Вас моею просьбою.

Позвольте мне сердечно поблагодарить Вас за то, что посетили меня, и просить Вас принять выражение истинного почтения и совершенной преданности
всегда готового к Вашим услугам Л. Саккетти.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 150—151

1. О палеографической выставке, проводившейся петербургским Археологическим институтом в конце 1899, в Воспоминаниях Смоленского говорится:

...Благодаря выставке... я усиленно занимался составлением коллекций фотографических снимков с образцов всякого рода и времени русских певчих рукописей. Эту коллекцию я экспонировал на выставке и делал о ней сообщение при самом открытии. Этой же поездке я обязан и подробным ознакомлением моим с Благовещенским кондакарем Императорской Публичной библиотеки, равно и поисками за надобными материалами в московских библиотеках и Румянцевском музее (РДМ. Т. IV. С. 370).

2. См. следующие письма.

Петербург, 19 января 1900

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Директора консерватории, Августа Рудольфовича Бернгарда, не было: он был в отпуску и приехал лишь с понедельника. Мне удалось с ним побеседовать только сегодня. Перспектива Вашего согласия читать курс церковного пения в Петербургской консерватории *крайне обрадовала А. Р. Бернгарда*. Он доложит о возможности рассчитывать на Ваше согласие Дирекции¹. Вероятно, в скором времени он сам Вам напишет об этом деле. Во всяком случае он намерен Вам писать, чтобы поблагодарить Вас за Ваше доброе отношение ко мне. Он был глубоко растроган тем, что Вы мне по несколько часов ежедневно дарили Ваше драгоценное время и Ваши столь нужные для науки, искусства и вверенных Вам учреждений силы.

Относительно приглашения Синодального хора в Петербург могу пока Вам сообщить лишь то, что я передам Ваши условия Владимиру Антоновичу Туру, который в качестве секретаря сообщит их Дирекции².

21 января 1900

Никак не мог поймать Ивана Афанасьевича Бычкова³. Только сегодня удалось у него узнать, что певческие рукописи (греческие) X века есть в его отделе. Волков — приват-доцент в университете. В это воскресенье будет у меня Булич, и я от него могу узнать о Волкове⁴. Будьте так добры написать мне, должен ли я Вам прислать фотографические снимки с трех-четырёх страниц певческих рукописей и трех-четырёх страниц из Благовещенского Кондакаря или сначала должен я переговорить с Волковым?

Редакция одного журнала просит меня написать о музыке духовной в России в XIX веке. Я уже набросал статью, которую кончаю Вами и Синодальным хором⁵. Мне крайне важно было бы иметь точный список газет (немецких), в которых помещены отзывы о Ваших Венских концертах (названия газет, год и номер или число и месяц). Извините меня за то, что все беспокою Вас просьбами. Боже мой, еще просьба: не будете ли Вы так добры сообщить мне сочинения (и их авторов), которые были исполнены Синодальным хором накануне моего отъезда из Москвы, и напечатаны ли они или нет, и эти авторы (Чесноков, Ка-стальский и др.), кажется, воспитанники Вашего училища?

Мой глубокий поклон Анне Ильиничне. Крепко жму Вашу руку. Жена очень кланяется!

Преданный Вам Л. Саккетти.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 159—160 об.

1. См. в послесловии к переписке.

2. Синодальный хор ездил в Петербург при Смоленском всего один раз, в 1896, причем пел благотворительные концерты в частном зале в пользу школы для девочек Е. А. Победоносцевой; импровизированные выступления были устроены также в Петербургской духовной семинарии и в Придворной капелле — для учащихся и педагогов.

3. Иван Афанасьевич Бычков — историк, библиограф, с 1881 заведующий Рукописным отделом Публичной библиотеки.

4. Имеется в виду палеограф Н. В. Волков, который опубликовал в Памятниках древней письменности (Вып. СХХIII) указатель древнерусских рукописей (см. в переписке с С. С. Волковой).

5. Об успехах Синодального хора Саккетти говорит в своем докладе на парижском конгрессе (см. далее).

Петербург, 22 января 1900

Дорогой Степан Васильевич!

Спасибо, сердечное спасибо за дружеский тон, который Вы все более обнаруживаете в Ваших столь дорогих для меня отношениях к Вашему ученику. Свою статью я заключаю обзором Вашей деятельности, так как она частью принадлежит XIX веку. Буду надеяться, что ее большая часть будет принадлежать XX веку и позволю себе напомнить Вам, что Ал. Гумбольдт *начал* писать свой Космос 73-х лет¹. Поэтому я не могу не говорить о Вас. Но, говоря о Вас, я боюсь своей недостаточной компетентности, которая может помешать мне понять и разъяснить *Вас во весь Ваш рост* (да и сознаете ли Вы его сами — простите за это сомнение!). Поэтому я, говоря о Вас, опираюсь на Металлова, на Рачинского, а главное — на Ваши труды. Тут нельзя сокращать ничего, но я боюсь что-либо упустить или неверно передать, поэтому я бы очень просил Вас прочесть и исправить мою рукопись (которую постараюсь переписать самым тщательным образом, чтобы не затруднять Вас). Мне хотелось посвятить Вам свою статью, как выражение моей беспредельной признательности Вам, моему дорогому учителю и другу (мне кажется, что Ваше последнее письмо дает мне право так назвать Вас, хотя я как Ваш ученик и компилятор — за ученого я почти себя не считаю — могу смотреть на Вас лишь снизу вверх — смотреть на Ваш богатырский рост). Но этот вопрос я предоставляю решить Вам самим: рукопись я Вам пошлю и Вы или вычеркнете, или оставите посвящение. Во всяком случае — эта

работа будет посвящена Вам, даже если это не будет сказано в печати, потому что, занимаясь духовной русской музыкой, я не могу не думать о Вас...

Вы мне пишете, что я должен за переписку и бумагу 13 рублей 75 копеек. Что-то уж очень мало. Не слишком ли бы. Посылаю Вам 14 рублей, потому что я, вероятно, еще буду Вам очень много должен: я ожидаю снимки, о которых Вы мне писали в открытом письме от 22 января, что они «также готовы, но трудно оказалось сделать перевод древнейших на ноты». Но все-таки я не теряю надежды получить одноголосные произведения в крюках с их переводами на наши ноты, если это Вас не очень затруднит. Все многоголосные произведения, которые мы с Вами наметили, мною получены, и я не знаю, как Вас благодарить.

Бернгард мне говорил, что еще не было заседания Дирекции, на котором он сделает сообщение о Вашем добром согласии читать Ваш курс в Петербургской Консерватории: заседания Дирекции, кажется, весьма редки.

В последнее время что-то мне нездоровится. Сегодня у меня такая головная боль, что едва могу писать Вам. Но если голове моей худо, то зато сердце мое преисполнено радости от Вашего письма. Спасибо Вам.

Мы все шлем привет Вам и Вашей супруге.

Преданный Вам А. Саккетти.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 152—153 об.

1. Имеется в виду знаменитый ученый Александр Гумбольдт, который в 1845, в возрасте 76 лет, издал масштабный труд «Космос: план описания физического мира» (*Kosmos: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*).

О своем знакомстве с профессором Петербургской консерватории Ливерием Антоновичем Саккетти Смоленский рассказал в Воспоминаниях:

«*Italiano di Tambov*», как значится в почетном дипломе Болонской академии, Ливерий Антонович Саккетти, бывший виолончелист, догадался променять виртуозную деятельность на науку. Он очень умен, но точность в работе привела его к сухости и компилятивности. Будучи отличным музыкантом, обладая огромной начитанностью, Саккетти увлекся эстетикой и философией, успел составить преинтересный курс в приложении их к музыке. Саккетти читал о церковном пении и о Синодальном хоре и училище рефераты свой и мой на съезде в Париже. Для занятий именно эту работу он был командирован в Москву дирекцией Музыкального общества. Вместо Москвы, воспользовавшись возможностью передохнуть три-четыре дня, я уехал с Ливерием Антоновичем в Троицкую лавру, в Черниговский скит... Тут, к полному изумлению Саккетти, я выучил его петь по крюкам с листа в несколько часов, открыв ему совершенно новые для него дороги к музыкальному мышлению. С тех пор мы подружились (Т. IV. С. 371).

Можно уточнить, что письменное знакомство Саккетти со Смоленским относится к более раннему периоду, нежели тот, о котором говорится в Воспоминаниях, а именно к 1893-му, когда Ливерий Антонович обратился к Степану Васильевичу по рекомендации К. П. Победоносцева — по поводу образцов знаменного роспева для публикации. 20 декабря 1893 обер-прокурор писал Смоленскому:

Сегодня был у меня некто Саккетти... Он принес мне свою книгу «Очерк всеобщей истории музыки», которая, полагаю, есть у вас. Если нет, напишите.

Он предполагает издать хрестоматию *всеобщей* музыкальной литературы и хочет включить туда крюковые и знаменные образцы. Я сказал, что нет препятствий.

Он занимается вообще древней музыкой. Я советовал ему побывать в Москве у вас. Он здесь профессор музыки и эстетики в Консерватории (Т. VI, кн. 1. С. 657).

Именно с этим связаны два первых из публикуемых писем; речь в них идет об издании «Очерка всеобщей истории музыки» (СПб., 1883; 2-е изд. 1891) и о печатавшейся тогда «Краткой исторической музыкальной хрестоматии с древнейших времен до XVII века включительно» (СПб., 1896), в которой имеется восемь образцов «классического» знаменного роспева разных гласов и разных жанров, изложенных круглой нотой.

В дальнейших письмах Саккетти и в Воспоминаниях Смоленского упоминаются еще два их совместных проекта.

Первый — конгресс по истории музыки в Париже в июле 1900, где Саккетти читал по-французски два реферата: свой «Главные моменты в развитии русского православного духовного пения» (опубликован по-русски в Журнале Министерства народного просвещения, 1901, № 8) и Смоленского «О крюках древнерусской церковно-певческой нотации» (в переводе Саккетти), который потом перерос в работу «О древнерусских певческих нотациях».

Другой проект связан с предполагаемой деятельностью Смоленского в Петербургской консерватории; именно поэтому в последнем из публикуемых писем упоминается тогдашний директор консерватории А. Р. Бернгард.

8 сентября 1900 Победоносцев писал С. А. Рачинскому:

...В прошлом году он [Смоленский] задумывал еще взять уроки в здешней Консерватории и ездить сюда два раза в неделю (Т. VI, кн. 1. С. 740).

Дело дошло даже до составления плана лекций (опубликован; см.: Гусейнова З. М. Смоленский и Петербургская консерватория // Петербургский музыкальный архив. Вып. 3. СПб., 1999. С. 100—112). Однако вскоре началась история с увольнением Смоленского из Синодального училища и переводом его в Придворную капеллу, занимаясь которой он не имел времени для работы в консерватории. Когда же Смоленский был уволен из Капеллы, консерватория отказалась от его услуг.

В фонде Смоленского в РГИА (ф. 1119, оп. 1, № 161, л. 5—6) имеются также более поздние письма Саккетти.

Письма Н. Ф. Финдейзена

Петербург, 5 апреля 1897

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Я вдвойне виноват перед Вами — не поблагодарил за Ваше любезное письмо и не менее любезное посещение. Искренно пожалел я, что не оказался в то время дома и лишился случая лично познакомиться с Вами. Но надеюсь, что если мне придется быть в Москве, Вы не откажете мне в разрешении посетить Вас.

Ввиду того что беллетристические произведения в программу Р. М. Г. не вошли, я уже раза 2—3 получал обратно из цензуры такие рассказы и т. п. из музыкальной жизни. Но я надеюсь добиться от Главного Управления по делам печати разрешения расширить программу — и тогда низко поклонюсь за Ваши «силуэты»¹. Относительно «обзора произведений русского церковного пения XVII и XVIII веков» скажу откровенно — это чудесное предприятие и почтенный труд, который уже теперь я приветствую горячо. Способствовать изданию его сочту за честь.

Относительно этого же обзора и некоторых других вопросов — положительно необходимо видется и обсудить дело с Вами *лично*. У меня есть для Вас одно предложение, которое, быть может, доставит Вам удовольствие. Ввиду всего этого я надеюсь осенью съездить в Москву, получив известие, что Вы уже возвратитесь к Вашему дорогому детищу — Синодальному хору.

Быть может, нам и раньше удастся свидеться и познакомиться, чем я был бы обрадован несказанно. Не знаю, *когда и куда* Вы намерены отправиться за границу, но, с своей стороны, я отправляюсь (и отдохнуть, и с некоторыми музыкальными целями) за границу 17 сего апреля, где надеюсь пробыть около двух месяцев. Мой путь — Вена, Париж, к 27 мая н. ст. предполагаю быть в Мангейме, а остальное время проплутать по Германии. Если бы в каком-либо городе удалось мне съехаться с Вами, я считал бы за счастье и честь представиться Вам лично.

Совершенно Вам преданный Ник. Финдейзен.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 1—3. На бланке РМГ

1. В письме Смоленского, на которое отвечает Финдейзен, Степан Васильевич предлагал для публикации в газете

имеющиеся у меня наброски чисто беллетристического свойства под названием «Силуэты музыкантов-любителей» и под заглавиями «Старый виолончелист», «Старый студент», «Октавист» и «Банщик», может быть еще «Звонарь». Это краткие

повести-рассказы, по 2—3 странички. <...> «Силуэты» списаны с натуры — это ряд симпатичнейших оригиналов, беззаветно любящих музыку.

Кроме того Смоленский предлагал

краткий (листов однако до 4-х) обзор моих открытий в области русского хорового пения XVII и XVIII веков. Мне удалось составить в Синодальном училище превосходнейшую библиотеку старых рукописей (до 2 тысяч №№), в которых открылись необыкновенно интересные вещи из истории хорового церковного и кантового пения в России.

(РНБ, ф. 816, оп. 3, № 2676, л. 2; машинописные копии Н. Ф. Финдейзена с оригиналов писем Смоленского, хранящихся в том же фонде: № 1851—1853)

В архиве Смоленского сохранилось несколько подобных беллетристических набросков; этюд «Старый студент» вошел в состав Воспоминаний; возможно, то же самое относится и к портрету октависта Синодального хора Сугрובה там же. Что касается обзора, то он впоследствии был написан и опубликован в РМГ под названием «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения» (РМГ, 1899, № 3—5, 11—14). См. с комментариями: РДМ. Т. II, кн. 1.

Петербург, 7 октября 1897

Дорогой Степан Васильевич!

Вот только сейчас имею первую свободную минуту, чтобы отправить Вам обещанный сборничек Орлова, да кстати прибавить и I том Наумана, и послать Вам хотя бы пару страниц¹. По приезде из Москвы все время продолжал лечиться и теперь уже иду к выздоровлению — нарыв в ухе лопнул и т. д.

За чисто московскую, русскую — сердечную встречу Вашу благодарю Вас горячо, благодарю душевно. Вы и Ваше великолепное Синодальное училище с его изумительной библиотекой, внутренним благоустройством и гуманным отношением к мальчикам, которых в подобных учреждениях держат «поинаковому» (как сказал бы Глинка) — доставили мне не только великую радость, великое удовольствие — я увидел нечто новое, важное, воздвигающееся во имя науки и человеколюбия². Это так редко, Степан Васильевич, это так необыкновенно в наши дни, что увидев только что мною описанное, я уже не мог выразить *тогда же* своего восторга, а зато теперь, стоя от всего этого в некотором отдалении, понимаю и ценю лучше и спокойнее. За Ваше дело — великое Вам спасибо, великая честь и слава. То, что Вы делаете, борясь и обходя поповскую рутину и злокозненность, это зачтется Вам *историей*, и ей Вы будете всегда дороги и симпатичны.

За Ваше радушие и дружеское расположение ко мне — конечно, благодарность уже моя личная, но тоже — глубокая и великая...

Обдумав хорошенько оба предприятия: продолжение *Русской музыкальной газеты* и издание *нового «Вестника церковного пения»* (как я его думал назвать), прихожу к тому убеждению, что начинать мне второго не следует и не по силам (нравственным), а бросать *первую* теперь — еще грешно. Думаю протянуть ее — *пятый* год. Вот почему, если это не покажется Вам слишком назойливым, привожу здесь вкратце *программу* задуманного «Вестника»; быть может, если Вам удастся осуществить это предприятие, чего я желаю от всей души, — эта программа и пригодится. Во-первых, я полагал издавать «Вестник церковного пения» для начала в возможно скромных размерах и по скромной цене, доступной всем и каждому: 12 раз в год небольшими тетрадами и ценой около 2 рублей в год. Давая от 1—2 листов формата моей газеты и не платя гонорара (что очень легко добиться), при 250—400 подписчиках такое издание *может* существовать. Вот его *программа*:

1. Передовые статьи.
2. Биографии церковно-музыкальных деятелей (композиторов, ученых, писателей, певцов и проч.).
3. Статьи исторического характера, исследования.
4. Критика и библиография.
5. Материалы для истории духовной музыки и для биографий духовно-музыкальных деятелей.
6. Церковно-музыкальная хроника (распоряжения правительства, слухи и известия; хроника иностранная — по городам и корреспондентам).
7. Некрологи.
8. Вопросы и ответы (я считаю этот отдел несущественным и ненужным, но пока наши его так любят!).

Что касается *иллюстраций*, то можно было бы помещать портреты и автографы, снимки со старинных музыкальных орудий (голосники, колокола), миниатюры, нотные рукописи и проч.

Далее, я полагал бы даже возможным делать *приложения*, которые состояли бы из: *старинных* (главным образом!) и современных церковно-музыкальных композиций или теоретических сочинений; старинных трактатов и проч.

Я считаю подобный «Вестник церковного пения» — журналом, который служил бы *исключительно* музыке (вернее, пению) православной церкви, но, конечно, в нем могли и даже должны были бы появляться известия о движении старинной церковной музыки католического и протестантского Запада.

Если бы подобное издание состоялось — я принял бы в нем участие с величайшей радостью³.

Так как я не знаю, когда в следующий раз придется мне писать Вам, то хочется побеспокоить Вас всласть, тем более что я знаю — чтение этого письма было прервано по крайней мере раз 20! Когда я говорил с Вами, многоуважаемый Степан Васильевич, о библиотеке Московской консерватории и о желании попасть туда с переходом ее в новое здание, я не имел, конечно, времени подробно изложить свой взгляд на музей и на библиотеку. Не стану подробно размазывать об этом и теперь, а вкратце позволю себе сообщить Вам то, что я думаю по этому поводу.

Насмотревшись в Вене, Париже, Бонне и Лейпциге разных музыкальных библиотек и музеев, я пришел к тому убеждению, что у нас подобных учреждений, доступных и необходимых обществу — еще *нигде* не существует, а не существует потому, что несмотря на богатства, заключенные в том или другом учреждении, эти богатства в тени, в неизвестности, не разобраны.

Библиотека не только должна готовить и заботиться о партитуре и партиях для симфонических концертов. Она должна служить научным подспорьем и для учащихся, и для учащихся. Она должна служить вообще музыкантам своего города и быть полезным и доступным общественным учреждением. Только тогда — доставляя пользу и возможность работать в ней другим, она может ожидать правильной деятельности, ею станут и другие интересоваться и приносить свои лепты.

Музей должен быть помощником библиотеки, должен быть *живой* наглядной таблицей для изучающих историю музыки. Надо стараться поставить дело так, чтобы лекции по *истории* музыки читались в *самом музее*. Кажется, этого нет еще ни в одной консерватории!

Наконец, можно добиться того, что *музей* и *консерваторскую* музыкальную библиотеку приезжие стали бы осматривать *наравне* с прочими достопримечательностями города. Так, по крайней мере, смотрят на это дело за границей.

Все это я написал Вам, дорогой Степан Васильевич, с хитрой мыслью — быть может, Вы подумаете обо мне и в добрую минуту сообщите В. И. Сафонову и о моих намерениях, и о моих взглядах на эти вещи. Я хотел лично с ним об этом переговорить в Москве. Но — он уехал и мне не удалось с ним повидаться. Не осудите ужасную длину письма, передайте мое глубокое почтение Вашей супруге и не оставьте страничкой

искренне преданного Вам Ник. Финдейзена.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 6—9 об.

1. Финдейзен имеет в виду сборник «Избранные песнопения православной церкви». Сост. В. М. Орлов (СПб., изд. Сойкина, 1897).

См. также: Науман Э. Иллюстрированная всеобщая история музыки: Развитие музыкального искусства с древнейших времен до наших дней. Перевод с немецкого, дополненный по новейшим источникам с прибавлением очерков истории музыки в России. Под редакцией Ник. Финдейзена. В трех томах. Том 1 вышел в Петербурге в 1897.

2. Свой отчет о посещении Синодального училища Финдейзен опубликовал на страницах РМГ под названием «Синодальное училище церковного пения в Москве» (1898, № 4). См. с комментариями: РДМ. Т. II, кн. 2.

3. Идея журнала по церковному пению неоднократно возникала на протяжении жизни как Смоленского, так и Финдейзена. Она осуществилась только в 1909, с началом выхода журнала «Хоровое и регентское дело». Однако к этому журналу Финдейзен не имел никакого отношения. В предшествующие годы отсутствие церковного журнала восполнялось только специальным отделом («Церковная музыка и пение») в РМГ. Можно заметить также, что в 1903 Смоленский обсуждал с С. Д. Шереметевым план журнала «Доместик», весьма напоминающий предложенный Финдейзеном в данном письме.

Петербург, 30 декабря 1897

Хотелось бы, чтобы это письмо пришло к Вам в самый день Нового Года, дорогой и сердечно уважаемый Степан Васильевич. С одной стороны, оно должно официально, по принятому обычаю, поздравить Вас и уже совершенно неофициально — передать Вам мои горячие, самые искренние благопожелания; а с другой — хотелось бы Вам *первому* сообщить весть о почти *решенном* мною продолжении издания моего младенца «с зубками» (не зубастого?), как Вы верно назвали газету¹. Да-да! Я сам не знаю, что со мною делается, что это толкает меня вперед, заставляет презирать кое-что скверное и злобное. Поверьте, еще третьего дня я ложился спать с невозмущенным духом, отложив всякие мнения о продолжении Русской музыкальной газеты; вчера снова забередело, а сегодня утром (*отказав* уже двум явившимся подписчикам на 98-й год), в какие-нибудь пять минут я натужился, блеснуло в голове милое русское «авось» и страстное, *не-русское* «нужно» — я и закричал жене — «Нет! Не могу! Давай опять издавать газету. Есть люди, для которых и с которыми хорошо работать» — и уже через ¼ часа сфабриковал в гостинной, неподалеку от елки домашнюю «контору» и уже принял целых 8 подписчиков! Я немедленно поехал в одно учреждение (издательское), чтобы переговорить о печатании и проч. делах и — пожалуй, скоро вновь пущу все в ход... Вот какую весть хотелось сообщить Вам, драгоценнейший Степан Васильевич, к Новому Году. Пожалуй, поступаю я опрометчиво — но никто, как Бог.

Важный толчок, заставивший меня *особенно* призадуматься, дало мне Ваше славное письмо. Вместе с ним я получал часто самые сочувственные письма. Откровенно говоря, я не смел не только надеяться, но и думать, что кончина газеты — вызовет у многих — искренние сожаления. А так и вышло. Тогда только я понял, что то, что я делаю, делаю не совсем даром, не на ветер, а значит, так нужно, так должно делать. Потом — явившиеся возобновлять подписку так-

же уходили погоревавши, а вчера я выслушал такую lamentацию от совершенно мне *чужого* человек, что вечером обсуждал *предположительно* о помощи с одним хорошим приятелем, а утром точно обухом стукнуло и заставило уже *решить* дело, помимо всяких окончательных договоров с другими.

Я Вам буду очень и очень признателен за все будущие советы, за статьи, которых жажду — как манну небесную (и синодальную). Только, думаю я еще, что Москву, пожалуй, придется побоку покуда, так как это — два дела несовместимых, пожалуй. Я еще не писал Сафонову (и хорошо сделал). Казалось, Глинка, вышедший крупным карасем, кончен в сочинении, но подожду печатанием. Теперь, со смертью Деянова² могут произойти пертурбации и в Публичной Библиотеке, а кажется, нужно выпустить в хорошее время.

Вашей супруге прошу передать также мое глубокое почтение и непременно поздравление с Новым Годом.

Ваш, Ваш и Ваш Ник. Финдейзен.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 14—15

1. В письме от 12 декабря Смоленский настаивал на продолжении издания РМГ:

Сколько могу рассуждать, полагаю, что неладно Вы делаете, бросая издание Русской музыкальной газеты, ибо дитя уже имеет имя и начало если не ходить, то бойко ползать и имеет зубки. <...>

Уверяю Вас, что равнодушие не сгубило, а кружки, зависть и болтовня не убили Русской музыкальной газеты; она останавливается от нашей беспробудной лени... Поговорите и со старчищем-пилигримищем. У него голова хорошая и сердце доброе, хотя язык, язык — целый язычище! У, какой! <...>

Если окрылитесь — обещаю Вам безгонорарное и усердное сотрудничество, но отдельные оттиски стяну все-таки; разбужу здешних сонюль для Вашей газеты

(РНБ, ф. 816, оп. 3, № 2676, л. 12—13).

Под «старчищем-пилигримищем» имеется в виду, конечно, В. В. Стасов (который печатался в РМГ). Свои обещания Смоленский выполнил: он сам регулярно и безгонорарно писал в РМГ; то же делали и некоторые сотрудники Синодального училища, в частности А. В. Преображенский и В. М. Металлов.

2. Имеется в виду министр народного просвещения И. Д. Деянов. Устройство Финдейзена как в Московской консерватории, так и в Публичной библиотеке — не осуществилось; причина, по которой Финдейзен хотел принять такое назначение, — постоянное безденежье и неуверенность в получении средств для продолжения газеты. Под «хорошим приятелем» в письме подразумевается Е. М. Петровский, который оказывал значительную (хотя и не регулярную) материальную помощь газете (и сам печатался в ней).

Петербург, 4 апреля 1898

Дорогой и душевно уважаемый Степан Васильевич!

Вы так сердечно обещали вспомнить обо мне в Светлую Христову заутреню. Спасибо Вам за это — также сердечное. Будьте уверены, что и в сером, туманном большом городе найдется душа, которая к своей радости прибавит добрую и светлую память о нескольких москвичах, которых жизнь полна сердца и души. Поздравляя душевно Вас и Вашу супругу с этим светлым праздником, я могу, конечно, желать Вам такого же *неомяченного*, действительно светлого, общепризнанного (и... утвержденного!) праздника в Вашей великолепной и чудесной деятельности¹; а *как* я ее люблю и высоко ценю — это Вы сами хорошо должны знать.

Я был бы счастлив в такой день, вернее в такую ночь, как пасхальная, быть недалеко от Вас — в Москве, слышать этот дивный перекаат трезвонков тысяч московских колоколен — у нас этого нет и быть не может. Пожалуй, во сне приснится такая ночь, да кстати бы распелись на тысячу ладов все эти старые партитуры, которые покуда так тщательно заперты в небольшой комнате по коридору налево от главного входа в Синодальное училище!..

Кстати о последних. Не знаю, когда Вы удосужитесь приняться за печатание каталога Вашего сокровища, а между тем он для меня очень и очень важен. Дело в том, что я скоро должен приняться за очерк истории музыки в России для Наумана — и, если бы на это было Ваше разрешение, хотел бы (очень и очень) воспользоваться этим каталогом, да хорошо бы приложить туда пару снимков и партитуру (полегче) для музыкантов. Что Вы на это скажете?

Статья о Синодальном училище пошла уже в печать, думаю, что она не останется без внимания. Не прислать ли Вам несколько лишних экземпляров ее?

Из моих старых просьб повторяю следующие: 1) статья о Пасхалове, 2) портрет и 3) автограф его для моей коллекции — если это не чересчур назойливо².

Еще раз — сердечно и душевно — Христос Воскресе! Прошу также поздравить от меня многоуважаемого о. Василия Михайловича.

Искренно Ваш Ник. Финдейзен.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 31—32

1. Подразумевается утверждение нового устава Синодального училища.

2. Статья Смоленского о В. Н. Пасхалове была напечатана в РМГ гораздо позже — в 1905 (№ 9/10). Розыском автографов этого талантливого и безвременно скончавшегося композитора Степан Васильевич занимался долго (см. об этом в его Воспоминаниях).

Петербург, 1 января 1899

Дорогой крестный папенька!

Сегодня мне исполнилось 6 лет и пошел уже 7-й, как раз в день Нового года. Я так люблю Вас, дорогой крестный, что не утерпела, чтобы не написать Вам в этот день, причем я думаю — Вы не рассердитесь на мои каракульки (а Вы такой большой и важный человек, как мне рассказывал мой папа, у Вас целый большой красивый дом и в нем много-много мальчиков — наверно, Вы, крестный, так же любите всех их, как меня мой папа, — ведь правда? — Вы такой славный, хотя и важный), — но девочка в шесть лет еще не может писать так же хорошо, как пишут большие. А я еще все играю с игрушками, хотя уже начала читать. Помню, крестный, как хорошо Вы рассказали об одном хорошем, но больном человеке, который также любит детей и даже устроил из них оркестр. Да, вспомнила! Его звали, кажется, Эрарским! Я еще плакала, когда Вы дошли до того места, как он заболел и помер!

Еще недавно я просматривала также те картинки, которые Вы прислали из Ваших старых книжек. А все-таки я думаю, милый крестный, что Вы мне еще что-нибудь скоро подарите. Помните, Вы хотели рассказать о Казани (там еще жил Пасхалов) и о Москве? А мне — девочке, умеющей уже читать, хорошо бы иметь эти рассказы. Когда у Вас найдется, крестный, время вспомните опять о своей крестнице. Да вот еще папа сказал мне: попроси крестного прислать тебе его портрет, чтобы ты всегда имела его перед собой.

Ах, какая я в самом деле глупенькая! Написала про Ваши подарки, а с Новым годом и забыла поздравить! Целую Вас, дорогой крестный — так крепко, как люблю; а люблю Вас — очень, очень, очень. Пожалуйста, поклонитесь также тетеньке. Папа и мама часто вспоминают о Вас и также кланяются сердечно.

Не забывайте, крестный, Вашу маленькую крестницу

Русскую музыкальную газету¹.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 46—47

1. Это остроумное письмо от имени «крестницы»-газеты вызвало столь же остроумный, но также и сердечный ответ «крестного»-Смоленского (6 января 1899). Читая письмо, надо иметь в виду, что у Финдейзена в это время росла маленькая (и единственная) дочь Людмила, так что пожелания Смоленского в какой-то мере были адресованы не только газете, но и девочке. Об упоминаемом в письме «чернокнижнике» Саккетти см. в его письмах к Смоленскому.

Милый дружок мой, дорогая моя и сердечно любимая крестница!

Благодарю тебя за поздравление с новым годом и в свою очередь поздравляю тебя с хорошим в жизни 7-м годом, которым кончается младенчество и начинается

хотя и детство, но такое, которое уже ходит в церковь на исповедь, причащается, — то есть признается уже лицом ответственным, способным, хотя бы и в небольшом кругу своей деятельности, и лицом принятым в общение с большими, причащающимися в деле великого всепрощения, великой любви, великого служения правде и свету. Это детство, поверь, милый друг мой, есть самая лучшая пора в жизни на этой земле. В эту пору верится в правду, в эту пору мы беззаветно и с великою наивностью, не зная подлого зла, служим правде, крепнем в правде и, скоро развиваясь, незаметно вырастаем в хороших, мужественных детей родной земли, в убежденных борцов за правду. Обыкновенно сторонние люди не замечают, что где-то играет и думает малютка, и удивляются внезапно вырастающей перед их глазами мужественной фигуре, убежденной, сильной духом, требующей от жизни признания и своих мыслей и взглядов. Расти такая!

К этому времени, к XX веку, ты возмужаешь, около тебя будет много поклонников, которые будут ухаживать за тобой, слушаться тебя и помогать тебе. От твоего ума будет зависеть в это время выбрать себе молодого, хорошего мужа, но не забудь в это же время и про стариков, твоего папу, весь свой век работавшего и воевавшего, не нажившего тебе никакого приданого, кроме трех простых честных слов, иногда сокращаемых в три буквы «Р. М. Г.», и твою старую маму, мужественно бывшую подругою твоего папы во всяких бедах и передрыгах, ободрявшую его слабевшую по временам энергию, работавшую вместе с ним, чтобы вырастить тебя, мою милую, задорную вострушку!

Я, твой названный папа крестный, хотя и недавно познакомился с твоим папой, но сразу понял его, полюбил его и был душевно рад быть его кумом. Есть одно зеркальце, у которого в одной рамке с обеих сторон по стеклу: в одно посмотрим — видно, какова душа у человека, который стоит рядом, а в другое посмотрим — видно все, хотя и не очень ясно, что случится в будущем. Не всякий человек смотрит вдвоем в первое стекло и не всякий человек, особенно в твои молодые годы, умеет поглядеть во второе стекло. Я однажды поглядел вместе с твоим папой в первое стекло, увидел там человека с побитыми плечами, с вывихнутыми, но вправленными опять руками, со сломанными ногами, с выдернутыми зубами, но с высоким лбом и прямо глядящими, смелыми глазами; у этого человека на одной стороне стояла открытая шкатулка — но совсем без денег, закрытая шкатулка с множеством никому, как казалось, не нужных бумаг, а на другой стороне — твоя мама, которая обвила папу ручкой вокруг шеи и целовала папу в его высокий лоб; между папой и мамой был маленький ребенок, которого папа держал у сердца, а мама окутывала и ласкала — это была ты — пищавшая, барахтавшаяся, не дававшая спать папе, маме и соседям, хворая, слабая, но уже имевшая начатое приданое, богатое любовью, надеждами, правдой и прочими бесценными и редко встречаемыми капиталами. Лицо у твоего папы было прекрасно, благородно, отважно; мама твоя любовалась им и, взглянув на меня, с улыбкой поцеловала папу еще раз. В эту минуту я сразу полюбил твоего папу с мамой и согласился быть их кумом.

В другое стекло надо посмотреть умеючи. Я с папой твоим, потихоньку друг от друга, совсем потихоньку от мамы, не раз глядели в это неясное стекло. Протирали платком — всякий раз неясно, а все же лучше прежнего. Погляди и ты не один раз. Для этого надобно поработать долго-долго, переговорить с друзьями и поклонниками, встать ранехонько и в полной тишине спокойно и хладнокровно долго глядеть вперед. Зеркало само сойдет с места, пройдет мимо тебя и, обойдя кругом, само вернется на свое место. В то время, когда оно будет перед твоим лицом, вскрикни громко: «Я верю, что я буду прекрасна, здорова, буду иметь детей, буду бабушкой, буду иметь сто друзей, умру такой же бедной, какой родилась, но на моей могиле будет груда венков. Моя могила будет предметом общего уважения; мои папа и мама, давно умершие, упокоившиеся рядом со мною, имеют отличные памятники, воздвигнутые им по подписке...» Если свет в зеркале появится, если радостное лицо, полное веры, надежды, любви и мудрости, кивнет тебе в эту минуту — значит, сильна твоя вера и счастлива ты будешь в этой жизни. Я загадал о тебе в ночь на этот Новый год и видел этот свет. Если хочешь — погляди сама и спроси сама — это гаданье очень бодрит душу.

Но ты еще молода и потому проделай сначала то, что я проделал в ночь на Васильев день 99 года. Имей в виду, что от числа 1899 ныне осталась только одна первая палка, следовательно внешнее перерождение полное, с остатком от прежнего в немногом, но имеющем за собою 1000 лет. Если проделаешь первое гаданье, то прокричи перед зеркалом: «Буду ли я в самом скором времени увлекательною, интересною красавицею, влюбится ли в меня честный, молодой, здоровый человек, встану ли я на ноги сразу, твердо, преобразясь сразу в русскую хорошую красивую домовитую женщину, уважаемую газету, служащую идее, правде? Заживу ли я в годы моей первой молодой, здоровой и хорошей любви, в годы моего перерождения, более зажиточно, более увлекательно?» Спроси сама, дружок мой, у зеркальца и усладись тем сладким словом «да», которое я слышал сам о тебе, которое так свято у девицы, слышавшей это словечко от любимого юноши, мечтательного, но честного. Когда венчают красавицу с полным надежд ее будущим счастьем, то в молитве есть строка такая: «Помяни, Господи, и воспитавшие их родители» — после гаданья помяни и ты стариков, взрастивших тебя в способности любить, работать и мужественно глядеть вперед.

В качестве невесты ты получишь от меня подарок — очень небольшой, совсем недорогой и даже совсем неказистый на вид, но полный любви и радости на твою развертывающуюся красоту. О подарках не рассказывают подробно, а обещать их можно. Могу уверить тебя, что я свои обещания держать умею; может быть ухитрюсь сделать этот подарок содержательнее прежних — не знаю о том, но все же он будет наверное. Очень меня задерживают свои старческие дрязги и грызня в Москве, отнимая время и силы на всякий вздор, но для крестницы буду вставать пораньше и напишу статейку подходящую — так рад буду, чтобы крестница моя прочитала мое писанье.

Я вот и сейчас пропустил несколько дней, отвечая тебе позднее, чем бы следовало ответить архивному юноше на вопрос начинающей хорошенькой кокетливой шалуни. Заехал ко мне такой же, как и я, архивно-музыкальный чернокнижник

Саккетти, — вздумал он выучиться петь по крюкам, и потому мы уехали из крюкочтворной Москвы в скит у Троицкой Лавры. Там на чистейшем воздухе, при полной тишине Саккетти вдруг прозрел и начал петь по крюкам нетрудные песни с листа. Зато я опоздал ответить тебе своевременно.

Кланяется тебе Антонин Викторович Преображенский, мой крестник (а тебе двоюродный) — парень совсем дельный, работающий и порядочный. Приголубь его хорошенько — он все таскает у меня №№ твоих записок еженедельных, так как сам их не получает, несмотря на усердное за тобой ухаживанье. Пококетничай с ним. В будущем этот блондин, пожалуй, очень тебе пригодится. Он умен и деликатен.

Поцелуй папу, поцелуй маму так же крепко, как я поцеловал твой 1-й № за этот год. Солнышко начинает теперь светить пояснее — пожалуй, посмотрю, не позвать ли фотографа, чтобы он приготовил карточку. Когда ты получишь этот снимок — поцелуй и его, приговаривая: это мой крестный папа, он меня любит, он со мной и горюет; вот он обратил мое внимание на умного блондина; в запасе у него даже и батька нашелся неглупый и работающий; папа у меня чудак, упрямо верит в правду, про генералов в газетах пишет, но он добрый и, если случится, то приедет в Питер к моему родному папе; одно только у крестного папы — болтает много, работает много, да мне мало от него перепадает, но хорошо и то, что обещает, а слово у него верное все-таки.

Ну, милая крестница, сейчас 6 января, певчурки мои идут в 15° мороза на Москву-реку святить ее воду — пора мне кончать и идти на эту службу, пора и кончить это письмо. Поцелуй папу, поцелуй маму, работай с Богом на радость крестному — лови поклонников, имей сто друзей, пока не брезгая и ста рублями (выйдешь замуж — другое дело!), помни мой самый заветный принцип: *живи в кротком упорстве*, почитай родителей, не прелюбы сотвори даже и в мыслях и да благо ти будет и долголетна будешь на земли.

Сердечно любящий тебя Ст. Смоленский.

С.-Петербург, Малая Морская, № 6, кв. 21
Ее Высокородию Русской Музыкальной Газете
От крестного папаши

(РНБ, ф. 816, оп. 3, № 2676, л. 33—37)

Петербург, 27 февраля 1901

Дорогой Степан Васильевич!

Сердечно благодарю за посылку и за письмо. Известию о назначении Вас в Капеллу здешнюю — я рад искренно и несказанно, тем более, что Вы будете в Петербурге, *недалеко* от меня, и я чаще буду иметь возможность восхищаться и Вашими чудесными познаниями (а следовательно, и поучаться у Вас), и Вашей энергией и т. д. Не подношу Вам «леденцов-конфет», как называл мои справедливые определения таланта и работоспособности старик Стасов. И не я один

рад этому, вернее *буду* рад, но и многим здесь, конечно, Вы симпатичны и дороги. Только Ваше известие не было для меня *новостью*. Я об этом уже знал, так как мне в свое время сообщили о всех предполагавшихся пертурбациях, связанных и с двукратной поездкой графа С. Д. Ш[ереметева] в Москву (ведь его брата А. Д. — «общедоступного»¹ навязывают Вам в quasi-начальники — об этом после или позже), и о многом другом. Мне приходилось говорить об этом в частных разговорах (но я *ни словом*, согласно данному Вам обещанию, не обмолвился об уходе Вашем из Синодального училища), и я рад, что мой, порой как у гончей собаки, *нюх* — не обманулся. Откровенно говоря, мне не жаль Аренского — он был мало у места — его политика закрытия дверей в Капелле (при них ведь удобнее поклоняться... не Баху, как Вы, а Бахусу) была мало симпатична. Это было прозябание некогда прекрасного учреждения. При нем я ни разу не был в Капелле и только слышал, что немало там творится непутевого. А когда-то я сам мечтал о том, что хоть в Капелле можно было бы устроить дельный класс истории (главным образом русской) музыки...

Об одном я искренно жалею, — что Вы не можете взять в Капеллу то богатство, которое Вы пожертвовали в Синодальное училище и которое, *по нравственным законам*, должно было бы остаться при Вас. Но не сомневаюсь, что здесь скорее Вам удастся сделать что-либо живое и независящее от разных шахматных ходов. Следовательно — при Вашей энергии и здесь можно создать публичную библиотеку и церковно-музыкальный музей. Ах! об этом я давно мечтаю.

Не думаю также, чтобы Вам было трудно спеться с А. Д. Шереметевым, который Вам мешать *не будет*, а это главное². Может быть, в этом отношении и я Вам сослужу маленькую службу, ибо знаю А. Д. (Он дилетант, но настоящий *Sonntagskind* [баловень судьбы]; кажется, на одном назначении на должность (прежнюю) его брата он не ограничится. Я слышал о довольно широких пертурбациях.) Ну да об этом — в свое время. Дай Бог Вам скорее перебраться сюда. Я первый этому душевно порадуюсь и буду счастлив. Я слышал, что назначение последует в самый день Св. Пасхи — поэтому меня интересует вопрос, когда Вы будете в Петербурге — временно или для устройства уже вполне оседлой жизни.

Дай Вам Бог счастья, дорогой Степан Васильевич! Усердный поклон Вашей супруге.

Весь Ваш Ник. Финдейзен.

P. S. Хотя Вам, перед переездом, не до того, но если найдете возможным — привезите мне пожалуйста печатные программы всех концертов Синодального училища за время Вашего управления. Я был бы Вам крайне благодарен.

1. Прозвище А. Д. Шереметева связано с проводившимися им в Петербурге Общедоступными симфоническими концертами.

2. В этом Финдейзен очень сильно ошибся: А. Д. Шереметев и Смоленский не «спелись», что привело к уходу Смоленского из Капеллы.

Петербург, 30 декабря 1906

Дорогой Степан Васильевич!

Сегодня Вы снова доставили мне редкое и большое наслаждение — только что прочел я рукопись Вашу — о колокольном звоне¹. Принялся читать как редактор, просматривающий все статьи до отсылки в набор, а продолжил и кончил чтение как самый восторженный поклонник Ваш и горячий любитель русской литературы. Хорошо, в самом деле на редкость хорошо. В каждой Вашей новой работе все шире и роскошнее развивается Ваш крупный, самобытный писательский талант. В каждой работе Вы, одновременно, показываете такой сильный, здоровый и разнообразный ум, что пред Вами нужно низко снимать шляпу, низко кланяться как превосходнейшему русскому писателю и превосходнейшему ученому...

Многое я мог бы Вам еще высказать (и тема статьи, развитие ее и изложение ее, повторяю, доставили мне минуты самого искреннего восторга), да совестно...

Спасибо Вам за нее, дорогой Степан Васильевич, дорогой мой и славный писатель, — спасибо не только за то, что дали ее для газеты, но за то, что подарили ее нашей музыкальной литературе. Последняя *вечно* будет гордиться Вами и как ученым, и как художником-писателем...

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Пошли вам Бог бодрости, здоровья и крепости на многие лета, на радость и гордость русской археологии и музыки.

Душевно любящий Вас Ник. Финдейзен.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 170, л. 84—85

1. Статья Смоленского «О колокольном звоне в России», вышедшая в № 9/10 РМГ за 1907, привела в восторг многих читателей (см., например, в переписке с С. С. Волковой и С. Д. Шереметевым).

Отношения Смоленского с Н. Ф. Финдейзеном — это большая и очень интересная тема; объем их переписки довольно велик, хотя можно заметить, что после переезда Смоленского в Петербург переписка принимает преимущественно деловой характер: в это время они довольно часто встречались лично (что регулярно отмечалось и тем, и другим в их дневниках). Все самые яркие публикации Смоленского неразрывно связаны с РМГ, начиная от упомянутого в письмах очерка «О собрании русских древнепевческих рукопи-

сей...» и кончая тоже упомянутым «Колокольным звоном». После кончины Смоленского в РМГ была сначала осуществлена публикация подготовленной Смоленским (на основе писем к С. Д. Шереметеву) статьи «О реформе в предметных планах народного образования в русских школах» (1909, № 34—38), а затем целая серия публикаций разных текстов Смоленского, преимущественно его сообщений в ОЛДП.

Можно утверждать, что Финдейзен сделал больше всех для увековечения памяти Смоленского, выпустив специально посвященную ему книгу — пятый выпуск альманаха «Музыкальная старина», где были напечатаны и не издававшиеся ранее работы Смоленского, и прекрасный биографический очерк о нем, написанный Николаем Федоровичем (см.: РДМ. Т. IV. Вступительная статья и Приложение II).

Письма Н. С. Кленовского

Севастополь, 21 августа 1894

Дорогой Степан Васильевич.

Еду в Тифлис и пишу Вам на пути, пользуясь остановкой парохода «Великий Князь Константин»... Погода чудная — качки не предвидится — я торжествую. Не знаю, что меня ожидает «на том погибельном Кавказе», представьте, до сих пор я не получил определенных условий договора, — армяшки очевидно хитрят, предлагают подписать контракт на месте — и объясняют запоздание предварительного сообщения условий договора различными непредвиденными, но вескими доказательствами — убедительно просят поторопиться приездом — посмотрим, что будет на месте, но я постараюсь быть твердым, как камень — и неуступчивым, насколько возможно; чем ближе к Тифлису — тем грустнее и грустнее покидать Москву и московских друзей, — на днях я было хотел плюнуть на все «переговоры» и удрать в Первопрестольную, — но рассудок взял свое и вовремя заглушил сердце. В конце концов Тифлиссский вопрос все-таки *остается открытым*, он закроется с подписанием контракта, буде последний окажется вполне удобным. Одним из пунктов весьма важных ставлю месячный отпуск в течение сезона учебного, на этот раз ноябрь — когда приеду в Москву повидаться и поконцертировать (если только удастся) у студентов сибиряков, грузин и этнографов... Таким образом связь с Москвою прервана не будет.

Вот пока все, что могу Вам сообщить о тифлиссских делах. Письмо Ваше и князя Ширинского-Шихматова пришло в Алушту и доставило мне большое удовольствие; воспользовавшись советом — совершил путь «на горы» — получил величайшее удовольствие — впечатление чрезвычайно сильно! забыть его мудрено. Очень рад, что мое пожертвование пришлось так Вам по душе.

Если останусь в Тифлисе — пришлю Вам взамен себя фотографию — пусть она напоминает Вам наши беседы *по душе*, которые доставляли мне величайшие наслаждение и облегчение... и за которые Вам искренне признателен и благодарен. В свою очередь буду просить и Вас выслать свою карточку... Тороплюсь — сейчас третий звонок! Сердечный привет и лучшие пожелания супруге Вашей.

Товарищески жму руку, обнимаю и целую от души.

Весь Ваш Н. Кленовский.

Адрес: Тифлис — мне.

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 68 об. и 76 об.

Тифлис, 12 января 1899

Дорогой друг Степан Васильевич, поздравляю Вас с Новым годом, от всего сердца желаю здоровья и полного успеха во всех делах Ваших... Предполагал на праздники съездить в Москву, но к несчастью не удалось, взамен приятной

поездки уложили меня на две недели в кровать и сделали операцию на ноге, вырезали около фунта мяса; нельзя сказать, чтобы я испытывал удовольствие под ножом хирурга, а затем еще меньшее от скучного лежания без движения... Теперь уже встал и учусь ходить. Успехи делаю с каждым днем, еще два, три дня и меня выпустят на улицу...

А уж как хотелось мне повидаться с Вами и показать Вам мою гармони-зацию грузинской литургии кахетинского роспева, за которую принялся уже около месяца. Работа не из легких, я до сих пор еще не определил лада — что-то вроде миксолидийского G dur без fis'a, и притом множество каденций фри-гийских — разнообразных... G dur'ная мелодия с каденциями в a moll, H dur и G dur, иногда же попадаетея и D dur'ная, но это очень редко. Я уже успел отыскать множество гармонических формул, но есть некоторые песнопения, которые не поддаются совершенно гармонизации — надеюсь на помощь Божию! Работа идет все легче и легче и надеюсь в скором времени окончить всю Ли-тургию, подписать русский текст и издать ее у Юргенсона, полагаю, что если поют литургии болгарского роспева, киевского и других роспевов, то почему бы не спеть и грузинско-кахетинского роспева?! Конечно, первым строгим моим цензором будете Вы, Вам и пришлю песнопения, пожалуй даже и до отпечата-ния — дабы слышать Ваше просвещенное мнение. Впрочем, если у Вас найдет-ся свободная минутка, черкните, как мне поступить перед печатанием — кто разрешает печатание духовных сочинений — печатать ли в партитуре 4 голоса отдельно — тенор в (скрипичном) ключе или на двух строчках сопрано и альт (скрипичный ключ), тенор и бас (басовый ключ)? Сделать ли над двумя строчка-ми голосов клавираусцуг и т. д.

Начал свои симфонические собрания, идут недурно, лучше чем когда бы то ни было и в художественном, и в материальном смысле. В следующем сим-фоническом играю симфонию Дворжака «Из Нового Света», «Шехеразаду» Римского-Корсакова, «Парсифаля» Вагнера и «Федру» Массне. На все сплетни и интриги, а их здесь более чем где бы то ни было, я уже наплевал, а потому чувствую себя совсем хорошо, нервы мои в порядке и начинаю думать, что в состоянии работать и совершенствоваться.

Всем нашим друзьям передайте сердечный привет и лучшие пожелания. Супруге Вашей целую ручки и поздравляю с Новым годом и желаю всех благ. Будьте здоровы и счастливы.

Всегда Ваш Н. Кленовский.

РГИА, ф. 1119, № 141, л. 29—30 об.

Тифлис, 27 декабря 1901

Дорогой друг Степан Васильевич, поздравляю Вас и супругу Вашу с празд-никами и наступающим Новым годом, шлю самые сердечнейшие пожелания здо-

ровья и полного успеха во всех делах Ваших... Благодарю за память... Прошу великодушно извинить за то, что так долго заставил Вас ждать ответа на письмо Ваше от 5 декабря, но вопрос такой, на который и до сих пор я не в состоянии дать категорического ответа... «и хочется, и колется»... Хочу быть полезным Вам, а вместе с тем чувствую, что здесь необходим, — без меня все начнет сильно падать, к тому же и дом еще не выстроили — один лишь подвальный этаж готов!..

Моего ума и характера положительно недостает, чтобы решить: что лучше, что полезнее, оставаться ли мне в Тифлисе — двигать там музыку — или перебраться в Питер и самому просвещаться; в Тифлисе я отдаю все что имею, приобретаю лишь деньги, а в Питере буду приобретать и *знания* — это кажется посущественнее! Одно лишь тяжело, что в Придворном ведомстве необходимо будет держать «ухо очень остро» — ну к этому, положим, давно уже приучен! И здесь с армянами не легко... Вот еще что, дорогой друг мой, я люблю порядок и дисциплину, а там у Вас распущено все, придется, должно быть, подтягивать, да и вовсю, легко, как говорят, наскочить на какой-нибудь подводный камень вроде «великого князя» или «действительного тайного советника» и т. д. И этот вопрос меня смущает... легко и самому вылететь... оплеухи получать не люблю! Хватит ли, наконец, моих сил? Я ведь и до сих пор не объездился, слишком усердно принимаюсь за работу, а затем упадок сил, переутомление, нужно ехать к Ламану, Фридману и т. д. Со мною здесь каждый год происходит подобное!

Итак, дорогой друг, я готов работать с Вами, ибо знаю Вашу любовь к делу и энергию, при таких условиях возможно действительно достигнуть самых блестящих результатов, и я думаю, что вдвоем мы могли бы совершенно перевернуть Капеллу. Поставить ее на надлежащую высоту... как оно было раньше, а может быть и еще повыше! Хотелось бы мне только знать — в чем будут заключаться мои обязанности, буду ли заниматься административною деятельностью или художественною (первую не люблю, вторая по мне), буду ли пользоваться летними вакансиями, как это делается во всех учебных заведениях, или должен сидеть в Питере, смогу ли ездить дирижировать симфоническими в Берлин, Вену, на какой срок возможен отпуск... Вам нужна ломовая лошадь, я действительно из породы ломовых лошадей, но теперь уже не могу так много тащить тяжестей, как это было лет 10—8 тому назад, утомляюсь. И когда я должен был бы оставить Тифлис — хотелось бы дотянуть до конца сезона и еще прихватить кое-что... освятить дом!

Сердечно Ваш Н. Кленовский.

Николай Семенович Кленовский, известный композитор и дирижер, выпускник Московской консерватории, руководитель первых в Москве этнографических концертов, был близко знаком со Смоленским с начала 1890-х. В Воспоминаниях читаем:

...Кленовский завоевал меня в какие-нибудь полчаса первым отделением Этнографического концерта 11 марта 1893 года, в котором я впервые в жизни услышал превосходно гармонизованные и разработанные русские песни. <...> Потом он был преподавателем гармонии в Синодальном училище, но я был недоволен им за его неаккуратность. После он очень сильно заявил о себе в качестве директора Тифлисского музыкального училища и дирижера. Оттуда я перетащил его к себе в Капеллу... <...> Он же написал в высокой степени интересный «болгарский» этнографический концерт, «Грузинскую литургию» и прочее (РДМ. Т. IV. С. 473).

В публикуемых письмах отражены переломные моменты жизненного пути Кленовского. Первое письмо написано с дороги в Тифлис, где Кленовский впоследствии на протяжении десяти лет весьма успешно руководил музыкальным училищем и симфоническими концертами ИРМО; третье — накануне переезда в Петербург, где он стал помощником управляющего Придворной певческой капеллой, то есть Смоленского (с 1902). Во втором письме речь идет о работе над Литургией грузинского (кахетинского) роспева, которая после ее публикации в 1902 (и исполнения отдельных номеров Синодальным хором под управлением В. С. Орлова) вызвала оживленную дискуссию на страницах РМГ (см. подробнее в письмах Н. И. Компанейского, а также в текстах А. Д. Кастальского в V томе РДМ).

Можно отметить, что после ухода Смоленского с поста управляющего Придворной капеллой таковым был назначен Кленовский (должность, которую он занимал с 1904 по 1906 называлась, однако, помощник начальника Капеллы, то есть А. Д. Шереметева). Степан Васильевич воспринял это как предательство, и теплые отношения между ними, по всей видимости, не восстановились. В Петербурге Кленовский выступал также как дирижер симфонических концертов ИРМО.

Письмо Е. Э. Линевой

Москва, 7 февраля 1908

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Благодарю Вас за все присланное — ноты получила с кондуктором и по почте. Петь будет 8 человек синодальных (они приглашены частным образом, на афише не будет стоять из Синодального хора), регент — Н. М. Данилин¹.

Все было бы хорошо, но разрешения пока все еще нет, хотя было подано на другой день после получения от Вас письма.

Я несколько раз была в канцелярии градоначальника, все обещали «завтра» и наконец отправили в Духовную консисторию. Поеду сегодня туда, заручившись через А. Д. Кастальского какой-либо рекомендацией.

Прутистка карандашом: Разрешение получено!

Е. Линева.

РГИА, ф. 1119, № 150

Евгения Эдуардовна Линева — известный фольклорист, певица, активный член Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете, с которой Смоленский всегда поддерживал связи. Письма Линевой к Смоленскому касаются главным образом подготовки лекции, которую прочел Смоленский в Москве 17 февраля 1908 в аудитории Политехнического музея в пользу созданного им в Петербурге Регентского училища (подробнее см. в переписке с С. Д. Шереметевым). Тема лекции — «О трехголосных кантах и псалмах по рукописям XVII и начала XVIII века»; для иллюстрации были привлечены синодальные певчие под управлением Н. М. Данилина. Лекция являлась повторением сообщения, прочитанного 7 декабря 1907 в заседании ОЛДП; она прошла успешно, но слушателей собралось очень мало, следовательно, и сбор в пользу Регентского училища был невелик.

Письма В. И. Ребикова

Кишинев, [октябрь 1898]¹

Дорогой Степан Васильевич.

Сердечно признателен Вам за поддержку меня, за выражение симпатий моим пьесам.

Цель моя — постичь тайну передачи звуками настроений, чувств. Чтобы музыка была бы телефонной проволокой, ясно передающей чувство говорящего.

Задача трудная. Далек я от мысли, что мне удастся ее разрешить. Но кое-что в этой области психологической музыки сделать все-таки решаюсь; несколько лет практики в этом деле, и мне, может быть, удастся сколько-нибудь ясно сказать так, чтобы выходило «буки-аз = ба», а не стеариновая свечка, чтобы не приходилось подписывать «се лев, а не собака». Думаю со временем издавать журнал, специально посвященный разработке «психологии музыки». Чую, что эта область кроет в себе много богатств и что она совершенно изменит взгляды на музыку как на игру в звуки.

Например, передачи музыкальной тоски, горя и отчаяния должны быть совершенно различны.

Тоска — это ровное настроение, ужасное своей прямолинейностью, и если ее изобразить графически в виде прямой линии —————, то горе будет линией волнистой , а отчаяние вроде следующего .

Подобное соотношение их может быть передано музыкой легко и т. д.

Пока что, а я теперь пишу для фортепиано «эскизы настроений» на стихи Надсона². Если не будете против — посвящу Вам наиболее прочувствованный.

Попал случайно в Кишинев и устроил здесь «отделение Императорского Русского музыкального общества». Кстати, будет и ряд концертов научно-художественного характера.

Жду дозволения открытия действия «Общества русских композиторов»³, — а пока мне делать в Москве нечего. А потом работы может быть много — устройство большой партитурной библиотеки, общедоступных концертов, посвященных каждый одному автору, и т. д.

Киев, Одесса и Харьков отнеслись симпатично к замыслу Общества, также и Кюи, [Н. Ф.] Соловьев, Балакирев и другие выразили свои симпатии. Побольше бы энергии, поменьше себялюбия, и тогда это пойдет и принесет большую для всех пользу.

Жму Вашу руку. Искренне преданный Вам и любящий В. Ребиков.

К письму приложена газетная вырезка без даты:

В среду, 7 октября, в зале Шахматного клуба состоялось первое заседание вновь избранной дирекции кишиневского музыкального общества. Из числа

директоров были избраны: казначеем З. В. Орлов, заведывающим имуществом Общества Н. С. Бачинский и дирижерами любительских: хора — окончивший императорскую Петербургскую консерваторию по классу теории композиции Н. Г. Прокин и оркестра — окончивший Венскую консерваторию по классу виолончели И. О. Брик. Затем, по предложению старшины по музыкальной части В. И. Ребикова, обсуждался план деятельности Общества в текущем сезоне. Предполагается в течение сезона устроить первую серию общедоступных музыкальных вечеров или утр, по праздничным дням, исторического характера, посвященных исполнению произведений следующих известных композиторов: Моцарта, Бетховена, Глинки, Чайковского, Бородина, Кюи, а если возможно будет, то еще один вечер, посвященный произведениям Мусоргского, Серова и Даргомыжского. На задуманных шести музыкальных вечерах предполагается показывать большие портреты композиторов при чтении их кратких биографий и характеристики их главным образом музыкальных произведений, а затем исполнение некоторых из их сочинений...⁴

ОПИ ГИМ, ф. 379, № 4, л. 164—165 об.

1. Письмо датируется по вырезке из кишиневской газеты. Известно, что официальному открытию отделения ИРМО в этом городе (в марте 1899) предшествовала деятельность Кишиневского музыкального общества, начавшаяся по инициативе Ребикова «Музыкальным утром» 3 октября 1898, в котором исполнялись сочинения русских композиторов. Впоследствии Ребиков руководил Кишиневским отделением ИРМО и музыкальным училищем до весны 1901.

2. Имеется в виду фортепианный цикл «Tondichtungen» (10 музыкальных стихотворений по мотивам стихотворений С. Я. Надсона).

3. «Общество русских композиторов» не было создано, несмотря на поддержку указанных в письме музыкантов, а также московской музыкальной общественности (в том числе и Смоленского).

4. Возможно, этому письму Ребикова предшествовало недатированное письмо Смоленского:

Любезнейший Владимир Иванович.

Наконец-то я узнал из адреса на Вашей посылке, куда бы мог я направить выражения своей Вам благодарности. Все газеты, которые Вы прислали мне, хранятся у меня в особой папке, но каждый раз можно было только приблизительно судить о месте Вашего жительства. Теперь, полный глубокой признательности за Ваше внимание и полный удовольствия от воспоминаний о Ваших «Меломимиках» [ор. 11] и от чтения Ваших прелестных Stimmungsskizzen [«Эскизов настроений»] ор. 10 шлю Вам дружеское рукопожатие и горячее пожелание успеха в дальнейшем. Суровы Ваши квинты, но чем они неблагозвучнее многих разрешенных ученым ареопагом го-

ловых движений? Зато некоторые Ваши эскизы — сама прелесть. Таковы (я имею твердость духа всем говорить правду) в ор. 10 № 1, 2, 4, 5, 8 и 10.

(ГЦММК, ф. 68, № 375. Конец письма утрачен)

Через некоторое время Ребиков послал Смоленскому свои новые сочинения, и тот ответил следующим письмом:

[Москва, конец 1900]

Любезнейший Владимир Иванович. Давно получил я Ваши «Les Rêves» ор. 15 и давно ломаю над ними мою голову, стараясь найти в них отзвуки Ваших мыслей лирических и угадать смутную для меня логику Ваших построений. Вы помните, вероятно, как радостно приветствовал я в прошлом Ваши вдохновения. Повторяю это и теперь, но жалею, ссылаясь на слишком трудную моему сердцу и уму возможность добросовестно воспринять Ваши песни для других, ибо Вы ведь и печатаете свои песни, делясь своими глубинами сердца и ума и желая приобщить к ним другие сердца и умы. Многие, очень многие Ваши гармонии, многие, очень многие Ваши мелодии составляют для меня прямо праздник, но каюсь: подчас я желал бы получать наслаждения с меньшими догадками и загадками в душе. «Царевна морская» прямо очаровательна. Целую ее в губки и слушаю ее песню с сущим упоением. Мелодию сатанинскую из целых тонов также осиливаю и удивляюсь рельефности демонов. Фавн etc. — мне почему-то не так доступны. Вот именно этот то доступный, то недоступный мне образ Ваших мыслей и мутит мой ум и мою душу и я становлюсь в тупик от такого двойственного явления по отношению к одному пункту отправления мыслей. Не судите, но вникните: *audiatur et altera pars* [выслушайте и другую сторону]. Поэт не может забывать вполне о его почитателях. Он должен быть понятным пророком во всей полноте его мыслей. Если слушатели поэта (а таковым я Вас прямо признаю) становятся иногда в тупик, то какая цель *устраивать* это иногда.

Конечно, глупо учить поэта, но жаловаться можно, а заявлять поэту свои недоумения прямо должно. Гораздо плодотворнее будет быть по плечу всем, чем остаться непонятым даже и желающими нового света. <...>

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

«Царя Салтана» слышал на генеральной репетиции и в первом спектакле и в оба раза только до 3-го акта, ибо имею глупую привычку спать в 11 часов вечера. Есть вещи прямо изумительные по красоте, об оркестровке и говорить нечего. Но есть и пустомыслие в кружевах, в бархате, в золоте.

(ГЦММК, ф. 68, № 377)

Письмо датируется по упоминанию премьеры оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», которая состоялась в Москве 21 октября 1900. Выраженное в письме мнение о новой опере весьма характерно для «почвеннической» позиции Смоленского.

[Дата не установлена]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич. Несказанно обрадовали Вы меня Вашим письмом. Не забыли, значит, о моем существовании.

Я же Вас ежедневно вспоминаю. Ваше симпатичное отношение к «Елке» я никогда не забуду¹.

Вы единственный из великих музыкальных деятелей, первый в 1897 году отнеслись ко мне с вниманием, и это не может не возбудить в моей душе к Вам самую искреннюю привязанность и симпатию. Не избалованный хорошим к себе отношением людей, я высоко ценю Ваше дружественное расположение к моей музыке и искренне благодарю за внимание.

Из Петербурга я проехал в Москву. Отношение ко мне изменилось. Танееву «Елка» понравилась, по выслушании ее нашел, что у меня «крупное дарование». Значит, изменил мнение. Ильинский, Кастаньский, Калинин, Кочетов, Ипполитов-Иванов отнеслись с большой симпатией и, по-видимому, изменили свое ко мне отношение.

«Елку» купил Юргенсон. Теперь я принялся за «Царевну Морскую»². Надеюсь, что удастся написать как следует. И мною Вы останетесь довольны. Теперь хочется написать и детскую оперу на сюжет сказки Андерсена или Гофмана.

Принявши Ваши указания, я попытаюсь написать что-нибудь хорошее и посвятить его Вам.

В обеих столицах я не нашел для себя той деятельности, где я мог бы принести пользу, и теперь подумываю перебраться за границу³.

«Елку» принял на сцену замечательно отзывчивый и добрый М. М. Ипполитов-Иванов. Хочет поставить осенью⁴.

Что играли в Придворном оркестре? Искренне благодарен Вам за сочувствие.

Прошу Вас передать поклон милому и симпатичному Чеснокову.

Искренно преданный Вам и уважающий В. Ребиков.

РГИА, ф. 1119, № 158, л. 12—13

1. Опера Ребикова была закончена в 1900 и издана Юргенсоном. Смоленскому «Елка» очень нравилась (автор играл ее Степану Васильевичу; см.: РДМ. Т. V. С. 614); в июне 1902 он даже посылал клавиру оперы С. С. Волковой (см. в переписке с ней).

2. «Царевна морская» — первая пьеса фортепианного цикла из пяти «меломимик» Ребикова под названием «Сны» («Les Rêves», ор. 15; опубликован Юргенсоном).

3. Почти одновременно с назначением Смоленского в Капеллу Ребиков подал в отставку с поста руководителя Кишиневского отделения ИРМО (17 мая 1901), о чем, вероятно, известил Смоленского, который ответил 23 июня 1901:

Дорогой Владимир Иванович!

Спасибо Вам за Ваше милое письмо! Не могу еще собраться с духом и обнять мыслями то грустнейшее хозяйство и то грустнейшее художество, которые попали в мои руки. Одна печаль и отчаяние в сравнении с тем, что оставлено мною в Москве. Здесь — богатейшее, полное мишуры, лжи и лени, но и полное денег, запущенное дело. Там — беднейшее, но бывшее полным любви, труда и энергии, мало денежное дело, начавшее уже свою линию, так глупо и грубо прерванную самолюбивым и не-далеким Ширинским-Шихматовым.

Не удивляюсь и Вашему бегству из Кишинева, но выдержали Вы у меня в сердце хороший экзамен и давно я поставил Вам мысленно 5+, думая, что куда ни тронетесь для работы (вне болот) — будет от Вас хороший толк и хорошее музыкальное потомство, которое однако будет последовательно учиться сначала в 1, потом в 2, 3 etc. классах, а затем уже выйдет на ту *свободную* дорогу, в которой многие Ваши вдохновения так откровенны и так оригинальны. Не правда ли: ведь Вы вычеркиваете крайние проявления своего *я* в учебной проторенной дороге юношества?

Сердечно с Вами я был всегда, именно веруя в ненадобность рушения учебной музыкальной дороги. В последних курсах ученья — другое дело — там уже не послушные ученики, а люди, начинающие мыслить!

Целую Вас трижды по-русски, вне философских объединений, ибо и дома весьма много родного дела.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

(ГЦММК, ф. 68, № 375)

4. Премьера «Елки» состоялась позже, в октябре 1903, в Москве, силами антрепризы М. Е. Медведева, под управлением А. А. Литвинова.

[Кишинев], 20 декабря 1901

Глубокоуважаемый и дорогой Степан Васильевич.

Поздравляю Вас с праздниками и Новым Годом, сердечно желаю всего лучшего и больше сил в Вашем трудном служении.

Читал и слышал о том, какие гигантские шаги сделала Певческая капелла под Вашим талантливым и энергичным управлением.

Ни минуты не сомневаюсь, что при Вашем руководстве Капелла снова займет первое место в Европе. Честь Вам и слава.

Я часто бываю у преосвященного Аркадия, который ведет у себя псаломщицкий класс по Вашему руководству и в разговоре все ссылается на Ваш учебник и Ваш авторитет¹. Он Вас очень уважает. Епископ Аркадий старец лет 70, чрезвычайно добрый, простой и сердечный.

Очень интересуется музыкой и все мечтал брать у меня уроки теории. Да ввиду моего отъезда все не удалось.

Я теперь вполне счастлив, счастлив как не был давно. Ни у кого не бываю, сижу дома и пишу. Все время вдохновение меня не оставляет.

Написал за время моей свободы: оперу, 20 Басен Крылова, 6 вокальных сцен опус 20, 6 вокальных меломимик опус 19, три симфонических поэмы (большого размера, минут по 25 каждая) и «Литургию» и несколько тропарей².

В Литургии я старался передать смысл стиха. Играл некоторым священникам и регентам здешним. Сказали, что православный дух сохранен, что в стиле Чайковского «Литургии», но без заимствования. Собираюсь писать Панихиду.

В январе буду в Петербурге и лщу себя надеждою, что Вы прослушаете и просмотрите «Литургию» и мне сделаете указания, где я там сплеховал.

Теперь я так доволен, что снова мое вдохновение пришло. За два года моей сутолоки я почти ничего не написал (всего шесть романсов за два года), теперь же словно плотина прорвалась. Засяду за новую оперу и новую поэму симфоническую. Немедленно пришлю Вам по выходе в свет опусы 19, 20.

Примите уверение в истинном уважении,
искренне симпатизирующий Вам и преданный В. Ребиков.

РГИА, ф. 1119, № 158, л. 24—25 об.

1. Епископ Аркадий (Алексей Филонов; конец 1820-х — 1908) — с 1887 по 1902 епископ Аккерманский, викарий Кишиневской епархии.

2. Ребиков — автор ряда духовных сочинений, в том числе упомянутой в письме Литургии св. Иоанна Златоуста, а также Всенощного бдения и ряда отдельных песнопений (в числе которых есть и песнопения на тексты Панихиды). Все эти сочинения были изданы позже, в 1911, за исключением Литургии, опубликованной в 1910. Литургия Ребикова действительно написана «в стиле Литургии Чайковского», но следующие композиции — в стиле эксперимента, типичного для светской музыки этого автора. Характерно, что не только в документах Смоленского, но и в обширной переписке Ребикова с Кастальским, продолжавшейся до 1917, духовные сочинения Ребикова не обсуждаются.

[Мюнхен, март-апрель 1909¹]

Христос Воскресе!!

Дорогой и глубокоуважаемый Степан Васильевич.

Спасибо Вам великое за ваше откровенное мнение о «Бездне»².

Задача здесь была передать непередаваемое словами. Именно — поэзию инстинктов. Взаимное притяжение полов. Остро-сладкое тяготение друг к другу молодых тел. Вот была задача психо-физиологическая.

Дорогой друг мой, понял я, что в *пенин* — *ложь*. Пока артист поет — мелодии красивым голосом — публика *наслаждается*. А когда *наслаждается* слушатель, то почти *невозможно* заставить его чувствовать иные и противоположные чувства.

Итак, *пение* — вон (конечно, только в музыкальной драме; конечно, романсы, песни, хоры и т. д. — пение необходимое).

Тогда уж лучше разговор под музыку — ответят мне.

Нет — мелодекламация тоже ложь.

Ибо *ритм* речи разговорной *перебивает ритм* и не совпадает с сильным и слабым временем музыки. И это *все* чувствуют.

Я не поклонник чистой, *не* размеренной декламации. Где я ее употреблял (в «Тее»), она размеренная, и то лишь местами.

Итак — *тоновой разговор*» артистов и оркестра, передающего *чувство слушателя*.

Оркестр *завладевает чувством* слушателя, а артист овладевает *мыслью* (раз передает — мысль). Звуки оркестра — чувство передают, звуки речи — мысль передают или выясняют чувство, переживаемое артистом (героем музыкально-психологической драмы).

Вот основа моего творчества. Музыка как *игра*. А красивые звуки — в танцы. Музыка как *средство* передать чувство — в оркестр.

Важнее всего, чтобы слушатель забыл, что он в театре. И не развлекался красотой или оригинальностью музыки. Чтобы звуки не задерживались в барабанной перепонке, а мчались прямо к сердцу.

«*Правда чувств*».

По моему убеждению самым гениальным поэтом был *Орфей*. Он умел делать то, к чему я стремлюсь, — передавать чувство. Это был единственный предшественник музыкально-психологического направления.

Вакханки — представительницы взгляда: музыка — сочетание звуков. Музыка — ритм, форма, тональность, каденции. Вакханки убили Орфея.

Вакханки понимали музыку абсолютно, музыку как красивые звуки. Они пили и танцевали. Из танца вакханок родилась симфония, сюита и т. п.

На днях в пивной я слушал симфонический концерт. Плата — 20 копеек, сидят за столиками и пьют пиво.

Я подумал — вакханки пожинали музыку и сеяли ветер.

В Берлине я видел. Играли *симфонию*, а Исидора Дункан танцевала эту симфонию. Я подумал — верно. Вакханки, слушая ритмическую музыку, тоже танцевали.

Каково же будущее чистой музыки? Теперь — она в пивных и ресторанах. Там исполняют трио, квартеты, симфонии Бетховена, Брамса, Чайковского. В тех же пивных Мюнхена и других городов — те же симфонии будут не только играть, но и танцевать. Это дело близкого будущего.

Опера? Будущее оперы?

Один процент — какофония ради оригинальности и поддержки «ахового гения» (каждое поколение будет допускать одного «гения» ради реноме и славы отечества).

Ну, а остальные авторы? Если не будут писать опереток или балаганных опер — провал их ждет.

В Вене пять опереточных театров. Авторы пишут лишь оперетки. «Человечество» ничего иного слушать не желает.

Театр — балаган, забава, развлечение. Чиновники, купцы, учителя и т. п. устали от дневного труда — они желают, чтобы их *развлекали*. Что остается художнику, автору делать в *Европе*.

Надо зарубить на носу: «чтобы ей (Европе) угодить, веселей надо быть, надо петь и плясать...»

Итак, автор — лакей. Театр — балаган.

Этот вывод — результат моего четырехлетнего пребывания за границей. Если я буду «знаменит», как Бетховен и Вагнер — то меня великая ждет честь. В «Пантеоне современности», то бишь в пивной Мюнхена Лёвенбрау-Келлер прекрасный оркестр симфонический в 6.00 поставит в программу симфонического концерта между симфонией Бетховена и «Зигфрид-Идиль» Вагнера композитора «Елки». Конечно, не теперь, я еще не знаменит, и этой чести не дождусь скоро.

Так обстоит *это искусство*, дорогой друг.

И вот думается мне, что музы, не желая посещать трактиров и портерных Европы, переселятся в Россию. Нигде так низко не стоят искусство и художник, как в Европе. (Слава Богу, что Россия не «Европа».) Здесь «царство» колбасника, пивовара, купца, трактирщика. А художники — это «полпоштенные»!! А гении должны быть лакеями.

Сердечно Вам преданный и любящий В. Ребиков.

РНБ, ф. 1050, оп. 1, № 7

1. Письмо датируется по следующим данным: в той же единице хранения имеется открытка Ребикова Смоленскому, где сообщается о посылке клавира «Бездны»; на ней рукой Смоленского помечено: «ответчено 16 марта 1909». Следовательно, публикуемое письмо Ребикова является ответом на мнение, высказанное в послании Смоленского.

2. «Психографические сцены» «Бездна» написаны на либретто автора по Л. Н. Андрееву. И в сюжете, и в музыке этих оперных по форме сцен ощущаются связи с немецким экспрессионизмом.

Об отношениях В. И. Ребикова, известного композитора-«импрессиониста» (или «модерниста», или «декадента»), с деятелями из круга Синодального училища подробно говорится во вступлении к его переписке с А. Д. Кастальским в V томе РДМ. И Ребиков, и Кастальский, и, как видно из публикуемых писем, Смоленский ощущали себя на переднем фланге русского искусства, что сближало и объединяло их. В этом смысле особенно по-

казательным является последнее письмо, с его несколько неожиданным патриотическим финалом.

Очевидно, в последние месяцы своей жизни Смоленский собрал представлявшие ему особенно важными материалы Ребикова — изданные ноты с дарственными надписями автора, рукопись замечаний С. С. Волковой по просмотру клавира «Елки», две открытки и приведенное выше письмо — в конверте, сшитый собственными руками (ныне в РНБ).

Письма С. В. Панченко

Петербург, 9 октября 1901

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Ночью в воскресенье, когда я обдумывал мой визит к Вам (я почти не сплю, потому что ночью-то и обдумываю все что надо), я снова повторил предложенные Вами слова: «благословим день 7 октября». Я шел к Вам совсем удрученный. Думал, забракуют меня за мою западность. И вдруг, к приятному моему удивлению, встретил в Вас хорошего музыканта, со всеми атрибутами, которые лежат в словах «хороший музыкант». То есть, значит, и терпимого, что для меня в данном случае было важным вопросом.

Если я вывел правильное заключение из нашей беседы, мне показалось, что Вы не откажетесь просветить меня несколько от Ваших знаний по церковной музыке. Это для меня будет очень полезно, и я буду чрезвычайно обязан Вам за это. Настоящая обедня моя пусть останется такою, какая она есть; по своему замыслу она строго обдумана, но я наметил себе написать по церковной музыке новую обедню, всенощную, панихиду и отпевание. И вот тут мне хотелось бы применить те формы, о которых Вы говорили и о которых я читал в одной Вашей книжечке (где «Да воскреснет Бог»)¹.

День 7 октября был мне настолько приятным, что на радостях я сочинил к своей обедне «Яко да Царя» и «Свят, свят, свят» — две вещи, которые мне совсем не давались, то есть они были у меня, но на двоечку с минусом, а тут вышли хоть куда. Как только пройдет приличный промежуток времени, я воспользуюсь Вашим любезным приглашением побывать у Вас с своими сочинениями.

Прошу Вас, примите мои уверения в совершенном моем к Вам почтении и уважении.

С. Панченко.

РГИА, ф. 1119, № 186

1. Имеется в виду работа Смоленского «О древнерусских певческих нотациях», где приводится анализ формы Пасхальной стихир.

Уфа, 7 апреля 1902

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Спешу попросить у Вас извинения. Я превысил свои права относительно обязательств, данных мною касательно моей литургии. Будете ли Вы сердиться за это на меня?

Преступность моя заключается в следующем. Разные обстоятельства требовали немедленной сдачи партитуры в граверную. Промедление в 5—6 дней (для снятия копии) уже очень не устраивало нас — Юргенсона и меня. Поэто-

му я взял на себя смелость предложить Юргенсону такую комбинацию. Пусть партитура поступает сейчас в мастерскую, а копию с нее пусть он снимет после 1-й корректуры. Тогда рукопись будет свободна, так как 2-ю корректуру я могу сделать и без рукописи. Я думаю, что и в этой комбинации копия будет представлена не позже 30—35 дней.

Можно ли так? Если нельзя, то я немедленно приостановлю гравировку и поручу приступить к снятию копии.

Прошу Вас, примите мои уверения в совершенном моем к Вам почтении и уважении.

С. Панченко.

РГИА, ф. 1119, № 186

Женева, 20 декабря / 1 января 1903

Многоуважаемый Степан Васильевич. Приветствую Вас, поздравляю с Новым годом и желаю всего лучшего. Благодарю Вас за просмотр Литургии. Увы, скоро я опять буду беспокоить Вас. У меня еще целый ворох церковных работ.

Примите мои уверения в совершенном моем к Вам почтении и уважении.

С. Панченко.

РГИА, ф. 1119, № 186

Женева, 8/21 января 1903

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Только теперь получил авторские «Трех Трисвятых песен». Почитаю за удовольствие послать Вам экземпляр.

М. А. Лисицын спрашивал меня, почему на моей литургии не напечатано Вашего разрешения от Капеллы? Тут вышел досадный недосмотр в мастерской. В тех случаях, когда для обоих разрешений не хватает места на последней странице, разрешение Капеллы печатается на титуле. Но гравер не сообщил об этом составителю титулов, и таким образом оно и осталось не напечатанным. В следующем издании (его не так уж долго ждать) недосмотр, конечно, будет исправлен.

Прошу Вас, примите мои уверения в совершенном моем к Вам почтении и уважении.

С. Панченко.

РГИА, ф. 1119, № 186

Эти письма — свидетельства контактов Смоленского с интереснейшим и до сих пор недооцененным композитором петербургской ветви Нового направления — Семеном Вик-

торовичем Панченко (в данной публикации опущены два письма как не имеющие общего интереса). Панченко был также талантливым «светским» композитором и дирижером. См. его биографию: Плотникова Н. Ю. Забытое имя: композитор конца XIX — начала XX века С. В. Панченко // Периферия в культуре. Новосибирск, 1994. С. 161—173; Артемова Е. Г. Петербургская ветвь в Новом направлении. Канд. дисс. М., 2003.

Духовно-музыкальное наследие Панченко очень велико; он писал во всех основных духовно-музыкальных жанрах, предпочитая циклические (пять литургий, две всенощные, панихида, венчание) или «серии», составленные из нескольких вариантов песнопений на один текст. В публикуемых письмах отражено начало пути Панченко как духовного композитора. Упоминаемые сочинения — практически первые его духовные опусы: Литургия св. Иоанна Златоуста для смешанного хора, ор. 18 (Юргенсон, 1901) и Три Трисвятые песни (на обычном и архиерейском служении), ор. 16 (Юргенсон, 1902). Как явствует из писем, Литургия вышла в свет без цензурного разрешения Придворной капеллы по недосмотру автора и издателя. На издании Трисвятых песен имеется разрешение на печатание от Придворной капеллы, подписанное Смоленским 22 января 1902.

Синодальный хор (уже после отъезда Смоленского) исполнял несколько сочинений Панченко, в том числе ряд песнопений из Литургии, ор. 18; «Во царствии Твоем» из этого цикла вошло в постоянный концертный репертуар хора.

Письма П. Г. Чеснокова

Москва, 14 августа 1901

Дорогой Степан Васильевич.

Простите, что я так долго не писал Вам. Во-первых, курсы отнимали очень много времени, а во-вторых, считал более удобным писать Вам по окончании курсов, дабы поделиться впечатлением, произведенным ими. Но, кажется, делиться-то нечем — ничего определенного, ничего ясного, а также и... отрадного.

В жаркое летнее время людей, желающих отдохнуть, сгоняют в пекло, навязывают им какие-то науки, которые они, может быть, и знать не желают, приглашают молодых неопытных или недоразвитых преподавателей, которых они недоверчиво встречают; заключают все это в 4—5 комнат (нельзя сказать, чтобы чистых), и вот все это содержимое в течение месяца с лишним копошится, суетится, бросается из стороны в сторону, устает... Устраивают торжественный акт, где произносят громкие речи, в которых ясно слышны и поддельные слезы, и якобы отеческие наставления, и готовность положить душу свою «за други своя», и вообще желание поудачнее вывернуться из своего незавидного положения. Все это собрание, утомившееся, потратившее и дорогое время, и силы, и деньги, называют курсами. Это с одной стороны. С другой стороны, можно усмотреть некоторую пользу, приносимую курсами. Но приобретенное так ничтожно мало сравнительно со всем израсходованным, что, право, не стоит овчинка выделки! Это общий взгляд на курсы. Мое же дело (хоровое пение и фисгармония) прошло порядочно (но не более). Отношения с курсистами у меня были все время хорошие. С одним субъектом «из начальства» пришлось сцепиться, но не с Италинским. Италинский произвел хорошее впечатление, и я с ним все время был дружен¹.

В общем я едва ли решусь вторично отведать курсов...² Италинский тоже говорит, что он на курсах «последний раз». И действительно: ничего не устроено, ничего не подготовлено, народ (курсисты) недисциплинированный. На бумаге, вероятно (судя по речи Италинского), все будет хорошо и гладко, но по чистой совести говоря, курсы надо считать неудачными.

Мое положение в училище все такое же неопределенное. Неопределенность в администрации училища, по-видимому, так и останется, то есть не будет должности регента, которую будет совмещать со своими занятиями директор³. Посему я принялся за восстановление своих прежних занятий (меняю одну из начальных школ, а потому имею дело с Пузыревским)⁴.

Из церковного ничего не написал, ибо не знаю (как всегда), что писать. Пришлите мне, пожалуйста, Степан Васильевич, какие-нибудь тексты или вообще посоветуйте, что писать. Из светского могу показать Вам три вещи: два романса и один женский хор.

Степан Васильевич, у меня есть к Вам большая просьба. Дело в том, что мой брат Яков очень охотится попасть в число взрослых певчих Придворной капеллы. Нельзя ли как-нибудь его туда пристроить?

Купил хороший и дорогой велосипед и сугубо усердно занимаюсь им. Сегодня был четвертый и самый неудачный урок — упал, ушиб колено, разорвал брюки и помял велосипедную раму. Но все это несерьезно.

Пока писать больше, кажется, нечего. С нетерпением жду от Вас письмо.

Передайте, пожалуйста, мой душевнейший привет глубоко уважаемой мной Анне Ильиничне.

Любящий Вас П. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173, л. 7—9

1. По сообщениям «Московских церковных ведомостей» в Москве с 25 июня по 10 августа 1901 были открыты курсы для учителей двухклассных церковноприходских школ под присмотром епархиального наблюдателя А. Д. Италинского. Чесноков приглашался на курсы в качестве преподавателя хорового пения и игры на фисгармонии.

2. Позднее, в 1911—1916, Чесноков участвовал в работе летних регентско-учительских курсов в Петербурге, организованных при Регентском училище его близким другом П. А. Петровым-Бояриновым. Чесноков руководил хором курсистов и вел занятия по сольфеджио.

3. После ухода Смоленского из Синодального училища в мае 1901 произошли перемены в руководстве. К началу учебного года положение определилось так: регент Синодального хора В. С. Орлов был назначен директором, сохранив за собой руководство хором; помощник регента А. Д. Кастальский стал исполнять обязанности регента, а Чесноков был призван исполнять обязанности помощника регента, оставаясь в училище преподавателем церковного пения в 1—5 классах.

4. После окончания Синодального училища Чесноков с 1895 по 1901 преподавал пение в двух городских начальных мужских училищах — во 2-м Сущевском и 4-м Рогожском. После назначения с 1 сентября помощником регента Синодального хора к работе в училищах он не вернулся.

[Москва, декабрь 1901]

Дорогой Степан Васильевич.

Тысячу раз виноват перед Вами за свою неисправность. Но это, скажу Вашими же словами, «не может означать, что я стал Вас забывать или разлюбил». Конечно, нет. И причины сердиться на Вас у меня нет. Если бы она и была, так неужели Вы думаете, что я замкнулся бы и стал молчать. По отношению к человеку, для меня безразличному, я поступил бы так, но по отношению к Вам — никогда. Я знаю, что Вы умышленно меня никогда не обидите, а если что

и произойдет, то это будет недразумение, которое я буду просить разъяснить, а никак не молчать.

Теперь постараюсь возможно подробнее ответить на два Ваши письма. Прежде всего сердечно благодарю Вас за поздравительную телеграмму¹.

Относительно Синодального училища я уже писал Вам. В последнее время наблюдается сильное падение той благовоспитанности, которой отличались ученики Синодального училища. Проявляется это в том, что учителя часто начали жаловаться на учеников за различные дерзости; «книга живота» каждый день усиленно заполняется ленивыми и дерзкими учениками (15—20 человек в день теперь не редкость, доходило до 30-ти человек); на стенах, особенно же на книгах и нотах появляются различные надписи; ложь и обманы со стороны учеников наблюдаются на каждом шагу и т. д. Начальство, конечно, тщится, но... увы. То симпатичное, хорошее, облагораживающее, казавшееся таким простым, оказывается невозможным. Они, конечно, стараются, собирают советы, обсуждают и т. д., но сами же видят, хотя, конечно, не признают (исключение — Антонин Викторович) в том, что то бывшее хорошее постепенно все утекает и утекает... Нет в училище человека, который бы имел влияние на ребят и которого бы они уважали. Меня удивило то, что ребята поразительно быстро освоились со своим положением. Они сразу поняли, что теперь хоть трава не расти. И все строгие наказания отлетают от них, как горох от стены. Вообще грусть и печаль...

Хор под рукой Орлова поет по-прежнему хорошо. Я как подрегент имею успех, но мое учительское положение весьма не прочно. Я при своей лени и распушенности, при отсутствии сознания долга и вообще по глупости пропустил много утренних уроков (а за этим теперь усиленно следят). Об этом узнал князь и два раза делал выговор Антонину Викторовичу. Я дал слово Антонину Викторовичу не пропускать более ни одного урока. Я сознаю, что это не честно, и если мне простят уже содеянное мной, то дело уладится, ибо более пропускать уроков я уже не буду².

Вообще же живу хорошо. Отношение всех ко мне хорошее. 4 декабря был домашний концерт в три отделения (по три вещи) с тремя дирижерами, причем первым отделением дирижировал я. Прошло все очень удачно³.

Вы пишете относительно моего желания учиться музыке. Это желание действительно всегда было, а за последнее время я особенно усиленно об этом [думаю]. Но мне в консерватории учиться бы не хотелось. Я предпочел бы частные уроки. Собственно, мне бы хотелось учиться у Конюса. Я бы с удовольствием повторил и гармонию и контрапункт, но не более как в течение полугода, а потом годика на два засел бы на формы и основательно изучил их. После этого разрешилось [бы] мое сомнение: композитор я или нет. Думаю, вернее чувствую, что да. Но... чего-то не хватает: знаний, школы, вероятно. Вот мне и хотелось бы года в три все основательно пройти, а потом — что будет⁴.

Со страхом приступаю к следующему: мне хотелось бы напечатать 6—8 романсов, 2—3 женских хора, 4—5 духовных вещей. Нашелся такой человек, который предлагает деньги на издание — это Николай Константинович Рукавишников. Без Вашего разрешения я не буду печатать. Думаю, что шесть последних романсов (№№ 13—18, неизвестных Вам) Вы разрешите напечатать, так как они гораздо содержательнее и более зрелые тех, которые Вы знаете. Вот мне бы и хотелось повидаться с Вами на Рождество, чтобы познакомить Вас со своими последними сочинениями и испросить Вашего благословения⁵.

Относительно мира и согласия с Екатериной Александровной Вы не ошибаетесь⁶. Я стал поумнее.

Ну а теперь... нечто по сердечной части. Если б я задумал жениться, то после матушки я первому же Вам сообщил об этом и попросил Вашего благословения. Знаю только то, что я полюбил эту необыкновенную девушку. Зовут ее Нина Алексеевна Постникова. Она племянница Вострякова. Вы ее видели, когда слушали спевку на Дмитровке. Может быть, припомните барышню, которая наливала Вам чай. Относительно взаимности можно скорее сказать да, чем нет. Но было бы чудо, если бы это кончилось браком. Мы не пара. Мне одному еле-еле хватает моих заработков (120 рублей), а она привыкла жить роскошно. И привычка, а главное хрупкое здоровье, ей не позволят менять ту обстановку. Она старше меня. Я встречаюсь с ней если не каждый день, то три раза на неделе, потому что она участвует в любительском хоре и поразительно любит его⁷.

Дела с любителями идут в лучшую сторону. Постепенно счищаю ту ржавчину, которой покрыл их мой предшественник. Начали петь Гречанинова, Копылова, Ипполитова-Иванова, Чайковского. Добираюсь до Ваших ектений и «Херувимской» (ля минор)⁸.

Ну, а пока кончаю. Надеюсь все-таки получить от Вас писульку. Мой адрес: М. Кисловка, д. Якунчикова, кв. Мозалевского (№ 6).

Горячо любящий Вас П. Чесноков.

Глубокий поклон Анне Ильиничне.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173, л. 55—58

1. Вероятно, Смоленский поздравлял Чеснокова с днем ангела (6 ноября старого стиля).
2. А. В. Преображенский в июне 1901 был назначен старшим воспитателем (инспектором) в Синодальном училище.
3. В концерте Синодального хора под управлением Чеснокова исполнялись: «Высшую небес» Чеснокова, «Достойно есть» (роспева царя Феодора) и Херувимская Старо-Симоновская Кастаньского. Вторым отделением концерта дирижировал Кастаньский, третьим Орлов.
4. Это желание не пропало и после индивидуальных занятий теорией и композицией с Ипполитовым-Ивановым в 1895—1900. Попытки найти нового педагога в лице Танеева

(1900 и 1905), Г. Э. Конюса (1902) и А. Т. Гречанинова не привели ни к чему. В конце концов композиторское образование Чесноков получил в Московской консерватории (1913—1917) в классах С. Н. Василенко и А. А. Ильинского.

5. Известно, как пристально Смоленский следил за развитием композиторского таланта Чеснокова, повторяя время от времени: «Паша, еще рано печататься». Действительно, с 1895 по 1901 Чесноковым было написано немало духовно-музыкальных сочинений, хоров и романсов, но ничего не было напечатано. И только весной 1902 Чесноков решился напечатать у В. Гроссе семь романсов (ор. 1) и три хора для женских голосов в сопровождении фортепиано (ор. 2); средства для этого (300 рублей) предложил ему сын московского городского головы Н. К. Рукавишников, в доме которого Чесноков бывал на вечерах инструментальной музыки.

6. Имеется в виду Е. А. Дмитриева, смотрительница в Мещанском женском училище, сослуживица Чеснокова, знакомая и корреспондентка Смоленского.

7. От этого знакомства сохранилось лишь авторское посвящение на романсах ор. 1.

8. В январе 1900 Чесноков принял приглашение старосты храма Космы и Дамиана в Шубине, фабриканта Р. Д. Вострякова руководить хором любителей при этой церкви. Хор репетировал в доме Вострякова на Б. Дмитровке и пел обедни в названной церкви.

Москва, 19 апреля 1902

Христос воскрес! — дорогой Степан Васильевич. От души поздравляю Вас и трижды целую. Прошу Вас передать от меня поздравление глубокоуважаемой Анне Ильиничне.

Почему Вы мне никогда не напишете о себе, о своем новом деле? Ведь меня это так интересует. Вообще я еще в Ваших глазах мальчик. Я еще не стал для Вас таким человеком, с которым можно бы было делиться своими мыслями, думами, впечатлениями. Я знаю, что я застал Вас врасплох. Ведь Вам и в голову не приходило никогда поделиться со мной чем-нибудь. Не такого я склада человек. Вот, например, Антонин Викторович. Он и умный, он и серьезный, он и образованный. А что я? Микроскопический музыкальный талантишко! Ведь я очень хорошо знаю Ваше мнение обо мне как о музыканте. Я знаю даже целые Ваши фразы по этому поводу¹. У меня уже почти созрело намерение совершенно бросить сначала композицию, а потом понемножку и музыку вообще. Все вместе с Христом воскресает, все начинает жить, а я чувствую постепенное умирание, я чувствую, как все, все от меня уходит, как постепенно теряется вера во все и всех, как разлетаются все надежды. Полное одиночество. Тяжкое, гнетущее одиночество... Порой так тяжело, так тяжело бывает.

Простите, что я на праздник пишу такие вещи.

Ваш П. Чесноков.

1. В частности, в Воспоминаниях Смоленский говорит о Чеснокове:

Павел Григорьевич Чесноков, мой ученик, очень даровит, но мало учился, пройдя курс Синодального училища и занимаясь потом с Ипполитовым Ивановым. Отлично знает хор, умен, скромн, но совершенно не воспитан, почему, несмотря на свою добрую душу, все-таки груб и самомненен по молодости своих лет. Некоторые его хоровые вещи написаны очень живо и умно (РДМ. Т. IV. С. 356—357).

Москва, 14 сентября 1902

Дорогой Степан Васильевич.

Я очень скорблю о том, что происшедшее между нами неблагоприятно подействовало на наши хорошие отношения. От всей души я буду рад, если это все уладится, забудется и по-прежнему мы будем друзьями.

Востряковский хор прикончил свое существование. Меня пригласили в другой хор, который поет в храме Св. Троицы что на Грязях (Покровка). Этот хор более многочисленный, серьезный и основан на более прочных началах. Тут нет капиталиста, в зависимости от которого бы находился хор. Хор совершенно самостоятельный и ни от кого (даже от церкви) не зависящий. Маленькие (но не обязательные) взносы членов хора составляют капитал, с помощью которого удовлетворяются самые насущные потребности (покупка нот и чай во время спевок). Помещение дает бесплатно Мариинское училище (на Сретенке). Одна спевка в неделю. Вознаграждения нема¹.

<...> Посылаю Вам свое последнее духовно-музыкальное детище и жду хорошего разноса мне за него.

Дорогой Степан Васильевич, у меня к Вам просьба. Мне очень хочется с этой осени начать занятия с С. И. Танеевым, а потому я прошу Вас написать ему и попросить его, чем будет и предупрежден мой приход к нему. Написав ему, известите, пожалуйста, и меня, дабы я знал бы, когда пойти к нему².

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173

1. Переход Чеснокова в церковь Троицы на Грязях состоялся в конце лета или в начале осени 1902. Именно с этим хором (любительским) Чесноков прославился в Москве как замечательный регент (руководил хором до 6 сентября 1914).

2. См. переписку Смоленского с Танеевым в настоящем томе и письмо Чеснокова от 21 февраля 1905.

Москва, 1 апреля 1904

Христос воскрес!

Дорогой Степан Васильевич, целую Вас трижды, поздравляя с Великим праздником. Думал на второй день праздника поехать к Вам в Питер, да занемог. <...> А очень бы хотелось побывать у Вас да и поговорить есть кой о чем. Дело в том, что моя песенка в Синодальном училище и хоре спета. Висел на тоненькой ниточке, и эта ниточка теперь оборвалась. Начну издалека и постараюсь передать все «коротко и ясно».

О своей летней «беседе» с Орловым я Вам, если не ошибаюсь, писал. Беседа была действительно из ряда вон выходящая. Я говорил покойно, но совершенно откровенно, и все, что на душе наболело. Эта беседа могла бы вызвать в умном человеке ряд размышлений с благими результатами, в Орлове она вызвала страстное стремление выжить меня из Синодального училища, что ему в настоящее время и удалось. Конечно, и за самую беседу, и за форму выражений я себя не оправдываю.

С началом нынешнего учебного сезона началась трагикомедия... Прежде всего: игнорирование меня как регента. Потом усиленный надзор над моими учительскими манкировками (регентских не бывало). Выбрасывание из программ духовных концертов моих сочинений. Награда к Рождеству пятьюдесятью рублями меньше, чем Д.¹ На все это с моей стороны не было высказано никаких возражений. Я старался даже не дать повода к уличению меня в скрываемом молчаливом недовольстве. Засим проступки с моей стороны. Не подписал безобразного, наполненного подлой лезтью, адреса Ширинскому-Шихматову. Не явился к нему на прощальный обед². Как видите, и с той и с другой стороны накопилось много горячего материала, и надо было незначительную искру, чтобы вспыхнул большой пожар. Этой искры пришлось ждать недолго. Я же благодаря своему необузданному характеру и обычной несдержанности и бросил ее. В Прощальное воскресенье в Успенском соборе была вечерня. Служба необычная, требующая усиленно напряженного внимания как со стороны регента, так и хора. Дирижировать мне (я был на левом клиросе) пришлось по обыкновению с листа, ибо на спевки при всем желании попадать я не мог. Служба прошла вообще благополучно. Но был момент, когда я «разгневался», и на мое замечание от одного из взрослых певчих (Юханова, который, как оказалось потом, был пьян) получил в ответ грубый и нахальный смех. Это меня взорвало, и я тут же обругал его нахалом. Он ушел с клироса. После службы он пристал ко мне и меня обругал. Последствия: роковое объяснение с прокурором. Его превосходительство во вступлении своей речи выложил все мои достоинства и заслуги; в изложении обрисовал мне мое «странное ненормальное» положение в училище и сугубо плохую аттестацию г-на директора; в заключение возложил на меня «инициативу» найти выход из такого моего положения в Синодальном хоре. Я, поняв междустрочие его речи, ответил, что единственный выход из моего положения — мой уход из Синодального училища. Но в настоящее время

я этого сделать не могу, ибо угрожу в солдаты. А к сентябрю месяцу я оставляю и хор, и училище. На этом мы и расстались.

Г-н Орлов, когда я сообщил ему содержание моей беседы с прокурором, был весьма удивлен и опечален. Сосчитав по пальцам оставшиеся месяцы до сентября, он сказал: «Ну, еще целых полгода; до того времени много воды утечет». На следующий день все Синодальное училище знало о моем предстоящем уходе.

К Пасхе по обыкновению раздавались награды. Когда я, извещенный экономом училища, пришел в контору, то казначей сказал мне: «Вам нету! Ведь вы уходите!?» Что будет дальше — не знаю. Если они будут последовательны, то мои новые духовные вещи, назначенные к исполнению в концерте 11 апреля, должны быть вычеркнуты, чего я и жду³.

Теперь несколько слов в ответ на Ваше письмо. Я долго не мог додуматься, кому я подражал, ставя на слове «страдаваша» чистые квинты. Вы, вероятно, разумеете квинты в «Волною морскою» Гречанинова. Но это, по моему мнению, не подражание, если приходится долго отыскивать «оригинал». С фразой относительно «слишком прозрачных воспоминаний о приемах у других авторов» тоже не согласен. При всем искреннем желании я не могу до сих пор найти этих «слишком прозрачных воспоминаний». Буду очень благодарен Вам, если Вы поточнее укажете мне все это. Вообще же я согласен с Вами, что «Верую» композиция неудачная. Много деланного, напыщенного, претенциозного, малоценного. Тропари и мне больше нравятся, хотя, так же как и Вам, частями⁴.

Ваша последняя книга мне очень понравилась и своей верной, оригинальной и ценной главной мыслью, и кратким, ясным, точным изложением. Главная мысль этой книги будет, как мне кажется, иметь весьма большое будущее⁵.

Было бы весьма интересно получить экземпляр Вашей «Панихиды»⁶.
<...>

Любящий Вас П. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173

1. Чесноков имеет в виду второго помощника регента Синодального хора Н. М. Данилина.

2. В декабре 1903 с поста прокурора Московской Синодальной конторы ушел князь А. А. Ширинский-Шихматов; на его место пришел чиновник Св. Синода магистр богословия А. А. Завьялов.

3. В концерте прозвучали три сочинения Чеснокова, в том числе новое «Верую», датированное декабрем 1903-го.

4. Два новых тропаря, «Се Жених» и «Егда славнии ученицы», вошли в ор. 6, напечатанный в 1904.

5. Книга эта — «О ближайших практических задачах...», опубликованная ОЛДП в 1904.

6. Речь идет о законченной в 1904 «Панихиде на темы из древних роспевов» Смоленского.

[Москва, апрель 1904]

Дорогой Степан Васильевич.

Прочтя Ваше письмо, я еле-еле мог удержать слезы, горькие слезы. Я ждал от Вас такого ответа, но в глубине души таилась надежда получить ответ другого тона, другого содержания. Но... Бог с Вами.

То, что советуете Вы, — не осуществимо. Между мной и Синодальным училищем нет никаких духовных связей, все порвано. Кем? Из-за чего и когда? Слишком долгая песня! В предыдущем письме я указал Вам голые факты, указал беспристрастно, нисколько не щадя себя. Далее распространяться об этом считаю излишним, так как я... Паша Чесноков, которого можно только обвинять. Благодарю судьбу, что на время таких испытаний она послала мне такого друга, как В. А. Кемпе, который не только меня обвиняет¹.

Орлов любит меня!? Гордится мной!? Ах, Степан Васильевич, Вы, очевидно, очень мало знаете Орлова. Примирение между нами немислимо. Если бы даже оно и было возможно, я не мог бы первый протянуть руки этому человеку, ибо я его не уважаю.

Т. («некто из Синодального училища») похвалите за его добродетели и поблагодарите за милостливые попечения обо мне. Ах, Степан Васильевич, я ведь не мальчик и не тот «ослик», которого Вы когда-то очень мило гладили по головке! Я ведь вижу, что творится и что есть. Скажите Вашему «некто», что он, увидав у меня в глазу сучок, не видит в своем бревна.

Разве я не люблю Синодальное училище!? Разве душу бы свою я не положил за него!? Но, Степан Васильевич, в Синодальном училище не требуется душа, талант и дело. Тут требуется *умелое* обхождение с гг. Орловыми. Такие господа, как Кастальский, могут десятками лет занимать должности, к которым они абсолютно не способны².

«Заболеешь, наверное!» Не спорю, может быть, и заболее. И вероятно, так как очень сильно люблю Синодальное училище. А скажите, Степан Васильевич, мне вот что: Вы больше любили ведь Синодальное училище, чем я, ибо оно — Ваше детище, а зачем же Вы ушли?? Может быть, «задурили, заупрямились»? И про Вас, может быть, писали, что «и жалко его, да и досада берет, а вразумить его некому»? А!?

Ах, Степан Васильевич, Вы слишком доверчивы. Поменьше верьте всяким «некто из Синодального училища».

Бедное Синодальное училище! «Что было и что стало!» Если бы Вы взглянули на теперешнее Синодальное училище, Вы бы заплакали. «Что было и что стало!» Я ненавижу всех этих дряней, чинуш с грошовыми душами, которые попрали все созданное Вами и испакостили училище, мою вторую родину. Если бы я предвидел, что хотя впоследствии я буду иметь власть и возможность все это поправить, я бы перенес целый ряд оскорблений, унижений. Но Синодальное училище — разлагающийся труп. Похоронить его поскорее надо. С глаз долой! Я не могу равнодушно

смотреть, как казнят мою мать. Я кричал, я рвался и... конечно, все это было только смешно. Мне приказали успокоиться и подать в отставку. Паша Чесноков иным быть не может, Степан Васильевич! И если жизнь его закалит, то закалит только в таком направлении. Простите, если что-либо задело Вас. Писал я, сильно волнуясь.

Ваш Паша Чесноков.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173

1. В. А. Кемпе — участник любительского хора церкви Троицы на Грязях, помощник в делах по хору и друг Чеснокова. Ему посвящены ор. 6 и «Верую» (1903) с более поздней припиской: «Памяти В. А. Кемпе».

2. Чесноков имеет в виду должность помощника регента Синодального хора, которую Кастальский занимал с 1891 по 1907.

Москва, 21 февраля 1905

Милый и любимый Степан Васильевич.

Ваше письмо глубоко меня тронуло. Я с большим волнением читал и перечитывал его. Масса радостных и трогательных детских воспоминаний выплыло... Как хорошо было тогда! Я бесконечно благодарю судьбу, что она вручила меня Вам. Но и теперь хорошо! Я счастлив, очень счастлив иметь такого друга, наставника, как Вы!

Во вторник 2 февраля я направился... к Танееву. Он очень любезно принял меня, но учить меня отказался, отказался на том основании, что очень дорожит временем. «Работы много, а жить осталось мало». Я был уничтожен. Уходя, я оставил ему все свои печатные сочинения. Утопающий, говорят, и за соломинку хватается. И вот эта соломинка не дала мне окончательно утонуть.

6 февраля, в воскресенье, будучи у Булычева (с Вячеславом Александровичем я сошелся довольно близко; как-нибудь отдельно напишу Вам о нем¹), я встретил Танеева. Он сказал, что мои сочинения произвели на него благоприятное впечатление, а некоторые очень понравились. С этого разговор начался, а кончился тем, что он задал мне урок: написать несколько тем для вариаций в изложении струнного квартета. Я, конечно, был на седьмом небе. Завязались отношения. К назначенному им сроку пять тем было написано. Он остался доволен. Избрав одну из пяти, он задал мне написать вариации. Тут же указал мне Вариации Моцарта и Бетховена. Велел купить квартеты Моцарта. Вот теперь и пишу вариации. Написано четыре, а будет шесть. Это обстоятельство меня весьма обрадовало, и я ежедневно охотно работаю².

В декабре (22-го числа) я сдал Юргенсону 10 духовно-музыкальных сочинений: пять новых и пять старых. Старые «Херувимская» (си минор), «Херувимская» (Стрелецкая), «Достойно есть», «О всепетая Мати» и «Высшую небес» — были основательно просмотрены и во многом переработаны. Новые

суть: «Во царствии Твоем», «Приидите поклонимся», «Господи, спаси... и Трисвятое», «Видехом свет... и Да исполнятся уста», «Благочестивейшаго». Из печати жду в апреле месяце³.

Скажите, Степан Васильевич, удобно будет или нет уничтожить на «Херувимской» (си минор) посвящение В. С. Орлову? Мне бы хотелось все эти десять вещей посвятить Вам, если Вы против этого ничего не будете иметь⁴.

Теперь попутно с работами, задаваемыми Танеевым, я пишу ряд духовно-музыкальных сочинений для женского хора. Цель двоякая. Общая: вложить свою лепту в скудную церковную литературу женского хора; частная: обновить (конечно, с примесью и других современных авторов) репертуар в Екатеринбургском институте и Мещанском училище⁵.

Политически я еще очень молод. До 1904 года я и мало знал, и мало думал о политике. Теперь меня все события очень волнуют. Но я не смотрю на все это мрачно. Мне вдали видятся светлые горизонты. Я — «умеренный красный». Вы улыбаетесь? Да, лично я хотел бы коренного переворота в России: слишком плохо, бессильно (конечно, не физически), жестоко то, что есть, а улучшений не предвидится. Лишь бы было меньше жертв и крови⁶.

Мой глубокий поклон Анне Ильиничне.

Ваш П. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173

1. Начало общению Чеснокова с В. А. Булычевым было положено еще при Смоленском, на заседаниях Кружка преподавателей хорового пения в начале 1900-х, затем, заинтересовавшись деятельностью Булычева, Чесноков начал посещать его лекции и репетиции Симфонической капеллы, одно время даже в качестве хориста. Чесноков был вхож в дом Булычева и пользовался его библиотекой.

2. Через месяц Чесноков писал, что занятия с Танеевым продолжают и приносят ему большую пользу, но вскоре по неизвестной причине занятия прекратились. Булычев в своих воспоминаниях приводит мнение Танеева на этот счет:

Сочинять Херувимские и «Отче наш» — это не значит заниматься композицией. Синодальное училище не дает той музыкальной и общей подготовки, необходимой для будущего композитора, а потому я не считаю возможным заниматься с Чесноковым. Он очень милый молодой человек, но типичный питомец Синодального училища. В области русской церковной музыки он может сделать многое, и я не хочу сбивать его с избранного им пути.

(*Булычев В. А. Жизнь и искусство. Воспоминания. Т. 3. ГЦММК, ф. 277, № 24, л. 306–307*)

3. Старые сочинения (второй половины 1890-х и начала 1900-х) составили ор. 7, новые — ор. 8. Оба опуса опубликованы Юргенсоном в 1905.

4. В печатном виде посвящение Орлову на Херувимской (ор. 7 № 1) сохранено. Остальные четыре песнопения из этого опуса и пять из опуса 8 имеют посвящение Смоленскому.

5. Регентские обязанности Чеснокова в Мещанском женском училище (1896—1905) и в Екатерининском институте (1904—1918) побудили его сочинить цикл песнопений из Литургии и Всенощного бдения для женского хора (ор. 9). Работа была завершена в 1905, из печати песнопения выходили в течение 1906—1907.

6. Политическая активность Чеснокова продолжалась недолго.

Москва, 24 декабря 1907

Дорогой Степан Васильевич.

<...> Орлова мы похоронили с большой пышностью и честью. Все было очень искренно и трогательно. Много душ, согретых его талантом, откликнулись на его смерть. Я как-то стал больше его любить, присутствуя при этих весьма продолжительных похоронах и последних днях его жизни и вспоминая весь 22-летний период жизни, проведенный с ним неразлучно. Милая Елена Николаевна, пользуясь общими симпатиями, вызывает самое искреннее сожаление и умиление своей старческой скорбной фигурой¹.

Предпринимается много всего для собирания капитала на увековечение его имени. Первое сделано: Синодальный хор дал духовный концерт в зале консерватории, положив в основание фонда 3000 рублей².

Заместитель Орлова, никем не желаемый, вступивший со скандалом Кругликов, ничем себя еще не проявляет. Кроме увольнения Дорофеева, Попова и Строганова (И. Н.), в Синодальном училище все обстоит по-старому. Прокурор Степанов, начавший было воевать вышеуказанными увольнениями, опять затих. Митрич сильно изменился и растерялся, будучи выведен из-за кулис на сцену³. Пришибла его также и неудача с директорством. Иван Иванович Серебrenицкий, надев маску тихой и скромной скорби, отошел в сторону, но... твердо, осторожно и настойчиво ведет «свою линию» и, вероятно, будет инспектором. Первый визит нового директора был к нему.

Ну, про кого еще Вам сплетничать? Хотя довольно, потому что ведь и эта способность, как и все прочие, в людях развивается довольно быстро.

Да! Про других наговорил, а что скажу о себе. Теперь ничего. А вот пришлю Вам скоро две «Литургии» (смешанную и женскую), тогда уже Вы говорите обо мне и судите меня. А когда будет готова «Всенощная» с осмогласием, изготавливаемая в настоящее время, тогда Вы уже будете иметь полное основание осудить меня в каторгу⁴. Говорю так потому, что до сих пор вспоминаю охи и вздохи, которыми Вы изобильно наполняли дом Шереметева, слушая в авторском воспроизведении мои последние сочинения⁵.

Желая вторично и от души как Вам, так и глубокоуважаемой Анне Ильичне всего хорошего, остаюсь сердечно любящий Вас ученик Ваш —
П. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 173

1. Елена Николаевна Орлова, 50-летняя вдова, после смерти В. С. Орлова оказалась в тяжелом материальном положении, и если бы не поддержка Синодального ведомства (признавшего заслуги Орлова на церковно-певческом поприще), семья испытывала бы нужду (четверо детей Орловых в это время еще не закончили образования).

2. Это был единственный концерт памяти В. С. Орлова, состоявшийся 16 декабря 1907 и позволивший собрать упомянутую сумму. При этом часть денег пошла на оплату работы скульптора М. А. Керзина над бюстом Орлова (установлен в 1908 в концертном зале Синодального училища), а также на установку памятника на могиле Орлова в Алексеевском женском монастыре (установлен в 1909).

3. Имеется в виду А. Д. Кастальский, который, как отмечали и другие очевидцы, растерялся после утверждения его регентом Синодального хора. На первую репетицию в качестве регента он пришел в скюртуке Орлова и, потянув себя за воротник, обратился к хору: «Пойте так же, как при Василии Сергеевиче».

4. В 1907 Чесноков завершил работу над «Песнопениями литургии» ор. 15 для смешанного хора и «Песнопениями литургии» ор. 16 для женского хора, а также над «Всенощной с осмогласием»: «Господи воззвах», Богородичны догматики, воскресные тропари и прокимны (ор. 17—20).

5. Чесноков навещал Смоленского в Петербурге, в его жилище в Фонтанном доме С. Д. Шереметева.

Безусловно, имя Павла Григорьевича Чеснокова не нуждается ни в каких дополнительных комментариях: популярность его духовно-музыкального творчества очень велика, как в клиросной практике, так и в концертных программах. Публикуемые избранные письма из фонда Смоленского в РГИА (всего писем 34 за период 1895—1907) дают яркие штрихи к личности известнейшего русского духовного композитора.

Судя по Воспоминаниях и письмам Смоленского, он еще в училище отметил незаурядность дарования Павла Чеснокова, регентского и композиторского. При содействии Смоленского Чесноков был оставлен в училище преподавателем сразу после окончания, под наблюдением Смоленского создавались его первые сочинения. Однако заметил Смоленский и неустойчивость, резкость характера этого своего ученика, и примечательно, что в Капеллу Степан Васильевич пригласил себе в сотрудники не Павла, а его брата Александра. Тем не менее очень близкие, сердечные отношения между Павлом Чесноковым и Смоленским поддерживались вплоть до кончины учителя.

Письма А. Г. Чеснокова

Лесна, 26 июня 1898

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Прошла неделя с тех пор как я приехал в Лесненский монастырь.

Ехал я прямым сообщением до Бели, не пересаживаясь в Брест-Литовске. Матушки игумении мне здесь не пришлось застать, потому что она накануне моего приезда выехала в Москву; явился к матери Ольге и передал ей Ваше письмо, она поместила меня в монастырской гостинице, где я устроился очень хорошо¹.

На другой день после моего приезда удалось мне присутствовать на спевке. Спевались к ближайшему воскресенью, первое пели на три голоса «Надежда и предстательство» муз. Бортнянского, а потом смешанным хором, то есть при участии одного баса, местного псаломщика, исполнили «Милость мира» муз. Соколова, при этом голоса так распределялись, что контральт должен был петь теноровую партию, но все низкие ноты у них исчезали, поэтому во многих местах получались пустые созвучия. Подобным смешанным хором здесь поют в великие праздники. Роспев малый знаменный, с гармонизацией, взятой из Вашего Обихода, а впрочем 4-й, 7-й и 8-й гласы поют с Бахметевской гармонией.

Научная библиотека очень мала и большинство пьес для смешанного хора; чувствуется недостаток пьес для женских, вообще однородных голосов. Ввиду этого мне предложили переложить на женский хор «Достойно есть» № 2 [А. Ф.] Львова, что я уже кончил и проигрывал им, они остались очень довольны. Меня просят переложить или гармонизировать Догматики 8-ми гласов, придерживаясь каких угодно сочетаний, но только с сохранением обиходной мелодии. Я не отказывался решительно, но и не брался, так как чувствую, что это будет очень трудная задача. Степан Васильевич, посоветуйте, как поступить мне: переключивать трудно, потому что нот для смешанного хора нет, а гармонизировать без Вашего совета и разрешения боюсь. Кстати, разрешите брату прислать мне ноты, если не все, которые он хотел, то хотя запричастные стихи, которых здесь почти совсем нет, а поют всегда или псалом какой или читают что-нибудь. На одном простом пении их очень трудно держать, потому что они скучают, меня просят переложить Догматики, чтобы петь их главным образом вместо запричастного стиха, но ввиду Вашего совета я не решаюсь приступить к решительной работе.

Фортепиано пока не совсем свободно пользуюсь, но все-таки временами играю. С хором каждодневно занимаюсь утром от 10—12 часов под физгармонию, с регентшей тоже каждый день от 2½ — 4 часов. Вечер весь свободен, отдыхаю. Вообще занятия почти не утомляют меня, и я занимаюсь с охотой.

Остаюсь любящий Вас — Ваш ученик А. Чесноков.

1. В Синодальном училище сложился обычай посылать учеников старших классов на практику в провинцию (по запросам), обычно в монастыри для усовершенствования местного хора. А. Г. Чесноков, тогда ученик 9-го класса, был направлен в Свято-Богородицкий Леснинский женский монастырь (в Седлецкой губернии), видимо, по просьбе игуменьи матери Екатерины (графини Е. Б. Ефимовской), находившейся в переписке со Смоленским.

Лесное, 4 августа 1898

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Матушка благодарит Вас за сборник, высланный на ее имя, и получивши который тут же передала его мне, и я начал переключивать. Мне казалось, что если транспонировать на два тона выше и все это перевести на итальянскую ноту, то можно было бы и исполнить не переключивая, как я и поступил с 7-м гласом. Но самая высокая нота у 1-го дисканта *фа*, повторяющаяся несколько раз, отчего получился очень тяжелый характер, почему этот глас не удобен к исполнению. Над 8-м гласом придется много поработать, так как он очень сложный по гармонии — и вообще не удобен для переложения.

1-й глас я переключивал в подлинном тоне, но с сокращением гармонии, и мне кажется, что это будет всего удобнее. Но применить к хору этот способ еще не успел, потому что со мной произошла неожиданная история, поставившая меня в самые неблагоприятные условия...

До 16 июля шло все хорошо, я твердо держался Вашей системы — постепенности. Постепенно вводил оттенки сначала в нотное, а потом и в простое пение, постепенно исправляя и объединял вообще местное пение: сам дирижировал всенощной и обедней.

16 июля вечером матушка долго беседовала со мной; между прочим высказала мысль о моей непрактичности. Я этого не отвергал, но мне казалось, что эта мысль не самостоятельная, так как с одного раза нельзя составить определенное какое-либо мнение. Потом много говорила о какой-то постановке голосов, в чем, по ее словам, успел Архангельский, но я решительно не мог и не могу понять в чем дело, так как систематическая и правильная постановка голоса не соответствует местным условиям, и только удивлялся успехам Архангельского, потому что приехав сюда застал пение в самом неприглядном состоянии. Много матушка говорила на эту тему, и я возражать не осмелился. Я объяснил ей Ваше приказание, данное мне по отношению к хору, но это почему-то не было согласно с ее предположениями. Вообще все здесь настроены так, что ожидают от меня, вот-вот я переверну весь хор в самых основаниях, но когда увидели свои ошибочные предположения — отвернулись от меня. Но я действовал так постепенно, что они, например, во время первой службы только и заметили мои оттенки в нотном пении, но что я у них исправил даже самую первую ектению — этого не могли заметить, и только когда я им сказал, обратили внимание. Так я действовал по отношению к хору и пению, но не так посте-

пенно действовали они по отношению ко мне, потому что вскоре после 16 июля меня почти отставили от хора под предлогом отдыха и чтобы я поправлялся; до сих пор я продолжаю отдыхать и поправляться, но чувствую угрызения совести и вообще мое неопределенное положение тяготит меня.

Простите, что я Вам долго не писал, я все ожидал, что мое положение сделается более определенным, вообще яснее ограничится круг моей практики.

Находясь в таком положении, я не знаю, что мне делать? Или бросать все и терпеливо ожидать отъезда; или поговорить, вообще объясниться с матушкой, но едва ли, хотя при благоприятных условиях, успею что сделать, так как бездельничая уже полмесяца.

В это время, как я кончил заниматься, хор начинает расстраиваться значительно, что и высказывают мне некоторые из прихожан как регенту. По недостатку пьес для женского хора стали петь смешанными голосами, об чем я писал Вам раньше. И самые пьесы, разученные мною, теперь поют не по-моему: там где я велел пиано, поют — форте, а где форте — пиано, вообще мое влияние на хор пропадает и он скоро примет то состояние, в котором я его застал: где же моя заслуга, труд? Я нахожусь в самом безвыходном положении, и только скорый отъезд утешает меня.

Остаюсь любящий Вас

Ваш ученик А. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, № 172

Лесное Седлецкой губернии, 13 августа 1898

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Простите меня за невыдержанность моего предыдущего письма, в котором я, питая к Вам в некотором роде родственные чувства, отписывал не столько сущность дела, сколько свои мысли и предположения. Результатом Вашего письма последовало вполне естественное объяснение с матушкой, и все явилось в другом, более привлекательном свете.

Меня оставили в покое, как объяснила матушка, не потому что я ничего не могу сделать с хором и для хора, а во-первых, потому что я не практик по отношению к женскому хору, для моего освоения с которым не имеется времени вследствие спешной подготовки к Воздвижению. «Если бы вы остались, — как говорит матушка, — на всю зиму, когда мы имеем массу времени, то тогда был бы совершенно другой разговор, а то ведь вы скоро уезжаете; но предположим, — продолжает она, — что с хором вы бы освоились в это лето, но положили бы здесь все свои нервы, на укрепление которых вы посланы сюда, как в деревню». Во-вторых, матушка видела главную мысль моей миссии не усердный труд, — а напротив, чтобы я отдохнул. Мне кажется, что это не есть мой промах ума или такта, как и всегда, я себя здесь строго контролирую.

Извините, Степан Васильевич, если мое предыдущее письмо Вас расстроило или даже обидело, — это для меня урок жизни, который я хорошо понял и надеюсь усвоить на будущее время. Еще раз прошу извинения за причиненное, но неумышленное беспокойство.

Остаюсь любящий Вас Ваш ученик А. Чесноков.

Написавши Вам письмо, я не успел отдать его в канцелярию, так как был приглашен в архиерейский дом, где пил чай, играл на скрике и рояле в обществе матушки и монахинь. И вообще там же очень оживленно провел вечер. А. Ч.

РГИА, ф. 1119, № 172

Гусь-Хрустальный Владимирской губернии, 16 августа [1899]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Спешу попросить у Вас извинения за то, что до сих пор не мог Вас известить о себе.

Отправившись из Москвы в 12 ч. ночи 10 августа, я на другой день к 9 часам утра приехал в г. Владимир, где сообразно с депешей Константина Сергеевича нашел лошадей, на которых ехал 70 верст — к вечеру 11 августа я был на месте. Меня поместили в семействе здешнего учителя, очень добренького старичка.

Хор, с которым мне приходится заниматься, состоит из служащих на фабрике Нечаева-Мальцева — всего числом до 40 человек¹. Голоса у певчих довольно порядочные, читают ноты тоже порядочно, но пение любят крайне вычурное и крикливое, так что обычный напев многим певцам приходится немного не по вкусу. Службы в Успенъев день прошли, кажется, довольно порядочно, пели все простым напевом.

Степан Васильевич, для занятий с хором здесь не существует, кроме скрипки, никакого инструмента, и заниматься под скрипку со всем хором очень неудобно, и приходится употреблять в ход свой голос, что мне весьма трудно. Мне между прочим сообщили, что если последующий за мной регент будет играть на фисгармонии, то этот инструмент можно надеяться, что выпишут. Если только у Вас есть в виду кто на это место, то если можно, пожалуйста, сообщите мне, что он может играть на этом инструменте или нет; так как если выпишут инструмент, то это мне и тому, кто после меня, будет громадное облегчение. В географическом отношении Гусь занимает довольно низменную площадь в 4 кв. версты; климат довольно сыроватый.

Остаюсь любящий Вас Ваш ученик А. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, № 172

1. Выпускник Синодального училища, Александр Чесноков до переезда в Петербург был направлен в Гусь-Хрустальный на один из заводов Ю. С. Нечаева-Мальцева для занятий с местным любительским церковным хором.

Петербург, [начало марта 1900]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Простите пожалуйста, что я так долго ничего Вам не писал: до сих пор все ждал к себе господина Н. П. Смирнова. Согласно с Вашим желанием послал ему письмо, в котором, опираясь на Вас же, любезно приглашал его к себе, но ни ответа на мое письмо, ни его приезда ко мне не последовало¹.

Дорогой Степан Васильевич, прошу у Вас также извинения, что пока еще почти ничего не могу сообщить о делах Паши Толстякова. Сам он не особенно откровенен, и верных, искренних сведений получить от него трудно, а потому пока приходится прислушиваться к разговорам. Я пробовал поближе сойтись с Соколовым, делопроизводителем Экспедиционного хора, и, как мне показалось, этот человек весьма недоброжелательный для него².

Мне удалось как-то вечерок провести у митрополичьего регента — Тернова, этот тоже ничего нового более или менее утешительного не сообщил. И главное, по-моему, что скверно — это Тернов до сих пор, хоть и изредка, продолжает по приглашению князя³ вести спевки, чем дает уже открыто понять хору как бы о непрактичности их регента. Я пробовал говорить об этом с Пашей, но он не хочет в это вникнуть, а потому нисколько не заботится о поддержании себя перед хором на надлежащей высоте...

О себе я особенно много нового сообщить не могу, так как все идет почти по-старому. Количество моих певцов все возрастает, в моих списках значится 110 человек, последнюю всенощную и обедню пели в количестве 85 человек⁴. С 3-й недели, как бы для опыта, я начну для любителей свои чтения по теории церковного пения. Чтения эти я устраиваю по общему желанию певцов, и пока, не предвидя результатов, без ведома совета Братства, а с одобрения Хрисанфа Михайловича⁵. Задачи пока мои — упростить теорию музыки на почве церковного пения, до степени усвоения ее народом. Понемногу начинаю разбираться.

27 февраля был у Л. А. Саккетти и, согласно его желанию, отнес ему некоторые работы. Мысль продолжать музыкальное образование овладевает мною все более и более, а потому я и готовил некоторые работы для просмотра Л. А.⁶ Простите пожалуйста, что так замедлил письмом; я боялся, чтобы оно не было преждевременным.

Остаюсь любящий Вас Ваш ученик А. Чесноков.

Р. S. Алексей Алексеевич⁷ очень просил меня засвидетельствовать Вам его глубочайшую преданность и искреннее уважение и признательность. Наша

семинарская братия (Хрисанф Михайлович, Яков Иванович) шлет Вам глубокий поклон и пожелание в скором времени увидеть Вас в наших стенах. А. Ч.

РГИА, ф. 1119, № 172

1. Николай Павлович Смирнов — сенатор, бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода.
2. После окончания Синодального училища (1899) П. Н. Толстяков получил место регента в хоре Экспедиции заготовления государственных бумаг, певшем в церкви св. Андрея Критского при Экспедиции.
3. Речь идет об управляющем Экспедицией князе Б. Б. Голицыне.
4. Для Чеснокова жизнь в Петербурге началась со службы в Училищном совете при Св. Синоде и в Православном братстве во имя Пресвятой Богородицы. Его пригласили для организации любительского хора при церкви Братства (на Боровой улице), устроенной для фабричного населения этой части города. Поэтому Чесноков называет свой хор «народным».
5. Делами Братства руководил совет, в составе которого находились новые знакомые Чеснокова: преподаватели Духовной семинарии Хрисанф Михайлович Попов и Яков Иванович Зарницкий.
6. Благодаря Смоленскому Чесноков познакомился с профессором Петербургской консерватории Л. А. Саккетти и показывал ему свои сочинения перед поступлением в консерваторию.
7. Имеется в виду выпускник Синодального училища А. А. Петров, тогда преподаватель пения в Духовной семинарии.

[Петербург, май-июнь 1900]

Дорогой Степан Васильевич!

Считаю своим долгом сообщить, что «Гимн Кириллу и Мефодию», который я Вам показывал в Москве на Пасхе, П. Мироносицкий отпечатал в количестве 25 тысяч экземпляров¹. Пред этим я его успел значительно исправить и даже переменить самый заголовок на «Песнь о блаженной кончине св. Кирилла» и образчик, один экземпляр, присылаю Вам.

Братский праздник 11 мая прошел довольно хорошо². Школьникам раздавали по одному листку моего переложения («Песнь...»), которых Братство закупило перед этим 3 тысячи штук.

После приезда из Москвы несколько раз был у Л. А. Саккетти и каждый раз выносил весьма приятное впечатление от этих визитов. Дела мои идут, кажется, довольно порядочно. «Устав» моего «Народного хора» окончательно утвержден митрополитом и будет, вероятно, напечатан в «Народном образовании»; как выйдут отдельные оттиски, так не замедлю прислать Вам.

Пашу Толстякова видел только один раз, ну, как и всегда, толком об его делах ничего не узнал. Последнее время около трех раз заходил к нему и ни разу не заставал его дома.

Спешу передать свой поклон и нижайшее почтение Анне Ильиничне.

Остаюсь любящий Вас А. Чесноков.

Р. С. Привет Вам и поклон от Алексея Алексеевича, Хрисанфа Михайловича, Якова Ивановича. С какою радостью мы прочитали в «Русской музыкальной газете», что Вы приглашены профессором в Петербургскую консерваторию! А также, простите, совсем забыл, сообщаю Вам, что Братство сделало запрос к князю относительно меня, имею ли я право быть церковно-приходским учителем не подвергаясь проверочным испытаниям³. Если возможно, подсобите к утвердительному решению его.

Ваш А. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, № 172

1. П. П. Мироносицкий, постоянный член издательской комиссии при Св. Синоде, редактор журнала «Народное образование».

2. Праздник в день памяти святых Кирилла и Мефодия.

3. Запрос был направлен прокурору Московской Синодальной конторы князю А. А. Ширинскому-Шихматову.

Петербург, 20 сентября 1900

Дорогой Степан Васильевич!

Простите, что так долго ничего не писал Вам: я все устривался в Консерваторию. Теперь только, когда совсем мои дела уладились, я, исполненный искренней к Вам благодарности, решил сообщить Вам о своем поступлении в Консерваторию.

Я не могу найти слов, которыми поблагодарить бы Вас, дорогой Степан Васильевич, за все Ваши заботы обо мне.

Моему поступлению в Консерваторию предшествовали труднейшие экзамены по теории, гармонии и контрапункту, которые, кажется, прошли довольно сносно.

Меня приняли, по моей просьбе, в класс А. К. Лядова (гармония) и Римского-Корсакова (контрапункт), соединяя оба курса в один год. Сделал я это главным образом затем, что мне казалось, от таких профессоров можно вынести много нового.

На рояле занимаюсь у профессора Винклера на третьем — последнем курсе для теоретиков. Занятия у нас уже начались; еще и еще раз благодарю Вас за Ваши хлопоты.

Паша Толстяков окончательно удивил меня тем, что несмотря на мои предупреждения не явился 11-го числа на экзамены и таким образом, кажется, остался до следующего года¹. Со мной на одном курсе находится некто Ив. Покровский, который хорошо Вас знает².

Занятия с хором моим не ослабляются, а напротив, увеличиваются: теперь у нас ежедневные спевки, готовимся к 1 октября. Скоро думаю переезжать на казенную квартиру на Боровой, д. 54, где буду ближе к делу.

Остаюсь любящий и благодарный Вам

Ваш ученик А. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, № 172

1. П. Н. Толстяков поступил в консерваторию в 1901, но не завершил обучение, в частности, по причине переезда в Тамбов в 1904.

2. Об И. В. Покровском см. подробнее в переписке с С. С. Волковой. В начале 1900 в Наблюдательный совет при Синодальном училище поступили на рецензирование семь духовно-музыкальных сочинений молодого композитора И. В. Покровского. Вероятно, тогда же состоялось его знакомство со Смоленским.

[Петербург, декабрь 1900]

Дорогой Степан Васильевич!

Поздравляю Вас и Анну Ильиничну с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Вы, вероятно, в большом недоумении, что я так давно ничего не пишу Вам. Но, правда, у меня так мало стало свободного времени, что при всем моем желании я не мог уловить досужей минутки. Теперь вот на праздниках я рассчитываю основательно отдохнуть; все-таки побольше свободного времени, хотя и работать тоже немало придется. О себе более или менее нового и интересного я почти ничего сообщить не могу.

Дела мои в Братстве все по-старому: в Епархиальном училище все начинают мало-помалу привыкать ко мне, хотя на первое время встретили меня довольно сурово. Во-первых, мои молодые лета наводили на некоторых как будто серьезные размышления, а потом всевозможные интриги со стороны моего предшественника Богданова тоже значительно стесняли меня в действиях, а потом систематично воспитанное в воспитанниках чувство небрежного отношения к этому предмету и полнейшая запущенность дела — принимая все это во внимание, не трудно вообразить мое положение... Но теперь все это как будто притупилось — надоело, а потому почва у многих говорливых людей ускользнула, что и надобно было ожидать¹.

Дела мои в Консерватории идут себе как будто бы и ничего: все, кажется, довольны, а впрочем, Бог их знает. По временам бываю у Л. А. Саккетти, который меня так любезно принимает; много беседуем с ним и вспоминаем Вас...

На днях был у меня Ив. Вас. Покровский, которому я проигрывал некоторые из сочинений Кастальского, он просил меня передать Вам поклон и выразить глубочайшее почтение. На Пасхе собираемся с ним вместе в Москву.

А пока остаюсь любящий Вас

Ваш ученик А. Чесноков.

РГИА, ф. 1119, № 172

1. Осенью 1900 Чесноков начал преподавать пение в Исидоровском епархиальном женском училище. Его предшественник — диакон Иоанн Богданов, известный в Петербурге регент и композитор.

Александр Григорьевич Чесноков, многократно упоминаемый на страницах данного тома, считался в Синодальном училище едва ли не самым способным среди учеников, проявивших свои силы в композиции. И Чесноков оправдал возлагавшиеся на него надежды: уехав по «распределению» в Петербург, он затем по приглашению Смоленского попал в Придворную капеллу, в 1906 закончил Петербургскую консерваторию по классу композиции Римского-Корсакова и впоследствии (с 1912), продолжая работать в Капелле, стал преподавателем, затем профессором консерватории. В 1925 А. Г. Чесноков уехал за границу, некоторое время работал с Общественным русским хором в Праге (после кончины А. А. Архангельского), затем осел в Париже, где сотрудничал с Русской консерваторией и небольшими нотными издательствами. Скончался в 1941 в Париже.

Духовно-музыкальное наследие младшего Чеснокова невелико по объему (Литургия и несколько отдельных песнопений), но отмечено высоким качеством; в области светской он испробовал свои силы в разных жанрах (опера, детская опера, оркестровые пьесы, разные камерно-инструментальные формы, светские хоры и проч.). Opus posthume Александра Григорьевича — оставшаяся в рукописи в клавире (и частично в партитуре) вокально-симфоническая поэма «Реквием — Тайнство смерти» на стихотворные переложения текстов панихиды (1925; ГЦММК, ф. 332, № 45).

Публикуемые письма, во-первых, раскрывают неизвестные факты биографии А. Г. Чеснокова — первые шаги выпускника Синодального училища в самостоятельной жизни, а во-вторых, самим своим стилем свидетельствуют о собранности и целеустремленности этого, одного из самых любимых, ученика Смоленского.

Письма П. Н. Толстякова

Петербург, 12 июня 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Простите меня за долгое молчание. Я первое время моего приезда был очень завален работой и не мог найти свободного времени для извещения Вас о своем приезде. Теперь я немного освободился от занятий и достаточно познакомился с хором, чтобы дать о нем справедливое суждение¹. Хор этот находится почти в первобытном состоянии. Первою пиесую, какую я познакомился с хором, была Херувимская Бортнянского № 7.

Впечатление, вынесенное от слушания этой пиесы, было самое удручающее: я слушал пение очень не изящное, *p* не было совсем, *f* было только в мужских голосах, и то где не требовалось, тенор на высоких нотах старался выделиться и заглушить остальные голоса, а в детских голосах многие даже не знали своей партии, хотя эта пиеса считается здесь по исполнению лучшею. И вот с таким хором мне пришлось считаться. Первые спевки я убил исключительно на разучивание этой Херувимской. Очень много нужно было усилий на то, чтобы приучить хор слушать свое исполнение. Я не знаю, прав ли я был, что средством к приучению хора к слушанию своих исполнений поставил полуголосное пение (полного *f* я даже до сих пор не беру), но поворот в желательную сторону, хотя и медленно, замечается. Но вот все, что я могу пока сказать о хоре, теперь несколько слов о репертуаре хора. При рассматривании библиотеки отметил некоторые пиесы (например, ектении почти всех губерний, как их называет князь²) к уничтожению; о существовании таких пиес я был предупрежден князем, выразившем желание к их уничтожению; но все-таки в библиотеке нашлось много вещей, годных для пения. В настоящее время я занят разучиванием Херувимской Музыкально, которая еще до меня разучивалась князем. Здесь иногда слышится невообразимая фальшь, но благодаря пианино, которое я исходатайствовал у князя, фальшь во многих местах уже исчезла, на что потребовалось очень много усилий.

Но я очень рад и благодарю Вас, что благодаря Вам я сделался работником Петербурга и в таком хоре, на хорошую будущность которого можно смело надеяться. Прошу Вас не оставить меня Вашими указаниями в моем деле.

Остаюсь преданный Вам П. Толстяков.

СПб., Фонтанка 144. Экспедиция заготовления государственных бумаг, кв. № 184. Адриану Федоровичу Соколову³ с передачей П. Т.

1. П. Н. Толстяков работал регентом в хоре Экспедиции заготовления государственных бумаг. Хор состоял из детских и мужских голосов и входил в число известных церковных хоров Петербурга.

2. Большой интерес к хору проявлял управляющий Экспедицией, экстра-ординарный академик, известный ученый-физик Борис Борисович Голицын.

3. Имеется в виду старший бухгалтер Экспедиции, он же делопроизводитель хора.

Петербург, 9 июля 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич!

На днях получил Ваше письмо и спешу уведомить Вас о своих делах в надежде получить от Вас хороший совет.

Первое время моего пребывания в Экспедиции я был очень рад единодушию хора, но потом это все было уничтожено одним моментом. У князя было желание организовать правильный хор, и с этой целью он предложил мне разделить хор на три группы, 1-я группа должна получать от 15—20 руб., 2-я от 10—15 руб. и 3-я от 5—10 руб. Я не предвидел ничего дурного в этом разделе и отчасти был этому даже рад, думая, что это придаст бы серьезный характер нашим занятиям, но жестоко ошибся в своих думках. На первое объявление князем своего желания хор ответил молчанием, и затем начала упадать связывающая хор любовь к церковному пению, это было замечено и мной, и священником, и делопроизводителем хора Соколовым, у которого я проживаю; но назад нельзя было воротиться и я принялся за разряды, составил их так, что и священник, и Соколов были согласны со мной, но на совете 3 июля моя сумма оказалась велика, 7200 руб., хотя была определена князем.

Начались сбавки жалованья, но очень большие, я начал доказывать, что при таких условиях в хоре не будет строгой дисциплины и от хора нельзя будет ожидать того, что желает князь, со мной были согласны и священник и Соколов, но князь доказывал, что он может держать непослушных певчих исключением из Экспедиции, на его сторону перешел священник, а я с Соколовым должен был наконец замолчать. На мое счастье на совете не все было решено и в скором времени ожидается новый совет. Я эти дни провожу за составлением планов; советуюсь с Соколовым, но никак не могу найти мер, которые бы успокоили хор. Завтра схожу к князю и наедине постараюсь доказать все неудобства нового положения.

До моего приезда хор делил два раза в год что добывал, в настоящее время сумма денег увеличилась на 1500 руб., которые ассигновал князь, и я думаю на старых условиях оставить хор до января месяца в надежде на 1300 руб. Князя в Экспедиции все очень любят, и хору будет приятно такое участие князя в судьбе хора и хор будет употреблять все усилия, чтобы сделаться таким, каким желает видеть его князь. Это мой последний план, но Бог знает, может и он расширится о что-нибудь.

Июнь месяц я употребил исключительно на занятия с малышами. Сперва у меня было три группы, но теперь стало уже две и каждая из них занимается в день по два часа, а мне приходится каждодневно заниматься 6 часов, от 10—12 и 2—4 с малышами, а от 6—8 или спевка, или занятия со взрослыми.

К Петрову я ходил вскоре по приезду в Петербург и узнал, что о деле Чеснокова уже послано в Москву, и недавно, по получении Вашего письма, я опять ходил к нему, но не застал дома и оставил ему записку, чтобы он известил Вас о деле¹.

Делов у меня сейчас очень много, но здоровьем сильно расшатался, так что вчера спевку оборвал на половине. Разряды сильно волнуют хор, многие обращаются ко мне с вопросами, что решено на совете, и я должен всем говорить, что это дело еще не решенное, все ждут объявления князя, но и князь медлит распоряжением, может, и на мое счастье, Бог знает. Я сейчас переживаю ужасные дни; или наш хор будет двигаться вперед, или остановится, эти два вопроса ужасно волнуют меня. Степан Васильевич, помогите мне в этом деле, мое положение очень и очень не завидно.

Остаюсь преданный Вам П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Речь идет об Алексее Алексеевиче Петрове, который уже несколько лет преподавал пение в Духовной семинарии. Видимо, ему Смоленский поручил следить за устройством Александра Чеснокова в столице.

Петербург, 25 августа 1899

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Вот уже проходит два месяца, как я жду от Вас ответа. В конце июля наш священник хотел меня пристроить к какой-нибудь духовной школе, но боялся, как бы я не был назначен в какую-нибудь школу Синодом, и просил с этим вопросом обратиться к Вам. Но я еще до сих пор не получаю ответа, а между тем священник частенько беспокоит меня этим вопросом. Мне приходится действовать очень трудненько, иногда можно бывает попасть в большой просак, только и спасает Соколов. Все лето я убил на занятия с малышами, и довольно успешно, теперь у меня малыши начинают равняться силою с большими. У меня теперь все утро свободно, нельзя ли мне устроиться к какому-нибудь музыканту проходить класс композиции, это мне очень требуется при моей должности. Теперь готовлюсь к престольному празднику 17 октября, не знаю как пройдет.

Остаюсь преданный Вам Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

Петербург, 20 декабря 1900

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Приношу Вам мою искреннюю ученическую благодарность за Ваше поздравление и то облегчение, какое было принесено Вашими, опять ласковыми, словами. Вот уже десятый месяц, как я получил Ваше последнее письмо; правда, десять месяцев времени много, но и тогда я не был лентяем, а просто попал в такой водоворот петербургской жизни, где все было для меня так ново, так непривычно, что и до сих пор иной раз теряешься в догадках, как лучше взяться за дело. Но все-таки, благодаря Бога, я ломаю одно препятствие за другим, иду вперед и, авось, с помощью Бога вырасту в мастера, который в совершенстве знает свое искусство.

Очень хотел бы описать Вам свое житье-бытье, но оно так однообразно, что, правда, не найдется слов, чтобы дать эту картину нагляднее и яснее. Одно скажу, что, наконец, я научился любить свои занятия и ими только жить. Вот уже полгода, как я отдыхаю душой: занятия, которые я люблю, и дом, в котором меня любят; вот и вся моя жизнь. В настоящее время я нездоров и очень грущу, что не вижу тех лиц, которыми я живу, которые иногда веселят мою душу, иногда поднимают, иногда угнетают ее.

Князь думает в марте опять устроить концерт и к этому времени велел мне написать и выучить Догматик 1-го гласа. Посылаю Вам его в надежде, что Вы не откажете просмотреть его и исправить. Прошу не строго судить мои юные ученические труды (невыдержанность стиля), к чему меня побуждает хор, еще не привыкший к строгому стилю, а сразу вводить это боюсь, пожалуй, не хватит сил, да и публика, в том числе и князь, говорит, что пиеса бесцветна, если она написана в простой гармонии и без *crescendo* и *diminuendo*.

В том году в марте на концерте исполнялся мой Догматик 5-го гласа, я его только оттенками и взял, на «море» делал *crescendo* и *diminuendo*:

да Ветхий Завет пел тихо, а Новый свободно, и публика похвалила пиесу.

Надеюсь, что Вы не забудете прислать партитуру обратно, так как до Нового года я уже должен начать Догматик учить, а Ваши замечания мне необходимы. Я бы с удовольствием выучил чужое переложение, но князь этого не желает, чтобы можно было при случае сказать, что это «свое», что мы и не такие, незнакомые Питеру, поем пиесы. Князь очень падок на это.

Поздравляю Вас с наступающими праздниками. С благоговением принимаю Ваше благословение.

Любящий Вас П. Толстяков.

Дармштадт, 20 сентября 1903

Добрейший Степан Васильевич!

Изо дня в день собирался написать Вам о моей жизни, но новые слухи о деле ждали своего разрешения, и я не думал беспокоить Вас преждевременно чем-нибудь неприятным¹.

Прожитые в Дармштадте 10 дней имеют такой итог.

Жизнь моя в Дармштадте пока протекает благополучно, работа идет недурно, певчие в полном послушании. Отовсюду слышу, что от меня все ждут чего-то нового, хорошего; духом не падаю, но, кажется, меня хотят скрутить и обессилить.

В воскресенье перед обедней меня вызвал из храма гр. Гейден², разговор с ним заключал следующее.

«Устроились хорошо? — Хорошо. — Мальчиков, кажется, 14? — Да, 14. — Граф знает об этом? — Думаю, что знает, вероятно г. управляющий общал ему. — Что поете?» Я ответил, и граф отошел. Кажется, я обрел нового попечителя, и если он с Шереметевскими полномочиями, то или делу провал, или мне конец; подумаю, как мне быть, и, вероятнее всего, пойду своей стезей, а графские программы и указания, если таковые последуют, буду оставлять в стороне. Думаю, что дни наши сочтены, а общее внимание и кое-откуда доносящиеся лестные похвалы не спасут меня от позора и изгнания; конец один, и лучше умереть держа знамя вверху, нежели внизу. Мы об рояле так и не договорились, если Вы его не продали, то оставьте его за мною; постараюсь при приезде уплатить Вам 400 руб., остальные в ближайшие месяцы; если уедете из Капеллы, как предполагали, 1 октября, то передайте рояль на попечение Миши Климова, он его и перетащит и побережет³.

Посылаю Вам любимые Ваши открытые письма. Передавайте низкий поклон и пожелание доброго здоровья Анне Ильиничне и попросите ее не скорбеть о человеке, которого судьба, кажется, толкает в огонь.

Ваш П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. К этому времени (с 1 февраля 1902) Толстяков работал в Придворной капелле помощником учителя пения; он также регентовал отделениями Капеллы (см. в переписке с С. Д. Шереметевым в первой книге тома). Поскольку осенью (фактически — летом) 1903 из Капеллы был со скандалом уволен Смоленский, Толстяков, естественно, опасался за свою судьбу как ученика Степана Васильевича.

Посылка певчих Капеллы в Германию, в Дармштадт осуществлялась в связи с пребыванием там государя и членов царской семьи.

2. Граф Александр Федорович Гейден, близкий родственник жены начальника Капеллы графа А. Д. Шереметева, в 1900—1906 занимал должность начальника канцелярии главной императорской квартиры.

3. Имеется в виду инструмент фирмы «Шрёдер», который Смоленский купил при переезде в квартиру управляющего Капеллой, но вынужден был продать при переезде во флигель Фонтанного дома С. Д. Шереметева.

Дармштадт, 22 сентября 1903

Дорогой Степан Васильевич!

Очень сожалею, что послал к Вам такое дурное письмо, дело как будто не так плохо, как я думал. Вчера была обедня, и я даже не удостоился ни одного слова от графа Гейдена, чем это объяснить, не знаю, может быть дурной погодой, все время шел дождь, а мы помещаемся на хорах, имеем отдельный от церкви вход, и чтобы со мной говорить, нужно вызвать меня в храм, что не совсем удобно, или стоять под открытым небом, что не особенно приятно, а может быть, граф остался недоволен моим первым разговором и не желает со мной ничего возобновлять. Во всяком случае все это очень приятно, и я вчерашний день провел в отличном расположении духа; все-таки одной службой меньше, и я пока не связан. Вчера пели «Приидите поклонимся» и «Святый Боже» Чайковского, Херувимскую (греческого распева) Львовского, «Тебе поем» Полужктова и «Се что добро» Ипполитова за причастный.

Пели хорошо; Янышев¹, начавший за последнее время мне очень симпатизировать (чтобы только не сглазить), много хвалил, говоря мне, что давно у нас так не пели и проч. и проч. в этом роде; здешний посланник, князь, фамилии не знаю, говорил И. П. Полубинскому², что будет просить дозволения бывать на всех спевках и что ему пение очень нравится.

Одним словом, дело пока не в опасности и горевать нечего; даже смешно на свою непостоянность, то очень грустен, то очень весел.

Слышал, что в Капелле пока все благополучно, все работают и никого пока не гонят; да и странно, быть таким любезным, как Н. С.³, и иметь дурные мысли. Совершенно непостижимо; а при прощании мы поцеловались, пожелали один другому всего хорошего, и вдруг при приезде один прогонит другого, не верится, а впрочем, теперь в мировой колеснице все это возможно.

Как Вы здоровы?

Привет Анне Ильиничне.

П. Голстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Имеется в виду протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев, известный богослов, глава придворного духовенства, духовник императорской семьи.

2. Иван Павлович Полубинский, помощник воспитателя в Придворной капелле, позже стал там же воспитателем.

3. Имеется в виду Н. С. Кленовский, который по уходе Смоленского из Капеллы выполнял там обязанности управляющего.

Дармштадт, 15 октября 1903, 7 ч. вечера

Дорогой Степан Васильевич.

Только сейчас вернулся с концерта, прошло все очень хорошо. Орбелиани говорит следующее: «пели замечательно, немцы в таком восхищении, что бросились к Государю, прося его устроить еще концерт, и Государь, кажется, дал согласие и концерт состоится во вторник».

Слава Богу. Все хорошо.

Больше писать не могу, устал.

П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

Дармштадт, 23 октября 1903

Дорогой Степан Васильевич! Сегодняшний концерт прошел хорошо, отзывы самые лучшие. Все слава Богу. Подробности по приезду. Приезжаем 28-го числа.

Поклон Анне Ильиничне.

Ваш П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

[Тамбов, первая половина мая 1906]

Дорогой Степан Васильевич, прошу извинения, что обещал писать Вам письмо в день посылки денег, а пишу более чем неделю спустя. В тот день на наш институт обрушилось несчастье¹. Один воспитатель нашел на чердаке интерната пять бомб и все принадлежности для их начинки. Ничего более не оставалось, как вызывать полицию и объявлять ей о своей находке. Последствием этого пошли ежеминутное ожидание закрытия института, ежедневные педагогические советы и без конца нервничанье. Было так скверно на душе, что я ни разу не мог написать больше заголовка. Теперь дело приняло более спокойный оборот, не знаем только, как примет все это Нарышкина², хотя ей до сих пор об этом директор не решается писать. Может быть, не сегодня-завтра я вновь останусь без должности, но хорошо хотя то, что первый острый момент от возможности такой перспективы прошел, и как-то спокойно ждётся новая неудача в моей жизни. Но чтобы впереди ни было, не могу быть с Вами не согласен, что места у Тернова и Фотиева не могут быть для меня приемлемыми³. Многое говорит мне о том, что эти места не по мне. В настоящее время в петербургских

трех институтах, в Елизаветинском, двух других не знаю, освобождаются, за уходом Черепнина, должности учителя светского пения. За все три института вознаграждения 1000 руб. при малой затрате времени. Вот об этих местах я мечтаю, хотя совершенно не знаю, как мне начать это дело. Самая большая моя надежда на Вас, хотя жду в этом отношении от Афона одного дурного⁴.

Дорогой Степан Васильевич, если Вы до своего отъезда можете чем-либо помочь в этом деле, то не откажите, помогите. Мне эти места хочется взять потому, что они, во-первых, помогут мне перебраться в Петербург, а во-вторых, отнимая не много времени, дадут мне возможность где-нибудь заниматься церковным пением. Мне об этом писал Иван Петрович Духавин³, он с удовольствием зайдет к Вам поговорить об этом деле, его адрес Галерная ул., д. 6, кв. 19⁵.

Ваша поездка на Афон за Вас радует, за себя огорчает. Так мне памятна наша прошлогодняя беседа в Шереметевском саду, что поездка, которую я могу предпринять только после 20 мая, от Вашего отсутствия кажется далеко не так заманчивой. А все-таки пожелания мои на Афон таковы: чтобы Вы привезли здоровую ногу, крепкие нервы и побольше нового несказанного. Жена шлет самые лучшие пожелания.

Кланяемся Анне Ильиничне.

Ваши Толстяковы.

Об институтах не говорите никому.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Толстяков уже второй год жил в Тамбове, после того как оставил службу в Капелле (1 июня 1904 ушел с должности помощника учителя пения). Он преподавал пение в Екатерининском учительском институте (учитель пения и музыки).

2. Вдова обер-камергера высочайшего двора А. Н. Нарышкина 12 января 1902 высочайшим повелением была назначена почетным попечителем Екатерининского института в Тамбове.

Приятельница Смоленского, А. Н. Нарышкина была крупнейшей благотворительницей Тамбова, поскольку под Тамбовом находилось родовое имение семьи Чичериных, откуда происходила Александра Николаевна.

3. К этому времени у Толстякова созрело желание переехать в Петербург. В письме он рассматривает варианты будущей работы в столице: один из них — место помощника регента Митрополичьего хора И. Я. Тернова, другое — место помощника регента Казанского собора В. А. Фатева.

4. Обстоятельства, в том числе и научная командировка Смоленского на Афон, помешали осуществлению в этом году заветной мечты Толстякова. Место учителя светского пения в Елизаветинском институте императрицы Марии после ухода Н. Н. Черепнина занял другой человек.

5. Предшественник Толстякова в Екатерининском институте И. П. Духавин в 1904 переехал в Петербург на место помощника регента Исаакиевского собора и учителя пения в гимназии при Императорском Историко-филологическом институте. Находясь в переписке с Толстяковым, Духавин сообщал ему о свободных учительских и регентских местах в Петербурге.

Тамбов, 19 декабря 1906

Дорогой Степан Васильевич, получил сегодня Ваше милое ласковое письмо. Спасибо Вам за него большое-большое. Как оно пришло вовремя, Вы и представить себе не можете. Я все время рвался в милый, так Вами нелюбимый Петербург. Мысль о том, что Ваши отношения ко мне стали не так добры, как были когда-то, все усиливающаяся и усиливающаяся Вашим молчанием, не сулила мне ничего успокаивающего от моей поездки. Через неделю Рождество Христово, и я до сегодняшнего дня не решил, куда убраться из Тамбова. Сегодня у меня праздник, я хожу весь день ликующий. Ваше доброе письмо сказало мне, что Степан Васильевич все тот же — тот же. И мы Рождество — в Петербурге. Сегодня я начал приводить в порядок те немногочисленные композиции, которые я имею смелость показать Вам. Хотя я уверен, что за свою работу не встречу ни положительного осуждения, ни средней похвалы, везу к Вам все, что могу считать оконченным. Меня тянет к Вам с моими работами желание услышать ценную критику и добрый совет, но больше всего надежда хоть двумя-тремя более приличными тактами заронить в Ваше сердце семя блаженной иллюзии, что может быть и из «этого моего ученика» выйдет человек.

Любуша¹ писала Вам не раз. Мы будем у Вас 27-го или 28-го, и Вы будете видеть моего спутника и хранителя. Вы ее полюбите крепко-крепко, она Вашей любви достойна. Теперь она шлет самый сердечный привет.

Анне Ильиничне большое спасибо за добрую память и пожелания всего хорошего.

До свидания. Ваш Павел Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Жена Толстякова Любовь Ивановна.

Тамбов, 8 марта 1907

Дорогой Степан Васильевич, в последнем моем письме я писал Вам о посещении женского института Товарищем Главноуправляющего Князем Голицыным (Муравлин). Благодаря меня за пение, он обещал вскоре еще раз посетить институт и просил угостить его народными песнями. Порывшись в этой, должно бы быть, богатой, а в действительности очень скудной литературе, я не нашел ничего, что было бы интересно для классного разучивания. В сборнике Петрова

все куплеты песни изложены в одной и той же гармонизации¹, и думается, что никакие певцы не допоят до конца ни одной песни с одинаковым уровнем вдохновения при начале и конце ее. У других композиторов изложение еще хуже. Римский-Корсаков ученицам известен. Посему я и взял на себя смелость песню № 15 из сборника Балакирева (изд. Географического Общества) положить в легкой контрапунктической обработке на женский хор. Что и посылаю Вам, прося поругать меня за все видимые для Вас недостатки. Песня исполняться должна полутонном выше.

Вы, вероятно, читали уже об увольнении В. В. Алякритского². Дело в том, что губернатор донес в Совет министров, что Екатерининский институт является очень неблагополучным в революционном смысле. Кого было считать виновником всего этого — конечно, директора. В Комитете министров состоялось постановление об исключении В. В. со службы по 3-му пункту, а в институт был командирован ревизор. Ревизор пришел к такому заключению, что о революционном настроении наших учеников не может быть и речи, а порядки и занятия наши в таком прекрасном положении, как, по его выражению, нигде во всем Харьковском округе³.

Получилось такое положение: В. В. получил полное оправдание, а между тем постановление о его увольнении уже вошло в силу, и теперь В. В. уже сдает свои дела и не имеет никакой светлой перспективы. В. В. собирается ехать в Петербург, чтобы совершенно оправдаться и хоть несколько изменить направление этого дамклова удара. В этом деле первенствующая роль безусловно принадлежит А. Н. Нарышкиной. В. В. вполне достоин, чтобы встать на его защиту во всеоружии.

Моя песня с уходом В. В. спета. Никакой директор не даст мне такой свободы преподавания, как В. В., а в ремесленника я, кажется, превратиться не могу.

У нас все хорошо. Любуша кланяется и Вам и Анне Ильиничне, я тоже.

Ваш П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. По-видимому, речь идет о сборнике «20 народных песен Сибири (из собранных в 1900 году в Иркутской губернии и Забайкальской области Н. П. Протасовым и положенных для одного голоса в сопровождении фортепиано А. А. Петровым)» (СПб., 1902).

2. Валериан Васильевич Алякритский в 1900—1907 был директором Екатерининского учительского института в Тамбове.

3. Тамбов со своими институтами, гимназиями и училищами относился к Харьковскому учебному округу.

Тамбов, 16 мая 1907

Дорогой Степан Васильевич, до сих пор я не получаю утвердительного ответа о корпусе. Тот господин, которого я просил разузнать об этом деле, сообщил мне, что директор сказал ему так: судьба Папкова почти решена, но даже он не может сказать, окончательно ли, так как здесь есть некоторые причины, которые пока не разрешены, но которые каким-то образом задерживают его увольнение¹. Он, насколько удалось выяснить из разговора, уверен, что эти причины не имеют большого веса и судьба Папкова так или иначе должна пойти к увольнению. В настоящее время у меня большое горе. Мои планы приехать в Питер 20-го числа пропали. В женском институте получены приказы продлить учење до 1 июня, и я волей-неволей не могу оставить Тамбов ранее 30 мая. И я крайне боюсь, что эти дни будут для меня роковыми, и я пропущу не только корпус, но и гимназию. Дорогой Степан Васильевич, сделайте мне доброе дело. Побывайте у директора Николаевского корпуса (Офицерская, против Консерватории) и порекомендуйте меня в таких красках, которые изредка бывают у Вас такими сочными. Приказ о продлении учения сегодня был распространен и на уроки пения, и я, придя сию минуту с урока, нахожу единственную утеху в постигшей меня неудаче написать Вам это письмо и ждать от Вас хоть немного облегчающих известий.

Открыточку Вашу получил. Спасибо за заботу. Я думаю, что здесь мне достаточна помощь и Тернова с Николовым, и положительно не нахожу возможным беспокоить Вас этим делом. Привет Анне Ильиничне и Вам от жены и меня. Жду от Вас хоть каких-нибудь известий.

Ваш П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Весной 1907 Толстяков вновь хлопотал о переводе в Петербург и начал свои действия с Николаевского кадетского корпуса, где уроки пения вел В. И. Попков (Папков), бывший помощник учителя пения в Придворной капелле.

[Петербург], 9 июля 1907

Дорогой Степан Васильевич, я думаю, что Вы и не ждете от меня иного ответа, кроме полного согласия¹. Это дело требует такого коренного преобразования, что я всей душой хотел бы идти с Вами к возможности его улучшения. Ведь то, что насадила прелестная Капелла, никуда не годится. Что хотят думать о себе А. Д. Ш[ереметевы], но капелльские дела, очевидно, так прекрасно поставлены, что не сегодня — завтра мы увидим не только закрытие регентского класса, а полный крах всего учреждения. Что же делать? Они пусть разрушают, а мы будем получать возможность созидать.

О том, как я счастлив, что, может быть, мы опять заработаем всей семьей, писать не буду, Вы прекрасно знаете и без того. Я взял бы с удовольствием: рояль, сольфеджио, элементарную теорию и (если нет лучшего руководителя) хоровой класс. Единственное, чем я не могу быть полезным, это деньгами, и тут и нет возможности достать; если я могу работать без задатка, работаю на всех свободных пунктах, если нет, что делать.

И. П. Духавин не имеет своего кандидата, начните хлопотать за Клипина², которого по возможности устройте с 1 сентября, а не со 2 августа. Ибо я сам едва ли устроюсь к этому дню сам, а 10 дней терять как будто не совсем ладно.

Оба низенько кланяемся. Привет Анне Ильиничне.

Ваш П. Толстяков.

РГИА, ф. 1119, № 192

1. Из письма ясно, что Смоленский предложил Толстякову войти в число учредителей Регентского училища (о материальных условиях основания училища см. в переписке с С. Д. Шереметевым и С. С. Волковой). Толстяков принимает это предложение и называет предметы, которые он желал бы вести.

2. Толстяков предлагает Смоленскому похлопотать за бывшего воспитанника Синодального училища С. М. Клипина перед директором тамбовского Екатерининского института: там освободилось место учителя пения и музыки. 1 сентября 1907 Клипин занял эту должность.

Павел Нилович Толстяков был занесен на Золотую доску Синодального училища (выпуск 1899 года). В Придворную капеллу он был вызван Смоленским, и хотя дела Толстякова в Капелле, по-видимому, шли неплохо и после увольнения Смоленского, все же молодой регент по каким-то обстоятельствам тоже был вынужден уйти оттуда. Возможно, не без участия Смоленского Толстяков устроился в тамбовский Екатерининский женский институт. В дальнейшем он вернулся в Петербург, где работал в Регентском училище; позже стал хормейстером Мариинского театра. После 1917 Толстяков работал как театральный хормейстер и композитор в Харькове, Киеве, Одессе.

Павел Толстяков упоминается в Воспоминаниях и в переписке Смоленского только бегло, вместе с другими учениками. Например, говоря о приглашении в Капеллу Толстякова, Александра Чеснокова и Михаила Климова, Смоленский пишет:

Все трое умны, способны, музыкальны, отлично учились, а для меня притом все равно как родные мне дети (Т. IV. С. 468).

Из писем видно, что в переломные моменты жизни Павел Толстяков неизменно обращался к Степану Васильевичу за помощью и поддержкой.

Именной указатель*

- А. (псевдоним автора статей в журнале «Хоровое и регентское дело») – II: 542.
- А. П. (псевдоним *Преображенского А. В.*) – II: 529
- Абрикосов Владимир Алексеевич – II: 637, 639
- Аввакум (Петров), протопоп – II: 175, 176
- Августин (Андрей Федорович Гуляницкий), епископ – I: 715, 716
- Аврамова Анна Константиновна – II: 636
- Агапов Николай Александрович – I: 375, 377, 482
- Агафоник, священник – I: 92, 782, 806; II: 516, 517
- Агреньев-Славянский Дмитрий Александрович – I: 529, 530, 533, 538, 539, 589
- Адан (Adam) Адольф – II: 25
- Адоратский Степан Иванович – II: 338
- Адрианова Нюта – II: 225
- Азеев Евстафий Степанович – I: 100, 102, 129, 136, 141, 144, 235, 242; II: 45, 50, 54, 60, 62, 77, 80, 88, 109, 112, 118, 121, 123, 184, 186, 187, 498, 508, 645, 670, 677, 715, 718, 719
- Аксаков Иван Сергеевич – I: 91, 92, 111, 523, 643; II: 19, 382
- Аксаков Сергей Тимофеевич – I: 643
- Аксакова Софья Сергеевна – II: 382
- Аксаковы – I: 241, 514; II: 382
- Александр I, император – I: 88, 178, 356
- Александр II, император – I: 332, 356, 738, 767; II: 36, 144
- Александр III, император – I: 25, 29, 30, 38, 50, 55, 63, 64, 66, 67, 88, 90, 95, 99, 110, 126, 129, 131, 132, 151, 152, 178, 229, 234, 271, 272, 279, 281, 304, 316, 329, 356, 423, 424, 429, 593, 641, 751, 760, 765, 768, 770, 795, 815, 823; II: 385, 729
- Александр (Обренович), король Сербии – I: 140, 167
- Александр (Алексей Прокопиевич Богатенко), епископ старообрядческой церкви – I: 167; II: 488, 766
- Александр (Андрей Иванович Светлаков), епископ – II: 8, 382, 687, 688
- Александр Александрович, цесаревич – I: 25, 92
- Александр Мезенец (Стремоухов), монах – I: 9, 14, 18, 128, 157, 167, 284, 307, 394, 395, 406, 612, 621, 624, 638, 686, 698, 700, 704, 705, 709, 711, 796, 801, 806; II: 224, 227, 228, 281, 283, 325, 352, 367, 377, 387, 389, 390, 412, 415, 416, 418–422, 435, 437–443, 455, 458, 516, 552, 555, 558, 572, 577, 586, 609, 700, 717
- Александр Михайлович, великий князь – I: 228
- Александр Невский, святой благоверный великий князь – I: 149, 229
- Александр Печерский, монах – I: 157
- Александр Фридрих, герцог Вюртембергский – I: 380, 381
- Александра Александровна – см. *Оленина А. А.*
- Александра Петровна (в иночестве Анастасия), великая княгиня – II: 86
- Александра Федоровна, императрица (супруга *Николая II*), святая страстотерпица – I: 97, 141, 143, 213, 273, 581; II: 119, 184
- Александров Михаил Александрович – I: 569
- Александрова-Кочетова (урожд. Соколова) Александра Дормидонтовна – II: 406
- Алексеев Владимир Семенович – I: 568
- Алексеев Иван Семенович – I: 568
- Алексеев Николай Александрович – II: 382
- Алексеев Петр Семенович – I: 568, 569
- Алексеев Семен Иванович – I: 568

* Составлен А. А. Наумовым.

- Алексей (Алексий; Елевферий Феодорович Бяконт), митрополит Киевский, святитель – I: 510
- Алексей Алексеевич – см. *Петров А. А.*
- Алексей Евгеньевич – см. *Львов А. Е.*
- Алексей Михайлович, царь – I: 356, 627; II: 383
- Алексей Николаевич, наследник русского престола, святой страстотерпец – I: 243; II: 202
- Алексей Петрович, царевич – I: 59
- Алексий, старец Зосимовой пустыни – II: 96, 113
- Алеша, Алешенька – см. *Оболенский А. Д.*
- Алипий (Александр Александрович Попов), епископ – I: 679, 682
- Аллегри (Allegri) Грегорио – II: 31, 32, 617, 618, 675
- Аллеманов Димитрий Васильевич, протоиерей – I: 22, 481, 786; II: 8, 9, 311–314, 316, 601, 694, 717, 718, 735–766
- Аллеманова (урожд. Руднева) Александра Петровна – II: 750
- Аллеманова Надежда Дмитриевна – II: 316
- Алмазов Борис Николаевич – I: 27, 45, 46, 369
- Альбани (Albani) Матиас – II: 204
- Альбер (Albert), Эжен д' – II: 138
- Альберт, принц Саксен-Альтенбургский – II: 42
- Альберт, принц Саксен-Кобург-Готский – II: 729
- Альбрехт Константин (Карл) Карлович – I: 522; II: 120, 389, 395–397
- Альсон (в замужестве Тихонова) Александра Ильинична – II: 338
- Альсон Василий Ильич – I: 270, 611; II: 90, 124, 127, 130, 504, 506
- Альтенбургская, герцогиня – см. *Елена Георгиевна*
- Алякритский Валериан Васильевич – II: 848
- Амалия, прусская принцесса – II: 650
- Амати, братья Антонио и Джироламо (Иероним) – I: 418
- Амати (Amati) Никола – II: 204
- Амбразанцева-Нечаева Мария Алексеевна – II: 96
- Амбразанцева-Нечаева Татьяна Алексеевна (в иночестве Никона) – II: 28, 96
- Амброс (Ambros) Август Вильгельм – II: 618, 619, 622
- Амвросий (Алексей Иосифович Ключарев), архиепископ – II: 681, 682
- Амвросия (Анна Дмитриевна Оберучева), монахиня – II: 22
- Амфилохий (Павел Иванович Сергиевский-Казанцев), епископ – II: 359
- Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский), митрополит – I: 576
- Анастасий (Александр Иванович Кидалашев), игумен – I: 328, 329
- Андерсен (Andersen) Ханс Кристиан – II: 804
- Андреев Василий Васильевич – I: 131–133, 600–602, 619
- Андреев Леонид Николаевич – II: 808
- Андреев Шура – II: 209
- Андрей (князь Александр Алексеевич Ухтомский), епископ – I: 593
- Андрей Критский, святитель – I: 460; II: 834
- Андрянов Егор Евстратович – II: 472, 473
- Аникин Евгений Александрович – I: 600; II: 537
- Аничков Милий Милиевич – I: 109, 110, 113
- Анна Ивановна – см. *Маслова А. И.*
- Анна Ильинична, Анюта – см. *Смоленская А. И.*
- Анна Иоанновна, императрица – I: 356, 393, 534
- Анна Кашинская, святая благоверная великая княгиня – I: 587, 588
- Анна Леопольдовна, правительница России – I: 332
- Анна Сергеевна – см. *Шереметева А. С.*
- Анна Федоровна – см. *Тютчева А. Ф.*
- Аннушка (компаньонка Л. И. Шестаковой) – II: 156

- Антоний (Александр Васильевич Вадковский), митрополит — I: 238, 240, 330, 331, 411, 427, 504, 555, 557, 567, 580–583, 815; II: 309, 318
- Антоний (Алексей Павлович Храповицкий), архиепископ — I: 427, 583; II: 309, 340, 743, 749, 750
- Антонин (Андрей Иванович Капустин), архимандрит — I: 452; II: 378, 379, 504
- Антонин Викторович — см. *Преображенский А. В.*
- Апраксин Федор Матвеевич — II: 474
- Арачкиев (Аракишвили) Дмитрий Игнатьевич — II: 713
- Арбеков Иоанн Дмитриевич, протоиерей — II: 477–479, 481, 693
- Аренский Антоний Степанович — I: 68, 81–83, 108, 165, 229; II: 8, 517, 576, 584, 585, 615, 644, 645, 647, 648, 792
- Аркадий (Алексей Филонов), епископ — II: 805, 806
- Арнольд Юрий Карлович — I: 231, 234, 808; II: 9, 81, 357, 381, 389, 402, 425–431, 435, 653, 654, 697–702, 750, 752, 753, 764
- Арнольд-Видеман — см. *Видеман-Арнольд А. К.*
- Арсений (Антон Суханов), иеромонах — I: 380, 381, 427, 459, 461, 470
- Артамонов Гавриил — I: 70, 157
- Артемова Евгения Георгиевна — II: 726, 813
- Архангельский Александр Андреевич — I: 230, 466, 591, 592, 808; II: 87, 328, 521, 539, 698, 699, 719, 723, 736, 740, 751, 763, 830, 837
- Архангельский Александр Павлович — II: 758, 760
- Архангельский Анатолий Михайлович — I: 449
- Асафьев Борис Владимирович — II: 118, 371, 372
- Ауэр Леопольд Семенович — II: 138, 205
- Афанасий Великий, святитель — I: 458; II: 253
- Ашкинази Михаил Осипович — II: 656
- Багрецов Федор Алексеевич — I: 196, 668, 799, 807, 808; II: 177
- Бай (Вауе) Жозеф (Иосиф Августович) де, барон — I: 364, 365
- Балакирев Милий Алексеевич — I: 22, 36, 38, 39, 77, 78, 80, 81, 99, 105, 106, 108, 109, 111, 123, 165, 177, 178, 259, 276, 585, 644, 691–695, 730, 731, 734, 766–768, 770, 771, 799, 808; II: 81, 196, 199, 238, 391, 414, 416, 497, 517, 550, 585, 645, 670, 677, 801, 848
- Балмашев Степан Валерианович — I: 131
- Барадюк (Baraduc) Ипполит — II: 313, 316
- Баранова (урожд. Оленина) Анна Александровна, графиня — II: 66, 70
- Барсов Елпидифор Васильевич — I: 779
- Барсуков Александр Платонович — I: 27, 485, 615, 616
- Барсуков Иван Платонович — II: 270
- Барсуков Николай Платонович — I: 485, 739; II: 270
- Барсуковы — I: 390
- Бартнев Петр Иванович — I: 779
- Бартошевич Николай Александрович — II: 117
- Барцевич (Barcewicz) Станислав Карлович — II: 647, 648
- Барятинский Александр Иванович, князь — I: 778
- Баторий (Batory) Стефан, король Польши — II: 127
- Бах (Bach) Иоганн Себастьян — I: 643, 646; II: 31, 32, 36, 38, 53, 68, 69, 72–74, 138, 143, 150, 153, 202, 355, 362, 365, 368, 369, 472, 610, 618, 642, 644, 650, 651, 657, 770, 792
- Бах (Bach) Филипп Эммануэль — II: 670, 675
- Бахметев Николай Иванович — I: 108, 158, 160, 171, 242, 379, 563, 693, 757, 758, 807, 808; II: 175, 405, 500, 517, 518, 576, 577, 669, 672, 769
- Бахметьев Георгий Петрович — I: 667, 668
- Бачинский Н.С. — II: 802
- Безобразов Владимир Павлович — I: 31

- Бёкельман (Bökelmann) Бернардус – II: 68, 69, 72, 76, 79, 82, 90, 92, 103, 134, 142, 144, 651
- Беккер Я. (фортепианная фирма) – II: 666
- Беликов Димитрий Никанорович, протоиерей – I: 602; II: 336, 338, 340, 341
- Беликов Петр Егорович – I: 244, 245, 247
- Беллерман (Bellermann) Генрих – II: 582
- Белокуров Сергей Алексеевич – II: 496
- Белосельский-Белозерский Константин Эсперович, князь – I: 547, 549, 550
- Беляев Агапит Федорович – I: 708; II: 289, 290
- Беляев Андрей Андреевич, протоиерей (ректор Вифанской духовной семинарии) – II: 377
- Беляев Митрофан Петрович – II: 276, 277, 655, 656, 665
- Бенкендорф Павел Константинович, граф – I: 205, 207; II: 94
- Бенуа Александр Николаевич – I: 31
- Березовский Максим Созонтович – I: 807; II: 407, 483
- Бернаскони Евгения Павловна – II: 544
- Бернгард Август Рудольфович – II: 776, 778, 779
- Бессель Василий Васильевич – II: 411, 412
- Бессонов Петр Алексеевич – II: 325
- Бестужев – см. *Бестужев-Рюмин К. Н.*
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич – I: 29, 556, 580
- Бетинг Людвиг Иванович – II: 656, 657
- Бетховен (Beethoven) Людвиг ван – I: 332, 591, 609, 646, 720; II: 31, 32, 53, 92, 113, 138, 354, 356, 365, 368, 610, 619, 666, 703, 770, 802, 807, 808, 824
- Бильбасов Василий Алексеевич – I: 332, 333
- Биркбек (Birbeck) Уильям Джон – I: 22, 253–255, 416, 418, 652, 653, 658; II: 9, 246, 261, 633, 729–733
- Бирон Эрнст Иоганн, граф – I: 332, 356, 534
- Бисмарк (Bismarck) Отто фон, князь – I: 332
- Благоразумов Николай Васильевич, протопресвитер Большого Успенского собора – I: 143
- Блацерна (Blaserna) Пьетро – II: 70
- Блок Александр Александрович – II: 44
- Бобринская (урожд. Писарева) Александра Алексеевна, графиня – II: 162
- Бобринская (урожд. Львова) Варвара Николаевна, графиня – II: 162
- Бобринские – II: 146
- Бобринский Алексей Алексеевич, граф – II: 145–147, 162
- Бобринский Алексей Васильевич, граф – I: 778
- Бобровников Николай Алексеевич – I: 593
- Богатенко (Богатенков) Алексей Прокопиевич – I: 164, 167, 191, 221, 222, 253, 312–315, 326, 368, 370, 373, 713; II: 177, 178, 487, 488
- Богатенко Яков Алексеевич – I: 326; II: 26
- Богданов Евфимий Александрович, священник – I: 655
- Богданов Иоанн Васильевич, диакон – II: 836, 837
- Богданов Палладий Андреевич – I: 581
- Богданов-Бельский Николай Петрович – I: 135, 137, 146, 162, 165, 675, 677; II: 48, 56, 63, 71
- Богданович Александр Владимирович – II: 157
- Боголепов Николай Павлович – II: 287
- Богословский Павел Васильевич – II: 469, 510
- Боде-Кольчев Михаил Львович, барон – II: 381
- Больтерман Василий Антонович – II: 64
- Болярич (Болярић) Гаврило – II: 685
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич – II: 25
- Боратынский (Баратынский) Евгений Абрамович – I: 26, 643
- Борис Годунов, царь – I: 253, 255, 282, 443

- Борисовец Елена Александровна – I: 463, 474; II: 253
- Бородин Александр Порфирьевич – I: 123, 232, 259, 522, 799; II: 81, 719, 802
- Бортнянский Дмитрий Степанович – I: 108, 117, 119, 120, 122, 151, 171, 179, 247, 342, 597, 603, 671, 709, 782, 791, 794, 798, 807, 821; II: 63, 67, 72, 92, 175, 327, 330, 333, 334, 336, 344, 351, 358, 367, 383, 407, 448, 461, 462, 483, 484, 486–490, 500, 518, 541, 542, 575–577, 643, 645, 649, 707, 751, 829, 839
- Бохин Иван Егорович – II: 361, 362
- Брагин Константин Александрович – I: 150
- Бражников Максим Викторович – II: 415, 451
- Брамс (Brahms) Иоганнес – II: 807
- Брандуков Анатолий Андреевич – II: 647, 648
- Брежинский (правильно Бржезинский) – II: 204
- Брейткопф и Гертель (Хертель) – II: 618
- Брик Илья Осипович – II: 802
- Будберг Александр Андреевич, барон – I: 817
- Будилович Антон Семенович – I: 337, 338, 343, 349
- Бузони (Busoni) Ферруччо – II: 38
- Буйносовы – I: 456
- Буланов Яков Герасимович – I: 491
- Булдин Иван Алексеевич – II: 639, 644, 645, 654
- Булич Сергей Константинович – II: 9, 776
- Булыгин Александр Григорьевич – I: 319, 330, 331, 333, 344, 352, 402, 404; II: 658
- Булыгина Александра Ивановна – I: 143, 382, 631
- Булычев Вячеслав Александрович – II: 372, 373, 649, 824, 825
- Бунтебарт (Buntebart) Габриель – I: 596, 791
- Бурго-Дюкудре (Bourgault-Ducoudray) Луи Альбер – II: 499, 500
- Буслаев Федор Иванович – I: 552, 553
- Бусслер (Bussler) Людвиг – II: 573, 576, 582, 585
- Бутурлина Вера Сергеевна – II: 23
- Быстрицкий Дмитрий Андреевич – II: 216, 239, 476, 491
- Бычков Иван Афанасьевич – I: 69; II: 776, 777
- Бышковский Степан Иванович – I: 807
- Бюхнер Венедикт Карлович – II: 622
- В. Д.** (предположительно псевдоним *Дерюжинского В. Ф.*) – I: 769
- В.П.К. (псевдоним *Кацауровой В. П.*) – I: 588
- Вл. Држ. (псевдоним *Держановского В. В.*) – I: 613
- Вагнер (Wagner) Рихард – I: 155; II: 155, 355, 367, 660, 796, 808
- Валуев Петр Александрович, граф – I: 778
- Вальтер Виктор Григорьевич – II: 656
- Ван Дейк (Van Dyck) Эрнест – II: 155
- Ванчаков (Ванчуков) Афанасий Михайлович – II: 748–750
- Варвара Илиопольская, великомученица – I: 410; II: 601
- Варгин Василий Васильевич – II: 622
- Варгин Константин Константинович – I: 100, 102; II: 45, 46, 60, 498
- Варженевский Алексей Константинович – I: 199
- Варлаам (Василий Рогов), митрополит – I: 156, 282
- Варышаев Павел Иванович – II: 512–514
- Василенко Сергей Никифорович – II: 8, 819
- Василий Великий (Василий Кесарийский), святитель – I: 503, 671; II: 252, 403, 415
- Василий Ильич – см. *Сафонов В. И.*
- Василий Михайлович – см. *Металлов В. М.*
- Василий Сергеевич – см. *Орлов В. С.*
- Васильев Александр Петрович, священник – I: 137, 138, 679, 681
- Васильев Алексей Николаевич, псаломщик – I: 272

- Васильев Андрей – II: 474
- Васильев Григорий Степанович – I: 287; II: 119, 497, 498
- Васильев Леонид Сергеевич – II: 755, 758, 760
- Васильчиков Борис Александрович, князь – I: 312; II: 131, 268
- Васильчиков Илларион Сергеевич, князь – I: 556, 557
- Васильчикова (урожд. графиня Орлова-Давыдова) Евгения Владимировна, княгиня – I: 577
- Васильчикова (урожд. Васильчикова) Екатерина Петровна, княгиня – II: 115, 116
- Васильчикова (урожд. княжна Вяземская) Лидия Леонидовна, княгиня – I: 27
- Васильчикова (урожд. княжна Мещерская) Софья Николаевна, княгиня – II: 131, 263, 269
- Васнецов Виктор Михайлович – I: 41, 155, 249, 253, 259, 522, 539, 645; II: 8, 767
- Ватаци Эммануил Александрович – I: 315–317, 320
- Вахрамеев (Вахромеев) Иван Александрович – I: 587, 588
- Ваюнов Иван Андреевич – II: 460
- Вебер (Weber) Карл Мария фон – II: 83
- Ведель Артемий Лукьянович – I: 807; II: 406–410, 461, 483
- Вейль (Weil) Адольф – II: 277
- Великанова Ольга Алексеевна – I: 36
- Величко Василий Львович – I: 152
- Веневитинов Алексей Владимирович – II: 39
- Веневитинов Михаил Алексеевич – I: 65; II: 14, 15, 19, 36, 37, 39, 122, 188, 364, 366
- Веневитиновы – II: 16, 20, 37, 39
- Верещагина (урожд. Львова) Елизавета Леонидовна – II: 153, 154, 162, 166, 363, 373
- Вермейер (Wehrmeyer) Андреас – II: 448
- Вестфаль (Westphal) Рудольф – II: 69
- Вздорнов Герольд Иванович – II: 29
- Видеман-Арнольд Анжиолетта (Анжолета) Карловна – I: 231; II: 699, 701, 702
- Видор (Widor) Шарль Мари – II: 503
- Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Аполлинария Михайловна, графиня – II: 39
- Виельгорская (в замужестве Волкова) Дарья Юрьевна, графиня – II: 40
- Виельгорская (урожд. княжна Бирон) Луиза Карловна, графиня – II: 40
- Виельгорская (в замужестве графиня Соллогуб) Софья Михайловна, графиня – II: 40
- Виельгорские – II: 16, 40
- Виельгорский Матвей Юрьевич, граф – II: 14, 15, 19, 39
- Виельгорский Михаил Юрьевич, граф – II: 39, 40, 364, 366
- Виктор (Василий Парфениевич Высоцкий), иеромонах – I: 807; II: 461
- Виктория, королева Великобритании – II: 729, 731
- Викторов Алексей Егорович – II: 419–421, 518
- Вильгельм II Гогенцоллерн, прусский принц (впоследствии император) – I: 392, 396
- Вильгельм Фридрих, германский кронпринц (сын *Вильгельма II*) – II: 154
- Винклер Александр Адольфович – II: 835
- Виноградов Михаил Александрович, протоиерей – I: 706, 709; II: 422–424
- Витошинский Емельян Михайлович – II: 503, 504, 712
- Витте (в замужестве Нарышкина) Вера Сергеевна – I: 394
- Витте (урожд. Нурок, в первом браке Лисаневич) Матильда Ивановна, графиня – I: 392, 394
- Витте Сергей Юльевич, граф – I: 45, 110, 132, 155, 168, 208, 212, 216, 277, 278, 319, 331, 347, 392–394, 396, 400, 403, 404, 411, 557, 646, 647; II: 218, 223, 233, 239, 658
- Вихрев Василий Михайлович – II: 35
- Вихров (Вихрев) Михаил Алексеевич – II: 34
- Вишняков Николай Петрович – II: 256, 656

- Владимир, архимандрит новгородского Юрьева монастыря – I: 379, 381; II: 210, 217
- Владимир (Василий Никифорович Бого-явленский), митрополит Московский, священномученик – I: 274, 427, 581; II: 309, 313, 316, 318, 761
- Владимир Александрович, великий князь – I: 141, 155, 224, 738; II: 99, 163, 699
- Владимир Владимирович – см. *Лысогорский В. В.*
- Владимир Всеволодович Мономах, великий князь Киевский – II: 339
- Владимир Карлович – см. *Шлицс В. К.*
- Владимир I Святославич, святой равноапостольный великий князь – II: 134
- Владимиров (наст. фам. Итцигсон Моисей Меерович) Михаил Владимирович – I: 36
- Владимирский Александр Поликарпович, протоиерей – I: 290
- Воейков – I: 579
- Воздвиженский Василий Иванович – I: 427
- Воздвиженский Иоанн Сергеевич, пресвитер Большого Успенского собора – I: 58
- Вознесенский Иоанн Иоаннович, протоиерей – I: 358–360; II: 9, 357, 437, 457, 458, 464, 501, 773, 774
- Войденов Василий Петрович – II: 366, 641, 670, 743, 754
- Волков Николай Владимирович – I: 350, 628, 629; II: 231, 233, 234, 237, 241, 243, 244, 246, 350, 359, 776, 777
- Волков Сергей Аполлонович – II: 35, 40
- Волков Сергей Сергеевич – II: 13, 14, 18, 19, 34, 67
- Волкова Елизавета Сергеевна – II: 14, 39
- Волкова (урожд. княжна Львова) Мария Владимировна – I: 497, 498; II: 13, 16, 19, 20, 64, 67, 71, 73, 105, 110, 122, 137, 139, 141, 166, 170, 176, 191, 198, 199, 202, 216, 226, 229, 242, 247, 249, 262, 263, 265, 266, 281–283
- Волкова Мария Сергеевна – II: 13, 18, 23, 25, 41, 64, 71, 99, 105, 118, 122, 137, 162, 173, 191, 216, 226, 229, 242, 262, 263, 266, 281, 282, 284, 285, 287, 288, 290, 293, 298–300, 307, 309, 324, 325, 327, 340
- Волкова Софья Сергеевна – I: 7, 10, 11, 13–22, 43, 44, 48, 51, 52, 55, 65, 81, 90, 102, 116, 147, 153, 158, 168, 189, 194, 196, 202, 212, 240, 254, 266, 268, 284, 287, 297, 304, 322, 328, 329, 337, 338, 347, 349, 350, 351, 355, 358–361, 363–365, 373, 375, 376, 378, 382, 384, 385, 388, 389, 391, 394, 396, 398, 400–405, 407, 408, 410, 412, 413, 415–417, 425, 446, 449, 461, 471, 473, 480, 497, 498, 506, 526, 541, 555, 576, 579, 580, 583, 584, 591, 594, 599, 606, 620–623, 625, 626, 629–634, 638, 644, 648, 675, 678, 727, 733–738, 747, 784, 785, 794, 796, 801; II: 7, 11–373, 407, 416, 456, 499, 519, 533, 539, 542, 545, 602, 603, 645, 672, 723, 725, 733, 756, 777, 793, 804, 809, 836, 850
- Волковы – I: 54, 220, 287, 309; II: 774, 775
- Волконский Михаил Сергеевич, князь – I: 657
- Волконский Петр Михайлович, светлейший князь – I: 244, 247
- Вольинские – I: 456
- Вольинский Артемий Петрович – I: 332
- Вольф Маврикий Осипович – II: 568
- Воронов Андрей Петрович – I: 325, 326
- Воронцов Семен Михайлович, светлейший князь – II: 395
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф – I: 109, 110
- Воронцова-Дашкова (в замужестве графиня Шереметева) Ирина Илларионовна, графиня – I: 176
- Воронцовы – I: 285
- Воротников Александр Пантелеевич – II: 755
- Воротников Павел Максимович – I: 807; II: 402–404

- Воскресенский Константин Константинович, диакон — I: 278
- Востоков Александр Христофорович — I: 552, 553; II: 412, 415
- Востоков Владимир Игнатьевич, священник — I: 279, 280
- Востряков Родион Дмитриевич — II: 510, 818, 819
- Востряковы — II: 509, 510
- Вульферт (урожд. Шереметьевская, впоследствии графиня Брасова) Наталья Сергеевна — I: 243
- Выговские — I: 456
- Вьётан (Vieuxtemps) Анри — II: 19, 151
- Вюртембергский — см. *Александр Фридрих, герцог Вюртембергский*
- Вяземская (в замужестве Сипягина) Александра Павловна, княжна — I: 131
- Вяземская (в замужестве графиня Шереметева) Екатерина Павловна, княжна — I: 26
- Вяземские — I: 26, 365; II: 270
- Вяземский Андрей Иванович, князь — I: 26
- Вяземский Борис Леонидович, князь — I: 57
- Вяземский Павел Петрович, князь — I: 25, 26, 28, 779, 801
- Вяземский Петр Андреевич, князь — I: 26, 171, 397, 619, 778, 779
- Вьяльцева Анастасия Дмитриевна — I: 506; II: 64
- Г. (псевдоним рецензента газеты «Московские ведомости») — II: 579
- Г.Г. (псевдоним *Георгиевского Г. П.*) — II: 133
- Г.С.Ш., Гр.С.Ш. (псевдонимы *Шереметева С. Д.*) — I: 57, 60, 589, 794, 821
- Ген (псевдоним *Геннефмана С.М.*) — I: 575
- Габрилович Артур Соломонович — II: 276, 277, 640
- Гавриил, монах Пантелеимонова монастыря (Афон) — I: 455, 788; II: 265, 266, 526, 528
- Гагарин Виктор Николаевич, князь — I: 779
- Гагарин Григорий Григорьевич, князь — I: 778; II: 256
- Гагарин Иван Сергеевич, князь — I: 550
- Гагарин Павел (правильно *Гагарин Иван Сергеевич*) — I: 550
- Гагарина (урожд. княжна Львова) Екатерина Владимировна, княгиня — II: 16, 18
- Гагарины — II: 19, 20, 39, 304
- Гайдн (Haydn) Йозеф — I: 331, 591; II: 53, 751
- Галкин Исидор Дмитриевич — I: 379, 381; II: 512, 513
- Галли Анатолий Иванович — II: 644, 645, 647
- Галуппи (Galuppi) Бальдассаре — I: 762, 807; II: 406
- Гамбургер Андрей Федорович — I: 779
- Ганон (Napon) Шарль Луи — II: 85
- Ганон Георгий Аполлонович, священник — I: 325
- Гарднер Иван Алексеевич — II: 449, 516
- Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе — II: 469
- Гастуэ (Gastoué) Амедей — II: 252, 253, 353
- Гауэнштейн Эмилий Иванович — II: 234
- Геваерт — см. *Геварт Ф. О.*
- Геварт (Gevaert) Франсуа Огюст — II: 634
- Гедике Александр Федорович — II: 153, 154
- Гейден Александр Федорович, граф — I: 165, 167, 204, 209, 212, 217, 224; II: 843, 844
- Гейден Николай Федорович, граф — I: 39
- Гейден Ольга Федоровна, графиня — I: 203, 209
- Гейден Петр Александрович, граф — I: 359
- Гейдены — I: 212, 293, 295; II: 194
- Гейне (Heine) Генрих — II: 42, 44, 48
- Гейслер Михаил Федорович — I: 178
- Гейссер (Gaisser) Гуго, монах-бенедиктинец — I: 358, 359; II: 241, 242, 252

- Гельбиг (Helbig) Георг фон – I: 332, 333
- Гендель (Händel) Георг Фридрих – II: 92, 703
- Геннерман (Гиннерман; псевдоним – *Ген*) Савелий Маркович – I: 575
- Генов – I: 419
- Георгиевский Василий Тимофеевич – I: 31, 349, 350
- Георгиевский Григорий Петрович – II: 23, 74, 75, 134
- Георгий Эдуардович – см. *Конюс Г. Э.*
- Герасим (Гордий Завадовский), архимандрит – II: 474
- Гербек Оттон Осипович – II: 235
- Гербер (правильно *Гербек*) – II: 235
- Герберт (Herbert) Мартин – II: 559, 560
- Гербиний (Herbinus) Иоганнес – I: 780
- Гергенс Август Иванович – II: 540, 542
- Герке Август Антонович – I: 531, 534
- Герман (Александр Косьмич Осецкий), епископ – I: 254, 255
- Герман Августович – см. *Ларош Г. А.*
- Гермоген, патриарх Московский, священномученик – I: 791; II: 524
- Гермоген (Георгий Ефремович Долганов), епископ – I: 534
- Герценштейн Михал Яковлевич – II: 522
- Герцман Евгений Владимирович – I: 479
- Гершель (Herschel) Джон – II: 126
- Гершельман Сергей Константинович – I: 531, 533
- Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг – I: 332, 512; II: 134
- Гильтебрандт Петр Андреевич – I: 110, 111, 372, 373, 378, 390, 396, 397, 414, 415, 418, 779
- Главач Войцех Иванович – I: 659
- Гладкий Александр Николаевич – II: 497
- Глазов Владимир Гаврилович – I: 313, 315, 334, 337–341, 346, 356, 357, 360, 366; II: 193
- Глазова (урожд. Финке) Александра Константиновна – I: 338
- Глазунов Александр Константинович – I: 799; II: 81, 225, 227, 660
- Глареан (Glareanus) Генрих – II: 626, 627
- Глац (Glatz) Луи Евгеньевич – II: 98, 99
- Глебов Федор Павлович – I: 115
- Глинка Людмила – см. *Шестакова Л. И.*
- Глинка Михаил Иванович – I: 123, 158, 241–243, 259, 302, 303, 646, 693, 717, 798, 799, 807; II: 14, 81, 92, 134, 139, 141, 146, 147, 155, 156, 165, 198, 277, 278, 289, 290, 356, 357, 368, 461, 486, 650, 651, 677, 703–705, 716, 782, 786, 802
- Глинский Борис Васильевич – II: 36, 40
- Глюк (Glück) Кристоф Виллибальд – II: 355
- Гоголь Николай Васильевич – I: 332, 362, 369, 537, 552; II: 343, 442, 642
- Годяев Василий Иванович – II: 422, 423
- Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич, граф – I: 29, 59, 64, 104, 106, 109, 110
- Голицын Борис Борисович, князь – II: 229, 499, 834, 840
- Голицын (псевдоним Муравлин Д.) Дмитрий Петрович – II: 847
- Голицына Александра Александровна, княгиня – I: 446; II: 37, 172
- Голицыны – II: 474
- Голованов Николай Семенович – II: 27
- Головин Федор Александрович – I: 355, 359
- Голохвастова Александра Алексеевна – II: 166, 183, 191
- Голохвастова Александра Петровна – II: 166
- Голубинская (в замужестве Разумовская) Мария Федоровна – II: 380
- Голубинский Дмитрий Федорович – II: 380, 381
- Голубинский Федор Александрович – II: 380
- Голубцов Владимир Владимирович – I: 670
- Гольденвейзер Александр Борисович – II: 611
- Гольтисон Михаил Александрович – II: 409, 725
- Горбов Николай Михайлович – I: 702; II: 74
- Горбунов Иван Федорович – I: 64, 235, 529, 746

- Горемыкин Иван Логгинович – I: 403
- Городецкие – II: 130
- Городецкий Василий Евфимиевич – II: 35
- Городецкий Евфимий Никитич, диакон – II: 35
- Городецкий Иван Евфимиевич, священник – II: 35
- Городецкий Николай Иванович – II: 35, 36, 104, 128, 130, 131, 139
- Городецкий Сергей Евфимиевич – II: 35
- Горский Александр Васильевич, протоиерей – I: 787; II: 182, 183, 415, 417, 518
- Горчаков Дмитрий Петрович, князь – I: 505, 507
- Горчаков Константин Александрович, светлейший князь – I: 779
- Горчаков Николай Дмитриевич – I: 505, 507
- Горчаков Сергей Дмитриевич, князь – I: 29, 64
- Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) – I: 748
- Горяинов Сергей Михайлович – I: 281
- Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей – II: 804
- Грановский Тимофей Николаевич – I: 332
- Гребнев Александр Филимонович – II: 671, 675
- Гребнев Василий Филимонович – II: 671, 675
- Гребнев Сергей Филимонович – II: 675
- Гребнев Филимон Андреевич – II: 670, 674, 675
- Гречанинов Александр Тихонович – I: 123, 152, 255, 256, 268, 269, 275–277, 446, 447, 480, 572, 573, 737, 799; II: 8, 75, 99, 141, 145, 147, 150–153, 156–158, 193, 194, 199, 249, 256, 271, 276, 277, 281, 282, 367, 372, 373, 497, 542, 550, 612, 628, 634, 707, 713–715, 731, 751, 818, 819, 822
- Гржимали Иван Войцехович – II: 644, 645
- Грибоедов Александр Сергеевич – I: 26, 510
- Григорий (Георгий Петрович Постников), архиепископ – II: 395, 423, 425
- Григорий Нос – I: 157
- Григорьев Михаил Григорьевич – I: 600
- Грингмут Владимир Андреевич – I: 64, 318, 319, 532
- Гриппенберг Оскар Казимирович – I: 311, 312
- Гроздов Христофор Николаевич – I: 564, 567
- Гроздова (урожд. Мревлова) Александра Андреевна – II: 712, 713
- Громов Илья Федулович – I: 778
- Гроссе Фридрих Вильгельм – II: 742, 759, 819
- Грот Константин Яковлевич – I: 388–393, 417, 625; II: 215, 218, 221, 224, 225, 227
- Губерт (урожд. Баталина) Александра Ивановна – II: 652
- Гудович Александр Васильевич, граф – I: 37, 57, 60, 61, 64, 66
- Гудович (в замужестве Истомина, во втором браке княгиня Львова) Мария Александровна, графиня – I: 397–399
- Гудович (урожд. графиня Шереметева) Мария Сергеевна, графиня – I: 275
- Гудович Прасковья Александровна, графиня – I: 122, 157
- Гумбольдт (Humboldt) Александр – II: 777, 778
- Гуммерт Рудольф Августович – II: 665, 666
- Гуревич Яков Яковлевич – I: 558, 559; II: 304, 346, 533, 536
- Гурий (Николай Васильевич Охотин), епископ – I: 379, 381; II: 211, 217
- Гурий (Григорий Григорьевич Руготин), архиепископ Казанский, святитель – I: 593
- Гурин Иван Дмитриевич – II: 674
- Гурко Василий Иосифович (правильно *Гурко Владимир Иосифович*) – I: 605, 606
- Гурко Владимир Иосифович – I: 605, 606
- Гурко Иосиф Владимирович – I: 606
- Гусейнова Зивар Махмудовна – I: 322, 808; II: 145, 779
- Гутенберг (Gutenberg) Иоганн – I: 301, 302
- Гутор Василий Петрович – II: 537, 724

- Гучков Александр Иванович — II: 276–278
- Д.С. (псевдоним *Соловьева Д. Н.*) — II: 560
- Дулькамаре (псевдоним сотрудника газеты «Северный курьер») — II: 640
- Давыдов Александр Васильевич — II: 285
- Давыдов Владимир Львович — II: 626
- Давыдов Степан Иванович — II: 461, 575–577
- Данилин Николай Михайлович — II: 302, 316, 373, 482, 485, 486, 497, 499, 763, 799, 821, 822
- Данини — II: 268, 303
- Даниэль (Daniel) Герман Адальберт — II: 559
- Данковская (урожд. Ильешевич) Зинаида Николаевна — II: 157
- Даргомыжский Александр Сергеевич — I: 123, 799; II: 802
- Даулей Роман Павлович — I: 299, 300
- Дашков Василий Андреевич — I: 778
- Дворжак (Dvořák) Антонин — II: 796
- Девриен Альфред Федорович — II: 271, 298, 322, 371
- Дегтярев Степан Аникиевич — I: 505–507, 807, 820; II: 409, 528, 529
- Делинь — см. *Delines Michel*
- Делищев Сергей Владимирович — I: 661
- Деянов Иван Давыдович, граф — I: 492, 495, 556, 701; II: 786
- Дементьев Гавриил Дмитриевич — I: 323
- Дементьев Егор Васильевич — II: 204–206
- Демидов Павел Иванович (правильно *Демидов Павел Павлович*) — I: 779
- Демидов Павел Павлович, князь Сан-Донатто — I: 779
- Демчинский Николай Александрович — II: 214, 218
- Ден (Dehn) Зигфрид — II: 278, 650
- Держановский Владимир Владимирович — I: 613
- Дерюжинский Владимир Федорович — I: 769
- Детлова Амалия Федоровна — II: 250
- Джотто ди Бондоне (Giotto di Bondone) — II: 321
- Джунковский Владимир Федорович — I: 533
- Дидерихс, братья Роберт и Андрей Федоровичи — II: 187, 487, 515, 517
- Дизель (Diesel) Рудольф — I: 536
- Дилецкий Николай Павлович — I: 14, 42, 233, 283, 395, 540, 782–784, 789, 792, 806; II: 290, 291, 293, 296, 298, 300, 395
- Димитрий (Дмитрий Никанорович Беликов), архиепископ — I: 602
- Димитрий (Михаил Георгиевич Ковальницкий), архиепископ — I: 343, 344, 427
- Димитрий Самозванец — см. *Ажедимитрий I*
- Дионисий (Давид Федорович Зобниковский), архимандрит, преподобный — I: 806
- Дионисий (Дмитрий Васильевич Хитров), епископ — I: 722, 723
- Дмитриев Николай Дмитриевич — II: 466, 467
- Дмитриев-Мамонов Александр Эммануилович — II: 74, 75
- Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович — II: 75
- Дмитриева Екатерина Александровна — II: 818, 819
- Дмитриевский Алексей Афанасьевич — I: 440–442; II: 253
- Дмитрий (Димитрий), святой благоверный царевич — I: 580
- Дмитрий Донской, святой благоверный великий князь — I: 767
- Дмитрий Сергеевич — см. *Шереметев Д. С.*
- Добровольский Николай Феофанович — I: 650–652, 718, 719
- Долгорукий Яков Федорович, князь — II: 474
- Долгоруков Павел Дмитриевич, князь — I: 355, 359
- Долгоруков Петр Дмитриевич, князь — I: 355, 359
- Долли — см. *Оболенская Д. П.*
- Доманов Михаил Николаевич — II: 482, 485

- Доммер (Dommer) Аррей фон — II: 226, 230, 236, 406, 407
- Дорофеев Василий Петрович — II: 826
- Дорошевич Влас Михайлович — II: 646
- Достоевский Федор Михайлович — I: 522, 670, 671; II: 669
- Драга (Машин), королева Сербии (супруга короля Сербии *Александра*) — I: 163, 167
- Драгомиров Михаил Иванович — I: 531, 533; II: 298
- Дрезеке (Draeseke) Феликс — II: 576, 577
- Дубасов Федор Васильевич — I: 351, 424
- Дубенские (правильно *Дубянские*) — I: 341, 342
- Дубровин Александр Иванович — I: 556, 557
- Дубянские — I: 341, 342
- Дубянский Александр Михайлович — I: 341, 342
- Дубянский Дмитрий Михайлович — I: 342
- Дунаева Елена Николаевна — II: 19
- Дунаевы — II: 133
- Дундуковская (правильно *Данковская*) — II: 157
- Дункан (Duncan) Айседора — II: 807
- Дурново Иван Николаевич — I: 168, 170
- Дуров Захар Захарович — II: 224, 226, 230, 236, 406, 407, 410–412
- Духавин Иван Петрович — II: 846, 847, 850
- Дучич (Дучић) Никифор, архимандрит — I: 163, 167, 667, 668
- Дю Лак (Du Lac) Станислас — I: 392, 394, 402, 612
- Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов), митрополит — II: 193, 424, 425
- Евлогий (Василий Семенович Георгиевский), митрополит — I: 39, 496, 534, 593; II: 316
- Евфросин, инок — I: 69, 70, 92, 282, 283, 286, 293, 295, 309, 317, 405, 683, 689, 779, 806; II: 491, 508, 509
- Егоров Евфим Савельевич — I: 778
- Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская), игуменья — II: 830
- Екатерина I, императрица — I: 332, 393; II: 474
- Екатерина II, императрица — I: 329, 356, 507, 761
- Екатерина Александровна — см. *Дмитриева Е. А.*
- Елена Владимировна, великая княжна — I: 116; II: 76, 77, 94
- Елена Георгиевна (урожд. герцогиня Мекленбург-Стрелицкая), принцесса Саксен-Альтенбургская — I: 812; II: 42
- Елена Николаевна — см. *Орлова Е.Н.*
- Елизавета Алексеевна, императрица (супруга *Александра I*) — I: 151
- Елизавета (Елисавета) Петровна, императрица — I: 356, 586, 601
- Елизавета Феодоровна, великая княгиня, преподобномученица — I: 336, 435, 438, 663; II: 22, 184, 520, 580, 647
- Елисеев (предположительно Григорий Григорьевич) — II: 544
- Ермолов Алексей Петрович — I: 531, 533
- Ермолов Михаил Николаевич — I: 242, 243, 272, 278, 293, 410, 474, 479, 610, 611
- Ермонский Николай Сергеевич — I: 427
- Ершов Иван Васильевич — I: 152
- Есаулов (наст. фам. Петров) Андрей Петрович — I: 807, 808
- Ефимов Сергей Сергеевич — II: 61, 65
- Ешевский Степан Васильевич — I: 577
- Ёлкин Леонтий Васильевич — II: 418
- Желябужская (урожд. Озерова) Александра Васильевна — II: 226, 407
- Жемчужниковы, братья Александр, Алексей, Владимир и Михаил Михайловичи — II: 16, 19
- Жиляев Николай Сергеевич — II: 629, 663
- Жоскен Депре, Жоскен де Пре (Josquin des Prés) — II: 32, 33, 365, 372, 610, 618, 622–624, 675
- Жуковский Александр Васильевич — I: 104, 106
- Жуковский Василий Андреевич — I: 26

- Забелин Иван Егорович – I: 490
Завьялов Алексей Александрович – I: 366, 368, 431, 689, 690; II: 200, 822
Зарин (наст. фам. Зорин) Дмитрий Иванович – II: 758, 763
Зарницкий Яков Иванович – II: 834, 835
Засядко Александр Федорович – II: 690
Захарова Ольга Ивановна – I: 507
Зверев Алексей Викторович – I: 481, 786; II: 759
Зверев Николай Андреевич – I: 500
Зверева Светлана Георгиевна – I: 255, 690; II: 551, 732
Здравомыслов Константин Яковлевич – I: 683, 688
Зилоти Александр Ильич – II: 644, 647, 648
Зиновьев Иван Алексеевич – I: 451
Знаменский Петр Васильевич – II: 508
Зосима и Савватий Соловецкие, преподобные – II: 399, 473, 474
И.В.С. (псевдоним *Семенова И. В.*) – II: 409
Иван III, царь – I: 307
Иван IV Грозный, царь – I: 59, 156, 307, 380, 400, 747; II: 127, 383, 433, 434
Иван – см. *Матвеев И.*
Иван Нос – I: 128, 156
Иванов Александр Никанорович, протоиерей – II: 402, 428
Иванов Гавриил Афанасьевич – II: 753
Иванов Михаил Михайлович – I: 178; II: 177, 178, 699, 718, 721
Иванов Николай Кузьмич – I: 243; II: 139, 141, 147
Иванов Федор Алексеевич – I: 607
Ивасава Арсений – I: 701
Игнатий, патриарх Московский – I: 443, 444
Игнатий (Дмитрий Александрович Брянчанинов), епископ Кавказский, святитель – I: 215
Игнатъев Алексей Павлович, граф – II: 239
Игнатъев Павел Николаевич, граф – II: 162, 368
Игнатъева (урожд. княжна Мещерская) Наталья Николаевна, графиня – II: 162
Иероним (Илья Тихонович Экземплярский), архиепископ – I: 669
Иероним Антонио из Кремоны (правильно Antonius & Hieronymus) – см. *братья Амати А. и Д.*
Извеков Георгий Яковлевич, священник, священномученик – II: 8, 714
Извольский Александр Петрович – I: 45, 445, 447, 448
Извольский Петр Петрович – I: 45, 50, 466, 475, 476, 478, 573, 580, 582, 583, 585, 589–591, 594, 602; II: 268, 269, 317, 323, 324, 327, 337, 341
Изотов Никита Моисеевич – II: 474
Израилев (наст. фам. Налетов) Аристарх Александрович, протоиерей – II: 277, 279, 758
Иларион (Иван Ефимович Юшенов), епископ – II: 8, 689–692
Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов), иеромонах – I: 532, 534
Иловайский Дмитрий Иванович – I: 235
Ильинский Александр Александрович – II: 302, 628, 804, 819
Ильминская (урожд. Колерова) Екатерина Степановна – I: 555, 610; II: 95–97, 268, 294, 661
Ильминский Николай Иванович – I: 8, 9, 20, 30, 64, 217, 219, 233, 237, 239, 241, 284, 285, 329, 334, 335, 337, 338, 340, 341, 344, 349, 357, 360, 364, 366, 480, 492, 545, 571, 623, 637–641, 644, 646, 647, 650–652, 661, 675, 691–693, 695, 696, 698, 700, 703–705, 709, 715, 716, 722, 723, 747; II: 95, 96, 126, 128, 132–134, 214, 218, 227, 268, 269, 283–285, 321, 367, 392, 397, 398, 401, 406, 415, 416, 456, 458
Имеретинская (урожд. Волоцкая) Екатерина Александровна, светлейшая княгиня – II: 51, 52
Иннокентий, схимонах – II: 460–463
Иннокентий (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов), митрополит Московский, святитель – I: 27, 723; II: 378

- Иоаким (Иван Петрович Савёлов), патриарх Московский – I: 588
- Иоаким III, патриарх Константинопольский – I: 451
- Иоанн (Иустин Авксентиевич Картушин), архиепископ старообрядческой церкви – I: 167, 188, 191, 312–314
- Иоанн Дамаскин, преподобный – I: 666, 805; II: 525
- Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский, святитель – I: 400; II: 112, 252, 403, 583, 584, 601, 701, 806, 813
- Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев), протоиерей, святой праведный – II: 113
- Иоанна (Наталья Борисовна Мансурова), монахиня – II: 293
- Иоанний (Иван Максимович Руднев), митрополит – I: 724
- Иогансен Юлий Иванович – II: 699
- Иогансон (правильно *Иогансен*) – II: 699
- Ионин Борис Александрович – I: 448
- Иосиф, патриарх Московский – I: 394; II: 383, 431
- Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович – I: 171, 737; II: 8, 158, 499, 500, 542, 550, 620, 628, 661, 751, 804, 818, 820, 844
- Ирина Илларионовна – см. *Шереметева И. И.*
- Исаия, архимандрит новгородского Юрьева монастыря – I: 379, 381; II: 217
- Исаия (Иван Трофимович Лукошко), монах – I: 156
- Исидор (Яков Сергеевич Никольский), митрополит – I: 552, 553
- Истомин Владимир Константинович – I: 662, 663
- Истомин Петр Владимирович – I: 397
- Истомин П.С. (правильно *Истомин П. В.*) – I: 397
- Истомин Федор Михайлович – I: 130
- Италинский Александр Данилович – II: 815, 816
- К.И.К. (псевдоним Казанского К. И.) – II: 409
- К.П.С. (коллективный псевдоним) – II: 503
- К.Р. (псевдоним великого князя *Константина Константиновича*) – II: 541
- Козьма Прутков (коллективный псевдоним) – I: 260, 392, 443, 491, 543
- Кавелин Константин Дмитриевич – II: 182
- Каверзнев Николай Иванович – I: 651, 652
- Казаченко Георгий Алексеевич – I: 281, 424, 428, 429
- Калачева Елизавета Петровна – II: 51, 52, 56, 57, 63
- Калачинский Петр Алексеевич – II: 575, 577
- Калинников Василий Сергеевич – II: 491, 492
- Калинников Виктор Сегеевич – II: 491, 492, 542, 611, 718, 761, 804
- Калинникова (урожд. Ливанова) Софья Николаевна – II: 492
- Калишевский Яков Степанович – II: 460, 462
- Каль Алексей Фёдорович – II: 660, 661
- Каноббио Дж. (правильно *Каноббио К.*) – I: 507
- Каноббио (Canobbio) Карло – I: 507
- Каплан (наст. фам. Ройтблат Фейга Хаимовна) Фанни Ефимовна – I: 59
- Каптерев Николай Фёдорович – I: 69, 70
- Карагеоргий (наст. фам. Петрович Георгий) – I: 163
- Карамзин Николай Михайлович – I: 26
- Карасев Алексей Николаевич – II: 9, 763
- Каринский Николай Михайлович – II: 250, 251, 256
- Карл I, король Румынии – I: 140
- Карлейль (Carlyle) Томас – II: 73–75, 79, 82
- Карлова (урожд. Вонлярская) Наталья Фёдоровна, графиня – II: 103, 105
- Карпов Геннадий Фёдорович – I: 778; II: 383
- Карпович Петр Владимирович – II: 287
- Картушин – см. *Иоанн, архиепископ*

- Кастальский Александр Дмитриевич – I: 37, 61, 66, 152, 256, 290, 364–366, 384, 488, 574, 613, 737, 739, 808, 824; II: 8, 36, 59, 63, 75, 114, 155, 158, 236, 270, 365, 372, 373, 475, 478, 480, 482, 488, 496, 497, 499, 500, 549–552, 605, 611, 628, 634, 670, 681, 705, 710, 714, 717, 730, 751, 757, 760, 761, 776, 798, 799, 804, 806, 808, 816, 818, 823, 824, 827, 837
- Кастро Иоанн (правильно *Кастро Иоганн*) – I: 358, 359; II: 436, 452
- Кастро (Castro) Иоганн (Jean) де – I: 358, 359; II: 436, 452, 501
- Катя – см. *Победоносцева Е. А.*
- Каульбарс Александр Васильевич, барон – I: 531, 533
- Кацауров Иван Николаевич – I: 587
- Кацаурова В. П. – I: 587
- Кашкин Николай Дмитриевич – II: 628, 639, 644, 645, 716–718
- Квитницкая Софья Ивановна – II: 305
- Кедров Иоанн Иоаннович, священник – I: 58
- Кедров Николай Николаевич (старший) – II: 157
- Кемпе Виктор Александрович – II: 823, 824
- Керзин Михаил Аркадьевич – II: 827
- Керубини (Cherubini) Луиджи – II: 32, 617
- Кес (Kes) Виллем – II: 647
- Кильтеброннс – I: 657
- Киприан (Константин Эдуардович Керн), архимандрит – II: 379
- Киреев Александр Алексеевич – II: 197–199, 201, 289
- Киреев Поликарп Миронович – II: 409
- Киреевский Иван Васильевич – I: 241, 514
- Киреевский Петр Васильевич – I: 241, 514
- Кирилл и Мефодий, просветители славян, святые равноапостольные – I: 414, 419, 591, 786; II: 146, 834, 835
- Кирнбергер (Kirnberger) Иоганн Филипп – II: 650, 651
- Кирпичников Александр Иванович – II: 39
- Клейнер Сергей Михайлович – I: 430, 433, 437, 618
- Кленовский Николай Семенович – I: 118, 124, 129, 183, 210, 212, 222, 226, 230, 261, 267, 273, 274, 276, 286, 466, 470, 551; II: 8, 9, 43, 63, 68, 117, 123, 135, 167, 184, 187, 188, 192, 248, 296, 491, 492, 498, 505, 521, 550, 710, 712–715, 795–798, 844, 845
- Клеонид (Псевдо-Евклид) – II: 753
- Клечковский Маврикий Мечиславович – II: 662
- Климент (Васил Друмев), митрополит Тырновский – I: 664
- Климент (Константин Александрович Верниковский), епископ – II: 750
- Климов Михаил Егорович (Георгиевич) – I: 166, 167, 179, 558, 559, 561; II: 55, 56, 60, 61, 82, 83, 85–87, 90–94, 96–104, 111–113, 160, 161, 172, 187, 188, 296, 300, 499, 530, 843, 850
- Клипин Сергей Михайлович – I: 329, 468; II: 83, 86, 91, 93, 94, 96–98, 100–104, 107, 113, 850
- Клочков Василий Иванович – II: 487
- Ключевский Василий Осипович – I: 155, 779; II: 105, 106, 175
- Кобеко Дмитрий Фомич – I: 345–348, 778; II: 193, 194, 517
- Ковалева Марина Дмитриевна – I: 60
- Ковалева-Жемчугова (в замужестве графиня Шереметева) Прасковья Ивановна – I: 25, 199
- Ковалевский Н.И. (правильно *Ковалевский Н.Н.*) – I: 359
- Ковалевский Николай Николаевич – I: 359
- Ковальский Александр Марианович – II: 64, 65
- Ковин Николай Михайлович – I: 809; II: 331, 333, 485, 486, 505, 506, 540
- Коклен (Coquelin) Бенуа Констан – I: 269
- Колеров Степан (Стефан) Дмитриевич, протоиерей – I: 287
- Колерова (урожд. Смоленская) Лидия Васильевна – II: 504

- Колерова Прасковья Андреевна — I: 287
- Колоколов Николай Георгиевич — II: 723, 724
- Колтовские — I: 456
- Колумб Христофор — II: 278
- Комаров Василий Федорович — II: 422, 423, 428, 495, 704
- Комбарьё (Combarieu) Жюль — II: 219, 221
- Компанейский Николай Иванович — I: 22, 347, 604, 605, 608, 609, 808; II: 8, 9, 24, 48, 49, 53, 146, 148, 237, 238, 241, 242, 248, 249, 346, 347, 356, 357, 499, 518, 544, 545, 551, 703–727, 798
- Кондаков Никодим Павлович — I: 30, 31; II: 315, 317, 521, 522
- Кони Анатолий Федорович — II: 237, 333
- Конради Маврикий — II: 273
- Констан Екатерина Евгеньевна — I: 431, 432; II: 188
- Константин Константинович, великий князь — I: 31; II: 164, 290, 639, 640, 648, 652, 676, 697
- Константин Николаевич, великий князь — I: 59
- Константин Петрович — см. *Победоносцев К. П.*
- Константин Сергеевич — II: 832
- Константинов Феодор — I: 157
- Конюс Георгий Эдуардович — I: 737; II: 105, 106, 134–136, 224, 226, 236, 259, 599, 612, 632, 637–640, 643, 644, 646–648, 655, 656, 817, 819
- Конюс Эдуард Константинович — II: 135
- Конюс Юлий Эдуардович — II: 20, 79, 83, 91, 99, 134, 135, 153
- Копылов Александр Александрович — II: 113, 305, 307, 329, 334, 540–542, 626, 818
- Копытова Галина Викторовна — II: 452
- Коренев Иоанникий Трофимович, диакон — I: 14, 233, 234, 240, 241, 282, 283, 309, 313, 317, 321, 325, 352, 353, 360, 363, 395, 405, 683, 782, 783, 789, 806; II: 205, 296
- Корещенко Арсений Николаевич — II: 8, 20, 48, 56, 57, 66, 85, 90, 91, 96, 99, 628, 639
- Короленко Владимир Галактионович — II: 132
- Космовская Марина Львовна — II: 7
- Коссиковская Александра Владимировна — I: 54, 287; II: 38, 54, 56, 63, 81, 102, 105
- Коссиковская Аполлинария Владимировна — II: 37, 38
- Коссиковская (урожд. Веневитинова) Мария Алексеевна — II: 19, 39
- Коссиковские — II: 14, 20, 36–40
- Коссиковский Владимир Владимирович — II: 40
- Костин Михаил Алексеевич — II: 86–88, 90–94, 97, 98, 101, 104, 113
- Костомаров Николай Иванович — II: 508
- Косухин Александр Михайлович, протоиерей — II: 113, 114
- Котляров Александр Андреевич — I: 569
- Кочетов Николай Разумникович — I: 614; II: 804
- Кочкарев Александр — I: 721
- Кочубей Виктор Сергеевич, князь — I: 413, 415
- Кошкаров (Кашкаров) Иван Федорович — I: 193
- Кошмидер (Koschmieder) Эрвин — II: 452
- Красницкий Иван Яковлевич — I: 236
- Крейн Давид Сергеевич — II: 143
- Крейсов Григорий Александрович — II: 460, 462
- Крестьянин — см. *Федор Крестьянин*
- Кругликов Семен Николаевич — I: 574; II: 9, 314, 316, 495, 550, 605, 628, 761, 763, 771, 826
- Крушеван Павел (Паволакий) Александрович — I: 532, 534
- Крыжановский Сергей Ефимович — I: 365
- Крыжин Александр Петрович — I: 779
- Крылов Иван Андреевич — I: 173–175, 178, 199, 510; II: 748, 806
- Крылов Иван Григорьевич — II: 554, 557
- Крылов Михаил Алексеевич — II: 83, 86
- Крылова Мария Александровна — II: 188
- Крюгер Эммануил Эдуардович — I: 145
- Ксения Александровна, великая княгиня — I: 228, 263, 329, 331

- Кудрявцев Илья Михайлович – II: 427
 Кузнецов – II: 563
 Кузнецов Сергей Матвеевич – I: 313, 315, 316
 Куликовский Николай Александрович – I: 85
 Кун (Kuhn) Эрнст – II: 448
 Куник Арист Аристович – I: 778
 Куропаткин Алексей Николаевич – I: 310–312, 318, 347, 350
 Куссемакер (Coussemaкер) Эдмон де – II: 569, 577
 Куссемакер (правильно *Куссемакер*) – II: 569, 577
 Кутлер (правильно *Котляров*) – I: 569
 Кутузов Георгий (Егор), священник – I: 719
 Кутузов Михаил Илларионович, светлейший князь – I: 510
 Кухач (Кухач) Франьо – II: 685
 Кюи Цезарь Антонович – II: 801, 802
- Л.К.В. (монограмма *Виельгорской* Л. К.) – II: 39
 Лавинов, диакон – II: 460–462
 Лавров Петр Алексеевич – I: 325, 326, 435, 439, 441, 445, 450, 452, 455, 461, 462, 464, 465, 478, 786; II: 260, 520, 521
 Лаговский Николай Константинович – I: 87, 88
 Ладухин Николай Михайлович – II: 632
 Ладыженский Федор Николаевич – I: 778
 Ламан (Lahmann) Генрих – II: 797
 Ламбильот (Lambillotte) Луи – II: 569, 577
 Ламброс (Lambros) Спиридон – I: 440–444, 788
 Лангер Эдуард Леопольдович – II: 644, 645
 Лаптев Иван Петрович – II: 429, 430
 Ларивонов Кондратий, диакон – I: 157
 Ларош Герман Августович – II: 436, 639
 Лассо (Lasso) Орландо ди – II: 32, 33, 353, 356, 436, 610, 617, 618, 621–626, 675
 Лауниц Владимир Федорович – I: 531, 533
 Лаятин? (предположительно Лотин Алексей Васильевич) – II: 298
- Лебедев Василий Александрович, священник – I: 679, 681
 Лебедев Илья Николаевич, священник – I: 655
 Лебедева-Емелина Антонина Викторовна – II: 409
 Лев XIII, папа римский – I: 145
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич – I: 59
 Леонид (Лев Александрович Кавелин), архимандрит – II: 182, 183
 Леонид (Лев Васильевич Краснопеквов), епископ – II: 381
 Леплинский Вениамин Николаевич – II: 50
 Лермонтов Михаил Юрьевич – I: 513
 Лжедмитрий I (Димитрий Самозванец) – I: 59, 440, 443, 444
 Ливен Александра Андреевна, княжна – II: 285, 287, 308, 310
 Ливен Андрей Александрович, светлейший князь – II: 285
 Ливен (в замужестве Боголепова) Екатерина Александровна, княжна – II: 287
 Лидия Васильевна – см. *Колерова Л. В.*
 Линева (урожд. Паприц) Евгения Эдуардовна – I: 133, 134; II: 9, 230, 231, 281, 289, 357, 799
 Линевиц Николай Петрович – I: 348, 350, 360
 Лион Михаил Ефремович – II: 276, 277
 Липаев Иван Васильевич – I: 15, 16
 Лисицын Михаил Александрович, протоиерей – I: 560, 567, 669–671; II: 305, 409, 477, 716–718, 725, 758, 812
 Лист (Liszt) Ференц – I: 643; II: 138, 770
 Литвин (наст. фам. Шютц, в замужестве Литвинова) Фелия Васильевна – II: 155
 Литвинов Александр (Самуил) Александрович – II: 805
 Лихачев Николай Петрович – I: 325, 326
 Логгин, головщик – I: 806
 Лоздовский Михаил Владимирович – I: 600
 Ломакин Гавриил Якимович (Иоакимович) – I: 28, 33, 35, 50, 103, 330, 331, 692–695, 807; II: 404, 483, 575, 719

- Ломоносов Михаил Васильевич – I: 369, 601
- Лотти (Lotti) Антонио – I: 172, 177, 180; II: 32, 170, 174, 176, 617, 618, 670, 675
- Лукошко (Лукошков) Иван Трофимович (в монашестве *Исаия*) – I: 156
- Лукьянов Сергей Михайлович – I: 810, 811; II: 341, 346
- Луллий (Луллиус; Lullius) Раймунд – II: 696
- Луначарский Анатолий Васильевич – I: 58
- Лысогорский Владимир Владимирович – I: 313, 314, 317, 319, 338; II: 228
- Львов Алексей Евгеньевич, князь – II: 85, 98, 100, 102, 103, 106, 110, 111, 166
- Львов Алексей Федорович – I: 108, 158, 160, 171, 177–179, 187, 190, 242, 244, 245, 332, 427, 563, 603, 669–671, 693, 757, 758, 763, 782, 798, 807, 821; II: 16, 87, 143, 155, 167, 294, 327, 330, 333, 334, 336, 341, 342, 344, 367, 388, 403–405, 407, 448, 461, 483, 500, 517, 575, 576, 615, 698, 716, 751, 829
- Львов Владимир Владимирович (отец *М. В. Львовой*), князь – II: 16, 20, 47
- Львов Владимир Владимирович (брат *М. В. Львовой*), князь – II: 15, 365
- Львов Владимир Евгеньевич, князь – I: 627, 629; II: 28
- Львов Георгий Евгеньевич, князь – I: 355, 359; II: 16–18, 85, 162
- Львов Леонид Федорович – I: 217, 219, 571, 670; II: 16, 154, 162, 367, 368, 371, 406, 428
- Львов Николай Николаевич – I: 355, 359
- Львов Сергей Евгеньевич, князь – II: 18, 28, 83, 85, 90, 91
- Львов Сергей Сергеевич, князь – I: 397
- Львов Федор Леонидович – I: 670; II: 405, 406
- Львов Федор Петрович – I: 244, 807; II: 403, 528, 529
- Львов Федор Федорович – I: 670
- Львова Александра Владимировна, княжна – II: 16, 17, 38, 40, 47, 49, 154, 166
- Львова Анна Владимировна, княжна – II: 16, 47, 161, 162
- Львова (в замужестве графиня Шереметева) Анна Семеновна – II: 20
- Львова Елена Сергеевна, княжна – II: 28, 29
- Львова Елизавета Владимировна, княжна – II: 16, 17, 47
- Львова Зоя Сергеевна, княжна – II: 85
- Львова (в замужестве Волкова) Мария Владимировна, княжна – II: 13, 16–19
- Львова Мария Евгеньевна, княжна – II: 82, 85, 101, 111, 113, 114
- Львова (урожд. Перовская) Софья Алексеевна, княгиня – II: 16, 17, 47
- Львова (урожд. графиня Бобринская) Юлия Алексеевна, княгиня – II: 161, 162
- Львовский Григорий Федорович – I: 172, 753, 769, 808; II: 155, 335, 844
- Львовы – I: 456, 669, 670; II: 14, 16, 18, 20, 47, 85, 101, 146, 166
- Люллий Р. (правильно *Луллий Р.*) – II: 695, 696
- Лядов Анатолий Константинович – I: 259, 276, 799; II: 81, 196, 199, 645, 660, 715, 835
- Ляпунов Сергей Михайлович – I: 80, 81, 90, 92, 93, 105, 106, 109, 111, 112, 114, 116, 124, 129, 144, 150, 259, 276, 799; II: 8, 42, 43, 45, 49, 56, 60, 64, 77, 88, 118, 121, 123, 196, 498, 585
- Ляс В.Ф. – I: 483
- Лясковский Валерий Николаевич – I: 84, 424, 429, 481, 483, 526–528, 554, 557, 574
- М. Р. (псевдоним *Рахмановой М. П.*) – I: 691; II: 16, 18, 27, 388
- Магдалина (графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова), игуменья – II: 22, 335, 337, 338
- Мазурин Митрофан Сергеевич – I: 779
- Майков Аполлон Николаевич – I: 29, 64, 408

- Майков Владимир Владимирович – I: 293, 295, 297, 317, 325, 341, 363, 365, 373, 396, 398, 407, 433, 478, 626, 632, 791; II: 204–206, 224, 228, 242, 243, 245, 247, 524, 759
- Майков Леонид Николаевич – I: 29, 31
- Майорова Ольга Евгеньевна – I: 642, 645
- Макарий, патриарх Антиохийский – I: 789; II: 508
- Макарий (Михаил Петрович Булгаков), митрополит – I: 284, 684, 686; II: 134, 146, 148, 440, 441
- Макарий (Николай Кириллович Миролубов), архиепископ – I: 778; II: 419–422
- Макарий (Михаил Андреевич Невский), митрополит Московский, святитель – I: 581, 653, 654; II: 318
- Маковский Владимир Егорович – II: 616
- Малашкин Леонид Дмитриевич – II: 688
- Малер (Mahler) Густав – I: 449
- Мальшев – I: 324
- Мамонтов Савва Иванович – II: 634
- Мансурова Екатерина Борисовна (в монашестве Сергия) – II: 22, 96
- Мансурова (урожд. княжна Долгорукова) Мария Николаевна – II: 22
- Мансурова Наталия Борисовна (в монашестве *Иоанна*) – II: 22
- Мансуровы – II: 22, 96, 293, 320
- Марзден (Marsden) Кэт, сестра милосердия – I: 722
- Мария – см. *Смоленская М. В.*
- Мария Александровна, императрица (супруга *Александра II*) – I: 254
- Мария Александровна, великая княжна – I: 141; II: 72
- Мария Алексеевна – см. *Косиковская М. А.*
- Мария Лукинична – см. *Преображенская М. Л.*
- Мария Николаевна, великая княжна (дочь *Николая II*), святая страстотерпица – I: 54
- Мария Сергеевна – см. *Волкова М. С.*
- Мария Федоровна, императрица (супруга *Александра III*) – I: 12, 35, 74, 88, 90–92, 102, 104, 106, 109, 110, 113, 114, 126, 127, 136, 144, 157, 198, 200, 203, 209, 230, 235, 242, 289, 290, 297, 327, 707; II: 45, 50, 74, 77, 79, 80, 112, 337, 643
- Мария Федоровна – см. *Разумовская М. Ф.*
- Мария Федоровна – см. *Шереметева М. Ф.*
- Марк Аврелий, римский император – I: 160; II: 150–152, 168
- Маркел (Маркелл) Безбородый, игумен – I: 156
- Марков Владимир Семенович, протопресвитер Большого Успенского собора – I: 671
- Марков Петр Григорьевич, священник – I: 746
- Маркс (Marx) Адольф Бернхард – II: 573, 576, 582
- Мартирий (Михаил Семенович Горбачевич или Горбачевский), архимандрит – II: 422, 424
- Мартынов Иван Михайлович – I: 550
- Марцелл II (Marcellus), папа римский – I: 660, 733; II: 33, 617, 618, 620, 675
- Марчелло – см. *Марцелл II*
- Маслов Александр Леонтьевич – II: 763
- Маслов Федор Иванович – II: 644, 650, 663
- Маслова Анна Ивановна – II: 644, 648, 663
- Маслова Варвара Ивановна – II: 644
- Маслова Софья Ивановна – II: 644
- Масловы – II: 644–648, 650, 663
- Массне (Massenet) Жюль – II: 796
- Матвеев Артамон Сергеевич – II: 474
- Матвеев Иван – II: 18
- Матвеева (урожд. княжна Львова) Елизавета Владимировна – II: 17
- Матильда, графиня – см. *Витте М. И.*
- Матфей (Ольшанский), монах Пантелеимонова монастыря – I: 462, 463, 474
- Маурина (в замужестве Пресс) Вера Ивановна – II: 38, 39
- Медведев (наст. фам. Бернштейн) Михаил Ефимович – II: 805
- Медведев Симеон Агафонинович (в монашестве *Сильвестр*) – II: 474

- Мезенец — см. *Александр Мезенец*
- Мезенцов Николай Владимирович — I: 779
- Мезенцова (в замужестве княгиня Ширинская-Шихматова) Леокадия Петровна — I: 88
- Мезенцова (урожд. Озерова) Мария Николаевна — I: 88
- Мейбом (Meibom) Маркус — II: 753
- Мейендорф (в замужестве графиня Шереметева) Елена Богдановна, баронесса — I: 534
- Мекк (урожд. Фроловская) Надежда Филаретовна фон — II: 76–78
- Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич, герцог — II: 103, 105, 307
- Мелетий (Михаил Поликарпович Картушин), архиепископ старообрядческой церкви — I: 167
- Мельгунов Юлий Николаевич — II: 68, 69, 81, 357
- Мельников (псевдонимы Мельников-Печерский, Андрей Печерский) Павел Иванович — I: 123, 368
- Мельникова (в замужестве графиня Шереметева) Александра Григорьевна — I: 33
- Менгден Вадим Евстафьевич фон, барон — I: 568
- Мендельсон-Бартольди (Mendelssohn-Bartholdy) Феликс — II: 151, 542
- Меншиков Александр Данилович, светлейший князь — I: 332; II: 474
- Меньшиков Михаил Осипович — I: 506, 507
- Мерлин Юрий Всеволодович — I: 779
- Металлов Василий Михайлович, протоиерей — I: 7, 9, 14, 21, 69, 70, 349, 350, 377, 383, 384, 388, 389, 391, 417, 476, 481, 548, 549, 623, 627, 663, 664, 671, 685, 790, 808; II: 7, 9, 209, 210, 212, 216, 218, 221–223, 225, 230, 231, 233, 235–237, 240, 241, 243, 244, 258, 260, 280–282, 286, 288, 289, 304, 312, 357, 367, 428, 449, 461, 464, 469, 478, 486, 488, 496–499, 504, 511, 522, 534, 536, 547–605, 711, 712, 714, 717, 718, 750, 755, 756, 758, 763, 764, 777, 786, 787
- Металлова Павла Петровна — I: 548; II: 568, 602, 603
- Мещерская Вера Николаевна, княжна — II: 32
- Мещерская (в замужестве графиня Игнатьева) Наталья Николаевна, княжна — II: 32, 368
- Мещерская (в замужестве княгиня Васильчикова) Софья Николаевна, княжна — II: 128, 268
- Мещерские — II: 134
- Мещерский Владимир Петрович, князь — II: 760
- Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) — I: 259
- Милан II (Обренович), король Сербии — I: 163, 167
- Милан IV (правильно *Милан II*) — I: 167
- Милетич (Милетић) Любомир — I: 450
- Милославские — I: 456; II: 474
- Милюков Павел Николаевич — II: 175, 176
- Миних Бурхардт Кристоф, граф — I: 332
- Минцлов Рудольф Иванович — I: 779
- Минцлова (урожд. Пенькова) Мария Алексеевна — I: 809
- Мироносицкий Порфирий Петрович — I: 660; II: 468, 491, 492, 588, 590, 592, 725, 834, 835
- Миропольский Сергей Иринеевич — I: 692, 693; II: 401, 402, 427, 428
- Мирский — см. *Святополк-Мирский П. Д.*
- Мисаил (Сапегин), схиархимандрит — I: 454, 455
- Миссаелидес Миссаель, протопсалт — II: 463
- Митрофан (Матвей Павлович Невский), епископ — II: 737
- Михаил (Йованович), архиепископ Белградский и митрополит Сербский — I: 664; II: 8, 685
- Михаил (Павел Васильевич Семенов), епископ старообрядческой церкви — II: 314, 316

- Михаил Александрович, великий князь – I: 243, 423, 424; II: 38
- Михаил Алексеевич – см. *Веневетинов М. А.*
- Михаил Клопский, преподобный – I: 421, 428
- Михаил Николаевич, великий князь – I: 212, 216
- Михаил Феодорович, царь – I: 332, 456; II: 511
- Михей, диакон – I: 681, 682
- Михайлов Иван – II: 474
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам – I: 26
- Могила Петр Симеонович, митрополит – I: 426
- Мозалевский Александр Александрович – II: 818
- Мордвинов Александр Александрович, граф – I: 778
- Морозов Арсений Иванович – I: 51, 713; II: 351, 383, 404, 764, 766
- Морозов Михаил Абрамович – II: 648
- Морозов Николай Александрович – II: 298, 299
- Морозов Никита Семенович – II: 632
- Морозов Тимофей Савич – I: 778
- Морозовы – I: 456; II: 403
- Мосолов Александр Александрович – I: 97, 110, 158, 160, 182, 186, 188, 191, 192, 195, 197, 199, 200, 201, 203–209, 213, 217, 218, 230, 258, 470; II: 181, 184
- Мосолов Федор Алексеевич – II: 16
- Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей – I: 166, 591, 646; II: 32, 53, 74, 117, 123, 130, 151, 362, 365, 368, 610, 615, 618, 703, 802, 824
- Мревлов (Мревлишвили) Андрей Егорович – II: 710, 713
- Мужическу, Музыкаческо (правильно *Музыкаческу*) – II: 677, 839
- Музыкаческу (наст. фам. Музыкаченко Гавриил Вакулович) Гавриил – II: 503, 670, 685
- Муравьев Николай Валерианович – I: 266; II: 190
- Мусин-Пушкин Владимир Владимирович, граф – I: 32
- Мусинов Иван Федорович – I: 568, 569
- Мусоргский Модест Петрович – I: 110, 522, 799; II: 148, 391, 615, 688, 802
- Мякотин Венедикт Александрович – II: 175, 176
- Н. К. (псевдоним *Ковина Н. М.*) – II: 542
- Н-ий А. (псевдоним *Никольского А. В.*) – II: 542
- Надежда Александровна – см. *Невзорова Н. А.*
- Надсон Семен Яковлевич – I: 541; II: 801, 802
- Накашидзе Михаил Александрович, князь – I: 352, 353
- Наполеон I (Napoléon Bonaparte) – I: 332
- Направник Эдуард Францевич – II: 719
- Нарышкин Кирилл Васильевич – I: 394
- Нарышкин Эммануил Дмитриевич – I: 40, 88
- Нарышкина (урожд. Чичерина) Александра Николаевна – I: 40, 54, 87, 88, 153–155, 158, 159, 168, 169, 176, 198, 199, 203, 206, 208, 209, 215, 216, 219, 227, 228, 249, 250, 253, 255, 257, 262–264, 269, 284, 285, 287, 293, 296, 297, 299, 311, 338, 339, 355, 357, 363, 391–396, 398–404, 408, 410, 411, 446, 539, 541, 555, 557, 559, 567, 568, 576, 577, 579, 580, 582–585, 589, 592–596, 600, 601, 603, 604, 610–612, 615, 625, 675, 747, 809, 812, 815–817, 820; II: 89, 90, 158, 168, 184, 229, 231, 317, 319, 323, 327, 328, 340, 345, 540, 542, 845, 846, 848
- Наталия, королева Сербии (супруга короля *Милана II*) – I: 163, 164, 167
- Науман (Naumann) Эмиль – II: 782, 785, 787
- Наумов – I: 564
- Неандер (Neander; наст. имя Мендель Давид) Иоганн Август – II: 296
- Небогатов Николай Иванович – I: 348, 349

- Невзоров Николай Кесариевич – I: 287, 290, 690
- Невзорова (урожд. Владимирская) Надежда Александровна – I: 290
- Невзоровы – I: 364
- Невоструев Капитон Иванович – II: 412, 415, 417, 518
- Некрасов Илья Васильевич – I: 129, 130, 132, 133
- Некрасов Николай Алексеевич – I: 362
- Нелидов Александр Иванович – I: 452
- Немчинов Леонид Иванович – II: 310
- Нестеров Михаил Васильевич – II: 767
- Нестор (Алексей Сергеевич Метаниев), епископ – I: 62, 701, 702
- Нечаев Виктор Иванович – I: 275, 276
- Нечаев Петр Иванович – I: 404, 406, 673, 742; II: 485, 486
- Нечаев-Мальцев Юрий Степанович – II: 832, 833
- Никанор (Александр Иванович Бровкович), архиепископ – I: 652
- Никанор (Никифор Тимофеевич Каменский), епископ – I: 152; II: 8, 693, 694, 737
- Никита, епископ Новгородский, святитель – I: 156
- Никитин Иван Савич – II: 237, 238
- Никитин Фаддей – I: 157
- Николай (Михаил Захарович Зиоров), архиепископ – I: 579, 581; II: 318
- Николай (Николай Александрович Налимов), епископ – II: 593, 594
- Николай I, император – I: 53, 59, 212, 268, 356, 380, 753
- Николай II, император, святой страстотерпец – I: 12, 30, 31, 50, 53, 54, 81, 85, 168, 227, 229, 279, 356, 359, 642, 747; II: 295
- Николай Александрович, цесаревич – I: 641
- Николай Георгиевич, королевич греческий – II: 77
- Николай (Никола I Петрович Негош), король Черногории – I: 140
- Николов Анастас Николаевич – I: 14, 138–140, 414, 416, 419, 421, 422, 435, 439, 441, 445, 452, 463–465, 785, 786, 796; II: 216, 218, 249, 261, 265, 480, 499, 501, 507, 509, 519–521, 523, 709, 849
- Никольский Александр Васильевич – I: 607; II: 8, 496–498, 542, 611, 612, 758, 760, 763, 771
- Никольский Иван Андреевич – I: 573
- Никольский Константин Андреевич, священник – II: 475, 476, 478
- Никольский Михаил Васильевич – I: 653; II: 386, 732
- Никольский Николай Константинович – II: 231, 234
- Никон (Никита Минов), патриарх – I: 70, 394, 405, 406, 437, 652, 685, 783; II: 424
- Нил Столобенский, преподобный – I: 652
- Нифонтов Николай Иннокентьевич – I: 722
- Новиков А. В. (правильно *Новиков А.И.*) – I: 353
- Новиков Александр Иванович – I: 352, 353
- Новикова (урожд. Киреева) Ольга Алексеевна – I: 352, 354
- Новосильцев Юрий Александрович – I: 359
- Ньюболт (Newbolt) Уильям Чарлз Эдмунд – II: 731
- Оболенская (урожд. княжна Трубецкая) Дарья (Доли) Петровна, княгиня – I: 402
- Оболенский Алексей Дмитриевич, князь – I: 48, 49, 319, 331, 333, 402–404, 406, 408, 411–413, 431, 432, 466, 626, 628, 630, 631, 795, 801, 802; II: 239, 242, 246, 254, 255, 260, 261, 602
- Оболенский Николай Дмитриевич, князь – I: 413, 626, 628
- Одоевские – I: 456
- Одоевский Владимир Федорович, князь – I: 7, 9, 51, 155, 233, 234, 354, 377, 441, 442, 452, 572, 701, 769, 799, 801, 808; II: 14, 20, 279, 280, 311–313, 357, 378, 380, 381, 383, 385, 400, 422, 424, 425, 427, 444, 504, 552, 554

- Озеров Сергей Петрович – I: 88
Озерова Екатерина Сергеевна – I: 74, 87, 88
Озеровы – I: 74
Оленин Борис Владимирович – II: 38, 101
Оленин Владимир Александрович – II: 38
Оленин Дмитрий Владимирович – II: 38
Оленина (в замужестве графиня Гейден) Александра Александровна – I: 54, 287; II: 18, 38, 48, 51, 59, 63, 66, 70, 81, 102, 107, 118, 162, 164, 170, 171, 176, 177, 179, 184, 186
Оленина (урожд. княжна Волкова) Софья Владимировна – II: 16, 18
Оленины – II: 18, 37, 40, 61, 63, 70, 85, 90, 91, 166, 172
Олсуфьев Александр Васильевич, граф – I: 110, 176; II: 171
Ольга – см. *Смоленская О. В.*
Ольга, инокия – II: 829
Ольга Александровна, великая княжна (великая княгиня) – I: 85, 794
Ольденбургский Петр Александрович, принц – I: 85
Орбелиани Софья Ивановна, княжна – I: 273, 581; II: 845
Орлов Василий Васильевич – II: 38, 40, 61, 63, 70, 85, 99–101, 104, 166, 172
Орлов Василий Михайлович – I: 276; II: 782, 784
Орлов Василий Сергеевич – I: 61, 62, 256, 366, 481, 488, 489, 574, 663, 668–670, 682, 741, 744, 748; II: 31, 36, 38, 106, 110, 113, 114, 118, 119, 127, 145, 154, 164, 201, 282, 301, 302, 363, 364, 368, 391, 392, 472, 475, 476, 479, 481, 484–490, 496, 497, 500, 503, 505, 510, 550, 584, 593, 599, 605, 610, 611, 620, 624, 625, 627, 628, 641, 642, 645, 669–672, 675, 679–681, 685, 705, 712, 715, 754, 759–761, 771, 798, 816–818, 821–823, 825–827
Орлов Захарий Васильевич – II: 802
Орлов Иван Иванович – II: 49, 61, 63, 66
Орлов-Давыдов Сергей Владимирович, граф – II: 648, 660
Орлова (Орлова-Чесменская) Анна Алексеевна, графиня – I: 59
Орлова Елена Николаевна – II: 826, 827
Орлова-Давыдова Мария Владимировна (в монашестве Магдалина), графиня – I: 577; II: 337
Осокин – I: 820
Остерман Андрей Иванович, граф – I: 332
Островский Александр Николаевич – I: 362, 670
Островский Михаил Николаевич – I: 529
Остроумов Петр Иванович – I: 404, 411, 412
П. П. (псевдоним *Петрова П. Н.*) – II: 431
Прежний А. (псевдоним *Преображенского А. В.*) – II: 464
Пабст Павел Августович – II: 38
Павел I, император – I: 356
Павел Алеппский, архидиакон – II: 508
Павлов Алексей Степанович – I: 253
Павлов Иван – II: 537
Павлов Платон Васильевич – I: 249, 253–255
Паисий, патриарх Александрийский – I: 789
Палестрина (Palestrina) Джованни Пьерлуиджи – I: 643, 646, 660; II: 31–33, 353, 356, 362, 365, 436, 570, 610, 617–619, 621, 623, 624, 626, 646, 664, 670, 675, 716, 767, 770
Палицын Федор Федорович – I: 396, 397
Палладий (Павел Иванович Раев), митрополит – II: 434
Пальчиковы – I: 456
Панаев Владимир Иванович – I: 244, 247
Панченко Семен Викторович – II: 8, 9, 249, 518, 542, 716, 811–813
Пападопуло-Керамевс Афанасий Иванович – I: 298, 300; II: 240, 242, 499, 500, 525
Пападопуло-Керамевс Константин Иванович – I: 298, 299; II: 454, 493, 500, 524–526

- Паррат (Parratt) Уолтер – II: 729, 730, 732
- Парфений, иеромонах – II: 583, 584
- Пасхалов Виктор Никандрович – II: 787, 788
- Пасхалов Вячеслав Викторович – II: 289
- Пафнутий (Патапий Максимович Шикин), епископ старообрядческой церкви – I: 352, 353
- Пахомов-Иванов Митрофан Романович – II: 594, 620
- Пашкевич Василий Алексеевич – I: 507
- Пелагея Васильевна – см. *Чижова П. В.*
- Перелешина Вероника Юрьевна – II: 511
- Перетц Владимир Николаевич – I: 246, 247
- Перлов Николай Семенович – II: 648
- Перов Василий Григорьевич – I: 522, 539
- Перовская (в замужестве графиня Толстая) Анна Алексеевна – II: 17
- Перовская Вера Борисовна, графиня – II: 97, 115, 120, 122, 124, 249, 270, 271, 275, 277, 306
- Перовская Ольга Борисовна, графиня – II: 115
- Перовская (в замужестве княгиня Львова) Софья Алексеевна – II: 17, 249
- Перовская (урожд. Булгакова) Софья Константиновна, графиня – II: 97
- Перовский Борис Алексеевич, граф – II: 249
- Перози (Perosi) Лоренцо, аббат – I: 590, 591
- Перуджино (Perugino) Пьетро – II: 365
- Пестов Алексей Николаевич – II: 466
- Петерс Яков Христофорович – I: 59
- Петр, митрополит Московский и всея Руси, святитель – II: 433
- Петр – см. *Марков П. Г.*
- Петр I, император – I: 101, 332, 356, 393, 607, 761; II: 161, 177, 693
- Петр III, император – I: 418, 419, 482
- Петр I (Карагеоргиевич), король Сербии – I: 167;
- Петр Андреевич – см. *Гильтебрандт П. А.*
- Петр Карагеоргиевич, князь сербский – I: 167
- Петров – см. *Петров-Бояринов П. А.*
- Петров (правильно *Сорокин А. Е.*) – I: 156
- Петров Александр Петрович – II: 755
- Петров Алексей Алексеевич (профессор Петербургской консерватории) – II: 154, 847, 848
- Петров Алексей Алексеевич – I: 103, 104, 117, 118, 121, 123, 128, 139, 661; II: 505, 506, 529, 539, 544, 670, 675, 833–835, 841
- Петров Алексей Петрович – II: 763
- Петров Григорий Спиридонович, священник – I: 328, 411, 507; II: 314, 316
- Петров Капитон Михайлович, протоиерей – I: 152
- Петров Михаил Петрович, священник – I: 640
- Петров Николай Степанович – I: 768
- Петров Осип Афанасьевич – II: 705
- Петров Петр Николаевич – II: 431
- Петров-Бояринов (наст. фам. Петров) Петр Алексеевич – I: 559, 809; II: 296, 300, 336, 529, 531, 536, 538, 539, 543, 816
- Петровский Евгений Максимович – II: 786
- Петрункевич Иван Ильич – I: 355, 359
- Пешков Николай Николаевич – II: 330, 331
- Пешуров (правильно *Пищер*) – I: 146, 147
- Пиленко Александр Александрович – I: 579, 580, 604
- Питирим, архиепископ Нижегородский – I: 69
- Пичугин Артемий Прокопиевич – I: 353, 712, 713; II: 400, 696
- Пичугин Мирон Артемиевич – II: 400
- Пичугин Сергей Артемиевич – II: 400
- Пищер Валентин Яковлевич – I: 147, 279, 598, 599; II: 343
- Платон, древнегреческий философ – II: 577

- Платон (Николай Иванович Городецкий), архиепископ – I: 778
- Платон (Петр Георгиевич Лёвшин), митрополит – II: 377
- Платонов Степан Федорович – I: 261, 262
- Плевако Федор Никифорович – I: 261, 262
- Плеве Владимир Константинович – I: 221, 261, 262, 277, 310, 311–313, 317, 318, 556
- Плеске Эдуард Дмитриевич – I: 216, 261, 262; II: 124
- Плотникова Наталья Юрьевна – II: 641, 813
- Плюшар Адольф Александрович – I: 247
- Победоносцев Автоном Иванович – II: 523
- Победоносцев Константин Петрович – I: 7, 9, 18–22, 37, 38, 48, 55, 59, 68, 74, 83, 85–87, 113, 115, 116, 134, 138, 141, 155, 157, 166, 168, 196, 224, 237–240, 243, 248, 266, 290–292, 294–296, 310, 311, 315, 317, 319, 320, 327, 328, 331, 336, 361, 384–386, 391, 394, 402–404, 413, 427, 466, 487, 488, 492, 495, 510, 556, 624, 635–748, 754, 760, 766, 768–771, 801; II: 7, 21, 33, 36, 38, 41–44, 47, 51, 52, 85, 93, 200–202, 209, 211, 212, 215, 217, 218, 222, 223, 239, 285–287, 314, 367, 385, 392, 398, 401, 404, 406, 407, 416, 425, 428, 430, 438, 441, 462, 481, 483, 488, 494, 507, 567, 580–582, 586, 596, 597, 601, 610, 615, 671, 679, 680, 688, 697–699, 732, 740, 742, 745, 747, 748, 757, 774, 775, 779
- Победоносцева (урожд. Энгельгардт) Екатерина Александровна – I: 88, 680, 681; II: 286, 777
- Погодин Михаил Петрович – II: 382
- Погосский Александр Фомич – II: 739, 740
- Пожарские – I: 456
- Пожидаева Галина Андреевна – II: 221
- Покровская (урожд. Ламанская) Екатерина Ивановна – II: 198
- Покровский Аркадий Михайлович – I: 381, 382; II: 250, 251
- Покровский Иван Васильевич – II: 197–199, 201, 202, 836, 837
- Покровский Николай Васильевич – I: 298, 300, 325, 326
- Покровский Николай Владимирович, протоиерей – II: 345
- Поленов Василий Дмитриевич – I: 522
- Поллак Борис Владимирович – I: 551, 559
- Поллак В. Б. (правильно *Поллак Б. В.*) – I: 553
- Половцов Александр Александрович – I: 778
- Полубинский Иван Павлович – II: 119, 844, 845
- Полужков Александр Гаврилович – II: 59, 155, 175, 542, 751, 844
- Полянский Петр Федорович (впоследствии митрополит Петр, священномученик) – I: 608, 609
- Померанцев Александр Никанорович – I: 523
- Попадопуло-Керамевс (правильно *Панадопуло-Керамевс*) – I: 298, 300
- Попков (Папков) Василий Илларионович – I: 100, 102; II: 60, 498, 849
- Попов Александр Васильевич, священник – I: 58
- Попов Андрей Николаевич – I: 69, 70
- Попов Николай Петрович – I: 682; II: 471, 472, 476, 478, 481, 488, 500, 503, 599, 826
- Попов Петр Тимофеевич – I: 171, 183
- Попов Сергей Сергеевич – I: 634
- Попов Федор Матвеевич – II: 512, 514
- Попов Хрисанф Михайлович – II: 833–835
- Порфирий (Константин Александрович Успенский), епископ – I: 478, 479, 788; II: 246, 359, 522, 528
- Постников Петр Иванович – II: 257, 259, 289
- Постникова Нина Алексеевна – II: 818
- Потапенко Игнатий Николаевич – II: 144
- Потехин Алексей Антипович – II: 531
- Потехин Павел Антипович – I: 543, 544; II: 531, 533

- Потоцкий Сергей Иванович – II: 472, 473, 659, 660
- Потулов Николай Михайлович – I: 51, 354, 377, 572, 693, 758, 769, 808; II: 14, 312, 379, 400, 402, 407, 500, 552
- Праут (Prout) Эбенезер – II: 633
- Прахов Адриан Викторович – I: 64
- Преображенская Анна Антониновна – II: 536
- Преображенская (урожд. Зуйченко) Мария Лукинична – II: 513, 515, 519, 524
- Преображенский Антонин Викторович – I: 7, 13–15, 19–21, 30, 42, 50, 92, 93, 138–140, 231–233, 236, 349, 360, 377, 394, 414, 416, 425, 435, 439, 440, 442, 446, 449, 452, 463, 464, 476, 478, 488, 543, 546, 547, 549, 553, 558, 559, 571, 572, 614, 620, 624, 627, 687, 782, 786, 787, 790, 791, 809–812, 814–817, 820–824; II: 7, 9, 23, 26, 82, 117, 147, 204, 208, 214, 221, 222, 225, 228, 238, 241, 245, 252, 256, 260, 265–267, 279, 281, 290, 292, 295, 296, 303, 312–314, 319, 331, 336, 373, 407, 423, 445–545, 549, 560, 599–601, 603–605, 731, 733, 756, 757, 763, 764, 786, 791, 817–819
- Преображенский Виктор Антонинович – II: 519
- Преображенский В.Н. (предположительно Владимир Николаевич) – II: 25
- Преображенский Михаил Тимофеевич – I: 667, 668
- Преображенский Петр Григорьевич, диакон – I: 446, 447, 449, 788; II: 451
- Пржебылецкая Мария Николаевна – II: 157
- Прозоровские – I: 456
- Прокин Николай Георгиевич – II: 802
- Прокофьев Всеволод Александрович – II: 448
- Прокофьева (урожд. Отто) Юлия Федоровна – II: 448
- Пронин – I: 113
- Пронские – I: 456
- Протасов Николай Александрович, граф – I: 404, 406
- Протасов Николай Петрович – II: 848
- Протопопов Владимир Васильевич – I: 157
- Протопопов Сергей Васильевич, протоиерей – I: 659, 660; II: 583, 584
- Прохоров Козьма Емельянович – II: 55
- Псевдо-Евклид – см. *Клеонид*
- Пуговкин Иван Алексеевич – I: 313, 315, 316
- Пузыревский Георгий Александрович – II: 815
- Пуришкевич Владимир Митрофанович – I: 532, 534
- Пулята Всеволод Владимирович (в монашестве Владимир) – II: 240
- Пулятин Михаил Сергеевич, князь – I: 109, 110
- Пушкин Александр Сергеевич – I: 26, 155, 210, 237, 239, 241, 264, 277, 307, 362, 368, 398, 399, 510, 512, 514, 541, 575, 670, 671
- Раден Эдита Федоровна, баронесса – II: 19
- Радищев Александр Николаевич – I: 514
- Разумовский Димитрий Васильевич, протоиерей – I: 7–9, 19–21, 50, 51, 63, 69, 70, 233, 234, 354, 377, 452, 572, 613, 649, 650, 697, 698, 701, 710, 711, 713, 717–719, 769, 790, 799, 801, 808; II: 7, 9, 20, 102, 134, 149, 226, 236, 312, 357, 375–444, 449, 457, 483, 487, 488, 504, 550, 551, 554–556, 558–560, 563, 570, 598, 609, 669, 695, 699–702, 770, 773, 774
- Разумовский Михаил Дмитриевич – I: 64; II: 380
- Рапоф Евгений Павлович – I: 551, 553, 559
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович – I: 534; II: 131
- Расторгуев Петр Сидорович – I: 364, 365, 367
- Ратьков-Рожнов Владимир Александрович – I: 778
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi) – II: 365

- Рахманинов Сергей Васильевич – II: 8, 25, 362, 611, 612, 628, 647, 648
- Рахманов Иван Карпович – I: 313, 315, 316
- Рахманов Федор Семенович – II: 177
- Рахманова Марина Павловна – I: 22, 60, 691; II: 8, 9, 29, 392, 425, 454, 552, 613, 625, 672
- Рачинская (урожд. Боратынская) Варвара Абрамовна – I: 676, 678, 746
- Рачинская Варвара Александровна – I: 677, 679, 681, 748
- Рачинская Екатерина Антоновна – I: 746
- Рачинская (в замужестве графиня Толстая) Мария Константиновна – I: 678
- Рачинская Софья Николаевна – I: 679, 681, 682
- Рачинские – I: 676, 678; II: 20
- Рачинский Александр Александрович – I: 677
- Рачинский Григорий Алексеевич – I: 677, 678
- Рачинский Константин Александрович – I: 677
- Рачинский Сергей Александрович – I: 9, 17–20, 37, 64, 66, 67, 85–88, 90, 94–96, 99, 108, 110, 115, 134, 135, 137, 138, 140, 142, 145, 147, 153–155, 164, 170, 203, 217, 219, 231, 241, 249, 253, 259, 263, 280, 286, 358, 375, 446, 479–481, 492, 495, 514, 526–528, 540, 543, 553, 571, 585, 624, 633, 637–639, 641–647, 649, 651, 653, 654, 661, 662, 670, 673, 675–678, 680–682, 691, 692, 694, 695, 701–705, 709, 710, 717–721, 723–732; II: 7, 13–15, 17, 21, 37, 38, 41, 42, 49, 51, 52, 54, 57, 62, 63, 66, 67, 70, 71, 73–75, 78, 79, 84, 119, 126, 133, 138, 141, 172, 177, 217, 269, 285, 309, 310, 365, 367, 369, 397, 401, 416, 441, 506, 507, 552, 554, 560, 609, 669, 685, 702, 732, 777, 779
- Ребиков Владимир Иванович – II: 9, 61, 62, 65, 66, 72, 367, 634, 801–809
- Редигер Александр Федорович фон – I: 396, 397
- Рейнбот Ростислав Антонович – I: 482
- Ремезов Сергей Михайлович – II: 639, 654
- Ренар Иван Карлович – I: 313, 315
- Ренненкампф Павел Карлович – I: 531, 533
- Репин Илья Ефимович – I: 539
- Реформатский Леонид Николаевич – II: 473, 474
- Решке Богумил Вильгельмович – I: 559, 560
- Риземан (Riesemann) Оскар (Оскар Оскарович) фон – II: 9, 452
- Риман (Riemann) Гуго – II: 241, 242, 448, 449, 451, 514
- Римский-Корсаков Андрей Николаевич – II: 451
- Римский-Корсаков Николай Андреевич – I: 36, 38, 39, 80, 81, 99, 108, 123, 134, 259, 276, 558, 559, 585, 586, 731, 734, 766, 770, 799, 808; II: 8, 81, 196, 199, 238, 245, 249, 416, 454, 500, 573, 575, 576, 579, 584, 585, 633, 634, 645, 653, 657, 658, 660, 661, 719, 771, 796, 803, 835, 837, 848
- Рихтер (Richter) Ганс – I: 668; II: 503
- Рихтер (Richter) Эрнст Фридрих – II: 573, 576
- Рогов Василий (в монашестве *Варлаам*) – I: 156
- Рогов Савва – I: 156
- Рогович Алексей Петрович – I: 385, 386, 402, 475, 476, 478, 481, 483, 557, 573, 602, 622; II: 269, 755
- Родичев Федор Измайлович – I: 355, 359
- Рождественский Зиновий Петрович – I: 341, 348, 349
- Розанов Василий Васильевич – I: 726, 727; II: 62, 66
- Розанов Николай Александрович, протоиерей – II: 587–589
- Роман Сладкопевец, преподобный – I: 558
- Романов Николай Ильич – II: 654
- Романовы – II: 239
- Рубинштейн Антон Григорьевич – I: 799; II: 154

- Рубинштейн Николай Григорьевич – I: 799;
II: 381, 388, 395, 396, 649, 654, 669
- Рукавишников Николай Константинович –
II: 818, 819
- Руммель Витольд Владиславович (Василий
Владимирович) – I: 670
- Румянцев Николай Ефимович – I: 278, 287;
II: 119, 478, 479, 481
- Рунеберг (Runeberg) Йохан Людвиг – I:
362
- Рыбаков Сергей Гаврилович – II: 9, 20
- Рыдзевский Константин Николаевич – I:
80–84, 86, 87, 91, 124, 160, 161, 413
- Рычков Иван Гаврилович – I: 83
- Рябинин Иван Трофимович – I: 130
- Ряжский Александр Дмитриевич – I: 360;
II: 9, 436
- С. Д. Ш. (псевдоним *Шереметева С. Д.*)
– I: 28, 33, 264, 820, 824
- С. М. П. (псевдоним священника *Петрова
М. П.*) – I: 640
- С – н (псевдоним *Сорокина А. Е.*) – I:
157
- Сигма (псевдоним *Сыромятнико-
ва С. Н.*) – II: 640
- Старый московский священнослужитель
(псевдоним *Амвросия (Ключарева),
архиепископа*) – II: 682
- Саблер Владимир Карлович – I: 48, 237–
239, 288, 292, 295, 330, 331, 379, 653,
661, 663, 672, 692, 710, 727, 728; II: 94,
467, 567, 568, 581–583, 718, 719, 737,
740, 742
- Сабуров Александр Петрович – I: 57, 60,
61
- Сабуров Андрей Александрович – II: 40
- Сабуров Борис Александрович – I: 60,
316
- Сабуров Георгий Александрович – I: 58,
316–318
- Сабурова Александра Андреевна – I: 54,
287; II: 49
- Сабурова (урожд. графиня Соллогуб) Ели-
завета Владимировна – I: 675; II: 42,
48, 49, 51, 85, 115, 317, 371
- Сабуровы – I: 747; II: 20, 39, 48
- Савва (Иван Михайлович Тихомиров), ар-
хиепископ – I: 778
- Савваитов Павел Иванович – I: 779
- Савватий (Степан Васильевич Лёвшин),
архиепископ старообрядческой церкви
– I: 314
- Савельев Виктор Константинович – II:
126, 132, 134, 136
- Садоков Константин Иванович – I: 651,
652
- Саккетти Ливерий Антонович – I: 22, 67,
657, 658, 740; II: 9, 62, 207–210, 236,
245, 251–253, 299, 650, 651, 773–779,
788, 791, 833, 834, 837
- Салиас де Турнемир Евгений Андреевич,
граф – I: 390–392; II: 221, 222
- Салтыков – см. *Салтыков-Щедрин М. Е.*
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович –
I: 352, 514, 523
- Салтыковы – I: 456
- Самарин Александр Дмитриевич – I: 592;
II: 317
- Самарин Иван Степанович – I: 553
- Самарин Петр Дмитриевич – I: 592
- Самарин Юрий Федорович – I: 592
- Самарина Мария Сергеевна – I: 551
- Самарины – I: 241, 514; II: 22
- Самозванец – см. *Ажедимитрий I*
- Самсонов Т. – II: 243, 350, 359
- Сапуненко – I: 610, 611
- Сарти (Sarti) Джузеппе – I: 394, 507, 762,
807; II: 406
- Сафонов Василий Ильич – II: 105, 113,
114, 135, 612, 615, 619, 632, 635–640,
643, 645–648, 652, 657–661, 695, 784,
786
- Сахаров Иван Петрович – I: 69, 70, 157;
II: 410, 412
- Сахаров Петр Ионович – I: 655
- Саша – см. *Альсон А. И.*
- Свечников Николай Васильевич – II: 99,
101, 104, 106, 111, 113, 114, 132
- Святополк-Мирский Петр Дмитриевич,
князь – I: 64, 277, 278, 309–312, 315–
319, 322–325, 327; II: 202

- Святославский Иоанн Ильич, диакон – II: 381, 382
- Севастьянов Петр Иванович – II: 493
- Селифонтов Николай Николаевич – I: 778
- Семен Август – II: 429
- Семен Семенович – II: 336
- Семенов Иван Васильевич – II: 409
- Сенатов Василий Гаврилович – I: 682, 685, 686, 689; II: 201, 216, 218
- Сеодзи Сергей Никодимович – I: 702
- Серафим Саровский (Прохор Сидорович Мошнин), преподобный – I: 39, 110, 186, 277; II: 655
- Серафим (Леонид Михайлович Чичагов), митрополит – I: 473
- Сергеевич Василий Иванович – I: 325, 326
- Сергей Александрович, великий князь – I: 31, 75, 490, 655, 662, 663; II: 580, 672
- Сергей Александрович – см. *Рачинский С. А.*
- Сергей Иванович – см. *Танеев С. И.*
- Сергий (Николай Яковлевич Ляпидевский), митрополит – I: 274, 663, 747; II: 588
- Сергий (Иван Николаевич Страгородский), патриарх – I: 238, 240, 247, 427; II: 8
- Сергий Михайлович – см. *Клейнер С. М.*
- Сергий Радонежский, преподобный – I: 297, 437, 510, 767; II: 175
- Серебrenицкий Иван Иванович – II: 469, 478, 479, 481, 503, 826
- Серединский Михаил Михайлович – I: 75–77, 92
- Середонин Сергей Михайлович – I: 325, 326
- Серов Александр Николаевич – I: 799; II: 436, 802
- Сибелиус (Sibeliус) Ян – II: 666
- Сигизмунд III Ваза, король Польши – I: 443
- Сильвестр Медведев – см. *Медведев С. А.*
- Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович), монах – I: 426, 784, 785, 789
- Сипягин Дмитрий Сергеевич – I: 29, 64, 131, 132, 134, 137, 138, 312, 557; II: 218
- Сиротинин Василий Николаевич – II: 143
- Ситник Иван Максимович – I: 94, 96, 220, 504
- Ситникова Настасья Тихоновна – II: 429, 430
- Скалон Георгий Антонович – I: 531, 533
- Скарлатти (Scarlati) Алессандро – II: 32, 617, 618
- Скворцов Павел Арсеньевич – I: 655
- Склифосовский Николай Васильевич – I: 708
- Скобелев Михаил Дмитриевич – I: 332, 549
- Скрябин Александр Николаевич – II: 367
- Славянский – см. *Агрнев-Славянский Д. А.*
- Слонов Михаил Акимович – II: 57
- Смельский Сергей Елеазарович – I: 90, 93, 124, 160, 229–231, 236, 290
- Смирнов Александр Константинович – I: 287, 727; II: 103, 105, 119, 473, 474, 477, 484, 506, 510, 512, 515
- Смирнов Николай Павлович – II: 833, 834
- Смирнов Петр Алексеевич, протоиерей – I: 64, 235
- Смирнов Степан Александрович – I: 100, 102, 114, 179, 184, 196, 198, 275; II: 117, 119, 158, 171–173, 482, 483, 486
- Смирнова (урожд. Сазонова) Софья Ивановна – I: 399, 400
- Смирновы, Александр Константинович и Любовь Александровна (урожд. Аляева) – II: 337
- Смоленская (урожд. Альсон) Анна Ильинична – I: 54, 215, 227, 252, 256, 257, 270, 287, 327, 431, 471, 474, 495, 547, 548, 608, 610–612, 614, 615, 618, 619, 668, 678; II: 14, 23, 44, 48, 49, 53, 57, 84, 89, 91, 99, 102, 112, 124, 127, 129, 137, 139, 146, 149, 153, 155, 162, 165, 166, 171, 173, 179, 180, 182, 185–189, 191, 192, 195, 202, 205, 209, 212, 220, 237, 242, 247–250, 255–259, 264, 267, 269–271, 276, 280, 281, 285, 287–290, 292, 293, 296, 297, 299, 303, 305–307, 312, 317, 318, 320, 321, 323, 326, 327,

- 332, 334, 338, 340, 342, 343, 372, 373, 476, 478, 490, 498, 504, 506, 510, 511, 514, 519, 523, 524, 526, 579, 580, 593, 594, 602, 603, 646, 649, 650, 654, 655, 657–659, 663–665, 689, 697, 699, 701, 721, 723, 743–747, 750, 753, 754, 756, 763, 777, 816, 818, 819, 825, 827, 835, 836, 843–850
- Смоленская (урожд. Колерова) Евдокия Степановна – I: 219
- Смоленская (в замужестве Гауэнштейн) Мария Васильевна – I: 309; II: 88, 145, 234
- Смоленская (в замужестве Фролова) Ольга Васильевна – I: 287, 309; II: 88, 145
- Смоленский Александр Васильевич – II: 145
- Смоленский Василий Герасимович – I: 219
- Смоленский Гавриил, священник – I: 287
- Смоленский Иван Федорович – I: 116; II: 115
- Собакин (предположительно Иван Петрович), псаломщик – I: 274
- Соболевский Алексей Иванович – I: 321, 322, 478, 552, 554; II: 231, 234
- Соболевский Николай Иванович – II: 477–479, 481, 483
- Сойкин Петр Петрович – II: 784
- Сокальский Петр Петрович – II: 36, 357
- Соколов (брат *И. Г. Соколова*), псаломщик – II: 83, 95, 104
- Соколов Адриан Федорович – II: 833, 839–841
- Соколов Александр Николаевич – II: 691, 692
- Соколов Дмитрий Иванович – I: 211, 212; II: 50, 51, 57, 58, 61
- Соколов Иван Григорьевич – II: 104, 106, 161, 162, 164, 166, 170–172, 182, 244, 287, 293, 294, 298, 300, 302
- Соколов Иван Петрович – II: 83, 86
- Соколов Николай Александрович – II: 645
- Соколов Николай Иванович (регент) – II: 391, 392, 829
- Соколов Николай Иванович – II: 53
- Соколова (Соколова-Фрелих) Ольга Васильевна – II: 406
- Соколовский Эрнест Эмильевич – II: 310
- Сокольский Николай Николаевич – II: 106, 107, 109–111, 114, 478, 479
- Солдатенков Козьма Терентьевич – I: 778
- Солдаткин Петр Илларионович – I: 778
- Соллогуб, граф – II: 105
- Соллогуб Владимир Александрович, граф – II: 40
- Соллогуб (в замужестве Сабурова) Елизавета Владимировна, графиня – II: 40
- Соллогубы – II: 19
- Соловьев Владимир Сергеевич – I: 510; II: 230
- Соловьев Дмитрий Николаевич – I: 238, 239, 337, 478, 594, 688–690, 769; II: 255, 268, 386, 541, 699, 718, 719
- Соловьев Константин Иванович – II: 466, 469
- Соловьев Николай Феопемптович – I: 466, 470, 550, 551, 558, 561–566; II: 294–296, 313, 336, 451, 521, 523, 530–533, 715, 801
- Соломин Иоанн Павлович, протоиерей – I: 656
- Сорокин Андрей Ефимович – I: 157
- Сорокин Евграф Семенович – II: 615, 616
- Сорокин Николай Васильевич – I: 307, 308
- Софронов (Сафронов) Василий Софронович – I: 36
- Софья – см. *Чичерина С. В.*
- Софья Алексеевна, царевна – I: 789
- Софья Сергеевна – см. *Волкова С. С.*
- Сперанский Михаил Михайлович – I: 514
- Сперанский Сергей Иванович – I: 89, 90
- Спешков Сергей Федорович – I: 343, 344, 366
- Срезневский Всеволод Измайлович – II: 208, 209
- Срезневский Измаил Иванович – I: 552, 553; II: 360, 423
- Станкович (Станковић) Корнелие – II: 685

- Стасов Владимир Васильевич – I: 658; II: 8, 270, 385, 391, 423–425, 528, 529, 651, 672, 712, 769, 770, 786, 794
- Стасов Дмитрий Васильевич – II: 672, 769
- Стахович Михаил Александрович – II: 491, 492
- Стеклов Михаил Ефимович – I: 642; II: 66
- Стеллецкий Дмитрий Семенович – II: 28
- Степанов Клавдий Петрович – I: 491, 599
- Степанов Михаил Петрович – I: 655
- Степанов Филипп Петрович – I: 655; II: 314, 316, 759–762, 826
- Стефан (Семен Семенович Храп), епископ Пермский, святитель – I: 143
- Стефан Гольш – I: 156
- Стефан Пермский – см. *Стефан (Храп)*
- Стишинский Александр Семенович – II: 239
- Столыпин Дмитрий Аркадьевич – I: 779
- Столыпин Петр Аркадьевич – I: 331, 403, 496; II: 131
- Страделла (Stradella) Алессандро – II: 92, 615
- Страдивари (Stradivari) Антонио – II: 276
- Стрекалова (урожд. княжна Касаткина-Ростовская) Александра Николаевна – II: 285
- Стрешневы – I: 456
- Строганов Иван Николаевич – II: 826
- Строганов Иоанн Адрианович, священник – II: 478, 479, 489
- Строганов Сергей Григорьевич, граф – I: 778
- Строев Павел Михайлович – II: 417
- Строк Лев (Лейба) – II: 204–206, 208, 209
- Струве Василий Яковлевич – II: 65, 66
- Струков Николай Владимирович – II: 275
- Ступин Алексей Дмитриевич – II: 531
- Стюрлер Александр Николаевич – I: 152
- Суворин Алексей Сергеевич – I: 35, 312, 342; II: 721, 722
- Суворов Александр Васильевич, князь – I: 241, 510, 531
- Суворов Николай Иванович – I: 282, 283
- Сувчинский Петр Петрович – II: 372
- Сугробов Иван Гаврилович – II: 782
- Султанов Николай Владимирович – I: 322, 323, 489, 490, 496, 498, 500, 523, 595; II: 276
- Сумароков Александр Петрович – I: 586
- Суслов Владимир Васильевич – I: 523
- Суханов Арсений – см. *Арсений (Суханов)*
- Сыромятников Сергей Николаевич – II: 640
- Таиров Павел – II: 495
- Тайшанович (Тажшановић) Никола – II: 685
- Талапкович (Талапковић) Емельян – II: 685
- Танеев Александр Сергеевич – I: 600; II: 20, 319–321, 644, 645
- Танеев Владимир Иванович – II: 612, 638, 644, 645
- Танеев Сергей Иванович – I: 7, 19–21, 81, 262, 600, 649, 660; II: 7, 8, 32, 34, 69, 105, 106, 199, 256, 312, 320, 382, 550, 579, 584, 585, 599, 607–666, 670, 671, 673, 676, 678, 804, 818, 820, 824, 825
- Тараненко – II: 543
- Тарасов Олег Юрьевич – I: 31
- Татищев Сергей Спиридонович – I: 281
- Татьяна (Татьяна Алексеевна Амбразанцева-Нечаева, в иночестве Никона) – II: 22, 27, 95, 96, 261, 262, 270, 292, 296, 302, 308–311, 316, 318, 320, 321, 327, 332, 341, 343, 344
- Теляковский Владимир Аркадьевич – I: 428, 429
- Тернов Иван Яковлевич – I: 337, 816, 824; II: 116, 291, 320, 708, 715, 725, 833, 845, 846, 849
- Терновский Сергей Владимирович – II: 494, 510
- Тертий – см. *Филиппов Т. И.*
- Тибо (Thibaut) Антон Фридрих – II: 32, 33
- Тибо (Thibaut) Жан Батист, аббат – II: 9, 206, 207, 235, 237, 241, 251, 252

- Тимофеев Николай Васильевич – I: 599 269, 272–274, 559, 809; II: 9, 55, 82,
117, 122, 135, 143, 160, 173, 174, 229,
Тимофей Милетский – II: 146 300, 498, 499, 505, 506, 531, 536, 833–
836, 839–850
- Титов Василий Поликарпович (Титович) – I: 241, 783–785, 789
- Тихомиров Дмитрий Максимович – I: 255–257; II: 499
- Тихон (Василий Иванович Беллавин), патриарх Московский, святитель – I: 59
- Тихон Макарьевский (Макариевский), монах – II: 418, 421, 436, 443, 559
- Тихонов Н.П. – I: 308
- Тихонравов Николай Савич – I: 779
- Товия (Трофим Тихонович Цымбал), архимандрит – I: 436, 437; II: 259
- Толгский Василий Васильевич – I: 73, 75
- Толоконников Василий Васильевич – II: 301, 302
- Толстая (урожд. Зубова) Мария Николаевна, графиня – I: 633
- Толстая (урожд. Бахметева) Софья Андреевна, графиня – II: 17
- Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна, графиня – I: 260, 262, 266; II: 621, 644
- Толстой Алексей Константинович, граф – I: 331, 477, 490; II: 16–19
- Толстой Дмитрий Андреевич, граф – I: 426, 427, 593; II: 386
- Толстой Егор Алексеевич, диакон – I: 150, 153
- Толстой Иван Иванович – I: 31
- Толстой Лев Николаевич, граф – I: 261, 262, 266, 514, 522, 638, 642, 660; II: 16, 17, 121, 621, 645, 669
- Толстой Михаил Владимирович, граф – II: 380
- Толстой Сергей Львович, граф – I: 678; II: 633
- Толстой Федор Андреевич, граф – II: 359
- Толстой Юрий Васильевич – I: 778
- Толстые – I: 676
- Толстяков Николай Нилович – II: 472, 473, 499, 763
- Толстяков (псевдонимы Драгомиров, Драгомиров-Толстяков) Павел Нилович – I: 118, 171, 179, 181, 182, 240,
- Толстякова Любовь Ивановна – II: 847, 848
- Томсон Иван Петрович – II: 99
- Трепов Дмитрий Федорович – I: 188, 191, 352, 353, 355; II: 239, 240, 242
- Трепов Федор Федорович – I: 778
- Трифон (князь Борис Петрович Туркестанов), митрополит – I: 58
- Трифон Вятский, архимандрит, преподобный – I: 282, 455
- Троицкая Елизавета Ивановна – II: 332, 341
- Троицкий Геннадий – II: 487
- Тромонин Корнилий Яковлевич – II: 429–431
- Трубецкая Надежда Борисовна – I: 577
- Трубецкие – I: 456
- Трубецкой Евгений Николаевич, князь – II: 317
- Трубецкой Сергей Николаевич, князь – I: 359–361, 399, 400; II: 227–230
- Труворов Аскалон Николаевич – I: 778
- Турагинов Евгений Святославович – II: 679
- Тумаков – II: 553
- Тур Владимир Антонович – II: 776
- Тураев Борис Александрович – I: 358, 359, 361, 632
- Тургенев Иван Сергеевич – I: 352, 522, 670; II: 16, 19
- Тургеневы – I: 514
- Турчанинов Петр Иванович, протоиерей – I: 187, 190, 242, 244, 245, 250, 268, 603, 671, 679, 680, 702, 798, 807; II: 15, 24, 79, 92, 115, 116, 175, 327, 330, 333, 334, 336, 344, 364, 367, 388, 407, 429, 461, 575, 576, 751
- Тютчев Иван Федорович – I: 90, 91, 95
- Тютчев Федор Иванович – I: 91, 92
- Тютчева (в замужестве Аксакова) Анна Федоровна – I: 91, 92; II: 382
- Тютюнник Василий Саввич – II: 475, 476

- Уваров Алексей Сергеевич, граф – I: 476; II: 282, 407, 410
Уваров Сергей Семенович – I: 514
Уварова Ольга Яковлевна – II: 588
Ундольский Вукол Михайлович – I: 552–554; II: 193, 412, 419–421, 559
Урицкий Моисей Соломонович – I: 59
Услаль Александр Антонович – II: 595
Усов Николай Николаевич – I: 500
Успенский – см. *Порфирий, епископ*
Успенский Глеб Иванович – II: 142, 144
Успенский Николай Васильевич – II: 144
Успенский Федор Иванович – I: 151, 441, 443, 451–453, 491
Ушаков Михаил Федорович – II: 637, 639
- Фаддеев Иван Михайлович – II: 182
Фаминцын Александр Сергеевич – II: 436, 577
Фатеев Василий Александрович – II: 845, 846
Федор Алексеевич, царь – II: 818
Федор Иванович – см. *Маслов Ф. И.*
Федор (Феодор) Крестьянин (Христианин), священник – I: 156
Федоров Александр Александрович – I: 190, 565; II: 523, 530, 534
Федоров Венедикт Савельевич – I: 160
Федоров Михаил Павлович – I: 360, 361
Федченко Борис Алексеевич – I: 500
Фельдберг (Миклашевская) – II: 204
Феогност (Георгий Иванович Лебедев), митрополит – I: 378, 380
Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерский, преподобный – I: 791; II: 232, 453
Феоктист (Иван Мочульский), архиепископ – I: 807
Феофан (Федор Александров), архимандрит – I: 799, 807; II: 461, 480, 482
Феофан (Георгий Васильевич Говоров), епископ – II: 172
Фердинанд I Кобургский, царь Болгарии – I: 140, 667, 668
Филарет (Дмитрий Григорьевич Гумилевский), архиепископ – II: 423
Филарет (Василий Михайлович Дроздов), митрополит Московский, святитель – I: 758, 769, 771; II: 381, 386, 555, 585
Филипп (Федор Степанович Кольчев), митрополит Московский, святитель – I: 510
Филиппов Третий Иванович – I: 22, 38, 133, 134, 702, 766–771; II: 698, 699
Финдейзен (в замужестве Тюнина) Людмила Николаевна – II: 788
Финдейзен Николай Федорович – I: 11, 152, 167, 231, 283, 304, 339, 410, 482, 483, 506, 524, 525, 588, 600, 673, 808; II: 7, 25, 27, 67, 73, 75–78, 134, 223, 256, 333, 373, 487, 488, 529, 541, 618, 624, 650, 651, 655, 656, 707, 715, 770, 781–794
Фирсов Сергей Львович – I: 319
Флавиан (Николай Николаевич Городецкий), митрополит – I: 427, 579, 581; II: 318
Флейшер (Fleischer) Оскар – I: 627, 629; II: 218, 219, 221, 235, 244, 250–252
Флёрин Павел Алексеевич – I: 727
Форе (Fauré) Габриель – II: 25
Фортов Иван Аверьянович – I: 9, 710, 712, 713; II: 383, 384, 403, 404, 557, 558, 561, 696, 765
Фотиев (правильно *Фатеев*) – II: 845
Фотий (Петр Никитич Спасский), архимандрит – I: 59
Фредерик Владимир Борисович, барон (с 1913 граф) – I: 81, 87, 93, 106, 109, 110, 160, 167, 182, 198–200, 203–208, 236, 258, 289, 290, 413, 470; II: 50, 178, 184
Фридман (Friedmann) Фридрих (?) – II: 797
Фридрихс – см. *Фредерикс В. Б.*
Фуллер-Мейтланд (Fuller-Maitland) Джон Александр – II: 731
Фуллон Иван Александрович – I: 324, 325
Фульда Фердинанд Леопольдович – II: 648
Халс (Хальс; Hals) Франс – I: 260
Херубини – см. *Керубини Л.*

- Хилков Михаил Иванович, князь – I: 262
Хитрово – I: 456
Хитрово Василий Николаевич – I: 622
Хитрово (урожд. Тарситани) Софья Доминиковна – I: 621, 622
Хлудов Алексей Иванович – I: 69–71
Ходский Леонид Владимирович – I: 328
Хомяков Алексей Степанович – I: 241, 332; II: 641
Хрущов Иван Петрович – I: 297, 778
Худеков Сергей Николаевич – II: 34
Хэпгуд (Hargood) Изабель Флоренс – II: 270
- Цветков Николай Васильевич, протоиерей** – II: 489, 490
Цецилия, принцесса Дармштадтская – I: 242
Циммерман Юлий Генрих – II: 68, 69, 75, 88, 205, 595
Цонев Беню – I: 450
Цоппис (Zoppis) Франческо – I: 807
Цымбал Иван Михайлович – II: 472, 173
- Чайковский Модест Ильич** – II: 7, 77, 635, 639, 644, 645, 667, 671, 677–682
Чайковский Петр Ильич – I: 21, 76, 242, 243, 268, 276, 429, 522, 639, 643, 799, 807, 808; II: 7, 8, 20, 59, 71, 76–78, 80, 83–85, 88, 102, 115, 116, 138, 191, 192, 335, 358, 362, 382, 388, 396, 428, 430, 431, 447, 448, 454, 497, 500, 503, 518, 541, 550, 575, 576, 611, 617, 626, 634, 644, 645, 653, 667, 669–682, 711, 729, 731, 739, 751, 769, 802, 806, 807, 818, 844
Черепнин Николай Николаевич – II: 846
Черкасские – I: 456
Чернов (предположительно Сергей Николаевич) – I: 821
Черняев Михаил Григорьевич – I: 8
Черткова (урожд. Дитерихс) Анна Константиновна – II: 321, 322, 324
Чесноков Александр Григорьевич – I: 118, 179, 721; II: 55, 74–76, 82, 85, 87, 117, 118, 122, 135, 143, 154, 160, 163, 173, 498, 505, 506, 611, 635, 804, 827, 829–837, 841, 850
Чесноков Алексей Григорьевич – II: 9
Чесноков Григорий Петрович – II: 55
Чесноков Михаил Григорьевич – I: 721
Чесноков Павел Григорьевич – I: 255, 256, 364, 384, 488, 721, 737, 808, 820; II: 9, 24, 55, 75, 76, 145, 204, 206, 244, 249, 301, 373, 467, 468, 473, 475, 484, 488, 491, 497, 499, 508–510, 550, 611, 628, 657–660, 760, 763, 776, 815–827
Чесноков Яков Григорьевич – II: 816
Чехов Антон Павлович – I: 362
Чечотт Виктор Антонович – II: 70
Чижевский Иоанн Лукич, протоиерей – II: 430, 431
Чижов Алексей Петрович – II: 648
Чижова Пелагея Васильевна – II: 610, 644, 646, 647, 649, 652, 654, 656, 658–660, 663, 664, 666
Чичерин Борис Николаевич – I: 88, 592
Чичерин Юрий (Георгий) Васильевич – I: 155
Чичерина (в замужестве Бобровникова) Софья Васильевна – I: 54, 287, 338, 339, 357, 363, 593; II: 73, 202, 222, 223, 234
Чичерины – I: 584; II: 846
Чубарова (в замужестве Шереметева) Ольга Геннадьевна – I: 59
- Ш¹ (Шишков А.Н.)**
Ш² (Шифинский-Шихматов А.А.)
Ш³ (Шереметев А.Д.)
Ш⁴ (Шереметев С.Д.)
Шайдуров Аким (правильно Шайдуров Иван) – I: 806
Шайдуров (Шайдур) Иван Акимович – I: 806; II: 383, 413, 429, 431, 577
Шаляпин Федор Иванович – II: 64, 289
Шампольон (Champollion) Жан Франсуа – II: 220, 221
Шанявский Альфонс Леонович – II: 24
Шапиро Монель Нахумович – II: 208, 209, 214, 518, 523

- Шатохин Леонтий Николаевич – I: 194
- Шахматов Алексей Александрович – I: 552, 554, 620; II: 202–204, 228, 233, 236, 237, 240, 243
- Шаховской Дмитрий Иванович, князь – I: 359
- Шаховцов (правильно *Шеховцев А. З.*) – I: 62
- Шварц Александр Николаевич – II: 314, 316
- Шведов Константин Николаевич – II: 301, 302, 472, 473, 611, 763
- Шеве (Chevé) Эмиль – II: 367, 397
- Шелкова Анастасия Алексеевна – II: 754
- Шемякин Василий Иванович – I: 659; II: 491, 492
- Шервашидзе Георгий Дмитриевич, князь – I: 144; II: 50, 52
- Шереметев Александр Дмитриевич, граф – I: 12, 19, 33–36, 39, 41, 52, 53, 57, 68, 78–84, 87, 91–93, 96–98, 101, 105, 106, 111, 112, 115, 118, 119, 121, 123–127, 136, 141, 142, 151–154, 158, 160, 164–169, 171–173, 176–178, 180, 181, 183–185, 187, 188, 192, 193, 195–198, 200, 204–212, 214, 217, 218, 222, 228–230, 239, 242, 255, 258, 262, 264, 269, 270, 286, 289, 290, 293, 295, 346, 352, 441, 442, 463, 466, 470, 482, 496, 550, 559, 563–566, 592, 659, 744, 745, 778; II: 45, 46, 50, 95, 109, 141, 143, 155, 157–161, 163, 164, 167–171, 173, 174, 176–187, 194, 200, 248, 249, 294, 295, 300, 313, 451, 514, 517, 529, 530, 533, 534, 652, 792, 793, 798, 844, 849
- Шереметев Борис Борисович, граф – I: 58, 59
- Шереметев Борис Петрович, граф – I: 25
- Шереметев Борис Сергеевич (дядя С. Д. *Шереметева*), граф – I: 275, 485, 487, 779
- Шереметев Борис Сергеевич (сын С. Д. *Шереметева*), граф – I: 58
- Шереметев Василий Сергеевич – I: 382
- Шереметев Дмитрий Николаевич, граф – I: 25, 33, 103, 331
- Шереметев Дмитрий Сергеевич, граф – I: 41, 58, 165, 167, 175, 176, 178, 181, 182, 184, 185, 191, 193, 216, 224, 248, 252, 262, 300, 301, 320, 326, 362, 367, 368, 370, 371, 373, 374, 377, 385, 413, 415, 584
- Шереметев Иоанн – I: 456
- Шереметев Иосиф – I: 456
- Шереметев Николай Дмитриевич, граф – I: 33
- Шереметев Николай Петрович, граф – I: 25, 59
- Шереметев Павел Сергеевич, граф – I: 58, 359, 599
- Шереметев Петр Сергеевич, граф – I: 26, 58, 534
- Шереметев Сергей Алексеевич – I: 62
- Шереметев Сергей Дмитриевич, граф – I: 7, 10, 12, 14–634, 638, 644, 658, 675, 681, 690, 694, 739, 743, 744, 751, 760, 765, 769–771, 778, 781, 794, 795, 802, 809–812, 814–818, 820, 821, 823; II: 7, 8, 13, 14, 20, 41, 52, 138, 158, 160, 163, 164, 168–173, 178, 184, 186, 187, 189, 191, 193, 194, 199, 202, 205, 206, 209–212, 215–218, 221–223, 228–231, 240, 242, 246, 247, 256, 257, 259–261, 263–265, 269–271, 279, 286, 292, 294, 296–298, 300, 301, 307, 315, 317, 319–325, 327, 333, 340, 380, 385, 416, 450, 477, 480, 483, 484, 488, 495, 502, 509, 513, 516, 517, 519, 520, 522, 525, 529, 530, 532, 533, 540, 542–545, 601, 602, 605, 652, 655, 714, 719, 733, 785, 792–794, 799, 826, 827, 843, 844, 850
- Шереметев Сергей Дмитриевич (младший), граф – I: 362
- Шереметев Сергей Сергеевич, граф – I: 58
- Шереметев Федор Иванович, боярин – I: 456
- Шереметев Феодор (в схиме Феодосий) – I: 456
- Шереметева (в схиме Александра) – I: 456
- Шереметева (в схиме Анисия) – I: 456

- Шереметева (в схиме Евфросиния) — I: 456
- Шереметева (в схиме Феодосия) — I: 456
- Шереметева (в замужестве Сабурова) Анна Сергеевна, графиня — I: 59, 61, 62, 316; II: 14
- Шереметева (урожд. Шереметева) Анна Сергеевна, графиня — I: 25, 27, 33
- Шереметева (урожд. Алмазова) Варвара Петровна — I: 141
- Шереметева (урожд. княжна Вяземская) Екатерина Павловна, графиня — I: 21, 42, 58, 161, 170, 360, 369, 411, 430, 431, 447, 458, 484, 504, 609, 617–619, 778; II: 258, 325
- Шереметева (урожд. графиня Воронцова-Дашкова) Ирина Илларионовна, графиня — I: 603, 604
- Шереметева (в замужестве графиня Гудович) Мария Сергеевна, графиня — I: 37, 61, 66, 265
- Шереметева (урожд. графиня Гейден) Мария Федоровна, графиня — I: 39, 203, 204, 228, 263, 264, 275, 276, 284; II: 44, 45, 48, 50, 158
- Шереметева (урожд. Столыпина) Наталия Афанасьевна — I: 382, 622
- Шереметева (урожд. Чубарова) Ольга Геннадьевна — I: 59
- Шереметева (урожд. Шипова) Ольга Николаевна — I: 263, 275, 276
- Шереметева (урожд. Ковалева, сценический псевдоним Жемчугова) Прасковья Ивановна, графиня — I: 27
- Шереметевы — I: 20, 25–28, 32, 33, 35, 42, 50, 59, 60, 62, 82, 97, 229, 365; II: 271, 733
- Шестакова Людмила Ивановна — I: 629; II: 48, 61, 84, 121, 123, 133–135, 137–140, 156, 157, 164, 165, 189, 198, 199, 250, 368, 370, 486, 651
- Шеффер Петр Николаевич — I: 99, 100, 614, 812; II: 255, 258, 297, 300
- Шеховцев Андрей Захарович, протоиерей-кон — I: 62
- Шидловский Павел — I: 617
- Шиллер (Schiller) Фридрих — I: 343; II: 82
- Шипов Дмитрий Николаевич — I: 355, 359
- Ширинская-Шихматова (урожд. Мезенцова) Леокадия Петровна, княгиня — I: 109
- Ширинские-Шихматовы — I: 55, 401
- Ширинский — см. *Ширинский-Шихматов А. А.*
- Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, князь — I: 37, 39, 48, 55, 67, 68, 74, 79, 83, 88, 91, 111, 115, 178, 196, 198, 206, 207, 213, 214, 230, 249, 265, 277, 278, 330, 331, 365, 366, 384–386, 401–404, 431, 466, 479, 481, 488, 622, 624, 628, 647, 659, 663, 673, 687, 689, 730, 731, 734–736, 738, 740, 748; II: 43, 93, 100, 106, 110, 124, 125, 148, 165, 184–187, 199, 200, 209, 211, 212, 215, 225, 233, 239, 241, 447, 470, 471, 472, 484, 485, 490, 498, 506, 567, 568, 582, 598, 599, 628, 643, 687, 692, 761, 795, 805, 821, 822, 835
- Ширинский-Шихматов Сергей Александрович, князь — I: 237, 239
- Шихматов — см. *Ширинский-Шихматов А. А.*
- Шишкин Николай Егорович — II: 645
- Шишков Андрей Николаевич — I: 649–652, 654–656, 658, 659, 710, 718–720, 727, 728, 730; II: 120, 121, 124, 125, 187, 387, 404, 438, 609, 615, 671, 678–680, 685, 696
- Шлипс Владимир Карлович — I: 75, 76, 94
- Шляпкин Илья Александрович — I: 325, 326
- Шмидт Густав Германович — I: 251
- Шопен (Chopin) Фридерик — I: 155; II: 53, 99, 138, 368
- Шор Давид Соломонович — II: 143, 147
- Шохин Леонид Игоревич — I: 28
- Шпекин Густав Федорович — II: 132
- Шрайбер (Schreiber) Генрих — II: 626
- Шредер Карл Карлович — II: 595, 701, 844

- Штакельберг Константин Карлович, барон – I: 109, 110, 116, 175, 177, 178, 297; II: 640
- Штиглиц Александр Людвигович, барон – I: 274
- Шуберт Александр Васильевич – I: 608
- Шуберт (Schubert) Франц – I: 591; II: 138
- Шуйский Василий Иванович, царь – II: 524
- Шуман (Schumann) Роберт – II: 32, 113, 138
- Шютц (Schütz) Генрих – II: 32, 617, 618
- Щеглов** Андрей Николаевич – I: 451
- Шербатов Александр Алексеевич, князь – II: 381
- Щетнев Михаил Иоаннович, священник единоверческой церкви – I: 710–712; II: 8, 386, 695, 696
- Эдвардс** (Edwards) – I: 440
- Эдинг Борис Николаевич – II: 24, 25
- Эйснер – II: 512
- Энгель Юлий Дмитриевич – II: 297, 514
- Энквист Оскар Адольфович – I: 348, 349
- Эпиктет – I: 160
- Эрарский Анатолий Александрович – I: 657, 746; II: 48, 49, 61, 63, 66, 87, 484, 486, 489, 611, 616, 673, 674, 677, 788
- Эрдмансдёрфер (Erdmannsdörfer) Макс – II: 641
- Эрлих Рудольф Иванович – II: 143
- Эсаулов – см. *Есаулов А. П.*
- Эттинген (Oettingen) Артур фон – II: 48, 49, 79, 81, 84
- Юм** (Дэнглас-Юм) Григорий Данилович – II: 322
- Юргенсон Борис Петрович – I: 506, 507; II: 321, 824, 826
- Юргенсон Григорий Петрович – I: 506, 507
- Юргенсон Иосиф Иванович – II: 322
- Юргенсон Петр Иванович – I: 358, 506, 507; II: 65, 322, 324, 380, 407, 428, 430, 514, 518, 669, 672, 677, 678, 680, 706, 742, 769, 796, 804, 811–813
- Юферов Сергей Владимирович – I: 152
- Юханов Петр Иванович – II: 821
- Ягич** (Јагић) Ватрослав (Игнатий Викентьевич) – I: 441–443, 446, 449, 450, 788; II: 265
- Яичков Дмитрий Моисеевич – II: 8, 24
- Яковлев Алексей Иванович – II: 25, 367, 371–373
- Яковлев Иван Яковлевич – I: 237, 239, 341, 700
- Яковлев Сергей Павлович – II: 660
- Якунчиков Николай Васильевич – II: 818
- Янчук Николай Андреевич – II: 279–281, 289
- Янышев Иоанн Леонтьевич, протопресвитер – I: 273, 290, 291; II: 94, 160, 844
- Ярослав Мудрый, святой благоверный великий князь – I: 780; II: 339, 351
- Ястребов Иван Степанович – I: 707, 709
- Allegri Gregorio – см. *Аллегри Г.*
- Bach Philipp Emanuel – см. *Бах Ф. Э.*
- Beethoven Ludwig – см. *Бетховен Л.*
- Biordi Giovanni – II: 675
- Bökelmann Bernardus – см. *Бёкельман Б.*
- Bundebart (правильно *Vuntebart*) – I: 596, 791
- Buntebart Gabriel – см. *Бунтебарт Г.*
- Busbeck Angerius Chislain von – I: 459
- Casali Giovanni Battista – II: 675
- Cheremeteff Serge – см. *Шереметев С. Д.*
- Combarieu Jules – см. *Комбарвё Ж.*
- Constant Catherine – см. *Констан Е. Е.*
- Coquelin Benoît Constant – см. *Ко-клен Б. К.*
- Corelli Arcangelo – II: 729
- Delines Michel (псевдоним *Ашкинази М. О.*) – II: 655–657

- Dixon Graham – II: 732
Dom Antonio Аасра – II: 243
Fleischer Oskar – см. *Флейшер О.*
Fuller-Maitland John Alexander – см.
Фуллер-Мейтланд Д. А.
Gaisser Hugo – см. *Гейссер Г.*
Gastoué Amédée – см. *Гастуэ А.*
Gerbertus Martinus – см. *Герберт М.*
Goethe Johann Wolfgang – см. *Гёте И. В.*
Hapgood Isabel Florence – см. *Хэн-
гуд И. Ф.*
Josquin des Prés – см. *Жоскен Денре*
Köhler Louis – II: 144
Lambros Spyridon – см. *Ламброс С.*
Lassus Orlando – см. *Лассо О.*
Lotti Antonio – см. *Лотти А.*
Maitland – см. *Fuller-Maitland J. А.*
Oettingen Arthur – см. *Эттинген А.*
Palestrina Giovanni Pierluigi – см. *Пале-
стрина Д. П.*
Parratt Walter – см. *Парратт У.*
Père Du Lac Stanislas – см. *Дю Лак С.*
Prout Ebenezer – см. *Праут Э.*
Stradella Alessandro – см. *Страделла А.*
Thibaut Jean Baptiste – см. *Тибо Ж. Б.*
Vicentino Nicola – II: 650
Zacconi Lodovico – II: 650

Преподаватели и воспитатели Синадального училища с директором С. В. Смоленским. Москва, 1900.

В первом ряду: В. П. Войденев (член Наблюдательного совета), А. Д. Кастальский, неустановленное лицо, протоиерей Н. В. Цветков, протоиерей И. Д. Арбеков, С. В. Смоленский, священник К. А. Никольский, К. С. Сараджев, А. Я. Дубинин; во втором ряду: два неустановленных лица, А. В. Преображенский, П. Г. Чесноков, А. К. Смирнов, С. И. Покровский, Н. Н. Сокольский, И. И. Серебrenицкий, В. С. Калинин, В. С. Тюпюнник; в третьем ряду: А. М. Ладухин, два неустановленных лица, Г. И. Шаборкин, С. А. Комаров, Ю. А. Лазарев

С. В. Смоленский с братиею Пантелеимонова монастыря. Афон. 1906.
В первом ряду: о. Агафадор (4-й), С. В. Смоленский, о. Мисаил (настоятель), о. Анастасий, о. Пимен

Бывшие воспитанники Синодального училища с С. В. Смоленским во дворе училища. Москва. 1909, июнь.
В первом ряду: Д. В. Кузьмин и М. Ф. Матгисон; во втором ряду: два неустановленных лица, С. В. Смоленский, неустановленное лицо, А. А. Петров; в третьем ряду: неустановленное лицо, А. Ф. Гребнев, неустановленное лицо, В. А. Царев, С. Г. Марков, И. В. Кусков, неустановленное лицо, С. М. Кучин, П. А. Петров-Бояринов

Протоиерей Димитрий Разумовский.
Фото М. Панова. Москва. 1872

С. И. Танеев и Ю. А. Юрасова в усадьбе Масловых Селище. 1880-е годы

Н. М. Ковин (?), П. А. Петров-Бояринов, А. В. Преображенский, П. Г. Чесноков, преподаватели летних регентско-учительских курсов при Регентском училище С. В. Смоленского. Петроград. Середина 1910-х годов

Выпуск регентского отделения при классах хорового пения Русского хорового общества. Москва. 1916.
Сидят в центре: преподаватель протоиерей В. М. Металлов, М.М. Ипполитов-Иванов, преподаватель П. Г. Чесноков

Мария Владимировна
и Сергей Сергеевич Волковы,
родители С. С. Волковой

Дом в усадьбе Волковых
Высокое. 1892

На веранде дома в Высоком. 1892.
Справа: Софья Сергеевна, Мария Владимировна (сидят)
и Мария Сергеевна Волковы

В комнатах дома в Высоком. 1893.

Мария Сергеевна (слева в кресле), Софья Сергеевна (на диване в черном), Мария Владимировна (в кресле справа)

С. С. Волкова с хором детской колонии в Высоком. 1893

Могила Степана Васильевича и Анны Ильиничны Смоленских на Арском кладбище в Казани (после восстановления в 2009 году)

Братья Чайковские. Фото А. Пазетти. Петербург. 1890.
Сидят: Николай Ильич и Петр Ильич; стоят: Анаголий Ильич, Ипполит Ильич и Модест Ильич

Епископ Можайский Александр (Светлаков)

Ю. К. Арнольд. Фототипия Шерер, Набгольц и К°

В. В. Стасов. Фото Шёнфельд и К°. Петербург. 1890-е годы

Л. А. Саккетти. Фото К. Буллы. Петербург. 1912

Е. Э. Линёва

Н. А. Римский-Корсаков и С. Н. Кругликов. Петербург. 1907

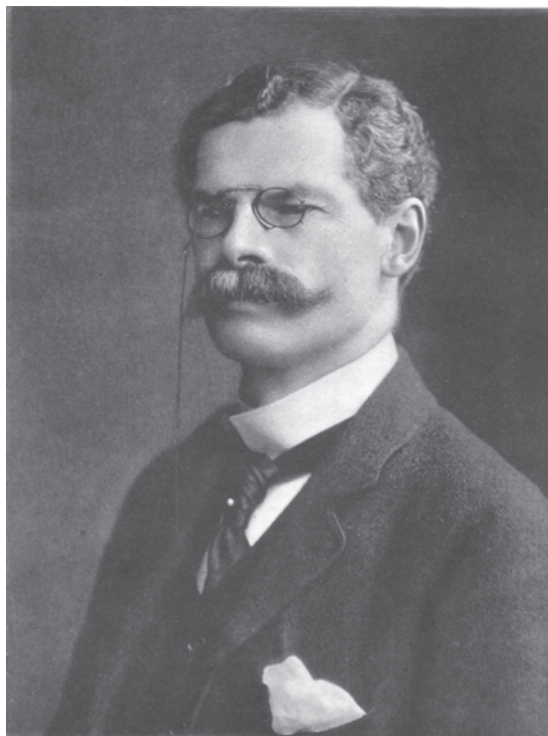
Д. В. Аллеманов.
Фото Л. Кубельского. Орел. 1899

В. И. Ребиков

Н. С. Кленовский.
Фото Р. Тиле. Москва. 1894
(из фондов РГАЛИ)

Уильям Джон Биркбек

С. В. Панченко. Фото Е. Vieber. Берлин. 1901
(из фондов РГАЛИ)

Н. Ф. Финдейзен. Фото G. Tillmann-Maller. Мангейм. 1897

В. М. Васнецов. Фото Р. Иохансона. Москва. 1921

С. В. Смоленский. Фото П. Барбашова. Москва. 1901